

В.Федоров и А.Зайцев
Роло или ЗЕЛЕННЫЕ ОКОВЫ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22165697

Владимир А. Федоров
Алексей В. Зайцев
РОЛО или ЗЕЛЁНЫЕ ОКОВЫ

Оглавление:

Пролог.

Часть 1. Будущее.

Глава 1.

Глава 2.

Глава 3.

Глава 4.

Глава 5.

Глава 6.

Глава 7.

Глава 8.

Глава 9.

Глава 10.

Глава 11.

Часть 2. Прошрое.

Глава 1.

Глава 2.

Глава 3.

Глава 4.

Глава 5.

Глава 6.

Глава 7.

Глава 8.

Глава 9.

Глава 10.

Часть 3. Будущее и прошлое.

Глава 1.

Глава 2.

Глава 3.

Глава 4.

Глава 5.

Глава 6.

Глава 7.

Глава 8.

Глава 9.

Глава 10.

Эпилог.

Благодарности.

Синописис.

Пролог.

Он родился в воскресенье утром. Мама очень сильно волновалась. Это был ее первенец.

Он впервые в жизни вздохнул полной грудью и закричал. Он еще не видел свою маму, которая только что подарила ему жизнь, но чувствовал, что она рядом. Двумя минутами позже появился и второй мальчишка, который как две капли воды был похож на первого. Он тоже сделал вздох, насколько позволяли маленькие легкие, и задорно закричал.

Он бесконечно полюбил свою маму, которая дала ему с братом путевку в жизнь. Он полюбил своего брата с самой первой минуты его появления. Он смотрел на этот неведомый огромный мир своими голубыми глазками и искал взглядом любимую маму. Она всегда была рядом, готовая жертвовать собой. Мальчишка чувствовал это и своей искренней любовью платил матери за ее доброту и ласку.

Прошло несколько лет и два мальчугана, взявшись за руки и прихватив свои портфели, отправились в школу. Это был их день рождения. В этот день они познакомились со своей учительницей, которая открыла им первые тайны этого мира. Она научила братьев писать и читать. Она рассказала, что камень— мертвый, а дерево— живое. Она поведала, откуда берутся облака и куда они уходят. Она им ставила их

первые двойки за поведение и вызывала маму в школу.

Он рос и не ведал, что где-то в синеве неба, куда не падает взгляд, крутится Марс, вокруг которого бегают два спутника Фобос и Деймос. Он не знал, что есть гигантская газовая планета с огромным кольцом, которую называли однажды именем старого бога Юпитера. Ему было неизвестно, что вокруг Юпитера навсегда поселился спутник Ганимед с его розовыми аммиачными льдами, на котором так легко и приятно кататься на коньках.

Он много позже узнает, что где-то на задворках Солнечной системы есть маленькая мертвая планета Плутон с его вечным спутником, проводником в царство теней, Хароном. Что за ними крутится вокруг Солнышка маленький Кваоар в поясе Койпера. Однажды он узнает, что есть система Альфы Центавра, которая состоит из двух похожих звезд— близнецов Альфы А и Альфы В, и маленькой звездочки Проксимы Центавра, которая вальсирует вокруг близнецов. Пройдет еще много лет, и станет известно, что у Альфы есть планета, окруженная азотом и покрытая льдом. Однажды ее назовут Изольдой.

Когда-нибудь мальчишка узнает, что на небосводе есть яркая звезда, имя которой— Вега. У нее есть планета, которой эта блистательная звезда подарила жизнь. Позже эту планету станут величать Адло. На ней живут странные существа— рептилии, обладающие телепатией. Они ходят на четырех лапах и садятся на свой хвост, как кенгуру.

И в один прекрасный день он узнает, что на другом конце галактики светит небольшая звездочка, на которой обитают разумные птицы— цватпахи, но скоро об этом забудет

Мальчишка будет смотреть на звездное небо и мечтать о космических кораблях и звездных войнах, о могущественных пришельцах и прекрасных принцессах с Магеллановых облаков, которых заключили в заточение злобные пришельцы из других миров. Он даже построит свою межзвездную ракету, которой не будет суждено подняться в воздух.

А потом мальчишки вырастут и станут мужчинами. Один из них уедет в другой город, постигать науки. Другой останется в родном городе и станет инженером.

Они встретятся. Они обязательно встретятся, и их свидание потрясет саму вселенную до самых ее отдаленных уголков.

Часть 1

Будущее

Глава 1.

–Басмач, а где Танька то твоя, эта бессмысленная несуразица?– Весело засмеялся Отец.

Он любил лежать так вот на своей узкой металлической кровати, едва перетянутой старыми железными пружинами, без задней спинки с давно продавившимся от времени матрацем, и донимать своего соседа. Гурик осторожно перевернулся на другой бок. Предчувствие предстоящей перепалки соседей доставляло ему наслаждение. Где-то внутри него что-то начинало легонько клокотать, это еще не родившийся смех несмело ерзал в эпигастрии.

–Пошел ты...– Басмач был недоволен.

Такая сокровенная и трогательная тема была опорочена в одночасье. Это могло означать, что два его соседа будут весь вечер склонять его пассивно на все лады с изложением всех фактов в самой непристойной форме. В итоге настроение будет на весь вечер испорчено.

–Нет, правда, неужели она не придет? Гурик,– Отец пихнул соседа в бок,– походу нам помирать от скуки сегодня. Басма, выручай, дуй скорее за своей курицей, я пока народ соберу, представление устроим.

–Отец, что у тебя за манеры? Отстань. Не то, я тебе шею начищу.– Басмач как раз закончил втирать себе в щеки, какой– то весьма пахучий лосьон, от которого запах затхлой

лишты разнесся по всей комнате.

– Гурик, слышишь, я что придумал: мы с тобой этих двух бездельников будем по ярмаркам водить, представления давать. Они на людях ругаться будут, а мы – ходить, деньги собирать. Разбогатеем! – Отец не унимался.

Гурик уже окончательно проснулся, и стал тихонько хихикать. Басмач с некоторым остервенением достал из-под кровати гладильную доску и стал бережно укладывать на нее брюки.

– Найдем подстрекал... – Продолжал Отец.

Басмач бросил гневный взгляд на Отца, подошел к зеркалу и, пока грелся утюг, стал брызгаться одеколоном.

– Под хвостом еще... – Заговорил Гурик.

– Что? – Не понял Басмач.

– Я говорю, под хвостом надуши, а то, как ты пойдешь, если от тебя плохо пахнуть будет? Что люди подумают? – Засмеялся Гурик.

– Ты-то, что проснулся? Спал бы еще. А то еще есть запросишь, прорва твоя. – Огрызнулся Басмач.

Такой оборот дел его не устраивал. Еще с одним Отцом можно было потягаться, но сразу два охочих до зрелищ соседа – это было уже слишком.

– Басма, Гурик дело говорит, сам знаешь, случаи бывают разные. Вот встретишь какого-нибудь земляка, конфуз выйдет, понюхает он тебя и загрустит. – Засмеялись все втроем.

– Вот-вот, подумает, плохие хозяева земляку достались,

плохо кормят, на прогулку редко выводят, так что одумайся, пока есть время... – Конвульсии сковали Гурика. Он держался за живот, словно боясь, что вылезет грыжа, да скулил.

– Мои земляки чистоплотней вас, двоих дураков вместе взятых будут. – Басмач взялся утюжить брюки.

– Да уж куда там, ты хочешь сказать, что они теперь иногда умываются? – С участием спросил Гурик.

– Вам поговорить больше не о чем? Шли бы вы оба... – Басмач sprыснул на брюки.

– Гурик, знаешь, как Басмач попал к нам? – Отец повернулся к соседу. – Смотри он какой черный, видимо старик Дарвин был прав, что басмачи вывелись из австралийских обезьян. Басмач в свою раннюю молодость жил на пальме и его оттуда спугнул зверь какой-то, а потом он вместе с крысами пробрался на корабль и грыз всю дорогу бананы. – Отец был доволен своими домыслами.

– Неувязочка, Отец, здесь то моря нет. – Басмача самого заинтересовала перепалка.

– А так тебя не сюда завезли, а в Грузию, вот ты и решил, что ты – грузин. Тебя там за своего приняли. А потом, когда ты с гор спустился за солью, тебя поймали, хвост отрубили, мочиться стоя научили и депортировали к черту оттуда, сказали: будешь человеком. Но ты, Басмач, не обольщайся, ты и человек – это также различно, как канал и канализация. – Отец засмеялся.

Гурик вторил ему.

—А Танька его прибрала. С рук есть научила. Она любит плюшевых медведей.— Сказал Гурик.

—Ой, а твои то подружки— страшилища, одна красивее другой. Мимо всякой уродины пройти не умеешь, хоть бы очки носил, коли не видишь.— Басмач взорвался гневом.

—Ну да, Танька твоя— дочь Клавы Шифер и Гарри Каспарова, такая— же умная как папа и красивая как мама.— Вступился Отец.

—И ты, скотоложец, молчи. Твои бабы— тоже коровы, одна к одной. Жуть да и только. Жмурку то ты давно не навещал? А? Что, сдулся?— Спросил Басмач.

—Не, Басма, я тебе ее подарил. Как-то она сказала, что тебя любит.— Отец нежно оскалился.

—Слушай, Отец, иди ты . . . , достал ты меня.

—Ладно, Басмач, не злись. — Отец посмотрел на Гурика, тот ехидно улыбался.

—Гурик, займи червонец на недельку.— Долетело из клубов пара. Басмач пытался перевести тему, хотя сам слабо рассчитывал на успех.

—Басмач, в магазине мозги не купишь, на кой черт тебе червонец? Ты просто не открывай рот на людях, и ты не будешь выглядеть полным дебилом. Так проще, и деньги целее будут.— Гурик сел на край койки и закурил.

—Дай, что как скряга-то. Отец, или ты дай. Хотя откуда у тебя, голодранца деньги?

Доска поскрипывала. Басмачу на самом деле и не нужны

были деньги, просто он знал, что у Отца их нет, а тот терпеть не может, когда его величают голодранцем.

—А— а, хомячок, отправлю я тебя опять в Австралию, договоришься. Будешь там снова с кенгуру путаться, сифилис по саванне разносить. Понарожают уродов.— Отец сам начал злиться.

—Отец, тебе, наверное, на свете интересно жить?— Спросил Басмач, отрываясь от брюк.

—Еще как,— огрызнулся Отец.

—Я так и думал. Глупым людям всегда интересно жить— они еще умеют удивляться.— Басмач остался доволен.

—Боже ты мой, Эйнштейн заговорил, какое счастье! И откуда он такой умный выискался? И надолго ли к нам?— Отец заерзал, чувствуя, как полегоньку к нему пробирается позор.— Гурик, смотри, Чита разговорилась, эта обезьянка еще недавно из мамы выпала, а уже Отца учит.

Басмач злился. Сравнение его с обезьяной никоим образом не льстило его самолюбию. Родственные отношения с хомячком тоже не добавляли ему вес в собственных глазах. А друзья распаялись. Басмачом его стали называть здесь, в институте, когда выяснилось, что он вырос на Кавказе. Еще малышом его родители, порядочные и интеллигентные люди, отвезли в Грузию из маленького русского городка, где жили прежде, там и осели. Так он и рос вместе со своим старшим братом на шашлыках, хинкали и хачапури вместе с чумазыми грузинскими детишками. Позже стал попивать Аха-

шени, Кинзмараули и Ркацители, когда первые мягкие волосы стали пробиваться на его щеках. Он купался в бурных водах Куры, да прогуливался по Шота Руставели, когда всей семьей выезжали из Рустави в Тбилиси, навестить дальнюю родню.

Наконец брюки были выглажены, Басмач принялся уютить рубашку.

–Басмач, ты же все равно к Таньке идешь, мог бы и трубку надеть, она все равно не заметит.– Пришел на помощь Гурик.

–Я не хотел тебе это говорить, Басма, но вчера Танька мне на ушко шепнула, что она меня любит, и тебе с ней ловить нечего. Я точно тебе говорю, так и сказала.

–Она с тобой даже по нужде на одном гектаре не сядет, не то, что на ухо шептать.

–Одумайся, Басмач, ты встал на порочный путь. Твоя похоть тебя погубит однажды. Попомни мои слова. – Сказал Гурик.

В комнату постучали.

–Да,– заревел Басмач.

В дверях показался маленького роста белобрысый паренек, от которого разлило алкогольными парами, словно от пивной бочки. Одет был он просто: дырявые старые тапки на босу ногу, залатанные во многих местах домашние широкие шаровары, желтого цвета растянутая майка на голом теле и добродушная улыбка под носом.

—О-о, Боц, каким ветром тебя?— Спросил Басмач и немного ругнулся по-грузински.— Тьфу, а пьяный-то, ты где так набрался?

—Имею право?— Икнул Боцман.— А ты никак к Таньке собрался, что-то ее давненько не было видно? Ох, Басмач, Басмач!

—Здорово, Боцик.— Протянул руку Отец.

Гурик с кровати махнул пареньку.

—Привет, орлы, я пропил ваши деньги,— Боцмана немного пошатывало, однако он героически сносил удары судьбы.— Тпру, Басмач, Танька меня любит.

—Отец ему уже говорил это,— сказал Гурик.

—Когда успел?— Развел руками Боцман.

—Ну-ка фу, оба.— Крикнул Басмач.

—А что это он такой злой у вас, вы что, его еще не кормили? Басмач, чего ревешь как медведь в жару?

—Боц, ты чего здесь нарисовался? Говори и проваливай.— Спросил Басмач и начал облачаться в одежды.

—Эта-а-а...— Боцман пытался уловить мысль.— У вас соль есть? А зачем мне соль, а Басма?.. Не, соль нужна..., есть?

—Бери и пшшел вон отсюда,— сквозь зубы прошипел Басмач, указывая на солонку.

—Понял,— Боцман схватил солонку и испарился.

—Чего-то раненько он сегодня,— пропыхтел сигаретой Гурик.

—У Бочи сегодня праздник, он зачет сдал. Ну, правда с

пишнадцатого раза, но это-то никого не тревожит.— Сказал Отец.

Он знал, что в соседней комнате сегодня вечером будет фестиваль с песнями и плясками. Этим всегда заканчивались попытки Бочкарева сдать зачет, причем от результата исход вечера не менялся.

И Боцман, и Бочкарев жили в соседних комнатах, учились на курс старше. Боцман был на своем курсе, тогда как Бочкарев лет уже как пять должен был окончить институт, но он так прикипел к студенчеству, что особого рвения к учебе не испытывал, да и года уже были не те. Зато имел страсть нетерпимую к этанолу. Ее-то он нежил и лелеял, а возлияния его с каждым разом становились безудержнее.

Есть люди которых любят, есть— которых терпят, есть— которых ненавидят. Боцмана же, как и пельмени, любили все от мала до велика. У него никогда не было денег и если нечаянно они появлялись, то тут же исчезали, как девственница в выпускную ночь. С ним постоянно случались вещи, которые никогда не могли случиться с другими обитателями общаги.

Однажды в день великой биохимической травмы, после какого-то малозначимого для мировой культуры, но великого для русского менталитета праздника, Боцман лежал у себя в комнате и болел сам с собой. Внимание привлек стук. Кто-то сильным кулаком сотрясал дверной проем. Боцман открыл дверь, и, решив, что это плод больного воображения, разыгравшаяся больная фантазия, не поверил своим глазам:

на пороге стоял поп. Священник был одет в длинную рясу, черного цвета пышная борода не давала сомнениям разгуляться, что ее обладатель не меньше чем архимандрит. Тяжелый золотой крест висел на шее прикрепленный огромным золотым кольцом к толстой цепи, которая могла вынести тяжесть небольшого буксировочного катера. Боцман махнул перед собой рукой, мол, изыди, нечистый. Подумал, что померещилось: на второй день всякое привидеться может, он знал это на своем горьком опыте. Стал, было, закрывать дверь, да поп ногу в щель сунул, и говорит, мол, Боц, не больше не меньше, не ваше величество, ни ваше вашество, я, говорит, знаю у тебя переночевать можно. А Боцман ему в ответ, ты, говорит, батюшка ничего не попутал? Поп ему: «Мне мужики, вон те, сказали, что ты приютить можешь. Пусти, Боцман, я тебе двести долларов заплачу, проживу только три дня. Ничего мне не надо, ни есть, ни курить, дай только три ночи полежать на кровати. Принесешь мне телевизор, да кружку с водой рядом поставишь». Волшебное слово— «заплачу», Боцман ему и телевизор старенький принес, и кровать показал. Прожил поп у Боцмана, правда ничего не стащил, но и обещанных долларов не оставил. Прошло три дня, попа Митькой звали.

Басмач, наконец, собрался, накинул на себя пальто, обулся, и кинул:

—Ладно, давайте. Приду рано, еще трамваи ходить не будут. Чтобы к приходу было убрано, еда приготовлена. В про-

тивном случае будут жертвы. Кто будет лениться, тот получит по хитрой толстой морде.— Он недвусмысленно намекал на Гурика, поскольку он был из них, пожалуй, самый крепкий.

—Давай, давай, пошевеливайся, рейнджер.— Присвистнул Гурик.

Хлопнула дверь, и Отец с Гуриком остались вдвоем.

—Отец, пошли к Бочкареву, на поживу и известь— творог.— Сказал лениво Гурик.

—Не, я поучиться хотел, а к Боче я послезавтра пойду. Я думаю, они до пятницы не останятся.— Отец поправил подушку и закинул руки за голову.— Сходи, они же тебя звали, Бочик за солью неспроста приходил— еду готовят.

—Ну, ладушки, где меня искать знаешь, приду вероятнее всего не очень свежим.

Гурик ушел. Учиться не очень хотелось. Отец лежал. За стеной слышна была музыка, приглушенные голоса праздных студентов, шум посуды, хлопанье дверей и девичьи трели. Сейчас ему было хорошо. Он подумал, что, наверное, это и есть счастье: это веселье за стеной, несколько грубоватый Гурик, этот чистюля Басмач, эта маленькая комнатка, с тремя панцирными кроватями, постоянный едва уловимый студенческий запах учебы с привкусом табака.... Все это было очень дорого Отцу. Он знал, что то же самое чувствуют и его друзья, оставаясь одни в комнате.

Он вспомнил свою подругу. Вдруг стало так неожиданно

легко. Он улыбнулся и раскинул пошире свои конечности. Ее звали Мать. Была она несколько застенчива и угловата. Маленькое по-детски доброе личико, большие глаза и длинные волосы особенно подчеркивали ее, казалось, юный возраст. Как будто природа чего-то ждала, не давая ей, наконец, распусться всею своей красотой. Вспомнил и Таньку, подружку Басмача, красивую и заносчивую девицу. Отец ее недолюбливал, считая ее слишком эгоцентричной и импульсивной, за то, что из Басмача делала теленка, за то, что в салат «под шубой» клала слишком мало майонеза. Вспомнил он, как однажды ее отец попал в конфуз, сам того не подозревая.

Подруга Басмача была профессорской дочкой. Ее отец – профессор и заведующий кафедрой истории читал лекции о прошлом великой страны. Он занятно рассказывал на своих лекциях про то, как Россия была беременна революцией, и про то, как произошел выкидыш революционной ситуации. Он поведал студентам историю Государства Российского в том свете, в котором видел ее сам. Его взгляд на историческую правду был, по меньшей мере, предвзятым, если принять на веру такую фразу, которую любил повторять: «Вы думаете, что революцию сделал народ? Бред! Революцию сделала кучка пьяной матросни!!!».

Некоторая фривольность, которую себе позволял профессор на занятиях, стяжала ему славу отца всех студентов и их лучшего друга. Заведя себе несколько друзей с каждого курса, в конце рабочей недели профессор, запевшись в своем

кабинете, распивал с ними горькую и вел панибратские беседы на предмет студенческой жизни, лошадей, вина, карт и женщин. Ему без труда удавалось быть в курсе новых течений и настроений студенчества. Интерес профессора носил меркантильный оттенок, поскольку его красавица дочь посещала его лекции. Он знал всех жеребцов, для которых женщина— лишь очередная спортивная ступень и старался уберечь свою дочку от них, знал кляузников и зубрил, на которых обращал ее внимание.

В один из тех прекрасных дней, когда заканчивается трудная учебная неделя лекцией по истории, профессор, пребывая в отличном настроении, поинтересовался у Басмача его новыми успехами на любовном фронте.

—Ты скажи мне, дорогой,— спросил он Басмача, стараясь перекричать огромную шумную аудиторию.— Не всех ли ты девиц испортил на курсе?

Вопрос неформального историка поднял бурю ухмылок и хохота в лекционном зале. Профессор счел свою шутку удачной, поскольку сам себя причислял к великим острякам текущего столетия. Увидев смущение и пунцовый окрас на щеках Басмача, он утвердился во мнении, что очень тонко поддел красавца с Кавказа. Лишь несколько лет спустя он понял, что студенты смеялись вовсе не над Басмачом. Вся комичность ситуации принадлежала ему и только ему, поскольку, к этому моменту его дочка и Басмач уже успели до тонкостей познать друг друга.

Отец достал из-под кровати толстую книжку, открыл ее, заставляя себя верить, что вот-вот начнет постигать науки, но вскоре, потеряв всякую надежду, бросил ее назад, закрыл глаза и уснул...

–Открывай, жаба...– громыхала дверь.– Открывай лежебока, жаба... Ох, нехристь нечистый. Открывай, жаба... Да ты же жаба...

–Боц, ты чего там кудахчешь?– Не открывая глаз, спросил Отец.– Набрался, веди себя пристойно.

–Открывай, жаба, слышать ничего не желаю, жаба... Открой...– Не унимался Боцман.

Отец нехотя соскользнул с кровати и повернул ключ. К нему на руки упало нетронутое трезвостью тело Боцмана.

–Отец родной, ты мне скажи, почему такая вопиющая несправедливость, ну почему, Отец? Скажи как на духу, родной...

–Боц, ты меня разбудил, а я в гневе страшен. Говори чего надо и убирайся, пока бока целы.– Отец вовсе не собирался калечить друга, однако, спросонья в голову приходят гениальные мысли, за которые позже становится стыдно.

–Ты меня испугал,– Боцман выпрямился.– Дай соль, я посолить хочу...

–Ты уже брал ее,– теперь Отцу стало понятно, что Боцман пришел за общением, которого сейчас он дать не мог.

–Что, я уже посолил?– Удивление не было убедительным и искренним, и это утвердило Отца во мнении, что его другу

нечем заняться.

В конце темного коридора показался Басмач. Отец посмотрел на часы— он проспал от силы минут сорок, это означало что на этот раз его сосед с Танькой что-то рано разругались, хотя прецеденты уже были.

—Смотри, Басмач, какое тело к нашему борту прибило!— Отец кивнул на шатающееся тело.

Боцман воровато скосил глаза за спину и попытался что-то сказать.

—Сейчас я его прибью, если этот Гаврош— попрошайка в секунду не исчезнет!— Басмач был не на шутку зол.

—Ухожу, но скоро вернусь,— Боцмана качнуло по направлению к кухне.

Морской шаркающей походкой паренек удалялся по коридору, мурлыча глупую песенку:

Никто мэнэ не любэ, никто нэ уважае,

Пойду скория в лис я, наймся червечкив,

Вонэ ж такая зкусныя, вонэ ж таки соленыя...

—Что, Басмач, совсем бабы заели?— Сочувствуя горю, спросил Отец. Он прекрасно понимал, что Басмача сейчас трогать нужно край, как аккуратно.

—Не говори,— Басмач раздевался. От бывшего педантизма не осталось и следа,— бабы еще хуже комаров. Те, хоть, когда кровь пьют— не жужжат.— Он сделал вид что сплюнул.— Ну не куры ли, ты подумай. Голову бы отвернул.

–Так оторви, за нее больше пятнадцати суток тебе не дадут.– Отец тихонько хохотнул.

–Где еда?– Басмач выругался.

–А какого мяса ты к ней пожаловал? Знал же, что ругаться будете.

–Она ж как собака, ее не выгуливай, так она дома пако-стить начнет.

–Тебе надо будет ружьишко справить, да гонять ее, как Сидорову козу, как мой дед.

Басмач улыбнулся. Он вспомнил, как Отец рассказывал ему про своего деда, который чуть не застрелил свою бабушку за то, что она съела его помидоры, которые он определил, как семенные.

–Да... дед у тебя грамотный. Я с удовольствием Таньку тоже бы погонял, до паралича сфинктеров, чтобы, как корова, бежала и за собой дорогу делала.– Басмач мечтал.

–Она и так у тебя как корова, ума и красоты столько же.– Отец подыгрывал Басмачу. Сейчас ему нужна поддержка.

–Ладно, полегче...

–Что, Басмач, теперь тебе нужно будет свой кальций сберегать, он скоро пригодится.

–Это ей нужно мел с рыбьим жиром пить, чтоб рога гуще росли.– Басмач оскалился, представив какие будут у Таньки рога.

–Ну и тебе и ей.– Поддакнул Отец.

–Пошел ты... А этот лоботряс где?– Басмач кивнул на

кровать Гурика.

–У Бочи, где ж еще?

–Его Юлька тоже ему рожки делает, так что мел втроем поедать будем. Вот Валет, слепой– слепой, а рога делает, как зрячий. Пока Гурик со змием зеленым борется, подружка его озорничает.– Басмач злорадствовал.

–На передок все бабы слабы. Это точно.– Кивнул Отец.

–Ты-то что ухмыляешься? Мы и с тобой мелом поделимся, думаешь ты один, такой герой?

–Не, Басма, тебе мел нужнее, оставь его, вот мне он ни к чему.– Парировал Отец.

–Еще посмотрим, на чей хвост муха сядет. Боцману, вот кому точно кальция в организме хватает. Рога ему не грозят.

Оба друга засмеялись.

–Отец, пошли к Боче. Что-то в моем животе пусто, как в голове у Боцмана. У Таньки не получилось поесть...

–Поздно, там уже Гурик. Уже все съедено давно.– Отец хмыкнул.

–Пошли, хоть выпьем.

–А мне-то что пить? Я свою зазнобу уже как три дни не видел, так что нервы мне кроме тебя с Гуриком никто не мотает, я счастлив и доволен, как дохлый лев.

–Ладно, пойду я, схожу к ним.– Сказал Басмач.

–Не ходи, на смех с твоей Танькой поднимут, не оберешься.

–Да я только съем кого-нибудь и назад.

—Как знаешь.— Басмач ушел, Отец снова остался один. На этот раз совсем ненадолго.

В коридоре послышался звук шаркающих шагов, затем стук в дверь. Через секунду за стеной прозвучало едва слышное слово, которое, скорее всего, заканчивалось на мягкий знак. Гулкий смех— это Басмач вошел в комнату Бочкарева, и затем уже нам знакомое:

—Открывай, жаба, ленивец гималайский, ты же жаба...— Боцман выпрашивал разрешение войти.

—Боцик, как ты меня достал уже, иди над Басмой посмейся,— открыл дверь Отец.

—Пошли вместе, один не пойду.

В комнате Бочкарева дым висел коромыслом. В сизом сумраке виднелся огромный живот хозяина комнаты. Косматые и неровно остриженные волосы его торчали в разные стороны. Такая же старая, времен Очаковских и покорения Крыма, желтая майка облегла далеко не тщедушное тело. Он курил. Сигарету Бочкарев держал в одной руке, другой обнимал какую то растрепанную захмелевшую девицу и что-то шептал ей на ухо. Девчонка очень нескромно громко похмыкивала. Чуть в стороне сидел Гурик, что-то доедая в своей тарелке прямо руками. Перед ним стояла рюмка, как живое свидетельство невоздержания оного. Подле Гурика сидела вторая, и не более трезвая девица, которую в общаге звали Белкой. Боцман был к ней равнодушен. С края сидел Басмач. Он уже успел закурить, и накладывал что-то из

кастрюли, которая стояла тут же на столе. В дыму и сизом сумраке было не видно, чем питаются в этой берлоге.

—Здорово, Отец, заходи, гостем будешь, а ты где этого зверя поймал? Мы же его поймаем и выпустили.— Бочкарев оторвался от своей подруги и кивнул на Бочмана.

—Здорово, да в коридоре приبلудился, плакал, домой просился.— Ответил Отец.— Слушай, Боча, ты мне скажи, почему это у тебя такой огромный живот, никак от пива?

—Не от пива, а для пива, заходи, садись, что делать дальше— знаешь.

—А-а, Ромео, и ты тут уже, выпиваешь?— Отец похлопал по плечу Басмача.— Дездемона твоя осерчает, как узнает, что к Бочкареву приходил. Только ты не кручинься, пошли ее ко всем чертям.

—Отстань, леший.

—Не ласков, собака. Мужики, посмеяться хотите? Басмач сегодня три часа наглаживался, нализывался для Таньки, а та ему чертей за две минуты дала и выгнала. Она даже и не заметила, что Басмач в костюме был.— В комнате раздался смех.

—Это чтобы ты не расслаблялся, Басмач, тебя бьют, а ты крепчаешь.— Хмыкнул Бочкарев.

—Иди, я тебя приласкаю.— Протянула к нему руки Белка.

—Цыц, баба... Когда говорят мужчины, даже горы молчат.— Сверкнул глазами Басмач.— А ты, Отец, еще пожалеешь об этом.

–Гурик, он меня обижает.– Пожаловался Отец.

–Я ем.– Промычал Гурик.

–Ешь, ешь, Гурик. Хотя в это время ты разговаривать не умеешь. Знаете, когда Гурик меньше всего говорит?– спросил Басмач.

–Ну???

–В Феврале. А в Феврале двадцать восемь дней всего.– Продолжил Басмач.

–Зато ты у нас молчун. В институте бы так отвечал, а то на занятиях ты очень напоминаешь овцу. Столько же мысли как в этом скромном животном. – Прожевался Гурик.

–Дайте Гурику чего-нибудь в тарелку.– Под общий хохот попросил Басмач.– Проще всего не открывать рот, чтоб не обнаружить свое невежество.

–Что молчишь, Боцик?– Спросил Отец.

–Да ты что, ладно еще сам стоит и на том спасибо, он так наелся, что, наверное, ничего уже не понимает.– Ответил за Боцмана Бочкарев.

–Я вот стою и думаю, кто мне даст сигарету, тому ничего не будет.– Икнул Боцман.

–Черти, дайте боевику сигарету, Басмач, дай ему, пока бока целы. Разойдется– так и не усмиришь потом.– Сказал Гурик.

–А ты кушай, кушай, Гурик, а то ты такой худенький да бледненький.– Басмач протянул Боцману свою сигарету, сам достал из пачки новую, прикурил.

—Смотри, Белка, Боцмана шатает, как собаку бешеную.— Шепнула подруга Бочкарева, да так шепнула, что все услышали.

Боцман сидел на стуле, слегка покачивался, руками обхватив голову. Между пальцев торчала дымящаяся сигарета.

—Боцик, ты чего носом клюешь?— Спросил Бочкарев.— Не надо было тебе курить, дуралей. Давайте его на кроватку кинем, пусть поспит малыш.

Бочкарев встал из-за стола. Басмач, сидевший рядом, обнял Боцмана за плечи и повел в угол комнаты, где стояли рядом три койки. Бочкарев помог ему уложить тело, сверху кинули покрывало. Боцман делал слабые попытки очнуться, и был очень недоволен, что его игнорируют.

Все расселись по местам, Отец занял место Боцмана. Праздник продолжился.

—Басмач, насыпай,— кивнул на бутылку Бочкарев,— ты у нас сегодня центрфорвард.

Басмач аккуратно налил по рюмкам, получилось достаточно ровно.

—Глаз, как алмаз.— Похвастался он.

—Ну, да... Тебе глаз еще набить надо, тогда ровнее наливать будешь.— Огрызнулся Гурик.

—Ага, и зубы тоже,— подхватил Отец.— Ну, за что выпьем?

—Чтоб мне таких соседей больше никогда не видеть,— выпалил Басмач,— как Отец и Гурик.

—Нет, я сегодня зачет сдал. Давайте выпьем, чтобы у моей

мучительницы рога на лбу выросли. Собака бешенная, двенадцать раз я к ней ходил за зачетом.— Выдохнул Бочкарев и выпил.

К такому тосту присоединились все, ведь каждый из них бывал в такой ситуации, когда приходилось за преподавателем много раз бегать чтобы получить заветную роспись в зачетке. Тем более Бочкарев пожелал рога на голову своей жертвы. Какой студент не желает своему преподавателю каждую весну сбрасывать их? Все выпили.

—Как ее татары пьют,— поморщился Гурик.

—Боча, так она к тебе просто неровно дышит, хотела видеть тебя почаще, быть может, сына родить?— Спросил повеселевший Басмач.

—Ты чего, дурак что-ли? Думай что говоришь! Там такая скотина...— Бочкарев надулся.— В гроб краше кладут. Чудовище, одно слово. Щеки во,— Бочкарев показал какие щеки.— Семь быков не обойдут.

—Басмач, давай, работай. Между первой и второй— перерывчик небольшой.— Отец пихнул соседа. Басмач разлил.

—Отец, там тебя чего-то на вахте искали, натворил что-то?— Спросил Бочкарев.

—А чего искали-то?

—Откуда я знаю. Иду я сегодня с института, с тарой уже, на вахте Матвеевна стоит, про тебя спрашивает. Говорит, пусть мол, на вахту зайдет.

—Да пошел ты, у меня с ней давно уже заноз не было. Чего

я ей понадобился вдруг? Надо будет, сама найдет.— Отец думал, что это шутка. С комендантом у них была давняя любовь...

Когда Отец два года назад пришел устраиваться в общежитие, у него состоялся очень неприятный разговор с комендантом. Говорит, мол, Нина Матвеевна,пусти меня в свою общагу. Она ему: знаю я вашего брата. Будишь со своими друзьями водку пьянствовать, да безобразия учинять. Рядились, они рядились, так и непустила она Отца. Он тоже, чтоб в долгу не остаться, послал ее, куда редкая птица долетит даже до середины. На том и расстались. Потом через деканат, через знакомых, правдами и неправдами устроился Отец в общагу, а злопамятная Нина Матвеевна нет-нет да припомнит, куда ее в свое время Отец рекомендовал.

—Не вру я тебе. Не веришь—спроси у меня.— Убедил Бочкарев.

—Ладно, пойду, проверю.— Отец встал из-за стола.— Но если ты наврал мне, я тебе тогда полные штаны горчицы насыплю.— Хлопнула дверь.

—Давай тяпнем, пока Отца нет. Лишний рот хуже пьяного немца в танке.— Бочкарев поднял рюмку, все чокнулись и выпили.

—За что пили то?— Спросил Гурик.

—Не груби.— Прорычал Бочкарев.

Отец спустился на вахту. За столом вахтерши не было. Постучав кулаком по столу, Отец произнес:

–Hallo, anybody home?

Откуда-то из закуточка показалась вороватое лицо старушки.

–Я тебе постучу, я тебе постучу, по лбу себе постучи, чего тебе надо, опять пьете.– Затараторила вахтерша.

–Уймись, старая, чего меня видеть хотели?– Отец не был любителем любезничать с вахтершами. И старухи не очень чаяли Отца.

–На вот, телеграммка тебе...– Сказала старушка и нырнула под стол.

Не наврал, подумал Отец.

«Позвони домой срочно Дэн», прочитал Отец. Дэн был его родной однойцевый близнец. Народ зубоскалил, предполагая, что у Отца и Дэна одно яйцо на двоих. Эта шутка была настолько избитая, что достаточно сильно злила Отца.

Мелкими шажочками по спине побежал страх, царапая кожу своими мелкими коготками. Больше всего на свете его беспокоила семья: мать и брат. Ничто так не могло его встревожить, как неудачи брата или огорчения матери.

Предчувствие беды заставило его пулей влететь в комнату, собраться, захватить междугородные жетоны и выскочить из общежития.

Он очень торопился. Волнение путалось в ногах, мешая идти. Почтовое отделение, междугородные кабинки. Отец остался наедине с бездушным автоматом. Телефон сыто чавкнул, глотая жетон.

Длинные гудки, и он слышит голос:

– Чиво?– Вызывающую интонацию брата не спутаешь ни с чьей.

– Что случилось?– Выдохнул Отец.

– А, это ты, бродяга, здорово, как твое ничего?– Дэн был весел. Это несколько успокоило Отца.

– Нормально, как у тебя? Здорово.

– Чего звонишь?– Спросил брат.– Деньги кончились?

– Иди, ты... Что хотел сказать? Говори быстрее, у меня жетонов мало.– Отец торопился.

– Ладно, не кипятись. Что хотел сказать– скажу. Это.., я к тебе на выходных приеду с подругой. Водки попьем, да и я там дела еще свои поделаю. В субботу будем, сиди дома и жди. Еды вам, голодранцам, привезу.

– Океу, буду ждать. С матерью все в порядке?

– Маман весела, как стрекоза, шлет тебе привет...

– Ей тоже. Она дома? Дай ей трубку.– Попросил Отец.

– Нет, ушла куда-то, что ей передать?

– Передай, что мой брат– имбицил, и еще сто рублей.– Захохотал Отец.

– Я тоже соскучился по тебе.– Сказал Дэн.

– Я то думал, что случилось что-то, бежал, как лошадь раненая. Ну, ладно, пока, до встречи...

– Давай, ариведерчи.– Дэн положил трубку.

Короткие гудки, и вскоре Отец снова сидел за столом у Бочкарева.

–Да, братец звонил,— Отдышавшись, объяснил Отец свое долгое отсутствие.

–Родной?– Спросил Бочкарев.

–А какой же?

–Отец, поведай, у кого из вас яйцо, у тебя или у братца?–

Засмеялся Гурик.

–Вот он придет– покажет.

–Когда придет?– спросил Басмач.

–В субботу.

Глава 2.

Гулким эхом в голове отозвался звон будильника. Как ненавидел в этот момент Отец это треклятый будильник, этот бесконечно долгий институт, этого Бочкарева с его ненавистным зачетом и его неизменным финалом. Он ненавидел всех преподавателей, ненавидел соседей, ненавидел кота, который сейчас станет орать.

–Басмач, я тебя ненавижу.— Прошипел он.

Соседи его зашевелились на соседних койках. Они тихо постанывали и проклинали друг друга, а больше всего Бочкарева. Не остались без внимания и преподаватели, институт и конечно это неприветливое раннее утро, которое гнало их из теплых кроватей на осеннюю стужу.

–Отец, закрой рот, меня и так тошнит, ты такой ароматный в это чудесное утро.— Заскрипел Басмач.

–Что-то во рту у меня сегодня не свежо, будто кот наследил. Мойша, хулиган, у тебя же есть чашка.– Проскрипел Отец, едва ворочая сухим, как щетка, языком.

Кот услышал, что его зовут и замяукал. Ему очень хотелось есть.

–Если бы Мойша...– Сказал Басмач.– Мне не было бы так обидно. Это все Гурик.

–То в традициях твоего народа нетрадиционными способами показывать свое расположение. Ты бы не болтал. Кстати, Басмач, я тебе говорил, что я тоже тебя ненавижу.– Гурик поднялся с кровати и закурил.

–Да, Гурик, это очень кстати...– Басмач поднялся.– Давай в институт не пойдем.

Кот уже не мяукал. Он рычал. Черный, как смоль кот ходил, подняв хвост, и терся о ноги, не давая прохода. Мойша считал, что трехразовое питание (понедельник-среда-пятница) слишком мало для кота, однако, даже если он и был прав, то над этим никто не задумывался всерьез и надолго. Дело все было в том, что обитатели сорок шестой комнаты сами ели не чаще.

На ту пору друзья могли похвастаться достаточным изобилием, которое, конечно, не шло ни в какое сравнение с недостатком Креза, однако и они обладали некоторыми богатствами, как то– хлеб, сахар и чай. Этого было вполне достаточно, чтобы прожить несколько дней без рези в желудке и снов, полных цыганских страстей.

Случилось пару лет назад студентам оказаться в великом затруднении, когда все продовольственные запасы закончились. Деньги, которыми их исправно снабжали родители, были оставлены в кабачках. Из съестного оставалась только мука, населенная от долгого хранения мучными червями, соль, да скользкий коричневый кусок дрожжей. Во времена благополучия с помощью этого чудодейственного вещества, сахара и подкисшего варенья, друзья добывали себе досуг и хорошее настроение.

Взаймы друзьям уже не давали, поскольку терпение кредиторов имеет странную тенденцию заканчиваться. На иждивение взять троих здоровых парней не решался никто. Оставалось только выживать самим. Кота отпустили на вольные хлеба в свободную охоту по общаге, где мышей было больше чем китайцев. Самим приходилось довольствоваться малым. Мука размешивалась на воде, и приобретала вид мутный и невыразительный. Червей, которые всплывали, удаляли ложкой, остальные, закисшие в муке, шли в пищу. Следующим шагом приготовления еды— были дрожжи. Когда опара начинала бродить, она становилась серой, как старый асфальт, пенилась и пахла так кисло, что так же кисло становилось и на душе. Ввиду отсутствия жира, друзьям приходилось накалять докрасна сковородку, затем прокисшее жидкое тесто плескать на раскаленный блин. Дальше нужно было к приготовлению пищи присовокупить всю свою реакцию и ловкость рук, поскольку месиво, оказавшееся на

горячей сковороде нужно было размешать так быстро, чтобы оно не подгорело в центре и равномерно прожарилось по краям. Иногда друзьям казалось, что в эти секунды они слышат жалобный писк маленьких и несчастных мучных червей, гибнущих в кислом тесте на жару. Затем друзьям нужно было проявить чудеса жонглирования, чтобы стряхнуть прожаренный блин со сковороды, подкинуть его, дабы он перевернулся в воздухе, и поймать сырую сторону. Гамбургер готов. Съедался он под угрюмое молчание или, напротив, под громкое стенание на судьбу, растратившую все студенческие сбережения раньше времени. Гамбургер запивался чаем, который имел свою особенность: в нем не было сахара, как, впрочем, и заварки.

После нескольких дней изнурительного поста трое друзей решили, что дальше так продолжаться не может. Нужно найти решение, которое бы обеспечило студентов мясом. Про сахар и заварку в тот момент никто не вспомнил. Решено было отловить несколько голубей, которых на крыше общежития водилось едва ли меньше чем мышей. Дождавшись вечера, когда птицы возвращались на крышу после кормежки, друзья, вооружившись фонариком и палками, отправились на чердак. Они поднялись по дрожащей металлической лестнице к чердачному люку, и, набравшись духу, приоткрыли его. Скрежет, который издал люк, мог быть сравним только с паровозным гудком или ревом самолета. Было бы очень нескромно рассчитывать, что голуби его не услышат.

Когда друзья поднялись все-таки на чердак, свидетелями их неудачной охоты были лишь перья, которые еще несколько минут кружили в воздухе, да огромные кучи голубиноного помета. Утешив себя мыслью, что голубь— птица мира, друзья, низко опустив головы, вернулись в свою комнату. Голубиная охота терпела фиаско.

Гурик предложил съесть какого-нибудь пса, которого получится поймать на улице. Решающим аргументом против будущей жертвы оказался авторитет корейской кухни. Друзьям очень хотелось мяса, поэтому было на время решено объявить мораторий многовековой дружбе человека и собаки. Выйдя на собачий лов, друзья были очень неприятно удивлены отсутствием какого-либо пса, которых было не мало в окрестностях общежития. Не было ни дворняг, ни потерявшихся породистых кобелей. Убив пару часов на поиски жертвы, друзья, не солоно хлебавши, вернулись к остывшему очагу, утешая себя тем, что дружба человека и собаки все-таки, не смотря на их усилия, оказалась незыблемой.

А на другой день в гости к ним приехала мама. В ее сумке оказались и сыры и колбасы, окорока и копчености, разносолы и сладости. Мамино сердце чувствовало, что ее сын хочет кушать.

—Соберись, тряпка,— лягнул Отца Гурик.— Пошли, нас ждут великие дела...

—Сейчас, впереди планеты всей.— Проскрипел Отец, встал и побрел смыть с себя следы вчерашней удачи Бочкарева.

Умывшись, попив чаю, друзья вышли в дождь.

Занятия проходили на другом конце города, в недавно открытом учебном корпусе, в котором ранее был продовольственный склад времен гражданской войны, позднее был детский сад. Когда же детские жизни оказались под угрозой из-за аварийного состояния объекта, сарай отдали студентам. Городская администрация рассудила, что им все равно нечего терять. Отец посмотрел на осеннюю сырость и серое небо, в уме прикинул, что около часа ему предстоит провести в душном и потном троллейбусе, в котором все пассажиры будут потеть и пахнуть промозглой осенью. От этих мыслей на душе стало тоскливо. *Fortuna non cauda, in manus non recipere*. Пробормотал Отец, делать нечего, надо было идти, тем более он уже на улице.

Промозглое осеннее утро забиралось под куртку, скреблось и ныло. В унисон ему ныл желудок, равно как и прихвостень его, имя которому – привратник. Сократившись, он подпустил к горлу вчерашние переживания и курицу, съеденную накануне. От этого на душе становилось еще печальнее. Подошел троллейбус. Не без усилий и рукоприкладства, Отец пробрался внутрь, встал в уголок и стал ожидать новой неожиданности от желудка. Этот орган – суть механизм, который постоянно напоминает о бренности нашего тела. Отец с превеликим удовольствием обошелся бы без напоминаний, достаточно было об этом лишь знать. Вегетативная нервная система тоже шалила, заставляя Отца чувствовать то жар, то

холод и неизменную злобу на монахов, что открыли божественный Аль-ко-холь.

В салоне тряслись и подпрыгивали на кочках не более доброжелательные попутчики. Настроение их было испорчено, может быть бродягой ветром, может осенью, а может такими же злобными и пахучими пассажирами. Привратник не унимался. Отца болтало из стороны в стороны, в голове ревел ураган, провоцируя желудочный рефлюкс. Отец, стиснув зубы, старался не замечать озорного настроения физиологии. Время тянулось, как реакция шахматиста, но и ему есть предел. Двери отворились, и воздух свободы и перемен ворвался Отцу в легкие. Троллейбус выплюнул его на улицу толпой пассажиров и укатился в серую даль.

Отец, едва передвигая ноги, поплелся к серому полуразвалившемуся зданию, не разбирая дороги, прямо по лужам. Хотелось спать, а больше всего хотелось забраться с головой в прохладную синюю воду бассейна и пить и пить воду.

–Отец, оглох что ли?– Кто-то схватил его за плечо.

–Седуня, ты резкий, как понос, не тронь меня.– Вежливо попросил Отец.

–Уже осень, а ты все зеленеешь.– Седой тоже любил позлословить.

Он учился с Отцом в одной группе, и, как Отец, не был аскетом, мирские перипетии не были чужды ему.

–У меня биохимическая травма. А ты, Седой– бездушная скотина.– Констатировал Отец.– Так меня трясоти. Можно и

Богу душу отдать.

–Что за праздник?– С участием спросил Седой.

–Первая среда на неделе.

–Ну, правда?– Не отставал Седой.

–Бочкарев, наконец, сдал вчера свой зачет,– вздохнул Отец.– Остальное ты знаешь.

Седой, веселый паренек с бесцветными волосами, был продукцией местного пошива, домашний, как было принято говорить в ту пору, однако в общагу заглядывал, и занятие это очень любил. Ему было известно, кто такой Бочкарев и его извечная проблема с зачетами. Седой также знал, чем заканчиваются его попытки получить заветную роспись в зачетке, и как-то даже сам был участником одного из таких вечеров с открытыми дверями.

–Понятно, а ты радовался его успеху?– Спросил Седой.

–Точно.– Ответил Отец.

Ветер завыл, пытаясь пробраться к нему в самое нутро. Отец глубже закутался в свой воротник.

–А я вчера даже пробки не нюхал.– Завидовал Седой.– Хотя мысли были кое-какие.

–Зато я вчера выпил больше, чем мог, но меньше чем хотелось.– Отец поморщился.– Приходи сегодня, я думаю, к вечеру будет продолжение банкета.

–May be.– Сказал Седой.– Дожить до вечера надо. А Лёха с вами был?

Лёхой звали их одноклассника Серегу. Он был завсегда

всех общаг, побратимых единым сословием студенчества. Его внезапные появления в студенческих общежитиях могли быть объяснено если не чудом, то исключительным чутьем на праздники. Будь то день рождение или сдача зачета— Леха тут как тут. Он никогда не получал официальных приглашений, поскольку и без них прекрасно обходился.

—Слушай, вот кто погоду испортил— Лёха, его не было вчера с нами. Сегодня быть ему побитым.— Кивнул головой Отец.

Осень плевалась мелкими брызгами во все стороны. Еще совсем недавно было лето, а теперь солнце скрылось за эти вечные тучи и не стало радости в жизни.

Отец с Седым подошли к серому зданию, спустились в подвал, где в неприглядном уголке, едва освещенном тусклой желтой лампой, ютился студенческий гардероб. Переодевшись, друзья поднялись в свою аудиторию. Группа была уже в сборе.

—Привет всем,— Поздоровался Отец.

—Хай,— сказал Седой.

—Здорово,— поздоровалась группа.

Леха сидел на своем месте и листал толстую книгу. Гладко выбритый и аккуратно расчесанный, он производил впечатление самодостаточного и трезвомыслящего человека, полностью погруженного в самообразование и в постижение таинств трудной науки.

—Лёха, это ты, пес, погоду испортил?— Спросил Седой.

–Хватит! Моя печенка скоро уйдет от меня к другому. Я дал ей выходной.– Лёху было не так просто поймать впросак. К подобным шуточкам он привык и был всегда готов ответить тем же.

–Профессора не было?– Спросил Отец.

–Был и просил тебе передать, что спросит тебя первого.– Ответила группа.

–Серьезно!– Попросил Отец.

–Да нет, сейчас придет.– Ответила Катя, которая не отличалась особенным чувством юмора.

Группа была невелика. Всего было тринадцать человек, из них пятеро– парни.

Эта перспектива Отца не радовала. Может отпроситься, думал он. Нет, не выйдет. Лицо помятое, словно старая протыня. Профессор догадается, потом боком выйти может.

Его подруга сидела невдалеке. Они уже четыре дня были в ссоре. Пусть продуется, думал Отец. Мать тоже Отца не замечала. Еще посмотрим, на чем огороде свиньи толще, думал Отец, все равно прибежишь, Отец считал, что лучше день подождать, чем два просить. Эта тактика работала. И Мать тоже это знала, что, в конечном счете, она проиграет, однако женское упрямство не давало делать ей правильные поступки.

–Сашка, фу, это от тебя такое амбрэ?– Алена Ивановна, одnogруппница, помахала перед собой ладонью.– Вечер в духе а-ля фуршет?

–Нет, вчера мы сидели,– Ответил Отец, вспомнив вчерашнее. Его чуть не стошнило.– А потом лежали...– Добавил он сухо.

Группа встала, приветствуя преподавателя. После дежурных «доброе утро, садитесь», все приняли физиологическое положение. Профессор пустился в пространные объяснения новой темы и изредка допытывался страждущих, а такие всегда найдутся. Лёха сегодня был омерзительно трезв, Нинка, что приходила на экзамены в резиновых папиных сапогах, готова в бой в любую минуту, да и Седой сегодня был способен закрыть своей грудью Отца. Можно было надеяться, что его не спросят и его вчерашний досуг «а-ля Бочкарев & зачет» останется тайной для преподавателя. Мерный шум аудитории, прерываемый, изредка смешком, убаюкивал Отца. Он сложил на стол руки, склонил голову, прикрытый спиной своих собратьев по учебе, и задремал. Мало помалу Отец начал сползать под стол и пришел в себя, наконец, когда рука свалилась со стола. Сидевший рядом Борода толкнул своего соседа в бок локтем и прошипел:

–Чего ты делаешь? Сиди смирно. Он и так на тебя смотрит постоянно.– Борода кивнул краешком подбородка на профессора.

–Борода. Плохо мне. Не лезь под кожу.

Бородой называли человека, который своим видением мира поражал все здравомыслящее студенчество. Иногда он видел летающие тарелки, которые залетали к нему в комнату,

пока его не было дома. Порой он созерцал внутренним оком движение своего покровителя— Меркурия, который время от времени занимал разрушительный градус на небосклоне. Он любил беседовать с духами, давно ушедшими в мир иной. При этом он садился в позу лотоса, медитировал и попивал пиво, которым запасался заранее. С его слов духи с ним разговаривали, давали советы и руководства к действию. А когда они были в особенном расположении духа, то нет-нет рассказывали своему слушателю свеженький анекдот из потустороннего мира.

Однажды он наяву повстречался с пришельцем из неведомой галактики, когда поздно возвращался в общежитие с какой-то хмельной пирушки. На утро след первого официального контакта с далекой цивилизацией синево́й светил под глазом. Борода пояснил, что они с пришельцем не сошлись во взглядах на проблему сотворения мира, посему у пришельца очень испортилось настроение и он волею мысли поднял кровяное давление в периорбитальной области своего собеседника. Рассказывая про свою немыслимую встречу с пришельцем в темном переулке, Борода придерживал челюсть, словно она ныла зубной болью.

Иногда Борода распевал песни, которые с его слов к нему снизошли от Кришны во время его ночного бдения в нирване. Он рассказывал, что Вишну, правая рука Кришны, очень забавный парубок, и что Борода с ним коротал время в тенистых дубравах, попивая божественный нектар и портвейн,

дожидаясь аудиенции верховного бога. Борода посещал нирвану, словно работу. Раз в неделю— другую, перебрав с дешевым вином или водкой, он отправлялся в нирвану, где Вишну вел с ним беседы о прекрасных женщинах и трансцендентальных воплощениях. Иногда Вишну выходил из себя и бросался в гурий оливковыми косточками и пластиковыми бутылками. Борода благосклонно не замечал чудачеств многорукого бога, поскольку был его гостем.

Однажды Бороду волею мысли занесло на Тибет, где он вошел в контакт с астральным телом ламы. Лама ему поведал, что скоро на него снизойдет великое блаженство. В тот же вечер Борода на улице нашел бумажную купюру, которую в бакалейном отделе променял на приготовления к хвалебной мессе в честь Вишну, чем очень обрадовал своих соседей и получил пропуск в нирвану.

Накануне вечером в хмуром небе он увидел сияющий образ Аристотеля и решил остаток суток провести над толстыми учеными томами, потому как был убежден, что древний философ явился к нему предупредить, что завтра на занятиях профессор попросит его рассказать, как он постиг новую тему.

Борода сидел в напряжении, ожидая своего звездного часа. Отец был не в силах наблюдать за ним и снова погрузился на стол.

Короткий перерыв на перекур, снова занятие. К желудочному спазму присоединился тремор и гиповолемиа. Можно

было подумать, что сама физиология человеческая восстала против страдающего жаждой студента, стараясь низвести его в могилу. Хотелось чертовски пить. Отец для себя решил, что он, наверное, отдал бы палец на ноге, чтобы немедленно вволю напиться. Он представлял холодную прозрачную влагу, льющуюся из ржавого крана. Он даже слышал звук воды, разбивающейся об эмалированное покрытие раковины. От этого жажда становилась еще более мучительной.

За окном бушевал день, ветер немного стих, капли стали меньше, тремор приобрел крупноволновый характер.

—Седой, спорим, что у меня сейчас гемоглобин— двести тридцать.— Толкнул Отец своего соседа в бок, надеясь на сочувствие.— Как бы я хотел стать раковиной и вволю напиться.

—А я готов спорить, что в твоём пиве крови нет.— Шепнул Седой.

—Глумишься? Отставить разговорчики в строю.— Проскрипел Отец.

Рассуждения профессора были такими кривыми и витиеватыми, как мысли у политика, это злило Отца еще пуще. Ему казалось, что преподаватель говорит сегодня слишком громко, как радио в коридоре.

—Ох, что ж я маленький не сдох.— Прошипел Отец.

Кто-то рядом прыснул в кулак. Шепоток пронесся дальше, там раздался смех, кто-то засмеялся громче. Вскоре вся группа падала со смеху. Было похоже на то, что Отец не слишком тихо стонал на свое бедственное положение. Про-

фессор снял с носа свои огромные, словно телескопы, очки и аккуратно отложил их в сторону. Очи его сверкнули ослепительным гневом, брови насупились, ноздри раздулись, словно у бычка на фиесте. Он встал и подошел к нерадивому студенту, который отказывался постигать его необычайно важную науку. Он взял Отца за шиворот и развернул лицом к себе. Кара последовала незамедлительно:

—Яшин, на выход с вещами. Придется, батенька, отработать тему. Мало того, что пришел с запахом, так мешаешь вести занятие.

Отец взял под козырек— с профессором лучше не спорить, от двойки не отделаешься, а таким подарком судьбы, как свобода нужно пользоваться по полной программе. Обидно было лишь за половину занятия, которое пришлось отсидеть. Новых знаний за это неприветливое утро Отец не приобрел, однако он явился в институт, это ему плюс, потому что пропуск оного считался серьезным нарушением устава ВУЗа.

Внизу в подвале на него накинута куртка. А на улице его уже ждал дождь. Мелкими капельками он показывал, как ему дорог страждущий влаги студент. Он растекался по нему, бегал и веселился, заливался за воротник и целовал ему спину. Отец подставил небесной воде лицо и несколько мгновений наслаждался прохладой мороси и нежного прикосновения универсального растворителя к коже.

Дождавшись своего маршрута, Отец сел на троллейбус. В это время он был полупустой и не такой веселый, как пару

часов назад, пусть и бежал вприпрыжку. Запах пота и утренних злобных настроений испарился. Доехав до своей остановки, Отец вышел и остановился на тротуаре, прикидывая в уме, чем бы заняться. Унылый парк, раскинутый вдоль общежития, был хмур и сер, к тому же ветер и дождь не располагали к отдохновению и самосозерцанию, сидя на низких деревянных скамеечках. Фонтан угас, и лишь жалкие ржавые трубы мокли в осенней сырости.

Шлоссбург— вот что поможет исправить синдром отмены и, если повезет, подарит компанию. Отец пригнулся и сошел в темное подвальное помещение, оборудованное под пивной ресторанчик.

—Аллах услышал наши молитвы, счастье спустилось в нашу долину.— Поднял руки вверх Отец.

В тусклом полумраке бара, освещенном лишь падающим светом от двери, за маленьким столиком, сидели два парня. Сэмэн и Малыш. Они царственно потягивали пиво из огромных кружек.

—Хлеб да соль.— Широко улыбнулся Отец и протянул парням руку.— Здорово, кормильцы.

—Ем свой.— Буркнул Малыш.

—Здорово Отец, без денег?— Спросил Сэмэн.

—У кого есть верные друзья— тому деньги ни к чему.— Кивнул Отец.

—Возьми,— протянул Малыш бумажку,— поправься.

—Страна будет вечно помнить своих героев, Малыш.— По-

благодарил Отец.

—А что ты так рано здесь делаешь, а, дружище?— Спросил Малыш.

—Тоже что и ты. Лечусь.— Ответил Отец.

—А что, в школу не модно теперь ходить?— С участием спросил Сэмэн.

—Был я там, ничего нового!— Пожал плечами Отец.

—Выгнали?— Спросил Малыш, поднимай взгляд от густой пивной пены.

—Точно! По лицу заметно?

—Да... Вид у тебя действительно сегодня... Да ничего, третий сорт не брак.— Махнул рукой Сэмэн.

—Спасибо, Сёма, ты меня утешил.

Вскоре они уже втроем распекали это ненастье, которое сквозь хмурые тучи сыпало на землю мелкий дождь. Помянули институт, пожаловались на безбожных преподавателей, которые забыли, что когда-то сами были студентами. Вспомнили и дом родной.

—Ты, Отец, давно ли на родине не был?— Поинтересовался Сэмэн.

—Да как приехал летом еще, так и не был. Одна радость— скоро должен брат приехать. Звонил вчера.— Ответил Отец и улыбнулся, вспомнив близнеца.

—Дэн? Это хорошо.— Кивнул головой Сэмэн.— Хороший парень. Язык у него острый, как турецкая сабля. В жизни пригодится. Малыш вон, здоровенный, как памятник Лени-

ну, а бессловесный. Каждый его обижает.

Сэмэн кивнул на сидящего рядом товарища. Малыш, огромный, как сивуч, склонился над столиком, мутными глазами рассматривая пену, что плескалась на дне кружки, и, соглашаясь с рассказчиком, закивал головой, словно китайский болванчик. Отец для себя однажды вывел закономерность распределения IQ, в зависимости от вегетативной массы тела и объемом черепной коробки. Большой бодибилдер, сидящий рядом, был до ста двадцати килограммов водоизмещения, при этом не мог похвастаться Сократовским лбом или Тургеневской черепной коробкой. Посему, можно себе предположить, что коэффициент IQ, даже рассчитанный приблизительно, был не в пользу Малыша. Нравом он был кроток и покладист, потому был серой лошадкой для всех, кто собирался на нем прокатиться. Однажды он битый час выпроваживал непрошенных гостей, ошибившихся номером комнаты, пока один из посетителей не ударил Малыша. Секунды через две, после надтреснутых вскриков, два тела оказались выброшенными из окна второго этажа.

Землистый полумрак зала заставлял забыть о скоротечности жизни. В воздухе замерло мгновение, и, казалось, все на свете остановилось. Хотелось думать, что выйдя отсюда весь мир застанешь таким же, каким оставил его спускаясь в подземелье. У барной стойки слышна была песня какой-то певички, которая в слезных выражениях и детским косноязычием ведала миру, как ее непростительно бросили на произ-

вол судьбы в этом жестоком мире. Бармен белым полотенцем протирал вымытые кружки, девочки в засаленных передних сутились меж столов, оттирая их от посетителей.

Тусклое освещение заставило зрачки расшириться, от этого лица обрели красный оттенок. Длинные тени, протянувшиеся от двери и упиравшиеся в заднюю стенку, казались в этом душном полумраке черными кляксами, оставленными неким гигантом, учившимся писать пером.

Скоро приедет брат, подумал Отец. Он очень соскучился по своему близнецу, с которым до поступления в институт не разлучался и на день. Это человек, который был Отцу так же дорог, как и мать, которую он любил бесконечно.

–И что вы с ним делать будете?– Интересовался Сэмэн.

–Сёма, фантазии мало? Что бы ты делал, если бы к тебе брат приехал?– Сказал Отец и отхлебнул пенистого пива из своей кружки.

–Известное дело.– Широко развел в стороны руки Сэмэн.

–Малыш,– позвал Отец атлета.– А ты что стал бы делать? Малыш поднял на Отца хмельные очи.

–Вот то же самое и делал бы.– Сказал он и поднял со стола кружку, казавшуюся в его руках детской игрушкой.

–Вопросы еще будут?– Спросил Отец, обводя взглядом своих однокурсников.– Он еды везет, так что скоро и на нашей улице будет праздник. Кот уже трое суток не ел ничего. Скоро на нас кидаться будет. Да и мы, если честно, от него не далеко ушли.

—А что, мышей в комнате нет что ли?— Поинтересовался Сэмэн.— Кота еще кормить!

—Сёма, мышей ведь тоже чем-то потчевать нужно, а у нас нет и крошки лишней. А остатки кот давно съел.— Махнул печально рукой Отец.

Пиво подошло к концу, взяли еще по одной кружке. Дрожь прошла. Наконец и рассудок вернулся на то место, куда ему по штату природой быть положено. Отец с облегчением вздохнул. Как хорошо, думал он, что кто-то некогда придумал варить пиво. Этот божественный нектар приходит на выручку всегда, стоит к нему обратиться с просьбой. Лицо Сэмэна порозовело, глаза заблестели. Малыш уныло склонился над своей кружкой, ощущая свое искреннее расположение к ее содержимому.

—А у вас что за праздник вчера был?— Поинтересовался Отец.

—А мы так просто...— Сказал Малыш.— Скучно было, вот и расслабились. Сэмэн был, я, Рыкун, да Лёха.

—Врешь! Лёха сегодня до безобразия свеж.— С сомнением произнес Отец.

—Значит, у нас у всех были галлюцинации.— Согласился Малыш.

—Ты какого Лёху имеешь в виду?— Поинтересовался Сэмен, поигрывая пеной в кружке.

—Нашего, какого же еще?— Удивился Отец.

—То-то и оно. Вашего!— Сэмэн многозначительно фырк-

нул.— Пирогов с нами был, а не ваш иждивенец.

Пирогов учился на одном курсе с Отцом, однако поступил в институт на десять лет раньше. По его глубочайшему убеждению, институт— не школа, за десять лет не окончишь. Почему старожил— студент так долго учился можно судить по тому факту, что в сумке, вместо книг и тетрадей, он носил отвертку и газовый пистолет.

—Ясно.— Удовлетворенно вздохнул Отец.— Ладно, спасибо, мужики, за здоровье и иже с ним. Пошел я. Пора...

Короткие прощания, затем серый неуютный парк с маленькими капельками дождя на скамьях и общага. Отец прошмыгнул мимо вахты, где сидела старуха самая ворчливая из всех, что работали в общежитском face-контроле. Дабы не вступать в полемику со старой вахтершей, он стиснул зубы и не стал отвечать на реплики, сыпавшиеся из беззубого рта злобной ведьмы.

На этаже слонялся Аша, наглый рыжий сорванец, родом из маленького городка Аши, отсюда и прозвище.

—Аша, дай Мойше чего-нибудь съесть, а то он уже три дня не ел ничего. Как бы не окошел.— Попросил Отец.

—Пошли у меня яйцо есть.— Ответил рыжий мальчишка.

Зашли к нему в комнату. Рыжий парень залез в холодильник и достал оттуда огромное куриное яйцо.

—Хватит?

—Пойдет.— Согласился Отец.

В комнате Отец разбил яйцо в Мойшину чашку. Кот по-

смотрел на желтую сырость, блестящую в немой посудине, макнул в нее усы и брезгливо отошел. То ли яйцо ему не понравилось, то ли сильно грязная чашка была, в общем, есть он не стал.

– У, сила нечистая! – Зашипел на него Отец. – Совести у тебя нет. Сам бы съел, да тебе даю.

Делать нечего, пришлось идти на кухню и пожарить яйцо на голой сковороде. После термической обработки, когда куриный белок обрел приятную белизну, кот нехотя съел его.

– Приедет Дэн, он тебе покажет Кузькину мать.

Еще два дня ждать брата. А есть хочется уже сейчас.

Общага скучала. Она вздыхала старыми дверьми, плакала от скуки незакрытыми кранами, всхлипывала старыми скрипучими половицами. У нее был свой характер, свои симпатии, свои страхи. Кого-то она любила, а кого-то гнала с порога. Она страдала бессонницей, и ночами шаркала ножками мышей по старым деревянным коридорам, обтянутым коричневым рваным линолеумом. Ее беззубые окна смотрели на мир, и когда улыбались, а когда и смеялись вместе с прохожими. Она видела много чудачков, но бережно хранила память лишь о некоторых из них. Она любила новых постояльцев и страшно грустила, ломаясь, когда приходилось расставаться с выпускниками. К некоторым из них она очень прикипела. Не любила она чужих, которые приходили к ней искать приключения – приключениями она их и провожала. А кто уж любил ее, того она обожала беззаветно. Ее нельзя бы-

ло обмануть, у старости своя правда жизни. А где слова— там и правда.

Глава 3.

Суббота, как суббота, ничего особенного. Точно такая же суббота была неделю назад. Сегодня не нужно было идти в институт— профессор сжалился: старший курс все-таки.

Кто придумал учиться в субботу? Видимо это был старый выживший из ума бывший студент, который к своим девяноста годам нажил себе маразм, несварение желудка и бессонницу, не дающую ему покой ни днем, ни ночью. Учиться в субботу равносильно быть счастливым в понедельник. Суббота и учеба— две несовместимые категории, как аппетит и студенческая столовая. В субботу никто не научился ничему, хоть сколько-нибудь значимому, и это не случится никогда. Однако суббота и учеба, несмотря на всю диаметральность своей сущности, добавляет в жизнь студента некую фееричность и предпраздничное настроение, словно ожидание Нового Года после посещения деканата. В субботу, вдруг, посещают новые идеи, завязываются новые знакомства, рождаются планы, которых еще вчера, в пятницу, не было. Сознание того, что скоро, после занятия, начнется настоящая суббота с музыкой, девчонками и лесом, и продлится она до самого понедельника, заставляет сердца биться с особым трепетом. Субботу, одну от другой, можно отличить лишь тем

учился студент или нет. Если нет— счастье великое. Если да— что ж, бывает горе и хуже.

Удивительно устроен студент. Он поступает в институт для того, чтобы учиться, и бывает безмерно счастлив, когда он лишен этого удовольствия. В субботу, когда великая страна страдает похмельем, студент, насмехаясь над вековыми традициями, берет свою суму и бредет стопами Михайлы Ломоносова в свою Alma Mater, чтобы делать вид, будто пришел учиться.

Человек становится студентом лишь однажды. В этот миг, почему-то, не гремят грозы и не бушуют ураганы, хотя это было бы весьма кстати. Стоит бывшему школьнику обзавестись зачетной книжкой и старым продавленным матрасом, населенным бесчисленными стадами клопов, в общезжитии, как жизнь его меняется кардинально. Он обретает привычки, которые еще неделю назад ему казались порочащими высокое звание студента. Его перестают понимать родные и близкие, от него отворачиваются старые подруги, его начинают опекать, будто больного щенка. Студента это забавляет, и он старается вынести из этой ситуации максимальную для себя выгоду.

Стоит нормальному человеку стать студентом, он меняет интерьер в своей комнате, он начинает клеить на стенах плакаты и изречения великих мира сего с двусмысленным содержанием. Он начинает виртуозно лгать, особенно это наглядно в сессию. Студент всегда голоден, сколько его ни кор-

ми. Через день он пьян. Его можно встретить в окружении девиц, не отличающихся особыми добродетелями, которые сами недавно стали студентками.

Мозг недавнего школьника, а ныне студента, начинает работать в плоскости, которая не укладывается в описание Евклидовой теории пространства. Его умозаключения и выводы не всегда шокируют окружающих, поскольку полет его мысли гораздо дальше, чем может в себя вместить мозг обычного нормального человека. Студента очень трудно понять, это осложняется и тем фактом, что студент не всегда хочет быть понятым, поэтому он, сам того не ведая, вносит сумятицу в головы его родственников и ближайшего окружения. Он приобретает себе друзей, таких же студентов, которые оказались вычеркнутыми из обычного течения жизни. Когда студентов много, это место называют институтом. Там нечего делать обычному нормальному человеку, чтобы не осознать себя ничтожеством, не понявшим жизнь. Однажды студент перестанет быть студентом. Он окончит институт и превратится в обычного человека, не способного понять своего бывшего собрата— студента.

Басмач варил что-то на кухне. Гурик еще лежал в постели. Отец тыкал кота мордой в лужу. Тот уже начал привыкать к этой нехитрой процедуре. Примерно раз в два-три дня он подвергался подобной экзекуции. У Мойши были другие представления об эстетике: он не видел особого резона, справлять физиологические отправления в чашку. Быть мо-

жет, ему не нравилась сама чашка, а может, не нравилось облегчаться лежа под шкафом.

Чашка, к которой Мойша был приписан, находилась под старым платяным шкафом, чудом уцелевшим со времен Великого Потопа, который его хозяева величали «шифоньером». Когда кот был маленький, он без особого труда пробирался в нее, но злое время и закон природы заставили Мойшу вырасти, и в добавок ко всему к былым неприятностям добавилась проблема несоответствия габаритов животного и свободного пространства под шифоньером. Несчастному коту приходилось, напрягая все свои мускулы, прибегать к природной гибкости и влезать в чашку, ограниченную сверху бездушным шкафом, чтобы не быть битым. Иногда, во дни смятения и плохого настроения, кот выказывал свое небрежение к правилам, установленным для него обитателями сорок шестой комнаты: он повадился присаживаться под кроватью Басмача, чем вводил его в дикое исступление. Басмач пытался менять свое положение в кровати, чтобы запах, исходящий из-под его ложа, не был столь мучительным, однако Мойша игнорировал попытки своего соседа остаться непричастным к ферромонам, которые кот так щедро высвобождал из своих недр.

Выходец из Кавказа, дабы не остаться в накладе, оскорблял кота поминанием его матери, как очень непристойной и похотливой кошки, доступной всем окрестным котам. В силу своей молчаливости и кротости нравов, кот не отвечал на

оскорбления, однако не забывал посещать то место, где Басмач клал голову на подушку.

Крайним оставался лишь Отец, который выступал и посредником в этом великом противостоянии двух биологических видов; и миротворцем, примиряя две противоборствующие стороны; и судилищем, когда тыкал кота в свежую лужу. Басмач не касался Мойши, стараясь не усугублять конфликт, зреющий между ними. Роль исповедника он великодушно предоставил Отцу, который после исповеди и немногословной проповеди отпускал коту грехи. После причащения, кот ненадолго удалялся под кровать, чтобы вылизаться и придумать план отмщения.

Кот пыхтел, упирался лапами, фыркал, бил хвостом, однако эти доводы не казались Отцу убедительными. Извывая кота в желтой луже, оскорбив его, Отец выпустил животное с не многозначными рекомендациями и предупреждениями. Мойша помнил, как его наказывали раньше, когда он был еще котенком и без особого труда помещался между оконными стеклами. Ему стало много легче. В самом начале времен, после унижительных погружений морды в лужу, Мойшу купали полностью под краном в раковине на кухне. Банные процедуры хозяевам скоро надоели, и они стали ограничиваться только погружениями в лужу и бранью. Мойшу это устраивало.

—У, чума черная, будешь дома бедокурить?— Отец погрозил кулаком под кровать.— Получишь у меня вдоль хвоста.

Кот недовольно прищурился.

Какая у кошек судьба? Кто ответит, счастливы ли они, или напротив, обездолены? Некоторым из них посчастливится и они попадают в хорошие и заботливые руки. Другие, менее удачливые, оказываются на улице, обитая в городских мусорных баках и поедая то, что до них не доели люди. Другие бегают по подворотням и подвалам, в надежде поймать раненого голубя или нерасторопную старую мышь. Третьи живут в общежитиях вместе со студентами. Счастливы ли был Мойша? Об этом его никто не спрашивал, поскольку тот был скотиной подневольной и молчаливой. Он вместе со своими симбионтами недоедал, он бывал бит за лужи, которые оставлял в знак протеста режиму. Он бывал запертым в комнате, когда его хозяева надолго покидали его во времена праздников и веселья.

Случалось и такое, что у него болел живот от пресыщения, когда кто-нибудь из обитателей сорок шестой комнаты возвращался с побывки на родину. Иногда он попадал под горячую руку во времена сессии, когда даже отбойному молотку могло бы достаться от раздосадованного студента. Иногда он был крашен гуашью, когда хозяев посещало игривое настроение. Порой его выстригали налысо, оставляя ворс лишь вдоль хребта, чтобы повеселиться всласть.

Однажды в конце лета он появился на свет. Его черную шерстку заботливая кошка-мать вылизывала до блеска. А когда он выучился есть из миски вареную картошку, его от-

дали Отцу. Немедленно нашлось глупое имя— Мойша, которым наградил его Басмач. С тех пор он стал полноправным членом студенческого сообщества на правах брата меньшего. Меньшего не по значению, но по размерам.

—Отец, пошел бы ты посуду помыл,— крикнул, забегая в комнату, Басмач.— Уже почти все готово.

—У нас морской закон,— ответил Отец.

—По-любому тебе мыть— ты же последний питался.— Ответил Басмач.

—Я не в этом смысле,— ответил Отец. Он понимал, что посуду ему все равно мыть. Если готовит Басмач, значит ему, Отцу, мыть посуду. После трапезы дежурным будет Гурик.— Всю посуду за борт.— Засмеялся он.

—Давай— давай, сегодня же Дэн приедет, надо хоть перед его приездом убраться, да накормить его.

—Чего его кормить?— Спросил Гурик с кровати.— Он же из дому едет. Сытый, поди. Лишний рот хуже пулемета. Перебьется.

—Особенно рад будит ему Мойша. Да, кот?— Спросил Басмач.— Ты же любишь Дэна?

Кот недолюбливал Дэна. Когда тот приезжал погостить к Отцу, Мойша слонялся по комнате сам не свой. Он бросал презрительные взгляды на брата своего хозяина и нет-нет выгибал при его виде спину. Дэн жутко шипел на кота, стоило голодному животному оказаться рядом. Кот опрометью бросался под кровать и не показывал оттуда даже носа в те-

чение многих часов. Это очень забавляло Дэна, а кот, гордое независимое животное, в этой жизни ненавидел больше всего когда над ним смеются, шипят и плохим словом вспоминают его мать. Он так же ненавидел вареную картошку и спать в ногах у Дэна, когда он на несколько дней поселялся в комнате. Однажды кот решил оцарапать своего конкурента, когда он впервые приехал в гости. Этот урок коту не забыть никогда. В тот день он услышал о себе очень много непристойностей, которые касались не только его самого, но и всю его кошачью родню. После на него нашипели, загнали под кровать и облили холодной водой. В тот самый вечер кот решил стать непримиримым врагом Дэна и это чувство пронести через всю недолгую кошачью жизнь.

Когда приезжал гость, ставший камнем преткновения для кота, он поселялся на полу, который Мойша считал своим ареалом. Все что находится ниже кроватей, кот видел своим имуществом и делиться им ни с кем не собирался, пусть это будет даже сам черт или стая диких котов. Предъявив однажды свои права на пол Дэну, кот оказался униженным и решил с этим огромным и лютым зверем больше не спорить.

–Басмач, а чего ты нам сварил?– Интересовался Отец.

–Щей из семи прыщей, два покрошены, остальные так брошены. Иди, мой, тебе говорят.

Понуриив голову и захватив с собой огромную гору немытой со вчерашней трапезы посуды, Отец направился на кухню, где предстояло провести несколько неприятных минут в

обществе тусклой и облупившейся кухни, да грязных тарелок. Мыть в холодной воде засохшие пятна вчерашней еды было занятием не из приятных. Электрический ток— был платой за пользование горячей водой. Никто не знал, как это происходит, а, главное, зачем это нужно, однако факт оставался фактом: при включенной горячей воды студентов било током. С кухни нет-нет доносились яростные вскрики жаждущих теплой воды студентов. Возгласы, раздававшиеся окрест, не отличались правильностью построения фраз, да и слова, летевшие оттуда, невозможно было назвать исконно русскими.

На кухне слонялся рыжий Аша из одноименного города.

—Диски шлифуешь, Отец?— Язвил он.— Благородное занятие для сановника. Хочешь, я тебе свои принесу? Очень полезно. Труд сделал из обезьяны человека.

—Аша, тебе Мойша просил передать, что твое яйцо было невкусным, куриные, говорит, гораздо мягче, но все равно спасибо.— Парировал Отец.

—А чего вы ели из этих тарелок, сушеные галоши?— Засмеялся Аша и быстро исчез с кухни— в него летела мокрая тряпка.

—Твою бабушку,— крикнул Отец вслед удаляющемуся хвостатому куску рыжего огня.

Вскоре чистые тарелки украсили стол, вокруг которого собрались обитатели сорок шестой комнаты. В центре стола дымилась кастрюля со свежим варевом. Решили суп съесть,

не дожидаясь Дэна. Если захочет, ему можно будет разогреть отдельно.

Мойша, чувствуя запах еды, с остервенением присушим только голодному общажному коту, терся о ноги своих покровителей. Ему в чашку Гурик налил немного супа, от которого еще валил пар. Кот, не оставляя шансов неведомым похитителям украсть его миску, сел возле нее, дожидаясь, пока варево не остынет.

Вскоре был съеден обед, переиграны все пасьянсы, упомянута Танька, подруга Басмача. В этот момент все женщины мира должны были изойтись в икоте. Вспомнили родословную Басмача, не забыли помянуть Маугли. Был пристыжен Мойша. Выражений никто не выбирал, поэтому кот спрятался от стыда под кровать.

Дэна все не было. В комнату заглядывал Боцман, в надежде найти легкую поживу, и был самым нескромным образом изгнан. Перевернулись в гробу все покойники, Гиппократ вертелся волчком.

Дэн не приезжал. Были выкурены все сигареты, помянули Бочкарева, его родной город и земляков. Вспомнили коменданта общежития, Нину Матвеевну, которая на время летней сессии берет отпуск и уезжает к своей матери в деревню. Эту традицию она завела, когда после выпускных экзаменов, несколько лет назад, ее чуть не сбросили выпускники из ее вотчины. Общежитие было четырехэтажным, однако высоким. Помянули и тех, кто не смог скинуть несчастную жен-

щину, ввиду состояния крайне неустойчивого.

Брата не было.

Суббота проходила мимо, помахивая зажатым в руке весельем и серым шарфом. Где-то на улице были слышны ее шаги, они оставляли свои мокрые следы на душах у студентов и растекались по мозгу тиканьем часов. Держа под руки Осень, Суббота тихонько напевала кабацкие песенки не всегда пристойные, однако всегда разные. Ее дыхание освежало души прохожих, пусть от нее и пахло пивом да красными винами. Это не казалось пошлым. Она курила осенние промокшие листья, и это ей дарило какой-то мистический восторг. Суббота— очень легкомысленная женщина. Она не знает привязанности, она себе на уме. Никто не знает, чего она хочет, однако, каждый готов ей подыграть. С кем-то она заискивает, кого-то обливает осенней грязью, которую берет тут же. Однако никого она не воспринимает всерьез. С ней бывает весело, но, когда приходит время уйти, Суббота оставляет после себя головную боль и какие-то чужие мысли.

Дэна не было.

—Где братец твой?— Ерзал Басмач. Снова захотелось есть.

—А я почему знаю. Должен быть. Он говорил утром придет.— Отец сам беспокоился.

—Время уже не детское, может не придет?— Интересовался Гурик.

—Да нет, обещался. Сказал: в субботу приеду, ждите. Еще сказал: пусть Басмач за шнапсом слетает, пока я ехать буду.

–Шнапса ему... А сена свежего не нужно быку твоему?–
Спросил Басмач.

В дверь постучали. Ожидание несколько утомило наших друзей, появление Дэна было бы очень кстати. Отец бросился открывать дверь:

–Пшшел вон, голодранец, держите меня люди, сейчас будет смерть.– Заревел он на Боцмана.

–Неожиданный теплый прием. Это всегда подкупает.– Закрылась перед Боцманом дверь.– Я просто хотел узнать, не приехал ли твой братик.– Пропел за дверью Боцман.

–Убью!!!– Неслось следом.

Прохладный вечер охватил Отца. Тоже предчувствие беды, которое он ощутил, читая телеграмму, сверлило ему мозг. Мозолистое тело немного сопротивлялось.

Та же кабинка, тот же закормленный за день телефон–автомат, такое же чавканье, как несколько дней назад, гудки.

–Привет, мам, как дела, узнала?

–Привет, узнала, ничего себе, как твои?– Голос матери ободрил Отца.– Уже гуляете?

–С чего ты взяла, мы вообще не потребляем ничего. Никогда!

–Ладно, сказки сочинять, то я студенткой не была никогда. Как Димка доехал?

–Нет его. Когда он уехал из города?

–Утром, часов в восемь.– Голос матери задрожал.

Отец прикинул в уме: уехал он в восемь, четыре часа ходу

на машине. Пусть с остановками еще час, значит, у меня он должен быть где-нибудь около часа дня. Даже если он прокатился перед дорогой по друзьям, даже если немного попутал по незнакомому городу, все равно он должен быть здесь около пяти часов назад.

–Что же случилось?..– Запричитала мать.

–Ма, ты главное не переживай, может еще приедет, по друзьям позвони, может, загулял где. А лучше Аленке позвони, точно он у нее.

–Ну, как же, я денег тебе передала, записку, куда он мог уехать?

–Ты Аленке позвони. Он говорил, что вместе с ней ко мне приедет.

Не помня себя, Отец вернулся в общагу. На пороге комнаты он услышал голоса, но сразу не узнал их. Толкнул дверь:

–Здорово, Лелик, как домой съездил.– Спросил Отец мимоходом.

Лелик жил с Отцом в одном городе, однако в особых друзьях не ходил ни на родине, ни в институте. Погруженный в свои мысли и переживания, Отец даже не удивился, что Лелик заглянул к ним. Такое случалось редко. Лелик пожал Отцу руку.

–Отец, к тебе Димка должен был приехать?– Спросил он. Отец кивнул.– А машина же у него– Форд старый, да?– Продолжал допрос Лелик. Он несколько раз видел Дэна.

–528 ВАМ номер у него, а что?– Тревога росла.

—Слушай, Отец, мне неприятно говорить тебе это, но, кажется, это Димкина машина разбилась там.— Лелик замолчал, теперь Отца черед говорить.

—Где?— Отец широко раскрыл глаза.

Отец все видел как в тумане. В голове полыхнул пожар. Они всю свою жизнь были вместе, и ни разу им не приходила в голову мысль, что с братом может что-то случиться. Казалось, что брат и мать— вот две самые постоянные категории. Может разрушиться мир, но с ними ничего не может произойти.

—В Кичигинском бору. Там небольшой мосток на повороте есть. Он или заснул или дорога скользкая, одним словом он с моста вылетел, и в сосну...

—Лелик, скажи, дорогой, что ты пошутил. Это очень скверная шутка. Скажи, что шутка. Я тебя прощу.— Отец схватился за голову руками, и медленно сползал на пол, приклонясь спиной к двери.

—Не шутка. Отец, только Димки там не было, ни крови, вообще ничего, будто в машине никого и не было. Машина вся всмятку, стекла... Двигатель в салон вошел, а тел нет. Гаишников куча, они сами удивляются, что в машине нет никого.

—А Аленки, подружки его, не было? Может, ты просто не заметил?

—Да никого там не было, я же говорю: ни крови, ни тел, вообще там нет ничего, кроме тачки и стекол.

–Лелик, слушай, ты на колесах?– Вскочил Отец.

–Отец, я знаю, о чем ты подумал, только, послушай, сейчас уже темно, дорога скользкая, отсюда двести верст, мы сами разбиться можем. Я, если честно, уже устал, за рулем заснуть могу, погублю я тебя.

–Лелик, кормилец, выручай, я сейчас помру, давай съездим, я тебя заправлю, будь другом. Лелик...

–Отец, слушай, сейчас один черт ты ничего не увидишь, а завтра на рассвете поедем. Обещаю. А то и сами богу души отдадим.

–Говори про себя, Лелик,– сказал Отец,– я собираюсь жить вечно.

–Значит договорились?– Спросил земляк.

–Только не подкачай, во сколько приедешь, ждать тебя?

–Часов в восемь утра, я за тобой зайду...

–Давай пять, Лелик, ты точно приедешь?

–Мужик не баба, мужик сказал– мужик сделал!– Хлопнул себя в грудь Лелик.

Скрипнула дверь, провожая Лелика. Дверной замок всем сообщил, что никого не пустит. Говорить не хотелось, молча соседи разбрелись по койкам, одежда заняла свои позиции на стульях. Все знали, в такой момент хороших слов не найти, молчание будет лучшей поддержкой, тем более Отец знал, что его соседи переживают смерть брата, только по-своему. Кто-то сказал, что смерть-это не самое худшее в жизни, хуже может быть только разочарование. Когда теряешь

веру— теряешь самого себя, весь мир, всю вселенную. Но брат... В чем его вина? Говорят, что самые лучшие люди уходят от нас в молодости. Может быть это так, но это— плохое утешение.

Отец лежал в темноте. Слезы катились из глаз, а он лежал и думал, что не гоже мужчине реветь, как корове. А предательская вода катилась ручьями по щеке.

Брат. Димка. Дэн. Сколько себя помнил Отец, его брат Дэн всегда был рядом. Они вместе дрались за пригорком в овраге с мальчишками из других дворов. Они вместе с братом резали из кустов сирени рогатки и вечером, когда стемнеет, приходили к школе навестить директорский кабинет с огромными черными блестящими стеклами. Они вместе катились на санках с горки, что была насыпана во дворе, играли в «Царя Горы», сбрасывая своих друзей с заснеженной вершины насыпи. Они вместе, взявшись за руки, ходили в школу, даже синяки, что не сходили с них годами, имели определенную симметрию.

Перед глазами промелькнула вся жизнь. Отцу вспомнилось, как он с Дэном ходил под окна к девочке, в которую с братом были влюблены. У них никогда не было ревности или соперничества. Он вспомнил пионерские лагеря, в которые они ездили с братом каждое лето. Как-то раз они встретили в лесу медвежонка, и, испугавшись, бросились от него наутек. Им было неизвестно, что испуганный молодой мишка тоже пустился назад в лес от прямоходящих обезьян. Отцу

вспомнилась та самая вишня, от которой до сих пор, по прошествии больше пятнадцати лет, нет-нет на погоду болят седалища. Еще маленьким мальчиком он с братом пробрался в дедов сад, чтобы наестся неспелой ягоды. Была ночь. Дед, не признав в похитителях своих внуков, вышел в огород с топором. На резкие окрики и угрозы дед не получил никакого ответа, не найдя более убедительного аргумента, он метнул топор в кусты, дрожащие от страха. Когда же он понял, что грозные похитители вишни— всего-навсего его маленькие внуки, он нарвал свежих хворостин и отходил сорванцов вдоль рубца. Бил больше от ужаса, представив, что было бы, если бы он не промахнулся.

Отец вспомнил и зуб, который ему выбил Дэн. Сейчас он был согласен расстаться со всеми своими зубами, да еще отдал бы в придачу зубы Мойши, Гурика и Басмача, только бы вернуть к жизни брата. Странно. Два неугомонных парня в доме, думал Отец, и никогда не дрались. Даже тогда, когда Дэн выбил ему зуб, они не стали выяснять отношения. Отец уже и не помнил, за что брат его ударил, это было не важно, но он помнил тот единственный раз, когда брат на него поднял руку. Дэн, позже, очень сожалел об этой своей слабости.

Как не хочется верить, что брата больше нет в живых. Может, он успел выпрыгнуть из машины, думалось ему, ведь тела в машине не было. Так не хочется верить в смерть брата. Может его машину угнали, значит логично предположить, что в машине брата не было. Тогда почему тела вообще от-

сутствовали? Может, брат вышел на обочину, а машина ска- тилась без него вниз? Тогда машина не была бы сильно по- мята, думал Отец. Черт его знает, может, может, это беско- нечное «может» кружило голову до одурения.

Отец заснул. Он видел себя, как он кормит немецких со- бак тестом. Огромные псы опасно скалились на него. За- тем приснилась искореженная машина. Отец присмотрелся— не такая уж она помятая: загнуто крыло, и сломан аварий- ный треугольник.

Отцу снилось, как по стене побежали зайцы. Они были разные: глиняные, рисованные, серые, пушистые. Видел и их рычащие морды. Они клацали зубами, пытаясь кого-ни- будь съесть. Появлялись они тоже отовсюду: из телевизора, что стоял напротив, из печки (в основном это были глиня- ные зайцы, но были и такие у которых прятались крылья под хитиновым панцирем). Они падали со стен и все равно за- бирались на них, продолжая свой вечный моцион к смерти. Они даже брали с собой детей, суля им сладости, заводили в подвалы, пугая пауками, оставляли их там одних. Некото- рые зайцы, вернувшись из морского путешествия, теряя го- лову от одного запаха какао, присоединялись к своим собра- тьям в их вечном движении. Они пожирали цветы, которые росли тут же на стене, и всюду раздавался хруст, стоны и скрежет ломающихся кариозных зубов о пластиковые листья только что распустившихся фиалок. Некоторые зайцы были на электрическом приводе. Хлопая палкой по барабану, они

обгоняли обессилевших, нагло смеясь, некоторых из них они били плетью и были довольны, что первыми дойдут до долгожданного финиша, успев умереть раньше остальных. Зайцев было очень много и Отец неожиданно для себя вдруг понял, что зайцы захватили нашу планету, они были всюду, на руководящих местах, притворяясь людьми, другие бегали в лесах, видимо не найдя для себя нужного пристанища. Ему стало ясно— зайцев нужно остановить!!!

Отец обернулся, посмотрел назад и понял, что он в Интернете. Глобальная паутина схватила его, унося в глубины электронного мира. Она, видимо, была ставленником зайцев. Было обидно, что его, Отца, так просто захватить. На лице вдруг появились отеки, стало труднее моргать. Веки не давали смотреть на проносящиеся мимо сайты. Отец понял, что выбраться из Интернета будет нелегко. В голове стоял шум. Мало понимая, о чем его спрашивали сайты, он отвечал односложно, надеясь, что такие умные ответы удовлетворят говорливые ячейки. Их злобный ропот заставлял быть в напряжении, однако почки, которые его подвели, отдав его уремии, мешали думать. Стало ясно, что машины не могут разбиваться, они же не из Интернета. Машина— всего лишь фикция, способная порадовать человека всего несколько минут. Отца возмущало, почему люди до сих пор не поняли этого, почему они живут в каких-то нелепых мечтах. Их нужно было остановить.

Где-то в вышине пролетела птица, обливаясь потом. Она

столкнулась с каким-то маленьким сайтом и, негромко побрянся, улетела прочь. Отец подумал, что у нее там гнездо, оставалась невыясненным, как птица проникла сюда. Быть может, помогли родственники, а может просто она очень хорошо летает, и даже Днепр для нее не проблема.

Откуда-то взялся выхухоль. Отец точно помнил, что его здесь не было. Тот осторожным шепотом доложил, как несправедливо его оболгал заяц, прикрываясь своим нетрезвым состоянием, каким обидам натерпелся это маленький зверек, какими словами называл его пьяный заяц. Отца поражало, с каким хладнокровием унижали этого назойливого зверька. Отец указал на проползавшую мимо норку и выхухоль скрылся. Он будет мстить, думал Отец. Почему нет Басмача? Куда подевался этот одиозный тип?

Отец приподнял голову. Туманный сон растекся по комнате. Басмач спал невдалеке. Тут же рядом посапывал Гурик. Зайцы куда-то исчезли. Спал, подумал Отец. Он вдруг снова вспомнил брата. Не верилось, что его нет на свете, казалось это очень плохой анекдот, только не понятно, почему он так хорошо запомнился. Это очень плохой и грустный анекдот, а кто его рассказал? попытался вспомнить Отец. Уж не Мойша ли? Гад, а я его яйцом кормил. Отца злило, почему мир такой несправедливый, ведь он кормил Мойшу яйцом, а он, облезлый кот, рассказал такой грустный анекдот. Ему вспомнилось, что Мойша ухмылялся, когда рассказывал. Его усища в такт движениям челюсти издевались над Отцом. Он

уже не помнил про что анекдот, ему не нравилось, что кот рассказывает всякие пошлости про Отца и ухмыляется. Накажу, подумал Отец. Кот, шаркая ногами, ушел в осеннюю дымку берез. Листья под его ногами хрустели. И пес с тобой, подумал Отец, кушать захочешь, вернешься.

Грусть навалилась как-то внезапно. Она обрушилась серой свинцовой тяжестью на корень языка. Появилась тошнота, сил не было даже крикнуть в спину коту какую-нибудь гадость. А я хотел его забрать с собой на родину после института, подумал Отец. Серая куртка, которую носил кот, еще изредка появлялась среди берез. Заблудится, подумал Отец, а потом вспомнил какой хороший нюх у кота.

Рядом, в стороне слышен был шум проносящихся машин по автостраде. Нужно было встретить Дэна, он сегодня придет. Отец повернулся к дороге, асфальт несколько пружинил под ногами. Как бы машину не разбил, подумал Отец, хоть и старая, а все равно бегают. Вдали, на желтом пригорке показалась машина брата, было далеко, однако Отец видел, как брат машет ему рукой. Солнце вышло из-за серых туч и, мешая смотреть на брата, играло лучами на мокрых камнях. Почему так долго? Отец успокоился. Можно не переживать, брат его из леса вывезет, а то, как он без денег уедет из леса? Кот сам добежит потом. Машина все ехала и ехала и была так же далеко от Отца. Кто-то стучался в дверь, однако было недосуг отвлекаться по мелочам, ведь машина брата уже видна, что может быть важнее? Казалось, этот стук мешает

брату ехать быстрее и каждый шорох и стук отбрасывал брата назад.

–Пошли все к лешему!– Крикнул Отец в сторону двери, поднимая голову с подушки.– Лелик, это ты?

Сон пустился наутек. Теперь стало все на свои места. Отец вскочил и стремглав бросился к двери, мимоходом бросив взгляд на злобный будильник (семь!!!)

–Заходи, дорогой, я сейчас.– Отец быстро набросил на себя одежду.

Лелик стоял в дверях, поигрывая в руке ключами от машины.

–Отец, ты всем так рад, как мне?– Полюбопытствовал он. Так рано его еще никто не посылал к лешему.– А эти барсуки еще спят? Басмач, жаба, вставай.

–Лелик, ты еще здесь? Тебе же Отец сказал, где ты должен быть.– Заскрипел из-под подушки Басмач.

–Лелик, закрой рот. В такую рань честных людей поднял.– Зашевелился Гурик.

–Ну, я поехал?– Спросил Лелик, неубедительно делая вид, что обиделся.

–Давай иди быстрее отсюда. Деньги будут– зайдешь, а пока нечего тебе здесь делать. Забирай этого бездельника и марш отсюда оба.– Дополняя друг друга, заговорили Гурик с Басмачом.

–Пошли Лелик. Не то я этих честных людей разорву на тысячу маленьких, честных кусочков.– Отец уже оделся и

обувался в прихожей.

–Разрывальщик какой, смотри, Гурик, как мне страшно, как я боюсь...– Гурик хихикнул, видимо Басмач показал ему, как он боится.

–Ты только Лелика не порви, как ваучер, не то...– Отец так и не услышал, что будет, если он порвет Лелика, потому как дверь грубо оборвала соседа.

Глава 4.

Дороги... Однажды старый, помешанный на чертях мало-росс, сказал, что у России не так много бед, но самая большая из них– дороги. Дороги бывают разные, есть, как пьяная колхозная девка, испачканная навозом и грязью, такой наплевать на происходящее, ей чужды высокие мысли, она по-своему думает о прекрасном. Походка ее неровна, она спотыкается, оставляя за собой лужи и тяжелый запах. Иногда она приходит к реке и остается там ночевать, разложив вокруг себя черные пятна кострищ. Ее никто не любит, на нее смотрят с пренебрежением, и лишь нужда заставляет прокатиться по ее несвежему телу. Она тоже мало кого терпит, поливая попутчиков матерком и грязными слезами. На нее с вожделием и похотью смотрят лишь комбайны и трактора, и она тем же платит им, когда машины надолго остаются у нее.

Есть дороги, словно рябая старуха. Особой мудрости от

нее не добьешься, однако она много повидала. От этого на ее челе так много морщин, от которых так сильно несет старостью. Она медленно вьется среди деревьев и кустов, иногда заходит в деревни повидать своих товарок. Ее поступь неровна, она шаркает черными резиновыми калошами, опирается на плывущие мимо березы, словно на посох, края ее подола запылены, за них цепляется такой же старый репейник. Его выцветшие коричневые пятна, качаясь в такт шагов, навевают вселенскую грусть, напоминая о бренности мироздания.

Есть дороги, словно грузные тетки. Они очень увлечены собой. Такие не замечают, что их сильно разнесло вширь. Они усыпаны камнями, и лишь видимость былой резвости заставляет их скакать по холмикам. Края их сорочки— сельские бордюры. Они поблекли и местами обтрепались, а кое-где и порвались. Такие дороги внимательно наблюдают за сельскими детишками, катающимися на велосипедах и за подхмелевшими подростками, которые мчатся на мотоциклах. Они плачут дождями, грибными и проливными, слепыми и косыми, и от этого становятся развязанными и еще более рыхлыми. А ночами им снится молодость.

Есть дороги— веселые украинские девки с вплетенными в волосы цветными лентами. Они редкие гости сел и деревень, они любят жить в городе. Такие хохочут, пляшут и смеются, они молоды их тело гладкое и гибкое, такое пахнет свежим битумом и новенькими шинами, оно пряное и подвижное.

Не хочется думать о старости, ведь они так молоды. Завораживает их лихой, безумный головокружительный танец с мельканьем лент, рекламных щитов и горящих глаз неоновых огней, от них так трудно оторвать свой взгляд.

Другие дороги— это старые кабацкие шлюхи. Они редко освещены внимательными фонарями, которые так же стары. Их тела серые и грязные. Они покрыты оспинами дорожных ухабов. На платье очень много заплат, однако, местами просматривается изначальный рисунок асфальтного тряпья. Такие дороги сами устали от такой жизни, однако уже поздно что-то менять. И лишь сквозь алкогольный туман к их воспаленным очам всплывают картинки, которые они толи видели сами, толи придумали. И только угрюмые встречи таких же подруг как-то скрашивает их ночной променад. Они неразговорчивы и молчаливы, их гложет стыд, что они— женщины.

Есть дороги— простушки. Эти девчонки маленькие и верткие, которые всего лишь неприхотливо следят за собой, такие нам не интересны.

Существуют дороги— красивые серьезные респектабельные девицы с длинными ногами, одетые в обтягивающие брюки с лампасами. Такие всегда в полном порядке и дорогом убранстве. У этих дам всегда глубокая и далекая перспектива, они красивы и дородны, тело их, словно дорогой камень, обрамлено в красивые наряды и зелень берез. Они с шиком пролетают на огромных Мерседесах. Их охраняют несметные стаи голодных хищников в серой амуниции, по-

лосатые черно-белые пальцы которых забирают последнее. На них с восхищением смотрят остальные. Не у каждой есть такое богатство, поклонники, наряды и секьюрити.

Дороги знают все обо всех, они открывают для проезжающих их самые сокровенные мысли и мечты. Дороги заглядывают в душу. Где они улыбаются, где смеются, но ни одна из них не поведает другому чужую тайну.

–Видимо врут люди.– Задумчиво произнес Отец.– Они говорят, что все дороги ведут в Рим. Уж сколько я не ездил, а в Риме не был.

–Такая же история.– Кивну Лелик.

Дорога укачивала друзей. Они ехали по Троицкому тракту. Впереди еще час езды.

–Лелик, а ты как машину заметил?– Спросил Отец.

–Что ты имеешь в виду?– Не понял вопроса Лелик.

–Дэна машину?

–Так там народа было...– Лелик ухнул.– Гаишники, зеваки. Там, понимаешь, ее не заметить трудно. Сам увидишь. Пригорок, с него спуск, поворот небольшой. С пригорка, когда сюда едешь, все как на ладони видно. И вот она сосна.

–Странно.– Задумчиво сказал Отец.– Почему не было тела?

–Не знаю. Видит Бог, не знаю. Когда такая авария, там не должно ни одного живого человека остаться. Двигатель в салоне, от машины ничего не осталось. Одно месиво. Он видимо шел на хорошей скорости. Не понятно только почему.

Там поворот. Я все бы понял, если бы он, скажем, заснул, но он же вошел в поворот, значит, не спал. Если бы спал, он с трассы раньше слетел бы.

—Может, ты просто не заметил его? Народу, говоришь, много?— С надеждой в голосе проговорил Отец.

—Если я не заметил, значит, там все тоже слепые. Гаишники удивляются. Тел нет. Нет ни крови, ни обрывков одежды. Вообще ничего, будто машина на автопилоте шла.— Покачал головой Лелик.— Да сам сейчас все увидишь.

—Ну, может, и не прямо сейчас.— Проворчал Отец.

—Через час. Вот доедем. Я думаю, машину еще не уволок оттуда. Вроде как хозяина нет. Без него нельзя.— Сказал Лелик.

—Дружище, сделай так, чтобы время быстрее летело.— Попросил Отец.

—Легко. Вот только лыжи сниму.— Улыбнулся уголком рта водитель.

—А в лесу смотрели?— Спросил Отец.

—Что смотрели?

—Брата.— Пожал плечами Отец.

Вопрос был риторический. Кто станет искать в лесу тела, если в машине, разломанной и разбитой, не было даже капли крови. Как такое могло случиться?

—Отец.— Сурово произнес Лелик.— Как ты думаешь, если машина только чудом не разлетелась в щепки, останутся в ней живые или нет? Как его могло выбросить так далеко в

лес, что даже капли крови не было в салоне?

—А если он просто ударился головой, да в состоянии аффекта ушел?— Отец умоляюще посмотрел на Лелика, будто стараясь у него выпросить жизнь брата.

—Отец, ты себя послушай. Что ты несешь. Сейчас сам приедем— посмотришь. Там если бы он головой ударился, мозги разлетелись бы по всей округе.

—Но бывают же счастливые аварии.— С сомнением в голосе произнес Отец.

—Не такие.— Покачал головой Лелик.

—А почему тогда машина не взорвалась?

—Ты, я погляжу, насмотрелся американских фильмов. Кто его знает, почему она не взорвалась? Не судьба, значит.— Усмехнулся Лелик.

—Значит, в лесу не искали?— Переспросил Отец.

—Не знаю. Может и искали. Но мне думается, что нет. Когда ищешь яблоко, ты ходишь под яблоней, а не в лесу. Я так все это вижу.

Мимо мелькали маленькие деревушки с шатающимися по дворам бездомными тощими собаками. Проплывали мимо мостки, дорожные развязки, покрытые серостью осеннего промозглого утра. У дороги торговали местные старухи пирогами, грибами и картошкой. Проплыла мимо придорожная харчевня, от которой курился голубой дымок от мангала.

—Может по пиву?— Спросил Отец.

—Я же за рулем.— Ответил Лелик.

–Так безалкогольного?

–Нет, безалкогольное пиво– это первый шаг к резиновой женщине,– буркнул Лелик.– Хочешь– пей, я не буду.

–Тогда я тоже не стану. – Повернулся Отец к Лелику

Мимо пролетали машины. Они были разные: серые, белые, синие, старые, новые, Жигули, Волги, Мерседесы. В каждый старенький серый Форд Отец внимательно всматривался, ища глазами своего брата. Но нет, видимо, в самом деле, чудес на свете не бывает, думал он.

За лобовым стеклом машины был виден то мохнатый обросший мужик, насупившийся из-под своих очков, то старик, то подросток с веселыми подружками на заднем сиденье. А брата не было. Вспомнился ночной кошмар, когда он потерял Мойшу в лесу. Почему-то в грезах Мойша принял вид огромного мужика в серой куртке. Вел он тоже себя как-то оскорбительно, хотя на самом деле кот был очень покладистым животным.

–Может, съедим что-нибудь?– Спросил Отец.

–Я утром ел, мне Катька пельменей наварила.– Похвастался Лелик.

–Вон, видишь, шашлычная?– Спросил Отец.

–Ну,– кивнул Лелик.

–Давай по шашлычку. Я утром не успел поесть, сам видел.– Попросил Отец.

Лелик свернул к шашлычной, оборудованной из старого фургончика, откуда показалось лукавое небритое лицо ба-

сурманина. С угодливым оскалом он подбежал к путникам:

–Шашлык бери, дорогой. Свинина, баранина. Какой хочешь?– Спросил он, нагибаясь в поклоне.

–Вкусный.– Бросил сквозь зубы Отец.

–У меня весь вкусный.– Басурманин угодливо закачал головой.

–Только из собаки не давай.– Попросил его Отец.

–Какой собачатина, что ты, дорогой,– удивленно затрепал нехристь и рукой предложил проследовать к мангалу, от которого вился аромат свежжаренного мяса и томных углей.– Мы собачатину не делаем. Это к корейцам. Я не такой, что ты!

Лес, обступивший дорожную походную шашлычную, лениво ждал, когда путников станут кормить лошадиным мясом, нанизанным на железные палки. Облака, застывшие от осенней стужи повисли над высокими верхушками деревьев, и, казалось, им было не безразлично, поддадутся два честных путника уговорам нечестивца, украсившего свое лицо жесткой, как сапожная щетка, щетиной.

Отец спорить не стал, взял шампур с румяными кусочками мяса и полез в машину.

–Катка хорошо готовит?– Спросил Отец, набив рот ароматным шашлыком.

–Ум отъешь.– Сказал Лелик.– Она только Луну не жарит. Что ты! Она дорожный камень так сготовит, всем не удивленье.

Лелик тронулся. Машина, весело урча, побежала по широкой трассе.

— Это хорошо. Женщина должна хорошо готовить.— Согласился Отец.— А моя подружка только чай из пакетиков заваривает неплохо. Однажды она решила себе сварить яиц. Так что ты думаешь? Не смогла.

— Это еще почему?— Удивился Лелик.

— Она сама очень удивилась, когда стала в кастрюлю с водой бросать яйца. Разбились. Уж не знаю, как она их бросала. В общем, с тех пор она никогда больше не пробовала варить.

— Так и на кой тебе такая подруга? Сам готовить что-ли будешь?— Спросил Лелик.

— Такая у меня судьба.— Махнул печально рукой Отец.

— Какая твоя судьба? Брось ее. Не пара она тебе, Отец. Все это видят. Голова у нее как-то не так работает, будто ей горячего не хватает. Не так как-то.

— Знаю.— Кивнул Отец.— Многие так говорят.

— Что, такая любовь что-ли? Никогда не поверю. Найдешь себе девчонку еще лучше.— Усмехнулся Лелик.— Рыжую какую-нибудь.

Отец усмехнулся:

— Рыжую?— Спросил он. Лелик кивнул.— Да мне, в общем, рыжие не особенно нравятся. У тебя Катька рыжая?

— Если бы. Я ее, может, и крепче любить бы стал.— Вздохнул Лелик.— Сивая, как мерин. Волосешки жиденькие. Но зато как она готовит!!!

–Тебе что, так сильно рыжие девчонки нравятся?– Улыбнулся Отец.

–Я как рыжую девчонку вижу, так у меня жилки трястись начинают. Ух!– Лелик передернул плечами.

–Почему?– Не унимался Отец.

–А я почем знаю? Нравятся, и все тут. Я иной раз думаю на Катьку нечаянно банку с хной опрокинуть. Так, чтобы веселее было. А потом думаю, что это не надолго. А ты свою подругу брось.

–Как я ее брошу?– Спросил Отец.– Я за ней месяц целый ухаживал. Добивался. Как я ей объясню?

–А никак. Скажи: так мол и так, иди ты куда трава расти не ходит. И дело с концом. Месяц!– Фыркнул Лелик.– Свет клином что-ли сошелся! Вот и Басмач такой же. Танька, я погляжу, все кишки ему на кулак уже намотала.

–Ой, не говори, Лелик.– Засмеялся Отец.– Что правда, то правда. Она ему житья не дает. Я ее однажды попросил за пивом до ларька сбегать. Так она, представь себе, целый месяц на Басмача губешки свои дула.

–На Басмача?– Лелик от удивления отвернулся на миг от дороги.

–Ну!– Заверил его Отец.

–А на него то зачем?

–А я знаю? Сначала она на меня стала желчью плевать, а потом и Басмач под горячую руку попался. А ему так, для кучи. Ох, и смеху было. Мы с Гуриком валялись, когда она

Басмача распекала. Мне смешно, вроде это я ее послал за пивом, а Танька у этого несчастного по волоску из макушки выдергивает.

–Больная.– Бросил Лелик.

–Не то слово. Однажды я ей сказал, что она майонеза пожалела в «под шубой». У Гурика день рождения был, Танька решила салат принести на праздник. Салат, вроде туда-сюда, а майонеза мало, сухой, как ее душонка. Что ты думаешь? Кому она стала потом плешь выгрызать на затылке?

–Мне думается, не тебе.– Пожал плечами Лелик.

–Точно. Басмач, как ужаленный боец, сидел за столом. Все мне кулаки показывал исподтишка, да под столом ногой молотил. А я, и смех и грех, ну ее распекать за салат. Она пунцовая, как эритроцит сидит. Надулась, как мышь на крупу, а сама все Басмача щиплет, чтобы он мне потом чертей дал.

–А он что?

–Да ничего. Подходит на перекуре, говорит, мол, Саня, отстань ты от нее, не даст она мне жизни. А я уже под хмельком, давай ее чистить, что перья в разные стороны летят. Мне она боится что-нибудь сказать. Так, в легкую зубы скалит, а сказать– страшно.

Отец достал из пачки сигарету и прикурил. Сизый дымок лениво подался к форточке.

–Дай мне в зубы, чтоб дым пошел.– Попросил Лелик.

Отец поджег еще одну сигарету и сунул Лелику под нос.

–Дэн курит?– Спросил Лелик, попыхивая ароматным табачком.

–Пробовал. Говорит, что у него во рту очень неприятно после сигарет.– Покачал головой Отец.

–Вот дает.– Усмехнулся Лелик.

–Что ты! Он даже газированную воду не пьет. Она, видишь, ему язык щиплет. Он одно время мяса не ел. Говорил, не хочу, мол, из себя кладбище домашних животных делать. Я у него спрашиваю: не хочешь ли ты, дорогой, сказать, что силосная яма, которую ты у себя в желудке устроил, лучше?

–А он что?

–Начал есть мясо. Он очень удивительный человек. Однажды, что-то на него нашло, решил Большую Советскую Энциклопедию прочесть. Взялся, сел, читать что-то начал. Дошел до слова «абсурд» и бросил это дело.– Рассказывал Отец, развалиясь в кресле.

–Отец, правду говорят, будто вы– близнецы без слов друг друга понимаете?– Спросил Лелик, глубоко затягиваясь сигаретой.

–Угу.– Кивнул Отец.

–Расскажи.– Требовал Лелик.

–Даже не знаю, как рассказать. Понимаешь, это вроде как одна рука знает, что делает другая. Я даже не знаю, как это происходит, только знаю, о чем он думает.– Отец неопределенно пожал плечами.– Словами и не передать. И он точно так же. Однажды сижу, думаю, как дверь починить в ком-

нате. Так или эдак. Шарнир, может, поменять, или вообще дверь снять. Думал молча. Дэн рядом лежал на кровати, книжку читал. Он и говорит ни с того ни с сего, ты, говорит, голову себе чепухой не забивай, смажь ее маслом и дело с концом. Вот так.

–А что он сейчас думает?– Спросил Лелик.– Можешь сказать?

–Нет. Нужно рядом быть.– Покачал головой Отец.

Как много он сейчас отдал бы, чтобы Дэн в эту минуту оказался рядом. Если он погиб? Ужас охватил его. Этого быть не может. Не должно. Брат должен быть жив. Отец тешил себя надеждами, что все что-то не досмотрели, что Дэн, возможно, лежит в лесу под кустом и дожидается, чтобы брат его отыскал. Брат– это его вторая половинка, без которой и жизни не будет. Что же будет с мамой? Она этого не перенесет. Мама всегда жила только своими детьми. После смерти мужа, она всецело посвятила себя своим сыновьям. Как будет себя чувствовать она, когда узнает, что ее сына больше нет в живых? Был бы жив отец, он бы ее утешил, но он сам много лет назад ушел из жизни.

–Лелик, надави на педаль. Сил уже нет ждать.– Попросил Отец.

–Сам к праотцам собрался? Жизнь не дорога? Я и так под сто пятьдесят иду. Не видишь что-ли?– Рывкнул Лелик.

–Мне очень хочется поскорее добраться. Не ругайся, друг сердечный.– С грустью в голосе сказал Отец.

–Понимаю...– Кивнул Лелик.– Мне самому интересно, как там все случилось. В ум не возьму.

–А гаишники что говорят?– Спросил Отец.

–Ты когда-нибудь видел, чтобы гаишник что-нибудь умное сказал? У них мозг так построен, чтобы только штрафные талоны выписывать. Больше ни на что.

Однажды брат написал стих, который приурочил к очередному штрафу за превышение скорости. Написанный сгоряча, он обошел всех знакомых и близких и пользовался немалой популярностью в окружении брата. Гаишники, интеллект которых брат ставил не выше интеллекта военных, в его глазах были людьми, которых волею судеб жизнь прогнала из числа достойных сынов своих и заставила нести крест паразита на теле тружеников и работников умственного труда. Человек, в понимании брата, ничего не производящий и не оказывающий услуг, не должен пользоваться уважением у людей, приносящих блага Родине.

Гаишник как-то раз, домой придя под вечер,

Немного отдохнуть от службы собрался.

Но лишь через порог, к нему жена на встречу:

«Что делать, милый, фен сломался у меня...»

Помочь твоей беде я без сомненья должен,

Ведь я в ГИБДД блестящий офицер,

Служить своей семье, долг на меня возложен,

Коллегам молодым я подаю пример!

И вечер напролет промучился служивый,
Пытаясь починить загадочный прибор,
Свистел, бежал навстречу с феном что есть силы,
Но так заветных цифр не выдал монитор...

Мораль сей басни: мир разнообразный,
У каждой вещи назначение свое,
Чем волосы сушить, чем осушать карманы,
В нем каждый выбирает, вот и все!
(Константин А. Федоров)

Отец вспомнил пасквиль и улыбнулся. У брата с чувством юмора всегда было все в порядке. И вот теперь его не стало. Лишь надежда осталась в сердце. Она подсказывала, что, может быть, все образуется, что брат сыщется, что он жив и скоро обретет новую жизнь. Пусть так будет.

Дорога протянулась по степи, словно струна, и была ровная, будто праздничная скатерть на именинах. Серое небо исподлобья смотрело на путников, покачивая седой бородой. Казалось, оно было недовольно, что кто-то нарушает его тусклую тишину урчанием мотора. На челе оно отражалось недовольство грязными немытыми облаками, и редкой испариной.

Через дорогу, в перелеске, пробежал испуганный, непро-

шенными гостями, заяц. Везде одни зайцы, подумал Отец, вспоминая свой ночной кошмар.

–Лелик, знаешь, что я ненавижу больше всего на свете?– спросил Отец.

–Однозначно или Боцмана или Басмача?

–Этих тоже, но больше всего– зайцев.– Сказал Отец.– Они у меня вызывают какой-то священный ужас.

–За их зубы, или нет, за их хвост?– поинтересовался Лелик.

–Нет, за то. Они нашу планету захватили!!!– Заявил Отец.

–Это шутка какая-то, да?– Лелик повернулся к Отцу.

–Да... Ладно, потом расскажу.– Отец тогда еще не знал, что эту шутку он так никогда и не поведает своему любопытному собеседнику.

–Все, последний пригорок, там поворот, и мы приехали.– Сказал Лелик.

Надпочечники сработали четко, выбросив в периферию несколько миллиграммов адреналина. Задрожали руки, на лбу выступил противный холодный пот и, спрятавшись за воротник, выгнал наружу дрожь.

Через несколько мгновений за небольшим холмом показалось злосчастное место, где нашел свое дерево брат. Лелик подвел машину к сосне, одиноко стоящей возле дороги, где собралось много зевак. Сосна, будто нарочно росшая одиноко, дождалась своей машины, для аварии с которой она укрепилась на придорожных камнях много лет назад. Серая

старая машина всем своим корпусом обнимала ствол дерева, завалиясь набок. Колеса вывернуло кнаружи. Вокруг места аварии на металлических прутьях, обнесенных вокруг сосны, была развешена желтая лента гаишников с настоятельной просьбой не приближаться к роковому месту. В салоне не было живого места, всюду лежала стеклянная крошка, будто специально, для такого случая, раскиданная неведомым вандалом, изуродованные кресла, двигатель. Руля не было вовсе. Сзади был виден номер авто. Сомнений быть не могло 528 ВАМ – это машина брата.

Горло сдавил слепой ужас, было тяжело дышать, на глаза наворачивались слезы. Отец пригляделся: действительно, тела и следов крови не было. Не было и обрывков одежды, которые при такой аварии должны были остаться. Тогда он прошел по следам колес, которые еще были видны на земле, как слепые свидетели накануне развернувшейся драмы. Следы вывели на дорогу. Полос торможения не было, небольшой поворот до мостка говорил о том, что машина была управляема до последнего момента. Тогда где же тело? Но может, он все-таки успел выпрыгнуть в момент аварии? Отец окинул взглядом злосчастную сосну и свернул в бор. Попытка – не пытка. Пришла мысль поискать брата между сосен. Воображение рисовало ужасные картины, как брат с поломанными ногами лежит под сосной, истекая кровью. Отец шел быстро, он хотел оторваться от Лелика, в эти минуты ему не хотелось никого видеть, и тем более выслушивать соболезно-

вания или глупые утешительные речи. Под ногами скрипела опавшая желтая хвоя, сзади стихли речи зевак и охранников дорожного порядка.

Лелик, оставшись один, еще немного покружил между деревьев и вернулся к машине.

Прошел час, другой. Лелик жал на клаксон, сколько позволяли барабанные перепонки, бродил по бору и все больше распялся на предмет Отца. Помянул недобрым словом его предков и соседей. Почему-то даже кот Отца вызывал у Лелика жуткое негодование.

Лес темнел, не было слышно уже ничего кроме шелеста хвои под ногами, давно уже стихли гудки и шорох шин мчавшихся по трассе автомобилей. Отец искал брата, прислушиваясь к дыханию осеннего леса, в надежде услышать стоны покаленного родственника. Иногда казалось, что кто-то зовет его на помощь, тогда Отец без оглядки бежал в сторону, откуда доносились стоны. Брата не было, лишь осенний бродяга ветер нехотя играл в вершинах угрюмых сосен.

Отец забрел в какое-то болотце, выбрался из него и вдруг понял, что зашел уже слишком далеко. Даже если брат и выпрыгнул из машины, так далеко заползти он не мог. Нужно было возвращаться, Отец огляделся: одни высокие черные сосны, выстроившиеся в ряд, как на присяге. Стало немного жутко, не хватало только заблудиться. Отец повернул назад, перешел ручеек вброд. Кажется, ручей я не переходил, подумал Отец. Поплутав еще немного, он вышел на небольшой

пригорок, огляделся: окрест одни только черные стволы сосен, да чернеющие кусты шиповника с красными ягодами на самых кончиках колючих веток. Взобрался на дерево в надежде увидеть дорогу. Вдалеке лишь несмело блеснуло стекло, может хижины, может автомобиля. Выбора не было, идти необходимо было именно туда.

Пробираясь через строй местной фауны, Отец заметил какого-то мужика, тот петлял, словно запутывая следы, оборачивался, опасаясь погони. Увидев Отца, он бросился бежать, и, некоторое время спустя, скрылся совсем из виду. Это же Дэн, подумал Отец.

– Дэн, сучий хвост, стой, гад. – Отец бросился догонять мужика.

Бродяга действительно был похож на Дэна. Только сутулая спина да несколько усталый взгляд были против этого сходства, да и возрастом был немного старше.

Побежав еще по лесу, Отец решил, что если это – Дэн, то он все-таки рано или поздно выберется к дороге и доедет до общаги.

Ну и Бог с тобой, попутного ветра в горбатую спину, подумал Отец.

Солнце было уже в зените. Красный глаз несмело моргал из-за пелены серых облаков. Взяв предполагаемое направление, Отец направил стопы свои к неясному блику, что видел с дерева. Опять его окружили, насмехаясь над его нахальством, сосны. Казалось он стоит на месте, всюду одни и те же

прямые ряды строгих черных стволов. Немного погодя Отец вышел на небольшую полянку, испачканный смолой и мелкими веточками, которые облепили его когда он пробирался сквозь чащу. Нужно это дело перекурить, подумал он.

Из леса выглянул тот самый мужик, который как две капли воды был похож на брата. Он был одет не по-осеннему: в этот угрюмый полдень на нем тряпкой висела грубая рубашка из какого-то бесцветного материала, широкие шорты. Незнакомец был бос. Не жарко ему, в душе посочувствовал Отец. Мужик зябко ежился, потирал бока руками, тихонько под нос матерился. Босые ноги, опутанные мокрой лесной травой, были изодраны до крови и были синими, словно у несчастной курицы на прилавке. Ноги— это последнее что увидел Отец.

Его закружило в диком лихом танце. Тело стало гибкое, как осенний туман. Отец пошел разводами, его начало кружить и засасывать в нелепую воронку, ведущую в никуда. Он просачивался в неведомый мир, в котором были чужды земные законы. Он, вдруг, стал длинным и плоским, словно полотно. Отец свернулся в спираль, подражая родной галактике. Он заискрился серебряным светом и стал мерцать, словно светлячок в майскую ночь. Ощувив себя всесильным, он широко раскинул руки в стороны и закричал, что было сил. Рев, вырывавшийся из его груди, потряс всю вселенную до самых ее отдаленных границ. Магелланово облако, словно утренняя несмелая дымка, затрепетало от могучего рева

Отца и растаяло в черноте космоса, будто и не бывало.

Откуда-то мимо пролетел воздушный шар, одинокий и бессмысленный, как будто его ветром сорвало с шеста, украсившего первомайский день. Потом еще один, еще, еще... вскоре все вокруг было заполнено разноцветными шарами, которые кружили и плясали вокруг. Дикое разноцветье резало глаза. Внезапно все исчезло.

Появилась та самая птица из Интернета. Вскоре она исчезла, не успев выругаться. Между пальцев путались галактики. Отец понял, что он может повелевать вселенной. Стоит махнуть рукой, и сектора космоса как не бывало. Маленькие кометы впивались в кожу, от этого хотелось чесаться. Отец стряхнул с себя космическую пыль. В носу засвербело, ончихнул и маленькая, крошечная всеми забытая Земля упала на Солнце. А, дьявол, подумал Отец, и космос не спас и с Землей как-то неловко получилось. Сбоку подул тихонько бриз и тело его, словно табачный дымок заколыхалось. Что же со мной такое происходит, думал Отец, что это за место? Где я?

Вырос хвост, его тело покрылось жесткой чешуей зеленого цвета, глаза вытянулись из черепной коробки на длинных тонких стебельках зрительных нервов. Рот обратился в широкую пасть с двумя рядами острых и тонких зубов, словно у крокодила. Уши спрятались за роговую чешую, чтобы они не страдали во время брачных игр. Отец осмотрелся вокруг. Черно. Четырехпалые когтистые лапы царапали темноту хо-

лодного вакуума. Куда лететь он не знал, да и крыльев, которые были когда-то, не было. Он их где-то оставил.

Он почесал за ухом хвостом. Нежная щетина немного успокоила зуд. Что-то хвост не выглядит длинным, подумал Отец. Самкам нравятся длинные хвосты. Нужно что-то сделать, чтобы хвост стал длинным и грубым, как булава. Отец удивился, почему вокруг никого нет. Он посмотрел вниз, под собой. Рядом в космосе плыли такие же крокодилы. Они шелестели купированными ушами и играли с розовыми пружинками, которые перекатывались у них из лапы в лапу. Некоторые дрались, царапая кожу четырехпальными лапами, другие показывали соседям крылья, выказывая свое чрезмерное неуважение. Летели с Отцом и влюбленные пары, которые прямо на людях терлись хвостами. Такое бесстыдное поведение вам даром не пройдет, думал Отец.

Потом все кончилось. Остался только ослепительный свет, который болью отдавался в усталом мозге.

Глава 5.

В голове стоял тяжелый шум. Глаза слепило яркое освещение, все члены Отца налились свинцовой тяжестью, веки слипались, слезы катились по щекам. Неприятный осадок на душе оставил последний кошмар, когда он в шкуре летающего космического крокодила бороздил еще не езженные просторы вселенной. Глаза постепенно привыкали к яр-

кому свету. Чуть приподнявшись на локте, он увидел, что лежит на блестящей белой круглой платформе. Скрестив руки в паху, он стал озираться. Его нагота несколько смущала его. Было непонятно, толи это продолжение недавнего кошмара, толи какая-то новая, пугающая реальность, которую он постичь был пока не в состоянии. Комната, вопреки устоявшимся традициям, была круглой. Отовсюду лился свет. Казалось, что он пронизывает все насквозь, не оставляя ничего неразгаданного на своем пути. Необходимо было найти дверь. Отец соскочил с платформы и побрел к стене, все также бережно пряча свой секрет в нехитром сплетении рук.

Отец, озираясь, обошел небольшую белую комнату, в которой только что очутился. Двери не было. Как он сюда попал? Только что он брел по лесу в поисках брата. Вокруг были сосны, мужик, так похожий на брата, болотце, ручеек... и тут комната. Все очень подозрительно и странно.

В помещении было свежо. Не было жарко, не было холодно. Пахло йодом. Отец не понимал, как он мог здесь очутиться. Думалось, что он оказался в какой-нибудь больнице, однако он не мог вспомнить ни одну больницу, которая хоть отдаленно напоминала это место. Обойдя комнатку, в которой кроме белой платформы, стоящей строго в центре, не было ничего. Лишь комната, платформа и свет.

Пол мерно подрагивал.

—Тихо, без глупостей.— Услышал Отец голос за спиной.

В комнате стоял незнакомый паренек в обтягивающем

блестящем комбинезоне.

—Здорово, ты откуда тут взялся?— Спросил Отец, оглядываясь.

Как здесь он мог очутиться? подумал Отец и еще раз провёл глазами по стене в поисках двери, которая оказалось незамеченной при первом осмотре. Средних лет юноша с добродушным лицом стоял и настороженно смотрел на Отца. Был он высок и широк в плечах. Волос на голове не было, посему паренек походил на манекен, коих много в трикотажных отделах.

—Да вот, пришел,— развел руками парень.

—Саня,— представился Отец.— Но все меня зовут немного по-другому.

—Отец.— Сказал парень.

—Ух-ты, тезка?— Пошутил Отец.

—Что-то в роде того,— кивнул головой парень и стал кружить вокруг Отца, пятясь.

—Откуда ты меня знаешь?— Поинтересовался Отец, одновременно замечая все движения парня, чтобы в случае чего кулаком указать парню на его место под солнцем.

—Тебя здесь все знают.— Паренек тоже был осторожен, словно прочел мысли Отца.

Отец нехотя протянул руку незнакомцу. Парень осторожно пожал грубую ладонь Отца, словно боялся обжечься.

—Гедеван.— Неловко протянул руку парень.

—Да,— сказал Отец,— хочешь мужику испортить всю

жизнь— назови пацана Гедеваном.

—Что?— Переспросил парень.

—Да говорю, что если бы меня назвали Гедеваном, то я всю жизнь на ухах ходил бы. Ты ходишь?

—Не понял?— Гедеван не ожидал такого начала знакомства и укрепился в мысли, что в случае чего нужно дать деру.

—Ладно, не бери в голову,— махнул Отец рукой.— Буду звать тебя Ваней.

Парень стоял в нерешительности, и этому обстоятельству Отец был очень доволен. В незнакомой ситуации он старался первым перейти в нападение, обычно этот прием дает немного времени фору, правда, он не всегда бывает оправдан: порой Отец все-таки бывал бит.

—Я тебя слушаю.— Отец застыл в ожидании, примеряясь к апперкоту.

Парень Отцу не нравился, быть может, потому, что тот его боялся.

—Компьютер, гардероб.— Сказал Гедеван.

Как в сказке из ниоткуда возникла небольшая серая арка, затянутая черным блестящим зеркалом. Гедеван застыл в ожидании.

Отец стоял и смотрел то на парня, то на зеркало. Еще его стеснял костюм Адама и глупое нелепое положение со скрещенными на лонной кости руками. Непонимание росло. Отец начинал злиться. Однако не он один был в недоумении. Гедеван стоял немного в стороне, и его мимическая муску-

латура наглядно демонстрировала нервное ожидание.

–Я чувствую, что сейчас мой ход?– Отец уже немного стал забывать о месте, в котором он очутился. Все его мысли сейчас занимала холодная война с парнем.

Гедеван кивнул, указывая рукой на арку.

–Туда?– спросил Отец.– Я испачкаюсь.

Гедеван закачал головой. Отец приблизился к арке, чтобы потрогать зеркало и его рука провалилась сквозь него. Круто, подумал Отец, видимо какой-то полимер. Он отдернул руку, оглядел ее: без изменений. Тогда, решившись на отчаянный поступок, он сам нырнул в зеркало. В носу засвербело.

–Компьютер, убрать гардероб.– Услышал Отец.

Обернувшись, Отец очень удивился, не найдя взглядом арки с черным полимером, сквозь который он только что набрался смелости пройти. Чертовщина какая-то, подумал он. И только теперь Отец заметил, что сам одет в такой же комбинезон, который носил лысый парень.

–Слушай, где мы?– Удивленно произнес Отец.

–Здесь...– Развел руками парень.

Отец его возненавидел. По его искреннему убеждению, витиевато шутить имел право лишь он один, но никак не лысый парубок, одетый как щеголь в белоснежный комбинезон.

–Я в гневе страшен, ты лучше меня не зли.– Отец стал вращать глазами, медленно наступая на жертву.

Для убедительности Отец заскрипел зубами и сжал кула-

ки.

–Пошли за мной,– сказал Гедеван.

Его страх вырос настолько, что уже не помещался в широкой комнате, в которой они находились, и стал почти осязаемым. Он решил дать ему еще немного пространства.

–Компьютер, выход.– Едва не крича от страха и возбуждения, произнес Гедеван.

Появилась знакомая арка, в черном зеркале которой, не медля ни секунды, скрылся парень. Отец еще мгновение потоптался на месте и нырнул в черную лужу зеркала вслед за Гедеваном. А он совсем не похож на Гедевана, подумал Отец.

Оказался он в просторной комнате белого цвета, спартанское убранство которой несколько напоминало ему общагу. Не было только немного затхлого запаха, соседей, кота и шкафа, который так не любил Мойша.

–Располагайся,– услышал Отец за спиной.

От неожиданности Отец чуть не подпрыгнул, за спиной его стоял Гедеван, и глухой удар по зубам оповестил комнату: Отец его узнал. Парень, прикрыв лицо руками, прыгнул в сторону зеркала, растворяясь в нем. Вслед за ним исчезла и арка, будто боясь быть сломанной.

–Шутки, шутки, а в зубах бывают промежутки.– Крикнул Отец ему вдогонку, однако что-то подсказывало, что паренек его не услышал.– Козел.– Шепнул он сквозь зубы.

В комнате в уголке стояла тумба, по размерам и консистенции которой Отец понял, что это– кровать. Он плюхнул-

ся на нее, расставив широко руки. Больше в комнате не было ничего. Голые белые стены навевали скуку. Отец потрогал стену, она была из какого-то пластика, надежная скользкая и белая, как совесть у праведника.

Отец стал размышлять, как и куда он попал. В голову лезли самые бредовые идеи, которые сводились к одному: как все-таки здорово, что он, Отец, заехал этому трусу в голову. Прокрутил он в голове и это жуткое пробуждение на тумбе. Потихоньку переживания и мерная дрожь комнаты успокоили Отца. Это утро слишком рано началось для него, и было немного необычным. Усталость взяла свое, и вскоре Отец заснул.

Ему приснилось, будто он плавает на Банном озере в своем гидрокостюме в надежде настрелять рыбы. Вот он подплывает к стайке жирных желтых линей, резвящихся в густых камышах, которые подпускают его, не боясь. Он, вдруг, понимает, что оставил на берегу свое ружье. Рыба это видит, поэтому она подплывает к нему сама и скалится, будто насмехаясь над незадачливым подводным охотником. Приходится не спеша, чтобы не спугнуть стайку, выбирать из камыша. Горю его нет границ. Он подплывает к берегу, хватается ружье, гарпун, заряжает его и опускается вновь в воду. Подплыв к тому самому месту, где он оставил рыбу, его постигает жуткое разочарование. Вместо жирных линей здесь плавает несколько мальков и тина, поднятая им самим со дна. Рыбы нет. Линь ушел.

Затем ему снится какая-то тамбурная дверь в вагоне с конечным пунктом сообщения на Казанском вокзале в Москве. Он никогда прежде не ездил до Москвы. Он возвращается на свою полку, где оставил свои вещи. Снизу сидит какой-то грозный мужик и пристально следит за всеми его движениями, поверх газеты, которую держит раскрытой. Напротив него, на нижней полке резвятся молодожены, лобзя друг друга яростнее час от часу. На другой стороне, на боковом месте, лежит сухая старушонка и слушает трели, доносящиеся из горла бородатого мужика, спящего над ней. Отец хочет выйти из вагона, но что-то ему мешает. Толи тот мужик с пристальным взглядом, толи бородач, шумящий на весь вагон. Ему нужно выйти из вагона, но он не может, потому что какая-то тетка повезла на тележке по проходу зеленые от старости пирожки.

Затем ему снится, что он покинул вагон, но его продолжает преследовать немигающий взгляд серьезного мужика, который оставил свою газету и наблюдает за ним из окна. На улице льет дождь, Отец хочет понять, куда его занесла нелегкая, он оборачивается и видит своего провожатого. Ему не нравится взгляд этого мужика, но он ничего не может с собой поделать. Отец вынужден следовать за и сердитым попутчиком куда-то в ночную скользкую степь, где нет и огней.

ТЬфу ты, чушь какая, подумал Отец просыпаясь. Придется же такое. Сон прошел, только ненадолго осталось ощущение слепого послушания, когда он шел вслед за сво-

им неведомым похитителем. Силы вернулись. Через минуту ушли и грезы.

–Компьютер, гардероб,– крикнул Отец, вскакивая с постели.

Он оглядел свое белоснежное одеяние и вдруг понял, что эта непривычная для него одежда навеяла этот скоротечный и неприятный сон. Ему ужасно не нравился этот комбинезон, хоть он и был удобный, просторный и чистый. Отец чувствовал себя в нем, как на собственных похоронах. Появилась уже знакомая арка. Как ей управлять Отец не имел ни малейшего представления. Он всего лишь хотел быть одетым как раньше, как в общежитии. Просочившись сквозь зеркало, он почувствовал некоторые изменения в костюме. Теперь на нем были его любимые тапки, его любимое трико с потертыми коленками и футболка с короткими, но широкими рукавами.

–Это уже другой коленкор.– Воскликнул он.

Только его одежда была все-таки не его. Она была новая. Даже потертости на коленях выглядели, как специально задуманными. Да и пес с ними, подумал Отец. Он не мог постичь, как работает эта штука, ведь насколько помнил Отец, он никогда не слышал о подобных технологиях.

–Компьютер, убрать гардероб.

Арка исчезла. Научить машину слушаться голоса труднее, чем научить Мойшу смириться с его унижительно низким туалетом. Догадка пришла сама.

–Компьютер, ну-ка поставь там стол,— попросил Отец, представляя себе, где должен стоять стол и какой он должен быть формы.

Не прошло и пяти минут, как пространство, доселе пустое, было уставлено все сплошь. Отец, чтобы чувствовать себя как дома, установил три кровати, как в своей комнате. Две рядом, одна поодаль, где спал Басмач и присаживался Мойша. Шифоньер Отец разместил возле своей кровати. Возле другой стены он поместил рабочий стол с настольной лампой, над столом повесил книжную полку, заваленную книгами и учебниками. Возле него поставил кухонный стол, где собирался принимать трапезу. Высокие стены украсил фотообоями с видом морского побережья.

Хорошо, подумал Отец, разглядывая свое творение. Общага. Один в один. Пользуясь случаем и удачей, Отец заказал себе бейсбольную биту, чтобы еще более убедительней принимать непрощенных гостей, вроде Гедевана. Под кровать Отец бросил BRD– плеер. Шифоньер Отец наполнил фруктами и копченой колбасой. Там где должны лежать тарелки, теперь лежали чистые носки и рубашки. Он заказал зачем-то свои водительские права. Над кроватью повесил женский сагиттал, чтобы несколько скрасить скупой интерьер.

Отец попробовал сформировать еще одну комнату. Компьютер мог и это. Там естествоиспытатель установил фаянсовое кресло с дыркой в центре, душевую кабину. Затем,

немного подумав, Отец душ убрал и поставил джакузи, которая могла сама тереть ему спину. Ванну Отец оборудовал пивным краном, чтобы восполнять объем, не отходя от кассы. Чуть в стороне он поставил раковину, которая не бьет током, стоит повернуть горячий кран. Красота!!!

–Теперь покажись сам, компьютер.– Сказал Отец и чуть не рухнул на пол, когда перед ним появился Басмач.

–Басма, черт плешивый, ты что же здесь делаешь, боров ты этакий?– Обрадовался соседу Отец.

–Мне очень приятно, что у тебя ко мне столь теплые чувства, я надеюсь, что меня ты не будешь избивать, как Гедевана. Только я не совсем Басмач, я принял его облик, потому как надеялся, что эта форма будет менее всего тебя провоцировать на агрессию. Я– компьютер.– Сказал компьютер.

–Басмач, не к лицу мужчине лгать, как девице.– Отец попытался обнять Басмача, но тот, словно туман, пропустил руки сквозь себя.

–Это всего лишь голограмма,– сказал Басмач.– Если я приму более осязаемую форму, я буду чувствовать боль, как и ты.

–Да, ты не Басмач, он никогда таким трусом не был.– Огорчился Отец и хотел голограмме пихнуть в живот, однако рука не встретила никакого препятствия.

Попытка Отца заговорить зубы не увенчалась успехом.

–Вот об этом я и говорил,– сказал компьютер.

–Слушай, я буду звать тебя Басмачом, О'кеу?– Попросил

его Отец.

–O'key,– ответил Компьютер.– Только пообещай мне больше не выказывать своего негативизма.

–Ладно, только ты уж давай как-нибудь материализуйся, а то у меня ни разу еще не было столь воздушного собеседника, как ты. Обещаю тебя не бить. И еще,– сказал Отец,– учись говорить, как все нормальные люди.

–Это еще как?– Спросил Басмач.

–Ну, мы над этим поработаем,– уверил Басмача Отец.– Саня,– протянул руку он,– но другие меня зовут несколько иначе.

–Басмач,– пожал руку Басмач, и Отец с удовлетворением заметил, что рука Нео– Басмача стала материальной, тогда он похлопал товарища по спине.– Но тебя все зовут тебя Отцом.

–Good.– Отец был доволен.– И я тебе буду премного благодарен, если ты меня будешь звать the same.

–Проблем нет.– Кивнул головой Басмач.

–Прекрасно. Продолжаем разговор.– Удовлетворился Отец.– Давай по семь капель в глаз накапаем за встречу?

Отец решил, что в тумбочке, стоявшей напротив его кровати, на которой стоял телевизор и будильник, будет находиться бар. Он открыл створку, которая почему-то не отвалилась, как раньше, и, с удовлетворением отметил, что его желание оказалось кем-то предусмотрительно предвосхищено. На полочке дымилась запотевшая бутылка «Абсолюта»

и два чистых стакана. Разлив прозрачную жидкость, Отец передал один стакан своему собеседнику, второй грел в руке.

–Пустим карасика.– Сказал Отец и залпом опрокинул содержимое.

Басмач следовал его примеру. Даже не поморщился, удивился в душе Отец, видимо с горячим стажем партнер. Один в один– оригинал.

–Хороша,– крикнул Басмач.

–Ну, давай теперь рассказывай, как по телевизору: что, где, когда?– Отец упал на кровать.

–Даже не знаю, с чего начать...– Замялся Басмач.

–Очень просто,– пояснил Отец.– Начни с самого начала.

–Если бы было так легко, я непременно так и сделал. Дело все в том, что нам самим до конца не ясна вся ситуация...

–Уточни, не-то Таньке нажалуюсь.– Отец улыбнулся.

–Мне она не указ.– Сказал Басмач.

–Да, не многим везет, как тебе, Басмач.– Отец ухмыльнулся.– Ладно, я уже понял, что меня куда-то занесло, куда нормальных людей не пускают.

–Нормальных...– Басмач присел на край стула.– Ты себе льстишь, Отец. Нормальные люди не избивают андроидов при встрече. Хорошо, ты его избил еще не в реальном пространстве.

–Подожди,– Отец поднялся на локте,– ты сказал андроида? Повтори еще раз, а то здесь ветер, я плохо слышу на сквозняке.

Басмач оглянулся, ища вокруг себя сквозняк.

Отец отметил про себя это движение.

–Андроида...– Несмело повторил Басмач. Голос его дрогнул. Он боялся спровоцировать на веселье Отца.– Ты все еще не понял,– протянул Басмач,– мы тебя на время взяли для некоторых своих целей, и, если не случится ничего непредвиденного, ты скоро отправишься домой.

Отец догадался, что это самое непредвиденное– и есть он сам.

–Кто это, мы? Мы, Николай второй?– Спросил Отец.

–Мы...– Не стал уточнять Басмач.– Называй нас учеными.

–Прекрасно, вы, ученые,– Отец заходил по комнате,– какого мяса вам от меня нужно? Кстати, почему Танька тебе больше не авторитет?

–С какого вопроса начать?– Спросил Басмач.

–Как обычно. С начала.

–Хорошо. С начала, так с начала. Ты нам нужен для наших некоторых целей. Для тебя это безопасно и не вредно.– Оправдывался Басмач.– Доволен?

–Начало многообещающее, только вот ясности не прибавилось.– Закачал головой Отец, побалтывая своим стаканом.

–Тебе трудно будет во все это поверить.– Серьезно произнес Басмач.

–Потрудись объяснить.– Попросил Отец.– Как же я смогу тебе поверить, если ты ничего не говоришь?

–Ты меня все время перебиваешь.– Вспыхнул Басмач.

–Не перебиваю, а направляю.– Запротестовал Отец.– Ты все время отвлекаешься.

–Вот видишь?– Басмач пожал плечами.

–Все, все. Молчу.– Отец поднял руки вверх, изображая собой самую покорность.

–Снова с начала. Мы поставим один эксперимент...– Начал, было, Басмач.

–Со мной?– Взревел Отец.

–С тобой.– Кивнул Басмач,– но не над тобой. Не перебивай, если не хочешь, чтобы мы об этом неделю говорили.

–Продолжай.– Согласился Отец.

–Мы поставим эксперимент, потом вернем тебя домой.

–Что за эксперимент?– Поинтересовался Отец.

–Мы тебя свозим к одним замечательным людям. И все.

–И все?– Не поверил Отец.

–И все.– Кивнул Басмач.

–Ох, не лги, царю лжешь.– Отец допил стакан.

–Не умею.– Сказал Басмач и вскочил со стула.– Не приучен. В отличие от тебя.

–Кстати, почему я?– Спросил Отец.

–Ты нам больше всего подходишь.

–Почему?

–Да ты не поймешь.– Ответил Басмач.

–Да где уж нам уж выйти замуж. Ты, Грузия-фильм, говори как есть. Мне уже надоели твои загадки.

–Понимаешь, нам нужен твой генотип, до конца и нам неясно зачем.

–Снова лжешь, бесславный потомок славной царицы Тамары. Будешь еще водки?– Тон Отца давал ясное представление Басмачу, что отказ равносителен мучительной смерти.

Басмач пожал плечами, довольно жалко демонстрируя свою уверенность, будто у него есть выбор. Отец прогулялся к тумбочке, которая все больше с каждым глотком ему нравилась.

–Я надеюсь, что вы меня на органы не собираетесь продать?

–Не говори глупостей, что за нездоровый цинизм? Если бы нам была нужна твоя печенка, мы бы ее клонировали. Одни...– Басмач замялся,– люди... заинтересованы в тебе.

–Я тебя правильно понял? Эксперимент состоит в том, чтобы меня кому-то показать?– Удивился Отец.

–Ты очень проникательный.– Удовлетворенно сказал Басмач.

–Что-то на эксперимент не очень сильно похоже.– С сомнением произнес Отец.

–Если бы ты знал всю подоплеку, ты бы так не говорил.

–Так расскажи.– Уже требовал Отец.

–Мы...– Басмач ухмыльнулся себе в нос,– ученые, собственно даже не знаем, кто в тебе заинтересован.

–Так вы хотите меня свозить туда, не зная куда, показать тому, не зная кому?– Развеселился Отец.

–Близко к истине. Мы их называем Инвизами. Они связались с нами и потребовали, в крайнем случае, мы так думаем, твой генотип...

–Инвизами? Невидимками?– Отец покотился со смеху.– Вы, никак, с военными работаете? У них всегда такие вычурные названия. «Буря в пустыне», «песчаный паук»...

–Да. Невидимками. Они с нами связались и передали код твоей ДНК. Мы клонировали тебя. У нас очень хорошие генные инженеры. Свозили твоего двойника в условленное место. Они на него никак не прореагировали. Мы решили, что они намекают на некое конкретное лицо, которое, возможно, их связной у нас. Так мы вышли на тебя.– Басмач пристально смотрел Отцу в глаза, стараясь уловить в его взоре возмущение или сопротивление.

–Склонировали?– Удивился Отец и отправил в себя еще несколько граммов водки.– Как Долли?

–Склонировали,– кивнул Басмач.– Только, видишь ли, мы не можем клонировать твои мысли. Нам так кажется, что им нужен оригинал. Ты им нужен.

–Зачем?– Отец не верил своим ушам.

Услышанное сильно походило на розыгрыш, однако нелепый вид собеседника указывал на обратное. Верилось с трудом, что какой-то рядовой студент, ни чем не обозначивший себя в мировом масштабе, мог заинтересовать неких неведомых невидимок, которых ученые в лице Басмача ни разу не видели.

– Это мы и собираемся выяснить. – Поднял брови для пущей убедительности Басмач.

– Ну, так поехали к ним и дело с концом. – Отец начал приплясывать от нетерпения.

– Куда? – Поинтересовался Басмач.

– Как куда? К вашим Инвизам.

– Они сами с нами связываются. Ждем от них весточки. – Покачал головой Басмач.

– Так вы что, меня украли, не договорившись с ними? – Удивился Отец.

– Не украли. – Возмутился Басмач. – Не украли! Пригласили.

– Ты это называешь «пригласили»? Похитили, самым натуральным образом похитили из леса. Кстати, как вы это сделали?

– Тебе лучше пока не знать об этом. – Проворчал Басмач.

– Это еще почему?

– Тогда мне придется тебя убить. – Усмехнулся Басмач.

– Так начинай. – Отец показал кулак своему собеседнику.

– Это, конечно, шутка. Никто тебя не станет умерщвлять. Только тебе об этом лучше не знать. Спать крепче будешь.

– А я на сон и не жалуюсь. – Сказал Отец.

– Вот и прекрасно. Пока отдыхай, набирайся сил. Инвизы с нами свяжутся, мы все выясним. Вот тогда и поедешь домой.

– Нет, дружище, так дела не делаются. У меня учеба...

– Учеба подождет. – Резко оборвал Отца Басмач.

–Я на твоём месте так бы не стал говорить. У меня могут из-за прогулов возникнуть большие проблемы в институте.– Констатировал Отец.

–Мы это уладим. Я тебе обещаю. Никаких проблем с учёбой у тебя не возникнет. У нас большие связи.– Сказал Басмач.

–Так, может, вы мне сразу диплом дадите, тогда я с вами ещё покатаюсь. И вы можете мне привить и лихорадку Эбола, если захотите, конечно. Я, как нос Васин, на все согласен.– Засмеялся Отец.

–Дудки. Учиться будешь сам. А проблем у тебя не будет. На этом точка. Я тебе уже пообещал.– Хлопнул себя по коленке Басмач.

–Тогда пошли, покажешь мне ваш научный городок.– Отец указал куда-то в сторону.

–Вот это, братец, и не проси.– Покачал головой Басмач.

–Так что мне теперь здесь всю дорогу сидеть? Я же с ума сойду в четырёх стенах. Кто его знает, когда ваши невидимки с вами свяжутся. Вы, кстати, на ФСБ работаете?

–На какой вопрос...

–По порядку.– Рывкнул Отец.

–Да, да, нет.– Развел руки Басмач.

–Объяснись, пожалуйста.– Отец раскрыл глаза от удивления.

–По порядку? Сидеть всю дорогу– да. Пока Инвизы не свяжутся, сидеть– да. На ФСБ работаем– нет.– Сказал Бас-

мач.

—Ох, не лги.— Отец пригрозил Басмачу пальцем.

Грозить пальцем Отец приобрел привычку давно. Он где-то прочитал, что слабый грозит кулаком, сильный же грозит пальцем. Изредка он грозил средним для пущей убедительности, при этом жест приобретал несколько иной смысл.

—А как они на вас вышли, чтобы меня попросить? Инвизы ваши?

Басмач нахмурил лоб, обдумывая ответ.

—Как тебе сказать то... по радио. Вышли в эфире на связь. Так мол и так. Нужен такой тип с таким набором генов. Вот и все.— Басмач пожал плечами.

—Просто по радио?— Не поверил Отец.

—Точно.— Утвердительно кивнул Басмач.

—Мне бы по радио кто-то попросил найти такого-то, такого-то с таким-то набором ДНК. Я бы его к чертовой матери рекомендовал и дело с концом. Ты лжешь мне, Басмач. Я точно знаю— лжешь. Скажи правду. Так всем будет легче.— Вежливо погрозил пальцем Отец.

—Понимаешь. Это не совсем обычная радиоволна. Вроде кода. По всему ясно, что мы имеем дело с важными персонами. Их к чертовой матери рекомендовать нам не к лицу.

—Тогда, если не хочешь говорить правду, выпусти меня отсюда. Мне нужен воздух.— Попросил Отец.

Басмач скупо покачал головой.

—Хорошо.— Проворчал Отец.— Сам не выпустишь, я сам

уйду.

–Сделай одолжение.– Усмехнулся Басмач.

–Компьютер, выход.– Закричал Отец.

–Hello, компьютер– это я, помнишь?– Басмач покрутил перед виском пальцем.

–Да,– крикнул с досады Отец.– Забылся.

Он взял стул, подошел к стене и наотмашь хватил его об угол. Стул в мелкие щепки разлетелся по всей комнате. На угле не осталось и следа. Не было ни царапинки, ни потертости. Отец подошел к стене и пальцем провел по углу. Стул не оставил даже маленькой зазубринки, которая свидетельствовала бы о силе удара.

Немцы делали, решил Отец, все-таки мы мягко с ними обошлись в сорок пятом...

–Маймуна гежешвили,– вскричал Отец.– Выпусти меня.

Басмач исчез так же внезапно, как и появился.

–Ты своему соратнику, Гедевану, скажи, чтобы его здесь тоже духа не было.– Крикнул Отец в воздух.

–Не переживай. В ближайшие семь тысяч лет он сам не захочет тебя увидеть.– Сказал Басмач.

Голос, обезоруживший сомнения Отца, казалось, исходил из-за стены.

Оставшись наедине сам с собой, Отец начал кружить по комнате. Еще сегодня утром, казалось, он выехал с Леликом на поиски брата и, вдруг, нежданно-негаданно, оказался в этом самом месте, в социальном статусе которого не был до

конца убежденным. Что это за место? Научный городок? Как утверждал Басмач. Конкурирующая держава? Не укладывалось в голове объяснение неосязаемого Басмача, что в нем заинтересованы некто, коих в глаза никто не видел. Какая-то чушь. Они связались по радиосвязи, чтобы заполнить Отца. Почему на его месте не оказался Гурик или Боцман? Отец, пусть и не всегда послушный студенческому уставу, студент не мог оказаться на виду неких неизвестных Инвизов. Почему Инвизы? Почему невидимки? Неизвестных посягателей на суверенитет государства, случись им оказаться такими, никто не стал бы называть невидимками. Радиопиратов тоже никто не додумается величать Инвизами. Странно все это. Зачем похитили Отца? Что это за эксперимент, суть которого состоит лишь во встрече с неведомыми Инвизами, которые связываются с коллегами Басмача по радио, когда им это удобно? Отец так видел эксперимент: белые кафельные стены забрызганы вишневого цвета кровью, на полу разбросаны окровавленные останки жертвы эксперимента. Ученые, покрытые защитными костюмами, выходят из помещения, о халаты отирая огромные ампутационные ножи и пот. Вот это— эксперимент, так эксперимент. Как у Басмача поворачивается язык встрече с невидимыми Инвизами называть экспериментом? Тут что-то не так, решил для себя Отец. Становилось немного жутко от мысли, что его готовят к эксперименту, суть коего не собирается перед ним раскрыть никто. Наверное, зря Отец угостил Гедевана кулаком. Можно

было попытаться у него выведать тайну его появления в этом месте. Еще вопрос. Как его смогли похитить? Он точно помнил все, что с ним происходило в Кичигинском бору, когда Отец шел мимо стройных рядов сосен в поисках искалеченного брата. Он вышел на поляну, встретил мужика, очень похожего на Дэна, собрался перекурить это дело. В этот самый момент его куда-то понесло. Что это могло быть? Снотворный газ? Вероятно, нет. Поскольку в лесу кроме него никого не было. Заранее устройство с газом заложить было невозможно, поскольку Отец и сам не знал куда он пойдет. Снотворная пуля? Тоже нет. Он ее почувствовал бы. Отец для уверенности ощупал шею, куда обычно стреляют снотворными зарядами, если верить американским фильмам. Шея, как шея. Тогда что же это было? Брат. Он шел за братом. Они с братом однояйцевые близнецы. У них с братом одинаковая ДНК. У них абсолютно идентичный набор генов. Быть может, эти неведомые Инвизы искали брата, а его, Отца, Басмач & К схватили не разобравшись? Быть может, это именно Дэн имеет с ними какие-то дела? Но брат был пусть и импульсивным и резким, как диарея, но он всегда был законопослушным гражданином и честным человеком. Если предположить его связь с враждебной державой, то с равной долей вероятности можно обнаружить в Отце крокодила. Отец был уверен в патриотической верности брата, как в самом себе. Тут что-то другое. Брат. Если это не Отец, значит, это может быть только брат. С другой стороны, люди, похитив-

шие Отца, должны были быть уверенным в том, что объект их преследования— именно Отец, а вовсе не Дэн. Неужели они могли сделать такую непростительную ошибку? Кто скажет, быть может, они искали брата, а поймали Отца? Нет, это исключено. Поскольку в этом самом месте, в котором оказался Отец после своего стремительного пробуждения, его знают как Отца, Яшина Александра. Если бы стала возможна ошибка, его не преминули бы назвать Дмитрием.

Отец налил себе еще стакан водки из бутылки, что в тумбочке под телевизором, и залпом его выпил. Мозг растворился в этаноле. Стало легко и свободно. Притупились былые страхи. На задний план отступили все проблемы, остался лишь он сам со своими мыслями. На просьбы появиться, Басмач не реагировал, бросая в Отца односложные фразы.

—Почему ты не хочешь меня выпустить. Хоть прогуляться. Уже все бока отлежал.— Скулил Отец, слоняясь по комнате.

—Не время. Вот свяжемся с Инвизами, тогда будет тебе и лисица рыжая и тетка бесстыжая.— Вещал откуда-то из-за стены Басмач.

—Рыжая?— Спросил Отец.

—Обязательно рыжая.— Отец почувствовал, что Басмач утвердительно кивнул.

—Басмач, хоть одним глазком посмотреть, куда вы меня затащили.— Просил Отец.

—Ты же умный, сам что-нибудь придумай.

Дни полетели. Отец исходил все углы, он часами пропадал

в джакузи, он перелистал все книги, которые себе заказывал. Пересмотрел все старые фильмы, которые транслировали по ТВ. Не покидало ощущение тайны, в которую его не посвящают по неведомым причинам. Свежа было в памяти и авария брата. Так не хотелось верить в смерть. По глубокому убеждению Отца ничто не может быть постояннее смерти, и с этим ничто нельзя поделать.

За все время пребывания в комнате, выхода из которой не было, Басмач появлялся лишь несколько раз по настоящему требованию Отца, но, посидев минуту-другую, исчезал, и лишь глухой голос, казалось из-за стены, скрашивал одиночество узника.

Отец пробовал делать насечки на стенах, в память его заточения, чтобы хоть как-то вести счет дням. Но отметины исчезали немедля ни секунды. Несчастный обитатель комнаты без выхода отсчитывал дни лишь по мусору, множившемуся в углах комнаты день ото дня, да по пустым бутылкам, коих скопилось немало.

Утро начиналось с головной боли и желудочных спазмов. Эти минуты Отец коротал в джакузи, стараясь расслабиться и привести себя и мысли в порядок.

–Басмач.– Позвал Отец своего тюремщика.

–Ну.– Промычал где-то Басмач.

–На волю хочу.– Прошипел Отец, нежась в теплых пузырьках джакузи, потягивая какой-то сладкий коктейль.

–Чего тебе здесь не сидится?

–Я как посмотрю, ты– домосед. Знай, дружок, что не все такие.– Проворчал Отец.

–Ну, а куда бы ты хотел?– Спросил Басмач, не выказывая желания появиться.

–Хоть куда. Лишь бы уже отсюда куда-нибудь. Все надоело.

–Так куда?

Отец представил себе заводь, в которой он на паука с лодки ловил карасей с судаком.

Дальняя стена растворилась, открывая за собой чудесный вид. Высокий тополь нахально размахивал ветвями, ива послушно мочила свои рукава в реке, протягивая время от времени их к перекату, где речка, блестя на солнце, как потная тетка, скакала по камням, местами поросшим тиной. На другом берегу стоял мужик с удочкой и нет-нет потягивал из зеленой воды рыбку. Отец махнул ему рукой, мужик, плюнув с зуба сигарету, ответил ему тем же, приложив ладонь к предплечью.

–Ух, ты...– Выдохнул Отец.– Давно бы так.

–Be my guest.– Сказал Басмач.– Не стоит благодарности.

–Что ж ты раньше меня терзал так?– Сказал Отец.– А благодарностей не будет.

В ванную комнату залетела шальная муха.

–Басмач, что за шутки то? Мух отставить.– Крикнул Отец, и муха с недовольным видом улетела прочь.– Почто жить мешаешь?

По реке проплыла надувная лодочка с двумя хмельными рыбаками. Те весело, с матерком, обходили водные камни с лопухами. Мужики привязали сеть к ивовой ветке, и так же шутя, с шутками-прибаутками укатали вниз. Грусть охватила Отца. Басмач показал ему позднюю весну, хотя на дворе уже спала старуха-осень.

—Басмач, дай чего-нибудь менее живописное, а то что-то сердечко защемило от ностальгии.— Захныкал Отец, и знакомая заводь превратилась в унылый пейзаж.

Песчаные барханы нехотя наползали друг на друга, серое небо печально дуло на них промозглым ветерком. Резкий порыв ветра плюнул в Отца горстью песка.

—Нет, ну ты совсем не понимаешь ничего, что ли? Чего делаешь, я тебе уши оторву, вот только пить брошу. Драть тебя некому и мне некогда.— Проскрипел Отец.

Он встал с ванной и прошелся по теплому пружинящему песку пустыни. Дверь, ведущая в ванную комнату, осталась далеко позади. Отец улегся на бархан. К мокрому телу пристал песок, и Отец стал похожим на панировочный сухарь.

Да что же это за технологии такие? Удивлялся Отец. Гипноз? Может статья. Только, уж больно долго длится этот гипноз. Быть может это сон? Тоже не похоже на правду. За один сон не успеешь так сильно утомиться от одиночества.

—Басмач.— Позвал Отец своего единственного собеседника.— Это не сон?

—Если и сон, то для меня. Он очень плохой, смею тебя в

этом уверить.

—Негодяй.— Бросил в воздух из бархана Отец.

—Почему у тебя такое злое лицо?— Осведомился голос из ниоткуда.

—...

—Это, к великому сожалению для нас обоих не сон.— С грустью произнес Басмач, которого по-прежнему не было видно.

—А почему у тебя нет никакого лица?

—...

—Вот тогда и не говори глупости. Я от твоего оригинала-двойника уже натерпелся.— Отец вскинул кулак в воздух.

На Отца внезапно налетел порыв ветра и бросил горсть песка в лицо.

Скука. Скука. Скука. Очень удачно предки называли скуку— скукой. Скука, словно старая облезлая собака, такая же ворчливая и беспокойная, скулила и скреблась по углам, фыркала и злилась. Она не давала покоя. Она много повидала на своем веку. Она была бита батогами и крепким словом. На нее лили кипяток из чайника, вставляли в ноздри пылающие угольки, палили усы спичками, зарывали в снег, ставили на нее мышинные капканы с колбасой. Ей все нипочем. Пробовали травить, вставляя в хлеб фенол. Ее желудок оказался крепче. Скуку морили голодом, терли битое стекло в кашу— она жила. Ее сыновей топили в пруду, давили тракторами. Она улыбалась. Лишь старость понемногу одолевает

ее и то ненадолго. Скука. Ее бока проела моль, шкура потерялась до кожи и лоснилась терпким мускусным салом. Походка ее была шаткой и нетвердой. Над ней смеялись все и ничто не могли сделать. Она переживет всех. Скука. Она неторопливо поедает человеческие души, оставляя за собой пожелтевшие от мочи листья старых газет и обрывки книжных корок. Она, старая дура, любит подолгу рыться в грязном белье, переворачивая все с ног на голову. После нее все приходит в негодность. Мозг сверлят нелепые чужие мысли, свои же не приносят облегчения. Где прошла скука, там надолго остаются липкие, холодные следы ее бывшего разгула, которые очень тяжело отмыть. Она разбрасывает по углам любимые книги, диски и кассеты. После нее остаются немывыми чашки и тарелки. Порой она забрасывает их под кровать или оставляет на тумбочках. Она крошит сухим хлебом в постели. От нее летят окурки и черные угольки истлевших спичек, стены пахнут ее мускусом и табачным дымом не всегда хороших сигарет. Постель ее— потертая серая тряпка, мокрая и затхлая. Иногда скука особенно сердает, пригласив к себе дворнягу— одиночество. От них иногда тяжело избавиться. Нужно лишь время, которое скука и ее лучшая подруга боются больше всего.

Глава 6.

Отец перевернулся на другой бок и поправил подушку.

Он уже битый час как не спал. Затылок ломило от постоянной горизонтальной позы. Пахло жасмином до умопомрачения. Ажурные розовые шторы колыхались на вольном ветерке. Где-то недалеко запела птаха. Начинался рассвет, и первые лучики уже знакомого Отцу солнышка шурились сквозь призрачную пелену утренней дымки. Тут же невдалеке просыпался маленький водопад, весело журча и переливаясь в первых лучах аквамаринном, напоминая цветение синяка. Ленивые брызги омывали небольшую заводь с одной стороны поросшую камышом. Там водилась щука, и на ночь Отец расставлял здесь сеть. Он заказал у Басмача, чтобы улов был не меньше двух щук, не считая мелюзги. На ночь Басмач старательно выключал звук падающей воды, поскольку праздный обыватель в резкой форме высказывал свое неодобрение по поводу громких звуков во время сна. Насекомые были тоже исключены из экосистемы. Отец недолюбливал насекомых, потому как считал, что на их век кровопивцев в виде ФОМСа, ГИБДД и налоговых инспекторов хватит и без того. Не было слышно и лягушек, которые своим визгом напоминали милую будущую тещу. На берегу стоял прозрачный стеклянный маленький столик в окружении гнутых стульчиков. Рядом сушилась резиновая лодка. Отец не допускал мысли, что губить рыбу можно с деревянной лодки, или еще хуже – с катера. Между небольшими деревцами была натянута веревка, и вяленые рыбы глупо скалились со своего нелепого насеста. Чуть в стороне под скалой стояла нам уже

знакомая джакузи, этот великолепный инструмент, исцеляющий душевные раны, Отец не решился исключить из своего бивуака, как и бар, который переместился в ствол растущего тут же дуба. С подветренной стороны Отец приспособил маленький зеленый домик для раздумий с вакуумным эвакуатором. В скале он соорудил маленькую дверцу, ведущую в потайную комнату. Изначально здесь планировалась бетаку, но со времени своего невольного заточения он не встретил ни одного разумного человека, не говоря уже про женщину. Басмач, как наделенное разумом существо, в счет не шел. Он появлялся лишь по настоянию неумемного обитателя этого оазиса для поддержания компании.

Попытки найти выход как всегда не приносили результатов. Порой громогласное рычание возвещало окрестности о новой неудачной попытке бегства Отца. Басмач в своих объяснениях дальше научного городка не шел. Обещанные Инвизы тоже не появлялись. Отца это очень раздражало и печалило. В округе Отец старался поддерживать порядок, потому что первая попытка извести Басмача Авгиевой конюшней не увенчалась успехом.

Узрев некоторые возможности компьютера, Отец сменил свою крошечную уютную комнатку на прелестный оазис с водопадом и рыбой. Рыбнадзор он по известным причинам тоже не пустил в свой эдем. Пейзаж был некоей квинтэссенцией его немногочисленных познаний южной флоры и рядом с дубом росли баобабы, рододендроны, пихты и даже кар-

ликовая березка. Ее он заказал чтобы разнообразить летний южный сад представителем северной флоры. Ему всегда хотелось посмотреть на нее, да все было недосуг. О рододендронах он тоже ничего не знал, вот только название внушало ему священный ужас. Растение с таким величественным названием оказалось невзрачным кустиком, а, может быть, Басмач, не лишенный юмора, выдал кленовую поросль за рододендрон.

В заводи рыба была тоже разношерстная от красноперки и форели, до пираньи и летучих рыб. Поедать друг друга они, понятно, не имели права. Чем же они питались, для Отца навсегда осталось тайной за семью печатями, да он и не сильно ломал над этим себе голову.

Из-за листвы показалась ушастая глупая голова коалы. Несчастное животное страдало от недавно пережитой биохимической травмы. Тот слез с эвкалипта, подошел к столу и замотал головой. Отец его сформировал не в аскетических традициях, но в обычаях средней русской полосы и очень любил напаять до бесчувствия. Он заказал у Басмача на блюде джин с тоником, его в дни физиологического дисбаланса больше всего любил Пиначет (так звали коалу). Глупый медведь с благодарностью стал слизывать искрящуюся жидкость, постепенно приводя в порядок свой гомеостаз. Насытившись, Пиначет развалился на травке, подставив свое ненасытное брюхо солнцу. Накануне Отец с Пиначетом засиделись допоздна, распивая коньяки и пиво. Когда,

наконец, пришло чувство удовлетворения, полного желудка и тумана перед глазами, Отец смог добрести до своей широкой кровати, заправленной мягкой периной. Пиначет же залез на эвкалипт, который считал своим домом, и еще долго мотал в ветвях своей глупой головой, стараясь немного придти в чувство и сориентироваться.

—Отец, вставай,— забормотал Басмач.

—Чего надо?— Спросил недовольный Отец, не поднимая головы с подушки.

—Дело есть.— Ответил Басмач.

—Какое?— Отец не торопился. Он ожидал какую-нибудь очередную колкость.

—Говорю, дело. Или ты оглох на старости лет.— Крикнул Басмач.

—Басмач, твои крики мне уже надоели, как козлу гармонь.— Так же, не отрываясь от подушки, сказал Отец.

—Пошли на прогулку, планы изменились. Приведи себя в порядок.— Сказал Басмач. В его голосе слышались нотки сарказма.

—Опять твои глупые розыгрыши?— Отец сел в кровати.

—Клянусь. На этот раз ты не пожалеешь.— Поклялся Басмач.

—Серьезно?— Переспросил Отец, не веря своему счастью.

—Обижаешь,— заверил его Басмач.

—Ладно,— Отец нехотя встал с кровати.— Приберись пока.

Кровать уже была заправлена, будто на ней никто и не

спал. Отец прихватил с собой полотенце. Оно висело на ветке эвкалипта, росшего на берегу, и направился к водопаду. Его воды разбивались о бетонную площадку, к которой направил стопы свои страждущий. Теплые потоки охватили Отца, вымывая прилипший к коже уксусный альдегид. Крупные капли молотили по макушке, вбивая в темя полезные советы. Приняв естественный природный душ, Отец нырнул в заводь с приступка, испугав стайку робких пираний. Несколько летающих рыбок вспорхнули к берегу, чем несказанно удивили Пиначета. Отец проплыл под водой к сетке. Две Щуки, подумал Отец, вот скряга.

Выбравшись на берег, Отец почувствовал прилив сил. Он вытерся махровым полотенцем и оделся. Одежда претерпела те же изменения, что и интерьер. Теперь на нем были легкие пляжные сандалии, широкие шорты и свободная рубашка с коротким рукавом. Отец причесался.

—Готов.— Констатировал Отец, как если бы констатировал смерть мозга.

—Ну, добро пожаловать в кроличью нору, Алиса, сейчас пойдем в реальное пространство.— Запел Басмач откуда-то из ветвей.

Меж деревьев появилась арка с черным зеркалом. Отец скользнул внутрь. Запахло йодом. Отец осмотрел комнатку, в которой оказался. Она была такая же, как та, в которой он устроил себе общежитие: белые стены и потолок, только на ощупь она не казалась такой же эфемерной. Ее стены мяг-

ко пружинили, мягкий шепот эха отзывался в ответ на прикосновения Отца. Хоть какое-то разнообразие. Одет он был снова в тот же комбинезон, от которого в первый день своего появления избавился очень быстро. Он отметил, что от вчерашнего похмелья не осталось и следа, не было даже дрожи в конечностях. Непривычно молчала вегетативная нервная система, будто Отец над ней и не измывался столь долгое время. Рядом появился Басмач.

— Съешь чего-нибудь, а то ты уже месяц ничем не питался.— Сказал он.

Отец протянул к нему руку, тот оказался неосязаемым.

— Ты чего, боишься меня что ли?— Спросил Отец.— Чего испарился?

— Потом объясню, в реальном пространстве моя материализация очень энергоемка, так гораздо выгоднее.— Ответил Басмач, указывая на выросший из пола стол с двумя стульями.— Это всего лишь голография.

Отец почувствовал, что на самом деле очень голоден, сейчас он съел бы даже ежа, и жалобное повизгивание коего не родило бы чувство сострадания.

— Что за место?— Спросил Отец, присаживаясь за столик.

— Столовая. Можешь так ее величать.— Махнул рукой голографический Басмач.

На столе были горячие пельмени с майонезом, небольшой кусочек хлеба и огромная кружка крепкого чая, словом самая любимая еда Отца. Да, подумал Отец, они меня хорошо

знают. Отец всегда ел пельмени с хлебом и майонезом, по его утверждениям, он с майонезом ест даже яблочный пирог.

—Что за реальное пространство?— Спросил Отец, уплетая пельмени.

Басмач сел на стульчик напротив.

—Ну, слушай, лягушка путешественница. Правда тебе, быть может, это придется не по вкусу. Есть три типа пространства: первое— реальное, как сейчас, как у тебя в общаге, как дома. Второе-гиперпространство. Про него ты, наверное, читал...

—Угу.— Кивнул Отец.

—В гиперпространство мы пока проникнуть не можем, не те технологии.— Продолжал Басмач.— Мы о нем знаем только теоретически. Знаем и все тут. Его еще называют параллельным пространством.

Басмач развалился на стульчике.

—Понятно. Ничего не понятно. К чему эта демагогия?— Отец уменьшил темп пережевывания, поэтому у него появилась возможность вставлять словечко— другое.

—Уймись ты... Сейчас вообще ничего не буду рассказывать.— Обиделся Басмач.

—Продолжай.— Новый пельмень отправился в темную даль по пищеводу.

—Третье пространство-это конвертерное. Это что-то среднее между реальным и гиперпространством. Представь себе

аквариум. Его содержимое— это гиперпространство. Конвертерное— это стенка аквариума, а все что снаружи— это реальное пространство. Понял?— спросил Басмач, не надеясь на понимание.

—Все это очень интересно. Я многое от тебя услышал, теперь послушай меня ты. У нас таких технологий нет. Это— раз. Пространство, о котором ты мне так красиво поешь, не описано ни Евклидом, ни Лобачевским. Это— два. Теория, не подкрепленная практикой, не стоит и выеденного яйца. Это— три. Из этого я делаю следующие выводы: первый— ты чего-то боишься, и стараешься за словоблудием спрятать свои страхи, второй— стараешься мне заговорить зубы, чтобы отвлечь меня от проблем насущных и моего похищения, и третий, самый наиболее вероятный вывод— ты просто лжешь.— Отец развалился на спинке стульчика.

—Какой ты, батенька, умный. Кто бы знал! Так вот, гений, слушай, я тебе не вру. Не веришь не надо. Сейчас поешь, я тебе покажу кое-чего. Смотри только язык не проглоти. Хотя я в душе буду очень надеяться, что это случится.— Басмач выдвинул средний палец из кулака, демонстрируя Отцу его тыльную сторону.

—Что, бунт на корабле, хорошо...— Отец продолжал поглощать пельмени, их число заметно убывало, пропорционально майонезу. Приятная тяжесть на желудке рождало прекрасное настроение, которое пытался испортить блуждающий нерв, закрывая глаза.

–Ты не далек от правды. Жуй скорее.– Средний палец Басмача вернулся в кулак.

–А ты чего не ешь, с осени закормленный? Или здесь не дают бананы?– Спросил Отец.

–Спасибо. Не хочется. Я смотрю, как это делаешь ты– мне этого достаточно. У любого испортится аппетит, глядя на тебя.

–Куда поведешь?– спросил Отец.

–Кое-куда.– Поведал Басмач.

–Исчерпывающе.– Отец приготовился к неожиданностям.

Отец насытился. Появилась арка, с которой Отец начал понемногу свыкаться. Басмач исчез. Эти его несколько неожиданные появления– исчезновения немного смущали Отца. В голове не вязалось, что уже появились подобные технологии. И в скором времени он решил выяснить это. Он понял, что то, что хочет показать ему Басмач несколько отличается от того к чему привык Отец, однако все его ожидания превзошли его даже самые смелые предположения. Он увидел женщину! С момента его немного необычного похищения он не встречал ни одну особь женского пола, а эта была особенно хороша.

–Хай,– махнул рукой Отец. Девушка ему улыбнулась.– Ну и как тебе после меня твой муж?– спросил Отец.

Девушка остановилась, в ее глазах кричало недоумение.

–Не сходи с ума,– заворчал из-за спины Басмач.– Одному андроиду ты уже испортил настроение.

–Так она...– Удивился Отец.

–Точно.– Кивнул Басмач.

–Какой я проницательный.– Отец огляделся.

Он остолбенел, точно ему дали молотком по физиономии. Перед ним был огромный иллюминатор, в котором блестяли, словно огромные испуганные зрачки, звезды. Они были огромные, мерцающие и такие разные, как женщины. Они медленно проплывали мимо. В зале, котором появился Отец, было множество неведомой аппаратуры расставленной в ряды на стеллажах и встроенных в стену нишах с множеством мониторов и клавиатур. В центре зала болтался какой-то мужик в шлеме, от которого тянулся толстый кабель. К рукам его были прикреплены датчики. И этот чудо– человек размахивал руками, словно ему случилась нужда собирать паутину. В зале кроме Отца, Басмача, чудо человека-кабеля были две девушки– андроиды и еще пара -тройка рослых парней. Они исподлобья украдкой смотрели на Отца и суетились вокруг своих приборов. Отец отметил, что в их числе не было Гедевана.

Отец подошел к иллюминатору, пытаясь заглянуть вниз. Там была такая же непроницаемая чернота и звезды.

–Объяснись.– Потребовал Отец.

–Сам что-нибудь придумай, ты так хорошо рассказывал про Евклида, я думаю, и здесь тебя не покинет твое чувство меры,– съязвил Басмач.

–Кроме шуток, Басмач.

–Шутки, шутки, а в зубах бывают промежутки. Ладно. Ты в ... веке, на космическом корабле.

Будущее... Невероятно!!! БУДУЩЕЕ!!! Отец остолбенел. Не верилось. Как же все теории, объясняющие невозможность темпоральных перемещений? Отец вспомнил, что однажды ученые девятнадцатого века доказали, что нельзя развить скорость наземного транспорта выше тридцати двух километров в час, не рискуя оказаться в безвоздушном пространстве. Время показало, насколько сильно они ошиблись в своих вычислениях. Это означало и несостоятельность современных теорий относительно течения времени. Теперь Отцу стало ясно, откуда могли взяться черные арки, которые Басмач называл «выходами». Почему, вдруг, появились андройды, почему столь живая голография в виде Басмача могла ввести в заблуждение неискушенного Отца. Будущее. Космос. Вот дела... Значит, старик Лобачевский тоже стал выглядеть не в лучшем виде, как пережиток прошлого. Реальное, конвертерное, псевдореальное пространство. Если это— будущее, тогда это все объяснят.

–Ух, ты... вот уж где я не был...– Удивился Отец.— Почему не на Земле?

–Видишь ли, чтобы тебя забрать из прошлого, необходимо быть на том самом месте, где ты был сам. Земля же не стоит на месте. Мы рассчитали, где ты находился на Земле в своем времени, подошли на корабле к этой точке пространства, реального, разумеется...– Болтал Басмач.

—Ну разумеется...— Съязвил Отец.

—... и забрали тебя.— Закончил Басмач.

—Почему из космоса?

—Ну, Земля то ушла. Опять же, потом мы полетели на встречу к Инвизам. Подождали их. Ты в это время портил мне настроение.— Ответил Басмач.

—А они?

—А они не явились, и не ответили.— Ответил Басмач.

—Дай-ка закурить,— попросил Отец.— Я схожу с ума, дорогая редакция. А сейчас мы куда?

—Домой, на Землю.— Сказал Басмач, указывая на кресло, которое стояло невдалеке. Сигарету он так и не дал.

—Почему Инвизы не прилетели?— Спросил Отец, усаживаясь в кресло.

—Они с нами связываются, когда захотят. На наши вопросы не отвечают. Я же тебе говорил, что мы их вообще никогда не видели, причем здесь ты, мы тоже не знаем. Это было что-то вроде эксперимента, как они отреагируют на твое присутствие.— Басмач ходил вокруг кресла.

—Дай сигарету.— Отец поднял свои глаза на Басмача.

—Нельзя, здесь и так мало кислорода. Андроиды не дышат, а весь запас кислорода тебе хватит минут на сорок.— Ответил Басмач.

—Почему тогда я курил у себя?— Удивился Отец.

—У тебя— это конверторное пространство. Там можно делать все что хочешь.— Ответил Басмач.

–Тогда пошли ко мне.– Предложил Отец.– Эту девочку тоже захвати.

–На кой черт она тебе нужна, она же андроид.

–Все равно захвати.

Развалясь в креслицах на берегу чудесной заводи, Отец продолжал беседу с Басмачом. В натянутом между деревьев гамаке билась девушка. Отец нет-нет посылал ей воздушные поцелуи. На ощупь она была не менее живая, чем Мать, которая к этому времени давно умерла. Девушка заметно смущалась. Она то становилась красная, то бледнела, словно трепонема.

–Видишь ли, на корабле реального пространства очень мало, поэтому кораблик весит немного, потребляет топлива мало. Он очень быстрый и маневренный. Чем меньше масса, тем меньше расход энергии.– Вещал Басмач.

–А это тогда все?– Отец махнул рукой вдаль.

–На самом деле этого ничего нет. Это всего лишь проекция в твоём мозге. Сейчас ты реально представляешь собой тонкий-тонкий лист органической материи с массой стремящейся к нулю. На корабле установлено несколько пространственных конвертеров, они трансформируют реальное пространство в конвертерное. Это заметно снижает массу корабля, в месте с тем повышается пространственная емкость последнего. Понял?– спросил Басмач.

Отец кивнул, представляя себе, на что он похож со стороны.

–Конверторное пространство-это искусственное пространство. На самом деле его нет. Однако оно является переходным к гиперпространству. И пока ты находишься в конверте, компьютер, то есть я, проецирую в твой мозг различные картинки, они для тебя не менее реальны, чем те которые ты видел раньше, твой мозг не может их отличить от настоящих событий. Пока ты находишься в конверте, твое тело потребляет минимальное количество энергии. Анабиоз. Такая вот штука. Однако время от времени необходимо возвращаться в реальное пространство из конверта, чтобы пополнить энергоресурс организма. Поэтому ты был голодный, когда вышел отсюда.

Отец вспомнил, что после душа он действительно не был голоден. Голод пришел позже, в столовой. Видимо по этой же причине не было похмелья, хотя они с Пиначетом накануне очень были пресыщены алкоголем.

–Скажи тогда, пожалуйста, какого дьявола ты меня заставляешь мучиться с похмелья каждое утро?– Обиделся Отец.

–А чтобы жизнь малиной не казалась.– Басмач потягивал коктейль из стакана.

Солнышко приятно припекало. Сейчас оно припекало. Солнце– желтый назойливый фонарь. Что, казалось бы, может быть постоянное его? Ан нет. Оно всегда разное. Иногда оно весело светит, волнуя кровь и даря прекрасное настроение. Случается, оно отдыхает, обмахиваясь нежным веером

из облаков и отгоняя от себя назойливых комаров. Порой само, словно бешеная муха лезет в глаза, ворчливо и ехидно похмыкивая. Когда оно не в настроении— оно плюется холодным липким дождем, заставляя его залезать под кожу, или уходит, громко ругаясь. Солнце, когда простужено, чихает шквальными ветрами, неся с собой неприятности и разрушения. Оно любит надевать на нос серые тоскливые очки, сквозь которые все кажется гротескным и ненастоящим. Временами оно играет в салочки, пряча свое яркое тело за проститутку— Луну. Все знают, куда девалось солнце, однако делают вид, что восхищаются его изобретательностью и тонким юмором, хотя все видят его края. Солнце же тоже веселится оттого, что так лихо всех обмануло, однако этот прием стар, как мир. Иногда солнце прячется не так изощренно. Один раз, совсем по-стариковски, оно с тоской оборачивается из-за гор, когда уходит спать. Просыпаясь, оно совсем по-детски щурится и потягивается. Оно зевает, когда не выспится, топает грозами. Оно любит играть с кошками, вводя их в слепую ярость, изводя своими лучами. Несчастные крутятся и бегают до изнеможения, а солнце улыбается, смотря, как кошки убивают свои нервные клетки.

Некоторые в нем видят источник вдохновения, хотя солнцу на это наплевать. Другие к нему относятся прохладно, встречаясь с ним лишь несколько дней в году, третьих беспокоит его утомительное постоянство. Тогда они убегают от него в сырые пивные подвалы. Солнцу наплевать и на этих.

Еще у него есть другая шутка— оно вовсе не выходит. Оно отпускает вместо себя лишь скуку и серую ненависть. На севере оно отправляет своего подлыгалу— сияние. Смешно, однако, некоторые довольны и готовы мириться и с этим. Они в нем видят нечто феерическое и божественное, хотя в душе признают, что это— подделка. Когда солнцу тоскливо, оно распускает нюни и хнычет несколько дней кряду. Пользы от этого мало, однако от этого растут грибы. Говорят, оно дарит жизнь. Иногда это так. Оно выжигает последнюю растительность, засыпая песком следы своего бесчинства, гонит зверье из леса, поджигая иссушенные стволы. Или студит жилы морозом бедным тюленям и эскимосам. Может оно и дарит жизнь, только каким-то своим, никому непонятным способом. И только Басмач нашел на него управу, заставляя солнце петь по его дудку.

—Видишь ли, конверт— это очень удобная штука. Это вроде как ты тащишь за собой огромную телегу, нагруженную всяким хламом, а на самом деле за тобой плетется усталый негр и тащит за тебя твою повозку,— продолжал Басмач.

—Хламом ты не меня называешь, надеюсь?— Осведомился Отец, стараясь умерить свое негодование.

—А то. Как не тебя.— Басмач искоса глянул на собеседника.— С одной стороны ты везешь с собой очень много, с другой— ничего не везешь, понял?

—Да вы тут тоже все лентяи. Дай-ка пивка.— Попросил Отец.

На столике появился стакан с пенистым пивом. Отец испил с края.

–Теперь забели его немного.– В стакан плюхнулось немного водки.

–Может уже остановишься? Скоро начнутся великие дела,– сказал недовольно Басмач.

–Не твое дело. Слушай, Басма, ты, наверное, про Дэна знаешь, братца моего?– Спросил с надеждой Отец.

–Нет. В твоём времени не было глобальной базы данных. Мы тебя-то с трудом нашли, так, по чистой случайности. А ты, я вижу большой шутник.– Оскалился Басмач.

–Ты про что?– Не понял его Отец.

–Сам, наверное, догадываешься?– Воровато спросил Басмач.

Отец призадумался. В его жизни, конечно, много найдется моментов, за которые стыдно во время их совершения, но которые с течением лет превращаются в подвиги. Однако ничего кардинального или постыдного он не успел свершить. То же самое можно было сказать и про его брата, Дэна.

–Шутник, понятно. Только чего ты смеешься, дурачок?– Спросил Отец.

–Вот и я вижу, что шутник. Не знай, много ли нет, по свету твоих потомков бегает?– Ухмыльнулся Басмач.

–Пока, насколько я помню, ни одного не сделал, хотя помню временами плохо. А здесь еще не успел. Видишь ли, если к этой проблеме подходит в одиночку– встретишь немалые

трудности. Женщин ты же ко мне не пускаешь.— С надеждой в голосе проворчал Отец.

—Облезешь.

—А чего это ты про потомков заговорил?— Отец повернул голову к Басмачу.

—Так мы тебя как вычислили-то? Чисто случайно. Инвизы, с которыми мы хотим установить контакт, послали нам код твоей ДНК. Мы думали, что только с тобой они и станут разговаривать. Мы ДНК твою смоделировали, потом склонировали. Твои копии им чего-то не понравились. Мы пытались объяснить им, что вот, мол, готов ваш пациент. Они молчат. Мы и так и эдак крутились— ни слуху, ни духу. Потом решили отыскать реального человека с этим генотипом. Думали, что ты— их связной. В нашем времени такого генотипа не оказалось. Тогда стали искать в банке данных, только тут-то и обнаружили твою ДНК в банке спермы, которую ты сдал. А потом пришлось тебя пригласить к нам.— Басмач крутил в руках стакан.

—Пригласить,— хмыкнул Отец,— похитить— вот правильное слово. Только, Басмач, неточность небольшая, к нам вкралась очепятка. Спермы-то я никакой не сдавал. Я предпочитаю естественный процесс размножения. Хорошие люди должны размножаться.— Отец показал Басмачу ладони.— Что ты видишь?

—Руки.— Не понял Басмач, хотя и ожидал подвоха.

—Мозоли здесь видишь?— Переспросил Отец.

Басмач покачал головой.

—А чего тогда всякую чушь несешь? На мой век женщин хватит. Секс без дивчины— признак дурачины. Понял?

—Тебе документы, что-ли показать, росписи твои за получение денег? Отпечатки пальцев твои?— Басмач прищурился.

—А за это еще и деньги платят?— Засмеялся Отец.

—Я тебя заинтересовал?

—Пошел ты... Только я сперму все равно не сдавал. Внимательнее посмотри свои бумажки.

В руках Басмача появились квитанции.

—На, посмотри, если не веришь. Это копии.— Протянул бумаги Басмач.

Отец взял. Росписи действительно были его. В документах лежали показатели волшебной жидкости о количестве, фертильности носителей хромосом, их скорости. Прилагались анализы на гепатиты и групповую принадлежность крови. Отец не верил своим глазам.

—Басмач, зная тебя, я не удивлюсь, если узнаю, что ты эти бумажки подделал. Тем более ты говоришь, что все картинки мне прямо в мозг проецируешь. Это все— полная чушь. Я так все это вижу: если бы я сдавал сперму, в первую очередь я сам бы об этом узнал первым.

—Слова твои все— ложь.— Пропел Басмач.— Ладно, чего ты завелся, тебе же было приятно.

—Иди ты ... говорю, не сдавал и все тут.

–Да ладно, ладно, не сдавал. Повеселился только чуть и все тут. Говорить не о чем.– Засмеялся Басмач.

–Я тебе же сказал, иди ты...– Обиделся Отец.

Чушь какая то, Отец сам осмотрел свои ладони. Все в порядке.

–Только на кой черт ты им сдался, Инвизам этим? Пес его знает.– Заговорил Басмач.

–Пиначет, ну-ка иди сюда, малыш,– Отец похлопал ладонью по колену. Коала медленно спустился с ветвей и подошел к Отцу, обнюхивая его в поисках выпивки.– Дай блюдце.– Повернулся Отец к Басмачу.

На столике появилось блюдце. Отец налил в него пива, сорвал со связки вяленую щуку и стал чистить. Пиначет взобрался к Отцу на колени, затем на стол и стал слизывать алкоголь. Отец сунул ему под нос кусок балычка. Коала недовольно фыркнул.

–Не глупи, он же травоядный,– сказал Басмач.

–Пиначет, малыш мой,– Отец поглаживал по спинке ласковое животное.– Ты, может, тоже сперму сдавал, только не помнишь ничего. Басмач знает.

Коала повернул к Отцу свою физиономию, будто что-то понимая. В глазах, затуманенных алкоголем, не было даже намека хоть на единую мысль.

–Ну, ничего, подумаешь, сдал. Ведь сам не сможешь размножиться. Уж больно ты ленив.– Продолжал причитать Отец.

Пиначет сполз на колени и развалился, почесывая лапой свое брюхо.

–Слушай Басмач, может, это Дэн сдавал сперму, мы же с ним однойцевые близнецы,– подумал Отец, потом добавил,– хотя нет, почерк мой.

–Я тебе же говорю, мы про твоего братца не знаем ничего, кроме того, что он– твой брат и что закончил горный институт.– Ответил Басмач.

–Черте что. Брат пропал, я сам черти где. Слушай, а может кто-нибудь из ваших тоже Дэна украл. Куда он мог пропасть?– С надеждой произнес Отец.

–Нет, у нас же единая база данных, единый совет. К тому же на Земле и ближайшем космосе– один институт временных аномалий.– Заверил Басмач.

–Ты меня успокоил. Я думал у вас здесь все такие– же как ты и Гедеван недоумки. Кстати, что ты знаешь обо мне? Ну, я имею в виду, что со мной будет, когда я вернусь к себе?– Спросил Отец. Коала заерзал на коленях, выпрашивая чего-нибудь выпить.

–Вернешься, куда ты денешься с подводной лодки, у нас, как ты уже заметил, своих голодранцев хватает. А станешь ты полным болваном.– Ответил Басмач.

–Я тоже тебя люблю.– Сказал Отец, подливая ненасытному Пиначету в блюдце пива.– Поешь рыбки, вкусная, говорю. Басмач, убеди его, пусть он рыбу съест.

–Да он же только листьями эвкалипта питается.

—Ну и рыбой пусть тоже.— Убедил Отец.

Коала жадно схватил обеими лапами кусок вяленой щуки, и, распустив слюни, стал ее быстро уплетать, временами запивая пивом.

—Слушай,— догадка осенила Отца.— Мы с Дэном— однойцевые близнецы. У нас один набор хромосом. Быть может, ваши невидимки его требуют? Может это он с ними имеет дела какие-то? Если вы о брате моем ничего не знаете, тогда почему вы уверены, что они хотят не его?

Басмач пожал плечами.

—Может и не тебя вовсе они требуют. Я на их месте тоже не заинтересовался бы тобой. Быть может, им нужен твой брат. Только загвоздка вся в том, что мы о твоём брате ничего не знаем. Быть может, вы просто близнецы, к примеру, разнойцевые, или еще как-нибудь. О том, что вы однойцевые, мы знаем только из твоих уст. Сам понимаешь, сведения не достоверные. Я, к примеру, тебе вовсе не верю.

—Дело твое, но твои начальники-то куда смотрят? Если у них есть сведения, что существует еще один субъект с идентичным набором генов, тогда почему они не проверят это? Куда проще?

—Эта версия тоже разрабатывается. Ты думаешь, что ты один умный такой? Смею тебя огорчить. Не один. Есть люди и умнее тебя. Есть и не гуманоиды, до которых тебе, как до луны ползком.

—Ты меня утешил. Только вот еще один вопрос. Если вы

не были уверены, что Инвизы требуют меня, тогда почему вы меня похитили? Ведь что они ищут не Дэна— версия не доказанная.

—Я тебе сказал, что сведений о твоём брате нет. И на данный момент существует лишь единственный объект с заказанным набором генов. Ещё раз повторить или ты, наконец, понял?— Рывкнул Басмач.

—Я так все это вижу: вы все здесь недоумки. Если бы в мое время подобным образом ко всему относились, мы до сих пор вели бы ядерные войны.— Пожал плечами Отец.

Басмач вскочил и стал расхаживать по берегу заводи, заложив руки за спину.

—Кстати, мы к Земле подходим, хочешь полюбопытствовать?— Спросил Басмач.

—Только, чур, без этих ваших комбинезонов. Они меня полнят. О'кеу?

—Как хочешь.

Скользнув в арку, Отец очутился в командном модуле, где суэта не прекратилась. Тот же мужик в проводах продолжал работать руками. Здесь же была та самая девчонка, которая прыгала у него в эдеме в гамаке. Значит, Басмач послал ко мне ее копию, подумал Отец.

В иллюминаторе сбоку проплывала плешивая Луна местами заиндевелая. Видны были ее грязные пятна морей и кратеров. Чего в ней красивого? Отец не мог понять. Видимо у поэтов дикое воображение, решил Отец, или они про-

сто идиоты.

–Зачем так близко к Луне подходить?– Спросил Отец.

–Она своим притяжением нас тормозит. Это уменьшает расход энергии.– Буркнул пробежавший мимо парень.

–Тормоза придумали трусы.– Проворчал Отец.

Из-за Луны показался синий глаз родной планеты. Будущей планеты. Ничто Отцу не выдавало, что на Земле теперь совсем все по-другому. Ее знакомые по снимкам из космоса еще с детства очертания родили какое-то приятное томление в груди. Перистые облака нежно окутывали ее бескрайние (в известных пределах) просторы океанов и континентов. Только на околоземной орбите видно было, что космического мусора в виде орбитальных станций значительно прибавилось. Меж них сновали, словно блохи, маленькие летательные аппараты. Земля стремительно бросилась на корабль. Отца удивило, что не было даже легкой тряски, тем более никто не пристегивался ремнями безопасности. Было лишь мерное дрожание пола. Видимо корабль обладал автономным тяготением и был защищен полем от внешней гравитации. Тогда почему его останавливала вечная спутница Земли? Вдруг маленькую посудину заволокло туманом. Этот каприз атмосферы Отец понял– облака. Затем такая же бесшумная посадка на бетонные плиты космодрома. Он показался бесконечным. Сколько хватало глаз, всюду стояли маленькие кораблики, почтовые катера, околоземные носители, было и несколько крупных кораблей, стремительных,

сильных, возле которых кружили тележки— носильщики и люди. Все они казались муравьями рядом с этими колоссами. Пейзаж будущей Земли завораживал.

—Впечатляет?— Спросил из-за спины эфемерный Басмач.— Толи еще будет.

—Я чувствую себя питекантропом здесь.— Вымолвил Отец.

—Не строй иллюзий насчет себя,— хихикнул Басмач.

Отец сверкнул глазами в сторону Басмача. В этом взгляде Отец надеялся передать все, что он думал о своем собеседнике.

—Басмач, ущипни меня,— попросил Отец.

—Хочешь, я тебе в глаз плюну?— Осведомился Басмач.

—Один такой на прошлой неделе плюнул, несчастный...—

Ответил Отец.

—Ну и что?— Полюбопытствовал Басмач.

—Как живой перед глазами. Понял что? Не доводи до греха. Я в гневе страшен.— Процедил сквозь зубы Отец.

—Ой, боюсь, боюсь,— почесался Басмач.

—Теперь-то можно покурить, мы же уже на Земле?— Спросил Отец.

—Ты очень беспокойный клиент. Подожди, будет еще с тебя.— Проскрипел Басмач.

—Долго ждать я не намерен. Знай это и помни всегда.— Пропел Отец.

—Бросил бы. Месяц уже не курил.— Ответил Басмач, хитро шурясь.

–Поучайте лучше ваших паучат. Не лезь мне под кожу, сделай одолжение.

–Это вредно.

–Знаешь, что, умник, жить тоже вредно, есть вредно, дышать вредно, с женщинами спать– вредно, все вредно. Зачем тогда вообще жить? А?

–Я знаком с этой доктриной.– Пожал плечами Басмач.

–Ну, так вот...

–В конверте накуришься. А пока потерпи. Тебе предстоит карантин.– Сказал Басмач, указывая на серую арку.

–Зачем мне карантин, я здоров, как бык, сам же знаешь.– Протест Отца был неубедительным, тем более он и не рассчитывал на отмену изоляции. Нужно было лишь сохранять свой имидж хулиганствующего ортодокса.

–*Dura lex, sed lex.*– Констатировал Басмач.

Глава 7.

Моросил мягкий, теплый дождик. Он нежно напевал Отцу на ухо свои, никому непонятные грустные песенки, гладил волосы на голове и неторопливо убежал за шиворот. Было немного грустно. Где-то вдали за холмами гремел несмело гром, вечный спутник дождя. Серые тугие струнки дождика, казалось, трогали самые заветные мысли и несбывшиеся желания, заставляя их петь в унисон с дождем. Рождались воспоминания. Они почему-то тоже были серыми, пол-

ными грусти и тихой тоски. Хотелось писать стихи от безысходности, какие ни будь про любовь, или про что-то вечное и нетленное. Хотелось в стихах воспеть эту тихую заводь, шорох листьев, омываемых водою небесной, это вечернее небо, затянутое серой пеленой, написать какие-нибудь красивые стихи про его давно умершую подругу— Мать, про их первую встречу. Но в голове было лишь: Мать, дай поспать. Любил он ее или нет, Отец не знал. Хотелось верить, что любил. Ведь дружил же он с ней, пусть она не могла сварить даже яйцо вкрутую. Это любовь. Чертова погода, чертово настроение. Почему в дождь душу выворачивает наизнанку? Хочется выть или дать кому-нибудь в зубы. Ну, или по физиологии, или про любовь думать. Или быть может с нами не все в порядке, такие противоречивые желания и настроения в ответ на один и тот же внешний стимул. Черте— что.

Отец глубже надвинул на нос солнцезащитные очки и поднял глаза к небу. Мелкие капли барабанили по серому стеклу. Маленькие кружочки расходились по водной ряби. В камышах ходила рыба, нет-нет показывая Отцу свои хвосты. Едва уловимый ветерок гнул траву к земле и поднимал рябь в заводях, что разлеглась перед ним. Сердитый коала угрюмо бродил меж деревьев, что-то вынюхивая и высматривая. Невозможно было понять, что в этой голове происходит. Отец научил Пиначета (не без помощи Басмача) прыгать на одной лапе. Таким образом, он давал своему наставнику— Отцу понять, что хочет чего-нибудь выпить. И когда напи-

вался, что не мог стоять даже на четырех лапах, его настроение заметно портилось, потому что острой становилась проблема понимания видов. Тогда он начинал злобно рычать и шататься вокруг Отца, заискивающе вглядываясь в глаза. Но видимо и в этой глупой голове изредка рождаются гениальные мысли: он ложился на спину и демонстративно начинал дрыгать лапой. Сразу же всем становилось понятно, что просит это несчастное животное.

Пиначет подошел к заводи и стал глупо наблюдать за брызгами водопада, нет-нет пытаясь их поймать лапой. Однажды плохо рассчитав свои движения, он рухнул прямо в воду. Немного удивившись и недовольно фыркая, Пиначет начал потихонечку выбираться из воды. Ему мешал алкоголь, путаясь в нервных стволах мозжечка, поэтому движения его были размашисты и неловки. Это несказанно рассмешило Отца. Посочувствовав ему, последний налил в блюдце джина, чем очень обрадовал своего мохнатого друга и тот сразу позабыл о своем позорном омовении.

На коленях у Отца сидела та самая девушка. Она представилась Отцу Анной, однако он недолго мирился с этим скучным именем и нарек ее Нюрой. Все попытки протеста Анны против нового имени Отец упрямо игнорировал.

–Какая я тебе Нюра, я Анна, как Анна– австрийская.– Обижалась девушка.

–Цыц, баба.– Отец нежно гладил ее прелестные волнистые локоны. Целовал в сахарные уста. Ему нравилось, что о его

романе с Нюрой его подруга Мать ничего не узнает, если конечно он сам не сболтнет.

Отец к супружеской измене относился достаточно спокойно, только если речь шла о мужской измене. По его разумению нельзя всю жизнь чистить зубы одной щеткой. Отец понимал, что психологии мужской и женской измены кардинально противоположны. Мужчина изменяет своей жене, чтобы самому же себе в лишней раз доказать, что его возлюбленная самая лучшая на свете. Не лишенным смысла оказывается и следующий мотив: мужчина утверждает себя в мысли что он— самый неотразимый и его жена достойна такого героя. Женщина же изменяет своему суженому по-другому. Она лежит в постели и думает: «А здесь мы поставим шкаф, там трюмо, обои будут синими». Она устраивает свою жизнь.

—Тогда я тебя буду звать Сашка— растеряшка.— Захихикала девица, пряча свои пальчики в шевелюре Отца.

—Зови меня просто— хозяин, если не хочешь звать Отцом. Не-то я скажу Пиначету— он тебя за нос укусит. Будет очень некрасиво, если ты будешь ходить с красным носом.— Отец небрежно клюнул ее в ухо. Девица поморщилась.

—Да, конечно, твой Пиначет едва ноги передвигает, он даже «Му» сказать не умеет, не то, что укусить кого-то.— Улыбнулась Нюра.

—Напрасно ты его недооцениваешь, он соображает быстрее, чем любой шахматист. А уж как кусает... Лучше просто

умереть под трактором.

Пиначет, услышав, что разговор идет о нем, медленно подкатился к ноге Отца и пытался сосредоточить на нем свой взгляд.

—Что, малыш, иди сюда, маленький,— Отец похлопал ладонью по Нюриной коленке. Пиначет пытался собраться с мыслями и встать, однако тяготение, которое всегда трудно обмануть, сыграло с ним злую шутку, и маленький медвежонок повалился на бок.— Ладно, отставить,— махнул рукой на него Отец и коала с облегчением вздохнул.

Отец гладил мокрые от дождя волосы Анны, покусывал мочку уха, от этого девушка прятала свои уши на плече Отца. Это его забавляло.

—Нюра, пошли, искупаемся,— предложил Отец,— водичка просто от винта.

—Ну да, не хочу я купаться, там у тебя рыба страшная.— Сказала Нюра.

—Плюнь на нее?— Отец показал, как правильно это сделать.

—Все равно боюсь.— Замотала головой Анна, точно коала.

—Все что не убивает— закаляет, пошли.

Отец поставил Нюру на планету. Хоть она и была всего лишь проекцией в его мозге, старался обращаться он с ней по возможности корректно.

—Дура баба.— Отец разделся и прыгнул в воду.

Проплыв немного под водой, он вынырнул и, фыркая,

стал резвиться в прозрачных водах.

Карантин его протекал по-прежнему однообразно с единственным исключением. Заказав себе Еву в виде смазливой девчонки— Нюры, Отец не без удовольствия коротал свои ночи с ней. Таким образом, его бетаку стала востребована. Переместившись в палату карантина с корабля, Отец первым делом убедился, что Басмач остался с ним, поскольку тот был частью глобальной базы данных. Отец тут же восстановил в новом жилище уже нам знакомый пейзаж.

Над водой появился Басмач, медленно прогуливаясь по глади.

—Эй ты, апостол Андрей, прыгай сюда.— Фыркнул от удовольствия Отец. — Нюра вон не хочет свою репутацию подмочить, а тебе-то на свою наплевать.

—Ладно, Кусто, вылезай, дело есть.— Улыбнулся Басмач.

—Чего тебе из-под меня нужно?— Отец кувыркнулся через голову.

—Пошли, карантин закончился.

—Мне и здесь хорошо.— Отец окатил Басмача водой.

—Отец, у тебя никогда не было мозгов,— сказал Басмач, отряхивая со своей тоги воду.— Ну, как знаешь. Я пошел.

—Семь футов под килем тебе.— Сказал Отец. Басмач повернулся и пошел вниз по течению.— Да, Басмач, сделай мне одолжение. В ближайшие сорок тысяч лет я не хочу тебя видеть.— Отец поплыл к берегу.

—Ну что, жена декабриста?— Отец обнял Нюру.

–Фу, уйди, ты мокрый,– сказала Нюра и добавила,– и лысый, и холодный. Ты ужасно мокрый, ты отвратительно мокрый.

–А у тебя ноги кривые, у тебя ужасно кривые ноги, у тебя отвратительно кривые ноги.– Сказал Отец вытираясь.– А я сейчас буду сухим.

Нюра оглядела свои ножки и непонимающе посмотрела на Отца.

–Ни чего они не кривые.– Надула она губки.

–Ладно, не бухти,– поцеловал ее Отец,– и не говори больше глупостей.

–Компьютер, выход.– Сказал Отец. Появилась арка с черным зеркалом.– Пойдешь со мной?– кивнул он Анне.

Нюра покачала головой.

–Тогда свари пока чего-нибудь поесть.– И Отец скользнул внутрь.

Оказался он снаружи веселенького строения– десятиметровой башенки периметр которой был сплошь уставлен серыми арками. Снаружи его уже дожидался Басмач.

–Ты же говорил, что твоя материализация энергоемка?– Спросил Отец. Басмач кивнул.– А какого мяса тогда сейчас ты материализовался?

–Я не материализовался. Эта оболочка– всего лишь андроид. На некоторое время мы выключили его сознание, смонтировали внешность, это дело десяти минут, и вот, я перед тобой.– Развел руками Басмач.

–Везде одна халтура,– возмутился Отец.– Ну, давай, показывай чего-нибудь.

–Это твоя общага.– Сказал Басмач, указывая на башенку.– Там много входов, ты можешь выбирать любой. Это на случай, если входы все востребованы. Попадешь все равно к себе, не волнуйся.

–Почему в общаге, ты, жаба?

–А не сильно ли много ты о себе думаешь, питекантроп несчастный?– Сказал Басмач и пошел прочь.

–Басмач, я с тобой не пойду.– Сказал Отец.

–Это еще почему?– удивился Басмач.

–Ты без намордника. Покусаешь кого-нибудь, а мне будет стыдно.

–...

Дорога шла по перелеску, и казалось, что общежитие находилось в лесу. Веселое солнце щурилось сквозь немую зелень берез.

–Поживешь пока здесь, пока мы с Инвизами не свяжемся. Потом отправим тебя домой, и хорошо вымоемся после.

–Басмач, я делаю тебе честь, что иду с тобой. Ведь все теперь видят, что ты идешь с белым человеком, что ты вроде как при деле, а не сбежал.

Дорога вела через полянку и выходила на пригорок, с которого виден был город. Большие многоэтажные высотные дома сверлили небо, протыкали облака и продолжали свой путь в поднебесье. Широкие улицы меж домов сплошь были

усажены газонами. Город утопал в зелени. Всюду мелькали маленькие верткие летающие машинки, в которых проносились веселая молодежь. Некоторые люди парили над землей самостоятельно, на антигравитаторах. Третьи летели на собственных крыльях. В воздухе видны были воздушные трассы, по которым мчались машины. Трасс в небе было, сколько хватало глаз. Вдали, в синеве, простирались домики чуть меньше. Вокруг некоторых из них были уютные палисадники с ровненькими квадратами зеленой стриженной травы.

–Красота.– Выдохнул Отец.

К ним подлетела небольшая машинка, плоская как блюдце, спереди закрытая лишь носовым иллюминатором. Внутри было несколько сидений.

–Присядь, упадешь.– Басмач жестом приглашал внутрь.

Вскоре машина, Басмач называл ее каром, поднялась в воздух, унося с собой Отца и Басмача.

–Куда едем?– Спросил Отец. Басмач махнул рукой вдаль.– У тебя язык есть? А то ты болтлив лишь там, где нужно молчать.

–Город тебе показать. Наверное, интересно увидеть Землю?– Процедил Басмач сквозь зубы.

Отец вытянул руку в сторону, пытаясь поймать воздух.

–Машина окружена защитным полем,– ответил Басмач на немой вопрос.– Это чтобы такой дурачок как ты не вывалился.

–Ты дорогу-то назад сможешь найти?

—С любого выхода можно вернуться домой.— Ответил Басмач невесело.

—Тогда почему мы не выходом следуем?

Басмач молча пожал плечами, оставляя вопрос без ответа.

—Ты мне не ответил, почему я в общаге жить буду? Может, у вас какие ни будь есть апартаменты лучше?

—Слушай, Отец, ты сегодня болтлив как никогда, Смотри по сторонам.— Ответил Басмач.

—А по сусалам?— Отец дал понюхать Басмачу кулак.

—Ты вот думаешь, что у нас проблем нет с перенаселенностью? Твоя общага вмещает около тысячи жильцов. Это всё— проходимцы вроде тебя. Они вскоре покинут наш уютный уголок.

Басмач объяснил, что псевдореальное пространство— это пространство, которое подчинено всем законам нормально-го не измененного континуума в рамках самого конвертерного пространства. Технологические изменения затрагивают все его стороны и характеристики, как размер, масса и плотность. Со стороны оно выглядит как пространство, искаженное кривым зеркалом, где все кажется тонким, маленьким, гротескным и неудобным. Но находясь в нем, обитатель не испытывает никаких неудобств, поскольку сам трансформирован, как и его окружение. Емкость псевдореального пространства зависит от пространственной емкости самого конвертера. И в один и тот же объем реального пространства можно вместить и Ленинскую библиотеку, в случае мощно-

го конвертера, и собачью конуру, при небольшой мощности аппарата. В нем сохраняются и остаются неизменными все физические законы, имеющие эксклюзивные права в реальном пространстве. Те же законы сохранения энергии, третий закон Ньютона, правило буравчика и константа Стефана–Больцмана имеют свою узаконенную Создателем силу.

—Если бы все люди существовали в конверте, как бы они продуцировали себе подобных? Для этого и существует псевдореаль.— Объяснял Басмач.— В конвертерном пространстве каждый человек занимает лишь одну определенную ячейку, а в псевдореальном ячейку занимает целая семья. Возникают некоторые сложности в псевдореале— вместимость ячейки, зато не приходится питаться или справлять нужду лишь в отведенных для этого местах. В конверте же свои удобства: можно создать все, что нужно, любой ландшафт, любую обстановку и убранство квартиры. В путешествие не нужно брать огромную кучу одежды и разных вещей. Все есть уже на месте. Зато из конверта необходимо время от времени выходить, чтобы поесть или справить физиологические отправления.

С внедрением в практику конверторного пространства решилась проблема преступности. Любой одержимый в своем мире конвертерного пространства может создать любые богатства и власть. В нем можно создать и свое государство, в котором он будет бог и царь, будет вершить правосудие, в котором все будет подчинено только его эго.

Возникли и некоторые проблемы с рождаемостью. Часть не особенно уверенных в себе людей создают себе семьи в конверте. Там они счастливы. У них есть хорошая жена или муж, здоровые крепкие дети, достаток и досуг. А что еще в жизни надо? Какая разница в том, проведешь ты свою жизнь в конвертерном или реальном пространстве? Для мозга картинки неотличимы, зато жизнь полна яркими событиями и впечатлениями. Таких интровертов не интересует жизнь в реале. У них своя, ничем не омрачаемая свобода, они по-своему счастливы.

В реальном пространстве же существуют лишь производства, да некоторые официальные организации и состоятельные лица. Даже космопорт существует в псевдореальном пространстве. Только емкость этого пространства намного выше, чем в жилом помещении.

Под машиной пробегала вдаль река. Она петляла и изгибалась, словно змея и прятала свой хвост далеко в сиреневой дымке на горизонте.

–Как тебе Урал?– Спросил Басмач.

–Это Урал??? Класс, не видел в своей жизни ничего красивее.– Знаешь, Басмач, какая на свете самая широкая река?– Лукаво спросил Отец.

–Я больше чем уверен, что ты скажешь, что это– Урал, вот только не знаю почему.– Ответил Басмач.

–Точно, Урал. А через него двенадцать лет мост строили.– Захохотал Отец.

–Казачью переправу-то?– Спросил Басмач.

–Ага, там мой дядька прорабом был.– Кивнул Отец.– Дай закурить.

Басмач из кармана достал пачку сигарет.

–Ты что, закурил что ли?– Спросил Отец, закусывая сигарету.

–Нет, просто знал, что ты от меня не отстанешь.

–Слушай, Басмач, а почему это я полей у вас не вижу.– Попыхивая табачком, спросил Отец.

–Они нам ни к чему, мы пищу синтезируем.– Ответил Басмач.

–Тьфу, синтетику есть. Нет, увольте. Я лучше с голода сам помру.

–Что бы понимал. Только ты почему-то все пельмени до единого кончал там, на корабле, и ничего.– Басмач взялся за маленький штурвал и повел машину на посадку.

–Так те же были...

–Синтетические.– Закончил Басмач.– Так-то. Синтетическая, не значит бесцветная и безвкусная. Там создается та же клеточная структура, что и в натуральных продуктах.

Басмач подвел машину к невысокому строению и мягко опустил на землю.

–Выметайся.– Сказал он и сам вышел из машины.

Здание напоминало водонапорную башню с небольшой покатою крышей, выложенной черепицей небесного цвета. С боков башенка была уставлена черными выходами. Бас-

мач прошел внутрь, Отец последовал за ним. Очутились они в просторном холле, обставленном мягкими диванчиками, креслицами и журнальными столиками. Из кресел поднялись два рослых мужика и пошли навстречу Отцу.

—Познакомься, это твое начальство. Сотрудники института временных аномалий и ксенологи. Сергей Захаров и Евгений Ефимов.— Представил их Басмач.

Захаров выглядел щеголевато. Бежевый легкий спортивный костюм, легкие кроссовки, по всей видимости, дорогие часы на руке и золотая цепь указывали на его респектабельность и высокое самомнение. Был он коротко подстрижен и гладко выбрит. Ефимов производил менее интригующее впечатление, хоть и был чуточку старше Захарова. Одет он тоже был неплохо, только его манеры и растрепанные волосы указывали на некоторую небрежность. Золота на нем было меньше: небольшое кольцо на пальце да запонки в рубашке.

—Отец, э-э... — Смутился Отец, пожимая мужикам руки.— То есть Саня, Александр.

—Да ты не суетись, мы знаем кто ты.— Утешил его Захаров.

Тут Отец отпрыгнул в сторону. К нему приближалась какая-то тварь на четырех лапах. Длинный крокодилий хвост волочился вслед за ним. Зеленая чешуйчатая кожа отливала серебром. Морда, если то, что спереди было мордой, напоминала крокодилюю пасть. На стебельках на Отца смотрели подвижные немигающие глаза. Отец вспомнил, что в одном из кошмаров он себя видел точно таким же чудовищем, ле-

тящем в космосе с парой— тройкой таких же монстров. Только в кошмаре у него были еще и крылья, а над этим чудом природа пошутила не так сильно.

—Ну-ка фу, лежать. Уберите собаку,— Отец припустился наутек от животного, стремительно несшегося к нему. Отец указал на стену зала.— Апорт.

—Извините его,— сказал Басмач,— он раньше не видел веганцев.

Рептилия встала на задние перепончатые лапы, опираясь на хвост, точно кенгуру и протянула Отцу свою переднюю конечность с четырьмя когтистыми пальцами.

—Дексаметазон.— Представился крокодил.

Отец не решался подойти ближе и топтался в нескольких шагах от рептилии.

—Ты его обижаешь, познакомься, это великий ксенолог. — Сказал Ефимов.

—Вы мне льстите, уважаемый коллега, не такой уж я великий. По меньшей мере, так не думает этот молодой человек.— Заговорило чудище с несколько гортанным прононсом.

Отец несмело протянул Дексаметазону руку:

—Саня.— Приветствовал рептилию Отец.

Крокодил пожал своей чешуйчатой четырехпалой лапой руку Отца.

—Будем знакомы.— Сказал Дексаметазон.

—Откуда вы?— Спросил опешивший Отец.

—Системы Веге. Моя родная планета называется Адло.

Красивейшая планета. Чудесные Адлеанские пейзажи. Если будете рядом, зайдите, не пожалеете.— Сказал Дексаметазон, помахивая хвостом.

Удивительно точно они свою планету назвали, подумал Отец, представляя себе ядовитые зеленые болота со зловонными испарениями. Огромные пузыри лопаются в грязных лужах, удушливый бордо туман колышется над чудесными Адлеанскими пейзажами.

—Ну, если рядом буду...— Отец посмотрел на Басмача.

—Нет, на самом деле все гораздо красивее, молодой человек.— Ответило чудище.

—Дексаметазон— телепат,— сказал Басмач, уловив некоторое замешательство Отца.

Это уже Отцу не нравилось. Хватало ему одного соседа, который лез к нему в душу по поводу и без.

Декс, укуси его за ногу, а то он слишком поднялся, подумал Отец.

В горле у крокодила что-то заскрипело.

—А вы шутник, молодой человек.— Декс продолжал скрипеть. Мужики тоже улыбнулись. Видимо таким образом крокодил смеялся.— Но давайте перейдем прямо к делу. Может Александр даст нам какие-нибудь разъяснения по поводу наших таинственных незнакомцев.

Все с видимым ожиданием посмотрели на Отца.

—Ничего я не знаю про них.— Ответил Отец на немой вопрос, читавшийся во взоре мужиков, окруживших его.— Для

меня самого это сюрприз. Я ваших Инвизов и в глаза-то ни разу не видел. Что я могу про них знать? Я даже не знаю где они.

–Это не удивительно, молодой человек.– Кивнул головой Дексаметазон.– Никто не знает, где они.

Дальше последовали глупые вопросы, типа: «Не заметили ли вы что-нибудь необычного ...», или: «чем вы занимались перед тем, как...»

–Необычное...– Помедлил с ответом Отец.– Пожалуй, было. Басмач мыл руки после туалета.

–Мы не это имели в виду.– Цыкнул зубом Захаров.

–Ну, еще Бочкарев сдал свой идиотский зачет.– Продолжал Отец.

–Не ломай комедию.– Басмач шлепнул Отца по спине.

–Так какого лешего вы ко мне пристаёте с вашими дурацкими вопросами? Я же вам сказал, что ни чего не знаю про ваших знакомых, я сидел спокойно дома. Узнал, что мой брат разбился на машине. Поехал за ним, и вот этот бегемот,– Отец кивнул в сторону Басмача,– украл меня. Чего вы от меня ждете? Что я решу ваши проблемы с перенаселенностью, или приведу этих Инвизов к вам на блюдечке, или еще что-нибудь, вы говорите, не стесняйтесь, я записываю.

–Чего ты кипятишься.– Сказал Ефимов.– Угомонись.

–Ребята, шли бы вы лесом со своими проблемами, меня дома ждет подруга, у меня скоро сессия.– Отец завелся, и уже было проблемой для него остановиться.– Вернули бы вы

меня домой и не морочили мне и себе голову.

–Что ты врешь, у тебя семестр только начался.– Сказал Басмач.

–Тебя-то кто спрашивает. Здесь разговаривают мужчины. Детям сюда вход заказан.– Сказал Отец и направился к ближайшему выходу.

Домой, подумал он и скользнул внутрь.

Очутился он на своей полянке. Отец сразу заказал проливной ливень. Из зарослей бамбука, повизгивая, выбежала Нюра.

–Брысь,– сказал Отец, указывая пальцем на бетаку.

Нюра недовольно что-то пискнула и скрылась за заветной дверцей. Еще немного постояв под дождем, Отец последовал за ней. Минуту спустя он растворялся в белоснежных простынях и в Нюре. Однако судьба распорядилось по иному. Хорошее не может длиться долго, а тем более вечно. В дверь постучали. Нюра притихла.

–Дома нет никто,– заорал на дверь Отец.

Он изобрел новый закон диалектики. По его мнению закон отрицания отрицания или закон перехода количества в качество, или прочая муть– ничто в сравнении с его новым законом. Новоизобретенный постулат гласит: «Никогда не может быть все время хорошо». По мнению Отца– этот закон ставит точку в познании мира, и при любой возможности цитировал его. Но в известных кругах этот закон не признали. Может быть, состояние алкогольного опьянения мешало

понять всю глобальность этого закона, а может быть эта глобальность пугала слушателей своей всеобъемлющей категоричностью. Сейчас трудно об этом судить, хотя все в душе признавали его место в философии мироздания.

—Отец, можно тебя на секунду.— Проскрипел сквозь дверь гортанный голос Дексаметазона.

—Декс, я занят. Спроси у Басмача нужное направление.— Закричал Отец.

Сейчас был не самый подходящий момент общаться с рептилией, однако почему-то это понимал только Отец.

—У меня есть небольшое предположение, касаясь твоего брата.— Сказал Декс.

—Слушай, раптор, там у меня на веревке рыба сушеная, пока погрызи, сейчас выйду.— Встал с Ньюры Отец.

Выйдя из бетаку, Отец для себя отметил пренеприятнейшее зрелище. Возле заводи в мягких креслах сидели его знакомые Захаров и Ефимов. Возле них крутился на одной лапе Пиначет, от которого разило алкоголем за два километра. Он обнюхивал непрощенных гостей и нескромно порывкивал. В кустах прятался Басмач.

—Неплохо тут у тебя. Надо и мне что-нибудь подобное у себя придумать.— Сказал Ефимов, разводя руками.

—Басмач, какого дьявола они тут делают.— Заговорил Отец, смотря в сторону кустов, где не очень прилежно прятал свое тело бесславный потомок царицы Тамары.

—Ты же не заблокировал выход, вот мы и пришли.— Ска-

зал Басмач, вылезая из кустов. Вид его был очень даже сконфуженный.

—А я был должен?— Разозлился вконец Отец.

Басмач пожал плечами:

—Дело твое.

—Давайте быстро, чего у вас там, а то я собирался устроить здесь ядерную войну. У вас две минуты.— Играл желваками Отец.

—Ты только, пожалуйста, не буйнь,— заскрипел на Отца Дексаметазон.— Пока мы там болтали, я порылся в твоём мозге, прошу покорно прощения, и в лишний раз убедились, что ты о них ничего не знаешь. Одно дело, когда копаются в мозге машины, другое дело я.

—В другой раз спрашивай разрешения.— Отец прыгнул в кресло напротив них.

—Я уже извинился. И мне пришло на ум такое предположение, что они заказывали вовсе не тебя, а твоего братца.— Сказал Декс.

—Предположение не новое.— Сказал Отец.— Я уже думал об этом. Продолжай.

—Я все сказал. Что ты думаешь по этому поводу?— Декс щелкнул ушами. Видимо так он привык показывать свое нетерпение.

—Я не знаю, о чем с ними договаривался мой брат, если вообще он с ними имел дело. Я не знаю что с ним случилось, я не знаю куда он пропал, Басмач, куда ты дел дождь?— Спро-

сил Отец, заметив, что метеоусловия изменились и по небу поплыли куцые облака вместо заказанного шторма и грозовых туч.

–Ну, гости же... – Развел руками Басмач.

–Вот в том-то и дело, что гости. Это мой дом.– Сказал злобно Отец. Ливень заколотил по макушкам с прежней силой.

–Компьютер, зонты,– сказал Захаров, и незваные мужики были укрыты от непогоды цветными полосатыми пляжными зонтами.– Я вижу ты нахальный через меру. Ничего, спесь пройдет.

Пошел ты, подумал про себя Отец. Декс скрипнул.

–Пока мы будем прорабатывать эту версию, ты поживешь немного у нас.– Сказал Ефимов.

–У вас?– Не понял Отец.

–Я имею в виду здесь.– Продолжал Ефимов, давая Отцу понять, что жить тот будет не у него дома.– А пока мы дадим тебе работу, чтобы ты не помер со скуки.

–Убирать территорию?– Ослабился Отец.

–Не совсем.– Закончил мысль Захаров.– Тебе же интересно пообщаться с умными людьми. Познакомишься с нашими технологиями. Будешь при деньгах, у нас заработки неплохие.

–А девчонки у вас есть?

–У тебя же есть подруга.– Сказал Ефимов, указывая на Нюру. Та выходила из заветной комнатки, поправляя на себе

мягкий белый махровый халат.

–Эта, что ли? Она же дура. Ну ее к лешему.– Прошептал Отец, чтобы Нюра, не дай Бог, услышала.

–Есть, есть, не переживай.– Утешил его Захаров.

–Что за работа? Не пыльная?– Спросил Отец.

Он вспомнил одного своего знакомого, конченого поклонника великого Бахуса. Звали его Антоша. А фамилия его удивляла всех, даже самых искушенных– Зонов. На курсе его все звали– Граммофон, или покороче– Грам. Откуда это прозвище не помнит никто. Есть предположение, что прозвали его за громогласный бас, однако за достоверность поручиться никто не мог. Однажды Отец встретил Грама на лекции. Это был последний ряд, а, как всем известно, самые выдающиеся личности водятся именно там. Грам был с дикого похмелья и забрел на лекцию, как впрочем и Отец, только из-за того, что на лекции проверяли присутствующих. Делать было нечего, и Отец решил завести с Грамом разговор. «Антон, кем ты будешь после института?», спросил его Отец. «Наркологом», ответил тот. Отец чуть не порвался по швам от смеха, затыкая себе рот кулаком. «Чего ты несешь, дуралей, какой из тебя нарколог, ты же сам от бутылки дальше двух шагов отойти не можешь, как ты их будешь лечить? Тебя же самого спасти нужно». Антон обиделся. «Зато работа не пыльная, продолжал он, вот представь: ко мне приходит какой-нибудь пьяница, а я ему говорю: ты, козел, твою мать, ты какого лешего сюда пришел, пошел на ... отсюда,

чего тебе здесь нужно? Классно?» Отца разрывало от смеха: «Да уж, на самом деле классно». Грам работать не любил.

Отец хотел, чтобы ему дали такую же работу.

–Нет, будет много интереснее,– заскрипел Дексаметазон. Видимо он снова залез в голову к Отцу.

–Ну, ладно, ребятки, пора нам собираться в путь далекий, край родимый.– Сказал Отец и мысленно дал понять Басмачу, что терпеть своих гостей стало уже невыносимо. Появилась серая арка.– Мне нужно закончить одно великое дельце.– Сказал он и подмигнул Нюре. Девушка покраснела и убежала обратно в бетаку.

–Ну, ладно, бывай,– Сказал Ефимов.– Скучно будет– заходи.

–Завтра ждем тебя на работе. Только не сильно опаздывай. Мы это терпеть не будем.– Сказал Захаров, поднимаясь с кресла.

Отец пожал руки мужикам и те ушли.

–Декс, а ты кого ждешь?– Спросил Отец, заметив, что тот не собирается уходить.

–Ты же хотел, чтоб я остался.– Сказал тот.

–Ладно, пес с тобой, посиди тут пока. Я быстро.– Сказал Отец и зашел в кусты.

Журчание маленького водопада выдало Отца. Однако в его планы не входило потерять лицо перед этой жабой.

–Хороший диурез– хорошее настроение,– сказал тот, реабилитируя свое глупое положение и скрылся в бетаку.

Отец вошел в будуар к своей наложнице. Та сидела на краю кровати. Уголки ее губ свисали к подбородку, словно слюни. Это значило, что Отца ждет нелицеприятный разговор. Решив сразу перейти в наступление, он сказал:

—Что-то я ничего не понял, Нюра, у тебя плохая интуиция?

—Что ты заставляешь меня краснеть перед незнакомыми людьми? Они же не дураки. Эти твои прозрачные намеки... — Девчонка была готова заплакать.

—Ну ладно, малыш, не бухти.— Отец поцеловал ее в шею. Нюра недовольно повела плечом.— Ну не дуйся. Будешь дуться— я тебя на месяц ласки лишу.

—Ну и лишай, больно мне нужно.— Сквозь сопли залепетала Анна.

—Не хнычь, малыш, обещаю, больше не буду.

Отец принялся ластиться к девушке, которая секунда за секундой таяла. Отец провел пальцами по ее красной кайме губ. Нюра жадно схватила пальцы губами.

Руки. Объятия. В руках вся сила мира. Весь мир на кончиках пальцев. Блаженство. Отец ощущал себя героем. Он непобедим, он вечен. Для него ничего не было невозможного. Упругая кожа пахнет особенно. Жаркое дыхание. Отец обладал целым миром. Ничто не было сейчас важно для него. Прикосновение. Так много в жизни зависит от прикосновения, Отец это понимал. Центр удовольствия замкнулся в круг. Нервные импульсы колесили по мозгу, не находя вы-

хода. Все ушло в небытие. Имел смысл лишь шепот. Полу-
драма. Блаженство. Этот мир, который он оставил за дверь-
ми, ожидал его. Отец был занят. Этот мир, эта вселенная по-
дождет. Он занят. Нет ничего важнее этого шепота и кожи,
такой упругой и шелковистой. Позже, все будет позже. Вол-
на. Нет, пока не время. Сердце так безудержно колотит по
грудной стенке. Пусть. Не время. Солнце, Земля, галактика.
Чушь. Это бессмысленно. Время остановилось, ожидая От-
ца. Жди. Отец занят. Есть дела важнее. Пусть все идет к чер-
ту. Солнце, не слепи глаза. Я тебя не слышу. Уже ничто не
важно. Волосы. Как это на самом деле красиво. Что может
быть прекраснее этих волос. Раствориться. Хочется раство-
риться, скрыться навеки в этих волосах. Нет. Пусть это будет
вечно. Пусть это никогда не кончится. Пусть кончится веч-
ность, но эти волосы— никогда. Я так хочу. Во власти Отца
повелевать вселенными. Кому это надо? Наплевать на все-
ленные. Прикосновение. Ради этого стоит жить. Больше ни-
чего не надо. Глубокий вздох. Аромат чистой кожи. Она пря-
ная и молодая. Ты и только. Синее— синее море. Укутаюсь
твоей синевой, запутаюсь твоими волосами. Прикосновение.
Жизнь, ты прекрасна. Прекрасна и настолько же бессмыс-
ленна. Ради волос, кожи, прикосновения. Жарко. Немного
жарко. Пусть. Немного жарко и чуть больно. Пусть. Немнож-
ко боли— это хорошо. Я немножко прикрою болью спину. Я
так хочу. Волна. Я погружаюсь. Все бессмысленно. Уже глу-
боко. Еще волна. Еще. Бег. Безудержный бег, безумная скач-

ка, галоп. Прогнул. Все. Свободный полет. Волна захватывает тело, несет его вдаль. Буря. Вселенная, к черту тебя, умри. Мне некогда. Агония. Ты меня погубишь. Все. Жаркий поцелуй. Губы. Все великолепно. Все... Все. Давай успокоимся. Все уже позади. Уже все кончилось. Чутьочку жаль. Последний раз. Кожа, как хорошо ты пахнешь. Всюду волосы. Больно. Уже нестерпимо больно. К черту все это. Уже все закончилось. Куда делась буря. Мир, ты ждешь меня. Погоди, я сейчас выйду. Глоток воздуха. Жарко. Время, заводи мотор, поехали дальше. Я свободен.

–Куда ты?– Спросила Нюра.

–Там Декс, эта ящерица.– Одевался Отец.

–Так не все ушли что ли?– В глазах Нюры сверкнула молния.– Ты же обещал.

–Он– же животное.– Улыбнулся Отец.

–Он умнее тебя во сто раз. Они, веганцы– телепаты. Ну, как ты мог.– На глаза Нюры навернулись слезы.

–Ну не обижайся, все, теперь точно в последний раз.– Сказал Отец и поцеловал ее в щеку.

–Уйди,– сказала Нюра и заплакала в ладони.

–Не реви, я люблю тебя.– Сказал Отец. Он всегда так говорил, когда нужно быстро и эффективно успокоить девчонку.

–Правда?– Удивилась Нюра. Глазки ее просветлели.

–Ну конечно, глупенькая.– Отец снова ее поцеловал. На сей раз негативизм куда-то ушел.– Очень люблю, не реви.

— Не буду. — Девчонка улыбнулась. — Ты всегда меня будешь любить?

Отец кивнул, собрался и вышел. Дверь тихонько скрипнула. Он пробрался тоненькой тропинкой к заводи, где оставил рептилию.

То, что он увидел, превзошло все его ожидания. Рептилия парила в воздухе на стульчике, который она позаимствовала у столика, стоящего на берегу заводи. Вокруг бушевал хаос. Проносились обломки космических кораблей, взрывы, феерия звуков и красок. Появлялись новые корабли, они палили неведомыми лучами. Порой открывался вид изнутри разных кораблей, где у управления сидели земляки Декса, такие же страшные крокодилы. Они ругались, скрипели, хлопали ушами, стреляли по чужим кораблям. Кусок какого-то корабля упал к ногам обезумевшего Отца, пошипел и также быстро испарился. Вид из космоса изменился, показывая поверхность какой-то планеты. Туда падал корабль малинового цвета, освещенный яркими всполохами взрывов и пожара. Еще раскаты ударов неведомого оружия. Ящер выполз из корабля. Раздался чудовищной силы взрыв, Отец упал на землю. Пиначет, казалось, взбесился. Он метался по веткам, как мартышка. Всюду шипело и пенилось пламя, обдавая жаром все вокруг. И вдруг, все закончилось. Декс повернулся к потерявшему дар речи Отцу и спустился на стульчике наземь.

— Я тут без тебя фильм начал новый смотреть, ты не против? — Спросил он.

Отец помотал головой, так и не приходя в себя.

–Так это был фильм?– Спросил Отец, еще не отошедший от бывшего зрелища.

–Потрясающие эффекты. Столько шума было вокруг этого фильма, да все недосуг. Времени посмотреть нет. Ты, я гляжу, живешь в спартанских условиях. Похвально.

–Круто. У вас все фильмы такие?– Спросил Отец, поднимаясь с земли.

Декс его понял правильно.

–Ты имеешь в виду эффект присутствия? Все.– Ящерица кивнула своей ужасной головой.– На твое усмотрение. Можешь смотреть в плоском виде, в объемном, с эффектом присутствия. Можешь выбрать эффект участия. Будет выглядеть, как если ты сам летаешь на корабле, стреляешь в этих гадов. Можешь сам играть за любую сторону. Если хочешь, можешь изменить сюжет. Только я люблю лишь присутствовать. Тогда становится понятной актерская игра, замысел сценариста и режиссерская работа. Ты со мной согласен?– Спросил Дексаметазон.

Отец глупо кивнул.

–А эта сволочь– Басмач мне ничего не показывает.– Обиженно произнес Отец.

–Так ты, наверное, не просил его. Видишь ли, домашний компьютер ограничен в действиях желанием обитателя. Он может тебе лишь советовать что-то, да и то если ты сам этого захочешь.

–Слушай, Декс, а как эти мужики, начальнички мои, сюда попали, да и ты тоже?– Спросил Отец.

–Нет ничего проще,– ответил Дексаметазон,– они даже, впрочем, как и я, не покидали тот холл, в котором мы с тобой познакомились. Просто компьютер проецирует наш образ тебе в мозг, твоя обстановка– в наш. Понял?

–Ага,– кивнул Отец.– Это выходит, что и тебя со мной нет?

–Я по-прежнему физически в холле. Холл псевдореален, однако это не имеет никакого значения. Я же для тебя фактически объективен?

–Больше чем.– Ответил Отец, потрогав шершавый хвост Декса.

–Басмач, ну-ка, иди сюда прохвост ты этакий.– Крикнул в ветви Отец. – И успокой этого медведя.

Отец имел в виду Пиначета, который не заметил, что фильм закончился и продолжал неистовать в листве.

Басмач присел за столик около Декса.

–Что кричишь как потерпевший?– Спросил тот.

–Рассказывай, что еще я пропустил.– Потребовал Отец.

–Много чего. Полжизни, а другую половину ты проспал.– Ответил Басмач.

–Вот видишь, и с этим человеком мне приходится жить в этом раю.– Укоризненно произнес Отец.

–Весело вы тут, как я посмотрю, живете.– Сказал Декс, а потом добавил.– Если тебя он не устраивает, ты можешь

его сформировать ну, к примеру, молчаливой застенчивой лягушкой, или золотой рыбкой. Вон, я погляжу, сети у тебя есть. Выловить сможешь.

–Застенчивой лягушкой,– промолвил задумчиво Отец,– это заманчиво. Нет. Басмач, сделай-ка вон там, под кедром конуру. Нет, не такую просторную, поменьше. Вот так, в самый раз. Теперь ты будешь жить там.

–Пошел ты,– сказал Басмач.– Сам там живи. Полурослик.

–Ты же его сам запрограммировал на непослушание. Так чего же жалуешься.– Заскрипел Дексаметазон.

–Да я так, шутки ради. Хотя в конуре он смотрелся бы больше к месту. Да шут с ним. Пусть живет. Нам татарам одна черт. Убери конуру, дурак, весь пейзаж испортил.

–Не обращайтесь на него внимания,– обратился к Дексаметазону Басмач. – У него всего лишь один надглоточный ганглий, и тот вегетативный.

–Книжку по анатомии прочитал?– Съязвил Отец.– Я тебе дам промеж ушей. Надглоточный...

–Да ты же мне как родной.– Парировал Басмач.

–Этот дурачок шутит. Мы с ним даже не одного вида. Он раньше по ветвям скакал.– Засмеялся Отец.

–Так он же твой друг.– Начал было Дексаметазон.

–Его друзья в канаве кобылу доедают. Он у меня всю кровь выпил уже. У меня гемоглобин– шестьдесят.

Декс заскрипел. Видимо перепалка друзей насмешила его.

–Басмач, ну-ка, испарись отсюда, как ты это делаешь

обычно, ты мне наскучил.— Махнул на него рукой Отец. Басмач ушел за холм, недовольно ворча.

—А эти мужики, Захаров с Ефимовым, чем они занимаются?— Спросил Отец.

—Захаров, то? Временные аномалии, ксенология. Ефимов тоже. Хорошие спецы, я тебе докладываю.— Сказал Дексаметазон, похлопывая ушами.

Из зарослей появилась Нюра. Была она в маленьком синем декольте. Волосы расчесаны и уложены. Девушка была ослепительна. Улыбка на ее лице расплылась от уха до уха. Она подошла к Отцу и встала чуть за его спиной, будто не доверяя Дексаметазону.

—Познакомься, Декс, это Нюра.— Сказал Отец, привлекая девушку к себе на колени.

—Анна,— сказала девушка, усаживаясь на коленки к Отцу.

—Дексаметазон,— представилась рептилия,— однако с недавних пор меня стали звать Декс.— Заскрипел он.— Просто Декс.

—Очень приятно.— Улыбалась Нюра.— Хотите чего-нибудь?

—Если можно Джеф,— попросил Декс.

—А мне,— задумался Отец,— ну ты в курсе...

Нюра поднялась с колен, не успев сесть и убежала к дубу, в котором Отец поместил свою драгоценную выпивку.

—У тебя тоже с ней проблемы?— Спросил с участием Декс.

—Ага,— кивнул Отец,— где баба есть, там черт не нужен.

Мозгов ни на грош, а заводится по пустякам, как открытая книга. А твоя баба как?

—Нам проще, во-первых у нас самки— глупые.— Сказал Дексаметазон.

—Так у нас тоже...

—Ты не понял, они не разумные. У нас только особи мужского пола разумные. Во-вторых, у нас брачный сезон раз в году. Это, по-вашему, восемнадцать месяцев. Браков в вашем понимании у нас нет.

Отец гулко захохотал.

—Так они у вас мычат, как коровы и пасутся в болотах что-ли?

—Ну не совсем так здорово. Они хоть и неразумные, держим мы их в своих владениях. Кормим, убираем за ними.

—А где вы их берете, жен то?— Не унимался Отец.

—Покупаем. Если родится, не дай бог, девочка, выращиваем и продаем в хорошие руки. Так-то.

—Класс. Декс, ты мою тещу не купишь? По дешевке продам. С приданным. Половичок дам в нагрузку.

—А что я с ней делать буду?— Принял за чистую монету Декс.

—Да что, на цепь посадишь, гавкать будет.

—На кого?— Не понял Декс.

—А на кого натравишь, на того и будет. Временами поест ей кинешь, чтоб не околела, и нехай себе, пусть лает.— Сказал серьезно Отец.— А то знаешь, как цыган свою лошадь ест

отучал? Практически отучил, только она пала.

–А сколько ты за нее просишь?– Спросил Дексаметазон.

–Сколько? Да ни сколько. Грязный носок, да мяса кусок.–

Ответил Отец.

–По рукам.– Сказал Дексаметазон.– Тащи ее ко мне. Адрес мой возьми.

–Давай.– Сказал Отец.

–Что давай?– Не понял Декс.

–Адрес.

–Да это просто так говорится.

–Ты что, отказываешься?– Спросил Отец.

–Нет, ты у компьютера запрашиваешь мой адрес, тот свяжется с моим, и если я дома– придешь ко мне. Воспользуешься выходом.

–А на кой черт она тебе нужна?– Спросил Отец.

–На цепь посажу, гавкать будет.– Ответил Дексаметазон.

–На кого?– Спросил Отец, не понимая.

–А на кого натравлю на того и будет.– Оба засмеялись.

Подошла Нюра с подносом, поставила его на столик.

Дексаметазон схватил свой длинный бокал с соломинкой

и отхлебнул:

–Божественный напиток.

–А что это– Джеф?– спросил Отец.

–Аланин. Эта аминокислота у нас незаменимая. Мы ее получаем только нутритивно. Какое блаженство.– Причмокивая, попил аланин Декс.

–Дай попробовать.– Отец отхлебнул с края.– Фу, какая гадость. Вкус у тебя не из лучших.

–Не будем спорить, Кесарю– кесарево.

–Слушай, Декс. Если ты сейчас не здесь, а где-то, каким образом ты удовольствие получаешь от этого?– Спросил Отец, потягивая из своего бокала коньячок.

–Нет, в этом что-то есть. Пусть хоть Джеф виртуальный, зато удовольствие настоящее.

–Дывьись Нюра, у Декса жинка– животное.– Сказал Отец.

–Грубо, но верно.– Сказал Дексаметазон.

–Я знаю.– Улыбнулась Нюра.– У них женщины неразумные.

–Так ты знала??? А что ты мне ничего не сказала?– Удивился Отец. Нюра кивнула.– Везет им.– Сказал Отец и тут же получил подзатыльник.

–Они очень несчастны.– Вздохнула Анна.

–Напротив. У нас, не бывает семейных скандалов и разводов.– Убедительно вещал Дексаметазон.

–Декс, слушай, расскажи мне что-нибудь про этих Инвизов, которые меня хотят видеть. Мне Басмач вовсе ничего не рассказывает.

–Да и мне– то, впрочем, рассказывать нечего. Мы о них мало что знаем.

–Ну, все-таки.– Умоляюще произнес Отец.– Все-таки интересно из-за кого я попал в такую переделку.

–Вся эта история началась около десяти лет назад. Как-то

в гиперпространстве мы заметили какие-то возмущения. Думали резонанс на наше проникновение в конвертерное пространство и всякое такое. Потом заметили, что эти возмущения носят какую-то систему. Стали думать. И так и эдак вертели проблему. Не получается. Потом постепенно разгадали. С трудом, правда. Сначала шел какой-то непонятный поток информации. Затем односложные сигналы. Вроде азбуки Морзе. Точка, потом еще точка, потом сразу две точки. Это вроде как они передавали нам, что один плюс один будет два. Затем пошли сложнее задачки. Позже снова простые. Передали, таким образом, формулу водорода, гелия, затем всю систему Менделеева, вплоть до тяжелых изотопов, затем формулу воды и так далее. Понимаешь, их сообщения не носили никакой системы. Задача не из легких. Затем перешли на космические темы. Некоторые сообщения мы до сих пор не понимаем. Такое впечатление, что они что-то хотят нам сообщить. Года четыре назад они нам выдали твой генетический код ДНК. Вот тут то мы и подумали, что ты — ключ к разгадке этой тайны. Мы пытались сами с ними связаться. Такие возмущения в гиперпространстве мы пока не можем создать, передавали точно тем же кодом, что и они. Точка, точка, две точки, только гравитационными полями, радиационным излучением. Они еще ни разу не ответили нам. Или они нас не слышат или еще черт знает что. Только выяснилось, что на некоторые наши вопросы они уже ответили. Просто мы не сразу их ответ расшифровали. По-

лучается, что они предвосхищают наши вопросы. Или они нас хорошо знают, или у них сильная интуиция. Как они выглядят, мы не знаем. Мы их спрашивали, они не отвечают. Где они— тоже молчат.

—Да, задача. Так, может, они вовсе не материальны?— Спросил Отец.

—Да в том то и дело, что материальны. Поле ведь— это материальная категория.

—Логично. А много вы расшифровали их сообщений?— От удивления у Отца побежали по спине мурашки.

—Совсем нет. Около процента.— Дексаметазон потягивал свой Джеф.

—Декс, здесь ветер, я не расслышал. Около одного процента?— Переспросил Отец.

—И ветер здесь ни причем. Действительно около одного процента.

Отец присвистнул:

—И вы из-за них перестали спокойно спать, понятно?

—Еще как. На данный момент это— величайшая загадка вселенной. Все силы, все ученые брошены на разгадку этой тайны. А ты, мальчик мой в центре всех событий.

—Да вы, значит, тоже не цените научный потенциал, коль вы своими учеными разбрасываетесь.

—Шутишь?— Спросил Декс.

—Еще как. А куда меня тогда возили?

—Мы примерно рассчитали, откуда идут сигналы. Думали,

твоя близость к ним поможет нам. Но они на твоё присутствие никак не прореагировали.

– Да, не весело. – Согласился Отец. – И что вы сейчас намерены делать?

– Пока ничего. Мы прорабатываем версию, что, может, не тебя они просят на встречу, а твоего братца. Тогда мы тебя обратно домой отправим.

– А как же я? – Спросила Нюра.

– Не бойся, милая, я тебя с собой возьму. – Сказал Отец, и довольная девушка укусила его за мочку уха.

Глава 8.

Утро. Не верьте утру. Оно точно наврет, насулит с три короба и все равно наврет. Утро всегда все делает по-своему. Оно каждый раз обещает, что сегодня все состоится. Все будет пучком, все будет в лучшем виде. И каждый раз нагло врет. Не верьте утру. Оно будет вам улыбаться, шептать на ухо ласковые слова, петь сладкие песни, будет говорить вам, что лучше вас нет на целом свете. Оно будет доверчиво заглядывать к вам в глаза, будто выворачивая свою душу наизнанку. Это очень убедительно, этот приятный, ласкающий волос около уха, шепот, лжет вам, так льстиво, так нежно. Так хочется ему верить. Не верьте. Оно привыкло лгать, может это его истинное назначение, чтобы каждый мог убе-

диться в своей слабости.

Утро живет в одиноком маленьком доме со старым ветхим садом. Окна в этом доме выкрашены в ветреный зеленый цвет, однако краска местами отлетела, и видно, что утро не заботится о своем жилище. Под окнами растет старый дуб, с которым утро всякий раз заговаривает, пытаясь найти в нем собеседника. Однако дуб намного мудрее, чем может себе предположить утро. Он лишь устало отмахивается от назойливого говоруна. Он еще в молодости понял скверную ворчливую натуру утра. Когда тот был молод, он тоже прислушивался к лживым обещаниям, однако вскоре ему утро надоело, и дуб замолчал.

Просыпаясь, утро несет старому дубу маленькую леечку теплой воды, сметает с его усталых ног пожухлую листву дубовым веником из его же ветвей и желает ему доброго утра. Оно садится под невысокий кленовый стол, который стоит под дубом, поет веселенький водевиль, раскрывает газету и с упоением читает некрологи. Дуб ухмыляется нахальству своего хозяина, однако сделать ничего не может, ведь он сам пленник. Утро в свое время обещало дать дубу свободу, да каждый раз переносило обещанное на утро. Так он и стоит. Давно, очень давно. Даже усталая вечность стала сочувствовать обманутому гиганту.

Хоть дуб и молчалив и неприветлив к утру, оно все-таки очень привязалось к нему. Оно понимает, что ему не верят, однако поздно уже что-то менять. Сколько утро себя пом-

нит— оно лжет. Оно лжет даже себе, упиваясь собственной правдивостью, оно лжет, когда поднимается с кровати, говорит самому себе, что этот день будет другим, не таким, как остальные. Оно себя уверяет, что у него мягкая перина, хотя знает, что постель его— могила. Лжет, когда сажает на светленькие грядки чистые помыслы, а позже вечер, который живет чуть поодаль, срывает и хоронит их.

У создателя испортилось настроение, когда он создал черепаху, и делал утро он уже в скверном расположении духа. Потому они так похожи друг на друга— черепаха и утро. Но вскоре создатель, на забаву, отобрал у Адама ребро, сделал из него бабу и возрадовался, а утро навсегда осталось пробным камнем в чудесах природы. И в память об этом неудачном эксперименте утро готовит всякого к несправедливости.

—Басмач, — крикнул Отец, чуть привстав на локте с постели.— Сбоку зашевелилась недовольная сонная Нюра.— Басмач, обезьяна, ты куда делся?

—Кого ты обезьяной назвал? — Сбоку появился Басмач, помахивая огромной сучкастой дубиной.

—Да ты не кручинься, дуралей. Человек— это звучит гордо, а обезьяна— перспективно. У тебя все впереди, я тебе даю шанс.— Отцу пришлось резко перепрыгнуть через Нюру, потому как дубина Басмача полетела в Отца. Немного не рассчитав движения, а, может, и нарочно Нюре слегка перепало дубьем по ноге.

Нюра взвизгнула и соскочила, потирая заспанные глаза:

–Сашка, чего ты дурак, бесишь его? Он же дикий. В другой раз точно подкрадется, пока ты спишь и хмызнет тебя по башке этой палкой. – Отец с Басмачом в который раз убедились в глупости Ньюры, переглянулись и хмыкнули.

–Не хмызнет. Я ему тогда снова хвост пришью к тому месту, откуда у него ноги растут.– Сказал Отец, медленно натягивая на себя рубашку.

Басмач бросился на Отца, громко матерясь и махая над головой дубиной.

–Убью, гад. Держите меня люди, сейчас будет много крови.– Криком кричал Басмач, бегая за Отцом меж деревьев.

Отец едва мог бежать, задыхаясь от смеха. Вскоре Басмач настиг свою бездыханную жертву, повалил на землю, пару раз треснув Отца дубиной. Еще несколько минут они как маленькие дети катались в пыли, мутузили друг друга, щекотали, а потом как по команде кинулись в заводу, громко смеясь. Друзья плавали, фыркали, ныряли и матерились, хватили друг друга за ноги, залезали под ребра пальцами. Выкупавшись, довольные обитатели конверта выбрались на берег, отдавая последние капельки утренней прохлады солнцу.

–Отец, Дексаметазон звонил, просил тебя ему перезвонить.– Сказал, отдышавшись, Басмач.

–Давай его сюда. Я голоден. – Ухмыльнулся Отец. – Ньюра, обедать будешь?

Ньюра недовольно заерзала в кровати, и, смущаясь и прикрывая свою наготу от Басмача одеялом, поднялась.

–А что есть? – Спросила она.

–Ладно, спи давай. Я пошутил.– Махнул на нее Отец.– Где он?

–Ты чего, не оденешься даже? – Возмутился Басмач.

–А что, он– сексуальный маниак, что-ли ?– Спросил Отец, указывая на то место, из-за которого, по мнению Отца, у маниаков все неприятности.

–У них спермоциты созревают на хвосте, и коитус в твоём понимании у них, это когда они трутся с самкой хвостами.

–Не весело.– Сказал Отец, выковыривая из уха затекшую воду.

–Им нравится. Так ты не будешь одеваться?– Настаивал Басмач.

–У меня дикция плохая что-ли?– С участием спросил Отец.

–Смотри сам! Мне то все равно, только ты перед ним будешь, как клоун тряпочный выглядеть.

–Это он то– красавец? Басмач, у тебя очень плохой вкус. Да и выражение лица у тебя тоже не доброе.

–Я не это имел в виду.– Сказал Басмач.

–Вот и молчи.– Лягнул ногой Басмача Отец.

Меж деревьев засветился огромный экран.

–Здорово, Декс. Как спалось?– Спросил Отец. С экрана на Отца смотрела свирепая морда веганской рептилии.

Подвижные на стебельках глаза его свело судорогой, так сильно он хотел посмотреть за спину Отцу. Сзади визгнула

Нюра, с головой уйдя под одеяло. Девчонка сгорала со стыда.

– Ні, – махнул лапой на него Декс. – Потихонечку. Как твое ничего?

– Ничего, – ответил Отец. – А ты чего это на земных баб засматриваешься, неж-то нравится?

Декс заскрипел. За спиной нервничала под одеялом Нюра. Отец понимал даже корнями волос, как его в эту минуту называет девчонка. Нечего ползать, где стреляют, думал Отец.

– Нельзя так, – сказал Дексаметазон, кивнув невзначай на злую протоплазму, не находящую себе места от стыда под одеялом. – У тебя, Отец, как всегда экстравагантный вид. Тебя не назовешь скучным. – Декс снова заскрипел.

– Кто меня пытался так назвать уже давно стоят в очереди к Аллаху за документами, – улыбнулся Отец. – Ты чего меня видеть хотел? Или ты у себя весь аланин выпил?

– Весь, да не весь. Ты не собираешься к нам?

– А что у вас делать? Мне и здесь весело.

– А у тебя что делать? – Он кивнул на кровать, – небось, надоело уже?

– Вот тут ты прав. И с ними нельзя и пристрелить жалко.

– Так собирайся, я уже Басмачу передал наши координаты, подходи.

– Ты никак по мне соскучился! – Приятно отметил для себя Отец.

– С тобой не соскучишься. Ну так давай к нам. – Скосил глаза Декс.

–Ладно, Дороти, пристегни ремни. Следующая заправка— Канзас.— Сказал Отец. Скоро буду.

Дексаметазон исчез в ветвях. Нюра осторожно показала из-под одеяла свою остренькую курносую мордочку. Басмач скрестил на груди руки, довольно улыбаясь:

–Лови чертей,— кивнул он на Нюру.

Отец подошел к кровати:

–Молчи, я все знаю. Басмач, гардероб?— Спросил Отец и скользнул внутрь появившейся арки, представив себя в цветастой гавайке, в широченных шортах до колен и скошенных кроссовках.

–Сашка, ты же мне обещал...— На глаза Нюры навернулись слезы.

–Милая, если ты меня любишь, ты должна простить мне некоторые мои шалости.— С некоторым озорством произнес Отец, по дороге любуясь собой и своей гавайкой.

–Не люблю я тебя, противный. Что обо мне подумают твои знакомые?

–А чего это ты на меня все несешь, что не на Басмача? Это же он прямо напротив тебя Декса разместил.— Отец указательным пальцем ткнул в живот Басмачу.

–Э, ты чего на меня скандал переводишь? Ты со своей бабой сам разбирайся, нечего меня к этому приплетать.— Басмач даже не ожидал такого поворота событий.

–Он же глупый, сам ведь говорил.— Оправдывалась Нюра.

–Ты кого глупым назвала?— Басмач схватил свою дубину.

—Знаю, знаю, когда говорят мужчины— даже горы молчат.—
Нюра осторожно бочком скользнула с кровати, собрала свои нехитрые пожитки и пустилась наутек в бетаку. Лишь там она могла себя чувствовать в относительной безопасности— там не было видно Басмача.

Друзья переглянулись и засмеялись. Было очень мило наблюдать, как виртуальная баба с не виртуальным страхом боялась не менее виртуального злодея в облики Басмача. Однако Отец был благодарен Басмачу за дубину, которая избавила его, Отца, от новой порции нытья и стенаний.

—Слушай, Отец, ты так что-ли пойдешь? — Спросил Басмач, осматривая своего подопечного с головы до ног оценивающим взглядом.

—А то...— Заверил его Отец.

—Когда ты перед видным ученым появляешься в одних трусах, это я еще могу уразуметь, коль скоро ваша встреча приватна и вы вроде как с ним сдружились, но когда идешь на работу в таком виде— это уже перебор.

—Если нельзя, но очень хочется, значит можно. Понял? И не приставай ко мне с глупыми вопросами, от этого ты в моих глазах не растешь.— Отец для убедительности свирепо поворачивал глазами.

—Ты очень экстремальный тип, Отец.— Прошипел Басмач.

—Спасибо.— Ответил тот.— Пойдешь со мной? Или тебе нравится на эту трусику страх нагонять?

—Пойду, как нет-то. Ты по дороге можешь на кого-нибудь

напасть. Тебя вообще было приказано даже в туалет на поводке выводить, а уж в город и подавно.— Басмач хищно осклабился.— Я вообще не понимаю, зачем тебя здесь держат. У нас своих клоунов хватает. Отправили бы тебя домой и дело с концом.

— Вот и я про то же. Не путали бы мне и себе мозги. Но ты все равно договорился. Вечером тебя ожидает секирбашка. Ну, ладушки, поехали.

Басмач сформировал выход. Уже выходя, Отец для себя заметил перекошенное от страха лицо Ньюры, которая несмело выглядывала из бетаку. Вот глупая, подумал Отец. Надо будет от нее избавиться.

Отец перенесся в какой-то холл громадных размеров. Это не походило на работу, по крайней мере, на ту, которую себе представлял Отец. Здесь в небольших кадучках росли причудливые растения. Некоторые из них цвели, некоторые устало выбросили свои корни из кадки, развалясь, как пьяный мужик после парной. Вокруг в воздухе кружили какие-то непонятные маленькие аппараты, подстригающие листву и поливающие дерн в кадках. Компания, собравшаяся в холле, напоминала изысканный шизофренический бред. Здесь были, конечно же и люди, но они на фоне этой фантазмагории смотрелись, словно негры в синагоге. Мимо пробежали и пролетали летающие бегемото-крокодилы, были ползающие, прыгающие, мохнатые и лысые уроды. Были и такие существа, которые за собой оставляли зеленый след от слю-

ней, старательно вымываемый бегущими за ними роботами. Некоторые были окружены сизым, видимо защитным полем, другие были в скафандрах. Таким была не по вкусу агрессивная кислородная атмосфера, а может они за своими оболочками прятали свое небрежение перед слюнявыми недодьями. Существа, наполнявшие холл, одеты были тоже повсякому. Представьте себе лысого цветастого страуса, одетого в лохмотья листьев какого-то растения, пахнущего, словно общественный туалет на народном гулянии, и попробуйте ему объяснить, что с ним что-то не так. Похоже, что в холле вентиляторы работали достаточно эффективно, поскольку зловоние, идущее от проползающих, пролетающих, прыгающих, земноводных, гладкошерстных, не успевало больно ударить по нервам.

– Чур меня, – отмахнулся Отец.

– В общаге такое не увидишь, – заверил его Басмач.

– В общаге можно увидеть разное. – Парировал Отец. – Слушай, Басмач, это ведь тоже конверт? – Вдруг до Отца дошло, что здесь что-то не так. Басмач послушно кивнул. – Так почему тогда некоторые чудаки ползают в скафандрах?

– Ты кого имеешь в виду? – Не сразу понял Басмач.

– Да хотя бы вот эта лягушка, – Отец ткнул пальцем в проползающую мимо него синюю жабу, на которой были пластиковые доспехи и шлем, наполовину скрывающий от Отца всю природную красоту рептилии.

– Это его национальный костюм. – Ответил Басмач.

Ему доставляло немалое удовольствие наблюдать за тем, как Отец реагировал на столь волнующую компанию.

– Не лги! – Не поверил Отец.

– Вот те крест, – перекрестился Басмач.

– А вот этот индюк? – Отец кивнул на пролетевшую мимо птицу с фиолетовой аурой вокруг головы, у которой вместо привычного клюва был хобот.

Увидев нескромный жест Отца, птица громко каркнула и улетела, унося свои перья прочь.

– У них такая мода, – кивнул Басмач, – и постарайся не так громко их костерить, они все прекрасно тебя слышат и понимают.

– Ну, это меня не сильно волнует. – Сказал Отец.

В самом дальнем углу Отец разглядел милую сердцу стойку бара. За стульчиком напротив работа-бармена сидел Дексаметазон.

– Ни, Декс, – помахал знакомому Отец рукой.

– Уймись, негодный. Это же видный ученый. К нему многие обращаются с дрожью в голосе и при полусогнутых коленях.

Декс тоже увидел Отца и поскакал на четырех лапах к нему.

– Здорово, Отец, как дела? – Прорычал он.

– Твоими молитвами, жив-здоров. – Отец схватил за лапу Дексаметазона, похлопывая его по спине.

– Ты что, проспал? – С участием спросил Дексаметазон.

—С чего ты взял?

—А зачем ты в пижаме?— Дексаметазон заскрипел.

—Декс, открой глаза шире, посмотри вокруг, в сравнении с этой компанией мой костюм выглядит как строгий френч. Как тебе вон тот тип с фиговой веточкой на бедрах?— Отец кивнул в сторону цветастого страуса.

—Ладно, не будем спорить, готов?— Дексаметазон шелкнул хвостом.

—Смотря к чему. Я был бы неприятно удивлен, увидев здесь Ньюру.

—Обещаю, ее ты здесь не увидишь, таким сюда вход заказан.— Утешил Дексаметазон и поскакал к стойке бара. Там невдалеке стояли его недавние знакомые Захаров и Ефимов.

—Гомарджоба,— протянул мужикам руку Отец. Он удивился, как он мог их не заметить.

—Привет,— сказали они, пожимая руку Отцу.

—Ну, что вам здесь нужно подмести?— Вызывающе осведомился Отец.

—Для начала прикрой рот и слушай.— Сказал Захаров.— Сейчас мы тебя познакомим с твоей группой. С ними ты будешь заниматься. Постарайся никого не обижать своим нахальством. Это люди очень культурные и образованные. Понял? А если будешь наглеть, запрем тебя на карантин, пока домой не отправим.

—Договорились.— Согласился Отец.

—В операторную,— сказал Захаров, растворяясь в черном

зеркале выхода. Отец последовал за ним.

Аудитория эта казалась тоже просторной. В мягких креслах сидели около двадцати парней и девушек. Девушки были особенно привлекательны, поэтому Отец отметил для себя, что работы ему здесь, как минимум, на три месяца. По-видимому, обсуждалась какая-то проблема, потому что при появлении Отца разговоры моментально прекратились. И что-то ему подсказывало, что эта проблема- он сам.

-День добрый,- поздоровался Захаров.

Группа кивнула ему, однако все взгляды были прикованы к Отцу. По всему было ясно, что люди были в курсе: кто он такой и чего от него можно ожидать. Захаров кратко представил Отца группе, однако последнему не очень понравилось, когда его называли субчиком и нахалом. А в остальном с таким представлением можно было мириться.

-Андрей,- позвал Захаров невысокого паренька с очень добродушным лицом,- поди сюда. Познакомь его с остальными. А ты,- обратился Захаров к Отцу,- если будут какие-нибудь проблемы, обращайся сразу ко мне, твой домашний компьютер знает, где меня найти, я оставил ему свои реквизиты. Адю.

И Захаров скрылся.

-Андрей,- протянул Отцу руку парень, при этом приятно улыбаясь.

-Отец,- пожал ему руку Отец,- остальное ты знаешь.

Андрей кивнул в сторону выхода:

– Не обращай на него внимания, когда он был молод, он пытался изменить мир, а когда повзрослел – изменился сам, вот так на Земле одним подлецом стало больше. А, в общем, он неплохой, просто к нему нужно привыкнуть. – Сказал он.

– Ничего, я уже привык. Правда, я его недолюбливаю. Не люблю, кто больше меня врет.

– Я тоже, – сказал Андрей. – Пошли, я тебя с остальными познакомлю.

Группа была невелика, около пятнадцати человек, остальные пришли поглазеть на реликт.

Отец терпеливо пожимал руки мужикам, для себя отмечая, что хватка у них не рабочая. Девчонкам он моргал глазами, всем видом показывая немногосмысленность своих притязаний. Он подумал, какая же все-таки сволочь эта Клара Цеткин. В эту минуту он ее ненавидел больше, чем вареный лук и демократов. Ненавидел за то, что она придумала эмансипацию, а сейчас все человечество пожинает плоды ее неуместного каприза. По великому убеждению Отца эмансипация – это такая штука, когда соблюдены два неперемных условия. Первое: все бабы – стервы, второе – глобальная феминизация мужского населения планеты. А эта аудитория достаточно ясно показывала, насколько родная планета продвинулась на пути остервенения баб и обабления мужиков. Ладно, думал Отец, я вам покажу Кузькину мать, хлюпики. И на нашей улице будет асфальт.

Обойдя своих будущих однополчан, Отец понял, что на-

строение на этот день безвозвратно испорчено.

–Ты чего такой пасмурный? – Спросил Андрей.

–Кто в армии служил, тот в цирке не смеется.– Бросил Отец, осматривая группу.– Слушай, Андрюха, пошли сегодня в бубен ударим, чтоб перья полетели в разные стороны.

–Это как?– спросил Андрей.

Отец тыльной стороной ладони щелкнул по шее.

–Это великолепная идея.– Сказал он, отводя Отца в сторону.– Давай после всей этой канители ко мне переберемся, а то у меня острая алкогольная недостаточность. Я уже неделю мытарствую, а не с кем.

–Good, только давай ко мне, у меня все схвачено. Все будет пучком.

Из ниоткуда появился выход и в аудиторию зашла ОНА.

Она была чертовски хороша: высока, стройна, длинные каштановые волосы маленькими ручейками сползали на плечи. Огромные глаза приковали Отца к себе навеки. В них было видно, сколько в ее крови растворено эстрогенов. Маленький чуть курносый носик, сплошь засеянный веснушками. У Отца даже пересохло все в глотке. Отец всматривался в маленький ротик с пухленькими губками. Вот бы с ней в партере побороться, подумал Отец. Непослушная рыжая прядь упрямо падала ей на лицо. Как хороша!!!

–Андрюха, кто эта дива?– Отец кивнул головой в сторону таинственной незнакомки.

–Не знаю, она с параллельной группы.– Пожал плечами

Андрей.— Она к своей подруге ходит, вон к той, у которой ураган на голове.

Отец увидел по правую руку от каштановой красавицы девчушку верткую, словно вошь на гребешке. И если бы у нее была резинка слабее, она выпрыгивала бы из собственных трусов. На ее макушке выстроенная высокая прическа буквально кричала, что еще немного и вся эта конструкция из волос и шпилек развалится на куски. Девчонка обладала невероятно выразительным лицом, от этого выражение менялось чаще, чем она дышала. Она вертелась на стуле, как если бы сидела на раскаленной сковородке. Девушка и подпрыгивала, и подсакивала, и хохотала, и корчила недовольные гримасы.

—А,— заметил Отец,— это у которой кое что кое где?

—И не говори. Но в принципе она баба неплохая, можем и ее с собой взять. Водку потребляет, будто у нее глотка луженая.— Кивнул Андрей.

—А подружку ее сможем захватить?— В надежде на чудо спросил Отец.

—Не знаю, сам с ней поговори.

—Потом.— Кивнул Отец. Все его мысли уже были заняты ЕЙ.

Вполуха он слушал рассказ Андрюхи о его новой работе. Работой эту скуку было трудно назвать. Заключалась она в том, что полдня лежать в кресле, пока на тебе был надет шлем, в роде того, который надеваешь после бани, чтобы вы-

сушить голову. Это как будто давало обладателю необычного головного убора возможность оперировать огромными базами данных, вычислять огромное множество всякой информации, при этом, по мнению Андрюхи, получать огромное удовольствие.

– Попробуй, – предложил он, – тебе понравится.

– У меня голова сухая, – сказал Отец, представляя на кого он будет похож в этом нелепом шлеме.

– У меня тоже, – сказал Андрей, усаживая Отца в кресло. Затем он надел на голову шлем, который казалось, появился у него в руках сам собой.

– А что мне делать дальше? – Спросил Отец.

– Ты сам поймешь. – Сказал Андрей, но Отец уже его не слышал.

Он куда-то проваливался. Отец себя чувствовал, словно Алиса, попавшая в кроличью нору. Долгое-долгое падение, ломота в ушах, неприятный привкус во рту горелой человечины. И вдруг все закончилось. Мозги разрывало от огромного объема информации. Казалось, он знал все. Не было ничего, что было бы скрыто пеленой тайны и неведения. Осторожно Отец приоткрыл историю государства Российского, улыбался, когда читал указ Петра первого от 1709 года, про то, что «Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать оного». Посочувствовал овечке Долли, которую закатали в банку с оливковым соусом, когда прошел

ажитожа с клонированием. Посмеялся над Буддой, который, как оказалось, был реальным лицом, правда он не отправился в нирвану, как считают его ученики, а просто помер с голода, сидя под дубом. Знал он и математику, поняв, почему жена Нобеля убежала со служителем царицы всех наук. Знал и физику, согласившись с Нобелем, который не включил математику в список премиантов.

Очень интересно, подумал Отец. Это его развеселило не на шутку. Он попробовал оперировать базой данных. Узнав, что у поселенцев на Марсе возникли небольшие проблемы со здоровьем, он сравнил химический состав атмосферы, пищевых продуктов с таковыми на Земле. Оказалось, что солей лития на красной планете больше. Понял, что антидепрессивный элемент – всему виной.

– Не плохо, – сказал Андрей, который наблюдал за Отцом со стороны, – видно ты начал понимать смысл нашей работы.

– A little bit, – сказал Отец, снимая шлем с головы.

Позже его догадки нашли свое подтверждение. Оперировав огромными базами данных, подключаясь к компьютеру, человек получал способность к синтезу, казалось невероятных, теорий. Синтетическая функция человеческого мозга в который раз оказалась на высоте. Отец почувствовал гордость за свое, пусть даже брэнное, тело, которое не понравилось невидимкам из параллельного мира, которое ставило его все-таки выше самой разумной машины.

Это еще один повод разозлить моего электронного Басма-

ча, думал Отец.

Затем дикая догадка заставила его в спешке натянуть шлем на голову. Брат! Нужно все узнать о нем, пока такая возможность существует. Он поднял все сведения о тихом двадцать первом веке, который он так спешно оставил, пусть даже не по собственной вине. Про Дэна не было практически ничего известно, кроме того, что уже Отцу поведал Басмач. Брат провалился как сквозь землю. Последняя запись о нем была, когда он окончил свой институт. Отец посмотрел копии диплома и дипломного проекта. Брат окончит свой институт. Тогда он, оперируя глобальной базой данных, сопоставил несколько ему известных фактов о прошлом брата, о его подруге, о матери и ее словах. Синтез результатов не дал. Получилось только одно, что в свое время он все-таки выехал из дома на своей машине рано утром, как и говорила ему мама. Дальше ничего путного он не смог смоделировать. Туда же в свою логическую цепочку он добавил возможное развитие событий. Отец предположил, что брат, находясь в состоянии аффекта выбрался из машины и углубился в лес. Однако, рассчитав силу столкновения машины с сосной, стало ясно, что при такой аварии выживших быть не должно. Даже находясь в машине пристегнутым с известными мерами противоаварийной безопасности, при такой силе столкновения у водителя должна была отвалиться голова и разлететься селезенка в клочья. В машине крови не было. Отец рассчитал траекторию движения машины, которую он себе

представил, рассматривая следы колес на месте аварии. При такой траектории машина должна быть управляемой до последнего момента. Если предположить, что машина была пуста, она должна была съехать с дороги за двести метров до злополучной сосны. Как такое могло быть? Машина до последнего момента была управляема, а на месте катастрофы не оказалось следов человеческого присутствия. Машина не была оборудована автопилотом, следовательно, в ней кто-то должен был быть. Куда этот кто-то подевался? Глобальная база данных не могла предоставить ответы на эти вопросы.

–К чертовой матери вашу машину,– ругался Отец, снимая с головы тяжелый шлем,– пойдём, выпьем.

–Да поди..., ты же только пришел,– сказал Андрюха.– Да и нам поставлена небольшая задача. Вот решим ее и тогда пойдём.

–Это долго? – Спросил Отец, поглядывая на свою рыжую незнакомку.

–Как решим.

Андрей объяснил Отцу, что им ставится групповая задача. На сей раз необходимо было рассчитать оптимальную траекторию запуска и полета к туманности Андромеды маршевого спутника– генератора конверторного пространства, для получения эффекта нуль транспортировки грузовым контейнерам.

–У меня в голове мусор, не путай меня.– С участием попросил Андрюху Отец.

–Пошли в сеть, там все поймешь.– Ответил он, погружаясь в свой возлюбленный виртуальный мир.

Отец про себя отметил, что несколько парней и девчонок надвинули себе на маковки шлемы, прощаясь ненадолго с реальным миром.

–Ну что ж, бродяги, пошли,– Отец снова надвинул шлем.

Задача оказалась не из легких. Путь спутника пролегал через всю солнечную систему, путался в поясах астероидов и космической пыли, в магнитных волосах близ лежащих звезд и планет, освещался жестким лучами неприветливых светил. Далее шел через космические трассы пассажирских внутрисистемных трасс, где запрещено использовать нуль транспортировки, через орбиты комет, малых планет и других спутников, и прочей космической путаницы. Когда спутник прибудет на место, он свернет часть пространства в конверторное. Тогда можно будет осуществлять транспортные грузовые перевозки с минимальным расходом энергии.

Отец представил траекторию через ближайшие точки либрации, с использованием максимальных угловых ускорений планет и звезд и решение его оказалось не очень громоздким. Проверив путь еще раз, он понял, что ничего не понял. Использование точек либрации– идея не новая, равно как и неэффективная, тем более давным-давно доказано, что нельзя максимально ускорить спутник используя и притяжение планет и мертвых точек одновременно. Плюнув на задачу, Отец попытался побольше узнать о своей таинственной

рыжей незнакомке. Однако в базе данных хранились лишь общие сведения о ней. Была она не многим старше Отца, работала в параллельной оперативной группе с Отцом, и была не замужем. Вот и все. Хотя ее одиночество Отец расценил, как подарок судьбы. Одной разбитой физиономией в этом мире может оказаться меньше в борьбе за прекрасную незнакомку.

Находясь в системе, Отец видел работу его одноклассников, которые со своей стороны с не меньшим интересом наблюдали за его действиями. Отец видел, как совместными усилиями они парсек за парсеком прокладывали путь к этой чертовой Андромеде. Наблюдая за ними, Отец понял их некоторые прихваты и алгоритмы и попытался сам немного додуматься до несложного участка пути, однако получил довольно ощутимый пинок по мозгам от какого-то неизвестного своего одноклассника. Отец не понял от кого он получил такую не двусмысленную просьбу не мешать, но решил это позже выяснить.

Бунт на корабле, хорошо... думал Отец. Затем сделал для себя неприятный вывод, что для одноклассников не осталась незамеченной его попытка справиться о НЕЙ. А потом решив, что лишь он – Д'Артаньян, а все остальные – негодяи, ему стало легче.

Сняв с головы шлем, он с превеликим неудовольствием для себя заметил, что его прекрасная рыжая незнакомка исчезла, словно сон, в неизвестном направлении.

Время тянулось медленно, как военная служба. Отец, позевывая, наблюдал за вялым построением алгоритма траектории, но помогать на этот раз не стал. Чертова работа. У Захарова не все дома. Так и всю жизнь можно проспять на этих углых диванчиках. Ах эта рыжая незнакомка. В душе все переворачивалось. Как же Отцу хотелось ближе познакомиться с этой красавицей.

—Андрюха,— мысленно позвал своего нового приятеля Отец.

Ему пришла в голову идея прихватить с собой Дексаметазона. Хотелось произвести впечатление на новых знакомых, как он ловко приручил такого ужасного зверя.

—Отстань.— Андрюха был занят.— Потом поговорим.

Потом, так потом, подумал Отец. А было бы забавно посмотреть, как эта рептилия будет шуметь с аланина. Было бы совсем недурно захватить и предмет его вздыханий, однако, Отец понял, что придется отложить randevu с незнакомкой до другого раза.

Но все имеет своё начало, и часть этого самого всего имеет вдобавок еще и конец. Эта аксиома несколько взбодрила уже потухшего Отца, когда группа начала снимать свои шлемы с голов.

Аллах услышал наши молитвы, счастье спустилось в нашу долину, подумал измученный бездельем мозг Отца.

—Ну, как дела? — Спросил Андрюха, подходя к Отцу.

—Как у пуговицы... — Был ответ.

–А это еще как?– Удивился новый знакомый Отца.

–А как утро– так в петлю. Пошли. Бери свою вертихвостку и пошли. Уже клаксоны пищат.– Вздохнул Отец.

Андрей кивнул девчонке с ураганом на том месте, куда в этом мире надевают шапку. Девчонка, выхватив его взгляд из толпы, ответила ему тем же и через сотую долю секунды уже напрягала своей болтовней обоих.

–Это Суся,– представил девчонку Андрей.

–Настя,– сделала ленивый реверанс Суся.– Хотя все меня зовут Сусей. Один мой знакомый хакер залез в мою базу и узнал, что так меня в детстве называли родители.

Суся кивнула на Андрея:

–Я не буду говорить кто это, хотя это был Мормон.

–Никто же не пострадал.– Уверил всех Андрей.

–Андрюха, это ты что-ли Мормон?– Удивился Отец.

–У нас есть руководитель один, у него забавная фамилия– Яйцев. Вот он-то его и назвал Мормоном. Ты, говорит, Андрей Николаевич, бабник, каких на свете поискать нужно, прямо как мормон. Так вот и прилепилось к нему.– Объяснила Суся.

–А я Отец,– сказал Отец,– хотя некоторые меня зовут Са-ней, но это только те, которым зубы жмут.

–И много таких?– Спросил Мормон.

–Много, но все они в мире ином.– Ответил Отец.– Суся, а кто подружка твоя? Сегодня к тебе приходила.

–Понравилась?– скорчила рожу Суся.

Отец кивнул.

–Хочешь, познакомлю?– Спросила Суся.

–Он только об этом и мечтает. Даже пытался ее базу открыть. Отец, в другой раз надумаешь что-нибудь взломать, не делай это так грубо. Обратись лучше к профессионалу.–
Мормон похлопал себя по груди.– Рад буду помочь.

–Понял,– ответил Отец.– Суся, нам бы с тобой это дельце быстрее спроворить.

–Вот за бутылочкой и поговорим.

Черная пасть выхода проглотила Отца и его новых знакомых, отправив прямиком на улицу, в объятия столь знакомого и нового лета, лета далекого будущего. Несмелый ветерок пробежался по волосам друзей, зазывая поскорее в мир грез. Он был очень знаком Отцу, знаком и так же приветлив, как много столетий назад, когда он с друзьями, сидя в зелёном ресторане возле общежития, в окружении кустов сирени, распивал пенное пиво. Лето, которое раскинуло свои приветливые объятия перед Отцом, не отличалось от того, которое он помнил. Оно было точно такое. Зеленые кружева берез послушно качались на ладонях летнего дуновения. Короткие тени, усталые от летнего зноя, болтались между ног. Парило. Чуть поодаль блеснула синяя спина реки. Она морщилась и упиралась в берега, обрамленные мать и мачехой в изумрудные зеленые оковы.

–Черти дерут этого Захарова. Как на улице здорово. Когда меня похитили из дому, у нас была уже глубокая осень.– С

тоской посмотрел на зелень Отец.

– Не горюй, Отче, сейчас примешь на грудь и забудешь про все, – сказал весело Мормон и поманил пальцем мимо пролетающий кар.

– Да я не горюю, я осень люблю, как свинья апельсины. – Уверил всех Отец.

Машина бесшумно приблизилась к друзьям, остановив свой бесшумный бег невдалеке от них, словно боясь расправы Отца.

– Может выходом пойдём? – Спросила Суся.

– Да давай прокатимся, торопиться-то некуда. Да и Отец посмотрит на город. Он его давненько не видел. – Подмигнул всем лицом Мормон.

– А пес с тобой. – Суся прыгнула в кабинку воздушного кабриолета. За ней последовали остальные. – Что пьем сегодня? Я хочу текилу. Холодную. С солью.

– Текилу, дак текилу. Нам татарам всё равна: что водка, что пулемет, лишь бы с ног валяло. – Улыбнулся Мормон.

– Девчонки у вас в группе уж больно красивые. Давайте возьмем какую-нибудь еще? – С надеждой в голосе попросил Отец.

– А если твоя подружка Мать узнает? – Суся похлопала по плечу Отца.

– Вот, черт, ты то откуда про нее знаешь? – Отец удивился по настоящему. Он ведь это не обсуждал даже с Басмачом.

– Вот, ведь перед тобой хакер сидит. Он любую базу взло-

мает, даже запрещенную.— Кивнула Суся на Мормона.

Отец понял, что когда находился в конверте, компьютер полностью овладел его мозгом. Это необходимо для создания картинок, не отличимых от реальных.

—Суся, расскажи мне про твою подругу,— попросил Отец.

—Да сам у нее спроси,— ответила Суся.— Но если тебе интересно, у нее был какой— то друг, но вроде они сейчас не встречаются,— скороговоркой проговорила Суся.

—А что за друг?— Поинтересовался Отец, не замечая, как руки сами сжались в кулак.

—Да...Тюхтя, одним словом. Ни духом, ни слухом. Так, плесень.— Махнула вдаль рукой Суся.

Машина плавно подняла в воздух три страждущих алкоголя тела, унося и медленно покачивая. Мормон повел машину меж облаков, дабы насладиться видом и дневными испарениями Земли. Вид зачаровывал. Вдали виднелись острые, как иглы, носы космических спейсеров. Время от времени в небе были видны, уходящие бороздить просторы вселенной, корабли. Стремглав, нахально, будто издеваясь над открытием сэра Исаака Ньютона, покидали они родную планету. Машинка путалась в седых волосах облаков. Было хорошо. Душу не томили никакие мысли.

Удобно расположившись на мягком креслице кара, Отец наблюдал за проносящимся городом. Там, вдали, в сиреновой дымке, жили, рождались и умирали люди. Они казались крохотными и бестелесными. У них били маленькие голов-

ки, ручки и ножки. С такой высоты казалось, что и мыслишки у них какие-то маленькие и низменные. Неужели и я такой, подумал Отец. Как странно устроен человек. Стоит немного подняться в поднебесье и он уже чувствует себя повелителем вселенной и ради него крутится Земля. Но стоит опуститься на Землю, и уже кто-то парит над его головой, испытывая к нему странную жалость.

–Мормон, ты знаешь, куда лететь надо, а то я здесь, сам понимаешь, недавно?– Спросил Отец, удивляясь, как на высоте звучит его голос.

–Знает, он в твоей общаге завсегда,– ответила за Мормона Суся.

–Сколько я в твоей общаге нервных клеток загубил этанолом, один Бог знает, но никому не рассказывает.– Ответил Мормон, улыбаясь.

–А что ты там делаешь?– Спросил Отец.

–А что наливают– то и делаю.– Развел руками Мормон.

–Ко мне в другой раз заходи, вместе делать будем. У меня есть с кем... Мой комп– он такой ненормальный.– Отец покрутил пальцем у виска.– Сейчас сам увидишь.

Машина круто развернулась и осторожно присела на травку перед общагой. Друзья вышли из кара, потягиваясь и прищуриваясь от солнца. Чертовски здорово, подумал Отец. Было бы куда лучше, если бы с ним была его новая beloved. Ладно, время еще есть.

–Давайте, пойдём искупаемся?– Спросил Мормон, несме-

ло надеясь на понимание будущих собутыльников.

–У меня.– Сказал Отец.– Там тебе еще и спинку потрут, и приголубят.

Друзья вошли в выход, растворив свои тела в конверторном пространстве. В носу привычно засвербило йодом.

–Ух ты...– Только и успели произнести Мормон с Сусей, обозревая нам уже знакомую полянку на берегу небольшой заводи с водопадом.

На кровати сидел Басмач, раскрашивая масляной краской хмельного в дугу Пиначета. Тот бесстыдно расползся по коленям Басмача, предавая свое ненасытное брюхо неумелой кисти художника. Раскрашенный зверек выглядел очень экстремально: уши– зеленые, маленький кончик хвоста– синий, спинка уже была выкрашена в цвет детской неожиданности. Басмач сам был по уши вымазан всеми цветами. На щеке красовался красный след свежескрашенной лапы коалы. Увидев посетителей, Басмач бросил обсыхать несчастное животное прямо на белоснежное покрывало постели. Нюры не было видно. Девчонка боялась виртуального обитателя, словно мулла свинью.

–Басмач, ты что же наделал?– Сквозь смех Отец напустился на Басмача. Мормон с Сусей уже покатывались со смеху, корчась на коленях.

–Ты забыл поздороваться,– сказал Басмач, вытирая у себя под носом. От этого одной грязной кляксой на губе стало больше.

–У меня дикция плохая? – Удивился Отец.

–Я подумал, что так будет веселее,– улыбнулся Басмач.– Тем более этому зверю уже все равно. Ему уже хоть плюй в глаза, и все – божья роса.

Новый взрыв смеха. Отец подхватил с земли утром брошенную дубину и пустился за обидчиком. Басмач, повизгивая, скрывался от огромной дубины за деревьями. Загнав последнего к заводу, Отец, постукивая по ладони дубиной, медленно стал на него наступать, для важности зловеще вращая глазами.

–Отстань, бродяга, что люди подумают?– Стыдливо прокричал Басмач сквозь смех.

–Справедливое возмездие!– И дубина полетела к Басмачу, но было уже поздно. Громкий всплеск воды и брызги выдали позорное бегство с поля брани черного чародея. По воде поплыла дубина и масляные разводы. – Все, пришел конец Месами Даси.

Отец перекрестил расходящиеся по воде круги, плюнул и пошел к смеющимся друзьям.

–Этого имбицила зовут Басмач. Он– виртуальный. Мой компьютер.– Словно извиняясь, сказал Отец.

–Ты меня очень удивил, Отче,– сквозь слезы выдавил из себя Мормон.– Хотя у тебя здесь очень даже миленько.

Суся, придерживая свой живот, увалилась на креслице, возле стеклянного столика. По щекам реками растекалась тушь. Еще сильнее растирая ее по лицу, булькая соплями,

она стала похожа на маленького гоблина.

–Зачем ты напоил своего медведя?– Еще задыхаясь, спросила Суся.

–Я?– От удивления Отец раскрыл рот.– Это я то его напоил? Сейчас этот чудо вылезет из воды, мы его спросим.

Из заводи показался мокрый Басмач. С одежды стекала вода, пятна на лице он испарил, и по– этому выглядел более или менее пристойно.

–Ты почто его накачал ни свет, ни заря, нам еще с ним пить сегодня.– Отец кивнул на Пиначета.

–Я? Это же ты его напоил.– Оскорбился Басмач.

–Когда успел, я утром даже пробки не нюхал.

–Ты же бутылку на столе оставил, он и выпил ее.– Ответил Басмач.

–Да пошел ты... я ничего не оставлял.– У Отца в голове сверкнула мысль.– Нюра,– громко крикнул он.

Из-за дверцы бетаку осторожно появилась перекошенная от страха мордочка девчонки. Глаза были раскрыты так широко, будто она собиралась ими есть. Она пискнула, увидев незнакомых людей, и скрылась за дверцей. Минуту спустя она вышла одетая, испуганно поглядывая на Басмача. Окинула незнакомцев взглядом:

–Здравствуйте.

Мормон с Сусей кивнули.

–Ну-ка, ком цу мир.– Прорычал Отец.– Ты Пиначета напоила? Отвечай, не то спушу на тебя Басмача.

–Ты же любишь, когда он пьяный. Я подумала, что ты будешь рад...– Нюра нервно сглотнула и потупила взор. Отец понял, что Басмач тактично не стал выдавать и так на смерть перепуганную девочку.

–Ладно, нормально все. Давай зачетку. Ты меня порадовала. Молодец.– Сказал Отец, а про себя подумал, насколько же она глупа.

Нюра чуть не подпрыгнула от радости. Отец нехотя обнял свою глупую подругу за талию, и так чтобы никто не видел, укусил ее за мочку уха.

–Накрой на стол, гости ведь...– шепнул Отец ей на ухо. И Нюра рысью убежала к дубу, доставая оттуда питейные принадлежности.

На столе стали появляться водочка, пиво, коньячок. Сусенная рыба очень нехотя покидала свой засиженный насест, отправляясь на столовое стекло. Нюра все доставала и доставала из дуба всякую снедь. Отец не помнил, чтобы туда он прятал творожные сырки в глазури, красную икру и профитроли, однако все это было изъято из дуба. Потом разберусь, подумал Отец. Однако он предположил, что Нюра сама догадалась заблаговременно туда все сложить. Было немислимо предположить, что Отец с первой своей самостоятельной прогулки по городу не приведет к себе кого-нибудь побороть зеленого змия.

–Классно у тебя тут,– воскликнула Суся из своего кресла. Она уже была в купальнике. На носу сверкали солнцезащит-

ные очки.— Ты сам все это придумал?

—Ну не тот же художник, который зверье раскрашивает.— Отец нарочито ткнул в сторону Басмача пальцем.

—Ты, перестань там бухтеть,— заявил Басмач.

—Ты еще два стула принеси давай. И не булькай, когда со старшими разговариваешь.

Возле низкого столика появилось еще два стульчика с гнутыми ножками. Мормон устало бросил свои кости на один из них. Он уже успел поменять свою одежду на легкий пляжный костюм.

—А для кого еще один стул,— спросил Мормон, заметив, что стульев шесть.

—Ты же не хочешь обидеть самого уважаемого змеборца вашего столетия?— Спросил Отец.

—Ты имеешь в виду Захарова?— Улыбнулась Суся.

—Сейчас Великий Победитель Зеленого Змия просохнет, просуши его,— кинул Отец Басмачу,— и присоединится к нам.

Раздался истошный визг. Едва живой от страха кола визжал, как потерпевший и метался по постели, оставляя свое похмелье на белоснежных простынях. Басмач иногда шутки понимал буквально и напустил на несчастное животное суховей. Горячий ветер подбрасывал Пиначета, пытался залезть к нему под кожу, лез в уши и в нос, вырывал волосы из ноздрей и последний подшерсток. Измученный маленький медведь подпрыгивал и кувыркался на испачканном краской покрывале. Его болтало словно в дикий шторм. Наконец он

свалился с огромной кровати и его стало кружить волчком. Пиначет, не помня себя, визжал. Брызги изо рта летели в разные стороны. А когда у него уже пересохло в глотке, он стал издавать жалобные трели. Глаза были настолько чисты и напуганы, что казалось, в эти секунды он навсегда отрекался от алкоголя в пользу фонда инвалидов. Он с испуга пытался шмыгнуть под куст сирени, но недремлющее око виртуального разбойника достало его и оттуда. Маленький медвежонок с хрипом пытался прикрывать лапами рот и глаза, потому что Басмач постарался, чтоб и запах алкоголя навсегда выветрился изо рта Пиначета вместе со всеми зубами. Ветер со свистом поволок коалу к заводи, которую Пиначет любил так же сильно, как Нюра Басмача, подхватил под локти, пару раз при этом хорошенько потряхнув, и бросил в воду. Поминная всех святых от столь необычного пробуждения и стремительных водных процедур, коала, уже до конца протрезвевший, пулей выскочил на берег, поджав свой куцый синий хвост. Ветер его уже ждал. С новой силой медведя стало кружить и таскать по воздуху. Вопли перешли в ультразвуковой диапазон. И, наконец, для медведя все закончилось. Осталась только тахикардия, слепой ужас в глазах и просохшая масляная краска на шкурке.

–Иди ко мне, маленький,– позвал обезумевшего коалу Отец.– Ты сегодня такой нарядненький у нас.

Коала, не на шутку трезвый, озираясь, медленно и с опаской подошел к Отцу, пытаясь понять, что же это за зверь та-

кой дул на него, что долгожданный хмель так резко покинул его. Не найдя ответа, Пиначет водрузил свое тело на стульчик, на который Отец ему указал. Испуг не проходил. Ожидая очередной шутки, коала вертелся по сторонам, чтоб во время заметить обидчика и при приближении ветрогонного зверя спрятаться в спасительных ветвях эвкалипта. Но зверь не шел.

—Он выпить любит, как медведь бороться,— извиняясь за коалу, произнес Отец.— И к этому делу относится очень серьезно. Не любит, когда с ним не делятся.

—Тогда нужно удовлетворить его интересы,— подтвердил Мормон,— и дело с концом.

—Пиначета это устроит.— Сказал Отец.

Друзья расположились возле стеклянного столика, разлили по стаканам и сделали первое возлияние. Полилась мягкая беседа про то да сё.

—Хороша,— зашипел Мормон, потягивая водку.— Очень хороша, и калорийно и радостно.

—Так водку Менделеев придумал.— Сказал Отец.— Он редко ненужную штуку придумывал.

—Отец, а у тебя ребятки тоже глаз налить любили, ну, в твое время?— Спросила Суся.

—А то...— Задумался Отец. —Ты что... Там такие кадры со мной жили, мама не горюй. Хлестали за воротник родимую, как плясали. У меня дружок был, правда, он рано от нас ушел,— Отец заметил скорбные мины на лицах друзей,—

эй, он же не в мир иной ушел. Его за прогулы из института изгнали, потом он даже восстановился. Звали его Большой Синяк, если с известными коррективами перевести его имя с латыни. Так он умудрялся за вечер выпить около двух с половиной литров водки, а после гонялся за привидениями в общежитии.

— Не слабо, — ухнула Суся. — Ежели бы мне два литра засадить, то где ж меня искали бы?

Пиначет сидел на стульчике, время от времени оглядываясь по сторонам, однако стал все чаще посматривать в стаканы к друзьям и принимать их. Отец по себе знал, нужно некоторое время для него, чтоб ушел испуг, а тогда не замедлит явиться неумная страсть к алкоголю. Так и получилось. Солнышко пригревало, белые облака проплывали вдаль, беседа лилась мягко. Пиначета это успокоило. Встав на заднюю лапу, коала несмело сделал реверанс. Ошеломленный Мормон уставился на него. И без того живое лицо Суси стало меняться чаще, чем рельеф у жевательной резинки.

— Налить просит, — махнул рукой Отец. — Нюра, ну-ка слетай за блюдцем этому тарбагану. Видишь, у него трубы горят.

Нюра убежала к дубу, и вскоре искрящаяся жидкость полилась в блюдце коалы к его неопишуемому восторгу. Краска на шерстке заметно высохла, так что стало возможным без страха испачкаться поглаживать животное.

— Умный какой, — восхитилась Суся. — Он всегда такой понятливый?

–Так... Выпить захочешь и не то сообразишь,– заверил всех Мормон.

–Конечно,– подтвердил Отец,– мужик– не верблюд, ему пить надо. Сосед мой, Гурик, парень удивительный, пиво любит тоже, как конь валяться. Помнится, познакомился он с одной девчонкой, Танюхой Рукавичкиной. Девушка– одно загляденье. Влюбился, как последний мальчишка. Ну и решил ее в театр сводить. У меня есть галстуки красивые, мне их будущая теща подарила...

–Твоя будущая теща уже лет ..., как в деревянном костюме лежит.– Сказал Мормон.

–Будь оптимистом, Андрюха. Так вот, Гурик нарядился, нагладили, башмаки свои натер, как дурак нос. Ко мне подходит, мол, Отец, дай-ка мне твой галстук на вечер, отдам в целости. Я ему говорю: вон висят, выбирай. Гляжу: Гурик галстук надел, довольный, улыбается. Пошел. Там спектакль в шесть вечера начинается. Я-то дома, в общаге сижу. Думаю что там у них все пучком, чаек попиваю. Время двенадцать ночи, Гурика нет. Думаю: занят с подружкой, дело молодое. Время час– Гурика нет. Суть да дело, он в пол-второго заходит. Кривой, как турецкая сабля, хуже вот этого медведя,– Отец ткнул пальцем коалу в брюхо, тот недовольно заворчал,– грязный, как трубочист, галстук мой на подтяжку похож. Гурик едва дышит. Глаза не видят уже ничего. Я его спрашивать стал, как вечер с Танькой, как премьера? А он только хрюкает, да матерится. Я, говорит, как человек выхо-

жу из театра, а мне какая— то свинья на галстук наступила. Я его положил на койку, пусть алкогольдегидрогеназа довершит его вечер. Раздел, как смог. А у него грязь даже под штаниной, где ей даже по законам физики быть нельзя. Тут Бочман зашел что-то, соседка моя, рядом, в соседней комнате живет. Бегемот еще тот. Начал над Гуриком измываться. Гурик его не признал чего-то, да и послал его туда, куда редкая птица долетит даже до середины. Проспался. Наутро я ему допрос учинил. Вот он и рассказывает: Пришли мы, говорит, чуть раньше. В зал еще не пускают, так я Татьяну пригласил в бар. Сели там за столик, все прилично. Я пошел к стойке шампанское заказать. Ей фужер шампанского, себе полстакана коньяка. Пока нес все к столику, коньяк выпил для храбрости. Поставил ей на столик шампанское, думаю: чего я как не свой буду с пустым стаканом перед девушкой сидеть. Пошел опять к бармену, взял еще полстакана коньяка. Правда, говорит, я сразу половину отпил. Пока мы с ней разговор разговаривали, я уже свой коньяк допил, она тоже. Это в нем двести граммов уже сидело. Тут, говорит, звонок. Отсидели кое-как первый акт. Я его спрашиваю: про что спектакль-то был? А он только рукой отмахивается, мол, отстань, сам знать хотел бы. На антракте пошли, говорит, снова в бар. Я ей снова фужер шампанского, себе коньяк возле стойки, да еще стакан к столу принести. Захмелел, как буренка в жару. Сижу, никого не трогаю, свой коньяк попиваю. Да так хорошо стало, прелесть просто. Гляжу, а Танька

куда-то про... , ну, в общем, ушла она куда- то. Я ведь не заметил, хотел ее домой проводить. Думаю: ну пропала- пропала. Делать дальше что-то надо. Допил все, плюнул на этот театр, да пошел домой. Тут ко мне Рыкун привязался, паренек один с соседней общаги. Он понял, что я немного при деньгах. Да как привяжется ко мне, как хворостина к ослу. Вот я к нему и попал. И все как по написанному: водка пиво, а потом как дали- дали в бубен. Ох... А как к себе пришел, не помню. Видно на автопилоте.

–А потом виделись они с этой девушкой?– Спросила Суся в ожидании продолжения любовного романа.

–Виделись,– кивнул Отец.

–Ну и что?– У Суси аж в зобу пересохло.

–Да ничего, виделись и все тут.

–Ну как они виделись?– Подпрыгивала Суся от нетерпения.

–Да когда мимо проходили.– Сознался Отец.

–А...– Разочарованно Суся опустила в себя добрый глоток текилы.

–Так ты хотела, чтоб она потом ему всю жизнь была благодарна за этот вечер? Он ее привести-то привел, сам напился, до дому ее не пошел провожать. А я не уверен, что он выражался с ней по-французски. У него лексикон известный. Все чаще ухоженный среднерусский диалект. Какая девушка это стерпит. Тем более в театре.– Отец немного задумался.

–Да... сосед твой хороший ловелас,– заговорил Мормон.–

Как цватпах какой-то.

Суся хихикнула.

–Кто этот цватпах?– Спросил Отец.

–Цватпахи– раса. Недавно ее нашли. На том краю галактики живут, молодая еще цивилизация, так... говорить не о чем. Перхоть.– Махнул рукой Мормон.

–А, это значит как Басмач, я понял.– Засмеялся Отец.

–Рот свой закрой, бродяга,– Басмач подскочил на месте.

Нюра вздрогнула, ожидая, что Басмач кинется на нее с дубиной. Пиначет недоверчиво повел бровью.

Друзья соскочили со своих стульчиков и принялись носиться меж деревьев, посыпая друг друга матерком да коричневой пылью тропинок. Суся с Мормоном с удивлением смотрели на дикий танец друзей. Пиначет с пьяных глаз не разобрался, кто нарушает покой, и улизнул под куст сирени, притаился, ожидая появления свирепого зверя.

–Мормон, пошли, поплаваем,– выдохнул подбежавший Отец.– Водичка от винта.

Отец скинул свою одежду прямо на берегу и, не дожидаясь товарища, прыгнул в воду. Мормон не стал дожидаться повторного приглашения и погрузился в объятия прохлады тихой заводи.

Приятный ветерок бережно скользил по листьям деревьев, прыгал по ветвям, дул на воду, разгоняя стайки пузатой мелочи. Отец проплыл под водой к своей сети, в которой сидели две щуки. Басмач, собака бешеная, не может поболь-

ше в сеть накидать, подумал Отец. Рыба при приближении опасного ныряльщика забила хвостом по сети.

Аквамариновая пелена любовно укутывала свое бесценное сокровище. Жизнь. На кой черт ты дана? Кому от этого польза? Сегодня ты бьешь хвостом по нейлоновой сетке, а завтра тебя за глаз повесят сохнуть на шелковую нить, набив твоё нутро поваренной солью. Сегодня ты резвишься, забыв обо всем, а чуть позже голодные желтые от никотина зубы вопьются в твою сухую, как корка, плоть. Сегодня ты блестяшь и переливаешься всеми причудливыми цветами на солнце, а завтра это солнце испепелит тебя и будет сушить на илистом берегу твои фосфорные кости. Сейчас твоё тело гибкое и стройное, пройдет время, и оно станет твердым как камень. Жизнь. Ты не балуешь никого. Ты ломаешь всякого. Сломаешь даже самого умного и доброго, красивого и здорового. Никто не уйдет от твоего всевидящего ока. Только до кого-то ты доберешься чуть позже.

Мормон, фыркая, подплыл к Отцу:

—Ух, ты,— он ухватился за длинный рукав ивы, к которой была привязана сеть.— И много рыбы?

—Пару щук да мелочи разной,— махнул рукой Отец.— Басмач— это очень скупая скотина. Продам я его в поликлинику для опытов...

Друзья резвились в воде. Гонялись за пугливой маленькой пресноводной акулой, после отвязали сеть и поплыли к берегу. Коала от любопытства вылез из своего убежища и

скромно пристроился рядом на берегу, наблюдая, как Отец достает бьющуюся рыбу из сетки.

– Она, надеюсь у тебя не заразная здесь?– Спросила Суся.

– Есть немножко,– ответил Отец,– немножко вируса Кавасаки и иммунодефицита человека, а так нормально, клевать можно.

– Тогда все в порядке.– Кивнула Суся.

– Знаешь ведь первые признаки ВИЧ– инфекции?– Спросил Отца Мормон. Суся хрюкнула себе под нос.

– В роде немотивированный субфебрилитет в течение месяца?– Спросил несмело Отец.

– Нет,– покачал головой Мормон,– раньше.

– Да черти его знают,– Отец пожал плечами,– диарея?

– Еще раньше.

– Нюра, ну-ка, скажи.– Отец сверкнул глазами на Нюру.

Девчонка сконфужено произнесла:

– Это когда люди болеть начинают.– Друзья переглянулись.

– Да,– махнул на нее Отец и шепотом добавил,– лучше жевать, чем говорить. Нюра ну-ка соль для рыбы тащи и нож.

– Самые первые признаки– это чувство инородного тела в прямой кишке и жаркое дыхание в затылок.– С гордостью произнес Мормон.

Отец покатился на земле:

– Ой, Мормон, насмешил,– смеялся Отец.– Ты только Нюре это не говори, она меня неделю пытать расспросами

будет. Что да как. Хорошо.

Немного отдышавшись, Отец спросил:

—А от СПИДа лекарство уже изобрели?

—Да давно уж. Так не при тебе его нашли, что ли?— Удивилась Суся.— Сегодня это как простуда. Правда, им уже давно никто не болел. Извели его, как малярию.

Разделав рыбу и засыпав ее солью, Отец с Мормоном пристроились к столику, где их уже поджидал подвыпивший и смотревший на мир одним глазом Пиначет.

Алкоголь— удивительная вещь. Когда он находится в бутылке, он не радует душу. Стоит ему привязаться к компании эритроцитов, которые всегда бегают кучей, начинает сужаться поле зрения. В итоге мир видится сквозь маленькую точку и наутро просто невозможно вспомнить все детали, которые было видно сквозь нее.

Пиначет сосредоточился на Сусе. Выждав некоторое время, он стал пытаться перелезть через стол к ней, опрокинув при этом всю рыбу на землю. Суся заботливо приняла несвежее тело и расположила его у себя на коленях.

—Заберешь ее к себе?— Сказал Отец Мормону, кивнув на Ньюру.

—Ну ее к лешему. Скажи Басмачу, чтоб он ее к тебе не пускал, да и все.

—Так она виртуальная.— Шепнул Отец.

—Так еще проще. Сотри ее, чего ты на нее смотришь? Хоть и смазливая, а дура, еще поискать такую надо.

–Басмач боится, как смерти от пиявок.– Сказал Отец и ухмыльнулся.

–Чего ты про меня там плетешь?– Недовольно проворчал Басмач.

–Слишком много чести о тебе говорить, ты же глупый.– Улыбнулся Отец.

День Басмач сделал жаркий. Маленькие облака лишь на короткое время скрывали палящее солнце, да ветерок приятно обдувал разгоряченные негой тела.

–Уф,– сказала Суся,– я вспотела, как шлюха в церкви.

–Суся, слушай, давай ты ко мне свою подругу приводи, здесь винишка попьем, познакомишь нас.– Очнулся Отец. Незнакомка не давала ему спокойно пить пиво.

–Какую ты подругу собрался сюда привести?– Надула губки Нюра.– Ты же меня любишь.

–Басмач, иди-ка сюда,– Отец наклонился к другу.– Слушай, Басма, сотри ее на..., достала она меня. Тут еще одна девочка наклеывается, а Нюра здесь будет лишней.

–Да вот тут не угадал ты. Будешь с ней всю жизнь маяться. Я вот возьму еще, да ваш брак регистрирую. Будет тебе тогда и девочки и пиво... Не будешь меня слушаться.

–Басмач, Христом Богом тебя молю.– Взмолился Отец.

–Не пожалеешь?

–Клянусь твоим здоровьем!– Перекрестился Отец.

–Ох, и добрый я сегодня,– потянулся Басмач. Нюра вместе со своим стульчиком исчезла. Пиначет был немного удивлен.

–Куда она?– кивнула Суся.

–В небытие. Ну, как насчет твоей подружки?

–Легко.

Глава 9.

Прошел уже целый месяц. Чертовски приятный месяц. Удивительное дело, когда человек чему-то рад, время летит, как раненый олень. Не остановить его и даже не замедлить его бег ни на мгновение.

–Я люблю тебя.

–И я тебя люблю.

–Я первый сказал.

–Я первая подумала.

–Мы уже не ссорились неделю... Здорово.

Рыжая кивнула. Мягкий пушистый снег медленно ложился на ее каштановые локоны, обнимал и целовал плечи. Отец не ревновал. Он будет жить вечно, а эти глупые снежинки ровно столько, сколько их будет помнить Отец.

Они, держась за руки, медленно прогуливались по любимому городу. На ней была длинная несуразная каракулевая шуба и не менее несуразная шапка из черно-бурой лисицы, из под которой, собственно и лились ее каштановые локоны. И похожа она была на огромную хитрую лисицу, с которой нечаянно содрали шкуру и облачили в ягнячье. Ми-

мо них молчаливо проплывали серые многоэтажки, из окон которых лился призрачный желтый свет. Угрюмые, согбенные нелегкой жизнью, поодаль стояли гнутые фонари, бескорыстно даря прохожим тусклые пепельные лучи. С неба валил снег. Он с легким шорохом трогал их лица, и так же шурша, падал на уже наметенные сугробы. Он хрустел под ногами и, казалось, был недоволен, что вечную влагу так неуважительно попирает эта влюбленная парочка, однако он поддавался, оставляя на себе следы двух пар ног. Он исподлобья смотрел на удаляющихся людей, зная, что они к нему когда-нибудь вернуться с поклоном. Черное небо казалось еще чернее от тусклого света фонарей и желтых глаз— окон.

—Давай с тобой не будем никогда ссориться?— Отец посмотрел на свою подругу, искренне надеясь, что так оно и будет.

Рыжая опять кивнула. Она сегодня была молчалива. Отец знал, что в жизни каждой женщины наступает момент, когда она перестаёт разговаривать. Иногда это случается в постели, иногда в гостях, или во время разговора. Но тут, казалось бы, всё понятно. Это значит, что она подумала, что ты сморозил какую— то непростительную чушь. Но то, что кажется женщине, не всегда истина. А иногда женщина перестает говорить просто так, ни с того, ни с сего. В этом то и состоит великая и неразрешимая проблема. Здесь черед мужчины. Тут он должен сам догадаться, почему она замолчала. Но когда это случится, нельзя выходить из себя. Это не поможет,

а только разозлит ее. А дальше будет весь привет и танец с саблями в исполнении Хачатуряна. И пусть не введет в заблуждение на первый взгляд невинная внешность женщины. И будет казаться, что уже все позволено, и скоро придет счастье, которое решит все проблемы. Ни чего подобного. Если не дай Боже, Великий и Милосердный, всё-таки забыть об этом, на арене не замедлит появиться сила воистину несметная. И имя этой силе теща, но об этом после.

Они прошли мимо розового дома с обшарпанными стенами, изрисованными цветными мелками какими-то мальчишками. Венчала дом серенькая крыша, в которой навеки поселились несметные стаи голубей. Там в углу, на первом этаже светились заветных четыре окна, подернутые незнакомыми шторами и инеем. Отдавая дань моде, окна были наряжены в черного цвета нелепые стальные решетки. За стеклами мелькали незнакомые силуэты, раздавался тихий плач ребенка.

—Тут я жил, вот здесь,— палец Отца ткнул в окна на первом этаже.

—Так здесь здорово, тихо... — Рыжая мечтательно закатила глаза.

Отец вспомнил те незапятнанные мирским по-детски долгие дни. Казалось, здесь кричали сами стены: время, стой, черт тебя дери, стой твою мать. Стой, не смей смеяться над нами... Над ними... Над теми...

Отец помнил, как он мальчишкой устраивал здесь драки с

местной шпаной, как выгуливал свою собачку, в которой роста было на порядок меньше чем визга. Она гавкала, словно ее терзали бесы, чем несказанно смешила мальчишек и вводила в исступление окрестных старух. Помнил, как в кустах палисадника устраивал бои на рогатках...

Ее голос прозвучал как издалека:

–Пошли уже,– Рыжая повела плечом.

–В дом хочешь?– Не понял сначала Отец.

–Да нет, домой.

–Да ты чего? Мы же только пришли. Покажу тебе, где я рос, погуляем еще...

–Чего-то я не в духе.

–Да сейчас я тебе брата своего покажу, с мамой познакомлю. Здорово будет, погоди... – Отец остановился. Рассчитывая на неподдельный живой интерес от Рыжей, он не ожидал увидеть в ее глазах оленью тоску.

–Ну потом, как-нибудь... – Рыжая захлопала глазами.

Как много в этом мире сделано не так только потому, что на все это смотрели огромные непонимающие глаза. Бездонные омуты зрачков смотрели на пылающий Рим, на разоренную Троию, на руины Москвы... В огромных и непонимающих глазах отражались тысячи исковерканных судеб, порушенных городов, еще больше горя и насилия. Огромные и глупые глазища способны нести не только умиротворение и теплоту семейного очага, но и великую разруху, озлобленность и непонимание. Тем хуже для мира, если эти глаза

украшены красным платьем. Понимание и созерцание мира сводится к красному платью и бездне черных зрачков. Несколько мгновений в обществе с огромными глазами могут в корне разрушить устоявшиеся принципы и традиции, не говоря уже о судьбе, карьере и будущем. Почти всегда самые великие дерзости совершаются ради этих красивых глаз, дабы на себе ощутить их прикосновение, пусть не всегда понимающее или одобряющее, но лишь бы ощутить. Осознать, что тебя увидели те же самые глаза, которые видели великие подъемы и великие падения, смерть, разруху, боль и горе. Пусть эти глазаищи тебя не поймут, пусть, даже, осудят, однако понимание того, что они остановят на тебе свой взор, подвигает каждого делать все большее: спалить Рим, подтолкнуть и без того шаткий мир к пропасти небытия, заставить вертеться Землю в обратную сторону, истребить всех гадов земных, потушить солнце, разворотить вселенную, но только чтобы тебя заметили эти непонимающие, бестолковые огромные глазаищи. И хочется еще большего. Больше разрухи, больше горя, больше непонимания, если тебя они не видят. Взгляните, огромные глазаищи: в вашей ли воле остановить всю несправедливость, ведь вы прекрасны, хоть глупы порой, но все же прекрасны? Неужели красота не спасет мир?

— Подожди, ты чего уперлась-то, как реслер,— Отец несколько замедлил шаг, однако продолжал держать ее за руку.

–Ну не хочется мне тут... тихо, только скучно.

–Ничего себе, скучно ей! Это же я! Это то, из чего я состою, чего не понять?

–Ну Сашка, ну давай потом как-нибудь...– Рыжая отошла на расстояние вытянутой руки, немного нагнулась и сощурилась, словно лисица.

Отец растаял. Эти прекрасные непонимающие глазищи...

–Ну иди, я еще поброжу здесь, что-то меня на сантименты разбило не по-детски.– Разозлился Отец.

–Компьютер, выход.– Пискнула Рыжая.

В стене появился черный выход. Рыжая помахала рукой:

–Ладно, как освободишься, позвони...

Отец отмахнулся, мол, уходи быстрее, и побрел дальше двориком. Рыжая растворилась в непроглядной черноте выхода.

Ах ты ж, я твою маму откуда-то знаю, вот гюрза, думал Отец, это надо такой бесчувственной жабой быть. Ты подумай,... давай не будем ссориться, давай с тобой вечно любить друг друга. Какого мяса я на нее запал, такую девчонку в небытие отправил. Нюра была хоть и глупой, зато мозги не крутила.

Отец прошел дворик, в котором с друзьями рыл клады, зарывал свои богатства, где провел свое счастливое детство. Двор смотрел на Отца косо. Казалось, он хотел спросить его, как он живет– может, чем дышит и о чем думает.

По отечески вздыхали серенькие тропки, уходящие

вглубь двора, тоскливо склонились клены, путая Отца и снег своими лапами. Облезлые заборчики трогали душу, царапали ее своими острыми проржавелыми углами. Продавленные бордюры снизу посматривали уныло на Отца, будто говоря, посмотри родной: без тебя нам совсем жизни нет, втоптали нас в грязь серые шины автомобилей, без защиты твоей грызут нас ветра и дожди. Старые двери подъездов стонали, соznаваясь в своей старости, петли скрипели старушечьими голосами, жалуясь на ревматизм и ржавчину.

Вдруг, из подъезда выскочил маленький пацаненок с санками, одетый довольно скромно, но тепло, и с гиканьем кинулся вглубь старого дворика, к горке, которая венчала детскую площадку вдаль. Отец чуть не подпрыгнул, узнав себя самого. Мальчишка... как ему сейчас хорошо. Единственное, что заботило его тогда— чтобы мама всегда ждала его дома, любила его и никогда не кручинилась. Паренек с воem залетел на горку, разбросав маленьких своих друзей, и не останавливаясь, кинулся с разбегу на санках вниз. Ну удружил Басмач, подумал Отец. Не каждый раз удастся на себя взглянуть со стороны.

Паренек, скатившись с горки, побежал куда-то вдаль и скрылся из вида. Отец угрюмо продолжал идти мимо своего дома, пересек трамвайные пути. Дальше путь его пролегал через холм, где среди таких— же стареньких хрущевок стояла его школа. Туда он бегал мальцом с Дэном... Вот ведь, подумал Отец, Дэн куда-то пропал, а я здесь нюни распускаю.

Настроение изрядно испортилось. Рыжая, змея ядовитая, ну насолила, зараза эдакая.

–Басмач, выход.– Отец нырнул в проем черной пелены. В носу засвербело йодом.

Оказавшись на берегу тихой заводи, Отец с размаху плюхнулся в гамак.

–Басмач, где Рыжая?

–А пес ее знает, может на Луне, а может и с любовником кувыркается...– Басмач вышел из тени разлапистого каштана, на руках его мирно посапывал ленивый Пиначет.

–Да пошел ты. Настроения и так никакого, по добру скажи, где она.– Отец сверкнул злостью на своего виртуального компаньона, всем видом давая понять, что шутить не настроен.

–Дома, где ж еще быть-то ей. С маман своей козни строят. Да плюнь ты на нее...

–Инвизы эти молчат?– Спросил Отец, кивнув в сторону млечного пути. Басмач пожал плечами.

–Слушай, какого рожна вы меня тогда здесь держите? Отправьте меня с Богом домой, а понадобится я вам, так меня назад позовете, а?

–Отец, чего ты злой как менингококк? Сиди себе, пивко потягивай, чего тебе здесь не сидится? Вон бабу себе нашел, чего тебе еще надо, хороняка? – Басмач откинулся на спинку стула, коала спал.

–Устал я тут. Рыжая всю кровь уже выпила, сижу взапер-

ти, не могу я так.— Отец закурил.

—Дело то не в том устал ты, или мы устали от тебя. Тебя вернуть домой, это целую экспедицию собирать, туда да назад, а может и еще несколько кругов. Ты уж потерпи, дорогой, тут.

—Кто такие Цватпахи?— Вспомнил Отец давний разговор.

—Так, нечего говорить даже...— Басмач махнул рукой не оборачиваясь.

—Конкретнее? Поподробнее расскажи.

—Недавно ее нашли, эту расу. Еще толком ближайший космос не освоили, зато претензии на оригинальность будь здоров, как у тебя.

—Не приставай, сказал же не до шуток. Что за оригинальности они там разводят?— Отец нервно сдувал пепел с сигареты.

—С полями балуются, с какими не положено им еще, со сверхскоростями, да разное. Слушай, а чего ты так надулся, как Ленин на буржуазию? Тебя Рыжая что ли довела так? Али ее мамочка, бесовская надежда?— Басмач хитро заулыбался.

—Да уж и мамочка ее, амазонка несчастная. От своего мужика убежала в свое время, чтоб Рыжую в лучших традициях воспитать. Так две змеи живут, одна другой краше. Ее смерть в туалет отпустила, а она, немощь такая, еще и мне успевает жизнь испортить.— Отец негромко выругался и сплюнул.— Представь, она как меня увидела, сразу лютой

ненавистью меня возненавидела. Рыжей говорит, мол: этот (а сама в меня пальцем тычет), пить будет, от тебя налево бегать, ты с ним намаешься, расстанься с ним пока не поздно. Представляешь, при мне такое говорит. Ненавижу.

—Одно я только не понял, где она неправа была?— Басмач изобразил недоумение на лице.

—Басмач, не зли меня, гнида, терпеть ненавижу, когда мне под шкуру лезешь, и так у меня настроения нет.— Отец отвернулся от Басмача.— Слушай, сдастся, вы меня отсюда никогда не отпустите.— Отец резко развернулся к Басмачу. Тень смутной догадки обожгла Отца.

—Ты слишком много о себе думаешь. На кой пес нам нужен питекантроп.— Басмач на всякий случай отложил коалу рядом на траву, чтобы быть готовым к любому выпадку Отца. Однако узник тихой заводи ограничился гримасой.

—Слушай, ты чего меня от темы увел. Цватпахи твои, чего они вам так насолили, что вы их все терпеть не можете?— Отец резко развернулся к Басмачу.

—Сказано, что не теми игрушками балуются, не по возрасту.— Басмач разозлился или сделал вид, что разозлился.

—А чего вам эти поля мешают жить спокойно?

—Чего доброго натворят дел в галактике, вовек не разгребешь.

—Каких?— Спросил отец.

—Разных, ты чего пристал ко мне как кот к кукле. Отвали. Иди, вон, с Пиначетом развлекайся.— Рыкнул Басмач.

–Так он уже не соображает. Чего с ним веселого?– Огрызнулся Отец.

–Так я его живо...– Басмач даже соскочил со стула.

–Пусть его. Выспится, глядишь– на человека станет похож. Видишь, ему лучше всех сейчас.

Коала словно услышал, что речь о нем и лениво повернулся на бок, подставив его солнышку.

–Басмач, дай-ка мне выход.– Отец медленно, нехотя, встал с гамака. И, медленно покачиваясь, смотрел, как появляется черная пасть выхода.

–Куда собрался?– Спросил Басмач.

–Не твое дело.– Рывкнул Отец. А, затем, чуть помолчав, добавил.– К Мормону.

–Так ты ему позвони для начала, может его дома нет, может ушел куда, тот ведь еще бабник.

–Точно. Давай его.– Кивнул Отец. Только выход оставь. У меня что-то клаустрофобия разыгралась.

Меж деревьев развернулся огромный трехмерный экран, и засветилась огромная довольная физиономия Мормона.

–О-о-о, здоровэнки булы, Батюшка, нехай живе Степан Бандера и жена его Параська. Каким ветром тебя?– Обрадовался Мормон.

–Семь футов под килем и тебе, Мормон. Как поживаешь?– Отец махнул экрану рукой.

–Твоими молитвами, жив, здоров потихонечку. Так... валяюсь, кино смотрю, делать нечего.

–Мормон, слушай, разговор есть. Ты, я вижу, не дома.–
Сзади Мормона видны были казенные стены, окрашенные
белым.

–На Луне. В Море Ясности, пойдём ко мне поговорим.
Выпьем, может чего. А, здорово, Басмач,– махнул Мормон
появившемуся Басмачу.

–Ні!– Кивнул в ответ тот.– Он же весь купол разрушит, не
зови его. Будь осторожнее в выборе компаньонов.

–Басмач, я тебя ненавижу. Не приставай ко мне, не то хво-
ростиной так перехвачу.– Отец показал кулак.

–Ну, что, придешь, нет?– Кивнул Мормон.

–Да ты в своем ли уме?– Пожал плечами Отец.– Триста
тысяч верст до тебя, как я к тебе попаду?

–Ну мы же платим транспортные налоги, ты нуль-транс-
портировкой нульни, да и дело с концом.

–Это еще как?– Удивился Отец.

–Ох, Мормон, смотри, устроит он там у тебя катаклизм.–
Проворчал Басмач.

–Как, как? Вон выход, я погляжу, у тебя развернут, ну и
нульни ко мне. Координаты компьютер даст.

–Понял. Басмач к Мормону меня.– Кивнул Отец и рас-
творился в выходе.

Басмач пожал плечами: Бог с тобой, все равно уйдешь.
Свернул выход, закрыл экран, улегся в гамак, в котором
недавно почивал Отец и слегка дунул суховеем на Пиначета.

Догадка Отца была верна: выход– он же нуль-транспорт-

ный портал. Значит выходом можно попасть хоть куда, где есть единая транспортная сеть выходов. Очутившись в комнате белого цвета рядом с Мормоном, Отец осмотрелся. Помещение по казенному было белым, выложенным белым пружинящим пластиком. К стене была приклеена голорепродукция Мона Лизы, выполненная в интересной цветовой палитре. Свет заполнял комнатку, что казалось, лил отовсюду. Обстановка скупая: шлем для сети небрежно был брошен на такой же углый диванчик, что и в оперативной группе. В углу стоял столик. Для верности Отец слегка подпрыгнул, дабы на себе ощутить низкую гравитацию вечной спутницы. Однако прыжка не получилось. Искусственное тяготение, понял Отец.

–Привет, Отец, рад тебя видеть,– протянул Мормон руку.

–Сам привет.– Отец пожал руку, друзья обнялись.

–Так значит это– Луна? Я думал, что все будет как у американцев, вроде: маленький шаг одного человека,– Отец хлопнул себя ладонью в грудь,– и огромный скачок для всего человечества...

–Луна уже давно обжита. Ты ее и не узнаешь.– Заверил его Мормон.

–Ну, мне будет трудно ее не узнать,– съязвил Отец.– Луна– мать родная, Уран– отец родной.

–Ну, чего там у тебя?– Спросил Мормон.– Что стряслось? Выкладывай.

–Слушай, Мормончик, есть дело. Значит так. Надо бы в

базу залезть, кое-чего про меня узнать. Там планы, насчет меня, и всякое такое. Сможешь?

–У-у-у, ты вона чего удумал.– Потянул Мормон.– Это правительственная инфа...

–Что?– Не понял Отец.

–Информация. Дай-ка подумаю.– Мормон присел на свой диванчик.– Забраться туда то конечно можно. Только нужен нормальный беспарольный портал, или хотя бы коды доступа. У меня есть один человек, хакер знакомый, правда он на Плутоне работает. А что за дело такое?– Мормон ядовито посмотрел на Отца.

–Мне кажется обмануть меня хотят...

–Ну не тебя одного.

–Да мне то от этого не легче. В общем, я тут уже... – Отец попытался вспомнить, сколько он уже здесь.– Да долго уже. А ничего мне не понятно. Держат тут как слона ярмарочного. Надоело.

Отец объяснил свои опасения Мормону.

–Мне кажется, меня уже никогда отсюда не отпустят. У меня там сессия, может, уже началась, мама беспокоится. Эти Инвизы из зазеркалья не кажутся. Чего-то меня терзают смутные сомнения.– Отец присел на диванчик.– Хочу узнать планы насчет меня.

–Понятно...– сказал Мормон,– с Рыжей повздорил?

–Да не то слово. Эта корова... А ну ее,– Отец махнул рукой.– Слушай, Мормон, позови ее сюда. Жить без нее не мо-

гу.

–Полегче, Батюшка, чего совсем расклеился? Погоди, посидим за рюмочкой чая, ты мне все по порядку раскидаешь за жили– были. Потом посидим, подумаем. Сусю звать будем?

–Рыжую хочу. Да ладно, Сусю тоже давай. Декса можно на чашку аланина позвать. Он тоже не прочь выпить.

– Ты с Дексом на короткой ноге, я погляжу, а ведь он с мировым именем ученый. Я его чего-то побаиваюсь. Кто его знает, какие у него связи, может порчу на нас напустить.

–Я ему напушу, таких чертей ему напушу. Пусть попробует, я ему кислород весь перекрою, нужда будет... А так он неплохой. Да и ко мне он неплохо относится.– Отец ухмыльнулся.

–Договорились.– Ответил Мормон, и друзья хлопнули по рукам.

–Погоди, как на счет того хакера с Плутона?

–Сейчас узнаю где он.– Сказал Мормон. Улегся на диванчик, надел на голову шлем и откинулся, чуть прикрыв глаза.

–Привет Кришне.– Сказал Отец, но Мормон его уже не слышал.

Отец оглянулся по сторонам. Больно скучно выглядела казенная обстановка. Белые стены, Мона Лиза. Слишком бесцветно.

–Компьютер, накрой-ка нам достархан.– Сказал Отец.

Обстановка изменилась. Комната на глазах приобрела вид

зала Османской эпохи. Для важности Отец добавил к обстановке несколько мраморных колонн, выполненных лепниной у самого верха. Широкие занавески с ламбрекеном украсили стены без окон, пол покрыли пушистые белые ковры, сплошь заваленные мягкими подушками. Диванчик с Мормоном Отец поместил в центре зала под шикарным балдахинном. Невдалеке поставил полуголых рабов— мавров с опахалами наперевес в широких красных шароварах с золотыми браслетами на голенях. Перед балдахинном Отец установил столик на гнутых ножках, на стол поставил амфоры, наполненные красным вином и шербетом. Заказал вазу с фруктами и восточными сладостями, которые, впрочем, терпеть не мог, потому что по его глубокому убеждению там было мало мяса. Ради шутки велел компьютеру положить несколько авокадо. Вкуса этого экзотического фрукта он не знал, но представил, что сей продукт должен напоминать ананас. По кругу побежали девчонки в легких туниках и воздушных лифах, с тоненькими прозрачными вуалями. Одна из них стала вертеть животом, будто раскручивая невидимый обруч. Так Отец себе представил танец живота. Девчонка только что не подпрыгивала и не приседала вприсядку. Вскоре у нее выступила испарина, и Отец жестом прогнал ее, велел другим носиться по кругу, потешая его. Свою голову Отец украсил огромной розовой чалмой с диадемой. Шлем тоже не избежал метаморфоз. Мормон выглядел комично в чалме, полулежа на диване и в комбинезоне стиля космического мили-

тари. Себя же Отец нарядил шелковыми штанами с лампасами, сверху был накинут парчовый халат, на ноги Отец надел красные туфли с гнутыми носками, пальцы украсил увесистыми золотыми перстнями. И сел на подушку рядом со столиком, взял авокадо и стал дожидаться Мормона, поедая терпкий сочный фрукт.

Мормон открыл глаза.

–Слушай, Мормон, тебя можно ангелов писать.– Ухмыльнулся Отец.

–Ну, ты, даешь... Отец, это же служебная комната. Я же тут так, по долгу службы, временно. Компьютер, эту обстановочку скопируй ко мне в комнату, а здесь верни все как было.– Мормон хмыкнул.

Комната приобрела обычный, скучный казенный вид, какой придумали ее создатели. Ковры и подушки исчезли, и Отец оказался вдруг на полу, поедая свой фрукт, когда подушки отправились в странствие.

–Компьютер, выход. Пошли ко мне, там поговорим.– Сказал Мормон и скользнул в черную пасть выхода.

–Пошли.– Пожал плечами Отец.

Выйдя в Османский зал, Отец узнал своих мавров, которые бросились махать огромными опахалами на друзей.

–Ну, что хакер твой? Здоров ли?– Спросил Отец, ложась на подушки.

–Нет его на месте. Говорят он на Харон отправился. Работа какая-то у него там. Что там, на Хароне, делать? Почти

в невесомости болтаться.

–А это еще где?– Спросил Отец.

–Спутник Плутона. Так, кусок камня. Висит над планетой, ничего интересного.

–А почему ему на Плутоне не сидится?

–Да бурильную станцию там ставят. Железо добывать. На Земле-то нельзя. Он у них на технических позициях работает.

–А нам на Плутон никак не пробраться?– Спросил Отец.

–Ну чего ж не пробраться, у нас свободная федерация.

– Компьютер, дай мне Рыжую,– сказал Отец.

В центре зала развернулся огромный экран. Появилась она. Чуть запахнутый халат нисколько не умалял прелести ее чудесного тела. Каштановый локон так же, как и утром, лениво спадал на лицо. Глазищи... Она посмотрела на Мормона и потуже закуталась в халат, при этом ее изящная талия еще более стала видна. Рыжая похлопала глазами.

–Привет, милый, ты я погляжу на Луне?– Спросила она. На заднем плане суетилась ее постылая маман возле органического синтезатора.

–Салют, родная, я уже по тебе соскучился. Я тебя люблю...– сказал Отец.

–Я тоже.– Рыжая застыла.

–Пойдем ко мне, сюда, я без тебя не могу, плохо мне. Воздуха не хватает.– Вздохнул Отец.

–Мне тоже.– Вздохнула и Рыжая, настал ее черед.

–Придешь?– Спросил Отец.

–Зайди за мной, а то мама... Ну, ты знаешь, она меня одну не любит отпускать.

–Мама у тебя замечательная.– Сказал Отец. Мормон, отойдя в сторонку, прыснул в кулак настолько тихо, насколько ему позволяли голосовые связки. Рыжая скосила глаза в угол экрана, где по ее предположению должен находиться друг Отца.– Она все поймет.

–Ну, давай, тогда, заходи. Я дома, пока переоденусь.

Экран свернулся. Мормон засмеялся так, что девчонки перестали танцевать, раскрыв рты, а негры с метлами остановились.

–Мама у тебя чудесная!!! Отец, ты сказочник.– Мормон вернулся к столику.– Ганс Христиан Андерсен. Как бы ты с ней справился?

–Горячую кочергу бы в рот засунул,– улыбнулся Отец,– И провернул бы еще.

–Это другое дело... мама чудесная. Чудесный Басмач, чудесный день...– Продолжал склонять Отца на все лады Мормон.

–Андрюха, давай, подожди чуть-чуть, я за ней слетаю. Одну минуточку! Сейчас вернусь, О`к?– Соскочил Отец с подушек.

–Валяй, только давай не долго. Сделай одолжение.

Черный выход молчаливо проглотил Отца. Мормон, полулежа на подушках, налил в бокал вина, откинулся на спин-

ку, расставив ноги в разные стороны.

–Компьютер, новости.

Отец вышел в небольшую комнатку псевдореального пространства, уставленную по-женски просто. Недорогие старые книжные шкафы, уставленные печатными книгами впере-мешку с хрустальными бокалами и фарфоровыми заварочными чайниками, старыми иконами ютились вдоль стен. На стенах висело несколько фотографий в простеньких деревянных рамочках. Рядом темнел черный квадрат объемного телевизора. Вдоль другой стены располагался мягкий диван из какой-то синтетики, напольный торшер, возле которого томился маленький журнальный столик из прессованного дерева. На полу лежал ковер, казалось времен Наполеона, усыпанный шерстью рыжего, как и его хозяйка, английского спаниеля. В кухонном боксе звучал голос Рыжей и скверный скрипучий визг ее пожилой маман.

Отец направился к женщинам.

–Здравствуйте,– поздоровался Отец, чуть склонив голову в поклоне.

Маман Рыжей кивком ответила Отцу и повернулась к нему точкой, довольно значительной в ее жизни и важной в отношении разъяснения ее к Отцу отношений.

–Привет, милый,– сказала Рыжая, подойдя к нему. Ее горячее дыхание буквально обожгло все естество Отца. Железы внутренней секреции отреагировали на ее встречу выбросом тестостерона в кровь.– Попробуй. Мы тут с синтезато-

ром колдуем, так вкусно. Я в сети рецепт прочитала, потрясающе.

Рыжая протянула Отцу миску с каким-то салатом.

–Я сыт, Киса. Пошли, там, на Луне, если что, поедим, там здорово, ты была там?

Рыжая кивнула.

Она была все в том же халате, в котором появилась на экране в Османском зале, только теперь он не был достаточно затянут. Хороша, подумал Отец, черт побери, я ее хочу больше жизни.

К Отцу подбежал рыжий спаниель по кличке Роня, и стал его обнюхивать. По настоящему звали его Рональдо или Рональдино, в зависимости от настроения и от количества шалостей, которые тот уже успел совершить на данный момент времени. Обычно, когда пса звали Рональдо, кобель, в итоге, получал тряпкой под хвост. Когда же звучало Рональдино, псу предстояла трепка или купание. Отец слегка лягнул по носу любопытное животное и тот невесело завилял хвостом, делая вид, что гость с ним просто неловко пошутил. Он отошел в сторону к белой кошке, которая лежала на полу под окном, возле органического синтезатора.

Отец присел на табурет возле кухонного стола и кивнул Рыжей в направлении ее будуара, мол, пора отчаливать.

–Сейчас, я пойду, переоденусь, только ты попробуй, салат называется

Отец, так и не поняв, как называется салат, только хватил

его ложкой, чтобы пресечь пристальное внимание к нему и к этому несносному салату, который мог стать ему в горле рядом с маман Рыжей. Милая убежала в свою спальню, в которой находился ее гардероб. Отец, делая попытки остаться незамеченным, бочком направился другую комнату с книжными шкафами. За ним последовала белая кошка Лиса и Роня. Изначально кошка была Алисой, но в целях экономии времени на произнесение длинного имени кошки, кличка претерпела значимую метаморфозу до Лисы. Кошке было все равно, зато краткое имя больше устраивало Рыжую и ее маман, тем более что теперь и сама белая кошка не выглядела так претенциозно, как Алиса.

Зная привычку Рыжей переодеваться так, как будто она хочет произвести эффект на Самого Господа Бога, по часу, Отец развалился в кресле, взял какую-то книжку, раскрыл ее. Но чтиво не шло. Тогда он, соскочив с кресла, прикрыл за собой дверь в комнату, чтобы ни один шум его не выдал. И погнал за Роней. Пес, уже привычный к подобным погоням, нырнул под диван и оскалился. Этот маневр Отец принял не просто так— он разыгрывал стратегическую комбинацию. Необходимо сначала загнать Роню под диван, тогда кошке не будет места спрятаться. Поскольку именно ей сегодня предстоит пережить серьезный стресс. Отец поднял с пола тапок и швырнул его в кошку. Лиса подпрыгнула на всех четырех лапах, округлила глаза и метнулась к закрытой двери. Отец оскалился так, что, в общем, с кошки

уже стало. Несчастное животное прижало уши, пригнулось к полу, будто собираясь провалиться сквозь него. Отец расставил пальцы шире, и подпрыгнул на месте, симулируя нападения. Кошка рванулась с места, перепрыгивая через диван, влетела на подоконник, свалила вазу с сухими цветами, взлетела по шторам к потолку и, опасливо озираясь, замерла. Отец схватил тапок, как аргумент нецелесообразности висеть на шторах, швырнул в кошку. Лиса побежала по стенам, переворачивая на своем пути мелкие безделушки, стоявшие на шкафах, газеты, книги. Далее единоборство стало терять отчетливость силуэтов. Тапок – кошка бежит. Прыжок Отца – кошка подпрыгивает на четырех лапах и бежит по стенам. Тапок – кошка побежала по потолку, свалилась, попыталась забиться под диван, где уже Роня занял оборонительную позицию. Пес гортанно зарычал, и для пущей важности оскалил зубы. Кошка выгнула спину и кинулась на окно, где ударилась о стекло и с еще большего перепуга сиганула на шкаф, где уместилась на маленьком цветочном горшке с фиалками. В коридоре послышались шаги маман. Видимо все-таки он шумел больше, чем предполагал. Маман приоткрыла дверь, окинула неприязненным взглядом Отца, уже сидевшего в кресле с раскрытой газетой. Отец натянуто улыбнулся: змея, гадина ползучая. В дверях показалась Рыжая.

–Мам, пусти-ка.– И скользнула в комнату.

На ней был все тот же халат. Она, можно сделать такой вывод, и не думала переодеваться, просто пилила свои ногти...

Принимая в расчет раскрытую дверь, Лиса и Роня в мгновение ока покинули спортзал. Кошка на прощание оглянулась, смерив презрительно Отца взглядом, и удалилась прочь.

—Киса, пошли уже, ты же полчаса переодеваешься, а все еще в халате.— Сквасился Отец.

—Ну подожди немного, я сейчас накрашусь...— Отец вплотную подошел к ней и поцеловал. Голова помутилась. Ее немного солоноватый вкус губ, ее запах нещадно сводили с ума. Нежное касание ее язычка— Бог мой. Он уже ей простил и Рим и Трою и Великую депрессию.

—Я люблю тебя,— сказала Рыжая.— Я всегда буду тебя любить. Только дай я накрашусь.

Отец плюхнулся назад в кресло, будто сраженный ядом кураре. Конечно он подождет, конечно он ее любит, пусть она и копуша порядочная, но он ее подождет. Рыжая скрылась.

Жалко, что кошка убежала. Роня— пусть, но вот с Лисой мы не договорили. У Рыжей кроме обозначенных Рони и Лисы была еще одна кошка, Люська. Вот к ней-то Отец очень неровно дышал. Это была очень скверного характера полосатая бестия. Тощая, будто ее переехал каток, серая с полосками, как у гротескного кота, длинный тонкий хвост завершал жалкую картину тщедушного тела. Кошка была очень своевольная. Взять ее на руки можно было только тогда, когда это животное само пожелает. Процедура была следующая: скотина должна сама забраться на колени и улечься, после

этого можно аккуратно поглаживать ее по спине. Если рука окажется в недозволенных, по мнению кошки, анатомических областях, таких как хвост или живот, кошка имела право укусить или оцарапать руку. Гладить ее было необходимо все время, пока она лежит на коленях, в противном случае, она имеет право укусить или оцарапать. Однажды Отец, не зная правил, схватил кошку, пытаясь через поглаживания, установить с ней дружеские отношения, однако Люська, по твердому убеждению Отца, повела себя очень некорректно. Когда Отец, наконец, выпустил ослабевшее животное, у него на руке остались следы Люськиных когтей и зубов, а у кошки тяжелая душевная травма и помятые бока. С тех самых пор Люська избегала общества Отца, однако, последний делал попытки с ней уединиться, дабы утвердить ее во мнении, что он – царь зверей.

Отец прикрыл глаза, отложив в сторону газету. Уже начал грезиться какой-то сон. Но шорох в коридоре его разбудил. Потирая глаза, Отец молвил:

–Компьютер, дай Мормона.

На настенном экране появился Мормон в своей чалме с кружкой вина. Возле него примостилась виртуальная девчонка в пеньюаре, облизывая губы.

–Отец родной, ты там навеки, или еще осчастливишь нас своим появлением? Мы тут уже с Лейлой тебя жаждались.– Мормон кивнул на девчонку.

–Мормончик, ей-богу, минуту, не от меня эта канитель

зависит. Сам знаешь, женщины...— Отец скорчил физиономию.

—Боевая раскраска?— Кивнул понимающе он.

—Точно.— Согласился Отец.

—Как она?

—Рыжая-то? Нормально, помирились. Полчаса уже возит-ся, только когти свои подпилила, если еще пойдет бивни скоблить, я пойду на татар войной.

—Ладно, я тут Сусе позвонил, она занята, не сможет прийти. Да и шут с ней. Кстати, я хакеру своему сообщение оставил, когда он на Плуто вернется, чтобы мне отзвонился. Ну все, пока, давай только быстрее.

Экран погас. Минуты тянулись долго, как кишечная слизь. Наконец ожидания Отца были вознаграждены появлением Рыжей. Она была ослепительна, пусть никто и не ослеп. На ней был надет строгий серый костюм, шею прикрывал белый шелковый шарф, каштановый локон упрямо падал ей на щеку. Отец выпрыгнул из кресла. Руки сами тянулись к ее талии. Снова жаркое дыхание, поцелуи, запах. Пахла Рыжая особенно. Она пользовалась духами, но пахла не ими. Она пахла всепоглощающей страстью, томными ночами и глубокими стонами. Она пахла яростным безумством, нежными объятиями и поцелуями. Она была любима, и от того пахла нежностью и уважением, немым томлением и... и этим чертовым салатом, который она приготовила в синтезаторе с ее черствой маман.

–Кис, ты чего так долго одеваешься? Я чуть не заснул.–
Прошептал Отец Рыжей на ухо.

–Этот вопрос риторический, милый.– Рыжая взяла Отца под руку и прижалась к нему всем телом.

–Нужно-то всего-навсего настроить выход на гардероб и пройти через него, и все, дело не хитрое.– Отец провел Рыжей по волосам.

–Ну что ты понимаешь! Это же волнующая процедура. Очень важная. Для настроения. Это тебе только бы майки с трениками носить. Пошли уже.

Выход пропустил влюбленных через себя. Выход из реального пространства много неприятнее чем из конверта. В носу несносно несло йодом.

Войдя в Османский зал, Отец, держа Рыжую под руку, помахал Мормону.

–Вот и мы.– Рыжая кивнула Мормону. Мормон шлепнул по ягодице Лейлу, девчонка пискнула и отскочила к своим товаркам.

–Звездолет летел, а шасси стёрлись...– Запел уже захмелевший Мормон.– Я тут к себе пригласил твоего медведя.– Мормон кивнул на подушки возле столика.– Ты не против?

В подушках можно было разглядеть задние лапы коалы. Пиначет спал, и спал он не оттого, что сильно устал, отнюдь.

–Мормон, так он же виртуальный?– Удивился Отец.

–Так и мы не в реале, поди. Я его к себе на время скачал, Басмачу сказал, что с тобой договорился.

–Да ради Бога, все равно он у меня спал, пока я милую ожидал.– Махнул рукой Отец.

–Ну, я же не долго, чего ты меня совсем копушей то... – Рыжая потрясла Отца за руку.

–Да нет, конечно. Все пучком, родная, все пучком.

–Сашка, ты что, пить сегодня собрался? Я тогда домой отправлюсь.

–Кис, не пить, так, для свежести на грудь примем чуть-чуть. Садись.

–Слушай, Ксюха, не бухти, а то никогда замуж не выйдешь. Мы по семь капель под язык и все.– Мормон развел руками для убедительности, но, чувствуя нутром, что даже такой убедительный аргумент, как расставленные руки, не подействует, подвинул к Рыжей стакан с вином.

–Компьютер, выход.– Зашипела Рыжая.

–Ну, по пятьдесят грамм. Ксюш.– Мормон двумя руками показал, сколько это в его понимании.

–Все, все, не будем больше. Пошли по Луне погуляем. Покажешь чего-нибудь.– Засуетился Отец. У Рыжей уже губы стали похожи на резиновые сапоги. Нехороший прогностический признак.

Отец незаметно от Рыжей пожал плечами в сторону Мормона. Мол, что я могу с этой курицей поделать.

–Сашка, ты же знаешь, я не люблю пьяных. – Рыжая снова схватила Отца за руку. Видя, что из этого короткого поединка она вышла бесспорной победительницей, подруга Отца

немного расслабилась.

—Так я ведь тоже.— Ухмыльнулся Отец.

—Ага, самому смешно, Андрюха, с нами пойдешь? Погуляем.— Рыжая ущипнула Отца за руку.

—Да ну вас к лешему. Сейчас лизаться будете, я что на вас буду смотреть? Идите вы отсюда поживее. Оба. Скучно будет, догоню. Компьютер, немного оживи Пиначета.— Затем Мормон поглядел на влюбленных.— Чего ждете? Марш отсюда.

—Пошли.— Сказали оба в один голос и улыбнулись.

—Площадь Конфедерации.— Сказала Рыжая. И они ушли.

Мормон вытащил из подушек спящего Пиначета, который постепенно приходил в себя. Он погладил против шерсти маленького зверька, и вскоре тот окончательно проснулся. Лейла по знаку вернулась подмышку к Мормону. Праздник продолжался.

Лунный город. Как это удивительно находиться в трехстах тысячах верст от родной планеты, видеть ее со стороны, при этом не испытывать ни каких сложностей. Даже притяжение не выдавало себя. Влюбленные вышли на широкой площади. В центре нее, над живописным фонтаном в виде утомленной Афродиты, выходящей из пены Эгейского моря, украшенным греческими фресками и освещенным с разных сторон разноцветными огнями, в воздухе по кругу плыла голографическая надпись. Очертания букв менялись и плыли. Вспыхивали шрифты, которые нехотя переходили один в

другой. На разных языках было написано «Нил Армстронг». От кириллицы шрифт уходил на латиницу, затем появлялась вязь, вспыхивали иероглифы, иногда появлялись незнакомые символы, напоминающие древнеегипетские письмена и клинопись. Одно было понятно, что здесь очень популярен первый лунопроходец. От площади, согласно гексагональной симметрии, расходились лучами ровные улочки. Невысокие, по современным представлениям, здания не были похожи одно на другое. Тротуары уставлены маленькими гнутыми скамейками. На одинаковом расстоянии были расставлены желтые пластиковые урны, оснащенные аннигиляторами. Но больше всего поражала растительность, которая буквально захватила в плен маленький лунный город. Некоторые дома были полностью скрыты плющом, лишь небольшие изъяны в зеленых стенах были представлены окнами или балкончиками. Вдоль тротуаров росли деревья, изумляющие своими формами и разнообразием. Вокруг росли тяжелые вязы, клены, эвкалипты, растения не похожие ни на одно из ранее видимых. Отцом, коротенькие, длинные, с острой кроной и разлапистые, гнутые, витые, прямые, разные... Маленькие газончики были усажены зеленой травкой, вперемешку с цветами. При первом взгляде на них складывалось впечатление, что сажали цветы пьяные пионеры, но при дальнейшем детальном рассмотрении порядка прослеживалась очень интересная симметрия. Становилось ясно, что сажали их вовсе не пионеры, а если и пионеры, то очень пьяные и очень та-

лантливые. Дорожки были вымощены серым камнем, края которого были ровно подогнаны друг к другу. За фонтаном находилось здание в виде Пантеона с крупными часами под крышей. Лепниной под часами было аккуратно выведено: «Ратуша». На площади перед городской ратушей на высоких флагштоках висели флаги разных стран и, видимо, других планет, а, быть может, и целых звездных систем. Ветра в Лунном городе не было, посему флаги оставались недвижимы. В воздухе, вокруг городской ратуши, кружились маленькие белые кары, которые были гораздо меньше чем на Земле. Отец посмотрел вверх. Небо его несколько смутило. Оно было непроглядным и черным. Лишь белые точки далеких звезд подсказывали, что город находится не под лунной поверхностью. Было видно, что город окружен прозрачным куполом, его полусфера удивляла своими гигантскими масштабами.

Одна из шести улиц, отходящая от площади Конфедерации, была несколько шире других. На указателе было обозначено, что это «проспект Согласия», протянувшийся на два километра, и конец которого обозначил кусок метеорита четыре метра в поперечнике, врытый в землю, вернее в Луну. Рядом с ним лежал гнутый кусок стали, стилизованный под первый спускаемый аппарат и фигура человека, землянина, в громоздком скафандре, который несомненно только мешал при движении, изображая первый его шаг по планете. По преданию именно здесь впервые американский астронавт

Нил Армстронг ступил на поверхность Селены.

–Пошли туда.– Сказала Рыжая, махнув рукой к метеориту.– Горд называется Нил Армстронг.

–Пошли.– Сказал Отец. Очень впечатленный увиденным, он не хотел даже выругаться и тем более язвить.– Очень красиво.

Влюбленные пошли по проспекту Согласия, который не был транспортным. По центру проспекта были выложены клумбочки, усаженные пестрыми цветами, которым было, в общем, наплевать, где расти, на Земле, или на Луне. Проспект был вымощен тем же серым абразивным камнем. Здания, стилизованные под старину, утопали в зелени. По разным сторонам находились театр, магазин вод, гостиница, Лунный банк. Последний было можно узнать и не только по названию, которое висело над входом. Видимо и здесь банкиры не знают предела собственным амбициям. На углу многих зданий были небольшие фонтанчики, капли от которых разлетались достаточно далеко вокруг. Видимо так современные инженеры решили проблему увлажнения воздуха, а может и просто просчитались.

Рыжая обняла Отца за руку буквально всем телом, и вполоборота смотрела на реакцию Отца.

–Смотри-ка, так похоже на Шота Руставели...– Выдохнул Отец. Даже не верится. Вон там, видимо еще и Кура течет. Гор только не хватает, да машин вот здесь, по улице. А так... очень похоже.

По проспекту прогуливались люди, некоторые так же взявшись за руки, как Рыжая с Отцом, некоторые в одиночку. Пробегали так же и твари, от земноводных до неопи-сываемых. Некоторые парили на гравиподушках, другие летели на антигравитационных платформах, другие пролетали своим ходом, на крыльях. Одежды были такие же разные, как и люди, от открытых купальников, до кафтанов и шуб. Встречались строгие костюмы, спортивные футболки, кольчуги и скафандры, мохнатые и блестящие. Некоторые прохожие выгуливали на поводках свою скотину, как то: собак, кошек на шлейках или птиц. Проспект пересекали радиальные улочки, которые также утопали в зелени.

Из толпы прохожих выскочила земноводная тварь с крокодильим хвостом и с зеленой чешуей, отливающей серебром, и кинулась к Отцу.

—Декс, дружище, здорово, какими судьбами?— Отец протянул ящеру руку.— Уж кого не ожидал, на этой, забытой Богом, планете.

—Здорово,— проскрипел Декс.— А ты-то чего тут делаешь?

Земноводное встало на хвост, как кенгуру, и поклонилось Рыжей. Рыжая кивнула в ответ. Глаза на стебельках уставились на Отца.

—Так, ходим, бродим. Милая моя решила мне Луну показать. Пошли, выпьем чего-нибудь. Тебе Джефа возьмем литр?— Отец покосился на Рыжую.

—Сашка,— Рыжая дернула Отца за рукав.— Ну что за дела?

Я сейчас домой пойду.

–Да ладно, я же шучу. Так, по пиву немного, да и дел нет.– Сказал Отец. Рыжая как ошпаренная отскочила от Отца и направилась вспять на площадь Конфедерации.

–Декс, слушай, потом поговорим, видишь, у нас непримиримая ненависть к алкоголю, пока.– Отец помахал рукой и, понуриив голову, затрусил к Рыжей.

Дексаметазон, шевельнул глазами и помахал обеими своими лапами вслед удаляющемуся Отцу.

–Кис, ну ладно, я же пошутил. Хватит дуться. Лопнешь.– Догнав, Отец обнял Рыжую за талию.

–Сашка, я уже устала от твоих шуток, надоело мне. Отстань. Я домой пошла.– Рыжая немного сопротивлялась для формы, хотя могла и дергаться посильней.

–Ну шутка же. Перед Дексом неудобно, пошли дальше. Я ведь впервые здесь, на Луне. Ну пошли.– Отец укусил Рыжую за мочку уха. Рыжая недовольно повела плечом в сторону. Хотя по всему было понятно, что ей особенно и не хочется домой.

Медленно Отец развернул Рыжую назад, в сторону метеорита. Так и продолжая ее вести за талию, будто боясь, что девчонка все-таки сбежит, они пошли дальше по проспекту.

–Интересно, что здесь делал Декс?– Сказал Отец, дабы немного увести в сторону разговор. Рыжая пожала плечами.– Это очень умная лягушка. Прохвост этакий. Дела какие, может? Он сегодня на Земле был, а сейчас здесь встре-

тился. Странно как-то.

– Может конференция, может еще что-нибудь. Какая разница. Может просто, отдохнуть нульнул, мало ли. Хочешь есть?– Спросила Рыжая. И, не дождавшись ответа, потянула Отца в какой-то маленький закуточек, уютившийся между зданий.

Дверь звякнула колокольчиком, прикрепленным сверху. Отец и Рыжая вошли в небольшое кафе. В дальней стене, вместо бара, стояла стойка органического синтезатора, из которого время от времени посетители доставали снедь и напитки. Возле окошек находились полуоткрытые кабинки с уютными столиками, заправленными белоснежными скатертями, и стульями. На каждом столике стояла рамка объемного телевизора, который в случае одиночества мог оказаться и собеседником.

– Да чтобы твою мать...– Выругался Отец.

За столиком возле стойки органического синтезатора сидели Захаров и Ефимов. Ученые, увидев Отца, помахали ему рукой. Рыжая, увидев своих начальников, улыбнулась и поздоровалась одними губами. Отец махнул им в ответ.

– Этим-то что здесь надо? Что они, сговорились все тут. Декс, эти дьяволы, вот еще Басмача живьем увижу, и все, можно умирать. Пошли отсюда, пока они нас за стол к себе не пригласили. – Но, он опоздал.

– Отец, привет, пошли к нам, на чашку водки.– Засмеялся Захаров, видимо, приняв свою шутку за очень остроумную.

—Очень спасибо, но мы торопимся,— огрызнулся Отец. Он отметил, что ученые потягивают через бамбилью из колебасы ароматную матэ.— Слушайте, а что вы кальян с гашишем себе на стол не поставите? Это же лучше. Чего траву как телятам хлебать. Привет,— махнул он еще раз, и, взяв Рыжую в охапку, скрылся прочь.

—Во, нахал,— послышалось вслед.

—Ты смотри, демонстрацию здесь устроили. На Луне один город?— Спросил Отец, выйдя из здания.

—Прям, много. Армстронг— столица Луны. А так городов много.

—Вообще ничего не понимаю.— По закону больших чисел мы вообще не должны встречаться с ними, по крайней мере, лет четыреста. А тут за каких-то пять минут встретить всех твоих начальников. Это уже перебор, я так считаю.

—Пошли на смотровую площадку, там так красиво, весь город видно, и даже соседний Леонов.— Сказала Рыжая.

—Сейчас, еды какой возьму, будь здесь. Две секунды.— Сказал Отец и побежал в кафе на другой стороне улицы. Рыжая осталась снаружи. Через две секунды в дверях показался Отец. Тихо ругаясь в нос, он подбежал к своей подруге:

—Пошли бегом, потом расскажу.— Кинул он на лету, хватая за руку Рыжую.

Влюбленная пара перешла на бег трусцой, быстрее Рыжая скорость развить не могла ввиду своей половой принадлежности и роста. На бегу Отец рассказал, что в другой кафешке

он встретил парня. Как его звать Отец не знает, знает только, что видел этого парня на космическом корабле, когда он подлетал к Земле.

Несколько совпадений. Отец не верил в совпадения. Сначала Декс, затем Захаров и Ефимов, потом парень с корабля. Вывод один: за ним следили. Хотя, казалось, зачем? На Луне, как, впрочем, и на Земле, есть прекрасные и незаметные электронные средства слежения. Что-то не вязалось. Даже предположить, что его хотят схватить, абсурд. Зачем? Отправить на Землю? С какой стати? Плевать, будь что будет.

Подойдя к гостиничному комплексу, двери бесшумно скользнули в стороны и Отец деликатно пропустил свою спутницу внутрь. Пройдя по вестибюлю, украшенному колоннами, выложенными малахитом и яшмой, Отец увидел черную арку выхода. В реальном пространстве выходы почти все стационарные. Взявшись за руки, молодые провалились сквозь черную бездну выхода. Они не заметили, что вслед за ними в вестибюль вполз Декс, он немного покрутил стеблями своих подвижных глаз, остановив свой взор на выходе, щелкнул хвостом и нехотя попятился назад, на тротуар.

Влюбленные оказались на головокружительной высоте под самым куполом Армстронга. Широкий коридор охватывал циркулярно свод купола и крепился непостижимым способом к прозрачной полусфере. Сам коридор был изготовлен из того же материала, что и купол. Отец подошел к стенке искусственного небосвода, перед ним возникла картина, по-

ражающая своей, отличной от Земной, красотой. Насколько хватало глаз— серые холодные лунные пески. По краю горизонта— края кратера, в котором и находился Армстронг. Сам кратер был изрыт меньшими рытвинами кратеров, между которых петляли дороги для транспортеров. Горд был окружен целой сетью дорог и песком. В небе кружили маленькие пассажирские кары, чуть покрупнее— кары службы технического обеспечения и ремонта. Где-то рядом к краю кратера виднелась посадочная и техническая позиции, где садились планетарные катера. На орбите Луны виднелась тонкая полоска орбитальной лунной станции, словно кто-то нечаянно украл у Сатурна одно его кольцо и бросил его здесь.

—А Леонов где?— Спросил Отец.

Рыжая пожала плечами, прижавшись к Отцу.

—Не знаю, просто кто-то говорил, что с площадки можно его увидеть, сама я не разглядывала.

Вид был потрясающий. В небе появилась голубая планета. Такая родная и милая. Отец второй раз смотрел на матушку Землю из космоса, если с известными коррективами Лунный купол можно назвать космосом.

Мама Земля. Тебе больше четырех миллиардов лет, а ты так молодо выглядишь. Будь всегда такой же молодой и теплой, ласкай нас морозными утрами, утешай весенними дождями, балуй нас летней жарой, купай нас в своих синих реках, спасай нас озоном и облаками. Баюкай нас осенним листопадом, целуй нас ветрами, расти детей наших травами,

согрей нас теплом недр твоих, корми нас утренним бризом, успокой нас сырой землей. Мы, сыны твои, стоим и смотрим на тебя, родную. Мы любим тебя, мы отдадим жизнь за тебя, будь всегда с нами. И ты будешь всегда в сердцах наших, даже если придет время разлететься в разные края. Мы— это ты. Мы по всей вселенной разнесем нашу любовь к тебе, мы расскажем далеким звездам, что нет роднее тебя никого. Мы— кровь твоя, мы— плоть твоя. Мы— дыхание твое, мы— горе твое. Нас много, нас будет еще больше, и расти будет наша любовь к тебе. Ты подарила нам вселенную, ты дала нам крылья и воздух, ты научила нас тебя любить, ты отпустила нас. Ты подарила нам свободу, ты обрела свободу в нас, мы дети твои. Мы защитим тебя. Люби нас всегда, и наша любовь не умрет. Живи ты и Бог даст, будем живы и мы.

Отец стоял и смотрел на висевшую в небе родную планету. Рыжая стояла рядом, такая тихая и покорная, что Отец на мгновение поверил, что она такой и будет всегда. Внизу, так далеко от родной планеты, прямо под ногами Отца, кипела жизнь. Там, внизу, под куполом, вопреки космической эволюции, на мертвой и лишенной атмосферы планете, жили люди, радовались, работали, смотрели кино и спектакли, строили себе дома, летали под куполом в маленьких карах. Им было глубоко наплевать, что космический разум распорядился быть Луне мертвым довеском, возмущающим атмосферу и океаны Земли, юродивой падчерицей голубой планеты. Им было наплевать, что Луна, которой тоже более че-

тырех миллиардов лет, всегда была мертвой. Она никогда не знала мук рождения первой жизни, радости ее первых шагов, горечи первых ошибок и разочарований, умиления первыми успехами. Она это не знала, она была мертва. И людям на это было наплевать. И метастазы Земли, укрытые от коварного солнца и космоса, прозрачными прочными куполами, росли и ширились. И им было наплевать, что Луна мертва, и что она никогда не будет плодоносить. Им плевать, что Луна— мертвый выкидыш вселенной, изрытый мириадами метеоритов. И нет и тени угрызения, что мертвое космическое тело продолжают рыть земные отпрыски. Такова воля Всевышнего, таков великий и непостижимый космос, таков закон природы. А внизу, под куполом стоял самый красивый город мертвой планеты. Он благоухал цветами и травами, он зеленел деревьями и плющом с разных далеких и близких планет. Он дышал натурализованным и естественным кислородом, омывался водой, привезенной с далекой Европы. Он освещался иногда солнцем, а порой и искусственным светом, когда солнце на две недели покидала его. И это было здорово.

Глава 10.

Милая, как ты прекрасна, как я мог раньше жить без тебя. Ты самая прекрасная, ты дух нетленный, ты милость Всевышнего. Раньше я был слеп, теперь я все вижу, недавно я

ничего не слышал, сейчас я наслаждаюсь твоей музыкой. Ты бесценное сокровище вселенной, ты услада, ты воздух мой, без которого я не проживу и пяти минут. Теперь мы с тобой одна душа. Мы с тобой всегда будем вот так, как сейчас. Нас не разлучит никто и никогда. Нас любит сама вселенная. Тебя любит сама вселенная, тебя люблю я. Люблю всеми фибрами моей бессмертной души, люблю каждой своей клеточкой и каждой митохондрией. Тебя любит мой эндоплазматический ретикулум вместе со всеми элементами цикла Кребса. Все остеокласты и Т-лимфоциты склоняются перед тобой. Ты и я. Нам никто не нужен. Так?

Долго, очень долго ждала тебя Земля, чтобы ты стала на нее своими босыми ногами. Долго я ждал тебя. Даже когда меня не было, я ждал тебя. Я буду всегда тебя ждать. Ты мое счастье, ты моя боль, ты надежда моя и будущее. Кто кроме тебя может меня воскресить? Ты. Никто кроме тебя. Когда я умру, я буду тебя любить. Ждать и любить. Понимаешь, твоя музыка всегда пребудет со мной в веки веков. Я пронесу через всю жизнь дыхание твое, я буду пылью на твоих ногах, я стану росой, чтобы тебе было чем напиться. Я стану ветром, чтобы обнять тебя всю. Я буду огнем в доме твоём, чтобы тебе было легко. Там где ты, там и родина. Где железо, кровь и ты, там родина. Тебя люблю, ты все что у меня есть, ты— благодать и радость. Небеса без тебя— доска могильная. Солнце без тебя— камень мертвый, вода без тебя не пьянит. Жизнь без тебя— боль нестерпимая. Само солнце любит

тобой, сама Земля плачет от счастья, что есть ты, вода поет песни, только тронь ее. Небеса озаряются пламенем красным, когда есть ты. Милая. Душа моя, боль моя, печаль моя. Мы нашли друг друга. Сердце рвется на части. Когда ты рядом даже время останавливается посмотреть на тебя. Ураганы разбиваются у ног твоих. Смерчи и тайфуны плачут, когда приходит смирение перед тобой. Мы должны быть вместе. Пусть, моя душа, так будет вечно. Мы с тобой рождены быть единой душой. Даже пространство и время нам не помеха. Мы с тобой доживем до Великого Момента, когда свет и тьма, огонь и холод сойдутся вместе. Мы обязаны быть вдвоем. Только ты и я. Ты само совершенство, венец творения. Я чувствую твое сердце у меня на груди. Я благословляю тот воздух, которым ты дышишь. Я умоляю провидение оставить тебя мне. Навеки. Посмотри, как мы с тобой похожи. Ты и я. Мы с тобой две половинки одного механизма, без которого остынут все звезды. Все законы будут поруганы. Мы с тобой единство, к которому стремился этот мир. Посмотри сама. Я люблю тебя. Хочешь, я замолчу навеки? И будет только созерцание благодати Всевышнего. Попроси, и я перестану дышать, чтобы слышать, как бьется твое сердце. Я назову тебя женой, и тогда смерть не сможет тебя найти. Хочешь, я отдам тебе свое имя? Зачем нам два имени? Я растворюсь в тебе. Я уже растворяюсь в тебе. Я это ты. Ты это моя душа. Чего же более. Тихий стон. Я не могу без тебя. Я не хочу без тебя. Я люблю тебя. Несколько мгновений

вместе, это уже вечность. Мы смотрим на мир одними глазами. Мир нас видит одною душой. Ты дышишь, я дышу. Тебе плохо, я совесть вселенская. Ты спишь, я покой твой. Ты и я, одной жизни мало. Нам нужна вся вечность. Она просит нас об одолжении. Вечность нужна нам.

Когда-нибудь у нас будет малыш, который криком своим возвестит миру радость великую. Мы его подождем. Нас будет трое. Тогда мы будем едины и с нашим малышом. Наша крошка, ты и я. Это будет здорово. Мы построим себе храм на горе великой. Мы покроем ее туманами, чтобы никто не позавидовал нашему счастью. Мы прольем реки, чтобы и другим было весело. Втроем мы разобьем камень на врагов наших. Втроем мы будем всем миром, когда будет малыш, ты и я. Мы с тобой поведем его за руку и подарим ему долины и горы, реки и озера. Мы подарим ему утреннюю прохладу, летний зной, первую траву и падающие листья, чтобы малыш радовался вместе с нами нашему счастью. Он будет такой же как мы, такой как я и такой как ты. Потому что мы с тобой один дух и единый замысел мировой гармонии, потому что ему мы оставим в наследие все. Наш малыш будет самым лучшим, потому что ты будешь его мамой. У него будут твои глаза, потому что они самые прекрасные на свете. Пусть все великолепие мира он увидит твоими прекрасными глазами. И пусть весь мир восхищается его глазами, потому что это твои глаза. И само солнце, и все звезды ослепнут от его глаз, потому что это будет наш малыш, твой и мой. И

пусть так будет всегда.

Еще один жаркий поцелуй, последний в это утро, последние конвульсии тел, содрогнувших планету, последний томный вздох в унисон. И снова, как и прежде из одного тела получилось два. Они лежали рядом и дышали уже каждый своим воздухом. Иллюзии еще на некоторое время остались. Что думала Рыжая, осталось навеки покрыто мраком. В ушах лишь слышался шепот, когда они давали обещания друг другу. Не впервые, но и не так страстно. Осталось небольшое разочарование, немного грусти, что все заканчивается, хоть заобещайся. Запах ее ферромонов на пальцах и немного боли.

—Я тебя люблю,— выдохнул Отец.

—И я тебя люблю.— Прошептала в потолок мечтательно Рыжая.

—Я первый сказал.— На выдохе добавил Отец.

—Я первая подумала.— Так же мечтательно отметила Рыжая.

Влюбленные лежали на узенькой кровати, которую могли себе позволить на свои кредиты в реальном пространстве на Луне, в маленькой гостинице для влюбленных. Можно было сэкономить в деньгах, переместившись на Землю, но в этом случае молодые заметно потеряли бы в романтике. Немного отдышавшись, Отец поцеловал свою рыжую спутницу, которая в эту минуту не могла похвастаться никакой прической. Упрямый локон, который так неумоимо раскачивал нервы

Отцу, покоился сейчас у нее на затылке, вместе с такими же кудрями, слипшимися от страсти и пота. Испарина на их лицах заставила влюбленных принять цвет мороженых пальцев. Но все равно это было здорово. Они лежали вдвоем, на этой бесстыжей Луне, Бог знает в скольких километрах от родины, обнаженные и довольные собой. Где-то невдалеке, на поверхности, суетился Декс, чтобы разыскать Отца. В эту минуту в маленькой кафешке, может, до сих пор сидели Захаров и Ефимов и пили ароматную матэ, мальчишка с космического корабля наблюдал за прохожими, прочая челядь стаптывала сапоги в поисках Отца. На них Отцу и Рыжей было наплевать. Они наслаждались друг другом.

–Пошли к Мормону, киса?– Спросил Отец, немного отдышавшись.

–Повеселился и хватит, типа,– сказала Рыжая, поворачиваясь к Отцу на локоть.

–Кис, я же люблю тебя.

–Сашка, тебе что, только вот это вот только и надо?– Рыжая хлопнула себя внизу живота.– Я так и знала. Все вы мужики...– она снова перевернулась на спину, злыми глазами рассматривая потолок.

Отец подполз к ней по скрипучей кровати, обнял ее за белую шелковую талию. У нее в глазах были слезы. И это были не просто слезы, а СЛЕЗЫ величиной с гору. Он готов продать себя на опыты после смерти, он готов привить себе геморрагическую лихорадку с почечным синдромом, отрас-

тить волосы в носу до метра, чтобы люди узнавали его по кучерявым локонам, лишь бы не видеть никогда этих слез. Когда милая плачет, пусть все идет к чертовой матери, кажется, что жизнь не удалась.

—Кис, ну чего ты? Я просто же спросил, нет, так нет, я же спросил только. Чего ты хнычешь, я же никого в рабство не продал. Я даже в Кампучии революцию не устраивал. Не реви.

Она редела. Отец был в состоянии кого-нибудь убить. Женские слезы, словно река, которая смогла вычистить авгиевы конюшни, способны вычистить равно как кошелек, так и душу. Рыжая редела. Не в голос, а так тихо, чтобы ее мог видеть и слышать только Отец. Маневр старый как мир, и такой же эффективный. Отец раскис, как сахар в дождь.

Буквально вчера все было здорово. После непродолжительной прогулки по Армстронгу, молодые забежали в маленький отель с каким-то смешным чирикающим названием, сняли маленькую комнатку с маленькой кроваткой, с маленькой консолью компьютера и органического синтезатора. Влюбленные решили устроить маленький Валентинов день в маленьком отеле в маленькой комнатке. В центре стоял маленький столик, на который Рыжая поставила две свечи в маленьких подсвечниках по бокам. Рядом стояли два маленьких стульчика, старой работы, в которых поместились охваченные страстью тела. На стол Рыжая постаралась поставить какие-то салатик и жуткую съестную жижу из стандартных

программ органического синтезатора. Так вот они и сидели, смотрели друг на друга. И им было плевать на все. Они были поглощены сами собой. И даже разговор особенно не клеился. Слышалось:

–Слушай, милая, я тебя люблю.

Или:

–Как вкусно ты пахнешь. Какие у тебя красивые глаза, я тебя сейчас расцелую.

Рыжая пожимает плечами, делая вид, что она и не против.

–Сколько тебе было лет, когда вы с мамой переехали? Почему кошек называли Лиса и Люся? Я тебя люблю!

Ответ, в общем, и не требовалось. Очень удачно человечество придумало риторические вопросы, не требующие ни подтверждения, ни опровержения. Всего лишь нужно что-то говорить, выдавливая из себя вопросительную интонацию, и вроде уже получается видимость диалога.

Для счастья немного надо. Если на тебя никто не ворчит, никто не пытается засунуть тебе пачку карандашей в каждый глаз, тогда достаточно лишь одного вида твоей половины, ее голоса, пусть даже, несущего чушь.

– Компьютер, дай мне музыку.– Сказал Отец. И в комнате полился бравурный марш Игги Поп «Death Car».

Отец отодвинул от себя тарелку с салатом, к которому еле притронулся, обошел вокруг стола, взял Рыжую за руки, и вывел в центр крошечной комнаты, где кроме обозначенных предметов, пары влюбленных и трех молекул кислорода не

было ровным счетом ничего. Обхватив свою милую за талию, Отец достал из кармана запасенную заранее коробочку красного бархата, в которой покоилось его заветное. В медленном танце, похожем на шаркающее раскачивание в стороны под строгий марш машины смерти, Отец нежно стиснул до боли в горле свою суженую и надрывно прошептал:

—Мила, я тебя люблю. Я очень тебя люблю.— Рыжая стала ластиться. Она своим женским восьмым чувством понимала, что сейчас произойдет то, чего, в общем, все женщины рано или поздно начинают ждать. А именно— изъяснения в любви. Но коль скоро о своих чувствах они оба уже давно поведали, что-то должно произойти по настоящему интересное. Отец продолжал.— И в знак своей бесконечной любви, верности и преданности, я хочу тебе подарить скромный подарок. Вот он.

Отец остановился, Рыжая за ним. Казалось, что даже Игги Поп стал медленно пережевывать свою «машину смерти» от любопытства. Отец открыл коробочку красного бархата, там, в центре, едва заметное маленькое золотое колечко покоилось в подарочной щели. Незамысловатый рисунок говорил не о безвкусице, но о желании сделать приятное своей любимой. Она это оценила. Слезы (маленькие-маленькие, как и сама комнатка) скатились из ее глаз, она взяла коробочку вместе с руками Отца, поднесла ко рту и поцеловала. Отец был сентиментален, но он даже не ожидал такого поцелуя от Рыжей. В носу зашевелился золотистый стафилококк, в гла-

зах защицпало. Отец провалился куда-то, голос Рыжей слышался издалека. Она что-то шептала ему о вечной любви, что, наконец, наступило счастье, прочую чушь. Затем она, в свою очередь, подарила Отцу черную, шитую украинским стилем, шелковую рубашку. На кой черт Отцу была эта рубашка? Хотя от милой известь– творог, и крахмал– сахар. Рубашка была хороша, правда в ней было два недостатка. Первый– она была коротка. И не просто коротка, она была коротка в рукавах, по длине, в вороте, она была **ОЧЕНЬ** коротка. Второй недостаток– она была узкая. Узкая она была не только в вороте, но и в плечах и в пояснице. А так... нормальная рубашка. Очень даже красивая, черная, шелковая. Но Отец виду не подал. Он любил не рубашку. Может, и Рыжая нашла несколько недостатков в маленьком колечке. И, скорее всего она это сделала, потому что позже она сказала, что ее бывший перед расставанием тоже ей подарил золотое колечко.

Они слились в жарком поцелуе, чувствуя, как их биологические жидкости смешиваются. Нельзя сказать, что это обстоятельство их шокировало или отпугнуло. Напротив, они с жарким воодушевлением продолжали растворяться друг в друге, пока не стало совсем жарко. При свете ночных лампочек видны были лишь силуэты разгоряченных тел, но и этого им было достаточно. Только осязание. Запах и кончики пальцев, пальцы и язычки. Об остальном позаботилась мать природа. Немного отдышавшись, лежа на маленькой скрипу-

чей кровати, Отец обнаружил слезы на лице возлюбленной.

–Кис, ты плачешь?

Рыжая покачала головой и уткнулась мокрым носом в плечо Отца.

–Наверное, я просто сильно тебя люблю. Мне постоянно хочется плакать. С тобой я плачу, без тебя я плачу. Только без тебя мне еще и воздуха не хватает.

Вроде как я – кислородная подушка, подумал Отец. Ну да ладно, сойдет за комплимент.

Потом ночь, полная сладострастия, вздохов, поцелуев, волнительной близости. И вот оно злосчастное утро, когда на фоне полного благополучия снова слезы, только теперь уже не гипоксического характера. Теперь она лежит и воеет потому, что Отец предложил прогуляться. Не факт, что Рыжая не заревела бы, если Отец предложил променад к Тихому Океану. Теперь она лежит в кровати, воеет, как медведь в жару, потому, что решила, что Отцу нужно только вот ЭТО. А Отцу нужно не только вот ЭТО, но еще и Рыжая в придачу. И не как бесплатный довесок и не как необходимая в этом случае формальность. А как субъект, с которым Отец планировал провести остаток своей жизни. Пес с теми учеными, которые не пускали Отца назад в его старую общагу с пожелтевшими от времени стенами в тихом двадцать первом веке. Он нашел то, к чему стремился все это время. Рыжая. Это– она. Это та женщина, которую иногда ищешь всю свою жизнь и не можешь найти, и приходится коротать свое

время с Нюрами и Матерью. Рыжая— это целый мир, это бесконечность и глубина чувств и необходимостей, это целый клубок условностей и всепрощения. И вот она, которую удалось найти через один Бог знает сколько веков пес знает где. Вот она лежит рядом, вопреки законам больших чисел, она— единственная половинка, которая заполнит собою все пустоты, которые успела набить на душе эта чертовка жизнь. Она— всепоглощающая страсть, она— все, что было у Отца ценного. И сейчас она лежит и воет, рассматривая несуществующую трещину на потолке этого дешевого отеля для влюбленных. И Отец чувствует себя, так, как будто он продал весь мир за тридцать серебряников. Черт побери. Зачем все это? Он не сделал ничего дурного. Он всего лишь хотел прогуляться.

Рыжая соскочила с кровати. Слезы градом катились по ее прекрасному лицу. Веснушки на носу ее вспыхнули, как маленькие искорки. Щеки блестели от слез, губы расплылись в гримасе смерти, глаза покраснели. Рыжая стала спешно одеваться. Она долго прыгала по комнате на одной ноге, пытаясь вторую ногу просунуть в узкую штанину, при этом подвывая, так, будто при каждом прыжке ее секли соленой хворостинной вдоль вертикальной борозды. Когда она надела на себя свой строгий английский пиджак, нервно застегивая пуговицы, она стала походить на рыжую фурию, готовую содрать кожу с живого Отца. В глазах читалась ненависть и скорбь за бесцельно прожитые минуты рядом с этим низким и бездушным человеком, который счел возможным для себя в эту

трогательную минуту предложить прогулку. И не к кому-нибудь, а к дебоширу и разбойнику Мормону. И с этим малодушным и безжалостным неандертальцем она легла в одну постель!!! Она, чистая и нетронутая (в известных смыслах) доверилась ему. Как жесток этот мир, который может на себе носить этого грубого лжеца и охальника.

Отец с живым интересом наблюдал за облачением своей любимой, надеясь, что она, наконец, остынет. Она не остывала, видимо работала на неизвестном Отцу топливе. Когда ее облачение уже подходило к концу, Рыжая позволила Отцу находится рядом. Усевшись на кровать, надевая свои сандалии, она продолжала то всхлипывать, то подвывать. Отец обнял ее за плечи. Она резко отстранилась в сторону, бросив желчный взгляд на Отца, как Ленин на буржуазию.

–Компьютер, выход.– Рыжая со злости провалилась в черную дыру. Отец знал, что, сей же час ее маман проведает, какому низкому человеку доверилась Рыжая.

Оставшись наедине с самим собой, Отец еще немного полежал на кровати, переживая последние минуты расставания, затем, встав, направился к выходу.

–Компьютер, к Мормону. – Сказал Отец, и провалился вслед за Рыжей в черный омут выхода.

Очутившись в белой комнате казенного назначения, Отец осмотрелся: Мормона не было. Казенный белый столик, стульчик из белого пластика. Мона Лиза куда-то делась.

–Компьютер, где Мормон?– Спросил Отец в пустоту.

–Море ясности, Армстронг.– Ответил приятный голос компьютера.

–А я, черт возьми, где? В Маласач-Тепек-Момоцо что ли?– Выругался вконец расстроенный Отец.

–Ну-ну, не ругайся,– сказал Дексаметазон, выползая из черного выхода в белую комнату.

–Привет, Декс. Ты какими судьбами здесь?– Удивился Отец, присаживаясь на стул.

–А,– махнул лапой Декс. – Инвизов помнишь? Из зазеркалья.

Отец помнил. Догадка обожгла его. Дрожь пола, Декс, Мормона нет нигде. Он на корабле.

–Заговорили снова невидимки эти. Тебя требуют. Опять твой код ДНК посылают. Чего уж им от тебя надо не пойму. Ну, вот и решили снова с тобой туда отправиться.– Декс щелкнул языком и тоже забрался на стул, облокотясь лапами о стол.

–А меня не судьба спросить, я-то хочу или нет?– Закричал Отец на ящера.

–Щ-щ-щ,– зашипел Декс.– Ты забыл что-ли, как ты здесь оказался и зачем?

–За сеном, как вы все меня достали уже. Кто бы знал.– Отец соскочил со стульчика.– Компьютер, выход. К Мормону.

Выход не заставил себя ждать. Отец скользнул сквозь черную гладь арки, и очень удивился, когда прошел выход на-

сквозь, оказавшись с другой стороны в этой же самой комнате. За столом сидел Декс, наблюдая за попытками Отца немигающими глазами на стебельках.

–Привет, Отец, отдохни. В ногах правды нет.– Указал ящер на стул.– Мы закрыли все перемещения по кораблю и вне его. Мы уже далеко за солнечной системой. Слишком ресурсоемки такие длинные прыжки.

–Где мы?– Спросил Отец.

–Полчаса назад прошли орбиту Плутона. Сейчас выйдем за системные трассы и прямым ходом пойдем к зазеркалью.

–Мне на Плутон надо, поверни.– Сказал мрачно Отец.

–Так мы же только его орбиту прошли. А сам Плутон далеко в стороне остался, да и зачем тебе на Плутон? Там же только научные базы.

–Хочу на Харон посмотреть. Давно я там не был.

Дексаметазон заскрипел, что было аналогом смеха. Если бы у него была мимическая мускулатура, он бы улыбнулся.

–Бабы...– Кивнул он.

Отец тоже кивнул. Так они и просидели минут пять, по очереди кивая головами.

–Бабы. Ты видел мою зазнобу?– Спросил Отец.

–А как же. Хорошая самочка, только, походу, дикая. С такой тяжело будет.– Сказал Декс, а потом добавил.– Наверное.

–Да и не будет уже ничего. Странно, ведь люблю же ее, гадство такое. Только вот бесится она, чаще, чем дышит. Ей

Богу. И пристрелить вроде надо, и все никак не решусь.— Отец закрыл лицо руками.— Декс, а нельзя ли ей в голову какой-нибудь чип завалящий врезать, чтоб не тявкала? А? Я бы за это свою почку отдал. Одну.

—Да ладно, может еще одумается. Ведь молодая она. Все еще перемелется.

—Она молодая? Она на два года меня старше, это сколько ей сейчас...— Отец стал считать в уме.— Ой... Это не она молодая, это ее так воспитали. Маман ее, змея распоследняя.— Отец сплюнул.— Молодая... она уже лет пять, как лишних живет.

—Зато весело...— Констатировал Дексаметазон.

—На... видал я такое веселье. Компьютер, сделай иллюминаторы здесь, а то скучно, не видно, куда везут.

Черные глаза окон появились в комнате, сквозь которые виднелись белые пятна звезд. Скорее всего это не были иллюминаторы в классическом смысле. Вероятно это были маленькие экраны объемного видео, с картинкой проплывающих мимо звезд. Но отличить от настоящих их было трудно.

—Долго лететь?— Спросил Отец. Дексаметазон пожал плечами.— А кто знает?

—Компьютер, сколько лететь нам?— Проскрипел Дексаметазон.

—Тридцать два часа с небольшим.— Ответил бесплотный мягкий баритон.

—Ну, что, тогда давай распрягаться. Это реальное про-

странство?— Спросил Отец. Декс кивнул.— Что ж, пошли в конверт. Компьютер выход в конверт нам дай. Декс со мной пойдешь, или тут куковать будешь?

—Ты иди пока, я тут еще по делам зайду в одно место, затем сразу к тебе. Мне-то, пока мы не прилетим, делать тоже нечего.

Отец прошел через выход в комнату, такую же, какую он смоделировал у Мормона. Плюхнулся на диван. Ситуация. Хотел к Мормону, очутился на корабле. Да хоть и так. Рыжая нос воротит. Мормон пьяный. Что меня держит в этом мире? Да ничего. Тогда полетели знакомиться с Инвизами из параллельного пространства. Отец взял авокадо со стола. Попросил шербет. Вкус его он не знал, поэтому шербет получился похожим на горячий шоколад. Не доев свой авокадо, Отец бросил его на столик. Надел на голову, валявшуюся невдалеке чалму, и откинулся на диванчике. Эффекта ждать долго не пришлось. Его мозг разрывало от информации, которую накопило человечество и другие пасынки вселенной за много веков. Отец пошел в тихий двадцать первый век. Кичигинский бор, авария, в которой таинственным образом исчез его брат. Он поднял старые протоколы гаишников, которые только и констатировали ДТП без пострадавших. Он просмотрел истории болезни всех пациентов всех близлежащих больниц. Это заняло у него не более двух секунд. Ничего подозрительного и тем более похожего на брата он не нашел. В морг поступали трупы известных. Куда дел-

ся Дэн, никто ответить не мог. Если он никуда не девался, откуда взялась его машина в Кичигинском бору? Пошли назад, к институту. В областном городе не так много банков спермы. Отец поднял свое дело, где было детально разложено все о его маленьких копиях. Фертильность, анализ на ВИЧ, гепатиты, групповую принадлежность. И подпись владельца. Несомненно, это была его подпись. Но он, Отец, не сдавал никакой спермы. Может Дэн? Точно, это Дэн. Нет не он. Подпись другая. Он хоть и однойцевый с Дэном брат, но почерки у них отличались, да и подпись другая. У Отца она похожа на перевернутый самолет, у Дэна похожа на очень жирную и размазанную по листу бумаги букву «S». Да и свою руку узнаешь из миллиона подделок. Это была, несомненно, его рука. Черт его знает что такое. Трудно было рыться в документах двадцать первого века. Не все документы сохранились, многих просто не было изначально, другие должны были быть, но отсутствовали. Сноски и ссылки на них были, а самих документов не было. Что ж сделаешь. Древний мир не всем бывает понятен.

При чем здесь сперма? Он никогда в жизни даже и не задумывался над этой проблемой. Он всегда рассчитывал на естественный способ воспроизведения себе подобных. И даже для этой цели нашел себе Рыжую. Рыжая. Он полез в ее личное дело. Удивительное дело. Здесь у него не было никаких ограничений в выборе информации. Видимо, государственные проекты не обременены паролями и лимитом ин-

формации. И это правильно. Он посмотрел некоторые файлы, касаясь Рыжей. Некоторые письма, которые та получала от своих подруг. Ничего интересного. Только охи и вздохи, да упоминание о предшественнике, о наличие которого Отец догадывался, но подтвердить не мог. Теперь он все о нем знал. Скачал адресок, номер социального страхования, так, по мелочам, в надежде разбить ему физиономию. Колечко. Он подарил ей на память колечко. Сволочь. Каким дураком почувствовал Отец, когда узнал про колечко. Может, и не ему Рыжая объяснялась в любви в тот момент, может, не его, Отца, руки с коробочкой красного бархата она целовала? Может, не ему предназначены были те слезы, что катились по ее щекам? А... Ну ее к дьяволу вместе с ее бывшим. Пусть живут долго.

Дэн. Упоминания о нем были скудные. Кроме окончания горного института— ничего. Странно. Как будто он никогда и не покидал родной город. Заявления о краже автомобиля не поступало. А может, просто не сохранились протоколы и заявления.

Отец залез в свои файлы. О нем тоже после исчезновения не было никаких вестей. Только через некоторое время после исчезновения фигурировал билет на поезд до Москвы с его фамилией и именем. Отец тоже пропал, как и Дэн. Весело. Мама прожила долго. Была ли счастлива, про это написано только в книге судеб, а не в этой базе данных. Хотя путем простых логических заключений, даже не входя в сеть,

можно догадаться. Было у мамы два сына, оба они исчезли в один день, и никто их больше не видел. Не много счастья.

Зачем кто-то сдавал сперму за Отца? Зачем кому-то понадобилась эта фикция. Ведь, если предположить, если бы не было спермы, Отца бы не нашли в будущем. Вероятно, кто-то хотел, чтобы его нашли. Но кто это? Мать? Что же будет с его подругой? Мать после окончания сойдет с ума. Во! Этого он не ожидал от этой верткой маленькой девчонки. Сойдет с ума. Ее полечат. Потом она выйдет замуж. Не за Отца. Родит мальчугана. И вроде бы все. Жизнь такая штука. Сначала сходишь с ума, потом рожаешь себе наследников. По мнению Отца, все немцы пришли в этот мир таким путем. Ирония судьбы. Мать сошла с ума, а Рыжая самая умница. Рыжая. Как он ее любил. В голове поплыли огромные пылающие красные буквы: «Вернись». Она ушла. Как-то нелепо. Ушла, и вроде, ее даже не было, только осталось разбитое сердце. Почему она ушла? Отец смоделировал ситуацию, почему могла уйти Рыжая. Получалось, что она или беременна, или дура, что в принципе одно и то же, или она никогда не любила Отца. Какие-то алгоритмы непутевые, подумал Отец.

Беременна. Нет, она не беременна. Он влез в компьютер к ней домой. Она не беременна. Она сейчас лежит на кровати, рядом с ней полосатая Лиса, корова ушастая. Обе лежат и плачут. О чем плачут? О чем могут плакать две шлюхи? Ни та, ни другая не беременные. Может это она? Может, она

подкинула сперму? Глупость. Чуть. Тогда она меня даже и не знала. Да и кто ей портал откроет?

Отец лежал на своем диванчике, рылся в документах, мечтал, вспоминал Рыжую, и, если в этом случае, расстояние не играет особой роли, возлюбленная должна была помереть от икоты в ближайшие сто секунд. Но перед этим должна была умереть в дикой икоте со рвотой и тенезмами ее маман с кошками, а потом Рыжая. Пожалуй, только Роня должен был выжить в этой борьбе вегетативной системы. «Вернись», крупными буквами бегущей строкой поплыли пылающие буквы перед глазами. Но, Отец был слишком далеко от Земли, чтобы его желание сбылось. Он летел прочь от родной планеты с огромной скоростью, недоступной пониманию.

Цватпахи. Кто они? Это раса не гуманоидов, похожих на пингвинов. Небольшого роста. Рудиментарные крылья заканчиваются небольшими коготками, которые цватпахи используют как пальцы. Найдены недавно на краю галактики. Технократический тип цивилизации. Уровень развития системный. Туземцы осваивают ближайший космос в своей солнечной системе. Молодая и очень перспективная цивилизация. Сознание индивидуальное. Но при дальнейшем изучении цватпахов, многие ученые приходили к заключению, что цватпахи имели или рудиментарный или зачаточный коллективный разум. Цивилизация сильно ориентировано в техническую сторону. Неплохо развиты смежные на-

уки. И, довольно странно в их ситуации, слабо развиты гуманитарные и социологические составляющие. Отец запомнил координаты их системы, на всякий случай. Затем Отец запросил детализованный отчет о последних направлениях в науке. Были разработки в области нанотехнологий, основная направленность— освоение космоса. Ученые инженеры планеты разрабатывали новые виды топлива, альтернативные источники энергии, использование давления света их светила. В общем, ничего особенного. Поля. Отец попросил компьютер дать отчет об использовании полей. Поля использовались для одной цели— создание условий для развития максимальной скорости космического тела. При рассмотрении технологий поля и ускорения физического тела в условиях невесомости в вакууме, Отец обнаружил, что побочным эффектом в этих скоростях— являются темпоральные возмущения, которые цватпахи тоже не смогли не заметить. При дальнейшем изучении ученые пришли к выводу о возможности темпоральных перемещений, то есть создания машины времени. И были проведены некоторые опыты в космосе на орбите одной из внешних планет. Результаты опытов несколько ошеломили цватпахов, в результате чего правительственным указом разработки темпоральных перемещений временно законсервированы до создания терпимой удобоваримой теории времени.

Теперь все становилось на свои места. Земной институт темпоральных аномалий зарегистрировал несанкциони-

рованное возмущение темпорального континуума дважды, в результате поисков нарушителей и была найдена эта молодая цивилизация. В результате двух темпоральных возмущений произошли некоторые изменения в нашем пространственно-временном континууме. Последствия вмешательства в историю Земли изучаются. Понятно, что возмущения во времени имели место быть возле Земли. Вероятно, луч, или темпоральная волна, созданная цватпахами, докатилась до синей планеты, изменив что-то. Ясно другое, что Земля подверглась нападению темпоральных хулиганов, пусть и не умышленно.

Отец смоделировал темпоральный эксперимент цватпахов со сверхскоростями, траектория тел которого, находилась на одной прямой с траекторией Земли. Измерив резонанс темпоральной волны, Отец понял, что отголосок этого эксперимента мог всплыть в его времени и даже примерно в его районе. Приняв эту гипотезу, можно предположить, что цватпахи украли Дэна из его машины, когда тот ехал в гости к Отцу. Поэтому не было тел на месте аварии. Два возмущения темпорального поля— возможно цватпахи украли Дэна вместе с Аленкой, его подружкой. А это значит, что Дэн и Аленка находятся сейчас у этих малоизученных космических пингвинов. А это значит, что брата нужно спасти.

Сведения о Дэне в базе данных весьма скромные, однако, очевидно, что он все-таки окончил свой горный институт, а это значит, что он вернется в свое время и продолжит обу-

чение. Или первая теория о похищении— не состоятельна.

Отец вернулся к своим файлам. Действительно, в планы его похитителей не входило возвращение Отца в его время. Грустно. Хотя плевать. Здесь ведь Рыжая, остальное второстепенно. Я этой гюрзе все прощу, думал Отец. Все-таки я ее люблю. Говорят, любовь делает удивительные вещи. Может и Рыжая окажется не крепче мрамора, глядишь, растает.

Все, надоело, Отец снял свою чалму с головы и вышел из базы. Голова гудела, как пчелиный улей. Удивительная вещь, эта база. Пока ты в ней, столько всего знаешь, сколько и за много жизней не узнать. А когда выходишь из базы, остается чувство ущербности за свой куцый мозг.

—Компьютер, поройся в мозге у меня, и дай мне сюда Нюру.— сказал Отец, соскакивая с диванчика, когда ему надоело рыться в грязном белье прошлого.

В зал вошла Нюра, одетая согласно штатному расписанию Османской империи. Прозрачный лиф, красные воздушные шелковые шаровары, бусы из крупного жемчуга, золотые браслеты на руках и ногах, темная вуаль на лице, которая, в общем, и не скрывала очаровательную улыбку на моське девчонки. Отец махнул рукой в сторону Нюры, мол, изыди, нечисть.

—Убери ее, ради Бога,— забеспокоился Отец. Нюра выбежала из зала.— Шуток не понимаешь, болван. Так недолго с энурезом на всю жизнь остаться. Фу ты. Япошкина мать, вот напугал то. Дай мне Мормона.

Стена напротив превратилась в объемный экран. Появился довольный хмельной Мормон в обнимку с Пиначетом. Коала по своему обыкновению спал.

–Привет, Мормон, а этот крест чугунный,– Отец кивнул на медведя,– не просыхал что-ли?

–Не-а, Отец родной, ты куда подевался?– Мормон внимательно осмотрел зал Отца, который был точной копией его.– Ёкарный бабай, ты где?

–Ты представь, Андрюха, меня снова стащили. Сейчас я уже далеко за солнечной системой, мы уже давно за Плутон вылетели. Короче Декс меня украл на этот раз.– Отец развел руками.

–Ну, давай выпьем тогда, за отъезд.– Сказал Мормон, и в его руках оказался золотой кубок с искрящейся жидкостью.

–Давай.– Отец налил себе из амфоры в тяжелый золотой бокал вина, затем воздел руку с бокалом к экрану.– Ну, за отъезд.

Друзья опрокинули свои кубки.

–Рассказывай теперь.– Мормон сидел на подушках, поглаживая по животу спящее животное. Чалма съехала на бок, красные шаровары были сбоку залиты дегтем, как у Тараса Бульбы. Сзади него стояли мавры с золотом на лодыжках, помахивая опахалами.

Отец подумал, что было бы неплохо себе заказать пятно дегтя на шаровары. Это было очень стильно. Пятно появилось немедленно.

–В общем так, Инвизы, которых никто никогда не видел и еще бы века два не видеть, заговорили. Шлют мою ДНК, вроде меня хотят видеть. Ну вот меня и украли с Луны. Я от Рыжей к тебе хотел пойти, а меня через выход перенесли на корабль. Короче, не скоро увидимся. Туда лету полтора суток, обратно столько же, да там висеть с ними, дела решать. Неделя, не меньше.

–Ладно, с ними все равно не поспоришь. Я тут со своим челом на Плуту сконнектился, он мне сказал, что тебя на самом деле не отпустят. Давай дернем за новый дом, типа.– Мормон поднял бокал.

Отец вторил ему. Подняв бокалы, хлопцы выпили. Стало хорошо. Наступление алкоголя утешило Отца.

–Я уже знаю. Тут на корабле беспарольная база, я тут все и узнал. Дело кислое, если не сказать жестче.

–Да ничего не кислое, мы з пустыни сад зробім... подумаешь, что тебе там делать, в трущобах твоих. Тут веселее. Тут Рыжая.– Мормон осекся.

Отец сделал вид, что не заметил конфуза, только молча покивал Мормону.

–Твоя правда, мне маму только жалко, переживает она за нас с братом. Когда меня сюда забрали, там братец мой пропал, в моем времени, машина его разбилась. Одно слово, у мамы невеселые дни наступили. А так-то мне там нечего ловить, тем более что здесь Рыжая.

–Ну, за баб-с,– поднял свой кубок Мормон.

– За баб, – вторил ему Отец. Очередной кубок был выпит. – Слушай, Мормон, так ты получается, вторые сутки в сознание не приходишь? Из дому не выходил что-ли?

– Зачем, выходил, я поплавал в бассейне, искупался немного, поработал в базе со своей группой. Потом сюда вернулся, тебя ждал, думал, что ты придешь. Я тут тебе записочку оставил даже. – Мормон щелкнул пальцем, и к нему подошел другой Мормон, такой же, как настоящий. – Вот слушай.

– Отец привет, я сейчас приду, ты трошки посиди пока тут, а если хочешь, ко мне приходи, я плаваю в бассейне, компьютер координаты даст. А нет желания, так тут посиди с Ксюхой. Все, пока. – Второй Мормон махнул Отцу рукой и отошел сторону.

Отец чуть не поперхнулся.

– Это и есть записочка? Удивил ты меня, дружище. Как же вы тогда шпоры пишете? Преподавателя что-ли за собой носите?

– А, – махнул рукой на него Мормон. – Это временная копия. Она в оперативке висит, пока ты ее не прослушаешь, а потом сама исчезает.

– Андрюха, сейчас тебе перезвоню. – Сказал Отец. Изображение Мормона скатилось в уголок экрана. – Компьютер, дай мне Рыжую.

К экрану подошла маман Рыжей. Было похоже, что она съела килограмм хреновины. Так ей было не хорошо. Мина сквасилась, словно бражка от дрожжей, когда она увидела

кто ее вызывает.

–Чего тебе?– Кинула она Отцу. Хоть бы поздоровалась, змея такая, подумал Отец.

–Где Ксюха?– Тоже не здороваясь, вопросом на вопрос ответил Отец.

–В ...– Экран погас. Маман Рыжей отключилась.

–Компьютер, дай ее снова.– За пару секунд маман Рыжей съела еще кило хреновины, и потом вернулась к телевизору. Отец повторил.– Где Ксюха?

–Я же тебе сказала, не знаю. Она с тобой была.– Маман снова отключилась.

–Корова бешеная. Как ее такую земля носит? И Бог душу никак не возьмет. Компьютер, дай мне ее снова.– Закипел Отец.

Экран телевизора вспыхнул, выражение лица маман не внушала доверия. Снова будет врать, подумал Отец, но ошибся. Гримаса, исказившая лицо маман– это последнее, что увидел наш герой. Экран потух, но на мгновение, боковым зрением Отец увидел до боли знакомый и любимый силуэт, отразившийся от бликующей поверхности шифоньера, стоявшего возле экрана телевизора. Рыжая была дома, но пряталась от Отца. Однако ее ненависть к нему не помешала ей подойти сбоку к телевизору, чтобы все хорошо слышать, о чем будут разговаривать ее маман с Отцом.

–Компьютер, дай-ка мне ее еще разок.– Уже кричал от злости Отец.

Экран вспыхнул, но маман уже не было. На синем экране с заставкой оператора телевидеосвязи, светилась надпись: «Вызываемый абонент просит его в настоящий момент не беспокоить, надеемся на ваше понимание».

Маман отключила телевид, чтобы ее Отец больше не беспокоил.

—Ладно, хорошо, бунт на корабле, я вас, амазонок таких, разнесу мельче мака, головы свиные. Компьютер, Мормона дай назад.— Появился Мормон. Отец продолжал ругаться.— Представляешь, сейчас Рыжей позвонил, она к телеvidу не подходит, хотя сидит дома. Ее маман подошла, гадина. Рожа из старых мошонок пошита, а все туда же.

Отец рассказал, что у них произошло с Рыжей после романтической ночи на Луне. Мормон лишь улыбался, да посмеивался, словно говоря: а ты чего хотел? Ты же знал, на что подписывался. Они все одинаковые. Все без исключения. Бабу на бабу менять— только время терять. Будет одно и то же. Нюни, сопли, слюни, ты меня не любишь, мне нечего одеть на вечер, ты сегодня не пей, ты плохо разговариваешь с моей мамой...

Отец налил себе в кубок красного терпкого вина и осушил до дна, кивнув Мормону, мол, давай, догоняй.

—Ну, пустим карасика,— шепнул Мормон и тоже опрокинул за воротник свой кубок.

—Где Суся?— Спросил Отец.

—У нее новый роман с каким-то парнем. Она на озеро ука-

тила, свои кости погреть. Ее не будет еще с неделю.— Икнул Мормон. Чалма все больше съезжала на бок. — А чего она тебе нужна?

—Так, просто. Надо же с какой метелкой она меня познакомила. От ее подружки я теперь чихать еще лет сорок буду, не опомнюсь.— Сказал Отец.

Корабль летел и летел, все больше удаляясь от родной планетной системы. Отец приспособил в стенах иллюминаторы, чтобы сохранялось ощущение полета, хоть он и находился в конверторном пространстве, терять связь с реальным миром не входило в его планы. А с тех самых пор, когда он перестал быть пленником, каким был когда-то, Отец перестал испытывать неприязнь к конверту. Тем более что больше половина планеты живет там, и им это нравится.

—К вам посетитель,— раздался мягкий баритон компьютера.— Разрешите?

—Какого мяса там надо кому?— Вежливо поинтересовался Отец о визитере.

—Дексаметазон желает видеть вас.

—А, Декс, пусть проходит, я его давно жду.

—Все, я пошел, пока, давай.— Соскочил с диванчика Мормон, и даже Пиначет пошевелил лапой.

—Андрюха, ты куда убежал, погоди, сейчас вместе посидим, посмеемся.— Удивился Отец.

—Ты чего...— Не успел Мормон договорить, как распахнулся выход и в комнату вперевалочку ввалился змей зеле-

ный. Мормон потушил экран телевида.

–Привет, Декс, что-то ты сегодня припозднился. Я тут успел уже причаститься немного. Компьютер, аланина Дексу.– На столике появилась еще одна амфора, инкрустированная золотом. В османском зале запахло какой-то удушливой терпкой жидкостью.– Утыр, курмет.

Отец указал на одну из подушек, помещенных вокруг стола. Как же эта шикарная роскошная обстановка контрастировала с ночью, которую провел сегодня Отец с Рыжей в маленькой комнатке с маленькой скрипучей кроватью. Там не было даже места нормально обуться Рыжей, что пришлось ей присесть на кровать с лежащим на ней Отцом. И он был счастлив в этой комнате, где не было ничего кроме органического синтезатора и убогой маленькой мебели. У него была Рыжая, с ее скверным характером, злым червяком в мозгах и скверной маман. А сейчас в конверте у него есть все, но нет Рыжей. Тогда зачем все это? И ведь он не виноват, и он не чувствовал себя виноватым, он был злым. Он чувствовал, что его обманули, как дырку от бублика, его попользовали и выбросили. На душе была пустота. Пустота, да вот еще веганская рептилия, которая теперь сидела на полу как кенгуру, подставив под чешуйчатый хвост шелковую османскую подушку, держа в когтях граненый стакан с Джефом. Отец молча протянул свой кубок, они молча чокнулись и выпили. Каждому– свое. Отцу– красное вино, ящеру– аланин.

–Декс, какого лешего ты мне про цватпахов врал? Они же

моего брата могли украсть.— Спросил Отец. В общем, этот вопрос можно отнести к разряду риторических, в ответ на который можно пожать плечами или просто фыркнуть или совсем просто— промолчать.

Декс так и сделал. Он смотрел своими немигающими глазами на стебельках и потягивал из соломинки свой несносный аланин.

—Отец, когда ты перестанешь из-за баб себя изводить? Что ты, как ребенок маленький. Всех баб поставь в цепочку, так дорожка отсюда до Китая получится. Любую выбирай. Что ты не уймешься-то никак? Эдак тебя и не хватит вовсе. Оно же женщина— что море, всем хватит. Даже у нас. Уймись.— Декс сделал еще глоток из своего стакана.

А ведь он прав, подумал Отец. Зачем я так убиваюсь? В конце концов, на Рыжей свет клином не сошелся. Детей у нас нет, да и Бог с ней, нужно постараться ее забыть или забыть на другой женщине.

—Убедил,— немного подумав, ответил Отец.— Как насчет цватпахов?

—А что насчет цватпахов? С чего ты взял, что они твоего брата украли? Они вообще на другом конце галактики живут. Ну, может не совсем на другом конце, но уж во всяком случае, на другом витке спирали.

—Я тут осмотрелся в базе, составил алгоритм один, получается, что они его могли украсть.

—С чего ты взял, что твой брат пропадал куда-то?

–Декс, я думал ты плохо врешь.– Сказал строго Отец, и добавил,– а ты вообще врать не умеешь. Сходи в базу, возьми мой алгоритм и сам все проверь. Чего демагогию устраивать, как на базаре.

–Мужик не баба. Сделаю.– Тоже серьезно проревел Декс.

–Ну, вот и ладушки. Расскажи мне что-нибудь про Вегу.

Декс принялся красочно расписывать свою родную систему, довольно сочно описал свою планету с неприязнительным названием Адло. Свой родной город, который назывался Гуру. Рассказал о своем отце, который, как это ни покажется странным, тоже был рептилией.

–Декс, а у тебя жен много?– спросил Отец.

–Да есть на спине шерсть. Штук пятнадцать будет.– Ответил ящер и заскрипел.– Правда, у нас это очень нескромный вопрос. Мы об этом никому не рассказываем, и ты уж, дружок, помолчи. А то я тебя в рабство твоим цватпахам продам.

–По рукам. Тогда ты про мою зазнобу ничего не рассказывай никому. Fine?

–Ответ тебе нужен. Давай, схожу в базу, проверим.– Декс отложил свой Джеф в сторону. Отец подал чалму Дексу.

–Да я без нее пойду.– Сказал Декс, и как сидел на хвосте, так и отправился в базу, только глаза на стебельках немного потухли и затянулись пленочкой.

Отец даже не ожидал, что можно вот так, без шлема, без чалмы отправиться в базу, а потом подумал, что в конвер-

те все возможно. Ведь и эта картинка проецируется ему в мозг, так почему бы и не проецировать непосредственно и базу. Отец прикрыл глаза и тоже отправился в глобальную сеть. Получилось. Сначала Отец следил за операциями Декса. Они казались немного странными, может потому, что рептилия все-таки инопланетная, следовательно, и логика должна быть другой. Затем Отец понял, что логика и в Африке и на Веге— логика. Просто он сначала не понимал алгоритмы, которыми пользовался Дексаметазон, да и делал все это он очень быстро.

Затем Отец, когда ему наскучило созерцание построения алгоритмов, стал активно помогать Дексу. Но рептилия была много вежливее, чем земная оперативная группа, и не стал лягать по Отцовским мозгам, но терпеливо выслушивал его. Отец показал, что эхо экспериментов цватпахов могло докатиться до Земли, и могло иметь резонанс в его времени и месте. Декс рассмотрел эту проблему с разных сторон, вынужден был согласиться с Отцом, что доля истины в его резюме есть, хоть и алгоритмы его выглядели неуклюжими, рациональное зерно все-таки присутствовало. Декс продолжал строить логические линии вокруг цватпахов, Дэна, темпоральных возмущений. Ящер вносил коррективы в промежуточные логические цепочки, конструировал новую стратегию изучения этой проблемы.

Отец вышел из базы. Все равно Декс потом по протоколу доложит, что он нарыл, в противном случае, Отец может

скачать решения Декса, на крайний случай восстановить логические цепочки и алгоритмы.

Суть да дело, пока Декс с прищуренными, если можно так выразиться, глазами висел, как девяносто восьмая винда, Отец воспользовался случаем. С помощью конверторного пространства и компьютера Отец надел на голову ящера мохнатые заячьи ушки, серебристую чешую Отец прикрыл светло-желтой поношенной майкой, на бедра нацепил черные потертые семейные трусы. На задние лапы надел шлепки, хвост повязал розовым бантиком. Эта гротескная фигура очень контрастировала с османским залом, маврами и красными, заляпанными дегтем, шароварами. Что-то тихо сидим, подумал Отец. Заиграла Death Car, от которой у Отца испортилось настроение. Он отменил это решение компьютера, и полились сладкие звуки вечногo Венского вальса. Ожидая Декса, Отец развалился на подушках и задремал. Сегодня у него был тяжелый день. Декс, выйдя из базы, пошевелил Отца за руку.

—Отец родной, что ж тебя так разморило— то, как собаку больную. Просыпайся.— Земноводное тормошило нашего героя. Отец сначала даже не понял, кто его будит. Но потом, узнав заячьи уши, улыбнулся.— Декс, ты сегодня классно выглядишь, в этих... ушках от кутюр. Да и наряд у тебя от винта... Good.

Декс осмотрел себя своими вращающимися глазами, которые имели достаточную подвижность, чтобы осмотреть се-

бя со всех сторон, что-то проскрипел, видимо по вегански, интонация была далеко не дружелюбна, и обрел свой прежний облик. Отец решил, что с трусами он немного погорячился.

—Нужно еще раз проверить мои выводы, но, похоже, что ты прав. Возможно, цватпахи кого-нибудь могли прихватить из твоего времени, ненароком. Возможно и брата, хотя это все на воде вилами писано. Нужно оперативной группе дать задание рассмотреть эту задачу. Там будет видно. Молодец. Мы это так не рассматривали. Видишь, новая струя нам не помешает. Так держать.

—Ты про струю аккуратнее, а то всякое может случиться. Сегодня струя, а завтра— аденома простаты.— Отец трижды сплюнул через левое плечо.— Все— гудрон, кроме мочи, а моча любит трубки.

—Спору нет.— Покивал Дексаметазон, светило галактической науки.

—Декс, слушай, расскажи-ка мне про эти сигналы, я в базе забыл о них поинтересоваться. Я имею в виду Инвизов.

—Обычные радиосигналы. Сначала, когда появились они, никто на них, в общем, внимания не обратил. Просто идут из этого сектора и все тут. Думали, что какие-нибудь шутники балуются. Слетали в тот сектор. Никого нет, а сигналы идут. Стали этот сектор изучать. Никого не нашли. Сканировали пространство, смотрели в инфракрасном диапазоне, ультрафиолетовом, рентгеновском— никого. Ядерным резо-

нансом сканировали. Никого. А сигналы идут. И такое впечатление, что эти сигналы берутся из ниоткуда. Смотрели пространственным сканером, получается, что в эпицентре имеется искривление пространства, да и то незначительное. Вот сейчас то мы туда и идем. В первый раз, когда тебя туда возили, думали, что твоя близость к ним что-то решит, тогда ничего не получилось.

—А сейчас то чего меня туда тащить? У моря погоды ждать?

—Да нет. Они нам передали кое-какую информацию. Это, собственно, техническое описание пространства точки прохода. То есть этой самой точки пространства, из которой мы получаем от них сигналы. Описание не с точки зрения пространственных координат и близлежащих космических тел, а описание структуры самого искривления, магнитная образующая, гравитационные показатели, ну и все такое. Зачем они нам это рассказывают, я не имею ни малейшего понятия. И твоя ДНК. Это еще одна загадка.

—Так вы что, до сих пор не разгадали чего им от нас нужно?— Удивился Отец. Декс покачал головой и схватил стакан с Джефом.— У, лентяи. Вам бы только баклуши бить.

—Прости. Но это сделать труднее, чем ты думаешь. Они шлют нам сообщения хаотически. Их невозможно предугадать. Они отвечают на наши вопросы с огромным опозданием, когда мы уже и не чаяли получить ответ, а иногда мы разгадываем прошлые сообщения, и получается, что они за-

ранее знали, что мы спросим. На вопрос как они выглядят, они нам так и не ответили, а недавно наши ученые нашли в старых посланиях описание некоего разумного организма, детали сейчас изучаются и расшифровываются. Может это они про себя и писали. Откуда они про тебя узнали? Я понятия не имею. Да и ты тоже, насколько хорошо я тебя понял.

–Декс, ты очень умная лягушка, ты меня правильно понял.– Сказал довольный Отец.

–Так вот план такой. Мы прилетаем, пытаемся установить с ними контакт, как только что-то прояснится, мы тебя отпускаем домой.– Сказал Декс и завращал своими глазами, как будто ему стало стыдно за ложь.

–Декс, ты только что соврал. Ты не заметил? Ты только что сказал, что отпустишь меня домой. Ловлю тебя на слове.– Отец даже привстал на локоть на подушках.

–В общем, это решение зависит не от меня, но, я просто в этом уверен, что все сомнения разрешатся в твою пользу. За счастливый финал.– Поднял бокал Декс.

–За счастливый финал, только ты не думай мне заговорить зубы, а то я тебе на хвост дуста насыплю.– Улыбнулся Отец и поднял свой кубок.– Декс, я ведь свои файлы поднял, меня не хотят отпускать домой.

–Это не совсем так, пока планов отпускать тебя домой, нет, а посему и файлов таких не существует. Это ведь тоже не так просто тебя взять и отправить домой. Во-первых, это тоже целая космическая экспедиция, во-вторых, нужно под-

готовить и тебя и всех к перемещению во времени, чтобы ты слишком у себя не болтал, и не принес в ваш мир секреты, которые смогут его погубить.

–Вроде как память мне стереть?

–Да. Вроде того,– Декс кивнул,– тут тоже много процедур. Другое. Нужно все рассчитать, чтобы тебя отправить в нужное время, а не к бронтозаврам. С технической точки зрения тебя все равно, что в палеозой отправить, что к тебе в общагу. В-третьих, рассчитать пространство, чтобы ты не материализовался в дереве или скале. А коль скоро этим еще и не занимались, ввиду объективных на то причин, следовательно, и файлов таких существовать не должно. И это вовсе не значит, что тебя отпустить мы не хотим.

–Про палеозой это ты здорово сказал, по предкам соскучился или это– твоя родня, только дальняя?

–Ха, ха, ха.– Натянуто сказал Декс.– Отец, препирайся с Басмачом. Я– серьезный элемент.

–Ладно, не кипятись, я так, а то скучно сидим. Басмача заказать, что-ли сюда?

–Если ты по нему скучаешь, или наклонности у тебя разыграли, давай, закажи его, только про пеньюар не забудь, или там рюши, или что ты еще там любишь?– Заскрипел Декс-метазон.

–Туше, старый зеленый чемодан, ты меня уел, а я то сперва подумал, что ты– серьезный элемент. Вот так веселее. Так как на счет твоего друга, Басмача?– кивнул Отец.

–Нет, ты лучше Пиначета сюда пригласи, а то я все равно спать пошел. Тебе с кем-нибудь веселиться надо.

–А чего ты спать пошел? Чего тебе тут не в радость?

–Ты знаешь, пока мы за тобой охотились на Луне, да на Земле, пока ты там со своей красной самочкой развлекался, я трое суток не спал. Что-то захотелось. Я, видишь ли, еще и до этого двое суток работал без сна, устал, знаешь...

–Ну, давай, постой это ты пять суток не спал?– Спросил Отец, Декс кивнул.– Не много ли?

–У нас сутки на Адло делятся дольше, чем Земные, но и по нашим меркам, я давно не спал. Да еще Джефа выпил, так что меня совсем развезло, как цватпаха.

–Валяй, давай,– махнул Отец.– Спи, иди, а то я сам тебя выгоню. Это же надо, такое придумать, пять суток не спать. Добро бы война с кем-нибудь шла, а то просто так. Не по-нашему это. Кстати, война сейчас есть где-нибудь?

Декс покачал головой, потом провалился в выходе. Отец, оставшись один, походил по комнате, попрыгал, поскакал, размял косточки, затем плюхнулся на диванчик и ушел в базу, чуть прикрыв за собой глаза. Рыжая. Что она сейчас делает? Может, уже у кого-нибудь на груди спит. Отец проследил из базы весь ее жизненный путь, от рождения, до их разлуки. Он ее любил. Он готов был сначала повторять просмотр ее записей. Он скачал ее файл себе в компьютер, тот, что остался на Земле. Пригодится. Затем скачал все, что было в сети на цватпахов, на Мормона, на институт временных

аномалий. Коль здесь беспарольная база, так и надо пользоваться. Затем, соединился с Басмачом, и дал ему задание заархивировать все данные, которые только что прислал, и сохранить где-нибудь, где их не сможет никто найти. Басмач немного поругался, но пообещал все сделать в лучшем виде. Отец на прощание вспомнил его родственников и отключился. Теперь можно спокойно продолжать полет.

Корабль пожирал мировое космическое пространство. Отец не имел ни малейшего представления, где они сейчас находились. Да и стоило ли знать, раз уж те ребята, которые его везут, ни о чем не переживают, значит, они знают что делают. А значит все в порядке. Маленький кусочек матушки Земли летел на многие световые года, многие миллионы миль, мимо разных звездных систем, планет, метеоров, космической пыли. Ему не мешали ни притяжение проплывающих мимо светил, ни космическая грязь, обступавшая кораблик с разных сторон, ни жесткое космическое облучение. Он миля за милей, миллион за миллионом оставлял за кормой, будто насмехаясь над всей вселенной, что ему, маленькому кусочку металла наплевать на весь мировой уклад и миллиардами прожитых лет установившийся порядок. Он пожирал пространство бесстрашно, с бравадой, с неким цинизмом, понятным лишь его обитателям, которые вопреки всем законам биологии, удалялись от родной планеты в бешеном галопе, при этом оставаясь живыми.

Отец открыл данные цватпахов. Первое возмущение вре-

мени— кража Дэна. Второе возмущение— кража его подруги Аленки. Отец посмотрел все, что есть на Аленку в базе. Она, как и Дэн, продолжала жить в своем родном городе. У нее было двое детей, старшая— Дашка, у которой было отчество Дмитриевна, младший— сын Мишка. Отчество у пацана было другое. Значит, она не будет жить с Дэном. Надо будет ему рассказать. В книге записи регистрации гражданского состояния, такого брака Дэн-Аленка, не было. Значит точно, она с ним жить не будет, но похищали ли ее? Отец попытался смоделировать разные ситуации с похищением подруги брата, но все сводилось к одному, нет достаточно достоверных сведений. Ее могли похитить цватпахи, но могли и не похищать с равной долей вероятности. Если она поехала к Отцу вместе с Дэном, значит, ее могли захватить цватпахи, а если она осталась дома, значит, ее цватпахи могли и не красть. Логично, только не достоверно. Дашка, значит. Дата ее рождения была много раньше, чем девять месяцев от момента исчезновения брата. Отец чуть не подавился. Аленка— беременна. Вот же чудо. Отец будет дядей. Ладно, хоть не тетей, подумал Отец. Аленка ждет на свет маленькую девчонку, и причина ее появления— Дэн, его брат. Мама об этом не знает. Очень интересно. Аленка— мама. Вот бы на нее посмотреть. В голове появились старые двухмерные цветные снимки. На фотографиях в тени разлапистых синих елей стояла Аленка, держа за руку трехлетнюю маленькую барышню с такими огромными синими глазами, что Отец усомнился в том, что

ее отец— Дэн. Девочка была одета в платьице с рыжей белочкой на передничке. Девочку любили, это было видно. Ухоженная нарядная маленькая принцесса с уложенными кудрями на макушке, в белых гульфиках, и нарядных сандалиях с помпончиком на спинке, позировала рядом с мамой. Удивительно было смотреть на еще не рожденную дочь своего брата, причем с такой стороны, что это уже было давно. Время удивительная штука. Не начнешь его понимать и ценить до тех пор, пока не посмотришь на него со стороны. Отец посмотрел.

—Компьютер, меня извести, когда мы прилетим на место, не хочу проспять этот великий момент.— Сказал Отец позевывая. Он рассчитывал немного подремать, пока продолжался полет.

—Мы уже прилетели.— Был ответ.

—Как так, ты же мне сказал, что полтора суток лететь будем. Как это вас, батенька, понимать?— Спросил Отец, чувствуя, что спать уже он не хочет.

—Зная ваше нетерпение, я немного замедлил скорость подгружаемых данных в ваш мозг, поэтому для вас время текло быстрее.

Значительно быстрее, подумал Отец. По его внутренним часам он пробыл на корабле не больше восьми часов. Компьютер сам бы не смог принять решение остановить внутреннее время Отца, слишком ответственное решение для бортовой железки, значит, это решение принял кто-то другой, бо-

лее могущественный. Похоже, что Декс приложился к этому обстоятельству, не боясь расправы Отца, поскольку остальные могли за это и по зубам получить.

–Выход дай, в реаль, на мостик или близко к нему.– Крикнул Отец в пространство.

Выход проглотил Отца. Очувившись на мостике, Отец подошел к бортовому экрану, на котором в объемном виде изображалась точка прохода. На экранах мониторов, отображающих пространственную модель этого уголка вселенной, точка прохода выглядела бесцветной невзрачной черной кляксой. Корабль стоял неподалеку от этой точки пространства, поскольку на экране движения звезд не было. Отец посмотрел в носовой иллюминатор, который располагался тут же. Перед кораблем была пустота. Лишь немая чернота, заселенная яркими пятнами звезд. Отец даже немного огорчился. Он хотел увидеть здесь что-нибудь, чем можно восполнить пустоту потери своего прошлого и Рыжей, но судьба распорядилась так, что ради этой немой черной точки пространства, которую без пространственных сканеров и видно-то не было, Отец поменял свою жизнь в корне. И лишь на сенсорах и в невидимом спектре можно было увидеть точку прохода, откуда доносились радиоголоса неизвестных братьев по разуму.

Вокруг Отца сновали люди в известных нам комбинезонах. Некоторые с опаской смотрели на гостя из ужасающего прошлого. Некоторые его не замечали, но никто не трогал и

не приставал к нему. Пару раз мелькнул в толпе Декс, но к Отцу не подошел. Отец стоял на мостике, смотрел на тихую кутерьму, которую не увидишь в полете, когда почти весь экипаж проводил время в конвертерном пространстве, облегчая путь маленькой космической посудине. На лицах экипажа отражалось нетерпение и живой интерес к существам по ту сторону известной нам вселенной. Может сегодня, может завтра, произойдет контакт. Это напряжение передалось и Отцу.

—Декс,— попробовал начать разговор Отец, когда пробегавший в очередной раз космический ксенобиолог был пойман за хвост.

—Отец не тронь меня. Не до тебя сейчас, потом поговорим.— Проворчал Декс, и, поджав, как дворняжка, хвост, скрылся в черном выходе.

Отец следовал за ним. Оказавшись в небольшой каюте, Отец отметил, что здесь теснее, чем в отеле на Луне. Казалось, весь экипаж судна находился здесь. Каюта была уставлена аппаратурой, сенсорами, мониторами, датчиками. Сверкали разноцветные реле, попискивали и квакали аварийные индикаторы. Люд делал свою работу. Некоторые производили замеры, другие шифровали сообщения, третьи декодировали полученные сигналы. Четвертые сидели со шлемами на головах, находясь в базе, анализируя все, что происходило в точке прохода. Отец потерялся возле первых, других, третьих. Потом все-таки поймал Декса.

–Декс, ну-ка отвечай,– сказал разозленный Отец, видя, что на него не обращают внимания, хотя он– причина этой экспедиции.

–Что тебе непонятно, видишь, вон дыра,– Декс махнул в сторону носового иллюминатора своей корявой чешуйчатой лапой.– Оттуда про тебя разговор ведут люди из другого измерения. Отстань, потом все подробно расскажу.

–Один вопрос.– Сказал Отец.

–Только один.– Кивнул головой Дексаметазон.

–Ты совсем не спал?

–Да нет, часов десять-то успел поспать, еще вопросы?– Декс скосил глаза и подернул их пленочкой, видимо сердился.

Отец понял, что от ящера он ничего сейчас не добьется.

–Компьютер, выход.– Сказал Отец.

–Правильно,– кинул кто-то Отцу.

Отец, очутившись у себя, прилег на подушки, прикрыл глаза и пошел в базу. Он видел себя частью кораблика, висевшего в пространстве. Он получал сигналы, шедшие из точки прохода, анализировал их. Он своей седалищной точкой чувствовал, что сейчас речь идет о нем, только конкретно чего от него хотят с этой и с той стороны, не понимал. Шел разговор как по глухонемому телефону. Наши спрашивали про одно, Инвизы, будто их не слыша, и спрашивали и говорили про другое. Отец видел всех, кто сейчас входил в состав оперативной группы. За ним тоже наблюдали. Находясь в се-

ти, он понял, что нужно предложить что-нибудь радикальное. Если сейчас разговор затянется, и стороны не придут к общему знаменателю, его променад по отдаленному будущему продлится еще на неоговоренное время. Отец предложил непосредственный, так скажем, полный контакт. Нужно выйти в открытый космос к точке прохода, может это спровоцирует этих невидимок к действию. Оперативная группа оценила этот жест, и пришла к выводу, что попробовать можно, и такой поступок не должен расцениваться собеседниками как акт агрессии. Отец скачал себе на кору головного мозга правила обращения со скафандром, приемы перемещения в пространстве, аварийные ситуации и методы борьбы с ними.

Отец никогда не рассматривал скафандр, как нечто необычное. Оказалось все совсем наоборот. Этот космический экзоскелет— плод развития всего человечества. Казалось, что человечество росло, развивалось, думало, воевало лишь для того, чтобы в конечном итоге сделать скафандр. Скафандр должен иметь каркасную функцию, вместе с тем он должен быть подвижным. Туловище, конечности должны быть легкими, прочными, непроницаемыми для космических и рентгеновских лучей. Вместе с тем вещество скафандра должно быть инертным, то есть не вступать в химическую реакцию с большинством известных веществ. Он должен сохранять гибкость и прочность в широком спектре температур, от нескольких сот градусов выше нуля, до почти трехсот (-273) градусов ниже нуля. Он не должен быть из-

лишне мягок при высоких температурах, и не должен быть хрупким при абсолютном нуле. При этом вещество скафандра должно иметь плохую теплопроводность. А также скафандр должен быть легким и максимально тонким, чтобы не мешать движениям. К суставным поверхностям требования те же самые, плюс максимальная подвижность в суставах. Это достигается чередованием подвижных пластин основного вещества и пластической формации. При достижении максимальной подвижности не должна пострадать каркасность скафандра. При перепадах давления, скафандр должен быть оборудован баррокомпенсирующей емкостью, чтобы при выходе в вакуум, скафандр не разорвало давлением внутри, и при высоких давлениях снаружи, скафандр не раздавило. Теплоизоляционный слой, следующий за внешним слоем, должен быть также максимально тонким и максимально теплосберегающим. Он не должен быть марким, легким в обработке, должен быть мягким и прочным. Этот же слой должен максимально элиминировать влагу из скафандра, но не высушивать его дочиства, чтобы избежать обезвоживания кожных покровов астронавта. Он должен сохранять оптимальную влажность, а значит должен иметь резервуар компенсатора влаги. Материал должен быть гигроскопичным и липофильным одновременно, чтобы удалять с потом и отторгнутый верхний слой эпидермиса кожи. На суставных поверхностях этот слой не должен стираться. Он должен содержать датчики разной направленности, как то—

баррорецепторы, датчики влажности, температуры, загрязненности, датчики концентрации углекислоты и многие другие. Сведения от датчиков должны сходиться в микрокомпьютере, который может мгновенно оценить обстановку, и при нарушении микроатмосферы декларировать ситуацию и предпринять меры, подлежащие автоматической коррекции, или представить список вариантов решения проблемы астронавту. Информация должна иметь максимальную презентабельность и ненавязчивость, чтобы не отвлекать астронавта от работы. Бортовой компьютер должен иметь максимальную степень защиты от внешних и внутренних повреждений, несколько степеней защиты и способов дублирования контролирующих систем. При высоких температурах он должен обеспечить максимальную вентиляцию внутреннего жизненного пространства скафандра, то есть скафандр должен иметь наружный охлаждающий контур и внутренний аккумуляционный контур, необходимый для эвакуации высоких температур из скафандра наружу. Скафандр должен иметь автономную систему питания, чтобы обеспечить работу всех структур скафандра, заинтересованных во внешнем источнике энергии. Система автономного питания должна быть компактной, легкой и максимально вместительной, должна иметь системы дублирования, самоконтроля и репортажа. Возможность быстрого замещения обязательна. Кислород. Скафандр должен быть оборудован внешним источником кислорода, с обязательной дублирующей

системой. То есть должен быть основной баллон с кислородом и аварийная емкость на случай аварии или повреждения основного резервуара. Скафандр должен быть оборудован внутренней системой вентиляции кислорода в скафандре, которая обеспечивается электрическим приводом и максимальным использованием кинетики самого скафандра при движении. Микронасосы, прикрепленные к основным суставам скафандра, наряду с электрическими воздушными помпами, обеспечивают непрерывную циркуляцию кислорода по микропорам и микротрубочкам термоизолирующего слоя. При этом из воздушной смеси удаляется углекислота, окислив которую получается кислород, возвращаемый в жизненное пространство, а уголь элиминируется. Шлем. Он должен быть изготовлен из материала максимально прочного во всех отношениях. Он не должен запотевать при высокой влажности и не должен замерзать при низких температурах. Эти жесткие требования продиктованы отсутствием термоизолирующего слоя у последнего. Стекло обязательно быть прозрачным, при сферической форме не должно иметь диоптрий. Шлем должен быть оборудован световым фильтром при яркой освещенности и дополнительную защиту при высокой радиоактивности. На шлем принудительно должны быть направлены воздушные потоки, чтобы обеспечить его максимальную прозрачность. На нем должны крепиться системы оповещения и системы управления скафандром. Возле шлема должен находиться микрофон и динамик,

для общения астронавта, они должны иметь минимальную пространственную емкость, и минимальный травмирующий момент. Скафандр должен быть оборудован радиостанцией, которая не должна мешать работе, и должна иметь минимальные размеры. Так же скафандр должен иметь резервуар воды, для питья, каниюля которого должна автоматически закрываться и убираться, чтобы не мешать астронавту. Скафандр должен быть оборудован набором инструментов для работы в открытом космосе и для саморемонта. Крепиться он должен в непосредственной близости, значит на ногах. Так же скафандр должен быть оборудован системой внешнего освещения, и внешними двигателями для движения в безвоздушном пространстве. Следовательно, скафандр должен быть оборудован топливом для внешних бортовых двигателей.

В общих чертах скафандр обрисован, и Отец очень удивился, когда узнал, как и для чего и каким образом он устроен. Оперативной группой тут же был создан сценарий выхода в космос, смоделированы различные ситуации первого физического контакта с неизвестной цивилизацией. Решено было отправить Отца в точку прохода вместе с Дексаметазоном. Кандидатуру рептилии обсуждали меньше всего. В бортовом спасательном шлюпе ящер и неандерталец должны подойти к невидимой точке, и, если ничего не произойдет, выпустить Отца в открытый космос. А там, как карты лягут. Отец не возражал. Риск подобной операции был, несо-

мненно, высок. Однако Отцу надоело сидеть взаперти, тем более что терять ему, в общем, было нечего. Пролетарий несчастный, подумал Отец про себя. Решено предоставить Отцу скафандр, с минимальными автономными функциями, чтобы Отец не навредил миссии и себе. Значит, на коротком поводке решили меня прогуливать, да и делайте что хотите, только я сам себе не враг, подумал Отец. Хотя задним умом Отец понимал, что это решение не скоропалительное, что оно направлено на достижение максимального эффекта от миссии, только старые инстинкты противились насилию над свободой. В конце концов, здесь мне от них не убежать, в свое время не вернуться, так хоть прогуляюсь, проветрюсь, подумал Отец. Будет, что потом в старости вспомнить.

Космический аппарат продолжал непрерывно производить замеры напряженности магнитного поля, гравитационных составляющих, интенсивности излучения и многие другие параметры. Цифры лились в мозг Отца непрерывным потоком. Они шумели в ушах, прятались где-то за желудком, убегали в сальниковую сумку через Винслово отверстие, возмущая поджелудочную железу, возвращались к солнечному сплетению вдоль нижней полой вены, шутили шутки с блуждающим нервом, в ответ на что кишка перистальтировала, словно земляной червь, а обкладочные клетки плевались соляной кислотой, и, находя пристанище в корке, оседали там, вызывая прилив красных клеток к серому веществу.

Отец полулежал в своем конверте в виде басурмана османской эпохи в чалме, и раздумывал над точкой прохода, ведущей в потусторонний мир, в котором по неизвестным причинам знали его, Отца. Он никогда там не был, никому не нагрубил, никого не убил, и тем не менее, его там знали, похоже уважали, если не любили. И Отец был готов пожертвовать собой ради общего дела. Ему было плевать на высокие мотивы, тем более что их не было вовсе. Ему было плевать на славу, тем более что этим ее не стяжать. Ему было плевать на богатство, тем более что там он ничего ценного обнаружить не собирался. Он хотел прогуляться, немного забыть про Рыжую, посмотреть мир, и, в конце концов, ему было просто любопытно.

Глава 11.

Спасательный шлюп медленно приближался к кораблю. Отец сидел в своем кресле несколько уставший, но довольный. Космическое путешествие со счастливым выходом в открытый космос подходило к концу.

—Декс, как я тебе?— Отец повернулся к своему инопланетному коллеге.

—В каком смысле...?— Не понял Декс и только завращал глазами, будто стараясь найти ответ на этот глупый вопрос вокруг себя.

—В том смысле, что я— крутой космический рейнджер, ко-

торый бесстрашно изучал точку прохода, рискуя своей жизнью, преодолевая все трудности и всякое такое.

–Рейнджер, ты там болтался, как тряпка на ветру, исследователь, я думал, ты в штаны надуешь от ужаса. Романтик без страха и упрека...– Заскрипел Декс.

–Да. Умеешь ты утешить. Хоть бы порадовался за меня. Может тут у вас и в открытом космосе назначают свидания, а у меня сегодня второй день рождения.– Отец правую ладонь приложил к левому локтевому сгибу, отмеряя половину руки.

Дексаметазон, видимо не знал досконально земной жестикуляции, или ввиду своей необычайной тактичности сделал вид, что не понял Отца и продолжал невозмутимо:

–Я лично вообще ни разу в открытый космос не выходил, так что уймись. Вышел– молодец, не вышел– тоже ничего себе, девки любить не перестанут.– Заскрипел Декс.

Ящер сидел на своем кресле, которое бортовой компьютер подогнал под его физиологическую позу. На нем был надет скафандр того же типа, что носил Отец. Только размер его и форма были под стать веганской рептилии. Протоколы космических полетов запрещают находиться на космических судах экстренного или аварийного пользования без скафандров. Все что меньше прогулочной яхты, расценивалось, как судно аварийного пользования. Отец против этих протоколов не возражал. Ему нравился скафандр, он был такой удобный и крутой. Было лишь единственное послабление

служебного расписания— разрешалось находиться в шлюпе с открытым шлемом, который должен находиться в режиме ожидания экстренной ситуации. Они сидели в своих креслах и болтали. Отец немного запыхался. Болтаясь в космосе, его волосы легкой испариной слиплись на лбу. Отец заново переживал это удивительное приключение, выпавшее на его долю, кстати сказать, не без его же помощи, чем Отец в тайне от всех гордился. Мимо плыли звезды. В скафандре, в открытом космосе они выглядели еще ярче и больше, на фоне непроглядной бесконечной мертвой темноты, прямо так, сами по себе, не прибитые и не приклеенные к черному небу свода, висели и блестели яркие— яркие звезды. Их было так много, как себе нельзя и представить на Земле. Звезд было, как у дурака фантиков, очень много.

Когда прозвучал сигнал готовности к полету, Отец и Декс заняли свои места в креслах пилотов. Процедура подготовки к выходу в космос в спасательном шлюпе в плановом порядке— достаточно перегруженная проверками бортовых систем процедура. Учитывая, что это— не эвакуация с корабля, а запланированный выход в космос, астронавт должен вручную проверить все необходимые системы. Проверке подлежали системы навигации, системы автоматического и ручного пилотирования, системы жизнеобеспечения, заряд батарей, топлива, и всякой другой мелочи. Знать их все не обязательно, нужно лишь выполнять голосовые команды компьютера, вроде: посмотрите сюда, ткните палец сюда, повер-

ни рычажок, и так далее. И все это нужно проделывать всякий раз, когда собираешься покинуть судно, учитывая, что до тебя то же самое делала корабельная автоматика.

После ручной проверки системы, Отец доложил о готовности к старту. При запланированном выходе в космос полет осуществляется с борта головного корабля. Самим пилотировать посудину не было нужды.

Открылся люк посадочной палубы корабля, и на Отца навалилась чернота, которую можно себе представить лишь в ужасе, когда тебе грезится всякая чушь в то время, когда ты с высокой температурой, укутанный в одеяло, наевшись аспирина, пытаешься забыться сном. Чернота непроглядная, пугающая непроглядная темень, бездонная бесконечная темнота. И, представив себе, что случись падать в этой темноте вниз, ты будешь падать всегда, даже когда умрешь с голода, и после этого ты будешь продолжать падать. А вокруг тебя будет непроглядная вечная чернота и точки звезд. Шлюп медленно отделился от палубы корабля. Вспыхнули на мгновение маршевые двигатели, капсула дрогнула и понеслась в пространстве. Отойдя на приличное расстояние, такое, что корабля не было и видно, вспыхнули тормозные двигатели, прикрепленные к крыльям. Отец, пристегнутый ремнями к креслу шлюпа, подался вперед. Спасательная скорлупка встала в точке прохода. Завизжал счетчик Гейгера: радиация выросла, но не была опасной.

Точка прохода. Отец ничего не почувствовал. Да потому

и не почувствовал, что ничего не происходило. Цифры лились потоком, откуда-то теперь изнутри корабля. Они рождались сами по себе в виде электромагнитных возмущений сами по себе, будто в шлюпе находилась невидимая, неосязаемая радиостанция. Само существование спонтанного рождения материальной субстанции отрицалось законом сохранения энергии, который гласит, что энергия никуда не исчезает и не берется из ниоткуда. В ответ на повышение радиации шлемы автоматически захлопнулись— скафандры перешли в аварийный режим. Теперь, чтобы открыть скафандр, необходимо прямое попадание небольшой баллистической ракеты.

—Отец, теперь точка прохода где-то в корабле, ты ее не видел?— Спросил Декс, пытаясь разрядить накалившуюся обстановку.

—Декс, это не та вон, смотри,— Отец указал на борт корабля, в том месте, где на обшивке был нарисован номер шлюпа и какие-то письма. Цифры и непонятные символы были видны, словно через рябое кухонное стекло, искаженными и кривыми.

Декс заскрипел, будто решил, что его Отец тоже разыгрывает, только взглянув на обшивку корабля, которая стала растворяться и появились звезды, ему стала не до скрипа. Декс схватил джойстик ручного управления шлюпом, приведя его в нужное положение. Вспыхнули маршевые двигатели, шлюп рванулся вперед. Обшивка корпуса вернулась в

исходное положение, звезды исчезли, буквы выпрямились. Пройдясь пространственным сканером, астронавты убедились, что это всего лишь пространственное искривление, в котором искривилось и изображение. Приборы корабля не указывали на какую-либо полумку, даже незначительную. Просто испуг. Сердце колотилось. С корабля доносились слова утешения и разочарования. Ничего не изменилось. Инвизы никак не прореагировали на непосредственную близость Отца. Согласно составленному плану, Отцу необходимо было выйти в открытый космос.

—Давай, дуй отсюда, я выпью за тебя водки, так и быть.— Декс лапой указал на корму шлюпа, в котором имелся круглый люк.

Отцу два раза повторять не было нужды. Словно ужаленный, Отец бегом припустился к люку.

Бортовой компьютер отозвал из шлюпа воздух в резервные баллоны. Шлюз открывался вручную. Отодвинув люк в сторону, Отец протиснулся в космос.

—Ух, ты,— Только и сумел произнести Отец. Для него пропал и верх и низ.

Отец выплыл в немую черноту, пронизанную мириадами космических лучей и цифр, которые лились в этот момент потоком из точки прохода. Нажатием на груди кнопки, Отец активировал заплечный ранец— двигатель.

—Отец, приготовься, сейчас мы тебя доставим в точку прохода. Ради Бога, не тушуйся, и ничего руками не трогай, а то

все провалишь, понял?— Спросил чей-то голос в наушнике.

—Декс,— заорал Отец,— не поверишь, шапка говорящая!

Отец радостно замахал Дексаметазону, выглядывавшему в носовой иллюминатор. Веганская рептилия с достоинством подняла лапу, будто провожая своего компаньона на подвиг.

Заработал заплочный двигатель, заурчали боковые вспомогательные сопла. Отца развернуло вниз ногами и понесло в космос. Жуть охватила Отца. Рядом в пустоте висел спасательный шлюп, который снизу выглядел мертвым, корабль не был виден вообще, а Отца тащило куда-то в пронзительную черноту. За спиной Отец чувствовал мерное дрожание двигателя и тепло, которое вырывалось из дюз. Вдруг вспыхнули вперед боковые наплечные сопла, и, судя по всему, движение прекратилось. Отец висел в черном пространстве.

—Отец, ты в точке прохода.— Сказал Декс.

—Поздравь меня!— Закричал радостный Отец.

Он ожидал чего-то жуткого: переворачивание, круги в глазах, прыжки в пространстве. Но нет, ничего не происходило. На поверхность шлема проецировалось предупреждение о нарастающем уровне радиации, напряженности магнитного поля. Показатели не были критическими, и защита скафандра справлялась. Отец висел.

—Поздравляю,— сообщил Дексаметазон.— Что чувствуешь?

—Есть хочу, женщину и пива ведро с воблой.— Сказал

Отец, и про себя добавил, и Рыжую.

—Отец, что-нибудь есть там? Скажи, может, ты что-то чувствуешь?— Спросила говорящая шапка.

—Ничего тут нет, только весело. Свиньи в космосе, вот это да, я сюда Басмача отправлю, баран жадный. Декс, пошли ко мне?

—Отец, ты там не дури, Бога ради. Виси смирно, болтай ногами или языком. Но ни чего не делай.— Сказал Декс.

—Декс, ну, что там Инвизы говорят что-нибудь про меня?— Спросил на всякий случай Отец.

—Они тебя не видят даже, как будто тебя и нет с ними.— Произнес голос с корабля.— Все, возвращаем тебя назад. Компьютер, верни нам Отца.

—Что за черт, чего они меня тогда тревожат. Вы им рассказали, что меня к ним привезли?

—Сказали. Они нам что-то говорят, понять их не поймешь сразу, потом расшифруем, но не про тебя, тут что-то про пространство и как его измерять вроде, но не про тебя, это точно.— Отозвался кто-то с корабля.

—Ну что ж, поехали домой. Жаль, монетку с собой не захватил.— Сказал Отец, по-прежнему размахивая конечностями.

—Зачем,— поинтересовался Декс.

—Чтобы вернуться, обычай Земной, вернее примета такая. Монетку оставишь— вернешься.

—Типа, жаба тебя задушит, и ты из скупости за монет-

кой назад придешь?— Отец услышал, как динамике раздался скрип.

—Декс, тебе надо будет постараться меня задушить. В моих ручищах слоны визжали, куда уж тебе?— Засмеялся Отец.

—Туше, батюшка, значит, ты меня жабой видишь?— Спросил Декс.

В голосе стояла желчь. Похоже, что Отец немного переборщил.

—Декс, прости, я немного погорячился, это я— жаба.— Успел молвить Отец.

Не успел он это сказать, как вздрогнул от неожиданности. Глаза уже успели адаптироваться к тьме, как вдруг вспыхнул основной двигатель скафандра вместе со вспомогательными. Отца развернуло опять вверх ногами. Еще вспышка за спиной, небольшой толчок и Отец поплыл к шлюпу. Возле люка Отец остановился, последний раз оглянулся назад, на непроглядную темень и точки далеких звезд.

—Он сказал— поехали,— проворчал Отец и скрылся в спасательном шлюпе.

—Декс, слушай, а почему тебя со мной не отпустили в космос, вдруг я чего-нибудь натворил там, я ведь непредсказуемый?— Спросил Отец, откинувшись на мягкое кресло в шлюпе.

—Моя жизнь слишком дорога, чтобы выпускать с тобой в открытый космос. Ты-то ладно, за таких как ты— недорого дают.— Сказал Дексаметазон очень серьезно. От его желез-

ного тона чуть не лопнул носовой иллюминатор.

– Ясно, это ты мне за жабу мстишь. А я вот так думаю, а... – Отец нахмурился. – А пошел ты...

– Потому, что меня в этом эксперименте и быть не должно. Это же не шуточки, не аттракцион. Тебя просили – получите. Дексаметазона не просили – извиняйте. – Уже мягче произнес Декс.

Вдали показался корабль. Со стороны он выглядел очень красивым. Стремительная форма, остроконечные антенны и установки придавали ему очень внушительный вид. Он не был большим, поскольку был оснащен конвертером пространства, ему и не обязательно быть огромным. Кораблик выступил из этой пугающей своей необъятностью бездны, и выглядел необыкновенно дорогим и близким, кусочком сердца, рукой друга. Пришвартовавшись к его борту, шлюп устроился на свое место на посадочной палубе. Люк задвинулся, приключение закончилось. Выбравшись из капсулы, Отец заревел, вытягивая затекшие конечности:

– Я – лев, я – царь зверей. – И издал рык.

– Ладно, лев, иди, пообедай в реале. А не то загнешься раньше, чем в книге судеб про тебя писано. – Сказал Декс, на четырех костях выбираясь из шлюпа. – Компьютер, выход.

– Пошли вместе поедим. – Сказал Отец. Ему сейчас не хотелось оставаться одному.

– Ты все равно не сможешь смотреть, как я ем. – Сказал Декс. – Ты такое не ешь. Так что отобедай уж сам. Потом

встретимся.

Декс пополз к выходу. Отец последовал за ним. Очутившись в кают-компании, Отец заказал себе у стойки органического синтезатора голубцы с татарским соусом. Скафандр остался на посадочной палубе в недрах выхода. Устроившись в креслице за столиком, Отец принялся поглощать куски вареного мяса, завернутые в капустные листья. По телу побежала теплая волна удовольствия, видно Отец уже давно не ел в реальном пространстве.

Человеку, в общем, немного нужно от жизни. Лишь несколько инстинктов определяют все поведенческие реакции. Первый— инстинкт сохранения вида. Это— главный инстинкт, которым руководствуется вся вселенная: все букашки и целые цивилизации. Посему первый инстинкт— считать основным. Второй— самозащита. Третий— самосохранение. Здесь все вегетативные реакции, как-то еда, сон, физиологические отправления... Отец наелся.

Вегетативная нервная система начала пошаливать. Блуждающий нерв заблудился окончательно. Его нервные импульсы все чаще можно было встретить возле центра удовольствия и сна. Отец даже сформулировал «патогенез» сна. По его глубокому убеждению, когда человек поест, кожа на его животе растягивается, натягивая ее на шею и на лицо, посему глаза сами закрываются. Отец для пущего удовольствия выпил еще стаканчик водки у стойки органического синтезатора и пошел к выходу.

Вернувшись к себе в османскую ложу, Отец, облачившись в кафтан и шаровары, полулежа на подушках, простонал:

–Компьютер, дай мне Рыжую по телеvidу.

Часть стены напротив превратилась в экран объемного телефона. На экране засветился логотип оператора связи. По низу экрана поползла полоса прогресса, указывая, что связь устанавливается. Экран вспыхнул, на экране появилась Рыжая.

–Привет,– сквозь слезы прошептала она. Губка ее подрагивала.– Я тебя люблю.

В горле у Отца образовался комок. Непонятно, толи это были эмоции, толи слюни, толи еще какая-нибудь слизь или секрет какой-то неизвестной железы, только и говорить и дышать Отцу стало тяжело одновременно. Он любил эту высокую рыжую противную девчонку. Он любил ее больше чем дышать, больше чем весь этот чертов мир вместе с основными инстинктами вместе взятыми. Ему не хватало кислорода без Рыжей, все мысли были заняты лишь ей. Она жила вместе с ним, и, незримо, делала с Отцом все глупости.

–Я люблю тебя, родная моя. Я скучал по тебе. Что делаешь?

–Ничего, лежу, реву без тебя, я ведь по настоящему тебя люблю. Даже кошки со мной лежали и ревели.

–Даже Лиса?– Спросил Отец. Рыжая кивнула.

–Компьютер, сейчас можно нульнуть на Землю или с Земли сюда?– Спросил Отец в пространство.

–Расстояние слишком велико.– Ответил бархатный баритон неосязаемого наблюдателя.

–Ты просто скажи да или нет, оратор.– Вежливо просил Отец.

–Нет.– Следовал ответ.

–А когда можно будет?– Выругался Отец в пространство.

–На подлете к солнечной системе.– Был ответ.

Стандартную программу бортового собеседника невозможно вывести из себя. Его ответы всегда будут взвешенными и ровными, не зависимо от тона собеседника. Отец это знал.

–Киса моя родная, скоро я прилечу и обниму тебя, душа моя. Я не могу без тебя.– Потом, подумав, добавил.– Долго.

–Я реву как с Луны нульнула, уже не знаю. Сашка, давай никогда– никогда не будем ссориться.

–Я давно это предлагаю, милая моя. Ты– самое дорогое, что у меня есть. Жалко, что я не могу к тебе придти.– Сказал Отец.

Рыжая протерла глаза и мяукнула. Отец довольный захихикал. Эта игра очень его забавляла. Рыжая очень реалистично мяукала, что приводило Отца в священный экстаз. За этим занятием они могли провести несколько часов жизни. Рыжая мяукала, Отец целовал ее, и оба объяснялись в любви друг– другу.

–Киса, моя, я сейчас где-то очень далеко от солнечной си-

стемы. Эти парни из зазеркалья опять заговорили и меня, уже наши бродяги, прямо с Армстронга забрали к себе на корабль. Помнишь, мы их за день до отлета моего видели всех. Это они уже тогда охотились за мной.

—Я знаю. Я уже сходила в базу. Там все и узнала. Ну ничего, лишь бы с тобой ничего не случилось, приедешь,— Рыжая оглянулась по сторонам в поисках вездесущей маман, и шепотом добавила,— я очень тебя хочу, родной мой.

—Киса, я люблю тебя больше жизни. Родная.— По шкуре побежали мурашки.

—Сашка, ты в конверте сейчас?— Спросила Рыжая и тень догадки сверкнула на ее лице. Отец кивнул.— Подожди, сейчас перезвоню. Сделай пока бетаку, как у тебя на лужайке, возле водопада.

Рыжая отключилась. Экран с синим логотипом оператора связи растворился в стене. Отец заказал у компьютера бетаку, чуть поодаль, за балдахинном. Вход в бетаку компьютер украсил массивным ламбрекеном с кистями. Отец поднялся и пошел в заветную комнатку, проверить ее убранство, чтобы было все, как любит Рыжая. Она велела рядом с огромной кроватью прибить к стене крючок для халата, в угол поставить рыжий торшер с тусклой желтой лампой под керосинку. И напротив кровати поместить зеркало, чтобы видеть все, что происходит в бетаку, если вид тебе загораживает кто-то.

Отец толкнул в дверь и остолбенел. В махровом халате на широкой кровати с отвернутым уголком одеяла, полулежала

полуобнаженная Рыжая. Лишнее говорить, что и зеркало и вешалка и торшер были на месте.

—Иди ко мне, милый,— протянула Рыжая к Отцу руки.

—О, черти,— Отец стал бросать на пол чалму, кафтан и пояс с шаровар. Шаровары сами скользнули к ногам. Отец очутился в объятиях Рыжей.

Влюбленные слились в долгом глубоком поцелуе, то и дело шепча слова, которые, в общем, и шептать то не было особого смысла. Все и так было понятно.

Руки, кожа, прикосновения. Дыхание, взгляды, проникновение. Пробуждение эмоций, которые долго спали. Здравствуйте. Живите долго. Милая. Я тебя люблю. Эстрогены, тестостерон. Два начала, два противопоставления, без которого не может обойтись даже вселенная. Два взгляда на одну и ту же категорию. Две непримиримых зависимости. Душа и кожа. Запах. Кожа пахнет лишь чистотой, дурманящий запах. Она пахнет Рыжей. Рыжая пахнет свободой. Свобода пахнет рыжими волосами и конопушками на веселых морщинках. Твои соски самые упругие. В них столько силы. Пальчики. Дай мне их. Я буду их целовать, пока буду жив. Я буду целовать твои ладони. Такие пряные молодые ладони. Я их люблю. Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ. Я люблю тебя. Я люблю каждый твой пальчик, их двадцать. Я люблю каждый твой ноготок, их двадцать. Я люблю каждую твою веснушку, их двадцать тысяч. Или меньше. Я люблю каждую твою морщинку в уголках твоих небесных глаз. В них— тайна миро-

здания. Я люблю каждый твой волосок, даже тот, что упал с тебя. Я люблю твои бровки. Я проведу по ним пальчиком, а ты закрой глаза и почувствуй, как сильно я тебя люблю. Они такие шелковистые. Они такие мягкие. Знаешь, они самые лучшие на свете. Хотя я видел не все брови на свете, но, почему-то я уверен, что твои— самые лучшие. Не открывай глаза, я их поцелую. Затаи дыхание. Я останусь с тобой навеки. Ты чувствуешь мои пальцы? Я весь твой. Если ты хочешь. Реснички. Они такие длинные. Не открывай глаза, ты меня ослепишь. Твои реснички дрожат, как нежные лепестки на вольном ветру. Это потому, что ты не спишь. Это потому, что ты хочешь открыть глаза. Не открывай. Я поцелую твои реснички. Они волнуют мою кожу, словно бабочка мягкими крыльями. Поморгай. Я люблю тебя. Как это прекрасно. Такой высокий лоб. Ты так вкусно пахнешь. Морщинки. У тебя есть морщинки на лбу. Я не знал. У тебя еще морщинки в углах глаз. И на лбу. Я их поцелую. Я их люблю. Я люблю каждую твою морщинку. И не важно где они поселились. Я укушу тебя за ушко. Оно такое милое. Смотри. Ты покрылась гусиной кожей. Это потому что я укусил тебя за ушко? Прости. Я больше не буду. Просто я сильно тебя люблю. Ты хочешь чтобы я еще раз укусил тебя за ушко? Хорошо. Ты такая милая. У тебя возле ушка волосы короткие. Они рыжие и короткие. А другие длинные. Теперь они еще и влажные. Я их поцеловал. У тебя такая красивая шея. Я ее люблю бесконечно. Такой не было даже у твоего жалкого подо-

бия— Нифертити. У тебя гладкая шея, белая с тонкой кожей. Вот здесь бьется твоя жизнь. Я губами прижмусь к тебе и к твоей жизни. Я буду дышать на тебя, и с тобой ничто не случится. Я буду глядеть на тебя и восхищаться твоей бьющейся жилкой. Я ее закрою собой, чтобы твоя жизнь принадлежала только мне. А с той стороны эту жилку закрыл твой непослушный локон. Я их поцелую вместе. Твой локон он такой нежный. Я немного сдвину его в сторону, потерпи пожалуйста. Я люблю тебя всю. Я тебе говорил это? Я всегда буду тебя любить, даже когда потухнут светила. Я это тоже тебе говорил? У тебя такие красивые ключицы. Они такие тонкие и правильные. Тут тоже бьется жизнь. Я коснусь тебя. Я коснулся твоей жизни. Это здорово. Смотри. Ты такая красивая. Ты— само совершенство. У тебя круглые тонкие плечи. Своим дыханием я обогрею их. На коже выступили капельки пота. Они так мило блестят. Вот они уже и исчезли. Смотри их уже нет. Зато появились другие, вот здесь, под ключицей. Здесь у тебя маленькие волоски. Так их не видно. Нужно к тебе прижаться щекой, чтобы в косом свете их увидеть. Никто кроме меня их не видел. Здравствуйте. Я вас люблю. Вот здесь у тебя родинка. Она такая маленькая. Она еле заметная. Я ее тоже поцелую. Родинка и невидимые волосики. Это так трогательно. Смотри. Я дышу, а твои волосы колышутся. Я не могу без тебя жить. У тебя на груди тоже маленькие волосики. Их много. Я их раньше тоже не видел. А вот здесь у тебя бьется сердце. Сразу за соском. Я

прижмусь к твоему сердцу. Самое родное и дорогое сердце. Я тебя люблю. Может и кусочек меня живет в твоём сердце. Ты так говоришь. Я тебе верю. Твой сосок. Он такой коричневый. Он такой упругий. Другого я касаюсь не пальцем, душой. А этот я очерчу языком. Он стал еще тверже. Тот, другой тоже твердый. Я его поцелую. Он такой же как возле сердца. Это прекрасно. Малышу это понравится. У тебя здесь выступили капельки пота. Здесь, на груди. Нет. Это мое дыхание и поцелуи. У тебя такая красивая грудь. Она такая мягкая и бархатистая. Я ее люблю.словно маленький холмик на ней— сосок. Две прекрасные груди. Мягкие, прелестные. Желанные. Боль и радость, счастье и разлука. В них все. Здесь за соском у тебя сердце. Будь я малышом, я бы лежал у тебя на левой руке. Хотя нет, просто на левой я бы лежал чуть чаще. Рядом с твоей жизнью, с тобой, душа моя. Я положу руку на твое сердце, пусть ему будет спокойно. Пальчиком проведу вокруг твоих сосков, я прижмусь губами к ним. Я люблю тебя. Кожа. Она матовая и белая. Вот тут у тебя тоже родинка. Она тоже маленькая, как зрачок в полдень. Рядом с пупком родинка. Это замечательно. Она маленькая, я ее люблю. Я буду ее оберегать. Твой пупок. Я его люблю больше жизни. Я не могу себе представить жизни без него. Я его поцелую. Он маленький, мягкий и податливый. Я вижу, ты улыбаешься. Тебе смешно, а мне не до смеха. Ведь я тебя люблю. А это очень серьезно. Это самое важное в моей жизни. Важнее тебя нет ничего. Ты пахнешь так, что у меня

не осталось ни одной трезвой мысли. Пьянящий аромат твоей кожи сводит меня с ума. Я ничего не могу с собой поделаться. А еще этот мягкий треугольник. Такой родной и теплый. Такой смешной и любимый. Самый дорогой. Я люблю тебя. Теперь ты— моя. Я с тобой навеки. Твои подвздошные гребни такие красивые и прямые. На них будет удобно спать нашему малышу. Я люблю тебя.

Они слились в единое. Теперь только одно тело жадно вдыхало двумя ртами воздух. Теперь только две пары глаз смотрели на мир, не видя ничего кроме себя. Теперь не осталось ничего важного на свете, только это одно большое колышущееся самосозерцающее тело— две пары глаз, рук и ног. Одно тело, одна душа, одни движения. Саморазрушение и хаос. Одни поступки и одни мысли. Взаимопроникновение и самолюбование. Это был Отец и Рыжая. Мир тоже удивленно смотрел на них. Он смотрит на это уже много тысячелетий, всякий раз краснея. Без этого не обойтись. Вся сложность мира и заключается в таком соитии, в поцелуях и жарких объятиях. Так устроен мир. Он весь состоит из Отца и Рыжей. Все остальное— производное, вытекающее из того обстоятельства, что Отец и Рыжая— одно тело. И в этом мире все так же просто. Есть Отец, есть Рыжая. Врозь они никто. Вместе— они вселенная бессмертная. И нет ничего сложнее чем две половинки, нашедшие друг друга, и нет ничего проще, чем две половинки— одно целое. Вокруг этого будут рождаться и умирать планеты, звезды и галактики. Вокруг это-

го будет жизнь вечная и таинство бесконечности. В этом и будет продолжение всего сущего и несуществующего. Отец и Рыжая— начало всех начал, так всегда было и так всегда будет. In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen.

—Милая, как же ты здесь оказалась? Нет, ты не подумай, что я не рад, просто я потрясен до глубины души. Мы же во многих световых годах от Земли, а здесь нуль-транспортного спутника нет рядом, я думаю...— Спросил, отдышавшись, Отец.

—Так а я на Земле до сих пор. Просто я вошла в конверт, и наши информационные каналы объединила. Это так просто. Так что мы можем с тобой пока тут, в конверте, поболтать. Зато контрацепция шикарная.— Улыбнулась Рыжая, запустив пятерню Отцу в волосы.

—Может нам пора уже не думать о контрацепции.— Спросил Отец.— Хорошие люди должны размножаться.

—Ты хочешь ребеночка?

Отец кивнул. Рыжая прижалась к нему всем телом. И, казалось, она хотела своим языком достать до двенадцатиперстной кишки.

—Сашка, я тебя люблю.— Сказала Рыжая, вскакивая на Отца. Давай, когда ты подлетишь к Нептуну, сразу нульни ко мне. Я все приготовлю. Тебе понравится. Любимый.

—А потом мы с тобой поженимся.— Сказал Отец, даже не веря, что он сам это произнес, своим предательским ртом.

И уже все снова отступило на задний план. Уже план бег-

ства из этого мира Отцу казался глупым и никчемным. Зачем бежать от своего счастья, действительно, зачем? Здесь Рыжая, здесь любовь, здесь будет ребеночек. Все будет хорошо. Маме можно послать весточку, об этом мы еще подумаем.

– У меня будет вот такое белое платье, вот такая фата, вот такая вуалетка, – мечтала Рыжая.

Отец довольный, что доставил своей любимой удовольствие, лежал и слушал невинный щебет. Рыжая теснее прижималась к Отцу, она прятала свой смущенный нос на шею у своего возлюбленного, то целовала его, то поглаживала шерсть, в изобилии растущую у Отца на груди, то тесно вдавливалась в него, будто стараясь пройти насквозь. Свадьба. Наверное, это бабье счастье. По статистике, до семидесяти процентов браков распадается. Печальная статистика. Браки нужны только для них, в чьих глазах каждый мужчина хочет прочесть про себя дифирамбы. Отец знал, что умные выходят замуж, а дураки женятся.

Они лежали в кровати, счастливо мечтая, как у них будет на свадьбе, кого они пригласят, где будут праздновать, как назовут сыночка. Они облизывали друг друга, как будто были кем-то невидимым обмазаны медом. Они касались друг друга, прятались в волосах. Хотя с большим успехом в волосах Отца могла спрятаться лишь вошь, Рыжая тоже для себя находила немного растительности. Зато у Рыжей ворса хватало на двоих. Ее милый непослушный локон вернулся на

свое законное место. Отец стал накручивать его себе на палец. Баба, что море, всем хватит. Некстати вспомнил Отец эту глупую поговорку и улыбнулся. Он не собирался ее ни с кем делить.

—Что там у тебя было с твоей подругой?— Спросила вдруг Рыжая, как бы в отместку за неуместную поговорку.

—Я что-то пропустил, ты чего там придумала? Я тебя люблю, мне больше ничего не надо. Ну, кроме тебя, естественно.

—Скажи, а то обижусь!— Требовала Рыжая.

—Ну, начинается.— Отец оторопел. Это, в общем, было в духе Рыжей: на фоне полного благополучия устроить немного ревности или еще каким-нибудь образом плеснуть дегтя в кашу.— Чего ты про нее вспомнила? Ничего у нас не было. Так, просто дружили, в кино вместе ходили.

—Ты с ней ни разу в кино не ходил. У вас они уже умирать стали.— В голосе появились железные нотки.

—Мы спали с ней всюду, чаще, чем дышали. И так и эдак, и еще, если повернуться вот так, то можно еще и вот эдак.— Застонал Отец.— Мне продолжать? Ты это хотела услышать?

—Да пошел ты...— Рыжая присела на край кровати, и пока Отец рассказывал, как все было, запахнула халат. Глаза ее расширились от гнева, потом она соскочила.

—Кис, ну ты же сама завела этот разговор. Я пошутил, говорю же, ничего у нас не было.— Отец обнял Рыжую за талию. Она брыкалась, будто хотела забодать Отца до смерти.— Ну перестань, я люблю тебя. Ты одна только нужна мне.

–Ты врешь все. Только и мечтаешь к себе вернуться, чтобы с ней там... – Рыжая чуть не ревела.– Шуры-муры...

–Ну какие шуры-муры? Мы с ней пару тройку раз на групповухи ходили.– Начал, было, Отец. Но увидел, как у Рыжей ползут вверх от гнева брови, добавил спешно.– Групповуха–это когда мы группой нашей собирались пива попить с дельфинами. От слова группа.

Рыжая немного успокоилась, только желваки нет-нет покаживали по ее прелестным скулам. Она сидела на краю кровати, нервно перебирая в руке кончик махрового пояса. Она уже было собралась поверить Отцу, но что-то ее останавливало, что-то держало в напряжении.

Это все– бабье упрямство. Когда женщине не хватает проблем, она их выдумает сама. Когда у женщины не хватает собственного разумения, она обращается за помощью к подругам или к маме. Существа, которые по пять суток к ряду кровят и недохнут, очень изобретательны. Очень на руку лабильной психике– цикличность поведения. Здесь природа отдохнула по полной программе. Тем хуже если женщина в годах, когда атеросклероз сосудов головного мозга борется с эстрогенами, в голове возникают революции, в которые в итоге втягиваются все окружающие. Женщина не может без проблем. Проблема– это второе имя женщины, причем потребность в проблемах у женщины в крови и с этим ничего нельзя поделать. Непрерывный поиск проблем и их разрешение– стержень женщины, это источник энергии, как

впрочем, и мотивация поступков. Можно, находясь с женщиной, молчать или разговаривать, что-либо делать или лежать бревном, умалять ее любое желание, при этом в итоге остаться виноватым. Женщина— суть хилая и непостоянная. Это еще сказал Бальзак, и с его времени по сию пору ничего не изменилось. Можно себе представить женщину, которая может обходиться без проблем. Вероятно, это существо будет неразумным, неряшливым, смешным чудовищем.

Менее обременительно общество женщины, которая сама создает и решает проблемы не втягивая в свои авантюры близких. Гораздо хуже, когда она начинает дергать себя и окружающих, по поводу несуществующих проблем. Кажется уже, что действительно, ты— причина всех раздоров и недомолвок. Добро, если перегиб в голове у женщины кратковременный и можно снести какую-нибудь недолгую чушь. Но если в голове поселяется червяк и надолго, который топчет одну извилину за другой, с этим становится невозможно жить. Причем невозможно жить становится всем, и ей самой и тем, кто ее любит. И никакими путями невозможно выбить дурь из женской головы. Здесь бессильно все.

Говорят: чего хочет женщина, того хочет Бог. Это утверждение будет верным, если предположить, что Бог— женщина. Вероятно это не так. Вернее предположить, что эту поговорку придумали женщины, а Бог здесь вовсе не причем. Очень может быть, что Богу не нужны помады, шубки и колготки. Следовательно, чего хочет женщина, тому противится

вся человеческая мудрость. Если в природе женщины заложено сидеть дома и растить детей, это вовсе не значит, что все население планеты обязано запереться в своих квартирах и сидеть, нянча наследников. Думается что Богу это не нужно.

Рыжая сидела на краю кровати, теребила кончик пояса и исчезла. Была, и ее не стало.

–Компьютер, это что за выходка такая, где Рыжая? Ты куда ее подевал?

–У нее закончились кредиты за связь. Поэтому сеанс прерван.– Констатировал баритон.

–Может и к лучшему. А то бы переругались снова с ней.– Сказал Отец и вышел из бетаку, на ходу вприпрыжку надевая огненные шаровары, заляпанные дегтем, подвязывая их к поясу шнурком.

Отец решил на сворачивать бетаку, на случай, если Рыжая соберется вернуться.

–Компьютер, у меня на моем счету есть кредиты?– Спросил Отец.

–Три тысячи семьсот кредитов, плюс проценты.– Ответил компьютер.

–Слушай, переведи на ее счет пару сотен, посмотрим, вернется она или нет. А ей сообщи, что счет ее пополнен. Ладно?– кивнул Отец.

–Сделано.– Констатировал компьютер.

Рыжая не торопилась возвращаться. Видимо, решила

немного переварить ситуацию с бывшей подружкой Отца. Тем временем Отец, развалившись на подушках, ушел в базу.

Он смотрел на поток данных, шедших из точки прохода, синхронно со своими действиями и приближением к роковой точке пространства. Это были обычные данные, которые подлежали изучению и дешифровке. С корабля ему не нагнали. Обычный поток информации, никаких эмоций по поводу близости его, Отца, к точке прохода. Цифры, шедшие из параллельного пространства, в общих чертах обрисовывали точку прохода, какие-то еще технические данные. И больше ничего. Ничего. Отец расстроился. Эта тайна ему обходится очень дорого. Он навсегда покинул свой старый мир, когда пищу и одежду готовили вручную. Все из-за них, этих Инвизов, которые требовали Отца (а может и не требовали вовсе). Так какого черта им от Отца нужно? Как они про него узнали? Отец решил посмотреть все данные, пришедшие оттуда. Поток импульсов заполнил его существо. Отец применял уже отработанные алгоритмы, опробовал собственные. Дексаметазон, как впрочем, и остальные Отца не обманывали. Большинство сообщений не было дешифровано. Из того, что успели хоть как-то интерпретировать к сознанию сообщества Конфедерации, много говорилось о ДНК Отца, о точке прохода. Нового Отец не узнал ничего. Он лишь развеял свои сомнения насчет точки прохода. Согласно его представлению, эта точка должна быть окружена научными база-

ми, утыкана приборами, оцеплена кольцом космической или там галактической охраны, что-нибудь в этом роде. А на самом деле: вблизи точки болтался один единственный следящий спутник.

Раньше все это на самом деле было: и кольцо секьюрити, и базы с учеными и приборы, только за ненужностью убрали. Изучили точку со всех сторон, поставили несколько экспериментов. Комиссией точка прохода признана безопасной и всех разогнали. Остался лишь один следящий спутник, чтобы принимать сигналы, да чтобы известит кого надо ежели что.

Раньше здесь кипела жизнь. Несколько космических баз располагались вблизи точки прохода. Множество спутников курсировало вокруг. Множество приборов фиксирующих и направляющих были устремлены к этой таинственной точке. А теперь глухо. Немая чернота вселенной, далекие пятна звезд, да одинокий спутник, вот все, что осталось от научного праздника с кодовым названием «Точка Прохода». Научные базы перевели в другие перспективные для мировой науки места, аппаратура свернута и перевезена. Осталась только точка прохода, через которую и может только пройти радиосигнал.

Отец выстроил все сигналы, полученные из другого мира в линию. Пытался найти какие-нибудь участки последовательности сигналов, которые бы повторялись с определенной периодичностью. Это могло бы дать еще один ключ к рас-

шифровке данных. Такие последовательности сигналов находились. Они уже были расшифрованы, как то: ДНК Отца, координаты точки прохода, напряженность магнитного поля. Отца немного озадачило это обстоятельство. Затем Отец представил себе информацию с привязкой к пространственному описанию нашего континуума в порядке ее поступления. Ничего особенного. Затем попытался построить последовательность описания пространства в порядке, который мог бы оказаться логической цепочкой. Крутил, вертел элементы по размерам послания, по интенсивности сигнала, по помехам. И вот оно. Отец нашел интересную комбинацию посланий. Он выбросил непонятные по содержанию фрагменты, выбросил не укладывающиеся в логическую цепочку сообщения. И нашел! Братья по разуму пытались что-то рассказать про свой континуум. Как он устроен и как должен выглядеть с нашей стороны. Не хватало многих элементов в этой цепочке. Очевидным стало другое: Отец придумал новый алгоритм декодирования посланий неведомых Инвизов, применительно к пространственной модели нашего континуума. Оставалось еще много дыр и белых пятен в этом алгоритме. Основная загадка заключалась в том, что послания следовали фрагментировано и не последовательно. Почему эти параллельные умы посылали описание пространства не в хронологическом порядке, а как бог на душу положит? Почему некоторые фрагменты посланий начинаются на полуслове и заканчиваются ничем? Отец вышел из базы и попро-

сил Декса зайти к нему на важный разговор.

–Что за беда у тебя опять приключилась?– Спросил ящер, войдя в конверт, принадлежащий Отцу.

–Декс, если бы я хотел тебя напоить аланином, я бы не стал звать так срочно.– Сказал Отец с раздражением.– Сходи в базу, посмотри, что я там накопал. Я там для тебя много галочек и пояснений оставил. Найдешь. Может я конечно и заблуждаюсь, но, кажется, я что-то нашел.

Декс присел на свой хвост, как кенгуру, так же сложил лапы на чешуйчатом животе и прикрыл пленочкой свои стебельки глаз. Немного посидев в такой позе, он очнулся, и, стараясь не выглядеть глупым и возбужденным, пожал руку Отцу. Хотя по всему было видно возбуждение разумной ящерицы.

–Отец, ты не против? Я твой алгоритм нашим ребятам из аналитического отдела покажу.– Проворно заговорил он.

Отец развел руки, мол, пользуйся ради Бога. Только не зазнавайся. Может и мне что-нибудь перепадет.

Декс закрыл глаза и пустился обратно в базу. На сей раз он пробыл в нирване много дольше. Отец устал его ждать и тоже пошел в базу. Поток чисел накрыл его с головой. Он со стороны наблюдал, какой наделал переполох.

Корабельный компьютер с корабельной базой объединились по информационному каналу с глобальной базой данных. Совместными усилиями многие аналитики Конфедерации примеряли новый алгоритм к уже выстроенной Отцом

логической цепочке и подгоняли его к другим уже расшифрованным отрывкам. Отрывки комбинировали разными методами и разными схемами. Новый алгоритм работал. Это сразу стало понятно всем. Главное не придерживаться хронологии посланий— и это секрет успеха.

Отцу было очень приятно. В глобальной базе данных интересовались: кем же был открыт новый алгоритм? И без исключения удивлялись, узнав, что открывателем алгоритма— является причина многих странностей, совершенных в этом времени. Некоторые верили, но не сразу. Однако нет в мире ничего более упрямого чем факт. Любое новое открытие проходит несколько стадий своего признания. Первая стадия, ее можно озвучить так: «этого не может быть, потому что не может быть никогда». Вторая— «в этом что-то есть», третья— «кто этого не знает»? Отец помнил об этом, но его это не занимало. Уже сформировался Фан-клуб Отца, члены которого следили за его успехами. Прوماхи некоторыми членами скрывались. Опубликована известная часть его биографии. Огласке были преданы даже те моменты, которые Отец с удовольствием бы опустил.

Это все произошло через несколько часов после выхода Отца в открытый космос к точке прохода. Он был знаменит. Но известности Отцу не хотелось. Ему нужно было, чтобы его оставили в покое все, и чтоб была Рыжая. Интересно: Рыжая знает о его успехе на поприще глобального анализа и моделирования?

Точка прохода замолчала. Сигналы прекратились так же внезапно, как и начались. Ответа на наши вопросы не было. Точка прохода перестала существовать и не стала отличаться от мириады других таких же точек пространства. Магнитное поле исчезло, гравитационные линии выпрямились. Свет уже ничто не искажало. Так будет продолжаться до тех пор, пока они снова не заговорят.

Отец бросил идею в сеть, мол, не пора ли нам, ребята, убираться отсюда. Делать здесь все равно нечего. Спутник тут на страже, ничего важного мы не пропустим, если что нам сообщат. А пока у нас дел по горло на Земле и в ближайшем космосе. Его идею поддержали довольно вяленько. Пуститься в обратный путь, только прилетев, не логично. Отец настаивал на отлете, апеллируя не совсем дипломатическими приемами, что его соло в космосе не дало результатов, значит, мы что-то пропустили, когда решили, что эти братья по разуму требуют очной ставки с Отцом. Все это Отец сдабривал такой-то матерью и коротенькими, но хлесткими словами.

Кто-то в базе ехидно пустил мысль, что Отец стремится на Землю к одной очень неоднозначной леди, которая сама не знает чего хочет. Намек не был прозрачным, это заявление звучало как набат. Портрет Рыжей повис буквально на каждом терабайте информации. Рыжая, кто она? Рыжая, где она? Рыжая, ты всем нужна!!! Отец огрызнулся, напомнив про свой скверный характер, и про их мать, и что

с ними стряется, если они продолжат копать в его делах. Насмешки немного стихли, но решение вернуться на Землю все-таки было принято.

Корабль тронулся. На медленной скорости он развернулся в обратную сторону и на полных парах пустился вспять к родной планете. За всем этим стоял человек, запутавшийся в проводах, который был и мозгом его и двигателем. Отец про себя отметил удовлетворение, что к его словам стали прислушиваться, и хотя многим не было нужды покидать так скоро точку прохода, пустились в обратный путь, согласно логике.

Отец не знал чем заняться. Безделье. Безделье очень опасная штука, очень злая и коварная. Она заставляет крышу съезжать с насиженного места, она бурлит страстями, которые станут заметны лишь время спустя. Безделье слоняется по комнатам, не зная чем заняться. Оно нехотя листает старые записи на пожелтевших от времени листках бумаги, исписанных неровным почерком. Безделье достает из укромных тайников лётные карты, сверяет маршруты самолетов с известными. Оно снимает одежду и заставляет рыться в подкладке и в швах, ища там насекомых. Толстое злое безделье туго набивает свое ненасытное нутро вчерашним холодным борщом из холодильника. Иногда оно достает из чулана отвертки с твердым намерением что-то наладить, затем, повертев их в руках, прячет назад туда, на верхнюю полку, где больше всего пыли. От безделья остается след из разбросанных по полу книг разной тематики. Их можно найти на

кухне, под кроватью, под ванной, под телевизором, за шкафами, в прихожей. Рядом с книгами валяются грязные носки и очки. Иногда после безделья трудно найти ключ от дома. Безделье прячет его первым делом. Хочется уйти от такого попутчика, только не получается. Оно покидает тебя только когда ты сам ему, безделью, наскучишь. У него много забот на самом деле. Ему нужно осмотреть весь дом, заглянуть в каждый забытый уголок, достать оттуда какую-нибудь гаечку, и, повертев ее в руках, отнести на полку с отвертками и прочей пыльной ерундой. Безделью просто необходимо постоянно выглядывать в окно, дабы убедиться, что без него не остановилось солнце, что все идет своим чередом. Безделье обязано слушать каждый шорох, донесшийся до него. У безделья постоянно болят ноги. Они ноют на непогоду, на ветер, на весну, на другое. У безделья всегда скверное настроение, оно постоянно копается в себе, причем черные углы заведомо избегает, потому и получается, что его, безделья, никто не любит, никто не вспомнит о нем, когда придет время умереть.

Но все что имеет начало, имеет и конец. Отец настроил свой конверт так, чтобы время возвращения пролетело быстро. Послonyaвшись по зале, Отец не стал себя утруждать одеванием кафтана, так и ходил по зале с голым торсом и в шароварах, помеченных дегтем. Девчонки кружили вдоль стен, играя пупком, черные мавры с золотыми браслетами на лодыжках обмахивали Отца опахалами. На столике стоял шер-

бет, авокадо и кувшин с Джефом. Декс. Отец подумал, что, несмотря на все недостатки, Декс, в общем, довольно неплохая ящерица. Он говорил всегда правду и даже в мелочах старался не обманывать Отца. Если и обманул где-то, вероятно, не со зла, и простить его можно. Декс был исключительно вежлив и доброжелателен, хотя иногда поддевал Отца и сквернословил, на это тоже обижаться не приходилось. Декс— forever.

Подходя к солнечной системе, корабль снизил скорость до планетарной, то есть очень медленно. Находясь в базе можно было проследить движение корабля с привязкой к находящимся вблизи планетоидам и спутникам. Отец определил расстояние до ближайшего маршевого нультранспортного спутника, и через выход покинул корабль. Теоретически в этот момент Отец был размазан ровным слоем от внешней границы солнечной системы по ломаной линии до околоземной орбитальной станции, и оттуда до самой родной планеты, с конечной точкой где-то вблизи Уральских гор. Отец вышел в свой конверт. Это место не спутать ни с чем, где вблизи тихой заводи средней полосы России можно было встретить и баобабы, и платаны, и канадские клены, и эвкалипты, где рядом с красноперкой и щукой плавали пираньи и летучие рыбки, где в скале около маленького водопада в скале вырублена бетаку. Где так все хорошо знакомо и мило, где беснующийся Басмач и Пиначет. Это был дом, это была общага, пусть и не совсем обычная. Это была Земля.

—О, Отец родной, здорово, ты ли это, несносный революционер? Тебя где носило?— Поздоровался Басмач. В тени деревьев полулежал злобный Пиначет. Он перебирал у себя шерсть на задних лапах.

—Здорово, Басма. Я тоже рад тебя видеть, хоть и не соскучился вовсе. Ты что, Пиначета не поил совсем? Ребенок зачахнет совсем, ты что делаешь-то?— Обеспокоился здоровьем маленького медведя Отец.

Зверек услышал свое имя и ненадолго перестал ловить блох. Он наострил уши и с обидой посмотрел на Басмача. Синдром отмены, похоже, хорошенько вымотал Пиначета. Пушистый зверь был зол, словно шатун зимой.

—Пусть просохнет. Хватит уже, пора и честь знать. Тебя где носило?— Фыркнул Басмач.

—А ты к базе не подключен что ли, будто сам не знаешь? К Инвизам на встречу возили меня.— Ответил Отец.

—Я просто хотел от тебя это все услышать.

—Басмач, а Мормон когда Пиначета вернул?

—Я не отдавал его, просто к нему в компьютер скопировал и все. Пусть дома сидит. Так видишь, протрезвел хоть. Стал немного на зверя похож.

—На тебя?

—Да идешь ты ..., так без тебя славно четыре денька провели: без хлопот, без шума и алкоголя. Может, ты навсегда съедешь отсюда? А?— С надеждой в голосе пропел Басмач.

—Скоро. Ты мне тоже порядком надоел. Сам отсюда уйду

и тебя отправлю обратно в Австралию к козам.— Проворчал Отец, а потом, немного подумав, добавил.— Слушай, Басмач. Тебе задание. Ты мне скопируй пока на внешний носитель куда-нибудь всю мою базу, местечко это с Пиначетом, себя сделай копию. Короче все, что здесь было. Так на всякий случай, если я тебя вдруг где-нибудь восстановить захочу.

—Ты куда собрался это?— Заволновался Басмач.

Виртуальному собеседнику стало не по себе, что Отец собирается сменить себе персонального модератора. Его волнение было обосновано. Как часть базы он никуда не денется, а вот как личность, как субъект, он уже не будет существовать без Отца.

—Слушай, у тебя с Рыжей не получится ничего.— Продолжил он.

Басмач отпрыгнул в сторону, ожидая от Отца какой-нибудь молниеносной выходки. Отец остановился и медленно тупо поднял глаза на своего виртуального приятеля. Как будто не веря своим ушам, Отец попросил еще раз повторить Басмача его утверждение. Басмач повторил.

—С чего ты взял, что у меня с ней ничего не получится? Я с ней буду ровно столько, сколько сам этого захочу. Захочу, завтра же все закончится, а если пожелаю с ней всю жизнь прожить, так оно, значит, и будет, понял?

—Отец, не в дружбу, а в службу. Послушай меня. Я тебе зря говорить не стану. Я— старая больная женщина.— Басмач неловко улыбнулся.— Я тут составил один алгоритм, хочешь,

проверь сам, в общем, у меня получается, что у тебя с Рыжей ничего не получится, и вероятнее всего все очень скоро закончится, так что не удивляйся, и не делай глупости, когда придет время действовать.

Машины тоже способны оперировать базой, только это уже доказано— передоказано, что синтетическая функция искусственного мозга— много уступает человеческому живому органу. Анализ ситуации у машины получается неплохо, а вот придумать что-то стоящее они не в состоянии. И пока этому феномену нет объяснения. Может это каприз природы, а может великий замысел Создателя.

Отец, находясь в конверте, следовательно, подключенный к базе, присел на стульчик с гнутыми ножками возле тихой заводи, прикрыл глаза и пустился в паутину электронного мира. Сейчас он знал все. Он посмотрел на алгоритм, составленный Басмачом. Этот алгоритм был гораздо совершеннее тех алгоритмов, которые составлял сам, в этом алгоритме, по мнению Отца не было изъянов. Все нужные логические цепочки были в нужном порядке с правильными ограничениями и условиями. Массив данных четко обозначен и описан. Получалось, что Отцу с Рыжей не быть вместе. Получалось, что она не для него. Она— овен. Она должна подходить ему на очень много процентов, а она не подходила. Наплевать на Басмача, быть может, он в своих исчислениях допустил ошибку, роковую ошибку, незаметную для неискушенного Отца. Может статься, что эта ошибка как раз та самая,

которая позволит Отцу провести всю жизнь с Рыжей? Он, Отец, всему миру докажет несостоятельность этих несчастных и глупых алгоритмов. Он проживет с Рыжей долгую и счастливую жизнь.

—Соедини меня с ней.— Сказал Отец.

Меж деревьев засверкал огромный экран телевида с синим логотипом оператора. Вскоре на экране появилась и Рыжая.

—Сашка, привет,— Рыжая заломила на груди руки.— Ты уже прилетел, я знаю. Приходи ко мне. У меня мама ушла к Любови Петровне. Ее пару часов не будет.

Любовь Петровна была подругой маман Рыжей. Непонятно как они познакомились, только были подругами уже очень давно. Любовь Петровна была старше маман лет на двадцать, и хотя маман сама была не первой свежести тетка, о Любови Петровне можно сказать больше. Она прожила долгую и счастливую жизнь со своим мужем где-то в Китае. Муж работал в поднебесной на строительстве большого завода, а Любовь Петровна была просто с ним рядом, как и должно быть порядочной жене. На исходе жизни муж у нее умер, сама Любовь Петровна не смогла жить с добродушными китайцами и перебралась назад в Россию. Здесь и познакомилась с маман. Неизвестно о чем они могли разговаривать, однако, можно конечно предположить, что все время, которое они проводили вместе, они не облизывали друг дружку языками.

—Привет, киска моя. Я соскучился по тебе.— Сказал Отец.

И не верилось, что все законы логики и скупого математического расчета были против них.

—Так давай ко мне быстренько...

—Компьютер, выход.— Отец скользнул в выход и оказался в комнатке с книжными шкафами, уставленными книгами и посудой.

Снова горячие поцелуи, объятия, дыхание. Молодые быстро, не раздумывая, кинулись в койку в соседней комнате. Едва раздевшись, местами просто приспустив одежду, они принялись наслаждаться друг другом, да так активно, что казалось они готовятся расстаться лет на триста, или, по крайней мере, хотя бы разломать койку. Крепления выли от натуги. Все-таки кровати каркасом из сосны пригодны лишь для детей, не вкусивших прелести различия полов, да стариков, высохших от времени, будто сушеная таранька и не позволяющих себе резких движений, дабы не отвалилась какая-нибудь конечность. Забежал Роня. Присев возле кровати, пес стал пристально приглядываться к хозяйке, что она, собственно говоря, так визжит? Сверху, с платяного шкафа, на все это безобразие воззрились кошки, не веря своим глазам, что ЭТИ люди не дают им пить воду из унитаза.

Наслаждаясь друг другом, Отец с Рыжей не заметили, как пискнул приемник выхода. Маман появилась в квартире. Шаркающие шаги маман тоже потонули в скрипе пружин, в визжании сосновых перекрытий, в стоне Рыжей и жарком дыхании Отца. Она даже и не ожидала застать дома кого-то

кроме Рыжей и скотины, к которой старая амазонка успела привыкнуть. Дверь распахнулась. Скрип металлических пружин и визг сосны стих. Глаза Рыжей округлились, и хотя Отец был спрятан за спиной своей любимой, он сквозь нее прочитал весь ужас ситуации между матерью и дочкой. Маман оторопела, однако продолжала молча взирать на влюбленных, застывших в позе сладострастия.

–Мама!!!– Завопила Рыжая. Тут мать вздрогнула, и, словно стараясь побить рекорд по закрыванию двери, хлопнула створкой. Отец и Рыжая застыли в немом ужасе, снова и снова переживая трагическое появление маман и ее поспешное бегство. А, плевать, подумали они оба и еще теснее прижались друг к другу, продолжая любить.

Снова застонала сосна, натужно запели пружины, постанывала Рыжая, громко дышал Отец. Они любили друг друга, словно доказывая всему миру, что на целом свете лишь они значат что-то. Остальное– все тлен и пустое. Они любили друг друга с улыбкой. Они улыбались, представив, что почувствовала в этот момент маман Рыжей. Они мысленно представляли себя на ее месте, ожидая понять, как это– смотреть на такое со стороны, тем более, что сама она никого не любила лет сто. Даже Рыжая, которая любила свою мать, и та тихонько посмеивалась над ней, вспоминая этот фарс.

В конце концов, когда природа и страсть отпустили их обоих, они оделись. Отец присел в кресло, раскинув перед собой старый фолиант, Рыжая пошла на кухню проведать ма-

ман. Кошки сбежали, Рональдо убежал вслед за Рыжей. Отец остался один. У него по спине побежали мурашки, как только он представил себе, что скажет сейчас ее маман. Фолиант не читался. Отец его держал как стратегическое средство конспирации. Мол, все нормально, ничего не случилось, ничего не произошло. Он сидел в кресле, чуть дыша, чтобы слышать, что происходит на кухне. Оттуда лилась обычная спокойная речь двух амазонок. Интонации были ровные. Никто не орал визгливым голосом (то есть маман), никто (то есть Рыжая) не оправдывался. Диалог не прерывался, где можно было бы предположить, что собеседники или один из них перешли на шепот. Все было ровно. Рыжая что-то рассказывала. Тон ее был очень эмоционален. Слов разобрать было нельзя, но по интонации можно было судить, что она вещала что-то веселое и легкое. Маман тоже тихонько посмеивалась, что-то отвечая тем же дружелюбным тоном. Отец даже не ожидал такое услышать. Он даже хотел дать деру, чтобы не видеть и не слышать, что будет происходить между матерью и дочкой. Вот только этого мирного диалога он не ожидал услышать.

В комнату, чуть приоткрыв дверь, чтобы мог протиснуться нос, заглянула Рыжая:

—Сашка, пошли, там мама поесть нас зовет. Она там приготовила под шубой. Ты любишь.

Отец бешено замотал головой.

—Пошли, пошли, мама ждет. Пойдем, все нормально.—

Сказала Рыжая, полностью зайдя в комнату. Она взяла Отца за руку и поволокла на кухню.

–Кис, я чего-то не хочу есть, я же с корабля сейчас. Я том плотненько пообедал.– Пытался освободиться от маман Отец.

Рыжая продолжала тянуть.

–Сашка, да нормально все, я тебе говорю. Мама ничего не увидела.– Улыбнулась Рыжая.

Нет, маман была и не слепа и не была дурой. Вернее дурой она была, но не круглой и полной. Она не могла не увидеть этого. Она была просто обязана это увидеть. Иначе быть не могло. Она могла бы не увидеть у себя ног, но ЭТО она была обязана увидеть.

–Кис, да ты что, она же на нас в упор смотрела, она чуть не задохнулась когда...– Отец сам чуть не задохнулся, вспоминая тот момент.– Ну, когда мы... Э ...

–Да все нормально, мама же сама молодой была, она все поняла, но сделала вид, что ничего не увидела, что ничего не было.

–Вот незадача. Мне бы такую выдержку, хотя нет, отставить. Но есть я не хочу это однозначно.

–Пошли, знать ничего не хочу. Мама ждет.– Рыжая улыбнулась и с силой дернула Отца. Тот пошатнулся, потеряв равновесие, чем и воспользовалась Рыжая. Она потянула его дальше, в сторону кухни. Отцу ничего не оставалось, как проследовать за ней.

На кухне все собрались. Рональдо суетился между ног на полу. Лиса полулежала на подоконнике, вытянув нахально лапы. В этой позе она казалась еще более длинной, сухой и угловатой. Отец ненавидел ее. Возле стойки органического синтезатора терлась белая Люська. Там, на полочке находилась пластиковая тарелочка, в которой Рыжая выращивала побеги ячменя, зеленые молодые поросли которого с удовольствием поедали кошки. По мнению Рыжей это было им полезно. А, по мнению Отца, хоть бы они и сдохли эти кошки, это— первое, а второе— Отец не думал, что та еда полезная, от которой приходилось бы два часа к ряду потом изрыгать из себя не переваренную зеленую горькую массу.

Маман Рыжей доставала из проема синтезатора небольшие креманки, наполненные бурым салатом под шубой. Маман улыбалась, будто это ее Отец любил со скрежетом пружин. Рыжая подбежала к маман, помогая ей сервировать столик, стоящий возле стены. На столе стоял какой-то беспроводной чайник, из которого валил пар кипевшей воды. Надо будет потом поинтересоваться, как он работает, подумал Отец. Маман суетилась, что-то щебетала. Отец даже и не думал вслушиваться в ее лепет. Он от напряжения мог лишь следить за тоном, и в случае враждебности интонаций дать тягу. Но маман была весела. Отец с неохотой очень быстро отужинал и под первым же предложением удалился с кухни. Рыжая следовала за ним.

—Кис, слушай, пошли, погуляем, что-то я не хочу дома си-

деть сегодня. Я так давно уже не гулял по городу. Пойдем.— Простонал Отец.

—Да чего ты, мама чудесная у меня, она никогда тебе слова плохого не скажет, что ты ее так боишься?— Рыжая обняла Отца за плечи.

—Да не боюсь я ее.— Ответил с бравадой Отец, хотя голос его не звучал бравурно.

—Ну так и давай здесь посидим. Поболтаем. Маме ведь тоже скучно без меня. Потом погуляешь. Нам так хорошо вместе,— сказала Рыжая.

Именно так, подумал Отец, именно с твоей мамой мне-то и будет хорошо. Вот только с твоей маман и может быть хорошо, а без нее плохо. Без нее просто не жить, как без твоей мамы плохо. Отец натужно улыбнулся Рыжей, укусил ее легонько за мочку ее уха и прошептал:

—Кисонька, родная моя, пойдем с тобой погуляем, я хочу побыть только с тобой. И чтоб нам никто не помешал, никто, понимаешь, даже твоя бесконечно добрая и хорошая мама. Я ее очень уважаю,— как собака палку, подумал Отец и продолжал,— только скучаю я изолированно по тебе. Мне никто не нужен так как ты. Пойдем, к реке сходим, воздухом подышим с тобой, мы так редко бываем на воздухе.

У Рыжей появилось выражение лица, словно она и впрямь поверила Отцу и понимает, что ему нужна только она, что он ее любит и хочет быть только с ней. Слабость ее оказалась очень кратковременной. Рыжая приняла обычное свое без-

заботное выражение и кивнула.

—Ну ладно, потом, после прогулки мы обязательно посидим с мамой. Я пойду, переоденусь.

—А я подожду тебя на улице.— Сказал Отец.

—Тогда Роню прогуляй, он давно уже на улицу хочет. Я тебя люблю, все, пока.— Добавила Рыжая, и скрылась в коридоре.

Немного побегав по квартире, Отец все-таки загнал рыжего спаниеля в угол, и, надев на него ошейник с поводком, вышел во двор через черную пасть выхода.

Пес не отходил от Отца, будто зная, что стоит только натянуть поводок, его провожатый не медля дернет его так, что пес кувыркнется. Рональдино украдкой бросал укоризненные взгляды на Отца, тот тоже косыми пассами отвечал кобелю. Их прогулка напоминала молчаливую дуэль. Оба дуэлянта присматривались друг к другу, ожидая от соперника промаха. Пес старался не выводить раньше времени своего невольного надсмотрщика, не натягивал поводок, не отставал и не опережал Отца, надеясь улучшить момент и скрыться от него. Отец же пытался спровоцировать пса то замедляя ход, то внезапно ускоряясь. Отцу приходилось петлять и выписывать зигзаги, чтобы поймать Роню на невнимательности. Пес повторял те же фигуры вождения. Наконец терпения у кобеля стало не хватать, пес зевнул, отстал от Отца буквально на миг, повод натянулся, пес взвизгнул и описал в воздухе пирует. Отец довольно хмыкнул себе в нос. Пес с

опаской посмотрел на своего обидчика.

—Ладно, вольно, иди, побегай, кабысдох рыжий.— Сказал Отец, отстегивая поводок.

Пес рванулся в кусты, будто от этого ускорения зависела его жизнь и жизнь его потомства. Пес исчез. Даже далекий шорох травы не указывал на его положение. Этого еще не хватало, подумал Отец и погнался за спаниелем. Пес старательно избегал встречи с Отцом. Отец выбежал на небольшую опушку парка, и вдалеке на самом краю зеленого оазиса обнаружил резвящегося рыжего кобеля в компании с каким-то дворовым псом. Отец пошел вдоль живой ограды, надеясь незаметно подойти к спаниелю. Однако тот, уже позабыв про своего мучителя, носился по всему парку с дворнягой, а по сему, локализовать его в одном месте— задача оказалась довольно непростой.

Отец носился меж деревьев, звал пса, пытался взять его хитростью. Пес на все уловки отвечал просто— убегал, когда расстояние оказывалось критическим. Отец с каждым новым кругом и новым бегством выходил из себя. Пес это чувствовал и, вместе с растущим гневом Отца, у него росло нежелание возвращаться к своему попутчику. Но, в конце концов, Отец измотался сам и, измотав собаку, смог ее поймать. Нацепив ошейник, наш герой несколько раз потрянул кобеля так, что у последнего голова не оторвалась от лап только чудом. Оказалось, что Роня так и не оправился, коль скоро все время прогулки ушло на чудесные зигзаги вначале

и бег с препятствиями в конце.

У входа в дом Отец привязал поводок с собакой к лавке, которая стояла возле черного входа. Кобель устало прилег рядом, Отец скользнул в выход. Очутившись дома у Рыжей, Отец прошел на кухню, где застал маман. Вид у нее был не такой дружелюбный, как во время трапезы. Она гневно сверкнула своими очами на Отца, будто пыталась прожечь в нем дыру размером с планету.

–Чего тебе?– Рывкнула она.

–А милая где?– Спросил Отец.

–Кому милая, а кому и тетка чужая, иди отсюда!– Бросила она в лицо Отцу, а потом добавила сквозь зубы,– привязался...

–Вы, ... где она, я вас спрашиваю?– Взревел Отец.

–Откуда я знаю. Там и ищи ее. Уходи отсюда, куда охрану не позвала, лимита, понаехали.– Цедила она сквозь зубы.

Маман встала из-за стола, схватила полотенце и со злобным видом стала медленно наступать на Отца. Все, делать тут точно нечего, подумал Отец. Найду ее в базе.

–Компьютер, выход,– сказал Отец. Черная мгла выхода съела его.

Очутившись на улице, он присел на лавку, возле которой тихонько лежал пес. Необходимо было обдумать всю ситуацию. Рыжая скрылась от Отца на фоне полного благополучия. На прощанье сказала, что любит его, пошла переодеться, а может и не переодеться вовсе. Отец сидел на лавке, рас-

паляясь от мыслей. То, что маман не выдаст тайну нахождения Рыжей, Отец не сомневался, оставался открытым вопрос, зачем ему здесь торчать на лавке?

—Компьютер, дай мне выход к Рыжей, назад. Черная пасть заблестела, готовая принять в себя тело.

Отец отвязал пса от лавки, схватил несчастное животное одной рукой за холку, другой за хвост. Пес отчаянно завыл. Отец размахнувшись, сколько было сил, швырнул пса в черный выход. Отчаянный вопль кобеля мгновенно затих.

Страсти кипели внутри Отца. Рыжая, нечисть, да как же ты могла так со мной поступить, как же ты могла свою маму так послушаться, что меня ни во что не ставить? Затем Отец разразился тирадой, привести которую было бы очень долго, да и не позволительно, учитывая короткие и хлесткие словечки, которые он вворачивал в обороты, которые пришлось бы по вкусу не каждому.

Отец прошел мимо кафе, зашел внутрь. У стойки органического синтезатора заказал себе темного пива в бумажном литровом стаканчике, и направился дальше по городу в направлении своей общаги. Он шел и ругался про себя, поскольку разговаривать вслух с самим собой считалось подозрительным даже через много веков. Он вспоминал маман Рыжей, откуда он ее знает, и где ей надо находиться, согласно штатного расписания. Вспоминал Рыжую, вспоминал не добрым словом, да так, чтобы ее везде достать своими пожеланиями. Он вспоминал всю родню Рыжей, до двенадцато-

го колена, вспоминал Роню, его родителей, вспомнил ненавистных кошек, чтоб их разорвало на тысячу мелких частей. Вспоминал ни в чем не повинную Любовь Петровну, которая была в общем безобидной старухой, но была подругой маман, следовательно врагом.

—Кар мне,— бросил Отец в воздух. С неба аккуратно начала свое приземление небольшая воздушная машина. Кар аккуратно приземлился на обочине пешеходной дорожки, и в нескольких сантиметрах завис над землей.

Отец забрался в машину, которая оказалась двухместной. Неплохо было бы, чтобы здесь сидела со мной Рыжая, подумал Отец. Рыжая, сладенькая моя, Охугеп мой, коза драная, чтобы у тебя копыто выросло на лбу прямо. Корова бешеная, любимая моя.

Отец поднялся на высоту достаточную, чтобы не задевать крыши домов. Это были старые районы. Низкие сорокоэтажки считались престижными, они почти все были в реальном пространстве. Гораздо дешевле было жить в больших небоскребах, которые наполовину были оборудованы псевдореальным пространством и все были оснащены конвертом.

Управляя маленькой машиной, Отец направился к берегу широкой реки, которая своим водным пространством делила огромный материк на две половины. Берега, местами заросшие мать и мачехой, заботливо укрытые бетонными плитами, поросшими зеленым мхом, были так не похожи на те берега, к которым привык Отец. Зеленые оковы. Это были

зеленые оковы реки, Отца, города, планеты. И никуда от них не деться, сколько не беги, все равно окажешься там, где тебя сковали. Они незримо держат тебя, лишь ненадолго отпуская от себя. Затем ты сам к ним вернешься. Так устроен мир. Там где ты окован, туда и вернешься рано или поздно. А если и не сможешь сам придти туда, вернется дух нетленный. Он будет витать здесь, найдя свой покой, который не был обретен при жизни.

Отец летел на бреющем полете, пил пиво, ругался на всех кого видел, и кого не мог видеть.

–Компьютер,– обратился Отец к бортовому электронному мозгу.– Где сейчас Рыжая.

–Это конфиденциальная информация.– Ответил безликий баритон.

–С каких это пор? Всегда было можно узнать, а сегодня нельзя.– Огрызнулся Отец.

–Просьба абонента.– Ответил компьютер.

–Это чтобы я не знал. А кто закрыл информацию?– Спросил Отец

–Это конфиденциальная информация.

–Маман Рыжей? Да?

–Это конфиденциальная информация.

–Ну хоть что-нибудь можешь мне сказать, где она. Я помру без нее, мне жить без нее не хочется.

–Она дома, в конверте своем от тебя прячется.– Раздался голос Мормона.

На приборной панели раздвинулся портативный экран телевизора.

—Здорово, Андрюха, ты откуда знаешь?— Кивнул Отец другу.

—Я же хакер, я за тобой давно слежу, ты еще только на планету ступил, я про тебя все знаю.— Закивал Мормон.— Дела плохи. Я сам проверил алгоритмы Басмача, они верны. Отец, смирись, пошли домой, все решим, что будем дальше делать. О'к?

—Мормончик, о чем ты говоришь? Я же люблю ее. Мы с ней пожениться хотели. Ребеночка завести. Все такое, какой там забудь. Ты что...— чуть не плача запричитал Отец.

—Ладно, Саня, возвращайся. Поболтаем, за жили-были, пожуем друг другу что-нибудь.— Предложил Мормон, показывая на боковую поверхность шеи.

Отец отключил телевид. Он остановил свою машину на берегу реки, попивая пиво, уселся на изумрудную траву. Над рекой парила чайка, выискивая себе поживы. Пушистые облака, медленно скользя, смотрели на Отцовскую кручину. Теплый ветерок обдувал Отца, уговаривая, что все образуется. Мало ли они с Рыжей ссорились. Мало ли мирились. Чем крепче ссора, тем счастливее примирение. А сегодня они даже не ссорились. Она даже на прощание сказала, что любит Отца. Значит любит. Зачем говорить человеку о любви, если ты его на самом деле не любишь?

Отец вспомнил, что сам не раз объяснялся в любви дев-

чонкам, чтобы поскорее затащить их в постель. У него даже был целый алгоритм брачных игр. Необходимо было нежно шептать на ухо всякую дребедень, а монолог непременно должен заканчиваться фразой: «для меня самого это—неожиданность, но я в тебя похоже влюбился». Обычно девчонки клевали на это. Затем, наутро Отец клялся, что этот прием он использовал в последний раз. Но когда приходило время для другой девчонки, Отец забывал про свое обещание, что для него самого это—неожиданность. И вспоминал, что он— млекопитающий и что в его четырехкамерном сердце для каждой женщины найдется уголок. А на утро снова обещания и вселенская совесть, что девчонку затащил в постель, играя на самых светлых чувствах.

Но с Рыжей же все по-другому. Они же любят друг друга. У них же все как в учебнике по анатомии. У них все серьезно. Она не может с ним поступить так.

Отец прилег на траву, облокотился на локоть, затем плюхнулся на спину. В голове заиграл алкоголь. Выпитое пиво надавило равно как на мочевой пузырь, так и на центр жалости. Отец лежал, смотрел в синюю высь. Слезы текли по его щекам. Сегодня же один из немногих дней, когда они с Рыжей даже не успели поссориться, и все так вышло глупо.

Это ее мать, стерва. Неужели для Рыжей это так важно, что скажет ее маман про Отца? Заведомо это будет предвзятое мнение. Рыжая, ты дура, если слушаешь свою бестолочь маман. Она прожила свою никчемную жизнь, оставив позади

себя много дней, которые могли бы быть счастливыми. Тебе неизвестно, что такое семья, что такое тыл, который необходим всякому дышащему организму. Молодость скоротечна, счастье хрупко, тело— временно. Нельзя упускать в этой жизни и мига, иначе секунда за секундой в небытие отправится и вся жизнь. Ты— старая больная лошадь, не тебе править на этом празднике жизни. Свое ты уже отпустила. Оно к тебе никогда не вернется, так смирись с этим с честью. Ты проиграла войну. Твое куцее существование так же скоро перестанет быть, как скоро перестанет быть яблоко яблоком, стоит его только надкусить. Ты оставила свой след на этой израненной планете, так извинись перед ней и уйди в сторону. Она тебя простит, у нее нет другого выбора, а у тебя нет других вариантов. Иначе при воспоминании о тебе многие будут плевать, и это в лучшем случае. У тебя много недостатков, исправить их ты уже не сможешь, так признай их. Дурак, который поймет, что он— дурак, вовсе не дурак. Может, и твое признание чего-нибудь будет стоить. Ни высокие этажи, ни километры расстояния, ни широкие балконы, остекленные от всего света, не смогут тебя уберечь от твоего эгоизма до тех пор, пока ты не покажешь кто из вас двоих главный. Высокие мотивы не для тебя. Они в твоих устах выглядят сухо и надуманно. Они умерли рядом с тобой, поскольку не выносят лжи. Лицемерие— твое второе имя. Ты улыбаешься в глаза, а в кармане прячешь камень. Так ты никогда не заслужишь уважения. Твои поступки большей частью предсказу-

емы, а, значит, никто не сможет тебя полюбить. Ты не уважаешь чувства других, значит и тебя никто не пожалеет. Ты собираешься жить вечно, значит, будет тебе на роду мучиться. Ты не делаешь добра даже своим ближним, тогда почему ты хочешь счастья? Если ты печешься о собственной выгоде, в конце фильма ты погибнешь. Если ты устала жить, не жди других побед. Если ты осознаешь все это иди себе с Богом. Мы про тебя забудем.

Часть 2

Прошлое

Глава 1.

Это никуда не годится. Все мысли только о ней одной. Нет никакого желания ни есть, ни пить, ни думать ни о чем. Она. Она очень много значит для него. Она— соль земная, она— жизнь длинная. В ней и заключается смысл жизни. Для чего еще жить на свете? Для карьеры? Для работы?

Отец, нацепив темные очки на нос, вставил в уши кнопки— наушники, прикрепленные к очкам, с бумажным литровым стаканчиком разгуливал по городу. В голове тихонько под гитару пел приятный баритон, воспевавший Кандалакшу, белого пса, чаек и сиреневую муть за окном. На душе и без того было сумрачно и сыро. А за стеклами очков уже зеленела весна, солнце дарило тепло этому старому миру. Отец шел по набережной древней реки, по старым бетонным плитам, выложенным уже давно. Вдоль реки беспорядочно росли старые тополя и клены, кусты барбариса и ирги. Теплый весенний ветерок поднимал с плит маленькие бурунчики из пыли. В России никогда дороги не станут нормальными. Между плитами пробивалась бурая полынь, будто ее специально высаживали на стыках старых бетонных плит. По краю пешеходной дорожки нет— нет встречались старые проржавевшие урны, давно заполненные мелким бумажным и пластиковым мусором. Возле каждой урны непременно рядом лежала небольшая кучка такого же мусо-

ра. Урна должна быть оборудована аннигилятором, которые давно вышли из строя, и кучки мусора возле урн— живое напоминание об этом. Отец проходил мимо, всматриваясь лишь в даль по течению реки, которая лениво поворачивала влево и терялась вдали за холмом, усаженным длинными и широкими многоэтажками. На обочине иногда попадались черные арки выходов— техническое решение русской проблемы с дорогами. Иногда в тени клена стоял одинокий терминал компьютера или стойка органического синтезатора. Некоторые из них не работали. Водная гладь вдоль была расчерчена кривыми линиями кос, былого напоминания о варварстве человеческой природы во времена, когда великая русская река была заводским прудом. Косы давно облюбованы хиппи. Пластиковые палатки полностью скрывали поверхность косы, и лишь коричневые от загара косматые тела, лоснящиеся от пота, блестели на берегу.

В вышине наравне с чайками и сизыми голубями мерили пространство маленькие кары. Где-то в стратосфере визжал планетарный двигатель космического корабля. Лениво плыли белые изорванные облака, подгоняемые тихим ветром. Неслись красные огненные буквы: «ВЕРНИСЬ МИЛАЯ». Отец шел и спотыкался о неровности дорожки, о кусты полыни. На плитах огнем горели красные буквы: «ВЕРНИСЬ РОДНАЯ». Темный ряд многоэтажек вперемешку с дворцами культуры и дворовыми парками полыхали огненными словами: «ВЕРНИСЬ, ВЕРНИСЬ», озаряя своим светом все

вокруг.

Урал. Редкий Чапай доплывет хотя бы до середины Урала. Длинная широкая река. Она течет здесь уже давно. Никто не помнит уже, как давно здесь течет река. Она здесь течет много лет, веков, тысячелетий. Отец с грустным голосом в ушах уныло провожал беспрестанный бег вечной влаги. Прошло уже достаточно времени со дня их расставания с Рыжей. По статистике разлуку остро женщины переживают год, мужчины— полтора. Отец шел и думал, когда же, наконец, он сможет забыть свою Рыжую? Похоже, что никогда.

Отец подошел к стойке органического синтезатора, заказал себе бутылку грузинского Сараджишвили. Стеклянная бутылка коричневого коньяка упала ему в руку. Она была холодная. На блюде лежали несколько долек лимона, которые он не заказывал. Видимо какой-то компьютерный глюк, а может, кто-то лишенный вкуса составлял алгоритм синтеза коньяка. По глубокому убеждению Отца, коньяк с лимоном пьют исключительно одни ублюдки, потерявшие всякое уважение к благородному напитку. А холодный коньяк с лимоном пьют конченные ублюдки, которые даже на органы продать— лучший исход их никчемной жизни. Хуже холодного коньяка может быть только холодный коньяк с лимоном. А хуже этого только начальник— баба. Отец сунул бутылку Сараджишвили в синтезатор, заказал подогреть его до двадцати пяти градусов. Когда коньяк согрелся, Отец взял бутылку, проигнорировав лимон. Стоило ему отойти от стойки синте-

затора, дольки цитруса исчезли.

Отец плюхнулся на зеленую молодую травку на берегу в своих белоснежных брюках. На них наверное останутся зеленые несмываемые пятна, но Отцу на это наплевать. Раскинув руки в стороны Отец жадно вздохнул полной грудью. Хотелось курить. Органический синтезатор отказывался синтезировать табачные палочки. Эта чертова программа по борьбе с курением! Отец отпил из горла большой глоток крепкого напитка. По телу пробежала теплая волна блаженства. Такой напиток не нужно ни закусывать, ни запивать. Ароматом хорошего грузинского коньяка наполнилось все вокруг. Немного отпустила проблема Рыжей. Только вдруг, индуцированный алкоголем импульс, прилетел к слезным железам. Соленая жидкость потекла по щекам. Нос заполнился вязкой слизью.

Отец снова и снова переживал самые лучшие моменты, прожитые с любимой. Он приподнялся на локтях, взглянул на широкую гладь реки, надеясь, что предательские слезы перестанут течь по его щекам. Они на самом деле перестали. Только стоило Отцу подняться на ноги, как они с удвоенной силой хлынули на кожу. Отец вспомнил маленькую, как жизнь, комнатку отеля в Армстронге, скрипучую кровать дома у Рыжей. Вспомнил маман Рыжей, эту древнюю каргу, страшную, как немый слесарь. Вспомнил ее мину, когда она застала врасплох молодых. Вспомнил их прогулки по старому родному городу в конверте.

Отец встал с травы, взял Сараджишвили в одну руку, стаканчик с пивом в другую и пошел дальше по набережной. Предательские слезы валились из глаз крупными как гора кусками. Он только и успевал тыльной стороной ладони смахивать соленый раствор. Отпив еще один порядочный глоток коньяка, Отец свернул вправо. Пройдя мимо старого дворца культуры, вышел на детскую площадку. Усевшись на качели и тихонько раскачиваясь, Отец попивал Сараджишвили, запивал пивом и упивался своим горем.

Так он просидел достаточно времени, чтобы опустела бутылка старого коньяка и стаканчик с пивом. Мимо проходил люд. Отец думал, какие они низменные, как у них все здорово и прекрасно. Никаких вам потрясений, никаких треволнений, все ровно и тихо. Только у него в жизни все не так. Только у Отца тяжелые проблемы, что даже Титану не под силу тащить на себе такой воз проблем, с которыми он живет. Он ненавидел этих людей, которые, радуясь весеннему солнцу, прогуливались рядом или исчезали в черных окнах выхода. Ему стало себя жаль. Слезы уже давно перестали душиить Отца. Он нарочито громко высморкался прямо себе под ноги, в ответ на что несколько прохожих неодобрительно смерили его гневными взорами. Отец подошел к стойке компьютера.

–Дай мне Рыжую.– Простонал Отец. Язык уже не так четко слушался его, как в начале прогулки.

Засветился синий экран. Рыжая подошла немедля. Она

очень изумилась, увидев Отца. Они стояли молча, рассматривая друг друга. Никто не произносил ни слова.

–Привет.– Сказал, наконец, Отец.

–Привет,– кивнула Рыжая,– как жизнь молодая?

–На букву «Х»... – Ответил Отец.

–В смысле хорошо?– Язвила Рыжая, хотя тон ее не был груб, она старалась не обидеть собеседника.

–В смысле на оборот. Хорошо, да не очень. Что мы с тобой дальше делать будем?– Спросил Отец.

Рыжая пожала плечами и опустила очи долу. Затем она посмотрела на Отца.

–Что молчишь?

–А что говорить?– Опять глупо пожала плечами Рыжая.

–Я спросил, как мы дальше с тобой жить будем?– Отец повысил тон.

–Слушай, ты же пьяный. Даже через очки твои видно, что налакался с самого утра.– Бросила Рыжая гневно.

–А я бы трезвый тебе не позвонил.– Парировал Отец.

–Вот будешь трезвый, позвони.

–То есть не звонить тебе никогда?– Спросил Отец.

Рыжая снова пожала плечами:

–Если тебе водка так дорога...

–Сараджишвили.– Бросил Отец.

–Что?

–Я говорю, Сараджишвили. Коньяк.

–Какая разница.

– Вот тебе и раз. Не знаешь чем водка от коньяка отличается? Ты думай, что ты несешь.

– Короче так. С пьяным я с тобой разговаривать не стану. Вернешься в нашу реальность, поговорим. Компьютер...– Рыжая хотела уже разъединится.

– Подожди. Ты резкая, как фотография. Я люблю тебя. Мне плохо без тебя. Я так не могу.– Заскулил Отец.

Рыжая вздохнула и снова опустила глаза. Она приготовилась слушать. Отец нес всякую чушь про тоску, про недуги, про то, что все ему надоело...

– Ну что ты предлагаешь?– Спросила, наконец, она.

– Давай жить будем отдельно. Ото всех.– Добавил он, а хотел сказать от маман от твоей несносной, от этой ведьмы ужасной.

– В общаге твоей что ли?

– Да хоть бы и там. Клопов там нет.– И маман твоей нет, подумал он.

– В общагу я не поеду.

– Там здорово. Сделаем все, как ты захочешь.

– В общагу я не поеду.– Повторила она железным тоном.

Отец чуть не подпрыгнул от восторга. Рыжая согласилась вместе жить. Жизнь налаживается. Отец приподнял очки, которые уже давно мешали ему. Рыжая посмотрела на его хмельные глаза. Это обстоятельство не пошло на пользу Отцу.

– О-о-о.– Протянула она.– Как ты на ногах то стоишь? Не

слабо ты себе глаз налил.

–Да есть причины.– Отец снова натянул на нос очки.

–Ох как интересно.– Ехидно добавила Рыжая.– Какие же у такого гения могут быть причины?

–Не язви. И так жизни нет без тебя, еще и сыплешь сахар на... Давай снимем квартиру. Деньги вроде есть. Немного, но нам хватит.

–Ладно. Давай проспись, потом поговорим. Сейчас дуй к себе, приведи себя в порядок, душ прими, отмойся. Там посмотрим...– Рыжая махнула рукой и предательский синий логотип оператора засветился нелепым оскалом.

Прекрасно, великолепно, жизнь налаживается!!! Рыжая согласна встретиться, значит, будем жить вместе. Плевать на все Басмачевские алгоритмы, плевать на всё. Они будут вместе. Рыжая, видно, тоже переживала, коль стала разговаривать с несвежим Отцом. Она тоже не одну подушку намочила своими слезами. Будет с нее. Она тоже кровушки попила. Но он то, Отец, в чем виноват? Рыжая чертовка. Но как хороша!!!

Отец прошел к черной пасти выхода. Очутился он у Мормона в комнате. Мормон не лгал. Он себе в конверт скопировал Отцовский османский зал. Даже мавры с золотыми обручами на икрах были те же. Приятно. Мормона не было. Отец плюхнулся на подушки возле стола, заказал себе красного полусладкого и принялся потягивать из кубка.

–Компьютер, соедини меня с Мормоном.– Попросил

Отец.

Часть зала уступило место экрану телевида. Улыбающаяся физиономия друга не заставила себя ждать.

—Отец родной, привет, ничего тебя накрыло. Ты как жив то еще?— Спросил он, сразу вникнув в ситуацию.

—А,— махнул рукой Отец.— Сам все знаешь.

—Опять?— Покачал головой Мормон. Отец кивнул.— Ладно, меня дождись, сейчас приду. Я в оперативной группе. Алгоритм закончим. Хочешь, к нам иди.

—Свят, свят,— перекрестился Отец,— вы там сразу все захмелеете от моих мыслей. В голове каша, мама не горюй.

—Ну ладно, жди, давай.

—Сусю с собой возьми.— Отец поднял бокал.— Твое здоровье, Андрюха.

—Отец, не переусердствуй без нас, нам кусок твоего мозга живого оставь, а то с мясом как-то несподручно разговаривать.— На экране появилась Суся, довольно улыбаясь.

Отец никак не мог понять, как же у нее на голове умещается такое количество волос. Здесь либо чудо, либо какой-то фокус. На сей раз Суся как-то совсем вычурно разместила копну волос. Складывалось впечатление, что два бабая воевали у нее на макушке, да так все и бросили, договорившись вернуться.

—Обещаю. Кто воевал, имеет право у тихой речки отдохнуть. Давайте живее. А то я помру со скуки.

—Мормон, кстати я у тебя сижу.

–Да вижу чать, не слепой. Все, жди.

Экран исчез. Отец остался один с кубком красного вина.

–Погоди, дай мне Басмача.– Отец рассчитывал увидеть своего друга на экране, но нет. Виртуальный двойник появился как-то вдруг, перед Отцом со скрещенными на груди руками.

–Чего тебе, нечисть? Напился с самого утра.– Произнес он.

–Не твоего ума. Ты что тут, как петух передо мною стоишь, сядь, релакс. Выпей что-нибудь. Только над душой не стой.– Ответил Отец, наливая в кубок вина.

–Чего тебе из-под меня надо-то, что звал?– Басмач продолжал стоять над Отцом.

–Аналитик несчастный.– Отец потягивал вино.

–Что, с Рыжей помирился? Аналитик. Так вперед и с песней, чего ты ко мне со всякими глупостями пристаешь?

–Ладно, отставить разговорчики в строю. Вольно. Садись, говорю.– Отец указал на подушку.

Басмач сел. Взял в руки кубок и сделал глоток.

–Что за кислятину ты пьешь? Вот сейчас Ахашени попробуй. Вот так вино.

Отец отпил из своего кубка и сквасился:

–По мне «Черный доктор» лучше.– Вино в бакалее потемнело. Отец расплылся в улыбке.– Рыжая. Мы с ней придумали жить вместе, без ее маман старой. Может и беситься перестанет.

—Ой, батюшки мои. Ты думаешь, она свой нос к вам совать не будет? Будет и еще как. Она свой нос сует, куда собака свой не рискует. Та же еще шпионка, прости меня Господи.

—Аминь.— Добавил Отец.— Я ей нос дверью прищемлю, только сунется к нам.

—Конечно прищемишь, боевик. Сунется, ты и твякнуть не успеешь, как снова на стакан от горя упадешь. Бросил бы ты эту затею, ну, Рыжую свою. Не пара она тебе.

—Басмач, отлезь, гнида. Не твое дело это. Она будет со мной ровно столько...

—... сколько я сам захочу.— Продолжил за Отца Басмач.— Слышал эту песню раз двадцать. Тебе придется всякий раз перед маман ее прогибаться, не перед Рыжей. Засунешь свой язык да свое сомнение куда-нибудь подальше, вот только тогда и сможешь жить с ней. Там начальник в доме— маман. Попомнишь еще слова мои. Плюнь ты на все.

—Ай атаман дело рассказывает.— Сказал Мормон, входя в зал через выход. За ним семенила Суся.

—Что, опять моей подруге кости моете?— Воскликнула Суся, оглядывая зал.— Круто... Отец, твоя работа?

—Здорово, други.— поздоровался Отец, пожимая ладонь Мормону. Сусе он просто махнул рукой.— На какой вопрос сначала ответить?

—Да можешь не отвечать, сама все вижу.— Сказала Суся.— Я тогда переоденусь.

Черный выход проглотил девушку. Выйдя из него, Суся

была облачена в белоснежное сари, во лбу чернела маленькая точка.

— Не по случаю, Суся. Сари носили в Индии. — Сказал Мормон.

— Не хочу. Меня шаровары полнят, пробовала, бабка писала. — Сказала девчонка.

— На нет и суда нет, утыр. — Отец указал на подушки.

Суся расположилась. Мормон присел рядом. Одет он был в штатную униформу.

— Текилу мне с солью и лимоном, — бросила Суся, — холодную.

— А вы что пьете, бродяги? Вино? С вами буду. — Сказал Мормон.

— Суся, ты как думаешь, тут мне вот этот басурманин, — Отец указал на Басмача, — говорит, что мы с Рыжей не пара.

— Хорошая девочка, — Сказала Суся. Парни хмыкнули в один голос. — Ну, девушка, женщина. — Добавила она, несколько смутившись.

— Хорошая, хоть на нас и не похожая девка краснокожая. — Кивнул Отец.

— Ну что ты так. Просто у всех свои за... ну, странности. Ты ее любишь? — Спросила она, Отец кивнул. — Ну так чего тебе еще надо, живи с ней.

— Я вот тоже самое говорю. — Согласился Отец.

— Отец родной. Все они до свадьбы хорошие, откуда потом змеи берутся? — Бросил Мормон, изображая рукой стой-

ку кобры.

–Ой, ладно, все мужики– козлы, это всем давно известно.– Суся выдохнула и сделала огромный, насколько ей позволяла огромная глотка, глоток текилы. Слизнула соль с анатомической табакерки на кисти и заела лимоном.

–Это типа, тост такой? Ладушки. Все мужики– козлы, все бабы– стервы. Ваше здоровье господа.– Отец опрокинул свой кубок.

–Что сегодня случилось?– Полюбопытствовал Мормон.

–Я пива попил с коньяком, да Рыжей позвонил. Говорю: мол, давай вместе жить. Она вроде не против, немного злится правда, что пьяный звонил. А я по-другому и не стал бы звонить.

–Вот это ты зря, было бы лучше трезвым.– Сказала Суся.

–Не могу я трезвым ей звонить. Ни в чем я не виноват. Она сама меня покинула. Просто ушла и все.– Заверил ее Отец.

–Значит не все, значит была заноза какая-то. Однозначно.– Суся завертелась на месте.

–Не было, говорю тебе, как на духу, не было занозы. Она сама чего-то себе придумала, сама поверила и ни слуху от нее ни духу..

–Что вы его слушаете,– вставил Басмач,– с ним же ни одна порядочная барышня не сможет сладить. Во-первых, он не уважает ее маму, чудесную женщину...

Все покатались со смеху. О скверной маман Рыжей все

были уведолены заранее, отчасти со слов Отца, отчасти от Рыжей. Басмач горланно засмеялся.

—Твоя правда, не уважаю я ее. Жаба. Это же надо такой несносной старухой быть. Так Рыжая, тоже, курица, лет в ней... а все под мамой ходит. Шагу без нее не сделает.

—Ну она же мама ее. Она ее любит.— Суся еще сделала большой глоток текилы.

—Ну, за любовь.— Сказал Басмач и тоже выпил.

—За нее...— Выпил Мормон.

За любовь пили долго, много и часто. За любовь можно пить всегда.

Что может быть важнее на этом свете любви? Любовь вершит правосудие, она карает неверных. Любовь совершает подвиги и глупости. Любовь лечит и она же наносит смертельные ранения. Любовь строит мир и повергает в прах целые народы. И нет от нее преград. От нее невозможно укрыться. Она найдет свою жертву даже на печке. Ее нужно бояться. Ее нужно ждать. Ее нужно не спутать с вождением, которое по сути своей противоположность любви. Любовь дарит жизнь, и она же беспощадно отнимает ее. Она дарит все блага мира, и она же ставит королей на колени. Любовь слепа, но у нее прекрасное зрение. Она немощна и всемогуща. Она всегда молода и бесконечно старая. Любовь родилась раньше этого мира, и этот мир принесла с собою любовь. Любовь убережет от несчастий, она же и явится их причиной. Она не сможет уберечь от смерти, но она может

подарить бессмертие. Любовь простит все прегрешения, но она же и заставит дать за них ответ. Любовь бесконечна в своих милостях, но она очень хрупкая. Ее нужно лелеять, ее нужно бояться. Ее погубить так легко, но она никогда не умрет. У любви очень много врагов, но еще больше союзников. Если любовь не спасет мир, то она его разрушит. О любви можно говорить бесконечно и не сказать ничего важного, о ней можно молчать и этим сказать все.

Любовь может подарить веру в этот несносный мир, она может осуществить любое желание, она может подарить всю вселенную, она развернет вспять реки и светила, она разрешит быть всему существу. Любовь сможет уничтожить каждого, кто с ней не согласен, она подарит проклятие и вечную муку, она заставит гнить плоть в тесных гробах, она иссушит все плодоносящее. Она и меч, она же и благо. Она благословение и проклятие. Любовь.

Утро застало Отца с головной болью. Покачиваясь в своем гамаке у тихой заводи, где вечное лето, Отец повязал на лоб махровое полотенце, смоченное водой из речки, что текла рядом. Голова не нога, завяжи да лежи.

Меж деревьев висели подвешенные за глаз на капроновой нити пара щук да судак. Догадка буквально подбросила больного Отца из его нестойкого ложа.

—Басмач, зверь злобный, поди сюда.— Крикнул Отец.

—Чего кричишь, как потерпевший. И так в голове больно.— Басмач скривил свою физиономию. Глаза у него отекли, от-

давая дань вчерашней встрече. На голове было неизвестно что. Рубаха с короткими шортами была мятая, словно их у негра из желудка достали. Ноги босые.

–Слушай, ты-то что притворяешься? У тебя какое может быть похмелье? Железяка ты бессердечная.– Чуть шевеля языком произнес Отец.

–Отче, али с памятью твоей стало туго? Мы что вчера делали? Забыл?– Басмач уселся на травку возле гамака.

–Слушай, не забивай ты мне голову всякой чушью. Ты– виртуальная штука, а я в конверте. Убери сей же час похмелье, не то я тебя к праотцам отправлю. Так дурно, а ты надо мной измываешься. Чтобы сию же минуту стало все ровно. Понял?

–А ты что, забыл, что ты в реале вчера пиво с коньяком пил, когда по городу бегал, как Савраска? А? Забыл?

–Не твое дело, где я был и что пил, понял? Здесь все виртуальное. И головная боль тоже виртуальная.– Отец приподнялся, сразу замутило, к горлу подступила желчь.– Убери тошноту, тебе говорят.

–На кой я буду ее убирать, пил– болей, не пил– мечтай.– У Басмача резко сошли отеки с глаз, на голове волосы обрели обычный для такого чистюли порядок. Шорты вытянулись в стрелочку. Рубашка обрела первозданную белизну.

Отец вскочил с гамака, в глазах все потемнело, привратник сократился донельзя. Регургитационная волна желудочной перистальтики бросило все его содержимое на землю,

где только что сидел Басмач. Отец погнался за своим другом меж деревьев, петляя, загоняя Басмача к воде. Последний, не находя другого выхода, кинулся в заводь. Отец прыгнул за ним. Прохлада целиком охватила измученное виртуальной биохимической травмой тело Отца. Тут же все прошло. Привратник расслабился, желудок принял обычный тонус, отек стромы головного мозга отступил. Отец проплыл немного под водой, ощущая всю прелесть жизни без искусного альдегида. Затем выплыл на берег.

—Вот это другое дело. Одежду дай сухую. Мне с Рыжей сейчас встретиться нужно будет.— Сказал Отец. Басмач привел туалет в порядок, просушил волосы.

—Может лучше тебе в мокром с Рыжей поговорить? Все равно ты— чудо болотное, так и держи марку. Зачем девчонке в глаза пыль пускать?— Спросил Басмач.

—Остряк. Дай мне ее, козу мою рыжую.— Процедил сквозь зубы Отец, подходя к экрану телевида, возникшего меж деревьев.

—Привет.— Сказала Рыжая, стоило только исчезнуть синему логотипу.

—Здравствуй, солнышко мое любимое.— Отец послал ей воздушный поцелуй.

—Бог мой, какая поэтика, какие речи. Отец, ты где так петь сладко научился?

—Отстань Басма,— сказал Отец уголком рта в сторону и снова повернулся к Рыжей.— Как у тебя дела?

–Ты, я гляжу, пришел в себя, я то думала, что ты не вспомнишь, что мне звонил. Такой расписной ты вчера был.– Ответила Рыжая.

–Перестань, я же с горя вчера... Так литр пива да бутылку коньяка в один рот залил. Мало не покажется. Это все на пустой желудок.– Развел руками Отец.

–Ну чем ты хвастаешься?

–Киса моя родная, приходи ко мне.– Уже жалостно проблеял Отец.

–Зачем?

–За сеном, ясно. Жить пойдем ко мне.

–Я же вчера тебе сказала, что к тебе не пойду. Ты ко мне приходи.

–Я немного с мамой твоей нехорошо расстался. Так вроде не с руки к тебе идти.– Испугался Отец. Эта перспектива снова увидеть маман очень расстроила несчастного обитателя оазиса. Было бы похмелье, его бы вырвало прямо на месте.

–Мама у меня чудесная, она все нормально воспринимает, пошли, не трусь, я тебя поцелую.– Сказала Рыжая. Лицо ее засияло.

Было похоже, что Рыжая тоже ломала комедию перед Отцом, чтобы тот прочувствовал ее превосходство. Пережив много неприятных одиноких минут, Рыжая, скорее всего, оценив разлуку, хотела возвращения милого. Отец сломался, эффект достигнут, чего же более?

Наш герой, постояв перед экраном телевида, понял, что от маман ему все-таки не отвертеться, шагнул в выход. Все-таки прав был Басмач, когда говорил, что без ее маман не будет и Рыжей. Возможно ему нужно будет прогибать спину перед несносной старой клячей, чтобы остаться с любимой. Плевать на все, лишь бы быть с ней.

Он очутился в знакомой нам комнате с книжными шкафами, редким анахронизмом. Рыжая медленно подошла к Отцу, очень осторожно уткнулась ему в шею носом. Отец ее обнял и крепко прижал к себе. Это любовь, она— самая желанная женщина на всем белом свете. Плевать на маман, плевать на все. Вот стоит она рядом, такая родная, такая теплая и близкая. Он обнимал ее и целовал. В горле стоял ком. Отец был бесконечно счастлив. Рыжая такая хрупкая, красивая, любимая, нежная. Она тоже любила ортодоксального негодника, выходца из темных веков истории. Может как-то особенно, не так самоотреченно, но все-таки любила. Ей тоже было плохо без Отца.

—Пошли на кухню, с мамой поздороваешься, а то как-то некрасиво получится.— Рыжая схватила Отца за руку и потащила за собой.

Чтобы пусто ей было. Как Отцу претила эта встреча с ее милой и чудесной мамой. Это зеленая миля— дорога на кухню. Это путь к Голгофе, это марш по алому полю— встреча с маман.

Выйдя из узкого коридора на кухню, Отец так обрадовал-

ся, увидев своего врага в лице милой старушки, что чуть не случился паралич всех запирательных сфинктеров. Лицо исказила гримаса смерти, которую с известными коррективами можно было принять за улыбку.

–Здравствуйте.– Прошептал Отец, настолько убедительно, насколько у него были сведены судорогой мимические мышцы.

Маман не ответила, лишь короткий кивок, который она кинула Отцу, мог свидетельствовать, что она его услышала, или, по крайней мере, увидела. Отцу этого было достаточно. Он обреченно сел на табурет, стоящий возле стола. Маман развернулась самой главной в ее теле точкой к Отцу, словно демонстрируя свое оружие, которым можно было запросто убить вылетающей молнией в жениха своей дочери.

–Каким ветром к нам такого дяденьку красивого принесло?– Спросила она из-за спины, что-то колдуя с органическим синтезатором. Это было вроде приветствие.

–Норд-норд-вест.– Ответил Отец менее злобным тоном, чтобы не обидеть свою любовь.

–А-а-а!– Также из-за спины бросила маман.

Ух, чудовище, подумал Отец, как такую каргу земля носит. Нежить старая. Кобыла страшная на четырех ногах не так ужасна, как маман.

–Садитесь, сейчас есть будем.

Рыжая присоединилась к маман, помогая ей по кухне. Они что-то обсуждали, хихикали. Это уже где-то было, поду-

мал Отец. На столе появился салат под шубой, любимый салат Отца. Эта старая немочь словно издевалась. Сейчас еще пельмешки сделает, подумал Отец. Словно прочтя его мысли, маман из синтезатора достала блюдо горячих пельменей. Вот же язва такая, отметил Отец. Рыжая сервировала стол, Отец все больше хотел выскочить из-за стола и дать тягу, бросить все и уйти.

–Ты кушай пока,– обратилась к Отцу маман,– мы сейчас тоже сядем.

–Горячие еще, пусть остынут,– проворчал Отец.

–Как знаешь. С чем будешь?– Спросила маман мило улыбаясь.

–С майонезом.– Буркнул Отец.

–Нет, водочки, может коньячку или пива?– Улыбка не сходила с лица маман.

–Очень спасибо, в другой раз.– Вот жаба галапагосская, подумал Отец, и здесь не подденет– не проживет.

Отец сидел, словно на горячих углях. Когда Рыжая и ее престарелая маман присоединились к Отцу, началась трапеза. Со стороны можно было подумать, что эта троица кого-то провожает в последний путь. Разговор не вязался, слова были тягучие, как кишечная слизь. Рыжая догадалась включить телевид, чтобы хотя бы он оживил мертвенное веселье на кухне. Кроме голоса модного певца в трапезной раздавался лишь стук вилок, да мерное чавканье.

Пельмени проваливались в желудок нехотя. Даже сдоб-

ренные майонезом они, казалось, царапали пищевод. Отец ощущал каждым проглоченным пельменем все анатомические сужения глотательной трубки. А может, в самом деле дернуть сотку, подумал Отец. На самом деле он понимал всю трагикомичность ситуации, задумай он такое проделать. Рыжая бы это не поняла, зато было бы приятно посмотреть на маску Гиппократата милой маман. Он только ухмыльнулся этой своей затее. Ухмылка не осталась незамеченной старой ведьмой с очаровательной улыбкой. Она строго повела бровью. Отец еще раз хмыкнул и отвернулся в сторону. Очередной пельмень продрал себе дорогу по израненному пищеводу. Рядом со столом лежал Роня, жалобно смотря на поминки. Его не смущало долгое и липкое молчание, ему хотелось есть. Кошки тоже собрались на подоконнике, печально поглядывая на едоков. Только ни Роне, ни кошкам поживы не светило.

–Какой мальчик, смотри, красивый,– указала маман на певца.– Какой он хороший. Он так мне нравится. Таких сейчас мало.

Старуха покосилась на Отца, тот сделал вид, что не заметил реплики. Маман продолжала:

–Я смотрела интервью с ним, он не пьющий, такой хороший, что я бы его... Вот такого бы жениха...– Она закатила мечтательно глаза.

–Вам?– Оторвался от тарелки Отец.

–Зачем мне?– Вопросом на вопрос ответила маман.– Те-

бе!

Она ткнула своим корявым пальцем в дочь. Отец кивнул.

–Ну, такого жениха всем надо. Только где их взять таких, сейчас все бездельники да маниаки. А нормальных мужиков и нет. Поди, поищи.– Согласился Отец.

–Да уж не чета тебе.– Сверкнула гневно очами маман.

–Да уж куда нам с грыжей до тётки рыжей.– Согласился Отец и погрузился впельменно– майонезный бульон.– С нашим рылом только щи лаптем хлебать.

Тут настал черед маман молча кивать головой. Рыжая ерзала на своем стуле, однако миротворцем выступить не решалась. Она хмурила брови и кивала головой Отцу, мол, что ты к матери прицепился, как недоумок к мясорубке. Молчи да ешь, мама хорошая, ты ее полюбишь, ее просто нужно понять.

Отец вскинул ладони, словно сдавался. Незаметно под столом Отец ногой нащупал кончик хвоста рыжего спаниеля и слегка наступил. Пес визгнул, вскочил на ноги и осмотрелся.

–Роня, мальчик, что с тобой?– Участливо спросила кобеля Рыжая. На что она надеялась Отец не понял.

–Твой милый шалит.– Сказала маман, не отрываясь от своей тарелки.

–Сашка, ты его что ли?– Рыжая строго посмотрела на Отца. Отец замотал головой.

–Что ты? Я, да никогда, я не такой...– Замотал головой

Отец.

А потом была ночь. Эта была такая бешеная ночь. Они так любили друг друга, что перья летели в разные стороны, пружины выли от натуги, играла музыка. Рыжая у компьютера заказала сборник блюзов, чтобы маман за стеной не подавилась слюной. Дабы не омрачить слух милой старушки со злым лицом любовными игрищами, Отец сделал музыку громко. Никто не предполагал, что маман не спала. Никто бы не спал. Музыка тонула в какофонии скрипа вздохов и стонов.

Самое лучшее в расставании, это, безусловно, примирение. Все отступает на задний план. Все обиды, все подозрения и иже с ними. Они любили так, словно это было в их жизни первый раз, и завтра им предстоит умереть. Они тонули в объятиях, они кисли в поцелуях, они нежились от прикосновений, млели от ласки, они стеснялись во взглядах, прятались друг в друге. Это было здорово. Старая маман ворочалась на своей узкой кровати, слушая все это безобразие под нежные звуки блюзов. Заснула она под утро разбитая, словно швед под Полтавой.

А потом было утро. Оно встретило молодых узкими щелками глаз с синими мешками, с распухшими от поцелуев губами, с красными натертыми щеками от трехдневной щетины, с мурашками на коже, с растрепанными в клочья волосами.

—Целый вечер до утра целовались у метра.— Пожелал доб-

рого утра своей любимой Отец.

–В смысле?– Спросонья не поняла Рыжая, когда компьютер включил утром для пробудки какой-то дикий марш.

–Целовались бы ещё, да болит влагалище.– Добавил Отец, потягиваясь в кровати.

–Дурак,– сказала Рыжая и поцеловала заспанного Отца.

Они еще с вечера определились так, что спать уже будут у Рыжей в комнате, коль скоро для маман постельные сцены ее дочери уже не откровение. Старой и доброй маман Рыжая обрисовала эту картину в общих чертах, на вдаваясь в детали. Старуха была настолько шокирована, что и воспротивиться не успела. Самая упрямая вещь на свете– факт. И даже искреннее упрямство не сможет его побороть.

Рыжая расстелила кровать и закрыла за собой дверь в комнату. А потом была ночь, а еще потом было утро. Рыжая убежала в душевую кабинку приводить себя в порядок. Холодная вода, что покрыла лицо любимой, заставила сузиться капилляры. Отек с лица постепенно ушел, глаза открылись. Гребень помог каждой прядке ее чудесных волос лечь на место. Времени на боевую раскраску уже не было. Рыжая любила вручную малевать себя. Отец никак не мог взять в толк, как так получается, что Рыжая, убив на это бессмысленное занятие часа три, выглядела также как и до раскраски. Макияжа не было видно вообще. Чем можно было заниматься все это время, и что это были за краски. За три часа можно выкрасить зубной щеткой забор длиною в тридцать метров.

Рыжая посмотрела на голографические часы, пискнула и сказала Отцу, который не стал себя утомлять подъемом:

–Милый, все, пока, я побежала, времени нет.

Рыжая была одета в легкий халат на голое тело. Отец подскочил, как подстреленный:

–Я с тобой пойду. Кстати, не забудь настроить выход на гардероб, а то покажешь все свои прелести вашим охломонам.

Рыжая осмотрела Отца с головы до ног:

–Ну и ты тоже не забудь.

Отец вспомнил вдруг, что и он в костюме Адама.

–Слушай, а ты чего подорвался, лежи себе, спи.

Проснешься, с Роней погуляешь.

–В другой раз, у меня там Пиначет не кормленный. Я к себе летаю и назад.

–Брось, он– виртуальный, ничего с ним не стряется. А маме будет приятно. Все, пока,– махнула рукой Рыжая.– Компьютер, выход.

Отец следом шагнул в проем черной арки, успев подумать: домой.

А потом были жаркие встречи возле оперативной группы, теплые руки, нежные поцелуи, объятия. Затем долгие пешие прогулки по ночному городу, после радостные встречи с маман дома, ужин, вечерние прогулки пса. Отец не отпускал кобеля с поводка, боясь побегов.

Над парком лениво висел огромный ковш, инкрустиро-

ванный в небе огромными звездами. Большая Медведица. Она очень большая. Отец знал, что шесть расстояний от кончика ручки до носика ковша укажут путь к Малой Медведице. Малой не по значению, но по размеру. Малая Медведица редко гуляла с Отцом и с Роней, зато Большая ежечасно и ежеминутно наблюдала за противоборством хулиганствующего ортодокса и рыжего кобеля марки «Английский спаниель». Большая Медведица даже стала иногда им подмигивать мерцающими глазами проплывающих в космическом пространстве спутников и пролетающих мимо кораблей. Большая Медведица даже шептала ласковые слова, она твердила, что все будет О`к, она иногда дула на лохматого пса нежным ветром, иногда посмеивалась над обоими. Она днем спала, поэтому сопровождала Отца и собаку исключительно вечером. Она их ждала на небесном своде в одном и том же месте, весело помахивая своим куцым хвостом, и бежала над крышами домов рядом с Отцом и его рыжим спутником.

Так они и гуляли втроем по вечернему городу Отец, Роня, да Большая Медведица. И им не было скучно. Отец любовался красотой звездного медведя, Медведица тоже смотрела на Отца с восхищением. Только Рональдино был скуп на сантименты огромной Большой Медведице. И ему было все равно, что она его ждала над парком каждый вечер. Ему было безразлично, что она каждый раз прогуливается в небе рядом с ним, и ему тем более было наплевать, что на его отправления смотрит вечный сверкающий вселенский и непо-

стижимый в своем великолепии медведь.

–Привет, любимый. Проходи.– Сказала Рыжая, впуская в квартиру Отца с кобелем на привязи.

–Пойдем, погуляем лучше, погода стоит просто великолепная.– Сказал Отец протиснувшись сквозь вязкую черную пелену выхода. Очень было неприятно такой чудный вечер испортить вездесущей, а, вернее сказать, вездесующейся маман.

Рыжая недовольно поморщила свой восхитительный носик, что выглядело, словно мириады маленьких мух не ее носу затеяли непристойную возню.

–Не хочется. Пойдем, посмотрим телевид, я тебе чего-нибудь приготовлю.

–Да брось, на синтезаторе закажемпельменей, суши, другой какой-нибудь мути, наедемся, а потом я такое тебе устрою.– Отец зажмурился, всем видом показывая, что он недалеко ушел от маленьких мух на носу у Рыжей.

После недолгих уговоров влюбленные покинули свое жилище, которое было их, как гора Синай– Моисея. Черный старый дом остался у них позади. Они шагали в ночи, крепко обнявшись, будто боясь потерять друг друга в этой черной тишине. Ночь внимательно наблюдала за ними. Она видела многое, гораздо хуже, чем невинные объятия этих двух влюбленных. Она тихо приняла их разгоряченные тела в свои объятия и скрыла от глаз посторонних. И только Большая Медведица медленным шагом скользила по черной гла-

ди ночи вместе с Отцом и его подругой.

–Я люблю тебя.

–И я тебя люблю.

–Я первый сказал.

–Я первая подумала.– Задумчиво сказала Рыжая и еще крепче вцепилась за руку Отца. –У нас в оперативной группе, у Пашки, знаешь, такой высокий симпатичный, родился сын. Темкой назвали.

–Здорово. Сынок– это очень здорово.– Сказал Отец.

Тихие улочки были пусты. Лишь случайный прохожий шагом своим возвещал миру о его существовании где-то далеко в ночи. Высоко в небе бесшумно пролетали кары, случайный свет которых где-то в вышине озарял края крыш.

–Он такой славный, Пашка нам запись показывал в группе. Они с Верой женаты уже пару лет, а Темка вот только у них появился.

–Мне больше нравится имя Олег.– Отец с нежностью посмотрел на свою подругу.

–Ну что Олег? Вот смотри Глебушка.– Рыжая мечтательно закатила глаза.– Такое имя нежное. Глебушка.– Снова повторила она, еще более смакуя имя.

–Нет, лучше Олег.

–Почему Олег?

–Я на своем примере. Мне в жизни ни одного дебила, которого бы звали Олег, не посчастливилось встретить. Их в природе не существует. Все Олеги– пацаны что надо...–

Отец замолчал и искоса поглядел на Рыжую. Та не придала значения словам Отца, погруженная в смакование Глеба.

—Ну и что? Олег даже не звучит. Какое-то жесткое имя. Его даже ласкательно не назовешь.

—Как так. Олежек, Олеженька. Да мало ли.

—Ну это все не то.— Рыжая недовольно дернула за руку Отца.

—Давай сыночка заведем.— Отец вопросительно повел плечами, чуть касаясь Рыжей.

Рыжая резко остановилась и жадно впилась в губы Отца. Время остановилось.

Производство наследника— это очень важное решение. Рождение новой жизни не значит в похоти позволить слиться двум безумным клеткам. Отнюдь. Рождение сына— дозволение вселенной быть рядом с нами. Это значит позволить всемирным законам продолжать вершить мироздание. Это значит разрешить светилам светить, а планетам пресмыкаться. Только потому, что родился малыш.

Рыжая тихонько уткнулась носом в плечо Отцу и тихонько заплакала. Она плакала долго, плач ее переходил в легкий смех, который заканчивался всхлипами. Слезы текли по ее лицу. Отец целовал ее в промозглые щеки, однако Рыжая начинала всхлипать еще громче и чаще. Они целовались и тонули в слезах.

Итак, решено. Быть новой жизни.

—А если родится девочка?— Сквозь слезы пробулькала

соплями Рыжая.

– Забудь такое слово. Я составлю генеральный проект, чтобы все недостающие части тела у моего малыша были. Все. Чтобы он был красивым как мама и умен как папа. – С гордостью декларировал Отец.

– Ух ты какой. – Рыжая снова поцеловала Отца в губы.

– И назовем Олежеком.

– Ну вот тут ты не угадал. Не угадал. Глебушкой. – Рыжая нежно провела рукой по щеке Отца.

– Это мы еще обсудим. Знаешь модифицированный закон Архимеда? – Спросил Отец.

– Оригинал знаю. – Рыжая тыльной стороной ладони вытерла слезы, и немедленно стала похожа на картину импрессиониста. Черные потеки туши обозначили на ее челе путь ладони.

– Жидкость, опущенная в тело, через семь лет в школу пойдет. – Кивком констатировал Отец.

Рыжая хмыкнула, но спорить не стала. Они двинулись дальше по черным улочкам, в которых тонули недоверие и нелепости. Рыжий локон упрямо падал на ее лицо, чуть прикрывая черные кляксы остатков ее макияжа. Нос припух, губы раздуло от слез и всхлипываний. Но она даже так была мила желанна и привлекательна. Отец представил ее с животиком. Это будет так здорово, когда такая женщина будет носить под сердцем его малыша, маленького сорванца, которому будут служить звезды.

–Мама.– В пустоту сказал Отец.

–Что мама?– Не поняла Рыжая.

–Ты– мама. Классно.

Рыжая смутилась, ночная темень поглотила ее покрасневшие щеки.

–Мама.– Тихо повторила Рыжая.

Оба погрузились в сладостные мечты. Отец в своих мечтах играл с Олегом в песочнице, учил его выбирать материал для рогатки из ветвей сирени. У нее самая правильная вилка. Он вместе с малышом возил по мягкому ковру машинки, они вдвоем прогуливались по детской площадке, вымощенной серой тротуарной плиткой взявшись за руки. Он, Рыжая и Олежек. Отец уже возил маленького сына на спине. Оленька заливался звонким чистым смехом, даря отцу свою чистую детскую любовь. Отец строил песчаные замки с Оленькой на лазурном берегу озера, затем, набрав воды в ведро, смывал его с лица земли под улюлюканье маленького сынишки.

Рыжая же наряжала Глебушку в синенький костюмчик, пошитый бархатом на манер пажеского камзола, она поправляла складочки на мальчишеском костюме, чтобы лучше сидел, купала в теплой ванне с пеной, обильно поливая спинку водой. Рыжая расчесывала мягкой массажной щеткой светлые соломенного цвета волосики Глебушки. Она целовала его в пухлые розовые щечки, от чего мальчишка нехотя кривился. Она водила его в детский сад, наполненный серебря-

ными колокольчиками голосами детей. Она надевала на головку Глебушки очаровательную соломенную шляпку.

Влюбленные вышли к парку, озаренному белой луной. Парк под старину был выложен серыми пластиковыми плитами, на стыке которых поросла травка. В центре парка развалился фонтан, нехотя обмахивая себя жиденькими струйками прохладной влаги. Маленькие ручейки скатывались по неровным ребрам огромного камня, стоявшего в центре фонтана, словно могильная плита. Фонтан отмахивался от редких мух и комаров плевками воды, и чуть отводя дыхание, вздыхал свежим ветерком. Парк с боков порос тяжелыми высокими ивами и тополями, разлапистые ветви которых нехотя мели зеленую травку у своих ног. Старые деревья согнулись в немом поклоне венценосному каменному водолею, который нет-нет одарял деревья мириадой маленьких брызг, искрившихся в лунном свете серебром. Старые ивы, поросшие густыми косами, собой закрывали от всего мира своего господина, который даже не всех знал в лицо. Они были готовы ради него на все: готовы стоять в смиренном поклоне в темноте, взирая на своего повелителя из-за спин своих старых подруг, любоваться его самодовольством и непостоянством, очаровываться его формами, поросшими зеленой слизью и удобренными старой листвой. Они готовы были мириться со стайками пугливых воробьев, засыпавших на их ветвях, чуть только ночь возьмет свои права. Готовы были мириться и с зимой, которая закрывала белым саваном

уснувшего господина, только бы всегда быть рядом с ним, только бы хоть мельком сквозь морозную вуаль посматривать на спящий фонтан. Фонари тоже были. Но как водится на Руси добрая половина не светила, другая половина, словно сквозь хмельной туман, мутно осматривала скромный пятючак земли у себя под ногами.

Рыжая опустилась на корточки перед стружкой воды, несмело бьющей из потайной трубки, зачерпнула ладошкой влагу и отерла свое заплаканное, но довольное лицо. Пугливо фыркнув, она утерлась носовым платком.

—Я посчитала тут. Критический срок у меня будет через три дня.— Она развернулась на каблучках к Отцу.

—Вот это хорошая новость!— Воскликнул Отец.— Да хоть бы и сегодня.

Отец поднял свою рыжую подругу за руки, обнял ее за талию и подарил глубокий, как Марианская впадина, поцелуй.

Ночь сгустила краски. Пьяные фонари, засиженные мухами и ночными мотыльками, уныло качали хмельными головами поскрипывая в такт бесстыжему ночному дуновению. Желтые мутные пятна света на траве неторопливо и печально дарили парку какое-то неуловимое очарование.

Влюбленные прошли и парк, и фонтан и статую с изображением бронзового грузинского мужика, героя революции, оставшуюся с давних времен. Прошли мимо дворца культуры, взиравшего на парк и на бронзового грузина уже много лет, пошли по набережной великой реки, делившей огром-

ный материк на Европу и Азию. Набережная, которая вместе с Отцом пила пиво с коньяком, сопереживая горестям странника, в эту минуту ликовала, любуясь торжеством любви и нежности. Она тихим шорохом травы отвечала на грузную поступь Отца и легкий шелест ножек любимой. Все здорово. Идите дальше, перед вами вся жизнь впереди, идите и не оглядывайтесь, идите и никого не слушайте, идите и будете счастливы. И они шли.

Ветерок, закованный в берега реки и направляемый длинными песчаными косами, усилился и забрался под легкую одежду. Рыжая, словно синяя птица, покрылась гусиной кожей, и подрагивала при каждом дуновении ночного бриза. Она поеживалась и крепче вдавливалась в Отца.

—Сашка, пошли домой что-ли. Замерзла я совсем, прохладно стало.

Отец пожал плечами:

—Пошли. Уже поздно. Сегодня устроим генеральную репетицию большого выстрела.— Улыбнулся он и Рыжая несмело кивнула.

Через пару тройку дней Отец вконец измотанный вернулся в общагу. Рыжая нехотя отпустила его проведать скотину да виртуального Басмача.

—О, какую собаку злую к нам занесло?— Участливо спросил Басмач.— Каким ветром?

—Басмач, железка бестолковая, ты как маман разговариваешь.

—В мозгах твоих порылся.

—Ты лучше бы в своих мозгах ковырялся. Мое мнение—там у тебя словно на свалке— куда не помотришь, всюду печаль и серость. Как поживаешь, человече?— Отец пожал руку своему другу и они обнялись.

—Здорово, здорово. Рад тебя видеть. Ты надолго к нам али так, пошалить?

—Соскучился по вам, лоботрясам. Где Пиначет?

—Там вон, на берегу рыбу твою поедает.— Басмач кивком указал на рододендрон, или на то, что, по мнению Отца, могло бы им быть.

—Он пьяный?— Участливо осведомился Отец. Басмач покачал головой.

—Нет, как ты ушел от нас, так он, как общество трезвости, тут шатается. Места себе не находит.

—Ну так ты его напои.

—Незачем. Пусть посмотрит на мир, каков он есть. Смотри, хоть аппетит появился, вон поправился, шерстка залоснилась.

—А эвкалипт он ест?

—Ты же сам решил, что нечего ему как корове травой питаться. Вот он всю твою рыбу и поел.

Отец махнул рукой на коалу:

—Пусть ест, жалко что-ли.

Коала сидел на берегу заводи и своими маленькими неуклюжими лапами чистил шкуру шуки. Он иногда опасливо

озирался вокруг и с недоверием кидал обиженные взгляды на Басмача.

–Как дела у тебя-то? А-то ни слуху, ни духу.

–А как сажа бела. Нормально все.

–Типа с маман живете? Ты ее мамой зовешь?– Хихикнул Басмач.

–А ты как думал? Ох и назойливая тетка, никуда от нее не деться. Нет-нет куда выйдет, а то все дома сидит на нас с Рыжей зыркает. И Рыжая с ней, как блоха с собакой.– Скривился Отец.

–Ну что, за возвращение?– Спросил Басмач.

Из бара устроенного в дупле старого дуба Басмач стал доставать бутыль с прозрачной жидкостью и закуску.

–Отметим возвращение блудного сына. Чего изволите, сударь?– Басмач небрежно кидал бутылку и стаканы прямо на траву.

–Отставить. Мне нельзя сегодня.

–Бог мой, в этом году лета не будет? Ты перестань погоду портить. Что еще за аскетизм нездоровый такой, батюшка? Тебе что, в глотку кляп забили?

–Басмач, ты же не умеешь хранить секреты, тебе скажи, только глухой не услышит. Не буду сегодня, сказал же.

–Отец, партизан, кому я чего рассказал недозволенное? Я– могила. На бабушку ставлю. Зуб на рельсы.– Басмач щелкнул ногтем по зубу.

–Знаю я тебя.– Отец недовольно скорчился.

–К тебе Суся идет. Примешь?– Спросил Басмач, застыв в немом вопросе с бутылкой в руках.

–А куда ее деть, давай.– Сказал Отец.

Меж деревьев появилась черная пасть выхода, из которого выскользнула довольная, словно амбарная мышь, Суся.

–О,– закричала она, потирая руки.– Как я во время. Отец, я знала, ты меня не подведешь. Клаксоны пищат, наливай.

–Настася, у меня сегодня сухой закон.– Кисло молвил Отец.

–Он у кузнеца закодировался.– Добавил Басмач, продолжая держать бутылку в руках.

–Я те дам кузнеца. Суся, не могу сегодня, слово дал.– Отец уселся на траву, жестом приглашая девушку присоединиться.

–Чего опять натворил, выкладывай.– Суся сложила подол белоснежной юбки и, кряхтя, уселась рядом.– Басмач семь капель под язык накапай. Текилы.

–Мы тут...– Отец покосился на Басмача.– Ну-ка не подслушивай, зверюга.

Басмач наострил уши, стараясь услышать все.

–Да ладно, все равно он узнает.– Махнула рукой Суся.

–Короче, мы тут это... с Рыжей, ну... это...– Замялся Отец.

–Что это?

–Короче мы с Рыжей надумали размножаться.

–Хорошие люди должны размножаться.– Кивнула Суся.–

А ты-то здесь при чем?

–Как так причем? В одиночку-то не получится.– Удивился Отец.

–Так она еще не беременна?– Суся вскочила на ноги. Ее волосяной домик на голове чуть не развалился от резких скачков.

Отец твердо закачал головой. Суся быстро все понимала. Видимо девчонка на своем веку повидала много чего, о чем не рассказывала.

–Мы сегодня с ней должны... Словом мы ее просканировали дома. У нее сегодня овуляция. Сегодня будем делать наследника. Вот так.

–Ясно, ты решил, значит, вопреки русской традиции, сделать малька трезвым? Интересно девки пляшут. А Рыжая-то знает?

–А как же! Знает. А то как же?

–Слушай его больше. Посмотри, что за производитель. Тьфу! Куда ему.– Сказал Басмач.

Суся подобрала стакан с травы, протянула его Басмачу.

–Ты вон, бармен, водку наливай. Тебя подглядывать сюда поставили, а ты подслушиваешь. Ты то сам. Много ли чего сделал, аналитик. Все твои алгоритмы летят к чертям собачьим.– Недовольно сказал Отец, огорченный не признанием его производительской способности.

–А что мы?– Басмач налил Сусе полный стакан.– Мы– люди пьющие. Мне нечего стесняться. Мне детей не крестить.

– Вот и не болтай лишнего, пока тебя не спросили. – Рывкнул Отец.

Суся с разбегу выпила стакан. То что случилось с ее лицом, очевидно доказывало единство противоположностей. Глядя с одной стороны можно было подумать, что девчонка вот-вот умрет. Она сморщилась, как старая мошонка, по углам губ текли прозрачные капли текилы, из глаз выступили слезы и покатались по лицу, смешиваясь с алкоголем. Наступило апноэ. Тело задвигалось в агональных судорогах. Если на это посмотреть с другой стороны: человеку искушенному, могло увидаться бесконечное блаженство, от которого Суся закатила глаза, слезы немого блаженства выступили из глаз. От жгучего священного экстаза лицо обрело вид волнующей муки и счастливого томления. Капельки пота, словно искорки божественного света, сверкнули на ее лбу, а по щекам нежной струйкой лился Ханаанский бальзам. Волна безумной неги прокатилась по ее телу и легкость обрели члены ее.

– А-а-а, хорошо-то как, черти меня побери, – взревела Суся. – Ух ты. Дай скорее лимон.

– Вот это да... – Удивился Отец.

– Ты точно не станешь? – Обратилась она к Отцу. – А то сейчас наберемся, чтобы родители не узнали.

Отец покачал головой. А от рефлексов никуда не уйдешь, подумал он. Его тоже передернуло, будто он сам выпил текилы. Слюнные железы плюнули в рот липкой, как пот, слюны. Отец сглотнул. Выражение глаз сменилось на вожде-

ние, как у собачки Павлова, что алчет носом залезть в миску. Он жадно наблюдал, как алкоголь нежно тронул интиму сосудов и, растворяясь в Сусе, пробирался через гематоэнцефалический барьер к мозгу.

—Как знаешь, а мы с Басмой посидим тут, good?— Кивнула Суся Басмачу.— Андрюху позови.

Басмач пожал плечами, давая понять, что ему поступило такое предложение, от которого невозможно отказаться. Меж деревьев раскинулся экран телевида, появилась физиономия друга.

—Опаньки, без меня.— Удивился Мормон, узрев пикничок на траве.— Кстати, здорово православные. Сейчас буду.

Экран телевида потух и спрятался в ветвях деревьев. Никто не успел и молвить звука. Непроизнесенные слова были сказаны про себя. Не прошло и секунды, как сквозь черноту выхода на поляну выбежал Мормон. Друзья махнули ему рукой.

—Что меня не позвали, жадины?— Спросил он.

—Так ить, позвали.— Сказала уже подхмелевшая Суся.— Утыр рядом.

—Что празднуем? Снова в разводе?— Спросил Отца Мормон.— Дай столик.— Кинул он Басмачу.

На траве появился стеклянный столик и подушки, которые бросили здесь же. Мормон взял с травы стаканчики, забрал один из руки у Суси и разлил из бутылки холодную прозрачную текилу.

–Мормон, мне не наливай.

–Чего так. Ты же еще трезвый?– Мормон от удивления поднял глаза от столика.

–Нет, на сегодня у меня планы.– Отрезал Отец.

–Так мы же в конверте, выйдешь– трезвым будешь. Какая разница.

–Разница,– усмехнулся Отец,– один пляшет, другой дразнится, вот и вся разница. Нет. Мы сегодня с Рыжей будем киндера делать. А она у меня сам же знаешь... Даже в конверте я выпью, так она меня все равно вычислит. Нет, лучше я потом, когда все закончится.

–Ну,– отмахнулся Мормон,– от этого занятия не так легко оторваться. Тебя может еще неделю не будет. Ты так, для запаха дерни немного, дури-то своей хватит. Да и иди.

–Все это очень интересно.– Сказала Суся.– Дети– это хорошо. А вы когда расписаться задумали, или так, в гражданском будете?

–Нет, завтра и распишемся.– Кивнул Отец.– Мне теперь отсюда никуда не деться.

–Кого хочешь?– Спросила Суся.

–Человечка.– Усмехнулся Отец.

–Ну это понятно...– Кивнула Суся.

–Родила царица в ночь Коле– сына, Толе– дочь. Мальчишку хочу, кого же еще. Олежку.

Друзья разлеглись на подушках возле столика. Ласковый теплый ветерок с мелкими капельками брызг обдавал мо-

лодых приятной прохладой. Вода в тихой заводи нет-нет возмущалась крохотными волнами, да редкими всплесками разыгравшейся рыбешки. Над водой носился рой мошкеры, за которой из воды выпрыгивала водяная мелочь. Лишь тихий всплеск, да расходящиеся круги по воде напоминали, что река живая. Ласковая ива склонила свои зеленые плети к воде, будто пытаясь их отмыть от бесконечной зелени и тины, которая успела налипнуть на гибкие ветви. Огромный тополь выставил напоказ свои чудесные толстые корни, которыми тайно гордился. Пусть загорают. Тихий шелест листвы платанов и эвкалипта убаюкивал своей патриархальной размеренностью. Где-то вдаль кричала во все горло маленькая пичужка, стучал головой о дерево дятел. Где-то в вышине поскрипывали стволы вековых дубов да корабельных сосен, будто жалуясь на ревматизм, который стал их бессменным спутником. Солнышко проглядывало несмело сквозь листву тихого оазиса, будто стараясь подсмотреть, что же делает подрастающее поколение, которой стоять у руля вселенной.

–Значит у вас все серьезно?– Спросил Мормон. Отец кивнул.– Ну, ладно, поздравлять сейчас тебя не стану. Поздравлю когда разведешься.

–Вот милый человек. И тебе спасибо на добром слове.

–Ну, за демографический взрыв,– поднял бокал Мормон.

–И за героя, а точнее, за инвалида сексуальной революции на Руси– Отца.– Вторил ему Басмач.

Друзья рассмеялись, выпили. Отец как оплеванный сидел

на мягкой подушке, наблюдая за возлияниями. Чего-то, а точнее кого-то не хватало.

– Пиначета нет, Басмач, ну-ка, слетай за медведем, он за меня сегодня пить станет. Пусть порадуется. Мужик не верблюд, ему пить надо.

– Сам придет надо будет. – Проворчал Басмач.

Из-за кленового куста нехотя вышел маленький коала. Отец зааплодировал, ему вторили остальные. Под негромкие аплодисменты вышел на свой бенефис маленький ленивый и до одури трезвый медведь. Пошатываясь, он подошел к столу и расположился на коленях у Суси.

– Здравствуй, здравствуй малыш, как поживаешь? Как твое ничего? – Потрепала коалу Суся.

Коала, словно не замечая ее ласки, полез дальше на стол, где стояли пустые стаканы. Он схватил один из них и розовым шершавым языком стал слизывать оставшиеся капли мексиканской водки.

– Не томи его, дай блюдце. – Сказал Отец.

Блюдце не замедлило появиться. Искрящаяся жидкость сверкающими пузырьками заполнила до краев посудину. Пиначет самозабвенно припал к краю.

– Все, отпустило его. – Сказал Отец.

– Ну пусть и нас отпустит, давайте, пустим карасика. – Мормон поднял свой стакан.

Друзья подняли свою тару, очень мало похожую на кубки, однако, веселящую также. Звон стеклянной посуды воз-

вестил всему лесочку, что было проглочено, по меньшей мере, граммов двести текилы, даже если не брать в расчет маленького коалу.

–Жалко, значит, в нашем полку скоро убудет.– Сказала Суся.

–Настася, перестань, чего ты несешь? Он через неделю к нам снова прибежит: налейте мне, налейте. Что мы его не знаем. В глотке пересохнет– про все на свете забудет.– Сказал Басмач, утирая рукавом лицо.

–Басмач, ты вон пей лучше, не говори чего не знаешь.– Отрезал Отец и добавил Сусе,– не потеряюсь я. Куда мне идти-то? Земля круглая, срастемся.

–Ты вроде как прощаешься.– Сказал Мормон.

–Сплюнь,– сказал Отец.– Я собираюсь жить вечно.

–Та же история,– сказала Суся.

–Тебе жить то осталось на два вдоха,– сказал Басмач задумчиво и фыркнул.– Вечно!

–Это ты как со своим хозяином разговариваешь? Знаешь что? Ты не открывай рот, смолчишь– за умного сойдешь.– Засмеялся Отец.

–Это я про то, что ты в такую историю лезешь. Там тебе не светит ничегошеньки хорошего. Отец, подумай сорок раз.

–Батеньки мои, кто заговорил-то.– Засмеялся Отец.– У тебя все ли ладно?

–Делай как знаешь. У Диогена однажды ученик его за советом пришел...– Начал, было, Басмач.

–Ты нам лекцию читать надумал? Спасибо, увольте. Умный любит учиться, а дурак– учить. Заткнись лучше.– Махнул рукой Отец.

–Да пусть расскажет!– Вставила Суся. Глаза ее разъезжались. Ослабленная лицевая мускулатура обнажила ряд белоснежных зубов.

–Пусть,– пожал плечами Отец.

–Так вот,– продолжал Басмач,– ученик Диогена надумал жениться, и пришел за советом к своему учителю, спрашивает, так мол и так, надумал я жениться, учитель, посоветуй, как мне быть. Диоген ему и говорит: знаешь, дорогой мой, поступай, как знаешь, только все равно будешь каяться. Любому.

–Ладно, чего там говорить, хочет человек жениться и осесть. А мы все вместе потом смеяться будем.– Улыбнулся Мормон.

–Да! Зубоскалить это вы все горазды.– Сплюнул Отец.

–Ну хочешь, мы за тебя тебе киндера сделаем? Чего проще?– Хихикнул Басмач.

–Нет уж, увольте, я сам. А то, что сразу папой не заложено, потом палкой не вобьешь. На себя посмотри. Глянь в зеркало, найди время. Жалкое зрелище.– Скривился Отец.

–Ты что-ли красавец? Тьфу.– Басмач нарочито громко сплюнул с зуба.– У тебя вон, как у латыша, сапоги да душа. Даже в оперативной группе не работаешь. Лениво? Ни бабе-свечка, ни черту– кочерга.

–Так интересно вы лагаетесь.– Развеселилась Суся.

–А пошел ты...– Надул губы Басмач.

–Смотрите, хомячок обиделся. Бог мой. Как это все печально.– Фыркнул Отец.

Вечерело. Друзья сидели на мягких подушках, смеялись, выпивали, мыли кости Рыжей, Отцу и всем, кого случилась судьба помянуть не к ночи. Тихонько мимо них пролетали бесценные секунды. Тени выросли, скрип стволов приутих, ветерок тоже замедлил свой бег. Листва шелестела уже не так весело. Солнце лениво сложило свою светлую голову набок, искоса подглядывая сквозь листву за заводью. Пичужка перестала орать, только где-то на другом берегу куковала одинокая кукушка, расточительно даря всякому год за годом.

Вечер. Живет он на одной улице с Утром. Вечер– веселый светлоокий паренек, вечно молодой и вечно пьяный. У него есть огромный дом, в котором он появляется только под утро. Вечер не любит ночевать дома. Он утомлен праздной суетой, и сидит каждый вечер у себя в кресле, попивая из витого бокала чудесные мечты. Он любит посидеть у себя в садике под сенью кленов и тополей, покурить ароматную трубку. Вечер дарит любому незабываемые минуты, ничего не требуя взамен. Он любит женщин и вино, он любит шумные горячие разговоры, он любит смех и веселье и готов этим делиться с каждым. Завистники пытались отделаться от веселого добродушного соседа, только ничего не получилось. Вечер дарит женщинам цветы, детям красивые разноцвет-

ные воздушные шары и ветряные мельницы. Влюбленным он дарит тенистые, закрытые от посторонних глаз, аллеи, густо засаженные сиренью. Старикам он преподносит алые закаты и мудрость. Девицам вечер раздает зеркала в резных оправках, юношам любовь и терпение. Вечер любит дарить подарки, он делает это от чистого сердца, с радостью. Он готов дарить еще больше. Вечер любит бродить по своему тихому садику. Он с любовью осматривает каждый цветок и любого жучка, даря им свою любовь и нежность. Он шепчет им ласковые слова, поет им песни и танцует. Иногда вечер выходит к берегу озера, около которого раскинулись его владения. Он выносит с собой раскладной стульчик с подлокотниками, садится и любит тишину и закатом. Когда стемнеет, он зажигает на небе звезды своим волшебным перстом, нежным как сон. И звезды послушно оживают на небосводе, повинувшись лишь легкому его жесту. Он провожает взглядом уток и перелетных гусей, которые устраиваются на его озере.

Порой вечер раздевается от зноя и духоты и плавает в вечерней прохладе аквамаариновой глади, плещется серебром чистой воды. Выйдя на берег, обернувшись огромным белоснежным махровым полотенцем, с ногами забравшись на стульчик, выкуривает ароматную сигарету и думает. Он думает, что все не так уж и плохо. Завтра будет новый день, и этот день обязательно войдет в историю, потому что завтра будет самый лучший день в его жизни. У вечера всегда хорошее настроение, только омрачает мысль о встрече с Утром.

Они не любят друг— друга. Вечер отдыхает от дневных забот и постанывает от удовольствия, раскачивая маленький раскладной стульчик.

Вечер очень любит свой дом, только ему не всегда удается посидеть в нем возле камина. Ведь вечером так хорошо сидеть у себя в саду. Лишь Дождик может прогнать Вечер с его любимого креслица в тени любимого сада. Тогда Вечер идет домой топить камин осиновым поленом и раскачиваться в качалке, любуясь Огнем и слушая его веселый треск. Огонь рассказывает Вечеру забавные истории о том, как Огонь был молод и бродил по затхлым пещерам первобытных пращуров. Вечер звонко смеется и подкидывает своему другу поленья.

Когда спадает жара, приходит долгожданная прохлада, когда стихии разбиваются о маленький забор Вечера, наступает тишина и спокойствие. Вечер включает радио и подпевает.

У Вечера большой винный погреб, в котором лежат разлитые по бутылкам спокойствие, которое пьянит своей тишиной, мудрость, которую суждено постичь не всем, любовь, которую не возможно почувствовать одному, уважение, которое не заслужить не любя. Вечер наливает себе бокал звенящей жидкости и маленькими глоточками вкушает блаженство. Говорят, Вечер не мудр. Это не правда. У вечера было много времени, чтобы осмыслить все происходящее. Просто вечер сильно устал, и еще Вечер очень добр.

Иногда Вечер, сильно захмелев, остается ночевать под околицей на лавочке. Его внимательно укутывает листва сирени и черемухи, чтоб не простудился, под голову ему кладут мягкую подушку из бархатных розовых облаков. Так он и спит. И только первый солнечный луч будит его домой.

А иногда Вечер просто сидит всю ночь напролет, наблюдая за движением вечных светил, которые радостно улыбаются ему. Большая Медведица машет ему лапой, и Вечер отвечает ей тем же. Овен иногда качнет с небес своим упрямством. Вечер простил его давно, ведь он его по-прежнему любит, что бы между ними не произошло. С огромным диким бараном у них были теплые отношения, только из-за своего упрямства Овен не остался навсегда с Вечером. Ну, да Бог ему судья. Время их рассудит. Нет— нет, Рак в своем долготерпении свистнет Вечеру, они любят друг друга. Они— братья. Огромная кошка— Львица, непостоянная как время, иногда мурлычет под любящим взглядом Вечера, порой она потягивается и зеваает, обнажая клыки, демонстрируя свою силу. Он любит и ее. Она ему— вечная подруга. От нее не скрыться, она его найдет везде. И дома и на работе. Он живет с ней не скучно. Не весело, но и не скучно. Она не даст Вечеру забывать, что она— царица. И светлоокому чародею приходится выколачивать пыльные циновки и коврики, вынося их из дома. Но это он делает с неохотой, и, чтобы не сердить венценосную кошку, улыбается. Весы тихо позвякивают тарелочками на тихом вечернем небосводе, словно

веселые китайские серебряные колокольчики, дарят Вечеру уют и любовь. И конечно Скорпион. Он— самый обожаемый и желанный. Он с вечернего неба посылает Вечеру воздушные поцелуи, и говорит, что он его любит. Скорпион как сын ему. Этот непослушный непоседливый сорванец с ободранными коленками любит резвиться на небесной сфере, доводя Вечер до оглушительного смеха. Он— радость великая. Он очень своенравен, непоседлив и доверчив. Скорпион не любит рано засыпать и просит Вечер рассказать ему сказку. Вечер охотно дарит ему избитую временем добрую историю. И под размеренный голос Вечера, Скорпион засыпает, укрытый одеялом, подрагивая во сне.

Иногда Вечер выходит в гости. А друзей у него много. Иногда они сами приходят к нему. Вечер и гости упиваются вечерней прохладой и первой луной. Они разливают по бокалам мечты и надежду. Иногда пьют большими глотками, жадно, стараясь не упустить и капли, а чаще медленно потягивают напиток из соломинки под тихий смешок и музыку. К Вечеру приходят сестры: Вера, Надежда и Любовь. Очень скромные и тихие девушки. Они приходят к Вечеру не за весельем, хотя иногда случается и такое. Они приходят к нему за утешением и советом, и Вечер охотно делится с ними. Гостем бывает и Умиротворение. Его светлая довольная улыбка очень радует Вечер, они очень хорошие друзья. Приходит к Вечеру и Забава с Удалью. Это очень озорные девицы. Они носят с собой фанфары и барабаны. Они очень громко

шумят. Это совсем не радует соседей, однако все с пониманием относятся к шумным выходкам сестер. Вечер приглашает гостей прогуляться к озеру, полюбоваться последними всполохами уходящего дня. Они берут к берегу своего друга Огня. Его прячут в спичечной коробке, и сдабривают его на берегу сухими поленьями. Они могут танцевать до утра на берегу. Они могут просидеть под веселый треск Огня всю ночь. И только первая улыбка дневного светила заставляет Вечер укрыться в своем доме.

К вечеру часто заглядывает соседка Ночь. Она молчалива и скучна. Она лишь заглядывает к Вечеру, но редко говорит с ним. И пусть, у нее своя жизнь.

—Ладно, пошел я. У меня дела все-таки.— Сказал Отец, поднимаясь с подушки.

—Отец, да ладно, давай посиди еще с нами, мы только разошлись.— Сказал Мормон, кидая в воду камень.

—Ну, Отец, нам без тебя лихо будет.— Добавила Суся.

—Басмач!— Позвал друга Отец.

—Чего тебе,— буркнул тот.

—Сделай мою копию, пусть с хлопцами повеселится, а мне пора.

—Копию. Это не то.— Поморщил нос Мормон.

—Не могу. Все, пока...— Покачал рукой Отец.— Сидите, кто вас гонит. А меня ждет любимая.

—Ну давай, семь футов под килем.— Крикнул Басмач растворяющемуся в зеркальной черноте Отцу.

Уходить не хотелось, он любил своих друзей. Они его тоже любили. Любили этого выходца из глубины диких веков, этого необузданного дикаря балагура и весельчака. Но идти было нужно. **ВЕЛИКОЕ МГНОВЕНИЕ** ждет. Ему ничто не должно помешать. Великое дело должно свершиться.

Очувившись в комнате с книжными шкафами, Отец увидел разложенную кровать и Рыжую, разметавшую волосы по подушке. Она приподнялась на локте и одной рукой схватила наклонившегося к ней Отца за шею.

–Ну чего ты так долго. Я уже заждалась. Ты что ли передумал?– Рыжая поцеловала Отца.

–Киска моя, я тебя люблю, как я могу? Завтра мы с тобой регистрируемся.– Отец ответил поцелуем.

–Иди ко мне.– Рыжая распахнула край одеяла, демонстрируя очаровательную свою наготу.

Отец не заставил себя упрашивать, мигом сбросил стеснявшие его одежды и кинулся в объятия любимой.

Они вспыхнули и растворились в любви и согласии. Они наслаждались друг другом, словно от этого зависели судьбы человечества. Они нежно касались друг друга, наслаждались музыкой и гармонией взаимного проникновения. Трепетно ласкали друг друга, испытывая уважение. Они любили друг друга и были счастливы. Между ними ничто не стояло. Были только они одни. Даже кошки с Рональдо не смели шелхнуться, дабы не нарушить таинство воссоединения. Даже ночь, смущенная ушла от их окон, оставив после себя яркие

алые вспышки и разноцветные круги. Вечер оставил их наедине. Он сделал свое дело. Рыжая была нежна и податлива, Отец был терпелив и настойчив. У них был ВЕЛИКИЙ ПЛАН, которому суждено осуществиться. Только он и она могли довести дело до конца.

Мириады маленьких клеток, где-то в глубине теплой плоти, забились, закружились и понеслись к заветной цели, о которой даже и не знали и никогда не видели. Другая маленькая клетка, окруженная двумя рядами услужливых нянек, ждала долгожданных гостей, о которых не имела никакого представления. Они встретились. Она выбрала самого нахального вновь прибывшего, который пробился сквозь блестящую корону, поцеловала его и пустила к себе. Они закружились в лихом вальсе, заворачиваясь теплее в скорлупку. Теперь они всегда-всегда будут вместе. Они теперь— неделимое. Они теперь— единое и целое. Они теперь жизнь. Вдвоем они проскользнули по теплой розовой трубе к ложу, там, где сорок недель они будут лежать и дожидаться своего часа.

Они лежали обнявшись. Сердце бешено колотилось в груди. В горле першило от долгих мучительных поцелуев. Щеки саднило. Они лежали молча, пытаясь прочувствовать великое мгновение, которое подарит миру надежду. Они ждали, что расступятся небеса и небесный горн запоет под радостный звон цимбал. Они любили друг друга, и не могли расстаться даже на мгновение, они не могли даже ослабить объятия. Минуты соединили их, стук сердец подгонял вели-

кое мгновение. Настань. Сегодня самое время. Завтра они объявят всему миру, что они— муж и жена. А сегодня пусть случится то, чего все долго ждали.

—Родная, я тебя поздравляю.— Прошептал Отец.

—С чем?— Удивилась Рыжая и так же шепотом спросила любимого.

—Сегодня ты забеременела и родишь мне сына!!!

Глава 2.

Отца вдавило ускорением в пилотское кресло. Тесный скафандр сковывал движения и без того скованные безумными перегрузками. Спасательный шлюп несся через порталы, основанные для транспортировки грузов через всю галактику. Цветные огоньки приборной панели мешали жить. В ушах стоял звон, в глазах плыли круги.

Усталый голос спрашивал Отца: на кой черт ему все это надо? Нужно бросить все и идти играть в футбол. Какой к идолу футбол? Отец ненавидит футбол. От него ноют колени и постоянный приторный вкус железа на языке. Пусть все футболисты убираются дальше отсюда. Он ненавидит бегать в толпе обезумевших людей в надежде ногой дотянуться до мяча. Глупо. Вот если бы теннис это другое дело. Здесь один, пусть даже такой крошечный мяч на двоих. Пусть лучше теннис. Сколько раз Отец обещал себе, что в теннис он научится

играть по-настоящему? Сколько? Миллион, миллиард, триллион? Много. Только что-то незримое мешает серьезно заняться этим благородным спортом. Выход один: теннис тоже к чертям. При чем здесь теннис? Рыжая— вот что имеет значение. А Рыжая что? Пуп земли? Катится и она к собакам. Нет. Так нельзя. Она ждет его малыша. Стоп. А куда все мы идем?

Отец огляделся. Ничего. Только серая пелена облаков, да зовущий голос. Вот здесь прошел Мойша. Славный кот. Куда ты девался? Где ты потерял свою серую куртку? Мойша ушел в лес. В лесу сейчас хорошо. Можно развести костер и погреться. Сейчас ужасно холодно. Нужно набрать поленьев и развести костер. Где же спички? Куда делись спички? Их унес Мойша. Зачем? Тогда нужно линзой собрать лучи солнца и заставить загореться. Где лупа? Куда делись очки? Что за чушь? Отец не носит очки, у него прекрасное зрение. Тогда чьи это очки? Дэн. Он носит очки. Это очки брата. Точно, это очки брата, который разбился на машине.

Мимо Отца в серой мгле пронеслась серая машина 528 ВАН, она свернула на повороте и угодила в дерево. Но брата там нет. Лишь аварийная сигнализация пищит так натужно и протяжно. Лишь дворники стучат размеренно тук-тук-тук. Это странное тук-тук-тук, оно сверлит мозги, будто дворники стучат не по стеклу, а по серому веществу мозга. Тук-тук-тук. Даже голова раскалывается от этого всепоглощающего тук-тук-тук.

Отец открыл глаза. Видимо он потерял сознание, от перегрузок. На аварийное ускорение спасательный шлюп отреагировал немедленной принудительной фиксацией своего пилота. Скафандр запахнул свое забрало и перешел в аварийный автономный режим. Тело фиксировало ремнями безопасности к пилотскому креслу, и это помимо гравитационного поля, смягчающего непредвиденные ускорения. По щеке из угла рта стекала кровавая слюна.

На приборной панели горели несколько Alarm-индикаторов. Основной гравикомпенсатор вышел из строя. Значит обратной дороги нет. Вспомогательные гравикомпенсаторы не выдержат таких же перегрузок. Значит, домой вернуться он не сможет. Дело плохо. Если они с Мормоном и Трибуном просчитались, его уже никто не спасет. Он так и будет вечно болтаться в бескрайних просторах космоса мумифицированный, до самого Большого Взрыва. Интересно, какие перегрузки он перенес? Учитывая, что основной гравикомпенсатор шлюпа может выдержать перегрузки до 200 G, антигравитационное поле шлюпа поддерживает до 50 G, пневмоподушка скафандра выдерживает до 15 G, естественный порог переносимости человека до 12 G. Какую перегрузку выдержал Отец останется навеки секретом. Много. Учитывая все охранительные устройства и приспособления, Отец потерял сознание и, наверное, находился на грани жизни и смерти.

В общем, он сам решился на это. Терять ему было все рав-

но нечего. На Земле его уже ничто не держало. Хотя нет. Держало. Сын. Маленький мальчишка, который еще даже не родился, он его держал. Вот поэтому Отец и выжил. Обратной дороги нет. Хотя нет обратной дороги в этом спасательном шлюпе. Шлюп может лететь. И лететь достаточно быстро. Вот только без гравикомпенсаторов он не сможет вернуться домой, доставив Отца живым. Может все разрешится в лучшую сторону. Поживем, увидим.

Отец посмотрел на приборную панель, теперь он мог двигаться. Он включил SMART– систему шлюпа. Self monitoring, analyzing and reporting technology, проверив все системы жизнеобеспечения и управления полетом, доложила Отцу, что герметизм шлюпа не нарушен, и что можно перейти на маршевый режим полета. Инструкция гласила, что после SMART системы, пилот вручную должен проверить все характеристики. Отец плюнул на эту инструкцию. Все равно шлюп– ворованный. Гаишников здесь нет. Пусть катятся ко всем чертям со своими инструкциями. Не дают нормальному парню жить.

Отец поднял шлем и вздохнул полной грудью. Легкие обжигало, каждый вздох давался с трудом, будто его избили батогами. Отец оттер со щеки уже успевшую запечься кровь. По плану полета ему предстояло провести в этом шлюпе еще неделю. Он преодолел все технические порталы, не предназначенные для пассажирских транспортировок, и теперь находился в открытом космосе далеко от ближайших нуль-

транспортных ворот. Топлива ему не хватит, чтобы затормозить и развернуться. А разворачиваться без остановки на такой скорости без гравикомпенсатора— смерть, да и займет уйму времени, достаточную, чтобы умереть от голода. Выход один— продолжать полет по намеченному плану. Загруженный в бортовой компьютер план полета должен был привести его к цватпахам через неделю. Тормозить он будет о приближающиеся планеты и планетоиды, используя силу притяжения, а остатки топлива помогут ему совершить посадку на планете. Скорость субсветовая. Лететь долго, тормозить трудно. В общем, жизнь интересная.

Отец отстегнул фиксирующие ремни и встал. Шлюп— очень маленькая посудина. Она не предназначена для долгого и нудного пилотирования, она не предназначена для перевозки грузов, она не способна выдержать массивную атаку астероидов и метеоритов. Шлюп не оборудован генератором конверторного пространства. Он нужен лишь для того, чтобы пилоту дать возможность надеяться на лучший исход его космического плавания. Отец прошелся по шлюпу. Четыре шага туда, четыре назад и два пилотских кресла. Кормовую часть шлюпа занимало некоторое количество оборудования, которое могло бы ему понадобиться. Портативный компьютер с дисками его конверта, некоторые технические данные в различных областях науки. Они содержали урезанную универсальную базу данных, сведения о его родных и близких, как из тихого двадцать первого века, так и о новых его дру-

зьях. Рядышком стоял контейнер с голографическим проектором, как часть его плана. Генератор иллюзий. Примочка небольшая, скорее игрушка. Так, на всякий случай, может пригодиться. И так по мелочи. Еда, банки с соком и водой, платформа биотуалета, в которой жили особенно злые микробы— копрофаги. Фильтры для воды и углекислоты. И куча других мелочей, которые взял Отец так, чтобы хоть что-то было.

На память с Земли Отец прихватил несколько камней, подаренных Рыжей. Камни обычные: розовый с белыми вкраплениями, зеленоватый, корявый, как сама жизнь с черными пятнами, да серый невзрачный обломок некогда могучей гряды Уральских гор. Галька, которой много на берегу великой реки, теперь в тысячах световых лет от уютной маленькой планеты выглядит, словно кусок дома, обломок сердца, оставленного на далекой любимой планете, как что-то близкое и родное, пусть и навсегда утерянное. Отец разложил их на ладони. Их отдала Рыжая. Она босыми ногами ходила по берегу реки и доставала камни прямо из воды. Когда они были мокрые, они были особенно красивые. Розовый был таким розовым, что сама роза заплакала бы от зависти, насколько чисты и свежи были краски, а зеленый— был словно угловатый, неграненый изумруд. Он сверкал и искрился в лучах родного солнышка, он лежал на мокрой от речной влаги ладони любимой и казался самым дорогим камнем на свете, достоянием всего человечества. А серый, словно непо-

стижимая загадка: такой ровный и красивый, что впору плакать. И вот они высохли. Розовый— дрянь, зеленый— ужас, а серый— серость. Только Отец все равно их положил себе в карман. Так, чтобы помнить об этой прогулке, когда он лежал на молодой травке, а по воде ходила Рыжая, такая родная и любимая, к тому же еще и беременная. Река медленно катила свои воды к Каспийскому морю, волны тихо шелестели о прибрежную гальку. Рыжая ходила по реке, засучив по колени брючины и улыбалась. Они были счастливы. Они любили друг друга. Все было здорово.

Отец побродил по шлюпу. Делать было нечего. Включенное бортовое освещение кораблика гасило все звезды, проплывающие мимо. Казалось, что шлюп стоит на месте. Двигатели выключены, шлюп летел по инерции с уже приобретенной скоростью. Нужды для дополнительной работы двигателя нет, да и топлива мало. Отец ходил взад и вперед, растирая руки и ноги. Особого смысла эти движения не имели, коль скоро Отец был облачен в скафандр, то и потирал он жесткую чешую своего космического наряда. Но было все равно легче. Затекшие ноги постепенно обретали былую чувствительность и подвижность. Пожар в легких гас. Гравитационное поле работало. Большие перегрузки не повредили его, это уже утешало. Неделю находиться в невесомости не ведая верха и низа— занятие не из приятных. Одно дело ради удовольствия повисеть вверх тормашками полчаса, другое дело справлять физиологические отправления или спать.

Отец уселся снова в пилотское кресло и придавил освещение. Медленно возвращалось сумеречное зрение и за носовым иллюминатором поплыли звезды. Одни были маленькими и двигались медленно, другие, что находились рядом, были большими и неслись, словно блохи. Другие лениво в скоплении проплывали в стороне.

—Компьютер, где мы находимся?— Спросил лениво Отец.

Бортовой мозг разразился таким длинным рядом цифр и пространственными характеристиками, что Отец ухнул от удивления.

—Покороче можно?— Попросил Отец.

—Борт идет согласно летному плану. Ожидаемое время окончания полета около ста пятидесяти часов. Находимся в...— Машина выдала ряд чисел несколько короче, чем в прошлый раз, только это ничего не говорило Отцу.

Карту родной галактики Отец не мог знать, поскольку она чертовски велика. Да и нужный сектор ее не отличался принципиальной компактностью, позволяющей хоть немного в нем ориентироваться. Отец положился на вычисления бортового мозга. Другого выхода все равно не было. Отец достал из загашников операторский шлем, натянул его себе на голову и провалился в базу.

Он сделал копию своего сознания, которая весила всего—ничего, по сравнению с глобальной базой. Теперь можно было пережить снова и снова самые теплые и светлые минуты его жизни. Картинки не теряли своих красок и ощущений,

вот только их нельзя обновить или что-то изменить. Да и к чему менять свою жизнь? Она, в общем, и нужна, чтобы совершить все ошибки, которые необходимо совершить, чтобы потом на старости лет было можно их вспомнить с улыбкой, или поделиться своим опытом с внуками. Целую жизнь все равно не перекроить. Она такая—какая есть. Жизнь—это чередой понимания и негативизма, желаний и отвращения, веры и разочарования. Говорят, жизнь похожа на зебру. Черная полоса сменяет белую, белая черную. Затем черная снова белую, а потом снова черная полоса берет свои права, а в конце—хвост.

База проектировала свои картинки непосредственно в мозг, поэтому можно было себя не утруждать материальным благоустройством. Начал Отец устраиваться. Сначала он поместил себя близ Астрахани на берегу великой Русской реки. Воздвиг маленький уютный домик, который напоминал небольшой туристский отель на двадцать персон. Венчала домик уютная светлая мансарда. Небольшие белые колонны подпирали балкончик с балясинами. Вокруг домика Отец устроил сиреневый сад, обнесенный веселеньким зеленым заборчиком. На ветках сиреневых кустов скакали веселые пичужки. Отец никогда не был в Курске, только слава о тамошних соловьях вынудила Отца распорядиться, чтобы птички были непременно соловьями. Он даже отдаленно не помнил, как звучат их веселые трели, посему пичужки достаточно сносно визжали на разные голоса, распевая много-

голосьем «Подмосковные Вечера».

Вдоль забора вилась проселочная дорога, усыпанная речным песком, уходящая прямо к Великой реке, вдоль которой стояли маленькие утлые домики харчевен, в которых подавали сомовые котлеты и пельмени с осетриной. На берегу реки Отец побросал рыбацкие катера, на которых в течение долгой недели полета в космосе, он мог бы порыбачить.

Устроившись на втором этаже мотеля, Отец приказал базе устроить на столе, на балконе кегу с пивом. Посмотрев на нее скептически, он решил, что пива сегодня не будет. Кега исчезла, и на столике белого пластика появился поднос с еще дымящимся шашлыком из розовой мякоти осетрины. Вдыхая аромат рыбного деликатеса, Отец опустил в плетеное кресло-качалку, и, покачиваясь, принялся снимать горячие кусочки большой рыбы с шампура, обмакивать их в соусе из мертвых помидоров и отправлять в рот. Полет в космосе черти знают где, черти знают куда и зачем, становился сносным. Где-то за пределами его сознания мимо маленького спасательного шлюпа проплывали мириады миль космического пространства, начиненного космическими лучами, радиацией неведомых звезд, пылью давно убиенных планет, кусками некогда целых планетоидов и комет. А он сидел на маленьком балкончике с лаковыми деревянными балясинами и поедал горячий шашлык, любуясь на прелесть сиреневого сада, под визжание маленьких птиц на берегу великой матушки— Волги.

Так можно жить. Пусть его трапеза не имела ничего общего с насыщением организма незаменимыми аминокислотами, зато удовольствие было настоящим. При выходе из базы нужно будет обязательно похлебать какой-нибудь кислятины из банки, заедая ее сухарями из пайка шлюпа. Одними иллюзиями сыт не будешь. Сейчас его волновало другое. Нужно было скоротать время. Неделя полета в узкой посудине, в которой можно сделать только четыре шага вперед и четыре назад, времяпровождение, которое нельзя назвать очень уж полезным. Лучше так. Можно было конечно задать программу сна на все время полета. Но что за радость проспять неделю, когда можно себе устроить небольшой пикник или выход на берег большой реки под Астраханью.

Жаль, что сюда не позовешь Рыжую. Можно сделать и ее копию, которая была бы ласкова с ним и послушна. Только фальшь станет очевидной спустя очень короткое время. Да и не готов он был снова ее увидеть. Слишком много она значила в его жизни, чтобы можно было издеваться над светлым и любимым образом. Отец простился с ней навсегда. Он знал теперь со всей ясностью, что ему с Рыжей не по пути. Он признавал, что Рыжая все решила за него, что она одна будет растить их маленького сына, которого она назовет не так. Бог ей судья. Он простил ее. У сына будет чудесная мама, добрая и отзывчивая бабушка, готовая к его услугам в любую секунду. Мальчик не будет голодать и не будет оборванцем. Вот только папы у него не будет никогда. Так решила Рыжая.

Прошло немного времени после той ночи, когда его сын стал реальностью. Рыжая до последнего момента не могла поверить, что с первого выстрела у них получится сын. Отец ее убедил. А еще больше убедило сканирование, которое стало доступно с введением единой централизованной базы данных и с выходами, которые каждый раз сканируют тело, стоит только через него пройти. Затем заключение врача, после недолгой процедуры обследования окончательно убедило Рыжую, что у нее растет маленькая жизнь. Трогательные минуты, проведенные вдвоем, были усилены регистрацией брака. Они поженились. Они ходили выбирать золотые кольца, которые надели друг другу на безымянные пальцы в присутствии официальных лиц. Они гуляли по берегу реки, разделившей Евразию задолго до начала времен. Они собирали разноцветные камни с прибоа. Они катались на карах, опускаясь низко к воде. И разноцветные брызги воды, вздымаемые кормой маленькой летательной машины, очень веселили Рыжую. Ее звонкий голос весело звучал на водных просторах, пугая коричневых жаб, засевших в прибрежных камышах.

А потом Отец устроил ее в больницу— пусть полежит, наберется сил, отоспится, отъестся. Помог ему устроить любимую его давний дружок— Дексаметазон. Его связи простирались не только в зеленых джунглях Адло, но и на Земле. Прощаясь, Рыжая попросила у Отца винограда. Мотивировала она желанием маленького сына, еще не рожденного и

пока очень маленького, растущего где-то в недрах ее любимого тела.

—А щеки у тебя не треснут с винограда?— Участиливо спросил Отец.

—Сашка, как ты можешь такое говорить любимой женщине?— Рыжая шлепнула его шутя по пятой точке.

—Я же за тебя волнуюсь.— Убедительно вещал он, стоя с Рыжей в комнате свиданий больницы.

—Я хочу.— Топнула Рыжая ногой.

—Ладно, я вот тоже хочу, да молчу.— Отец снова увернулся от оплеухи.— Может еще чего?

Рыжая отрицательно покачала головой.

—Виноград— уж больно реактивная пища, задохнешься потом.— Спросил он.

—Не задохнусь, не бойся.

—Как не бояться, еще и сына отравишь. Я знаю, с винограда да тяжелый выхлоп. К бабке не ходи.

—Иди уже.— Легонько толкнула Отца Рыжая к выходу.

—Я тебя люблю.— Сказал Отец.

—И я тебя люблю.

—Я первый сказал.

—Я первая подумала.

Они обнялись, поцеловались, еще раз обнялись и снова поцеловались. Отец ущипнул ее за выпуклость, которую у Рыжей он почитал больше всего. Она его еще раз шлепнула. Потом они обнялись и поцеловались.

–Я тебя люблю.

–Нет, это я тебя люблю.

И Отец пошел за виноградом, скользнув в черную гладь выхода. Они договорились, что Отец придет завтра. Так они виделись в последний раз.

На другой день, сотворив виноград в органическом синтезаторе, Отец захватил заветный кулек и пошел на свидание к любимой. Он думал: зачем ей виноград? Каждая больничная палата оснащена стойкой органического синтезатора. Неужели она сама не смогла себе синтезировать виноград? Или это— прихоть беременной женщины, которой доставило удовольствие наблюдать за исполнением первого ее желания? Отцу это никогда не узнать.

С кульком в руках он вернулся в больницу. Рыжей не было на месте. Интерком молчал. Он пробрался в ее палату. Рыжей не было. Ему пришлось выслушать мнение медицинского персонала о своей особе, которое оказалось к вящему удивлению Отца неутешительным. В конце тирады медицинская сестра сообщила новобрачному, что его суженая убежала ненадолго к маме. Отец решил не дожидаться любимую в казенном доме и обратился к средствам связи.

Когда на экране телевида показалась злобная физиономия маман, Отец спросил относительно местоположения Рыжей. Та в коротких и хлестких, как вожжа, выражениях объяснила куда ему следует пройтись.

–Где она? Не доводите до греха, ответьте.— У Отца от зло-

сти сжались кулаки.

–В ... В больнице, где ж ей быть. Сам ее туда утолкал, ма-
ниак.– Ехидно усмехнулась маман.– Дура, стольким жени-
хам ради тебя отказала.

–Нет ее в больнице, мне сказали, она к вам пошла, -скри-
пел зубами Отец.

Он разговаривал с телевида, устроенного в комнате свидан-
ний, и можно было предположить, что его слышит, по край-
ней мере, половина больницы.

–Нет и нет. Вам в калашный ряд и хода нет.– Добавила
маман, поблескивая слюной в уголках рта.

–Это типа вы на face намекаете?– Спросил Отец.– А сами
то смотрелись в зеркало?

–Все, не звони больше, видеть тебя не могу.– Сказала ма-
ман, и синий логотип оператора навсегда скрыл милый лик
его горгульи.

Больше он никогда не видел злобную маман. Никогда
больше ему не довелось увидеть и Рыжую. Эти две амазонки
поместили распоряжение в базе, запрещающие доступ в дом
и доступ связи Отцу с любого терминала выхода и телевида.
На частые звонки с разных мест сухой баритон компьютера
твердил, что ему, Отцу, отказано в доступе. Каждый выход
пропускал Отца через себя не перемещая, стоило было ему
заказать конечную станцию– Рыжую. В оперативной группе
она не появлялась, где Отец стерег ее дни напролет. Видимо
она из дома выходила в базу, для работы с группой аналити-

КОВ.

Выходя в базу, Отец не мог соединиться с ней ни в каком виде, даже пускаясь на ухищрения. Лишь смешил соглядатаев, парящих в просторах электронной всеведущей базы, да заставлял девиц, любительниц любовных сериалов, внимательно слушать его стенания. Просьбы и требования к Рыжей выйти на связь он иногда сдабривал ухоженным среднерусским диалектом, чем вводил в краску несносных девиц и восхищал рафинированную молодежь.

А когда он понял, что Рыжая больше не его, что она по-настоящему никогда его не была и никогда впредь не будет, он провел ближайшую неделю в запое, за это время он похудел и сам, и заставил похудеть Пиначета. Ему пришлось воскресить из небытия Нюру, которая, по известным причинам, не заметила своей долгой отлучки. Когда же она ему надоела, Отец заставил всезнайку Басмача стереть ее вновь.

Затем пошла черед новых девиц, которых он заставлял кувыркаться в бетаку на берегу тихой заводи. Часть из них были плодом его виртуальных фантазий, реализованных в конверте Басмачом. Часть из них он заташил из реального пространства. Знакомился где придется: на улице, на Луне, где тоже бывал нередко, в оперативных группах, куда был вхож. Отец пускал в ход свой прием, от которого решил воздерживаться. Он пускался в разные авантюры, чаще любовные, чтобы затащить в постель доверчивых дам.

В конце и это ему наскучило. Отец про себя навсегда по-

прощался с Рыжей. Он попросил судьбу больше никогда не сталкивать их даже на расстоянии в сотню световых лет, и принялся обдумывать создавшееся положение.

Уже много времени прошло с тех пор, когда он летал в обществе зеленых крокодилов рядом с глупой птицей по сайтам Интернета, с тех самых пор, как его похитили Декс & К, с тех самых пор, как он поселился в своей общаге на берегу тихой заводи и бетаку. Непостижимые Инвизы не отвечали на земные вопрошания. Какого черта им нужно от него? Руководители программы больше не тревожили Отца своими просьбами поделиться сокровенными мыслями. Они так же не обещали Отцу вернуть его в свой мир, пусть даже в последнее время Отец и не докучал их своими просьбами, коль скоро он был увлечен войной с Рыжей и ее несносной маман. Теперь пришло время их поторопить. С Рыжей конечно. Прав оказался все-таки этот виртуальный чистюля Басмач. Верны были и его чертовы алгоритмы. Не быть Отцу с Рыжей, прав и Мормон. Значит нужно убираться отсюда.

Нужно проверить эту чертову теорию о похищении брата. Может несчастный Дэн томится у технократов– пингвинов. Очень много тайн. Почему Инвизы требуют Отца? Может они требуют Дэна? Может быть. Очень может быть. Дэн пропал из машины. Предположить, что Инвизы из параллельного пространства украли Дэна в ту минуту, когда машина врезалась в дерево? А может они его выкрали немного раньше, что машина без водителя съехала с трассы? Это

объясняет отсутствие тела на месте аварии. Тогда при чем эти Цватпахи? А может это всё совпадения? Отец не верил в совпадения. По его твердому убеждению совпадение— часть умышленного плана, тем более, если совпадений очень много. Цватпахи экспериментировали со временем, и резонанс мог докатиться до Земли. Что если они как-то неудачно увели Дэна, что он мог оказаться в каком-нибудь диком времени в открытом космосе или на звезде? Печально. Это значит... а если подумать— нет. Дэн окончил институт. Значит, он вернулся на Землю. Может его Цватпахи вернули уже? Ведь было всего два несанкционированных темпоральных возмущения.

Отец, прогуливаясь по тенистым улочкам Армстронга, размышлял. Решено. Нужно проверить базу данных Цватпахов. Возле их звездной системы крутится несколько спутников Конфедерации. Собирают космическое досье на космических хулиганов, которые сунули свой нос в тайны мироздания гораздо глубже, чем им положено по штату. Где взять базу? Он снова на Луне, а это значит, что доступ к правительственным данным для него закрыт со всех гражданских терминалов.

Плутон. Мормон говорил ему, что его знакомый хакер работает на Плутоне. Значит нужно к нему.

Придя к себе в номер, Отец набрал Мормона.

—Привет, дорогой.— Поздоровался Отец, стоило на экране появиться другу.

—О, Батюшка, рад тебя видеть, и тебе привет.— Сказал Мормон.

Позади него на экране виднелась османская зала, с которой его друг не желал расставаться. Даже черные мавры с золотыми браслетами с опакалами в руках находились на том же месте, где их расставил Отец. Мормон не затруднил себя одеванием шаровар и картуза, и бродил по турецкой зале в одних трениках на босу ногу.

—Мормон, ты где?— Спросил Отец. Вопрос не показался неуместным, учитывая, что такую обстановку Мормон мог создать в любом месте, где есть конверт, или находясь в базе.

—Здесь,— Мормон окинул взглядом залу.

—Поговорить нужно, давай срастемся где-нибудь.— Попросил Отец.

—Легко, я у себя в общежитии, ты я гляжу на Луне. Нульни ко мне, я один.— Кивнул Мормон.

—О'к.— Бросил Отец.— Компьютер, выход.

Буквально через долю секунды Отец выпал из черного выхода в османской зале, где на подушках разлегся Мормон, принимая из рук восточных красавиц чашу с шербетом. Друзья обнялись.

—Все знаю, ничего не говори.— Кивнул Мормон.

—Да я не про это. С Рыжей— все. Ну ее к лешему. Точка. Просто собрался я на Плутон. Хакер твой нужен. С ним меня познакомь.

—Что удумал? На кой лят тебе на Плутон?— Удивился

Мормон, отхлебывая шербет прямо из чаши.

–Собственно говоря, есть кое-какие соображения.

Отец поведал свои домыслы касаясь брата, Цватпахов, Инвизов, которых, как и правительство, никто никогда не видел, зато все пострадали.

–Вот так-то. Нужно в базу залезть, да у Цватпахов разведать, не у них ли мой братец. Может его выручать нужно?–
Пожал плечами Отец.

–Ясно. Давай так. Я ему наберу сейчас, переговорим, подумаем. Может и на Плутон лететь не придется. Может он тебе на мыло сбросит все что узнает. Короче, с ним сначала решить все нужно.– Сказал Мормон, утирая рот голой ладонью. Отец кивнул.

Пока Отец прогуливался по зале, Мормон прикрыл глаза, отправляясь в базу, гордость человечества и парасексуальных инопланетных собратьев. Девчонки бегали вокруг него, крутя оголенными бедрами и грудями. Прозрачные туники нимало не скрывали прелестей восточных дур, а маленькие стеклянные подвески на воздушных лифах завораживали, не позволяя отвести от них взгляда. Отец, уставший от беспутной половой жизни, жестом разогнал стайку девчонок. Те убежали к Мормону, а пара– тройка неслушниц закружили вокруг мавров, соблазняя чернокожих стражников своей похотью.

Мормон открыл глаза.

–Все, я с ним сконнектился. Он на Плутоне. На Харон не

собирается. Вроде пробурили там скважину какую-то. Поезжай к нему, скажешь, что от меня, обсудишь все с ним на месте.— Потянулся Мормон.

—А ты со мной не поедешь?— Расстроился Отец.

—Да денег на счету уже нет, туда катер брать нужно.— Развел руки Мормон.

—Перестань. У меня достаточно средств. Поехали вместе. Ты на Плутоне был?

—Был один раз, давно. Делать там нечего. Холодно, вакуум, темно, как у негра в желудке.— Махнул Мормон рукой.

—Так и поехали. Кстати, где катер брать?

—Можно на Марсе, можно на Титане. Только на орбитальной базе. Их, катеров, там, как грязи.— Ответил Мормон.

—Ну что ж, поехали на Марс. Деньги позволяют. Все пучком будет, обещаю. Поехали.— Умоляюще запричитал Отец.

—Ну ладно ты от Рыжей своей едешь, а мне-то чего там делать?

—Да найдем чего. С девочками познакомимся, ежели хочешь.— Широко раскрыл глаза Отец, пытаясь убедить друга. Мормон потупил взгляд.

—Отец, тут дело такое. Если быть кратким, я походу тоже влюбился. Такое вот дело.— Покивал он.

—Да ну... вот ... дела... Кто такая?— Удивился Отец, что перестал кружить по зале. Даже девчонки притихли и оставили крутить бедрами.

—Пальма.— Еще больше потупил Мормон взгляд.

–Врешь,– Отец чуть не подавился со смеху.– Мормон, перестань врать. Тебе это не к лицу. Ты же не Басмач.

–Вот в том-то все и дело. Влюбился, даже сам от себя такого не ожидал. Так, позажигали пару дней, чую, жить без нее не буду. Такая вот беда...

–Это я понимаю. Надоело одному спать? Или стало вдруг холодно в постели?– Довольно спросил Отец.

–Тут другое. Короче любовь– морковь.– Виновато сказал Мормон.

–Ну, ладно, значит, без женщин, так даже лучше. Где баба есть, там черт не нужен. Поехали, прокатимся на Плутон. Кстати, сколько туда лететь?

–Если с Марса, то часа три. Если с Титана или Европы, меньше. Час– полтора.

–А почему туда нульнуть нельзя?– Спросил Отец.

–Как нельзя, можно. Только планета-то техническая, туда можно по правительственным каналам, да прямо на техстанции. Засекут. Нам так нельзя. Мы в качестве прогулочной мисси, официально, так сказать, заявимся.– Мормон попил шербет, встал и тоже стал прогуливаться по тихой прохладе османской залы. Девчонки побежали за ним.

–Так, значит, едем?– Спросил Отец.

–Ну, если ты банкуешь– едем. Да, с тебя тогда пиво.– Кивнул Мормон.

–А кто за рулем будет?– Удивился Отец, навыков вождения катеров у него не было.

–Автомат.

На том и порешили. Автомат за рулем, значит сам Бог велел пиву литься рекой.

–Тебя не потеряют?– Вдруг озаботился судьбою друга Отец.

–Не успеют. Я им сообщение пошлю, что буду выходить с ними в базу с другого терминала, все пучком.– Махнул рукой Мормон.

–Ой,– взялся рукой за сердце Отец,– Мормон, от сердца отлегло, я-то думал, что тебя искать по всей вселенной будут.

–Не станут. Статус еще не тот. У нас пока тишь да гладь, да Божья благодать.

–Ну что, тогда полетели? – Спросил Отец, Мормон кивнул.– Компьютер, выход.

Черный охальный глаз выхода явил себя, поблескивая при блеске восковых свечей, и проглотил обоих друзей. Компьютер в доли секунды высчитал положение красной планеты, рассчитал все энергозатраты на дематериализацию и рематериализацию двух тел, жадных до алкоголя и Марса, размазал их тонким слоем по прямой, соединяющей две планеты, а за одно не забыл слизать на счет конфедерации кругленькую сумму со счета Отца. Другой такой же черный блестящий, но уже Марсианский выход выплюнул их в широкий холл космовокзала.

Огромный зал потрясал своими размерами любого, кто впервые вступал на суверенную территорию красной плане-

ты. Выполнен он был в форме купола, отделанного в зеленых тонах. Стены его были выложены из малахита, минерала, которого не было на Марсе со времен создания вселенной. Создатель распорядился так, чтобы зеленый минерал радовал глаз своих непоседливых сынов на родной планете. Но вопреки желанию Его, малахит вырыли из земли, отшлифовали, придали форму и отвезли на Марс, где зеленый цвет никогда не был родным. Местами малахитовая отделка, делясь своим местом, уступала пространство черным выходам, терминалам компьютеров, мониторам, ходам коридоров, телекоммуникациям и прочим плодам цивилизации. Пол, напротив, был выложен красным. Такие же шлифованные плитки яшмы, разлинованные природой белыми волнами, теперь были попираемы целыми толпами народа с разных уголков этого сектора галактики. Миллион шагов одновременно отдавалось на малахитовой поверхности зала, эхо которых терялось и глохло где-то в вышине.

На полу в больших широких кадках росли огромные пальмовые деревья. Некоторые из них пронзительно цвели, источая тонкий аромат, заглушенный с разных сторон потом, соплями и космической пылью. Другие нехотя желтели в ярком искусственном свете, даря яшмовому полу сухие обрывки некогда живой листвы. Змеевидные лианы распластались на закругленных стенах зала, цеплялись за выступы и искусственные опоры, тянулись ввысь, словно мечта карлика. Ленивый и прожорливый плющ не отставал от лиан, окутывая

огромные пространства стены своими замысловатыми хитро-сплетениями стеблей и листьев.

В центре зала блеснул в своей непокорной красоте фонтан, пронизанный тысячами разноцветных лучей, освещающих воду из скромных мест. Это придавало фонтану особую феерическую нотку, которая не смогла бы тронуть сердце только мороженого якута, хотя и у того было мало шансов. Похотливая длинноволосая нимфа белого мрамора с арфой в руках, с едва прикрытой наготой морской пеной, выходила из центра фонтана, нестыдно являя миру свои прелести. Быть может, она была всего лишь свидетельством нереализованных сексуальных фантазий мастера, ваявшего ее? Пусть так, только все одно было красиво. Отец подумал, что у местных Церетели с воображением как-то не все в порядке. На Луне— Афродита в пене, на Марсе— нимфа в той же пене, только с арфой. Или здесь все помешанные на голых бабах, или с этим миром кардинально что-то не так, и где-то, когда-то произошла поломка в развитии человечества, по сему сейчас все летит к чертовой матери. Нужно что-то делать. Только потом.

Огромные пустоты окон пропускали сквозь себя лучи далекого светила. За окнами виднелась необъятная площадка технических позиций. На поле стояли стремительные звездные странники— корабли, небольшие катера, маленькие яхты, шлюпы. Вдали виднелись остроносые крейсера, окрашенные в черные и желтые полосы. Пограничники, подума-

лось Отцу. Расстояние нимало не умаляло их размеры, напротив, великое познается лишь на расстоянии. Рвущиеся в пространство острые носы, бортовые поворотные и маршевые двигатели, закрепленные на консолях кормы и пилотажных крыльев, словно кричали: отпустите нас подобра, стоять на месте— мука.

Друзья подошли к окнам, наслаждаясь видом огромных космических машин, испытывая гордость за безграничный полет конструкторской мысли, создавшей такие колоссы.

—Ух ты... как это все не падает?— Удивился Отец.

—А с чего оно все упадет? Ветра здесь умеренные, осадки редкие...— Заявил через плечо Мормон.

—Какие к чертям осадки. На марсе нет воды.— Махнул рукой Отец, решив, что над ним потешаются.

—Батенька, мы с тобой не в каменном веке. Атмосфера натурализованная, дышать можно. А воды на Европе столько, что можно Солнце потушить, и напоить всю вселенную, родной.— Улыбнулся Мормон.

—Про каменный век это ты здорово сказал, туше. Только Солнце давай в другой раз тушить будем. Нам бы свой пожар в глотке пивом залить. Слушай, а что здесь притяжение земное, Марс ведь, чуть больше Луны?— Удивительная догадка ошпарила Отца.

—А ты только с вокзала выйдешь— скакать как тушкан будешь. Кстати, не расшибись, ладно хоть сам напомнил. Здесь искусственное притяжение. Вон, смотри, мужики по позици-

ям слоняются.— Мормон пальцем ткнул куда-то вдаль.

По полю, рядом с техническими роботами и автотележками, семенили два мужика. На Земле можно было подумать, что у обоих тенезмы, что они боятся сделать резкое движение, чтобы не наделать конфуза. Движения были мягкие и размеренные, казалось, что они плыли по поверхности, но никак не вышагивали маршем. Низкое притяжение обязывало быть осторожным с силой, которую им подарила родная синяя Земля.

Отец кивнул. Мужики были одеты в легкие комбинезоны. Дыхательной или вспомогательной аппаратуры не было, что положительно свидетельствовало о том, что они дышат сами, если принять во внимание, что они не зомби и не анаэробы.

По периметру зала, по воздуху, катилась бегущая строка, аналогичная той, что Отец видел на Армстронге. Бежали голографические цифры и буквы, переливаясь всеми цветами радуги, а возможно еще и в ультрафиолете и в Рентгеновском диапазоне. «Хайнлайн» гласила надпись, всем, давая понять, что так назван Марсианский город. Нет-нет беззвучно вспыхивала панорама города, ее пейзажи и рекламные ролики кофеен и бутиков. Голографические картинки снова сменялись бегущей строкой.

—За бортом 12 градусов Цельсия. Не густо. Загар не прилипнет.— Шептал про себя Отец.— Слушай, Андрюха, а какого дьявола тут так холодно?— Отец повернулся к Мормону.

—И так экваториальная зона, на полюсе вообще не жар-

ко...– Начал, было, Мормон.

–Да уж и здесь не баня.– Вставил недовольный Отец.

–Ты предлагаешь по всему Марсу батарей наставить? Или передвинуть ее на орбиту поближе к Солнцу?– Ухмыльнулся Мормон.

–Да нет, здесь пусть вертится,– пожал плечами Отец.

–Ты сейчас привыкнешь. Понравится, так еще и сам разденешься.– Ухмыльнулся Мормон.

Вот он и Марс. Отец не мог поверить своим глазам. Вот он стоит на красной планете, о которой в его время еще только мечтали. В тихом двадцать первом ученые только вели разработки о первом посещении таинственной красной планеты. Еще только ставили эксперименты о выживании будущих космонавтов в условиях первой межпланетной экспедиции. В тихом двадцать первом, когда на Луну слетало лишь несколько человек, на Марс спускались только пилотируемые с Земли роботы. И вот он стоит на красной планете, от которой человечество ждало разрешения многих загадок. Здесь отпрыски Земли надеялись найти жизнь, пусть самую простую, не говоря уже о разумной. Эта планета должна стать вторым прибежищем землян, когда родная синяя планета окажется перенаселенной.

За широким окном, вдали за посадочными плитами космодрома виднелись марсианские пески, о которых спорили и мечтали миллионы умов в тихом и диком старом двадцать первом веке. Отец смотрел на них с восхищением. Он– зем-

лянин, посетивший Марс. До него в далеком прошлом об этом мечтали лишь самые смелые и отважные люди.

–А девчонки здесь красивые?– Спросил себе в нос Отец.

–Сам смотри,– кивнул Мормон в толпу, вьющуюся вокруг них, словно водоворот.

Мимо проползла какая-то огромная в человеческий рост коричневая жаба в костюме из прозрачного пластика. Под прозрачной одеждой видны были многочисленные бородавки и поры, источавшие слизь, которая липкими пятнами приставала к пластику пола.

Отца не стошнило только из-за чувства собственного достоинства. Можно было надеяться, что это никого бы здесь не удивило, коль скоро такие чудища свободно разгуливают по космовокзалу, оставляя за собой дорожку из слизи. Минутную слабость Отца здесь могли приняли за естественное физиологическое отправление.

–Поцелуй ее, царевной станет, однозначно. Я тебе обещаю. Я в одной книжке читал.– Кивнул на жабу Мормон.

–Скажем дружно: нам не нужно.– Отца передернуло.– С Веги?– кивнул он ей вслед.

–Нет, Декс с Веги, а эта штука– да пес ее знает каким ветром ее сюда занесло. Может, из зверинца сбежала, их разве разберешь.– Махнул Мормон и направился к стойке органического синтезатора, утопленного в небольшую нишу в малахитовой стене, окруженной плющом.

Некоторое время спустя в утробе кухонной машины

булькнуло что-то, и на мормитной платформе оказались два запотевших бокала со светлым пивом. Друзья их залпом осушили и заказали еще.

—Хватит пока. Пошли наружу. Там возьмем катер.— Мормон повел плечом в сторону выхода, где толпилась разноликая и разношерстная толпа прибывших и отбывающих землян, жаб, рептилий и прочей галактической живности.

Направившись в сторону, обозначенную Мормоном, как выход, Отец разглядывал проходящих мимо путешественников. Мимо него шагали полуголые девицы, облаченные в такие мини, что лучше бы их не было вовсе. Прически так же шокировали неискушенные взгляды своей нескромной абстракцией и палитрой. Проходили и люди одетые в строгие летные мундиры, казалось, они не замечают нимфеток с почти неприкрытыми прелестями. Прохаживались жабы, ящеры и птицы. Отец решил для себя ничему не удивляться и не шокировать публику своим пристальным вниманием к этим экстравагантным персонам, прибывшим из разных уголков галактики. Он лишь иногда краем глаза провожал необычных пришельцев, стараясь не возбудить в них ответного интереса к себе.

Отец уже начал свыкаться со своей новой ролью жителя далекого будущего. Его уже не удивляли технические решения и комфорт, коим окружило себя разумное человечество этого века. Он теперь уже не казался дикарем, выхваченным из варварской эпохи. Говорят, что человек привыкает

ко многому, даже к виселице. Привык и Отец.

Выход не был тем выходом, к которому уже успел привыкнуть Отец. Выход представлял собой прозрачный коридор с последовательными дверьми— шлюзами. Если выйти из здания космовокзала наружу нуль— транспортным путем, можно, а, вернее, нужно ожидать Кессонову болезнь, порванные барабанные перепонки и носовое кровотечение. Резкая смена давления никогда не шла на пользу никому, кроме гравикомпенсаторов и мазохистов.

Отец с Мормоном преодолели все преграды в виде дверей— шлюзов, каждый раз испытывая на себе все снижающееся давление, словно при взлете, и понижающуюся гравитацию. Непрерывно сглатывая, чтобы не было больно перепонкам, друзья вышли на привокзальную площадь. Отец ощутил небывалую легкость во всех своих членах и невольно подпрыгнул ввысь. Проходящие люди вполборота с улыбкой оглядывались на Отца, сопереживая его щенячьему восторгу. Некоторые презрительно бросали на него косые взгляды, словно силясь сказать, мол, наехала лимита, или, наберут во флот по объявлению. Отец медленно опустил на поверхность и показал куда-то в толпу свой средний палец. Прохожий рывком отвернулся от него, будто боясь испачкаться о взгляд Отца.

—То-то же.— Проворчал Отец, но решил больше не поддаваться сиюминутным слабостям.

Небо над Марсом— едва голубеющая высь. Дышать было

все равно, что на Эвересте. Сильно разреженная атмосфера с вытекающей отсюда гипоксии, компенсировалась малыми затратами на физические усилия. Бледные облака низко катились по небосводу, еле-еле видимые ввиду своей малой плотности. Дул сухой ветерок, рожденный где-то в глубине марсианской пустыни. Было прохладно. Отца стала колотить дрожь.

—Ох, Мормон,— выдавил он, когда его дрожь стала приобретать вид крупноволновой фибрилляции,— вот это холод собачий, тут пингвины яйца нигде не откладывают?

—Свежо? Не правда ли?— Засмеялся Мормон поеживаясь.

—Свежо не то слово.— Согласился Отец.— Такое впечатление, что двенадцать градусов не по Цельсию, а по Кельвину. Брр.

—Полезли в кар, согреемся,— отозвался на стенания Отца Мормон и кивнул в сторону парковочной линии.

Поодаль, за огромной привокзальной площадью, ровными линейками стояли кары. Некоторые из них взлетали, унося с собой пассажиров и их скудные пожитки, другие тут же садились на опустевшее место, гонимые автопилотом и посадочной сурфисной автоматикой. Друзья мелкой трусцой засеменяли к машинам, непрерывно потирая руки от холода и пронизывающего ветерка.

—Как здесь люди живут, не понимаю.— Сказал Отец, влезая в кар. На Земле чего им не сидится...

—Ладно стенать, нравится— живут. Я вижу, ты здесь не

останешься,— промерзший Мормон тоже уселся в кар.

—Ни в жизнь. Только под угрозой смерти от пиявок, не иначе.— Дрожа заявил Отец.— Компьютер, захлопни ворота, и так околели уже.

Стекланный иллюминатор напоз с кормы на нос кара, ограждая путников от превратностей атмосферы. Включился обогрев салона, воздух смягчился водяными парами, дрожь отпустила.

—Вот и слава Богу, я думал сейчас помру во цвете лет. Ну к лешему этот Марс.

—Хотят здесь атмосферу углекислым газом обогатить, чтобы парниковый эффект был. Есть идеи полярные шапки растопить. Может, что и получится. Пес его знает.— Сказал Мормон, показывая куда-то вдаль, видимо на полюс.

— Тогда нужно будет и атмосферу кислородом удобрить, а то некрасиво получится, все уснут вечным сном.— Вставил Отец.

—Есть такая тема. Вроде какая-то оперативная группа разрабатывала этот проект, только ее свернули, почему— не знаю. Потом обещали вернуться к этой проблеме.— Кивнул Мормон.— Ну что, покойнички, погнали наши городских лесом?

—Компьютер, экскурсионный маршрут,— кинул Отец.

—Отец, да зачем тебе это нужно, время теряем, нам еще три часа с лишним пилить по системе, давай потом сюда вернемся отдельно.— Запротестовал Мормон.

– Уймись, тебе на Марс слетать все одно, что в кино сходить. Дай мне посмотреть. Я об этом и мечтать не смел в свое время. У нас только роботы сюда летали. И вот тут я. Да с девчонками нужно познакомиться.– Пропел Отец.

– Перестань. Тебе это ни к чему, да и я свое уже отходил.– Замахал руками Мормон, давая понять, что женщины впредь его не интересуют.

– Ладно, женщин я готов опустить, но хоть глазком на Хайлайн глянуть это я просто обязан. Хочу на главной площади побывать.– Умоляюще запричитал Отец.

– Давай сверху посмотришь, Отец, что ты как маленький-то, в самом деле.– Мормон указал на окно,– Сейчас откроем люк, да посмотришь. Я тебе рекламных проспектов из базы накачаю.

Мягкие кресла вобрали в себя тела двух космических странников, мягко обнимая подлокотниками и подголовниками. Свет мягко исчез, голубое свечение за бортом посуды обозначило включение силовой системы защиты. Кар осторожно, будто пробуя атмосферу Марса на вкус, поднялся с посадочной полосы и стремительно кинулся ввысь. Отец и Мормон не ощутили даже малейшего толчка или дрожи стартовых двигателей. Прозрачная едва голубоватая атмосфера резко поредела, стала невидимой, словно Инвизы, и исчезла вовсе. Кар обогнул Марс, унося странников на ночную сторону планеты. Всепоглощающая, почти осязаемая чернота орбитального космоса устало легла на носовой ил-

люминатор. Вспыхнуло солнце, словно доменная печь, за-светились вымученные долгими столетиями хамские глазки неведомых дальних светил. Где-то среди этих звезд крутит-ся маленькая родная планета, такая крошечная, что отсю-да неотличимая от других светлых мерцающих точек. Где-то здесь, вокруг красной планеты в вечном вальсе кружились Страх и Ужас. Где-то совсем рядом носились обломки неко-гда великой планеты. В этом поясе астероидов космоархео-логи нашли неоспоримые доказательства того, что на Фаэто-не существовала великая и таинственная цивилизация, ко-торая в своем безумстве могучей десницей разрушила род-ную планету. Еще много тайн и загадок принесет в этот мир изучение огромного солнечного кольца, именуемого поясом астероидов.

Кар бесшумно проплыл мимо обломков планеты— родины отцеубийц, оставив их снизу, и стремительно, над плоско-стью эклиптики, в ее северном полушарии, продолжил свой бег. Таковы правила системного пилотирования. Пути на внешние орбиты— пролегает над плоскостью вращения пла-нет, пути во внутренние сферы— под ней. Нарушать эти пра-вила бессмысленно, поскольку кроме протеста существую-щему порядку, это непослушание не сулит ничего хорошего.

—Пива не взяли, стоп машина. Мормон, что делать бу-дем?— Всплеснул руками Отец.

—Водички попей. На борту есть.— Мормон нехотя указал на кран сбоку от приборной панели.

–Я с другой планеты. Вода– яд.– Сказал Отец и устало рухнул в кресло.

–Ладно, чего уж там. И не такое видали.– Невозмутимо сказал Мормон и кивнул в иллюминатор.– Вон, видом наслаждайся.

–Какой там вид, в черной дыре больше видать, ну как же так? Как же мы с собой пивом не запаслись?– Запричитал вконец расстроенный Отец.

–Пить– здоровью вредить, Батюшка. Да и на Плутоне нужен трезвый разговор. Так что это даже к лучшему. Не дай Бог, нас там поймают. Стыдно будет.

–Кто дрожит, Мормон, тот в конце фильма всегда гибнет. Прорвемся. За простой визит еще никто по шапке не получил. Где планеты-то все?– Отец наклонился к приборной панели, пытаясь приблизиться к звездам в носовой иллюминатор.

–Внизу, там,– Мормон ткнул пальцем в пол,– или в стороне где-то. Компьютер, дай карту.

Перед друзьями появилась голографическая карта родной звездной системы с шариками планет, бегущих по кругу вокруг желтого пятна Солнца. Красная мерцающая точка, обозначающая двух космических странников, приближалась к орбите Юпитера. Чуть дальше орбита Сатурна. Венценосная планета находилась далеко в стороне от траектории кара. До Плутона было далеко.

–Быстро мы летим, слушай, а на орбитальных станци-

ях Юпитера нет закусовых? Мы вроде рядом с Юпитером должны пройти.— Отец ткнул пальцем в карту, от его прикосновения изображение помутнело и расплылось, словно разбегающиеся волны по воде.

—Ты смеешься? Это мы добрых часа два потеряем. Это ты из-за пива так переживаешь?— Спросил Мормон.

—А то...— Утвердительно кивнул Отец.— Женщин здесь нет, вырвать не смогут пиво. Твоя, кстати, Пальма, как она насчет алкоголя?

—Нормально, только когда оно в бутылке. Все бабы одинаковые.— Махнул рукой Мормон.— Я со своим будущим тестем пиво пью. Он за вечер может десять литров через себя пропустить. Водку не любит, а от пива дрожать начинает, как заячий хвост.

—Десять литров... Не слабо. У него живот, наверное, как у беременной?— Кивнул Отец. По его мнению большой живот— неотъемлемый атрибут страстных поклонников пива.

—Вот такой, вообще необъятный,— Мормон выставил руки перед собой, демонстрируя огромноеместилище для подгнившего овса,— у него зеркальная болезнь.

—Это еще как?

—Он себя полностью только в зеркале увидеть может. Пиво дырочку найдет, а вот тесть только по анатомическим приметам находит предмет своей гордости. Интересный человек, ничего не скажу.

—А чем занимается он?— Спросил Отец, умиляясь подоб-

НЫМ ЖИВОТОМ.

–Чем? Мужским многоборьем. Чем еще?– пожал плечами Мормон.

–Как это?

–Обычно. Авто, вело, мото, фото, ..., гребля и охота. Лежит на диване, спит всю дорогу, да пиво пьет нет-нет со мной. Иногда сам звонит, мол, Андрюха, пошли, причастимся. А я что, отказываться стану?

–А у моей Рыжей нет батьки. Маман, ведьма злая, выгнала его по молодости. Гюрза. Да, Бог ей судья.– Отец махнул рукой.– Прощай Рыжая, может и свидимся снова как-нибудь в другой жизни.

Отец снял шлем с головы. Астраханский уютный отель уступил место голоду. Прогуливаясь по тенистому сиреневому саду где-то под Астраханью, Отец устроил себе небольшое бетаку прямо в саду, где для интереса поместил сакуру. В уютной кленовой беседке с пагодами, отделанной красными раздвижными ширмами– сёдзи, он поедал ароматные сасими из свежего осетра и сома, щедро сдобренные острым мисо, которое налил в широкую глиняную чашку. Небольшое растение широко раскинуло свои узловатые плети с мелкими листочками и пестро цвело широкими розовыми цветками, которые не имели права облетать, чтобы не сорить в чашку с мисо. Именно так Отец представлял себе японскую вишню. По мнению самураев, сидя под сакурой достаточно долго, можно постичь жизнь. Отец придерживался другой

точки зрения. Долго сидя под сакурой, можно съесть все сасими.

Отец съел все сасими, поскольку сидел долго, а чувства насыщения не наступило. Нужно возвратиться в реальный мир, чтобы не погибнуть от голода. Еще Диоген, сидя на холме перед древними Афинами, лелея прилюдно свою похоть, удивлялся, почему нельзя утолить голод, поглаживая живот? Эта ситуация для Отца тоже была непонятной, однако со своей физиологией предпочитал не спорить.

Космический странник поднялся со своего кресла, прошел на корму шлюпа и стал рыться в своих запасах. Консервированная свинина, не хочется. Консервированная говядина, не хочется. Консервированная кукуруза, тошнит. Консервированные гамбургские копченые колбаски, вот это подойдет. Далее. Консервированный чай. Я по чаю не скучаю. Кофе, бросил. Матэ, подойдет.

Отец раскупорил колбаски и стал набивать ими рот. Нежная подкопченная свиная плоть обожгла ароматом Отца. Он не мог себе предположить, что консервированные продукты могут быть такими вкусными. На банке значилась рекламная надпись: «Для активной жизни». Отец усмехнулся. А почему он ничего не взял для «пассивной жизни», сейчас именно такая пища была бы кстати. Козлы, подумал Отец, для пассивной жизни не могут ничего придумать. Так, что у нас есть еще чего-нибудь вкусенького? Шпроты? Надоело. Одно и то же. Чего бы съесть, чтоб похудеть? Ага. Консервирован-

ный копченый окорок. Цэ діло. Копченая свиная плоть, но уже из другой банки, опустилась в Отца. Хорошо. Уте жаксы. Тамаша.

Давно, давно, в тихом двадцать первом, Отец видел передачу по ТВ, где в новостях ехидные журналисты рассказывали про чудо украинской селекции. Животноводы вывели мясную породу свиньи, у которой ценного свиного жира, который украинцы меняют на персидские ковры такой же площади, не было вовсе. А затем эти же пересмешники журналисты обратились к общественному мнению торговцев салом на киевском мясном рынке. Торговцы вволю удивлялись, що ж цэ за свинка, та біз сала, нам така не трэба. Другие торговцы поддерживали своих коллег фразами: ай вірно, хлопцы, ай діло каже.

Отец улыбнулся, вспомнив наивных потомков Тараса Бульбы, испуганных появлением гончей породы свиньи. Они, украинцы, даже переняли у испанцев корриду, чтобы свиньи умирали красиво. У несчастных свиной, взрощенных на свинофермах, и без того отобрали всю соль жизни. Откормленные животные не видят всей прелести материального существования. Они лишены грязных зловонных луж, населенных личинками комаров и гельминтов, в которых так чудесно прикорнуть после плотного завтрака; грязных фекальных пятен на боках, засиженных мухами и слепнями; палящего солнца, от которого с рыла падают засохшие куски земли, смешанной с испражнениями. Нельзя вволю порыть-

ся в земле, выкапывая ароматные трюфели, нельзя обглодать коренья какого-нибудь куста.

Как-то Отцу рассказал знакомый колхозник, как правильно воровать свиней. Вырыть нору в размер рослой свиньи близ свинарника без шума практически невозможно. Нужно прорыть маленький ход под стенку свинарника, чтобы влезла рука, затем в норку бросить хлеб, смоченный водкой. Свинья, как и человек, очень уважает древний напиток, она съедает хлеб, а затем алкоголь зовет ее на подвиги. В поисках драгоценного удовольствия, свинья начинает сама рыть землю. Нужно только время от времени подкидывать в нору хлеб с водкой, сдабривая ее живой интерес к алкоголю, свинья сама выберется. Причем переусердствовать с водкой невозможно. Свинья может съесть целое ведро с такой похлебкой. А потом дело техники: или петля на шею— свинья сама пойдет, или ножом по горлу, если нести не далеко.

Кажется, что выкормить свинью дело не хитрое, коль скоро свинья очень жадное животное. Если она будет в вольере жить одна, она не станет огромной и жирной, ей нужен соперник, с которым бы она стала делить трапезу. Если нет средств купить двух поросят на выкорм, нужно перед чаном с едой поставить зеркало. Свинья примет свое отражение за конкурента, бесстыдно поедаящего чужую пищу. Тогда она начнет хорошо набирать в весе, стараясь опередить своего соперника в зеркале. Только так. В Израиле свиней растят на специальных платформах, чтобы такое грязное живот-

ное своей нечистой натурой не оскверняла священную землю. Евреи очень тонко подошли к проблеме свиноводства на земле обетованной. Только свиньям все равно.

Жалко, что нет колобасы. Пить матэ из консервной банки, все одно, что есть шоколад с фольгой. Разогреть ароматную матэ негде. Отец выпил напиток через край банки, размял кости и, снова, вернулся в базу, нацепив шлем.

В уютной беседке с пагодами на столе томились сочные ломтики сасими. Их уже не хотелось. Пусть будет сакэ. А вот сакэ была горячая, настоящая, пусть и виртуальная, брала за живое она так же. Как ее не хватало там, возле Юпитера. Пусть даже не сакэ, а какое-то, пусть завалиющее теплое пиво.

Юпитер проплыл далеко вниз и в стороне от наших друзей, унося с собой свои ураганы, которые могут длиться до трехсот лет. Хорошая планета, большая, будущее солнечной системы. Когда потухнет солнце, Юпитеру пророчат верховодить в солнечной системе. Когда-нибудь он вспыхнет сверхновой и теплом своим будет согревать остальных, словно Данко. Только нам не увидеть это чудо.

–Вот ведь, незадача.– Воскликнул Отец.– Чтоб им всем пусто стало.

–Это ты к чему?– Спросил Мормон.

–Да ко всему. Жизнь– дрянь, солнце– назойливый фонарь, бабы– дуры.

–Это точно.– Согласился Мормон и добавил.– На повестке всех бабских собраний рассматривают всегда три вопро-

са. Первый: все мужики— козлы, второй: носит нечего, третий: разное.

Отец покатился со смеху.

—Вот уж точно. Кар этот, однозначно, баба спроектировала. Мужик на первое сюда фляжку бы запрятал. Однажды мне про одного бродягу рассказывали. Его жена дома за гулянки гоняла, все тайники его вскрывала, он что придумал? После работы покупал бутылку водки, доходил до дома, возле двери открывал ее и из горла залпом выпивал. Заходит домой трезвый, жена ему супика наливает. Тот заходит на кухню, садится, пока ест— его развезет, дальше некуда. Жена беспокоится. Как так? Пришел трезвый, а как поел— из-за стола подняться не может. Потом-то она, конечно, догадалась, только сделать все равно ничего не могла. Так он и пил возле двери.

Мормон корчился в болях в своем кресле от натуги.

—Надо на вооружение взять. Меня как Пальма станет гонять, так я ей устрою Кузькину мать.— Мормон засмеялся еще пуще, и сквозь слезы добавил,— скажу, меня Отец научил. Умора...

—Ты брось эти штучки-то. Отец научил. А как Пальма ко мне разбираться придет? Что я ей объяснять буду? Нет, эти штучки ты брось.

—Скажу Пальме: я тебе от Отца привет принес,— заливался Мормон.

—А на Плутоне найдем пиво?— Спросил Отец.

–Найдем, не будь занудой, Батюшка.– Не мог остановить-ся Мормон.

Друзья летели сквозь недружелюбное космическое пространство родной Солнечной системы. Мириады километров пролетали в одно мгновение. Мимо неслись невидимые глазу на такой скорости реки космической пыли и межзвездного вещества. Кар не шелохнулся, будто продолжал стоять на марсианском взлетном поле. Намертво запечатанный в защитное поле, он был непобедим. Ему не страшны ни жесткие космические лучи, ни пыль, которая на такой скорости размазала бы кар по пространству в считанные доли секунды, ни мелкие астероиды, которые выбрасывало в сторону от траектории летательного аппарата. Не будь поля, любой мало-мальски значимый осколок космической породы, встреченный на пути, стал бы причиной безвременной кончины всего экипажа. Обдуваемый солнечными ветрами, достаточно стихшими на таком удалении от Солнца, машина продолжала свой стремительный бег.

Красная точка на объемной карте Солнечной системы стремительно приближалась к орбите Урана. Самой планеты видно не было, она терялась на небосводе в звездах. Эта небольшая по меркам газовых планет космическая сфера осталась далеко в стороне.

–Интересно.– Сказал Отец после продолжительной паузы.– В мое время только– только на Марс планировали пилотируемый полет, а я уже за Уран залетел.

– Жаль, что это событие отметить не сможем. – Расчувствовался Мормон.

– Ничего, на Плутоне так расслабимся, будь здоров. – Махнул рукой Отец.

– Там дела будут, конечно, если ты не передумал.

Отец отчаянно замотал головой.

– Надо было все-таки нульнуть на Плутон, я уже устал лететь. Все ломит, будто я уже сутки здесь сижу. – Заерзал Отец на своем мягком кресле.

– Смешной ты, однако, Отец. – Сказал Мормон.

– А Уран заселили? – Спросил Отец.

– Да кому он нужен, заселять его. Он же – газовый. Его изучают, как модель всех газовых планет. Он не такой агрессивный, как Сатурн или Юпитер. Зонды опускают, пробы берут, да разная чушь... – Махнул Рукой Мормон, давая понять, что такая вещь, как Уран не стоит даже и внимания.

Отец и рад был бы отвернуться от Урана, тем более что он его никогда не видел, да только любопытство не позволяло.

– Что за напасть, – воскликнул Отец, – мы даже Нептун не увидим. Он смотри, чуть не на другой стороне орбиты, за Солнцем.

– Отец, мы же над эклипстикой летим, ты по-любому бы его не увидел. Если бы он рядом был, нас бы притяжением сносило в его сторону, это лишняя трата энергии. Плутон увидишь, расслабься и получай удовольствие. Там весело. Абсолютный нуль, темнота. Солнце даже с трудом видно, все

как ты любишь. Один Харон в небе висит, да чуть дальше еще две скалы летают.

—Так то оно так, только хотелось бы своими глазами на Нептун взглянуть, или на Сатурн.— Вздохнул Отец.

—А на Земле чего не смотрел? Его при нормальном раскладе ночью в бинокль обычный видать.— Пожал плечами Мормон.

—Врешь.— Удивился Отец.

—Разговоров нет— вру. Прилетишь на Землю, возьми бинокль да сам посмотри. Надо только, чтоб он рядом с Землей был, в противостояние. Когда догонит, в ясную ночь увидишь. Я сам смотрел.

—Мормон, какого лешего? За дурачка меня держишь?— Отец усмехнулся.

—Я тебе говорю, как на духу.— Схватился за отворот рубахи Мормон.— Не вру. Кольца видно, Сатурн видно.

—Мормон, толщина колец у Сатурна двадцать километров, не больше, как ты их мог увидеть?

—Да хоть бы и десять, они же под углом к Земле расположены. Виден Сатурн, тебе говорю. Давай спорить?— Протянул руку Мормон.

—Кто спорит— портянки не стоит,— гордо ответил Отец и отвернулся в сторону, где должен был быть Сатурн.— Прилечу— проверю.

—Проверь.

—Вот и проверю. Скажи еще, что Юпитер видно в би-

нокль?

– Вот тут врать не буду, его не видел. Хотя может и его будет видно, он же ближе к Земле, да и росточком он побольше.

– А с Сатурном, вроде как, будешь врать, да?– Скривился Отец.

– Да пошел ты.– Мормон отвернулся от Отца.

– Ладно, не дуйся. Верю.– Отец потянул друга за рукав. Мормон вяло шевельнул плечом, пытаясь скинуть руку Отца.– А то я Пальме вперед тебя расскажу историю с водкой.

– Я тебе расскажу,– Мормон натянуто улыбнулся.

– Чего ты надулся, как лягушка на пионера? Слушай, Мормон, а какого лешего мы так скоро прилететь должны? До Плутона лететь где-то шесть миллиардов километров, а до Сатурна мы летели чуть не полчаса.

– Правила такие– чем дальше от солнца– тем скорость кораблей должна быть выше. При этом корабль все дальше должен отходить от плоскости эклиптики. Это специальный прием. Чем дальше от Солнца, тем меньше его притяжение испытываешь, обратно пропорционально квадрату расстояния. Поэтому при одних затратах энергии на внутренних планетах– от Солнца тащишься, а на внешних– летишь. Это при условии, что ты от Солнца уходишь.

– Много необычного, я не знал.

– Отец, ногами топай, проходим орбиту Урана.– Мормон кивнул на голографическую карту. Красная точка поравня-

лась с пунктиром, обозначавшим орбиту обозначенной планеты.

Отец засвистел и затопал ногами.

–Гип-гип, ура, ура, ура.– Грянул он и выругался.– Долго. Пива нет, с женщинами тоже некрасиво получилось, Уран куда-то делся.

Маленькая космическая машина, окруженная заботливым защитным полем, пересекла орбиту Урана и понеслась прочь, ведомая электронным автопилотом. Иногда включались боковые двигатели, выравнивая курс, иногда машина делала едва заметный крен, уворачиваясь от проносившихся камней, а затем возвращалась на заданный курс. Иногда защитное поле едва заметно вспыхивало голубым свечением, испаряя попавшуюся по пути космическую пыль.

–Компьютер, сколько еще лететь нам?– Спросил Отец, потягиваясь в своем кресле. Уже начинали ныть ноги, зевота измучила.

–Около часа.– Скупно отметил приятный баритон бортового компьютера.

–Давай быстрее, мы уже со скуки помираем.– Начал препираться Отец.

–Согласно инструкции системного пилотирования, мы едем на предельно допустимой скорости.– Сухо ответил борт.

–Консервная банка. Черепаха быстрее ползет.– Буркнул Отец, на что не получил ответа. Бортовой компьютер принял

соображения Отца не достойными внимания.

Отец прогуливался вдоль великой Русской реки по набережной, уставленной утлыми рыбацкими лодками и катерами. На берегу, на рогатинах и пластиковых навесах сушились рыбацкие сети. Берег был сплошь усыпан рыбой чешуей, с которой рыба расстаётся, не успев познакомиться с берегом. Чуть далее от реки, в тени нависающих кипарисов сутились армяне возле мангалов, на которых готовились чудесные шашлыки из судака и сома. Чудесный дымок, выходящий из просаленных чугунных коробов, разносился по всему побережью, даря прохожим аппетит и хорошее расположение. Прямо на берегу расположились уютные летники, заполненные праздными отдыхающими, поедающими шашлык и запивающими снедь молодым терпким вином. Расставленные пляжные зонты дарили отдыхающим прохладу от палящего зноя. Детишки с радостью оборачивались вслед Отцу, кричали и радовались. Родители с терпеливым любопытством наблюдали за Пиначетом, томно шагающим рядом с Отцом. Отец крепко держал коалу за лапу, чтобы зверек не побежал куда-нибудь в кусты. Коала же, напротив, с нескрываемым восхищением наблюдал за отдыхающими. Его чуткий нюх, обостренный похмельем, улавливал запахи драгоценного алкоголя. Медведь повизгивал, будто просясь отпустить его на вольные хлеба.

Отец сделал вид, что отпустил лапу медведя невзначай и даже сделал вид что расстроился, чуть всплеснув руками и

ругнувшись. Медведю дважды давать шанс не было нужды. Будто под зверьком взорвалась ручная граната, коала подпрыгнул и пустился наутек от Отца, подгоняемый жаждой, зноем и похмельем. Доли секунды и коала влетел в летник, затем он кинулся на толстого мужика, развалившегося в брезентовом кресле в темных очках, и забрался к нему на колени. Мужик нехотя поднял солнцезащитные очки, будто не веря своим глазам, и уставился на насчастное и томимое жаждой животное. Медведь без лишних уговоров схватил стакан с красным вином и припал к краю.

Отец кивнул мужику, мол, все нормально, зверь тихий, хоть и больной, не укусит. Мужик потрепал медведя, который урчал от удовольствия, вкушая подбродивший виноградный сок. Допив до дна стакан, Пиначет бросил его на землю и потянулся к тарелке с солеными орешками.

–Ну-ка фу, зараза такая, не смей. Мужик, извини.– Сказал Отец, приближаясь к медведю.

–Не суетись, садись рядом, пусть он поест. Ты, походу, его совсем не кормишь.– Важно сказал мужик тоном, не допускающим возражений.

–Спасибо, он немного не в себе, а так– сыт.– Попробовал оправдаться Отец.

–Пусть не сыт, поест немного.– Мужик поднял с земли бокал, налил еще вина и протянул коале.

Пиначет двумя цепкими когтистыми лапами жадно схватил емкость и отправил все его содержимое в пасть. Лю-

ди, наблюдавшие за сценой возрождения медведя, довольны закивали головами, детишки сбежались к столику, облюбованному Пиначетом. Кто-то из ребятни требовал от своих родителей купить такого же. Пиначет, наконец, облегченно вздохнул. Отпустило. По зрителям пробежал сдержанный смешок.

–Эка его...– Удивился мужик.– Давай-ка я тебя еще подлечу.

Он налил Пиначету в стакан. Медведь выпил еще, потом еще и еще немного. Зрителей восхищал талант молодого медведя поглощать вино. В конце коала на четырех лапах забрался на стол и, шатаясь, попытался снять с мужика его черные очки, но, не достигнув успеха, пошатнулся и повалился на стол. Зрительскому восторгу не было границ. Некоторые рукоплескали пьяному коале, которому по природе была свойственна медлительность и скудный рацион из листьев эвкалипта. Отец смущенный излишним вниманием, схватил медведя за лапу и пошел прочь, уводя с собой предмет общего умиления. Шаткой походкой, почти ничего не соображая, коала следовал за хозяином, ведомый за лапу. Он спотыкался, путался в ногах, оборачивался на своего спасителя, бросал жалобные взгляды прохожим, но шел.

С разных концов набережной раздавалась музыка. То бес-талантный фальцет какой-нибудь новоиспеченной звездочки, то мяуканье влюбленного пубертата, то хриплый басок вернувшегося парубка с лесоповала.

Отец бродил по узеньким улочкам, выложенным тротуарной плиткой и любовно уставленным скамеечками на гнутых чугунных ножках. Пиначет неуверенно перебирал ноги, в конце он вырвался из рук Отца и запрыгнул на скамейку, где тут же свернулся калачиком, прикрыв нос лапой, словно белый медведь, и засопел. Отец присел рядом, облокотясь на удобную спинку, и, широко раскинув руки, стал наблюдать за медленным течением людской толпы, переходящей от летника к летнику, да за вечным движением воды, на которую можно смотреть вечно.

Засидевшись один, Отец вернул себе в базе в дельту Волги, своего старого drinking-partner с которым отметил долгую разлуку и счастливую встречу. Наутро друзья отправились с рыбачками ловить рыбу. Заказав у гида катер с командой, Отец взял с собой Пиначета на рыбную ловлю. Сначала Пиначет, дезориентированный в личности и в пространстве, тупо всматривался в палубу небольшого катера, но, постепенно придя в себя, протяжно завыл, давая всем понять, что он очень низкого мнения об этих людях, увезших его на реку в тархтящем корыте. Вцепившись в ванты, медведь, подывая, провел все время рыбалки, изредка округляя глаза и тихо ухая при виде пойманной рыбы. Смелость его покинула, не оставив обратного адреса, а он так и не нашел в себе сила расцепить лапы. Смелая команда, сдобренная хорошим гонораром, возила Отца по реке в поисках рыбы. Оснащенная эхолотом рыбалка принимала рафинированный оттенок,

не имеющий ничего общего с романтикой дикой ловли, однако оставляла значительный привес на палубе в виде пойманной рыбы. Рыбачили на удочки, на блесну, на закидушки, останавливаясь в заводях. Отец предложил шарахнуть электричеством, но рыбаки озадаченные откровенной просьбой, в вежливых выражениях отказали неистовому рыбаку, посулив ему и без того приличный улов. Они не обманули. Когда стало смеркаться, а в южных широтах смеркается рано, Отец, отдав команду, отправился на берег.

Вечером, вернувшись в отель, Отец распорядился приготовить ему рыбу и принести в номер три бутылки дагестанского коньяка. При упоминании благородного напитка, Пиначет оживился и изъявил свою волю жить дальше.

Отец вернулся в реальное пространство подкрепиться, почувствовав голод, не снимаемый обильной виртуально трапезой. Одиночество обрушилось на него. Он один в маленькой поврежденной посудине, болтается вдали от родины в черном космическом пространстве в малоизученном секторе галактики. Остается еще три дня лета. Терпеть можно, пугает лишь неизвестность.

Удивительно устроен человек. Бояться неизвестного глупо, а поделаться с этим ничего нельзя. Не так страшно даже встретить на своем пути старуху с косой. Можно даже немного позлословить над ней. Однако почему-то страшит неизвестность. Почему природа распорядилась так? Зачем человеку необходимо знать что будет, или хотя бы что должно

случиться. Отказываясь от неизвестности человек готов пережить Армагеддон, рождение Сверхновой, угодить в черную дыру, лишь бы не было неизвестности. Давний враг человека— одиночество становится милым недругом, когда на сцену является неизвестность. Она вытягивает последние соки из души, она вьет веревки из сознания. Всплывают старые и еще неведомые страхи, стоит только завестись неизвестности. От нее краснеют глаза, уходит навсегда сон. На стенах остаются корявые черные росписи, небо алеет, дождь становится сухим, словно мох. В голове появляется нестерпимый ужас, на душе остаются несмываемые ржавые пятна, которые затем, подернутые временем, расползаются вширь. Рожденные больным воображением, из темных пятен на полу появляются демоны, способные разрушить галактику. Неизвестность. Что она есть? Ее нельзя ощутить, взять в руки и поздороваться. Ее невозможно извести крестным знаменем и клятвой верности. Она ничего не страшится и нет власти над ней. Перед неизвестностью рассыпаются в прах ранее непобежденные крепости, она вершит судьбы миллионов. Перед ней бессильны короли и нищие, перед ней равны и калеки и великие. Она посещает всех. Рано или поздно она познакомится с каждым живущим.

Стоит ей появиться, хлеб порастает зеленой плесенью, вода подергивается ряской, ломаются карандаши и пересыхают краски. Неизвестность хороший собеседник, она может подсказать что делать в любой ситуации, она предоставит на вы-

бор миллион решений. Только это все— ложь. Она рассказывает множество историй разного толка, она заставляет вспоминать все что было, что не могло быть, и что вероятно происходило. Она шепчет утешительные слова, она грозитя кулаками и лютой смертью, она призывает на помощь черные силы и отмщение.

Она заламывает пальцы от немого тихого ужаса, она заставляет бродить из угла в угол, не помня себя. Неизвестность. От нее покрываются морщинами лицо, появляется проседь на висках, от нее трясутся измученные пальцы и ноги. Она навремя уступает свое место лишь алкогольному дурману, с которым она никогда не находила общий язык еще с момента основания мира. Она все равно вернется, стоит только опьянению отступить. Она приходит и с новой силой, еще более ожесточенно и изощренно, начинает рыться в старом белье, ставя все с ног на голову. Никто не знает, откуда она берется и куда уйдет вновь. Она приходит внезапно, вслед за неожиданностью и горем. Только неизвестность остается надолго. Она питается человеческими страхами, она упивается неожиданностями и ужасом. Она наслаждается безумием и бессонницей, она радуется, когда тоска и безнадега. Но и она когда-нибудь куда-нибудь уходит.

Отец стоял перед носовым иллюминатором. Взору его предстал огромный черный космос и неизвестность. Перед ним в поклоне лежала вселенная с ее миллиардами возможных путей и решений. Она его пугала, а согбенная уста-

лая вечность искоса исподтишка хмуρο скалилась, глядя на недоумение Отца. Ничего, ты пришел– ты уйдешь, буду лишь я.

Насытившись из консервных банок, побродив по шлюпу, Отец оставил этот мир на растерзание времени, а сам, надев шлем, вернулся к милому мохнатому другу, которого оставил на балкончике в приятном соседстве с бутылкой, там, на веранде где-то под Астраханью.

–Отец, проснись,– тормозил за рукав Мормон.– Сейчас подлетать уже будем.

–Уйди, Мормон,– отмахнулся от друга Отец.

Он только-только задремал, уже начал грезиться какой-то сон, где милая прелестница сулила ему наслаждение... и тут Мормон.

–Вставай, соня, я сам заснул уже. Нептун пролетели.

–Как пролетели? Епошкина мать. Жана жилмен куттык-таймын. Этого еще не хватало. Где Нептун?

–Где...– Проворчал Мормон.– В Караганде, там же где и был за последние пять миллиардов лет.

–Компьютер, почему не разбудил?– Разбушевался Отец и треснул кулаком по приборной панели. Голографическая карта подернулась рябью и исчезла.

–Не сходи с ума,– ответил за борт Мормон,– мы же ему не дали команду.

–Сам не мог что-ли разобраться, корыто старое. По-твоему часто мы мимо Нептуна проходим?

–Батюшка, так тебе не впервой пересекать систему, ты уже сюда, как на работу летаешь, али запамятовал?

–Ох, Мормончик, твоя правда. Только когда сидишь все время в конверте радости никакой, а тут живьем пролетать–дело совершенно другое. Интересно, что мочи нет.

–Компьютер, доложи о курсе.– Бросил в тишину Мормон.

–Да поживее.– Рывкнул Отец.

–Борт...– Затем последовал ряд чисел,– следует намеченному курсу сообщением Марс– Плутон. Приближаемся к эклиптике, расчетное время выхода на орбиту Плутона двенадцать минут. Борт следует согласно внутреннему распоряжению системных сообщений.

Отец пожал плечами. Ясно, что подходим к Плутону. Только где он. Впереди, за носовым иллюминатором чернел космос, Плутона не было. Еще далеко, значит.

–Вон он,– Мормон указал куда-то вбок влево.– Смотри.

Отец ничего не видел, только вечная непроглядная темень, да нахальные звезды.

–Смотри, вон пятнышко серое, как гантелька, видишь?– Мормон продолжал указывать куда-то влево.

Тут Отец увидел серое пятно.

–Плутон. Точно Плутон. Какой он маленький, смотри, над ним Харон завис, ух ты...– Подскочил с кресла Отец.

–Ну!– Мормон утвердил Отца во мнении.

–Смотри-ка, это же надо...– Бесновался Отец.– Вот ведь так ее растак, предпоследняя планета системы. Вот же... ко-

му скажи— не поверят. Отец на Плутоне.

—Смотри, не разрушь планету, такая у нас одна.— Хлопнул по плечу Отца Мормон.—

—Там по ходу разберемся, обещать сейчас ничего не буду... А дальше Кваоар.

Плутон рос на глазах. Кар накренился влево и Плутон медленно пополз к носовому иллюминатору. Он рос и рос, рос с ним и вечный его спутник Харон. Огромная черная глыба неправильной формы, словно яйцо, приплюснутое сбоку, неподвижно висела над Плутоном. Как и его вечный спутник, Харон покрывали кратеры большие и маленькие, правильные и не очень. Кратеров было больше на внешней стороне, зато внутренняя, обращенная к Плутону, была исчерчена огромными неправильной формы горными цепями, словно дикая буря, застывшая в одно мгновение— Харон.

Вот уже и видны его многочисленные кратеры, освещенные маленькими тусклыми точками, вероятно техническими позициями научных баз и открытыми разработками полезных ископаемых. Словно засиженный мухами, Плутон светился мелкими пятнами света. Он постепенно увеличивался, пока не стал уместиться в носовой иллюминатор. На орбите висело несколько орбитальных космических баз, пара-тройка висела и над Хароном. Дальних спутников не было видно.

За бортом вспыхнули тормозные и поворотные двигатели, кар выровнялся, пронесся над планетой, чуть не задев, так

показалось Отцу, крылом Харон. И начал снижение. Даже такой сложный маневр, как переход на орбитальную траекторию, а затем в посадочную кривую, не заставил даже немного дрогнуть маленький космический кораблик. Над поверхностью уже были видны пролетающие маленькие летательные аппараты, немного похожие на их пассажирский кар, стартующие ракеты и носители. На поверхности копошились сурфисные машины, навеки прикованные к поверхности. Вот и показались широкие плиты посадочной позиции. Кар снизил скорость, развернул посадочные двигатели вертикально и мягко опустился на плиты Плутона.

Плутон. Вот ты какой. Ты тоже мертвый. Жаль. Откуда ты взялся, Плутон? Кто тебя породил, и почему тебя прогнали? Нам очень жаль тебя. Ты— малыш, которого в детстве обделили любовью и выгнали. Почему? Ты прибился к нашему Солнышку, которое тоже тебя не понимает. Тебе вечно суждено быть в тени родных чад нашего светила, тебя никто не приголубит, никто не обогреет ласковым теплом, а ты так похож на Меркурий. Вы так с ним похожи. Только он купается в солнечном тепле, а ты— мерзнешь на задворках. Он мягкий и теплый, а ты— твердый и холодный. Ты привел с собой еще трех своих собратьев. Их тоже никогда не любили. У Марса тоже есть Страх и Ужас, но твой Харон... Проводник в царство вечной тьмы и смерти. Тебе не легко будет с ним. Хотя лучше так. Может только он, да два других безмянных обломка в состоянии тебя понять.

Плутон бежит вокруг Солнца. Он искренне надеется на любовь своей мачехи. Он издали любуется сияющим величием приютившей его звезды, только природная скромность и неуверенность в себе мешает приблизиться к нему. Плутон старается найти общий язык с Нептуном, даже заходит на его орбиту, только Нептун, в своей гордости никогда не позволяет себя застать. И всякий раз Плутон плачет метеоритными дождями и делится своей скорбью с Хароном, у которого тоже нелегкая судьба. Исчерченное кратерами ликом Плутона— живое свидетельство былых скитаний по вселенной. Побитый камнями и оплеванный метеоритами, Плутон заискивающе бежит за Солнцем. Он не может дать жизнь другим, потому что сам еле жив от перенесенных обид, он не может любить по— настоящему, потому что его обидели. Он не может никому верить, потому что от него отвернулись. Он не может улыбнуться, потому что замерз. Даже Нептун, который с давних времен охраняет владения своего родителя, не может принять своего приемного брата, потому что они разные. Они иногда встречаются в своем вечном беге, даже какое-то время бегут рядом, только Нептун не остановится, не улыбнется и не обмолвится словечком, будто не замечая его. А Плутон с восхищением смотрит на своего названного брата и боится с ним заговорить. Даже Харон, и без того молчаливый, не произносит и звука, когда рядом проходит Нептун. А когда большой брат уходит, Плутон, будто стесняясь себя самого, бежит по стопам Нептуна, и боясь встречи, вскоре,

убегает с его тропы. Он то забегает чуть вверх от Нептуна, то наоборот опускается, чтобы было лучше его видно, будто заискивая перед повелителем морей. Нептун только нет-нет ответит рябью на своей горделивой спине, будто ежась от недовольства.

От невзгод и непонимания Плутон прячется своим тепливым спокойствием. Он не дышит огнями, не полыхнет злобой. Он не обдувается ветрами, потому что они ему не нужны. Он не умывается дождями, потому что не видит в этом смысла. Он лишь тихо любит Солнышком, которое то и видит с трудом, да названным братом, которого встречает раз в несколько сотен лет.

И лишь Харон, переживший с Плутоном все ужасы их прошлой жизни, неустанно следует за своим братом всюду. Он всегда идет за ним, не отходя от него и на метр, будто боясь потеряться в этом необъятном черном вакууме. Харон всегда смотрит в глаза Плутому, стараясь его утешить. Только неприветливый вид— слабая утеха вечному пасынку вселенной. Его угрюмое чело, скорее напоминает о покинутых родителях, которые не полюбили малыша. Харон угрюм и сер. Его рваные раны кровоточили бы до сих пор, если бы не жуткий холод, от которого стынет все. Его изуродованное тело болело бы бесконечно, если бы не эта вечная ночь. Он ужасал бы еще больше, если бы не непроглядная чернота. Они кружатся в нескончаемом вальсе— изуродованный Харон и покинутый Плутон. И будут кружиться долго, если не

встретят, наконец, на своем пути Нептуна, который грозился их убить.

Лучше смерть, чем дикая неумная тоска. Лучше забвение, чем одиночество. Лучше вечный покой, чем вечное изгнание. Может поэтому Плутон и ищет своей гибели от сильных рук названного брата? Может поэтому он не стремится к Солнцу, боясь еще большей обиды? Он никогда не скажет к чему все это. Он никому не поведаст свою тайну. И пусть так будет всегда.

Глава 3.

Небольшой вихрь мертвой холодной Плутонеанской пыли на плитках посадочной площадки обозначил прибытие планетарного кара с Марса. В небольшом удалении от поверхности плит, кар, ведомый автопилотом, проследовал на посадочную позицию, похожую на огромный сундук, на много километров простиравшийся по поверхности Плутона. Шлюзовой порт медленно и величаво отполз в сторону, открывая перед собой бескрайнюю пропасть, способную вместить гору вместе с маленьким непослушным Магометом. Кар шмыгнул в образовавшийся проем. На фоне огромного пространства летательный аппарат был похож на маленького хомячка, попавшего в переделку волею судеб. Шлюз также величаво, отгородил неприступный внешний Плутон от Плутона уже

обжитого людьми. Если бы не вакуум, наверное, Отец с Мормоном бы услышали визжащий скрежет холодного металла. Однако, какие звуки произносили ворота останется тайной за семью печатями для наших двух странников.

Внешний шлюз закрылся, оставив кар в шлюзовой камере. Из небольших проемов, спрятанных в нишах необъятного шлюзового пространства, хлынул воздух. Беснующиеся белые клубы живительного газа бешеным потоком вливались в камеру, кружась и вспениваясь. Вскоре шлюзовое пространство заполнилось атмосферой. Затем открылся основной проход, кар последовал внутрь и опустился, наконец, на серый пол. Приятный баритон констатировал прибытие. Путешествие на задворки солнечной системы закончилось.

–Открывай скорее люк, железяка бездушная.– Закричал Отец не медля.

–Ну, вот и прибыли.– Потягиваясь, Мормон зашевелился в своем кресле.

Носовой иллюминатор, заполнявший всю переднюю часть кара, лениво сполз на корму, открывая перед странниками свободу.

Отец выбрался из кара, подпрыгивая и матерясь. Ноги затекли, то место, откуда у Отца росли ноги, онемело, спина ныла. Мормон был более сдержан в своих выражениях, однако не пропустил повесить в зале посадочной позиции пару коротких и хлестких замечаний.

Осмотревшись, друзья удивились огромному простран-

ству, давшему приют им и маленькой летательной машине. Внутри ангар выглядел более просторным, чем снаружи. Помещение напоминало огромный гараж. Серые бетонные плиты заменяли стены, пол казался монолитным сделанным из какого-то серого пластика, с белыми полосами разметочных линий. В нишах позиции прятались низенькие сурфисные диггеры, буровые передвижные станции, кары– цистерны для ископаемых пород, погрузчики и заправщики. В других нишах разместились летательные аппараты, начиная с пассажирских каров с частными бортовыми номерами, заканчивая огромными, словно самомнение президента, космобусами. Были кары и с конфедеративными номерами. Чуть далее стояли более серьезные транспортные планетарные суда, предназначенные для транспортировки грузов, пород и прочего техногенного содержимого. Вокруг машин сутился персонал. Некоторые важно расхаживали вокруг машин, делясь своими замечаниями с компаньонами, другие, словно грязные черти, копошились в потрохах. Где-то вдали летели искры от сварочных работ, звенели и жужжали станки и ремонтное оборудование. По ангару сновали погрузчики, подгоняемые жирными космонавтами, сутились заправщики. Иногда встречались андроиды с глупыми выражениями пластиковых лиц.

Потолок был выложен теми же серыми плитами, на которых висели лампы, словно театральные юпитеры. Эхо, рождаемое тут же, чахло и умирало в этом огромном простран-

стве. Шаги глушились пластиковым полом и километрами пространства. Нигде не было видно ни стеклянных окон, ни дверей, ни транспортных лент, куда можно было выйти из этого огромного гаража.

Только приглядевшись, Отец увидел, что возле каждой ниши располагался черный нуль транспортный выход. Слава Богу, подумал Отец, что не придется ногами искать выход из этого помещения. Здесь можно оставить полжизни, ища драгоценный путь. Вероятно, что в этой транспортной чехарде и нет классического выхода с дверью, или со шлюзом, на худой конец, чтобы исключить вероятность разгерметизации жилого массива, на случай какой-нибудь поломки. Осталось бы сомнительное количество выживших после такой катастрофы.

Отец не мог себе и предположить, что ангар для сурфисных и летательных судов находился в конвертерном пространстве. Сложно себе представить постройку такого массива в реальном пространстве, на построение коего ушли бы многие десятилетия. На помощь человеку пришло гениальное инженерное решение о разворачивании конвертерного пространства, способного уместить достаточное количество космического железа. В реальном пространстве ангар был велик, даже по земным меркам, в конвертерном пространстве он мог удовлетворить любые, даже самые притязательные нужды.

На двух прибывших никто не обращал внимания. Появле-

ние двух гражданских лиц никого не смущало, видимо появление мещан на Плутоне дело обычное. Это устраивало обе стороны, тем более что Отец прибыл на Плутон не раздавать автографы.

Отец потянул Мормона к ближайшему выходу.

–Куда идти дальше, знаешь?– Спросил он.

–Сейчас, разберемся. Хакер мой, в общем, нас ждет. Я ему сказал, что лечу уже.– Пождал плечами Мормон.

–Командуй, бригаден фюрер.– Отец кивнул в сторону выхода.

–К Трибуну.– Сказал в сторону Мормон.

–Не скучная фамилия.– Присвистнул Отец.– Его с гордости не несет?

–Это– ник, не фамилия, раньше он был Нероном.– Улыбнулся Мормон.– Он знает себе цену.

–А чего он на понижение? Нерон, вроде, главнее. Поджигателем Рима быть куда претенциознее.– Отец выкинул в воздух кулак, имитируя Римское приветствие.

–Смотри, здесь тут ничего не спали,– фыркнул Мормон.– До конца дней тебя будут звать Зоей Космодемьянской.

–Это как просить будете.– Ответил Отец.– Ну, что, будем тут стоять или уже куда-нибудь пойдём?

–Пошли,– кивнул Мормон и растворился в черноте выхода.

–Пошли,– прошипел Отец и следовал за Мормоном.

Приняла их маленькая келья спартанского уклада. Рас-

кладушка, пара табуреток, стол и куча органического мусора на полу. В углу стояли носки, рядом с ними ютилась тарелка с уже подсохшими бутербродами с черной кониной, разбросанная деревянная стружка по всему полу дополняла эстетическую картину жилища. Под раскладушкой лежала беспроводная дрель с разбросанными сверлами. Что ей делал хозяин не ясно, тем более, что деревянных предметов в комнате не было. Коробки с глянцевыми обложками от кибернетических блоков лежали вперемешку с аккуратно уложенными в комок несвежими рубашками и брюками. Куски белого пластика— отходы от производства стенного шкафа, который был встроен в нишу, лежали так, будто на них гадал колдун Вуду, то есть никак. В комнате не было никого.

—Где Трибун твой?— Отец с опаской осмотрелся вокруг. Вид рабочего беспорядка внушал ему некоторое подобие уважения, тем более сам Отец не относился к педантам.

—Пес его знает,— пожал плечами Мормон.— Я ему сказал, что мы уже летим.

—Да,— протянул Отец,— что-то с памятью моей стало худо... Может мы не к нему залетели?

—Ты сам посмотри,— Мормон указал на суший хаос.— Здесь даже свинья долго жить не сможет. Только хакер и только Трибун.

Отец подошел к стойке органического синтезатора.

—Пива дай,— рявкнул он.— И два памперса, для острых ощущений.

—Отец, погоди с пивом. Это же реальное пространство. До вечера не протрезвеешь, а нам нужно будет еще дела порешать. Кстати, твои дела.— Менторским тоном молвил Мормон.

Мормитная платформа брякнула, выкидывая из своих недр пиво в пластиковом контейнере. Памперса не было.

—Ладно, отбой, меня Мормон убедил.— Уныло произнес Отец.— Компьютер, дай-ка нам на связь этого аборигена.

Стенная панель, которая только что была просто пластиком, засветилась синим логотипом оператора. На экране появилось длинное худое тело с запавшими глазами. Некое недоумение читалось в его взоре, которое медленно переходило в отчаяние.

—Пацаны, долгих лет вам.— Сказал он тягучим голосом, будто принял на грудь больше чем мог, но меньше чем хотелось.

—Ты, по ходу, долго не протянешь,— буркнул себе в нос Отец.

—Привет,— махнул ему Мормон.— Ждать заставляешь гостей дорогих.

—Вы пока прилягте, я сейчас в базе, через две секунды буду.— Трибун закатил свои масляные глаза куда-то под бровь.

Отец огляделся еще раз, остановив свой взгляд на раскладушке.

—Вдвоем? На этом?— Отец укоризненным взглядом окинул чудо интерьера.— Он за кого нас держит? Любовь до гро-

ба и мужики оба?

Трибун его уже не слышал. Загорелся синий логотип, которой через секунду стал стеной панелью.

— Вот это клоун. Андрюха, он хоть знает, что революция была?— Спросил Отец, покручивая указательным пальцем у виска.

— К нему привыкнуть нужно, как к виселице. Он— хакер что надо. Сам увидишь.

Не успел Мормон допеть дифирамбы мясеноглазому безумцу, как из черного выхода, ни мало не медля, явился демон из преисподней. Тощий, как кольчатый червяк, он казался изможденным непосильным трудом. Роба цвета мясных помоев висела на нем, словно стакан на палке. Масленные глаза, которые успел отметить для себя Отец, были настолько мутными, что казалось он, как Рентген, смотрит сквозь предметы, не концентрируя до конца свой взгляд ни на чем. Выражение его томных очей свидетельствовало, что природа наградила безумного хакера близорукостью, которую тот затем скорректировал. Длинное вытянутое лошадиное лицо гармонировало с нищенской худобой тщедушного тельца. Длинный тонкий нос, словно парус, торчал посреди лица, подчеркивая болезненную худобу. Тонкие губы еле шевелились, будто тот ленился говорить. Ни тени морщинки на лице, ни слабого проявления эмоций не украшало бледное мертвецкое чело. Короткие соломенные волосы пучками торчали в разные стороны. Этот человек не знал,

что у него на голове есть растительность. Длинная тонкая шея, казалось, гнулась во всех плоскостях, что было похоже на трюк, или на чудо. Маленькие плечики, сутулая, словно знак вопроса, спина, длинные руки и тощие коленки довершали затейливый портрет экс-поджигателя Рима. Тонкие длинные пальцы торчали из мятых, засаленных по краям, рукавов блузы, и, словно у Владислава Дракулы, были подчеркнуты синевой толстых вен. Под ногтями поселилась вековая чернота, которую можно было вытравить, только обрубив несчастному пальцы.

—Бог мой...— Воскликнул Отец, увидев перед собой настоящего зомби.

—Пацаны,— кивнул в знак приветствия Трибун,— как она?

Он посматривал на гостей и даже не вспомнил, что гостям мужского пола положено подавать руку. Отца это устраивало. Он не хотел прикасаться к Трибуну, чтобы неловким движением не нарушить жизненный цикл этого удивительного существа.

—Fine,— констатировал Мормон. Отец воздержался от ответа, но Трибун даже не заметил.

—Как добрались?— Участливо в вопросе изогнулся Трибун в сторону Отца.

Отец, видя такое неосторожное телодвижение, хотел даже поддержать тело, но, видя, что оно не падает, убрал руки за спину. По направлению движения и по наклону в его сторону, Отец догадался, что вопрос адресован именно ему. Он

даже растерялся, предвидя, что ответ так и не дойдет до мозга Трибуна. Отец безучастно пошевелил кистью перед собой, давая понять зомби, что летели долго, без пива и баб, пролетели полжизни, так ничего и не увидав.

Трибун участливо кивнул, понимая, что без пива и баб— это не жизнь. А может, это его просто так сильно качнуло вперед. Отец, глядя на это существо, невольно вспомнил все анекдоты про дистрофиков и про то, как несчастные жертвы глотали копейку, чтобы их не уносило ветром.

У Отца была знакомая дама, которая тоже не отличалась пышность форм. Звали эту молодую особу за ее нежный вес— Гипогликемическая Леди. Хотя в паспорте было написано— Елена. Она, повинувшись неумолимому для женщин голосу моды, принялась голодать, дабы держать себя в форме. В каком месте хотела похудеть она, никто не знал, поскольку она и жир— понятия антонимы. Сначала она себя посадила на жесткую диету из кислых полуиспорченных помидоров и скользких от времени и микроорганизмов, огурцов. Похудев так, что в косом свете Гипогликемическая Леди опалесцировала, она решила не останавливаться на достигнутом. Она отказалась сначала от помидоров, решив, что в них много калорий. В рационе остались тухлые огурцы. Диета принимала скверный оборот. Все разговоры о еде у Гипогликемической Леди вызывали тошнотворную улыбку и раздражение. Ей ежедневно напоминали, как цыган отучал свою лошадь есть.

Леди решила урезать и сам рацион вяленых огурцов. Вместо съедаемых ста граммов испорченных овощей, она стала их потреблять около тридцати, обильно запивая свою трапезу водой. Истерзанный небывалой безбелковой диетой организм отказывался нормально функционировать. Головной мозг работал так, будто Гипогликемическая Леди запивала свои огурцы не водой, а тормозной жидкостью. Ответная реакция на любой раздражитель запаздывала, словно почта. Ответ на банальный вопрос собеседник получал несколько раз взглянув на часы. Участие ее в коллективных обсуждениях было весьма иллюзорным, лишь тонкая тень, отбрасываемая от Леди, указывала на ее присутствие. Иногда она могла ответить внезапно на вопрос, повисший в воздухе еще вчера. В конце концов, Гипогликемическая Леди решила, что так недолго и потолстеть, и отказалась от огурцов напрочь, оставив за собой право пить воду. Этот номер не прошел. Буквально через неделю она стала валиться с ног, теряла сознание, не успев очнуться. Очевидцы упекли ее в больницу, где под неусыпным оком добрых целителей, она, несмотря на свое упрямство, вернулась к жизни.

Проводимая психотерапия утвердила Леди в желании немного поправиться, только самую капельку, чтобы не было стыдно показаться на люди. Выйдя из больницы, ее рацион от нескольких сот граммов риса постепенно скатывался к уже пережитой драме. Через некоторое время доверчивые врачи приняли на себя весьма сомнительный груз ее

тельца. Налитая, до известных пределов, гипертоническим раствором глюкозы, она начинала оживать. Она стала ориентироваться в месте, пространстве и времени. В больнице Гипогликемическая Леди открыла для себя мир, в котором есть способ существования без диеты. Выйдя в мир, она принялась с остервенением пожирать все, что видела на столе. Очевидцы удивлялись, что после таких обильных трапез, она не становилась краше. Ответ пришел вскоре. Однажды, Гипогликемическая Леди пыталась достать на людях кошелек из своей дамской сумочки, из которой выпал желудочный зонд. При дальнейшем сборе анамнеза, она созналась, что после еды она уединялась на фаянсовом троне наедине с зондом и делала себе промывание желудка. После признания, под громкое визжание, зонд у нее был изъят.

Прошло еще немало мучений и ссор с Гипогликемической Леди, прежде чем она снова стала есть. Только мозг, который, как известно, работает исключительно на глюкозе, остался навсегда поврежденным. Иногда всплывают ее старые привычки ничего не есть и запоздалые ответы на давно отвеченные вопросы.

Трибун был бы хорошей парой Гипогликемической Леди, только их разделяло немалое пространство и время. И это счастье, что они не могли встретиться: трудно представить себе плод их возможной любви, если предположить вероятность потенцирования эффектов.

Трибун что-то буркнул себе в нос и плюхнулся на рас-

кладушку, затем королевским перстом, указующим на пол, пригласил гостей присаживаться. Отец придвинул к раскладушке табурет и водрузился на нем, скрестив на груди руки. Мормон последовал его примеру. В воздухе повисло неловкое молчание, которое нарушил, наконец, Мормон.

–Трибун, слушай, дружище, ты как тут можешь?– Он развел руками, указывая на дикое свинство, царящее вокруг.

Трибун только махнул рукой.

–Все нормально, пацаны, я тут один живу, немного насорил.– Пожал узенькими, как мышинное ушко плечами Трибун.

Отец повел бровью. Если считать это– немножко насорил, то с равной степенью допущения, Отца можно было назвать китайским императором.

–Хоть роботов пусти, хай бы на них, пусть уберутся.– Продолжал Мормон.

–Вот это ты точно сказал,– промямлил Трибун, тщательно пережевывая каждое слово.– Пусть уберутся к чертовой матери.

Этот разговор напоминал диалог слепого и глухого. Однако Мормон, привыкший к своему старому приятелю, без особой неприязни выслушивал Трибуна. Отец ерзал на месте. Ему не терпелось заехать в зубы этому дебилу, останавливало лишь то обстоятельство, что он не любил убийства.

–Я тут пока вы летели, к Цватпахам в базу залез.– Трибун без лишних разговоров перешел к делу.– Ты что думаешь по

этому...?

Трибуна качнуло в сторону Отца.

–Ты про меня, видимо, многое знаешь.– Натужно произнес Отец.

–Меня Андрюха предупредил, что тема про тебя будет, остальное я в базе нашел.– Трибун закатил глаза куда-то под бровные дуги.

–Слушай, Трибун, ты накуренный что ли, что-то я тебя с трудом понимаю.– Закипал Отец.

–Не-а-а-а.– Утвердительно замотал головой Трибун, от чего последняя чуть не отвалилась.

Мормон пихнул локтем в бок Отца, при этом скривил кислую физиономию, чтобы Отцу было понятнее, мол, отстань от него.

–Нормально все, пацаны. Я в этой жизни не люблю две вещи.– Вернулся в наш мир Трибун.– Это расизм и цватпахов.

Отец пожал плечами. Мормон вяло кивнул.

–Это же животные. Они...– начал было бляеть Трибун.

–Да, да, да,– грубо прервал его Отец.– Перхоть, это я уже много раз слышал.

Трибун широко открыл глаза и попытался внимательно посмотреть на Отца, но взгляд его быстро потух и только указательный палец молнией взметнулся в сторону Отца:

–Вот это ты точно сказал.

Отец повернулся к Мормону и шепнул на ухо:

–Андрюха, ты к какому имбицилу меня через всю систему

приволок? Он же себя не знает. У него в башке червяк живет. Это же— полный отморозок.

—Отец, ты его в деле не видел. Вот в базу пойдем, если пойдем, тогда увидишь. Это вообще полный ураган. Он и живет-то в базе. Посмотри, он оттуда только поесть вылезает.— Мормон взглядом указал на убогое жилище Трибуна.

—Похоже не часто.— Отцу не оставалось другого выхода, кроме как терпеть и верить.

—Потерпи, сам все поймешь.— Шепнул Мормон.

—Пацаны, у меня жучков нет, можете громко говорить,— молвил Трибун.

—Ладно, давай к делу,— поторопил Отец этого несносного сухаря.

—Дело такое. Брата твоего нет у цватпахов. Тебя возвращать не собираются в твоё время. Геморрой никому не нужен...— Начал мямлить Трибун.

—Это, типа, я— геморрой?— Вспыхнул Отец.

—Не-а-а, не ты.— Трибун томным взглядом провёл по Отцу.— Геморрой— это тебя везти в твоё время. Никто не возьмётся. Куда твой брат делся, я тоже не знаю. Знаю, что цватпахи тут ни при чём. Однозначно.

—Откуда такая уверенность?— Мягко, стараясь не задеть друга, спросил Мормон. Однако Трибун не услышал вопроса или просто проигнорировал его.

—С бабой твоей тебе ничего не светит. Заведи себе в псевдореале семью, да живи себе с Богом. Все нормально будет.—

Молвил Трибун, обращаясь к Отцу.

–Поживем– увидим.– Отрезал Отец.

Он был недоволен, что такую нежную тему этот богомол рубил с плеча. Отец даже не ожидал, что без обиняков, без даже небольшой вуали, Трибун полоснет по живому. Трибун слегка повел плечом, давая понять, что ему, в общем, все равно.

–Тебе хоть плюй в глаза– все Божья роса.– Молвил Трибун далее.– И Мормон и твой Абрек...

–Басмач,– поправил его Отец.

–...Басмач, все говорили, что нечего тебе с ней ловить. Сам же виноват. Только дело не в этом. Я на твои вопросы ответил?

Отец даже оторопел, что в двух словах этот человек, рожденный живыми людьми и взращенный электронным мозгом, обозначил все решения на его вопросы. Отец задумался. Мормон наблюдал за обоими, за Трибуном, отрешенным от реальности и, казалось, еще не покинувшим базу, и за Отцом, сидевшим на табурете, обхватив свою голову обеими руками.

–Ты не мог ошибиться?– Не поднимая головы спросил Отец.

–Я не ошибаюсь.

–Покажи свои алгоритмы.– Поднял голову Отец.

–А поймешь?– Вяло спросил Трибун. По интонации было понятно, что он не рассчитывал на ответ, в крайнем случае,

он бы сам не ответил.

–Постараюсь. Слушай, а про брата моего ты как узнал?–
Спросил Отец.

–Мутный вопрос.– Родилось из Трибуна и тот замолчал.

–Я имею в виду, что меня интересует брат.– Сформулировал Отец.

–Ты здесь потому что Инвизы дали твою ДНК. Такая есть только у тебя и у твоего брата. Если ты здесь не причем, значит, при сём твой брат. Это первое. Второе– ты сам рылся в базе, искал следы своего брата. Насорил, что за тобой хоть бригаду уборщиков высылай. Следы заметать не умеешь. Третье– твой корявый алгоритм про цватпахов. С других сторон обсосать, так они ни при чем. Все?

Отец вдруг проникся уважением к Трибуну. Каждое слово, рожденное в таких муках– словно удар молота, беспрекословное, как догма, и неопровержимое, как судьба. Вот черт. Внешность обманчива, подумал Отец. Так же думал ежик, слезая с кактуса.

–Я так понимаю, мне здесь ловить нечего? Так?– Спросил Отец. Он стал замечать, будто спрашивает у Бога, у Которого на все вопросы есть ответ.

Трибун не ответил, только замотал головой.

–А какого мяса мне здесь делать?

–Заведи себе нормальную семью,– тень улыбки пробежала на иссушенном электронным миром лице.– Кредитов у тебя хватает, да живи себе спокойненько.

– Это не по мне. Слушай, а причем здесь сперма в банке? В моем времени?– Спросил отец и даже привстал со стула.

– Это ты мне ответь.– Проскрипел Трибун.

– Я не знаю.– Пожал плечами Отец.

– В твоё время всё было непонятным.– Спокойно сказал Трибун и заерзал.

– А билет до Москвы?

– Однофамилец.– Резко, насколько позволял язык, ответил Трибун и, помолчав, добавил.– Возможно.

А он не всемогущ, подумал Отец. Однако он уже был готов Трибуну простить всё.

– Слушай, виртуальные женщины– не по мне, ловить здесь мне нечего, я здесь– чужой. Что посоветуешь?

– Я всё сказал.– Развел корявые, как ивовые ветки, руки Трибун.

– А вернуться мне никак нельзя к себе, в моё время?– Голос Отца дрогнул.

– Это вопрос...– Протянул Трибун и замолчал.

Мормон сидел тихо, не издавая ни звука, он понимал, что сама жизнь Отца и его будущее решается в этот момент, хотя в будущем говорить о будущем, имея в виду прошлое, очень не просто.

– Отец, тебе никто из них,– Мормон кивнул куда-то за спину, имея в виду высшее руководство,– не даст и рядом пролететь с темпоральным институтом. Не говоря уже про пользоваться установкой.

—Ну а что, там же есть выходы. Туда нульнуть, а там быстро завести установку и отчалить? А?

—Нет.— Закачал головой Трибун.

—Да ты что, там куча дублирующих контролеров, которые находятся на расстоянии нескольких километров. Тебе невозможно будет сразу находиться в двух местах. Куча охраны, секретные коды доступа, да мало ли. Короче, это не реально.— Застонал Мормон.

—Да.— Кивнул Трибун.

—Ну, вирус написать, там, перемкнуть чего-нибудь?— С надеждой в голосе запричитал Отец.

—Не реально. Коды там меняются чаще, чем ты врешь. Защитная система блокируется даже при вероятности проникновения в систему, а дальше федералы рыть будут. А они нароют.— Помотал Трибун головой.— Это все очень серьезно и очень не реально.

—Да что же такое.— Хлопнул кулаком по коленке Отец.— Что мне здесь вечно болтаться?

—Придет и твое время. Ничто не вечно.— Проворчал Трибун.

—Вот так утешил.— Поморщился Отец и вскочил с табуретки.

—Другое дело цватпахи.— Медленно, очень медленно пролепетал Трибун, словно смакуя каждое слово.

—Что цватпахи?— Отец, разгуливающий по келье, резко остановился и стрельнул молнией своих глаз в Трибуна.

—С ними все по-другому. Можно у них систему инициировать.

Отец выкатил глаза. Точно, цватпахи. Они могут нам помочь. Только как?

—Слушай, а это— идея. Только у них ведь заморозили все эксперименты?— Вытянулся в вопросе Отец.

—Эксперименты прекратили, а изучать не перестали. Теоретическое изучение— тоже изучение. Установку их не разбирали, я так думаю.

—А как мне туда добраться?— Застыл Отец. По спине побежали мурашки.

—Это вопрос...— проямлил Трибун.

—Слушай, дружище,— Отец потряс Трибуна за руку очень осторожно, чтобы не оторвать ему конечность,— придумай что-нибудь. Я тебе все свои деньги на счет переведу. Мне они будут не нужны, а тебе, может, на что-нибудь и сгодятся. Придумай.

—Можно подумать.— Трибун согнулся чуть не втрое на своей раскладушке.— Нужно в базу лезть. Пойдем?

—Конечно, ясно-понятно, пойдем!!!— Вскричал Отец.— Только откуда мы в нее зайдем. Тут, я понимаю, неоткуда.

Отец еще раз обвел маленькую келью реального пространства блуждающим взглядом, стараясь найти что-нибудь, хоть мало-мальски напоминающее терминал.

—Не ищи. Здесь моя...— Трибун замялся.— Кладовка, что ли. Тут я иногда сплю, когда не в базе. Пойдем в мою камор-

ку.

Отец с нетерпением подпрыгнул в своем кресле. Он предполагал, что сейчас все трое подорвутся и кинутся в берлогу к непризнанному гению. Только, на поверку, встал он один. Мормон сидел на табурете, скрестив одновременно и руки и ноги. Он хорошо знал своего хакера, чтобы молниеносно реагировать на его предложения. Трибун тоже не шелохнулся, только лениво мазнул взглядом по Отцу.

—Ну,— с превеликим волнением завопил Отец,— пошли, что ли?

—Там только ничего не трогать.— Поднял свои мутные глаза Трибун и, для пущей убедительности вознес палец, чтобы ни у кого не возникло и тени мысли, что это шутка.

—Не буду,— заверил его Отец,— змеёй буду, не трону ничего. Пошли уже.

—Саня...— Начал, было, Трибун, но был резко прерван.

—... Отец. Так будет лучше для всех.— Сказал Отец.

—... Отец, в базу пойдешь, ничего там тоже не трогай, а то можешь напортачить, мне за тобой замечать следы нет нужды.— Сказал Трибун.

За это время Отец успел хорошенько почесать за спиной, и чуть было не потерял смысл его фразы, когда к ее концу, стал забывать, с чего начал худой хакер.

Отец выгнул большой палец из кулака вверх, заверив тем самым Трибуна, что так оно и будет. Затем Трибун неуверенно поднялся с раскладушки, его худоба, доселе скрыва-

емая сублимированной позой, резко бросилась в глаза. Его мятый балахон развеялся на нем, словно надетый на швабру. За ним следовал Мормон. Трибун что-то промямлил под нос и скрылся в черноте выхода.

–Опаньки,– развел руками Отец,– это что за номер?

–Привыкай.– Сказал Мормон.– Необычный хлопец, правда?

–Куда он пошел?– Растерялся Отец.– У этого парубка сотня червяков в башке живут. Один Бог знает, что у него на уме.

–Впечатляет?– Кивнул Мормон, умиляясь недоумением Отца.

–Крайне. Архипридунок и архигений. Как с ним люди работают, в толк не возьму?

–А они с ним и не работают. Он сам по себе, они сами по себе.

–А чего он на Хароне рыл тогда?– Спросил Отец.

–Да он и не рыл, ты на него посмотри, он тяжелее рюмки ничего поднять не смог бы. Может прогу какую запустил, или какие-нибудь проблемы алгоритмические решал, шут его знает.– Пожал плечами Мормон.

–Куда мы идти-то должны?– Спросил Отец.– Компьютер, за Трибуном.

Мормон остался стоять на месте, тогда как Отец двинулся сквозь выход, но очутился на другой его стороне, оставшись в комнате.

–Чего-то я ничего не пойму. Этот debil без нас в базу пойдет? Куда он делся?– Засуетился Отец.

–Не кипятись. Сейчас он вернется.– Заверил Отца Мормон.

И не успел он это произнести, как из выхода протиснулась вселенская худоба. И в чем там душа держится, подумал Отец, он же лет пятнадцать как лишних живет. В руках Трибуна держал два шлема для выхода в базу.

–Пацаны,– сказал он куда-то вглубь комнатки,– пошли за мной.

Он махнул друзьям своей худой рукой, в которой держал базовый шлем, это движение вызвало улыбку у Мормона и недоумение у Отца. Трибуна бросило в сторону на боковую браншу выхода согласно закону инерции и реактивной тяге. Однако, чудом удержавшись, он решил для себя, что хватит на сегодня телодвижений, и отправился назад в выход, успев сказать, что доступ для Отца и Мормона он открыл.

Оказавшись в настоящей берлоге Трибуна, Отец удивился, что она еще более скупа, чем его кладовка, которая более походила на коробку для старых игрушек. В берлоге серого пластика, едва освещенной тусклыми лампочками у самого пола, находилось единственное кресло на антигравитационной платформе, висевшее в воздухе. К подголовнику был прикреплен базовый шлем, на подлокотниках в два ряда размещались клавиатуры. Сзади кресло было опутано длинными разноцветными проводами, которые ветвились в по-

рядке известном одному несчастному Трибуну. Если, не дай Боже, случится испортиться креслу и его вспомогательному оборудованию, во всей вселенной не нашлось бы Левши, способного восстановить чудо кибернетического существования. Перед креслом висел на кронштейне стационарный монитор, освещенный боковой подсветкой. По полу были рассыпаны целые пучки и обрезки разноцветных проводов, небольшой сварочный аппарат, баллон, на котором желтым цветом было выведено: «Ar». В бессмысленном беспорядке валялись какие-то микросхемы, целые блоки электронного оборудования, всюду были разбросаны кляксы олова и следы пайки. На стенах висели объемные фотографии каких-то полуголых девиц в мини бикини в форме ракушек. Вперемешку с ними к пластику скотчем были прикреплены электрические схемы, которые были продолжены прямо на стене маркером. В углу стояла одинокая раскладушка, тоже заваленная тряпьем, которое когда-то носил Трибун. Для контроля внешнего вида Трибун пользовался глянцевой поверхностью выхода, по нему было видно, что он не часто себя затруднял такой мелочью, как внешний вид.

Пройдя в свое кресло, Трибун отвлеченно кивнул в сторону раскладушки, давая понять, что места другого все равно нет. Расположившись в своем антигравитационном кресле, Трибун выглядел, словно богомол на водительском сиденье кара. Расположив руки в подлокотнике, которые были в форме желоба, чтобы не сползали его тонкие ручки, откинув

голову на подголовник, он провалился в базу. Друзья переглянулись.

—Слушай, Мормон, он всегда такой гостеприимный?— Спросил Отец, кивнув в сторону богомола.

—Ну, это не он нас к себе пригласил, помни об этом.— Пожал плечами Мормон и надел на голову шлем.

Отец последовал его совету. Затем, расположившись на раскладушке настолько удобно, насколько позволяла конструкция этого приспособления, Отец откинулся спиной на пластиковую стену и провалился в базу.

В базе не существовало ни верха ни низа, ни времени, ни пространства, если специально не моделировать псевдореаль. Ее можно представить так: нужно лечь на спину, закрыть глаза, абстрагируясь от реальности, и вспомнить сразу все, начиная от рождения нашей вселенной, заканчивая текущим полетом какой-нибудь бабочки где-нибудь в Гондурасе. Вот собственно и все. Когда знаешь все, что знает человечество, становится немного не по себе, всплывают знания, о которых секунду назад не имел ровно никакого понятия. Можно смоделировать любую ситуацию. И тем точнее будет модель, чем меньше неизвестных будет в уравнении, и чем больше будет фактов, которых не сможет побороть даже женское упрямство.

Отец пристроился рядом с Трибуном, к ним присоединился и Мормон, успев шепнуть: сейчас ты такое увидишь!!! И Отец увидел. Трибун в базе подждал Отца и его друга, за-

метив, что они рядом, он развернулся. Он набрал все известные факты относительно Отца, его брата. Причем выудил из базы данные, пользуясь алгоритмами, до которых Отец, даже при диком желании и дулом у виска, не смог бы и придумать. Трибун разложил все факта в линейку, затем рассортировал их так, что получилась геометрическая фигура отдаленно напоминающая куб, у которого некоторые места и грани были изъеденными— не хватало фактов. Затем, пользуясь своими алгоритмами, Трибун вывел недостающие факты, что получился довольно сносный куб. Прослеживалась линия реальности достаточно четко. Отец убедился, что факты, которые вывел Трибун в ходе своего алгоритмического расследования, ясно указывали, что Дэна цватпахи не забирали.

—Понял?— Спросил Трибун, обращаясь к Отцу.

Отец дал понять Трибуну, что он понял. Сушеный богомол сейчас демонстрировал Отцу те алгоритмы, которые он уже пользовал, о которых он говорил друзьям в своей кладовке. Получалось все ловко. Резонанс темпоральных возмущений, вызванных цватпахами, мог иметь место во времени Отца и даже примерно в том— же районе, только напряженность темпоральных возмущений и отсутствие обратной волны, указывало на то, что забрать с Земли двадцать первого века космические пингвины не смогли бы и спички. Следовательно— Дэн не у них. Следовательно, Аленка, подруга брата, не у них. Второе возмущение темпорального поля было строго направлено в тот же район Кичигинского бора в

двадцать первом веке, только это не было похоже на отголосок неумелого опыта цватпахов, скорее обдуманый и направленный шаг. Следы его, темпорального возмущения, терялись, следовательно, второе возмущение еще только будет инициировано в будущем. Точка. Дэна у цватпахов нет. Отец согласился с алгоритмами и выводами сушеного червя. Значит, его нужно искать в двадцать первом веке. Попасть туда можно только через цватпахов.

Затем Трибун начал свои построения с такой невыносимой скоростью, что Отец не то, что не успевал следить за алгоритмами Трибуна, он даже не успевал отследить, откуда тот берет факты. Он тасовал имеющиеся данные в различном порядке, добывая все неизвестные, но вытекающие из схем, факты, размещая их в новом порядке, применяя к ним другие, неизвестные Отцу, алгоритмы, затем снова разбрасывал. Отец смотрел за работой этого гения с диким восхищением. В базе не было возможности видеть его тщедушную физическую оболочку, от этого впечатление о его возможностях в базе никоим образом не портилось экстерьером. Логические цепочки выстраивались в единое целое. Трибун моделировал возможности проникновения к цватпахам. Решал параллельно многие задачи. Рассматривался вариант построения временных нуль-транспортных ворот прямо на планете цватпахов, обыгрывался вариант транспортировки Отца в грузовом контейнере. Решающим в выборе тактики путешествия Отца к цватпахам – были – безопасность и время. Мож-

но был, конечно, в металлическом гробе швырнуть его через нуль-транспортный портал, это было бы очень быстро, только на планету опустилась бы клякса из органической плоти и металлической крошки. Это Отца не устраивало. Временный портал, способный переместить Отца в маленьком каре— вариант, только он затребует столько энергии, на создание которой денег Отца не хватит, а стащить ее у конфедерации— не пройдет незамеченным. Хотя энергетическая проблема была решена вследствие развития нано технологий, такая утечка энергии будет ощутима и на Плутоне. Если использовать спасательный шлюп, который больше по габаритам, на это уйдет энергии гораздо больше. И вот, наконец, решение пришло. Спасательный шлюп. Маленькая, по меркам звездного флота, посудина, размером больше кара раза в четыре, не способная ни на что другое, кроме как лететь в космическом пространстве, оберегая хрупкие тела своих пассажиров, способна решить многие проблемы. Значит, средство транспортировки— спасательный шлюп, на таком, однажды, летал Отец к точке прохода с Дэксаметазоном. Используя стационарные нуль-транспортные грузовые порталы, можно швырнуть шлюп в сторону цватпахов. Гравикомпенсаторы должны выдержать перегрузки. Оставалось высчитать маршрут. Много, очень много транспортных порталов установлено в галактике, только нужных мало. Трибун перебирал разные варианты многоступенчатого прыжка. Первый— самый безобидный— до проксимы Центавра, заез-

женной людьми, словно Сочи. Далее прыжок в систему Альтаира, затем возвращение на тау Кита, где существует непостижимая земному разуму цивилизация сороконожек. Затем прыжок уже в какую-то систему, у которой и названия не существовало, только цифры. И лишь потом, следуя великому транспортному пути, шлюп отправится к цватпахам, отстоящим от портала в семи сутках лета, на набранной скорости. Для такого сложного пути необходимо обсчитать все угловые отклонения, притяжения звезд, возможность столкновения с космическим мусором. Задача непростая. К Трибуну присоединился Мормон, помогая рассчитывать траекторию движения спасательного шлюпа. Мормон еле-еле поспевал за Трибуном, который строил свой алгоритм, опережая помощника. Расчетная скорость шлюпа при выходе из последнего портала оказалась низкой, значит, нужно его перепрограммировать на более сильный последний бросок. Это можно сделать без ведома федералов, напустив на портал вирус. Трибун занялся построением вируса. Меняя адреса протоколов связи, направляя возможную слежку по ложному пути, который терялся где-то в дебрях галактики, Трибун создал вирус, который должен был исчезнуть после первого же запуска. Затем Трибун занялся чисткой концов, чтобы не было и намека его пребывания в базе. Делал он это очень умело, тем более учесть тот факт, что работал с базой очень бережно, стараясь не оставлять следов и не нарушать обычного уклада ее.

Удалив все свои следы и следы его спутников по виртуальному миру, Трибун принялся за поиски спасательного шлюпа, способного доставить Отца к цватпахам. Это оказалось несложно. Такой имелся в доке на Хароне. Шлюп не был новым, но и не был развалиной. Он прошел техническое обслуживание, которое полагалось проходить космическим судам каждые полгода, и сейчас стоял в доке, дожидаясь своего часа. Шлюп был собственностью корабля «Магеллан», системного назначения, который, был приписан к Марсианскому летному отряду. Трибун забрался в обслуживающие спасательный шлюп файлы, изменил описание состояния шлюпа на «требующее дополнительного ремонта», при этом, не забыв сменить пароль и коды доступа. На это ушло несколько секунд. Теперь об этом шлюпе забыли на время. Им можно пользоваться. Вот вроде бы и все.

Проблема транспортировки Отца решена. Мормон напомнил Трибуну, что неплохо было бы придумать план, по которому Отец вернулся бы в свое время. Трибун принялся за работу. Он собрал в кучу все сведения о цватпахам, об их разработках в проекте темпоральных перемещений. Фактов было мало. Выудив невесть откуда новые алгоритмы и приемы, Трибун нарисовал общую картину состояния дел в проекте. Силовая установка находилась на орбите планеты, и была законсервированной. На техническое обслуживание изредка прибывала команда техников, которая делала контрольные замеры работы оборудования, проводила профи-

лактические работы и удалялась назад. Организация, в ведомстве которой находится установка, расположена на территории, именуемой Гаджет, в ее столице, имя коей— Банжа, что в северном полушарии планеты Цватпа. Группа ученых включает около двадцати персон и около сотни курьеров, секретарей, лаборантов и прочего люда. Организация режимная, охраняется хорошо обученными силовыми подразделениями, оснащенными совершенным оружием и охранным оборудованием. Гриф «совершенно секретно».

Вытекали следующие опорные моменты операции: необходимо проникнуть на территорию режимного института, собрать необходимые сведения об устройстве силовой установки, усовершенствовать ее настолько, чтобы можно было вернуться в тихий двадцать первый век. Отправиться на орбиту, запустить установку и убираться восвояси. Это план в общих чертах. Детали нужно корректировать на месте, исходя из ситуации.

Как я смогу к ним проникнуть? Подумал Отец. Они выглядят не по-Земному. Низкорослые пингвины, способные мыслить и шалить с полями, быстро меня примут за чужака. Трибун, не думая и секунды, бросил: генератор иллюзий. На первое время хватит. Ты же не соб митьираешься там задерживаться. Отец ответил утвердительно.

Сложно. Все очень сложно. Находиться в шести миллиардах километров от Земли, планировать полет на другую сторону галактики, на планету населенную не гуманоидами, ко-

которые и думают то другими категориями. Проникнуть на режимное предприятие государственного значения, похитить секреты охраняемого объекта, что-то с ним сделать, чтобы он заработал, отправиться на несколько столетий назад, в прошлое, на другой конец вселенной, где тебя никто не ждет.

Отец загрустил. Может плюнуть на все и доживать свой век здесь, где уже все терпимо и знакомо. Может и с Рыжей наладится? Кто его знает. Неисповедимы пути Господни. Забраться в базу, плюнуть на все и найти свой мир в грезах. Создать мир без эпохальных треволнений, без спасения человечества, без угрызений совести и мук бытия. Нарисовать себе барышню, которая будет светловолосой сиротой, хорошей хозяйкой, которая народит кучу маленьких виртуальных наследников. Какая разница в том, где ты живешь? В воображаемом мире или в своре необузданных страстей, способных и готовых уничтожить тебя со всеми твоими переживаниями и мечтами. Для мозга реальности неотличимы, тогда зачем платить больше? Говорят, лучшее— враг хорошего. Наверное, это так. Пытаясь найти себя— теряешь весь мир. Спасая мир, уже и не сыщешь то человеческое, что в тебе было. Может и не нужно изобретать огонь, когда еще древние индусы нашли совершенный мир в нирване. Найдя себя— находишь и Бога. Трудно себе представить, что человек из двух зол намеренно выберет большее, хотя практика утверждает обратное. Сколько не пытай— сыщешь самое худое. И это закон. Закон, который придуман не нами и не нам

его отменять. С эти миром кардинально что-то не так. Где-то произошла поломка, которая вывернула весь мир наизнанку.

В мире где нет проблем— нет и страстей. К чему лукавить, каждый пытается найти свою дверь в лето, где будет легко и свободно. У каждого есть мечта о любви, семье, понимании, доверии и чести. У каждого в душе, самом сокровенном уголке, теплится надежда, что завтра, или послезавтра или через тридцать лет, все будет по-другому, все наладится и образуется. Каждый старается в меру своих возможностей приблизить этот миг, когда станет все согласно его внутреннему распорядку. Каждый человек стремится к гармонии своего эго и внешнего мира. И только блаженные в своем скудоумии находят ее, ни к чему не стремясь. Этот мир, вопреки желанием и здравому смыслу, старается перемолоть каждого, сломать его, пережевать и выплюнуть на поругание толпе, он стремится к хаосу, как ни трудись над ним. Так заведено, что в этой реальности никто не может найти удовлетворение.

Королям отрубают головы, нищие, лишенные морали, правят миром, маленькие женщины рвут на части великие умы, сознавая, что все делают правильно. Одни уничтожают себя, лелея мечту найти в мире ином отдохновение, иные изводят окружающих, пытаясь найти в этом удовлетворение. Где правда? В чем этом смысл? Куда мы все идем?

Много путей. Сколько судеб столько и путей. Можно отдаться работе, наплевав на себя, можно отдаться деньгам,

забыв о чести и справедливости, можно отдать себя на откуп греху, простившись со спасением. Лишив себя будущего, легко поддаться сиюминутным удовольствиям, которые рикошетом дадут о себе знать в недалеком будущем. Можно, простившись со здоровьем найти смысл в пожирании плоти.

Можно сотворить себе небеса и пребывать в мире с самим собой, наслаждаясь свободой, ограниченной лишь вселенной. Можно быть счастливым, не забирая жизни несчастных, можно любить, не увеча себя и любовь, можно быть сильным, не надрывая сердца, можно быть добрым и не выглядеть дураком. Можно стать любимым, не ставя на колени свою гордость, возможно стать мудрым, не черня соперников, можно стать великим, не обрезая крылья близким. Легко стать всемогущим, не втаптывая в грязь окружающих. Нужно лишь пожелать и забыть об этом.

Миру плевать на твои мысли, твои возможности и желания, его не трогают высокие мотивы и мораль. Миру все равно как ты приходишь в этот мир, и тем более безразлично, каким путем ты покинешь его. Миру нужны жертвы, ему нужен рабочий материал, из коего он делает вечность. Мир, словно неумелый мастер, берет еще сырую заготовку, точит, пилит ее, режет ножом и войнами, терзает любовью и засухой, топчет заботами и ненавистью, а потом выбрасывает прочь. Так он ломает каждого.

Почему мир назвали Миром? Гораздо лучше подошло бы название Страх или Зависть, Злоба или Ненависть, но никак

не Мир. В мире нет мира. Это непостижимый и ужасающий парадокс и он будет тревожить сердца еще многие поколения. Мир без понимания и всепрощения, без сострадания и уважения, мир без радости и счастья. Что есть мир? Но есть мир, где всегда ложь и зависть, мир, где любовь продается, мир, где честь покупается, где нет места добродетели и уважению. Кто скажет, почему мир назвали Миром?

Не за тем ли грядет Армагеддон, чтобы с мира смыть всю грязь и нелепость? Не за тем ли праведный огонь сметет все, чтобы в мире построить Мир? Не нам ли должно быть стыдно, что в мире нет мира?

Не мы такие, жизнь такая. Оптимизм— суть стремление к первозданной гармонии. Пессимизм— трезвое отношение к реальности. Ничем не прикрытая ложь, ханжество и двуличие, уличенные в существовании, это ли не наш мир? Это ли не трезвое восприятие, это ли не пессимизм?

Отец снял с головы шлем, вернувшись в реальность. Он обхватил голову и, раскачиваясь на раскладушке, размышлял, взвешивая все «за» и «против». В этом мире он— один. Кто у него есть? Никого. Есть Мормон, есть Рыжая, которую по-настоящему в расчет брать нельзя, есть будущий сын, которого нельзя не брать в расчет. Однако, быть воскресным папой Отцу никак не улыбалось. Или быть настоящим отцом, или пусть Рыжая этот грех возьмет на себя. Еще есть дальние родственники. За все это время, с двадцать первого века, они стали настолько дальними, что родство может

и не проследиваться вовсе. Кому нужен бедный, до известных пределов, родственник? Он нужен, как козе баян, да собаке палка. Всё. Басмач— это праздник, который всегда с тобой. Его можно взять в свой мир. Да и в своем мире есть реальный двойник, а точнее матрица. Суся? Пошла она... Познакомила Отца с Рыжей. Видеть не хочется. Она нам тоже— не якорь, из-за нее здесь оставаться нет смысла. Работа? Кому нужна эта работа, где на тебя смотрят, как на слона в посудной лавке. Одни минусы. Зато в своем привычном мире есть брат, который будет жить дальше, есть институт, который нужно окончить, есть мама, которую просто необходимо утешить, а также есть Мать, с которой нужно попроситься. Но для достижения этой цели нужно исколесить всю галактику в ворованном шлюпе, войти в доверие к цватпахам, забраться в установку и вернуться в свой мир. Сложно. Наверное, игра стоит свеч. Нужно попробовать. На его долю и так выпали небывалые приключения, любовь и сын, так что можно, в случае острой нужды, и умереть где-нибудь на задворках Млечного Пути.

Из базы вышел Мормон. Трибун оставался дрыгаться в своем кресле в паутине виртуального мира.

—Что скажешь, Отче?— Кивнул Мормон Отцу.

—Что тут скажешь,— развел руками Отец,— план уже есть, жертва тоже. Поехали...

—Я думаю, ты не станешь настаивать, чтобы я тебя проводил до Альтаира?— Натужно улыбнулся друг.

Отец, молча, покачал головой.

– Спасибо, Андрюха, ты – настоящий друг.

– A friend in a need is a friend indeed.

– Это точно. – Отец обхватил руками голову и стал раскачиваться дальше. – Андрюха, а ты что по этому поводу думаешь?

– Ох, Отец, тебе решать. План сложный, только Трибун просчитал вероятность его осуществления. Вроде все получается. Смотри сам. Тут тебе никто не советчик. – Махнул рукой Мормон.

– А ты бы стал? – Поднял глаза на Мормона Отец. В глазах его мелькнула неуверенность.

– Не знаю. У меня-то другая ситуация. Мне отсюда когти рвать нет резона. Мне и тут хорошо. У меня Пальма есть, да планы кое какие... – Потупил глаза Мормон.

– Понимаю. – Отец потух. – Пусть судьба решит за меня. Мормон, у тебя есть монетка?

– Какая, к чертям, монетка, Отец, ты в каком веке? К себе-то еще не вернулся. Монетка... – Удивился Мормон и полез к себе в карман. – На, вот, тебе значок.

Мормон протянул маленький нагрудный значок с надписью: «Все – фекалии, кроме мочи», а вокруг, по контуру маленькой жестянки мелким шрифтом значилось: «Ассоциация Молодых Урологов». Отец оценил юмор Мормона. Ни разу еще Отец не испытывал судьбу фекалиями и мочой одновременно.

—Ладно, выпадет на фекалии— быть плану. Если упадет кверху заколкой— остаюсь.— Отец, еще секунду помедля, бросил вверх урологический значок.

Перед глазами проплыла полукруглая общага, в его двадцать первом веке, реальный Басмач, Гурик. Черный кот Мойша, отказавшийся от коробки— туалета в пользу кровати Басмача. Отец вспомнил Бочкарева, его соседей. Почему-то проплыла перед глазами Белка, которую Отец толком и не знал. Телефон-автомат. Лелик, дорога, Кичигинский бор, заросший буреломом и кустами ирги. Мужик в лесу, очень похожий на Дэна. Затем приторный привкус йода, белая пластиковая комната. Басмач, но уже виртуальный. Тихая заводь с Пиначетом и Ньюрой. Фу, дура. Потом Армстронг. Рыжая. Еще Рыжая. Потом одна Рыжая. Берег широкой реки, разноцветные блестящие камешки, потерявшие свою прелесть, стоило только им высохнуть. Точка прохода, Декс, его неумная страсть к аланину. Странные Веганские пейзажи с бурлящей зеленой жижей, которые Отец никогда не видел. Марс, Уран, Плутон.

Значок, быстро вертясь, опустился в руку Отцу. Он быстро захлопнул ладони, и еще немного помедля, на всякий случай, перевернул и открыл их.

—Ну, значит в путь.— Произнес могильным тоном Отец.— Фекалии не тонут.

На влажной от волнения ладони лежал значок с многообещающим, а, главное, емким определением всего сущего на

земле, после которого тему познания мира следует считать закрытой.

Отец еще раз прочитал надпись и кивком согласился, мол, точно. Трибун зашевелился в кресле. Отец поднял глаза на сушеного гения в надежде на чудо, что он скажет, все это— чушь, собирай вещи, ближайшим рейсом отбываешь к себе на родину, в свой патриархальный двадцать первый. Но чудо бывает только в эротических снах. Трибун повернулся к Отцу и медленно— медленно, будто у этого человека вся вечность впереди, сказал:

—Пацаны, проблема небольшая.

—Ты себе льстишь. Небольшая в твоём понимании— это катастрофа для меня.— Огрызнулся Отец, однако приготовился слушать.

Трибун или не услышал этих слов, или не захотел их слышать, он размеренно продолжал:

—У меня на хвосте антивирусная служба. Чуть не схватили меня с вирусом.

У Отца от удивления на висках полезли седые волосы.

—Что делать будем?— Следовал, словно выстрел, вопрос.

—В альпийской долине у меня есть еще один терминал, только про него никому ни слова. Оттуда выйдем в базу под правительственным логином и пустим чахотку.— Трибун чуть не уснул, произнося все эти слова.

—Где, где?— Переспросил Отец.— Нам что, на Землю снова лететь, потом на Харон вертаться?

–Нет,– ответил за Трибуна Мормон.– Здесь, как и на Луне тоже есть альпийская долина. Длинный кривой кратер. Просто он своим видом напоминает Лунный, потому так и называли.

–А-а-а.– Протянул Отец.– А я-то думал: на лыжах заодно прокатимся.

–Успеваем еще.– Заверил его Мормон.

–Ну, тогда все пучком, а я уже испугался.– Улыбнулся Отец и встал с надоевшей раскладушки.

–Пацаны, у вас с юмором ничего не попутано...– Изрек Трибун.

Друзья переглянулись. Что же делается в этой голове? Какими категориями мыслит это странное существо, работающее на виртуальном топливе? Меньше всего на свете сейчас Отцу хотелось хохмить. Не до того.

–Ну, когда двинемся?– Спросил Отец. Вопрос, словно топор, повис в воздухе.

Мормон пожал плечами и воззрился на Трибуна. Тот, словно не замечая вопроса, завис в своем кресле в пол-оборота.

–Как они меня засекали?– Спросил Трибун сам у себя.– Я же все за собой замел. Они наверное...

Тут он пустился в размышления, из которых Отец уловил только предлоги. Отец закружил по комнате, заложив руки за спину, нет-нет кидая на Трибуна требовательные взгляды. Тот их не замечал, и только продолжал сам себе объяс-

нять природу своей ошибки. Отец сужал круги вокруг Трибуна, практически наступая на него. Тот не замечал выражи, в его состояние смертельные. Наконец Отец, невзначай, все-таки пихнул несчастного хакера, погруженного в монотонную болтовню, тот слетел с кресла, и, казалось, снова обрел чувство реальности. Он осмотрелся вокруг, словно соображая каким образом оказался на полу. Отец любезно отошел в сторону, всем своим видом показывая свою непричастность к этому тревожному падению. Трибун, расставив свои конечности, словно богомол, пытался подняться с пола. Мормон сделал движение в его сторону, стремясь помочь своему знакомому, но Отец жестом остановил его. Немного попрыгав, словно корова на льду, Трибуну все-таки удалось восстановить вертикальное положение и он вернулся в свое кресло.

—Нужно взять кар какой-нибудь, туда долететь. Нужны скафандры. В моей берлоге шлюз маленький, кар туда не пройдет.— Взглядом он испросил у окружающих, как им это сделать.

—Да ну?— Удивился Отец.— Всего-то?

—Кар у нас есть, он в ангаре. Только он двухместный. Там же два спасательных скафандра. Третьего нет.— Вставил Мормон.

—Ясно,— кивнул Трибун.— Сейчас его взломаю.

—Ты что, рехнулся совсем? Он же нормальный, ты что с ним делать собрался?— Уставился на Трибуна Отец.

Мормон ответил за Трибуна, который не счел нужным от-

ветить на столь очевидный вопрос.

–Там, понимаешь, автоматика трех человек не посадит. Залезть, конечно, можно, только не улетишь никуда. В целях безопасности... Так что тут без взлома не обойтись.

Отец понимающе кивнул.

Трибун уже нацепил на себя шлем и окунулся в виртуальный мир. Пальцы побежали по клавишам, словно блоха по собаке. Мелькание становилось неразборчивым, настолько Трибун владел двумя парами клавиатуры. Наконец он затих и шлем откинулся с его гениальной головы.

–Все, пошли.– Он неуклюже встал со своего кресла.

–А скафандр? Где мы скафандр возьмем?– Спросил Отец.

–Пацаны, все нормально,– махнул куда-то в сторону Трибун.– Сейчас туда погрузчик придет с ним.

–С кем?– Спросил Отец.

Трибун поднял мутные, словно нефилтрованное пиво, глаза на Отца. Во взгляде его читалось недоумение, граничащее с безумством.

–Скаф, типа...– Трибун развернулся в сторону выхода и пошел прочь.

Отец следовал за Трибуном. Мормон нехотя поднялся с раскладушки и потянулся:

–Я– лев, я– царь зверей.

–Пошли уже, хороняка.– Улыбнулся Отец и скользнул в выход вслед за Трибуном.

Очутились друзья в ангаре, в который прибыли немно-

гим более часа. Вдали продолжались сварочные работы. Все также велись работы ремонтной бригады, которой, как и час назад, не было дело до прибывших. Это всех устраивало. Возле системного кара марсианской приписки стоял автоматический погрузчик с контейнером. Что в нем находилось, было всем ясно без слов.

Трибун махнул рукой на погрузчика, словно приказывал ему лечь.

—Брось,— продублировал он свою команду словами,— сами унесем.

Погрузчик оставил небольшой контейнер на пластиковый пол, развернулся и покатился куда-то в дебри ангара. Трибун развернулся к друзьям и полоснул спящим взором. Он стоял и поглядывал то на них, то на контейнер. Было ясно: нести контейнер ему претит, а посему он своим видом предлагал посетителям поднести сумочку. Отец без лишних слов подхватил контейнер и понял, почему Трибун выглядел, словно дурак с крашеной торбой. Весу в нем было килограммов тридцать, не меньше.

—Все ясно,— сказал Отец, открыл контейнер и достал желтый, словно щенячья радость, скафандр, который повесил себе на руку. Затем он ногой оттолкнул контейнер в сторону и обратился к бортовому компьютеру кара,— открывай, жаба.

Носовой иллюминатор отполз на корму, давая проход в салон. Отец, сознавая всю несостоятельность просьбы занять место за пассажирскими креслами Трибуна, полез первым

в открывшийся кар, кряхтя. Ему мешал скафандр, который стал немногим легче без контейнера. Он цеплялся за бортовую обшивку, за приборную панель, за кресла. Отец матерился, сопел, но полз. Его отчаянные попытки влезть в салон, наконец, увенчались успехом, кое-как разложившись за креслами, устроив на коленях скафандр, затих, ожидая появления своих попутчиков.

—Отец, передай нам скафандры. Они у тебя там, за спиной.— Попросил Мормон.

—Родной, ты шутишь? Я вздохнуть тут не могу, сам залезь, да возьми.— Отец пошевелился, давая понять, что ему никак не развернуться, чтобы за задней боковой панелью, которую, кстати, еще нужно открыть, достать пару таких же необъятных скафандров.

—А ты как будешь его надевать-то, коли двигаться не можешь?— Спросил Мормон, игнорируя позиционное оцепенение друга.

—Прилетим, вот там и одену.— Проскулил из-за кресел Отец.

—Пацаны, нужно сейчас их одеть, там нет места для кара, нужно будет выходить на планету так.— Трибун сделал жест, очевидно означающий скафандр.

—Чего, вы, ... нехристи, над старым человеком издеваетесь? Нельзя было сразу сказать?— Матерился во весь голос Отец. На троицу стали оглядываться проходящие мимо рабочие.

—Хотелось посмотреть, как ты со скафандром будешь пролезать в кар. Интересно.— Засмеялся Мормон.— Вылезай, уже. Всех посмешил.

Тут раздался утробный звук, словно кто-то сильно хотел есть. Так смеялся Трибун. Широко растянувшийся рот открыл потрясающую картину. Показался ряд белых зубов и куча мелких неуверенных морщинок на лице хакера. Было видно, что улыбался, а тем более смеялся несчастный нечестно.

Отец, матерясь, с еще большей помпой вылез из кара, развернув при этом пассажирские кресла.

—Чего смеетесь? Негодяи.— Рывкнул он.

—Давай, одевайся уже, клоун тряпочный. Ну, уморил.— Смеялся во все горло Мормон. Трибун посмеивался за его спиной.

Мормон протиснулся в кар, достал оттуда аварийные скафандры и протянул их Отцу. Отец один протянул Трибуну. Несчастный согнулся под тяжестью ноши.

—Нормально все. Пацаны, давай тут оденемся, а то нам недолго лететь, чтобы в каре не корячиться.— Молвил Трибун и начал свое облачение.

Мормон вылез из кара и оделся по образу и подобию Трибуна. Отец следовал их примеру. Облачившись в желтые скафандры того же веселенького желтого цвета, взяв шлемы под руку, как старые космонавты, отправляющиеся в дальний путь— орбитальный космос, друзья следовали один за другим

в летательный аппарат. Первым шел Отец, занимая уже облюбванное место за пассажирскими креслами. Далее шел Мормон, замыкал строй Трибун.

Как сильно отличались спасательные скафандры от монтажных, коим пользовался Отец невдалеке от точки прохода. Этот напоминал чукотскую парку, только без капюшона. Желтый прочный материал, на ощупь напоминающий драп, был чуточку тяжеловат. Экзоскелет отсутствовал вообще. Небольшой плоский кислородный резерв крепился к спине. Систем кондиционирования и обогрева не было в принципе. Механизмы, усиливающие движения, как у мануальных погрузчиков, так же отсутствовали. Неплохая теплоизоляция, маневренность и прочность материала— вот и все, чем мог бы похвастаться спасательный аварийный скафандр. Сверху к нему, на широком ободе, крепился шлем. На приборной панели горело несколько индикаторов герметичности, температуры, влажности, напряженности магнитного поля, мини радиостанция, да счетчик Гейгера. Не густо, но спасти на пару часов космонавта можно. В данный момент это и не требовалось.

—Как тебе родной, за спинами нашими?— Спросил с насмешкой в голосе Мормон. Трибун хихикнул.

—Леший, еще издевается. Первый метеорит— ваш, меня это радует.— Проворчал из-за спин Отец.

—Тут нет метеоритов.— Сказал медленно Трибун, слегка повернувшись к Отцу.

—А на поверхности тогда что? Черт лысый?

—Это давно было,— махнул Трибун.— Я уже здесь скоро восемь лет будет, ни одного не встретил. Да и поле защитное...

—Отец, ты так сидеть не привыкни, а то понравится. Смотри, прецеденты уже были.— Засмеялся Мормон.

—Давай уже отчаливать, долго тут сидеть будем? Ноги уже затекли, а мы еще не сдвинулись.— Ворчал Отец.

Трибун заказал виртуальную клавиатуру, проецируемую в пространстве перед ним и забегал пальцами по ней, при этом маленькие красные кружки разбегались от прикосновения.

—Сейчас свой логин и пароль введу, эта железка без них нас не поднимет.— Медленно произнес он и еще быстрее принялся за клавиатуру.

В конце концов, на приборной панели что-то пискнуло, приборная панель вспыхнула, пришла в действие, и носовой иллюминатор сполз с кормы на нос, закрывая кар. Голубоватое свечение вокруг кара обозначило включение защитного поля. Кар медленно поднялся с пластикового покрытия ангара и развернулся в сторону шлюза.

Шлюзовые створки отползли в сторону, пропустили кар в шлюзовую камеру, а далее на Плутон.

Плутон встретил хакерскую тройку серым неприглядным пейзажем, окруженным непроглядной чернотой космоса. В нескольких метрах от посадочных плит летел кар, все больше набирая скорость. Затем посадочная позиция, освещенная прожекторами, закончилась, и на все пространство, куда

ни кинь взгляд, раскинулся мертвый, холодный первозданный Плутон.

Летели молча. Отец, насколько ему позволяла теснота кара, выглядывал из-за кресел, рассматривая Плутонеанские ландшафты. Отсутствие атмосферы, рассеивающей свет, как и на Луне, рождало дикие невысказанные контрасты. На Плутоне не было полутонов. Черные кляксы теней сменялись чуть серыми пятнами поверхности, освещенной далеким солнцем, да отсветом посадочной иллюминации, которая непрерывно таяла вдали. Привыкнув немного к темноте, Отец стал различать каменные нагромождения и рытвины, которых было множество на поверхности планеты. Скудный темно-серый осколок вселенной не мог похвалиться красками земным, искусственным цветами отпрыскам. Рытвины и глыбы вдруг резко ушли вниз. Кар проплыл над огромным кратером. Сколько не смотрел Отец вдаль, сколько не напрягал зрение, краев его не было видно. Только серая хмарь внизу, да чернота сверху. Некоторое время спустя, появились края огромной Плутонеанской воронки. Кар поднялся вверх еще на несколько метров. Автопилот, во избежание столкновения с горной цепью кратера, отклонил машину в сторону и продолжил свой полет.

Сидя на берегу великой русской реки где-то под Астраханью с пьяным медвежонком Пиначетом, Отец не без грусти вспоминал серо-черные равнины и кратеры маленькой планеты, которую некоторые ревнители солнечной системы ве-

личали большим астероидом. Тогда он был пусть на Плутоне, пусть в шести миллиардах километров от родной синей планеты, зато был дома, в тихой, обжитой и уютной солнечной системе. Сейчас же, находясь в тени кипарисов со старым drinking partner, Отец болтался на задворках вселенной, в каком-то Богом забытом рукаве Млечного Пути в сломанном спасательном шлюпе, несущемся с бешеной скоростью в неизвестность.

Отец снял шлем. Реальность снова навалилась на него пугающей неизвестностью. Руки и ноги ныли от неподвижного положения. Находясь в виртуальном пространстве, он не мог шевелиться. Отец встал. Тусклое дежурное освещение позволяло лишь видеть приборную панель да едва различимые контуры кресел и кормы. Зато впереди были звезды. Они уже порядком надоели Отцу. С ними нельзя было перекинуться словцом, с ними не повздоришь и каши не сваришь. Они глухи к твоим потребностям, им все равно кто летит мимо них. В своей жизни они видели много пролетающего космического мусора и новым их не тронуть. Отец прошелся по шлюпу. Четыре шага туда, четыре назад. Как у Хоббита: туда и обратно. Сделав несколько кругов по шлюпу, Отец немного попрыгал, похлопывая себя по плечам. Жесткий экзоскелет скафандра притуплял похлопывания, однако Отец не рискнул снять его в полете. В этом секторе может случиться всякое. Хотя, что городить чушь. Всякое может случиться даже на орбите матушки Земли. Здесь ничуть не хуже. Отец

скакал по шлюпу, для бодрости напевая под нос: татарам даром дам, татарам даром дам. Вроде размялся. Миллион маленьких иголочек вонзилось в заднюю группу мышц бедра. Отец взвыл. Принялся похлопывать и постукивать по жесткой броне бедер. Вот свинство, думал Отец. Вот то же самое и с Трибуном происходит. Несчастный не вылезает из виртуальности, так и сохнет, как удав на пачке дуста. Клянусь, больше не полезу в эту чертову иллюзию, подумал он. Нужно подкрепиться. Набив желудок всякой разностью, Отец снова плюхнулся в кресло. На сей раз он не был так привередлив, отдавшись на волю случая, он выбрал несколько банок вслепую. Оказалась жареная картошка и бешбармак. Запил соком киви. Нормально. Отец неплохо готовил бешбармак. Татары утверждают, что лучший бешбармак готовится из конины. Отец не любил конину. Ему было жалко этих благородных животных, даже если это и была простая Башкирская дворняжка. Отец делал блюдо из гуся. Он долго его варил на медленном огне, делал тесто, резал на лепешки, а жирную горячую шурпу обильно сдабривал резаным луком. В общем, бешбармак – блюдо для ленивых, однако все признавали, что лучшего кушанья никто из птицы не ел. Может потому, что его из гуся не готовят?

Однажды в общаге собрались несколько парней встречать новый год. Многие разъехались по домам, в их числе был и Отец, а посему эту историю он услышал уже в новом году, обещающем быть лучшим, чем предыдущий, от очевидцев.

На соседнем этаже осталось встречать новый год несколько девушек, которым было или далеко ехать до дому, или просто не за чем, или не к кому. Решили объединиться, дабы соблюсти великий вселенский закон единства противоположностей, и чтобы было веселее. Договорились принести с каждой стороны и горячительного для души и пищи для тела, чтобы не было скучно. На том и порешили. У парней стратегический запас раствора этанола был, а вот с хлебом насущным они к единому консенсусу так и не смогли придти. Из еды— только кот и тараканы, которые стаей несметной облюбовали старую общагу еще с тысяча семьсот кудрявого года, когда земля стояла на слонах. Обзвонили знакомых, прошлись по должникам— ничего. Пробовали занимать, пробовали требовать— ничего. Дилемма! Что делать и как с этим справиться? Один из парней в поисках жертвы обходил еще не успевших разъехаться жильцов в поисках легкой поживы или долговой кабалы. Жертва не заставила долго себя ждать. На кухне, на нейтральной территории в чугунке варилась курица, охрана к ней не была приставлена в силу очевидных причин. Видимо хозяин мертвой птицы собирался в дорогу и не имел возможности трепетать над таинством гидролиза птичьего белка. Наш очевидец снял с себя футболку, заботливо, чтобы не обжечься, обмотал вокруг ручек кастрюли ткань и бочком побежал к себе с еще бурлящей жидкостью. Закрывшись у себя в комнате, он поставил ее на свою плиту, дожидаясь готовности. Парень оповестил своих компа-

ньонов, что его попытка раздобыть закуску, наконец, завершилась чудесным финалом, и что предмет вожделения кипит у него в комнате. Парни обрадовались и решили известить девушек, что у них самым чудесным образом все получилось. Пробило десять— время «Ч». Собрались в комнате у девушек. Те имели вид лихой и придурковатый. Прекрасная половина в боевой раскраске, в цветных пижамах на голое тело, чтобы лучше были видны все прелести их юных тел, кисла, словно перегной. Оказалось, что у них кто-то такой же ушлый, как наши герои, утащил индейку, пока они наводили марафет. Парни их уверили, что одной курицы на всех хватит, что салаты, приготовленные обязательной половиной, дополнят вареную курицу, и водка скрасит настроение и смоем боль преждевременной утраты. Когда пришла пора выкладывать яства на стол, парни принесли свою курицу вместе с вином. Тут то и выяснилось, кто украл индейку и чья все-таки это была курица. Так вор у вора дубинку украл. Тем не менее, праздник удался, а курица стала причиной многих супружеских пар и шуток.

Отец сидел в кресле. Делать нечего. Еще сутки лета. Целые сутки. За сутки Геракл мог очистить Авгиевы конюшни. Что сделал Отец за прошедшие шесть суток? Ничего. Он ел, спал, жил в иллюзии под Астраханью, ходил в биотуалет, и нет-нет, возвращался в реальность, чтобы поскакать по шлюпу и, матерясь, потерять прочную броню монтажного скафандра.

Отец одел снова шлем. Уютная прохлада тенистой кипарисовой аллеи окружила со всех сторон печального странника. Он сидел на лавочке рядом с коалой Пиначетом, которого оставил ненадолго, чтобы в реальности подкрепиться и растереть затекшие ноги. Мимо проходила та- же парочка средних лет, что и когда он покинул этот тихий уютный Астраханский уголок. Лениво наклонилась над лавкой белокожая березка, словно опахалом обдувающая своими ветвями утомленных солнцем странников. Где-то в вышине звенели цикады. Стоп! Откуда здесь цикады? Компьютер, убрать насекомых. Где-то в вышине метались наперегонки простодушные ласточки, поедающие мошкарку. В небе ленивые, словно весенние сопли, висели белые клубы облаков. В верхушках стройных кипарисов играл молодой ветерок, не решающийся спуститься вниз, дабы не потревожить властелина мира- Отца. Невдалеке играла приглушенная простенькая песенка про черные глаза, где последнюю фразу молодой певец повторял раз тысяч пятьдесят. Со стороны реки доносились запахи свежего шашлыка и пряностей, в дали аллеи, уходящей прочь от вечной реки, виднелись стоящие по бокам мороженщицы и детвора, обменивающая бумажные кредитки на вафельные стаканчики. Далее приплясывали клоуны в клетчатых разноцветных шапках с бубенцами, торгующие воздушными шарами. С ними вперемешку сустились ряженые в заячьих костюмах с длинными ушами, вселяя веселье в молодые сердца. Малыши катались на трех-

колесных велосипедах, сбивая нерасторопных старух. Другие детки катились в колясках с резиновой затычкой во рту. Скучно!!! Где динамика? Где страсти и адреналин? Где движение и подвиги? Где жизнь и буря? Где все это?

Охота. Только охота и никак без нее. Водка, ружья, козлы, красавцы грейхаунды, зайцы, медведи. Что-нибудь такое. Чтобы не умереть в неге и скуке. Рыба. А ну ее к дьяволу. Пусть ее ловят старики и алкоголики.

–Компьютер, в лесостепь куда-нибудь, на охоту.– Сказал ввысь Отец. Пиначет поднял непонимающую морду с груди. Проходившие подивились на дебила, который, сидя на лавке, разговаривает с компьютером.

Отец очнулся от истошного визга. Пиначет визжал, будто ему под ногти загнали раскаленные иголки. Шерсть на нем вздыбилась, уши прижались, глаза расширились и сверкали в косом свете, словно две маленькие сибирские язвы. Медведь вцепился в колени Отца, заснувшего на переднем сиденье джипа, что чуть не выступили слезы у обоих. Отец сбросил коалу под ноги, от этого визг животного приобрел роко-чущий оттенок, заглушаемый лишь ревом двигателя. Сзади выли собаки. Четыре грейхаунда и лайка Чавка. За рулем, сверкая очами, несся неутомимый и немного дикий Николаич. Короткая бородка подчеркивала хищную стремительность, светившуюся во взоре. Отец любил над ним подтрунивать, что усы– честь, а борода и у козла есть. Николаич не обижался. Он знал себе цену, а потому с отеческой снисхо-

дительностью относился к словоблудию Отца.

—Чего заснул, мать твою растак? Вон заяц пошел, кидай собак.— Кричал он, яростно сжимая баранку.

Джип несся по ухабам и выбоинам не снижая скорости. От тряски в глазах рябило, словно в калейдоскопе.

—Дери свою— дешевле будет,— огрызнулся Отец. Коала завыл снова.— Заткнись.

Отец тихонько лягнул маленького медведя, тот обиделся и, опустив глаза, стал тихо поскуливать. В ногах, рядом с Пиначетом, стояла вертикальная винтовка. Отец схватил ее и сделал движение высунуться в открытое окошко.

—Ты чего делаешь, твою мать... не время палить, шалый. Вон, видишь, русак пошел. Кидай собак. Лезь назад и по одной их...

Отец бросил ружье, и стал протискиваться на заднее сиденье, что далось ему не без труда. Несколько ударов о крышу головой напомнили Отцу, что едут они не по автобану. Собаки метались на заднем сиденье, и, почуяв погоню, стали тявкать в унисон Пиначету. Они выглядывали из-за спинки сидений, всматриваясь вдаль, и метались. Отец открыл заднюю дверцу и схватил грейхаунда Чижика, который был старше и опытнее остальных.

—Прямо так кидать?— спросил у Николаича Отец.

—Прямо так,— утвердительно ругнулся охотник и добавил,— давай...

Ухватив пса за холку и за шкуру, Отец с размаху выбросил

пса из машины. Николаич и не подумал сбросить газ. Собака покатила по ковылю и перикатиполю, затем собралась и, опережая машину, кинулась наперерез зайцу. Косой, испуганный неожиданной опасностью, ревом двигателя и появившейся собакой, пустился в сторону.

—Чего ждешь? Собираешься жить вечно? А ну, кидай остальных.— Сверкал очами Николаич и повернул за зайцем.

От неожиданного маневра собаки покатались с ног. Отец схватил Чавку, поскольку она оказалась ближе к Отцу, и без особых церемоний выбросил ее из машины. Собака кубарем покатила по траве, затем, вскочив на все лапы, кинулась за зайцем.

—Чавку зачем выбросил, дери тебя за ногу. Борзых кидай, лайка все лапы собьет за зайцем.

Отец выбросил остальных. Собаки гнали зайца по степи. Косой кидался в стороны, но, окруженный собаками, был вынужден вилять в ограниченных пределах. На очередном вираже Чижик схватил добычу и остановился. Собаки окружили победителя и тявкали, вставая на задние лапы. Один заяц в активе есть. Николаич неся к борзым, будто погоня еще не завершена, затем резко затормозил. Коала клюнул носом в порожек и отчаянно с обиды захныкал. Охотник выскочил из машины. Придушенный, но еще живой заяц дрожал и пытался подняться на ноги. Чижик прикусывал его и наступал лапой, чтобы добыча не ушла. Николаич подбежал к псам. Борзые приплясывали вокруг хозяина, подвывали,

выказывая свое нетерпение. Он потрепал борзых, взял зайца и свернул ему шею. Русак стих.

—Ай вы мои молодцы, ай умницы мои. Вот,— поднял палец вверх Николаич,— собака— это восемьдесят процентов успеха на охоте. Ах вы же мои хорошие...

Николаич достал из чехла нож и отрезал заячью лапу. Псы засуетились, заискивая перед хозяином. Охотник бросил трофей Чижику, тот сделал одно движение челюстью и лапы не стало.

—Всё, в машину.— Скомандовал Николаич.— Зайца в мешок надо, не то сожрут его собаки, а им еще бегать сегодня.

Он подошел к машине, запуская собак, те послушно, виляя хвостами, бросились на заднее сиденье, не переставая веселиться. Заяц отправился в холщевый мешок.

Николаич умерил бег своей стальной кобылы и направился к видневшемуся перелеску, скрывающемуся за холмами. Дороги не было и в помине, она осталась далеко в стороне. Машина с разбегу перескочила ручеек, петлявший в овраге, и далее двинулась на холм. Впереди шли редкие поросли кустарника, за которыми виднелся лесок, редкий, словно проплешина. Собаки следили за дорогой. Пиначет начал немного успокаиваться, завывания стали тише и вскоре совсем смолкли. Коала осторожно выбрался на коленки к Отцу и вцепился своими длинными когтями в штанину. Завыла Линда. Линда— молодая сука впервые выехавшая на охоту. Хозяин ее был доволен, она хорошо шла в своре за зайцем.

Собаки заметались на заднем сиденье, вглядываясь куда-то вдаль.

–Ну-ка, тихо,– прикрикнул на них Отец,– развылись.

Собаки не смолкли. Они смотрели на холмы и приплясывали от нетерпения.

–Смотри,– Николаич указал пальцем на холм,– козел.

–Николаич, козлом меня никто еще не называл.

–Молод еще, успеваешь, я говорю, смотри, вон он скачет, видишь? Вон, по холму козел пошел, серый.

Отец прищурился. Шли против солнца в горку, глаза слезились. Мешал сквозняк, залезавший под шкуру, да еще это неумемное солнце. Отец увидел. По холму скакал козел. Он уже почуял погоню и шел со всех ног, удирая от преследователей. В глазах Николаича сверкнул хищный азарт. Он утопил педаль акселератора в пол и машина рванулась на встречу к лесному обитателю. Собаки запрыгали. Пиначет заскулил, как только машина поскакала по ухабам. Маленький медведь был вне себя от переживаний, после тихой Астраханской идиллии он, вдруг, очутился на бешеных гонках в окружении собак и ревностного истребителя лесостепей Николаича. Козел петлял, уходя от преследователей, однако машина неслась быстрее. Вдруг, животное резко свернуло в сторону леса и опрометью кинулось к нему.

–Все, пора,– крикнул Николаич, борода его топорщилась на сквозняке, в глазах пылал огонь.– Пускай собак. Уйдет, гад.

Он бросил машину в сторону за козлом. Собаки снова повалились на пол, затем повскакивали и принялись истошно лаять, будто подбадривая своего хищного хозяина.

—Потерпите,— приговаривал он, словно успокаивая собак,— будет вам... Отец, марш назад, кидай собак. Быстро.

Отец снова полез на заднее сиденье. Пиначет, во избежание падения, предусмотрительно сам сполз в ноги. Отец открыл дверь и одну за другой выбросил ревущих псов.

—Лайку кидать?— Крикнул Отец, стараясь перекрыть ревуший двигатель джипа.

—Ее нужно было вперед всех бросить, кидай уже...

Отец размахнулся и шерстяной комок, поднимая тучу пыли, бросился вслед борзыми. Собаки догоняли козла. Николаич выхватил ружье, выставил его в свое водительское окошко и стал палить по испуганному до смерти животному. Выстрел— мимо. Серая тень петляя неслась к лесу в горку. Второй— мимо. Кочки и выбоины мешали сосредоточиться на выстреле. Крутя баранку, то тормозя, то вдруг, резко ускоряясь, Николаич перезарядил ружье одной рукой. Собаки обошли козла с разных сторон, не давая ему свернуть. Окруженное со всех сторон животное бежало вперед не петляя и не сбавляя скорости. Николаич поравнялся с козлом.

—Стреляй, чего сидишь, как увалень, вон козел, только собак не задень.

Отец высунулся наполовину из машины, прицелился, нажал на курок. Козел захромал.

–Молодец, твою мать, подранил.

–Давай потише езжай, я его сейчас грохну.– Ревел Отец от азарта. Адреналин рвал в клочья пейсмейкеры и левый желудочек. В висках стучало, затряслись руки.

–Какой там потише,– ругался Николаич,– раненый козел может сорок километров еще пройти. Не догоним– он уйдет.

Козел прыгал на трех лапах, четвертая задняя волочилась по земле. Казалось, что он пошел еще быстрее. Машина стала отставать, ухабы стали жестче, встретившиеся кусты преградили охотникам путь. Николаич рывком остановил машину, заглушил мотор, схватил ружье и кинулся вслед собакам. Отец последовал его примеру. Взяв ружье, он обошел кусты. Вдали шел козел, окруженный сворой борзых. Псы уже хватали его за ноги и висли на шее. На земле виднелись пятна крови. Отец прицелился. Николаич быстро подбежал к нему и рывком опустил ружье.

–Не надо... собак убьешь. Пошли.– Сказал он и широким шагом пошел к месту битвы.

Отец шел вслед за Николаичем, прислушиваясь к лаю собак и пытению козла. Лай усилился. Отец выскочил на полянку с ружьем наперевес. На широкой опушке Чавка, рыча, дралась с подранком, борзые всей сворой хватали ее за ноги. Лайка повисла на шее козла и придавила его к земле. Козел пытался стряхнуть с себя назойливую собаку, но ему мешала потеря крови и перебитая нога. Чавка извивалась, словно змея, не отпуская и на миг его густую серую кожу. Из

леса выскочил Николаич, вскинул ружье, прицелился, раздался выстрел. Козел вскинулся и затих. Разгоряченная лайка еще рычала и рвала козла, распростершегося в траве, забрызганной кровью. Борзые бегали вокруг, лаяли и покусывали мертвое животное.

Жизнь и смерть. Кровь и адреналин. Собаки и погоня. Все сегодня встретились в лесу. Жизнь ради жизни— глупо. Жизнь ради смерти— бессмысленно. Страсть. Только она имеет значение. Только борьба, кровь и погоня— иначе нельзя. Иначе— смерть.

Глава 4.

-Все, прибыли.— Сказал Трибун.— Вытряхивайтесь.

Кар опустился где-то посреди Плутонеанской Альпийской долины. Ничего схожего с Земной долиной не было. Та же серая, усыпанная мелкой галькой и валунами, поверхность. Трибун надел шлем, замок шелкнул, загорелась приборная панель перед носом, оповещая своего хозяина о герметичности контура. Отец с Мормоном, матерясь, последовали его примеру.

—Борт, открой люк.— Скомандовал Мормон.

Зажужжала автоматика, стравливая воздух из машины в резервные баллоны.

Троица медленно выступила на Альпийский Плутон, стоило только носовому иллюминатору отъехать на корму. Жел-

тые скафандры весьма скупо смотрелись на фоне окрестной серости. Поверхность, освещенная лишь звездами, не давала никакой перспективы. По черному беззвездному провалу над головой было ясно, что над головой путников повис Харон. Путники включили внешнее освещение. Фонарики, уютившиеся на шлеме, вспыхнули. Сумерки еще больше сгустились. Вокруг, кроме освещенных фонарями белых пятен, не было видно ни зги. Было прохладно, но терпимо. Спасательные скафандры довольно сносно держали «абсолютный ноль». Слабая гравитация побудила Отца тут же пуститься в пляс. Он подпрыгивал и кувыркался, словно медведь в ярмарку, и крепким словцом освещал свой восторг.

Мормон стоял возле кара, опасливо озираясь по сторонам. Непроглядная темень вокруг скрывала пресловутую берлогу Трибуна. Отец опустилсь возле тонкого хакера.

–Куда идем мы с Пятачком?– Спросил он пыхтя.

–Туда.– Ответил Трибун, не докучая спутников даже взмахом руки.

–Ясно, мы все так и поняли, пошли...– Отец поскакал куда-то в ночь.

–Стой, нехристь.– В эфире прозвучали медленные вязкие слова Трибуна.– Не туда.

–Так ты толком скажи куда идти.– Огрызнулся Отец и вернулся к Трибуну.

–Что-то я тут вообще ничего не вижу.– Удивился Мормон.

–Та же картинка.– Вторил ему Отец откуда-то сверху.

–А вы и не увидите.– Проблеял Трибун.– Вон та скала.

Нам туда.

Трибун двинулся к куску скалы, на которую никто не обратил бы внимания, будь он в своем уме. Обычный Плуто-неанский пейзаж: в беспорядке разбросанные скалы, и та, на которую показывал Трибун, ничем не отличалась от мириад таких же булыжников вокруг. Отец увидел обломок древней породы, на которую указывал несчастный. Подойдя к ней, он удивился:

–И что дальше? Двигать ее прикажешь?

–Не-а-а. Не надо.– Трибун подошел к ней и далее произнес,– Сезам, откройся.

Скала медленно отползла в сторону, открывая перед странниками черный лаз, довольно широкий, чтобы туда мог пройти кар.

–Это пароль такой,– словно извиняясь, произнес Трибун.– Только дальше вы не сможете пройти без меня.

–Слушай,– сказал Отец.– А чего ты нас обманул, будто кар туда не пройдет?

–Для него там слишком узко. Я уже пробовал. Войти он сможет, но развернуться никак. Места в нем мало.– Произнес Трибун и двинулся в нору.

При его приближении включился свет. Отец пошел вслед за Трибуном. Войдя в пещеру, Отец ровным счетом ничего не увидел. Грубо отесанный грот из серой скальной по-

роды глубоко уходил полого вниз. Трибун подошел к стенке, что-то потрогал и перед ним активировалась виртуальная клавиатура, повисшая в воздухе. Руки, закованные в тяжелые толстые перчатки, слушались с трудом. Красные разводы на клавиатуре отзывались на прикосновение перчаток. Отец задним зрением почувствовал движение за спиной и обернулся. Внешняя скала принимала свое прежнее положение. Отец подошел к ней и увидел, что скала— не просто кусок серой холодной породы, поверхность ее была точно пригнана к поверхности лаза. Можно было предположить, что закрывалась он намертво и герметично, что и доказали клубы воздуха, хлынувшие в небольшой шлюз, больше походивший на каменный мешок. В шлеме что-то тихонько пискнуло. Трибун снял шлем с головы. К удивлению Отца Трибун не замерз мгновенно, чего можно было ожидать, если бы он снял шлем на поверхности маленькой планеты. Напротив, хакер чувствовал себя, по всей видимости, неплохо, что стал шутить:

—Пацаны, не задохнётесь в скафандрах?— Тень улыбки пробежала по сухому лицу.

—Типа, проходите, раздевайтесь, закуривайте, да?— Спросил Отец.

—Типа,— покачал перед собой кистью Трибун.

Отец и Мормон сняли шлемы. В ту же секунду отворилась потайная, которая вела в недра маленькой планеты. Помещение, которое открылось перед путниками, выглядело такой

же комнаткой, что и на центральной базе с одной лишь разницей: она была освещена множеством ламп дневного освещения. Такое же кресло висело в воздухе в центре комнатки, окруженное паутиной проводов и мониторов. В дальнем углу виднелось еще одно помещение, заваленное металлическим мусором.

–Тебе бы женщину завести,– сказал Отец,– она бы здесь прибралась немного.

–Я,– заскрипел Трибун, мутным взглядом окидывая помещение,– не доверяю тому, кто по пять суток истекает кровью и недохнет.

Отец покотился со смеху:

–Вот уважил, бродяга, это ты точно сказал. Наверное, так даже лучше.

Отец развел в стороны руки. Этот беспорядок из электронных схем, проводов предстал перед ним в другом свете. Никто не скажет, что это предпоследняя степень беспорядка. Что при последней степени беспорядок бегают и пищат под ногами. Никто не скажет, что только такая чуткая и терпеливая женщина сможет жить с такой свиньей, с которой живет она.

Трибун скинул скафандр прямо на пол, не утомляя себя аккуратным складыванием онога, и забрался в свое кресло.

–Потерпите тут, я сейчас. Здесь меня никто не поймает. У меня несколько алгоритмов есть, которые я в сеть не выкладывал.– Он загадочно улыбнулся.

Отец пожал плечами и пошел в следующую комнатку с электронным хламом. Там стояли вполне пригодные на первый взгляд к использованию приборы, не разобранные затейливым умом хакера. Здесь же валялись куски схем и целых электронных блоков. Вперемешку с этим хламом лежали автономные наногенераторы. Целые бухты разноцветных проводов скрашивали живыми красками унылый железный интерьер. Мормон последовал к Отцу и стал рыться в мусоре.

–Смотри,– сказал Мормон, поднимая вполне приличный сверток,– генератор иллюзий. Интересная штука.

–Что за генератор?– Спросил Отец, никогда не пользовавшийся подобное чудо.

–Эта штука генерирует иллюзии. Как настроишь, может прямо в мозг их проецировать, может создать внешнюю иллюзию из тебя. Вот такая железка.– Мормон поднял вверх большой палец.

–По-русски, пожалуйста.– Вежливо попросил Отец, при этом у него с языка свалилось несколько слов, которые существенным образом отражали удивление последнего.

–Ну, хочешь, например, на пляже выглядеть вот таким здоровым богатырем,– Мормон показал широченные плечи,– высоким верзилой. Настраиваешь генератор иллюзий на внешний образ, вешаешь его себе на шею, и все девки на пляже не могут от тебя отвести глаз. Понял?

–Трудно не понять.– Кивнул Отец.

–Ну а если хочешь сделать небольшую иллюзию, к приме-

ру, в небольшой комнате, чтобы выглядеть пигмеем, настраиваешь его на зрительный образ. Он будет тебя проецировать прямо в мозг твоим зрителям. Хотя со стороны ты будешь выглядеть обычно. Бесплезная, но забавная штука.

Тут догадка осенила Отца.

—Слушай, надо будет ее взять мне к цватпахам. Чтобы выглядеть как они.— Затем подумал и добавил.— Чтоб проблем меньше было...

—Ну,— протянул Мормон,— это нужно вот с ним разговаривать, может, ему генератор нужен?

Мормон кивнул в сторону Трибуна, который дергался в своем невесомом кресле.

—Это я улажу.

Немного побродив по комнатке с железным хламом, который Трибун так бережно оберегал от чужих глаз, друзья вернулись в зал, где совершалось таинство взламывания базы. Трибун еще некоторое время вздрагивал, затем принялся колотить по клавишам своих клавиатур, прикрепленных к подлокотникам кресла, затем он поднялся.

—Пацаны,— заскрипел он.— Все пучком. Можно двигать. Я им такую икоту пустил. Вовек не расхлебают.

Трибун посмотрел куда-то за пределы комнаты вверх. От этого взгляда «они» должны были икать до скончания века, хакер имел в виду антивирусную службу.

Это радовало. Отец, вопреки здравому смыслу, начинал лютой ненавистью ненавидеть эту самую службу, стоящую

на страже интересов всего цивилизованного общества. Пусть ее. Пусть они все не только икают, пусть изойдутся в тенезмах и полиурии. На свете незачем жить таким людям, которые не хотят отпустить Отца домой.

—Слушай, дорогой,— обратился к хакеру Отец.— Дело такое. Тебе вот эта вот железка нужна?

Трибун потупил взгляд, будто стесняясь смотреть на генератор иллюзий.

—Так нет,— ответил безумец.— Я хотел из него голопроектор вытащить. Там больше ценного нет ничего. Наногенератор слабенький, и потроха ни к черту.

После недолгой, но красочной беседы Отец убедил Трибуна, что ему вовсе не нужен голопроектор, и что Трибун будет счастлив как малое три года, если он безвозмездно подарит Отцу желаемое. Трибун был несколько обескуражен таким смелым предложением, однако эпитеты, которыми сыпал Отец, и ухоженный среднерусский диалект не позволяли несчастному хакеру отказаться от жертвы. Вслед за генератором иллюзий в пользование Отца перешел портативный компьютер с урезанной глобальной базой данных, диски с некоторыми дисциплинами и еще немного другого разного электронного богатства. Трибун себе и представить не мог, что у него столько много вещей, которые ему вовсе не нужны и что ему очень повезло, что во всей вселенной нашелся такой человек, способный принять на себя груз большого количества железа, чтобы вывезти его из берлоги несчастного.

Не чувствуя себя особенно ошарашенным, Трибун, опустив голову, направился к выходу, свыкаясь с мыслью, что ему все-таки придется расстаться с приборами.

– Не грусти, родной, и у тебя на улице перевернется грузовик с апельсинами. – Утешил его Отец, похлопав по спине.

– Ладно, бери, я себе другие добуду. – Махнул рукой в конец расстроенный Трибун.

– Вот и ладушки. Как там у тебя все прошло? – Спросил Отец, кивнув в сторону Прокрустова ложа.

– Все, – махнул рукой Трибун, – работает вирус. Теперь можно лететь. А главное: со стороны мы с Мормоном здесь вообще ни причем. Это ты сам угонишь шлюп и скроешься.

– Жаксы. Мне все равно терять нечего.

– Не скажи. Путь дальний, проблем много... тебе придется попотеть, чтобы все срослось.

– Ты проценты вероятности вычислил, когда этот план составлял? – Нахмурился Отец.

– А как же. Я не первоклассник. В моем деле надежность – приоритетное место. Другое с Цватпахами. С ними все мутно. Мало сведений. Но какие есть, я скомбинировал, вроде все в твою пользу получается. Твои личные качества я тоже учитывал. Так что дело остается за тобой.

– Конечно! За меня я же тебя не отправлю.

– Мне и здесь тепло. – Заскрипел Трибун.

– Это здесь-то тепло? Здесь даже пингины яйца не откладывают. Абсолютный ноль. – Вскричал Отец.

–В базе... Там все по-другому.– Закачал головой Трибун.

–Расскажи?– Попросил Отец.

–Не твое дело. За собой лучше следи. С бабой своей никак не договоришься.– Довольно грубо, насколько это вообще было возможно, произнес Трибун.

Отец понял, что под шкуру ему лезть не стоит, да и дел других полно.

–Сейчас куда?– Спросил Отец.

–Мутный вопрос.– Трибун томным взглядом скользнул по Отцу.

–В смысле, сейчас куда?– Повторился Отец.

–На Харон, куда же еще? Или ты передумал?

Отец покачал головой. Ясно. Обратной дороги нет. Рубикон перейден. Нет смысла возвращаться куда бы то ни было. На Плутонеанской посадочной позиции делать нечего. На Землю лететь далеко. Да и что Отец там забыл? Вперед, на Харон, к Цватпахам, к дому.

–А вы с Мормоном с Харона назад вернетесь?– Спросил Отец.

–Я нульну, Мормон может прямо с Харона на Землю лететь.

Мормон удрученно кивнул:

–Так и сделаем. Дальше уже твой путь. Тебе самому и расхлебывать.

–Спору нет. Вот Декс, ящерица злобная. Украл, меня. А мне теперь выбираться.

–Да это не Дексаметазон. Это решение оперативного отдела было. Он даже исполнителем не был.– Проскрипел Трибун.– Там целые заседания были. Это же нонсенс– привести в наш мир живого человека из прошлого. Тогда линии вероятности просчитывались миллиардами, чтобы не случилось временных парадоксов и катаклизмов. Это целый настоящий бум был. Многие не хотели тебя забирать.

–Знаю я все. Даже мой клон сделали, чтобы меня не дергать, это я все знаю. Так просто ругаюсь. Я так все это вижу: клон не пригодился, его в утиль. Я не пригодился, верните меня назад в мое время. Где я не прав?– Спросил Отец с угрозой в голосе.

Трибун пожал плечами:

–Не мы это придумали, не нам и отвечать.

–Слушай, Трибун,– резко обратился к хакеру Отец.– Слушай, а почему ты мне помогаешь? Мне вот это не понятно. Для тебя же это большая морока. Да и поймать тебя могут– не опомнишься. Какой тебе резон во все это лезть?

–Ты же обещал мне свои кредиты? Не забыл?– Улыбнулся Трибун.

–Нет, я-то помню. Мне они теперь ни к чему. Так ты только из-за денег?– Удивился Отец. Ему и в голову не приходило, что это странное существо может быть таким холодным прагматиком.

–На самом деле– нет. Деньги мне не повредят, лукавить не стану. В крестьянском хозяйстве пулемет– не помеха. Но

деньги не главное. Здесь скучно. Мне нужно помнить, что я живу. В другой раз доказать этой... цивилизации, да и себе, что я еще могу что-то.

Отец для себя приятно отметил, что его уроки образного изъяснения не прошли для Трибуна даром. Неплохой эпитет, подумал Отец.

Затем Трибун добавил:

–Скучно мне. В базе я себе встряски устраиваю иногда, только я же не дурак, я понимаю, что все это– не реально, и все катаклизмы заканчиваются ровно так, как я пожелаю. Это немного не то. Мне нужна настоящая страсть. Взрыв, плоть, адреналин!!!

–Ух ты,– удивился Отец,– ну ты, бродяга, даешь!!! Не знал что ты такой шустрый. Ты– опасный тип.

Отец никак не мог себе предположить, что в этом невеселом теле обитает такой жизнерадостный дух. В тихом омуте...

–Ладно, Гагарин, поехали на Харон. Я так понял, здесь ты все закончил?

Трибун кивнул и начал облачаться в свой скафандр. Отец отметил для себя, что они с Мормоном так и не сняли желтые шкуры своих космических оболочек. Несчастное существо постепенно одевалось. Слабая гравитация была достаточным подспорьем в этом нелегком труде. Отец складывал приборы, отвоеванные у Трибуна в коробку, которую нашел здесь же.

—А, так вот почему ты мне так легко отдал свои железки. За мои кредитки?

—Я же тебе сказал, что не они главное. Это железо я и без них бы достал. Хотя твои кредитки— это очень креативно. Ты, кстати, не забудь мне их перевести, не то пропадут. Не хочется, чтобы они федералам достались.

—Легко. В шляпе сделаем. Вот только до него доберемся.— Кивнул Отец. Он уже надел шлем, взял коробку в руки и ожидал последнюю команду.

Друзья покинули конспиративную берлогу Трибуна. Немного попрыгав, они забрались в кар, стоящий здесь же. За креслами матерился Отец, отягощенный новой ношей. И без того тесное положение усугубилось коробкой с железом, которое могло бы пригодиться у Цватпахов.

Поднятая пыль Плутона на миг скрыла маленький космический аппарат, поднимающийся с планеты. Секунду спустя, машина понеслась прочь с неудобной планеты к более неудобному спутнику Харону.

Плутон остался снизу. Серый безжизненный кусок вселенной понемногу отбегал в сторону от летательного аппарата. Отец с грустью смотрел на убегающую планету. Он был сегодня здесь впервые, однако, что-то непонятное и незримое заставляло душу томиться. Странное что-то со мной творится, подумал Отец.

—Мужики, а здесь на Плутоне ничего странного не находили?— Спросил Отец.

–В каком смысле, странного?– Спросил Мормон.

–Ну,– задумался Отец,– там следы цивилизаций, археология.

Отец понял, что несет чушь. Тогда почему ему здесь так печально?

–Было такое что-то.– Ответил Трибун.– Железки какие-то находили не наши. Кстати пещерка, где я обосновался, видно, что не наших рук дело?

Отец пожал плечами. Ничего странного в этой пещере он не нашел.

–Эту пещеру вырыл кто-то задолго до нас. Там правда ничего не было, когда ее нашли. Только она не естественная, это и ежу понятно.

–Ты сам ее нашел? Спросил Мормон.

–Не-а, геологоразведка здесь прошла, ее и обнаружила. А я на эту пещерку роботов натравил, они мне там и сделали форпост. Никому она не нужна, а мне пригодилась. Я отсюда под правительственным логином в базу выхожу. А если накроют, я здесь ни при чем. Там система аннигиляции установлена, на случай тревоги.

–У тебя все серьезно. А что ты взламываешь, когда без меня?– Спросил Отец.

Трибун пожал плечами:

–Если честно, я так... взломаю, пароли, логины скачаю и все. От нечего делать. Или когда новый алгоритм придумаю, чтобы проверить работает или нет. Так мне, в общем, пра-

вительственные секреты и ни в глаз и ни в красную армию.

—Медведю делать нечего— он спину чешет, а Трибун базу на уши ставит.— Хихикнул Мормон.

—Каждый квохчет как хочет.— Сказал Трибун.

—И каждая лягушка в свое болото алчет.— Добавил Отец.

—Про алчет,— словно проснулся Трибун.— Ты давай сейчас мне свой кредит переведи.

—Давай уже на Хароне, когда я в шлюп заберусь.

—Там времени не будет, ты погрузишься и отчалишь. Давай, давай. Что передумал?— Трибун не поленился вполоборота развернуться к Отцу.

—Ничуть. Борт, свяжись с базой.— Отец бросил команду.— Все мои средства на счет Трибуну переведи.

Бортовой компьютер пискнул.

—Выполнено.— Раздался безжизненный баритон.

—Вот так-то лучше.— Кивнул Трибун и отвернулся от Отца.

Отец подумал, что, наверное, будет тяжело расставаться с кредитами. Оказалось ничуть. Он даже почувствовал некоторое облегчение: теперь уже точно с этим миром его ничто не связывает.

Кар уходил вдаль по непостижимой черноте космоса от Плутона. Планета даже не успела уменьшиться настолько, чтобы стало грустно от расстояния, как неприветливый уродливый Харон встречал непрошенных гостей.

Громадные горы, словно замерзшие в мгновение всплески

адского пламени, щетинились острыми серыми шипами, готовые распороть брюхо любому, кто осмелится приблизиться. Отсутствие атмосферы на неприветливом спутнике Плутона, рождало немыслимую игру света и тьмы. Черные тени вырастали до немыслимых размеров, что создавало иллюзию абсолютной непрístupности спутника. Казалось, острые длинные многокилометровые шипы сменялись абсолютно бесконечными провалами и каньонами, не имеющими ни глубины, ни четких границ. Вокруг Харона в вечной черноте плыли орбитальные базы. В сравнении с Хароном, Плутон выглядел мягкой пуховой подушкой, очень теплой уютной.

—Японский городской.— Вымолвил Отец из-за спин спутников.— Здесь даже сесть нигде нельзя. Что здесь можно добывать? Тут черта лысого не найдешь.

—Не,— отозвался Трибун.— На той стороне Харона можно сесть, там уже нормально. А на этой, только управляемые зонды садятся.

—Даже не верится, что здесь люди живут.— Воскликнул Мормон.

Кар медленно обходил непрístupную, словно дикобраз, сторону, навеки обращенную к Плутону. Горные цепи стали ниже, начали появляться прогалины. На внешней стороне появились кратеры, которых не было на внутренней половине. Отец подумал, что их просто невозможно рассмотреть в путанице горных пиков и расщелин. Здесь поверхность больше напоминала Плутонеанскую. Серые пустоши, усыпанные

серой космической пылью и валунами, сменялись кратерами от нескольких метров в диаметре до многокилометровых. Под машиной пронеслась горна цепь, возникающая, вероятно, от падения большого метеорита очень давно. Вот уже и показались огни сурфисной базы.

–Вон она,– Мормон указал на далекие огоньки, мерцающие на горизонте.– Туда нам, наверное.

Трибун молча кивнул. База медленно подползала к кару из-за горизонта. В серой Харонской пустоши, исчерченной черными язвами кратеров, посадочные огни горели очень ярко, что даже слепили странников при приближении. Периметр был обнесен рядами проволоки, усеянной габаритными огнями, и был похож на рождественскую елку.

–Что здесь добывают?– Спросил Отец.

Ответом ему было всепоглощающее молчание. Никто и не подумал ответить ему.

Кар приблизился к шлюзу посадочной позиции и проник внутрь, стоило створкам открыться. Такие же серые бетонные стены ангара встретили путников. Кар пролетел внутрь, шлюз закрылся. Этот ангар был значительно меньше такового на Плутоне. Немного пропетляв в лабиринте отрогов основного коридора, машина опустилась возле спасательного шлюпа, на борте которого значилось "Магеллан".

–Вот он, красавец.– Мечтательно произнес Трибун, словно ему было жалко отпускать на вольные хлеба спасательную капсулу.

—Что, бродяга, может, со мной надумал лететь?— С усмешкой спросил Отец.

—Не-а. Пацаны, мне тут не кисло. Сам лети. Я на борт уже записал летный план. Червь работает, так что все...

Кар осторожно опустился на плиты ангара. Трибун забегал пальцами на виртуальной клавиатуре. В носовой иллюминатор было видно, что включились опознавательные огни шлюпа, и бортовой трап спустился от открывающегося люка.

—Все,— пробормотал Трибун.— Шлюп готов.

—Что? Даже чаю не попьём на прощание?— Попытался пошутить Отец.

Шутка повисла в воздухе. От этого молчания у Отца по спине побежали мурашки. Зашевелились даже те волосы, о которых он не имел и малейшего представления. К горлу подступила тошнота, вдруг стало страшно. Мраморные лица друзей нехорошо контрастировали с серым фоном ангарных стен. Отец плюнул на пол и молча полез в кар за своей коробкой. Друзья скорбно провожали его взглядом. Никто не предложил ему своей помощи или сочувствия. Погрузив коробку внутрь шлюпа, Отец скинул свой желтый спасательный скафандр и протянул его Мормону.

—Держи, дружище.— Промолвил он и, словно извиняясь, добавил.— Там в шлюпе есть монтажный скафандр, а этот вроде и ни к чему.

Мормон небрежно бросил желтый кусок материи в кар. Они стояли и смотрели друг на друга. Пришло прощание.

Черти. Как Отец не любит прощания. Как назло, в глазах защипало. Еще немного и слезы потекли бы по лицу. В носу зашвербело, словно Отец скользнул через выход. Что же такое? Такая минута, когда нужно расставить все точки над «И», а слов не найти. Куда-то подевалось все красноречие. Нужно сказать последние слова, но почему-то к горлу подкатил комок, мешающий не только говорить, но даже думать. Слова. А к чему сейчас что-то говорить? Почему нужно что-то говорить? Нужные слова в такую минуту все равно не найдешь. Обязательно скажешь какую-нибудь не значимую чушь, за которую некоторое время спустя все равно станет стыдно. Чушь не заставила себя ждать:

–Пальме привет передай,– тихо сказал Отец, и комок в горле заметно вырос.

Трибун стоял рядом, но не шелохнулся. Он старался не только не говорить, но даже двигаться. Все чувствовали, что наступил судьбоносный момент в жизни чужого этому миру человека. Худой хакер позволил себе осторожно вздохнуть, так, чтобы его телодвижение не было заметно со стороны.

–Ну и ты, заходи, если что.– Прорямлил Мормон.

Чушь. В другой ситуации он никогда бы не сказал такого. Желая ему вернуться в гости, он желает ему никогда не вернуться к себе домой. Глупо. Мормон это понял. Отец тоже понял, что Мормон меньше всего на свете хотел этого, но понял и другое и кивнул.

Мормон кивнул.

–Там...– Слова завязли где-то в слезных мешках.– Через дорогу аккуратнее переходи.– Добавил он.

–Ладно.– Сказал Отец.

Трибун сделал неловкое движение. Мормон с Отцом повернулись к нему. От напряжения Трибун заломил руки за спиной и, борясь с моментом, произнес:

–Пацаны, пора уже.

–Ладно, будь что будет,– махнул рукой Отец.– Я вас люблю, да ну вас всех к идолу.

Тень улыбки скользнула по лицам друзей. Отец протянул Мормону руку:

–Давай дружище, не тужи. Сына Отцом назови, в честь меня.

–Это за него природа сделает. Я Лизой назову. У нас дочка будет. Я просчитал вероятность.

–Ну а потом сын.– Добавил Трибун.– Я тоже ее просчитал. Друзья округлили глаза. От него не ожидали этого. Этот любопытный малый знает больше, чем ему позволила природа.

–Ты что в мои данные залез?– Удивился Мормон.– Вот нахал. Кто разрешил?

Трибун покачал головой. Этот жест был настолько неопределенным, что мог означать от «так получилось», до «это моя работа».

–Может, увидимся когда, я, правда, не обещаю...– Отец протянул руку Мормону.

–Да ладно. Если все срастется, то мы уже не увидимся.–
Мормон пожал руку Отцу.

Попрощавшись с Трибуном, Отец отправился к шлюпу. На трапе он повернулся к друзьям и махнул им рукой, давая понять, что им тоже пора отчаливать. Мормон ему ладонью указал на локтевой сгиб, чтобы тот не тешил себя надеждой отчалить от Харона первым.

Пробравшись в шлюп, Отец надел на себя тяжелый и громоздкий монтажный скафандр, закрепил шлем и уселся в кресло. За спиной пискнула автоматика, задраивая люк. Приборная панель оживилась, напоминая Отцу пристегнуться. Тот попытался проигнорировать ее совет, и лишь после того, как щелкнул последний замок ремня, автоматика активировала двигатели.

SMART система шлюпа проверяла бортовое оборудование. Отец огляделся. Шлюп как шлюп. Точно в таком он с Дексом подходил к точке прохода. Автоматика пискнула, давая понять Отцу, что теперь дело за ним, теперь он должен вручную проверить те же механизмы. Отец пропустил эту инструкцию. Пусть те и проверяют, кто составлял эти правила.

В шлемофоне зазвучал голос Трибуна:

–Отец, проверь еду. Я роботам давал задание на неделю тебе запас загрузить. Посмотри.

Отец сошел с кресла и протиснулся на корму. Там находился биотуалет, контейнер с едой и резервуар с водой.

–Все пучком, родной, все в порядке. Еда на месте, не погибну... по крайней мере от голода.

–Я не был бы так уверен,– захихикал противный скрипучий голос Трибуна.

–Это ты мне счастливого пути так желаешь, бродяга?– Съязвил Отец. Ему сейчас все простительно.

Он подошел к креслу и снова погрузился в него, заново пристегивая ремни. В носовом иллюминаторе было видно, что Трибун с Мормоном уже заняли свои места в каре, вокруг которого светилось голубоватое защитное поле.

–Трибун, ты же назад на Плутон нульнуть решил?– Спросил его Отец.

–Сейчас улетишь– нульну, не хочу чтобы меня двигателями по стенке ангара размазало.– Ответил хакер.

За бортом брызнула в разные стороны пыль, гонимая стартовыми двигателями. Шлюп поднялся над плитами посадочной позиции и стал медленно разворачиваться. Отец в последний раз поглядел на друзей, в последний раз помахал им рукой и отвернулся от иллюминатора, пряча свои неуместные глупые и ни кому не нужные слезы, хлынувшие по лицу в два ручья. Отец старался не завывать, хотя все его существо требовало нечеловеческого звериного вопля. Отец крепче сжал зубы, чтобы в эфире не выдать свою слабость. Шлюп медленно двигался к шлюзу.

–Ну все, Отец, держись, не падай духом. У нас все получится.– Крикнул Мормон и эти последние слова, словно вы-

жженные огнем, осели на коре головного мозга.

У нас все получится... Отец много раз еще вспоминал этот оптимизм в голосе друга. У нас все получится.

Чернота расплзлась в стороны вслед открывающемуся шлюзу, за ней шлюзовая камера, затем космос. Вспыхнули голубым свечением маршевые двигатели, и Отца вдавило в пилотское кресло. Шлюп набирал скорость, удаляясь с Харона. Казалось, он двигался куда быстрее кара, быть может, это страх заставлял верить в это. Сейчас единственная надежда на шлюп да на мозги Трибуна, который единолично придумал этот дикий безумный план. Отправится на край вселенной к малоизученной расе, чтобы воспользоваться их изобретением, о котором мало кто знает, которое к тому же и не доработано, на это способен безумец, или человек, потерявший всякую надежду.

—О космос,— пробормотал Отец,— идущий на смерть приветствует тебя.

Не успел он это произнести, как новый толчок маршевых двигателей втоптал Отца в кресло. У него затекли руки и основную точку опоры, сдавило дыхание, каждый вдох давался с большим трудом, в глазах поплыли фиолетовые круги.

—Вот же... меня угораздило. Борт, доложить обстановку,— сквозь зубы процедил Отец.

Единственное, что понял Отец из кучи цифр и летных характеристик, это то, что борт следует согласно летному плану. Трибун, видимо, перестарался, планируя этот безумный

полет. Каков сам, таков и план, подумал Отец. Есть надежда, что этот полоумный программист не собирался убить Отца, и что он ничего не напутал.

Звезды побежали по космической черноте, они двигались все быстрее, пока не стали похожи на яркие светлые полосы. Спасательный шлюп удалялся от Солнечной системы, где предстоял первый прыжок до проксимы Центавра. Отец начал немного адаптироваться к нарастающему напряжению. Сердце перестало бешено колотиться, тяжесть в руках несколько ослабла. Отец поднял руку, пытаясь вытереть испарину, выступившую на лбу. Рука, облаченная в тяжелую броню монтажного скафандра, скользнула по гладкому стеклу шлема. Вот незадача, подумал Отец.

Шлюп прошел орбиту Кваоара, десятой планеты Солнечной системы, на которую Отец собирался слетать, да видимо не судьба. Кваоар, такой же бездушный и безжизненный шар молча, в гордом одиночестве летел вокруг Солнца, гонимый неизбежностью и космическими силами.

На приборной панели шлюпа загорелись индикаторы, включился радар. На экране Отец увидел несколько космических тел, образуя правильный многоугольник. Значит так со стороны выглядит портал, подумал Отец. Шлюп неся в черноте космоса к центру многоугольника. В иллюминатор не было видно ничего, кроме ярких полос, образующихся от бега звезд. Шлюп неуклонно приближался к порталу. Вот он подошел очень близко, еще ближе, еще. Вспышка. У Отца

вырвался сдавленный вздох. Казалось, ему на грудь положили несколько кубометров ртути. Дыхание сдавило. Отец, теряя сознание, отметил, что в стороне от курса возникла из ниоткуда ослепительная звезда. Включились светофильтры, защищая странника от палящего излучения проксимы. Вот она— проксима Центавра. На радаре появилась карта незнакомой звездной системы. Отцу было не до нее. Огненный шар стремительно удалялся в стороне от курса. Шлюп несся с непостижимой скоростью. Отец доселе никогда так быстро не летал. Шлюп все дальше уходил от ближайшей к Солнцу звезды.

Спасательный кораблик уже пересек пятую орбиту системы проксимы, когда на радаре снова появились границы портала. Отец зажмурился. Сейчас начнется..., только и успел подумать он. Вспышка. Нестерпимая боль пронизала тело. Отец крепче стиснул зубы, стараясь пересилить боль. Из носа потекла кровь. Он уже не мог двигаться. Даже выключить автоматику и перейти на инерционный полет он уже не мог. От усталости и нечеловеческого напряжения странник не мог уже и думать. Мысли путались. Во рту появился уже привычный за последнее время вкус железа. Фиолетовые круги перед глазами сменились на красные. Эритропсия— скверный признак, это значит, не выдержали сосуды сетчатки глаза и какой-то капилляр лопнул, подумал Отец. Плохо. Так можно и ослепнуть. Шлюп несся по глубинам галактики в окрестностях Альтаира. Отец из географии пом-

нил только перистые облака, а из курса астрономии дальше Луны его живое воображение так и не смогло проникнуть. Альтаир. Что о нем знали в его времени? Да ничего, кроме того что это— яркая звезда. Шлюп начало трясти. Эта машина способна на перегрузки, только, видимо, никто всерьез ее не испытывал на прочность. Тряска становилась сильнее. Отца это тоже не радовало. Другое дело, что вибрация позволяла эритроцитам, прижатым к стенкам капилляров немислимыми перегрузками, протиснуться немного вперед. От тряски у Отца защипало в ногах. Кровоток несколько компенсировался. На панели замигали Alarm индикаторы. Основной гравикомпенсатор с трудом справлялся с перегрузками.

Работай, работай, думал Отец. На вспомогательных гравикомпенсаторах ему не выдержать еще один скачок.

Альтаир. Звезда как звезда, подумал Отец. Лишь яркие полосы бегущих мимо светящихся пятен стали чаще. На такой скорости Отец и не смог бы при всем желании отметить для себя все прелести экзотической системы Альтаира. Портал. Вспышка. Отец хрипел сидя в кресле. По щеке из угла рта потекла тонкой струйкой кровь. Глаза заволокла красная пелена. Глаза слезились. Отец задыхался. Сработали датчики сатурации, прикрепленные к пальцам в скафандре. Насыщенность крови кислородом упала до критических 60 процентов. В ушах стоял шум. Сработала автоматика скафандра. Из баллонов потек чистый кислород. В обычном состоянии скафандр подавал своему питомцу кис-

лородно-гелиевую смесь, в условиях гиперкапнии же, космонавт дышал чистым кислородом. В голове немного прояснилось. Кислород сделал свое дело. Даже при поверхностном дыхании Отец почувствовал облегчение. Дышать становилось все тяжелее и только чистый кислород поддерживал жизнь в изможденном перегрузками теле. На экране радара приближалась многогранная установка портала. Отец с ужасом ожидал приближение транспортной установки. На лбу вместо испарины выступили огромные капли пота, крупные, как виноградины. Они капали на губы и заливали ушные раковины. Спина тоже была мокрая. Отца стала бить дрожь. С каждым мгновением, приближающим Отца к новым перегрузкам, дрожь усиливалась. Господи, подумал Отец, когда же это все закончится? Наверное, зря я все это затеял. Жил бы себе потихонечку, глядишь, все бы нормализовалась.

Рыжая, что же ты наделала? Почему ты послушалась своей матери? Не она творец твоему счастью. Кто будет с тобой? Кто будет твоей спиной? Кто придет к тебе, когда наступит роковой час? Кто станет дышать за тебя, когда у тебя не останется сил? Кто станет молить Всевышнего, когда уйдет надежда? Зачем был сделан этот выбор, о котором никто не просил? Много жертв принесено твоей гордыне и будет еще больше. Кто в конце твоего пути станет тебе утехой? Сын— это чужой ребенок. Придет время и он прилепится к своей жене, и что будешь делать ты? Или ты собираешься встать у него на пути и сделаешь несчастными еще несколь-

ко человек, как это сделала твоя мать? Нет? Кто тебе верит? Что ты сделала, чтобы это было не так? Почему ты так сделала? Небеса запомнят эту обиду. Что может быть важнее любви? Ты променяла ее на гордыню и одиночество. Тебе не будут улыбаться небеса. На твоём пути разольются реки, чтобы смыть этот позор. В черных лужах растворятся твои слезы и никто не поймет тебя. В мокрых ветрах спутаются твои волосы, и никто не будет тебя боготворить. Холодные снега скрутят ревматизмом твои пальцы, и никто не сможет их обогреть своим дыханием. Время покроет серебром твои виски и рыжее пламя твое угаснет. Холестерин покроет твои коронары, и боль будет твоим вечным спутником. Пелена скроет от твоих глаз красоту и останется лишь дым. У печали много лиц. У печали есть и твое лицо. У одиночества есть твои привычки. У ханжества есть твои амбиции. У негодования есть твои морщины в глазах. У непонимания есть твоя суровость. Ты так на них похожа. Сколько еще пройдет времени, прежде чем ты опомнишься? Сколько умрет нейронов, прежде чем ты поймешь, что этот мир тебе ничего не должен? Если ты не можешь изменить мир, измени свое отношение к нему. У мира хватает своих забот. У вселенной слишком слабое зрение, чтобы увидеть тебя. У звезд слишком мало времени, чтобы понять тебя. Найди понимание здесь. Здесь можно окружить заботой людей, которым ты дорога. Здесь можно найти любовь и быть любимой, и пусть вся вселенная катится ко всем чертям. Мы пришли в этот мир, чтобы оста-

вить свой след, но не наследить. Нам необходимо оставить после себя добрую память, но не памятник. У нас есть глаза, чтобы глядеть и не заглядываться. Нам дана в дар бессмертная душа, чтобы обрести любовь, но не сорить ею. Где логика в том, что ты сделала? Тебе так идет подвенечное платье. Ты его надела, чтобы скрыть свою похоть? Ты прикрыла глаза, чтобы никто не узнал твою тайну? Люди могут тебя простить, но не простят. Вечность может помнить о тебе, но она забудет. Ты еще мало прожила на этой планете, а уже сделала несчастными нескольких людей. Это плохое начало. Ты сделала свой выбор, перед которым тебя никто не ставил, ты сделала решение, которое не покроет лаврами твою голову. Бог тебе судья. Только знай, чужое несчастье не добавит тебе лишних лет. Чужие слезы не утолят твою жажду. Твоя корысть не сделает тебя самодостаточной. Эта боль на твоих плечах.

Вспышка. Отец потерял сознание. Космический спасательный шлюп несся уже в другом секторе галактики близ звезды, у которой не было даже названия. Он несся, покрывая многие тысячи километров в одно мгновение. Он уже и не видел ту звезду, вокруг которой много миллионов лет кружило девять планет с их многочисленными спутниками, кометами и астероидами. Сейчас он лежал недвижимый. Бледность его лица, скраденная отсветом индикаторов приборной панели шлюпа и скафандра, указывала на критическое состояние. Система жизнеобеспечения скафандра

работала, согревала его тело, подавая кислород. Оставался последний прыжок через пространство. Отец, недвижимый лежал в кресле, Alarm индикаторы горели красными огнями, звездному страннику, гонимому ностальгической грустью, было уже все равно. Появились элементы последнего портала, последняя вспышка. Сдавленный выдох сопровождал прыжок через пространство. Шлюп стремительно несся по вселенной в Богом забытом уголке галактики. Отец лежал в кресле, пристегнутый ремнями безопасности. На приборной панели красным светом кричали Alarm- индикаторы. Основной гравикомпенсатор все-таки вышел из строя. Теперь назад дорога отрезана. Даже при диком желании вернуться было невозможно. При неисправном гравикомпенсаторе шлюп раздавит и в самом маломощном захудалом портале. Датчики, установленные в скафандре, продолжали фиксировать критическое состояние пилота.

Наконец движение спасательной посудины стабилизировалось. Постоянное прямолинейное движение никоим образом не отражалось на сердечно сосудистой системе. Дыхание Отца стало ровнее и глубже, пульс несколько участился. Ушел цианоз губ, кончики пальцев порозовели. Сатурация вернулась на 95 процентов. Отец выжил. Слава Всевышнему. Этот немислимый прыжок Отец проделал впервые за всю историю человечества. Даже самому смелому полету инженерной мысли не привиделось бы такое испытание технического тандема человека и машины в обычных условиях. И

само конструкторское решение о прочности и расчетной резистентности машины к перегрузкам было лишь гипотетическим. Никто и не посмел бы провести испытание при таких показателях перегрузок с человеком на борту. Да и не нашлось бы на всем свете нормального человека, изъявившего добровольное согласие на подобного рода издевательство над организмом. Прав оказался этот необыкновенный Трибун. Его расчеты были верны. Отец выдержал, хотя имел все шансы отправиться к праотцам.

Веки пилота дрогнули. Отец отстегнул фиксирующие ремни.

Он не помнил, как потерял сознание. В голове остались лишь смутные воспоминания о футболе, к которому Отец абсолютно ровно дышал, о теннисе, в который хотел научиться играть по-настоящему, о Рыжей, которую он любил больше всего на свете, о сыне, которого он никогда не видел и, по всей вероятности, никогда не увидит. Во рту остался привкус железа. Эта чертова кровь. Почему она на вкус не ванильная, к примеру, или не апельсиновая? Почему всегда железо? Он встал и начал растирать затекшие конечности, прошелся по шлюпу и попил воды, у которой вкус был, словно из унитаза. Хотя Отец никогда не прикладывался к фаянсовому трону, по его мнению, этот вкус должен быть именно таким. Вероятно это все от крови, скопившейся во рту за время этого головокружительного променада по Млечному Пути.

Отец размялся, походил, попрыгал, насколько это вообще возможно в условиях маленькой посуды. Проверил все системы кораблика. По всей видимости, Отцу еще повезло. Значительных поломок не было, если не считать основной гравикомпенсатор. Жизнеобеспечение не пострадало, значит жить можно. Это уже полбеда. Лучше быть красивым, молодым и богатым, подумал Отец, чем страшным, старым и больным. Без гравикомпенсатора можно лететь на уже набранной скорости, его отсутствие станет препятствием к дальнейшим прыжкам. Хорошо, что он не сломался раньше. В его отсутствие Отца вместе со шлюпом размазало бы по этому сектору галактики, что даже современные медицинские технологии не смогли бы его восстановить.

– Компьютер, где мы находимся?– Спросил он.

Время шло, Отец слонялся по шлюпу, словно медведь в жару. Наконец, ему это наскучило и, надев шлем, он вернулся в базу. Время хороший врач, и ужасно плохой косметолог.

Как было все давно. Давно он учился со своими сверстниками в институте, давно ему пришлось сорваться с места и отправиться на поиски своего потерянного брата. Давно его забрали в далекое будущее, давно он встретился с Рыжей. Как это все было давно. Отец очень устал. Еще сегодня он был на Земле, еще сегодня он летел с Мормоном на Марс. Все еще сегодня он побывал на мертвом Плутоне. Еще сегодня неприветливый Харон одолжил ему спасательный шлюп, на котором Отцу суждено пролететь в безумной скачке че-

рез всю галактику. Еще сегодня он пересек орбиту десятой и последней планеты солнечной системы— Кваоара. Все это было сегодня, и вот теперь, он, Отец, одинокий в своих скитаниях находится в неделе лета до Цватпахов, в неизученном и неприветливом уголке космического пространства, где он никогда не был, где его никто не знает и никто не ждет.

Ну, что же. Все реки текут. Акценты смещаются согласно бегу времени и событий. Он здесь, его не может не быть здесь, коль скоро он все равно прилетел. Значит, нужно выпутываться из этой ситуации. По другому нельзя.

База. Отец вернулся в тихий уголок зеленой заводи, скрытой от непогод дубом и могучими вязами. Невдалеке шумел водопад, расточая окрест мириады сверкающих, словно изумруды, брызг. На поляне остались низенькие стульчики и стол, заваленный рыбьей чешуей, да полупустые бокалы с пивом. На берегу, на корточках сидел Басмач спиной к Отцу, подбрасывая в руке разноцветные речные камни. Казалось, виртуальный собеседник не замечал ничего вокруг. Отец подошел легкой поступью и шлепнул своего мультимедийного компаньона по плечу:

—Здорово, недруг! Чем дышишь?

—Ах, это ты... Заходи, давненько тебя видно не было.

—Никак соскучился?— С улыбкой спросил Отец. Вид давнего своего друга несколько взбодрил его.

—Нисколько.— Сказал Басмач, вставая на ноги.— Еще бы пару— тройку лет тебя не видать, вот бы жизнь настала.

—Не говори... только от меня тебе будет трудно отделаться. Ты— праздник, который всегда со мной.

—Ты, я вижу, все-таки улетел с Земли. Отец, у тебя с головой очень большие проблемы. Чего тебе на Земле не сиделось?— Басмач театрально вскинул в воздух руки.— Благодарить-то, какая. Не то, что в твоём каменном веке. Что ты там делать будешь?

—Тебе не понять.— Сказал Отец, присаживаясь на низенький стульчик.

Басмач сел рядом и молча уставился на Отца.

—Чего ты смотришь на меня, дырку во мне просмотришь?

—Смотрю, вот, я на тебя и думаю.— Ответил Басмач.

—Ну?— Спросил Отец,— кого думаешь?

—Думаю, что нелегко тебе на свете жить придется, конечно, при условии, что ты выживешь.— Басмач пожал плечами.

—А это уже не твоя забота. Мне жить. Здесь что мне любить?

—У тебя хоть какой-то статус был, работа была...

Отец едва не подскочил на месте:

—Работа??? О какой работе ты говоришь, черт возьми? Лежать на диванчике всю жизнь в шлеме, моделировать траекторию спутников и прочую канитель? Это ты называешь работой? Я тебе скажу, твоя работа это— похороны заживо. Работа...— Фыркнул Отец и снова сел.

—Разговоров нет. У тебя будет лучше работа, если ты вообще сможешь вернуться.

–Да пошел ты. Вывел меня. Такое настроение было хорошее.– Отмахнулся Отец рукой.

–Ладно. Не бузи. Я вот что тебе скажу...– Начал, было, Басмач.

–Ты уже, по ходу, все сказал.– Буркнул Отец и приложился к пиву.– Лучше рыбы на стол принеси.

–Будет тебе рыба.– Сказал Басмач и на столике, усыпанном рыбьей чешуей, появилась связка сушеной тараньки. В бокалах потемнело пиво и занялось пеной.

Отец нехотя кивнул, одобряя жест доброй воли, но промолчал. Басмач продолжил:

–Если ты вернешься к себе на родину, я имею в виду в твоё время, чем ты собираешься заняться?

Отец молча потягивал пиво. Не хватало сейчас еще и отчет давать этому вымышленному герою– любовнику, оригинал коего уже лет триста как гниет в земле.

–Чего молчишь?– Басмач запустил в Отца сушеной рыбьей головой.

–Напьюсь.– Молвил Отец и вгрызся зубами в сухую рыбью плоть.

–Вот и я про то же. Не с того ты начнешь свою новую жизнь.– Покачал головой Басмач.

–Бог ты мой. Вот ты-то меня и научи, что мне делать и как мне быть.– Отец закатил глаза.

–Вот и научу. А ты сиди и на ус наматывай. Ты мне скажи, ты сперму сдавал в банк?

–Пошел ты...– Отец сверкнул глазами в сторону Басмача.

–Вот и я про то же. Ты не сдавал ее, значит, тебе предстоит ее сдать.– Кивнул Басмач и отвернулся от онемевшего от странного чувства Отца.

Такой оборот событий Отец никак не мог ожидать. Он округлил глаза и посмотрел на Басмача.

–Объяснись!– Потребовал Отец. Басмач сложил руки на груди и смиренно выжидал, когда у Отца лопнет терпение.– Ты, шалый, ну-ка говори, чего ты там придумал?

–Сам подумай,– буркнул в ответ Басмач, но краем глаза наблюдал за Отцом, наслаждаясь его нетерпением.

–Говори, говорю, кому говорят, говори.– Отец пихнул в бок Басмача. Тот лишь лениво повел плечом.

–Ладно, слушай,– сказал Басмач, делая вид, что еще сердится на него, хотя готов выдать государственную тайну.– Ты сперму сдавал?

Отец покачал головой.

–Все просто, значит, ты ее сдашь.– Развел руки Басмач, будто сразу всем все стало ясно.

–С каких это щей я разбежался сперму сдавать? У меня, кстати, до тебя и в мыслях об этом не было.

–Теперь появятся. Мы тебя как нашли?– Спросил Басмач и, не дожидаясь ответа, продолжал,– По ДНК, а где мы ее нашли? В банке спермы. Понял? Если те сперму не сдавал, значит, ты ее сдашь, все ясно, как Божий день.

Отец начал понимать. Действительно все просто. Если он

еще не сдавал, значит, сдаст, а это значит, что его миссия у Цватпахов увенчается успехом. Все сходится. Только с какой стати нужно подыгрывать Басмачу и всем этим прихвостням из института временных аномалий, Дэксу, Захарову, Ефимову? Пошли они все куда подальше.

–А если я не сдам?– Заупрямился Отец. С ним такое случалось.

–Сдашь. Никуда не денешься.– Махнул рукой Басмач, давая понять, что этот вопрос уже давно решен и не Отцом.

–А если не сдам. Вот возьму, напьюсь, забуду про все и никуда не пойду?

–Тогда всем нам будет крышка. Нарушится временной континуум. Всей вселенной придет конец. Если ты это хочешь– можешь попробовать. Дело твое. И тебе и всем твоим родным и близким придет конец.– Пожал плечами Басмач.

–А что, прецеденты уже были?– С участием спросил Отец, хотя ответ знал заранее.

–Нет, ну ты совсем дурак, или фифти-фифти? Ты есть?– Спросил Басмач, Отец кивнул.– Я есть, есть Рыжая, есть Мормон. Значит, прецедента не было и не тебе его создавать. Понял?

–Я понял, что все это– полная ерунда. Прецедента не было потому, что его создать невозможно.– Ответил Отец и откинулся на спинку стула, закуривая ароматную сигарету.

–Объяснись,– потребовал Басмач.

–Сам смотри. Если я вернусь назад в свое время и никуда

не пойду, значит, вы меня не сможете найти в этом времени, потому что кроме моей ДНК у вас про меня ничего не было. Все просто.

–Да не все так просто, как ты говоришь. Смотри. Ты уже у нас побывал, следовательно, ты в свое время уже сдал все свои...– Басмач замялся, а затем продолжил,– анализы. Это уже все случилось в прошлом. И твои анализы и то, что мы тебя по ним нашли. Понял? Вывод– ты вернешься к себе и сдашь их. По-любому.

–В этом что-то есть,– задумчиво произнес Отец.– Но предположим, что я никуда не пойду, тогда вы не сможете меня найти, а это значит, что меня никто не заберет в ваше время, а дальше история пойдет другим путем. Это значит, что это я ничего не буду помнить. Следовательно, история пойдет другим путем.

–Может и так, но тогда получится, что тебя не будет, такого, каков ты есть сейчас. Может, конечно, это и не конец света, и может к лучшему, что тебя здесь не будет, уж много от тебя всем хлопот.

–Вот видишь. Всем от этого будет лучше. Решено. Я никуда не пойду.– Заключил Отец, и на душе у него стало легко и свободно, будто он только что освободился от непосильной ноши, которая мешала ему дышать.

–И ты это приключение, быть может, самое занимательное, какое когда-либо выпадало на долю человека, сможешь вычеркнуть из своей памяти? Тогда ты полное ничтожество.

Тем более что, по всей вероятности, ты все-таки сможешь вернуться к себе.

—Зато в моей жизни, в обмен на это приключение, никогда не будет Рыжей. Буду себе по своим подружкам ходить. Быть может, женюсь на своей малявке. Кто его знает?

—На ней ты, к примеру, никогда не женишься. Ты сам про это в базе узнал.

—Да какая разница. Может на ней, может не на ней. Зато не будет в моей жизни Рыжей. Это тоже кое-чего да стоит. Я так думаю.

—Знаешь, Отец, ты распустил слюни сейчас. Это не красит тебя. Не по-мужски это. Из-за какой-то женщины расстаться с целым миром это, по меньшей мере, глупо как-то.— Басмач постучал себя по голове, и в тишине по тихой заводи пронесся глухой звук.

Отец смотрел на небо. Такое призрачное и голубое. Сейчас уже все не важно. Скоро все это кончится. Он вернется к своей нормальной жизни, забудет навсегда Ньюру, Мормона, хотя, конечно, жалко. Мормона можно и оставить себе. Никогда в его жизни не будет Рыжей, никогда не будет сына. А мог бы получиться удивительный парадокс. Ребенок, который должен появиться на свет от отца, который несколько столетий назад умер. Зато теперь все станет на свои места. Никаких парадоксов, никакого волнения и ни зависти, ни упрека.

В вышине, в самом поднебесье, верхушки платанов и ро-

додендронов касались друг друга. Можно было даже подумывать, что деревья целуются, отдавая друг другу свою нежность в лучах ласкового солнышка, скрытые от посторонних глаз могучими лапами ветвей. Они нежно шептали что-то ласковое и бережное. Они едва касались друг друга, чтобы несмелыми прикосновениями ощутить ласку и нежное томление. Они трогали листву друг у друга, наслаждаясь интимностью момента, они смотрели друг на друга, едва улыбаясь, чтобы почувствовать торжественность красоты и непорочности. Лишь тихий ветерок был немым свидетелем единения духа. Он робко обволакивал их своим воздушным телом и незримо подталкивал верхушки друг к другу, словно говоря: «это ваш мир, это ваше время, любите друг друга». От трогательности этого свидания листочки дрожали от возбуждения и гибкие ветви переплетались между собой, не оставляя и шанса року разъединить их. Стволы медленно раскачивались в унисон, будто стремясь приблизиться хоть на толику друг к другу, чтобы ощутить тепло соприкосновения и радость близости. Словно медленный танец, словно чуткое понимание желаний и волнений читалось в тихом движении прекрасных тел. Безмолвное любование деревьев сродни влюбленных, которым волею судьбы не суждено быть вместе. Не высказанная боль отражалась в каждом трепетном движении молодой листвы, будто страсть рожденная здесь же должна неподалеку умереть вскоре.

–Пусть глупо.– Ответил Отец, запрокинув голову.

—А с братом что же? Пусть де пропадает себе. Так?

—А вот про брата я у цватпахов и проведаю. Может он все-таки у них?— Словно очнулся ото сна Отец и глубоко затынулся ароматным сизым дымком.

—Трибун тебе сказал, что нет его у этих пингвинов.— Басмач соскочил со своего стульчика и стал расхаживать перед Отцом, заложив руки за спину.

—Может, он ошибся.— Сказал Отец, с нотками неуверенности в голосе.

—Ты себя послушай, что ты несешь. Цватпахи они хоть и делают какие-то эксперименты, только они при всем желании не смогли бы твоего брата увести. Ты сам это прекрасно знаешь.

—Ничего я не знаю. На месте разберусь. Возможно, мы где-то ошибаемся.

Басмач нервно махнул рукой.

—Делай что хочешь. Ты уже и так дел натворил.

Отец покосился на Басмача.

—Сядь, в глазах рябит.

—Да пошел ты...— Сказал Басмач, а затем произнес довольно сложную по своей структуре тираду, не везде согласованную, зато красочную и богатую эпитетами и необычными фразеологическими оборотами.

—Сядь, кому говорят. Каких я дел наделал?— Удивился Отец.

—Сам подумай: сейчас на Земле тебя, наверное, с ног сби-

лись, ищут.

–Подумаешь. Меня когда украли, не спросили. А я какого мяса их спрашивать буду? Тоже мне указ.

–Тебе легко тут рассуждать, крест чугунный. Там многим по шапке надают, да не одна голова с плеч полетит.

–Не мое дело.

–Ладно.– Басмач сел.– Давай с тобой так договоримся. Ты вернешься, так хоть сдай все, что тебе на роду сдать придется. Я имею в виду сперму. Никому не нужны парадоксы. А там посмотрим.

–Что ты ко мне с этой спермой пристал, как кот к валенку. Я еще не решил.

–Мыслитель...

–Так все. Мне уже это надоело.– Отец соскочил со стула.– Компьютер, выход.

Появившаяся меж деревьев черная пасть выхода вобрала в себя взбешенного Отца. Очувтившись в своем кресле в спасательном шлюпе, он снял с себя шлем и посмотрел на карту незнакомой звездой системы, которая стала уже различима.

Вот козел, все настроение испортил, подумал Отец. И так на душе кошки скребут. Если себе представить эту ситуацию на свой лад. При возвращении домой я никуда не пойду, тогда обо мне в будущем знать не будут, а это значит, что когда я поеду с Леликом к месту аварии, меня никто не сможет забрать в будущее. Я вернусь в общагу и займусь своими делами. Это тоже вариант. Если я все-таки вернусь к себе и

пойду сдавать анализы, значит, они меня украдут из Кичигинского леса, следовательно, могут и еще один раз украсть после моего возвращения, подумал Отец. А мне это нужно, как зайцу балалайка. Если, предположим, Дэн все-таки находится у цватпахов, мне предстоит это выяснить, и если он там— забрать. Тогда я точно никуда не пойду, и пусть катятся все в мире парадоксы в преисподнюю, мне до этого нет дела. А если Дэна нет у этих пингвинов? Что тогда?

Отец задумался. Если у цватпахов нет Дэна, значит он где-то еще, поэтому его нужно будет найти. Все просто, как день. Вот дела. Все решится, когда я разведу у цватпахов про все эти дела. На том и порешили. Если у них нет Дэна, там будем думать, если Дэн все-таки у них, вопреки рассуждениям Трибуна, тогда я его забираю с собой домой, и никакого банка спермы. Все! Решено!

От души заметно отлегло. Отец откинулся на спинку кресла, которое зажужжало под нижней точкой опоры. Включились микродвигатели, изменяя форму кресла под новое положение пилота. Жить хорошо. Отец даже потянулся от удовольствия, сознавая, что скоро он поставит финальную точку в этой безумной феерии. Предположить, что Трибун мог ошибиться и выработанный план не сработает. В жизни бывает всякое. Предположим, автоматика спасательного шлюпа сможет посадить маленькую летательную машину на планету. Что будет дальше? С чего нужно будет начать? Как внедряться к этим еще малоизученным пингвинам? Отец на-

хмурился. Снова проблемы навалились на него с каким-то циничным прагматизмом. Система цватпахов уже близко и по шкуре побежали маленькие противные мурашки, от которых в спине становилось щекотно и суетливо.

Тут машину здорово тряхнуло. Отец даже немного сполз с кресла. Тяжелый монтажный скафандр не располагал к быстрым движениям, благодаря этому Отец не просто не вылетел с кресла, но, к своему дикому удивлению, даже не разбил голову. Он опасливо бросил взгляд полный тревоги и сомнения на приборную панель, на которой вспыхнули индикаторы работы двигателей. Слава Богу, подумал он, что не метеорит какой-нибудь шальной, затем приказал бортовому компьютеру откинуть с носового иллюминатора светофильтры, чтобы воочию следить за происходящим. Не успели светофильтры умерить свою непроницаемость, как по глазам, привыкшим за неделю к тусклому освещению сигнальных и габаритных огней, полоснуло ослепительным синим светом, бьющим из дюз боковых двигателей.

—Борт, назад светофильтры верни.— Приказал Отец, щурясь и прикрывая глаза ладонью.

Наступила блаженная темнота, которая после неожиданной вспышки казалась абсолютной. Зрение постепенно восстановилось. Нужно обдумывать приказы, подумал Отец, так и ослепнуть недолго. Он чуть ослабил проницаемость фильтров, в ответ за бортом стали появляться синие языки пламени, целующие нос шлюпа.

—Доложить обстановку,— потребовал Отец, надеясь, что в ответ на эту команду он не ослепнет, не погибнет и не умрет.

Бортовой компьютер сухо мягким баритоном сыпал терминами и цифрами. Отец для себя уяснил, что включились тормозные двигатели, что борт приближается к системе Цватпахов и что торможение продлится еще много часов, прежде чем машина выйдет на орбитальную траекторию. Ну и ладошки, подумал Отец.

Делать все равно нечего. Интересно, подумал Отец, расхаживая по шлюпу, сколько я уже километров намотал здесь? Четыре шага вперед, четыре назад. Если предположить, что средняя моя скорость пять километров в час, пусть даже четыре, с поправкой на повороты на виражах, в день, в общей сложности, я слоняюсь как малое три часа. Значит, я прохожу минимум двенадцать километров. Если я уже неделю здесь провел, значит, я прошел чуть больше восьмидесяти километров. Странно. В шлюпе пройти восемьдесят километров, когда он в длину четыре шага. Наверное, белка себя чувствует гораздо хуже. Не хочу быть белкой, хотя, если об этом подумать с другой стороны, меня никто об этом и не просит. Наверное, я схожу с ума, подумал Отец, если я начал всерьез рассматривать перспективу стать белкой. Хотя белка не так уж и плохо. Наверное *Phtyrgus Pubis* живется не сладко. Столько всего увидишь! Если на миг забыть о ленточных червях, которым на роду написано жить в чужой кишке. Когда Бог сотворил Адама, Он стал показывать

первому человеку всех животных, и голый праотец называл их именами. Вот тогда то и стал гиппопотам гиппопотамом, а кенгуру— кенгуру. Отцу всегда было интересно, как Адам познакомился с глистами? Даже трудно себе смоделировать такую ситуацию. Логично себе предположить, что гельминт покинул свой ареал, чтобы поздороваться с Адамом. А что же было потом? Как случилось, что глист оказался снова у первого человека? Чуть ли не какая-то. Отец сел в свое кресло. Хватит про глистов. Нужно думать о прекрасном, чтобы не свихнуться, подумал скиталец. У меня нет глистов— это же прекрасно, черт возьми!!!

—Борт, покажи карту системы,— сказал Отец.

Перед ним засверкала карта звездной системы, где наш путник собирался найти ответы на все свои вопросы. Слово МКАДом, звездная система ограничила себя от внешнего космоса поясом Койпера, в котором искрились огромные куски замерзшего льда, обломки малых планет и всякий космический мусор. Похожая на Кваоар, в Койперовском кольце неслась небольшая планета, окруженная двумя спутниками. У этой планеты была даже атмосфера, но Земные космологи не сочли нужным отнести этот крошечный кусок звездной системы к разряду планет. Возле нее значились цифровые характеристики, которые свидетельствовали, что земным Левшам не по душе оказались ее невеликие размеры, и хотя, эта малая планета не знала о столь оскорбительном в ее отношении решении, она не спеша крутилась вокруг красно-

го солнца, которое едва было крупнее нашего. Найденный в родной Солнечной системе пояс Койпера, оказался универсальным законом космической архитектуры. Возле каждой, пусть даже самой захудалой звездной системы, имеется такой пояс астероидов и космического лома. Думали: как их называть в каждой отдельно взятой системе, и решили отдать дань уважению старику, впервые открывшему внешнее кольцо астероидов, с тех пор принято эти пояса называть Койперовскими, причислив астронома к лику старых воинственных богов.

За поясом болтались две мертвые каменные планетки, немногим больше нашего Кваоара, лишённые спутников. За ними шли несколько газовых планет, как неотъемлемый атрибут систем, населенных разумом. Вслед за ними располагался пояс астероидов, похожий на наш Фаэтон, далее была еще одна планета с небольшим спутником, а затем Цватпа, которая была третьей планетой от светила. И две маленькие внутренние планеты завершали портрет системы.

Как же эта система похожа на Солнечную, подумал Отец. И вслед за этой мыслью, словно блоха за котом, появилось ностальгическое томление за грудиной. Земля родная, как там ты? Может быть, и Цватпа похожа на тебя? Скоро мы это выясним. Отец попробовал включить бортовую оптику, чтобы рассмотреть третью планету этой неведомой системы, но сухой баритон объявил, что на этом расстоянии оптика ничего не даст, и желанная планета в лучшем случае будет

выглядеть как мутное пятнышко, едва различимое на общем фоне. А гравирадары дали бы ту же картинку, что и карта. Отец откинулся на кресло. Не плохо было бы закурить сигарету. Он уже неделю по настоящему не курил. Горло пощипывало, будто в него воткнули несколько маленьких иголок. Легкие гудели, что казалось, одним вдохом Отец может вдохнуть содержимое шлюпа. Мысль о том, что можно вернуться в базу и спокойно покурить там, пусть даже и виртуально, неприятно смутила Отца. Недавний разговор с Басмачом несколько деморализовал его, и звездному скитальцу нужно было немного времени, чтобы прийти в себя и пропыхтеться. Лучше посидеть здесь. Можно, конечно, уйти с Николаичем пострелять в козлов или в зайцев. Или пристрелить пару–тройку лебедей.

Отец несколько разочаровался в этой гордой птице, так чудесно воспетой стариком Андерсеном, после рассказа бородатого охотника. Оказалось, что лебедь отнюдь не так прекрасен в природе. Там где поселяется длинношей ублюдок, там не станет водиться другая птица. Он самым нахальным образом разоряет гнезда, прогоняет уток и гусей, и проказничает, как гаишник под знаком.

Но охотиться тоже не хотелось. Сейчас бы булочку, да на печку с дурочкой, подумал Отец. Нет. Женщину тоже не хочется. По мнению одной знакомой Отца, у женщины на одну извилину больше чем у лошади. И нужна эта извилина для того, чтобы, когда женщина мыла пол, она не пила из ведра.

Отец сидел и сидел в кресле, задремал, и ему привиделось, что он остался жить на Цватпе, потому, что установку демонтировали и сделали из нее много губных гармошек, в результате чего осталась довольна пингвинья детвора, а Отец решил пожертвовать собой ради жирных ласточек. Очнулся он от писка сигнальной аппаратуры.

На голографической карте было видно, что шлюп подходит к кольцу Койпера, с нижней плоскости эклиптики, как и предписывали правила системного пилотирования, принятые на многих цивилизованных мирах, входящих в состав Конфедерации. За бортом заметно сильнее били синие языки тормозных двигателей, или просто так казалось из-за долгого пребывания в темноте, да из-за приглушенных светофильтров. Шлюп шел по концентрической орбите, сужающейся вблизи Цватпы. Курс был указан мерцающим пунктиром, словно тонкой серебряной ниточкой паутины в майскую росу.

Отец привстал с кресла и заглянул вверх, в носовой иллюминатор. Где-то в черноте космоса мелькали неясные тени и пятна элементов пояса. Странно, что Отец не видел их, улетая из Солнечной системы. Просто глаза приспособились к темноте. Ведь не может же быть, чтобы в этом поясе элементы были крупнее. Хотя, почему бы и нет. Быть может все, кроме того, что быть не может. Отец еще немного ослабил проницаемость светофильтров и свет звезды, возраставшей разум, заполнил мучительный сумрак шлюпа. Даже с та-

кого расстояния, свыше восьми миллиардов километров от светила, освещение позволяло прочесть надписи на панели управления шлюпа. Странно, почему было так темно на Плуtone? подумал Отец. И не находя другого решения, сделал вывод, что за время пребывания на холодной планете, он находился на ночной стороне.

Светило росло. Шлюп прошел через орбиты плотных планет, приблизился к орбите газовой планеты, которая, судя по цифровой подписи, была в полтора раза крупнее Юпитера окруженная семнадцатью спутниками. Наверное, в каждой системе должна быть планета— дублер на случай безвременной кончины основного солнца. Планета величаво выплыла из сумрачных глубин космоса, являя свое величие перед непрошеным гостем. Шлюп огибал газовый гигант, при этом, снижая скорость о гравитационное поле небесного тела, о чем свидетельствовали показания на главной приборной панели. Двойник Юпитера был расчерчен разноцветными полосами, которые были от едва различимых с такого расстояния, до жирных. Вульгарно разлинованный смелой кистью Создателя, он был похож на жирную круглую юлу, возмущающую своим гравитационным полем все вокруг. Вблизи экватора краски смешивались и закручивались в неправильный овал. Здесь бушевала буря, которая началась много столетий назад и которая продлится еще много веков.

Мимо Отца проплыло два из множества других спутников

гиганта, каждый из которых мог бы соперничать с Землей своими размерами. Красотища-то какая, подумал Отец, не смея отвести взгляда от этой волнующей картины.

–Борт, снимай видео,– скомандовал Отец бортовой автоматике.

Планета так же стремительно исчезла из поля зрения, как и появилась. Но дело было сделано, уготованная роль газового гиганта была сыграна. Отдав малую толику своей энергии спасательному шлюпу, планета убежала прочь. Шлюп при этом, значительно снизив свою скорость, продолжил свой финальный променад по Млечному Пути.

Отец протер глаза. Зрелище настолько тронуло его душу, что в полузабытьи странник упал в кресло. Перед глазами по-прежнему плыл величавый гигант, старший брат нашего Юпитера, с его многоцветием, представляющим все цвета радуги от простых до сложных и комбинированных. Фотографии Юпитера, которые Отец помнил со школьных времен, мало его трогали, тем более что на эту огромную планету и спутники-то долетали через много лет после старта с Земли. Расстояние, на котором он находился от родной планеты, Отец представлял достаточно скверно, это тоже мешало проникнуться величием планеты и буйством ее палитры. Увидеть воочию пусть не Юпитер, но его больший двойник оказалось очень впечатляющим и волнительным моментом.

Ух, ты. В мое время об этой системе никто ничего не знал, а уж про то, что ее сфотографировать, да так близко, об этом

и речи быть не могло, подумал Отец. Круто. Будет о чем рассказать. Хотя кто поверит?

При лучшем рассмотрении эта система все больше походила на солнечную. Пояс Койпера, Кваоар, этот двойник Юпитера, да и Цватпа тоже третья планета... Толи еще будет. Отец присмотрелся на карту звездной системы и заметил, что шлюп движется не под плоскостью эклиптики, а в плоскости вращения планет.

—Борт, почему нарушаешь правила дорожного движения? Что такое?— Удивился Отец.

—Сформулируйте вопрос по-другому.— Вежливо баритон дал понять, что с правилами дорожного движения он мало знаком.

—Почему мы летим не по правилам?— Рывкнул Отец и покосился по сторонам, будто стараясь отыскать невидимого собеседника.

—Борт следует согласного летного плана.— Казалось, что голос бортового компьютера слегка удивился.

—Почему мы в плоскости эклиптики летим, а не под ней?— Отца начало нервировать непонимание.

Казалось, компьютер догадался, чего же от него требует вспыльчивый пассажир, и сухо ответил:

—В плоскости эклиптики торможение о планеты будет много эффективнее, нежели за ее пределами.

—Ясно. Так бы сразу и сказал.— Махнул рукой Отец. Бортовой компьютер проигнорировал замечание странника.

–Включи музыку какую-нибудь что ли.– Проворчал недовольно Отец, как же он раньше не догадался добавить музыкальное сопровождение. Провести всю неделю в маленькой посудине практически молча, если не считать грубые сообщения по поводу затекших рук и ног, когда он выходил из базы, было очень скучно.

Полились мягкие звуки какой-то релаксирующей музыки, от которых в норме слипаются глаза, но возбужденный пережитым волнением от встречи гиганта, Отец даже и не заметил, какую композицию ему поставил бортовой мозг.

Шлюп скользил в плоскости движения небесных тел, приближаясь к очередному газовому гиганту, который был много меньше своего предшественника. Предложенная траектория движения шлюпа не была идеальной в плане экономии пройденного пути и времени, зато была более эргономична. Форсированное торможение шлюп вынести не мог, поскольку основной гравикомпенсатор вышел из строя. Горючего тоже не хватило бы на безопасное торможение. Приходилось выигрывать в экономии горючего и плавности снижения скорости за счет потерь во времени и пройденном пути. Направление движения шлюпа резко отклонилось от направления на Цватпу. Придется сделать несколько кругов вокруг звезды, тормозя о притяжение планет, прежде чем наступит долгожданный момент встречи Отца и населенной планеты. Из крошечной тьмы навстречу шлюпу выплыл другой представитель газовых планет, который уступал своему соседу в ве-

личии, зато выигрывал в красках.

Новая планета, встреченная Отцом, выглядела еще наряднее. Цветные пятна газовой атмосферы не имели строгой линейной упорядоченности, зато были богаты различными узорами, которые вплетались в общий розовый фон, создавая эффект многоликости и непостоянства. Отец прищурил глаза, в ответ на что краски несколько сгустились. Теперь были видны узоры недоступные обычному зрению. Феерия красок была настолько впечатляющая, что лишь спустя несколько минут Отец заметил, что у него болят руки, сжимающие подлокотник кресла. Стало заметно слабое унылое дрожание корпуса. Без главного гравикомпенсатора стали ощутимы настройки спасательного шлюпа. Бортовая автоматика рассчитывала курс на максимально возможные цифры перегрузок. Без такой поправки шлюп развалился бы на куски. Скорость заметно снижалась, о чем свидетельствовали показания приборов.

Планета ушла в сторону значительно медленнее, чем ее предшественник. Хороший прогностический признак, подумал Отец, тормозим помаленечку. На карте системы было видно, что борт уже сделал один полный поворот вокруг светила и продолжал следовать выбранной концентрической траектории. Приближалось время «Ч». Скоро-скоро мы построим город. Отец от нетерпения встал со своего кресла и направился к коробке с железками, отобранными у Трибуна, и стал их перебирать. За носовым иллюминатором воцари-

лась непроглядная темень. Звезда светила в стороне от курса, поэтому, в условиях космоса граница света и тьмы выглядела максимально контрастно. Отец разложил все свои сокровища, любуясь ими и представляя в уме, что для чего сгодится. Генератор иллюзий, миниатюрный антигравитатор, аннигилятор. Зачем Отец его прихватил, он бы и сам не смог с уверенностью ответить. Пусть будет и всё тут. На полу оказался компьютер с урезанной базой. Блоки памяти с записями конверта и базы. Оружия не было. Авось пронесет, может и не понадобится ни в кого стрелять. Отец не любил убийства. Каждый субъект имеет право жить, это было его искреннее убеждение. Он повертел железки в руках, осмотрел с разных сторон, стараясь в этом созерцании найти для себя успокоение, которое ему было необходимо. Покой не пришел, а созерцание лишь раззадорило Отца. Он скидал весь хлам в коробку и начал расхаживать. Раз, два, три, четыре, поворот. Раз, два, три, четыре, поворот, раз...

Да что такое творится, где же покой? Он бросил на коробку унылый и полный тоски взгляд. В каждой избушке свои игрушки. Отец походил по шлюпу пока ноги не стали отказываться повиноваться. Отдав должное профилактике гиподинамии, он с размаху плюхнулся в кресло и вовремя. Из темноты плыл шар новой, еще невиданной планеты. Она ширилась. Уже видны ее розовые с коричневыми пятнами очертания. Шлюп задрожал. Мимо, словно тени от выпущенных стрел, промелькнули тени спутников, которых, если верить

карте было четыре. Отец даже не успел испугаться настолько стремительно шлюп обошел их и стал приближаться к космической сфере. Обогнув планету, почти в пол-окружности в пугающей близости, он стремительно унесся прочь. Траектория выбрана не случайно. Взаимодействие сил притяжения обратно пропорционально квадрату расстояния, а эта планета была самой маленькой из своих сестер газовых гигантов.

Шлюп прошел еще пол-оборота вокруг звезды, когда за бортом вспыхнули дюзы боковых двигателей, и шлюп опустился под эклиптику.

—Почему меняем курс, борт?— Спросил недовольно сквозь зубы Отец.

—На пути пояс астероидов. На набранной скорости мы не сможем его пройти без потерь.

—Ясно, продолжать в том же духе.— Сказал Отец и добавил,— и чтоб без фокусов всяких там...

Потери нам не нужны, это ясно, как день. Как будто Отцу воткнули что-то острое меж ягодичных складок. Он соскочил и стал метаться по шлюпу. Скоро уже приземление, подумал Отец. Эта чертова неизвестность. Как дальше жить? Что делать? Сядем— разберемся. Кому от этого легче? Люди, скажите, что мне делать? Пес его знает, что творится. Отец за всю свою жизнь не был в переделке, которая хоть капельку напоминала эту ситуацию. Случалось врать, случалось лукавить и изворачиваться. Было всякое, но вот такого...

In manus tuas, Domine. Как же прожить еще несколько часов в такой вот путанице мыслей, когда не помнишь и своего имени? Нет, он помнил, его зовут Отцом, правда не все. Мама его звала Саней.

Per signum crucis de inimicis nostris libera nos Deus noster. Пробормотал Отец. Такой страх, хоть святых выноси. Последний раз он боялся вот также до безумия еще в детстве, когда простыл и лежал под одеялом укутанный в кофты и шарфы, напичканный лекарствами, которые были ему скормлены ласковыми руками его матери. Он забылся тогда в тревожном сне, и ему снилось, что он разрушил широкую девятиэтажку. Скоро должны были прийти с работы жильцы этого дома и времени у него оставалось минут двадцать, за которые он был обязан заново изваять новый дом и разместить в нем все как было, чтобы жильцы не заметили. Вот тут-то и наступил тот ужас. Ему было бесконечно страшно, что ему скажет мама, если он не уложится вовремя и не отстроит дом. Это был безумный и всепоглощающий страх. Он проснулся в горячке и поту, а страх еще некоторое время жил, но и он потом улетучился вместе с температурой.

Где-то далеко вверху нет-нет мелькнет блик, отраженный от куска льда в поясе астероидов, или метнется сумасшедшая быстрая, как мысль, тень огромной скалы. Шлюп проходил под поясом скальных обломков, застывших глыб углекислого газа или воды. Наконец снова вспыхнули за бортом двигатели, и шлюп поднялся до плоскости обращения планет.

Приближалась очередная космическая сфера.

Вот она, чуть не крикнул взволнованный Отец, когда планета с небольшим спутником оказалась на пути. Она оказалась безжизненной, как и все предыдущие планеты этой незнакомой системы. Лико ее было исчерчено бородавками кратеров и шрамами горных массивов, то утопающих в плоскогорьях, то вздымающихся из проломов. Слабое опалесцирующее свечение у поверхности указывало на наличие тонкой атмосферы. Шлюп снова задрожал. Огромная скорость и близость планеты рвала посудину на куски, но шлюп держался. Когда планета ушла из видимости, Отец посмотрел на скорость хода. Она значительно уменьшилась, но была все еще слишком велика, чтобы входить в плотные слои атмосферы Цватпы. Что же, остается последняя точка торможения— сама Цватпа. Если уж и тут не удастся сбавить скорость, значит, придется сажать шлюп на безумной скорости, может и выживу, подумал Отец, будь что будет. Он следил за движением шлюпа. Напряжение росло и тут сработал защитный механизм. Отец от усталости склонил голову набок и забылся коротким, тонким, словно вуалетка, сном. Он продолжал гадать сядет или нет, выживет или ему уготована судьба сгореть на этой еще неизученной планете.

Недолгий сон несколько восстановил силы Отца. Он очнулся из забытья и чуть не подскочил с кресла от удивления. Затем взяло верх возмущение, потом гнев и, наконец, страх. Шлюп миновал орбиту Цватпы и направлялся к внутренней

второй планете с двумя спутниками.

–Борт!!!– Закричал он благим матом.– Какого рожна ты делаешь??? Мы же пролетели Цватпу!!! Что за напасть!!!

–Летный план изменился,– сухо констатировал электронный мозг, словно не замечая идиом Отца.

–Вижу, ... твою мать. Какого черта ты наделал? Ну все! ... !!! Помылись!

–На данной скорости мы не смогли бы сесть.– Скупое ответил борт.

–Не смогли? И это ты мне говоришь? Не смогли? Сели бы еще как сели!– Бушевал Отец. Он снова, как ужаленный выскочил из-за приборной панели и заскакал по узкой спасательной посудине.– Угол вхождения помягче, и сели бы. Защитное поле на что? Не сгорели бы.

–При низком наклоне нас отбросит от планеты как бильярдный шар.– Сказал борт.– Поле здесь ни при чем.

–Ну, тогда на крутом угле бы сели,– рычал Отец.

–При вертикальной посадке борт бы разбился. Даже при исправном гравикомпенсаторе такой перегрузки шлюп не выдержит. Лобовое столкновение всегда чревато, здесь у нас не было бы шансов.

–И что ты предлагаешь, консервная банка?– Спросил с надеждой Отец.

–Борт изменил летный план, мы входим на орбиту внутренней планеты, делаем оборот вокруг нее, затем еще один оборот вокруг звезды и возвращаемся на орбиту Цватпы.

Отец встал как вкопанный. А почему бы и нет, такой алгоритм он уже встречал в базе, когда с оперативной группой рассчитывал траекторию какого-то спутника. Не обязательно же прямиком лететь к назначенной цели. Для бешеной собаки сто километров не крюк, тем более что это оправдано. Торопиться ему некуда. Съестных запасов хватает, воды— море плюс консервы и компоты, кислород натурализуется из углекислоты нормально. Можно и полетать. Он немного успокоился и упал на пол так, чтобы можно было видеть голокарту и носовой иллюминатор.

Некоторое время спустя, настигнув внутреннюю планету почти на три четверти оборота вокруг звезды от места вхождения на орбиту Цватпы, шлюп задрожал, приветствуя мелкой дрожью нового встречного.

—Здравствуй, солнце, Новый Год.— Пробурчал Отец, увидав вторую планету. Она была немного крупнее Земли, окруженная плотной грозовой атмосферой, где непрерывно полыхали молнии. Сквозь непроницаемую серую атмосферу поверхности не было видно, зато было очевидно, что на ней неуютно. Там нас не ждут, подумал Отец, и нам туда не надо.

Шлюп наклонился на борт, что у летчиков называется навалиться на крыло, и в ужасающей близости пошел вокруг нее. Атмосфера планеты приветствовала Отца слабыми всполохами молний, что стало похоже, будто атмосфера изрезана венами и синяками.

Скорость была все равно велика, хотя и удалось немного

успокоить бег шлюпа. Еще один оборот! Еще один маленький оборот вокруг этой неизвестной звезды. Борт обогнул планету и пошел по кривой орбите вдоль солнца. Отец не заметил, как снова включились светофильтры, оберегая глаза измученного странника от жесткого космического облучения. Планета лениво отползла в сторону, вслед за ней и спутники. Шлюп шел вокруг красного шара бурлящей плазмы с колоссальным давлением и температурой, имя которой— Звезда. Дрожь не унималась. Теперь шлюп использовал силу притяжения светила. На карте было видно, что кораблик близко подошел к орбите первой внутренней планеты, но затем пошел по эллиптической орбите пробежал звезду, и повернулся прочь от нее на встречу к Цватпе. Вот снова шлюп пересек орбиту второй планеты, и стал приближаться к вожденной синей планете, которая подарила вселенной разум.

Показания приборов на этот раз не были столь критическими как в первый раз при ее приближении, хотя и не укладывались в рекомендованные. Отец заставил себя пристегнуться ремнями. Можно ожидать всего, кроме мягкой посадки. Прошло много времени, прежде чем желанная голубая планета показала свое озорное лицо из черной глубины космоса. Она даже с такого расстояния была похожа на родную и обжитую матушку— старушку Землю. Такое же синее марево, кутавшее третью планету, такие— же белоснежные кружева нежной сизой дымки облаков. Те же синие-синие

моря. Такие же нежные бледные круги циклонов, проносящихся над Цватпой. Материки были другие, но Отец готов ей простить это маленькое лицемерие, пусть ее.

Шлюп приближался. Цватпа росла. Отец даже забыл испугаться неизвестности и посадки, так он истосковался по своей родной планете, по живым разумным существам, которые не ругают тебя, стоит им только бросить беглый взгляд. И пусть это не Земля, пусть. Пусть там живут не гуманоиды. Пусть. Главное что она живая и теплая. Наверное, она будет приветливой, может даже ласковой, а возможно и любящей. Она по-своему прекрасна, она нежная и терпеливая, она красивая и нарядная. Еще предстоит с ней познакомиться поближе, если она его сразу не убьет.

Отец засмотрелся на незнакому, но желанную планету, и не сразу заметил, что из-под белых облаков этого чудесного уголка вселенной к нему, преодолевая силы притяжения, несутся параллельным курсом две боевые ракеты.

Глава 5.

Странно, подумал Отец, их тысяча двадцать четыре на семьсот шестьдесят восемь. Странное это совпадение, или они помешаны на математике? Не могли бы сделать что-то традиционное. Жесткая щетина впивалась в бока, а лежать на полу было очень неудобно. Что за материал? Наверное, трава какая-то, на пластик не похожа. Точно, трава. Или ку-

старник выделанный, что-то вроде ивовых прутьев или луба. Что же это такое, что они совсем бессердечные? Сволочи, по-другому не скажешь.

Отец лежал на сером полу на циновке. Время от времени его уводили, но приводили снова, чтобы он мог коротать свое время на этой чертовой колючей подстилке. Количество прутьев ее давно было подсчитано. Их было тысяча двадцать четыре поперек и семьсот шестьдесят восемь вдоль. Концы взлохмачены, чтобы половичок не распадался на прутья. Около него, у стенки, ближайшей к двери, сиротливо стояла пустая деревянная миска, еда из которой давно разбежалась по углам. Миска была из легкой древесины, очень тонкая и хрупкая. Сначала отец пытался проскрести себе лаз в серой стене, подобно старому французскому графу, но миска лопалась при первом же нажатии ее на стену. Осколки тоже крошились, словно мука, при попытке использовать и эти бесславные останки в качестве орудия высвобождения. Испорченную миску ему меняли на новую, но участь последующих посуды была неизменна до тех пор, пока Отец не убедился в нерушимости желаний его тюремщиков не дать ему шанс улизнуть из этого помещения.

Сколько он здесь уже находился, Отец и не смог бы припомнить. Сутки на планете были значительно короче земных. В этом он смог убедиться на своих ощущениях, когда по его внутренним часам ночью его будили и куда-то волокли, а затем, через небольшой промежуток времени возвра-

щали назад. На другой день его забирали уже днем, на третий день вечером. Он успевал выспаться и намаяться от скуки, пока за ним не придут. Иногда они его не будили, а участливо ждали, пока дебошир и нарушитель порядка выспится. Видимо они поняли, что с этим зверем нужно считаться, дабы уменьшить производственный травматизм и сопрягающиеся с ним неприятности. Кормили скверно. Иногда давали ему похлебку из какой-то ботвы, время от времени потчевали листьями каких-то растений, сдобренных соками местной флоры. А нет-нет, как вчера, на ужин приносили полную миску жирных ленивых белых червей, облитых маслом. Отец догадывался, что черви проходили какую-то пищевую обработку, поскольку к моменту выдачи пищи чуть заметно шевелились, но затем действие червяных транквилизаторов заканчивалось и они расползались из чашки по всему помещению. Отец пытался протестовать против подобной диеты, но его не понимали, а может из вредности давали их. Иногда червей они заменяли аппетитными, на их взгляд, личинками. Отец их игнорировал тоже. Воду ему не приносили. Вдоль дальней стены помещения был выдолблен желобок, по которому журча вода лилась круглые сутки. Под удобства ему не полагалось никакого сосуда. Отца это немного не устраивало, но потом он перестал обращать на это внимание. Справлял нужду он прямо в тот ручеек, который ему провели для эстетики. Если умывался и ходил на водопой в проксимальном конце водотока, то физиологические отправления совершал

в дистальном, таким образом, не нарушая видимых норм гигиены.

Отец обследовал оба конца ручья. И в том и другом направлении, поток воды был закован в прочную сетку, которая не поддавалась грубой физической силе. Она держалась даже тогда, когда Отец молотил по ней ногами, предварительно расположившись в ручье. Никаких выходов, кроме двери, из которой появлялись его тюремщики, не было. Отец успел уже с этим смириться. Единственным развлечением была циновка, поскольку кроме ручья с водой, половичок был единственным предметом убранства. Сначала он вертел его, скручивал в трубочку, передвигал по комнате. Затем стал время от времени пересчитывать соломинки. Число их было неизменно, сколько не считай.

Почему нельзя сюда поставить кровать? Подумал Отец. Хотя, если посмотреть на это с другой стороны, его чашка была сделана из очень хрупкой древесины, чтобы из нее нельзя было изготовить оружие или лопатку для подкопа. Из кровати можно наделать кучу полезных в положении Отца инструментов. К примеру, реально изготовить дубину, чтобы каждому вошедшему можно было с размаху врезать по затылку или клюву. Можно изготовить ковырялку и проделать себе лаз. Можно изготовить нож и перерезать всех, в том числе и себя. Но Отец убедился, что он для них очень важен. Его даже ни разу не избивали, хотя он поколотил их уже несколько туш.

У Отца даже отобрали одежду, видимо боялись последствий. Он не плохо бы им дал, будь у него хотя бы рубашка. Отец в мыслях себе рисовал чудесные картины кровавых расправ, будь у него тряпица, из которой можно было изготовить веревку. Но тряпицы не было и с этим необходимо было мириться. Они не сделали ему, в общем, ничего дурного, в чем могло быть позже стыдно. Отец подозревал, что причиной тому— коллективный разум. Причинить ущерб одному индивиду— дело поправимое, когда он занимает определенную ячейку в обществе. Ее можно заменить другим элементом или обойтись без нее как таковой. Причинить же вред целому разуму— задача очень трудная и Отцу она не под силу. А Разум знал это и снисходительно относился к разным выходками пленника. Отец даже, расшвыряв однажды, выдернул несколько перьев у одного пингвина, неосторожно зазевавшегося близ опасного элемента, откуда у того росли лапы. Последний взвизгнул от неожиданности и лишенный всякого стыда скрылся. Отца это немного позабавило.

Цватпахи, а это были они, не понимали юмора Отца и не выказывали ровным счетом никаких эмоций в ответ на его выходки, а может, просто их умело скрывали. Отец пытался пародировать их, орать, петь непристойности и материться. Он гримасничал, ходил на ушах, цватпахи же не умаляли своего интереса к происходящему, но никоим образом не заводились от такого чванства. Отец плюнул и на это. Кривлянием их не пронять, это ясно. Он старался дать им по-

нять, что нуждается в одежде, на что они весело помахивали своими куцыми хвостами, расположенными у самой земли, чем показывали свое несогласие. Отец пытался объяснить им, что он не козел и что листья жевать дни напролет не согласен. Они его не понимали и замирали в смиренной позе в ступоре.

—Как с вами тяжело.— Говаривал Отец, когда сталкивался с очередным ступором и маскированным за ним непониманием.— Ничегошеньки вы не понимаете, пингвины...

Отец пытался жестами показать цватпахам куда он с превеликим удовольствием бы засунул им червей, которых ему подносили на трапезу, но они это разумели превратно, решив, что Отец желает на них озорным способом посидеть. Отец отказался от их участия. Цватпахи так и не решились, нравятся пленнику черви или нет, однако с очевидной регулярностью их приносили.

—Вы что жрете их или мне просто кажется?— Однажды возмутился Отец, сопровождая изреченное оживленной жестикуляцией.

Пингвин, принесший ему живую пищу, понял Отца с потрясающей гастрономической точностью и склевал полчашки червей, при этом у него задрожал хвост от переполнивших его чувств.

—Ну ты, чума, даешь.— Охнул от удивления Отец, но поесть червей отказался.

Черви— полбеда. Одну трапезу из многих он мог пропу-

стить без видимых для себя неудобств, тем более что пищу ему приносили чаще, чем Отец успевал проголодаться. Его беспокоили стеклянные глазки камер, висевших в углах комнатки под потолком. Отец пытался их достать и свернуть им бока, но не доставал, а посему находился под неусыпным контролем со стороны цватпахов. От скуки он иногда вскакивал с циновки и непристойно им жестикулировал, но его ментальные атаки игнорировались. Его озлобляла циновка, которую он не мог порвать, она была жесткая, колючая и прочная. Ему не были по нраву серые стены и пол. В комнате не было жарко и не было холодно. Правда после изрядных прыжков перед камерами у Отца на лбу появлялась испарина, и казалось, что стало теплее. Или после долгого бездействия у него начинала ныть спина и затекать ноги, Отцу начинало казаться, что в комнате похолодало. Его бесило, что его не понимают, что не с кем поговорить и прочистить кости этим несносным зазнайкам и чистюлям пингвинам. Его бесило, что цватпахи кувыркаются. Сначала Отец удивился, как эти жирные черно-белые существа передвигаются, затем его это стало смешить, теперь же он их ненавидел. Цватпахам природа подарила очень коротенькие ножки, которые заканчивались рудиментарными лапами. Ноги были так коротки, что куцый хвост, который здесь же брал начало, волочился по полу. Даже при неумном желании цватпахи не могли бы расхаживать, как это делают их земные двойники. Эволюция пошла по другому пути. Она заставила цватпахов

группироваться в калачик, подгибая голову к хвосту, прижимая плотно короткие крылья к жирным лоснящимся бокам и кувырками перемещаться, что делают они очень грациозно, точно и быстро. Отец ни разу не видел, чтобы цватпах не вписался бы в поворот или врезался в стену, хотя был бы этому очень рад. Этот способ передвижения его очень расстраивал. Ввиду такого необычного движения, цватпахи не носили одежд, и посему выглядели очень однообразно, словно монашки в армии.

Ростом цватпахи похвастаться не могли, коль скоро были немногим выше земных императорских пингвинов, но отличались друг от друга размерами талий, конфигурацией белых пятен на груди, которые выглядели словно манишки на трубочисте, да формой клювов. Сначала Отец и не пытался их различать, но позже начал. Пингвина, который отводил Отца на занятия, узник величал Слесарем, поскольку тот имел вид лихой и глупый, как у подчиненного. Тот самый цватпах, который волочился у него за спиной во время прогулок, был Сусликом, за его очень скромную вегетативную массу и за выражения его мордочки, которой не была введена мудрость. Тот цватпах, который находился ближе всего к Отцу во время обследования, был назван Козлом, за его небольшой хохолок из перьев, торчащий под клювом. Другие цватпахи, которые сидели за мониторами и приборами во время исследований, были названы Духами за их отчужденность и неприветливость. Тот цватпах, который ста-

рался подражать словам Отца, пытаюсь понять и без того сложный Русский язык (а в случае с Отцом язык становился еще неприступнее ввиду перегруженности фразеологизмами и лексикой средней Русской полосы, не всегда корректной, но всегда богатой), наш странник именовал Писарем Чумичкой за его проникновенный взгляд и готовность что-то записывать в маленькой записной книжке. Пингвин, который был крупнее всех, именовался Бык, а иногда Бык Фанерный. Назван он был так не за заслуги перед Отечеством, но за скверный нрав, поскольку тот нет-нет порывивал на остальных, да за особую неторопливость, отличительный признак начальства. Был еще Нетроньгад, который цеплял на Отца различные электроды и датчики на липкой основе, а в конце обследования грубо срывал их, оставляя на теле маленькие залысинки, как неизбежный результат бесцеремонной механической эпиляции. Было еще много цватпахов, которым Отец скоропалительно давал новые имена, и приводить их здесь было бы очень нескромно.

Отец стал для себя замечать, что пингвины стали к нему относиться более благосклонно, чем в начале их знакомства. Некоторые выходки Отца, которые бы на Земле показались неуместными, цватпахами были расценены как поведенческие особенности ксеноорганизма. За все время пребывания на этой планете Отец оказался не заразным (земная микрофлора оказалась не вирулентной для цватпахов), не ядовитым, умеренно агрессивным, поскольку никого до сих пор

не убил и не покалечил, если не считать отдельных пинков и тычков, чуть склочным, но в общем терпимым. Почуввав относительную безопасность непрошеного гостя, к нему перестали применяться силовые методы как раньше.

После посадки на планету и захвата, Отец находился в фиксирующих ремнях оглушенный газом, вследствие чего не мог громко материться и лягаться. Затем вязки постепенно ослабляли, чуть позже их сняли вовсе, оставив Отца на ошейнике с двумя поводьями, а, некоторое время спустя, отказались и от него. Отец был этому нескончаемо рад, поскольку находиться в положении дикого зверя ему не нравилось, оставались еще некоторые неудобства, как, скажем, убранство в его комнате, отсутствие кровати, телевизора и других мелочей. С этим Отец был согласен некоторое время мириться, чтобы затем сторицей обязать цватпахов возместить все причиненные неприятности.

Отца водили на исследования, снимали с него энцефалограммы, кардиограммы, правда, в непривычных для Отца анатомических областях. Эти процедуры несколько не принижали его достоинства даже по земным меркам, а по сему Отец не возражал против этих малоинвазивных манипуляций. Но когда дело касалось соскобов кожи и щечного эпителия, пункционных биопсий, Отец реагировал грубо и не выбирал выражений. Особенно его оскорбили цватпахи, когда сбрили всю его растительность. Сразу после этого походка Отца изменилась и руки приходилось держать подальше

от боков, дабы не было больно в подмышках. О лысине Отец даже и не вспоминал.

Он плохо представлял правила поведения при первом контакте с внеземными цивилизациями, и по этому решил придерживаться норм поведения, которые сам считал целесообразными. Наверное, Дексаметазон бы охнул, увидев первый контакт Отца, когда тот, не успев вылезти из спасательного шлюпа после посадки, раскидал несколько мирных цватпахов, пришедших посмотреть на приземление неизвестного болида. Звездный странник пытался скинуть с себя металлическую кожу— скафандр, а затем старался на себя нацепить генератор иллюзий. Очень многим цватпахам он расшатал нервную систему видом своего разоблачения. Для этой расы одежда была неведома и вид страшного чудища, снимающего кожу, для многих оказался невыносимым.

Отца ставили под лучи Рентгеновского аппарата. Его спутать ни с чем нельзя. Массивная установка, окруженная со всех сторон свинцом и увешанная толстыми черными кабелями на опорах, должна на всех планетах выглядеть одинаково. Пингвины делали снимки и смотрели за строением этого субъекта в люминесцирующие экраны. Они чертили на матовой белой коже Отца цветными маркерами линии и что-то щебетали.

Звуки, которые сыпались у них из клювов, напоминали речь лишь при отдаленном рассмотрении или после недавних излишеств. Чирикание, квохтанье, кудахтанье, но никак

не речь.

Писарь Чумичка изо всех сил старался подражать Отцу, но в произношении этого нехитрого имени дальше «Атисьсь» он не пошел.

—Атись, так Атись,— соглашался Отец, когда цватпах тыкал ему в грудь своим крылом, унизанным мелкими коготками, сияясь назвать его по имени.— Хоть горшком называй, только в печку не ставь.

—Нита-а-а,— выдавливал из своих недр Писарь Чумичка.

Познание языка цватпахам давалось с трудом, и мало помалу Писарь Чумичка к своему активу добавлял фразы, как то: «лоза-а-а казина-а-а» или «идьёт».

Отцу однажды принесли карту звездного неба и старались выяснить, откуда он взялся. Лысый странник сначала разводил руками, чем вводил в ступор цватпахов, у этих жирных ласточек подобный жест считался неприличным, затем наугад ткнул пальцем куда-то в звездное скопление вблизи с центром галактики. От этого цватпахи шумно стали что-то обсуждать и выказывать при этом некоторое недоверие. Однажды Отцу принесли его железки, отобранные у Трибуна еще на тихом и родном Плутоне. Отец несколько оживился при виде этого кибернетического мусора, стараясь во что бы то ни стало завладеть своим хозяйством. Цватпахи ему не дали приблизиться к коробке и на шаг, опасаясь, что в ней окажется оружие. Отчасти он были правы. В руках Отца и носовой платок мог стать бомбой. Они лишь издали доста-

вали предметы и показывали их Отцу, жестами упрасывая его дать разъяснения об их назначении, но, по всей видимости, остались неудовлетворенными ответами, поскольку по жестам становилось очевидно, что все эти предметы должны прикладываться к паху или к двум гемисферам ниже спины.

—А не надо было стрелять в меня, когда я к вам летел, козлам неблагодарным. Теперь мучайтесь, гадайте.— Сквозь зубы ворчал Отец, сетуя на боевые ракеты, которыми встретили его Цватпахи на подлете к планете.

В ответ цватпахи что-то чирикали, видимо догадываясь о смысле его выражений. Бык Фанерный иногда усаживал Отца напротив себя перед небольшим столиком, вроде Японского для чайной церемонии, и рисовал непонятные рисунки, стараясь что-то выяснить для себя и дать понять что-то Отцу. Невольник всеми нейронами силился разобрать его схемы, но только разводил руками, вводя жирного начальника в транс, или начинал рисовать чертиков и разные непристойности. Эти рисунки, как выяснилось позже, изучались криптографами и лингвистами. Но даже знай это Отец заранее, смысл его художеств мало бы чем отличался от нынешних.

—Дебилы, дайте мне кровать и еду и я все вам расскажу.— Сказал однажды Отец и присовокупил к сказанному рисунок кровати со спящим мужиком.

Получилось криво, но сносно, однако вскоре у Отца в комнате появилась настоящая литая, неподъемная кровать,

которую нельзя было оторвать от пола. Оставалась еда. Как можно инопланетянину объяснить, что Отец любит есть? Нарисовать им корову— поймут, что это его божество. Нарисовать курицу— обидятся. Отец нарисовал им огромных червей в миске и жирно перечеркнул их карандашом. Цватпахи замахали хвостами. С этих пор червей и личинок он не видел и дела в понимании друг друга пошли на поправку.

—Атисьсь, ни пинаисьсь,— однажды попросил Отца Писарь Чумичка, когда пристегивал его к креслу прочными пластиковыми ремнями.

—А что ты делать собираешься?— Спросил его Отец.

—Ни болна-а-а,— уверил его Писарь и захлопал крыльями, стараясь по возможности старательнее убедить Отца в безболезненности манипуляции.— Чирик, снимать.

—Я тебе дам чирик снимать, я с тебя чирик и шкуру спущу, вот только мне не понравится.— Кивнул Отец Писарю.

—Ни-и-и,— замотал головой Чумичка,— ни болна-а-а.

Отца, фиксированного ремнями в кресле, поместили в прозрачный бокс, по голому, лишённому растительности телу побежала полоска света. Томография, или что-то в этом духе, успокоился Отец, ладно, пусть сканируют, потерплю.

—Только смотрите у меня!— Погрозил Отец пальцем. Бык оживился, выказывая свое недовольство, замахал крыльями, давая понять Отцу, чтобы тот лежал смирно.

Дни летели. Отец начал привыкать к своему пернатому окружению и иногда даже ловил себя на мысли, что кувырки

перестали его раздражать. Он привык к своей чугунной литой кровати со станиной, словно для пушки, перестал чувствовать уколы своей циновки, в которую укутывался во время сна. Понимание продвигалось. Великим подспорьем оказались способности цватпахов к телепатии. Писарь Чумичка ловил все на лету и день ото дня его становилось все легче понимать.

—Чумичка, мать твою растак...— начал, было, Отец однажды, когда Писарь Чумичка осторожно кувыркнулся в комнату.

—Пла-а-а мать ни нада так...— Оборвал его Чумичка.

—Ты клюв свой не криви, а то так и останешься. Ты вот что, дай-ка мне бумагу, нарисую кое-что.

Писарь Чумичка курлыкнул что-то Суслику и тот рысью кувирками метнулся из комнаты и через пару-тройку минут явился с листком бумаги и карандашом, зажатыми в крыльях.

—Смотри. Знаешь что это такое?— Спросил Отец и установился на своего черно-белого переводчика.

Он нарисовал два больших круга, по краю пересекающих друг друга, окружил их несколькими орбитами электронов, затем пририсовал шесть кружков поменьше и один кружок средних размеров.

Цватпах весело завилял хвостом.

—Не понимаешь.— Кивнул Отец.— Сам смотри. Эти два кружка— это углерод, вот эти шесть, что поменьше— водород,

а вот этот,— Отец ткнул в средних размеров круг на самом краю рисунка, отмеченный двумя черточками,— это— кислород.

Чумичка весело размахивал хвостом.

—Не понимаешь? Твою маму под хвост... Вы что тут меня с голоду уморить хотите?— Взревел Отец.

—Ни-и-и,— снова замахал хвостом Писарь Чумичка.— Ни нада-а-а.

—Что не надо? Что не надо? Зови сюда своего толстяка.— Отец указал на дверь.— Он у вас по ходу самый умный.

—Кав-во?— Участливо спросил Чумичка.

—Быка вашего жирного. Кого?— Фыркнул Отец.

Бык Фанерный не заставил себя долго ждать. Кувыркаясь жирный цватпах появился в комнате и примостился возле столика. Отец на корточках уселся рядом, указывая на рисунок.

—Понимаешь?— Кивнул Отец.

Между птицами завелся диалог. Они чирикали и вяло жестикулировали, большей частью хвостом. Наконец Бык к нему повернулся и нарисовал большой круг в окружении двух маленьких и кивнул в сторону канавы, в которой лился ручей.

—Вода! Однозначно вода. Ай да молодец, ай да бык. С тобой, брат не пропадешь. Аш два О. Молодец жиртрест.

—Засим эта-а-а?— Спросил Чумичка.

—Тебе не понять зачем. Это мое топливо. Понимаешь, у

нас на Земле все мужики на этом топливе работают, иначе— смерть, понял? Дуй за эта-а-а.— Отец махнул рукой в сторону двери.

—А многа-а-а нада?— Спросил Чумичка.

—Литров двести, для начала, там разберемся,— улыбаясь ответил Отец. Писарь Чумичка застыл в непонимании.— Вот сколько.

Отец изобразил емкость, в которую мог бы поместиться сам с Быком, Сусликом, Чумичкой и Духами вместе взятыми.

—Столка-а-а нита.— Замахал хвостом Чумичка.

—Короче так, дружок, неси сколько есть, а потом гонца отрядишь за остальным, все понял?— Спросил Отец. Писарь Чумичка закивал.— Действуй.

Приказы не обсуждаются, но выполняются. Вскоре Отцу на откуп в небольшой фляге принесли желаемое.

—Ну все, братцы, держитесь.— Сказал Отец и жадно отхлебнул из фляги. Все нутро его обожгло, словно жидким свинцом, из глаз хлынули слезы, Отец закашлялся, судорогой перехватило живот. Отец припал к ручью возле истока, и, словно раненый лось, стал жадно пить. Затем он медленно поднялся с пола, уселся на кровати и расплылся в довольной улыбке.

—Молодцы, вашу мать. Умеете если захотите. Драть вас некому, а мне некогда. Ух крепкий. Все девяносто шесть оборотов.— Отца передернуло от удовольствия.— Жизнь-то

налаживается.

Цватпахи смотрели на Отца. На их мордочках было написано удивление. Доселе этанол они использовали лишь в технических целях, протирая микросхемы, да растворяя в нем краски. Пить его никто не пробовал.

–Ну?– Спросил его Писарь.

Отец вытянул большой палец:

–Во!

По жилам потекла блаженная нега. Отец не прикладывался к своему топливу с тех самых пор, как покинул Землю. Ах, Земля, до чего же ты хороша. Как хорошо рядом с тобой. Голову заволокло мягким, как лебединое перо, туманом, зрачки расширились, кровь хлынула к лицу.

–Слава Господу Христу, что не пьяницей расту,– молвил Отец и высыпал из своей миски мясистые зеленые листья на кровать, затем наполнил свою чашу спиртом и разбавил водой.– Ну, выпьем, чтобы солнце поскорее встало.

Отец испил из чаши, закусил листьями и почувствовал, что ему стало еще лучше. Дозозависимый эффект, кивнул Отец. Это хорошо. Цватпахи наблюдали за Отцом, который стал распоясываться.

–Так выпьем, Эсмарх, где же кружка? И сердцу будет веселей!– Вещал Отец.

–Засим эта-а-а, Атисьсь?– Удивлялся Писарь Чумичка, но Отец нехотя отмахивался от него словно от мухи.

Смерть за человеком приходит в черном, за капюшоном, с

косой в руке, а за мухой смерть приходит в семейных трусах и с газетой.

–Попробуй– поймешь.– Кивнул весело Отец.– Да не бойся, все в розовом цвете увидишь.

Писарь Чумичка весело завил хвостом.

–Не хочешь, так и не надо, мне больше достанется. Ладно, давай ближе к делу. Я– Homo Sapiense, понимаешь? Human! Человек. Ты– пингвин. Понял?

Чумичка закивал:

–Атисьсь– хуман.

–Кроме меня здесь есть еще хоть один хуман? Пес такой. Его Дэн зовут. Есть?

Писарь Чумичка замахал хвостом:

–Ни. Хуман ни-и-и. Атисьсь– хуман адин.– Чумичка выставил один коготок.

–Не врешь?– Спросил Отец, исподлобья глядя на Писаря, дабы навести на несчастного пингвина страху.

–Ни, Атисьсь адин, адин!– Закивал Писарь.

–До меня дошли слухи...– Начал, было, Отец. Объяснять, откуда до него дошли слухи не хотелось, да и не поняли бы его цватпахи.– Короче, еще должен быть один. Где он?

Цватпахи переглянулись, затем меж ними случился диалог, состоявший из кряхтения и квохтания. Бык сразу укатился из комнаты, в коридоре, примыкающем к комнате, слышались резкие приказы, затем все стихло.

–Слюп Атисьсь ни адин?– Спросил Писарь Чумичка и на-

прыгся. Было видно, что он с ужасом ожидает положительного ответа на вопрос.

Отец вздохнул и вяло замотал головой.

–Нет, в шлюпе я был один. Но до меня здесь должен был появиться еще один хуман. Понял или нет?

–Ни,– замахал хвостом Чумичка. Видно было, что он ослабился.– Атисьсь адин хуман. Слюп адин– хуман адин Атисьсь.

–Ох не лги, я вас, как царь Петр, всех насквозь вижу. Я вам покажу, где волки воют, ежели Дэн здесь найдется.

Так, подумал Отец, Дэна здесь нет. Это ясно. Он бы им дал разгон. Червей он тоже есть не станет, а значит, меня бы они встречали по-другому. Это раз. Исследовали бы меня не так рьяно, это два. Тем более что мы с ним похожи как две капли. Подстилку эту чертову не стали бы давать, да и порусски уже говорили бы сносно. Короче нет его здесь. Тогда где он? Может здесь тоже несколько военных лагерей, как на Земле было? Может, он попал к враждебной стороне и его засекретили, а этот лагерь не знает? Нет! Чушь! Установка находится под ведомством территории Гаджет, я здесь и сел. Значит и я и Дэн, если он здесь, тоже должен находиться на этой земле. Это во-первых, а во-вторых у них коллективный разум, пусть и зачаточный, значит, если бы он чудом оказался на чужой территории, об этом бы знали многие, и, значит, были бы готовы к встрече со мной. Точка. Его здесь нет. Проверить все равно не повредит, этим я и займусь, думал

Отец. А вот выпить мне ничто не мешает. Писарь Чумичка, словно прочтя его мысли, а может и в самом деле прочтя, подвинул к Отцу чашку с разбавленным спиртом:

–Вот.– Гордо произнес он и его хвост затрясся от нетерпения.

–Не могу,– начал Отец. Чумичка удивленно на него посмотрел,– огорчить вас отказом.

Отец отпил через край спирта, закусил листом какого-то растения, от которого во рту вязало, и радостно выдохнул.

–Ладно, говори: зачем пришел?– Спросил развеселый Отец.

–Время, пасли-и-и.– Ответил Чумичка и скосился в сторону двери.

–Ну время, так время, значит. Пошли.– Сказал Отец и встал с кровати.

После долгого воздержания микросомальные ферменты печени не смогли адекватно среагировать на внезапное поступление алкоголя. Отца начало качать. Выпрямившись, Отец обнял цватпаху и сказал:

–Ну, что, бродяга, запевай нашу!– И запел.

Ой, то не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит...

Неслось по коридору. Рядом с Отцом кувыркался цватпах, иногда опережая его, вставал на лапы и в тон певцу что-то

поскуливал.

–Для первого раза сойдет,– одобрительно похлопывал Чумичку по плечу Отец,– во всем нужна сноровка... твою мать.

Идти было не далеко. Серые стены, серый потолок, такой же серый пол вдруг стали довольно сносными. Коридор был достаточно широк, чтобы полностью вместить в себя амплитуду колебаний Отца, а вот потолок оказался невысок для бурной жестикуляции и излития переполнявших пленника чувств.

Отец для себя отметил, что убранство помещений у цватпахов было очень аскетическое. Не было картин, лепнины, гравюр, чего-нибудь такого, что отражало бы жизнь этих пингвинов. Только скупые указатели направлений, да какие-то значки на стенах. В лаборатории, где Отец проходил обследования, тоже не было никакого убранства, кроме лабораторной посуды, инструментов, приборов, следящей аппаратуры и компьютеров. Устроено все было очень просто и функционально. Нигде не висела проводка, нигде не были видны ржавые трубы и следы потеков. В каждом помещении, даже в лаборатории, возле дальней стены была вырублена ложбинка, которая, как и у Отца в комнате, дарила всем свежую прохладную проточную воду. Цватпахи не стесняясь подходили к ложбинке, нагибались, и, в позе «те-тя моет пол», пили, прищелкивая клювами. Отдавая поклон эволюции, скупой на ноги, у цватпахов нигде не было стульев. Они располагались возле низких столиков стоя. Так

они ели, писали и работали. Отец сначала хотел затребовать себе стул, чтобы чувствовать сносно, но, поразмыслив, решил, что на стуле он будет очень далеко от стола, и решил обойтись без него. Он усаживался прямо на пол, когда его приглашали, и вальяжно раскидывал свои конечности, чем вводил в недоуменный ступор цватпахов. Они с уважением и крайним удивлением рассматривали, как Отец лихо передвигал ноги по полу, при этом не путался и не падал. Цватпахи считали такой способ передвижения крайне неудобным, но на кувырках не настаивали. Отец однажды на забаву кувыркнулся в лаборатории, при этом он повалился на бок, сбив нерасторопного Духа, и разбросал руки-ноги в разные стороны. От вида такого кульбита все цватпахи заскрипели и захлопали крыльями.

Лестниц в помещении нигде не было. Вместо них вились спиральные горки, по которым цватпахи перемещались с этажа на этаж. Были и лифты, но Отец их не любил, поскольку были они рассчитаны далеко не на него, и приходилось ехать сильно пригнувшись.

Добравшись до лаборатории, Отец грузно опустился в новенькое черное блестящее кресло, изготовленное недавно специально для него. Суслик осторожно пристегнул конечности ремнями, чтобы не испортить чистоту эксперимента и удалился. К Отцу подкатился один из Духов, держа в руке шприц.

—Давай поскорее с этим закончим, а потом поговорим.—

Проямлил Отец и откинулся на подголовник.

Дух, опасливо озираясь по сторонам, намазал руку какой-то терпкой жидкостью, видимо антисептического характера, и, поглядывая на своих коллег, которые в свою очередь кивками подбадривали его, вонзил в руку иглу.

–Кровопийца,– сквозь зубы процедил Отец.

–Ни баисьсь, Атисьсь, ни болна-а-а.– Пропел сбоку Писарь Чумичка.

–Ага, не больно, сам бы попробовал. Давай с тобой так договоримся, пес такой, когда все закончится, ты со мной выпьешь, fine?– Отец приподнялся на локте, пристально вглядываясь в бесцветные глаза Писаря.

Писарь Чумичка отчаянно завертел хвостом.

–Ну вот тогда и не мели чушь. Не больно! А к выпивке мы с тобой еще вернемся.

Отец лежал смирно, его уже не трогали жужжащие аппараты, сканеры, смертоносные Рентгеновские лучи. На душе стало легко и приятно. Пусть делают свою работу, подумал Отец. Мне даже страшно себе представить, как бы цватпаха пытали у нас, окажись он на Земле.

По окончании очередных исследований Отца развязали и Бык пригласил его жестом к столу, на котором были разложены листы белой бумаги и карандаш.

–Слушай, Пикассо, мне надоели твои картинки.– Проворчал Отец.

Бык вопросительно развернулся к Писарю Чумичке, тот

склонился к уху своего жирного суправизора и что-то прокрихтел. Бык угрюмо кинул взгляд на Отца, разложившегося перед столиком, и подвинул ему листок бумаги.

–Давай сначала погуляем, потом все остальное, мне нужен свежий воздух.

Чумичка поворковал с Быком, тот утвердительно кивнул, и Писарь выложил:

–Писать, а патом гулять.– Щелкнул клювом переводчик.

–Ладно, чего там вам нужно?– Снисходительно кивнул Отец.

–Атисьсь литать слюп аткуда-а-а?– В низком поклоне молвил Писарь Чумичка.

–Не знаю.

–Как?– Удивился Писарь.

–Давай мои железки, я покажу. По вашим картам я ниче-гошеньки не понимаю. У нас система другая.

–Там стрелять?– Спросил Писарь.

–Нет. Там не стрелять, там показывать Атисьсь литать аткуда.– Сказал Отец и добавил,– пока мы тут болты болтаем, сбегай за моим топливом.

Бык что-то буркнул, Суслик скрылся за дверью, неся флягу со спиртом. Один из Духов принес маленькую шкатулку, в которой сиротливо лежал антигравитатор, вслед за ним в дверях появилось несколько охранников, держащих наперевес короткие ружья.

–Бойтесь? Ладно, пусть тоже посмотрят.– Отец кивнул на

охрану.— Только нужно другую штучку.

—Ни, тех нет.— Помахал хвостом Писарь.

—Как так ни?

—Нас,— цватпах хлопнул себя по жирному брюху крылом,— изучат.

—Вы что их разобрали что-ли?— Вскочил Отец.

Охранники оживились и вскинули ружья.

—Тихо, тихо. Все пучком. Зачем разобрали? Я вам сам бы все рассказал.— Отец осторожно, дабы не заставить охрану начать пальбу, уселся на свое место.

—Нас не ломат, изучат.

—Если сломаете, тогда всем вам крышка. Мои хлопцы за мной прилетят, все ваши перья из хвостов на веера распустят.— Сказал грозно Отец.

—Ни, слюп адин, Атисьсь адин.— Чумичка завилял хвостом и кувыркнулся назад за спину жирного начальника.

—Короче, дело к ночи. Принесете назад мне игрушки, тогда и будет разговор. А пока все, желаю счастья,— сказал Отец вставая. Охранники снова вскинули ружья. Отец медленно встал из-за стола и двинулся к двери, охрана двинулась за ним. Обернувшись в дверном проеме, он добавил,— да, и не ешьте много своих червей на ночь.

Отец направился по давно уже изученной дороге в свою ночлежку. За ним кувырками неся Писарь Чумичка.

—А, и ты со мной, неваляшка. Ну, заходи, гостем будешь.— Сказал Отец, кивком приглашая цватпаху внутрь.— Я так по-

лагаю сегодня на прогулку не пойдём?

–Атисьсь, нас делат прибор, ты казать нам. Да?– Спросил цватпах, заискивающе ища поддержки в глазах Отца.

–Сказал же: покажу, значит покажу. Утыр.– Сказал Отец, сядясь на свою кровать и показал пальцем перед собой.

Чумичка уселся напротив на полу.

–Давай выпьем.– Сказал Отец, наливая спирт в чашку.

–Нас не пить.

–Ты меня уважаешь?– Молвил Отец и цватпах отчаянно закивал своей курносой мордой.– Значит пей.

Отец протянул чашку Чумичке, тот взял емкость в руки и нервно вздохнул, видимо прощаясь с жизнью.

–Сюда бы Пиначета, вот было бы дело,– вздохнул Отец.

Чумичка сделал осторожно глоток. Глаза его выпучились, из угла клюва потекла розовая пена. Цватпах выронил чашку, которая тут же рассыпалась на мелкие куски, и опрометью кинулся к канаве запивать.

–Что? Продирует? То-то же. Я тебя научу Родину любить, твою мать.– Засмеялся Отец, глядя, как Чумичка озорно отплевывался.

Цватпах вернулся к Отцу. В глазах засветился огонек так хорошо знакомый нашему истребителю зеленого змия. Язык цватпаха стал заплетаться.

–О, дружок, ты совсем слабенький, на вот, закуси кисляткой.– Протянул Отец пингвину мясистый лист.

Цватпах осторожно взял его в крылья, осмотрел с разных

сторон, ища подвох, обнюхал, а затем отправил в клюв.

–Будешь еще?– Бросил Отец Чумичке. Пингвин закивал.– Эка тебя с первого раза дернуло. Ну ладно, лови еще.

В дверях показался Суслик, опасно выглядывая из-за двери.

–Заходи к нам, третьим будешь.– Чумичка что-то буркнул цватпаху, тот молнией скрылся, прикрыв за собой дверь.– Тебе жалко что-ли? Всем хватает, еще сбегает за топливом. Чего ты его прогнал?

–Он слузба.– Уже еле ворочая языком проскрипел Чумичка.

–От службы кони дохнут, ну ладно, мы отвлеклись.– Сказал Отец и отдал флягу пингвину.– Извиняй, чашку ты сам разбил. Только смотри, эта еще крепче будет.

Цватпах снова сделал глоток и, замерев на пару секунд, навзничь упал. Жирное брюхо сделало несколько колебательных движений, коротенькие крылья раскинулись в стороны, послышалось богатырское сопение.

–Ох и больно тебе завтра будет.– Покачал укоризненно головой Отец.

Дверь перестали запирать, подумал Отец. Видимо я к ним в доверие затесался. Ладно, это уже что-то, дальше поживем– увидим. Только бы они окончательно не разобрали мой компьютер. Без него я не смогу починить эту чертову установку, а убираться отсюда по-любому придется. С базой мы, наверное, сможем ее восстановить.

Отец встал, поднял с пола фляжку, из которой медленно вытекал спирт, приложился к ней и ухнул от удовольствия. Затем подошел к мертвецки пьяному цватпаху и осторожно носком ноги потрещал его по жирному брюху, проверяя витальные функции организма. Цватпах храпел во все горло, нет-нет подергивая крыльями. Жив, подумал Отец.

—Ты, брат, как майор ПВО,— крикнул Отец с досады и сел на свое место.— Не пулей убит, доконали его.

Чуть позже прикатились несколько цватпахов и вытолкали в коридор бесчувственного Чумичку. Отец наблюдал за выносом тела со своей кровати сквозь неплотно сомкнутые глаза. Уволят или нет, думал Отец. Завтра увидим.

Завтра Чумичка не появился. Уволили, догадался Отец. Однако, вопреки элементарной логике, Чумичка объявился через день и выглядел не лучшим образом. Черные перья, которые покрывали жирные бока, уже не лоснились от жира, но торчали в разные стороны, словно несчастный цватпах ночевал под мостом, и не блестели, как во времена доалкогольной эры. Перья смотрелись серыми и иссушенными, словно выжженными солнцем. В бесцветных глазах застряла вселенская грусть, в которых можно было прочесть все великие тайны его бессмертной души о мировом порядке и предназначении. Кувыркался вяло, видимо его мутило с каждым новым поворотом. Отец живенько себе представил, что он чувствовал бы, окажись на месте несчастного цватпах, коль скоро, после биохимической травмы, трудно резко

повернуть голову в сторону, не рискуя потерять контроль над желудком.

–Здорово, Чумичка! Как твоё здоровьице? Я гляжу, тебе лихо?– Поздоровался Отец.

За время отсутствия Чумички ему не с кем было перемолвиться словечком и, изголодавшись по русской речи, он был очень счастлив видеть незадачливого переводчика.

–Плохо.– Сказал Чумичка.– Плохо– плохо.

–Поправься,– сказа ему Отец, поднося к клюву заветную фляжку.

Чумичка брезгливо сквасил свою невеселую физиономию, ещё немного и его бы стошнило, не убери Отец своего бальзама.

–Не вороти свой клюв. Клин клином вышибают. Я двенадцать лет на дудке играл, я знаю, поможет.– Снова предложил Отец цватпаху разбавленный загодя спирт.

В результате недолгих переговоров, просьб и увещеваний, цватпах, после очередного «ты меня уважаешь», прощаясь с жизнью, сделал глоток.

–Ну, что я тебе говорил?– Отец довольно похлопал жирного Чумичку по плечу.– Легче? То-то же. Слушайся батьку, я тебя дурному не научу.

Глаза цватпахы остекленели, перья ещё в большем беспорядке топорщились в разные стороны, но по выражению его мордочки было видно, что наконец-то наступило счастье. Он протянул свои крылья к Отцу:

–Дай шо-о-о.– Проскрипел Чумичка, застыв в вопросительной позе.

–Хватит с тебя. Снова налижешься, что с тобой делать буду? Вот немного привыкнешь, тогда и приходи, а пока не дам.– Отец спрятал фляжку под подушку.

Цватпах еще немного поканючил, выпрашивая для себя еще глоток Ханаанского бальзама, затем пригрозился, что он сам сможет раздобыть спирт, на что Отец только усмехнулся, но, наконец, сдался.

–Говори лучше, зачем пришел?– Спросил Отец.

–Атисьсь гулять хатель, шли гулять.– Сказал Чумичка пошатываясь. Язык плохо слушался его, а расторможенный алкоголем головной мозг был готов разразиться пылкой страстной речью, но роковую роль сыграл ограниченный словарный запас, который подвиг его лишь соорудить глупую гримасу.

–Это другое дело, пошли,– соскочил Отец с кровати.

Завернувшись в циновку, Отец последовал за Чумичкой. Цватпах весело кувыркался по коридорам и винтовым платформам, иногда он останавливался, чтобы подождать Отца, который, путаясь в циновке, семенил вслед за пингином.

Отца опьянил свежий воздух, стоило ему выйти из здания. Он встал, закинул голову и сделал глубокий вздох. Мягкая сизая утренняя дымка окружила Отца, и ему снова захотелось жить, радоваться и смеяться. Белые облака, озаренные далекой зорькой, зависли над головой, словно изучая

неведомого пришельца, любопытно осматривая его с разных сторон. Даже утреннее призрачное безветрие казалось смиренным созерцанием порожденной космосом невидали. Сухие серые здания, окружившие Отца, казалось, перешептывались, обсуждая безучастную наготу гостя, и внимательно следили за каждым движением и вздохом. Деревья и кусты, выстроенные в ряд, словно на параде, выгнулись к Отцу, замерев от неожиданности. Маленькие капельки утренней росы, повисшей на зеленых листочках, как любопытные зрачки неведомых зверей, вглядывались в лицо незнакомца, будто стараясь прочесть в душе его стремления и порывы. Они пристально наблюдали за биением жизни в розовых жилках на шее, за трепетом ресниц, дрожащих от утреннего света, за движением глаз, восхищенных простотой. Казалось, все в мире остановилось, чтобы приветствовать путника. Даже шорохи притаились в листве и в дорожках, усыпанных хвоей. Ни звон падающей росы, ни дуновение ветерка, ни хлопанье крыльев летящей пичуги, ни шуршание насекомых, роящихся в тени кустов не нарушало величие момента. Хотелось закинуть руки за голову и в безумстве закружиться и закричать: «Здравствуйте, будьте добрыми и счастливыми. Какая радость, что вы есть, что есть солнце, дарящее благодать, что есть деревья, балующие тенью, что есть мурава, мягкая и теплая, что есть небо, непостижимое в своей синеве, что есть воздух, пронзенный миллиардами теплых розовых лучей, что есть облака, радующие глаз своей эфемерно-

стью и бесконечностью форм. Здравствуйте. Здравствуйте. Здравствуйте!!!»

В тени аллей, виднеющихся сквозь зелень листвы, блестяли серебряные пятна еще не успевших просохнуть луж. В воздухе висело утреннее торжество, сдобренное влажными испарениями после ночного дождика, казалось, все вокруг искрилось и благоухало неведомыми ароматами и дурманом. Утреннее светило лениво выглядывало из-за верхушек высоких деревьев, окрашивая все вокруг в мягкие розовые тона. Оно тоже приветствовало все живое. Томные утренние лучи липли к облакам и казалось, будто те привязаны тонкими розовыми ниточками к неподвижным кронам высоких стройных деревьев. Чуть поодаль сверкало озеро, даря окрест медовые блики и багряный румянец вокруг тихого бесшумного плеса, к которому вилась прямая, словно струна, дорожка. Все вокруг дышало первозданной свежестью, будто в ожидании чуда, и казалось, что даже малейшее дуновение сможет нарушить гармонию этого мира. Пронзительная тишина, упоенная утренними ароматами, повисла нежным кровом над лужайкой. Длинные косые тени, исчерченные полосками света, и те, казалось, наблюдали за пробуждением всего сущего.

Дорожки, усыпанные коричневой хвоей, ждали, беззвучно внимали и приглашали гостей, чтобы проводить их к озеру, где в волнах весело искрились лучи восходящего солнышка. Над водой, словно призрак, мелькали исчезающие

пятна тумана, которые скрадывали утреннюю палитру. Еле заметные волны нежно касались прибрежных камней, нежно пробуждая к наступающему дню.

–Мать твою!!!– Воскликнул восхищенный Отец.– И вы, сволочи, держали меня взаперти, Чумичка, я тебе вовек не прощу этого.

–Мая ни-и-и,– опасливо пискнул Писарь Чумичка и покатился по дорожке.

–Как же. Не ты, так такие же вроде тебя.

Отец оглядывался по сторонам, любясь свежестью раннего утра. Здание, из которого вышли Чумичка и Отец, стояло в стороне от массива других строений, похожих друг на друга, образуя целый научный городок. Меж зданиями были протянуты провода, трубы и средства коммуникаций. Городок был обнесен каменным забором из бурого известняка, из такого же были возведены и строения. Городок утопал в зелени небольших рощиц, пересеченных аллеями и тропинками. Всюду виднелись клумбы, усаженные цветами. Ландшафт был украшен искусственным водопадом, вокруг которого имелся небольшой пруд, выложенный крупной галькой. В центре искусственного водоема бил фонтан. Эти пингвины не лишены эстетики, подумал Отец. Озеро, прилегающее к научному городку, было широким и со всех сторон окруженным густым лесом.

Чумичка покатился к берегу, Отец последовал за ним, непрерывно поправляя на себе грубую циновку, которая по-

стоянно съезжала с него, оголяя его белую кожу. На воде вдали у самого горизонта были видны пограничные катера, охраняющие режимную организацию. Они находились в постоянном движении. На берегу был раскинут пляж. Несколько деревянных аккуратно сколоченных лежаков сиротливо белели близ воды.

Чумичка подкатился к самому берегу и на последнем кувырке ловко оттолкнулся от земли и высоко взмыл над водой, затем, на миг зависнув в высоте, бесшумно вошел в воду. Отец от неожиданности открыл, было, рот, но, поймав себя за этим глупым выражением, привел себя в порядок.

– Вот дает. – Только и промолвил он.

Цватпах проплыл несколько метров под водой, затем вынырнул из искрящейся воды и закивал Отцу, приглашая следовать за ним. Отец не заставил себя упрашивать и вскоре водная стихия приняла в свои объятия истосковавшееся по раздолью тело. Немного освежившись, Отец отправился к берегу и улегся на еще прохладные лежаки. Чумичка еще некоторое время резвился в воде, затем вылез и он. Вода каплями слетела с его черного оперения, словно с гуся, и тот довольный подкатился к Отцу.

– Слушай, ты где так плавать научился, дружище? – Подивился Отец.

Цватпах многозначительно огляделся вокруг и произнес:

– Природа. Мая все плавай так.

– Ясно. Давай-ка за природу дернем по маленькой. – Ска-

зал Отец и достал свою фляжку.

Глаза Чумички подозрительно заблестели.

–Э, только много не проси, я тебя не дотащу один.– Кивнул Отец.

Выпили прямо из горлышка. Цватпах довольно поморщился и растянулся на соседнем лежаке, изредка бросая косые взгляды на фляжку.

–Ты вот что, дружок, расскажи мне, сколько таких хуманов, как я, у вас здесь томится?

Цватпах принялся уверять Отца, что кроме него других хуманов не было и нет. Что Отец единственный и первый.

–Говори! Установку сделали, чтобы во времени перемещаться?– Отец привстал на локте, пристально вглядываясь в осоловелые очи пингвина.

Цватпах тоже приподнялся и с огромным удивлением посмотрел на Отца.

–Что, дружок, дырку на мне просмотришь. Отвечай.– Гневно сверкая черными пятнами зрачков, проговорил Отец.

Цватпах увалился на свою лежанку.

–Ни-и-и, низнай.– Сказал он и закрыл глаза.

–Ты не засыпай, замерзнешь. Мы все про вас знаем. Что вы установку свою неспроста сделали. Что замышляли?

–Ни, наша ни-и-и.– Замахал хвостом Чумичка.– Мы ни такой.

–Знаем мы, какие вы. Кто про установку знает?

Цватпах что-то прочирикал.

– Не понял. По-русски скажи. Бык что ли?

Цватпах сказал, что Бык тоже, вероятно, не посвящен в эту тайну, но он знает к кому следует обратиться.

Отец призадумался. Дэна здесь не было и быть не могло, тогда следует логичный вопрос: кто его украл? Если станет известно кто его украл, станет понятно зачем он это сделал. Отец не мог ошибиться, его алгоритмы проверил и Дэкс и Басмач, волна темпоральных возмущений, инициированная установкой Цватпахов, могла докатиться до Земли. Тогда почему его здесь нет? Может быть, из-за неотлаженности механизмов установки Дэн остался болтаться меж мирами в каком-нибудь времени, вероятно, в космосе. Тогда дело – плохо. Хотя, быть может, медицинские технологии этого времени могли бы вернуть брата к жизни, учитывая, что в общепринятом понятии смерть в космосе не может считаться абсолютной, поскольку процессы разложения организма не наступают. Но это тоже не факт. Дэн может находиться в любой точке пространства между Землей и Цватпой. Его тело может быть повреждено метеоритами или жестким космическим излучением. Отец не имел понятия о воздействии космических лучей на тело, находящееся в анабиозе при температуре близкой или равной абсолютному нулю. Чтобы обдумать возможные последствия такого поворота событий, Отцу было необходимо вернуться в базу и смоделировать эту ситуацию. Но цватпахи компьютер забрали, вероятно, его

разобрали уже на части для изучения. На данный момент выяснить это пока невозможно. Утешает, что Трибун в своих вычислениях убедился, что с Земли цватпахи не смогли бы украсть и спичку, тогда похищение брата становится тем более невероятным.

–Слушай, милый, ты что-то там мне пел, что можете мои железки вернуть?– Спросил Отец сонного цватпаха, который успел задремать.

–Да-а-а. Ты показать?

–Что вам показать?

–Аткуда Атисьсь– хуман, слюп?– Не поднимая головы проговорил цватпах.

–Какой разговор? Ты давай, бродяга, там устрой все. Я вам по порядку доложу, по всей форме в лучшем виде.

–Разговор те-е-е нужен.– Вымолвил Чумичка.

–Ух ты, как ты заговорил.

Отцу разрешили перемещаться по всему корпусу. Единственным условием был Суслик, который должен был следовать за ним в качестве соглядатая, да Чумичка, чтобы Отец смог изъясняться с цватпахами.

Неугомонный странник, освобожденный от неудобной комнаты, в минуты, когда его не обследовали, слонялся, словно медведь в жару, по научному городку. Он был крайне удивлен, что сотрудники жили в похожих комнатах за тем лишь исключением, что в других комнатах не было замка снаружи. Двери не запирались и комнаты были похожими

одна на другую, словно соты. Имелись небольшие различия в интерьере: в одних комнатах циновка располагалась у стены слева, в других— справа, у иных в центре. У немногих в комнатах были тумбочки, у некоторых были аппараты, отдаленно напоминающие телевизоры, которые стояли прямо на полу. И что больше всего удивило Отца— дети. Их было великое множество и всюду. Детишки были разновозрастные: от едва вылупившихся, до достаточно зрелых особей. Цватпахи— яйценесущие птицы. Различать их по половой принадлежности Отец не научился. Удивительно как различали друг друга цватпахи, коль скоро наличие вторичных половых признаков у этой расы отсутствовало в принципе. Однажды Отец спросил у Чумички:

—Послушай, друг, какая птица вылупляется из яйца, но сама яиц не несет?

Чумичка в ступоре замер, не понимая Отца и прогнозируя его ответ. Затем цватпах замахал хвостом, показывая свое невежество в этом вопросе. Отец ему открыл тайну, что эта птица— петух. Писарь решил, видимо, что это какая то специфическая птица с родной планеты Отца, где законы мироздания работают отлично от традиционных. Отец, видя такое завидное непонимание, решил растолковать суть шутки, но видя, что Чумичка запутался еще больше, плюнул на все это.

Дети были везде. Им было запрещено находиться в секретном блоке, где содержали Отца, но, после снятия запрета

на свободное перемещение, забегали и туда. Они были ласковыми, словно кошки. Они ластились к Отцу и повизгивали от удовольствия, когда он трепал их гладенькие блестящие перья на жирных боках. Они буквально похрюкивали, когда Отец чесал им шею и спину. Детишки не отходили от Отца, облепив его со всех сторон, и по-детски заискивали перед ним, чтобы получить свою долю почесываний. Отцу нравилось возиться с детьми, которые от рождения все были исключительными пловцами, которые ныряли и плавали вместе. С каждым днем детишек становилось все больше. Отец не различал их, но привык к вездесущему пристальному вниманию к своей персоне. Маленьких цватпахов забавлял вид Отца, его способ передвижения. Они не могли разуместь, что разумное существо может передвигаться на двух палках, которые еще и сгибались посередине. По их мнению, это было очень неудобно и не совсем безопасно. Они жестами предлагали ему кувыркаться, как это делали они с рождения. Отец на забаву кувыркнулся, от этого пируэта детвора пришла в неопиcуемый восторг.

Дети были неотъемлемым атрибутом жизни цватпахов. На планете отсутствовали детские сады. Цватпаху не пришло бы в голову и в страшном кошмаре оставить свой выводок кому бы то ни было. Дети росли рядом с родителями, а следовательно, в общине этих чудо-пингвинов в порядке вещей были служебные династии. Как Отец выяснил позже, школы (в традиционном понимании) тоже отсутствовали ввиду своей

ненадобности. Отец это мог объяснить лишь коллективным разумом, который формировал единое информационное поле планеты. Это может показаться скверным, но такова селяви, как говорят французы. А детишки постигали азы профессии, если можно так выразиться, с пеленок, обучаясь у своих родителей не отходя от кассы.

Отца несколько обескуражил тот факт, что его цватпахи приняли в свой ментальный круг. Чумичка поведал, что цватпахи могли его понимать на телепатическом уровне, в ответ на что Отец несколько озлобился, однако многие необъяснимые вещи встали на свои места. До Отца не доходило, как при таком малом словарном запасе Чумичка мог понимать довольно живую и крайне усложненную эпитетами речь инопланетника. Теперь этому нашлось объяснение. Телепатические способности у цватпахов были различными. Кто-то владел телепатией, словно заяц балалайкой, а кто-то был неплохим экстрасенсом.

Отец для себя не раз отмечал бессловесное общение этих существ. Они могли, не говоря ни слова, вдруг, резко сбиться в стайку и куда-то укатиться. Они также могли, не сговариваясь предварительно, затеять какую-нибудь возню.

Чумичка постепенно постигал русский язык, и час от часа диалоги становились более оживленными. Отец выяснил, что у него есть и родное имя, которым его наделили родители при рождении, оно отдаленно напоминало Чи Хуа Пень Бень, однако странник отказывался его выучить и продол-

жал его величать Писарем Чумичкой. Цватпах был лишен некоторых предрассудков и относился к своему новому имени более чем терпимо. Он стал доверенным лицом Отца на планете, поскольку кроме него внятно по-русски не говорил никто. А кроме того Чумичка пристрастился к «воткак». Так он величал разбавленный водой из ручья спирт. Он с Отцом иногда напивался до чертей, что иногда становилось страшно, а на утро стыдно. Поскольку Чумичка, обладающий волнующими способностями в лингвистике и телепатии, был еще и единственным цватпахом, к которому инопланетник выказывал свое расположение, начальство прощало его частые послабления. Отец иногда сам запрещал Чумичке напиваться, поскольку боялся, что жирному пингвину как-нибудь придет абстинентный синдром, и заставлял его делать перерывы. Десятым чувством звездный странник понимал, что Чумичка причащается иногда в одиночку, поскольку в научном городке проблем со спиртом не было, а экстерьер по утрам у ученого был не в лучшем виде. Отцу приходилось даже журить его за несанкционированные паузы в работе, но Цватпах замирал в ступоре, деля вид, что не понимает своего учителя. Отец иногда брал себе в компаньоны Суслика, когда Чумичка находился в коме или был отлучен от спиртного. Но радость от такого собеседника была очень сомнительной, коль скоро доза у последнего была меньше чем минимальная терапевтическая для Отца, да и особым словарным запасом он не отличался. Охранники редко отличаются

высокими умственными способностями.

Однажды Чумичка пригласил Отца в лабораторию, где его дожидался Бык.

–Атисьсь, Быка ждет тибя там.– Цватпах махнул крылом в сторону лаборатории.

–Чего ему нужно?– Спросил Отец.

–Твоя желеска там.– Ответил Цватпах и развел крылья в стороны в страшном смущении.

–А, это другое дело. Пошли.– Сказал Отец и пошел впереди Цватпаха, который кувыркался чуть сзади.

Зайдя в лабораторию, Отец обнаружил свое добро, разложенное на столике. Вокруг стола стояло несколько цватпахов с умными лицами. Видимо местные инженеры, подумал Отец. На треногах поодаль стояли камеры и следящая аппаратура, чтобы не упустить и детали происходящего.

–Ну, что, чертеняки, не по зубам вам земные железки? Тот же. Я вам что говорил?

Отец подошел к столику и с любовью, словно старых знакомых погладил. Компьютер, диски с глобальной урезанной базой данных, антигравитатор, генератор иллюзий, все находилось в видимом порядке. Для себя Отец заметил, что охранников больше не звали.

–Чего?– Спросил Отец у Быка.

Цватпахи перебросились парой фраз и Чумичка сказал:

–Быка хатель знай что это.

–А у самих мозгов нет?

Чумичка поворковал с окружением и произнес:

–Быка не знает. Наша не умеет такой.

–Это я уже понял. Ладно. Дуи за спиртом, сейчас жажнем по маленькой, и сядем за уроки.

Глазки у Чумички заблестели. Видимо накануне Писарь прикладывался к зеленому змию, поскольку выглядел неважно. Но, зная чудодейственное свойство спирта приносить облегчение после вчерашнего, заставило Чумичку немедленно исполнить просьбу Отца. Фляжка оказалась на столе. Отец сделал добрый глоток и передал фляжку Чумичке. Тот осторожно покосился на Быка и замахал хвостом, показывая свою нерешительность в пугающей близости к своему начальству.

–Ладно, не грусти, сынок, сейчас мы поправим ситуацию. Будет и на нашей улице апельсиновый дождь. Переводи, давай.– Отец повернулся к Быку.– Дело такое, дружище, прими семь капель на грудь могучую, это залог всеобщего успеха.

Переводить и не потребовалось, Бык отшатнулся от протянутой ему фляжки и весело завилял хвостом.

–Ты ему скажи: не будет пить, я заупрямлюсь.– Отец ткнул фляжкой в жирное брюхо цватпаху.

Бык ожесточенно жестикулировал, показывая Отцу, что ему очень дорога жизнь и что было бы очень глупо расстаться с ней в таком молодом возрасте. Отец был неумолим.

–Я тебя научу водку пьянствовать, пей, ... твою мать.– Отец свирепо засверкал глазами.

Цватпахи зашумели, убеждая жирного суправизора, что его смерть будет не напрасной, и что этот подвиг все цватпахи пронесут в веках впереди планеты всей. Бык вздохнул, взял флягу и сделал глоток.

—По мужски.— Кивнул Отец, присаживаясь на корточки к столику с железками.

Повисло молчание, будто Отец только что убил старушку. Бык выдохнул, затем метнулся к ручью, что тек возле дальней стены, и принялся пить из него. Цватпахи смотрели вслед Быку как обычно глядят на больного с генерализованным колоректальным раком, прогноз которого очевиден, пусть он еще жив. Бык вернулся к столику в уже довольном расположении духа. Отец ткнул флягой в ближайшего цватпаха и для убедительности надул щеки. Несчастный покосился на остальных цватпахов, на Быка, который начал уже пошатываться, но фляжку брать отказывался. Завязалась дискуссия, смысл которой был ясен и без перевода. Отец для убедительности отпил сам немного из горлышка и продолжил настаивать. Отпил и этот несчастный, затем фляжка пошла по кругу, пока в лаборатории не осталось ни единого трезвого пингвина.

Цватпахи смотрели на Отца остекленевшими глазами, мало понимая в происходящем, и покачивались, словно большие черные кегли на ветру. Отец включил голопроектор, активировал компьютер, который к удивлению заработал, надел шлем и погрузился в базу. Достав достаточное количе-

ство сведений о солнечной системе, он передал данные в голопроектор, который засветился синими огнями. Над столом повисла солнечная система в своем величии и многообразии. Цватпахи от неожиданности отскочили от столика и удивленно уставились на светящиеся круги в пространстве. Отец ткнул в третью планету от Солнышка.

— Вот она, родная, отсюда я родом. Туда и стремлюсь.

Вот чудеса, подумал Отец, пришлось улететь с Земли, чтобы на нее же вернуться.

Пьяные цватпахи пытались сконцентрироваться на пунктирах траекторий планет. Бык что-то буркнул в сторону, Суслик тут же подорвался, как раненый и принес еще флягу со спиртом.

— Брат, ты погоди, — попросил цватпаха Отец, зная на собственном опыте, что двух глотков для пингвина — это уже жесткая передозировка. Но Бык ничего знать не хотел. Он приложился к фляжке, затем передал ее по кругу.

— Ясно, алкоголики, — молвил Отец. — Чудеса мироздания сейчас вас интересуют меньше всего.

Фляжка снова пошла по кругу, на сей раз без уговоров. Когда она дошла до Отца, в живых остались только сам центрфорвард, Чумичка, Суслик да Бык, вегетативная масса которого позволила выдержать алкогольную атаку. Черно-белые пингвины падали молча, как подкошенные, каждое падение сопровождалось громким вздохом и богатырским храпом на исходе.

Ясно, подумал Отец, в живых осталось только трое из восемнадцати ребят. Ему вспомнился рассказ знакомого геолога, поведанный ему за рюмочкой чая. Геолог молвил, что волею судеб ему суждено было оказаться в маленькой сибирской деревушке, основанной староверами. Геолого-разведывательный отряд был вынужден остановиться в селение, где необходимо было пополнить запасы продовольствия и воды. Остановились у здоровенного русского бородача в огромном деревянном доме. Старообрядец был очень рачительным хозяином дома, не знавшим алкоголя. Своими руками он построил усадьбу, в которой жила добрая старушка жена и куча сыновей, помогавших по хозяйству старику. В хозяйстве бегало по двору куча жирных гусей и кур, в грязи копошились хряки невероятной толщины. В стойле мычало несколько коров, пара лошадей ухоженных и опрятных стояли на привязи у околицы. Вокруг дома старообрядец раскинул сад, где лелеял картофель и помидоры. В селении, состоявшем из пятидесяти дворов, было очень уютно и красиво. Тенистые аллеи обрамляли сельские дорожки, местами переулки были уложены ровными со скрупулезностью подогнанными друг к другу досками. Хозяйства были обнесены ровными и чистенькими заборчиками, которые выкрашивались ежегодно. Добродушные и трудолюбивые люди здоровались с незнакомыми геологами и предлагали свои услуги.

Пополнив свои запасы у трудолюбивых крестьян, геологи накрыли отходную. Собрали немало народа в приютив-

шем их доме и выставили горькую. Попировали всласть, наутро отбыли, благословляемые двупалым крестным знаменем. На этом бы можно было и закончить рассказ, да только это— начало. Случилась нужда судьбе злодейке забросить этого геолога в эту же самую деревню несколько лет спустя. Идя по улочкам, геолог не узнавал этих мест. Везде царила разруха и уныние. Некогда ровные и выкрашенные заборчики покосились, местами и вовсе отсутствовали, на уцелевших краска слезла и древесина потрескалась, приобретя черный мертвецкий цвет. Добротные дома превратились в жалкие неухоженные лачуги с прогнившими крышами и черными некрашеными подоконниками, на которых некогда росли пышные кусты герани, теперь пустыми. Некоторые дома отсутствовали, на их месте чернели обуглившиеся головни пожара. Переулки походили на отхожее место, где печальные лужи царствовали безраздельно, где слякоть и нечистоты стали полноправными хозяевами. На улицах уже и не встретить добродушные лица. Прохожие, нет-нет попадавшиеся путникам, прятались в своих землянках, спеша поскорее прикрыть за собой дверь. Уже не раздавались веселое мычание коров, бляение овец и ржание лошадей. Молчание. Изредка тощие ошипанные куры, завидев странников, опрометью перебегали улочки, ища себе надежное убежище.

Разведчики не верили своим глазам. После торжества успеха и доброго труда на смену пришло ошеломляющее опустение и разруха. Подойдя к дому своего давнего знако-

мого, пустившего к себе на ночлег геологов несколько лет назад, охотники за минералами не узнали дом. Его постигла та же участь, что и его соседей. Крыша прогнила, огромные щели в деревянном настиле криво усмехались над путниками, словно упрекая их: видите, что вы наделали, какое зло вы принесли с собой в этот былой рай, пусть вам будет стыдно за все то горе, которое следует за вами и всюду будет следовать далее. Пустые оконные рамы, словно беззубый рот, криво усмехались. Забора не было и в помине. Хозяин, встретивший их на пороге, был облачен в жалкое рубище цвета картофельной ботвы. Спутанная борода и поредевшие волосы на затылке уже много месяцев не знали мыла и гребня. Воспаленные красные глаза не узнавали гостей. От старообрядца за версту несло как от навозной кучи. Старушка пояснила, что все это от алкоголя. После ухода геологов, в деревне стало процветать повсеместное пьянство и разврат. Хозяйства пришли в запустение. Дорогого стоило добрым крестьянам научиться пить водку.

—Ясно,— повторил Отец и поднялся на ноги.— Сегодня конференция отменяется.

Чумичка с Быком подняли на Отца осоловелые глазки, затуманенные алкоголем, но последовать за ним отказались. Чумичка что-то чирикнул и с почтением протянул Быку фляжку со спиртом. Отец, захватив с собой компьютер и шлем, пошел вон из лаборатории. Краем глаза он отметил, что Бык сделал глоток из фляжки, затем Отец спиной почув-

ствовал, как навзничь рухнул пингвиний босс, затем, чуть позже последовали еще два падения.

Вернувшись в свою комнату, Отец расположился на кровати, активировал базу и надел на голову шлем.

–Боже может!– Вскликнул Басмач, поднимаясь с гамака, растянутого в ветвях старых деревьев,– Отче, иже еси на небеси... Какие люди и без наручников!

–Здорово, бродяга.– Отец подбежал к старому другу, с которым в последний раз очень не вежливо расстался.– Рад тебя видеть. Как дела?

–Как в курятнике,– засмеялся Басмач.– Как еще могут быть дела?

–А это еще как?

–А кто выше– тот на голову плюет, вот так, дружок.

–И кто же в этот раз тебе на голову наделал?

–Вон, тарбаган твой.– Басмач кивнул в сторону Пиначета.

Маленький медвежонок хмурый сидел меж деревьев и, насупившись, наблюдал за рыбой, плещущейся в тихой заводи близ водопада.

–Пиначет, мальчик мой, привет, медведь.– Отец подошел к коале и подхватил своего старого приятеля на руки. Медвежонок закричал и стал тереться о щетину. Отец трепал ему загривок и шептал.– Привет, мой хороший, да ты же мой золотой ребенок.

–Отец, рассказывай, чего у тебя нового.– Басмач легонько пихнул Отца в бок.

–Сам все знаешь. В мозгах поройся, все поймешь и без того.– Отец пошел с коалой к речке и сел на берегу, довольно протянув ноги к самой воде.

–Да уже порылся. Что ж, я рад за тебя, что ты до сих пор еще жив. Я так разумею. С твоими жизненными принципами ты долго не протянешь.– Басмач сел рядом с Отцом.

–Объяснись.– Отец влоборота повернулся к Басмачу.

–А что тут объяснять. Вот ты сам что думаешь? Я имею в виду: в ближайшее время.

–Установку исправлю и отправлюсь к себе, чего тут думать.

–Ну, вот, я тебе про это же и толкую. Ты еще и на йоту не приблизился к установке. Исправлю.– Басмач фыркнул в сторону.

–Исправлю, компьютер есть, база есть. Разберемся. Я понял, что они не так развиты, как Земля. Думаю: проблем не будет.– Отец пожал плечами.

–Установка эта находится под юрисдикцией другой организации. Это же ясно.– Сказал Басмач.

–Откуда такие сведения?– Удивился Отец.

–Да у нас даже на Земле ксенобиология и временные аномалии разными заведениями изучается. Что тут не ясно? Ты для них– новый зверь. С другой планеты. Максимум– они будут еще изучать твое барахло, которое ты с Плутона приволок. Стратег. Ко времени и к этой установке они тебя и близко не подпустят.– Басмач хлопнул себя по лбу, намекая,

что под сводом черепа у Отца очень много пустого места.

–Басмач, ты себя послушай. Какую метель ты несешь. Как эта установка появилась? Вспомни! Они изучали космические ускорения и поля. Это же– космос, это же– я. Отдел должен быть мой.

–Ага, а потом, когда они выяснили, что наткнулись во временные парадоксы, они создали отдельную структуру, время изучать. Забыл?– Басмач плюнул в воду.

–Кто их, этих пингвинов разберет. Может это та же структура. Просто отдел другой. Разберемся. Ты, вот что, дружок, голову мне не забивай, а то сотру тебя и дело с концом. Ты мне уже всю плешь на голове проел. Я не за этим к тебе зашел.– Отец отмахнулся от Басмача, словно от назойливой мухи. Пиначет недобро скосил глаза на своего соседа.– Тихо, тихо. Сиди, мальчик мой.

–А за чем же? Ты, я погляжу, уже не свежий.

–Ты что мне, Рыжая, что ли? Перед тобой еще ответ держать: свежий– не свежий.

–Ладно,– Басмач смягчился.– Не кричи. Чего хотел то?

–Дело такое,– начал Отец,– когда я доберусь до установки, а я доберусь до нее, поможешь мне? Я имею в виду наладить, поправить, там, все дела...

–Если доберешься, если сможешь, то что ж не помочь! Мне самому интересно узнать, что у них это за штуковина. Да и за тобой пригляжу.

–Ну, это уже другой разговор. Узнаю тебя.– Удовлетво-

ренно выдохнул Отец.— Что у тебя новенького не спрашиваю. Я вижу у тебя развлечений мало.

—Это точно. Никому не позвонить, ни с кем не перемыть тебе кости. Одна забава вот он.— Басмач снова кивнул на коалу.— Его мучило, как собаку бешеную. Он первую неделю себе места не находил.

—По мне скучал?— Спросил Отец, поглаживая блестящую шкурку коалы.

—Нужен ты ему. Он водку искал. Я все твои емкости попрятал, так что у него было много разных мест, куда он доселе не заглядывал.

—А чего же ты животину тиранишь? Дал бы ему немного, чтоб не мучился. Пусть его.

—Нечего. Облезет. Ты, я гляжу, Рыжую не вспоминаешь? Уж больно выглядишь нормально, если не считать четыре промили алкоголя в крови.

—Какой там, не вспоминаю. Она, зараза такая, мне каждую ночь снится. Не каждую, так через ночь. Скоро ей уже и сына рожать.— Отец горько вздохнул и потупился.

—Ну уж и скоро. Не скоро!— Похлопал по плечу Басмач.— Ладно, не кручинься, для тебя я немного найду тормозной жидкости стаканчик. Будешь?

Отец помотал головой.

—Нет. Представляешь, Басмач, я походу цватпахов спойл. Мне даже не по себе. Чумичка, тот вообще без спирта теперь не обходится. Почти каждый день в позе горниста стоит.—

Отец приложил к губам кулак, изображая бутылку.

–Я не думаю.– Сказал Басмач помедлив.– Эта болезнь социальная. У них этот номер не пройдет. Помнишь? У них коллективный разум.

–Так разум то зачаточный. Они самостоятельные индивиды.

–Мне кажется, что это как вирусная болезнь. Потрясет их немного от алкоголизма, да и излечатся. Может, конечно, и изолируют кого-нибудь...– Басмач пожал плечам.

–Надеюсь.– Сказал Отец, покачивая головой.– Не хочется стать могильщиком целой цивилизации.

–Ну, ты, конечно дал. Это же надо... Чему хорошему бы их научил, так он им «водку пить» привез с другого конца галактики.– Засмеялся Басмач.

–Зато в старости будет что вспомнить. Смешно.– Отец вздохнул.– Кто же знал, что их с первого раза увлечет спирт.

–Так ты и не улетишь с этой планеты, пока они все не пропьются. Вот спирт весь на Цватпе переведут, тогда у тебя и появится шанс. А пока, дружок, скучать тебе здесь.

–Слушай, как мне надоела их трава да черви. Ну-ка давай мне пельменей сготовь. Да с перчиком. Я скоро как корова мычать стану. Му-у-у.– Заревел Отец. Пиначет подскочил на руках и, не разбирая дороги, пулей бросился наутек в ореховые кусты.

Друзья покатались со смеху.

–Тебе, кстати, к лицу мычать.– Смеялся Басмач.

–Умник, ты сам то давно с пальмы слез? Ты еще только из мамы выпал, а на меня уже шинель шили. Пельмени давай, да поживее.

На столике появилась огромная чашка ароматных пельменей, приправленных лавровым листом с маслом, стекающим по аппетитным белым бокам. Рядом стояло несколько розеток с майонезом, уксусом с черным молотым перцем, да татарским соусом.

–Ты, ешь, давай, много болтаешь.– Басмач насупившись кивнул на чашку.

Отец насадил на вилку пару– тройку маленьких душистых пельменей и с наслаждением опустил их меж двух рядов зубов. По рту растекся жирный мясной бульон, а по душе, словно Христос голыми пятками прошелся. Блаженство.

–Ты вот что мне скажи, ты есть не будешь?– Спросил Отец, прожевав первые пельмени.

–Хватит, сыру наелся.

–Ну как хочешь. А я пообедаю. Не забрали бы компьютер пингины эти чертовы. Я к тебе буду забегать на фураж.

–Ты лучше травку их жуй. Может, спокойнее будешь.

–Наоборот, я ежели мяса не поем, так и звереть начинаю. Я же хищник.

Басмач театрально сморщился и плюнул:

–Господи, прости душу мою грешную. Хищник ... твою мать. Ты– пожиратель дохлого свиного мяса. Хищник. Таких хищников да по шее.

–Ну-ну, ты это, полегче. Я тебе дам вот, Кузькину мать покажу. Пиначет, мальчик мой, пошли пельмени поедим.

Пиначет оказался в ветвях орешника, но выйти отказался. Вид пельменей его не возбудил, а запах уксуса коала не жаловал.

–Заелся. Ну и пошел отсюда. Слушай, Басмач, а Дэна здесь нет.– Отец развернулся к Басмачу.

–А тебе еще на Плутоне было сказано, что его здесь не найдешь. Зачем было только жизнью рисковать, лететь к черту на кулички.

–Как это не надо было лететь? Во-первых пока сам не убедишься– покоя не будет. Во-вторых, меня бы назад домой не отпустили. Это тоже факт. И Трибун и Мормон это говорили. В-третьих, на Земле к временной установке не подберешься, значит, нужно было сюда лететь.

–Стратег. Чего тебе делать в твоём каменном веке? Давно бы уже привык бы да жил себе с Богом. Работа была, деньги какие ни какие тоже были. Сопли свои распустил.– Басмач покрутил у виска.

–Да иди ты. Надоел уже. Чего одно и то же болтать. Изза Рыжей еще. Короче мне было просто нужно улететь. Все. Точка.

Отец принялся поедать пельмени, макая их в пряный рассол уксуса и перца.

Тем временем в лаборатории, заваленной грудой мертвецки пьяных цватпахов, появился незванный гость. Он кувыр-

кался меж тел ученых, принимался, приглядывался к ним, трогал их своим иссиня-черным крылом, что-то щебетал, не понимая, какая болезнь свалили целый научный штат. Затем он укатился также незаметно, как и появился.

Глава 6.

-А какого мяса вы меня ракетами встретили?— Отец шлепнул по песку кулаком.— Так, значит, вы завязываете контакт? Такая значит вы— дружелюбная раса?

-Атисьсь, ты нам забыл телеграмму дать, что это ты летишь! Поправь меня, если я ошибаюсь. Мы следили за тобой, когда ты к Патлаху подлетал. Это шестая планета.— Пояснил Цибуля, стоило Отцу поднять недоуменные очи на собеседника.

Чумичка спился, его пришлось сместить. Уже в отделе не было ни Быка, ни Суслика. Половина Духов тоже стали уборщиками. Цибуля пока держался.

-Что мы должны думать? Летит какой-то предмет, и летит в нашу сторону. Предположить что он управляемый? Мы предполагали, только ситуация, видишь ли, необычная. А если предмет неуправляемый? Он разнес бы половину нашего мира. Так мы думали. У вас бы на Земле точно так же поступили. Вот и пустили в тебя пару ракет.

-А чего спросить в эфире не могли?— Отец приподнял коричневые солнцезащитные очки с носа. И посмотрел вдаль,

на горизонт, где патрулировали пограничные корабли по невидимой озерной линии.

–Протрезвей сначала, может тогда научишься меня понимать. Ты наш язык до сих пор не знаешь, откуда мы порусски могли говорить? Кстати, по твоим словам вы уже несколько лет за нами наблюдаете, а почему контакт не установили?– Цибуля строго посмотрел на Отца.

–Вот я к вам и прилетел контакт установить. А вы что? Не успел я приземлиться, так вы на меня с автоматами накинулись, добро еще не застрелили.

–Мы на тебя накинулись? Ну ты наглец! Хороший первый контакт. Вылез из шлюпа и нескольким уважаемым птицам клювы начистил. Молча, без лишних разговоров.

–А это чтобы вы меня сразу зауважали.– Улыбнулся Отец.

–Ну, тогда и не жалуйся. Ты все равно от ракет увернулся. Чего тогда плачешься?– Цибуля тоже приподнял очки и посмотрел на Отца. Это была его затея носить очки, он же потребовал от Цибули носить на глазах непривычные цветпаху светофильтры.

–Если бы не ваши ракеты, я бы ровненько сел. А так мне пришлось чуть не свечкой в атмосферу входить. Мог бы и сгореть. А так, глядишь, и шлюп бы целый остался.

–Ничего с твоим шлюпом не сделалось страшного. Нос помяло, но мы уже восстановили его.– Отмахнулся Цибуля.

–Только Бога ради, не включайте двигатели. Мне, быть может, придется еще один старт на орбиту сделать. К вашей

установке.

–На наших катерах полетишь.

–На ваших ведрах с болтами? Они до сих пор еще не развалились, потому что их птицы загадили. Мне нужен мой шлюп.

–Не кипятись. Пойди, поплавай лучше. Погода от винта стоит.

–Ты мне зубы не заговаривай. Я вам и так уже все военные тайны рассказал, а вы мне свою установку показать не можете. Кстати, она мне нужна только чтобы домой вернуться, а вы ею пользоваться будете. Так что вам при любом раскладе со мной дружить нужно.

–Ты еще нам не сказал, когда ваши коллеги к нам прилетят.– Сказал Сонно Цибуля.

Утреннее солнышко уже разогнало сизую хмарь над водою. Утренний легкий бриз гребил волны, бьющиеся о песчаный берег, шевелил тонкие зеленые листочки деревьев. Становилось теплее, уже мурашки со спины сошли, только в воду лезть пока не хотелось. Перья цватпахов, которым было все равно, в какую погоду купаться, были сдобрены природным жиром, от которого вода отскакивала, словно от гуся. Это была их стихия. Далекие предки цватпахов– водоплавающие птицы, жили на берегу холодного северного континента, который много тысяч лет назад опустился на океанское дно, предоставив сиротам возможность поселиться на теплых берегах центрального материка, окруженного теплыми

водами и живописными архипелагами.

—Я уже говорил, что это была исключительно моя затея. Если бы не я, вас бы изучали с внешних орбит, как насекомых под лупой. Без меня вы еще много столетий бы не вышли в нормальный космос. Вы и так уже знаете, больше чем положено. Каждая цивилизация должна дорасти до своих открытий.

—Атисьсь, это ты нам говоришь, или у меня ветер в ушах речи лживые молвит? Не ты ли нам рассказал, что ты из прошлого к нам прилетел? Это теперь ты нам должен рассказывать, что мы до космоса дорасти должны?— Цибуля захлопал ластами, лежа на боку в своей лежанке, от этих оваций деревянный настил заходил ходуном, а жирное тело цватпаха пошло волнами.

—Мое дело маленькое. Меня сюда против моей воли забрали, в это я тебя тоже посвятил. Сделаю установку, улечу. А ежели вы сами что-нибудь непотребное затеяте, так то на вашей совести висеть будет. Так что ты меня не кори. Мое дело телячье: обделался и стой. А вы на меня молиться должны. Я для вас— манна небесная.

—Про небесную это ты точно заметил.

—Мне не понятно. Цибуля, растолкуй, как же так у вас Дэна нет?

—Атисьсь, сколько одно и то же обсуждать можно. Ты у нас уже сколько живешь?— Цибуля нахмурился, припоминая.— Так вот и уяснить для себя не можешь, никого мы не могли

забрать, даже если и захотели. Мы эксперимент ставили, понимаешь? Мы кубометр воды, льда, если быть точнее, пытались разогнать до субсветовой скорости. И все. Он пропал. Ни скорости, ничего, ни кого. Понял? Сейчас принесут схему установки, вот и разберемся. Мы и знать не знали до тебя, что есть такие, как ты, неумные хуманы, что есть Земля, что мы не одни во вселенной. А вот теперь знаем, что стоит появиться одному хуману на Цватпе, так весь научный городок приходится уволить за пристрастие к алкоголю.

—А ты за это мне благодарен будь. Тебя бы не повысили, не будь меня.

—Больно мне нужно. Теперь головная боль одна. Ладно, хоть ты унялся немного. Не так сильно пьешь.

—А ты мне расскажи, дорогой, что здесь еще делать. Поизучали меня, поизучали, да и бросили. Ни книг, ни телевидения, ни общения. Вы то телепаты, меж собой что-то веселитесь, а я то не понимаю вас. Так скажи, чем мне нужно было бы заняться? Компьютер мой забрали, я бы хоть со своими Басмачом что-нибудь придумал.

—А сейчас чего не пьешь?

—Ну, это ты погорячился, конечно,— Отец довольный помахал перед носом пингвина фляжкой, в которой булькал разбавленный водой спирт.— А вот темпы снизил, твоя правда. Так и заняться есть чем. Вот и с тобой поговорить теперь можно. С Чумичкой особо не разбежишься. После глотка язык заплетается, после трех уже падает.

–А ну тебя.– Отмахнулся Цибуля. – Что за радость?

–А ты вот попробуй.– Отец протянул ему флягу.

–Со мной этот номер не пройдет, можешь не пытаться.–

Сказал Цибуля не поднимая головы с лежанки.– Ладно, ты что меня сюда притащил? Купаться, так иди, окунись, да пойдем уже.

–Холодно еще.– Проскрипел Отец, мысленно ощущая утреннее прикосновение прохлады к спине.

–А чего меня в такую рань поднял?

–Ну, я то выспался, вот и поднял тебя.– Сказал с усмешкой Отец.

–Только о себе думаешь.

–Это я уже слышал много раз. Можешь не утруждать себя повторами.

Отец научил Цибулю материться. И сначала цватпах в этом преуспевал с ошеломляющим усердием. Учítывая, что на Цватпе ненормативная лексика было понятием незнакомым, Отцу стоило немалых усилий объяснить Цибуле значение многих оборотов. Цибуля понял. И старался не употреблять некоторую брань, коль скоро надеялся обрести в дальнейшем партнеров кроме Отца.

Прошло достаточно времени с тех пор, как появился Цибуля. Коллективный разум выбрал его кандидатуру из многих других возможных, учítывая стойкость его характера, поскольку ментальному натиску Отца нужно было противостоять с героическим мужеством. Старый ученый состав ла-

боратории пришлось расформировать, ввиду утерянной бое- способности на поле научных открытий. Наступил новый ви- ток в налаживании межзвездного контакта. Учитывая еди- ное информационное поле планеты, Цибуле не приходилось начинать все сызнова, да и лингвистом он оказался мно- го лучшим, чем Чумичка. Звали его Патчитнатрах, однако Отец окрестил его Цибулей за лихую завитушку из перьев на затылке. Увидев впервые Цибулю, Отец подумал: ... и золо- тая на маковке кичка. «Цибуля» пришло минутой позже.

Коммуникабельность и терпимость, уважение и воспри- имчивость цватпаха подвигало обоих в изучении друг дру- га. Новый суправизор, а теперь был им Цибуля, очень ско- ро постиг язык, а за ним и бесхитростную натуру звездно- го скитальца. Что и следовало было ожидать, прошел испуг от пережитого неудачного первого контакта. Как следствие, новые компаньоны стали чаще браниться, иногда переходя на личности.

–И почему я не удивляюсь? Атисьсь.– Проворчал Цибуля.

–Ладно, пойду, ополоснусь. Со мной пойдешь?– Спросил Отец вставая.

Цибуля не стал утруждать себя ответом и лишь тряхнул головой. Очки слетели с его клюва. Звездный странник в два прыжка очутился у самого берега.

–Холодно,– проворчал он и продолжил входить в утрен- нюю прохладу.

Цватпах уже прыгнул в воду и плескался на мелководье

нет-нет выныривая, приглашая Отца ускорить темпы. Звездный скиталец не спешил.

—Кто понял жизнь, тот не торопится,— проворчал он.

Мокрый аквамарин приветливо плескался у ног, тихие всплески бьющихся о берег волн обдавали маленькими капельками успевшее загореть тело Отца, от брызг тот ежился и ворчал. Отец мало-помалу вошел в воду и, фыркая, принялся резвиться в прозрачной синеве. Он пытался настичь цватпаха, который и не думал подпускать к себе пришельца. Это озеро было много крупнее того, на берегу которого стояла научная база. Невдалеке, за высокими деревьями виднелась горная гряда, изломанная, как жизнь, с черными провалами и зелеными заплатками лесных массивов. Береговая линия была исчерчена руслами небольших речушек и ручейков, возле многих стояли предупредительные таблички. Цибуля доложил, что это радоновые источники. В верховьях рек были организованы небольшие пруды и альпийские горки, окруженные резными деревянными беседками. Отец поинтересовался как-то:

—У вас и урановые рудники тоже с беседками все?

На что Цибуля только фыркнул, не удостоив ответом странника. Пляж был оборудован фонтанчиками, из которых били холодные струйки, сдобренные йодом. Территория была пандемична по зобу. На пляжном песке были разбросаны тут и там беседки с резными крышами, отдаленно напоминающими пагоды. Скамеек не было. В беседке стояла

лишь низкая деревянная тумба, заменяющая столик. Всюду были разбросаны деревянные лежанки, две из которых облюбовали Отец и Цибуля. Маленькие декоративные ограды ограничивали пляж. Буйков на воде не было. Цибуля пояснил, что не нужно близко подплывать к пограничным катерам— расстреляют.

—Удобно,— сказал Отец.— Очень эффективный метод борьбы с заплыванием.

В дельте ручейков, впадающих в озеро, были устроены небольшие запруды, огороженные абразивным камнем, в которых плавали стайки мальков. Подходы к воде были оборудованы каменными уступами, выложенными большими круглыми гладкими камнями, чтобы было удобнее нырять.

Невдалеке за пляжем стояла двухместная легковая сурфисная машина на антигравитационной платформе. Цибуля пояснил, что машина работает на плутонии.

Выкупавшись, Отец довольный вышел из воды и стал активно растираться своей циновкой, которая теперь заменяла ему полотенце. Цибуля лишь отряхнулся, и капельки воды, словно ртуть, сползли с его жирных боков, покрытых мелкими черными перьями.

—Ну, что, кряква, поехали?— Спросил довольный Отец.

Ему сшили рубашку и шорты. Отец поначалу даже стал осваиваться со своей наготой, но затем, после недолгих переговоров, цватпахи были вынуждены сделать ему одежду. Странник отказывался вести дальнейшие переговоры в ко-

стюме Адама, мотивируя религиозными соображениями, велящими ему прикрывать свою наготу. Цватпахи уже не имели ничего против нескольких лоскутков грубой ткани, которые их незваный гость носил на себе. Им был неясен смысл такого поведения, поскольку с доктриной постыдства голого тела они не были ознакомлены. Однако религиозные мотивы их беспокоили еще меньше, цватпахи отнесли это упрямство к поведенческим особенностям.

Если женщина говорит, что ей нечего надеть, значит, закончилось все новое. Если говорит мужчина, что ему нечего надеть, значит, у него закончилось все чистое. К Отцу теперь это не относилось.

Облачившись в сое рубище, Отец сел на свое место в машине, Цибуля приспособился за рулевой консолью, которая, как и у англичан находилась справа. Машина бесшумно поднялась в метре от земли и так же бесшумно покатила над дорожкой, усыпанной хвоей.

Отец любил это озеро. Во-первых оно было больше, во-вторых теплее, в-третьих живописнее. Разнообразие— было второе имя Отца, наконец, простое упрямство: ему хотелось доставить своим хозяевам максимум неудобств в отместку за неудобства, причиняемые ему.

Озеро, на котором находился научный городок, было родниковым. Оно питалось от бесконечных подводных и подземных родников и было очень холодным. Наличие подземных источников сослужило решающую роль в выборе места

постройки научного городка. Водоснабжение оно было решено одномоментно. Несколько колодцев, и насосные станции обеспечили городок самой чистой и прохладной водой. Отцу было холодно купаться в этом озере и выбор его пал на соседнее, которое находилось километрах в трех.

—Так, искупались, это хорошо. Будем теперь работать со свежей головой.— Отец хотел было приложиться к заветной фляжке, но, подумав, отложил ее в сторону. Лучше работать на трезвую голову.

—Это ты правильно сделал.— Цибуля кивнул головой, заметив жест доброй воли Отца.

Ему не запрещали потреблять алкоголь, коль скоро Отец объяснил им, что это дань уважения гостя к своим хозяевам. Что все гости, находясь вдали от дома, должны прикладываться к алкоголю, и что возможные изменения дружеского этикета могут быть нарушены лишь в исключительных случаях. Цватпахи его так и поняли, что пока Отец у них остается, он будет пьянствовать, согласно многолетним устоявшимся нормам поведения Земли. Значит, так тому и быть. Отец предупредил цватпахов заранее, что хозяева под страхом смерти от пиявок, должны обеспечить гостя мужским топливом, и по требованию гостя обязаны с ним нет-нет выпить.

—Долго же вас просить нужно было.— Покачал головой укоризненно Отец.

—Это ты к чему?— Цибуля осторожно повернулся к Отцу.

–Схему установки вашей. Чего же еще.– Вздохнул Отец.

–Сам понимаешь. Установка секретная, ты– новый член нашей общины. Да и начальство консервативное.– Пожал плечами Цибуля.

–Начальство везде одинаковое, наверно.– Подумав, процедил Отец.– Я вот одного не пойму: им что, не интересно с этой машиной разобраться, я ведь помочь реально могу.

–Я думаю, интересно. Только система от этого не перестанет быть менее секретной. Отсюда все сложности.– Сказал Цибуля.

–Ладно, ты сказал, что к нашему возвращению она уже будет у нас?– Отец смотрел за дорогой.

–Так мне передали.

Вернувшись в лабораторию, Отец отметил, что столик, вокруг которого собралось уже много цватпахов, завален схемами, документацией, переплетенной в увесистые тома и техническими заданиями. Невдалеке стоял макет установки. Установка отдаленно напоминала транспортные порталы, которыми пользовалась Конфедерация, только элементы установки были объединены меж собой жестким креплением. Порталы находились на равных расстояниях друг от друга, и было их штук десять. Расположившись вокруг столика, который пришлось расширить, Отец стал крутить схемы.

–Эх, что бы понимать в ваших записях,– вздохнул обреченно Отец.

Письмена были непонятными. Отец не удосужился вы-

учить их язык, а в знании алфавита не было необходимости тем более. Одна надежда на Басмача. Отец приготовил компьютер, разложил его, надел на голову шлем и провалился в базу.

На берегу тихой заводи Басмач, сидя в гамаке, вылавливал блох из шерсти коалы, который в смиренной позе притих у раптора на коленях.

–Басма, привет, дружище!– Воскликнул Отец, приближаясь к друзьям.

–Здоровее видали,– буркнул Басмач, не поднимая головы.

–Ну что, приступим?– Весело воскликнул Отец.

–К чему?– Басмач продолжал ловить проворных насекомых, которые разбегались под пальцами в разные стороны.

–Установку пошли починять.– Развел руками Отец и нагнулся над Басмачом, который зажал пойманную блоху в подшерстке и старался схватить ее ногтями.

–Ну вот, все дела брошу...– Басмач, наконец, схватил блоху, и та с треском закончила свой жизненный путь.

–Да ты что говоришь-то? Железка бездушная. Ты с кем разговариваешь? А ну встать, когда начальник пришел.– Заорал Отец.

–Тихо, всех блох перепугаешь.– Басмач лениво поднял взгляд на расшумевшегося Отца.

–А зачем ты на него блох напустил?– Участливо спросил Отец.

–А чтобы было чем заняться. Когда нечего делать– си-

ди себе блох лови.— Ответил Басмач и снова погрузил свои пальцы в шкуру к зверю.

—Кому заняться то? Тебе или ему?— Засмеялся Отец.

—Когда мне,— ответил Басмач, и, подумав, добавил обреченно,— а когда и ему.

—Все, заканчивай блох гонять, давай делом займемся.— Отец тронул Басмача за плечо.

—Отстань. Там еще целое стадо переловить нужно.— Махнул рукой Басмач.

—Слушай, ты, креста на тебя нет. Там цватпахов куча огромная, а ты тут к блохам пристал.

—Мне твои цватпахи не указ.

—Да ты совсем что-то попутал,— пророкотал Отец и кинулся в кусты за дубиной.

Отметив про себя это движение, Басмач цыкнул на Пиначета, который соскочил с гамака и бросился наутек в кусты. Басмач тоже вскочил с гамака и принялся петлять меж деревьев, уходя от дубины. Отец с криками бросился его догонять, покуда пот не заструился по лбу. Запыхавшись, Отец остановился у корявой пихты.

—Все, пошутили и будет. Давай уже делом займемся.— Пробормотал Отец, отдуваясь от стремительного бега.

Басмач притаился меж деревьев и, поигрывая веточкой, наблюдал за вздохами Отца.

—Ладно. Ты, бродяга, я погляжу, совсем форму потерял, дышишь, как паровоз. Спортом бы занялся.

– Это же ты на меня одышку нагнал. Здесь же все виртуальное.– Задыхаясь вещал Отец.

– Не правда. Я с твоего мозга считал все данные о твоём здоровье, и всего лишь использовал их.– Басмач укоризненно качал головой и начал медленное наступление.

– Все, хватит с меня этих бегов. Я тебе не сайгак. Давай за дело. Мне убираться отсюда надо, а не в кошки-мышки играть.– Отец сел на корточки.

– Это так, для острастки, чтобы соображал быстрее.– Сказал Басмач и приблизился к Отцу.– Пошли.

Они вернулись к гамаку, Басмач расположился в веревочной колыбели, Отец плюхнулся на стульчик.

– Ситуация такая.– Менторским тоном начал Басмач.– Шлем не снимаешь, и внимательно разглядываешь все, что касается установки. Все что тебе дадут. Я уже сам зафиксирую все, потом уже и разбираться будем.

– Это вот другое дело уже. Все, я пошел. Выход дай.– Отец направился к черной пасти выхода, заблестевшей меж деревьев.

Вернувшись к низкой тумбе с документами, Отец схватил первый попавшийся свиток и стал скользить глазами по непонятным письменам и схемам.

– Как дела у тебя?– Спросил Цибуля.

– Как в сказке,– махнул рукой Отец и продолжил разглядывать схемы.

– Это как?– Поинтересовался Цибуля.

—Чем дальше, тем страшнее. Будешь меня прерывать, долго еще не закончим. Не отвлекай больше, пока пусть мне попить принесут.— Отец сверкнул недобрый взглядом на Цибулю.

—О'к.— Пробормотал Цибуля и чирикнул что-то охраннику.

Отец разглядывал развернутые схемы, отдельные узлы, стараясь внимательно разглядеть каждую черточку и завитушку. Он понимал, что какая-нибудь загогулина в этих чертежах могла иметь огромное значение для дальнейшей расшифровки. Один чертеж сменялся другим. Отец напрягал зрение, стараясь разобрать мелкие подписи и значки. Как хорошо, что я не инженер, подумал Отец. Мне бы пришлось работать с такой же мутью. А чего доброго еще и ремонтировать такую штуку вот по таким же значкам.

В глазах уже рябило. Голова гудела, спина ныла от позы лотоса, в которой пребывал Отец.

—Все, не могу больше,— воскликнул он и снял шлем.

Рядом возле него стояла деревянная миска и кувшин с соком. Ни один цватпах не отошел от стола, наблюдая в священном экстазе за таинством постижения чудес науки. Ни один цватпах не потревожил благородное занятие Отца предложением попить или съесть кого-нибудь. Отец соскочил со своего места, схватил кувшин и, попивая прямо из горла, начал метаться по лаборатории.

—Что-нибудь не так, Атисьсь? Ты что так подорвался?—

Спросил Цибуля.

–Спина затекла, сил уже нет. Голова болит, глаза режет. Пойду, прогуляюсь, пошли со мной, если хочешь.– Кивнул Отец в сторону двери.

Цибуля засеменял за ним. Выйдя из здания, Отец заметил, что солнце находится высоко в зените. Короткие тени были черными как смоль, это значит, что за документами он просидел несколько часов. Живительный ветер обдувал Отца, снова захотелось жить. Голова гудела, словно потревоженный улей. Глаза резало от яркого солнца, выступили слезы. Отец уселся прямо на дорожке усыпанной хвоей и жестом пригласил Цибулю последовать его примеру.

–Слушай, Цибуля, а давай я на тебя шлем надену, тебе твои письмена ведь понятны?– Догадка озарила его. Он мог без затруднений в базу данных передать все сведения, не напрягаясь самому.

–А мне худо не станет, как Чумичке?– Заволновался Цибуля.

Природный страх перед одеждой и головными уборами говорил сейчас его устами. Да и память экспериментов над организмами бывших сотрудников лаборатории заставляли Цибулю быть во всеоружии.

–Не бойся, хуже точно не станет.– Уверил его Отец.– Попробовать все равно нужно. А то я за неделю не смогу все это просмотреть.

–Ладно, только давай с тобой так договоримся. Я сам ни-

чего надевать не стану, но жертву тебе найду, хорошо?— Цибуля лукаво посмотрел на Отца.

—Это еще лучше, а то мне не с кем словом перекинуться.

—Пошли пока. Посадим какое-нибудь чучело, а сами прогуляемся,— сказал Отец вставая.

Вернувшись в лабораторию, Цибуля расстроил некоторых своих коллег очередным капризом своего компаньона. Выбор пал на младших научных сотрудников, это было заметно по их лицам. Особи постарше восприняли это предложение с тенью равнодушия, но молодняк занервничал, помня своих предшественников и угадывая в новом капризе сходный эффект. Однако, несмотря на протесты и колебания, железной волей Цибули жертва была выбрана. Молодой худенький цватпах с обреченным видом следовал к шлему, который ему предстояло водрузить на свою единственную голову. Заметив, что пагубного действия этот жест не возымел, цватпах оживился. Шлем ученому был великоват, и цватпах изредка поправлял его на голове. Отец довольно кивнул, увидев посветлевшие лица пингвинов, и пальцем указал на тома, которые осталось прочесть. Ученый бросил жалобный взгляд на окружающих и подбадриваемый своими коллегами углубился в чтение.

Все, подумал Отец, теперь можно развеяться. И двинулся снова на улицу.

Жара разыгралась. Солнце припекало, Отцу снова захотелось окунуться в прозрачном озере. Его уже ждала стайка

молодых сорванцов, которые жестаами приглашали его принять участие в играх.

—А вы что не на занятиях?— Спросил Отец малышей.

—Атдыхай. Наша не пускай к тебе. Мы атдыхай. Атисьсь.—

Проскрипел один из сорванцов.

—Да,— посочувствовал Отец.— Ваша правда, там,— он кивнул в сторону лаборатории,— вам делать нечего. Сейчас там жарко.

Молодые цватпахи закивали головами. Один малыш подкатился к Отцу и, ловко подпрыгнув, бросился на грудь к звездному страннику. Отец подхватил на лету малыша и стал его трепать.

—Ах ты мой хороший, ах ты сорванец этакий,— с улыбкой Отец чесал маленького цватпаха по перьям, забирался пальцами под ребра. Малыш во всю глотку верещал от удовольствия.

Малышня окружила Отца и весело стала наскокивать на него с разных сторон. Отец ловил то одного, то другого постреленка, подбрасывал их в воздух и трепал по загривку. Затем он бросился от них наутек. Но от маленьких цватпахов очень трудно скрыться. Они весело кувыркались вслед за Отцом, иногда подпрыгивали в прыжке, стараясь настичь и свалить своего джокера. Отец убегал от них, иногда сам кувыркался на забаву детворе, затем свернул в тенистые аллеи, где продолжилась погоня. Наконец Отец выдохся и повалился на спину. Малыши догнали его и кинулись всей гурьбой

на запыхавшегося странника, устроив кучу малу. Отец, смеясь, отбивался сколько мог, стараясь не повредить малышей, затем встал на ноги.

–Все, let's enough, хватит, я уже устал.– Отец побрел медленно к лаборатории.

Ликующая малышня кувыркалась за ним вслед, завывая от восторга. Из здания высыпали родители, с участием наблюдая за игрищами. Отец махнул им рукой, словно говоря, нормально все, не волнуйтесь, все пучком. Детвора, заведенная шумной кутерьмой, не могла остановиться, пока родители не застрекотали на них, отгоняя от прищельца. Отец не впервые устраивал детворе встряски. Взрослые цватпахи сперва очень настороженно наблюдали за ним, но, видя его расположение к детворе, расслабились. Дети же не чаяли в нем души.

Отец подождал, когда взрослые разгонят детвору, и направился напрямиком в лабораторию. Голова уже не гудела, мысли приобрели должное положение в сером веществе, спина разогнулась.

В светлом помещении лаборатории все оставалось без изменений. Цватпахи находились на тех же местах, что и были, когда Отец их покинул.

–На манеже все те же.– Подумал Отец и направился к молодому цватпаху, который листал увесистый томик.– Брысь отсюда.

Отец жестом прогнал худенького цватпаху, который с ве-

ликим удовольствием покинул лобное место. Странник надел на голову свой шлем и отправился в базу.

–Слушай, ты чем занят, бедокур этакий, тебя зачем сюда посадили?– Накинулся Отец на Басмача, безмолвно выщипывавшего несчастного Пиначета.

–А ты чего этого клоуна ко мне подсадил? Я тебе что сказал? Садись и медленно листай страницы.– Басмач поймал блоху и с остервенением раздавил ее меж ногтей.

–Ну?– Растерялся Отец.

–Загну! А ты что? Посадил какую то курицу и хочешь чтоб я понял, что в этой башке творится? Ты, брат, меня не так разумел. Повторяю для тех, кто в танке. Садись и сам читай. Понял? Или еще повторить? Твою мать. Олух.– Уже тихо проскрипел Басмач, но так, чтобы Отцу было все слышно.

–А тебе лениво, что ли, с его головы считать все?– Закричал Отец.– Ты думаешь, мне весело сидеть и эти каракули разбирать?

Басмач нервно развернулся к Отцу:

–Ты что, не понимаешь, я не могу снимать данные с их мозгов. Они не так у них устроены, сигналы от мозга другие. Шлем только для людей, недоумок. Дошло? Посади сюда Декса, я тоже не смогу в его мозге рыться, понял? Для каждой расы свои шлемы.

–Что совсем никак?– Растерялся Отец. Он не ожидал такого натиска от Басмача.

–Можно никак. Иди водку пей, с малышкой развлекайся,

загорай. А ко мне ни ногой.— Басмач схватил коалу за шиворот и бросил с размаху его в воду.

Обезумевший медведь, принялся, отфыркиваясь, добираться до берега. Отец жалобно проследил взглядом за медведем. Тот вылез из воды, обиженно сверкнул глазами на Басмача и полез к себе на эвкалипт, или на нечто, которое по представлению Отца должно выглядеть эвкалиптом.

—Так там работы на несколько дней!— Вскричал рассерженный Отец.— Попробуй все пересмотреть. Хоть что-нибудь в этой чертовщине понимать!

—Ну, так и иди отсюда.— Басмач исчез.

—Тьфу ты,— плюнул Отец,— чего он так расстроился? Выход.

Отец вернулся в лабораторию и возопил с ужаса, глядя на кипы томов и на еще не рассмотренные чертежи:

—Мама, роди меня обратно.— Проскулил Отец и принялся за чтение.

Документов было великое море. Отец и не подозревал, насколько тяжким окажется этот труд. Он вглядывался в чертежи, схемы, блоки. Все то же самое, все бесконечно одинаковое как в армии. Отец рассматривал незнакомые символы, когда было уже невмоготу, он снимал шлем, начинал ходить по лаборатории, и уставший направлялся к себе в комнату, чтобы там забыться мертвым сном.

Проходили дни. Отец исхудал, он перестал есть и пить. С самого утра, когда спали даже цватпахи, уходил в лаборато-

рию, включал компьютер и начинал рассматривать надоевшие до чертей схемы, аннотации и описания. Когда заканчивалась документация на столе, Отцу приносили еще, объясняя, что это тоже описание установки и что ему предстоит перелопатить еще много трудов.

Отцу уже наяву грезились черные строгие линии, окружности, пунктиры. Уйдя к озеру на очередную передышку, ему казалось, что озеро обведено жирным овалом, что дорожки выкрашены жирными черными полосами, а родники и речки помечены еле заметным пунктиром. Проходя мимо зданий, Отец для себя мысленно рисовал пунктиром возможные подвальные помещения, скрытые под землей и фундаменты строений. Только после омовения он ненадолго обретал себя и снова возвращался к компьютеру и чертежам.

День сменялся ночью, один чертеж сменялся другим. Одни схемы менялись местами с иными, описания чередовались с электрическими схемами. Голова шла кругом. Отец возненавидел инженерию и все что с этим было связано. Как хорошо было в древнем мире, думал Отец, когда из инженерных решений самым сложным было колесо, когда можно было выхватить меч и треснуть по башке какому-нибудь изобретателю. Но все что имеет начало, имеет и свой конец.

Пришел то счастливый момент, когда собравшиеся цватпахи с дрожью кончиков их куцых хвостов сообщили измученному страннику, что все, вот эта книжка— последняя, что теперь дело остается за Отцом и за его умной машиной, ко-

торая сможет разрешить все их споры и проблемы.

Отец не верил своему счастью. В этот день он уже много просидел над описанием установки, и возвращаться в базу ему не хотелось, тем более что его последняя встреча с Басмачом была скверной (Отец для себя отметил, что его отношения с Басмачом с каждым разом все больше натягиваются). Сегодня он не был расположен общаться со своим виртуальным другом и до конца дня решил дать себе выходной.

Захватив с собой фляжку с разбавленным спиртом, натянув на нос солнцезащитные очки, Отец направился побродить по лесу, окружающему научный городок. Высунув нос на улицу, он огляделся, малышня играла в песочнице, нет-нет поглядывая в сторону лаборатории, видимо ожидая его. Отцу было необходимо сегодня побыть одному. Он юркнул под защиту небольшой легковушки, которая стояла невдалеке от здания. Странник присел около нее, чтобы осмотреться. Девочка, его не заметила. Тогда Отец, собравшись духом, что было силы, метнулся за угол здания, стараясь не шуметь. Добежав до спасительного угла, он перевел дух. Убедившись, что преследователей нет, Отец широким шагом направился к ближайшей аллее, уходящей в глубины парка.

Приземистые хвойные кусты и высокие лиственные деревья обступили со всех сторон странника. Фитонциды не давали разгуляться мошкаре, которая обязательно должна присутствовать на этой планете. Дышалось легко и свободно. На душе цвели цветы и пели песни птицы. Неужели все это по-

зади? Неужели закончился этот кошмар с чертежами? Один плюс Отец все-таки вынес из этого испытания. Теперь он знал все символы, которыми оперировали инженеры Цватпы, правда он не имел и малейшего представления, что они означают, но это уже дело сорок восьмое. Теперь он сможет отличить эти письма от многих других. Ура! Все позади, думал Отец, прогуливаясь по тихим тенистым аллеям.

На ветку небольшого хвойного куста выскочил юркий зверек с огромным пушистым хвостом. Белка. Отец выпучил глаза. Как она сюда могла попасть? Видно врут цватпахи. Белка. Ее не спутать ни с кем. Рыжий пушистый хвост, серая полоска вдоль спины, черные кисточки на кончиках ушей. Белка!!! Зверек остановился на ветке и замер. Белка, наверное, подумала: человек, откуда он здесь взялся, значит, со мной вместе его привезли с матушки Земли? Затем она схватила шишку, которая росла на хвое и запустила ее в голову Отца, затем оскалилась и рыжей стрелой умчалась по ветвям больших деревьев.

Отец со злостью плюнул. Не белка. Наши белки не скалятся и тем более не швыряют шишки. Как было бы хорошо оказаться сейчас на Земле, очутиться в Карагайском бору с Рыжей и с сыном. Там такие сосны, не чета вот этим. Отец с презрением посмотрел на карликовые подобия Земных сосен, росших вдоль аллеи. Не распускай нюни, Отец, подумал странник. Не смей. Ты очень далеко от Рыжей и от Земли, и еще дальше от своей Земли, спрятанной многими ве-

ками и миллиардами километров от чужих глаз. Вспомнился брат, который писал пасквильные стихи на Отца. Странник в юности имел небольшой опыт начертания бесхитростных стихов, претенциозных на оригинальность, как то:

Воспоминания былые
Таятся в сердце в уголках,
Из кельи, будто бы, монах
Выходит в мир, как все святые

На свет несправедный взглянуть,
Помочь де словом али делом
Иль кой-где дать совет несмелый
И в мир иной направить путь.

Чушь. Какие такие воспоминания могут быть у мальчишки, растущего под бдительным маминым оком, у которого только-только стали вылезать первые рыжие волоски на прыщавой щеке? Причиной всему – гормоны. Это все мальчишеский максимализм, это уверенность, что в свои четырнадцать лет он понял мир. Брат был его мудрее. Замечая, как высоко поднимается нос у своего однойцевового близнеца, он останавливал его такими пасквилями:

Поэтов много перевидал
За свой пока недолгий век,

Но вот таких, которых долго
Чтит и читает человек, увы...

Иной поэт спешит поведать
Нам про бездарное бытие,
Но хочется воскликнуть: братцы,
Постой, ведь это ж не твое.

Он, мысли высосав из пальца
И из увесистых томов,
Кричит с проворностью удалца
Что, мол, России нужен Бог.

**МЫ ЭТО ЗНАЕМ, НО ОТНЫНЕ
ПРЕЗРЕН ТОТ БУДЕТ ЛИЦЕМЕР,
ЧТО РУКИ ГРЯЗНЫЕ К СВЯТЫНЕ
С КОРЫСТНЫМ УМЫСЛОМ ПРОСТЕР!!!**

Константин А. Федоров

Великолепно! Где он, Дэн? Где его леший носит? Цватпахи его не забирали, теперь это уже ясно, как Божий день. Может, он остался на Земле? Может, его никто не забирал? Мало ли... Его машину могли угнать и на ней разбиться. Есть в этой теории маленькие неточности. Конечно, какой-нибудь сумасшедший мог стащить машину брата именно в тот день, когда Дэн должен был ехать к Отцу на встречу. Это одно де-

ло. Но тогда зачем он поехал именно по этой дороге за триста верст от родного города? Он мог бы поехать по одной из тысяч других дорог, но он поехал именно по этой, в том же временном интервале, в котором должен был ехать Дэн. Слишком много совпадений. Зачем тогда эти непонятные Инвизы потребовали его, Отца? Мало вероятно, что Дэн сдавал в банке сперму и расписался росписью Отца. Это многое бы объяснило, но Дэн физически не мог находиться в этом чертовом банке. Допустим, что Отец сдаст волшебную жидкость по возвращении на Землю, тогда следующий вопрос: где Дэн и что могло с ним случиться? Замкнутый круг. Одно ясно, что цватпахи здесь ни при чем. Это— факт. Если его нет на Земле, если его нет у цватпахов, если его нет в этом времени, тогда где он? Аленка не покидала родного города, значит, она с ним не поехала. Логично, черт возьми. Тогда почему были эти два несанкционированных темпоральных возмущения? Первое возмущение— это цватпахи, которые неумело запустили в сторону Земли глыбу льда, где же тогда второе? Предположить, что второе возмущение темпорального поля— возвращение Отца в свое время на Землю, тогда следует логичный вопрос: где Дэн и что с ним? Становится ясным другое: Отец не сдавал спермы в банк, значит, он ее сдаст. Если еще не было второго несанкционированного временного перемещения, значит, его Отец совершит. Отсюда следует, что Отец вернется на Землю и его миссия на Цватпе увенчается успехом, коль скоро другие пути воз-

вращения на Землю отсутствуют. Это радует, но вопрос не в этом. Где Дэн?

Отец шел и шел по тенистым аллеям. Где-то в вышине истошно пищали маленькие пичуги, там же скрипели стволы высоких деревьев. Если прищурить глаза и не обращать внимания на различие форм местной флоры, можно представить, что это— Земля. Как хорошо было бы, если бы это оказалась Земля! Встать бы сейчас с кровати в милой и родной общаге с головной болью и пожаловаться Гурику, что вчера все мы перебрали, и что привиделся очень долгий и красочный сон про Плутон, Рыжую, Цватпу.

Отец вышел к холодному, но живописному озеру. Цватпа, ты, в общем, довольно милая планета. Ты интересная, у тебя такие смешные добродушные пингвины, которые называют себя цватпахами. С тобой было бы весело и здорово, только я здесь— гость, думал Отец. Он присел на тенистый плес. Озеро сегодня было очень спокойным. Он подбирал маленькие камни с берега и лениво бросал их в зеркальную гладь озера. Затем Отец достал свою фляжку, сделал огромный обжигающий глоток, поморщился и заворчал:

—Как ее через день пьют?— Отец сунул голову подмышку и носом втянул оттуда все испарения тела.— Здесь каждый день это отраву пьешь, привыкнуть не можешь. Фу.

—Сам с собой разговариваешь? У нас здесь это плохой прогностический признак.— Послышался голос сзади.

Отец обернулся: чуть поодаль стоял Цибуля, похожий на

короткий черно-белый верстовой столб. Цватпах очень тихо подкатился к Отцу и, не нарушая его спокойствия, наблюдал за странником.

–А тебе чего здесь надо? Следил за мной?– Строго спросил Отец.

–А как же. Мне за тебя голову сорвут, ежели с тобой лихо случится.– Проворчал Цибуля.

–Ну, коли так, садись, гостем будешь.– Хлопнул Отец по песку.– Я ваше горе и жить я буду с вами.

Цибуля кувыркнулся и очутился рядом с Отцом, погрузив во влажный песок часть своей опорной точки вместе с хвостом. Они уставились в перспективу, будто ни разу в жизни не наблюдали за водной гладью.

–Дай попробую, что ты там все пьешь.– Сказал Цибуля указывая коротким крылом на фляжку.

–Ну уж нет, дружок. Вот тебе-то я не дам. Ты мне нужен. Без тебя я не смогу здесь. И так уже много народу полегло из-за меня. Хватит.– Отец обреченно покачал головой.

–Жалко?– Спросил Цибуля.

Отец молча покачал головой. Вот от кого не ожидал, так это от Цибули, убежденного трезвенника. Цибуля проворчал:

–Все равно же, если захочу– добуду.

–Мне не спирта жалко, тебя.– Отец обхватил голову, которая старалась расползтись по всем ее костным швам от недавнего напряжения и хронической усталости.

Цватпах дружески шлепнул Отца по плечу.

–Шучу я, это так... риторический вопрос. Так сказать проверка на вшивость. Не стану я.

Отец, не глядя на него, понимающе кивнул. Сейчас не до шуток. Зато сам приложился к фляжке, и снова добрый глоток алкоголя протиснулся по пищеводу, по которому уже много времени мало поступала вода и еще меньше корм. Отец раскинул руки и повалился на спину, вытянув при этом ноги.

–Как ты на них передвигаешься? И не падаешь ведь, вот в чем фокус.– Цибуля усталился на ноги Отца.

–Меня тоже удивляет, как вы кувыркаетесь, и при этом никуда не въедете. У вас нет ступеней, у вас нет скамеек и стульев. Это тоже смешно. Смешно, что вы все тут телепаты.– Отец на руке загибал пальцы.

–Не все. Кто-то больше, кто-то меньше, но некоторые не телепаты вовсе.

–И что вы с ними делаете?– Спросил Отец. Он ожидал услышать, что они становятся изгоями, или что их убивают еще в яйце.

–Ничто не делаем. Они такие же, как и я цватпахи. Просто они не могут быть полноценными членами некоторых форумов. Но мы-то их видим и понимаем. Они являются полноценной ячейкой общества. Так же учатся, работают. Их мозг является членом нашего информационного поля, просто такой цватпах не видит поля. Вот и вся разница. И никто их не

убивает. Их, правда становится все меньше, но они есть.

–Ну и Бог с ними. Скажи мне дорогой. Вы то сами со своей установкой разобрались?– Отец ткнул пальцем в небо.

–Нет.

–Почему.

–Мы о теории поля мало знаем, а тут дело все полях. Ставим эксперименты, не такие масштабные, правда, но достаточно информативные. Но пока мы мало приблизились к разгадке.

–А почему вы только один раз пустили снаряд.

–Какой еще снаряд?– Удивился Цибуля.

–Ну, ты же сам мне говорил, что кусок льда пустили.– Отец лежал на спине и делал вид, что этот его разговор его мало волнует.

–Ах, ты про это...– Вздохнул Цибуля.– Была причина. Установка находилась в двухстах тысячах километров от Цватпы, лед мы пустили в сторону от планеты, во внешний космос. Кусок исчез через пятьдесят тысяч километров от установки. Буквально в это же время на линии транспортировки произошел взрыв в ста пятидесяти тысячах километров от поверхности планеты около мегатонны в тротиловом эквиваленте. Стало ясно, что взрыв вызван установкой. Кусок льда исчез через пятьдесят тысяч километров от установки и взрыв произошел, не доходя пятидесяти тысяч до установки на одной линии в одно и то же мгновение.

–Интересно,– Отец привстал на локте, пристально разгля-

дывая Цибулю.— Тут надо будет разбираться. Слушай, мегатонна это же очень много.

Цибуля фыркнул и отвернулся, словно говоря: не то слово много.

—А как же установка не разрушилась?

—Нет, ее тряхнуло-то хорошо, но и пятьдесят тысяч верст— тоже не близко.

—Твоя правда.— Согласился Отец.

Солнышко садилось. Длинные тени далеких гор и деревьев лениво ползли на восток, стараясь поглотить все светлое вокруг. И без того смиренное озеро приобрело исключительную зеркальность и стало походить на огромный правильный круг расплавленного стекла. Безоблачное небо приобрело багряный оттенок, словно распухшие от ночного бдения глаза. Всюду царило безветрие и молчание, не нарушаемое даже несмелым всплеском волны. Кое-где стали появляться несмелые точки далеких звезд. Дневное светило уводило с собой за горизонт полуденный зной, оставляя вместо себя блаженную вечернюю прохладу, которой суждено было остаться здесь до утра. Цветки, будто прощаясь, стыдливо прикрывались своими лепестками и готовились ко сну. Пичуги смолкли, оставив до следующего дня свою веселую возню в кронах деревьев. На востоке сгущались краски, у самого горизонта край неба приобрел пронзительный фиолетовый цвет, который ближе к зениту переходил в синий, а затем и в голубой. Вот и не видно уже солнца, только алые вспо-

лохи указывали на колыбель дневного светила в горной расщелине. Звезды на чернеющем небосводе слились в созвездия. Здесь, как и на Земле, виднелся край галактики в виде млечного пути. Где-то там, за пеленой космической россыпи звезд, туманностей и черных дыр, крутится вокруг красного солнышка, которому суждено светить еще шесть миллиардов лет, родная Земля. Ее отсюда не видно, не разглядеть и Солнца и даже сектора галактики, откуда родом человек, только жива любовь, которая становится сильнее прямо пропорционально квадрату расстояния. Как удивительно жить напротив галактики, теперь очень странно жить напротив Земли. Когда Отец был на Плуtone или на Луне, такого странного ощущения не было. Он всегда видел Землю. Над Луной она была синяя, огромная и прекрасная. Над Плутоном Земля светилась тусклой точкой, которую и можно было только с трудом разглядеть. А здесь не было видно ни ее, ни Солнца, ни системы, ни, даже, сектора галактики. Отец поднял взгляд на небо, стараясь найти старую знакомую— Большую Медведицу. Но, конечно, ее здесь быть не могло. Она была там, где гуляет Рональдино, где будет еще бегать маленький сорванец с веснушками на носу, как у мамы, где есть старый парк на берегу удивительной реки, бегущей недалеко от Уральских гор. Скоро мы встретимся вновь, подумал Отец, и это будет здорово. Я скажу тебе: привет, Большой Звездный Медведь, а ты помашешь мне лапой, а потом мы пойдем с тобой гулять. Ты проводишь меня до леса, где

я остановлюсь и расскажу тебе удивительную историю, как я жил без тебя. А потом мы будем смотреть друг на друга и молчать. Мы будем удивленно смотреть друг на друга и махать лапами, желая друг другу счастья. А потом я пожелаю счастья твоему медвежонку— Малой Медведице, которая давным-давно забежал вперед тебя на шесть твоих корпусов. И тогда все будет хорошо.

—Ну, Цибуля, по коням.— Сказал продрогший Отец, поднимаясь с прохладного песка.

Гусиная кожа покрывала уже все его тело и стали постукивать зубы. Цватпах, сидевший рядом молча, не нарушая сантиментов своего соседа, встрепенулся и двинулся вслед за Отцом по уже черной алее пахнувшей хвоей.

—Какать скажете, вашебродь.— Крикнул цватпах кувыркаясь.

Спать. Блаженный сон, одобренный седативной дозой из фляжки, наступил быстро. Отец, стоило ему коснуться головой о циновку, свернутую на манер подушки, провалился в грезы. Ему снилось что-то чудесное и красивое, как курица гриль или апельсин. Отец спал и спал. Он улыбался во сне и кого-то звал, при этом сладко шурясь и посапывая. Спали и цватпахи, утомленные ожиданием, спали маленькие наследники величия планеты, свернувшись в калачики подле своих мам. Все на свете спали.

Утром, освежившись в ручье у дальней комнаты, Отец бодрым шагом следовал в лабораторию, в которой толпились

цватпахи. Они хлопками крыльев приветствовали звездного странника, который скромно махнул им рукой:

–Вольно. Прошу всех садиться.– Сказал Отец и окинул взором собравшуюся аудиторию.

Садиться им не пришлось, поскольку физиология цватпахов обязывала их находиться в этой позе пожизненно. Пингвины суетились возле приборов, компьютеров. Некоторые что-то записывали в блокнотах, другие колдовали возле реторт и колб. С тумбы в лаборатории, наконец, исчезли ненавистные тома и чертежи, однако, заботливой рукой хозяина–Цибули, в сторонке сиротливо остался стоять макет установки. Пес с ним, пускай стоит, есть не просит.

Отец расположился возле тумбы и надел шлем.

–Басмач,– позвал друга Отец, приложив ладони ко рту.– Басма, зверюга, где ты?

Ответа не было. Отец прошелся меж деревьев, осмотрел полянку с маленьким столиком на гнутых ножках, на всякий случай заглянул в гамак. Виртуального хозяина Эдема не было нигде. Отец заглянул в бетаку, там давно уже никто не бывал. Заправленная пустующая кровать сиротливо ждала веселья. Басмача не было.

–Грузин, явись!– Молвил Отец. Видимо, я его обидел чем-то, подумал Отец.– Басмач, ты, друг, меня извини, если я тебя обидел. Я не со зла, ты же знаешь.

Басмача нигде не было.

–Слушай, я же извинился, чего же еще тебе надо? Мне

правда жаль, если я тебя обидел. Не вру. На бабушку ставлю.— Отец щелкнул по зубу ногтем для пущей убедительности.

—Чтоб больше такого не было, понял?— Голос Басмача раздавался снаружи бетаку.

Отец радостный выскочил из храма плотской любви. Басмач сидел на корточках к нему спиной и был весь мокрый, словно только что вышел из воды. По спине текли капли воды, волосы сбились в сосульки, с которых капала вода. Отец приблизился к своему другу. Басмач, сидя на корточках, разбирал сети, которые некогда Отец привязывал к ивовому пруту, утопленному в речке. В сети дергались два судака, три щуки, несколько гибридных жирных карасей с серебряными сверкающими боками и целая тысяча другой мелкой рыбешки. Мне он столько рыбы никогда не давал, подумал Отец. Вот же зараза такая. Нашел ведь предлог, типа его не было потому, что он снимал сеть, извинений ждал. Ради интереса спросить, где его носило? Он однозначно скажет, что распутывал сеть, которую замотало в прибрежных камышах.

—Чего ты надулся на меня, как мышшь на крупу?— Отец потрепал друга по холодному мокрому плечу.

Басмач нервно повел плечом, давая понять Отцу, что он— низкое животное.

—Так ты еще не понял?— Пробурчал Басмач, не поднимая головы и продолжая распутывать сеть.

—Понял, понял,— быстро ответил Отец,— больше не буду.

Обещаю.

Но для Отца навсегда останется тайной за семью печатями, на что же так бурно отреагировал электронный мозг его виртуального друга и собеседника.

—Басмач, давай не будем болтать попусту.— Начал Отец, заметив, что виртуальный друг при этом коротко кивнул.— Ты все запомнил, что я надиктовал тебе?

—В каком смысле?— Басмач резко развернулся к Отцу, на его челе читалось искреннее изумление.— Что ты надиктовывал?

Отец похолодел. Неужели эта безмозглая железка способна на такой финт? Неужели обида Басмача была такой сильной, что он не удосужился сохранить все то, что видел Отец. Многодневный упорный и утомительный труд пошел коту под хвост? Отец даже присел на стул, чтобы не упасть.

—Басмач, не шути, с этим не шутят. Я чуть не помер, куда все эти чертовы каракули разбирал.— Отец изменился в лице.

Черты лица его заострились, ноздри раздувались, как у молодого бычка, зрачки расширились. Я ему устрою Варфоломеевскую ночку, подумал Отец, ей Богу сотру его к чертям, если он правду говорит. Но Басмач, похоже, говорил правду. Те три закона, которые придумал г-н Азимов, были у Басмача не в почете, и он мог вытворять все, что ему заблагорассудится. Это я его разбаловал, уничтожил себя Отец.

—Я тебе говорю, не знаю про что ты. Мне было не до тебя.

Здесь ты намусорил, как макака резус, за тобой уборки было на три недели, реку кто чистит, по-твоему, кусты стрижет, чтобы здесь было опрятно? Чем ты там занимался и что кому надиктовывал, меня не касается.— Злобно проворчал Басмач и повернулся к Отцу спиной.

—Ах ты ж лентяй ленивый, лошадь тупая!!— Отец соскочил со стульчика и кинулся за Басмачом, который, ожидая этой реакции, бросил сеть с бьющейся в ней рыбой и кинулся в воду.

Отец подбежал к берегу, отковырял огромный булыжник из корней тополя, растущего тут же, и бросил в реку. Басмач выплыл из-под воды прямо под водопадом на другом берегу заводи, и, не глядя на Отца, стал резвиться в водяных брызгах.

Отец был взбешен. Для такого серьезного дела он отправился на Цватпу, чтобы с этим дебилом играть кошки-мышки? Нет с него довольно.

—Компьютер, мне нужен новый модератор.— Железным тоном, сквозь зубы произнес он, как если бы объявлял смертный приговор Басмачу.

Водное поло в исполнении Басмача прекратилось. Остался только мерный шум водопада, да тихое пение птиц. Даже ветра, обычного в это время суток, не было. Все здесь было подчинено серьезности накалившейся ситуации.

Из бетаку вышел Басмач, будто не он только что резвился в прохладной синеве заводи с водопадом. Одет Басмач был в

белоснежный костюм, в рубашку такой же белизны, волосы аккуратно уложены бриолином и зачесаны на затылок. На руке сверкал тяжелый золотой браслет, подчеркнутый сверканием бриллиантов. От бывшего купания и запаха свежей рыбы не осталось и следа. От Басмача за версту несло дорогим одеколоном, гладко выбритые щеки блестели и лоснились на солнце.

—Чего ты так разошелся? Модератор, модератор.— Передразнил блистающий бессменный заключенный виртуального пространства.

—Я уже все сказал. Мне нужен новый модератор, а тебя, собаку злую, я сотру. Компьютер...— Холодно произнес Отец, сжимая кулаки.

—Да стой ты, давай поговорим уже.— В голосе Басмача появились неуверенные нотки.

—Я тебе уже все сказал,— повторил Отец.— Мне такой хелпер не нужен, одна нервотрепка с тобой. В общем, давай с тобой заканчивать.

—Давай все по порядку...— Начал, было, Басмач, но затем заметил нетерпение Отца и добавил скороговоркой.— Дай мне одну минуту. По окончании делай что хочешь.

Отец коротко кивнул своему бывшему компаньону, с которым он неразлучно был все это время с тех самых пор, как самым невероятным способом поменял свою скромную комнату в старой общаге на целую вселенную. Басмач начал. Речь его была, теперь, холодна и скупа, как морозильник.

–Первое: я пошутил. Я все с тебя записал, так что не волнуйся.

Отец сохранял серьезность лица и, хотя, в душе все еще продолжали кипеть экскременты, он заметно расслабился и повеселел, значит, все это время не прошло зря.

–Второе,– продолжал Басмач.– Я проанализировал эти схемы. Там ко времени они имеют отдаленное отношение, они затронули структуру пространства, и использовали некоторые алгоритмы его, которые у нас неизвестны. Временной фактор там вторичен, если не третичен. Третье: если мы создадим темпоральные перемещения у них, если они будут ими пользоваться, может так статься, что они многое могут уничтожить, и не только в своем секторе, возможно, достанется и нам.

–Ты отказываешься мне помочь?– Сухо спросил Отец.

–Не то чтобы отказываюсь, просто я не могу на себя взять груз такой ответственности. Мое предложение: мы можем соорудить нормальную нуль– транспортную станцию и нульнуть к какому-нибудь порталу чтобы вернуться назад. На мой взгляд, это самое оптимальное решение. Но создавать у них машину времени, это– правда перебор.– Закончил Басмач, нервно потирая руки.

–Компьютер, мне нужен новый модератор. Басмача в архивном варианте сохранить как trash.

Ту же секунду, где стоял Басмач, появился незнакомый паренек лет двадцати с приятными чертами лица. Скупая

униформа не выделяла его среди бушующей зелени на берегу тихой заводи.

–Кто таков?– Сухо спросил Отец.

–Вам решать.– Так же сухо ответил пареньь.

–Изыди,– Отец махнул рукой, будто отгоняя дьявола.

Парень исчез. Ладно, подумал Отец, от Басмача я избавился. Он больно много в последнее время доставлял неудобств. Бог с ним. Может когда сам отойду, я его и разархивирую, но, похоже, что не скоро. Пока обойдемся без него. Этот лопухий новичок... с ним еще нужно работать над взаимопониманием. Пусть отдыхает. Будем сами. База конечно у меня урезанная, однако Басмач смог разобраться в ситуации, значит и я смогу, придется, конечно, попотеть.

Отец откинул шлем с головы. Цватпахи, окружившие Отца ждали его первое резюме.

–Слушай меня, парни, дело не такое простое. Вы тут попали во что-то серьезное, пока ничего конкретного. Будем разбираться, но, я думаю, все обойдется. Должно обойтись.– Добавил Отец.

–Атисьсь, не мог бы ты нам раскрыть твои выводы,– несмело попросил Цибуля, выражая общественное мнение.

У остальных цватпахов от нетерпения задрожали хвосты. Несколько десятков пар глаз были устремлены на пришельца.

–Парни, не считите меня за сволочь, пока я сам не разобрался, мой компьютер обрабатывает ваши каракули, я вам

потом все в деталях изложу. Не бойтесь. Все равно без вас мне не справиться. Я не смогу без вас починить установку. Так что давайте все вместе наберемся терпения и продолжим работу.

Цватпахи немного пошумели, перекинулись фразами меж собой и закивали своими черными головами, увенчанными клювами. Отец понимал всю напряженность ситуации. Много, очень много надежд на него возлагали эти дружелюбные птицы– телепаты, да и сам Отец был заинтересован в скорейшем благополучном разрешении проблемы.

Отец поел, погулял по территории, пока компьютер сопоставлял полученные схемы и техническое описание установки. Сейчас он работал в режиме лингвистического анализа. Сопоставлял последовательность неизвестных знаков с неизвестными техническими и электронными схемами, подставлял возможные значения уже известных терминов и значений. Самое трудное решалось в данный момент. Необходимо в первую очередь разобраться с языком цватпахов, с его структурой и с терминологией, пожалуй, самой сложной стороны науки– инженерии.

Отец понимал, что без существенной помощи человека, пусть и искусственного, пусть виртуального, но владеющего в совершенстве оперативной деятельностью в базе, будет трудно. Самому придется заново, путем проб и ошибок, составлять алгоритмы, проверять их и моделировать новую установку. Коль другого пути нет, значит все идем этой дорогой.

Отец вернулся в базу. Не в виртуальное пространство, но в самую суть единой базы данных. Отец рассмотрел возможные комбинации различных символов и чертежей. В эту минуту он владел почти всеми знаниями, которыми владело человечество. Он помогал автоматической лингвистической программе разбираться в структуре языка. Снова начались дни виртуального существования и бессонных ночей.

Через двое суток Отец, наконец, разобрался со структурой технического языка цватпахов, дальше дело пошло быстрее. Становились понятными задумки инженеров Цватпы, старающихся разогнать тело в условиях невесомости и минимального сопротивления в жестких электромагнитных полях. Составляющие установки располагались по кругу, как элементы транспортных порталов в Конфедерации, решение не новое, но максимально эффективное. Элементы объединены жесткой сцепкой из металлических конструкций между собой, чтобы обеспечить возможность максимальной прогностической результирующей. Несколько последовательных секций служили для потенцирования полученного кинетического потенциала тела, которое требовалось разогнать.

Установка работала по принципу многоступенчатого прыжка, как если бы несколько прапорщиков, выстроенных в ряд, стали пинать сумку с учебниками так, чтобы когда сумка набирала максимальную скорость, на ее пути встречался очередной прапорщик с еще большей ненавистью к учебе. И

так несколько раз. Ничего необычного. Такие эксперименты ставили и на Земле, даже в его, Отца, время. Однако никто при этом не исчезал и не взрывался. В этих экспериментах не было магнитных установок такой же мощности, зато принцип был сходным. Отец не ставил себе задачей разобраться в ошибках инженеров, повлекших за собой исчезновение куска льда и последующего за ним взрыва. Ему было необходимо модернизировать установку так, чтобы вернуться в свое время.

Стоп, подумал Отец, если время является всего лишь производным эффектом установки, тогда если ее модифицировать в темпоральную камеру, я окажусь в своем времени, но в этом секторе галактики. На одних двигателях спасательного шлюпа мне вовек не долететь до Земли. На это потребуются несколько миллиардов лет, к тому моменту солнце уже давно погаснет, да и я буду иметь непотребный вид. Здесь нужно много факторов соединить воедино.

–Ну, Атисьсь, докладывай, как продвигаются дела?– Спросил его Цибуля во время его очередного перерыва, когда Отец вышел из базы размять кости и поесть.

–А,– махнул Отец разочарованно.– Как будто все понятно, и вместе с тем я не могу пока разобраться с вашими гениями.

–Сильно сложно?– Робко поинтересовался Цибуля.

–Напротив, не хочу вас огорчать, только моя планета ушла дальше вас.– Отец сильно устал.

Непрерывная гонка с чтением документов довольно сильно истощила звездного странника, и положение вещей осложнялось тем, что Басмач отказал в помощи Отцу в его поисках, не дав и маленькой передышки. Пришлось тут же продолжить работу с базой.

–Какую из них ты имеешь в виду?– Нахально оскалился Цибуля.

–Эй, дружок, ты мне брось эти штучки, мне в базе весь мозг исклевали издевками, ты давай-ка, не паясничай. Вмиг шкуру спущу ниже колен. Понял?– Отец свирепо сверкал глазами, хотя он мог этого и не делать. Цибуля был телепатом и почувствовал настроения Отца. Он сам через секунду пожалел о сказанном.

–Прости, уважаемый, просто хотел немного тебя развеселить. Не вышло.

–Я вот дам тебе по зубам... не вышло. Ты лучше бы...

Отец чуть не подпрыгнул от догадки.

–Слушай, Цибуля, хочешь мне настроение поднять? Есть тема. В вашем озере рыба водится?– Спросил Отец и, не дожидаясь ответа, продолжил.– Так вот, прикажи, чтобы мне рыбки жареной приготовили. У меня скоро от вашей травы цинга откроется. Давай, давай, вашим поварам я расскажу, как ее готовить.

Как же он сразу не догадался про рыбу? Цватпахи– водоплавающие птицы и, вдруг, без рыбы. Сколько времени упущено. И закуска отменная.

С рыбой дело пошло на лад. Для начала, Отец провел несколько незабываемых часов над ручейком, что уносил все нечистоты из жилища, а потом привык. Отец для себя с давних пор четко уяснил, что чем лучше стол, тем лучше стул, и старался этим правилом руководствоваться, хоть это и не всегда получалось.

—Почему же вы мне рыбы не давали, сволочи жадные?— Изумился Отец, когда ему впервые принесли целую тарелку жареной рыбешки, которая по виду напоминала карасей.

—Нам и в голову не могло придти, что ты можешь есть эту гадость.— Ответил Цибуля.

—А вы, что, рыбу не потребляете?

Цватпах завилал хвостом. Цибуля плохо представлял, что можно поедать эту мерзость, от которой так жутко пахнет. Его предки, водоплавающие цватпахи, в естественной среде питались водорослями да личинками жуков, которые находили себе пристанища в мясистых листьях подводных растений. У каждого свои пищевые предпочтения. Видно там, откуда произошли цватпахи, было очень мало рыбы, и, чтобы не нарушать равновесие, эволюция распорядилась встать цватпахам в другой пищевой цепочке.

—В конце концов, это дело ваше, но мне рыбу готовить ежедневно. Да,— вспомнил Отец,— еще ее нужно засушить. А потом я вас научу пиво варить.

На сытый желудок думалось легче. Даже в базе данных Отец стал работать самоотверженной. Алгоритмы получа-

лись не такие корявые, логические звенья находились сами собой, а, быть может, фосфор, запасы которого Отец черпал в рыбе, заставлял мозг другими глазами смотреть на очевидности.

Решение пришло само собой. Элементы установки нужно было расположить в пространстве не используя жесткую металлическую сцепку, они должны быть фиксированы друг с другом гравитационными полями, во-первых, это даст достаточную гибкость установке, а во-вторых, можно будет управлять и пространственными составляющими эффекта. Затем, расстояние между промежуточными элементами должно увеличиваться от установки к установке, чтобы максимально потенцировать действие друг друга. Затем, управление инициализацией элементов портала Отец оптимизировал, согласно новым разработкам Конфедерации. Останется еще кое-что переделать, добавить генераторы гравитационных полей, синхронизировать установку, тогда получится сносная темпоральная станция.

Цватпахи с каждым днем все больше нервничали. Отец часами пропадал в базе данных и кормил своих пингвинов завтраками. Он стали беспокоиться, не выдумал ли чего Отец, чтобы погубить планету.

—Отец, когда же будут хоть какие-нибудь результаты?— Спросил однажды Цибуля.— Экипаж беспокоится.

Цватпах окинул взглядом собравшихся. Черно-белые птицы дружно закивали головами.

–Терпение и труд все перетрут.– Патетически произнес Отец.– Еще немного случилось. Скоро вам придется самим сидеть и голову ломать. Я там такие штучки придумал.

Когда же наступило время показать первые разработки модернизации установки, Отец понял, что показать их цватпахам он не в состоянии. Пустить цватпахов в базу– не реально. Встала проблема совместимости компьютеров. Решение было найдено быстро, но с чего-то нужно было начать. Отец заставил цватпахов соорудить на скорую руку радиомодем, который должен быть установлен на одном из компьютеров пингинов. Встроенная антенна в компьютере Отца, позволила обойтись без дополнительных хлопот. Настроив компьютеры на одну волну, Отец стал изучать особенности передачи пакетов данных компьютера цватпахов. Дело оказалось не хитрое, видимо все цивилизации проходят один и тот же путь в цифровых технологиях. Алгоритмы формирования пакетов не был вычурным. Наладив связь между двумя компьютерами, синхронизировав их, цватпахи стали получать первые данные.

В лаборатории, которую теперь пришлось переместить в другое здание, где было больше компьютеров, примитивный голопроектор, чертежные планшеты и плоттеры, обозначилось значительное оживление. Переданные данные на головную машину цватпахов, копировались и изучались на всех терминалах. Жизнь закипела. Теперь не один Отец мог принимать участие в своем высвобождении, но привлечь к это-

му благородному делу все силы могучего мозга Цватпы.

Отец продолжал работать в глобальной базе данных в то время, когда группа ученых цватпахов колдовала возле своих компьютеров. Он перебирал различные варианты построения темпоральной станции, как вдруг на ум пришел очень интересный алгоритм. Проверив его раз, другой, третий, Отец от неожиданности замер. Он снял шлем, положил его.

—Пойду, погуляю,— сказал он цватпахам.— Голова трещит, как угли.

Отец вышел из здания и улегся на лужайке, прямо не выходя из научного городка. Странное это стечение обстоятельств или преднамеренное решение? Нет, если бы они придумали установку для этого, они бы не стали ее консервировать, напротив, продолжили бы ее использование. Удивительная раса, подумал Отец. Еще несколько столетий назад, они плавали в море, чтобы поймать какую-нибудь жирную личинку, сидящую на листке водоросли, а сейчас они уже вышли в космос. Не пройдет и пары сотен лет— это будет одна из самых могучих цивилизаций Конфедерации. А она станет ее членом, в этом не может быть никаких сомнений. Если они создали эту установку, даже не подозревая об эффекте, то это счастливая случайность. Они сделали величайшее открытие во вселенной. Интересно, кто придумал установку, подумал Отец? Этому цватпаху дадут, наверное, премию Конфедерации. Ее хватит, чтобы построить город.

Удивительная раса, не переставал восхищаться пингвинами непрошенный гость, все больше и больше проникаясь уважением к этим добродушным птицам.

Это открытие сделает революцию в современной науке. Откроется новая эра в познании вселенной. Жалко, что я этого всего не увижу, ладно, без меня они точно плакать не станут, зато мой сын примет участие в великом деле. Наверное, его имя запомнят в веках, как неумолимого естествоиспытателя, открывателя тысяч новых миров. Пусть будет так, а мы поедем пить чай в общагу. Так думал Отец.

На небо налетели тучи. Хмурый ветер хлестал листвою деревьев по аллее, некогда блестящей и восторженной, ныне серой и унылой. Солнце спряталось за серую пелену, отдав свой взор от блаженной Цватпы, отдав ее на посмеяние ветрам и бурям. Ветер накатывался волнами, он то сгибал чуть не до самой земли деревья, затем, словно делая глубокий вздох, отпускал натиск и с новой силой обрушивался. С неба упало несколько сырых холодных капель. Ветер ненадолго затих, будто удивляясь, что вода выпала так рано, а затем с удвоенной силой на поляну, на которой лежал Отец, две стихии обрушили всю свою мощь. Ветер и вода слились в едином вихре. Косые серые плети хлестали Отца по щекам, лбу, запутывались в волосах и стекали серыми струйками по бокам. Отец притих в траве, словно боясь разозлить стихию, он закрыл глаза и покорно предался ливню. Буря бесновалась, она вырывала из земли мелкие кустики и траву, она

срывала с деревьев листья, она поднимала с дорожек опавшую хвою и вместе с мокрым грязным мусором носила по воздуху. Невдалеке сверкнула молния.

—Раз, два, три...— Вслух отсчитывал секунды Отец.

Не успел он сказать четыре, как, словно ужаленный в глаз, подскочил на месте. Раздался оглушительный, умопомрачительный взрыв, казалось, что вот-вот лопнут барабанные перепонки. Отца замутило. Он ни разу не видел гроз на Цватпе. Невероятный грозовой фронт находился в каком-нибудь километре от Отца. За три секунды громовая волна дошла до Отца от момента вспышки— значит километр. Нужно бежать отсюда, подумал Отец и бросился со всех ног в здание научной лаборатории. Войдя в помещение, Отец понял, что выглядит не лучшим образом. Мокрый, грязный, босой. Спутанные волосы с въевшейся грязью и иголками хвои, черные пятна на руках и лице, черные потеки почвы под глазами, Отец нашел свое отражение в стекле. Он побрел по пустынному коридору в свою комнату, чтобы привести себя в порядок. Выкупавшись в ручье, выстирав свое рубище, он развесил одежду на спинке кровати и сам стал ходить из угла в угол. За окном бушевала буря. Она выла и кидалась в дикой ярости в окна, она кружилась и скулила в проводах, она бесновалась, будто дикий зверь, вырвавшийся на свободу.

Такой страшной бури Отец за всю свою жизнь ни разу не видал. Интересно, подумал он, беседки на берегу, наверное, разнесет в щепу.

Странно, думал Отец, Конфедерация с ее многочисленными институтами не смогла решить эту проблему, а цватпахи, маленькие милые черно-белые цватпахи, которые отстают в техническом развитии от Конфедерации на много десятилетий, нечаянно придумали гиперпространственный переход. Эти жирные телепаты не ускорили кусок льда до субсветовой скорости, они отправили его в другое измерение, при этом вызвав некоторые темпоральные возмущения, которые неизбежны в таких случаях.

Теперь можно будет осваивать новые расстояния без особых усилий, можно найти тысячи применений гиперпространственного перехода прямо здесь, на Цватпе или на Земле. Можно будет, наконец, заглянуть на наш мир с другой, изнаночной стороны. Теперь нуль— транспортные системы Конфедерации выглядели словно лопата против буровой машины. Много будет шума. И теперь можно решить вопрос о том, чтобы перенестись в свое время, не болтаясь в этом секторе галактики, теперь можно прямо с Цватпы прыгнуть прямо на Землю двадцать первого века. Скоро наступит счастье, подумал Отец, повалился на койку и мирно заснул.

Глава 7.

Отец вошел в огромный широкий ангар, уставленный подъемными механизмами, испытательными установками, стендами, компьютерами, мостовыми кранами. На широкой

платформе, завешенной прозрачной пленкой, на посадочных шасси покоился спасательный шлюп, опутанный паутиной проводов. Вокруг него суетились цватпахи, изучающие и обслуживающие его.

На втором этаже за толстым стеклом видны были силуэты спящих черно-белых инженеров, проводящих тесты и испытания бортовой автоматики и двигательных систем.

Отец отодвинул прозрачную шторку и по скату поднялся к летательному аппарату.

–Привет, дружище, давно не видались.– Сказал Отец ласково старому другу, похлопывая по металлической обшивке корабль.– Мы еще повоюем.

–Видишь,– сказал Цибуля,– с ним все в порядке, никуда он не денется, ты даже не переживай.

–Молодцы!– Похвалил Отец всех цватпахов на свете.– Хорошо нос поправили.

–Старались. Но тут, в общем, сложностей не было. Жесть поправить и три века назад могли.– Довольно закивал головой с залихватской завитушкой на маковке Цибуля.

–Ладно. Командуй, чтобы его распутали,– Отец указал на целую паутину кабелей и проводов, тянущихся от шлюпа.– Нам он скоро пригодится.

–Старт на послезавтра запланирован. Горючего в нем мало. У нас пока технологий таких нет, чтобы его заправить.

–Ничего,– утешил Цибулю Отец и похлопал жирного цватпаха по плечу,– скоро научитесь. Я вам всю информа-

цию слил.

Отец не лукавил. С тех пор, как он объединил компьютеры Цватпахов со своим девайсом, он методично сливал им всю базу данных, которая имелась в наличии и на съемных дисках. Цватпахи были вне себя от счастья. Мобилизовались все силы научного городка и иже с ним для расшифровки и апробации новых сведений. Невдалеке от научного городка началась постройка нового павильона для освоения инопланетных технологий.

Цватпахи очень удивлялись, почему Конфедерация столько много времени и сил тратит на изучение живого мира. Конечно, отдельному элементу огромного коллективного мозга было не совсем понятно, зачем тратить силы на лечение больной составляющей, гораздо проще и эффективнее заменить отработанный механизм функционирующим и здоровым. Равно как и человек не особенно заботится о каждой клеточке его огромного организма. Было бы, к примеру, глупо заботиться о кожном эпителии, заставляя его функционировать вечно, к чему бы привело такое рвение смоделировать недолго, или забота о каждом волоске, населяющем кожу, могла бы закончиться очень неэстетическими последствиями. В этом цватпахов винить резона нет, и Бог с ними.

Отец попытался разъяснить концепцию индивидуальности организмов в рамках своего мировоззрения, но встретился с огромным непониманием и недоверием. Цватпахи сочли его придурком, который старается выглядеть Богом.

Он плюнул на эти занятия, объяснив это тем, что кому-то доставляет удовольствие распороть обезьяне живот и смотреть долгие месяцы в микроскоп на внутренности. Это объяснение цватпахов устроило, поскольку во главу угла ставились поведенческие реакции организмов, пусть и с некоей некрфильной окраской.

Отец с удовольствием наблюдал, какой фурор он произвел в научной жизни этой уютной планеты. О себе он тоже позаботился. Он скопировал всю информацию о цватпахах, какую только смогли ему предоставить ученые. Особенно он гордился тем, что с помощью жирных телепатов, он первый во вселенной раскрыл тайну гиперпространственного перехода. Быть может этот принцип назовут как-нибудь в роде «Константа Яшина– Плимутмахера» или «Предел Яшина– Патчитнатраха» или что-нибудь еще в том же духе.

Но нет! Он не был тщеславным, однако в душе все мы немного лошади, и частичка тщеславия постоянно клюет мозг каждого из нас. Отец обнаружил этот принцип случайно, как Рентген случайно открыл известные всей галактике лучи. Конрад Вильгельм никогда не был выдающимся физиком. Скажем больше– он серость, о которой после смерти вспоминают только враги и то не долго. И вот она баночка с солью, светящейся под установкой. Случайность? Да! Гений? Нет!!!

Отец обнаружил нестабильность полей, индуцирующих кинетический потенциал тела. Чуть добавил своей логики,

плюс факты, известные всему человечеству, плюс усталость и алкоголь и вот— новое открытие. Да и открыл гиперпространственный переход не он. Не он придумал эту установку, зато он принял участие в понимании случайности, приведшей к открытию. Зато теперь, на Цватпе, на закрытых производствах уже изготавливают новые блоки, чтобы заменить ими старые, вот уже изготавливается новый симулятор, которого не было доныне, уже кто-то паяет схемы принципиально нового ускорителя, который свернет пространство в точку, а потом развернет его вновь. Где-то в городе кто-то уже закручивает винты темпоральных реле и конверторов.

Отец коротал свое время в базе. Он теперь не отправлялся в свою тихую заводь, на Басмача он сердился по-прежнему и не собирался извлечь его из архива, а Пиначет не пропадет, все равно он виртуальный. Отец проводил исчисления. Ему не терпелось вычислить координаты Земли относительно звезд в момент, когда он окажется в своем времени. Он взял поправку в двадцать тысяч километров, на случай возможной ошибки, чтобы не материализоваться в недрах планеты. Он несколько раз перепроверил данные, полученные скрупулезными математическими вычислениями. Все сходилось. Затем Отец начал вычислять все необходимые показатели напряженности полей, которые нужно было активировать в установке для верного темпорального перехода, чтобы не промахнуться и не угодить к динозаврам или во время Большого Взрыва. Другого шанса вернуться в

свое время у него больше не будет. Отец напрягал все свои способности, составлял алгоритмы, моделировал прыжок во времени и симулировал непредвиденные ситуации. Промашнуться в пространстве на десять-двадцать тысяч километров, находясь в космическом шлюпе— дело поправимое. Но вот со временем такие шуточки не пройдут даром. Очутись он на несколько лет в прошлом или будущем, и найти свое место в жизни будет очень тяжело.

Какое время выбрать расчетным? Ответ пришел через секунду. Нужно отправиться незадолго до аварии брата, чтобы справиться, что с ним случилось. Если мы не ограничены во времени, думал Отец, двенадцати часов вполне хватит. Может быть стоит предотвратить аварию? Он об этом не думал. А что? Это— мысль. Вернуться в прошлое, и остановить брата незадолго до столкновения. Здорово. Так он и поступит. Двенадцать часов!!!

Наконец вычисления были готовы. Он проверял их сам, затем автоматические алгоритмические программы проверили его изыскания. Отец удовлетворенно сохранил полученные данные в отдельном файле, который назвал: «Родина. Рыжая— курица безмозглая.tmp.gps.cool».

Отец ходил, насвистывал и припевал. Послезавтра он отправится на своем шлюпе, чтобы проконтролировать сложность механизмов, чтобы принять участие в монтаже оборудования и развертывания его в космическом пространстве. Цватпахи, имевшие в своем арсенале скудные сведе-

ния об околопланетном пилотировании, уже внедряли новые схемы и алгоритмы принципов постройки кораблей на верфях. Отец скоро отправится на орбиту, с которой его так надежно в свое время согнали жирные пингвины. Теперь Отец не держал на них зла. Теперь он был частью единой команды.

Цватпу трясло. Повсеместно осваивались новшества, привезенные с далекой планеты, члена Великой Конфедерации. Это страннику доложил Цибуля, который тоже гордился собой в той степени, насколько цватпах, как часть единого разума, может гордиться собой. Ведь это при его умелом руководстве несговорчивого инопланетника разговорили. Это он, Цибуля, провел тонкую дипломатическую операцию, в результате которой весь многовековой опыт всей Конфедерации оказался теперь на службе у Цватпы. Благодаря Цибуле теперь Цватпа непременно войдет в состав Конфедерации. Это он, Цибуля, Патчитнатрах, дал путевку в жизнь родной планете.

Уже писались учебники об истории Конфедерации, уже изучались исторические ошибки и мораль, извлеченные из сведений, привезенных Отцом. Лингвисты осваивали космолингву и правильную классическую русскую речь, не загруженную колоритом средней русской полосы. Химики постигали новые вещества и их свойства. Нашлись и такие, которым по душе пришлись и эти непонятные биология и генетика. Для них было откровением, что такая простая вещь, как селекция, сможет достаточно надежно исправить некоторые

ошибки природы и разрешить некоторые гастрономические проблемы.

Машиностроительные комплексы осваивали производство индивидуальных космических летательных аппаратов на основе схем и чертежей, описания которых уже были адаптированы к языку цватпахов. Транспортные компании налаживали производство выходов, без которых Русь утонула бы в грязи. Новинкой стали телекоммуникационные принципы, способные передать трехмерность пространства и реализацию эффекта присутствия.

Цватпа менялась. Жизнь кипела. Наука шла семимильными шагами. Основное отличие Цватпы от любой другой известной планеты— ее гигантский коллективный мозг, располагающий к стремительному росту цивилизации, что и происходило повсеместно. Скоро, скоро Цватпа затмит собой все развитые цивилизованные миры. Скоро она будет диктовать правила игры и развития. Но и частичка Отца навсегда останется на этой планете. Уже многие цватпахи научились гнать самогон из листьев водорослей.

Отец залез в свое пилотское кресло и бережно, будто Рыжую, поглаживал приборную панель, ласково трогал штурвал и индикаторы.

—Борт, доложить о состоянии.— Рывкнул Отец, и несколько рабочих цватпахов повернулись в сторону шлюпа.

Приборная панель вспыхнула, заработала система self monitoring, analyzing and reporting technology. Загудела бор-

товая автоматика, тестируя и перепроверяя свои внутренности.

—Система предстартовой подготовки двигателя— норма, система стабилизации пусковой основы двигателя— норма, система контроля маршевого двигателя— норма, система контроля вспомогательных пилотажных двигателей— норма...— забормотал баритон бортового компьютера.

Отец откинулся на спинку кресла, наблюдая, как против каждого узла на приборной панели загоралась зеленая индикация.

—Основной гравикомпенсатор— не функционирует...— продолжал бормотать баритон,— вспомогательные гравикомпенсаторы— степень износа восемьдесят пять процентов. Непригодны. Система пространственной стабилизации— норма...

—Цибуля!— Во весь голос, насколько хватало воздуха в легких и мощи голосовых связок, закричал Отец в сторону люка и хлопнул кулаком по подлокотнику.

—Чего ты согласишь?— Спросил Цибуля из-за спины.— Чего кричишь, как потерпевший?

Цватпах взобрался в шлюп по наклонной винтовой дорожке и встал тихо за спиной, пока Отец приветствовал свой кораблик.

—Ты сказал, что он в порядке?— Удивленно Отец поднял глаза на стоявшего, как на построении, жирного пингвина.

—Я сказал, что мы его не разобрали, что он целый. А что

мы его не починили, так уж извиняйте, довольствуйся тем, что есть. Ты нам когда начал свои данные скачивать? Ну?— Цибуля ждал ответа.

—Недавно, но ты бы мог и подсуетиться. Надеялся бы, что вот, придет Атисьсь и будет очень расстроен, если его корабль окажется сломанным.

—Атисьсь, я так подозреваю, что ты меня дразнишь? Мне это не очень нравится, но я тебе все же растолкую. Откуда нам было знать об устройстве корабля? Мы его изучали, насколько позволяли наши технологии. Но теперь все пойдет быстрее, теперь мы уже знаем...— Он что-то чирикнул технику, который находился внизу, у шасси машины, тот что-то пискнул в ответ и захлопал крыльями.— Теперь мы уже знаем, как его починить. Так что релакс, расслабься и получай удовольствие.

—Смотрите у меня,— Отец грозно погрозил пальцем,— я из вас подушку пером набью, коли мне машину не почините.

Не плохо было бы и шлюп оборудовать гиперпространственным переходом на всякий случай, подумал Отец. Случаи бывают разными. Раз в год и старуха рожает.

—А что там насчет топлива?— Спросил Отец.

—Топлива осталось сорок восемь литров, система активации топлива норма.— Пропел баритон бортового компьютера.

—Заткнись,— резко оборвал его Отец,— не с тобой разговариваю. Цибуля!

–Топливо нужно синтезировать, пока оборудование не готово.– Пожал плечами цватпах.

–А когда будет готово?– Громко, чтобы напустить страху на жирного телепата, произнес Отец.

–Месяц, два, кто его знает, как дело пойдет.– С неуверенностью сказал Цибуля.– Может три. Сам понимаешь, нам на голову столько всего свалилось, не знаем с чего начать. Ну и есть первоочередные дела...

–Какие еще первоочередные дела? Топливо– вот первое дело.– Сказал Отец.

–Видишь ли, дорогой,– уклончиво начал петь Цибуля.– Теперь нужно космос осваивать, корабли строить. А топливо– это второстепенная задача.

–Как это вы без топлива полетите? Ну-ка объясни, может, я пропустил что-то важное?– Отец с деланным интересом повернулся к Цибуле и картинно заложил ладонь за щеку.

–Сначала– корабли, потом топливо. Вот и все. Другого пути нет.

–Да ну вас,– махнул рукой Отец.– Логика у вас очень странная. Может я вам привез комиксы просто, или инженерные шутки, а вы уши развесили.

–Отец, так и у нас ведь не глупые цватпахи работают. Чать, сами проверим– перепроверим.– Ответил Цибуля.

Так, подумал Отец. На взлет с Земли требуется около семнадцати литров горючего. С Цватпы можно будет подняться на пятнадцати– шестнадцати литрах. Здесь притяжение чуть

меньше. Для посадки на Землю потребуется около двадцати пяти литров или чуть больше. Ладно. При любом раскладе одна взлет-посадка выйдет. На большее не рассчитывай. А на Земле шлюп где-нибудь спрячу. Здоровый он, правда. Или в озере утоплю. Тоже выход. Жалко, но что поделаешь? Нам пространственно временные парадоксы не нужны, и так уже дел столько натворили...

На орбите проводился монтаж нового оборудования. Жесткую сцепку элементов установки заменили более прогрессивные гравитационные стабилизаторы, от этого портал несколько увеличился в диаметре и вырос чуть не втрое в длину. Цватпахи принялись за монтаж системы координации и синхронизации элементов установки, завтра будут на орбиту вынесены новые блоки и комплектующие, которые будут контролировать самую суть гиперпространственного перехода, пространственного позиционирования и навигации.

Скоро, уже очень скоро Отец сможет покинуть эту планету, на которой ему пришлось прожить уже достаточно много времени, чтобы она ему надоела.

Цибуля Цибулей, вот только нормально по-русски говорит только он, остальные могут лишь объясняться. Они слишком другие, чтобы можно было к ним по настоящему привязаться. Пугает не их пунктуальность и исполнительность. Напротив, эти черты с положительной стороны характеризуют расу. Смущало, отсутствие даже малой толики интриги в общении, огорчает ощущение того, что, говоря с од-

ним цватпахом, разговариваешь со всей планетой, при этом теряется суть индивидуальности. Хотя, с другой стороны, Отцу никто не навязывал себя, как лучшего друга. Здесь были лишь терпеливые, понимающие коллеги, но не более.

Надоело, подумал Отец. Нервная дрожь стала снова поколачивать кулачками по серому веществу. Когда-то он также переживал по поводу предстоящей встречи с цватпахами, как предвосхищает встречу с родной планетой. Та же самая неизвестность, которая вытягивает все жизненные соки из своей жертвы, снова поселилась рядом с Отцом.

–Цибуля,– позвал своего компаньона Отец.

–Ну?– Отозвался цватпах.

Они отъехали от научного городка уже километров на десять. Дорожка вела в город, который уже виднелся вдали за холмами. Она была равной и прямой, словно ее прочертил некто огромный по линейке. Как и все остальные тропинки и дорожки, эта была аккуратно высыпана по всей длине хвоей уже пожелтевшей на ярком солнце. Вдоль дороги ровными рядами были высажены кустарники и деревья, чуть в стороне чернели величественные горы, в которых находит пристанище на ночь солнце. Дорожка пересекала речки, которые весело текли с горных склонов. Речки были с любовью укрыты белыми каменными мостками, которые тоже были усыпаны хвоей. Машина шла ровно, в метре от почвы. Трасса не была оживленной. Лишь изредка навстречу им проносилась такая же сурфисная легковушка на антигравитационной платфор-

ме. И никто их не настигал. Эта дорога— единственное сообщение с городом, пояснил Цибуля.

—Я там никого не перепугаю?— Неловко спросил Отец.

—Если кидаться ни на кого не станешь, тогда нет.— Утвердил Цибуля.

—А чего мне кидаться то?— Вздохнул Отец.

—А чего ты кидался, когда сел на планету?— Цватпах закричал.

—Ну, утка— робот, кто старое помянет, тому глаз вон. Ты лучше за дорогой следи.— Отец кивнул на штурвал, который сжимал Цибуля в своих крыльях, заканчивающихся цепкими коготками.

Мимо проплывали низенькие кустарники, будто остриженные рачительным садовником. На горизонте висели, словно подвешенные за прищепки, черные грозовые тучи. По бокам крались подлыгалы— серенькие облака, заискивающе поглядывая на своих старших собратьев. Солнца видно не было, оно всякий раз прячется, стесняясь непогоды. Тяжелые тучи захватывали весь горизонт, и не было от них спасения. Потянуло ветерком, уже закручивались бурунчики хвои и пыли, поднимаемые штормовым предвестником. С неба сдуло птиц.

—Слушай, Цибуля, у нас на Земле поэт был, он написал, как глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах. Ты уверен, что я— первый хуман у вас тут на Цватпе?— Отец показал в широкой улыбке все свои тридцать два зуба.

Цибуля не ответил. Он старался не отвечать на подобно-го рода замечания, коль скоро природа его наградила колоссальным терпением и не дюжим разумом. Отец пользовался этим и продолжал:

–Нет, он никого не хотел обидеть. И писал, в общем, даже не про пингвина. А про буревестника. У вас есть такая птица?

–Что за птица?– Цватпах изобразил интерес к разговору, хотя ему было глубоко наплевать на чушь, которую городил Отец.

–Птица? А та, что в непогоду вылезает из гнезда, носится, каркает дальше чем видит, и все такое. А когда тихо, ее коврижкой из гнезда не выманишь. Бестолковая птица.

–Может и есть. Кто их знает. Это вас есть интерес птичек или жучков под микроскопом разглядывать.– Отмахнулся от навязчивого собеседника Цибуля.

–А у вас нет насекомых что ли? В перьях, разве, не водятся паразиты?

Цибуля неуверенно пожал плечами.

–Даже если и водятся, что с того? Нужно их обязательно под микроскоп? Какая в том нужда. Выловил их всех и съел, чего проще...

–Интересно с вами. Когда у меня в подшерстке заведутся насекомые, я их обязательно всех выловлю и съем. Так и скажу всем, меня Цибуля научил, чтобы меня за клоуна не приняли. Нравы!– Вздохнул Отец.

Над горизонтом, в серой дымке и поднятой пыли стали обозначаться очертания города. Стали чаще попадаться коммуникационные столбы, словно прялка, увешанные несметными количествами проводов. Дороги расширились. Стали попадаться цватпахи, весело кувыркавшиеся в наметенной хвое дорог. Вдоль оградительного заборчика следовала целая семья цватпахов. Две взрослые особи. Можно предположить, что это были самочка, самец и целый выводок молодых птенцов числом около десяти. Отец помахал им из окна, цватпахи, пораженные необычной внешностью остановились, разинув рты, и в полном молчании проводили взглядом машину, пока она не скрылась у них из виду.

—А ты говорил, что местное население готово меня увидеть?— Вяло спросил Цибулю Отец.

—Ну а ты как бы себя повел, если бы знал, что к вам на Землю прилетели цватпахи, и, вдруг, воочию увидел их?

—Убедил. Только все равно непривычно. Ко мне в городке уже пристрелялись, я вроде, уже не клоун тряпочный и не привидение. Мне даже детей доверяют играть с ними. Так что вот...— Сказал Отец, а про себя усмехнулся, что ему еще немного осталось быть в шкуре ярмарочного слона.

—Привыкнешь,— махнул крылом Цибуля и въехал в городок.

Городок был с широкими улицами и низенькими серыми домами. Нигде не было видно высотных зданий и небоскребов. Не было видно и высоких напорных башен или те-

левизионных вышек. Цватпахи, непритязательные к свету, компенсировали свое жизненное пространство за счет ширины зданий. Иногда здание было настолько длинным и широким, что его приходилось облетать на машине очень долго. Это не гигиенично, подумал Отец. Даже если не считать плохое освещение во внутренних помещениях, так и вентиляция в таких домах должна быть скверной. Формой дома были очень разнообразны. Встречались дома украшенные колоннадами и арками различных цветов и форм. Виднелись барельефы каких-то неведомых пингвинов, устроенные на торцах домов. Роскошные парки— были неотъемлемым атрибутом городских ландшафтов, обильно сдобренные фонтанами и небольшими прудами с подмостками, с которых цватпахи отдавали дань инстинктам. Цибуля не снижал скорости, дабы не вводить в исступление окрестное население, но и старался двигаться не быстро, чтобы странник и неутомимый натуралист мог внимательно осмотреть обиталище цватпахов.

—Это площадь уважаемого...— Цибуля что-то пробулькал, видимо он назвал по имени своего уважаемого земляка.

—И чем же он знаменит?— Поинтересовался Отец, во все глаза глядя на достопримечательности.

—Он изобрел колесо.— С гордостью в голосе произнес Цибуля, будто это он сам надумил уважаемого ... изобрести его.

—А это проспект уважаемого ..., он придумал дифферен-

циальное уравнение. А вот проспект уважаемого ..., который определил понятие корпускулярно-волнового дуализма. А вон, видишь?— Цибуля ткнул крылом куда то вдаль.

Отец присмотрелся и увидел огромную статую, возвышавшуюся метров на пять на своем постаменте. Сделанная из бронзы, она должна была на солнце так сверкать, что в день не менее десяти жирных пингвинов должны были слепнуть. Гордый взгляд обращенный в небо, свидетельствовал о неизмеримом чванстве своего обладателя. Он был настолько жирным, что казалось, статуя вот-вот покатится на бок.

—И чем же он знаменит? Вероятно у уважаемого Прих-прих-приха был самый грандиозный аппетит.— С участием спросил Отец.

—Уважаемый ... придумал теорию относительности.— Произнес Цибуля так, словно декламировал гимн своей земли.

—Они что же у вас, все уважаемые?— Удивился Отец, представив, как на Земле это бы звучало: «Площадь уважаемых павших революционеров» или «улица уважаемого Гагарина», или еще хуже «проспект уважаемого Ленина».

—Конечно. Это— великие цватпахи, подарившие планете знания.— Заявил с пафосом Цибуля.

—А поэтов, художников, там кулинаров или трактористов у вас нет?— Продолжал издеваться Отец.

—Как же нет, только зачем такими именами называть проспекты?

–Слушай, а моим именем тоже что-нибудь назовут, коль такая тема пошла?– Отец заерзал на месте от возбуждения.

–Может статься, что и назовут. Только я буду против этого.– Огрызнулся Цибуля.

–Это еще почему?

–Так это же не ты сам все придумал. Зачем же тебя увековечивать? Представь, что тебе дадут признание за книгу, если ты просто курьер, просто ее принес. Не справедливо.

–А как насчет гиперпространственного перехода? Или тут я тоже– курьер,– разозлился Отец.

–Так идея была уважаемого ..., а ты просто немного подытожил его работу.– Скупое ответил Цибуля.

–А что, его именем уже что-то названо?– Спросил Отец. Цибуля кивнул.– И что же именно?

–Парк имени уважаемого ...– Пожал плечами Цибуля, будто хотел этим сказать: кто этого не знает.

–Я имел в виду другое. Что он еще изобрел?

–Много чего, но парк в его честь назвали за открытие предела уважаемого ...

–Что за предел?

–Он объяснял образование черных дыр. Его закон гласит, что если масса холодной звезды в полтора раза больше нашего солнца, она не может противостоять собственной гравитации. Я посмотрел в твоих данных, такой закон у вас называется пределом Чандрасекара-Ландау.

–Здорово. Рядом с вами, кстати, есть черная дыра. Лет во-

семнадцать солнечных отсюда. Так что держитесь. Если она разойдется— вам мало не покажется.— Съязвил Отец.

—Я знаю.— Тихо сказал Цибуля.— Только ее опасаться, все равно, что бояться огня. Смысл? Она стабильная.

—Это я так к слову. Не хотел бы я попасть за горизонт событий.— Сказал Отец.

—А кто тебя заставляет? Никто не хотел бы. Там еще на подлете к ней тебя в лепешку раздавит. Так что сам горизонт событий ты не увидишь по-любому. Оттуда даже солнечный свет выйти не может.

—В общем, если ты не в курсе, я туда и не собираюсь. Она, кстати, стоит в стороне от моего основного пути. Так что если вы не подсудобите, то мне не посчастливится увидеть ее.

—Это уж как ты просить будешь,— заскрипел Цибуля и свернул в сторону от основной магистрали.

Здания стали менее широкими, парки значительно уменьшились в размерах, а затем и исчезли вовсе. Машина летела над неширокой дорожкой вдоль технических сооружений и подсобных барачков, окруженных заборами и колючей проволокой. Стали чаще появляться предупредительные таблички с изображением пингвина, жирно перечеркнутого красным крестом. Не ходи, убьет. Вскоре машина подлетела к ангару и остановилась. Цибуля выключил двигатель и антигравитационную платформу, машина мягко опустилась на хвою.

Войдя в ангар, Отец был оглушен громкими звуками штамповочных прессов и треском конвейера. Странника

ослепили искры сварочных работ и яркое освещение. В воздухе пахло, словно в сталелитейном цехе гарью и терпкими машинными маслами. Бездушные роботы осуществляли непрерывное производство, что-то штампуя, сваривая, паяя, скручивая и что-то еще.

–Нам туда,– сказал Цибуля и указал на едва видневшийся проход между движущимися машинами.

Производство было автоматическое, нигде не было видно снующих разнорабочих и инженеров по наладке и обслуживанию аппаратуры. Цибуля и Отец осторожно следовали вдоль ряда роботов сварщиков, наладчиков и штамповальных машин, пока не уперлись в узкую едва заметную дверь на фоне серой запачканной гарью и маслом стены.

–Пошли,– кивнул Цибуля, и покатился дальше.

–А что, дороги получше нет? Обязательно нужно было здесь пройти?– Возмутился Отец, следуя за пингвином.

–Можно, только длиннее. Здесь короче будет, не ворчи.– Прокряхтел откуда-то из складок шкуры, усеянной мелкими перьями Цибуля.

Следующий цех разительно отличался от предыдущего. Здесь было все чисто и прибрано. Нигде не было шума и пыли. Если бы не природное отвращение цватпахов к одежде, они бы носили здесь халаты, как это делают их земные коллеги. Тут и там сновали инженеры с инструментом в коротких крыльях, измерительными приборами и наводили последние штрихи в невообразимой установке. На огромных

платформах, крепился контроллер гиперпространственного перехода, ожидая своей очереди очутиться на орбите планеты. Отец обошел машину. Выглядела установка грандиозно. Бока, спрятанные за прочными пластинами неведомого прочного сплава, способные защитить от небольшого метеорита, светились тусклым светом, словно пряча в себе неведомую тайну. В открытых шлюзах видны были монтажные крепления и разъемы, которыми установка будет присоединена к огромному кибернетическому организму на орбите. Инженеры делали свои последние замеры и приготовления. Скоро машина будет доставлена на орбиту. По плану, монтаж ее будет осуществляться пару дней. Еще несколько дней будут тестироваться основные узлы установки, а затем контрольный запуск куска льда, весом в одну тонну. Он отправится в солнечную систему лет на пятьсот назад, чтобы затем много столетий крутиться в космосе вокруг Солнца.

–Шикарно.– Сказал Отец.– Я даже себе и представить не мог, что она выглядит такой огромной.

–Ты, похоже, не видел космический корабль, дорогой.– Сказал Цибуля.

–Ха-ха-ха.– Злобно сказал Отец.– Остряк. Пошли уже, посмотрим на тесты.

За приборными панелями крутились цватпахи, сверяясь с разложенными схемами. В помещение уже располагался голопроектор, который показывал установку с разных сторон. Отец приблизился к изображению и стал вглядываться в нее,

будто в собственную душу. На стенах, на полу, на тумбе-столе были аккуратно разложены основные схемы и узлы. На мониторах компьютеров и на планшетах ползли графики, отражавшие некоторые процессы, которые приходилось проверять в процессе сборки.

–Ну, убедился? Все идет своим ходом. Скоро ее отправят на орбиту.– Успокоил Отца Цибуля.

–Доверяй, но проверяй.– Торжественно проговорил Отец.– Когда погрузчик придет?

–Он уже дня три стоит, там,– Цибуля махнул черным крылом за спину,– на технической позиции.

–Скоро уже начнется погрузка.– Кивнул Цибуля.

Отец соорудил себе кресло из подручного материала, приспособил какой-то контейнер, обложил его тряпицами и утвердился на нем, созерцая оживление, которое возникло без видимой на то команды. Повинуясь коллективному разуму, цватпахи активировали мостовые краны, подвели антигравитационные платформы, закрепили установку. Задняя дверь ангара медленно отползла в сторону, давая проход огромному гусеничному погрузчику. Установку аккуратно установили на транспортную платформу, закрепили ее и укрыли тентом.

Цватпахи не пользовались громкоговорителями и переговорными устройствами, поскольку естественные способности этих удивительных птиц позволяли им общаться без помощи дополнительного оборудования. Средства коммуника-

ции у них были развиты слабо исключительно благодаря упомянутой способности к телепатии. Отец вышел к погрузчику, чтобы самому убедиться в нерушимости установленной на платформе конструкции.

— Вот черти, надо же! — Удивлялся Отец слаженности работы цватпахов.

Некоторое время спустя Отец наблюдал из лаборатории по телесвязи за пуском носителя, который отправил на орбиту драгоценный груз, с помощью которого Отец рассчитывал на счастливый финал этого затянувшегося променада.

Огненные струи вырвались из дюз ракеты — носителя, корабль дрогнул и стремительно вырвался из поля притяжения Цватпы. Несколько секунд и он пропал из видимости сурфисных наблюдательных камер. Далее Отец присоединился к камерам основной установки, которая играла роль и орбитальной станции, за приближением космического транспорта с бесценным грузом на борту.

Монтаж установки начался. Отец изнывал от скуки. Он ходил из угла в угол, не находя себе места. Волнение, которое стало привычным в последнее время, усилилось.

— Цибуля, — однажды спросил Отец. — Мой шлюп готов?

— Чего ты так торопишься. Там, собственно от тебя прока мало будет. — Цибуля кивнул на небо. — Там только мешаться будешь. Сидел бы пока, спирт пил.

— Не могу. — Закачал головой Отец.

— Уж не хворь ли какая приключилась, Атисьсь? — Цибуля

потрогал руку Отца, будто проверяя пульс. Этот жест он перенял у Отца, когда тот предлагал Цибуле рыбу и странник отказался.

– Вот пиво варить я не успел вас научить. Но ничего, скоро вы в состав Конфедерации войдете. Туда без пива вас не пустят. Это там – пропуск в цивилизованные миры.

– Алкоголь? – Поинтересовался Цибуля. Отец кивнул. – Какой я проницательный!

– С рыбкой у вас тут все нормально. Насушить ее и с пивом. – Отец зажмурил глаза.

Если все срастется, нужно будет первым делом купить копченой мойвы и литров пятнадцать пива, да с Гуриком, да с Бецманом, думал Отец. Отца стало поколачивать. Стало уже невмоготу. На Плутоне получилось все очень быстро, что Отец и не успел по настоящему испугаться. Он и не думал, что его визит на Плутон окажется таким скоротечным и судьбоносным. Но визит к цватпахам, а особенно последние дни, когда его миссия уже решена, не приносили успокоения. С каждой минутой росла неуверенность и нетерпение, Отцу приходили все чаще мысли бросить все. Дождаться посланников Конфедерации, а они должны объявиться по-любому, или известить их о себе – они примчатся, да вернуться восвояси к своей заводи с сушеными щуками, да ленивым Пиначетом. Может и с Рыжей образуется. Кто его знает?

Рыжая, родная, любимая, как ты там без меня? Как малыш? Он, наверное, уже пинается. Наверно уже выставляет

маленькие пятки, чтобы мама могла их погладить. Наверное, он уже выгибает свою спинку, что можно его поласкать, поглаживая и приговаривая: «Маленький милый мальчик, скоро, очень скоро мы сможем с тобой встретиться. Скоро можно будет тебя обнять и поцеловать». Уже сейчас можно его погладить по головке, почесать спинку и ощутить силу твоих еще маленьких ножек. Можно просто прислониться щекой к тебе и шептать что-нибудь ласковое. Ты все услышишь. Ты все поймешь. Любовь понимаешь задолго до рождения, задолго до того, как ты познакомишься с ласковыми мамиными руками и солнышком, игривым ветерком и пряными травами на утренней зорьке. Ты еще ничего не видишь, но ты знаешь, что тебя любят и ждут. Наверное, становится тепло, спокойно и хорошо. Мы уже не помним, как это все было, но ты чувствуешь любовь сейчас, и это главное. Маленький мальчик, спи спокойно, ни о чем не тревожься, придет время и тебе станет уютно в этом мире, все через это проходят. Пусть тебя еще не скоро коснется разочарование, спи и набирайся сил, маленький малыш. Можно лежать с тобой рядом и разделить твои мечты, можно с тобой думать о маме, какая она прекрасная, какая она умная и чудесная. У тебя самая лучшая мама на свете. Она заботится о тебе и любит, хоть и ни разу тебя не видела. Скоро мы с тобой познакомимся, скоро мы с тобой будем улыбаться наступающему дню, скоро мы закружимся в лихом танце среди ночи, чтобы найти сон. Скоро вместе будем петь песни, что небеса содрогнут-

ся и майский гром покажется лишь треском. Все это будет. А пока спи и набирайся сил. У тебя все впереди. У тебя будут первые шаги, первые шишки и первые друзья. Будут игрушки и ползунки. А пока пусть тебе будет тепло и скучно. Если тебе взгрустнется, протяни ножку и мы с тобой поздороваемся, мы пожелаем тебе доброго утра и долго будем с тобой разговаривать, называя тебя ласковыми именами. Мы пощекочем тебе пятки, и всем будет весело. Потом мы поцелуем тебя в головку, в которой уже сейчас живет любовь. Мы обогреем тебя своим дыханием и тебе станет снова спокойно и ты заснешь. Мы тебя подождем. Расти и не торопись. Наша любовь вечна. Мы всегда будем тебя любить, что бы ни случилось. Ты всегда останешься нашим маленьким сыночком даже тогда, когда твои внуки будут шептать такие же ласковые слова, которые мы говорим тебе сейчас. Ты всегда будешь желанной крошкой, родной кровиночкой.

–Атисьсь, Атисьсь, очнись, твою мать, соня, что оглох что-ли?– Цибуля тряс за руку Отца, заснувшего перед мерцающими мониторами в кресле, единственном в лаборатории, изготовленном специально для странника.

–Отлезь. Мне без тебя так хорошо было,– отмахнулся Отец и закрыл свои глаза.

–Ты не слышишь что-ли?– Цибуля не унимался.

–С установкой все нормально?– Щурясь спросил Отец.

–Все нормально.– Кивнул Цибуля.

–Тогда отстань от меня.

–Возле Патлаха обнаружено семь неизвестных объектов. Они снизили скорость и идут прямым ходом к нам.– Цибуля продолжал трясти Отца за руку.

–Ах, чтоб тебя...– Отец соскочил с кресла.– Конфедерация. Долго же они меня искали. Я думал, у меня будет меньше времени.

–Что они хотят?– Спросил Цибуля с неподдельной тревогой в голосе.

–А я почему знаю? Ты у них спросил?– Отец бросился к мониторам, на которых цватпахи в монтажных скафандрах монтировали контроллер гиперпространственного перехода.– Как отсюда зацепиться к вашей следящей аппаратуре?

–На какой вопрос ответить сначала?

–Не умничай, отвечай коротко и ясно. Ясно?– Рыкнул Отец.

Так, дело нечисто. Если они вздумают меня остановить, у меня мало шансов будет от них отделаться, думал Отец. У них еще несколько часов до приближения, еще пара тройка часов на снижение и посадку, потом установление контакта. Нет, чушь. Столько времени они не будут тратить. Они сразу подойдут к установке, а потом уже будут делать все остальное. Сволочи, не дают спокойно жить.

–Чего они хотят? Начнем с этого.– Цибуля уставился немигающими глазами на Отца.

–Меня забрать. Чего же еще? Вот, японский городской...– Прошипел Отец.– Быстро, садись в машину, поехали

к моему шлюпу.

–Зачем?– Засеменил за Отцом Цибуля.

–За сеном.– Рыкнул Отец и двинулся из лаборатории.– Из шлюпа будем за ним следить. Чего не ясно?

–А зачем ты им сдался?– Цибуля удивился, но продолжил следовать за Отцом.

–Они боятся пространственно-временных парадоксов. Не хотят, чтобы ваша установка заработала. Если они до нее доберутся раньше меня, я у вас тут надолго застряну. Тогда я вас тут всех спою. Так что в твоих интересах от меня быстро избавиться.

–Так...– Заскрипел Цибуля.– Меж двух огней, значит, мы.

–Не вы, а я. Вам то что? Они вам ничего не сделают. А мне по шее дадут. Рано вам еще со временем баловаться, Басмач прав был.

–А зачем ты тогда ее построил?

–Чтобы самому вернуться, а всю ответственность на вас повесить. Устроит такой ответ?– Сказал Отец и выбежал во внутренний дворик, где стояла машина.– Лезь быстро.

Цибуля забрался в машину и включил газ. Отец вспомнил, что его компьютер и базовый шлем находятся в лаборатории.

–Ты грей двигатель пока, я сейчас вернусь. Никуда не уходи, уши откушу.– Рыкнул Отец и скрылся в дверях серого здания. Он отправился к себе в комнату, где оставил свои

нехитрые пожитки. Компьютер с дисками базы, шлем, голо-проектор, который цватпахам ввиду недавних событий был не нужен, да антигравитатор. Остальное оборудование Отец уже давно не видал, да и не нужно оно ему было. Он сгреб в охапку компьютер, осмотрел свою комнату, в которой прожил много недель, в которой познакомился с Чумичкой и его коллегами, в которой была его циновка. Точно! Циновку с собой на память заберу, подумал Отец. Пингвины против не будут. Я им подарил много больше. Отец свернул свои железки в циновку, скрутил ее и на манер мешка взвалил себе на спину. В гостях хорошо, а дома пиво, подумал он и навсегда вышел из своей обители.

Машина рывком взяла с места и направилась над дорожкой, усыпанной рыжей хвоей к ангару со шлюпом.

—Они не агрессивные? Не устроят нам войну?— Забеспокоился Цибуля, крутя штурвал.

—Не бойся. Кто трусит, тот в конце фильма гибнет. Вам ничего не будет. Они меня снова заберут к себе, а вот тогда: прощай любимый город, увидимся не скоро. Запрут меня в конверте и привет. До конца дней буду там сидеть.

—Может нам не стоит тебе помогать? Чтобы конфликта межгалактического не вышло?— Цибуля криво посмотрел на Отца.

—Я тебе вот покажу сейчас. Не будем помогать.— Отец сунул под клюв Цибуле свой здоровый кулак.— Вздую, как Тузик грелку. Я говорю: вам нечего их опасаться. Если что на

меня все вали. Понял?

–Куда уж понятнее.

Машина остановилась возле ангара. Отец, не дожидаясь полной остановки, открыл дверь и быстрее ветра кинулся к шлюпу. Он также величаво стоял на своем постаменте, защищенный от сквозняка прозрачной пленкой. Провода и кабеля были смотаны в рулоны и лежали неподалеку.

–Цибуля, не хочешь, чтобы я в городке на шлюпе сел?– Спросил Отец.

Цватпах убедительно замотал головой, будто от того, как он трясет ей, зависела судьба его соотечественников.

–Тогда быстро мне провизии какой сооруди. Рыбы, там, еще чего. И топлива не забудь. Кто его знает, что предстоит впереди.

–Ты что? Собрался улететь уже?– Удивился Цибуля.

–Времени нет болтать, быстро за рыбой и спиртом. Я пока с нашими свяжусь, разведу.

Цибуля укатился из шлюпа, Отец остался один.

–Борт, включить радары.

Бортовая автоматика пришла в действие. Зашумели вентиляторы, вспыхнули цветные лампочки главной консоли панели управления. Немедленно в динамиках раздались позывные:

–Борт...– Последовал идентификационный номер.– Прошу выйти на связь.

–Борт, на связь не выходить.– Резко скомандовал Отец и

нагнулся над голографической картой.

На подходе к шестой планете системы в пространстве зависло семь кораблей. Это не были спасательные шлюпы. Один, видимо флагман, был самым большим и шел чуть спереда всех остальных. По бокам по трое, в порядке свиньи, следовали корабли поменьше, бортовая система идентификации определила их как пограничные катера. Боевой порядок скользил под плоскостью эклиптики системы, соблюдая правила системного пилотирования, принятые на всех цивилизованных мирах Конфедерации.

Отца бросило в пот. В динамиках звучали позывные с просьбой выйти на связь непрерывно. Цибуля появился также внезапно, как и исчез в этих каменных джунглях.

–Прогулялся?– Сквозь зубы поинтересовался Отец, однако хотел спросить, какого лешего он так долго и с пустыми руками.

–Я дал задание собрать тебе в дорогу. Коллеге.– Подумав, добавил Цибуля.

–Когда он будет?– Нервно спросил Отец.

Цибуля пожал плечами. Он отдал команду приготовить все срочно, однако индивидуальные особенности цватпахов отличаются от земных так же сильно, как блаженный от умалишенного.

В динамиках бортовой акустики прозвучали скрипучие интонации инопланетника, которые Отец не смог бы спутать ни с кем:

–Отец, если меня слышишь, ответь мне, бродяга.– В эфире был Декс.

–Ух ты, здорово, Большая Ящерица! Звездный Странник на связи. Какие лица и без намордников!!!– Поздоровался Отец.

–Ну наконец то!– Выдохнул с облегчением представитель веганской цивилизации.– Жив?

–Как открытая книга, как твое драгоценное? Тебе на Земле не сидится? Чего сюда пожаловал?– Спросил Отец.

–За тобой летим. Ох и дел ты натворил. Мы кое-как тебя вычислили.– Заскрипел в эфире голос веганской рептилии.

–А чего вы меня искали? Зачем я вам нужен? Я так понял, вы ко мне положительно отнеслись.– Спросил Отец и начал запуск автоматической проверки бортовых систем шлюпа.

–Как это тебя понять можно?– В голосе Декса звучало непонимание.

–Ну,– задумался Отец,– положили на меня.

–Не преувеличивай. Просто мы тебе дали небольшой отпуск, а ты уже и когти рвать. Добро на Луне покуражился, на Марс слетал, Бог с ним, на Плутоне пошалил. Но сюда-то за каким мясом тебе принесло?

–Здесь отменная рыбалка. Ты бы видел, что за рыба здесь. М-м-м, пальчики оближешь. Прилетишь, угощу. Только не торопись. Там пояс астероидов, будь аккуратнее.

–Постараюсь. Тебя как цватпахи приняли?– Декс был несколько встревожен.

–Сначала автоматами все бока отбили, а потом ничего. Рыбу мне ловят. Спирт у них из водорослей гонят.

–О, я гляжу, ты времени зря не теряешь. Ты в действиях не ограничен?– Спросил Декс.– Кстати, включи оптическое сопровождение, что мы так говорим, как пещерные люди?

–Не обижай цватпахов,– проскрипел Отец.– Они очень мнительные.

Цибуля, который находился за спиной у Отца за его креслом, треснул по затылку крылом пришельца. Отец, не оборачиваясь, вытянул из кулака средний палец, и помотал перед лицом цватпаха, чтобы тот навеки запомнил, что с Отцом так обращаться не следует.

–Они с тобой?– Спросил Декс.

–Только охрана и прислуга.– Отец прыснул в кулак, за что получил еще один подзатыльник.– Правда, они немного непослушные. Да ничего, если тебе интересно, я им каждый вечер устраиваю порку для острастки, чтобы не забывали кто здесь хозяин.

–Ты не меняешься.– Удовлетворенно проговорил Декс.– Рад тебя слышать. Когда ты улетел, здесь, вернее там, началась целая кампания по твоим поискам. Подняли все силы.

–Что, и федералы искали?– Засмеялся довольный Отец.

–И федералы, и друзья твои, и волонтеры, и андрониды.– Декс тоже заскрипел в микрофон.

–А как нашли?– Поинтересовался Отец.

–Спутник здешний, который мы за кольцом Койпера уста-

новили, сообщил нам.

Отец про себя удовлетворенно отметил, что Трибун, который непонятно какими силами жив еще, оказался умнее своих коллег по информационным технологиям и остался нераскрытым. Его безопасность не под угрозой, и вирус, который он пустил в базу, доставил несколько неприятных часов федералам. Ведь его путь через транспортные порталы остался вне поля зрения этих въедливых следопытов.

—Как так спутник?— Отец засмеялся.

—А вот так, спутник. Он начал передавать нам данные, что в систему цватпахов залетел небольшой метеорит, который стал вести себя странным образом. Он тормозил, менял траекторию, потом, наконец, с грехом пополам, рухнул на планету.

—Рухнул, это ты точно заметил.— Сказал Отец.— Меня чуть не сбили ракетами эти пингвины. Пришлось падать. Я себе нос на шлюпе задрал.

—Ладно, при встрече все расскажешь. Жди, сейчас прилетим.— Сказал Декс.

—Ты не торопись, мне тут нужно встречу вам организовать, мы же вас не ждали так скоро.— Утешил его Отец, а сам подумал. Стойте, где стоите, не мешайтесь.

Если они меня опередят, думал Отец, я не смогу от них улететь. Нужно их как-то задержать.

—Ты что делать собираешься?— Спросил Декс.

—Вас встречать, сейчас организую пресс-конференцию,

чай с рыбой, фуршет, кофе-брейк, все такое. Так что немного сбавьте скорость. Нужно подготовить цватпахов. Они боются вас.

–Ничего мы не боимся.– Шепнул в ухо Цибуля.– Пусть прилетают. Я уже отдал распоряжение и на их счет.

Отец отключил микрофон и резко развернулся к Цибуле:

–Как так? Или это ветер, я не понял, повтори.

–Когда ты улетишь, я так думаю, они с нами завяжут контакт. Вот мы их и примем. Тебе должно быть все равно. Ты же не собираешься у нас задерживаться?

Отец утвердительно замотал головой, мол, не собираюсь.

–Ну, так чего кипятишься? О тебе мы не забудем, лети себе в радость.– Сказал Цибуля.– Может, когда еще и увидимся.

Отец одобрительно кивнул. Ладно, Бог с вами, если меня здесь не будет, делайте что хотите, меня это не касается, только не мешайте мне убраться восвояси. А там хоть потоп.

–Ладно. Слушай, Цибуля, а почему вы мне не препятствуете с отлетом?– Спросил Отец удивленно.– Как-то не вяжется ваше гостеприимство с нежеланием меня оставить здесь?

–На это много причин. Во-первых, ты наш гость. Тебя мы не имеем права задерживать, коль ты для себя все решил. Во-вторых, ты не гражданин нашей земли. На тебя некоторые законы и предписания не распространяются. В-третьих, ты сам желаешь участвовать в рискованном эксперименте, на который мы в любом случае отправили кого-нибудь из цват-

пахов. Так что этот опыт нам обойдется малой кровью.— Пожал плечами Цибуля.

Да, подумал Отец, этот коллективный разум интересная штука. Для него жизнь одного цватпах не играет ровно никакой роли. Все в этом мире взаимозаменяемо. Ну и пусть, мне это на руку.

—А как же ваш кусок льда? Вы его не будете запускать?— Спросил Отец.

—После тебя, мы уверимся, что с ним ничего не случится, тогда его и отправим.

—Очень логичное заключение. Если со мной ничего не случится, значит, с куском льда тоже будет все в порядке. Все правильно.— Немного обиделся Отец.

Цватпах уверенно кивнул, довольный своей логикой и непобедимостью фактов.

Бортовая автоматика проверила свои системы, других серьезных поломок, кроме основного и вспомогательных гравикомпенсаторов не было. Нужно было теперь вручную проверить все системы, но Отец плюнул на это правило. Ситуация была сродни русской рулетке. Или пан или пропал. Если что-то будет неисправно в установке— по нему будут играть музыка, которую Отец не услышит. Если все обойдется, значит, он вернется к себе и все будет пучком.

—Где еда?— Недовольно спросил Отец.

Цибуля выглянул из шлюпа. На приступке стоял нерешительный цватпах с котомкой в крыльях. Он вертелся, словно

вошь на гребешке, не решаясь дать о себе знать.

–Здесь, вот она.– Цибуля кивнул в сторону нерешительного служки.

–Нет, я его есть не стану, очень он жирный,– замотал головой Отец.– У меня еще откроется несварение желудка.

–А ты не его ешь, а вон, то, что в сумке.– Засмеялся Цибуля.

–А, это другое дело. Пусть сюда все тащит.– Скомандовал Отец и вскочил с кресла.

Цибуля что-то пискнул. Цватпах кувырками взобрался в шлюп и поставил котомку с едой, от которой за версту несло рыбой, в сторону. Обе птицы поморщились от неприятного запаха.

–Ладно, пожиратели личинок, не воротите свои клювы. И марш отсюда оба.– Отец указал на выход.

Служка убежал, Цибуля лишь посторонился. Отец подошел к задраенному шкафу, за прозрачным стеклом которого висел тяжелый массивный монтажный скафандр. Надев его, Отец для себя отметил, что он потолстел. С кем поведешься, от того и заболеешь, подумал Отец. Не даром, муж и жена, прожившие много лет вместе, становятся похожими лицом друг на друга. Видимо, останься я здесь на пару тройку лет, я бы стал таким же жирным как и хозяева, да стал бы поедать эти водоросли с белыми червями.

–Ладно, друг сердечный, давай с тобой прощаться будем.– Сказал Отец.– Пути Господни неисповедимы. Будем живы,

может еще и увидимся. Кто его знает. Знаешь, друг, мне с тобой было хорошо. Ты— классный парень, хоть на нас и не похожий.

—Та же история, Атисьсь. Ты, если что, будешь рядом, заглядывай.— Проскрипел жалобно Цибуля.

Для Отца было откровением, что эти жирные трудолюбивые техноголики могут быть сентиментальными. У инопланетника тоже что-то квакнуло в груди. Это не было похоже на расставание с другом на Плутоне, однако и с Цибулей, к которому Отец успел уже привыкнуть, расставание не приносило облегчения.

—Ладно. Ты классный парень. Я тебя люблю, да, только, ну тебя к лешему. Все, целоваться не будем. Давай, беги, что есть силы отсюда. Мне сейчас будет не до тебя. Хотя,— Отец пристально глянул на цватпаха,— ежели ты хочешь, я тебя могу взять с собой. У нас там шикарный зоопарк есть.

—Пошел ты...— Чирикнул Цибуля и укатился с винтовой площадки прочь.

—Вот и попрощались.— Пробурчал себе под нос Отец.— Вот и ладушки.

Он надел шлем, проверил герметичность скафандра, и плюхнулся в кресло.

—Борт, задраить шлюп.— Скомандовал Отец и включил двигатели.

Бесшумно закрылся люк, на приборной панели загорелась индикация готовности шлюпа.

В носовой иллюминатор Отец видел, как цватпахи отодвигали в стороны прозрачную пленку, которая как палатка, служила защитой маленькому кораблику много месяцев. Отползла широкая дверь ангара, в помещение хлынул яркий свет. Отец осторожно потянул на себя штурвал, на это легкое движение боковые двигатели отозвались синим пламенем, шлюп медленно поднялся со своей платформы. Осторожный поворот руля и шлюп, зависнув в воздухе, повернулся вокруг своей оси, нацелив свой нос на открывшуюся дверь. В стороне, защищенный толстым стеклом, стоял Цибуля в окружении своих коллег и осторожно помахивал крылом.

—Давай, Цибуля,— Отец махнул ему рукой, в ответ на этот жест в воздух взметнулось несколько крыльев стоящих рядом инженеров.— Будьте здоровы, бояре.

Отец аккуратно надавил на себя штурвал и шлюп медленно двинулся к выходу. Бортовая автоматика, ни на миг не ослабляя контроля за ручным управлением машины, уменьшила подачу топлива в посадочные боковые двигатели, в ответ на это машина пригнулась к серым плитам ангара. Слишком высоко взял, подумал Отец и двинулся дальше. Метр, еще метр, еще два. Отец включил защитные светофильтры на носовом иллюминаторе, чтобы не щуриться в лучах солнца. Вот она Цватпа. Впереди необъятные зеленые леса, горный массив, который Отец собирался покорить, да все не было времени. Может в другой раз, ухмыльнулся про себя

Отец. Вот недалеко блестело ближнее холодное родниковое озеро, в котором Отец купался и из которого цватпахи ловили ему рыбу. Странная раса, думал Отец. Водоплавающие птицы и не едят рыбы. Он вспомнил все гримасы, которыми его награждали жирные пингвины, когда звездный странник поедал рыбу, обжаренную на растительном масле. Они не понимали, что можно жирную вкусную, ароматную личинку променять на кусок терпкого мяса, покрытого роговыми чешуйками, однако, снисходительно относились к чудачествам своего непрошеного гостя.

Отец взял чуть повыше. Шлюп полетел над научным городком, в котором Отец провел много приятных и неприятных минут. Он оглядел свою посудину. Нет, не забыл, с облегчением вздохнул Отец. Циновка, которую он захватил с собой в качестве сувенира, лежала на компьютере, небрежно скрывая его закругленные формы. Странник решил сделать круг почета над городком, хотя, быть может, это было не совсем оправдано, коль скоро приближался земной флот в надежде остановить его и не дать ему вернуться в прошлое. Будь что будет, подумал Отец и на бреющем полете, снизившись, медленно пролетел над низенькими серыми домами, пролетел парк с высокими лиственными деревьями, в котором он с малышкой устроил игрища, пролетел над альпийской горкой, чуть в стороне от которой была устроена декоративная лужа. Отец пролетел над своим зданием, в котором находился сначала в роли узника, затем в качестве гостя, а

позже распорядителя. На лужайки, залитые солнечным светом, вышли цватпахи. Они высоко подняли свои умные лица, прикрыв их от яркого солнечного цвета крылом, вторым они махали кружащему в небе Отцу.

Малыши, которым так полюбился неугомонный Атисьсь, высыпали на лужайки вслед за взрослыми и выписывали в воздухе немыслимые пируэты. Они кувыркались, делали фляги, двойные перевороты. Те, что были поменьше, просто валялись в пыли, нет-нет помахивая, с грустью в глазах, крыльями.

Отец махал маленьким цватпахам от души. Некоторые взбирались на своих родителей и жалобно, словно моля о помощи, протягивали свои маленькие черные, неспособные к полетам, крылышки. Отцу на глаза накатила слеза. О ком он будет грустить— о малышах, таких забавных и приветливых, таких беспечных и прямодушных. О них.

—Отец,— послышалось в динамике скафандра,— ты что удумал, куда ты собрался?

Декс вышел на связь. Они засекли мое движение, подумал Отец. Все, времени осталось совсем мало. Сейчас они пустятся за мной на всех парах.

—Я вас встречать лечу, погодите немного. Декс, отгадай, что такое ценный мех да тонна меди?— Спросил Отец. Нужно тянуть время, а если не получится, хотя бы усыпить бдительность.

—И что же?— В голосе Декса не было и тени интереса.

–Ты попробуй отгадать,– настаивал Отец.

–Не знаю, сдаюсь.– Проворчал Декс. Было слышно оживление рядом с микрофоном.

Такой финт со стороны Отца должен быть спрогнозирован. Они могли понимать, что если Отец пошел на крайности и каким-то неведомым образом с огромным риском для жизни оказался здесь, на Цватпе, в Богом забытом секторе, то он просто так им не сдастся. Он не скажет: «Здравствуйте, дорогие коллеги, я рад вас видеть и готов следовать с вами, куда бы вы меня ни позвали».

–Отгадай,– проворчал Отец.

–Остановись, что ты делаешь? У тебя горячего не хватит,– закричал в эфир Декс.

Отец включил изображение. На голографическом экране появился Декс во всей своей красе.

–Ух и выражение у тебя,– взмолился Отец.– Ну ладно, я тебе скажу. Это– духовой оркестр цватпахов.

–При чем здесь оркестр, Отец, ты не сможешь далеко улететь. Опомнись.– Заревел Декс.

–Оркестр, который вас будет встречать. Ты запеленговал, откуда я вылетел?– Участливо с хамской улыбкой спросил Отец.

–Да. Только ты остановись. Дождись на орбите, мы тебя подберем.

Декс утвердился в кресле, которое обняло его удивительную фигуру. Стебельки глаз, высоко поднятых над украшен-

ной жесткими пластинами голове, непрерывно шевелились. Начищенные роговые пластины блестели. Декс серьезно подготавливался к встрече с Отцом. За ящером суетились люди, одетые в служебные белые комбинезоны.

Отец посмотрел на голокарту, которая светилась здесь же. Флотилия прошла шестую планету Патлах и приближалась к пятой. Оставалось очень мало времени. С тех пор, как Отец обнаружил погоню, прошло чуть больше получаса, космическая эскадра прошла шестую планету и приближалась к пятой, остается еще пройти четвертую планету, пояс астероидов в расчет можно не брать, и вот она Цватпа. Значит, времени остается чуть менее часа или около того. Отец рванул на себя штурвал спасательного шлюпа, взревели двигатели и космический кораблик устремился прочь с этой уютной планеты, населенной жирными пингвинами— телепатами.

Небо внезапно почернело. Сгустилась темнота. Отец ослабил защитные фильтры. Активировав автопилот, странник направил машину прямым ходом к установке, сулящей ему освобождение. Вот она стала огромным шаром, окутанным синей пеленой кислородной атмосферы, кое-где покрытым нежными белыми облаками, Цватпа. Планета заметно уменьшалась на глазах. Отец смотрел одновременно на хронометр и на показатель высоты. Сто тысяч километров, пятнадцать минут полета. Отец добавил расход топлива, подаваемого в посадочные двигатели, которые работали сейчас в режиме пилотируемого полета. Включить маршевый двига-

тель сейчас Отец не решился. Горючего могло бы не хватить на торможение около станции и впоследствии на посадку уже на Земле. Приходилось тащиться на посадочных двигателях. Сто пятьдесят тысяч километров, восемнадцать минут полета.

Отца охватила дрожь. Симпатоадреналовая система открыла, вдруг, свои хляби и в кровь хлынул поток густого горького адреналина. Сердце учащенно забилося, зрачки сузились, руки задрожали. Только бы монтаж установки был завершен, подумал Отец, только бы цватпахи успели ее смонтировать. К этому времени они должны были бы что-нибудь сделать. Отец не мог связаться с инженерами установки, поскольку шлюп не был оборудован системами приема звукового или видеосигнала, принятого на Цватпе. Приходилось действовать вслепую. Выглядеть это будет очень странно. Здравствуйте, девки ..., я вам дядя. Скажет Отец, зайдя на станцию. Я тут мимо проходил... глупо, но другого выхода не было.

Вот уже и видна установка вдаль. Крошечные кольца габаритных огней станции кружили хоровод невдалеке от Цватпы. Сработала бортовая автоматика, тормозные двигатели развернулись в обратную сторону. Синие языки пламени стали лизать нос шлюпа. Время— двадцать три минуты. В лучшем случае у Отца оставалось полчаса, может чуть меньше, может чуть больше. Дело плохо. Можно не успеть.

Шлюп причалил к стыковочному модулю.

–Борт, сравнить воздух. Выхожу из машины.– Железным голосом скомандовал Отец.– Люк оставить открытым до моего прихода.

Борт зашумел, стравливая кислород в резервные баллоны. Люк отполз в сторону. Отец заметил, что искусственная гравитация постепенно уменьшается, голубое свечение защитного экрана ослабляет свою интенсивность. Странник взмыл со своего кресла. Болтая руками и ногами, цепляясь за спинки кресел и поручни, он направился к шлюзу станции. Включив ранцевый двигатель, прикрепленный к спине тяжелого монтажного скафандра, Отец выплыл из шлюпа. Его ждали. Наружная переборка шлюза была открыта. Отец залетел в шлюзовую камеру и принялся колотить по внутренней переборке своими огромными в перчатках кулаками.

Цватпахи ожидали его. Войдя в узкое пространство установки, которая являлась и орбитальной космической станцией одновременно, Отец снял надоевший шлем.

–Чем дышат космические скитальцы, безупречные воины и пионеры вселенной?– Поздоровался Отец.

Этих цватпахов он прежде не видел, зато космонавты были очень хорошо осведомлены об Отце.

–Наша дышат харашо,– закивал один из пионеров.

–Молодцы!– Крикнул он и похлопал по плечу птицу, от этого сам отлетел в сторону и ударился головой о какую-то мерцающую панель.– Доложить обстановку.

Цватпахи моргали, глядя на Отца и молча.

—Ясно, будем пытаться, не хотите сами говорить.— Рывкнул странник.

—Ни-и-и,— затрясли куцыми хвостами пингвины.— Наша делать.

Отец бросился со всех ног, насколько позволяла невесомость к схеме установки. Контрольная индикация свидетельствовала об окончании внешних монтажных работ. Осталось активировать систему, протестировать ее и объединить с контроллером гиперпространственного перехода. Какая малость. Времени остается чуть более пятнадцати минут.

Отец позвал цватпахов, которые в священном ужасе плавали в невесомости главной рубки под потолком. Наскоро объяснив, что ему от них нужно, присовокупляя жесты к уже сказанному, он убедил цватпахов, что в интересах их личной безопасности они должны сделать все немедленно, в противном случае их истерзанные тела и перья еще много столетий будут напоминать потомкам, пролетающим орбиту, об их трагической и бесполезной жертве. Испуганные пингвины бросились к терминалам компьютеров и застучали крохотными коготками по клавиатурам.

Дело продвигалось медленно, зато время бежало семимильными шагами. Ожидаемое время появления космического флота истекло. Эскадра должна находиться уже где-то совсем рядом. Установка цватпахов не была оснащена радаром, или еще не приведена в действие, поэтому Отец не пред-

ставлял, насколько он отстает от намеченного плана. Отец начал подумывать над способом умерщвления цватпахов, когда жирный пингвин отодвинулся от установки и прокричал:

–Кардината Зимли дай.

Отец чуть не подпрыгнул от удивления. В висках стучало, руки тряслись, мысли скакали галопом. Инопланетник продиктовал ряд цифр, заученных заранее. Цватпах отвернулся и застучал коготками по клавиатуре.

–А ты что сидишь? Быстро дуй на энергетическую установку, запускай питание.– Скомандовал Отец висевшему в пространстве рядом цватпаху.

–Но, Атисьсь, ана ключина.– Проскрипел он.

–Точно?– Рывкнул Отец. На сантименты уже не было времени.

Цватпах активно закивал головой, что Отец испугался за него, как бы не расшиб себе клюв.

Отец смотрел на активную схему установки: действительно, питание на основные узлы шло. Темпоральные характеристики полей, по настоянию Отца, на контроллере недавно привезенном на орбиту, были установлены заранее. За это Отец не переживал. Время шло. Казалось, что вот-вот скоро какой-нибудь федерал ворвется в рубку управления и схватит Отца за руку. Время один час и пять минут. В глазах плыли разноцветные круги. От нетерпения Отец заламывал руки, но ждал. Он знал по себе, если начать кого-нибудь под-

талкивать, заставляя его делать что-нибудь быстрее, получится обратный эффект. Достаточно того, что Отец в скверном расположении находится у цватпах за спиной. Время один час и семь минут. Тут цватпах развернулся и молча посмотрел на Отца. Странник все понял и лишь вопросительно кивнул. Цватпах ответил ему коротким кивком. Все. Отец, хватаясь за переборки и поручни, полетел в сторону основного шлюза на стыковочном модуле и лишь крикнул через плечо:

–Включай, твою мать. Бродяги жирные...

Он уже не слышал, что цватпах пропищал в ответ, что установка готова, и нужна лишь жертва. Тем временем жертва надела на голову шлем, повернул его, восстановив герметичность. Автоматика щелкнула, проверяя герметичность контура, и отсалютовала Отцу зеленым хитрым глазком.

Забравшись в шлюп, Отец восстановил защитное поле вокруг посуды, искусственную гравитацию и рухнул в кресло. На голографической карте были видны корабли Конфедерации в какой-нибудь паре тысяч километров.

–Отец,– кричал кто-то в микрофон.– Опомнись. Установка не испытана, ты что творишь, чучело ископаемое?

–Пошел ты...– Закричал в микрофон Отец и двинул шлюп к первому порталу установки.

Развернув шлюп, он стал медленно продвигаться к центру первого круга, образованного элементами портала.

–Отец, стой, дурак.– Кто-то кричал в микрофон.– Стой,

мы обещаем, тебя отправим в твоё время.

— Это я уже слышал однажды. Хватит. Ваши последние тридцать третьи китайские обещания. Довольно. Я сыт ими по горло.— Сказал Отец.

— Вернись, я тебе обещаю...— Прокричал кто-то в микрофон.

Впереди, в космическом пространстве висели огромные угловатые элементы первой ступени установки. Меж ними пробежала искра. Установка активировалась. Синие всполохи участились, заметались по образующим кольцо огромным блокам, затем слились в единую синюю пелену, скрывающую за собой все.

— Отец,— услышал странник голос Декса.— Слушай, ты, бешеный. Я тебе обещаю. Не делай глупостей, мы вернем тебя в твоё время. Мы собрали совет и решили тебя вернуть.

— Декс, это ты?— Спросил Отец и получив утвердительный ответ продолжал.— Ты не сможешь сосчитать сколько раз вы мне говорили, что вернете меня назад? Не можешь. И я не смогу. Потому что очень много. Я в базе нашел ответ. Вы меня никогда не отпустите.

— Совет уже дал добро на твоё возвращение. Тебе сотрем память и вернем, как будто ты и не покидал своё время.

— Вот на этом очень спасибо. Ещё не хватало, чтобы вы в моем мозге чинили свою революцию. Я составил очень много разных алгоритмов в базе, все хотел надеяться, что вы меня вернете. Все что я составил, все алгоритмы, всё мне гово-

рило, что меня вы не отпустите. Эти алгоритмы проколов не дают. С Рыжей у меня тоже ничего не получилось. В базе я нашел этому подтверждение.

–Слушай, Отец, с Рыжей мы смогли бы тоже найти общий язык... – Начал было Декс.

–Что?– Взревел Отец.– Рыжую? Сволочи, вот вы кто. Теперь мне ясно, что вы не собираетесь меня отпускать. Мозги мне промоете, чтобы я не смог от вас убежать. Нет, батенька, за дурачка меня держите? Пошли вы все к ... матери, в ... третью. Я уже начал, было, вам верить, а вы... Рыжую.

–Не ругайся.– Спокойно проговорил Декс.

–Слушай, ты же спец по ксенокультурам? Так чего ты ко мне пристаешь? Вон там внизу целая планета. Ты там много интересного для себя найдешь. Такой цивилизации в конфедерации нет и не будет никогда. Иди к ним. Чего ты ко мне привязался? С Инвизами у вас прокол получился, но на Цватпе у тебя все получится. Пожалуйста. Отстань от меня.

Синяя пелена первой ступени установки приобрела фиолетовый цвет. Все, подумал Отец. Пора. Он потянул легонько на себя штурвал, шлюп помчался быстрее к установке. Вдруг, вспыхнули огни флагмана. Он выплыл из черноты космоса и быстро приближался к спасательному шлюпу Отца. Флагман был великолепен. Он был так огромен, что Отец не смог даже приблизительно представить его размеры. Пограничные катера не были даже различимы, хоть и шли от флагмана в нескольких километрах. Все, подумал Отец, с

меня хватит треволнений.

–Нет.– Закричал кто-то в эфире.– Отец, стой полоумный!!!

Странник последний раз бросил свой усталый взгляд на уютную теплую Цватпу, на свое детище– установку, на флагман. Прощайте.

–Et ne nos inducas in tentationem. Sed libera nos a malo.– Произнес Отец и рванул, что было сил, на себя штурвал.

Лишенный основного и исправных вспомогательных гравикомпенсаторов, шлюп затрясся. Отца вдавило в кресло. Что закружилась голова и сдавило дыхание. Вот она, синяя пелена первой ступени установки.

Вспышка. Другая. Третья... Пятая... Чернота. Отец откинул штурвал. Чернота была непроницаемая. Он отключил светофильтры. На радаре исчезли и Цватпа, и солнце, и эскадра конфедерации. Исчезло все. Отец привстал со своего кресла и вгляделся в носовой иллюминатор. Ничего. Одна чернота. Ни звезд, ни пыли. Лишь слабый треск в эфире.

–Борт,– испуганно вполголоса спросил Отец.– Доложить обстановку.

–Борт не определяет своего местоположения. Внешних ориентиров нет. Радиоволн нет. Излучения нет.

Отец испугался. Что-то пошло не так. Где могла быть ошибка в расчетах? Может, его занесло в другое нерасчетное время, к примеру, задолго до Большого Взрыва? Или его занесло в другое положение в пространстве вдали от вселен-

ной? Может, он находится сейчас где-нибудь меж вселенными, куда и солнечный свет не успел долететь? В теории все было гладко. Он вспомнил свою теорию, которую разработал в глобальной базе данных, которая объясняла, что кратчайшее расстояние между двумя точками— не есть прямая линия. Если на листке бумаги поставить две точки и соединить их прямой линией— это будет кратчайшее расстояние, объяснимое в Евклидовой геометрии. В пространстве эту модель можно себе представить так: сложить лист бумаги так, чтобы точки соприкасались друг с другом. И соединить их еще одной точкой пространства. Это в теории. На практике практически невозможно искривить большой объем глобального пространства, значит нужно искривить пространство транспортного средства, которое и будет недостающим звеном между двух отдаленно расположенных точек. Установка изменяла саму сущность шлюпа, отправляя его в другое измерение, в гиперпространство. Теоретически гиперпространственный переход должен осуществляться мгновенно, однако в действительности этого не происходило. Получается, что Отец застрял в гиперпространстве? Отца бросило в холодный пот, он зажмурился от страха, представив себе мучительную смерть от нехватки воды и еды, от удушья и холода. В полном одиночестве. Один на один с самим собой.

И тут Отец чуть не заревел от боли. Его будто серпом ударили по глазам. Раздался оглушительный взрыв и яркая вспышка света. Оглушенный он еще некоторое время сидел

в своем кресле, боясь поднять глаза на носовой иллюминатор. Он протирал глаза тыльной поверхностью кисти. Глаза наполнились слезами. В ушах звенело, словно в голове бил набат. Черт знает что. Отец выключил светофильтры на носовом иллюминаторе, а теперь пожинал плоды своей рассеянности.

—Борт, включить светофильтры,— проревел Отец, по-прежнему ничего не видя.— Что же это такое, что со мной?

Носовой иллюминатор заволокло серой пеленой и в салоне стемнело. Мало-помалу Отец привыкал к новому освещению. Сначала он начал различать пальцы, которыми непрерывно тер глаза. Затем увидел мерцающие лампочки приборной панели. Затем рассмотрел и голографическую карту, на которой обозначилось светило с десятью планетами, вращающимися вокруг звезды. Третья планета от солнца была обозначена как Земля.

Земля!!! Это была Земля! Отец вскочил с кресла. Земля! Ее с детства знакомые очертания не спутать ни с одной планетой всех чертовых вселенных на свете. Вот две полярные шапки, в которые родная планета кутается, когда холодно. Вот Африка и Мадагаскар, предполагаемая родина всего человечества. Вот она Италия, словно изломанный в походах римский сапог, покрытый саваном облаков. Вон они, едва различимые с такой высоты, фьорды Норвегии, вот виден, будто голова дракона, Кольский полуостров, окруженный Белым морем. Вот она Русь. Вечная, израненная, изби-

тая, но не побежденная Родина. Вон видны родные Уральские горы. Нужно только напрячь зрение и они будут видны. Вон, едва заметная полоска— Урал. Здравствуй Земля! Здравствуй Русь! Здравствуй Родина! Сколько вам лет?

Глава 8.

Отец снял шлем и радостно воскликнул:

—Получилось! Вот же цватпахи. Вот же федералы не доделанные. Получилось! Вот уж не думал. Поздравляю себя.

Надежда— прекрасное чувство, она пришла в этот мир вслед за любовью, а уходит из него последней. Отец надеялся, что все получится, но тень сомнения всегда глодала его душу. Вдруг не получится, вдруг что-нибудь будет не так. Стоило ему появиться около родной планеты, он приказал бортовой автоматике определить положение шлюпа, Земли и планет Солнечной системы.

Земля движется вокруг солнца со скоростью один оборот за один год. Марс движется вокруг солнца за шесть сот восемьдесят семь суток, Юпитер почти за двенадцать лет, Уран за восемьдесят четыре года. Плутон делает полный оборот вокруг светила за двести сорок семь с небольшим лет, а Кваоар движется вокруг Солнца со скоростью двести восемьдесят восемь лет за один оборот. Учитывая все это,

зная положение планет в конкретный момент времени, можно достаточно точно рассчитать абсолютное время при темпоральных перемещениях.

Обработав полученные сведения в глобальной базе данных, Отец убедился, что расчетное и фактическое время отличались друг от друга на пару– тройку секунд. В этом случае погрешность не являлась критической. До момента аварии брата оставалось около двенадцати часов. Значит, Отец успеет сесть неподалеку от аварии и остановит машину. Аварии не случится. Завтра будет суббота, можно предположить, что они смогут весело провести время. Решено. Приземляемся.

Отец активировал оптическую систему наблюдения над планетой. Увеличив отрезок дороги, проходящей через Кичигинский бор, где должен был скоро разбиться брат, Отец дал команду автопилоту снизиться в сотне метров среди кустов и сосен от места будущей аварии. Топливо подходило к концу, но на посадку хватит. Шлюп начал снижение. Над Кичигино смеркалось. Осенние сумерки, сдобренные вечерним туманом и черными тучами, скрывали посадку звездного скитальца. Отца маскировка тревожила в очень незначительной степени. Его мало волновало, увидит его посадку много народа или не увидит никто. Главное– это брат. Его нужно спасти. Времени предостаточно.

Шлюп плавно вошел в атмосферу, его стала волновать атмосферная турбулентность, на которую израненная посуди-

на отзывалась мелкой дрожью, однако держалась. Свое дело сделало и защитное поле, не дав машине сильно трястись. Шлюп аккуратно сел меж сосен в полтора ста метрах от дороги, едва поцарапав тормозными двигателями стройные стволы высоких деревьев. Сквозь длинные ряды сосен проглядывалась трасса. В это время суток движение по дороге не было оживленным, однако нет-нет, сверкая фарами, проносилась легковушка или, фырча, медленно полз по ней трактор. Дорога на этом участке не была освещена. Сквозь промозглую серость осеннего вечера полотно трассы выглядело черной лентой, скупающей во тьме.

Отец выскочил из шлюпа. Родина! Земля! Как давно мы не виделись, как давно я не дышал твоим пряным воздухом, способным излечить любой душевный недуг. Это ли не ностальгия? Это ли не праздник, который всегда с тобой? Отца охватила дрожь от холодной сырости вечернего леса. Ветра не было, однако холодные осенние лесные испарения заставили зубы Отца придти в движение, отбивая мерный быстрый ритм. Отец от холода схватился за бока и стал подскакивать на месте. Бог мой, какой я стал жирный, подумал Отец, ощупывая себя. Широкие шорты и короткая майка из грубого волокна, которые сшили страннику цватпахи, ничуть не согревали изнеженное в лучах теплого далекого солнца тело скитальца. Босые ноги мерзли так, что хотелось их откусить и выбросить. Холодная липкая роса пристала к щиколоткам и бедрам, от этого становилось еще холоднее. Отец

прыгал меж деревьев, подгибая под себя то одну то другую ногу, он тер себя по бокам, дул в кулаки, матерился, на чем стоит свет. Ему было хорошо. Очень много ему пришлось пережить и пройти, чтобы вернуться к себе домой, на свою старую любимую Землю, в свой тихий двадцать первый век. Его грело это отрадное ощущение дома, даже этот холод и грубая одежда были для него отрадой. Он снова был дома.

Отец подумал, что он уже позабыл, какую тему они проходили в институте. Еще сегодня, по текущему времени он был в институте, и уже больше года собственного времени он отсутствовал. Но это все ерунда, утешал себя Отец, все образуется. Вспомнить недолго. С тех пор как наши предки придумали письменность, обучение перестало быть особенной проблемой. Главное— он дома.

Отец вышел к дороге. Его уже трясло, будто он съел змею. Вдоль края леса дул ветерок, который показался Отцу вьюгой. Он припал к асфальту и глубоко вдохнул этот воздух, которым дышит путь. Он пахнет странствиями и приключениями, надеждой и разочарованием. Он пахнет сданной сессией, и бессонными ночами. Этот воздух пахнет истертыми шинами и пролитым машинным маслом. Когда Отец уже не мог терпеть этот собачий холод, он бросился к шлюпу и в две секунды забрался в свой скафандр, который тут же согрел его. Разгуливать в тяжелом монтажном скафандре не может быть и речи, да и объяснять каждому встречному, почему у него такой наряд не хотелось.

–Борт, у меня такой разговор. Когда появится мой брат на дороге, это произойдет чуть более чем через десять часов, ты должен включить все твои детекторы. Все, понимаешь? Темпоральные, магнитные, гравитационные, все...– Начал, было, Отец, но был прерван бортовым сухим баритоном.

–Борт не оборудован темпоральными фиксирующими устройствами.– Сухо доложил автомат.

–Мне плевать, что у тебя есть, понимаешь? У меня нет вообще ничего, поэтому кроме твоих приборов мне никто и ничто не поможет. Короче, дело к ночи, включаешь все свое следящее оборудование и фиксируешь до тех пор, пока я тебе не прикажу отключиться. Ясно? Батареи хватит тебе?– Спросил Отец, нежась в тепле скафандра.

–Ясно,– ответил борт сразу на дюжину вопросов Отца.

–Коли ясно, тогда исполняй.– Изрек Отец.

Странник оставил входной люк открытым, чтобы насладиться вечерней осеней прохладой, запахом Родины и дома. В лесу застрекотала сорока, где-то вдали закуковала кукушка. Странно, подумал Отец, уже поздно для кукушки, чего она раскричалась? Мимо, урча, неслись машины по трассе. Отец сидел на краю шлюпа, свесив за борт ноги, закованные в прочные космические латы, и думал. Когда скиталец приехал сюда с Леликом, он проходил где-то здесь, потому что после осмотра машины немедленно углубился в лес. Шлюпа здесь не было, он бы бросился в глаза, значит, нужно шлюп отсюда убрать. Этим можно заняться позже. Прикрыть его

ветками, засыпать мхом, что-нибудь такое. Сейчас Отец, тот который еще не улетал в будущее, спит себе тихонько в об-
щаге и ему снится всякая дребедень. Завтра поутру он с Ле-
ликом объявится в лесу. Нельзя допустить такой встречи,
чем это может закончиться— неизвестно. Поскольку Отец не
встретил здесь себя самого, значит второй Отец, перенесший
тяготы темпорального перемещения и странствия по гипер-
пространству, должен отсюда исчезнуть, и он исчезнет. Отец
выйдет на трассу за несколько десятков метров до аварии,
остановит машину с братом, и они вместе доберутся до горо-
да. Лелик уедет домой, не дождавшись первого Отца, второй
же вернется на стареньком Форде. Потом жизнь вернется в
свое русло. Осталось немного времени, и все загадки решат-
ся сами собой. Ура, подумал Отец.

Он ужасно соскучился по своему брату. Он, как Alter Ego,
как частичка души, как неотъемлемая часть прошлого и как
опора в будущем, его однояйцевый близнец. Без него очень
тяжело. Отец привык, что они с первой минуты рождения
были рядом. Они были как два глаза, работающих в конвер-
генции, как два уха, воспринимающих стерео, как пара ног,
не будь одной из них— не было бы и пути. Дэн, ничего, скоро
я избавлю тебя от старухи с косой. Мы снова будем вместе.

Как здорово оказаться дома, думал Отец, сидя на порошке
спасательного шлюпа, после долгого отсутствия, все кажется
особенно дорогим и близким. Эти сосны, их я сроду ни-
когда не видал, а сейчас они мне дороже всех хвойных ку-

стов Цватпы, эти опавшие листья осины, которая растет вперемешку с соснами, уже почерневшие от осенней сырости и холода, значат больше, чем такие же листья, только через несколько сотен лет. Этот душистый воздух с едва уловимым запахом битума и бензина роднее чистого воздуха, которым он дышал на Армстронге или на Марсе. Там не было запахов ни бензина, ни машинного масла, ни жженой солянки, которую разбрасывают нечистоплотные трактора. И нет любви.

А здесь воздух такой нежный и шелковистый, кажется им невозможно надышаться и нельзя сказать: хватить, теперь можно и на Марс. Скоро здесь будет брат, и будет еще лучше, ведь не зря же провидение подарило этому миру двух людей сразу, двух братьев, выросших из одной крохотной клеточки. В этом есть какой-то смысл, и никто не вправе разрушать великое таинство Всевышнего просто так, просто потому, что так захотелось вдруг.

–Борт, сколько времени?– Спросил через плечо Отец.

–До контрольной точки осталось восемь часов ... минут.–

Сухо ответил баритон.

–Ни чего себе,– удивился Отец.– Это ты моего брата называешь контрольной точкой?

Борт игнорировал его замечания. Заложенные поведенческие имитации в спасательном шлюпе не были такими гибкими, как у модератора виртуального пространства. Отцу, в общем, на это было наплевать. Он и не собирался заводить себе друга– летающую консервную банку, которая, к тому же

приписана к Марсианскому летному отряду через несколько веков вперед.

—Ладно, займемся маскировкой.— Подумал Отец.

Стемнело. Скрипучие высокие сосны затихли, отходя ко сну. Отец метался меж деревьев, собирая опавшие лапы сосен и сухие ветки. Он сносил все к шлюпу и набрасывал на него. Работать в скафандре было нелегко. Шлем Отец оставил в шлюпе, дышалось свободно, однако тяжелый монтажный скафандр забирал последние силы. Отцу спать не хотелось. Он очнулся ото сна всего несколько часов назад относительного времени, а посему был бодр и счастлив. Дело продвигалось медленно, однако если долго мучиться— что-нибудь получится. Мало помалу Отец набросил достаточно сухих веток на шлюп, чтобы его можно было принять за очень большой шалаш.

Ладно, подумал Отец, на первый раз хватит, если что, утром еще накидаю. Странник направился к шлюпу. Оставалось еще около шести часов до встречи с братом. Понемногу осенняя чернь тускнела, небо уже не было таким черным как ночью. Приближалось утро. Холод еще крепче обнял осенний лес. Капельки росы выступили на павшей хвое, утренний туман навис над сущим, скрывая детали пробуждения. Нет-нет стали слышны несмелые пiski лесных пичуг, лес потрескивал своими сучьями. Небо на востоке посветлело. Отец оставил не заваленным лишь вход в шлюп, а посему мог свободно в него забраться и предаваться мыслям.

Он вспомнил тот давний разговор с Басмачом в далеком будущем. Виртуальный друг рассказывал, что было обнаружено два незаконных темпоральных перемещения. Первый— когда цватпахи устроили свой эксперимент с новой своей установкой. Отец их даже начал подозревать, что это они утащили брата. Но, на нет и суда нет. Второе темпоральное возмущение— это когда он сам вернулся с этой же установки в свое время. Удивительно устроены законы времени. Ведь если бы у Отца было больше времени на Цватпе, он, прежде чем самому пуститься в рискованное путешествие во времени, испытал бы установку. Значит, испытание— было бы вторым возмущением времени, а, следовательно, Отец никогда не смог бы вернуться назад в прошлое. Может быть федералам нужно сказать спасибо, что они внезапно появились и заставили Отца, рискуя всем, броситься в неизведанное приключение на еще не изученной установке. Быть может, если бы не они, Отец никогда не смог бы вернуться к себе на Родину. Кто его знает, что Отец оставил там, в далеком будущем, на Цватпе? Быть может, установка взорвалась и уничтожила вслед за собой и планету? Будем надеяться, что нет. Отец поправил эту ошибку.

Установка, которую собрали цватпахи в первом исполнении, забросила кусок льда в гиперпространство, захватив часть его самого, что и повлекло за собой взрыв в ста пятидесяти тысячах километров от планеты. Третий закон Ньютона объяснял это. Сила действия равна силе противодей-

ствия. Если цватпахи отправили кусок льда весом около тонны, они, дабы соблюсти равновесие меж мирами, обязаны были принять в наше пространство частичку измерения по ту сторону нашего мироощущения. Может, в этом самом гиперпространстве тоже был взрыв, вызванный куском замерзшей воды? Может, там кто-то пострадал? Будем надеяться, нет. Вероятность попадания куска льда из нашего мира в мир, населенный живыми существами другого пространства— ничтожна. Отец в своей модификации установки обошел нежелательные последствия следующим образом. В нашем пространстве он создавал резерв пространства для другого измерения. Пока тело из нашего мира будет находиться в гиперпространстве, часть чужого пространства будет находиться в резервуаре, защищенном защитным полем от нашего пространства. Как только тело, пущенное установкой, покинет другой мир, кусок чужого пространства вернется к себе. Теоретически никакого взрыва в нашем мире быть не могло. Кто его знает, как это получилось *In vivo*? Наверное, Отцу это уже никогда не узнать. Сам он не превратился в пыль в гиперпространстве, поскольку шлюп оборудован защитным полем. В его случае это сработало, а, значит, *Vivat Pater*. Интересно только, почему он задержался в гиперпространстве? В теории перемещение должно быть мгновенным. Он не должен был заметить гиперпространственный переход, почему же случилось иначе? Ведь он несколько минут, наполненных диким ужасом, провел в другом простран-

стве. Наверное, когда-нибудь этому найдут объяснение. А если Отец не узнает ответ на этот вопрос немедля, он все-таки сможет прожить еще долгую жизнь.

Время тянулось, как ириска, солнце уже лениво показало этому миру свой бок, и увидав такое бесстыдство, небо покраснело. Ночные тучи, скрывавшие от взора далекие звезды, понемногу рассеивались, обнажив рваные куски синего неба. Задул первый ветерок, шевеля еще не успевшую отвалиться желтую листву одиноких осин. Величавые сосны, будто не замечая происходящих перемен, лениво перешептывались в вышине. Запели птицы, заставляя пробудиться ото сна живых. Когда проходит ночь, на душу спускается грусть. Неясное томление в груди шевелит тонкие ниточки былых надежд. Как будто прошла жизнь, как будто не будет больше в мире ничего хорошего, будто праздник, который только что был всюду, грубо оборвался и никогда не наступит вновь. А всего-то закончилась ночь.

Отец вскакивал со своего уступка на порожке шлюпа и расхаживал по лесу. Он снова спустился к дороге, одинокой в этот час. Подошел к сосне, которая в далеком его прошлом остановила машину брата. Сейчас вокруг нее не было стеклянной крошки, на было разбитой машины и вывернутых колес, не было разбросанной аварией щепкой коры. Может, это никогда и не произойдет, если план Отца сработает? Может, получится остановить судьбу? А почему, собственно говоря, не получится? Что с Отцом не так. Слишком много он пере-

жил, чтобы этого не произошло. Отец все сделает правильно, судьба останется довольна, Отец предотвратил гибель великого плана, начертанного фатумом.

Приближалось время «Ч». Оставалось около получаса до появления брата. Солнце уже высоко взошло. Движение на трассе участилось. Была суббота, которая заставляла колхозников отправляться из теплых домов кого в поле, кого в сельпо за водкой, а кого и в город за покупками.

Отец разделся в своем шлюпе до куцых шорт с рубашкой. Теплый тяжелый скафандр он забросил в дальний угол шлюпа, где находилась циновка с компьютером. Циновка. Отец забрал ее с собой, завернулся, как мог, чтобы осенняя дрожь не так сильно тревожила его.

–Борт, включить следящую аппаратуру,– скомандовал Отец.– Если что-то не включишь, а я замечу, разберу тебя на лом, чтобы наделать расчесок, понял?

–Следящая аппаратура включена.– С грустью в голосе доложила бортовая автоматика.

–Сколько времени?– Спросил Отец.

–До контрольной точки осталось двадцать минут.

Все, пора, подумал Отец, и, завернувшись потуже в грубую циновку, отправился к дороге. Отойдя на тридцать метров от сосны, Отец уселся на придорожный камень. Пролетающие мимо машины иногда притормаживали около него, чтобы посмотреть на бомжа, которому так холодно этим осенним утром. Отец иногда показывал нескромные жесты

или поворачивался седалищными буграми к особенно любопытным. Но вскоре ему это наскучило и он принялся созерцать природу.

В небе пронеслась стайка воробьев, гонимых прохладой и голодом. Они, весело чирикнув, скрылись в кроне осины, стоящей возле дороги. Невдалеке паслись гуси, важно переходя вброд ручеек, вытекавший из леса. Это, видимо, тот ручеек, который завтра в лесу буду переходить и я, подумал Отец. Интересно, что это было, галлюцинация или нет? В этом лесу я встретил мужика, который был сильно похож на Дэна, а, может, это мне привиделось, когда меня забрали в будущее? Странно. Кроме меня здесь никого нет. До ближайшей деревни— километров семь-восемь, может больше. Вероятно, кто-нибудь из грибников забрел в лес этим утром, а я принял его за брата?

Отец вскочил с камня. На пригорке, в нескольких сотнях метров, из-за поворота появилась серая машина. Она приближалась. Серый старый фورد. Отец выждал еще несколько секунд. Это машина брата, в этом уже не может быть никаких сомнений. Вот уже и различим силуэт родного негодяя. 528 ВАМ значилось на номере. Это брат! Дэн! Бродяга! Отец бросился наперерез к машине и, как ветряная мельница, замахал руками.

—Стой, Дэн, стой, твою мать.— Отец кричал что было сил. Он рад был видеть брата.

В машине он был один. Аленки не было. Точно так и есть,

как это было определено алгоритмами в глобальной базе. Аленка не покидала родной город этим утром. А вот Дэн, он— вот он.

—Стой, куда несешься,— пуще прежнего замахал руками Отец.

Дэн, проехал мимо, чуть отклонившись от Отца, словно от чумы, махнул на него рукой, что-то прокричал, жестикулируя. Поскольку жестикуляция, которой он сопровождал свою речь, не была двусмысленной, Отец заключил, что брат использовал в своей речи ненормативную лексику. Машина, чуть вильнув в сторону, пронеслась мимо Отца.

—Что же ты делаешь, ублюдок,— прокричал Отец.

Но не успел он это произнести, как ослепительная вспышка полыхнула в машине. Не было ни взрыва, ни толчка или раската. Только ослепительный яркий свет заполнил машину, казалось, что включили софиты и театральные юпитеры в крохотной кабине маленького форда и все утонуло в божественном ярком свете. Свет исчез так же внезапно, как и вспыхнул. Машины на всем ходу сошла с трассы и с грохотом врезалась в сосну.

Отец бросился к машине. Бежать было недалеко. Он забыл про ночь, полную тревог и постройки шалаша вокруг шлюпа, он позабыл про утренний холод, про ноги, которые успел поранить о камни возле обочины. Отец несся к брату. Эту картину он видел. Сосна, вокруг которой сложилась машина. Разбитые стекла, колеса, вывернутые наружу, баран-

ка отлетела куда-то в сторону. Брата нигде не было. Не было видно ни кровинки, ни волосинки, будто брата никогда и не было в этой машине.

Отец опустился возле разбитой машины. Что же это такое получается? Брат куда-то девался. Цватпахи здесь ни при чем, звери из будущего, что завтра заберут его, тоже ни при чем. Куда же тогда делся брат. Взрыва не было. Тут что-то другое. Отец закрыл лицо руками. План рухнул. Нужно было, наверное, забежать больше вперед, чтобы попытаться остановить машину. Нужно было натаскать на трассу кучу камней или перегородить путь дубиной, чтобы он не смог проехать. Но теперь все в прошлом. Ах, если бы можно было вернуть снова в прошлое, пусть не надолго. Он бы смог. Но почему он не остановился? Наверное, он меня не узнал, с горечью подумал Отец. Почему он меня не узнал? Неужели я так сильно изменился за истекший год? Наверное, все дело в моем рубище.

Отец не брился несколько прошедших дней, но неужели щетина так смогла преобразить его, что родной брат, который видел его и в более худшем виде, не смог узнать его? Что за чушь. Может, все дело в утреннем тумане? А, быть может, Дэн просто не ожидал здесь, в Кичигинском бору встретить единокровного брата, вдали от родины и далеко от института? Все может быть, все может стать. Отец поднялся с земли. Дворники молотили по остаткам стекла. Тук-тук-тук. Это чертово тук-тук-тук. Отец помнил. Как все это бы-

ло. Еще сутки машина будет обнимать своим искореженным боком сосну и дворники будут молотить, отбивая свой печальный такт.

Возле обочины остановилась легковушка, из которой вышел респектабельный мужик с золотыми часами на запястьях и в солнцезащитных очках с золотой оправой. Он недоверчиво посмотрел на Отца, будто оценивая его и не веря, что у бомжа может быть такая машина.

—Эй, ты,— с брезгливостью в голосе прокричал он,— с тобой все в порядке?

—Пошел ты на ..., козел ...— Крикнул в ответ ему Отец.

—Ты кого козлом назвал, ты, ... кошачья.— Закричал мужик в негодовании.

Отец его уже не слышал, он развернулся и пошел в лес, где его ждал шлюп и блаженное тепло монтажного скафандра.

—Ты, ..., идиот, я тебя, козел, достану из-под земли...—

Продолжал распалиться мужик.

Возле обочины останавливались машины. Несколько любопытных водителей покинули свои авто и приблизились к старому разбитому Форду, осматривая его и вслух рассуждая, как же его угораздило так распластаться. Вокруг сосны собралось уже десятка два народа, когда Отец углубился в чащу.

Он определил по куче нанесенного ночью хвороста, где находится шлюп. Сейчас мы посмотрим, что за энергии тут бушевали, подумал Отец. Хорошо, что я сообразил вклю-

читать слежение за братом, может, сейчас что-нибудь прояснится. Он уже подходил к шлюпу, как что-то хлопнуло. Шлюп исчез прямо на глазах, будто его здесь никогда и не было. Ни вспышки, ни грома, только ответная воздушная волна известила окрест, что шлюпа больше нет. Она несла Отца к месту, где только что стояла машина. Отец увертывался от сосен, проплывавших мимо, но сила волны была очень велика. Он ударился головой о камень и потерял сознание. Сверху на него посыпались ветки, которыми был укрыт шлюп.

–Вон смотри, солдаты приехали, сейчас в армию забирать станут.– Причитала соседка.

Отец открыл от удивления рот, и ложка ароматного борща, удобренного деревенской сметаной, очутилась у него во рту. Челюсти заработали, обрабатывая и без того разваренное мясо и мелкие ломтики картошки.

–А автомат дадут?– Спросил он.

–И автомат дадут, и посмотрят, что мы с тобой суп съели. Ешь хорошо. Вон смотри, командир в тот дом зашел, смотри, кого в армию забрать.– Заговорила тетя Валя.

Еще ложка борща обдала сосочки языка своим душистым мясным ароматом. Отец вытаращил свои огромные голубые глазенки, ища взглядом и душою грозного командира, следящего, чтобы все дети ели суп. Тетя Валя накрошила полную миску белого хлебного мякиша, чтобы было вкуснее.

–Смотри, сейчас Витька Лисин в дверь стучать будет. Ух,

этот Витька. Третьего дня он стучал в дверь, чуть не сломал, не берет его душу Бог. Всю ночь спать не давал. Сейчас и к нам стучать станет, давай, скорее ешь, не то уведет наш суп.

Отец не поверил бы, не убедись он сам, что на свете есть такое вероломство, как Лисин Витька. Он стучал ко всем соседям в двери, отнимая у соседей суп. Он даже громко кричал и ругался, если ему не открывали дверь. Лисин всю дорогу голодный и злой.

—Вот Витька сейчас ходит в аптеку, поправиться и будет стучать.— Говорила тетя Валя, накладывая в рот очередную ложку борща со сметаной и мякишем.— От всегда такой, только пива выпьет.

Где-то что-то упало в доме, и гулкий стук разнесся по подъезду.

—Идет. Витька сейчас станет у нас суп забирать. Ешь скорее, мой хороший. Мы не дадим ему. Скажем, уходи, Витька Лисин, нет у нас больше супа, мы все съели. Вот так и скажем. Супостат. Вечер, с друзьями напились, так чуть душу не вытряхнули из меня. Так колотили в дверь,— тихонько проговорила тетя Валя.

—А зачем,— Отец от удивления открыл рот.

—А вот за тем и стучал, закусить ему хотелось, а я тебе, видишь, супика схоронила, ешь, давай, вот так. Вот так. А вон смотри, тетка с дядькой в окно заглядывают, тоже сейчас к нам постучаться, скажут, мы супика хотим. А мы им тоже не дадим. Уж ежели от Витьки Лисина ночью отбились, так

вам и подавно ничего не перепадет. Вот так.— Говорила тетя Валя и накладывала в рот борща.

Отец ел и удивлялся, как много в мире голодных людей. Что Витька Лисин, который, как стемнеет, стучится в дверь, что тетка с дядькой, заглядывающие в окно, справится, нет ли в доме супа. А есть хотелось и без того. Очень бурный день сегодня выдался. Мама ушла на работу, оставила малыша на попечение соседке тете Вале, уж она-то не оставит сорванца голодным. Брат остался у бабушки на ночевку, а маленький Сашка Яшин решил провести этот день дома. В животе урчало. Он хотел есть, а тут еще и солдаты с автоматами, ходили и смотрели, кабы кто не забыл съесть свой суп. А тут еще и машина приехала во двор, чтобы забрать мусор из больших красных контейнеров, как тут от удивления не открыть рот.

—Вон, смотри, сейчас уедет, и мы посмотрим, когда Витька Лисин вернется.— Ткнула в окно на большой грузовик толстым пальцем тетя Валя.

С тетей Валей мир становился интереснее. Она знала все. Она знала, что этот мужик со своей женой, что мельком бросили взгляд на его окно, хотят есть. Ей было ведомо, что небольшой тентованный грузовик, которой всегда в это время стоит под окном, привез солдат проверять детские аппетиты. Она знала, что Витька Лисин очень голоден и ему не дает покоя мысль, что Санька ест ароматный соседский борщ. Она рассказала, что проходящая мимо старуха уже стащила

у какого-нибудь раззявы суп и несет его своим деткам.

Маленький Санька ел и ел свой борщ, которой ловко подкладывала тетя Валя в рот, стоило ему было моргнуть, и ему было почему-то холодно. У него ныла спина и руки. Почему? Может потому, что он неподвижно сидит на стуле? Нет. Он вообще лежит. А почему так холодно? Ведь он надел на ноги теплые шерстяные носки, которые сначала кололись, а потом, вдруг, стали бархатистыми. Нет. Ноги-то голые. Он лежит без носков. А почему так хочется есть? Он кушает суп, а голод становится все пуще. А потому, что он не ел уже много дней подряд. Тогда почему у него так ломит затылок и почему на лице хворост?

Отец открыл глаза. Голова раскальвалась от боли. Хворост, который присыпал его, кололся, он драл щеку и веки. Заледенелые руки и ноги едва слушались его. Это была очень счастливая случайность, что его присыпало ветками, когда он ударился головой о камень. В противном случае он отморозил бы себе все конечности.

Отец разгреб хворост и пожухлые листья и вылез на воздух. Сколько он тут пролежал? Кто его знает. В лесу холодно. Он потер замерзшие руки и стал дуть в зябкие ладошки, которые сложил лодочкой. Затем он сел наземь и стал растирать окоченевшие стопы. Что же получается? Брат снова исчез, спасти его не удалось, шлюп исчез, это совсем непонятно. Там осталась еда, которую ему принес робкий цватпах еще на уютной и теплой Цватпе. Отец так и не притронул-

ся к рыбе, заботливо приготовленной специально для него. Странник встал и обошел лесок в поисках своей циновки. Найдя ее, он стал кутаться в нее, ища в грубой ткани хоть малую толику тепла.

Ладно, подумал он, брата уже здесь нет. Измерения все вместе со шляпом исчезли. Пропал компьютер с базой. Прочитать вероятности невозможно. Сделать для брата сейчас он ничего не может. Остается единственное решение. Нужно самому выбираться из леса. Там внизу трасса, можно будет попытаться остановить какую-нибудь машину и добраться до общаги, где можно будет поесть, согреться и переодеться. Отец отправился к дороге. Не успел он подойти к краю бора, как остановился. Около машины брата, уже огороженной лентами гаишников, стояла машина Лелика. Приглядевшись из-за ствола сосны Отец увидел себя. Себя! Очень странное ощущение смотреть на себя со стороны. Отец осматривал машину брата, за ним, точно хвостик, следовал Лелик и печально тряс головой. Отец, тот который прятался в рубище за сосной, затаил дыхание, не смея ни на миг отвести взгляд от Отца, который был на год младше и которому предстоит вскоре пуститься во все тяжкие. Тот Отец, который только что приехал с Леликом, словно подстреленный, кинулся в лес. Старший Отец бросился от него наутек, стараясь меньше шуметь и не привлекать к себе внимания. Это ему удалось. В висках застучало от стремительного бега. Он бежал так, как будто на него смотрят все известные цивили-

лизованные миры Конфедерации, он уже и забыл про шишку на затылке, которая ныла не переставая, забыл об обледенелых руках и ногах. Второй, младший Отец бродил где-то неподалеку. Старший Отец остановился и, переводя дух, стал думать. Получается, что сегодня воскресенье, что он почти сутки пролежал на холоде, заваленный валежником, видимо сильно он трахнул головой о камень. Чтобы разрешить свои сомнения он потрогал огромную шишку на затылке. На пальцах остались следы крови. Сильно! Следующий шаг. Лелик остался один. Значит, только второго Отца заберут в будущее, нужно будет спуститься к месту аварии и с Леликом уехать в город. Так будет лучше всего. Что-нибудь ему наврать, чтобы он меньше задавал вопросов и уехать, наконец, к теплу и ужину. Решено. Нужно аккуратно выбраться из леса, чтобы не столкнуться с самим собой. Это было бы лишним. Отец, озираясь и пошатываясь, начал свое отступление. Но не успел он сделать и несколько шагов, как услышал:

–Дэн, сучий хвост, стой, гад.– Это кричал тот Отец, у которого впереди были еще Рыжая, Марс, Плутон и Цватпа.

Старший Отец бросился наутек, он старался как можно дальше уйти от себя самого. Это не частый случай, когда просто быстрыми движениями ног можно уйти от себя самого и от проблем, что всегда носишь с собой.

Вроде оторвался, подумал Отец и присел. Он пробежал какое-то болотце, в котором вывозился по уши. В ногах спу-

талась осенняя осока, которая невыносимо изрезала голени. Нужно еще немного подождать. Скоро все закончится. Останавливать самого себя это было бы глупо. Что стали делать два Отца в одном времени? Это был бы непостижимый темпоральный парадокс. Пусть едет все как идет. Маленького Отца сейчас заберут. Теперь ясно, что страшного с ним ничего не случится, он будет год скитаться по галактике, а потом вернется домой. Пусть так и будет. А теперь, наверное, пришло время возвращаться к Лелику. Окоченевшие ноги мешали идти, они не слушались и путались в холодной мокрой осенней траве. Отец шел и матерился на чем стоит свет. Солнце уже вошло в зенит, а облегчение не пришло. Стало лишь немногим теплее, чем было до этого. Сегодня не мой день, подумал Отец. Брат все-таки пропал. Шлюп исчез, меня трахнуло головой о камень, я продрог, как собака бешеная. Встретил себя самого, кто знает, во что это еще выльется. Все оборудование и еда пропали вместе со шлюпом. Я без денег, голодный и холодный в лесу вдаль от дома.

Так он шел и матерился, потирал озябшие руки и бока. И тут Отец вышел на поляну, на которой стоял младший Отец, он смотрел на второго измученного Отца очень подозрительно. Сначала он осмотрел грязные волосы, спутавшиеся в черные сосульки, затем окинул взглядом рубашку, грязную и местами уже порванную, на короткие шорты, в которых только в жару от солнца прятаться, а не осенью греться, опустил глаза на ноги, в которых путалась осенняя листва

и осока. Старший Отец растерялся и тоже осматривал себя. В такой близости он себя еще ни разу не видел. Младший уже собрался что-то сказать, как исчез. Он исчез так же, как вчера исчез его шлюп, беззвучно, без грохота и пыли, просто хлоп— и его не стало. Отца снова швырнуло на землю беззвучной воздушной волной, стремящейся заполнить образовавшуюся пустоту.

На радость Отца, здесь не оказалось камня, чтобы можно было со всей мочи удариться об него головой. Он растянулся на мокрой траве, рядом с тем местом, где только что стоял младший Отец, который сейчас уже где-то в далеком будущем.

—Скатертью дорога,— сказал Отец, поднимаясь на ноги.— Будь аккуратней. И держись подальше от всего рыжего.

Теперь точно Отец, из всех известных ему Отцов, остался один в этом тихом Кичигинском бору. Теперь уже можно ни от кого не скрываться. Он, теперь, не устроит темпоральных кризисов, которые придется разбирать потомкам. Он не сделает ничего предосудительного. У него нет запрещенных в этой реальности вещей. У него вообще нет ничего, кроме циновки, да рубашки с шортами из грубой ткани. У него нет шлюпа и компьютера, наличие которых пришлось бы долго объяснять многим, и даже врать. У него нет документов и еды. Единственное, что осталось у уставшего странника, это шишка, которую он набил о камень, да Лелик, который остался там, у дороги, у места аварии. Сейчас Отец спокойно

выйдет из леса, сядет в машину к Лелику, закурит сигарету, он не курил уже больше года, и отправится в общагу, где его ждет Басмач, Гурик и еда.

Отец заплутал. Он снова потерялся. Он оглядел лес, стройные стволы черных холодных сосен и содрогнулся. Это надо же, потеряться в одном и том же месте дважды, в один день, с промежутком в один год. Отец, вконец расстроенный и озябший, полез на дерево. Сегодня точно не мой день, думал он, раздирая в кровь босые холодные ноги. Взобравшись достаточно высоко, Отец огляделся. Где-то вдали блеснуло стекло машины, летящей по дороге. Стали слышны звуки моторов, которые лесная чаща скрадывала внизу. Определившись с направлением, Отец стал следовать ему. Он пошел на свет, туда, где блестели лобовые стекла проносящихся мимо автомобилей. Отец обходил колючие кусты шиповника и заросли папоротника, он проходил мимо лап сосен, которые, будто назло, загораживали ему путь. Наконец он узнал кучу хвороста, которая еще недавно было надежным укрытием для израненного космического спасательного шлюпа. Вот уже и видна дорога, и злополучная сосна, около которой завершился бег старого серенького Форда брата. Отец тяжелой поступью вышел из леса и направился к группе людей, обступивших место аварии и громко обсуждавших случившееся. Некоторые брезгливо бросали липкие взгляды на Отца и отворачивались от него, будто от прокаженного. Отец слишком был загнан, чтобы обсудить с эти-

ми слизняками, не нюхавшими космических просторов, как следует обращаться со звездным странником и путешественником во времени.

—Стой гад, да что же в самом деле такое?— Закричал Отец.— Что сегодня за день такой? Лелик, твою мать. Стой гад.

Но было слишком поздно. Лелик, усадив двух каких-то парней на заднее сиденье, сел за руль, закрыл все двери и тронулся. Отец был слишком далеко, да и находился с подветренной стороны, чтобы Лелик услышал его. Видимо взял попутчиков, подумал Отец, вот сволочь. Как же так получается? Он же должен был меня дожидаться. Вот бы я кого-нибудь привез в лес, а потом махнул рукой и уехал, мол, сами как-нибудь доберутся... Ну, Лелик, ну зараза такая. Вот приеду, устрою тебе трепку. Сегодня однозначно не мой день, ругался Отец. Прохожие неодобрительно посматривали на него. Они думали: какой молодой, в общем, не страшный, а уже бомж.

Отец подошел к толпе любопытствующих в надежде найти себе попутчика. Но толпа безмолвно расступилась, давая проход грязному и неопрятному скитальцу. Единственное, что его отличало от настоящего бомжа— запах. От Отца по-прежнему пахло молодой хвоей, которая росла на Цватпе в изобилии, запахом леса, который он приобрел только что, да молодостью, которая когда-нибудь пройдет.

Отец решил на последний шаг, если не поможет и он,

тогда придется выть волком и пешком идти в сторону большого города, куда направлялся сейчас Лелик. Он пошел по солнечной стороне дороги к ручью, что тек под мостом. Из этой ситуации есть только такой выход: вымыться, выкупаться, в противном случае его, в качестве попутчика, не возьмет даже несвежий тракторист. Он зашел за мост, скинул с себя одежду, утопил ее камнем в неглубокой речушке, сам, морщась и фыркая, залез в быстрый поток. Вода была прозрачная, как детская душа, и чистая. Была бы еще она такая же теплая, было бы много приятнее соскабливать с себя грязь и липкую сосновую смолу. Отец pokrылся мелкими мурашками, немедленно принял синеватый покойнический оттенок, однако продолжал тереть себя и намазываться речным песком, чтобы грязь лучше отходила. Затем он вымыл голову настолько хорошо, насколько можно ее было вымыть без щелочи в холодной воде. А после принялся за одежду.

Приведя себя в порядок, Отец, подпрыгивая от холода, босой, пошел по дороге вдоль обочины вслед Лелику. Капли падали с волос, одежды, они заливали Отцу глаза, но тот только лениво тряс головой, стряхивая их. Путник решил не терять зря времени. На машине этот же самый путь Отец сегодня, год назад, проделал чуть больше часа. Пешком, с поправкой на усталость, на собачий холод и на босые ноги, он должен был пройти за сутки, может чуть меньше. Но, говорят, холод не велик, а стоять не велит. Нужно двигаться, чтобы вконец не замерзнуть. Отец прибавил шагу. Босые ноги

уже ничего не чувствовали, ни мелких камней, ни осколков стекла, от которых в лучшие времена он бы споткнулся или подпрыгнул. Стало не намного теплее. Полуденное солнце чуть пригревало ему спину, Отец стал двигаться веселее. Изредка он останавливался, спиной слыша приближающуюся машину, и вытягивал руку, предлагая проезжавшим себя в попутчики. Так он прошел час, может два, когда, наконец, возле него остановилась дорогая машина. Отец не успел рассмотреть эмблему авто, но смел предположить, что это— Лексус. Серебристая лакированная машина слепила глаза. Она блестела на солнце, как начищенный медный пятак. Стекло бесшумно опустилось вниз, водитель выставил свою холеную физиономию в окно:

—Подвести тебя, болезный?— Спросил он.— Садись.

Отец молча продолжал путь, лишь коротко махнув водителю, мол, убирайся к собакам, без тебя тошно.

—Садись, тебе говорю, долго ли идешь? Ноги уже все сбил. Садись.— Настаивал холеный водитель.

—Отвали, я гуляю,— сказал Отец.

—Куда гулять едешь?— Съязвил водитель.

—На кудыкину гору. Мышей ловить, тебя кормить. Отвали, говорю. У меня здесь свидание, тебя еще здесь не хватало. Будет сегодня и без тебя трупов...— Загадочно проговорил Отец и не останавливаясь шел далее.

—Как знаешь.— Сказал холеный мужик и резко тронулся с места.

Точно, Лексус, подумал Отец, разглядывая эмблему на багажнике, похожую на пьяную галку. Может, нужно было согласиться, думал Отец, шествуя по холодному шоссе, дым отечества и сладок и приятен. Провел бы пару-тройку недель в бараке, так хоть отъелся и обогрелся. Он для себя решил не садиться в дорогие машины. Нет, он вовсе не беспокоился об убранстве дорогих машин, или что может их испачкать. В эту минуту его тревожило другое. Он помнил рассказ своего однокурсника Матвея.

Парень он был никудышный. Как его занесло в такой уважаемый ВУЗ, не мог понять даже он сам. Но так распорядилась злодейка судьба, и Матвей стал учиться благородному ремеслу. В раннем юношестве, отдав порядочно своего времени гормональному кризу и нигилизму, парень ударился в сатанизм. На голове он носил черные волосы, свалывшиеся в тугие сальные плети, которые много времени не знали гребня, и лишь ремень отца приводил паренька и его волосы в чувство. Он перестал ходить в душ, и стал источать запах, который не могли сносить даже мухи. Носил перевернутые кресты на цепях у себя на шее, на руках чернилами рисовал свастики. На стенах в его берлоге висели плакаты с недвусмысленным содержанием: голые девки пожирали окровавленных дохлых кур, демонические фрески, и, конечно же, перевернутые красные пятиконечные звезды, обведенные такими же красными жирными кругами. Он забавлялся чтением Евангелия наоборот, и любил этим изводить окрестных

богомольных старух. Он даже где-то раздобыл «Некрономикон» Лавкрафта. Это была дешевая ксерокопия, где листы были сшиты портняжной нитью. Вместо обложки книга была завернута в коробку от батончиков «Сникерс». Нет-нет, во дни сомнений и тягостных раздумий, он проводил ритуал Дхо-Хна, который вычитал из «Некрономикона». Он производил заклинание, обращенное к великому Ктулху, призывал Шаб-Ниггурата Черного, совершал знаки преобразования и ступал в бездну. Со стороны это выглядело так: грязный юнец что-то рисовал на листе бумаги, сидя за столом, затем, словно раненый, соскакивал со стула, начинал размахивать руками, строить гримасы, из пальцев составлять магические знаки и громко кричать утробным голосом, произнося непонятные слова, будто у него разболелись зубы. Затем он начал кружиться по комнате. Иногда Матвей забирал из морозильника куски мороженого мяса, а после жертвоприношения, складывал их на место. Он рисовал таинственные знаки на животе мукой, потому что магического белого песка у него не было. А затем выбегал во двор, и кричал, что сатана жив, что ему было откровение, и что его повелитель скоро придет в их маленький городок и наведет порядок. После чего старухи, обеспокоенные таким ханжеством, бежали к отцу Матвея, а тот, уже вечером, широким солдатским ремнем вбивал ум в Матвея через то место, на котором мальчишка еще несколько дней не мог сидеть.

Так случилось, что судьба его закинула в институт, в кото-

ром учился Отец. Матвей несколько остепенился, поскольку был многократно бит за свои ночные бдения и ритуалы, подрывающие пищевое равновесие в комнате общежития, однако страсть к символике не утратил. Много позже его соседи смотрели на эти чудачества сквозь пальцы, поскольку перевернутые кресты и красные звезды не портили продуктов и не обязывали их ни к чему. Так он и жил, как все студенты от сессии до сессии. Учился скверно, но рассказ не об этом.

Однажды, в летнюю сессию Матвей поистрепался. Эта сессия была богата на дифференцированные зачеты и экзамены, а традиция золотого студенчества после каждого сданного предмета предаваться излишествам значительно поубавило кэш наличных денег у нашего сатаниста. Сдав кое-как сессию, Матвей остался с зачеткой, полной нужными росписями и оценками, да с голодным желудком. Соседи разъехались по домам. Впереди было все лето. Отойдя от сильной биохимической травмы, Матвей стал думать, как ему жить дальше. И не найдя другого выхода, решил отправиться домой, в его маленький городок, автостопом. Сказано— сделано. Собрав свою котомку с нехитрыми пожитками, Матвей, пройдя весь город, на что ушло три часа, вышел на трассу и стал голосовать. Его подобрала очень дорогая машина полная скинхэдов. Попутчики оказались очень веселыми крепкими парнями с бритыми головами и увешанными тяжелыми золотыми цепями. Их веселило, что Матвей, как Михайло Ломоносов, отправился из родного села в город учиться.

ся, что он, Матвей, из-за учебы терпит много неприятностей и переносит никому не нужные лишения. Матвей забавлял своих избавителей рассказами о студенческой жизни и о занятиях, которые разительнo отличались от занятий других ВУЗов.

Не доезжая несколько километров до родного городка, скинхэды свернули с трассы. Матвея это обстоятельство несколько обеспокоило, но дружелюбные скинхэды успокоили сатаниста словами, что все нормально, что скоро он доберется домой. Славные бритоголовые парни завезли Матвея на частное хозяйство, которое, как выяснилось позже, специализировалась на выращивании овощных культур.

—Мы тебя довезли?— Спросили Матвея улыбающиеся лица.

Матвей несмело кивнул.

—Вот теперь ты и отработаешь дорогу.— Парни продолжали улыбаться, показывая Матвею золотые коронки во рту.

Поселили Матвея с бомжами в каком-то сарае, где кроме соломы на полу да навесного замка на двери снаружи не было ничего. Помещение не было оборудовано даже лампочкой, и ночи его стали еще чернее. Похлебку давали утром и вечером. На зорьке Матвея с его новыми коллегами дубинами выгоняли из сарая, когда добрый хозяин собаку со двора не выпустит. С утра до вечера бомжи и Матвей пололи огурцы и свеклу, вечером, не церемонясь, дубинами работников приглашали к ужину из ведра.

Родители Матвея, привычные к разным приключениям сына, особенно и не рассчитывали увидеть его раньше, чем к концу лета. Он и до этого с хиппи выезжал на ночные бдения и сексуальные оргии в Аркаим, где вселенский дух велел им размножаться без счета. Посему особенно не встревожились, что сына так долго нет после сессии. Прошло много долгих недель в грядках и в свекле, прежде чем долг за дорогу был уплачен сполна. Вечером, после очередного трудового дня, похожего на десятки других, не меняя традиций, дубинами дорогие скинхэды попрощались с Матвеем и выгнали его в ночь. К утру разбитый, но вольный, сатанист вернулся в родной город. Дома Матвей пару недель отоспался, а потом вернулся в институт, поскольку начались занятия.

Отец шел и шел по дороге. Солнце уже близилось к горизонту, но было еще светло. Он не ел уже пару суток. Желудок свело и пришла икота. Отец шел и икал, и все его потроха выворачивались наизнанку. Чтоб тебя, думал Отец. Он свернул фигуру из трех пальцев, показал ее всем четырем сторонам света и произнес волшебное заклинание, которое выручало его всегда:

–Икота, икота, перейди на Федота, с Федота на Якова, а с Якова на всякого.

Икота не прошла. Отец уже далеко отошел от ближайшего селения, его не было видно, даже присматриваясь. Следующие село будет через восемь километров, если верить дорожным указателям. И... вот оно счастье, и нет его краше.

К обочине свернул рыжий старенький «Москвичонок», который фыркал и кряхтел. Лет ему было больше чем крымской кампании. Старичок, сидевший за рулем подозрительно оглядел путника, задал пару наводящих вопросов и пустил к себе.

—Откуда такой расписной?— Удивился старичок.

—От бабы своей тикаю. Заела совсем.— Ответил Отец.

У всех мужчин есть проблемы со своими женами. Может так случиться, что у мужика хорошая добрая и ласковая жена, красивая и сексапильная любовница, куча денег, прекрасная работа и быстрый карьерный рост, что у него дорогая и надежная машина, нужно сказать: «Нет» психотропам. Старик осклабился и улыбнулся кариозными зубами:

—Ах, чтоб их. Ты такой молодой, а уже сейчас с ней сладу не найдешь.

Старик крутил баранку, машина ехала. Отец разложился в мягком продавленном кресле, которое сзади подпирало запасное колесо, чтобы спинка не падала на пол. Ноги гудели от холода и многочасовой ходьбы. Одежда, которая худо-бедно скрывала наготу странника, уже давно высохла, только грубая ткань, из которой была изготовлена, ни мало не спасала от принизывающего осеннего холода. Циновку Отец разложил у себя на коленях, чтобы хоть как-то согреться. Машина неслась по Троицкому тракту и раскачивалась, словно на волнах. От усталости у Отца закрывались глаза. Он попросил водителя включить печку, и блаженное тепло

потекло из черных щелей панели.

Прошагав весь день, Отец не был расположен к беседе, которую навязывал словоохотливый старик, и старался отвечать вежливо, но односложно, дабы не возбудить сильный интерес к разговору своего спутника. Они проехали коническую гору, которая как старая молочная бумажная коробка возвышалась над коричневой степью. Невдалеке проплывали холмы, окруженные небольшими подлесками. Алые и рыжие цвета осенней листвы тонули в вечерней зорьке, которая все красила теплыми красками.

В розовой небесной вышине в огромную стаю сбились черные птицы и летели на юг. Им будет скоро хорошо. У них не будет зимы, которая в этих краях длится полгода. У них не будет голодных холодных ночей. У них будет тепло яркого южного солнца, будут жирные личики. Отец вдруг, вспомнил про своих цватпахов, которые где-то на том краю галактики крутятся вокруг своего теплого солнца на маленькой планете. Еще нет ни Цибули, ни Чумички, ни Быка и Суслика. Странно. А он, Отец, их знает, и они знают его, а их нет, и еще пока не было. Но они будут. Только Отец их никогда не увидит. Сейчас их предки поедают водоросли и прячущихся в них жирных личинок водяных жуков. Сейчас они строят города, в которых поселятся их потомки Чумичка и Цибуля, в эти города скоро прилетит Отец, и скоро в эти города будут садиться космические корабли Конфедерации. Скоро будут завязываться первые контакты и сотрудничество, а позже и

плодотворная совместная работа.

Удивительно смотреть сейчас на свою Землю. Она казалась такой примитивной, отсталой и вместе с тем доброй и ласковой, и пусть пока Отцу холодно, он знает, что так будет не всегда. Что однажды солнце одумается и вернется в северные широты, снега прольются талой водой, наступит весна, за которой будет лето. Вот только Лелик— козел. Уехал. Сейчас он уже в городе, водку пьет с пивом. А Отец здесь, всеми забытый и покинутый, в чертовых шортах, укрытый едва циновкой. Но ничего. Он доберется до общаги, он вам всем покажет, куда есть бегать.

Мимо пролетали маленькие коричневые деревушки, еще не успевшие расхлябнуть от осенних дождей. Кое-где проходила одинокая корова, тупо глядя себе под ноги. Встречались белые кучи гусей, которым было все равно лето ли зима ли, чтобы погрузиться в речки. Скоро вас зарежут, подумал озябший Отец.

А старик все бормотал что-то. Сначала Отец его не слушал, наслаждаясь покоем и теплом, а потом до него стал доходить смысл:

—Она мои заначки все, зараза такая, повынимала. Откуда она, леший ее дери, про них знает? У бабки Духарки ей-ей разживусь трошки маленькой, сховаю ее в подполе. А она знатный первач из бражки тянет, на бруньках, или на басурманском пшене ставит, ум отъешь.— Старик даже прищурился.— Так моя пигалица, покуда я из дому, хватить ее, а уж куда

сама схоронит, сам черт не найдет.

Отец засмеялся. Так от души он не смеялся уже давно. С пингвинами особенно не разговеешься, ввиду очень уж суровой серьезности.

—Батя,— Отец стал так называть своего спасителя, тот не был против,— так может нужно было под окном зарывать, или в грядках?

—Ой,— с досадой махнул рукой старик.— Если все ямки, которые я под полушку вырыл вместе соединить, ров будет отсюда и до Полтавы. Что ты, милоч. Она за мной, что блоха за собакой. Она, вроде, даже чует, когда я разжился. Так от меня и шагу не отойдет. Вот нюх! Кое как от нее скроешься, так она из окна за тобой пасет или в щелочку какую зыркает. Во как! Другой раз из курятника вытащила. Я помет в кучу согнал, для вида, там и попрятал ее, родимую. Так что ты думаешь? Не поленилась, все руки в помете извозила, а нашла, почечуй ее, с тех пор я ее не видал, полушку то. Вот только Микола пузатый, сосед мой, не дает мне раньше времени скovyрнуться. Я у него, другой раз, под яблонькой заначу. А там уж моя курлышка не роет, руки короткие.

Старик хохотнул. Отец заливался смехом, что свело живот.

—Ну, умора!— Покатывался странник.— У меня моя такая же. А если я с запахом, так она меня на порог не пускает, говорит, я с тобой пьяным разговаривать не стану.

—Разговаривать.— Старик фыркнул себе в усы.— Моя меня

баатогами спину чешет. В тот раз пришел я от Миколы, так она меня так дрыном отходила, что в коровнике спал на сене, все бока ныли, покудова я к яблоньке не сходил. А в тот раз сковородкой так хмызнула меж глаз, что на люди выйти стыдоба была. Во,— старик очертил круг перед глазами,— синь до бороды стала. Коли моя бы не разговаривала, так я может и каждый день под яблоньку бегал бы.

—А что, сама не потребляет?— Хохотал Отец.

—Как бы не так. Со старухами соберутся, огурцов нарежут, так и до утра песни поют в светёлке. Их бы погнать, пусть в снях говеют, так нет же, там, видишь ли, холодно. А что на весь дом кряхтелки старые зевают, так это еще ничего себе. Терпи, дед, говорят, от тебя и не такого услышишь. А я то что? Я ничего. В глаз семь капель накапаю, да и на сено, коли лето. А ежели зима, так схоронюсь где, меня и не слышать. А эти... как нарежутся, так и давай меня по избе гонять, что бычка на реку. Все кости перемоют, да все грехи старые помянут. Ну их. А попробуй, ответь, они зараз за полено. С одной не справиться, а ежели их две да три, ой...— Старик потер бока. Видимо был не раз бит.

—Отец родной,— спросил Отец.— А тебя куда в такую пору из дому понесло? Не месяц май, да и не утро.

—К сыну еду, в город. Гостинцев везу. Там молочка, сметанки, да маленькую прихватил, в шубу свернул, от бабки Духарки что. Давнень не видал сынка, соскучился. Он меня давно звал, так все время не выберешь. Там огород, там

покос. А тут картошку вырыли, да вроде и есть день другой свободный, дай, думаю, к наследнику выберусь. Он у меня во парень!— Старик вытянул палец.— Смышленный.

Стали чаще показываться указатели, дорога стала шире, машин стало больше. Худо-бедно, добрались и до города. Огромные каменные буквы, стоящие на постаменте, обозначили границу города. Дед нажал на клаксон.

—Я всегда здесь сигналю. Привычка. Тебе, сынок, куда ехать то. Давай довезу. Уж по сердцу ты мне.

—Спасибо, батя. Мне на Доватрку, возле пяточка. Добро?— Спросил Отец.

—А как же, в общежитии живешь что ли?— Участливо поинтересовался старик.

—Ага,— кивнул Отец.— В ней самой.

—И с бабой со своей в общежитии? Тяжко.— Вздохнул старик.

—Нет, я ее там оставил. Ну ее.— Отец неопределенно кивнул головой назад. Объяснять старику где он оставил свою зазнобу было бы хлопотно, да и за дурачка был бы принят.

—Конечно, в лес со своими дровами. Пока молод, гуляй.

На въезде в город старик повел свою машину по круговому перекрестку, затем свернул с него на мосток, от которого шла улица имени Уважаемого Дарвина, сплошь застроенная оптовыми базами и складами. Чуть далее виднелся лесок, где стоял желтый дом, а дальше, минутах в десяти, за двумя перекрестками уже и показалась полукруглая старая

милая общага. Вот он дом, вот постель и ужин. Уже стемнело. В животе червяк просил скорее накормить его, он злобно рычал и бесновался.

Старик остановил свою машину на пяточке, где бабки изпод полы продавали водку, что делали сами. Здесь же стояли замороженные гости с юга, торговавшие местными огурцами и урюком. Чуть далее в куцах жестяных ларьках, за черными решетками, виднелись пачки сигарет, горы иноземных батончиков с нугой и мягкой карамелью, да лица, освещенные тусклыми желтыми лампочками, что торговали этой нехитрой снедью.

Отец поблагодарил своего попутчика, хлопнул дверью, и старый еле живой «Москвич» укатил в сиреневый сумрак, увозя с собой словоохотливого старика и сытое предвкушение встречи. Босой Отец перешел дорогу. Прохожие оглядывались на него, и удивлялись, словно тот на веревке тащил корову.

—Сынок, водочку тебе?— Спросила шепелявая старуха, подскочившая к Отцу, стоило ему приблизиться к пяточку на двенадцать метров. Он оглядела босого и полураздетого парня, трясущегося на вечернем осеннем холоде.

—Брысь, старая,— цыкнул на нее Отец и быстрым шагом следовал мимо парка и зеленого ресторана к заветному низкому крыльцу.

Отворив скрипучую дверь, Отец вошел в просторный круглый холл, где остановился как вкопанный. На вахте, ого-

роженной высоким стеклом, сидела старуха вахтерша, возле конторки стоял высокий плечистый мужик и что-то тихо объяснял ей. Старуха так же негромко вторила ему, словно жаловалась. Отец узнал этого мужика. Он встречал его там, в будущем. Его как-то представил Дексаметазон. Здоровяк работал в Федеральной Службе Охраны Государственного Порядка в Темпоральном Отделе.

Этого еще не хватало, подумал Отец, и скрылся за створкой двери. На скрип обернулась старуха и вспыхнула, словно торф от грозы:

–Так вот и он,— она указала корявым пальцем на скрывающегося за дверью Отца.— Сорванец.

Отец не стал дожидаться более подробной своей характеристике и пулей вылетел из общаги. Он бежал к зеленому ресторану, где в зарослях ирги и кленов на лавке он с друзьями пили пиво. Мужик выбежал из общаги и огляделся. Одет он был согласно этому времени. Черный плащ, фетровая шляпа, скрывавшая нос от непогоды и лысину от посторонних глаз. На шее повязан легкий шарф. На ногах синие новенькие джинсы и лакированные черные туфли. Он был один. Отец, притаив дыхание, лежал под лавкой, защищенный от всего мира успевшими облететь кустами. Федерал стоял на крылечке общаги и ругался, на чем свет стоит.

Значит, за мной устроили погоню, думал Отец. Хорошо. Или они просто отправили сюда агента, чтобы удостовериться, жив я или нет? Маловероятно. Они могли бы справиться

об этом и так. Наверное, они хотят меня убраться. Может не все так печально, может им от меня что-нибудь нужно? А что им может быть нужным? Странно. Вот я влип...

Федерал постоял немного на крыльце и отправился восвояси. Отец решил, что в общагу проникнуть сейчас резона нет. Там его найдут, коли один уже здесь. Кто их знает, сколько народа отправили вслед за Отцом федералы? Может их сотня или тысяча?

—Сегодня точно не мой день.— С горечью подумал Отец.

Ему было холодно, он хотел есть, он хотел просто протянуть ноги в тепле, зарыться по уши пледом и полежать. Ноги снова перестали чувствовать. Дрожь была так, что прохожие должны были ощущать трепет земли. Сумерки сгущались. Окна его комнаты выходили во внутренний дворик, так что ему не было видно своих соседей, которые должны были уже заволноваться. Ведь для них Отец уехал рано утром, а сейчас уже вечер, пусть и не поздний, темнеет в это время рано.

Нужен план. Сидеть под лавкой хорошо, только сыт этим не будешь. В общагу ход закрыт, это уже ясно. Стоит ему сунуться внутрь, как нагрянут федералы, сломают его и что-нибудь с ним сделают. Может, голову оторвут и скормят свиньям, может, увезут назад к себе, чтобы не поведал тайн будущего этому миру. Ясно, в общагу ни ногой. Машины Лелика не было. Все правильно. Он должен был здесь оказаться несколько часов назад. Что ему делать в общаге? Завтра в институт. Праздники не намечались. Да и машину нужно

было ставить. Да он вообще мог сюда не заезжать. Взял же он каких-то проходимцев. Денег с них заказал и повез по домам. Единственное решение— ехать к Брусову. Большой сияк не откажет в крове, поскольку в большой квартире живет один. Но до него добираться— проехать полгорода. Босого, без денег, полураздетого его могла довести только милиция, для дознания личности. Это не годится. Неподалеку, в двух остановках отсюда живет Феликс. У него есть машина, которую он ставит под окном. На стоянку денег постоянно нет. Есть шанс, что он довезет до Брусова. Решено. Других планов все равно нет.

Отец осторожно вылез из-под лавки и бочком в тени деревьев направился вдоль парка к Феликсу. Нужно было перейти дорогу, загруженную транспортом. Отец добрал до дороги, скрываемый тенью кустарника, дождался, когда машины пройдут и пустился через перила и бордюры на тот край дороги. Там он вошел в квартал и побежал меж детских площадок и каруселей. В темноте ему встречались какие-то смутные тени прохожих. Которые тут же шарахались от Отца, стоило ему приблизиться. Вот он и дом Феликса. Вот и его бежевая шестерка. Только бы он был дома и трезвым. Только бы машина была на ходу, только бы был бензин.

Окоченевший Отец вбежал в подъезд и очутился на четвертом этаже раньше, чем можно произнести «черничный пирог». Стук в дверь и на пороге появилась небритая и наглая физиономия Феликса. Тот округлил глаза от удивления:

—Отец, здорово, ты болен?— Феликс осмотрел с головы до пят нехитрый наряд товарища, затем оглядел подъезд, нет ли погони, затем добавил,— быстро заходи.

Отец вошел в дом, Феликс еще раз осмотрел подъезд и захлопнул за собой дверь.

—Феликс, бродяга, здорово, рад тебя видеть.— Поздоровался Отец и обнял друга.

—Ты будто меня сотню лет не видел, что с тобой?— Спросил Феликс.— А это что за абстракционизм?

—Долго объяснять,— отмахнулся Отец, а сам принюхался. Нет, от Феликса алкоголем не несло. Он был до безобразия трезв.— На спор с Гуриком, что я в пижаме через город проеду.

—На что спорили?— Спросил Феликс.

—Ну!— Пожал плечами Отец, будто удивляясь, что Феликс спрашивает о такой очевидной вещи.— Феликс, два килограмма коньяка. Потом вместе пить будем.

—Четыре бутылки! Это грамотно. Когда отдавать будет?

—Ты с нами хочешь?— Спросил Отец. Этот живенький интерес к благородному напитку был ему на руку.

—Да кто ж от такого счастья отвернется, я же живой человек!— Развел руками Феликс.

—Тогда службу сослужи. Мне до Брусова нужно. Пошли, слетаем. А то мне холодно. Босой же я.

—Да я вижу, что не в ботфортах. Дай, тогда, оденусь.— Сказал Феликс и ушел в комнату договариваться с родителями,

что отлучится на полчаса.

Из кухни прошла младшая сестренка Феликса, Наташка. Она бережно несла в руке граненый стакан, покрытый сверху листком бумаги. На дне стакана копошилось несколько рыжих тараканов пруссаков. Она кивнула Отцу и прошла мимо.

–Дракона своего кормить?– Осведомился Отец.

Наташка молча кивнула и скрылась в комнате.

Феликс притащил в дом молодую игуану. Она была чуть больше ладони, зеленого цвета. Зверя называли Драконом за его страшный вид и острые шипы вдоль гребня. Родня тут же устроила его в аквариум, который доселе пылился в закромах на балконе. Туда насыпали блестящих круглых камней, для интерьера воткнули кактус, чтобы оживить мрачный каменистый ландшафт. Сверху аквариум накрыли тяжелым листом финской фанеры, чтобы Дракон не сбежал. Отец хотел бы посмотреть, как игуана станет сбегать из аквариума. Животное было настолько медлительно, что могло неделю простоять в одной позе, не сходя и на миллиметр со своего места. Дракон лишь нет-нет облизывал языком свои глаза, это было единственным движением, которое отличало его от дохлой игуаны. Зверь не ел неподвижную пищу, поскольку ввиду особенностей строения зрительного аппарата не видел неподвижные объекты. Родне приходилось его кормить тараканами, поскольку их у Феликса было больше, чем песка в пустыне. Дежурный (а дежурили родители и отпрыски по очереди) должен был заходить вечером в темную

кухню с зажатым в руке стаканом и листком бумаги. Необходимо было быстро включить свет, выбрать жертву— пруссак пожирнее, что стадом бегали по столу, лучше свиноматку, накрыть ее стаканом, затем просунуть лист бумаги между столом и стеклом посуды, и перевернуть. Затем, заключенный в стеклянной тюрьме, таракан выбрасывался в террариум. Финская фанера служила надежной защитой от побегов как Дракона, так и пищи. Пруссак мог прожить в вольтере несколько часов, пока быстрый и липкий язык игуаны не настигал его.

Феликс сунул ключи в замок и, стоило только двигателю заурчать, бросил ее в галоп.

—А в чем интерес-то? Чего вы с Гуриком заспорили?— Спросил Феликс.

—А что-то сидели, вспомнили Таньку Рукавичкину, как Гурик ее в театр водил, помнишь?— Спросил Отец.

—Ну, как не помнить. Это уже притча во языцех.— Довольно кивнул Феликс.

—Мы с Басмачом его обсмеяли в который раз. Говорим, а слабо тебе, Гурик, трезвым в театр сходить? Он говорит: это нам слабо. Ну, слово за слово, кулаком по столу, вынудили мы его голым по общаге побегать. А потом он со мной заспорил, чтобы я голым через весь город проехал.

—Ну,— нетерпеливо спросил Феликс, стоило Отцу замолчать.

—Ну и я отказался. Говорю, сейчас холодно, хоть пижаму

надеть. На том и порешили, что я в пижаме,— Отец ущипнул край своих шорт,— босой поеду.

—Ну а ты сразу ко мне?

—Ага. Думаю: у Брусова отсижусь, если ты меня довезешь, а там видно будет.

Машина понеслась по горящему в вечерних огнях проспекту. Широкие, залитые неоновым светом, витрины с колбасами и разносолами, выставленными напоказ, возбуждали и без того дикий аппетит Отца. Он проглотил слюну, глядя на огромную вывеску с изображением свиной ветчины, и отвел глаза в сторону. Феликс проехал мимо Алого Поля и свернул на проспект, ведущий в северо-западный район. Мимо, в вечернем сумраке, проплыла старая церквушка, ныне оборудованная под органной зал, освещенная с разных сторон прожекторами. От ночной иллюминации она выглядела очень строго и таинственно. Проехали мимо дворца культуры молодежи, и выехали на мост, ведущий через узкую, но грязную речку, в которой даже в центре города, в куче щепок, тростника и принесенных течением веток, водились жирные ондатры. За мостом блестел торговый центр, словно круглая перевернутая чашка на опорах, он светился призрачным синим светом, от которого было холодного и без того. Миновали и те несколько сотен метров, отделяющих дом Брусова от торгового центра.

—Все, Феликс, тут останови.— Отец махнул рукой на обочину.

Феликс въехал в квартал и встал.

– Да давай уже довезу, чего ты как бомж будешь мерзнуть тут. – Сказал он.

– Нет, хватит. А то Брусов увидит меня в машине, а потом ляпнет Гурику. Плакал тогда наш коньяк. Не надо.

– Будет он тебе возле окна сидеть, караулить. Он, наверное, с девчонками веселится. – Феликс сделал движение тронуться.

– Нет, правда, не нужно. Спасибо тебе, дружище. Без тебя бы к Брусову кусок обмороженной плоти добрался бы. Все, я пошел. – Сказал Отец и вылез из машины.

Феликс махнул ему рукой.

– Давай, когда коньяк пользоваться будем? – Прокричал он в открытую форточку.

– Скоро. – Сказал Отец и скрылся в тени растущих неподалеку деревьев.

Нужно пройти вниз еще три дома, чтобы очутиться в блаженном тепле. Феликс неторопливо развернул машину и уехал прочь. Оставшись один, Отец крадучись направился вниз по темной улице, в конце которой его ждал ужин.

Холод с новой силой набросился на измученного Отца. Дрожь уже не просто потряхивала его, она колотила, словно небольшой ураган. Отец кутался в свою циновку, подарок далекой теплой Цватпы. Серые пятиэтажки обступили дорогу и смотрели на странника желтыми зрачками кухонных окон, из которых доносились до Отца запахи жареной

картошки и еврейского салата. Эти последние метры, отделяющие Отца от блаженного тепла берлоги Большого Синяка, показались ему марафонской трассой. Окоченевшие ноги ничего не чувствовали под собой. Глаза слезились на ветру, который поднялся вдруг. Обойдя последний дом, Отец свернул в квартал и увидел федерала.

Да чтоб тебя, подумал Отец. Нет от тебя спасения. Что тебе здесь надо? Отец чуть было не заревел в голос. Слезы подкатились к глазам и еще небольшое усилие, и они градом бы хлынули на холодные от ветра щеки. Да что же за такое сегодня, что же мне так не везет? Нехристи, там мне жить не давали, так и тут от вас спаса нет. Что вы от меня хотите? Он спрятался за угол дома и продолжал наблюдать за мужиком, прилетевшим из будущего.

Как он меня нашел? Я ведь здесь всего несколько часов. Ни с кием не разговаривал, ни с кем не общался и никому не успел сообщить, что я здесь. Конечно, не следует брать в расчет того мажора, которого я обматерил на трассе, да другого, который хотел меня подвезти. А старику я вообще ничего не успел рассказать, за исключением того, что сбежал от своей бабы. Про Брусова никто не мог знать. Он что, мои мысли читает? Он же не цватпах. А если где-нибудь здесь прячется Декс, он ведь тоже телепат. Но нет, здесь, на Земле, мимо него просто так ни один хулиган не прошел бы. Запинали или закидали камнями, как они поступают при виде чего-либо незнакомого. Может статься, что он отсиживается

в машине, стоящей где-нибудь за углом, и смотрит за всем своим внутренним зрением.

Отец опасливо стал озираться вокруг, ища глазами припаркованные машины, в которых сидят Веганские пришельцы из будущего. Но не найдя ничего белее или менее подозрительного, расслабился. Холодно как. У вас есть другой план, мистер Фикс? Спросил Отец сам себя. Но другого плана не было. Он очень устал и замерз, чтобы придумать что-то стоящее. Федерал прогуливался под окнами второго подъезда и нехотя бросал масляные взгляды туда, на окна третьего этажа, куда так стремился Отец, и где жил, не ведая ни о чем, беспечный Большой Синяк.

Отец сидел в кустах на углу дома, надеясь, что этот здоровый федерал когда-нибудь денется. Но тот, похоже, не собирался никуда отлучаться. Он не курил. В будущем будет строгая политика относительно табакокурения. Так бы может у него закончились спички, и он был бы вынужден искать от кого бы прикурить. Или, к примеру, могли закончиться сигареты, и он пошел бы в ларек за табаком. Но он не курил. Не курил!!! Черт его возьми.

Из первого подъезда вышла какая-то грузная тетка с маленькой собачкой на поводке, увидав незнакомца, она бросилась на него, но была остановлена поводком своей хозяйки. Федерал даже не обратил на нее внимания, будто не на него кинулся этот жуткий зверь. Дверь осталась открытой. Пружина, которая прикрывала дверь, была сломана. Вот оно спа-

сение! Вот, наконец, Отцу улыбнулась удача. Лишь бы никто не захлопнул ее, тогда будет шанс проникнуть к Брусову.

Отец отошел от края дома. Нужно было сделать небольшой крюк, чтобы подойти к дому Брусова незамеченным. Он кинулся кварталами обходить этот маленький участок дороги, чтобы его не заметил верзила из будущего.

Пришлось немного вернуться назад, обойти несколько домов, стоящих по правую руку, и с другой, нижней стороны подойти к заветному дому. Отец бросился исполнять план. Обойдя дом сзади, Отец приблизился к заветной двери первого подъезда, которая, слава случаю, оставалась по-прежнему открытой. Отец скользнул мимо угла дома, пригнувшись, прополз вдоль кустов, отделяющих угол от двери, и скрытый открытой дверью проник в первый подъезд. Дело оставалось за малым. Поднявшись на пятый этаж, Отец отворил люк, ведущий на чердак. Все чердачные лазы в этом доме были незапертыми, Отец это знал. Он осторожно, стараясь не шуметь, тихо опустил чердачный люк на место и оказался в крошечной тьме. Только бы не подвели голуби, которых здесь, на чердаке, было не меньше пятисот миллиардов. Отец сделал один первый шаг на чердаке, как вся голубиная стая кинулась вон с чердака через чердачные проемы. Отец обомлел от страха. Неужели из-за этих глупых птиц он так скоро себя выдал? Неужели весь путь на Плутон, оттуда на Цватпу и обратная дорога домой через время и гиперпространство были напрасными? Неужели все испытания, которые ему довелось

пережить, окажутся не вознагражденными?

Отец подошел к черному разъему чердака, через который предательские птицы покинули это теплое помещение, и посмотрел краем глаза вниз, где прогуливался федерал. Здоровяк даже не посмотрел на крышу. Он расхаживал внизу на тротуаре взад и вперед, высматривая Отца. Боже Великий, подумал Отец, неужели мне сегодня повезет? Это однозначно не мой день.

Усталый и голодный, Отец двинулся дальше по чердаку. Найдя люк второго подъезда, он осторожно его приподнял и скользнул по железной лестнице вниз. Очувившись на мраморном полу пятого этажа, Отец прислушался. Движения не было. За дверями жили люди, и даже не подозревали, какая разыгрывается драма здесь, у них в подъезде, где на кон поставлены пространство и время, гордость и усталость, холод и старая боль в затылке.

Отец, осторожно ступая босыми ногами, по лестнице спустился на третий этаж, подошел к заветной двери и нажал на кнопку звонка. Никто дверь не отворил. Отец повторил попытку. Нет эффекта. Он же видел свет в окнах у Брусова. Не мог же он уйти из дому, оставив свет включенным? А может и мог. С Брусовым бывало и не такое. Открывай же, лысый черт, открывай. Отец надавил кнопку звонка и подержал подольше. За дверью пиликала электронная мелодия китайской сборки. Открывай, Синяк лысый.

Тут дверь резко распахнулась и в лоб Отцу наставили

черный ствол огромного, как зенитная установка, пистолета. Отец не успел даже испугаться, как огромная волосатая рука схватила его за грудь.

Глава 9.

-Мангуст, ты с ума сошел что-ли?– Не скрывая раздражения, Отец протиснулся сквозь дверь к другу в квартиру.

Мангустом Брусова прозвали за то, что он, однажды, в лесу поймал ужа. Это был здоровый взбитый парубок с очень неприветливой физиономией. Некогда огромные мышцы груди и рук у гиганта начали затягиваться жирком, который Брусов лелеял, словно достояние всего человечества. Нравом был добродушным, но во дни праздничного настроения обретал буйство, сродни молодому бычку на корриде. Мангуст имел страсть к резным коллекционным ножам, которых, если верить его словам, было не меньше чем семьсот миллионов, однако на вид показывал лишь один, работы старого слесаря Филипыча, которым без греха можно было тесать горный кряж. Несмотря на огромную вегетативную массу, гигант был очень подвижен и быстр, особенно если дело касалось скандалов или походов за пивом. Носил короткую стрижку, которая, впрочем, изредка портилась быстро-растущими волосами, которые грязными хвостами свисали с затылка. Он любил стричься сам, когда до этого доходили руки. В хозяйстве своем Мангуст имел электрическую ма-

шинку, которой степные народы брили овец, ей и навел порядок на своей огромной голове, поэтому там оставались лишь жалкие поленья волосяных стержней длиной не больше миллиметра. Но самое главное, что отличало Мангуста от остальных нормальных людей— уши. Даже в крошечной темноте, когда лишь едва виден силуэт человека, Мангуста можно было безошибочно узнать из семи с половиной миллиардов людей, населяющих нашу планету. В уши можно было завернуть круасан с чашечкой кофе, при этом колорит лица нисколько бы не пострадал. Он на забаву закрывал глаз с гемилатеральной стороны своим огромным и мягким, как тряпочка, ухом. Так он смешил всех девиц. Об аппетитах Мангуста ходили легенды.

Однажды Брусов зашел в гости к Отцу в общежитие. Вид у него был очень возбужденный, и даже тараканы падали со стен, когда Мангуст проходил мимо.

—Родной,— поздоровался в дверях Большой Синяк,— у тебя есть чего-нибудь?

—Только спирт, водки нет.— Сказал Отец и развел руки, чтобы у друга не оставалось сомнений в количестве запасов.

—Валяй,— сказал он.— Можешь его не разбавлять.

—Сколько наливать?— Спросил Отец, наливая в стакан чистый медицинский спирт.

—Сколько для друга не пожалеешь.— Утвердил Отца Мангуст.

Отец вылил все, что у него было. Двести пятьдесят грам-

мов наполнили граненый стакан, а именно такие стаканы были в студенческой столовой, а позже и у Отца. Брусов выпил содержимое, обхватил богатырскими руками голову Отца, сделал глубокий вдох носом, потом поморщился и тыльной стороной ладони стер с губ остатки жидкости.

–Мир тебя не забудет, Отче.– Поблагодарил Мангуст.– Все, теперь я пошел.

–Куда такого тебя расписного понесло, ложись спать,– кивнул Отец на пустующую койку.

–Нет, я с мужиками сегодня собрался пиво пить.– Кинул он через плечо и ушел.

Болел он так же, как и пил. В день великого похмелья, лицо друга походило на рябую стиральную доску, что больно было не только смотреть на него, но и слушать вздохи, которыми Мангуст щедро осыпал окружающих. Он был восстановлен в группу Отца. Случилось это на втором курсе, когда в группу маменькиных сынков вошел огромный толстый верзила и сообщил, что отныне в группе закончились спокойные дни. Так и случилось, только со знаком наоборот. Брусов оказался, вопреки первому сложившемуся о нем мнению, душой группы. Он был добр и щедр, обходителен и внимателен, опуская из внимания свое сходство с троллем. Он был чрезвычайно силен, и однажды Малышу, которого Отец встретил некогда в баре, сломал руку, когда те соревновались в армрестлинге.

–Отец, ты чего в таком виде,– спросил Мангуст, осматри-

вая жалкое рубище, которое Отец привез с другого конца галактики.

–Закрывай дверь скорее.– Сказал Отец и кинулся помогать другу затворить дверь.– Здорово, хомяк.

Отец крепко обнял друга. Дрожь колотила его, словно он сидел на перфораторе. Тусклый желтый свет уютно скрывал тенета под потолком да кучи мусора в углах коридора. С кухни раздавалась приглушенная музыка и восхитительный запах ужина. Из кухни выглянула хитрая рожица Левы, вслед за ней, воровато, появилась Куличина. Они узнали Отца и спрятались на кухне.

–А ты чего с пистолетом то?– Спросил Отец. Он знал, что Мангуст собирается приобрести газовый пистолет, но что он собирается приобрести гранатомет, этого от него не ожидал.

–Клопы замучили, видимо из общаги принес.– Махнул пистолетом в сторону спальни Мангуст.– Пришлось все матрасы, простыни на попа поставить. Я две обоймы в них высадил, а потом три дня у Столбикова ночевал, пока запах не выветрился.

–Ну и как, помогло?– Спросил Отец.

–Пока не знаю. Я только неделю здесь живу, после помора.– Пожал плечами богатырь.

–Ты что, всю неделю в институт не ходил?– Спросил Отец.

–А ты что, видел меня?– Спросил он.

Отец уже позабыл, что было в это время, только год назад по абсолютному внутреннему времени. Пришлось неопреде-

ленно кивнуть и потрясти ладонью.

–Тебе чертей дали что ли? Ты чего в одних штанах, да голый? Я сейчас их мельче мака в порошок сотру.– Сказал Брусов и сделал движение открыть дверь.

–Нет, это я с Гуриком на спор, что город босиком в одной пижаме пройду. Слушай, Макс, я у тебя пару тройку деньков поживу? Добро?

–Ну а чего же не добро. У меня, сам видишь гости. На одного меня двух баб много, поможешь?

–Мангуст. Не подумай дурного, мне бы просто поесть, да согреться. Не до девчонок.– Вяло махнул рукой Отец.

С кухни доносился обворожительный аромат жареного мяса. У Отца свело живот от долгого воздержания и гастрономического духа, витавшего в квартире.

–Ну, пошли тогда.– Сказал Брусов и прошел в кухню.

–Здорово, бабоньки.– Поздоровался Отец.

–Здоровее видали.– Поздоровалась Куличина. Лева стыдливо опустила глаза.

Маленькая кухня была освещена одиноким абажуром, подвешенным к самому потолку, а в помещение разливался сумрачный и таинственный желтый свет. Жесткие тени падали на лица девчонок, которые, словно мыши, тихонько сидели за столом. Убранство было лихим. Дорогой кухонный гарнитур был всюду залит кровью мертвых помидоров, жирными пятнами и усердно усыпан хлебными крошками. В раковине лежали грязные тарелки и кастрюли, словно выпав-

шие из сказки о Федорином горе. Посуда была облеплена за-сохшим кетчупом и разносолами. Кое-как вымытые стаканы, которыми в этом доме пользовались чаще всего, стояли здесь же, в раковине с грязными тарелками. Кухонный стол был на скорую руку отерт мокрой вехотью, однако на блестящей поверхности все равно остались жирные разводы и старые капли соусов. На столе стояла пластиковая ведерная канистра пива. В фужерах, заботливо вымытых девчонками, пенилась бурая жидкость, и веселый блеск в глазах указывал на то, что они уже распробовали вкус этого божественного напитка. Чуть поодаль стоял кухонный шкаф, в котором Брусов хранил залежавшуюся в раковине посуду. Антресоли были заставлены до самого потолка засаленными кастрюлями, черными сковородами, пачками спагетти и русской лапши, которую стоит только залить кипятком, и была уже готова отличная закуска. Там же валялись, свернутые в рулон, старые газеты, чаще спортивной тематики. На плите булькало мелко нарезанное мясо, от вида которого Отец потерял всякое самообладание. Он схватил ложку, которая лежала здесь же, и принялся поедать ароматные маленькие еще сырые кусочки свиной плоти.

—Отец, стой раз-два.— Скомандовал Мангуст.— Это же закуска.

—Макс, я есть хочу, как конь валяться. Не томи, не то твоих баб слопаю. Кто первый?— Сверкнул глазами на девчонок Отец, показывая, что он выбирает, кого бы из них прогло-

тить.

—Отец, подожди, сейчас пожарится, вот тогда и все вместе съедем.— Взмолилась Куличина.

Куличина была высокой девицей с пышными формами и приглядной наружностью, однако обладала весьма сомнительной репутацией. Со слов интеллигентного Кактуса, то есть Алекса, она была очень щедра к своим поклонникам. Другими словами, девчонка обошла всех, даже сколько-нибудь значимых самцов. Участь сия не миновала Мангуста, который был глух к общественному мнению и к здравому рассудку. Другой противоположностью была Лева, которую Отец знал как порядочную девушку, не замеченную в порочащих ее связях. Была она так же высока и привлекательна, только от распушенной красоты Куличины, ее отличал кроткий взгляд и манеры, которые не давали повода сомневаться, что девушка непорочна.

Девчонки учились в одной группе и снимали квартиру, чтобы оградить себя от шума и кутерьмы общежития. Куличина, когда собиралась идти вразнос, оставляла Леву учиться дома и брала с собой третью свою соседку— Каштанку, которая не отличалась ни скромностью, ни красотой, ни познаниями, ни, тем более, репутацией. В этот вечер Каштанка была ангажирована кем-то на грандиозный сейшн, посему Куличине не оставалось ничего другого, как взять с собой Леву к Брусову, стоило ей было получить от него приглашение.

Лева стыдливо опустила глаза, и покраснелась от вызывающего взгляда Отца. Куличина напротив, выгнула спину и все ее заманчивые округлости, казалось, еще больше округлились и приняли очень откровенные формы.

—Слушай мою команду, всем есть и спать.— Приказал Отец.

—Ух, ты какой быстрый,— закривлялась Куличина.— Даже не поговоришь? Сразу спать?

Отец бросил на распутную девку уставший взгляд, затем, уже не отвечая на многочисленные подначивания со стороны Мангуста и Куличины, набил рот хлебом и полусырым мясом, стал активно жевать.

—Я уже двое суток не ел ничего,— словно извиняясь, пролепетал Отец,— есть еще что-нибудь? А то я один все мясо съем.

—Хочешь, я тебе лапши запарю?— Спросил Мангуст.

Отец активно закивал головой, поскольку говорить уже не мог. Новая порция жареного мяса и хлеба полностью заполнила ротовую полость.

—Лева, поухаживай за Батюшкой, не сиди, жирной станешь.— Рывкнул Брусов и девчонка подскочила на стуле.

—Тебе поджарить ее?— Стыдливо спросила она, едва подняв глаза на Отца.

—Все равно, лишь бы побыстрее, я сейчас и ежа бы съел.— Кивнул Отец.

Выпросив у Брусова разрешение, принять теплую ванну,

Отец забрал из соседней комнаты огромный махровый халат, в котором любил разгуливать Мангуст, да такое же огромное махровое полотенце, на котором можно было бы поместить отдельный медицинский батальон.

Теплая вода наполняла ванну, согревая даже одним своим видом измученного Отца. От премедикации, в виде нескольких кусков хлеба, небольшого количества жареного мяса и теплой воды у Отца стали слипаться глаза. Этот день был слишком долгим и наполненным событиями и переживаниями. Его не переставало удивлять, когда он снова и снова в мыслях прокручивал день назад, куда мог подеваться его шлюп. Он, как твердыня, был втиснут меж стволов сосен. Не связано ли это с исчезновением Дэна? Нет, вероятно, не связано. Как исчез Дэн, Отец видел прекрасно. Не было взрыва или шума. Только яркая вспышка, в которой растворился его брат. Шлюп исчез так, ни с того, ни с сего. Был, а потом, шелк, и его не стало. Точно так же исчез и тот Отец, который сейчас в будущем. Шелк— и нет его. Может, и шлюп тоже отправился в будущее? Хотя, с другой стороны, машина не оборудована темпоральной установкой. Слишком много исчезновений, подумал Отец. Сначала Дэн, затем шлюп, а в конце и младший Отец. Хотя, с последним все ясно. Сейчас он следует на ту Землю, которой суждено случиться несколько столетий спустя.

Потом Лелик. Вот зараза, так зараза. Меня не дождался. Как же так. Нужно будет ему все сказать, что я о нем думаю.

Если бы не он, мне не пришлось бы шастать по всему городу и в его окрестностях почти голым. Ну, подождал бы еще совсем несколько минут, и все было бы по-другому.

Блаженно тепло обволакивало Отца. Мысли начали путаться. Отец прикрыл глаза и предался созерцанию тепла и журчащей в кране воды. Тут дверь резко распахнулась, и в дверях показался Брусов с огромной рюмкой.

—Отец, на, вот, выпей, чтобы не простудиться, заначку достал.— Сказал богатырь и протянул большую, как ендова, рюмку.

—Ой, спасибо, Мангуст, уважил. Дай закусить, что ли.

—Вот, запьешь,— указал он на другую руку, в которой держал стакан с пивом,— а то и так уже почти все съел. Обле-зешь. Выйдешь, тебе Лева там лапшу жарит.

А, затем, наклонившись к самому уху, добавил:

—Ты вот ей сегодня и займешься, а то она от Куличины ни на шаг не отстает. Она во! Девка, что надо.

—Видно будет. Давай, пока занимайся девчонками, я тут погреюсь. Замерз, как лошадь бельгийская.— Сказал Отец и выпил водки.

Мягкое тепло разлилось по душе, и теплая пелена, словно бархатное покрывало, опустилась на глаза. В дверях ванной комнаты показалась Куличина, с восторгом наблюдавшая за Отцом из-за широкой спины Брусова.

—Отец, ну-ка, встань во весь рост.— Захихикала она..

—Я вот тебе сейчас встану!!!— Зарычал на нее Отец.— Так

встану, возьму дрын, да вдоль хвоста тебя перехвачу. Запляшешь у меня.

—Ой, как охота,— похотливо сложила бантиком губки Куличина.

—Мангуст, тресни ее, откуда ноги растут, у тебя удар слабее будет.— Сказал Отец, и, набрав воды в ладошку, окатил наглуую девицу.

Куличина с визгом исчезла. Раздался тихий и короткий, словно девичья память, смешок Левы.

—Макс, сгони их в кучу, я сейчас, помоюсь и выйду.— Попросил друга Отец.

—Да ладно, мойся, только смотри, мы сейчас все пиво выпьем, не успеешь.— Сказал Мангуст и поставил стакан с пивом на рукомойник.

—Там у вас целое ведро, не сможете. Да, в общем, мне не сильно то и охота.— Сказал Отец и погрузился в теплую воду.

—Не скажи, у девчонок аппетиты будьте здрастье. Куличина уже литра два приговорила. Лева, ну может, чуточку меньше. Так что давай скорее.— Сказал Мангуст и скрылся за дверью.

Хорошо, думал Отец. Водка мягко надавила на серое вещество, и усталость стала осязаемая, словно ее стало можно резать ножом. Руки и усталые ноги налились свинцом. Вслед за конечностями свинцовой тяжестью налились и веки. Отец устало закрыл глаза и полностью предался умиротворению и неге. На кухне раздавался хохот трех глоток. От-

ду было наплевать на происходящее. Слишком много выпало на него сегодня переживаний, чтобы заботиться о том, что происходит на кухне Брусова. Перед глазами снова всплыли картины прошедшего дня. Он вспомнил, как на лесной опушке разглядывал себя самого, того самого, что сейчас в космическом корабле бороздит просторы вселенной в будущем. Странное чувство, его не сравнить с тем, когда разглядываешь себя в зеркале. Отец смотрел на самого себя и ощущение, будто он смотрит в самую душу, в самые сокровенные мысли, не покидало его. Никому еще доселе на Земле не выпадало такого удивительного приключения, какое пришлось пережить ему, пареньку из тихого двадцать первого века. Расскажи сейчас Брусову или девчонкам, они сочтут его умалишенным. Конечно, он никому не расскажет об этом удивительном путешествии.

Вопрос в другом. Что делать сейчас, когда за ним устроена слежка федералом из будущего? В общежитие, где все его сбережения и вещи, сейчас ни ногой. Там его быстро определят. Здесь оставаться, тоже, резона нет. В доброе время Отец не остался бы и здесь, но холод, голод и усталость сыграли решающую роль в выборе пристанища. Сегодня он отсидится, а что делать потом? Как на счет института? Нужно продолжать обучение. Не зря же он отучился уже несколько лет в нем. Нужно устраивать свое будущее. Только как это реализовать? Если за ним будет постоянная слежка, он не сможет нормально постигать науки. Нужно что-то предпринять.

До общаги не добраться, там все его вещи. Денег хватит прожить день-другой, а что дальше? Слишком много вопросов, подумал Отец. Утро вечера мудренее. Завтра все решу.

Отец вытерся колючим огромным, как степь, полотенцем, завернулся в теплый халат хозяина дома, надел мягкие тапочки и вышел на кухню. Там его ждала целая гора лапши, заботливо запаренной Лево́й, а затем поджаренной на сливочном масле. Лева стыдливо подняла глаза на Отца и тут же опустила их, залившись краской. Девушка тихо произнесла:

—Отец, садись, лапшичка готова.

—Молодчина,— громко сказал Отец,— давай зачетку.

Лева коротко хохотнула.

—Отец, распахнись, жарко тебе же.— Заботливо заговорила Куличина.

—Отстань, все равно сегодня в койку сыграешь,— сказал Отец, в ответ на эту реплику Брусов стал лягать его под столом.— Я тебе обещаю!

—Ох, ты какой шустрый,— Закривлялась Куличина.

—Мангуст, слушай, мяса бы мне в лапшу.— Сказал Отец и потянулся ложкой в сковородку с мясом, которого осталось очень мало.

—Ты откуда такой голодный? В общаге не кормят?— Спросил он.

—Долго рассказывать...— Отмахнулся Отец и погрузился в свою чашку с лапшой и мясом.— Сюда бы органический синтезатор...

–Чего тебе надо?– Не понял Брусов.

–Пельменей.– Пробулькал Отец.

–Эка тебя... Пельмени без водки только собаки едят.

Пельменей только нет, а вот водочки накапаю. Хочешь?–

Брусов уже наливал водку в рюмку.– Ты Гонзику оставь немного лапши. Я его уже день не кормил.

–Кто такой Гонзик?– Спросил Отец, отрываясь от чашки.

–Ты не видел его?– Спросил Брусов.

Отец отрицательно покачал головой.

–Ольга,– Брусов обратился к Куличине.– Сбегай за Гонзиком, Отец его не видел.

Куличина убежала в другую комнату и вскоре вернулась с трехлитровой банкой из-под маринованных огурцов. В банке, свернувшись калачиком и нервно озираясь, лежала белая лабораторная крыса альбинос. Красные ее глазки опасно бегали из стороны в сторону, изучая опасность, мохнатые и тугие, словно рыболовная леска, усы щетинились, будто стараясь напугать все живое вокруг.

–Это Гонзик.– Сказал Брусов, беря в руки протянутую ему банку.

–Где ты его взял?– Поинтересовался Отец.

–В лаборатории, известно где. Его все равно до смерти бы запытали. Так что он– мой должник. Я ему жизнь спас.– Гордо произнес Большой Синяк и потряс банку. Несчастная крыса оживилась и заметалась по своему скромному жилищу. В банке, вместе с крысой, пришло в движение и все ее

содержимое. Кроме крысы там находилось несколько черствых, словно камень, кусков хлеба, обгрызенная мелкими зубами морковь, горсть риса и куски желтой газеты, в которую крыса справляла свою нужду. Запах, исходящий от банки, был способен сбить аппетит даже у слесаря, однако Отец только поморщился и принялся далее за еду.

—На кой она тебе сдалась?— Поинтересовался Отец.

—Как так, на кой? Он— мой друг. Я ему пива нет-нет даю, чтобы совсем не зачах. Пьет.— Довольно кивнул Мангуст.

—Правда что ли?— Чуть не подавился от смеха Отец.

—Я тебе говорю. Пьет. Водку не любит, а пиво пьет. Только газы отпустишь с пива, тогда пьет. Правда, газеты нужно чаще менять.

Мангуст поведал Отцу занимательную историю, как он пробрался в лабораторию и унес в кармане пиджака крысу, которую затем аккуратно завернул в носовой платок, чтобы не испортила одежду. Принеся крысу домой, Мангуст детально осмотрел животное и вычислил, что крыса— самец. Маленький альбинос стал Гонзиком, поскольку, по глубочайшему убеждению Мангуста, Гонзик— самое подходящее для крысы имя.

—Он знаешь, какой понятливый? У-у! Что ты! Я его отпустил погулять дома, так он, сволота такая, сразу под шкаф спрятался. Я его неделю оттуда выковыривал. Я с этого бока к нему подойду— он в тот конец бежит. Я сюда— он туда. Я даже разок из пистолета в него пальнул. Он ничего. Зарылся

там где-то и ни ногой.

Отец хохотал. Он живо себе представил, как этот верзила на корточках с пистолетом гоняется за маленькой испуганной лабораторной крысой, которой в итоге стрельнул в усы.

—Так ты после этого решил помор устроит дома?— Спросил Отец.

—Угу,— заверил его Брусов.— Думаю, все равно пару дней в дом не зайти. Так глаза режет. Тогда я все белье в ту комнату стаскал, пару обоев выпалил и ушел из дому. Так ты представь себе, Гонзик живой остался. Я про него впопыхах забыл, а он живой. Теперь его можно даже в газовую атаку на врага выпускать.

Брусов наливал пиво в широкие бокалы, пена лилась на стол, поля зрения сужались. Стало уютно в компании старого друга, распутной Куличины и милой Левы.

—Все, братцы, Мангуст, ты не против, я пойду, кости свои брошу?— Спросил Отец, поднимаясь со стола.

—Леву с собой бери, да иди себе с Богом. Вдвоем все теплее будет.— Сказал Брусов и покосился на смущенную девушку.

Лева вспыхнула, будто ее посадили на горячую сковородку.

—Ну, сейчас же. Я одна буду спать. Еще чего не хватало.— Сказала раскрасневшаяся от стыда девушка.

—С Гонзиком? С ним, по любому лучше.— Захохотала Куличина.

Отец махнул на них рукой и отправился в маленькую комнату, в которой Брусов поместил маленькую белую лабораторную крысу, создав ей удобства в стеклянной посудине.

Разобрав кое-как постель, Отец, стоило ему коснуться подушки, уснул. Во сне он видел милых жирных цватпахов, которые старались к сроку изготовить нужные темпоральные цепи к установке, которая отказывалась ехать в зоопарк. Установку смазывали машинным маслом и заливали внутрь какую-то зеленую бурлящую жидкость, она капала на сложные механизмы и разъедала блестящий металл. Отец метался на лесной лужайке, где братец Дэн семихвостой плетью уговаривал цватпахов работать аккуратнее, от этого установка усилилась еще несколькими вагонами, посаженными на железные литые колеса. Отец не знал, зачем нужны дополнительные вагоны, поскольку поедут только двое, он и Дэн. Откуда-то появился Мойша и терся своими черными боками о ноги Отца. В зубах общажного кота остался клочок шерсти ленивого коалы Пиначета, но животное это не смущало, он весело поднимал хвост возле каждого вагона и всем окрестным котам давал понять, что поедет вместе с Отцом. Когда Отец сходил искупаться в озере, выяснилось, что установка куда-то подевалась. На ее месте остались лишь, блестящие осколки лобового стекла и искореженный куст хвойного растения, которое сам окрестил кактусом. Отец очень расстроился, но Чумичка, который пробежал рядом, подошел, потрепал беспальными крыльями хумана

за плечо и произнес:

–Атисьсь, Отец, твою мать, вставай, в школу проспали.

Отец открыл глаза. По коридору, едва освещенному желтой лампой, метались растрепанные девчонки. Куличина выглядела куда более потрепанной, нежели ее скромная спутница. Брусов стоял над Отцом и тряс за плечо.

–Проснулся? Проспали. В школу пойдешь?– Кинул он через плечо и убежал в другую комнату надевать штаны.

Только тут Отец обратил внимание, что Мангуст, не стесняясь девчонок, метался по квартире в огромных, как футбольные ворота, семейных трусах. В минуты, когда обстановка требовала максимальной мобилизации, Брусов не обращал внимание на такие мелочи, как семейные трусы. В ванной журчала вода, там же раздавались нескромные выражения Куличины, которая была недовольна, что проспала в институт. Отец лежал в кровати, едва прикрывшись пледом без пододеяльника. Брусов выскочил из своей спальни. На нем уже были надеты мятые брюки. Он скакал на одной ноге, стараясь нацепить непослушный носок на ногу, который упрямо путался в пальцах.

–Мангуст, без меня идите, я сегодня никакой.– Сказал Отец и попытался закрыть глаза.

Брусов подскочил к нему и сдернул плед.

–Ты чего, вставай. Проблемы со школой нужны? Мне хватило пары академов.

–Макс, не гневи Бога. Я– большая старая женщина. Ты по-

смотри вот на это,— Отец вытянул из-под едва покрывавшего его пледа ноги и сложил их немислимым образом,— как, по-твоему, я на них могу пойти куда-нибудь?

Брусов засмеялся.

—А как я, по-твоему, на таких же каждый день хожу?

—У каждого свое горе. Не тронь меня. Я посплю, а завтра за ум возьмусь.— Сказал Отец и потуже натянул на себя плед.

—Ну, смотри сам. Я ушел. Ты здесь будешь?— Спросил Брусов.

Отец вяло покивал под пледом головой.

—Если пойдешь куда, дверь хорошо захлопни. Ключ нужен?— Спросил он, надевая на себя свой огромный кожаный плащ.

—Куда мне идти? Я у тебя пока поживу. Потом будет видно.— Помотал головой Отец.

—Ох, чего-то ты не договариваешь, ладно, приду домой, все по порядку расскажешь. Добро? Ну, все, пока...— Сказал Мангуст и, забрав девчонок, хлопнул дверью.

Ну, наконец, ушел, подумал Отец и постарался заснуть. Было еще раннее утро, Отец решил дать себе день передышки. Завтра он займется делами и поедет в институт. Еще только начало семестра, один пропуск, как-нибудь он с ним справится. В общагу сейчас нельзя. Хотя, почему нельзя? Федерал, если он и бродит где-то здесь, то он не возле общаги. А, посему, нужно проверить, где он. Сон окончательно покинул Отца. Он встал и первым делом решил устро-

ить ревизию в холодильнике. Открыв магнитную дверь, отец обнаружил несколько сосисок, аккуратно завернутых в бумажный пакет, и уложенных в дальний угол. Изничтожив их, Отец почувствовал значительное улучшение самочувствия. Тут в дверь раздался стук. Отец сначала не обратил на него внимания, но потом он вспомнил, что у Брусова есть звонок. Странник замер с открытым ртом возле холодильника. Осторожно прикрыл дверь самого важного в жизни каждого мужчины шкафа и гуськом отправился к двери. Стараясь не шуметь и не скрипеть половицами, Отец приблизился к двери и заглянул в глазок. **Федерал!!!** Что ему нужно? Что он от меня не отстанет? Подумал Отец. Вот же нечисть. Так, нужно соображать быстро, а действовать еще быстрее. Бежать. Куда и как? Неважно куда, не важно как.

Отец, не успели остыть следы его друга за порогом, подбежал к гардеробу и стал одеваться. Он нацепил на себя джинсы, какую-то футболку, сверху нацепил свитер с турецкими красно-синими узорами, нахлобучил бейсболку на голову, куртку, подбитую искусственным белым мехом, на ноги надел кроссовки на босу ногу и был во всеоружии.

Стук в дверь повторился. Отец заглянул в дверной глазок. **Федерал** стоял возле двери и опасно озирался. Хватит с меня, подумал Отец, и побежал к балкону, который выходил на другую сторону дома. Он отпер дверцы, ведущие на свободу, затем аккуратно притворил их, чтобы с улицы не было заметно бегства, и спустился во двор по водосточной трубе,

придерживаясь за балконы. Оказавшись на улице, Отец со всех ног кинулся бежать во дворы, чтобы остаться незамеченным.

Серое хмурое утро, приветствуя Отца, плюнуло ему в лицо холодным мелким дождем и спросило:

—Что дальше?

Что дальше? Дальше— бежать. Бежать, куда глаза глядят. Отец осмотрелся по сторонам. Погони не было. Он еще немного покружил меж домов, запутывая возможных преследователей, и вышел к трамвайной линии, которая проходила метрах в трех ста от дома Брусова. Федерал здесь, значит, в общаге нет его, это логично.

Отец запрыгнул в трамвай, который по случайности был попутным, и уселся на сиденье. Едем в общагу. Двери с глухим чавканьем закрылись, трамвай тронулся. Мимо пронесся торговый центр, с другой, нижней стороны, затем мост через реку, в которой водились жирные ондатры в куче грязного тростника и окурков, затем поворот на табачную фабрику, от которой повеяло сладковатым и пряным запахом. Если так они меня доставать станут, мне никакого житья не будет, подумал Отец. Нужно что-то делать. Может, уехать домой, там его будет трудно найти. Взять академ и исчезнуть на годик, потом, когда все уладится, и федералы потеряют его след, он восстановится и примется за учебу? А потеряют ли? Это еще вопрос. Может скрывается где-нибудь в другом городе? Там, где он никогда не был и где не успел оставить следы.

В будущем об этом времени нет точных сведений о перемещении людей. Может это сработает. А академ он оформит потом, когда все уляжется. Что же, это тоже вариант. Тогда, куда ехать, где он не был? Питер? Нет, там никого знакомых нет. На Волгу? Слишком близко. Тоже не подходит. Москва? Стоит подумать. У него живет там дальняя-предальная тетушка. Пару лет назад она приезжала к ним в гости погостить. Они с матушкой загудели на неделю. Тетка веселая, авось не прогонит, если у нее остаться ненадолго, там будет видно.

Отец проехал мимо Алого поля, которое встретило Отца красными воспаленными зрачками светофоров, затем не весело подмигнуло зеленым, помахало розовыми срезанными кустами и букетами хризантем и распрощалось.

Только бы никого не было в общаге. Федералы могли послать несколько человек остановить Отца, если это так, шансов улизнуть от них было мало. Отец вышел на своей остановке и кварталами подошел к общаге мимо старых серых, заплесканных дождями, пятиэтажек, мимо пяточка, где старухи ночами весело торгуют самогоном. Вот уже и полукруглый бок родного общежития, в котором Отец провел очень много сладостных минут. Покружив вокруг здания, и не обнаружив видимой опасности, Отец, отчаявшись, зашел внутрь. На вахте сидела знакомая старуха, которую Отец величал не иначе, как Старая, или просто Бабка. Старуха недоверчиво посмотрела на прибывшего из утренней прохлады

Отца и недовольно фыркнула:

–Все люди, как люди, а этот... шастает. Нет, чтобы учиться идти, так он лоботрясничает. Лодырь Царя Небесного.– Она нервно шевелила губами, и казалось, наклонись она чуть ниже, могла бы за разговором подметать от окурков тротуары.

Отец оставил без внимания ее замечание и последовал верх по лестнице на свой второй этаж, где за углом, чуть наискось от рекреации, была его родная сорок шестая комната. Дверь была открыта. Отец осторожно заглянул внутрь. Никого. Мелкими шагами, он прошел за занавеску, отделяющую прихожую от жилого помещения. В комнате никого не было, только горячий суп в кастрюле еще дымился на столе. Видимо, подумал Отец, Гурик с Басмачом забыли закрыть дверь. Отец быстро скинул одежду, позаимствованную по молчаливому согласию у Брусова, смотал ее в узел и закинул под койку. Потом отдам, подумал Отец. Затем облачился в свою одежду, которую пришлось доставать из чемодана. Забрав все документы и деньги, которых едва бы хватило на мороженое, выглянул осторожно в коридор.

Да чтоб тебя, подумал Отец, быстро затворив за собой дверь. В конце коридора, нехотя, прогуливался здоровяк из будущего, который немногим более чем полчаса стучал в дверь к Брусову. Как он так быстро перемещается? Может, на мне жучок висит, о котором я не знаю? Нет. К Брусову я пришел еще в шортах, которые привез с Цватпы. Ничего

не понимаю. Путь к отступлению был отрезан. Отец закрыл дверь на замок и присел на койку. Что делать дальше? Нет. Нужно отсюда бежать, думал Отец. Снаружи толкнули дверь, от чего старая древесина затрещала. Все, нужно действовать. Один хороший толчок и дверь разлетится в щепу. Отец открыл окно. Оставался последний ход.

Ход был. Чтобы покинуть общежитие не традиционным путем, как в случае ночных походов к старухам на пяточок, нужно было через окно спуститься на уступок, который шел вдоль второго этажа снаружи, затем пройти по нему до кухни, находящейся в конце коридора, цепляясь за откосы окон. Дойдя до кухни, нужно спуститься на два метра по пожарной лестнице и следовать в выбранном направлении по газовой трубе, которая вела за угол общежития. За углом находилась мраморная лестница, на которую нужно было спрыгнуть с трубы, и только потом, по ступеням, проследовать на землю. Этим путем Отец проходил много раз, поскольку вахтерши, науськанные комендантом Ниной Матвеевной, запирали входную дверь общежития на огромный висячий амбарный замок, а аппетиты требовали иного.

Однажды, это было несколько лет назад, Алекс, которого еще звали Кактусом за его постоянную трехдневную щетину, был отряжен к старухам в час, когда просыпаются мертвецы и встают из своих могил. Водка подошла к концу, но возбужденные алкоголем друзья решили не останавливаться на трех литрах водки, и, зная дозозависимый эффект алко-

голя, для пушего удовольствия собрали немного денег, которых в дневное время едва хватило бы на дешевый портвейн, однако ночью эта же сумма возростала до тысячи миллилитров самогона, изготовленного на грязной кухне. Алекс спустился вниз без особых усилий, приобрел необходимое количество горячительного напитка и вернулся к стартовой площадке, обозначенной мраморной лестницей, ведущей к газовой трубе. Дойдя до пожарной лестницы, Алекс взобрался на уступок, который вел уже к заветному окну, но, дискоординированный уже набранной дозой, свалился вниз. На ту пору стояла весьма снежная зима, которая и уберегла естествоиспытателя от многих переломов. Упав на спину в глубокий сугроб, Алекс первым делом ощупал драгоценную ношу, на которую возлагали свои мечты несколько подхмелевших студентов, затем ощупал себя, и, убедившись в собственной целостности, вспомнил мать, видимо чужую, поскольку свою любил безгранично, вспомнил некоторых родственников неизвестно кого, вероятно строителей, и продолжил свой путь уже со счастливым финалом. У пьяных свой добрый бог.

Когда Отец проходил самый сложный участок пути по газовой трубе, он услышал, как под силой натиска дверь в его комнату крякнула и сорвалась с петель. Отец ускорил свои шаги по шаткой опоре, которая в такт его шагов раскачивалась в нескольких метрах над землей, и вскоре скрылся за поворотом. Странник бросился в парк, который окружал об-

щежитие и притаился в кустах, припав щекой к спинке лавочки. Погони не было. Все тихо. Отец, низко нагнувшись, отправился назад, на трамвайную остановку, с которой сошел только что. Он бросил прощальный взгляд на круглый бок родного общежития и скрылся.

Трясаясь в трамвае, Отец совсем загрустил. Как же так получается, что этот здоровяк знает, куда я направлюсь? Можно с кем угодно поспорить, что, вернувшись к дому Брусова, я встречу его там. Странно все это!

Итак, Москва. Что ж, хороший выбор. Места там много, затеряться среди миллионов москвичей и гостей столицы не составит труда. Автостопом туда не добраться. Слишком много времени уйдет на то, чтобы выехать на другую сторону Уральских гор, которые отсюда и видны то едва.

Собирать бутылки, чтобы хоть немного разжиться деньгами, Отец не собирался даже под страхом пытки концертом Петросяна. Мыть машины на светофорах ему мешала гордость, да и вырученные средства едва бы окупили еду. Банк спермы! Конечно это он. Вот откуда у Отца возникла необходимость пойти туда. Там платили много больше, чем в других местах. Можно, конечно было сдать кровь, но за такое невыгодное занятие не давали больше чем комплексный обед и освобождение от института на два дня. Это не годится. Другое дело стать отцом. Решено. Банк спермы рулит.

Отец сошел с трамвая на остановке Южной, пересел на рогатый троллейбус и продолжил движение. Рывки старой

машины были значительно неприятнее, чем трамвайные, Отец за год успел отвыкнуть от быстрых стартов этого несурового транспорта. Мимо пролетали районы, дома и люди, не обремененные заботой скрываться от федералов из будущего. Мимо неслись автомобили, с боков испачканные осенней липкой серостью. Мимо пронесся кислородный и лакокрасочный завод, пролетела небольшая деревушка, расположенная прямо в городе. Отец чуть было не задремал, но был разбужен каким-то бомжем, неприятно толкавшим будущего отца грязной сумкой.

—Ты, червь, ну-ка, отлезь в сторону, а то я тебя сей же час в окошко выкину,— сказал раздосадованный таким грубым обращением Отец.

Бомж, что-то ворча себе в нос, отступил от воинственного странника и принялся кидать на него презрительные взгляды.

Выйдя на остановке возле огромной больницы, Отец отправился на поиски заведения, в котором дают путевку в жизнь в различных смыслах этого слова. Для кого-то оно давало билет в родильные дома, а кому-то до Москвы. На стенде с планом больницы Отец не обнаружил ничего, что могло бы ему подсказать нужное направление. Он огляделся и увидел двух сестричек, завернутых в черные ватные чупаны.

—Девчонки, вашим мамам зять не нужен?— Спросил Отец, настигнув сестричек.

Девушки переглянулись и весело засмеялись.

–Иди, куда шел, жених. Такого добра на блошином рынке за десятку ведро дают.– Сказали они и побежали прочь от Отца.

Не простое это дело быть отцом, подумал Отец. Нужно спросить кого-то постарше. Мимо проходила грузная тетка в синих резиновых рукавицах, неся эмалированное ведро с пищевыми отходами. Вот, то, что нужно, подумал Отец и понесся к ней.

–Родная, я хочу стать отцом. Где мне помогут?– Спросил Отец.

–Родная,– фыркнула себе в усы тетка,– на вокзале, где ж еще, там ноне цены низкие. А здесь тебе нечего наших девок портить, а ну, марш отсюда.

–Нет, тут где-то сперму сдают, где это?– Сопrotивлялся натиску тетки Отец.

Тетка остановилась и серьезно посмотрела на него.

–Ты, вот что, шутник, дуй отсюда, пока я милицию не позвала. Анализы вон там отдают, в тебе этого добра навалом.– Тетка махнула на приземистое здание в конце желтой и местами облетевшей аллеи.

–Спасибо, мать, страна будет помнить своих героев,– крикнул уже на бегу Отец.

Странник побежал по асфальтовой дорожке, засыпанной опавшей листвой. В желтом двухэтажном бараке, на первом этаже располагалась лаборатория, о чем Отец догадался, прочтя табличку с надписью «Лаборатория». Испросив раз-

решение войти у регистраторши, сидевшей за низкой конторкой, он спросил:

—Где можно здесь стать папой?

Регистраторша подняла на Отца мутные, застекленные толстыми линзами, глаза и отвернулась от просителя, словно от черни, недостойной ответа. Отец повторил свой вопрос в несколько других выражениях. Регистраторша поняла, чего хочет от нее молодой человек, и снизошла до низкого грудного лая:

—Вон там, за тем зданием, видишь,— она ткнула корявым пальцем в мутное зарешеченное окно.— Вот там то и ест Центр Планирования Семьи. Иди туда.

Она еще раз бросила на Отца испепеляющий взгляд и окончательно отвернулась от него. Отец направился к беленькому уютному зданию, где раздавали деньги за удовольствие. Здание отличалось от желтой убогости казенного заведения белым пластиком и ухоженными полами. В потолках светились встроенные крошечные светильники, в противоположность желтым лампам, висящим на старых виниловых проводах. Белые стены увешаны картинами веселого будущего с радостными лицами матерей— одиночек и очаровательных малышей. В красивом пластиковом обрамлении висела огромная цветная фотография доброго доктора, дарящего радость новой жизни, со шприцем в руках и надменной улыбкой в устах. За стеклом в синих халатах сидело несколько регистраторов, внимательно следящих за вновь прибыв-

шими анонимными отцами. В холе находилось несколько уютных мягких кресел, расставленных вокруг столика с наваленными на нем журналами недвусмысленного содержания. Отец огляделся и подошел к полукруглой дырке в толстом стекле и наполовину залез внутрь.

–Здравствуйте, девушки, красавицы.– Сказал он, поклонившись настолько, насколько позволяла его уже согбенная поза.

Девушки, которые родились лет за сорок до Отца, выразили свое недовольство столь откровенным проникновением в святая-святых центра, в помещение, где хранились все сведения об отцах-осеменителях. Отец поспешил ретироваться без препираний, поскольку не центр, а он нуждался в деньгах. Объяснив суть своего визита, Отец расположился в кресле в холле и стал разглядывать журналы, которых хватило бы на много месяцев любому холостяку. Девушки заполняли бланки, заявки, направления на анализы, списывая данные с паспорта и медицинского полиса. Затем дали будущему отцу анкету, заполнив которую Отец удивился, почему у него за спиной не растут крылья. Согласно листку, Отец никогда в жизни не был с женщиной, не пил, не курил, был спортсменом и отличником, которым гордится вся добрая половина человечества.

Когда, наконец, драма подходила к своему апогею, Отца пригласили раздеться в специально отведенной комнате, чтобы взять у него контрольные анализы гемограммы, мо-

чи, кровь на ВИЧ и гепатиты. Затем взяли мазки, что очень оскорбило Отца, однако он не стал противиться процедуре, поскольку был очень зависим от денег. Закончив приготовления, Отца, облаченного лишь в длинную сорочку и бахилы, проводили в индивидуальную комнату, где суждено было состояться таинству становления отцом.

–Вам каким-нибудь способом помочь?– Поинтересовалась жирная тетка, холодно глядя на Отца.

–Вы можете голый попрыгать по подоконнику?– Поинтересовался Отец, мало рассчитывая на положительный ответ.

Тетка, которая до сих пор рассматривала Отца, как мясо, продуцирующее драгоценную жидкость, строго посмотрела на него и процедила сквозь зубы с деланной натянутой улыбкой:

–Я имею в виду фото или видео, может что-то еще?– Тон был холодный, как лягушка.

–Нет, спасибо, не беспокойтесь, у меня богатая фантазия,– улыбнулся Отец.– Один вопрос. Детей где оставить?

Тетка молча кивнула на белую пластиковую тумбочку, на которой находились разовые стаканчики, запечатанные в стерильные бумажные упаковки, и прикрыла за собой дверь. Оставшись один, Отец походил по комнате, в которой кроме телевизора с видеомэгнитофоном, было кресло с журнальным столиком, кровать, заправленная белоснежной простыней, которая от крахмала могла сломаться, только коснись ее. На стенах висели портреты девиц в таких откровенных

позах, что неискушенный Отец раскраснелся. Журналы, раскиданные на столике, имели сходное содержание, что и в вестибюле. Отец присел в кресло. Нарушать строгость линий крахмальной простыни он не решился, взял журналы и начал их разглядывать.

–Вам что-нибудь нужно?– Участливо спросила медсестра, когда Отец вышел из своей комнаты.– Чего-нибудь не хватает?

–У вас есть емкость больше?– Спросил Отец, протягивая свой стаканчик.

–Вы наполните сначала эту,– скривила губы в ехидной усмешке сестра.

Отец поставил закрытый пластиковой крышечкой стаканчик на полочку, которая предназначалась, видимо, для этого. Сестра раскрыла глаза шире и стала смотреть то на стаканчик, то на Отца и наоборот.

–Молодой человек, вы что, туда плюнули?– Не скрывая удивления, спросила тетка.

Отец отрицательно покачал головой.

–Но вас не было меньше минуты.– Недоверчиво произнесла она и взяла стаканчик.– Смотрите, мы будем проверять содержимое. Если окажется, что это слюна, вы не получите и копейки.

–Милая тетя Дуся, от меня беременели столбы, так что будьте уверены в искренности моих чувств.– Утвердил ее в правдивости своих слов Отец.

– Меня зовут, – представилась тетка и вышла из комнаты.

– Так как на счет посуды побольше? – Спросил Отец.

– Порцию у нас сдают раз в неделю. Так что на следующей неделе ждем, если, конечно, ваша фертильность будет удовлетворительной. – Сказала сестричка, которая осталась с Отцом. – Как раз подойдут ваши ответы на гепатиты. Там и оплата будет выше.

– Постараюсь, – проговорил Отец. – Значит, на сегодня все?

Сестра кивнула.

– А дома можно потренироваться?

Сестра, игнорируя вопрос, молча проводила Отца до гардероба, где тот обрел обычный для себя вид, избавившись от ночной сорочки и бахил. Он оставил все свои подписи под бланками учета, в расходной книге, в направлении на гепатиты, который он будет рассматривать через несколько веков, в будущем. Грузная тетка, как и все бухгалтера, с особым масляным взором на деньги, в круглом окошечке кассы выдала Отцу хрустящие бумажки с изображением зеленого мужика в собольей шапке с подписью внизу «Ярославль». Отец округлил глаза. Купюр было раз в пять больше, чем он рассчитывал получить. Оказывалось, что быть отцом не только приятно, но и выгодно. Это обстоятельство обозначило проблему трудоустройства на государственную службу в очень невыгодном свете. Гораздо более практично стано-

виться отцом раз в неделю. Он даже придумал лозунг, который оправдывал его стремление стать отцом многочисленных народов. «Демографический взрыв в кратчайшие сроки!!!». Нужно будет повесить такой плакат у себя в комнате, рядом с женским сагитталом.

Погода перестала быть бесноватой. Отец вышел в прекрасном расположении духа и легкостью во всем теле. Серое небо, словно мягкое марево, скрывало землю от жестокого холодного солнца. Мелкий дождик, который оставлял на лице мокрые следы, казался слезами радости появления новой жизни. Ветер, который еще час назад залезал под кожу, выглядел, как легкое манящее дуновение, ласкающее отца народов. Осенняя пожухлая листва уже не выглядела небранной грязью, но триумфальным убранством дороги, ведущей на Олимп славы и поклонения. Пустой нагрудный карман уже не был таким пустым, как час назад, и грел душу нежным бумажным шелестом, сулящим странствия и приключения.

Вдруг, Отец почувствовал себя властелином мира, перед которым звезды должны вставать на колени и при первом хмуром жесте рассыпаться в космическую пыль. Несколько новеньких купюр заставили его поверить, что все дороги перед ним открыты и нет других преград перед ним кроме вечности и вселенной.

Осень лениво проводила Отца до ворот больницы, она от умиления проронила на нос страннику несколько листьев,

которые специально приберегла на этот случай на ветке липы. Она покачала грустными ветками вслед уходящему космическому беглецу, она лизнула спину жесткой щетиной кустарника и оставила лоскут от куртки себе на память. Когда путник вышел за ворота, осень на прощание хлопнула ему ржавой калиткой и запела грустную песню железными кольцами цепей на качелях. Так будет всегда. Осень любила Отца, поскольку тот родился осенью, но эта любовь навеки останется неразделенной, потому что странник лишь во дни смятения обращался к осени за помощью, в другие дни он словно не замечал ее, а иногда и лютовал. Осень плакала мелкими слезами, которым не было числа. Слезы, сливаясь, рождали маленькие серые ручейки, крутящие павшую листву и комья грязи, затем они стекались в лужи, вокруг которых, задрав штанины, обходили люди. Это плата за неразделенную любовь, за несбывшиеся мечтания, за рухнувшие надежды, и платить должен тот, кто станет сему свидетелем. Все просто: на любви, как на войне, и горе тому, кто не примет эти правила.

Отец шел под морозящим дождиком и даже не замечал его. Он думал сейчас о том, какой он будет его малыш, тот, который родится несколько месяцев спустя. Узнает ли он когда-нибудь, что у него через несколько веков родится единокровный сводный брат, который будет летать на Луну, чтобы встретиться там с любимой девушкой, или полетит на Ю, исследовать грандиозные черные пещеры, или отправит-

ся на Плутон, раскрыть тайну древних строений, или отбуксирует Кваоар поближе к Солнцу, чтобы было удобнее добывать плутоний? Наверное, нет. Скорее всего, малыш, который родится в этом веке, однажды спросит у своей матери: где мой папа? И та ему ответит, что папа отправился на Южный полюс растапливать льды, чтобы добыть человечеству чистой воды. И, конечно, малыш будет гордиться таким героическим отцом, положившим свою жизнь на благо человечества, и он не догадается, что его отец только что прошел мимо него, за руку ведя другого маленького человечка. И скорее всего мама, которая родит от безымянной пробирки, будет глубоко несчастной женщиной, не нашедшей счастья меж людей, но готовой безвозмездно подарить всю себя целиком, без остатка, малышу, который никогда, никогда не узнает правды о своем папе.

Очень грустно расти без отца. Очень неудобно будет потом, когда придет сознание неполноценности своей маленькой семьи, кивать маме или молчаливо обходить в разговоре темы, касающиеся родителя и односторонности воспитания. Это— печать на лице, которую придется волей-неволей носить всю жизнь и после нее. Безотцовщина. Сейчас мало кого можно удивить этим. Таких людей очень много, тех, которые выросли без отца, которые не знали теплоты отчих рук, или тяжести его ремня. Гораздо хуже, если маленький человек растет без маминых поцелуев, но и скупые объятия отца тоже чего-то стоят. Что лучше, родиться без папы или не ро-

даться совсем? У каждого свой жизненный путь, и никому не позволено решать за других. Так было и так будет.

А тот мальчик, который родится несколько веков спустя, у него есть шанс увидеть своего папу, пусть на плоской, не объемной бумажной фотографии, пусть в глобальной базе данных в виртуальном измерении. Ему, если он захочет, будет позволено подойти к старой могиле с истлевшими костями, поклониться ей и сказать: папа, прости мою маму, она сделала большую ошибку, лишив счастья сразу трех людей скоропалительным и необдуманным поступком. Прости, если сможешь, прости и прощай.

Обремененный деньгами, Отец начал было уже подумывать остаться, но трезвый рассудок, все же взял верх над минутной слабостью. Денег, которые Отец приобрел столь необычным для него способом, должно было ему хватить месяца на полтора, если бы он жил в общежитии. Если же снять квартиру, этой суммы не хватит и на месяц, просто уплатив плату за проживание. Жить в общежитии невозможно, у Брусова— исключено. Здесь вездесущий федерал, от которого нужно правдами и неправдами скрыться. Мало вероятности, что он останется караулить Отца несколько месяцев, непостижимым путем перемещаясь с места на место. В любом случае полноценной учебы не получится, а, следовательно, делать в этом городе нечего.

Отец отправился на остановку, где нашел для себя место в дальнем углу, сев в автобус. Большая гармошка, скрипя и

заваливаясь на бок, везла Отца прочь от этого места, где он почувствовал себя человеком. Впервые за прошедший год ему не нужно было притворяться, скандалить с Басмачом, препираться с Рыжей и ее несносной маман. Здесь он дома. Только здесь и сейчас, в этом времени он будет по настоящему счастлив. Рыжая. Что ж, ты сделала очень ответственный шаг, с которым тебе жить всю оставшуюся жизнь. Бог тебе судья. Странно, почему она так легко отказалась от своего счастья? Неужели, Отец так плох? Неужели, он так непроходимо алчен и испорчен? Ведь любила же она его. Куда все делось? Если бы не этот необдуманый поступок, Отец остался бы там, в будущем и жил бы с ней в какой-нибудь псевдореальной маленькой квартирке, растил бы сына, которого назвал бы Олегом. Он ходил бы с ним на берег великой реки играть в камушки и дивиться на огромных железных мужиков, стоящих на холме у реки, потрясая над головой огромным многотонным черным мечом. Он бы научил маленького сына делать рогатки и палил бы в палисаднике по пустым консервным банкам и фотографиям своих начальников. Он бы полетел с сыном на Луну, чтобы прокатить его под прозрачным прочным куполом Армстронга. Все было здорово.

Отец размышлял, что было бы, если бы ... Если бы Рыжая не бросила его, он бы остался в грядущем, а это значит, что в прошлом, в банке спермы, не оказалось бы генетического материала, по которому его смогут идентифицировать в будущем и забрать на несколько веков вперед. Значит, Рыжая,

сама того не зная, предотвратила темпоральный кризис? Да, думал Отец, время— очень странная штука. Здесь причинно-следственные связи принимают очень интересный и запутанный вид. Это значит, что «после того, не значит вследствие того». Хотя, здесь нет ничего необычного, логика и упрямство фактов существуют независимо от их восприятия и отношения к ним. Они существуют вне времени и расстояний и с ними невозможно не считаться. Быть может теперь, когда логическая цепочка обрела недостающие звенья, в виде банка спермы, могло бы все наладиться, кто его знает что было бы, если бы ... теперь назад дороги нет. Тот Отец, который сейчас будущем, теперь его соло. Ему сейчас воевать с виртуальным Басмачом и с маман Рыжей. Сейчас нужно думать о другом: как скрыться от федерала, точнее как скрыться— вопрос решенный, необходимо выработать план, согласно которому жизнь снова встанет в привычное русло.

Время текло, колеса вертелись. Отец оказался на привокзальной площади, где толпилось много народа, не смотря на утро и на понедельник. У странствий свои законы. По площади, запруженной автомобилями и троллейбусами, меж ног бегали черные дети южных гостей. Мамаши черных детишек сидели прямо на асфальте, для мягкости и удобства подложив под себя намокшие листки газеты. Одеты они были в рубище, которым машину протирать от городской копоты подумашь сорок восемь раз. Цветные широкие юбки, которые сшиты еще на заре веков, были грязными на всем

своём протяжении, не только у подола. Заплатки из разнородной ткани не были видны из-за пестроты этой одежды. Из-под широких грязных полей туалета южные мамы нет-нет показывали свои ноги в коричневых дырявых гамашах, в пробрешинах которых были видны грязные худые ноги. От серости и непогоды женщины кутались в мохнатые шали, которые едва ли спасали их от осенней стужи. В руках они держали маленьких, совсем крошечных детишек, завернутых в такое же разношерстное тряпье. Некоторые груднички громко кричали, другие молчаливо посапывали на руках у своих грязных матерей. Женщины в нервных конвульсиях трясли рукой, вскидывая ее от подола до груди, что стороны казалось, будто они подзывают всякого проходящего мимо, и говорили со странным южным акцентом:

–Помогай, помогай.

Старшие братья и сестры тех, которые покоились на руках матерей, бегали меж честных людей и клянчили еду и грошик. Грязные неухоженные дети с рваными штанишками и черными пятнами грязи на лице и руках не оставляли сомнений, что рацион у них примерно такой же чистоты и свежести как и туалеты. Отец выгреб из кармана всю мелочь, которая осталась у него от билета, купленного в автобусе, и ссыпал на подол ближайшей несчастной южной гостьи из Таджикистана. Раздавать деньги, стараясь разделить мелочь на всех смысла не было. Отец знал, что эти люди живут стаями и в конце трудового дня всю свою нехитрую выручку скла-

дывают в один котел.

Цыганка, увидавшая такую щедрость со стороны молодого парня, тут же подскочила к нему с вопросом:

–Молодой да красивый, подскажи мне, милый, как доехать до цирка?

Отец был так погружен в свои мысли, что не заметил подвоха, к которым он был всегда готов. Он развернулся спиной к цыганке и, поглядывая на нее через плечо, указал на трамвай:

–Видишь вот там остановку?– Спросил он. Цыганка кивнула.– Так вот, цифру три знаешь? Сядешь на трамвай, с такой цифрой, а там тебе подскажут.

–Ой, спасибо тебе, добрый человек. За доброту твою, я скажу, что тебя ждет в будущем.

Отец насторожился, услышав слова о будущем. Он пристально вгляделся в черные, как смоль, глаза. Нет, он ее раньше не видел. Может это тоже агент федеральной службы? Это паранойя. В каждой цыганке, гадающей по руке теперь можно разглядеть федерала.

Цыганка схватила Отца за руку.

–Скоро тебе удача будет, много завистников приобретешь. Берегись жены своей, она тебя не понимает.– Затараторила цыганка, сверкая золотыми коронками и хитрыми алчными глазками.– Скоро у тебя денег будет много, делись с друзьями. А чтобы горя не было, дай мне десять рублей, я тебе расскажу, как поступить нужно.

Отец очнулся от дум, стоило только разговору вплотную подойти к десятирублевой купюре.

—А ну, марш отсюда, попрошайка. Я тебе десять рублей трубочкой кое-куда вставлю, чтобы сидеть неудобно было. На завод иди, болванки катай, немочь корявая.— Разозлился Отец и для убедительности дал нахальной цыганке понюхать кулак.

—Ох, какой грозный ты, такой хороший человек и так ругаешься. Давай я тебе всю правду расскажу, чтобы ты не злился. Ты мне помог, я тебе помогу.— Цыганка широко раскрыла глаза.

—Вон,— крикнул Отец.

Цыганка отступила, видя, что клиент нервничает. Отец прошел мимо статуи здорового каменного мужика, утопленного по грудь в коричневую скалу. В руке он держал гнутый меч, который собирался хватить огромным молотом. Мужик был могуч, с широкой бородой, искусно вырезанной в камне и хищным взглядом. Отец на секунду задержал взгляд на памятнике неизвестному рабу, растущему из скалы и принужденному гнуть мечи молотом, и следовал дальше, мимо синих ларьков, в которых тетки, завернутые в ватные фуфайки, торговали пивом и сигаретами.

За стеной жестяных коробочек, именующихся ларьками, высилось здание из стали и синего стекла. Оно отдавало лютым холодом и морозным блеском, окрашивая даже лица прохожих в синий цвет. Треугольные вершины здания были

очень строгими и безукоризненными с точки зрения урбанистической архитектуры, однако очень скупо вписывались в хмурый городской пейзаж. Величие синего стекла и стальных конструкций мало сопрягались с черными детишками, выпрашивающими себе на пропитание.

Отец нахмурился и вошел в здание вокзала. Огромные полукруглые купола, словно в турецкой мечети, высились над входом, а эхо, которое здесь было завсегдаем, принимало вполне отчетливые материальные формы и блуждало в стеклянных чашах. Отец прошел мимо торговых рядов, которые предлагали все, от открытки с видом на преисподнюю, до ботинок и носков от Gucci. Отец миновал харчевню, где приходилось питаться стоя под неусыпными голодными взглядами оборванных бомжей за одноногими столиками весьма грязными и засаленными. Путник подошел к кассе, вручил продавщице свой паспорт, с вложенной внутрь купюрой ярославского бородача, назвал направление и стал наблюдать за ней, как она ловко управляет с клавиатурой, почти не глядя, нажимает нужные ей комбинации цифр.

Отец непрерывно осматривал прохожих, сновавших по вокзалу, ища взглядом федерала. Его нигде не было. Очень странно, подумал Отец. Его не было около больницы, его нет и здесь, на вокзале. Видимо, если бы он оказался в больнице, мне пришлось оттуда бежать, и я не стал бы рисковать своим благополучием ради минутного удовольствия и, даже, ради денег. Банк спермы не был бы тогда таким значимым, как

сейчас, когда я отдал ему частичку себя, но, думаю, он это пережил бы как-нибудь. Выходит, он знает об этой логической цепочки, нарушив которую, возник бы неразрешимый темпоральный парадокс.

Здесь на вокзале его нет, значит, это тоже не спроста. Получается, что вокзал— это какая-то неведомая критическая точка в темпоральных логических цепях. Отец вдруг вспомнил, что в будущем, в глобальной базе данных, он нашел билет со своей фамилией. В билете четко значилось сообщение поезда с конечной точкой в Москве, на Казанском вокзале, только почему-то Трибун отмел версию, что это Отец поедет в первопрестольную, тогда он сказал: однофамилец. Что же это может значить? Конечно, Трибун— не Бог, он может ошибаться, пусть это он делает очень редко и неохотно. Могли подвести его алгоритмы, которые отличались своей тщательностью и правильностью в логических построениях. Всякое может быть, все может случиться. Очевидно одно, что Отец отправляется в Москву и точка.

Получив свой билет, до отправления оставалось часов восемь, Отец отправился на второй этаж огромного помещения. От главного холла верхнего этажа тянулся длинный широкий переход, ведущий к многочисленным платформам, от которого отходили боковые лестницы для выхода к поездам. Переход был запружен толпами людей, отбывающих из города и вновь прибывших.

Целую секцию перехода занимали китайцы с огромными

баулами. Казалось, что целая китайская провинция приехала в этот город торговать самодельным тряпьем. Маленькие узкоглазые желтолицые люди что-то чирикали на своем наречии, казалось, стая голубей воркует на току.

Отец уселся на сиденье, пустующее в самом углу зала ожидания, чтобы самому спрятаться в разноликой и разноязыкой толпе, при этом сохранять видимость за всем пространством широкого зала. Вещей у Отца не было, если не считать одежду. Странник почти лег на кресло, вытянув ноги перед собой, и откинул назад голову. Перед ним, чуть в стороне сидела молоденькая, лет двенадцати, цыганка и кормила ребенка грудью. Короткие жесткие волосы торчали из-под русского платка, который она связала на затылке узлом на манер тибетейки. Широкая цветная юбка полностью скрывала ноги цыганки и узлы с вещами, которые она прятала там же. Отец удивился столь юному возрасту молодой мамыши. Видимо у кочевых народов родителями становятся и раньше, коль скоро век, отпущенный им на странствия, очень короток. Ребенок активно работал ручками, подталкивая мясистую материнскую грудь, и причмокивал от удовольствия. Для них в этом мире уже никого не было. Мать полностью сосредоточилась на созерцании своего маленького чуда, ребенок же полностью погрузился в свое насыщение. Они смотрели друг другу в глаза, и в этом взоре чувствовалась вся правда этого израненного мира.

По другую сторону от Отца сидела древняя старуха, ко-

торая помнила Куликовскую битву. Старуха была настолько маленькая и сухая, что ее едва было видно из-за такой же старой и потертой годами и непогодами цигейковой шубейки. Старуха чуть распахнула подол своего жупана. Ей было жарко и душно в спертom воздухе зала ожидания. Она разложила вокруг себя старые, потерявшие всякую форму и цвет, кошелки, перевязанные бельевой веревкой для пушей сохранности. В руках старуха держала облезлую кошку, которая была такой же старой, как мир. Худые бока и облезлая шерсть были свидетелями того, что животное никогда не ела досыта. Старуха украдкой доставала из засаленного пластикового пакета, который держала подле себя, колбасу, которой побрезговали бы даже мухи. Она аккуратно разминала мясной мякиш меж корявых пальцев и отправляла эту массу одну часть себе в рот, другую, оставшуюся на руках, слизывала кошка. Старуха поглаживала свою животину, которая, наверное, единственная на всем белом свете любила ее. Кошка с благодарностью терлась своими облезлыми трехцветными боками о рябую щеку бабки, а та что-то приговаривала ей на ухо. Для этих двоих тоже мир сузился до тихого поедания колбасы да нашептывания ласковых слов друг другу. Им тоже никто не был нужен, равно как и миру не были нужны старуха, которая каким-то чудом прожила до таких лет, и кошка, страшнее коей нужно еще поискать.

Отец дивился. Неужели весь мир такой? Неужели он весь состоит из таких вот маленьких кирпичиков, как старуха и

кошка, юная мамаша и цыганенок? Если подумать, то и Отец не нужен никому, кроме его мамы да брата, который куда-то пропал. Сейчас он сидит в этом зале и ждет поезда. А кто ждет его? Мама очень далеко, брат тоже. Кому он нужен здесь и сейчас? Наверное, только темпоральному кризису, который Отец сам устроил?

Отец закутался в теплый шарф и расположился удобнее. Он сощурил глаза и сквозь маленькие щелочки глаз наблюдал за людьми, которые тоже жили своим маленьким мирком, они проходили мимо него, запинаясь о ноги, расставленные на весь проход. До отправления поезда оставалось еще много времени. Отец задремал. Ему грезилось что-то светлое и приятное. Из глубин сна перед глазами возникла худенькая верткая девчушка с огромными голубыми глазами и длинными ресницами, что могла спокойно вместо веера обмахивать себя в жару. Девчушка пристально с нескрываемой любовью глядела на Отца. Она боялась с ним заговорить, поскольку непорочность и природная стыдливость мешали ей признаться в любви. Отец понимал ее самые светлые чувства и намерения, и даже хотел ей помочь в признании, но стоило было ему приблизиться к девчушке, или сделать движение в ее сторону, как та проворно убежала и издали наблюдала за предметом своей страсти. Отец решился на хитрость. Он обошел парк, раскинутый невдалеке от морского причала, чтобы застать влюбленную девочку врасплох. Но не тут то было. Подойдя к тому месту, где должна была скры-

ваться девушка, он обнаружил, что та стоит у него за спиной и с нескрываемой любовью смотрит ему глаза. Отец махал ей рукой, чтобы та не боялась его и, откинув свой страх, поговорила с ним, но она будто не замечала его приглашающих жестов, но пристально наблюдала за ним, все время держа его на расстоянии.

Затем Отцу привиделась огромная заснеженная гора, с которой на горных лыжах и санках весело спускались отдыхающие. Невдалеке стояла электричка, на которой все эти люди приехали. Чуть в стороне от дорожного полотна высилась огромная черная скала, которую окружали, словно живая изгородь, белоствольные березы, охваченные белоснежным инеем. Было морозно, но разгоряченные люди катились с заснеженных гор, не замечая зимы. Отец схватил свои сани и стал подниматься в гору, имея твердое намерение скатиться вниз. Он шел и шел, и вершина, словно чувствуя его намерение, отступала от него все дальше и дальше. Отец обернулся назад, и посмотрел вниз, туда, где стояла электричка. Было уже достаточно высоко, чтобы получить долгожданное удовольствие, но до вершины было еще очень далеко, тогда Отец обреченно вздохнул и направился к вершине. Он шел и шел, он шел так долго, что устал смотреть этот сон. Тогда он решил: пусть будет лето. И солнечный июль засиял в своих красках.

Он был на той же горе, только электричка уже давно уехала, вокруг росла пряная горная травка. Всюду витал аромат

чабреца и Иван-чая. Весело порхали разноцветные бабочки, гудели шмели, стрекотали кузнечики, скрытые в высокой траве и ковыле. Отец зашел в лесок, который находился слева от него. Он знал, что где-то здесь должен встретиться небольшой бревенчатый охотничий домик, где лежала соль в коробке от спичек. Его забрала тень родных берез. Это было так здорово, что ему захотелось петь, но он не запел, потому что нужно было отыскать домик. Отец забрался в валежник, вдоль которого текла маленькая, словно ручеек, горная речка. Отец, медленно ступая, перешел через ее прохладу. С другой стороны он набрал полную пригоршню прозрачной воды и выпил. Сквозь листву берез выглядывало солнышко, где-то в вышине пели птицы, где-то вдали застрекотала сойка. Отец увидел охотничий домик, он подошел к нему, но черная серость, царящая внутри, остановила его. Зимой в нем было здорово. В маленьком очаге весело трещали поленья, и домик был сухим и теплым. Рыжий свет освещал его простое убранство, и после зимней стужи было так приятно вернуться в его гостеприимное тепло, где в углу, на деревянной полочке, выточенной из сосны, лежала соль. Но сейчас он был холодным и сырым. Везде было лето, а в домике была сырость и прохлада. Нет, туда он не пойдет.

Отец открыл глаза. Ему все еще грезился охотничий домик, в котором он так никогда и не был, еще осталось сладостное чувство любви в глазах худенькой голубоглазой девушки. Он зевнул и потянулся. Бросив беглый взгляд на

электронное панно, на котором отражалось время и отбывающие поезда. Скоро и он уедет отсюда. Пусть он потеряет еще год обучения, он готов пойти на это, но он останется в безопасности и вдалеке от Рыжей и федералов. Он несколько месяцев поживет у тетушки в Москве, потом, если Бог даст, он вернется домой к маме, а потом восстановится в институте и жизнь пойдет своим чередом.

Время шло, цыганка со своим ребенком, собрав свои вещи, куда-то ушла. На ее место села старая супружеская чета, которая очень бережно ухаживала друг за другом. Старик поправлял меховую шапку своей супруги, та нежно сдувала со старика пылинки. Даже не верилось, что через столько лет совместной жизни можно пронести любовь. Если вдруг доведется увидеть, так всегда думал Отец, старую супружескую пару, где супруги бережно любят друг друга и по-французски целуются, не смотря на то, что прошло уже тридцать лет со дня свадьбы, можно с уверенностью сказать, что смотришь американский фильм. Отец до глубины души был удивлен подобным зрелищем. Хотя, быть может, они только что нашли друг друга после тридцатилетней разлуки, тогда все в порядке, целуйтесь.

Старуха, которая кормила свою кошку, тоже куда-то делась. Наверное, уехала в какую-нибудь свою деревню, которую сейчас оплакивают холодные осенние дожди. Здесь, на ее месте уже сидели студенты с гитарами в руках и тощими, как и их тела, сумками. Петь они не решались, поскольку

охрана порядка вокзала не любила бардов.

Время шло. Оставалось минут сорок до отправления поезда. Это значит, что через десять минут проводники станут запускать в вагоны алчущих приключений. Отец встал, осмотрелся по сторонам. Его никто не провожал. Всем было наплевать, что какой-то парень поднялся со своего места и куда-то пошел. Никто не обратил на него внимания, будто его и не было. Вокруг мелькали только чужие и незнакомые лица, которым не было никакого дела до Отца. Он прошел широкий зал ожидания и углубился в переход, который должен был его вывести к платформе.

Платформа номер два. Странно, подумал Отец, Московские поезда обычно подают на первый путь, да ладно, я не гордый. Отец прошел свору китайцев, которые так никуда не уехали. Они, лишь, стали чуточку тише ворковать. Часть из них утвердилась на своих огромных сумках, набитых тряпьем. Отец прошел ларьки, в которых на витринах красовались разноцветные бутылки с содовой, миновал пролет, и стал спускаться по боковой лестнице, ведущей к поезду. Выйдя на улицу его охватила дрожь. Опять неизвестность. Что будет дальше? Зачем эти телодвижения?

Осень встретила Отца резким холодным порывом ветра. Проводники уже приглашали в поезд пассажиров и у входа проверяли билеты. Возле вагонов собралось много народа. Многие ехали пустыми, другие, словно клушки, бережно охраняли свои сумки. Отец встал в очередь, ведущую в его

вагон.

Странник призадумался. Он очнулся лишь тогда, когда на его плечо опустилась могучая огромная ручища. Немедля руку его схватила другая рука. Отец резко обернулся. Его крепко держал федерал, который последние сутки охотился за ним. Палыч, вспомнил Отец, его зовут Палыч. Имя он не мог вспомнить. Толи Всеволод, толи Владислав или Владимир, кто его знает? В общем Палыч. Дексаметазон говорил, как его зовут, но имя напрочь вылетело из головы.

–Ну, что, Отец, поехали, прокатимся?

Глава 10.

Поезд тронулся. Слабый, едва ощутимый толчок обозначил начало долгого пути. Медленно-медленно поплыли лица провожающих на перроне, поплыло здание вокзала со стеклянными полусферами наверху, поплыли дорожные столбы. Невдалеке побежали синие стеклянные горы торгового комплекса, что у автовокзала. Люди, доселе скучно стоявшие за окном, нет-нет поглядывали в окна вагона и тревожно смотрели то на перрон, на таких же провожающих, то в окно, где уселись пассажиры, то на часы, мысленно приближая минуту расставания. Стоило составу тронуться, как глаза их заблестели, они запрыгали, замахали руками, стали что-то кричать, будто им не хватило времени объясниться, когда вагон стоял. Провожающие знаками сопровождали оживлен-

ную мимику, мол, пиши, когда приедешь, звони, не забывай, люблю. Скоро за окном стали мелькать лица, обращенные по ходу движения поезда, а минутой позже исчезли и они. Громче становился перестук колес, за окном замелькали яркие лампы дорожного освещения и технические постройки, обслуживающие железнодорожного гиганта. Состав плелся по городской зоне, выпутываясь из паутины разложенных на земле железных путей, выбрав для себя ту единственную веточку, которая приведет к долгожданной цели. Стало заметно трясти. Пассажиры, не утвердившиеся на своих местах, стали раскачиваться, словно пьяницы в бурю. Гости из степных населенных пунктов в срочном порядке раскладывали перед собой на старые газеты снедь. Казалось, они долго ждали того момента, когда поезд тронется, чтобы приступить к трапезе. Для них движение состава – рефлекс сродни инстинкту, который велит немедленно набить едой свою утробу, а, быть может, это первобытный страх перед неизвестностью возбуждал в их неискушенных странствиями мозгах потребность съесть все, что они долго несли с собой в вагоны.

По проходу забегали проводницы, в последний раз проверяя, не остался ли в вагоне кто из провожающих. Можно подумать, что они стали бы их выкидывать из движущегося состава прямо в открытые загодя двери в тамбуре. Старики забеспокоились о чае. Страх и мочегонный эффект напитка был для некоторых неотъемлемым атрибутом здорового

ночного бдения. В динамике включили бессовестную песню какой-то певички, которая, судя по тексту, не успев достигнуть совершеннолетия, была очень искушенной в делах двуполой любви и ее последствиях. Некоторые в такт песни закивали подхмелевшими головами и что-то мяукали себе под нос. Мужской взгляд на песню был достаточно дружественным, однако никто из слушателей не хотел бы, чтобы подобным образом начинала свою жизнь дочь.

Поезд набирал обороты, тряска усилилась, огни в вагоне проводницы включили на полную мощность. Возле дальнего конца вагона, где клозет дарил безмерное счастье любителям пива, собралась небольшая группа народа, в ожидании радости, когда состав минует санитарную зону. Обходя собравшуюся очередь, некоторые пассажиры, толкаясь и матерясь себе в нос, продирались к тамбуру, чтобы выкурить сигарету в оплеванном закутке меж вагонов.

По проходу побежала торговка с лотком на колесах, выкрикивая приглашения присоединиться к празднику жизни, имя которому: «ешь & Go». На крытом желтой мятой тряпичной столике, на подносах, лежали зачерствевшие свежие горячие пирожки и сосиски в тесте. Чуть ниже, на второй полочке со звоном стучались бутылки с пивом и «колой». Торговка громко расхваливала свой товар, будто собиралась угостить своим богатством всех и каждого. Многие интересовались свежестью и пригодностью к употреблению продуктов, но, узнав цену, опускали с вселенской грустью очи долу.

За каждую бутылку содовой можно на воле купить небольшой автомобиль, посему, сочтя в уме свои сбережения, многие громко удивлялись этому бесхитроственному сервису и прибыльному бизнесу.

Прошли проводницы, останавливаясь возле всякого. Они отбирали путевые листы и справлялись у пассажиров их сродством с постелью, за которую отдельно взимали мзду. Они засовывали желтые листы билетов в свои коричневые сумочки, и что-то терпеливо записывали карандашиком в тетрабочку. При тряске и непрерывных тычках слоняющихся по вагону людей, их записи были похожи на клинопись, а проводницы еще больше раздражались и старались поправить записи, долго ковыряя грифелем по разлинованной бумаге.

Затем движение народа приобрело Броуновский тип, потому что проводницы стали раздавать белье в запаянных пластиковых пакетах. Некоторые спешили в начало вагона, чтобы получить свой брикет, другие, осчастливленные простынями, спешили в обратную сторону, дабы обмотать старые матрасы с желтыми пятнами своими белоснежными простынями.

Напротив Отца расположилась молодая влюбленная парочка с обручальными кольцами на безымянных пальцах. Еще блестящие и не исцарапанные бытом золотые кругляшки объясняли, почему молодые так долго целовались взад-вперед, ни коим образом не обращая внимания на окружающих.

Они даже не разговаривали меж собой, полностью поглощенные глотанием слюны друг друга. На вид им было чуть больше двадцати. Поженились, подумал Отец, теперь можно и разводиться. Новоиспеченная супруга бросила скользкий взгляд на звездного странника, который с нескрываемым живым интересом наблюдал за продолжительностью поцелуев. Распухшие и покрасневшие губы, еще мокрые от поцелуев своего ненаглядного, были настолько велики, что она без особых усилий могла бы облизать и вагон, в котором ехала. Отец подумал, что он только за кругленькую сумму кредитов согласился бы поцеловать эту женщину. Маленькие глазки, нос картошкой и мокрые красные распухшие губы не вязались с идеалом женской красоты. Супруг – маленький очкастый прыщ так усердно вылизывал рот своей возлюбленной, будто старался избавить ее от всех микробов, населяющих ее жевательную полость.

На боковом месте сидел огромный бородатый мужик в теплом черном свитере и потертых джинсах. Он охотно наблюдал за представлением, которое устроили молодые супруги. Мужик оказался глухонемым. На вопросы проводниц он отвечал пожатием своих гигантских плеч и перстами, указующими на уши. Бородач громко сморкался в засаленный носовой платок, позеленевший от ядовитых осенних соплей, и с поспешностью прятал его в узкие карманы своих дорожных брюк. Рядом с ним сидела миленькая старушка, одетая в спортивный костюм и белую кофточку. Она всякий раз от

неожиданности вздрагивала от трубных звуков носа глухонемого, затем морщилась удивленная столь откровенной сценой и старалась успокоиться. Она нет-нет бросала вопросительные взгляды на молодых, которые не обращали на нее внимания, и старалась сосредоточиться на осенних картинах, проплывающих за окном.

Отец сидел возле окна, запертый спереди откидным столиком, на котором стояла бутылка с водой, к которой прикладывались супруги в перерывах между поцелуями, чтобы перевести дух и восполнить гиповолемию, с другой ограниченный огромным Палычем— агентом Федеральной Службы, что родом из будущего. Палыч доставал из нагрудного кармана портмоне, который ломился от купюр отечественного Гознака и буржуйской зелени, и, не скупясь, раскидывался деньгами налево и направо. Он приобрел два комплекта постельного белья для себя и своего подопечного. Приобрел несколько бутылок минеральной воды у торговки, которая была рада ему лизнуть ниже поясницы, но не достала. Затем он купил у проводниц несколько стаканов чая, дабы соблюсти дорожную традицию, при этом оставив щедрые чаевые. Отец и не пытался доставать свои кровные, поскольку Палыч опережал с оплатой оного и не скупился при этом. Отец заставил федерала купить пару пачек дорогих сигарет, на что Палыч сделал робкую попытку протестовать против преступления над здоровьем, мотивируя вредностью продукта и зывая к совести, потом подался влиянию своего спутника.

–Чего ж тебе нужно из-под меня?– Шепотом на ухо спросил Отец.

–Ничего.– Искренне ответил Палыч.

–А чего меня пасешь, как Макар телят?

–Для твоей же безопасности.– Скупое ответил Палыч.

–Без тебя я и был бы в безопасности.– Проскрипел Отец.

–Очень в этом сомневаюсь.– Улыбнулся Палыч.

Тишина наступила не скоро. Все голодные насытились, все страждущие облегчились, все жаждущие напились. Курильщики закурили, сони улеглись на свои лежанки, закутавшись простынями и сырыми куртками поверх их, торговка назад укатила свою тележку, чтобы завтра начать торговлю свежими пирожками снова. Проводницы определились в своем закуточке, завешанном шерстяным казенным одеялом. Придушили свет, и вагон стал похож на небольшой заброшенный завод в малобюджетном триллере. Громкоговоритель выключили навсегда, чтобы ни единая нотка пошлости не вкралась в мозг, очень восприимчивый во время сна.

Молодая парочка, ворочаясь и не находя уютного положения, устроилась на нижней полке, не прекращая лобызаний и обниманий. Беленькая старушка укрылась простыней и отвернулась к окну на нижней боковушке, глухонемой бородач взобрался на второй ярус бокового места и заснул. В вагоне стало тихо, лишь мерный стук колес да тихий шепот каких-то мужиков в дальнем конце, обсуждавших баб, наполнил сумрак вагона.

–Слушай, Палыч, оставил бы ты меня, я и без тебя доберусь. Я, поди, в поездах ездить научился.– С надеждой в голосе прошептал Отец.

–Что, тебе лихо? Я чем-то тебе мешаю? Может у меня тоже дела в Москве?– Вопросом на вопрос ответил Палыч.

–Зачем ты сюда прилетел?– Спросил Отец.

–За тобой, известно за чем.

–Забрать меня назад хочешь?

Палыч отрицательно замотал головой. От сгустившегося сумрака, у федерала под носом выросла огромная гротескная тень. Он стал походить на злого Кощея, алчущего богатства. Он вполоборота развернулся к Отцу и внимательно следил за каждым его движением.

–Слушай, Палыч, мне уже надоело с тобой в кошки– мышки играть. Говори, или я уйду от тебя.– Разозлился, наконец, Отец.

–Ты вопросы неправильные задаешь.– Улыбнулся Палыч.

–Ну, научи меня?– Злобно процедил сквозь зубы отец.

–Пожалуйста. Тебе жизнь не дорога? Тебе предлагали вернуться домой по-хорошему, там на Цватпе. Ты же решил, что, рискуя всем человечеством в рамках этого континуума, тебе срочно нужно вернуться домой. Или тебе плевать на всех, или ты очень глупый. Поправь меня, если я не прав.– Спокойно произнес Палыч.

–Нет вам веры. Я в белых тапочках видел ваши обещания. Мне очень давно обещали, что вернут меня домой. Этого не

случилось, поправь меня, если я не прав.— Парировал Отец шепотом.

—Было не время...— Начал было Палыч, но был грубо прерван Отцом.

—Да уж, времени у вас не было ни на что. Я в базе нашел ваши заключения на мой счет. Меня вы и не собирались отпирать. Не ври, я не люблю, кто больше меня врет.

—Было не время.— Продолжал Палыч, словно не замечая грубых слов собеседника.— Эксперименты, которые мы ставили, были безрезультатны, ты в этом сам убедился. Но решение о твоём возвращении было принято несколько позже. Ты просто поторопился, вот и все.— Палыч пожал плечами.

—Я составил алгоритмы, которые мне говорили, что вы меня не собираетесь возвращать, чего уж не ясно?

—Алгоритмы строятся на уже известных фактах. В то время когда ты их составлял, было не достаточно сведений. Уж не думаешь ли ты, что все данные можно найти в базе?

Отец промолчал. Он лишь сидел и молча размышлял, стараясь уловить ложь в словах своего похитителя.

—Ты же не думаешь, что к данным с грифом «совершенно секретно» можно просто так подойти и взять их? Очень много ты не знаешь. Очень много секретов не выкладывается в глобальной базе. Это из соображений безопасности. Так что твои алгоритмы не были верными.— Улыбнулся Палыч, словно рассказывал Отцу милую шутку.

—Я же строил прогнозы на будущее. Получалось, что вы

никогда не примете такого решения.

–Еще раз повторяю. Много сведений о тебе и о проекте мы не выкладывали в базу. Ты просто не мог составить правильные алгоритмы. Чтобы просчитать будущее достаточно точно, нужны все известные факты. Только в этом случае ты сможешь получить более или менее правильные прогнозы, да и то с процентами вероятности. Точного прогнозирования нельзя получить практически никогда. Можно лишь с определенной уверенностью говорить о том, что что-то случится в определенных рамках, объяснимых с позиции теории вероятности. Понимаешь?

–Не дурак...– Пробурчал Отец.

–Ну, вот и все. Правительство редко лжет. А ты– не тот случай. Гораздо проще тебя было аннигилировать, чтобы ты не мешался. Почему мы этого не сделали?– Спросил Палыч.

–Ну, вы, типа, гуманные.– Неуверенно пожал плечами Отец.

–Типа...– Палыч фыркнул.– Если речь идет о жизни целой планеты, не говоря уже о континууме, поверь мне, мы бы не стали задумываться, чтобы тебя аннигилировать. Ты и так уже натворил дел, что и не выпутаться.

–Но зато теперь, когда я у тебя в руках, вы можете меня смело отправить к аллаху за документами.

–Не говори глупостей. Мы же, типа, гуманные.

–А как насчет континуума?– Спросил Отец, будучи уверенным в непобедимости вопроса.– Или вы за него больше

не боитесь?

– Земля есть? Ты есть? Значит, континуум цел. – Палыч сам ответил на свои вопросы. – А, значит, есть и мое настоящее, что для тебя будущее. Кстати, когда я отправлялся к тебе, я в этом убедился.

– Bravo, ты меня утешил. – Саркастически произнес Отец.

– Тогда, аплодируй. – Сказал тихо Палыч.

– Облезешь. Много чести. Вы и так у меня кровушки попили. Я как в обезьяннике был у вас. Каждый встречный – поперечный в меня пальцем тыкал, вон, мол, антиквариат идет.

– Мормон тыкал? – Спросил Палыч. – Суся? Рыжая?

– Не они, так другие. Ты мне зубы не заговаривай.

– Отец, кстати, я много старше тебя, а ты мне тыкаешь.

Не стыдно? В школе не учили, как нужно со старшими разговаривать? – Спросил Палыч. В его голосе мелькнула тень обиды.

– Добре. Тогда ты ко мне тоже обращайся на «вы», только с дрожью в голосе и при полусогнутых коленях. При этом можешь махать хвостом и лизать мне ноги. Я против не буду. Договорились? – Со злостью сказал Отец во весь голос.

Соседи зашевелились. Молодые супруги возмущенно подняли головы на Отца, оторвавшись, наконец, от своих поцелуев. Милая старушка сделала движение плечом, показывая, что она проснулась и все слышит, но не осчастливила Отца своим поворотом.

–Тише,– зашипел на Отца Палыч.– Всех разбудишь.

Федерал приставил палец к губам, призывая странника блюсти спокойствие.

–Тогда не выводи меня из себя. Не я, а ты в гостях. Так что ты, анахронизм, будешь играть по моим правилам. Не нравится, так ступай назад к себе, я тебя сюда не звал.– Шепотом продолжал Отец.– Важный гусь какой, ты на него посмотри...

Палыч решил не связываться с Отцом и примирительно заговорил.

–Скажи мне, ты, вот, зачем в Москву подался? Не жилось тебе у нас?

–А ты, кстати, откуда про Москву знаешь?– Удивился Отец.– Может я до Самары еду?

–Отец, не смей меня, будь другом.

–Твои друзья за полярным кругом на Луну воют.– Злобно сказал он.

–Ты забыл, откуда я прибыл? Или тебе напомнить?– Сказал Палыч и почти дружелюбно улыбнулся.

–Я в базе рылся, там про меня и слова не сказано.– Парировал Отец.

–Ты– секрет фирмы. Мы про тебя минимум информации опубликовали. Гриф «совершенно секретно», помнишь?

–Вольфшанце. Что-то я не пойму. У вас там демократия или рейхсканцелярия? Вы, почему от народа правду скрываете?– Возмутился Отец.– У вас там не темные века, поди?

–Это все из интересов государственной безопасности. Не больше и не меньше. А про Москву ты и сам в базе данных нашел. Помнишь? Билет до Москвы с твоей фамилией и датой. А чем, ты думаешь, мы хуже тебя?

Отец стушевался. Точно. Он и сам только что вспомнил, что однажды он нашел про Москву пару слов. Это получается, что Трибун ошибся. Ну, что ж. Отец это переживет. Только, слава Богу, что Трибун не ошибся с прогнозами насчет счастливого возвращения Отца в свое время от цватпахов. И на этом спасибо.

–Хорошо. Про Москву ты узнал из базы. Зачем ты тогда за мной следуешь? Что ты задумал?– Спросил Отец.

–Ничего, просто хочу, чтобы ты до столицы целым доехал. Это, так сказать, страховка от несчастного случая.

–Ох, не лги, ответ держать будешь. Я ведь чую, не просто так ты мне на хвост сел.– Отец призадумался.

Странно. В базе данных четко сказано, что был билет до Москвы. Отец в нем едет. Только это событие тупиковое. За ним никаких следствий не тянется, даже нет других данных, приедет он или нет. Может статься, что где-нибудь в центральной полосе России этот бугай меня высадит из поезда, ли шлепнет на неизвестном полустанке, или увезет назад к себе.

–Говори, у тебя приказ меня увезти назад в будущее?– Спросил Отец.

–Словоблудие.– Ухмыльнулся Палыч.– Назад в будущее.

Что еще за чертовщина?

–Ты к словам не придирайся. Отвечай как на духу, за тем ты ко мне приставлен?– Рыкнул Отец.

–Отвечаю.– Палыч совсем по-детски щелкнул по зубу ногтем.– Я здесь, чтобы с тобой ничего не случилось.

–А зачем ты возле общаги отирался?

–Из тех же соображений. Если бы я захотел, я бы тебя аннигилировал, помнишь? когда ты под лавкой в парке от меня хоронился. Ты думаешь, я тебя не видел? Видел и еще как. Будь в этом уверен.

–А чего же ты меня не взял?– Спросил Отец. От такого заявления он даже растерялся.

Стоп. Нет. Этого быть не может. Если бы он меня видел, думал Отец, он бы меня взял сразу. Потом он бы помог мне одеться и проводил бы до вокзала. Он не стал бы пускать на самотек события. Он блефует. Про парк догадаться не сложно. Он меня не смог поймать в общаге, значит, как он думал, я где-то скрываюсь и наблюдаю за ним. Возле общаги только одно место, где можно спрятаться– парк.

–Ты блефуешь. Ты меня не мог видеть. Если бы видел, ты меня бы не отпустил.

–Думай, как хочешь. Дело твое.– Пожал плечами Палыч.

Отец отметил для себя нотки неуверенности, которые скользнули в его словах. Точно, блефует.

–А у Брусова, зачем меня стерег?

–Я скажу– ты, все равно, не поверишь. Чего языком зря

болтать.

–А тебе есть чем заняться? До Москвы еще двое суток езды.– Связвил Отец.

–Слушай, Отец, хочешь знать правду?– Спросил Палыч.

Отец кивнул головой.

–А она тебя не сильно расстроит?

Отец покачал головой.

–Хорошо, тогда слушай. Когда ты улетел с Цватпы, мы завязали контакт с этими птицами.– Палыч ухмыльнулся.– Браво, Отец, ты там сильно постарался. На твое счастье, что цватпахи дружелюбнее, чем следовало бы.

–Не отвлекайся.– Потребовал Отец.

–Ладно. Мы проверили эту установку. Тебе очень повезло, что она оказалась работоспособной.

–Да ну? Вот бы не подумал.– Связвил Отец.

–Будешь меня перебивать, я тебе и до Москвы ничего не успею рассказать.– Нахмурился Палыч и замолчал.

–Все, все. Молчу. Молви.– Отец вскинул вверх руки.

–Так вот, пересчитав все показатели, мы предположили, что ты смог добраться до Земли и в свое время. Парадоксально, но факт. Шлюп, который ты стащил на Плутоне, мог перенести такое путешествие. И, чтобы убедиться в твоей безопасности, мы решили это проверить. Весь департамент темпоральных аномалий работал над проектом. В общем, пришли к выводу, что нужно в прошлое, то есть сюда, отправить агента и убедиться в твоей безопасности. Поскольку ты– че-

ловек хитрый, решено было отправить меня. Я тоже не дурак. Только отправить три раза. Первый раз— в общагу. Я там проторчал двое суток без еды и отдыха. Это не очень приятное занятие, должен тебе сказать. Второй раз меня отправили к твоему другу Бусову. Там я тоже проторчал двое суток.

—А к Бусову то почему? Я сам до последнего момента не знал, что к нему поеду?— Удивился Отец.

Он вспомнил, как это все было. Он уставший и холодный, сидя под лавкой в парке возле общежития решил в один момент отправиться к Большому Синяку.

—Составили алгоритмы, ты про них не забыл? Так вот, получилось, что если ты не сможешь очутиться в общежитии, ты отправишься к Бусову. Во-первых, он живет относительно не далеко. Во-вторых, он— твой хороший друг, в-третьих, у него хорошая квартира, где можно без особого труда остаться пожить несколько дней. Все логично. Третий раз меня отправили на вокзал, где ты должен был отправиться в Москву. Вот поэтому я здесь и сейчас.— Палыч расслабился. Казалось, что у него гора с плеч свалилась.

Теперь все встало на свои места. Вот только теперь стало ясно, как федерал мог так быстро перемещаться по городу. Он сразу находился в трех местах в одном и том же времени.

—Слушай, а почему не отправили трех агентов, так было бы проще?— Поинтересовался Отец.

—Не совсем. Один человек— один временной парадокс. Несколько человек— несколько временных парадоксов.— По-

жал Палыч плечами.

—А то что три одинаковых человека в одном и том же времени— это не парадокс?— Спросил Отец.

—Великие умы решили, что так будет безопаснее. Не мне решать. Они сказали— я под козырек.

Ясно. Отец призадумался. Все логично. Вот ведь это чертово время. Эти чертовы временные парадоксы. Время просто так не обмануть, все взаимосвязано. Если бы Палыч не оказался возле общаги и не спугнул меня, думал Отец, я бы не оказался у Брусова и жил бы себе спокойно в общаге и продолжал учебу. В банк спермы я бы не пошел, это точно, как телеграфное уравнение. Мне пришлось уехать к Брусову. Если бы федерал меня не спугнул у Мангуста, то я остался на несколько дней у него пожить, и продолжил бы учебу. И у меня не возникло бы мысли бежать в Москву. Но он там меня вел, а значит, я был вынужден уехать. Куда? В Москву. Достать одновременно такие деньги на билет я мог только в банке спермы. А вот в банке федерала не было. Если бы он там появился, я бы сбежал оттуда и не стал бы сдавать сперму, а это значит, в будущем обо мне бы не узнали и не смогли меня туда забрать. Все закономерно. А вот на вокзале он очутился. Это значит, что его посылали сюда, в это время, чтобы меня вести как на поводке, чтобы я оказался в затруднительном положении, решил отправиться в Москву, сдал сперму в банк, получил деньги и поехал.

Отец почувствовал себя марионеткой маленькой и дере-

вянной, никчемной и бестолковой в чьей-то большой игре с крупными ставками. Получалось, что ему изначально была уготована такая судьба с общагой, Брусовым, банком спермы, Москвой и вокзалом. А говорят, что человек— кузнец своей судьбы. Глупости. Это все не правда. Теперь, когда сперма находится в банке, запустится целый каскад событий, который увенчается счастливым прибытием Отца в будущее, Рыжей, Мормоном, Плутонем и Цватпой. Круг замкнулся. Оставался один вопрос: зачем Палыч поехал с Отцом в Москву? Это все не спроста, подумал Отец. Спрашивать его об этом бесполезно, он все равно ничего не скажет. Ну что ж, поживем— увидим, подумал Отец.

—А зачем ты стучался в дверь к Мангусту,— спросил Отец.

Он, вдруг, вспомнил ужас, пережитый им около двери, когда федерал стал стучать в дверь.

—Тебя подстегнуть. Мы же не хотели, чтобы ты остался у него жить. Да и по срокам. Ты должен был в этот день, то есть сегодня, сдать сперму. Если бы я не стал стучаться, что бы ты делал?— Спросил Палыч лукаво.

—Выспался. Может, потом уехал куда-нибудь, кто его знает. Планы— такая штука. Сейчас их нет, а через минуту уже вся жизнь распланирована.— Пожал плечами Отец.

—Ну, вот видишь?— Одобрительно кивнул головой Палыч.

Время шло. Поезд отсчитывал километр за километром. Колеса стучали по стыкам железного полотна, большинство пассажиров уже давно спали, или, на худой конец, делали

вид, что спят. Желтый полумрак вагона да тихий шепот заставляли язык ворочаться во рту медленнее, веки постепенно слипались.

–Ну, Отче, давай на боковую?– Спросил Палыч.

–Давай, делать все равно нечего. Только ты мне так и не сказал, за каким лешим ты со мной в Москву поехал.– Проворчал Отец.– Расскажешь?

–Я тебе уже все сказал. Мне нужно, чтобы с тобой в паровозе ничего не случилось. Некто будут очень сильно горевать.

–Кто?– Оживился вдруг Отец.

В мозгу сверкнуло алой молнией: «РЫЖАЯ». Но нет. Зачем он ей? Она уже для себя все решила. Да и кто ее подпустит к федеральным тайнам, тем более к темпоральным парадоксам? Кому он был еще дорог в будущем? Мормону? Да, до некоторой степени, только он ограничен теми же условиями, что и Рыжая. Трибун? Нет, Отец ему уже оставил все свои кредиты, больше тощему хакеру волноваться не о чем. Суся? Тоже нет. С ней Отец только пил текилу. Тогда кому?

–Кому я нужен еще?– Спросил Отец, всеми фибрами души желая, чтобы Палыч сказал: Рыжая.

–Всем.– Сказал огромный федерал.– Всем кому дорог этот континуум. Всем, кому еще не надоело жить и дышать.

–Ясно,– махнул рукой разочарованный Отец.– Короче говоря, никому.

Отец хотел спросить про Трибуна. Как у него дела? Не

рассекретили ли его? Не посадили ли его в какую-нибудь псевдореальную тюрьму? Только он побоялся, что своими вопросами сможет навести на хакера порчу. Лучше не знать. Пусть будет так, как уже есть. Пусть Трибун лелеет в своей реальности семью и эго, которое у него обратно пропорционально вегетативной массе. Однако вопрос так и вертелся на языке, и Отцу пришлось приложить немалые усилия, чтобы слово не соскочило у него с языка.

—Напрасно ты так думаешь. Твой алгоритм работает. Тебе очень многие говорят огромное спасибо...— Начал Палыч, стараясь воспеть свежий взгляд Отца на старые вещи.

—Пошли они все ... пусть себе в ... засунут эти алгоритмы. Какое мне до них дело? Я никогда больше не увижу ни их, ни эти чертовы алгоритмы, ничего вообще...— Вспылил Отец.

—Никогда не говори никогда.— Усмехнулся Палыч.

Отцу эта ухмылка очень не понравилась. Она была ехидной, как у жида, и в то же время, скользкой, будто Палыч знал что-то, чего не знал Отец, но очень хотел.

—Говори!— Прикрикнул на собеседника Отец.

—Жизнь— очень сложная штука. Никогда не знаешь, куда тебя завернет. Ты в этом сам убедился.

—Да уж, не без труда твоих коллег. Не было бы вас, так я и не знал всей этой чертовщины. Как я буду жить дальше, ты подумал? Кому я смогу рассказать, что со мной случилось?

—А ты возьми, да никому не рассказывай. Все просто...

—Шустрый ты какой. Просто тебе об этом говорить. Ты

вот, приедешь домой, да со своими дружками под пиво станешь рассказывать, что ты в прошлом катался на самоходной тачанке, которую называют поездом, посмеивался над простаками, которые поедают Рефтинских кур в вагонах.— Проврчал Отец.— А мне как это все в себе носить?

—Я тоже никому не рассказываю. Работа у меня такая.— Пожал плечами Палыч.

—Ну, вот видишь, тебе за это платят, а я у вас даже не оформлен.

—Ладно, давай спать уже.

—А ты пока подумай, да чтобы потом мне рассказал, зачем на самом деле тебя послали со мной.

Отец полез на свою полку. Накрывшись одеялом, он старался заснуть. После пережитых волнений сон не шел. Слишком насыщенный день получился. Сначала пробуждение у Брусова, потом Палыч, потом банк не рожденных детей, потом вокзал и снова Палыч.

Получалось все странно. Федералы из будущего всегда опережали его, Отца, на один шаг. Не успел Отец появиться в городе, как вот те нате, Палыч уже ждет возле общаги. Только стоило приблизиться к Мангусту, так вот оно, его не ждут, а оно уже здесь. Не успел он войти в свою комнату в общежитии, так и Палыч уже тут, как тут. Не успел Отец приехать на вокзал, и что же? Кто его провожает? Палыч, конечно! Эти федералы очень хорошо продумывают свои шаги. Интересно, в шахматы они тоже хорошо играют?

Стук-стук, стук-стук. Стучали колеса вагона. Никто уже не расхаживал по вагону, никто не поедал жареную мертвую птицу, никто не гремел алюминиевыми ложками в стакане с чуть подслащенной бурой жидкостью, никто не разговаривал. Даже мужики, что в конце вагона что-то обсуждали, замолкли. Молодые, ворочаясь на нижней полке, посапывали, нет-нет просыпаясь, обозначали свое присутствие чмоканием в щеку. Французские поцелуи отпустили на вольные хлеба до утра.

Захрапел глухонемой бородач. Так, как храпят глухонемые, не сможет храпеть никто. Можно даже создать общество анонимных констипаторов, которые решили бы свои проблемы со стулом в одночасье, стоило им однажды услышать храп глухонемого. Если такому храпуну создать акустическую аудиторию, он без помех смог бы колоть грецкие орехи тоннами, не касаясь при этом их.

В вагоне задрожали стекла. Смолкли храпы других пассажиров, которые доселе и не ведали что такое храп по-настоящему. Молодые проснулись и принялись лизаться с новой силой, казалось, они были даже немного благодарны спящему глухонемому, за досрочную побудку. В вагоне царила невыносимая какофония. Стук колес, храп глухонемого бородачата гиганта, визг дрожащих оконных стекол, лобызание молодых, вздохи разбуженных пассажиров, бряцание ложек в стаканах, шуршание газеты, из которой извлекались мало приглядные обглоданные останки дохлых жареных кур, глу-

хие стенания стариков, не ведавших, что их горе никогда не дойдет до ушей нарушителя ночного спокойствия. В начале вагона активировались проводницы, у которых внезапно появились какие-то дела в тамбуре.

Отец пытался не обращать внимания на шумного попутчика, только из этого ничего не вышло. Глухой выводил немыслимые трели. Бах, несомненно, для себя перенял бы некоторые музыкальные приемы, случись ему ехать в поезде рядом с таким трубачом. Мало помалу, народ, не знавший трубных звуков, издаваемых гортаноглоткой глухого, оживился. До Отца стали доноситься предложения разбудить храпуна, не дававшего спать целому вагону, затем предложения выросли до угроз разорвать пасть засоне, а к кульминации действия, пассажиры отрядили гонца к проводницам с настоятельным требованием спустить мужика в окно, чтобы воцарился долгожданный покой. Проводницы, не имея желаний распускать руки, вежливо попросили гонцов поговорить самим с попутчиком, на что те ответили резкими возражениями, сопровождающимися хлесткими недвусмысленными оскорблениями. Проводницы, возбужденные столь неурочным переполохом, разразились скандалом, не особо заботясь о нормативах лексики. Ругань стала принимать широкий размах, в который не были вовлечены лишь несколько человек, включая и глухонемого.

Сон окончательно прошел. Глаза перестали слипаться, Отец приподнялся на локте и с верхней багажной полки до-

стал запасную засаленную подушку. Немного повертев ее в руке, со всей силы швырнул ею в бородатого храпуна, который и не подозревал, в какой конфликт невольно втянул весь вагон. Мужик резко вскочил на своей полке и заспанными глазами стал озираться вокруг, разглядывая недовольные лица пассажиров, взгляды которых были обращены к нему. Остановившись взором на Отце, мужик состроил ужасную недовольную гримасу. Ему стало понятно, кто стал причиной столь неприятного и преждевременного пробуждения. Отец решил не отставать от глухонемого и скорчил физиономию, самую страшную, на которую только была способна мимическая мускулатура. Чтобы закрепить эффект, Отец вывалил свой кулачище.

Бородач недовольно фыркнул и отвернулся от зрителей к окну. Воцарилось молчание. Скандал затих также внезапно, как и вспыхнул. Проводницы задернули шторы из шерстяного казенного одеяла. Старухи отвернулись к стенкам, шагающиеся хулиганствующие элементы заняли свои плацкарты, шум стих, только молодые, однажды разбуженные, не отвлекались от сладострастных поцелуев. Отец сделал попытку заснуть.

Сон не шел. Москва. Что ждет его в первопрестольной? Слишком часто за последнее время Отец с головой пускался в странствия, в успехе которых до конца не был уверен. Мелькнула в голове мысль слезть с поезда и вернуться назад в общагу. Этот вариант отпадал. Сейчас там дежурит фе-

дерал, который сейчас же, в эту же самую минуту лежит на нижней полке. Если смогли Отца вычислить один раз, значит, смогут и в другой. Федералу на оперативной службе не привыкать странствовать по эпохам и караулить свою жертву месяцами, если не годами. Нет, общага отпадает. Если Отец прибудет в Москву, за ним будет неусыпная слежка. Это однозначно. Федерал, который уже трижды отправлялся в прошлое, чтобы найти Отца, просто так не скажет: «Счастливо, Отец, живи, я от тебя, как и вся моя служба, отстаем, буде здраве!» Это исключено, потому, что не может быть никогда. Значит, Отцу уготована еще какая-то напасть, о которой он еще не знает. Стоит ли тогда ехать в Москву, чтобы снова стать пешкой в чьей-то игре? Наверное, нет. Только проблема заключается в следующем: поезд следует в Москву, а Отец едет в поезде. Расклад не удачный.

Глухонемой забылся от пережитой обиды и задремал. Сначала он издал нежный рев, который содрогнул вагон. Затем он, широко разинув пасть, издал рык, который с известными коррективами можно сравнить с воем сирены. Послышалось недовольное ворчание проснувшихся пассажиров. Новый раскат рыка пронесся по вагону, который не оставил никого из присутствующих равнодушным. Не повезло с попутчиком. Все двое суток терпеть это безобразие... Отец был крайне озадачен такой перспективой. Мало того, что к нему приставлен надзиратель из далекого будущего, так и этот несчастный, обделенный природой слухом, не добавлял

радости к жизни. Зашевелились и проводницы, для которых паровозный гудок не был в новинку. Назревала вторая волна скандала, которая могла разразиться гражданской войной с выбрасыванием бородатого мужика в черноту ночи.

Отец вытянулся во весь рост, ногу перекинул через проход, разделяющий его и бородача, и лягнул его куда-то в живот. Глухонемой соскочил. Отец показал ему кулак. В вагоне воцарился мир. Не часто приходится быть миротворцем, тем более таким самым не миролюбивым способом. Бородач недовольно сверкнул глазами на Отца и, не понимая, почему Отец так агрессивен настроен, снова отвернулся в сторону. Понемногу в вагоне наступила тишина. Молодые, разбуженные новым взрывом дыхательного аппарата глухого, снова принялись целоваться и ерзать под простынями. Они, словно цирковые зайцы: стоит поднести к носу барабан, они начинают колотить по нему лапами. Малейший шорох или шум активировали у них условный рефлекс, выделяющий слюну и сосательные движения. В этом вагоне, наверное, только им был нипочем галактический храп глухого мужика.

Если провидение глухо к моей особе, думал Отец, значит, этот несчастный бородатый калека поедет со мной до самой Москвы. Только бы выжить. Только бы не сойти с ума.

—Отец, перестань несчастного пинать.— Зашипел с нижней полки федерал.

—Не пел давно и спел дрянно.— Парировал Отец и повер-

нулся на бок.— Спи, уже.

Отец смотрел на проплывающие силуэты голых берез, растущих вдоль железной дороги. Едва освещенные дорожными фонарями, они выглядели убого, словно смотришь на худую доходную девицу в тоненьком пеньюаре на свет. Убогие лачуги, от которых не останется и следа через несколько веков, уныло провожали несущийся мимо поезд. Шлагбаумы, словно крепостные крестьяне, согнутые перед барином, перекрывали дороги, пересекающие железнодорожное полотно. Мелькали темные полосы речушек, засыпанных осенней листвой. Поля сменялись пролесками, затем снова поля, уходящие вдаль, в ночь на черные холмы, затем снова леса.

Отец начал, было, смыкать глаза, как раздался душераздирающий храп. Нет, такого вынести он уже не мог. Отец спустился со своей полки, влез в башмаки, которые оставил здесь же. Федерал молча наблюдал за всеми телодвижениями своего подопечного. Отец молча нацепил на себя куртку и шапку. Палыч молчал, но, с нескрываемым любопытством наблюдал.

—Покурю, пойду,— объяснил Отец.

Палыч так же молча пожал плечами. Назревал бунт. Отец прошел в тамбур мимо соскочивших маразматиков, перемалывающих кости несчастному глухому. Экспрессивно настроенные мужики планировали способ умерщвления заснувшего инвалида. Отец не стал прислушиваться к кровавым мотивам, и проскользнул в железную клетку меж ва-

ГОНОВ.

Достав сигарету, он жадно затянулся. Все-таки дорогие сигареты— это не окурки докуривать в сосновом чубуке.

Вспомнилась деревянная трубка, которую Отец вместе с Басмачом и Гуриком смастерили из ножки старого стула. Трубка получилась отвратительная и корявая, словно подагрические пальцы, с потеками старой сосновой смолы, а табачный аромат обретал привкус горелого матраца. В начале месяца, когда студентам раздавали стипендию, друзья курили хорошие сигареты с фильтром, потом, когда деньги оставались только на хлеб, переходили на дешевые без фильтра. А когда денег не оставалось вовсе (случалось это к середине месяца), доставалась трубка из-под кровати, где она пылилась все это время рядом с кошачьим туалетом, доставалась пепельница, которую заменяло небольшое жестяное ведро. Все значимые окурки изымались, табак терся в кيسет, а оттуда направлялся в черную от смолы и жженого табака трубку. Затем кустарное изделие из ножки старого стула переходило из рук в руки, как переходящее красное знамя.

Отец трясся в темном холодном тамбуре. Сизый дымок в этом холодном сумраке был похож на тугую перламутровую невесомую слизь, которая длинным хвостом тянулась от уголька к щели в двери. Стук колес был пронизывающим, но после дикого храпа глухого спутника, он был милее нежной музыки. В ушах еще стояли дикие звуки, ужаснее которых человеческий организм издавать не может. Было уже далеко

за полночь, когда Отец решил устроить себе перекур. В тамбур вышло еще три мужика, которые словно за благодатью Всевышнего, сбежали из зоны повышенного риска перекурить. Стояли молча, глубоко затягивались и бросали в воздух фразы типа:

–Да...

Или:

–Крепко мы попали...

Затем, судорожно бросив окурки, скрылись в сумраке вагона.

Отец не торопился. Он ожидал Палыча, чтобы федерал забеспокоился и принялся разыскивать своего спутника. Палыча не было. Отец выкурил еще одну сигарету, постоял. Палыч не торопился пускаться на поиски. Отец выкурил еще сигарету. Замутило. Плюнув на терпение, Отец отворил дверь в вагон, где стоял невообразимый шум. Пассажиры бесновались. Не прекращающиеся крики тонули в могучем храпе. Отец протиснулся сквозь бушующую толпу алчущих расправы людей, и, мимоходом, заехал кулаком в бок бородачу, затем забрался на свою койку, бросив мимолетный взгляд на Палыча. Федеральный агент пристально смотрел на Отца, но не сделал и попытки разузнать, почему подопечный так долго курил. Он даже не привстал на локте, будто был совершенно уверен, что Отец не сбежит.

Рано радуешься, подумал про себя Отец, и на нашей улице разольют бочку с пивом. Бородач соскочил со своего насеста.

До него дошел смысл общего негодования и возмущения. Он слез на нижнюю полку и присел на край разложенной постели милой старушки, которая подобрала под себя ноги и со страхом смотрела на нарушителя общественного спокойствия. Несколько мужиков грозно потряхивали огромными кулаками перед носом немого, жестами объясняли, что если бородач еще раз вздумает заснуть, ему выколют глаза, разорвут пасть на британский флаг, а то, что останется от него после расправы, выкинут из вагона на полном ходу.

Отец протиснулся в свой закуточек, скинул ботинки и залез на верхнюю полку. Толпа шумела. Бородач озадаченно крутил головой и осматривал всех потрясающих кулаками, ни слова не понимая, о чем они толкуют. Он жестами старался успокоить общественное, как туалет, мнение, старался доказать свою искренность, имитируя вечное бодрствование на страже спокойного сна своих попутчиков. Понемногу толпа, так и не воплотив в жизнь своих суровых угроз, разлеглась по своим полкам.

–Курить вредно.– Прошипел Палыч, когда в вагоне стихло.

–Врать тоже.– Не замедлил с ответом Отец.

–И не думал...– Постарался уверить Отца Палыч.

–Ты в Москве от меня отстанешь?– С надеждой в голосе спросил Отец.

–Конечно!!!– Утвердил Палыч.

–Просто возьмешь, и уйдешь?

–Ага.– Кивнул головой Палыч, и, казалось, Отец услышал, как хрустит у того под головой подушка.

–Куда ты поедешь из Москвы?– Спросил Отец.

–Меня на Казанском Вокзале мои люди заберут. Назад. Куда же еще?– Прошипел Палыч.

–И за мной слезки не будет?– Недоверчиво спросил Отец.

–В Москве? Нет! Будь уверен. В Москве за тобой никто следить не будет...– Сказал Палыч, но в голосе слышалось, что тот что-то хочет добавить.

–Продолжай.– Попросил шепотом Отец.

–Доедешь до Москвы, а там иди-ступай, куда глаза смотрят. Все. Рассказывать больше нечего.

–Ох, и сладко стелешь, шельмец. Не верю я тебе что-то.– Проворчал Отец.

–Никто не заставляет.

–Слушай, Палыч, ты же должен знать от чего меня спасаешь? В... ну, у тебя же там про меня все знают. Что мне грозит?– Спросил Отец. Ему вдруг показалось, что Палыч знает, что Отца, к примеру, убьют в дороге, и его направили для того, чтобы предотвратить убийство.

Словно читая мысли, Палыч проворчал:

–Не бойся, никто тебя убивать не станет. Просто, считай меня bodyguard. Я здесь чтобы ты доехал до Москвы, вот и все. Никаких подводных течений и никакого подвоха. Правда. Я не вру.– Сказал Палыч.– Понимаешь, об этом времени мало сохранилось информации, типа: кто едет в этом поезде,

кто куда направляется, ну, и все такое... Просто, чтобы нам спалось спокойно, если с тобой ничего не случится.

—Так вы меня будете всю жизнь за мной следить?— Заволновался Отец.

—Я же тебе сказал: доедем до Москвы, а там делай что хочешь. Меня это не касается.

—Тогда почему нужно меня охранять именно в поезде? Может, меня на Казанском вокзале уведут скинхэды и разрежут на куски в ближайшем подъезде? Почему поезд?

—Я почему знаю? Мне сказали тебя проводить до Москвы. Дальше не мое дело. Потом я поеду на Меркурианские бани отдыхать, а про тебя забуду.— Сказал Палыч, а потом, подумав, добавил,— Или постараюсь быстрее забыть.

Ясно, думал Отец, этот третий калач ничего не скажет. Он все знает, только не обмолвится, это всем понятно. Только зачем поезд? По его словам, если я после Москвы вернусь к себе в общагу, то смогу начать жизнь заново. Свежо питание, да отходит с трудом. Нет ему веры. Ему нужно, чтобы я доехал до Москвы, это значит, что там он передаст меня своему коллеге, другому агенту, который и будет меня караулить, а, быть может, и аннигилирует. Нужно от Палыча избавиться. Каким образом? Пока не ясно. Треснуть его по затылку дубиной, а потом спустить в унитаз в клозете? И сделать это лучше, чтоб никто не увидел злодеяния. Глупость. Нужно подумать. Придется прибегнуть к хитрости, хотя федерал на глупого не похож. Провести его на мякине не полу-

чится. Нужно что-то изобрести. До Москвы еще много времени. Отец нагнулся в проход и посмотрел на руку сухого хлюпика— молодого мужа, спящего со своей страшной молодой супругой как раз напротив Отца, на нижней полке. Рука, утомленная лаской и объятиями, выпала из-под простыни. На часах было около четырех утра, а Отец еще толком не спал. Нужно лечь, не то сил думать не будет. Нужно себя заставить.

Стоило Отцу лечь и расслабиться, как могучий калека издал новый трубный звук. Отец подскочил на своем месте. Глухонемой сидел на нижней полке подле старушки, и спал. Несчастливая старушка засучила ногами под простыней, стараясь своими нежными тычками пронять спящего немого. Тот проснулся и стал тереть глаза руками. Отец вздохнул с облегчением. В эту ночь было слишком много скандалов и треволнений, от которых Отец уже успел устать. Он мысленно вознес слова благодарности к милой старушке, которая своими тычинками-ногами предотвратила новый бунт.

Отец заснул. Колеса мирно отстукивали километры. За окном дремала осень, накрыв темным маревом все сущее. Отец успел за свою студенческую жизнь поколесить на поездах. Триста километров до родного города он преодолевал без особых тягостей. Измученному утомительной учебой, ему не составляло особого труда заснуть в качающемся вагоне. Поезд отходил, обычно, около половины одиннадцатого вечера. В шесть утра Отец, уже разбуженный сосе-

дями или проводниками, стоял на перроне родного города. Однажды у него украли сумку в поезде. Он заснул мертвецким сном, а, когда время пришло просыпаться, обнаружил пропажу. Единственный положительный момент в этом все же был: ему пришлось добираться до дому налегке. В сумке Отец вез пустые стеклянные банки из-под варения, которыми его нагрузила матушка, пара-тройка книжек, что-то из беллетристики, да бутылка пива. Ни денег, ни документов Отец в сумках не возил. Эта его обстоятельство в данном вопросе избавила его от нудного восстановления паспорта и студенческого билета. С тех самых пор Отец старался свои пожитки, которым было суждено странствовать по стране вместе с ним, класть под голову, во избежание повторения неприятности. Сегодня у него багаж отсутствовал, поскольку решение посетить Москву возникло очень неожиданно, и было спровоцировано федеральным агентом, который мирно посапывал на нижней полке. Отец не удивился, если бы оказалось, что Палыч не спит. Служба— есть служба. От этого никуда не уйдешь.

Однажды Отцу пришлось добираться до своего родного городка зайцем. Случилось это так. По окончании сессии, по студенческому обыкновению, полагалось проститься с Alma Mater обильными возлияниями со своими братьями по учебе, и отправиться восвояси на землю обетованную. Отец решил не отклоняться от вековых традиций и загодя купил себе билет на родину в купейном вагоне, потому что в общем и

плацкартном мест не было. Позже выяснилось, что несколько его земляков едут в этом же поезде, вагоном дальше. Это обстоятельство никак не обрадовало, равно и не расстроило Отца, поскольку он планировал в поезде выспаться, чтобы подготовиться к биохимической травме, которая всякий раз наступала, стоило ему и братцу Дэну встретиться вновь. Придя на вокзал почти к отправлению поезда, Отец обнаружил, что билет и документы он оставил у себя в комнате в общежитии, когда складывал в сумку грязное белье. Наступил момент истины. Поезд до родного города следовал раз в двое суток. Денег у Отца оставалось разве что на проезд в троллейбусе. Дела предстали перед Отцом в новом свете. Он один в чужом городе, без средств к существованию. Поезд в родной город отправится только послезавтра. С голоду умереть общага не даст, можно позвонить матери, чтобы она выслала немного денег на билет, но почтовый перевод будет только через неделю, не раньше. Вот тут на помощь и пришел Его Величество Случай. Отец услышал знакомый смех его однокурсников, которые собирались ехать в этом поезде. Найдя их и в двух словах обрисовав ситуацию, Отец притворился провожающим и проник в вагон, где его определили на багажную полку и завалили сверху сумками и вещами. Состав тронулся. Отец дождался, пока пройдут проводницы, соберут билеты и раздадут белье. Тогда, под язвительные шутки, он явил себя этому миру из-под одежды своих товарищей. Купе закрыли, стали есть, пить водку, кото-

рую студенты непременно возят с собой всюду, достали гитару и стали распевать студенческие песни, непристойность которых очень смущало попутчиков за стеной. Они стучали в переборку, требовали прекратить безобразия, апеллируя детьми, которые едут с ними. Студенты несколько убавили громкость своих глоток, но, возбужденные теснотой купе и водкой, стали шуметь на разные лады, вспоминая общагу, институт и разные проделки, в которых недостатка не было, которыми они гордились. На шум, из ниоткуда, в купе пришла проводница, дабы своим внушением прекратить шум в вагоне. Увидав Отца, она непременно стала интересоваться, кто таков и чьих он будет. Отец доложил, что он тоже студент, только едет в соседнем вагоне и что он скоро испарится. Проводница ему дала на все про все десять минут, но, лишенная чувства юмора и сострадания, явилась через три минуты, требуя, чтобы Отец немедля и секунды, покинул их вагон. Заяц спорить не стал, зная, что эта тетка глуха к чужим страданиям и проблемам. Он встал и ушел в другой вагон, думая там отсидеться, и, некоторое время спустя, присоединиться к своим товарищам. Полчаса он ходил по вагону, ища своих однокурсников, или хотя бы знакомых, чтобы с ними скоротать время, но никого не нашел и решил вернуться. На горе ему в проходе встретилась проводница, которая уже почувствовала неладное. Пристально вглядываясь в Отца, она взяла его за руку и проводила его из вагона, самолично прикрыв за ним дверь в тамбуре. Отец постоял

еще несколько минут, и, стоило было ему открыть заветную дверь в вагон, как был обнаружен пытливым теткой, которую Отец уже успел возненавидеть. Рассказать о своем горе Отец не решился, поскольку решил, что его, безбилетника, тут же ссадят с поезда. Тогда он заперся в клозете, где просидел до тех пор, пока назойливые простатики не стали стучать в дверь, требуя своей порции физиологических отправления. Отец сделал робкую попытку пройти по проходу до купе своих товарищей, но был пойман проводницей, которая назвала его козлом, вспомнила всю родню Отца, с коей знакома не была, вспомнила всех предков его до восьмого колена. Отец узнал много нового и о себе и о родне и несколько неизвестных, видимо привезенных издалека, речевых оборотов. Проводница схватила Отца за руку и сделала попытку отвести его к охране, но заяц ловко вывернулся и скрылся в тамбуре. Толстая тетка в синем железнодорожном мундире не успокоилась и вызвала милиционера себе на подмогу. Встреча состоялась некоторое время спустя. Отец не подозревавший, что теперь уже и власти заинтересованы в его поимке, дремал в грохочущем тамбуре меж вагонов, когда дверь в железную клетку отварила и в проеме появилась искаженная гримасой ненависти физиономия проводницы, которой платят за удобства пассажиров, да молоденький лейтенант, который был на три года старше беглеца. Удостоверившись, что Отец в руках правосудия, проводница на прощание подарила Отцу лучезарную улыбку в стиле A-La-Vamp и исчезла.

Отец узнал милиционера. Мальчишками они учились в одной школе, только лейтенант был на три года старше. О своем открытии Отец немедленно сообщил блюстителю порядка. Лейтенант оказался довольно добродушным пареньком, который, выслушав историю Отца, посоветовал ему скрыться в купе своих однополчан и до конечной станции не казать и носа. Он проводил беглеца до купе, убедившись, что за ними никто не подсматривает. Отец, добравшись до своих товарищей, забрался на багажную полку и, не дыша, засыпанный одеждой, успокоился до полной остановки поезда. Утром, когда пришла пора покидать вагон, Отец с высоко поднятой головой шествовал впереди своих однокурсников, даря проводницам наполеоновские победоносные взгляды. Тетки даже раскрыли рты от удивления, потому что были уверены, что Отец остался стоять на каком-нибудь полустанке в ночной степи. С тех самых пор бывший заяц очень трепетно относился к своим билетам, особенно к тем, что были куплены заранее.

Утро настало незаметно. Сначала была ночь, а потом бабах! И пришло утро. Стало светло и радостно. Отец открыл глаза и осмотрелся. Он сначала не сообразил, что чего-то не хватает. Затем, мгновение подумав, вспомнил глухонемого бородача, который своим храпом буквально с полусви́ста поднимал весь вагон. Никто ночью не пытался захрапеть. За всю ночь Отца никто не потревожил. Странник поднялся на локте и посмотрел вниз, напротив, где на нижней бо-

ковой полке лежала, свернувшись калачиком под белой простынею, старушка. Немого нигде не было. Матрац его был аккуратно свернут, постели и вещей не было. С немым вопросом Отец наклонился вниз, надеясь встретиться взглядом с Палычем. Тот будто и не спал. Он понял сразу, чего желает знать Отец:

—Он утром сошел с поезда. Так что можно поспать еще, а то я в последние несколько суток что-то устал.— Улыбнулся Палыч.

—Тебя никто сюда не звал.— Парировал Отец.

Напротив, на нижней полке зашевелились молодые супруги, разбуженные диалогом соседей, и тут же кинулись лобызать друг друга.

—Никак к твоему хамству привыкнуть не могу,— проворчал Палыч.

—Надеюсь, тебе не придется.— Сквозь зубы процедил Отец.

Как здорово, что глухонемой сошел. Можно было бы предположить, что его скинули с поезда страждущие расправы мужики в дальнем конце вагона, однако мало вероятно, что сделать это они смогли в полной тишине и стоического молчания немого. Провидение все-таки сжалилось над целым вагоном невинных душ и отпустило бородача невинным восвояси. Что ж, хоть кому-то повезло. Хотелось бы, чтобы, наконец, повезло и Отцу.

Странник одной рукой залез в свою куртку, которую

предусмотрительно заложил себе за голову. Документы и деньги были на месте. Денег стало меньше после покупки билета до столицы, однако их было все еще много. Паспорт-тощая книжечка, которая еще не была испорчена казенными печатями в страницах «дети» и «семейное положение», гре-ла душу. Он знал, что гостей Москвы не любят без документов, каждый голодный блюститель порядка был вправе остано-вить и задержать любого, кто не имел при себе этого само-го серьезного документа. Тетушку найти было бы не слож-но. Он знал, что от остановки метро «Югозападная» нужно было проехать на маршрутке до Матвеевского рынка, а там уже и рукой подать. Отец ни разу не был в стольном граде, но знал, что владея русским языком и его вариантами, он смело доберется до тетушки. Лишь бы она не сменила место жительства. Тогда ее разыскать будет сложнее, но нет ничего невозможного. Сегодня понедельник, прибудет в Москву он во вторник вечером. Сделав поправку на незнакомый город и на сумерки, можно предположить, что к тетушке он смо-жет добраться не слишком поздно. Остальное дело техники. Опять же, если Палыч все-таки отстанет от него. Кто сможет дать такую гарантию? Уж конечно это не Палыч и, тем более, не Отец. Выманить хитростью из вагона матерого федерала и оставить его на каком-нибудь полустанке не получится. Об этом нельзя даже и мечтать. Что же делать?

–Палыч,– позвал осторожно Отец федерала,– ты мне ска-жи, когда мы доберемся до Москвы, ты где меня оставишь?

На Казанском, или со мной до «Юго-западной» поедешь?

Тут Отец осекся. Это же надо сделать такую промашку. Сам, своим чертовым болтливym языком рассказал о своих планах. Теперь, когда он рассказал о своих планах, его будет можно выследить, не прибегая к уловкам и хитросплетениям теории вероятности.

Палыч, казалось, не заметил оплошности Отца. Он, не открывая глаз, сказал:

–Только из вагона выйдем, ступай куда хочешь, меня это не интересует. Хоть в Париж, хоть на Южный Полюс. Меня мои люди заберут и все.

–А сколько народу за тобой придут?– Спросил Отец, все больше оживляясь.

–Я не знаю.– Пожал плечами Палыч.

–Ну, а обычно сколько приходит?

–Нисколько.– Палыч приоткрыл один глаз и недоверчиво посмотрел на Отца.– Когда тебя забирали, сколько народа было?

–Нисколько. Просто взяли меня и все тут.

–Я ответил на твой вопрос?– Усмехнулся Палыч не весело.

–Мне кажется, это я сам на него и ответил.– Проворчал Отец.

–Какая разница. Сам или твоими устами отвечал я. Я буду ожидать отправного момента в условленном месте и времени. Остальное– дело техники. Мои парни щелкнут темпо-

ральным реле, и прощай Отец, прощай двадцать первый.

–Может, кто-то и будет следить за твоим отправлением?–
Недоверчиво спросил Отец.– Ну, чтобы увериться в успехе?

Отец хотел своим нехитрым вопросом узнать, есть ли еще кто-нибудь из федеральной службы в этом времени.

–Может и будет. Мне какая разница? Я отправлюсь домой. Остальное не важно, в крайнем случае, мне не нужно это знать. Вот и все.

Нет. В Москву тоже нельзя, подумал Отец. Слишком много неизвестных. Что будет, если я прибуду в Москву? Точно ли меня никто не хлопнет, стоит мне прибыть на Казанский вокзал? Точно ли, что за мной не будет слежки, если я все-таки решусь попасть в столицу? Ни на один вопрос нельзя получить утвердительный и положительный ответ. Ведь за-чем-то Палыч отправился с Отцом в поезде. Безопасность космического скитальца– аргумент крайне не убедительный. Отец пересек всю солнечную систему в небольшом пассажирском каре. Пересек целый рукав галактики до Цватпы минуя транспортные порталы, он прыгнул во времени на еще не испытанной установке, при этом успел побывать в гиперпространстве. За все это время никто не сделал и маленькой попытки беспокоиться о его безопасности. А тут нате, в родном двадцать первом веке ему не дают проехать в поезде до Москвы. Чушь. За этим что-то кроется.

Отец окончательно для себя решил, что в Москву он не поедет. Бог с ней, с тетушкой. Она не знает о планах Отца,

она его ждать не будет, а, следовательно, не будет и волноваться. Отец сойдет на каком-нибудь перроне, о котором и сам ничего не будет знать. Там уже будет видно. Еще посмотрим, из чьих прокладок чай слаще будет.

За окном окончательно рассвело. Солнышко пряталось за хмурыми серыми тучами, не смея казаться на люди. Поезд снизил скорость. Видимо, скоро должен быть крупный город. Проводницы закрыли туалеты, громко объявляя, что поезд входит в санитарную зону. По вагону пронесся слух, что подъезжаем к Самаре. Вагон стало болтать сильнее. Немыслимая путаница рельс и шпал распутывалась, ведя состав к старому русскому городу, в котором жило много людей. Прошло минут сорок, прежде чем состав остановился. Проводницы объявили получасовой перекур. Пассажиры пришли в движение, собираясь выйти на простор, чтобы там перекурить и обменять свои купюры на знаменитый самарский шоколад и копченого жереха. На перроне уже засуетились старухи разодетые по-зимнему в цигейковые полушубки и серые вязаные шали, держа в руках огромные связки ароматной копченой рыбы и стопки коробок с шоколадными конфетами, громко рекламируя свой товар:

—Подходи честной народ. Рыбка, свежая рыбка. Недорого, совсем не дорого.

Другие кричали:

—Шоколад, Самарский шоколад. Тает во рту, а не в руках. Очень свежий и очень сладкий. Горький шоколад, Самар-

ский шоколад.

Было похоже, что из одного пруда достают свежего жереха и свежий шоколад. Старухи усердно махали связками рыбы и коробками, лавируя меж других торговок и лотков, разложенных на пластиковых коробках, на которых были расставлены пиво, сигареты и, конечно, пирожки.

Отец быстро оделся, завязал шнурки и набросил шапку на голову. Он неторопливо оглянулся на свое место, проверяя, не оставил ли он чего. Палыч лежал. Он не сделал и попытки остановить Отца или поинтересоваться, куда тот направился. Отец помахал ему рукой и сказал:

–Пока, Палыч!

Палыч махнул в ответ ему рукой и остался лежать на своей полке.

Вот наглец, подумал Отец. Можно подумать, что он уверен, что я никуда не скроюсь. Мне бы его уверенность. Я и сам не знаю, убегу или нет. Скорее всего, убегу. А он и ухом не шевелит. Отец протиснулся по проходу, запруженному пассажирами, и спустился по металлической лестнице на сырой от осеннего морозящего дождика перрон. Он достал пачку сигарет, купленных богатым федеральным агентом, и закурил. Постояв немного, Отец прошелся вдоль вагона до своего окна. Блаженная улыбка мелькнула у него на лице. Палыч сидел у окошка и искал взглядом Отца, выказывая некоторую озабоченность.

То-то же, самодовольно подумал Отец. Куда там, такой

важный в вагоне был, куда его уверенность подевалась. Мне стоит только подумать, и я скроюсь в толпе в минуту, а чтобы меня догнать, Палычу потребуется несколько минут на одевание и выпрыгивание из вагона. За это время можно пробежать по подземному переходу до стоянки такси, а там уже его ни за что не догнать. На что он надеется? Быть может, он что-то знает?

Наверное, Палыч что-то знал, поскольку, найдя взглядом Отца, он сразу обмяк и успокоился, будто был уверен, что теперь Отец с ним связан нерушимой нитью его взгляда. Отец стоял напротив окна и думал. Он думал про то, что в Самаре ему точно делать нечего, что он здесь никого не знает. Здесь негде ему остановится, если не считать гостиницы. Но на его деньги, он сможет там существовать, лишь, несколько дней. Это не годится. О Самаре он знал, что это большой и красивый город, и что там есть шоколадная фабрика. Все. На этом его познания заканчивались. Будь у него компьютер и база данных, он, может быть, и нашел себе способ существования и в Самаре, но компьютера не было.

Чтобы посмотреть на реакцию Палыча, Отец внезапно кинулся к подземному переходу, ведущему в город. Добежав до него, Отец, прячась за угол, остановился и осмотрелся. Палыч сидел возле окна и ни сделал и попытки броситься за Отцом. Что-то не так. Значит, Палыч уверен, что Отец не скроется от него. Это так же значит, что дело и не в безопасности. Сейчас, когда Отец без присмотра своего bodyguard,

он очень уязвим, сейчас его может обидеть любой скинхэд или террорист. Но ни тот ни другой не спешили красть или убивать звездного скитальца. Они даже не подошли к нему и не предложили ему прокатиться за город.

Отец закурил еще одну сигарету и медленно поплелся к вагону. Палыча в окне уже не было. Отец про себя улыбнулся. Видимо все-таки он бросился в погоню, решил Отец. Потеха. Сейчас докурю и вернусь назад. Каково будет его удивление, когда он меня увидит? А быть может и не увидит? Может он решит продолжить поиски Отца в Самаре, тогда можно будет спокойно ехать в Москву до тетушки? Это было бы здорово, если бы Палыч остался в Самаре. Тогда не нужно будет изобретать велосипед и выманивать его наружу, если он сам уйдет. Отец бросил свой окурок и поднялся в вагон. Удивляться пришлось не Палычу, а Отцу, когда он увидел своего провожатого лежащим на своей нижней полке с раскрытой газетой в руках.

Отец, не обронив ни слова, разделся и устроился на своей верхней полке над Палычем. Оба хранили молчание. Поезд тронулся. Шевеление в вагоне постепенно прекратилось. Воцарилось обычное молчание, которое и можно только услышать в поезде, следующем более одних суток. Наконец Отец не вытерпел и спустился вниз к Палычу.

—Ты же за мной приставлен!— Сказал он с негодованием.— Почему ты со мной не пошел?

—Там холодно на улице. И я не курю, если ты не заметил.—

Спокойно проговорил Палыч, не отрываясь от газеты.

Отец осторожно убрал широкий лист в сторону, и посмотрел в глаза федералу.

–А если бы я убежал?

–Но ты же не убежал, так чего ты кричишь?

Спокойствие Палыча начало действовать на нервы.

–А если бы со мной что-нибудь случилось?– Чуть не закричал Отец.

–Не случилось же ничего.

–Знаешь что, пошел ты ...– Сказал Отец и забрался на свою полку.

Нужно было все-таки уйти от него в Самаре, подумал Отец. На следующей остановке точно сойду. Мне он надоел, хуже редьки. Всю жизнь испортил. Возле общаги крутился, жить мешал, у Брусова в дверь стучался, даже поспать толком не дал. Теперь тут. Главное, что из него ничего не вытянуть, если он сам не захочет. Ну его...

Отец отвернулся и несколько часов пролежал на боку. Ему показалось, что он даже подремал. Поезд катился дальше, останавливаясь на маленьких станциях, ссаживая и подбирая пассажиров, затем снова следовал. Отец был рад и этому. Он лежал и отдыхал. У него, как бы ни хвалился Палыч, последние несколько дней тоже были насыщенными. Если вспомнить, то он около трех суток назад тоже был, черти знают, в каком времени у цватпахов. Он собирал наспех установку, затем прибыл сюда, домой, в свое время. Потом очень

долго мерз и хотел есть. Так что Отец тоже на боку не лежал. Зато сейчас у него есть это самое время, чтобы отлежать бока.

Отец вспомнил, что сегодня, как проснулся, он еще ничего не ел, только вот аппетита не было. Даже запах копченого жереха его нисколько не возбудил. Странно. Наверное, аппетит исчез от гиподинамии, с которой Отец был неразлучен весь сегодняшний день? Скорее всего, это так.

За окном уже потемнело. На наручных часах молодого супруга, что сидел теперь напротив Отца на нижней полке, было семь. Немного спустя, было восемь. Затем девять, десять. Поезд стал замедлять свой бег. Приближался какой-то городок. Все. Отец решил, что здесь-то он и уйдет от своего надзирателя.

–Рузаевка.– Послышалось от проводниц.– Стоим десять минут.

Рузаевка, так Рузаевка, подумал Отец. Какая разница. Значит, если судьбе будет угодно, он сойдет здесь. Он спустился со своей полки, в последний в этот день раз, оделся, завязал шнурки, накинул шапку.

–Пойду, покурю,– кинул Отец Палычу, особенно не рассчитывая на ответ.

Палыч лениво посмотрел на Отца и сказал:

–Отец, меня зовут Виктор Петрович.

Отец еще на секунду задержал на нем взгляд, осмотрел в последний раз своих любвеобильных соседей, милую ста-

рушку, которая подобрала ноги под себя, сидела на своей полке, облокотясь спиной о стенку, и вышел прочь. Виктор Петрович ни сделал и движения, чтобы его остановить.

Что ж, подумал Отец. Пусть расставание будет без скандалов. Прощай, Палыч, то есть, Петрович. Он спустился на перрон незнакомого города, о существовании которого не знал до последней минуты, достал сигарету и закурил. Морозный вечер заставил его вегетативную нервную систему кинуться в дрожь. Он снова не знал, что ему делать и что его ждет. От неизвестности сигарета показалась еще вкуснее. Своим ароматом он немного успокоила Отца. Он подошел к окну, в котором появился федерал. Петрович дунул на стекло, и на запотевшем пятне вывел пальцем: «Виктор Петрович». Писал он слева на право, чтобы Отцу, стоящему за окном, было удобно прочесть.

Петрович, так и пусть Петрович, мне-то какое до тебя дело, подумал Отец, Бог даст, я тебя больше никогда не увижу. Отец стоял и покуривал ароматный табак.

Проводницы, глядя на часы, подняли железные лестницы и приготовили желтые флажки. Петрович не выказывал никакого беспокойства. Он спокойно сидел у окна и следил за Отцом. Поезд тронулся. Отец ожидал, что федерал кинется, начнет спешно одеваться и бросится с движущегося поезда. Но нет. Он сидел и смотрел. Отец широко улыбнулся, стараясь, чтобы улыбка была по возможности более нахальной, и театрально замахал рукой, привстав от нетерпения на но-

сочки. Палыч тоже ослабился, всем видом показывая, что он рад отделаться от своего несносного попутчика, и с деланной веселостью замахал рукой. Отец приложил ладонь к предплечью, таким образом, провожая федерала. Он старался, чтобы последним, что увидит агент в Рузаевке— недвусмысленный жест, отражающий его, Отца, к нему отношения.

Поезд укатился вдаль, в черноту наступающей ночи. Отец немного постоял на перроне, затем, осмотрев низкое одноэтажное здание Рузаевского вокзала, отправился к переходу, ведущему в город над железнодорожными путями. Он остановился на площади, довольно милой и аккуратной. По обыкновению на площади стоял памятник какому-то мужику. Может Ленину, может еще кому из его окружения. Отец не стал акцентироваться. Площадь окружали чистенькие многоэтажки. На площади около вокзала стояло несколько желтых такси. Вот на них то мы куда-нибудь поедем, подумал Отец и двинулся к машинам. Проходя мимо ларьков, которых здесь тоже было множество, Отец от неожиданности остановился, увидев мужика, покупающего свежие газеты. Тот нехотя подошел к Отцу.

–Прокатимся, Отец?– Мужик кивнул в сторону такси.

–Как ты сказал, тебя зовут?

–Виктор Петрович.

Будущее и прошлое

Глава 1.

–Ты же уехал в Москву?– С огромным удивлением спросил Отец.

–Как уехал, так и вернулся. Поехали, машина ждет.– Сказал Петрович, который чуть менее пятнадцати минут назад еще был Палычем.

–Слушай, я же тебя только что проводил. Ты ехал в поезде, я тебе помахал рукой...– Отец был вне себя от удивления.

–Сказал же, вернулся. Доехал до Москвы, вернулся к себе, в федеральной службе доложил, что ты сошел с поезда в Рузаевке. Чего непонятного?– Федерал взял Отца за руку.

В его глазах уже блестел холодный огонек. Былого равнодушия не было и следа.

–Ты же сказал, что от меня отстанешь.– Взмолился Отец и сделал слабую попытку высвободиться.

–Я сказал, что за тобой в Москве слезки не будет. Но ты же не поехал в Москву, так чего же ты тогда тут комедию ломаешь? Поехал бы в столицу, был бы свободен.

–Ты все время мне лгал. Ты и не собирался меня отпустить. Что ж, теперь ты меня убьешь?

–Не говори глупостей. Хотел бы я тебя убить, сделал бы еще там, возле общежития. Теперь ты вернешься назад, к нам.

–Не говори глупостей.– Передразнил федерала Отец, ста-

раясь вырваться из цепких железных рук.— Делать мне больше нечего. Хочешь, меня лучше здесь аннигилируй.

—С радостью. Ты у меня уже в печенках сидишь. Только, знаешь ли, не могу. Приказ другой.

—Так значит, у тебя задание меня вернуть?— Спросил Отец.

Рузаевское небо сыпало мелкой водяной пылью, которую разбрызгивало с завидной щедростью. Было сыро и холодно.

—Вернуть.— Повторил Петрович.

—А какого лешего ты передо мной комедию ломал? Почему не взял возле общежития?

Федерал тащил Отца железно и аккуратно к стоявшей невдалеке желтой «Волге» с черными шашечками на боку. Отец выкручивал руки, стараясь освободиться, но все попытки были тщетными. Федерал не ослаблял и не усиливал хватку, а лишь держал настолько сильно, чтобы не упустить Отца, и настолько слабо, чтобы не случилась ишемическая гангрена конечности.

—Ты должен был сделать несколько важных шагов. Если бы ты их не сделал, то поверг бы континуум в темпоральный кризис. Этого допустить было никак нельзя.— Сказал федерал спокойно.

—Какие шаги?— Отец старался тянуть время, чтобы постараться запутать федерала, или втянуть его в полемику, чтобы потом, воспользовавшись замешательством скрыться. Федерал игнорировал все его попытки, лишь неукротимо тащил

его к такси.

– Банк спермы и поездка в Москву. – Процедил Петрович.

Желтая машина все приближалась. Петрович шагал медленно, но верно, увлекая за собой звездного странника.

– А в Москву, зачем нужно было ехать?

– Это не я, а ты решил в Москву ехать. Из-за тебя мне пришлось еще трое суток возле «Юго-западной» слоняться.

Да, подумал Отец. Вот дела. От этого агента ничто мимо ушей не проходит. Казалось, что он не заметил, как Отец проговорился про «Юго-западную», однако практика показывала другое. Федерал не только ничего не пропустил, но и сделал несколько замечательных выводов, в результате которых, Отец и попался.

– Но, если бы ты меня не стал подстегивать, я бы не собрался ехать в Москву, так что это ты меня заставил отправиться в столицу. – Запротестовал, было, Отец.

– Может, я тебя и подстегивал, только в Москву собрался ты, а не я. – Холодно ответил федерал. А потом добавил. – Ты сам в базе данных нашел сведения, что ты отправишься в Москву, или я не прав?

Отец действительно нашел эти сведения, только говорилось, что Отец до Москвы не доедет. Все правильно. Отец не доехал до Москвы. Он сошел в Рузаевке, а в Москву отправилось его пустое место. Все сходится. Федерал, значит, отправился в поездку с Отцом, чтобы проследить, на какой станции сойдет путешественник во времени. Поэтому ему

было все равно, сойдет он в Самаре или в Рузаевке, или еще где-нибудь. Точно. Никакой охранной миссии и не было в помине. Это была лишь разведывательная операция.

–Так ты просто смотрел, где я сойду?– Отец решил проверить свою догадку.

Петрович кивнул. Они подошли к машине. На площади не было ни единого человека. В это промозглый осенний день не нашлось и единого гуляки или провожающего. Петрович открыл заднюю дверь «Волги» и втиснул Отца. Отец закричал, что было мочи, стараясь привлечь внимание народа, но крик так и остался гласом вопиющего в пустыне. Отец решил обратиться к водителю такси с просьбой освободить его из лап мерзкого похитителя, или на худой конец, вызвать милицию, на что водитель такси, моложавый мужик, ответил:

–Отец, чего ты кричишь, как потерпевший. Видишь: нет никого, только глотку сорвешь.

Ясно. Это тоже федерал.

Отец покорно сел на сидение, Петрович влез вслед за ним. Водитель не спешил заводить мотор, только коротко кинул взгляд на наручные часы и сказал:

–Рано еще, постоим.

–Слушай, что я из тебя все тяну. Сам расскажи, что ты как маленький.– Взмолился Отец.

–Ты уже и сам все понял. Только ты слез на Рузаевке... то есть здесь, я отправился в Москву. Хоть отдохнул сутки от тебя. Знаешь, столько ты мне нервов попортил. Там меня

забрали назад. Я доложил, что ты во столько-то и столько-то, тогда-то и тогда-то слез в Рузаевке. Пока в оперативке разрабатывали план твоего... – Петрович усмехнулся в нос и продолжил. – ... задержания, меня, на всякий случай, отправили на «Юго-западную», чтобы ты не просочился между делом. От тебя всякого ожидать можно. Затем я вернулся, отдохнул денек другой и отправился сюда. Я здесь уже несколько часов прохлаждаюсь, тебя жду.

–Так, значит, меня и не думали отпускать? Я правильно тебя понял?

–Отец, ты такие вопросы детские задаешь. Ты думаешь, что можно вот так просто путешествовать по эпохам. Меня, если тебе интересно, двадцать пять лет к этому готовили, чтобы я дел всяких не натворил. А ты вот так просто захотел побывать в будущем и с тем остаться жить? Ты просто наивный сопляк. Не мне решать, как с тобой следует поступить. Я бы тебя, ей Богу, аннигилировал к чертям и прах твой по галактике развеял. Но от меня это не зависит.

–Ясно. Федералам верить никогда нельзя было. Что в мое время, что в твое. Кричали мне там, у Цватпы, вернись, дорогой, мы тебя сами отправим. А стоило мне самому вернуться, так вы на попятную... Пошли вы все с вашими морями и устоями. Козлы. – Отец отвернулся к окну.

Он осторожно попробовал открыть дверь, но ручка не работала. Федералы свои операции готовят хорошо, и такой промах, как работающая дверная ручка – не в их манере.

–И что мы сейчас будем делать?– Спросил Отец тихо.

Тени сгущались. Нехорошее предчувствие овладело странником. Тот федерал, по большей части равнодушный, и уж точно не злобный, куда-то подевался, и ему на смену пришел расчетливый стремительный агент федеральной службы темпорального отдела. Он сидел рядом и собой излучал спокойную холодную решимость и беспрекословное подчинение долгу. Отцу стало неуютно рядом с этой машиной, посланной на его поимку.

–Что делать?– Переспросил федеральный агент.– Сейчас мы отсюда уедем, для начала.

Он тронул легонько за плечо водителя, и тот, поняв смысл этого жеста, привел машину в действие. Желтая «Волга» заурчала и медленно тронулась. Тусклые желтые фонари отражались в холодных черных лужах, уже успевших образоваться от морозящего дождика. В свете фар казалось, что небо затянуто серебряными нитками паутины, такой воздушной, что даже касание света разгоняло их в стороны. Машина двинулась в горку, чуть забирая вправо. Отец от нахлынувшей на него безнадеги потерял всякий интерес к окружающему. Мимо проплыла привокзальная площадь с унылыми лысыми серыми отцветшими газонами, проскочили кварталы многоэтажных домов, которые, не смотря на унылую скользкую осень, были достаточно живописными. Дорога уходила вверх на гору. Отец и не заметил, как маленький городок закончился. Впереди потянулась хмурая степь, едва освещенная Лу-

ной из-под низких туч. Справа на обочине дороги появился указатель, согласно которому Саранск находился в двадцати пяти километрах.

–Мы в Саранск едем?– Спросил Отец холодно.

–В Саранск, в Саранск.– Кивнул федерал.

В его голосе сквозили железные нотки, от которых по спине побежали мурашки. Отцу уже не хотелось с ним спорить или язвить. Напуганный жесткой суровостью своего похитителя, странник сидел смиренно. Даже вопросы, которые хотелось задать, застревали у него в горле и очень хотелось кашлять.

–Зачем в Саранск? Что мы там забыли?– Проворчал Отец.

–Скоро все увидишь. И девку с клюкой и козла с кочергой.– Сказал федерал.

–Да не дергайся, Отец, никакого горя с тобой не будет. Только будь паинькой.– Кинул из-за спины водитель.

–Ну, к примеру, кочергу я уже увидел...– Проворчал Отец.– А ты бы как на моем месте вел себя? Паинькой?

Последняя фраза была обращена к водителю желтой «Волги». Водитель улыбнулся.

–Не знаю...– Сказал водитель.

–Палыч...– Начал, было, Отец.

–Тогда уж Петрович.– Поправил Отца федерал.

–Петрович, слушай, а почему ты со мной не сошел в Рузаевке, когда со мной ехал в поезде?– Спросил странник.

Вопрос был риторическим, тем более, Отец уже знал на

него ответ. Отец хотел, лишь, разговором отвлечься от мрачных мыслей.

— Меня должны были забрать в Москве. Это— первое. Второе— нужно время, чтобы разработать план твоего возвращения. Третье— ты меня просто достал, я хотел от тебя немного отдохнуть.— Сказал федерал.

— Исчерпывающе. Что будем дальше делать?

— Тебе рассказать?— Спросил Петрович вызывающим тоном.

Отец кивнул.

— Сначала ты попытаешься от меня убежать, но у тебя ничего не получится. Хочешь узнать, почему?

Отец снова кивнул.

— Потому что,— продолжал Петрович,— я тебе сейчас сделаю инъекцию, и ты станешь послушный, как теленок.

Петрович достал из своей куртки пистолет-шприц. Отец попытался оттолкнуть от себя назойливого федерала, и пролезть на переднее сиденье, где дверная ручка должна была открыть путь на свободу. Федерал оказался много сильнее и проворнее Отца. Он схватил странника за руку, закрутил ее за спину. Отец взвыл, затем федерал приставил пистолет к шее и выстрелил. Звездный странник почувствовал тонкий, едва заметный укол в шею, затем его сознание затуманилось, все желания пропали, и он повалился на сиденье, не обращая внимания ни на что.

— А потом мы вернемся в наше время и я про тебя, на-

конец, забуду.— Закончил Петрович.— А пока лежи смирно, чтоб я тебя не слышал даже.

Отец лежал на заднем сиденье, едва прикрыв глаза. Для него осталось лишь молчаливое согласительное созерцание всего происходящего. Он знал, что он— Отец, знал что его похитил Петрович, знал, что скоро они отправятся назад в будущее, только все уже потеряло свой смысл. Ему было все равно, что он— Отец, что его похититель— стремительный оперативник темпоральной службы, что скоро он вернется туда, откуда родом его будущий сын и Рыжая. Ему было безразлично, что он ее по-прежнему любит, и ее нет рядом с ним. Теперь уже все равно. Сейчас Отец обрел новый смысл в жизни. Ему сказано: сидеть тихо, значит нужно сделать так, чтобы его не было даже слышно. Он прилагал все усилия, чтобы оправдать надежды, возложенные на него. Он старался не моргать, чтобы шорох ресниц не побеспокоил всемогущую десницу федерала. Отец старался дышать через раз, чтобы дыханием не нарушить священный покой Петровича. Он не смотрел по сторонам, дабы скрипом глаз не навлечь на себя беду, поскольку сказано: лежать смирно. Он будет лежать, даже если рядом пройдет Рыжая и станет его на коленях молить о прощении. Ему на это плевать, поскольку весь мир смотрит, как он стоит на страже покоя и тишины. Отец слышал, как его обсуждают два федерала, присланных из далекого будущего специально за ним. Он равнодушно пропускал слова мимо ушей, потому что они не несли за собой пря-

мого приказа.

—Ох, и шебутной субчик,— ворчал Петрович.— Ты бы знал, как он мне кишки мотал в поезде. Там и без него было не сладко. Он чуть не избил какого-то несчастного глухого мужика. Мне так стыдно было, что хотелось сквозь землю провалиться.

—Наслышан,— махнул рукой водитель такси.— Говорят, он какой-то алгоритм открыл хитрый. Новичкам всегда везет...

—Слушай, смотри, его свалило жестко. Он еле дышит. Отец, дыши, давай. Трупам нам еще не хватало. Столько времени на него убить...

Отец стал дышать оживленнее, поскольку божественный голос велел ему дышать. Как ему было радостно, что он таким простым движением сможет удовлетворить высокие потребности своего лучезарного господина. Он стал дышать всеми двадцатью четырьмя ребрами, то, вздымая их вверх, к ключице, то, опуская к животу, помогая при этом и себе и священной деснице диафрагмой. Как это здорово дышать, как здорово работать диафрагмой, от чего весь кишечник так и прыгает от восторга.

Мимо пролетел синий дорожный указатель.

—Саранск. Сколько до него осталось?— Спросил Петрович.— Я не посмотрел.

—Пятнадцать километров. Интересно, между городами всего двадцать восемь километров. Нигде такого не встречал. Скоро уже приедем.

Федерал достал из кармана небольшой GPS навигатор, который использовали в двадцать первом веке рыболовы и охотники. Он указывал положение «Волги» и путь, который еще следовало проехать. Оставалось чуть менее трех километров. Водитель притормозил машину и свернул с дороги вправо, на грунтовую дорожку. Машину затрясло сильнее. Дождик немного утих. Маленькие, словно маковое зернышко, капельки уже реже ударялись в лобовое стекло машины. Водитель все больше удалялся от трассы Рузаевка– Саранск. В черноте ночи Отцу не было видно, куда они едут, да это и не имело особого смысла. Он дышал, потому что так хотел высший разум. Он сам ему так и сказал: Отец, дыши. Странник остановил свой взгляд на полу машины, поэтому то, что происходило за окном, он мог видеть только краем глаза, ведь высший разум не дал ему команды смотреть по сторонам и запоминать дорогу. Вот, если бы он так сказал, Отец бы сидел и запоминал. А пока он просто дышал и старался делать все так тихо, чтобы не разочаровать своего всемогущего повелителя.

Водитель подвел машину к старому заброшенному коровнику, стоявшему одиноко в степи. Возле ветхого строения стояло несколько опавших голых берез, которые скрывали за собой обвалившийся забор и задний двор от глаз любопытных. Остановив машину на заднем дворе, чтобы ее не было видно с трассы, водитель заглушил двигатель и вышел из машины. Он обошел желтую «Волгу» и открыл дверь Петрови-

чу, поскольку задняя дверь открывалась только снаружи.

–Выходи,– скомандовал федерал, обращаясь к Отцу, и вышел в ночь.

Отец был ошарашен новым прямым обращением высшего господина. Он постарался сделать это грациозно, поскольку приказ о тишине еще никто не отменял. Очутившись на свежем морозном воздухе, смоченном выделениями черного неба, Отец зашатался. У него закружилась голова, но он постарался сохранять равновесие, которое пришло минуту спустя.

–Стой здесь.– Скомандовал Петрович.

Отец был счастлив слышать голос своего повелителя. Он казался таким чистым и небесным, что захватывало дух от торжества. Но он дышал, стоял и старался не двигаться. Это было здорово стоять и молчать, напрягая лишь межреберные мышцы.

Петрович посмотрел на часы, недовольно пробормотал, что они рано приехали, потом принялся расхаживать вокруг машины, нет-нет перекидываясь несколькими словами со своим однополчанином. Вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь тихим порывом ветерка, мелкими каплями воды, сыплющими с неба, да шорохом обуви о щебень.

Отец понимал, что они ждут зонд, который должен будет появиться минуты за две до начала темпорального путешествия. Он помнил, как выглядит зонд. Его Отцу как-то показал Декс. Зонд выглядел маленьким дюймовым шари-

ком из черного матового металла. Он был оборудован антигравитатором, чтобы быть независимым в любой обстановке, небольшим антигравитационным двигателем да автономным наногенератором. Его отправляли в прошлое на высоту, чуть превышающую среднюю высоту деревьев, чтобы снизить вероятность его материализации в окружающих предметах, загодя, минуты за две, чтобы он сумел прибыть на место темпорального действия. Его задача была простая. Он должен собрать сведения об окружающей обстановке, точные координаты объекта перемещения, зафиксировать момент темпорального перемещения и его характеристики, затем вернуться в заданную точку пространства, чтобы его можно было вернуть назад. Вот и все. Получив зонд, механики темпоральных перемещений обрабатывали данные, сверяли фактические пространственные координаты и темпоральные характеристики возмущений с расчетными, затем приводили темпоральную установку в действие. Все гениальное просто.

Оба федерала прохаживались вокруг машины, изредка бросая взгляды на наручные часы. Отец ждал. Наконец пленник для себя отметил божественный голос, который проговорил:

–Вот он. Появился.

В темноте неба нельзя было ничего разобрать, только федерал его все равно увидал.

–Все, пора. Отец за мной.– Сказал Петрович и направился

на растоптанную площадку, чуть усыпанную желтым песком, чтобы было легче ориентироваться в вечернем сумраке.

Отец повиновался. Он медленно двинулся к Петровичу, который уже стоял на тонком слое песка, и встал рядом. Водитель остался стоять, где стоял. Ему еще не было время возвращаться. Какая-то неведомая миссия не позволяла ему вернуться к себе домой. Черный металлический зонд медленно обошел одиноко стоящих двух мужчин и завис невдалеке, словно наблюдая за ними.

–Ладно, все, давай, пока.– Махнул Петрович своему прожатому.– Скоро увидимся.

Таксист коротко кивнул федералу и направился к машине. Ждать оставалось совсем немного. Отцу было все равно. Стоять, дышать или бегать, отправляться в будущее или погибнуть во цвете лет. Все было безразлично. Единственное, что имело для него значение– приказы своего командира. Если бы тому взбрело в голову сжечь Отца, тот не задумываясь и на мгновение, сам бы облил себя бензином и поджег. Но Петрович не был кровожадным, да и убийство– есть убийство во все времена. Опьяненный сильным зомбирующим психотропом, Отец был лишен воли. В голове не было ни единой мысли. Если бы Петрович попросил Отца поведать все свои сокровенные тайны, если бы таковые имелись, странник выложил бы их все и был бы при этом счастлив.

Весь мир перевернулся и исчез. Вокруг поплыли немислимые разноцветные пятна, пожирающие все вокруг. В лицо

дунул такой ветер, что казалось, что он снимет всю кожу с головы. Не было больно и не было холодно. Морозящий дождь исчез, будто его никогда и не было, осталась лишь прохлада между лопатками, когда он шаг за шагом пробирался туда. Руки и ноги стали чужими. Если было бы желание, можно над ними посмеяться вволю. Отец таял как воск. Его жирное брюхо растеклось по ногам, которые тоже оплыли и стали короткими, словно их отрубили. Они превратились в ласты, и стало очень удобно плавать. Отец расцепил пальцы, которые запутались в его густом меху, покрывавшем все тело, и прыгнул в горящую серу. Сейчас время линьки. Когда спадают перья, которые он носил два предыдущих года, остается подшерсток, затем он превращается в густую шерсть. Он брал из хвостовой сальной железы жир клювом и размазывал его по густому ворсу, приглаживая его, чтобы он не мешал ему плавать. Теперь нужно дождаться, пока новые перья не вырастут. За это время успеют его яйца, которые ему приходилось высидывать на холодном снегу. Сера горела все ярче. Отец плавал в ее бурлящем тепле. Теперь ворс спекся от жира и жары и стал похож на панцирь. Теперь он защищен, теперь ему будет лучше высидывать яйца, которые нужно собрать в кучу. Малыши, даже еще не вылупившиеся из яиц, уже стали неугомонными. Они раскатывались по снежной долине в своих овоидах.

Теперь он стал синим гуманоидом, парящим в облаках. В воздухе взревела сирена, от которой разлетелись стекла в

окнах. Так извещали всегда, когда приходят самки. От них никуда не деться. Его синяя кожа приобрела от гнева желтый оттенок. От этих самок можно ждать чего угодно. Они приходили и выпивали мозг до последней капли, оставляя свои жертвы высыхать на солнце. Затем они заберут и остатки, когда тело высохнет настолько, что кожу можно будет выделать для модных кошельков. Пока их нет, жизнь кипит, делаются научные открытия, пишутся книги и стихи. Но приходит день, когда самки активируются. Они теряют рассудок и идут крушить все на своем пути. Еще вчера она принесла тебе наследника, сегодня она приходит, чтобы сожрать мозг. Когда приходят самки, города пустеют. У кого есть бункера— запираются в них. У кого есть личный транспорт, собирают друзей и уходят в пояс астероидов, чтобы там найти безопасность. Некоторые самки прилетают и туда, и тогда в космосе остаются липкие пятна на полу орбитальных убежищ, и измученные мертвые тела, из которых потом посыют кошельки и сумочки. Несколько дней в месяц царствуют они. Приходится глубже забиваться в щели и не выказывать носа. Нужно на несколько дней забыть про еду и воду, чтобы остаться живым. Самки приходят иногда с опозданием на несколько дней, или приходят раньше, заставляя больше жертв врасплох. Чем позже они приходят, тем бесчинства, которые они творят, безумнее и жестче. Они крушат все, что находят у себя под рукой. До дня спаривания еще очень далеко, а, значит, у самок бесчинства в ходу. Чем ближе ко

дню зимнего солнцестояния, когда самки придут за похотью, тем они становятся раскованнее и дерзче. Лишь немного после того, как солнце наклонится к зиме, они немного умерят свой пыл. Когда самки теряют свой рассудок, они могут выпить мозг и у своего потомства. Некоторые самки во дни их буйств теряют рассудок не до конца, сохраняя способность к управлению летательными аппаратами и системами поиска живых организмов. Эти самки страшнее всего. Они могут выследить и на морском дне и в холодных спутниках внешних планет. Убивать самку нельзя. Потому что неизвестно фертильна она или нет. Если фертильна, тогда это будет большой урон в генофонде планеты, если она не фертильна, коих большинство, тогда другое дело. Но их не различить. Несколько дней в месяц они правят планетой. В это время стихают все производства и искусство, остается только инстинкт самосохранения, да самки.

Когда несколько дней не пьешь, кожа становится тонкой и бархатистой. У нее появляется серебристый матовый оттенок, который очень гармонирует с синими лицами самок, поэтому они очень любят такие кошельки и сапожки. Пусть это цена чьей-нибудь жизни, это все равно, зато это так красиво. У него кожа пожелтела. Быть может самки и в этот раз его не найдут. В прошлый раз ему пришлось сидеть в темном подвале восемь суток, прежде чем самки ушли. Сколько будет на этот раз? Он посмотрел на перепонки между пальцами. Сейчас они прочные и упругие, скоро они покроются

морщинами и потеряют былую силу. Они станут мягкими и податливыми. Только бы самки не нашли, тогда все наладится. Пить во время их буйства нельзя, иначе навлечешь на себя самку. Они любят сочный мозг, еще лучше, если это будет сытый мозг, он приятно горчит в горле. Поэтому пить нельзя. Есть тоже нельзя. Самка по запаху может найти тебя и съесть мозг. А потом еще долгое время твою кожу будет таскать на плече или в ридикюле или на ногах. Он протер в последний раз свои кожистые крылышки, не скоро удасться полетать в перистых облаках, и побрел в свой подвал, где предстояло несколько суток не спать, трястись от страха и быть голодным и иссушенным.

Появилась черная дверь, за которой, Отец знал, было блаженное спокойствие, за ней ему бояться нечего, его не найдут. Он открыл дверь, его ослепило яркое солнце, которое могло уместиться у него на ладони. Он прикрыл мигающие глаза свободной рукой и успокоился. Его стало трясти. Это была не нервная дрожь. Это было что-то другое. Потом и это потеряло всякий смысл.

Последнее, что Отец услышал было:

–Все, теперь спи.

И он уснул. Он лежал и ничего не видел. Он спал и не видел снов. Он спал, и ему было все равно: долго ли он спит, зачем он спит, хочет ли он спать, и проснется ли он вообще. Он спал, а остальное не имело смысла. Всем спать. Пусть все станет тихо и призрачно. Пусть и солнце прикроет глаза.

Пусть уймется движение электронов, пусть остановится все на свете. Всем спать.

И он спал. А когда пришло время, он проснулся.

Он лежал на серой пластиковой площадке, окруженной стенами из такого же серого пластика вокруг. Когда в прошлый раз он попал в это время, он оказался в точно такой же камере. Это всего лишь приемная платформа. Он это знал. Сейчас его заберут. За ним придут и заберут. Так было в прошлый раз, так будет и в этот. Он знал это. Сейчас возникнет черная арка выхода, придет кто-нибудь и уведет его. А пока можно полежать на спине, закинув голову. Бог мой, как приятно полежать на спине.

Отец привстал на локте. Он в будущем. Это факт. Мерное дрожание пола— признак того, что он в космическом корабле, и он движется, это два. Три— действие психотропа прошло, это значит, что он снова ответственен за свои поступки. Хорошо. Удивительное средство. Отец вспомнил свои ощущения, когда был под действием лекарства. Ему было плевать, куда он направляется и зачем. От этих воспоминаний к горлу подступила тошнота. Ему больше не хотелось переживать эти ощущения, пусть даже тогда ему было хорошо.

Если предположить, что средство выводится из крови естественным путем или гидролизуется, на это нужно не менее нескольких часов. Пусть Петрович ему сделал инъекцию за час до возвращения, значит здесь, в будущем, он находится уже несколько часов.

Ждать пришлось недолго. В небольшой комнатке возник выход и сквозь черное зеркало нашел себе дорогу Декс, Веганская рептилия– телепат. Одет он был в серебристый комбинезон, который был изготовлен специально для него услужливым автоматическим гардеробом. Отец несколько по-другому представлял себе униформу космического флота. Но, какая уж есть. Значит им так удобно.

–Здорово, лягушка путешественница,– поздоровался Декс.

В его словах было немало иронии.

–Здоровее видали.– Кивнул ему Отец со своего пластикового постамента.– Что, опять мне мозги мыть будешь, или без этого обойдемся.

–Не буду. Ты себе, наверное, сам сказал много. Что тут добавить.– Декс вытянул свои глаза, которые хитроумным способом крепились на стебельках зрительных нервов, и направил один глаз на Отца, вторым осматривал помещение вокруг.

–Декс, может ты мне объяснишь, зачем меня второй раз украли. Вам без меня хлопот мало что ли?– Спросил Отец усталым голосом.

Он выспался, только усталость, которая в нем накопилась за истекшую бешеную неделю, было трудно изгнать из головы. Отец сел на край пластикового стола, на котором лежал до сих пор, и спустил ноги. Руками он старался прикрыть то самое место, которое наградило его деньгами и билетом до

Москвы.

—Отец, когда мы тебе предлагали остаться с нами, чтобы мы тебя нормально, как всех людей проводили домой, что ты нам сказал?— Проскрипел Декс и уселся на хвост, как это делают все австралийские кенгуру.

—Послал вас к такой-то матери, и дело с концом.— Ответил Отец.— Вы бы меня никогда домой не отпустили. Этому я нашел подтверждение в базе. Это вы и продемонстрировали, когда сейчас меня снова украли. Так что, поправь меня, если я не прав, почему бы мне вас всех не послать куда подальше?

—Отец, ты производишь впечатление разумного человека,— сказал Декс, и повернул к нему оба глаза. Потом добавил,— иногда. Но сейчас ты несешь такую чушь, что слушать больно.

—Это еще почему?— Удивился Отец.

—Да все потому... Как ты думаешь, не хватит ли этому континууму парадоксов? Ты ушел в прошлое со всеми знаниями, которые должны еще только будут появиться несколько столетий спустя. Ты забираешь с собой спасательный космический шлюп. Если бы он оказался в надежных руках, это дало бы преимущество в миллион процентов любой державе. Один только этот здесь никчемный шлюп мог поставить ваш мир на колени. С его помощью в вашем времени, можно захватить всю планету. Ты этого не понимаешь? А так бы оно и было, если бы ты его не спрятал куда-то.

—Декс, не носи чепухи. Это ты сейчас говоришь такие глу-

пости, что мне плевать хочется. Этот мир стоит не потому, что вы меня вернули. Я тоже много думал над этим. Сегодня не известен факт захвата одним государством власти над всей планетой?— Спросил Отец.

Декс молчал.

—Отвечай.— Настаивал Отец.

—Нет.— Ответил Декс нехотя.

—Это значит, что этот шлюп никто не использовал и не смог использовать, это так же значит, что время просто так не обмануть. Я на собственном опыте успел в этом убедиться. А вот, если бы вы меня оставили в моем времени, от этого никто бы не пострадал, хочешь ты в это верить или нет. Никто. Все были бы счастливы. Если вы так печетесь о сохранности своего континуума, вы достаточно сами сделали, чтобы его уничтожить. Одного этого бугая, Петровича, четыре раза в мое время отправляли. Это вам не парадокс, что человек, причем один и тот же, который даже еще не успел родиться, находится одновременно в четырех местах в прошлом, в одно и то же время? Это вам не парадокс, или это—шуточки?— Отец разошелся.

Декс молчал.

—А то, что вы меня заставляете лететь к черту на рога, на Цватпу, чтобы я, рискуя жизнью, вернулся домой. Декс, как это все называется? Я тебе скажу. Это— свинство, самое настоящее свинство. Затем, без моего благословения, вы забираете меня назад. Для чего? Ладно, в первый раз забрали. Ва-

ми тогда какие-то благородные мотивы возымели силу. Изучение неведомой цивилизации. Но сейчас то что? Сейчас вы заботитесь о собственной шкуре. Континуум решили сохранить. А то, что сами его терзаете налево и направо, это все нормально? Сейчас что от меня нужно?— Уже кричал от возмущения Отец.

—Ты все сказал.— Терпеливо просил Декс.

—Все.— Выдохнул Отец.

—Тогда слушай. Во-первых, твой алгоритм работает...— Начал было Декс, но Отец махнул на него рукой, видимо, собираясь разразиться очередной тирадой.— Нет, ты послушай. Твой алгоритм работает. Мы расшифровали много сообщений из того мира. Твой алгоритм помог многое понять. Понимаешь, сейчас мы стоим на пороге какого-то колоссального открытия. Скоро должно что-то произойти, об этом говорят все прогнозы на будущее. Во-вторых, ты нам можешь понадобиться, ведь эти сигналы до сих пор передают код твоей ДНК. Возможно, тебе предстоит принять участие в чем-то очень грандиозном, о котором и мы то мечтать не смеем. А в-третьих, ты не должен возвращаться в прошлое с нашими знаниями. Для начала мы должны тебе, хотя бы, стереть всю память. О нашем времени, разумеется.

—Слушай, Декс, ты это мне и в прошлый раз говорил. А мне пришлось прожить у вас около года. За это время вы меня свозили лишь дважды к точке прохода. Ничего не случилось, ни чего не произошло. А я потом все время болтался в

конверте, да с Рыжей амурничал. Я так больше не хочу. Сам посуди: сейчас я знаю, что у цватпахов установка рабочая, значит, если я вернулся к себе домой один раз, значит, смогу вернуться еще раз. А добраться до них я смогу. Смог же я стащить у вас невредимый шлюп, значит, и еще раз стащу. Что мне помешает? Уж никак не вы.

— Не сможешь. — Сказал Декс.

— Это еще почему? — спросил с вызовом Отец.

— Помнишь про два несанкционированных темпоральных перемещения? Помнишь! — Декс довольно кивнул. — Еще как помнишь. Третьего не было, значит и не будет никогда. Понял? Или с тобой что-то случится, или с установкой пойдет что-то не так. Понимаешь? Третьего темпорального перемещения не будет, потому что первые два уже исчерпаны.

Это была правда. Первое темпоральное возмущение было, когда цватпахи испытали свою установку. Второе — когда Отец вернулся к себе домой. Он уже думал над этим. Третьего не будет. Отец поник. Это правда, третьего не будет, значит идею с цватпахами можно отсечь уже на этом этапе. Он никогда больше не увидит милых пернатых пингвинов, которые были к нему добры. Он никогда не будет забавлять их детенышей в хвойных аллеях парка. Ну что ж, так тому и быть. Значит, придется правдами и неправдами завладеть официальной темпоральной установкой, которую так хорошо охраняют федералы. Поживем — увидим. Придется их обмануть и отправиться на испытанной установке. Что Отцу мешает за-

хватить этот вот космический челнок, который в своих недрах таскает машину времени? Найти где-нибудь оружие, захватить его, вернуться в космос, где когда-то была Земля, и вернуться. Все просто. Нужно просто об этом хорошенько подумать.

Декс был телепатом, посему, прочтя все тайны, которые рождались в голове Отца, сказал:

–Отец, ты это выбрось из головы. Здесь на корабле столько федералов, что тебе с ними не справится и с целой противоастероидной батареей. Разрешение на пуск установки дает Земля. Понимаешь? Земля. Тебе на Земле в этом помогать никто не возьмется. Это очень жесткое правонарушение. Никто. Не думай даже об этом. Я тебя очень прошу.

–В мозгах моих рылся? Не смей больше.– Сказал Отец приглушенно.– Все равно я у вас не останусь. Все равно убегу. Пусть это будет стоить краху этого континуума, о котором вы, кстати, печетесь меньше моего.

–Отец.– Строго сказал Декс.– Никто тебя здесь держать не собирается. Сделаешь свое дело, отправишься домой. Это я тебе обещаю. Не от федеральной службы тебе говорю, но от себя лично. Я тебе обещаю.

Отец недоверчиво посмотрел в глаза Дексу. Немигающие глаза смотрели на него. У веганцев нет привычки опускать глаза при пристальном взгляде. Этому их эволюция не научила.

–Правда?– С надеждой в голосе спросил Отец.

–Правда.– Декс кивнул головой.– Обещаю. Ты знаешь, мои слова чего-нибудь стоят.

Действительно. Отец заметил, что Декс ему никогда не врал. Он всегда говорил правду. Есть расы, для которых ложь– понятие неприемлемое, Декс к этой категории не относился. Он никогда Отцу не врал, или, по крайней мере, в этом уличен не был, что можно считать понятиями тождественными.

–Сколько времени еще пройдет, прежде чем вы, наконец, избавитесь от меня?– Спросил Отец.

–Не знаю. Скоро. Очень скоро.– Покачал с сомнением головой Декс.– Ну, что, пойдём уже? Не засиделся ли ты здесь?

–Опять карантин?– Спросил Отец.

–Нет. Это было в прошлый раз.– Отмахнулся Декс.

–Что изменилось?– Отец обрел уже некое самообладание.

–В прошлый раз тебе нужно было у нас адаптироваться. В этот, надеюсь, нет. Здесь ты уже бывал. Didn't you?

–Бывал.– С грустью в голове сказал Отец.

Бывал и еще как. Здесь Рыжая, здесь его сын. Кстати!!!

–Кстати, Декс, по вашему времени, когда я улетел отсюда?– Спросил Отец.

–Около полугода. Операции по твоему поиску в системе Цватпы заняли около трех месяцев. Когда ты улетел и оттуда, прошло еще около трех месяцев. За это время нужно было подготовить оперативников...

–Петровича?– Спросил Отец.

—Его,— кивнул Декс.— Потом разработать план твоего возвращения, да разное... в общем— полгода, где-то так.

—По моему времени гораздо меньше. Я у Цватпахов был около трех месяцев, затем еще четыре дня в моем времени. Я даже по вам не успел соскучиться. Вот же язва такая. Еще меньше недели назад по моему времени я был на Цватпе. За это время я успел столько пережить. Тебе, Декс, это не понять.— Сказал Отец.

—Это точно, Батюшка. Я не такой сумасброд, как ты. У меня все размеренно.— Согласился Декс.

—И тебе никогда не бывает скучно? Неужели тебе никогда не хотелось броситься с головой в какую-нибудь увлекательную авантюру?

—В молодости. Сейчас я уже стар для авантур. Мне бы в пору уже грязевые ванны принимать, чтобы к земле привыкнуть. Не до них.

Отец загрустил. Прошло полгода. Значит, у Рыжей уже кругленький животик. Сынок уже вовсю пинается. Вот бы ее увидеть. Только что толку? Она живет с мамой. А полгода—большой срок для этой гюрзы. Она уже ее против Отца так настроила, что тут и прицельное попадание крылатой ракеты ничто не исправит. Нужно ее забыть. Или постараться.

Здесь Рыжая. В этом тоже что-то есть. Там, в двадцать первом веке Отец потерял всякую надежду увидеть ее еще раз. Сейчас же все изменилось. Рыжая была рядом. Пусть их и разделяет космическое пространство, но ее увидеть— те-

перь вполне осуществимая реальность. На душе у Отца стало спокойнее от мысли, что Рыжая есть, и немного грустно, что ее нет рядом. Что ж это, в конце концов, ее выбор. Может статься, что они еще увидятся. Земля круглая. Все вернется на круги своя.

–Так что ты там говорил на счет пойдём куда-то. Не передумал?– Спросил Отец.

–Я-то нет. Это ты можешь передумать. Конечно, может, тебе тут нравится голым лежать на столе?– Декс закрипел.

У этой чертовой рептилии очень своеобразное чувство юмора. Иногда он не мог понять очевидное, а порой начинал смеяться над какой-нибудь глупостью.

–Где мы сейчас находимся?– Спросил Отец.

–Давно уже на Земле. Мы сели несколько часов назад. Ты думаешь, что за несколько веков Земля так далеко смогла уйти, чтобы лететь за ней несколько суток? Нет, дружок. Мы уже давно прилетели.– Заверил его Декс.

–Тогда почему пол дрожит?– Спросил Отец, касаясь кончиком пальца пола.

–Может генератор работает, может двигатели проверяют. Кто его знает? Пошли?

Отец коротко кивнул.

–Куда пойдём?– Спросил он, наконец.

–Куда хочешь? Можем к тебе, поди, соскучился?– Закрихтел Декс.

–Пиначета давно не видал...

Черный выход проглотил их обоих, Отца и веганскую разумную рептилию. Входя в черную блестящую пропасть выхода, Отец подумал, что было бы не плохо избавиться от наготы, на которую, впрочем, кроме него самого никто внимания не обращал.

Выйдя из точно такого выхода на берегу тихой заводи, Отец оглядел себя. Одет он был в костюм африканского миссионера с пробковым шлемом на голове. Желто-зеленый пиджак, точно такие короткие до колен брюки, перетянутые тугом черным кожаным ремнем, красный галстук, повязанный на манер пионеров советской эпохи, казались гротескными в этой вакханалии флоры и фауны, нашедшей свое место под солнцем в средней полосе России. Это все шуточки Басмача, подумал Отец и, настроив выход на гардероб, обрел более подходящий вид, который был более адаптирован к окружающей обстановке. Черные поляризующие очки, свободная гавайка и просторные белые шорты заняли свое место на теле неумолимого путешественника.

Басмача видеть не хотелось. Для Отца его размолвка с системным модератором была еще очень свежа в памяти, и неприятный осадок на душе остался.

—Отец, здорово, бродяга, или теперь тебя следует называть уважаемый Отец? Ну, молодец. Вот уж не ожидал, что у тебя все получится.— Услышал Отец знакомую речь с грузинским носовым прононсом.

—Басмач, ты меня не гневи. Я тебя однажды стер уже. Не

доводи до греха.— Сквозь зубы проворчал Отец.

—Знаю, я у тебя уже в голове порылся. Ты резкий, как ди-
плопия. Не дури. Я просто рад тебя видеть.— Подошел Бас-
мач и крепко обнял друга.

—Смотри у меня, модератор...— Прошипел Отец и отвер-
нулся от Басмача.

Басмач поздоровался и с Дексом, который уже проажи-
вался на своих четырех лапах по полянке, которая ни на те-
рабайт не изменилась. Здесь все так же шумели эвкалипты
с кустами карликовых берез и рощей баобабов. В заводи так
же плескалась разношерстная мелочь, где пугливые пираньи
разбегались в стороны, при виде морских ежей и толстоло-
биков. Чуть в стороне, так же как и раньше плескался водо-
пад в небольшой лагуне, окруженной со всех сторон ивой.
В скале, с которой падала вода, была вырублена невостребо-
ванная уже несколько месяцев бетаку. Очень приятно, что
хоть здесь ничто не тронуту временем и событиями, которые
выпали на долю неумного искателя приключений.

В тени тополей стоял низкий столик, окруженный малень-
кими стульчиками с гнутыми ножками. В дубе, что рос ря-
дом, был оборудован бар, из которого не имели право ис-
чезать ни водка, ни коньяк, ни Сусина текила, ни пиво, ко-
торое всегда было холодным и свежим. Отец расположил-
ся на стульчике, жестом приглашая Декса присоединиться к
нему. Декс уселся напротив, спиной загораживая вид на за-
водь, прямо на свой хвост. Что ж, пусть так, подумал Отец,

хотя указывал на стул.

–Декс, не для протокола. Знаешь Трибуна?– Спросил Отец из величайшего в мире любопытства.

Ему не давало покоя мысль, что за него пострадал ущербный хакер с мертвой планеты Плутон.

–Трибуна?– Декс задумался.– Нет, не слышал.

Он покачал головой, глаза рептилии пустились в пляс, осматривая качающиеся деревья и тихие всплески воды.

–Ну, ладно. Не слышал, так не слышал. Бог с ним.– Махнул рукой Отец, стараясь жесту придать особенную беспечность, будто стараясь сказать, что на такую пыль, как Трибун, не стоит и внимания обращать.

–Басмач, сколько у меня на счету средств?– Спросил Отец очень холодно своего модератора.

–Ни сколько. Ты сам перевел все свои средства куда-то на Плутон.– Басмач пожал плечами.

Он стоял в стороне, не решаясь ни приблизиться, ни сесть рядом. Пусть постоит, решил Отец. Для остротки ему не повредит. Геморрой ему все равно не грозит, а если и грозит, так пусть его.

–Отец,– Декс вдруг, сконцентрировал взгляд на Отца.– Ты у этого Трибуна шлюпом разжился? Скажи. Я– могила.

–Ни кому не скажешь?– Усомнился Отец.

–На бабушку ставлю!– Декс чуть привстал и шелкнул хвостом, для пущей убедительности.

–Смотри, только никому. Он мне помог немного. Басмач,

не дай Боже Великий и Милосердный, ты, бешеная собака на Трибуна донесешь, я тебя убью и крови напьюсь. Понял?— Победоносно заявил Отец.

Басмач вскинул руки вверх.

—Я ни-ни, я не такой. Клянусь твоим здоровьем.— Сказал модератор, все так же оставаясь в стороне.

—Он мне помог разработать план моего полета на Цватпу.— Сказал Отец, обращаясь к Дексу. — ну, и со шлюпом он тоже помог. Не без этого. Значит, его никто не заподозрил? Это радует.

—А мы тут голову ломаем, как это ты шлюп стащил, который на техобслуживании стоял на приколе. А оно вон что. Значит этот Трибун очень талантливый малый. Не бойся, я про него никому не скажу, только себе возьму на заметку.— Сказал Декс.

—Ты на Цватпу решил отправиться что ли?— Усмехнулся горько Отец.— Я тебе скажу, приятного мало.

Отец поведал Дексу, как он проделал весь путь до Цватпы, как, чуть было, его шлюп не развалился на части, когда основной гравикомпенсатор вышел из строя. Как он полуживой сел на планету цватпахов, и как его пингвины встретили боевыми ракетами на подлете к планете.

—Слушай, Декс. Ты же у нас спец по ксенокультурам? Скажи мне, дорогой, вы с ними контакт установили?

—Сдается мне, Отче, что у тебя с памятью туго. Насколько я помню, это ты с ними завязал контакт. Или я не прав?—

Заскрипел Декс.

–Но я же улетел оттуда.– Отец пожал плечами.

–Завязали,– кивнул Декс утвердительно.– Мы думали, что после тебя нам придется окружить блокадой планету. Мало ли... Может, ты там их спровоцировал на военный ответ. Кто его знает? Цивилизация-то, мало изучена. Да и странные он какие-то, цватпахи эти.

–Как они вас приняли?– Улыбнулся Отец.

Очень было приятно вспомнить этих добродушных безногих птиц, и про то, как Отец обещал встретить федералов пляской и музыкой.

–С оркестром, как ты и обещал. Они нам рассказали, что ты один научный состав спойл, так что им теперь приходится подметать полы в городке. На большее их не хватает, а к вечеру они все, как один, напиваются до бесчувствия. Иногда даже на работу не ходят из-за запоев. Так что, Отец, будь уверен, памятник тебе на той планете точно не поставят.– Заскрипел Декс.

–А я надеялся, если честно. Я, кстати, придумал гиперпространственный конвертер. Это мне в зачет не пойдет?– Спросил Отец.

–На счет конвертера не знаю. Я в этом не специалист. Только вот самогоноварение развивается у пингвинов полным ходом. За это они тебе спасибо не скажут.

–Спасибо много, сто кредитов хватит.– Уверил Декса Отец.– А мы что посуху сидим?

–Я пас.– Замотал головой Декс.– У меня сегодня могут дела появиться.

–Так ведь здесь все виртуальное, выйдешь– никакого краш-синдрома не будет.– Махнул на него рукой Отец.– Давай, по маленькой, чем поют лошадей?

–И хотим мы всем рекордам наши гордые дать имена?– Пропел Декс.– Не хватит ли тебе Цватпы?

–Но с тобой-то мы давно не прикладывались?– Запротестовал Отец, и повернулся, было, к Басмачу, чтобы тот организовал поляну, но был остановлен волевым жестом Декса.

–Отец, не нужно. Даже и виртуальное все, только в голове хмури все равно остается. А мне сегодня нужно быть в форме. Ты с другом своим, ежели хочешь...– Декс скосил глаза на Басмача.

–Ну, как знаешь. Я тогда тоже не стану. Давай тогда по чайку?

–Ну что ж. По чайку, так по чайку.– Сказал Декс, и перед ним на столике появилась чашка с запахом болотной гнили.

Отец довольствовался традиционным напитком, и от этого ничуть не ощущал себя ущербным.

–Декс, а почему ты не на Цватпе? Там, наверное, сейчас уйма работы.– Спросил Отец, потягивая ароматный напиток из листьев, выращенных на берегах горной Рицы.

–Мне там делать нечего пока. С контактом особых трудностей нет, в этом, несомненно, твоя заслуга. Если появятся, меня пригласят. Негоже начальнику черновую работу де-

лать. За это мои подчиненные деньги получают. Они на меня криво смотреть станут, если я их хлеб забирать стану. Пусть работают.— Махнул корявой лапой Декс.

—Не царское дело это... Да?— Спросил Отец.

Веганская рептилия коротко кивнула. Что ж. Так и должно быть. Червю— ползать, орлу— летать. Так устроен мир, и с этим не нужно ничего делать.

—Про Рыжую расскажи.— Попросил Отец, опустив глаза.

—Ни чего не знаю. Не мое это дело. Сам ей позвони, если сердце не угомонилось.— Декс уставился обоими глазами на Отца.

—Была такая мысль.— Тихо, чтобы не услышал Басмач, произнес Отец.— Только она мне не ответит. Я ее знаю. А еще лучше знаю ее маман.

—Ну, тогда и не трави душу. Я надеюсь, скоро для тебя все закончится.

—Декс, мне помнится, ты сказал, что я спрятал шлюп, так?— Отец оставил чай в сторонку.

Рептилия смотрела прямо в глаза звездному страннику, не мигая при этом. Отец уже успел привыкнуть к странной особенности Декса вглядываться в самую душу.

—А что?

—Так... ничего. Только я его никуда не прятал. Он сам исчез.— Отец пожал плечами и отхлебнул из чашки.

—Как это исчез? Это что тебе, титановый шар, чтобы он исчезнул сам по себе?— Декс удивился.

–Я почему знаю. Я и моргнуть не успел, как он исчез, там, на Земле.– Отец подумал и добавил,– То есть здесь, только в моем времени. Я его никуда не девал.

–Странно. Это тоже секрет, вроде Трибуна, или я о нем могу поведать?– Спросил Декс.

–Расскажи. Мне от этого не жарко. Может, что-то интересное и найдете.– Отец попил чай, стараясь не заглядывать в чашку Декса, где рядом с бурой затхлой пенкой, плавали разложившиеся трупы белых кольчатых червей. Он не был брезгливый, только веганский чай пить не стал бы, даже под страхом вырывания ногтей.

–Ладно, сейчас пойду, нашим ребятам федералам дам задачку. Пусть работают. Просто странно получается. Обычно предметы из ниоткуда не берутся и не исчезают просто так.– Проскрипел Декс.

–Может там магнитная аномалия? Или еще что.– Вяло проговорил Отец.– Может, темпоральная аномалия? Разберись тут.

–Объяснись.– Попросил вежливо Декс.

–Легко. Сам посмотри. В этой точке пространства было два темпоральных перемещения, причем в одно и то же время, ну, или почти в одно и то же. Может, случился какой-нибудь резонанс, или еще какая другая муть. Это, даже, если не брать в расчет, что в это же самое время Петрович, то есть один и тот же человек, находился в этом времени в четырех разных местах. Кто его знает, к каким последствиям это мог-

ло привести? Вот и пусть теперь поломают голову.— Ехидно усмехнулся Отец.

Было очень приятно осознавать, что у федералов, которые не захотели его оставить в покое, появится еще одна головная боль. Пусть потрещат мозгами. Им это будет только на пользу. Если не работать мозгами, Отец это знал, в голове заводятся жирные червяки, которые оставляют после себя только похоть и слизь.

—Есть над чем подумать. Ну да ладно. Не нашего ума это дело. Ладушки, Отец родной, пора мне. Пошел я...— Сказал Декс, поднимаясь со своего хвоста.— Дела, знаешь.

—Куда ты, только ведь пришли. Что мне делать теперь одному?— Отец тоже поднялся со своего стула, стараясь остановить ящерицу, к которой до сего момента не испытывал особенной привязанности.

—Нет, нет. Пора...— Сказал Декс и провалился в черную пропасть выхода.

—Ну и пошел ты, ведро с болтами. Видеть тебя не хочу. Змий зеленый.— Отец сплюнул коричневую слюну на лужайку.

Он оглянулся, стараясь чужими глазами посмотреть на свой эдем. Что-то не хватает, подумал Отец. Почему я как негр, под открытым небом живу? Нужно здесь домик изладить.

—Басмач, давай мне справь вот здесь, между деревьями домик ладный.— Сказал Отец, подбоченясь.

Долго ждать не пришлось. Меж двух эвкалиптов и корабельных сосен возник уютный двухэтажный особняк с террасой и балкончиком. Заросли терновника, которые здесь были прежде, пришлось убрать. Над входом с фасада блестели огромные окна, создавая эффект второго света. Изнутри домик казался просторнее. В холле был расположен камин, отделанный змеевиком и абразивным камнем, на уступке которого стояли белые нэцкэ из слоновой кости и старинные маятниковые часы. Чуть сбоку от камина в аккуратной подставочке стояли кочерга, совочек для золы, щеточка, к которым Отец рассчитывал никогда не прикасаться. Над потолком висел огромный желтый китайский абажур с длинными кистями и побрякушками в виде розовых дельфинов. Из холла вела винтовая лестница с балясинами из светлого бука на второй этаж. Чуть в стороне от лестницы стоял диван, в котором мог бы утонуть сам Большой Синяк, который имел размеры весьма огромные. По обеим сторонам стояли шикарные кресла с подлокотниками из черного дерева. Перед камином Отец увидел кресло-качалку, которого минуту назад не было. Басмач догадался, отметил про себя Отец. Зачем нужен камин, если нет кресла-качалки? Это он правильно сделал. Возле дивана стоял стеклянный столик, который Басмач перенес с поляны в холл. Чуть в стороне стоял бар из красного дерева, украшенный золотым кантом.

Хороший домик, подумал скиталец. Вот здесь-то я и буду жить.

–Басмач, где Пиначет?– Спросил Отец, усаживаясь на диван перед столиком.

–Рыбу ловит, где ж ему еще быть?– Раздался голос Басмача в прихожей.

–Гони его сюда. А хотя, пусть ловит. Давай в базу сходим.– Сказал Отец и откинулся на удобном широком диване.

Странник провалился глубоко. Он не успел еще отвыкнуть от этого ощущения, когда окунаешься в поток информации в чистом виде. Казалось, что в его власти повелевать вселенными. Он все знает, все умеет, только он– не Бог.

Отец испросил данные на цивилизацию, которая через точку прохода вещала что-то. Отец проверил, как работает его алгоритм. Он работал и довольно не плохо. Благодаря умельцам из оперативных групп, алгоритм оброс дополнительными логическими цепочками и условиями, которыми Отец не удосужился его оснастить. Естествоиспытатель открыл несколько файлов, в которых хранились послания Инвизов. Код его ДНК повторялся в них, по меньшей мере, семьсот миллиардов раз, может больше. Так показалось Отцу. Складывалось впечатление, что эти неведомые Инвизы не знают иных проблем, кроме этой ДНК, что она не дает покоя ни им, ни их окружению, ни потомкам. Это все очень странно, подумал Отец. Он никогда не встречался ни с кем, кто мог бы запросто определить его ДНК при первой встрече. Откуда она им известна? Отец перешел к активным действиям. Он снова группировал все данные, посланные Ин-

визами в наш мир через точку прохода. Он применял свой алгоритм в его нынешней конфигурации, просматривал данные, полученные благодаря различным другим алгоритмам, обрабатывавшим их, группировал во множества по различным признакам и в случайном порядке. Нового ничего выяснить не удалось. Он обратил внимание, что эти неосозаемые Инвизы старались объяснить нашему миру устройство их континуума, который кардинально отличался от нашего. Это было очень не логично. Законы мироздания, описанные Инвизами, были, по меньшей мере, не применимы в континууме, в котором пребывал Отец, а иногда и просто диаметрально. Это не укладывалось в мозгу. Инвизы были очень загадочной цивилизацией, которую до сих пор все великие умы современности не смогли даже представить.

Инвизы описывали человеческое тело, принадлежавшее известному генотипу, привязывая их к системе координат, которую до сих пор никто не смог понять. Отец осознал, что добавить или изобрести новый алгоритм изучения этих невероятных Инвизов не получится. Тогда он попробовал открыть файлы Рыжей, но, получив «Access Denied», плюнул на это. Он старался применить некоторые нюансы, которые усмотрел у Трибуна, чтобы взломать приватные файлы любимой, но у него ничего не получилось, видимо Плутоненский хакер не собирался до конца раскрывать перед Отцом своих секретов. Ну что ж, может, так будет лучше? Может и не стоит соваться к Рыжей? Пусть все идет, как оно есть.

Из любопытства Отец проверил все, что есть в глобальной базе данных на цватпахов. Интересный народец. Отец очень порадовался их успехам. За те три месяца, что прошли с момента установления контакта Конфедерации с цивилизацией пингвинов– телепатов, птицы сделали большие успехи в освоении космоса и стратегических направлениях науки. Цватпа переживала техническую революцию. Новые технологии все больше применялись в машиностроении и космонавигации, открытой разработке полезных ископаемых и даже в биологии, о которой цватпахи доселе не думали вовсе.

Отец удостоверился, что его детище– установка, не демонтирована, ее пришлось законсервировать. Это было одним из условий Конфедерации для вступления Цватпы в состав Великого Космического Содружества. В душе зародилось трепетное чувство при воспоминании о его установке. Это была ЕГО установка и с этим ничто нельзя поделать. Отец относился к ней, как к любимому сыну, как своему самому великому творению. Он вспомнил, с каким трепетом ожидал появления первого узла, созданного на основе новых технологий, с каким трогательным волнением он следил за его монтажом на орбите Цватпы. Он вспомнил те чувства, когда был создан первый портал установки и первые его тесты. Это было восхитительно. Он заново переживал те моменты, которые он провел в гиперпространстве. Может, однажды его поставят в один ряд с такими замечательными людьми, как Уважаемый Христофор Колумб, Уважае-

мый Юрий Гагарин и Уважаемый Нил Армстронг. Ведь это он первый, опережая время и современников, побывал по ту сторону нашего существования. Он первый проник и пересек гиперпространство, которое до сего момента оставалось тайной за семью печатями для многих поколений ученых. Еще никто, кроме него, не заходил так далеко от родины. Отец вспомнил те мгновения, когда оглушенный чернотой гиперпространства, висел в израненной спасательной посудине там, куда не долетает ни единый фотон из нашего мира. Это было страшно и чудесно.

Догадка осенила Отца. Гиперпространство! Конечно гиперпространство. Как он не замечал этого раньше. Инвизы и гиперпространство. Может ли так случиться, что Инвизы— обитатели неведомого гиперпространства? Возможно ли, что точка прохода— путь в неведомый и еще неизвестный мир с его непонятными физическими законами и обитателями?

Отец спешил. Возбуждение заставляло его быстрее шевелить мозгами. Сердце забило в груди, как мотылек о стекло. Отец собрал все теоретические выкладки о принципах работы установки, которую он вместе с цватпахами собрал на орбите гостеприимной планеты. К этим данным присовокупил все послания, отправленные в наш мир Инвизами, все сведения о напряженности магнитных полей, излучений и пространственных характеристик точки прохода, словом все, что могло касаться в той или иной степени установки, Инвизов и двери в другой мир. Отец группировал сведения

во множества, обрабатывал полученные данные уже известными и ставшими классическими алгоритмами, добавлял в них новые логические цепочки, условия и ограничения, комбинируя их по всевозможным характеристикам и признакам.

Инвизы. Кто вы? Может быть, скоро ваша тайна будет раскрыта? Отец судорожно перебирал данные, комбинируя их, добавлял во множества сведения, полученные в результате логического анализа и синтеза. Сравнивая характеристики полей точки прохода и описания континуума, представленного Инвизами, Отец обнаружил некую тождественность, которую подтвердили теоретические расчеты, на принципах которых работала установка. Очень может стать, что Инвизы— обитатели гиперпространства. Сердце колотилось все сильнее и сильнее. Отец покрылся испариной от дикого возбуждения. Ах, если бы были данные измерений приборов шлюпа. Можно было бы проверить правильность догадки Отца. Оставалось непонятным причастность ДНК Отца к Инвизам и гиперпространству.

Согласно логическим выводам и прогнозам, полученным в результате синтеза в глобальной базе данных, у Инвизов очень странное течение времени. Если брать в расчет разрозненные данные, отосланные неведомой цивилизацией, их непоследовательность, способностью к предвосхищению событий, выходило, что время в этом континууме не имеет постоянной формы. Оно то ускоряется, то замедляется, ино-

гда время имеет дискретный характер, а иногда, что повергло Отца в смятение, поворачивается вспять. Этого не может быть. Это не согласуется с законом относительности, изобретенным Уважаемым Эйнштейном. Время может замедлиться только при наличие скоростей близких к световым, не иначе. Но чтобы время произвольно меняло свое течение и направление, это было не мыслимо.

Как не хватает объективных данных измерительных приборов шлюпа. Куда он мог деться? Кто его забрал? Может это снова Инвизы? Скорее всего, нет. Отец вспомнил, как он видел свое исчезновение, когда его впервые забрали в будущее. Это выглядело очень прозаически. Вот Отец есть, щелк – и его не стало, будто никогда и не было. Лишь воздушный поток, заполняющий образовавшуюся пустоту, качает кроны деревьев. Точно так же исчез и шлюп. Его просто не стало. Отец потер свой затылок, помня, как он ударился головой, в момент исчезновения шлюпа. Вероятнее всего, это было темпоральное перемещение. Федералы его могли переместить в это время, не выкладывая сведения в глобальную базу данных. К ним, в их файлы не проникнуть без помощи хорошего хакера. Трибун. Только он мог взломать их базу, при этом остаться не замеченным. Его помощь была бы неоценимой. Декс просто мог не знать, что федералы забрали шлюп. Это не в его компетенции. Вот бы взглянуть на приборы, оставленные на шлюпе, тогда недостающие цепи логических цепочек могли бы помочь в разрешении этой

загадки.

Нужно отыскать шлюп. Другое дело как исчез Дэн. Когда машина, потеряв управление, столкнулась с сосной, стоящей на обочине, за несколько мгновений до аварии Отец отчетливо видел вспышку. Когда исчезал он сам и шлюп, никакой вспышки не было. Куда исчез Дэн? Этот вопрос до сих пор не нашел ответа. Может, это Инвизы его утащили? А что, это мысль.

Отец попытался проанализировать такую гипотезу. Это предположение имело под собой реальную основу. Если Инвизы смогли утащить Дэна, тогда объясняется их стремление передать в наш континуум код ДНК. У Дэна ДНК такая же, как и у него. Это бы объясняло многое. Тогда почему они не вернут его назад? Почему они пытаются рассказать о нем и не делают попыток проникнуть самим в наш мир? Как не хватает шлюпа. Вот если бы он был, разрешилось бы много проблем. Перед тем, как Дэн должен был столкнуться с деревом, Отец дал команду бортовой автоматике измерять все возможные поля и возмущения. Быть может, шлюп зафиксировал что-то, что могло бы помочь разгадать сразу несколько загадок. Нужен шлюп. Нужен Трибун.

Отец отправил полученные сведения и результаты анализа в отдел темпоральных исследований, чтобы профессионалы смогли в этом разобраться, и вышел из базы.

Интересно получается. Если Инвизы смогли утащить Дэна, значит нужно его вернуть. Прошло уже достаточно

времени с тех пор, как Дэн исчез. Отец находился в этом веке около года до того, как он посетил Цватпу. Прошло еще полгода абсолютного времени, как он покинул планету разумных коллективных птиц. Получается полтора года. Жив ли Дэн, если его украли Инвизы? Что с ним стало? Как ему там?

Быть может Инвизы тут вовсе не при чем? Отец слишком много возлагал надежд на цватпахов, думая, что они украли брата, но эта версия оказалась несостоятельной. Отец думал, что федералы могли стащить Дэна, но это предположение было лишено всякого смысла. Зачем им одновременно два образца с одним генотипом? Это им было ни к чему, тем более что они сделали несколько копий Отца с известным набором генов, которые в итоге оказались никому не нужны.

Нужно думать, что причины всему— Инвизы. Другой рабочей гипотезы все равно пока нет. Нужен шлюп. Нужно будет разыскать Трибуна и справиться, где федералы держат посудину. Быть может, старая машина и не понадобится. Может, получится скачать показания приборов, этого будет достаточно, чтобы продолжить свои изыскания.

Отец лежал на диване и думал. Он думал об Инвизах, шлюпе и Дэне, о цватпахах, установке и о Рыжей. Рыжая здесь. Она живая, родная и близкая. Она где-то здесь. Любимая и желанная. Отец был готов уже простить ее выкрутасы. Наверное, тяжело ей одной быть беременной? Быть может, ей нужна поддержка и помощь? Может она уже не станет во-

ротить свой нос от Отца? Ведь это он— отец ее ребенка, которому еще только суждено родиться вскоре.

Нет, нужно держать себя в руках, думал Отец, расслабляться нельзя ни в коем случае. Это было ее волей расстаться, он здесь ни при чем. Она сама рассудила быть одной, Отец ей не помогал принять такое решение. Пусть она поплачет, пусть одумается. Нужно ее поставить в известность, что Отец снова здесь. Она прибежит на коленях с просьбой простить его. Нет. Сообщать не нужно. Все равно им вместе не быть никогда. Он не должен выглядеть тряпкой. Он не должен терять своего лица. Он— гордый человек. Не к лицу гордецу терять самообладание перед женщиной. Нет, решил Отец, пусть рухнет вселенная, он никогда ей не позвонит и не даст о себе весточку. Решено. Он и она никогда не будут вместе. Нужно найти в себе мужество принять упрямство фактов. Они никогда не станут семьей. Он никогда ее не увидит и никогда не захочет ее видеть. Пусть. Прошло уже три месяца с небольшим относительного времени со дня их разлуки. Боль немного утихла. Если он проявит свою слабость, начнется все сначала. Даже, если они какое-то время снова будут вместе, Рыжая начнет крутить ему кишки. Он это допустить не мог. А если окажется самое худшее и она отвергнет его, это будет очень сильным ударом по самолюбию. Нет, он никогда-никогда не позвонит ей. Он будет тихонько, в тайне от всех, ее любить, а со временем умрет и любовь. Пусть умирает. Только он никогда не увидит Рыжую

и не сделает и единого шага, чтобы известить ее. Пусть так будет всегда.

–Компьютер,– чуть не закричал Отец.– Дай мне Рыжую.

Глава 2.

–Привет, милая.– Сказал Отец.

Что-то незримое тронуло душу раскаленным железом. Вот она стоит. Милая, обожаемая и родная. Такая родная, что и выдумать нельзя. У нее под сердцем, к тому же, растет его маленький сынок, которого он будет любить больше всех на свете, может быть, больше Рыжей.

Ее веселые рыжие точки на носу забегали. Как она была сейчас прекрасна. Губы ее чуть распухли, глазки немного сузились. Это все беременность. Она на лице каждой женщины оставляет свои следы. Отец смотрел на свою любимую, которую по своим внутренним часам не видел уже более трех месяцев. Она смотрела на него с нескрываемым удивлением. Для нее уже прошло полгода с того дня, как они расстались. Наверное, она уже и не ожидала увидеть его больше, только злодейка судьба, которая все делает наоборот, решила, что еще не все муки претерпели эти грешники. Они смотрели друг на друга. Отец любил ее, что чувствовала она, можно было только догадываться. Каштановые обожаемые волосы были небрежно сплетены в узел на затылке, только любимый рыжий локон непослушно висел возле щеки. Ни следа бое-

вой раскраски на лице, которой Рыжая любила предаваться по несколько часов в день, ни опрятного домашнего халата, который так изумительно, даже больше чем вечерний туалет, подчеркивал ее изумительную фигуру. Ничего этого не осталось. Ожидание малыша заставляет любую женщину погрузиться в самосозерцание и упоение мыслью о рождении новой жизни, Рыжая была не исключением, тем более что ребенок, которого они так усердно сотворяли, был плодом их «бессмертной» любви, которая угасла так скоро. На плечах у нее была накинута какая-то тряпица, которая с известными коррективами могла напоминать халат. Цвета картофельной ботвы, с вылезавшими волосками из ткани, накидка выглядела как старый времен первой мировой войны маскхалат. Ворот свободно висел на плечах и шея такая стройная и любимая белела на этом ужасном фоне. Живота видно не было. Рыжая, видимо, так настроили телевид, чтобы не показывать всякому свою тайну. Она бережно положила руки на живот, которого не было видно. У Отца от трепета подкатил комок к горлу, нужно что-то говорить, только слова, словно ириска, застревали во рту и липли к зубам. Он не мог молвить и слова. Они стояли и смотрели друг на друга.

Удивление сменилось настороженностью. Уголки ее прелестных губ вернулись в свое физиологическое положение, брови чуть сдвинулись к переносице, черты лица заострились. Отец любовался ею. Он уже и не думал, что однажды сможет стоять вот так, напротив нее и смотреть на свое

божество, которому был согласен служить всю оставшуюся жизнь. Только божество чуть отодвинулось в сторону, пропуская свидетеля, который стоял вне поля обозрения телевида.

Маман. Она заглянула в экран и, словно ей подарили горячую кочергу, отшатнулась от изображения, оскалила зубы и скрылась. Рыжая выключила изображение, и осталось лишь дыхание, которое Отец слушал, словно райский хор.

–Привет.– Тихо молвила она.

Звук ее голоса пробудил в Отце трепет, от которого задрожали руки. Ее голос, такой до боли знакомый и любимый, заставил всплыть картинки из прошлой жизни, когда они прогуливались по берегу великой Русской реки, когда она босыми ногами поднимала речную гальку, казавшуюся тогда Отцу загадкой вселенной, непостижимой и любимой. Одно только слово, и Отец готов встать перед ней на колени, чтобы услышать еще одно. Одно простое слово, которой обозначало лишь, что она увидела Отца, выглядело сейчас признанием. Одно дыхание, которым она сейчас осчастливила его, было всей жизнью, всей его любовью, истерзанной и не принятой. Сейчас она стояла возле телевида, она и их еще не рожденный сынок. Она дышала, а значит, дышали двое, а третий с трепетом в груди наблюдал за этим, и осталось лишь дыхание, и шелест ее неприглядного платья, которое Отец носил бы на своей груди как Плащаницу. Он ее любил всеми фибрами своей нетленной души, каждой клеточкой и волос-

ком на его спине, каждым эритроцитом и альвеолой. Все сейчас устремилось на благоговение перед предметом его страсти. Знает ли она об это? Знает ли, что каждая митохондрия и каждый прекапиллярный сфинктер обожают ее и желают ей здравствовать долго и счастливо? Знает ли, что все битвы и сражения, которые Отец устраивал в своем воображении, она победила одним только своим словом и дыханием? Что Отец— смиренный раб, стоящий в душе на коленях у ее ног? Что она для него— весь мир, вся вселенная, весь воздух и все солнца?

—Я тебя люблю.— Сказал Отец в пустой экран, расположенный на глухой стене в холле.

Она его слышала. Она молча наблюдала за ним, поскольку Отец не осмеливался со своей стороны отключить изображение. Замирала ли она с трепетом, вслушиваясь в дыхание отца своего ребенка? Сожалела ли об их глупой разлуке? Переживала ли она расстояние и время, которое их разлучало? Об этом она никогда никому не скажет.

Рыжая молча стояла возле экрана. Отец не мог ее видеть, но он точно знал, что она стоит рядом и смотрит на него. Он слышал ее чудесное дыхание, которое казалось встревоженным. Он чувствовал, что она рядом и это было прекрасно. Пусть он ее не видит, но даже ощущение ее близости, звук ее дыхания было благословением, которое Отец бесконечно любил. Уже казались пустыми его клятвы и уверения, что Рыжая ему больше не нужна. Уже гордость, которая успела

пасть ниц, больше ничего не могла сказать, стоило увидеть ей Рыжую. Как он мог произнести такие слова? Гордость. Что она против Рыжей? Пусть гордость катится ко всем чертям, если она помешает ему быть с ней, с той, которую он любит больше всего на свете. Пусть убирается все к лешему, что мешает им быть вместе. Она рядом. Это самое главное. Она и его сынок, которого никто еще не видел.

—Почему ты молчишь?— спросил Отец.

Дыхание было ему ответом. Дыхание, которое он благословил и любил, стало прерывистым. Отец подумал, что Рыжая заплакала. Он не видел ее слез, но он их бесконечно любил. Маленькие капельки соленой влаги, которые сейчас, возможно катятся по ее любимым щекам, он их боготворил. За две маленькие капельки, упавшие с ее любимых ресниц, он готов броситься в геенну, чтобы остановить их, чтобы его любовь стала счастливой, чтобы она перестала плакать. Он помнил, как она плакала. Когда он ей сказал, что хочет сына, она тоже плакала. Она была самой прекрасной женщиной на свете, он ее любил бесконечно и трепетно. Тогда ее слезы текли ручьями, и этот потоп не замедлил отразиться на ее распухшем лице. У нее были самые счастливые заплаканные глаза на всем свете. Они искрились заботой и нежностью, когда она обнимала его за руку и вглядывалась в синеву его глаз. Это было прекрасно. Отец тогда сам не плакал лишь потому, что боялся уронить свое лицо в ее присутствии. Он не хотел, чтобы Рыжая знала, что он тоже умеет плакать. Он

не желал плакать с ней вдвоем, иначе пришлось бы эвакуировать целый город из-за внезапного наводнения.

Рыжая шмыгнула носом. Она точно плакала. Что это были слезы? Радость? Смех? Горе? Отец не знал. Он знал лишь одно, что больше всего на свете ему хочется обнять ее, ощутить на своем плече ее дыхание, целовать ее заплаканные глаза и щеки, вытирать рукой скопившуюся над губой влагу. Он хотел крепко прижать ее к себе, чтобы она уткнулась в шею ему своим носом и что-нибудь ему прошептала. Хоть что. Пусть это что-то не будет существенным. Пусть это будет скучный трактат о корпускулярно-волновом дуализме или интерференции и дифракции света. Хоть что. Пусть это не будут слова любви. Пусть. Он подождет, когда появятся и они. Он дождется рождения новой любви, если старая успела умереть.

—Я люблю тебя. Я всегда тебя любил.— Прошептал он.— Я всегда буду тебя любить. Скажи что-нибудь.

Он дорого бы дал за те слова, которые только что соскочили с его губ. Она его настоящая и нетленная любовь. Пусть он не дождался тех полутора лет, когда боль утраты станет терпимой. Это и хорошо. Ему не нужно ничего терять. Она жива, она беременна, она рядом.

—Чего ему надо из-под тебя?— Отец услышал голос маман.

Она обращалась к Рыжей, не зная, что Отец ее не видит. Вероятно, она ослабилась каким-нибудь ужасным способом, чтобы своим видом навсегда отвадить незадачливого жениха от своей дочери. Отец ее не видел, только мог пред-

положить, сколь ужасен лик этой чудесной милой старушки.

– Не ваше дело, шли бы вы, маменька ... – Он едва прикусил язык, чтобы дать четкое направление маман, откуда еще никто целым не вернулся.

– Ты ругаться звонишь что-ли? – Закипела Рыжая.

Да, подумал Отец. Эта старая лошадь никак не уймется. Даже полгода разлуки для нее ничто не решили. Другая могла бы и успокоиться.

– Прости, – сказал Отец и опустил глаза. – Простите и вы меня.

Отец поднял глаза на пустой экран. Кроме слабого сияния не было ничего. Он подумал, что было бы не плохо отключить изображение и со своего конца. Отец довольно хмыкнул, когда увидел горящим индикатор отключенного видеопотока с его конца связи. Пусть так будет. Иначе, это выглядит, как игра в одни ворота. Пусть она тоже себя почувствует, как он только что чувствовал себя.

– Как у тебя дела? – спросил Отец.

– Плохо. – Прошептала Рыжая и в сторону добавила. – Ну, сейчас я, подожди, мама.

Отец услышал, как шаркающие шаги удалились от телевида. Ее не такими словами прогонять нужно, подумал Отец, а про себя проговорил все то, что хотел бы сказать милой маман.

– Что так? – Поинтересовался Отец.

– Пинается. – Сказала Рыжая.

Отец представил себе, как она сейчас поглаживала животик, стараясь успокоить маленького мальчишку, который клубочком свернулся у нее в животе. Как он сам хотел бы погладить его, сказать, что папа рядом, что он его любит, что все будет хорошо.

–Папу чувствует.– Постарался улыбнуться Отец.

Как вовремя я отключил изображение, подумал Отец, смахивая тылом кисти слезы, собравшиеся у него в глазах. Как хорошо, что Рыжая не видит его сейчас.

Рыжая хмыкнула.

–Включи изображение.– Попросил Отец.

Просьба получилась жалкая, как щенок спаниеля. Слова не шли в голову. Рыжая избрала выжидательную позицию, она ждала.

–Зачем?– Рыжая захлопала носом, стараясь, чтобы звуки, которые издавали ее дыхательные отверстия, не утвердили Отца во мнении, что она все-таки плачет.

–Я хочу видеть тебя. Я очень скучал. Я люблю тебя, мне плохо без тебя.– Заскулил, было, Отец, но был прерван шаркающими ногами и возгласом.

–Плохо ему, ой, батеньки мои, плохо ему. Пожалейте кто-нибудь мальчика. Чего ты с ним разговариваешь?– Реплика была брошена однозначно не Отцу.– Не было его, как хорошо было. Тебе другого жениха надо. А этот что? Прохвост. Один навоз, хоть издалека привез.

Да идешь ты отсюда, старая канитель, когда же ты оста-

вишь меня в покое, хотел было закричать Отец, однако сдержался, что получилось у него с превеликим трудом. Кулаки его сжались, и странник заскрипел зубами от злости.

–Попроси, пожалуйста, маму твою нас на несколько минут оставить вдвоем.– Задыхаясь от злобы, прошипел Отец.

В голове возник отчетливый образ огромного топора с заржавленной от крови железной рукоятью, лужи вязкой красной жидкости, источающей стойкий запах железа и обезглавленное тело, на которое уже успели слететься мухи. Рыжая цыкнула на мать, и тревожное шарканье старых ног подсказало Отцу, что старуха скрылась с поля брани.

–Зачем ты звонишь мне?– Спросила Рыжая.

Как жалко, что она выключила изображение. Чтобы играть на чувствах и найти верную дорогу к женскому сердцу, Отцу было необходимо смотреть своей жертве в глаза. Не видя ее прекрасных глаз, Отцу было тяжело ее себе представить, тем более что видел он ее гораздо меньше, чем рассчитывал.

–Как так, зачем?– Отец соскочил с дивана и принялся расхаживать по холлу, нет-нет кидая томные взгляды на телевизор, стараясь не пропустить тот момент, когда Рыжая включит себя.– Я люблю тебя. У нас скоро родится сынок. Ты же не хочешь его оставить без отца?

Она не торопилась. Экран телевизора едва заметно мерцал, но не спешил показать Рыжую.

–Ему будет лучше без тебя. Ты это знаешь...– Тихо про-

изнесла Рыжая.

Если бы сейчас в уютный домик ворвался ураган, и то он бы не наделал столько шума, который стал изрыгать из себя опечаленный Отец. Он вспомнил всех святых, постарался разложить их по костям, затем не утрудил себя вспомнить милую маман и роль, которую он ей отвел под Солнцем, вспомнил своих родственников, которые должны были в своих гробах начать вертеться, как шашлыки. Для убедительности он перевернул столик, на котором стоял недопитый чай и настойка веганской гнили, лягнул по стулу, который покатился к камину, сбросил несколько нэцкэ стоявших на камине, а потом выругался. Рыжая терпеливо слушала тираду, всхлипы ее становились реже, затем совсем стихли.

—Я, вот, про это самое и говорила.— Тихо сказала она.

—А я вот что тебе скажу. Ты совершишь большую ошибку. Сын тебе благодарен не будет. Однажды он низко тебе поклонится и скажет: спасибо тебе большое, мама, за то, что ты меня лишила отца, за то, что воспитала меня как девочку, за то, что лишила меня нормального детства.— Ревел Отец.

—Я так не думаю.

—А я так думаю. Ты сейчас хочешь разрушить семью, хочешь лишиться счастья и себя и сына и...— Отец задумался на мгновение, представив себе печальные лица сына и Рыжей, и добавил,— и меня.

—Ты себе еще найдешь подругу. Ты очень экспрессивный субъект. Бабам такие нравятся.

–Да не нужны мне бабы, понимаешь ты это? Мне ты одна нужна. Ты и мой сын. Понимаешь? Никто, только ты и мальчишка.– Отец резко обернулся к экрану, но тот молчал.

–Я уже это слышала. Много раз.– Прошептала Рыжая.

–Ну, так, почему же ты мне не веришь? Почему ты такая бесчувственная ...– Отец задумался, каким бы веским словом назвать свою любимую, чтобы ее это задело, но не отвернуло от него.

Рыжая не заметила его замешательства с ее определением, и молвила:

–А чего ты сегодня трезвый? Повода нет что ли?

Отец опешил. От неожиданности он остановился и стал хватать воздух ртом.

–Да как тебе не стыдно. Я к тебе с миром, а ты... Слушай, давай бросим все и начнем сначала? А?

Рыжая молчала.

–Давай, приходи ко мне. Заживем. А?

–Ты что,– возмутилась Рыжая,– я тебе не слониха. В конверте я сколько беременность носить буду?– Раздраженно фыркнула она.

Отец об этом не подумал. В конверте все катаболические и анаболические процессы протекают очень медленно. Процесс вынашивания мог бы растянуться на целые годы. Об этом он не подумал. Снимать квартиру? У него нет сейчас средств, он все деньги перевел Трибуну на Плутон. Что же делать?

–Слушай, давай все обговорим, когда встретимся,– предложил Отец.

–Зачем?– Упрямылась Рыжая.– Мы уже для себя все решили.

–Это ты решила, не я, ты и твоя мама несносная, корова старая...– Не выдержал Отец и чуть не захлебнулся от злости и слюней, которые выплюнул в камин.

–Ты мою маму не тронь.– Завелась Рыжая.

–Прости, не хотел. Давай с тобой встретимся и все обговорим, чтобы нам никто не мешал. Сейчас тепло. Погуляем, подумаем, как нам жить дальше.– Отец постарался погасить в себе гнев.

–Давай.– Кинула Рыжая.

Отец подпрыгнул от счастья. Она согласна. Она снова согласна. Милая, милая, милая.

–Я люблю тебя. Очень люблю, я все сделаю, чтобы ты была счастлива. Обещаю тебе, ты не пожалеешь. Когда увидимся?

–Так,– задумалась Рыжая, что-то прикидывая в уме.– На этой неделе не получится...

–Да ты что, я спать не смогу без тебя. Я думал: ты скажешь сегодня в пять или семь. На той неделе... да я сорок раз помереть смогу. Завтра в два. О`к?– Отец заплясал, пользуясь моментом, что Рыжая его не видит.

–Не могу я завтра.– Тон Рыжей потеплел.

–Завтра в два. На городской ратуше. Хочешь, я за тобой таксо пошлю?– Спросил Отец.

– Не надо. Ладно, завтра в два. Не опаздывай. – Сказала Рыжая.

– Я не опоздаю, будь в этом уверена, я еще раньше приду. Так что если будет желание, приходи раньше.

– Там видно будет. Все, пока. – Сказала Рыжая и отключилась.

Загорелся ненавистный синий логотип оператора связи, когда Отец, обезумевший от счастья, произнес:

– Пока, любимая. До завтра.

Обретший вновь хорошее настроение и веру в себя, равно как и в человечество, Отец выбежал на залитую солнцем полянку, где весело журчала речка, урчал водопад, и плакучие ивы с радостью с радостью разложили вокруг себя тенистую прохладу. Как хорошо жить на свете, думал Отец, как здорово, что есть Рыжая, есть я и Басмач.

– Басмач, гони на меня Пиначета. – Крикнул Отец и плюхнулся в низкое кресло, что стояло на самом берегу заводи.

Маленький зверек вышел из зарослей ивняка, в котором ловил к обеду рыбу. С мордочки его стекала прохладная вода и капала на лапы, которые от берегового песка сразу превратились в песчаные колоды.

– Иди ко мне, маленький, – Отец похлопал по коленке и зверь, ни секунды не заставляя себя ждать, разместился у странника на животе. – Ах, ты мой хороший, ах ты мой мальчик маленький.

Отец трепал коалу за ухом, и зверек стал похрюкивать от

удовольствия на кошачий манер. Здорово, думал Отец. Завтра я налажусь с Рыжей, может, все образуется. Начнем жить заново, растить маленького Олежку. Я ему сделаю кораблик, будем здесь его пускать на воду, мечтал Отец. Ах, нет. Здесь не получится. Рыжая против. Чтоб ей... Родит, вот тогда и переберемся сюда. Опять нет. Мальчишка долго тогда расти будет. Нужно найти какое-нибудь нормальное жилье, как минимум псевдореальное. Про конверт думать нечего. На реальное пространство точно денег не хватит. Пусть уж псевдореаль. Деньги, где их взять? Нужно было хотя бы не всю сумму на счет Трибуну переводить, думал Отец, почесывая Пиначета.

Трибун. Нужно его найти. Что там со шлюпом? Интересно. Он взламывает базу федералов.

–Басмач, соедини меня с Трибуном.– Закричал Отец.

–Чего кричишь? Зубы болят?– Прошипел чуть в стороне виртуальный друг и соратник.

–Слушай, грузинская автокефальная, дай сюда Трибуна.– Повторил Отец, гневно сверкая глазами на собеседника.

–Я, в силу своего существования, атеист.– Проворчал Басмач.

–Ну и дурак.– Проговорил Отец.

–Трибун не отвечает. Не хочет, чтобы его тревожили.– Сказал Басмач, пододвигая стул к Отцу.

–Это еще почему?– Отец развернулся к Басмачу.

–А я знаю? Может, ты его обидел, когда улетал с Плутто-

на?— Неуверенно пожал плечами Басмач.

—Ага,— кивнул Отец,— ты бы обиделся, если бы я тебе все свои сбережения перевел на твой счет.

—Да какие у тебя сбережения...— Презрительно махнул рукой Басмач.

—Да уж, какие бы ни были. Деньги и в Африке— деньги. Кстати, немало их было. Я так думаю. Не много, но и не мало.

—Давай, ему оформи письмо, что так мол и так, Отец его просит выйти на связь. Может он в базе пропадает.— Сказал Отец.

Под боком устроился Пиначет, урча и требуя внимания. Коала тербил в когтях тонкие шорты Отца, и непременно получал за это по ушам.

—Он и есть в базе,— сказал Басмач.— И просит его не беспокоить.

—Так скажи ему, что я все кредиты назад отзову, если не ответит.— Проворчал Отец.

—Не сможешь. Операция эта только односторонняя. Что упало, то пропало.— Язвительно ухмыльнулся Отец.

—Ты просто ему это передай, а об остальном не переживай, не то сотру тебя ко всем чертям. Одного стер уже.

Басмач недоверчиво покачал головой.

—Как знаешь. Письмо отправлено. Что дальше будем делать?

—Снимать штаны и бегать. Не знаю.— Пожал плечами Отец.

–Как ать скажете, вашебродь.– Взял под козырек Басмач.

Отец молча смотрел на тихую заводь, возле которой он немало времени провел с его друзьями, с Сусей, с Рыжей. С Рыжей... Она сидела некогда здесь такая прекрасная и задумчивая, словно Алёнушка с картины, разводя ивовым прутом длинные волны в воде. Может быть, снова все наладится? Может, в другой раз они уже втроем будут сидеть в этой заводи и резвиться с маленьким озорным мальчишкой? Видно будет, поживем– увидим.

От задумчивости Отца отвлек голос виртуального друга:

–...Отец, твою мать, Трибун просит ему ответить.– Кричал Басмач.

–Ну, так давай его сюда.– Сказал Отец.

Отец поднялся с кресла, коалу пришлось бесцеремонно бросить на молодую травку. Маленький медвежонок прижал уши и серьезно посмотрел на нарушителя своего спокойствия. Меж деревьев развернулся экран объемного телевида, в котором появилось огромное сухое лицо Плутонеанского хакера. Несчастный по своему обыкновению смотрел куда-то в сторону.

–О, кого я вижу,– вытянул руки Отец навстречу экрану,– леший, ты какими судьбами здесь?

–Да, вроде, ты меня хотел видеть...– Усомнился Трибун, осматривая солнечную полянку, на которой с некоторых пор вырос домик, и уже несколько месяцев стоял стол и стульчики.

–Точно,– согласился Отец,– это я шучу так.

–Не, Отец, нормально все. Я твои кредиты сейчас тебе переведу.– Медленно проговорил Трибун и сделал непонятный жест, от которого на время он исчез из поля зрения камер.

–Оставь их себе,– весело сказал Отец, наблюдая, как хакер делает попытки подняться к экрану,– мне они не нужны.

–Отец,– Трибун постарался сосредоточить на собеседнике свой взгляд, и как только это ему удалось, снова увел глаза в сторону.– Так чего ты мне такие письма шлешь? Я думал, ты передумал...

–Это шутка такая, чтобы ты поскорее со мной связался. Иначе тебя из базы не выдернуть.– Максимально дружелюбно Отец улыбнулся гению, которого не смогла разоблачить федеральная служба.

–Шутка?– Удивился Трибун. Его брови поползли вверх.– Шутка?

Он рассмеялся. Очень странное у него чувство юмора, подумал Отец. Трибун продолжал смеяться, его опасно раскачивало порывами смеха. Отец стал переживать, что если он еще раз рухнет, с ним вместе разрушится и его великий план.

–Трибун, не до смеха. Держи себя в руках,– попросил Отец, опасаясь за жизнь хакера.– У меня к тебе разговор есть. Можно к тебе нульнуть?

–Зачем.

–Я говорю, разговор есть, не для телевида. Поворковать нужно, так сказать, Tete-a-tete, чтобы не для лишних ушей.–

Сказал Отец, показывая пальцем в Басмача.

– Это можно, прилетай ко мне. Бери кар и ко мне. – Пожал плечами Трибун.

– Нет, времени много уйдет. Давай я к тебе нульну. – Попросил Отец, надеясь, что Трибун не заупрямится.

Чтобы взять кар и отправиться на Плутон, на это уйдет времени несколько часов. Время терять не хотелось. Пусть, нуль-транспортровкой получится дороже, однако, и быстрее.

– Можно и так. – Кивнул Трибун, и от этого движения голова чуть было не оторвалась от тщедушного тела.

– Родной, у меня, сам понимаешь, с некоторых пор нет средств, давай я за твой счет к тебе. Оплатишь? – Отец пристально посмотрел на Трибуна.

На лице хакера не дрогнул и единый мускул, вероятно из-за их отсутствия, только глаза стали бегать несколько беспорядочнее.

– Ну, хорошо, давай так. Только не зацепись за Марс, он сейчас на твоем пути будет. – Трибун затрещал, словно сойка. По его мнению, это была очень удачная шутка.

– Договорились. Сейчас я у тебя буду. – Сказал Отец.

– Не торопись, мне нужно пару минут, чтобы подготовить твой прилет. – Трибун активно замахал руками, словно отгонял мух.

– Ладно. Жду пару минут и к тебе? Так? – Спросил Отец и, получив утвердительный кивок, выключил связь.

–Странный он какой-то.– Пробормотал Отец.– Как он собирается мой прилет подготовить?

–Да кто его знает, что у него в голове творится? Если бы ты столько же времени провел в базе, сколько и он, я хотел бы на это посмотреть.– Сказал Басмач.

–Ладно, закрой пока избушку на клюшку. Скоро вернусь, если все сложится.– Отец указал на домик с колоннами, стоящем на том месте, где раньше росли терновые кусты.

–Басмач, дай выход мне.– Скомандовал Отец.

–Рано еще.– Закачал головой виртуальный грузин.

–Что значит рано?– Возмутился Отец.

–Трибун еще свои координаты не передал. Вот передаст, тогда другое дело.

–Это ты точно сказал. Он передаст. Но выход дай, как только получишь координаты– свисти.– Сказал Отец.

–Батюшка, слушай, у тебя на проводе агент федеральной службы.– Сказал Басмач, разворачивая телевид меж деревьев.

–Стой, не включай связь, скажи меня нет дома,– Отец прижал палец к губам, стараясь, чтобы неведомый федерал никоим образом его не услышал.

–Поздно пить Боржом, когда почки отказали. Я ему уже сообщил, что ты на месте.– Развел руками Басмач.

–Что ты наделал? Кто он таков будет?– Так же шепотом спросил Отец.

–Некто Пospelов Владимир Валентинович. Потешный

тип, должен тебе сказать.— Сказал Басмач,— да ты выйди из-за дерева, чего ты как плесень там спрятался. Он— нормальный мужик.

Отец и сам не заметил, как оказался возле ствола огромного вяза. Пиначет, сидевший уже за столиком на стуле, настороженно посмотрел на бушующего Отца. Звездный странник нехотя вышел из-за спасительного дерева и направился к выходу, который появился чуть в стороне от экрана телевида.

—Координаты получил?— Осторожно спросил Отец. Басмач кивнул,— все тогда, пока.

Отец пошел стремительным шагом к черному выходу, когда экран телевида засверкал и в нем появилось добродушное, чуть плутоватое небритое лицо мужика лет сорока с небольшим.

—Отец, привет. Пустишь меня к себе?— Спросил Поспелов, широко улыбаясь.

Отец его уже не слышал. Он сделал последний шаг к зеркальной поверхности выхода и растворился в его черных недрах.

Ему уже доводилось использовать нуль-транспортное средство, чтобы преодолеть межпланетные пространства. Удивительно, почему нульнуть всегда дороже, чем долететь на каре? Думал Отец, однако, для себя объяснения все же находил. Во-первых, быстрота. Время стоит очень дорого, он на себе испытал эту аксиому. Во-вторых, сложность уста-

новки. Гораздо проще изготовить кар, заправить его топливом и отпустить в свободный космический полет, чем изготовить транспортный портал на Земле, затем точно такой же за шесть с половиной миллиардов километров, на Плуtone, скоординировать их между собой целой цепью промежуточных ступеней, при этом, чтобы ни на одном этапе не случилась поломка на стадии дематериализации и синтеза объекта. В-третьих, престиж. Гораздо выгоднее придти на встречу в парадном костюме с девайсом подмышкой, чем тратить время на переодевание дорожного костюма на строгий и официальный. Впрочем, последняя причина для Отца никогда не была доминирующей, коль скоро он не делал различий между выходным костюмом и пижамой.

Словно он переместился к Рыжей домой. Для Отца не существовало времени в момент его перелета, поскольку в дематериализованном состоянии очень трудно следить за ходом времени и наблюдать за своими изменениями.

Оказался он в комнатке, которая для Трибуна была лишь кладовкой. Знакомый интерьер несколько не изменился за последние полгода абсолютного времени. Раскладушка, на которой дожидалось призрачное сухое существо, стало лишь немногим чернее его обычного цвета, да прибавилось немного сального лоска на краях боевой простынки. Трибун сосредоточил свой взгляд на прибывшем путнике и, хватаясь за воздух и края своей ложи, встал.

—Отец, помилуй меня. Тебя за смертью посылать.— Сказал

Трибун, странно искривляясь и являя всему миру гримасу отчаянной боли и страданий.

— Не я такой, жизнь такая. К делу. Мне еще нужно разрушить ваш континуум.— Кинул Отец и уселся на табурет, стоявший возле раскладушки.

Трибун после нескольких взмахов руками, старающимися установить шаткое равновесие его невесомого тела, уселся вновь на свою постель, на которую и тараканы бы забирались с риском для здоровья.

— Так ты насчет денег?— Осведомился Трибун, чуть поморщив нос.

— Так ты ничего не понял?— Усмехнулся Отец.— Мне твои деньги не нужны. Дело вот в чем...

Отец поведал Трибуну о своих приключениях, о Цватпе, но был прерван Трибуном.

— Это я все в отчетах федералов читал. Говори главное.— Махнул Трибун рукой, и едва не повалился набок.

Отец продолжил рассказ о своих приключениях на Земле в тот самый день, когда он вернулся в свое время с Цватпы. Он рассказал об исчезновении брата за несколько мгновений до аварии, что он при этом ощущал и видел. Затем рассказал, как исчез шлюп в тот момент, когда Отец поднимался от злополучной сосны, в которую угодила машина брата.

— А проблема вот в чем...— Попытался сделать заключение своему рассказу Отец, как был прерван сухим, словно веник, голосом Трибуна.

–Ты хочешь узнать, где шлюп и кто его забрал?– Кивнул головой Трибун.

Жест оказался непонятным, то ли ему надоело жить, и он решил сбросить голову, то ли старался приобщиться к обозначенной проблеме, Отец это не постиг.

–Точно. Трибун, удивительный ты человек. Схватываешь все на лету, при этом сам не летаешь. Удивительно!– Отец театрально сложил руки у себя на груди.

Горло Трибуна рождало низкочастотные колебания. Так он смеялся.

–Ты, Отец, мне такие задания даешь, будто хочешь этот мир поставить на колени.– Трибун широко раскинул в стороны руки, хотя, мог бы и сидеть смиренно.

–Ты близок к истине, мой друг.– Поспешил его утешить Отец.

–Ну, что ж, поехали в Альпы. Я только оттуда смогу к федералам в базу забраться. Отсюда нельзя, сам понимаешь.

–Конечно, дружище, только ты не развались по дороге, а то ты отощал, как богомол.– Засмеялся Отец.

–Нет, Отец, нормально все. Не развалюсь.

Друзья отправились в ангар, в котором некогда Отец посадил кар, взятый напрокат на Марсе.

–Или у меня подождешь?– Спросил Трибун, раскачиваясь на ходу.

–Нет, мне так будет спокойнее. Где твоя машина?– Спросил Отец, разглядывая космические аппараты и сурфисные

диггеры.

—Вон он,— Трибун ткнул пальцем в небольшой туристический бот, стоявший в отдельной нише.— Я его для себя справил. Туристам он ни к чему.

—Ну, ясное дело.— Нарочито торжественно произнес Отец.— Пушай ногами ходят. Будет с них.

—Не в этом дело. Просто его не использовали неделю, я и решил, что он никому не нужен.— Махнул рукой Трибун на маленькую машину.

—Очень удобная позиция, только очень криминогенная.— Поддакнул Отец.

Забравшись в маленький бот, Трибун активировал виртуальную клавиатуру и заскользил по ней пальцами. Носовой иллюминатор напелз на кабину, ограничивая жизненное пространство от внешнего мира, вспыхнули огоньки двух двигателей, расположенных под небольшими крыльями, которые не были рассчитаны на сопротивление атмосферы, а, скорее, служили опорой им. Корпус задрожал, и бот стремительно понесся к шлюзовой камере, которая уже пришла в движение, расставляя широко свои ставни. Пройдя шлюз, бот поплыл над Плутоном.

Здравствуй, звездный скиталец, не нашедший упокоения своей душе. Здравствуй, мертвый царственный Плутон. Сегодня ты выглядишь особенно здорово. Сегодня ты не темный, как в день нашего знакомства. Сегодня ты повернулся своим ликом к Солнцу, которое радо приветствовать тебя в

ряду своих детищ. Ты так же холоден, но нет грусти на твоём лице. Твои шрамы и оспины такие же, что и были вчера, но сегодня они не выглядят безобразно. Сегодня светило озарило тебя своей лучезарной улыбкой. От этого ты так восторжен? От этого черная твоя серость сменилась белизной и тенями? Или у тебя праздник? Может быть, сегодня день твоего рождения? Мы поздравим тебя. Сколько тебе лет? Нашей Матушке четыре с половиной миллиарда, а тебе? Больше? Шесть? Восемь? Будь таким всегда. Так тебе идет улыбаться. Даже Харон и два его меньших брата, которые следует за тобой все это время, любят твоими формами. Даже старый угрюмый Харон сегодня утром улыбнулся тебе. Здорово! Харон умеет улыбаться, мы этого не знали, но мы навсегда запоем его светлую улыбку. Мы навсегда тебя запоем таким радостным и светлым. Пусть у тебя нет воздушного покрывала, мы увидели, что ты можешь однажды стать теплым. Пусть у тебя нет дождей, чтобы омыть твои раны, но смотрим на них, как на шрамы победителя. Ты— герой. Здравствуй!

Бот пролетел над технической позицией научной базы, огоньки которой сегодня не были яркими, потому что было светло. Отец посмотрел на приборную панель. Он удивился, что может прочесть письма без бортового освещения. Было светло, как в пасмурный вечер, но было светло! Отец рассматривал кратеры, которым не было конца, проплывающие под крыльями бота. Он удивлялся, что было так хорошо вид-

но. В прошлый раз на Плутоне было темно, словно в погребке, а сегодня Солнце освещало его настолько, что Отец мог различить все подробности ландшафта, который проплывал внизу. Вот и появился огромный кратер, дна которого Отец в прошлый раз не видел, за которым должна простираться альпийская долина.

–Трибун!!!– Закричал Отец.– Мы скафандры не взяли!!!

–Не ори. Это тебе не шлюп и не кар. Это всего лишь бот. Он войдет в мою берлогу и так. Если там все цело, нам скафандры не понадобятся.

Отец успокоился. Станный это был человек, Трибун. Его вязкие слова Отцу уже не казались вычурными и квадратными, поскольку странник убедился на своем опыте, что любое сказанное им слово тверже камня, что оно стоит очень дорого, пусть и внешность кричит обратное.

–Слушай,– Отец потянул Трибуна за рукав его мятого балахона,– А чего ты там говорил насчет того, что готовишь мой прилет. Что ты имел в виду?

–Тебя запаролили. Ты не смог бы долететь даже до Луны. Пришлось повозиться, взломать пароли, да дать твоему компьютеру точные координаты моей берлоги. В официальных логиях нуль-транспортной навигации она не числится.

–Значит, федералы не хотели меня никуда отпускать, вот скоты. Боятся, значит уважают. Но по Земле-то был разрешен доступ?

–Я не вникал.– Проскрипел медленно, словно вековой

дуб, Трибун.

Бот пролетал над огромным кратером, в центре которого высилась гора, с которой можно было бы увидеть и Белфаст, такая она была огромная. Вскоре пролетела мимо и вечная цепь кратера, за которой раскинулась Альпийская Плутоанская долина. Отец теперь догадался, почему она так называется. Сразу за огромным кратером, который спутники миновали, поверхность планеты разрезал великий огромный каньон, окруженный с обеих сторон рваными черными горами.словно след упавшего метеорита черная полоса раскинулась на многие километры на израненной поверхности. Трибун повел машину вниз, в каньон. Машина накренилась на борт и пошла на снижение. Черные острые, словно иглы, пики гор стремительно приближались. Отец подумал, что Трибун хочет погибнуть вместе с Отцом стремительной безболезненной смертью, но не успел хорошенько испугаться или хотя бы выругаться перед смертью, как бот опустился на дно каньона, недалеко от горной гряды. Со дна он не выглядел особенно ровным. Поверхность его была покрыта холмами, которые переходили один в другой и терялись вдали, меж утесов.

Трибун открыл свой тайник, крикнув громко в микрофон панели управления: «Сезам, откройся», затем втиснул маленький бот в расщелину, открывшуюся за большим камнем, заграждавшим вход внутрь. Когда внешняя стена легла на свое законное место. Открылась внутренняя переборка

шлюза, за которой бот и утвердился.

–Все, вытряхивайся.– Проскрипел Трибун, когда носовой иллюминатор сполз вперед, давая проход Плутонеанским испытателям.

Спасательный шлюп, как и пассажирский кар открывали свои носовые иллюминаторы на корму, а туристический бот сдвигал его еще больше на нос. Для чего такая конструкция была воплощена в жизнь, останется неразрешенной тайной навеки. Видимо проектировала машину маленькая блондинка– начальница, так решил Отец.

Отец проследовал внутрь зала, где стояло кресло с множеством клавиатур и мониторов, в котором Трибун вершил свои хакерские и неизвестные разумному человечеству чудеса. Он дождался своего жалкого спутника, при виде которого у здравомыслящего человека возникают чувство всепрощения и сострадания. Вслед за этими прекрасными чувствами непременно следуют желания покормить существо и утешить его. Убедившись, что чудо евгеники устроилось в своей стихии, Отец проследовал в другую комнату, в котором царил хаос из паутины проводов, рабочих и вышедших из строя девайсов. Отец прогуливался меж мотков цветных проводов, кабелей и электронного хлама. На него нахлынули воспоминания о его сборе на Цватпу, о внезапно возникшей жадности неприхотливого в быту хакера, да о том, как все его сомнения были разрешены посулами материальных благ в виде кредитов, которых человечество не держало в руках

уже много столетий.

Тогда это было страшно. Впереди был неизвестный путь, пролежавший через всю галактику, неопределенность, страх за сомнительную надежность плана и за надежду найти разрешение некоторых проблем в этом неведомом мире. Отец вспомнил и свой полет, в котором чудом остался жив. Вспомнил две ракеты, пущенные пингвинами из страха быть убитыми неизвестным космическим телом.

Дэна он так и не нашел. Собрал установку на Цватпе и вернулся в свое время. И что же? Не прошло и четырех дней абсолютного времени, как его снова привезли сюда. К чему было все это странствие, этот риск и вызов всему человечеству, космосу, Рыжей и себе? Теперь, когда Цватпа принята в состав конфедерации, когда установка законсервирована, Отцу не удастся вернуться в свой мир с помощью своего детища. Брат исчез. Куда пропал Дэн? Украли ли его Инвизы, или в этой драме есть еще заинтересованные лица? Это предстоит выяснить. Нужно добыть данные, зафиксированные приборами шлюпа в момент исчезновения брата. Вот на этом то и нужно сосредоточиться.

Отец заглянул в комнату, где творил лицедей. Трибун, погруженный в базу, выглядел, словно мумифицированный труп, найденный на задворках галактики в спасательной капсуле. Сухое и изможденное тяжким виртуальным трудом тело очень скупно смотрелось в черном и ухоженном кресле, висящем на антигравитационной подушке. Руки его, словно

плети, лежали на подлокотниках полностью расслабленными, и лишь подрагивание пальцев рук говорило, что хакер еще жив.

Отец не мог ждать. Нетерпение глодало его действующую натуру, и созерцание странного неподвижного хакера никак не укладывалось в его жизненный ритм. От скуки и нетерпения Отец стал расхаживать вокруг кресла, все сужая при этом круги, словно подгоняя невеселую картину жертвы и Прокрустова ложа. Наконец, Отец, уставший от кружения вокруг Трибуна, уселся напротив хакера на пол, сложил ноги в позе лотоса и подпер руками подбородок. Он слал ему невидимые флюиды, чтобы сухой Трибун скорее делал свое дело.

–Эх, Отец, Отец,– Произнес, наконец, Трибун.– Если хочешь стать богом, потрудись взять на себя грехи всего мира.

Отец очнулся от задумчивости и вздрогнул.

–Что ты имеешь в виду?– Произнес он.

–Ты бы успокоился, сейчас не в твоей шкуре творить революции.– Проскрипел Трибун, откинув назад шлем.

–Ну-ка, ну-ка, интересно,– Отец поднялся на ноги и подошел к Трибуну.– Чего ты на меня нарыл?

–Я залез к федералам. У них шляпа нет. Они его не забирали. Где он, никто не знает. Сведений о нем нет. Как ты вернулся с Цватпы, его никто, кроме тебя, не видел. Но это не главное...– Трибун, раскачиваясь, сидел в своем кресле, стараясь поймать своими окулярами собеседника.

–Как это нет? Кто его забрал тогда?– Вскричал от удивления Отец.

–А вот так. Никто его не забирал. Но это не главное.– Продолжал Трибун.– Главное, что ты сможешь себе сам навредить. Это верно, как то, что мы с тобой на Плутоне.

–Как я сам могу себе навредить? Меня здесь никто серьезно не воспринимает. Я решил не утруждать ваши службы и сам вернулся в свое время. Так нет ведь, за мной устроили настоящую охоту. Поймали и приволокли сюда.– Кипятился Отец, нервно шагая по комнате.

–Послушай меня. Не перебивай. С тобой очень сложно разговаривать, ты сразу начинаешь выходить из себя. Дело такое. Тебя сюда забрали, поскольку тебя нельзя в прошлое отпустить со знаниями, которые ты здесь получил. Можно с ними натворить дел, что потом уже никто не расхлебает. Федералы тебя вернут, в этом не может быть сомнений. Я составил логическую цепочку, ошибки быть не может. Вернут, только наберись терпения. Это будет скоро. Как скоро, я тебе сказать не смогу, просто не знаю. Затем. Шлюп. Федералы сами занимаются его поиском. Ты должен им в этом помочь. Это приблизит тебя к твоему возвращению к себе. Понял? Далее. Согласно прогнозам, ты должен будешь принять участие в чем-то сумасшедшем. В чем, пока не ясно. Это тоже тебя приблизит к дому. Вот, пожалуй, и все. Постарайся быть паинькой.– Заключил Трибун.

Отец смотрел на Плутонеанского оракула с восхищением.

Он и в прошлый раз убедил Отца, что не бросается словами. Каждое слово его многого стоит и имеет вес. С этим нужно считаться. Выводы, которые он формулирует в базе, близки к совершенству и достаточно точны, Отец в этом сам убедился, путешествуя на Цватпу.

–Ты это все серьезно сказал? Неужели федералы меня вернут?– Спросил Отец.

Трибун отчаянно тряхнул головой, что Отец это интерпретировал, как жест согласия.

–Точно. Меня удивляет твое упорство, Отец, и глупость. Ты создал хороший алгоритм, который может помочь в изучении Инвизов, и не выложил его в базу. Почему?– Спросил Трибун.

Отец пожал плечами. Зачем нужно выкладывать свой алгоритм в базу? Ему какой от этого прок? Это его несколько не подвинет к дому. Тогда, зачем все эти не нужные телодвижения.

–А нужно?– Неуверенно спросил Отец.

–Это деньги. Тебе за рабочий алгоритм полагается денежная премия. Ты свой первый гонорар за что получил?– Трибун говорил медленно и расчетливо, будто примерялся к собеседнику, чтобы разрезать его на куски.

–За алгоритм.– Ответил Отец. Он начинал даже робеть перед великим мозгом, заключенным в такую нелепую оболочку.

–Вот видишь?– Трибун снова кивнул головой.

–Ну,– неуверенно проговорил Отец,– вернусь в базу, выложу.

–Не трудись. Я уже выложил его. Я проверил, что ты не будешь против. Когда в следующий раз ты выберешься в базу, проверь состояние счета. Это хватит тебе снять жилье, которое тебе нужно.

–Ты и об этом узнал?– Удивился Отец.

Трибун не осчастливил Отца ответом, только, медленно ворочая языком, продолжал:

–С Рыжей у тебя ничего не получится. Выбрось ее из головы. Это уже решено. Не морочь голову ни ей, ни себе.

–Но как же так? Я с ней завтра собираюсь встретиться. Ты наглый лжец, Трибун.– Взорвался Отец и снова забегал по комнате.

Трибун молча сидел в своем кресле, даже не стараясь взглядом поймать Отца.

–Ладно, с Рыжей я сам разберусь.– Сказал, успокоившись, Отец.– Что ты еще нарыл?

–Ты готов слушать?– Спросил Трибун, и, дождавшись утвердительного ответа, продолжал.– Твоего брата, скорее всего, похитили Инвизы. Как это случилось и почему не скажу. С уверенностью сказать, что это сделали они нельзя. Я составил несколько логических цепей и обработал их алгоритмами сам, если тебе интересно, посмотришь на них. Так вот. Брат твой исчез со вспышкой. При темпоральных и нуль-транспортных перемещениях выброса световой энер-

гии не происходит. Здесь что-то другое. Вероятно, он сейчас у Инвизов. А Инвизы в гиперпространстве. Такая вот штука. Чтобы с уверенностью сказать, что это они сделали, нужны показания приборов на твоём шлюпе. Так что, тебя дома дожидается федерал, он пришел специально за тем. Не будь глупцом и помоги ему. Он тебе не враг. Поможешь ему— можешь себе и, возможно, брату. Действуй.

Трибун сошел со своего места и направился к боту, не обращая никакого внимания на Отца, будто того и не было. Отец следовал за Трибуном. Он был потрясен и подавлен. Сейчас он должен сотрудничать с федералами, которые не давали ему покоя. Однажды, Отец доверился Трибуну, и нисколько не пожалел об этом. Значит и сейчас не время быть героем, нужно просто подчиниться неизбежности. Отец удивлялся, с какой точностью Трибун разбирался в ситуациях. Он узнал о подробностях полета Отца на Землю с Цватпы, он рассмотрел все стороны операции захвата Отца в двадцать первом веке, он по костям разложил их с Рыжей отношения, он даже знал, что к Отцу в гости пришел федерал, который сейчас дожидается его на берегу тихой заводи в его конверте. Очень обстоятельно работает бродяга, подумал Отец.

—Трибун,— позвал Отец хакера, усаживаясь в бот,— Инвизы в гиперпространстве. Я там был. Но ничего не видел. Как это может быть.

—Отец, об этом никто ничего не знает. Нужен твой шлюп.

Разбираться будем после. Если ты хочешь, я тебе помогу.— Сказал Трибун, активируя бот и клавиатуры.

—Это было бы неплохо. Знаешь. Первое впечатление обманчиво. Ты меня просто покори́л. Я твой должник.— Кивнул головой Отец.

—Нормально все, Отец, ничего ты мне не должен. Вот когда тебя будут отправлять назад, не забудь мне свои средства перевести, если тебе не жалко.— Попросил Трибун, и пальцы его принялись бегать по виртуальной клавиатуре.

Отец пожал плечами. Все может быть, думал он, если с Рыжей все срастется, я никуда отсюда не полечу, останусь здесь, с малышом и любимой. А если с Рыжей ничего не выйдет, тогда и будет видно.

Шлюз пропустил вылетающий бот, который поднял за собой тучу холодного песка с Альпийской долины. Маленькая машина уносила с собой неутомимого странника по времени и вселенной, а вместе с ним гения в жалкой оболочке.

Вернувшись на Плутонеанскую исследовательскую базу, Отец решил еще немного побеседовать со своим странным товарищем. Когда Трибун возлег на раскладушке, Отец, расположившись на стуле, спросил:

—Кто они, эти Инвизы?

—Отец, я знаю о них не больше тебя. Их никто и не видел, их же не просто так Инвизами назвали. Вероятнее всего, что это какая-то неведомая разумная раса, обитающая в параллельном мире, который мы называем гиперпространством.

Мне сдается, что это они забрали твоего брата. Других объяснений я не могу подыскать. Во-первых, это код ДНК, который есть у тебя и у твоего брата. Потом, исчезновение твоего брата, как ты его описываешь, не вяжется ни с темпоральным, ни нуль-транспортным перемещением, значит это какое-то еще неведомое перемещение, о котором мы ничего не знаем. Возможно виной этому— Инвизы. Так что, скорее всего, Дэн у них. Тем более, если ты вспомнишь, на твое присутствие Инвизы никак не среагировали, а, значит, они пытались нам рассказать не то, что нужен им ты, а то, что у них там есть твой двойник, то есть брат Дэн. Мне так кажется. А твой алгоритм будет работать. Так что нужен шлюп, остальное война покажет.— Тянул слова Трибун.

Он снова, Отец это для себя отметил, в нескольких словах расставил все по местам. Трибун— гений. Отец это знал.

—Так что же делать?— Спросил Отец.

—Помоги федералам. Они сами ищут твой шлюп. Для них он тоже важен. Как найдешь свою посудину, многие проблемы поблекнут, вот увидишь.— Трибун закатил глаза, словно собирался заснуть.

—Значит, мне работать с федералами.— Задумчиво произнес Отец.

—Другого выхода нет. Возможно, придется отправиться еще раз в прошлое, чтобы найти шлюп. Только не думай бежать, если тебя туда пустят. Все равно найдут и вернут назад. У тебя нет шансов нелегально уйти из нашего мира.— При-

открыв глаза, медленно произнес Трибун.

–Понятно.– Вздохнул Отец.– Я и так здесь уже задержался. Слушай, Трибун, а если у меня с Рыжей все получится, меня смогут здесь остаться?

–Не дури. У тебя с твоей подружкой не будет ничего. Поверь мне на слово. Об этом не может быть и речи. Вы с ней слишком разные, чтобы быть вместе. Если хочешь, я тебе сделаю из нее модель. Уберу ее дурь и маман ее куда-нибудь дену. Вот тогда будешь с ней жить. Но не иначе.– Проскрипел Трибун.

Он знал, что говорил. Наверное, в его мире, который он сам себе создал в базе, его жена именно такая. Она послушная и ласковая.

–Нет. Я уже жил с фантомом.– Усмехнулся Отец, вспоминая глупую Нюру.– Мне нужна живая Рыжая. У нас скоро будет ребенок.

–Так и фантом тебе сможет родить, чего ты бунтуешь?– С сомнением спросил Трибун.

–Дорогой, мне не нужен фантом. Если так пойдет дальше, я начну пить безалкогольную водку и в бане принимать только душ. Мне нужна ОНА, а не ее тень.– Отрицательно замотал головой Отец.

–Как знаешь. Это дело вкуса. По мне в бабе очень многое не устраивает. Я не выношу самодурства. Эти бабские психи и инсинуации меня погубят однажды.

–Вот тут ты тысячу раз прав.– Согласился Отец и на-

чал расхаживать по малюсенькой комнатке, в которой единственным убранством кроме раскладушки был стул.— Под каждым твоим словом я могу поставить тысячу подписей.

—Скорее всего, она не станет с тобой встречаться.— Изрек медленно Трибун.— Только я тебе этого не говорил.

—Как так, не будет встречаться?— Вскричал Отец.— Что значит, не говорил? Я с ней уже договорился. Завтра в два на городской ратуше, на Земле.

—Мне больше нечего тебе добавить. Не придет она. Жаль, что я тебе это сказал. Тебе было бы лучше на месте это выяснить. Ладно,— махнул корявой рукой Трибун,— переживешь. Подуешься на нее и переживешь.

—А как же сын?— Уныло спросил Отец.

—Что, сын? Он вырастет. Будет очень похож на тебя. Ты его так никогда не увидишь. Только, пусть тебя это утешит, это был не твой выбор. Она сама так решила, так что, это крест нести ей, не тебе. Однажды она поймет, что наделала. Постарается тебя найти, но тебя здесь уже не будет.

—Так, может мне ее все-таки здесь дождаться, пока она образумится?— С надеждой в голосе спросил Отец.— Не хочу я без нее жить. Я ее люблю, все-таки.

—Нет. Я эту ситуацию тоже просчитал. Даже если ты ее дождешься, у вас не будет жизни. Однажды она тебе изменит, и ты сам ее выгонишь. Так что, тебе лучше про нее забыть и вернуться к себе, когда наступит время.

—Ах, вот она какая,— задумчиво произнес Отец,— значит

она такая неверная?

—А ты что хотел? Женщина, которая хоть однажды испытывала другого мужика,— потенциальная изменница. Чем больше связей у нее было, тем больше вероятности и очередной измены. Баба такая штука. Никогда не знаешь, когда ее разорвет на куски.— Трибун раскинул широко в стороны свои руки, будто хотел поймать Инвиза.

—Да, наверное, ты прав.— Тихо произнес Отец.— А ты и про ее дружка бывшего все знаешь?

—Нет, он мне не интересен. Да и тебе знать не нужно. Он в чем виноват? Он тоже запутался в ее чарах, только у него хватило мозгов держаться от нее подальше. И ты не будь дураком.

—Не знаю я. Тяжело мне без нее. Мне на Цватпе она редкую ночь не снилась. Меня по моему времени здесь не было чуть больше трех месяцев. Так, я по ней так исскучался, хоть волком вой. Сегодня я как ее увидел, так про все на свете забыл. Вот здесь,— Отец показал на прекардиальную область,— все огнем горит, но поверишь.

—Поверю, почему нет. Я тоже не чурбан бесчувственный. У меня свои, пусть на твои не похожие, страсти. Еще как поверю. Только выброси ее из головы. Хочешь, я ее у тебя из башки сотру, или хотя бы притуплю чувства к ней?— Трибун чуть оживился.

—Ты и это сможешь сделать?— Удивился Отец.

—И не только это, я еще и вышивать умею и на машин-

ке... – Постарался засмеяться Трибун.

– Давай с тобой так договоримся, если у меня с ней ничего не получится... – Начал, было, Отец, но Трибун его жестко, насколько позволяла природная медлительность, перебил.

– У тебя с ней ничего не получится! – Произнес он.

– Хорошо, когда у меня с ней ничего не получится, тогда я к тебе приду и ты у меня из головы ее сотрешь. О`к? – Отец хлопнул Трибуна по плечу и чуть было не пожалел о своем дружеском жесте. Трибун покатился на бок. – Прости.

– Как знаешь. Лучше это сделать сейчас, пока еще все живы. – Сказал Трибун, стоило ему было принять обычное положение.

– Что, кто-то пострадает? – Удивился Отец.

– Я не в том смысле. Просто, вы оба будете страдать. Оба, понимаешь? Оба. И ты и она, просто по-разному.

– Это мы проверим. Ты, Трибун, не обижайся, только я к ней все равно пойду. Хочешь ты этого или нет. Может, ты где-нибудь ошибся, ведь ошибся же ты с Москвой... – Сказал Отец.

– Обиды нет. А что про Москву? – Трибун поднял на Отца мутные глаза. Тень удивления пробежала по сухому страшному лицу.

– Ты мне говорил, что в Москву поедет однофамилец. А в Москву, на самом деле, поехал я. – С триумфальной гордостью произнес Отец.

Нет, он не был чванлив, и неудача товарища не вызвала

у него злорадства и насмешки. Отец хотел лишь допустить, что Трибун может ошибаться, что, возможно, и с Рыжей он ошибается, пусть и выстраивает хорошие логические цепочки и обрабатывает их высокосортными алгоритмами.

—Отец, если бы я тебе сказал, что ты поедешь в Москву, ты бы поехал?— Спросил Трибун.

—Не знаю. Может, поехал бы, а может и нет.— Отец неуверенно пожал плечами.— Кто его знает, как бы было.

—Так вот, подумай над этим.— Сказал Трибун.

Действительно, если бы Трибун сообщил Отцу о будущей поездке, то возможно, из чистого упрямства, пришлось бы выбрать другое направление. Он, к примеру, собрался бы во Владивосток, где живет его сват брата шурина его соседа. Об этом Отец не думал. Временные законы и причинно-следственные связи в контексте темпоральных перемещений очень жесткие, их обмануть не получится никому. Отец для себя это уже давно выяснил. По его твердому убеждению «после того, не значит вследствие того». Время не позволит случиться ошибке.

—Трибун, а ты не посмотрел, кто ко мне пришел, что за тип?— Спросил Отец, смиряясь с мыслью, что придется сотрудничать с бывшими недругами.

—Поспелов то? Нормальный пацан. Выпить любит. Вы с ним поладите.— Трибун засмеялся.

Отец не уловил смысла шутки, но это его несколько не огорчило, поскольку «нормальный пацан» в устах Трибуна

звучит как такой же, как и я, нормальный пацан. Это немного смущало, однако «нормальному пацану» было уже за сорок, в крайнем случае, он так выглядел. Любит выпить. Хм. Кто ж не любит выпить? Выпить любят все, а кто не пьет, того все не любят. Федерала это характеризовала, по мнению Отца, с наилучшей стороны, только Петрович наверняка любит выпить тоже, а со странником у них конструктивного диалога не получилось. Что ж, что любит выпить? Мужик, что колодец, тем он лучше, когда напиться вволю.

—Он до сих пор у меня?— Спросил с опаской Отец.

—Ага,— Трибун кивнул.— Он решил тебя дождаться, без тебя никуда не пойдет. Одно слово, куда собака, туда и хвост.

—Не радуется.— Вздохнул Отец.

—Не бойся, он нормальный. Его специально подбирали, чтобы с тобой на одной волне работать. Психологический двойник твой, вы точно поладите. Федералы свое дело хорошо знают.— Проскрипел Трибун.

—Это, типа, до свидания?— Спросил Отец с усмешкой.

—Если честно, ты у меня много времени отнял. Так что не обессуди. Я тебе больше помочь ни чем не могу.— С трудом выдавил из себя Трибун.— Будут проблемы, заживай.

—Ладно, понял. Не дурак. Тебе пора по йогурту и спать, верно?— Отец поднялся со своего стула и протянул руку своему информационному покровителю и идейному наставнику.

—Не обижайся. Просто я тоже немного устал.— Трибун со-

средоточился на вытягивании руки, которая не слушалась и дрожала, словно на ветру.

Отец ловким движением схватил Трибуна за кисть, чуть заметно пожав ее. В ответ на этот дружеский жест незадачливый хакер едва не лишился конечности.

–Трибун. Спасибо тебе за все, дружище. Страна вечно будет помнить своих героев.– Сказал он и направился к выходу.

Трибун со стоном повалился на раскладушку и зажмурил глаза. Отец последний раз кинул взгляд на Трибуна и скрылся в арке черного выхода.

Великий космос. Непостижимы тайны твои. Ты пуст и мертв, а, вместе с тем, так ярок и насыщен. Широки просторы твои, даже великому гению человека не суждено представить и малую толику твоих пространств. Ты беспощаден и грозен, ты терпелив и стремителен. Ты наполнен светом и тьмой. В твоих просторах бушуют страсти, которые кажутся песчинками из-за расстояния. Ты прекрасен в своей непостижимости и многоликости. Прекрасны творения твои. Звезды, планеты, астероиды, спутники, черные дыры– все твои детища. Даже мертвый безобразный Плутон и холодный и обезображенный Харон по-своему прекрасны. Кваоар– маленькая одинокая планета, которая кружится вокруг Солнца еще дальше, чем Плутон, и та прекрасна. Удивительной своей кистью ты творишь свои создания, которые человеку не всегда понятны, но это ни в коей мере не ума-

ляет твой великий замысел.

Отец вышел из выхода на берегу тихой заводи и обомлел. Низкий стеклянный столик, стоящий прямо на траве, был усыпан рыбьей перхотью и щучьими головами. Рядом с останками сушеных рыб валялись целые горы фисташковой скорлупы. Горы были такими огромными, что с них можно было кататься на горных лыжах. Скорлупа валялась вокруг столика, возле дуба, в котором Отец устроил бар, скорлупа кружилась в водоворотах заводи, она была в траве сплошь вместе с рыбьими костями и чешуей. В кучах органического мусора на столе стояли три огромные стеклянные пивные кружки с надписью «Станица», наполненные темным пенящимся пивом. Две из них были початые, одна стояла полная, будто дожидаясь своего господина. Вокруг столика обозначились две раскрасневшиеся от алкоголя физиономии. Басмач был разгорячен и растрепан. Белоснежная рубашка была расстегнута со всех пуговиц и бурная черная заросль на груди его напоминала медвежью спину. Он закатал рукава, чтобы оживленная жестикуляция не была ограничена какими-то манжетами. Басмач что-то громко декламировал. Рядом с ним восседал Пospelов, красные маленькие глазки которого щурились от удовольствия и смеха. На нем был надет турецкий шерстяной свитер неопределенного цвета, рукава он тоже закатал, но это не мешало фисташковой скорлупе и чешуе болтаться у него на локтях. Из-за широкого выреза на груди виднелась простая футболка, которую обычно надева-

ют, когда собираются залезть в погреб или в смотровую яму. Ноги были обтянуты простыми рваными на коленках джинсами, ноги были босы.

Поспелов— очень колоритная натура. Первое, что бросалось в глаза— добродушное лицо, которое, как подумал Отец, он носил с самого рождения. Складки на щеках указывали, что Поспелов любил смеяться, поэтому он до сих пор не выбился в начальники. Щеки были достаточно велики, чтобы при смехе закрывать глаза. На лице кучерявилась трехдневная щетина и казалось, что Поспелов— горец. На голове могучая шевелюра собиралась в озорные завитки, придавая голове еще более бесшабашный вид. Раскрасневшееся лицо и красные глазки, наглядно указывали на две промили алкоголя в крови.

Басмач рассказывал что-то веселое, Поспелов, вольготно распластанный на стульчике, громко смеялся, и эхо его горловых раскатов несло по всему оазису.

—Гудит как улей родной завод.— Поздоровался Отец.— Кого пьем, бродяги?

—Помогай, Отец.— Сказал Поспелов, ничуть не смущенный появлением хозяина этого местечка, указал на свободный стул.— Мы тут без тебя пикничок устроили. Ты не против?

—Be my guest.— Сказал Отец и плюхнулся на стул.

Он посмотрел на мусор, наваленный горами на столе и вокруг, на огромные кружки пива, со стекающей пеной по

гладким стеклянным бокам, на плавающую в воде шелуху, на разгоряченные лица Басмача и федерала, для которых вечерника была только в разгаре. Ему стало скучно. Он вспомнил, что сегодня у него был долгий день. Усталость навалилась на глаза и ноги. Грусть опускала на зеркала кожные складки. Зевота разрывала рот.

—Отец, давай за знакомство пустим карасика,— Поспелов поднял бокал с пивом, жестом приглашая странника поддержать его порыв, идущий от сердца.

—Не,— покачал головой Отец.— Я устал, сегодня не стану. Да и дела завтра еще нужно будет порешать. Не буду. Вон, черный тебе поможет.

Отец лениво кивнул головой на Басмача.

—Да хоть и черный,— запротестовал Басмач.— У нас все равны.

—Человек должен быть белым и говорить по-русски.— Заявил Отец и поднялся из-за столика.

Он, покачиваясь от усталости, пошел в дом, в котором рассчитывал поспать минуть восемьсот, как малое, чтобы придти в себя.

—Отец,— за спиной послышался голос Поспелова.— Я к тебе по делу пришел.

—Завтра. Все будет завтра. Сейчас я устал и мне нужно отдохнуть.— Сказал Отец.

Завтра он должен встретиться Рыжей. Завтра будет решаться судьба трех человек.

Глава 3.

Отцу снилось.

«У меня скверный характер». Я кроткая. «Я не смогу долго быть с тобой». У меня много времени. «У меня на спине растут волосы». Это очень красиво. «Я бываю непостоянным». Я буду всегда тебе верна. «Я пока тебя не люблю». Я рожу тебе сына и ты полюбишь. «Мне нужно будет уходить от тебя». Я сяду у окна и буду ждать. «Иногда меня не будет очень долго». Я стану лунным лучом вышивать твоё имя. «Если у меня появится другая женщина?». Я завяжу волосы в узел и никогда не подойду к зеркалу. «Если ты будешь у меня одна?». Я стану воздухом твоим. «Иногда я крепко ругаюсь». Я многих слов не разбираю. «Мне дороги мои друзья». Они — братья мои. «Я люблю лук». Теперь я тоже его люблю. «Если я стану водой?». От моих слез ты будешь соленой водой. «Если я стану светом?». Я стану деревом и буду любоваться тобой снизу. «Однажды я умру». Я навсегда закрою глаза. «Мне нужна свобода». Я стану твоей путеводной нитью. «Если мне придется навсегда покинуть тебя?». Я буду тебя ждать вечно. «Если ты полюбишь другого?». Это не возможно. «Я не богат». Ты — моё богатство. «Я эгоист». Моя судьба жить для тебя. «У меня уже седина на висках». Я буду твоим утешением. «Тогда бери меня за руку, пойдем вместе». Нет. Ты иди впереди, я последую за тобой.

Сегодня все случится, подумал Отец, просыпаясь в сво-

ей кровати возле камина. Диван на время ночного сна принял форму кровати, на которой можно было бы без труда устроить чемпионат по бейсболу. Сегодня. Отец взглянул на часы. Одиннадцать. Еще рано. Можно еще полежать. Дверь в горницу отворилась, и на кривых лапах, спотыкаясь, вошел пьяный вусмерть Пиначет. И без того глупая физиономия была испачкана в рыбе, лапы стали широкими, словно у верблюда, от запутавшегося в шерсти мокрого речного песка. На черно-белых боках висела успевшая засохнуть речная ряска вперемешку с пожухлой листвой и кожурой фисташки. К задней лапе была привязана котомка, в которой бряцала стеклянная посуда. Коала осторожно подошел к кровати. Отец наблюдал за добродушным медведем, на душе которого черти танцевали финскую польку. Тяжко вздохнув, медведь принялся залезать на белоснежную кровать, в которой покоился Отец, и вслед за ним по белой, словно тополиный пух, простыне поползла безобразная бурая полоса. Пиначет приблизился к Отцу и ткнул его в руку холодным черным носом, словно призывая освободить его от тяжелой ноши, скованной с задней лапой.

Отец отвязал котомку, в которой обнаружил бутылку темного пива и кружку.

— Да ты же мой маленький. — Отец потрепал коалу, который увалился набок и забылся сном. — Я же не болею. Это тебе впору поправиться. Хотя, уже поздно.

Коала засопел. Отец соскочил с кровати, настроил выход

на гардероб, прошел через него, и бросился бегом на поляну, на которой вчера была разыграна трагедия победы продуктов расщепления глюкозы над трезвым рассудком и здоровьем. Гор мусора стало еще больше. Коала столько съесть не мог, Басмач особого рвения к фисташкам ранее не проявлял, оставался Пospelов. Выходит, это он страстный любитель фисташек, сушеной рыбы и пива. Ну что ж, сами и уберутся, подумал Отец.

Басмач спал под канадским кленом, широко раскинув руки в стороны. Его белоснежная рубашка превратилась в накидку цвета мясных помоев, строгие английские брюки были порваны и испачканы в прибрежной грязи, что лежала в камышах по ту сторону заводи. Волосы немногим выгоднее отличались от боков коалы тем, что в них еще не пытались гнездиться мухи.

—А стомленные руки вольно в ширки раскину, а ногами в долину хай накролет туман.— Тихонько в нос пропел Отец.

Пospelов спал в гамаке, натянутом меж деревьев. Вид у него был более пристойный, чем у Басмача. Грязи на джинсах и в волосах не было, лишь следы рыбьей чешуи все-таки болтались на рукавах турецкой кофты. Видимо, чтобы гость чувствовал в гостях, как дома, Басмач перебрал с алкоголем сам, поэтому Пospelов, хоть и отвел душу в празднике, лица не потерял.

Мудрый ход, подумал Отец. Это очень гостеприимно со стороны Басмача. А он тоже не станет перед свиньями метать

бисер. Ладно, придется с ним сотрудничать. Послушаем, что он скажет. Только сначала Рыжая.

Рыжая. Отец вспомнил прогнозы, которые строил вчера на Плутоне Трибун. Может не стоит идти на встречу? Скорее всего, она не придет, так ведь сказал Трибун. Кого я обманываю? Если Трибун точно рассчитал такое дело как миссия на Цватпу без значимых ошибок, то неужели он сделает промах здесь, в таком простом прогнозе? Гадать не будем, пойдем и проверим. Придет, хорошо, не придет, что ж, Отец к этому готов. Предупрежден, значит вооружен. Только такое дело отпустить на авось не в наших манерах.

Отец бросил взгляд на безобразие, царящее на берегу некогда тихой заводи, на спящего под кленом Басмача, на свернувшегося в клубок Пospelова, на домик, что притаился меж деревьев, на кучи мусора, плавающие в воде и лежащие просто так везде, и вышел.

Времени еще полно. Впереди еще три часа до встречи. Идти около часа, если не пользоваться плодами человеческого гения.

На пригорке, где стояло его общежитие, царила серость и уныние. Холодный северный ветер забирался под одежду и морозил. Солнце светило, однако северный холод, нашедший временное пристанище здесь, не давал светилу разгуляться всюду. На горизонте чуть собрались белые перья облаков. Гонимые холодным воздухом, они принимали различные формы, то становясь похожими на лебедей, вытянув-

ших шею, то превращаясь в вату. На пригорке солнце особенно ярко светило в глаза, здесь тени казались такими резкими, как на Луне, и холодными. Березки, которые окружали строгий круг общежития, трепетали и мерзли в потоках северного воздуха, и, казалось, что они вот-вот пожелтеют и опадут, и станет совсем грустно и одиноко. Дорожка, сбегавшая вниз, в город, казалась тусклой и безжизненной. Ощущение обездоленности усиливали куски пластика и бумаги, которые, словно перекасти-поле, метались на холодном ветру. Вместе с бумагой, потоки воздуха поднимали и опавшую желтую листву берез и тополей, которые вальсировали на дорожке, будто призраки.

Отец побрел по холодной тропке вниз, туда, где будет вершиться его судьба. Справа начался жилой массив, состоявший из приземистых сорока- и пятидесятиэтажек. Этот район считался старым, здесь большей частью жили старики и рабочие, обслуживающие космопорт, расположенный в каких-нибудь восьмидесяти километрах. Дальше к реке шел проспект. Это был очень неуютный проспект, едва усаженный тополями и декоративными яблонями, которые плодоносили мелкими ранетками, что едят синички зимой. Здесь уже много столетий не ходит наземный транспорт. В городах это запрещено. Отец не мог вспомнить, что здесь было в его время, когда он мальчишкой бегал по залитым солнцем улицам. Может, здесь стояла консерватория, а быть может, была закусочная с нелепой эмблемой трех медведей? Кто

его теперь разберет? Все так изменилось. Он шел по тротуару, мощенному желтым кирпичом. Низкие пятидесятиэтажки здесь полностью защищали тротуар от солнца. Была лишь тень. Только в новых районах тротуары освещены естественным светом с помощью систем зеркал. Здесь этого не было.

Тротуар вытянулся на многие сотни метров, против того, что был на его месте. Дома, что стояли на страже проспекта, были серыми и унылыми. Становилось похожим, что они грустят и сами, вспоминая летнее тепло и солнце. Летние рестораны свернулись. Сейчас от них не было проку. Все чаще и чаще погода хмурилась, прощаясь с летним теплом, плевалась то дождями, то холодным порывистым ветром, что опрокидывал легкие пластиковые стулья. На месте летних ресторанов остались лишь стойки органических синтезаторов, которые в такую непогоду были невостребованными, да урны, оснащенные аннигиляторами, у них работы тоже не было. Прохожие теперь стали редки. Едва где-то вдали покажется спина праздного гуляки, как сразу исчезает в ближайшем выходе. Иногда из-за домов показывали морды упитанные городские псы, уцелевшие после облав, да кошки. Было позднее утро, а в городе было тихо и пустынно, словно все жители уехали за реку.

Ничего, думал Отец. Возле ратуши будет оживление. Там устроили детскую площадку, лучшую в городе, чтобы детвора не пряталась по подъездам и подворотням в поисках удовольствий, но была на виду административной автоматики.

Там-то и должен Отец воочию встретиться с любимой. Отец миновал круглую площадь, которая по праву носила название «Тихая» и свернул влево, на другой проспект, который шел через весь город, и был кривым, как Пизанская башня. В центре «Тихой» площади разбили огромную широкую клумбу, от которой в эту пору остался лишь черный вспаханный круг чернозема, да желтые сухие черенки некогда пышных цветов.

Бом! Раздалось вокруг. Это звонили куранты на административной площади у ратуши. Уже полдвенадцатого. Отец обошел площадь вокруг, времени было еще много, и углубился дальше. Ратуша уже скоро. Этот проспект был более respectable. Здесь уже в ряд выстроились широкие стоэтажки, которых было большинство, растительность, обрамлявшая пешеходную зону, стала заметно разнообразнее. Кроны деревьев были аккуратно острижены. Кустарникам, так же построенным в ряд, была придана форма живых тумб и колонн. В центре проспекта тянулась одна большая и длинная клумба, которая сейчас имела вид стриженного пуделя, такая же лысая и некрасивая. Здесь проспект освещался зеркалами, закрепленными на крышах. В такую пору солнце не поднималось достаточно высоко, чтобы осветить эту часть города. Инженеры нашли разумный выход из положения с помощью нескольких сотен зеркал. Теперь проспект не тонул в вечной тени, а был светел и привлекателен, несмотря на этот пронзительный холод, согнанный с берегов Арктики

противным циклоном.

Вот уже стали слышны веселые звуки музыки, крики детей и их родителей, что плевали на этот холодный ветер и вышли веселиться к ратуше. Отец перешел на другую сторону проспекта, чтобы оказаться ближе к заветной цели. В вышине, где тучи обычно касаются покатых крыш домов, стали чаще мелькать пассажирские кары. Детвора со своими родителями стекалась к ратуше, где всегда был праздник, другие, отдавшие часть своих сил прогулке и развлечению, покидали административную площадь. Отец прошел еще пару сотен метров и вышел за угол здания, где начинался массив строений городской ратуши, выстроенной в форме правильного четырехугольника. Перед ратушей был раскинут парк, обсаженный кустами сирени и липы. По краям парка расставленные скамейки были заняты все до единой, кроме тех, которые были исписаны флуоресцентными маркерами с непотребными письменами, да заплыванные хулиганствующими подростками. Дворники— роботы ежедневно исправляли последствия вандализма подрастающего поколения, однако, обезображенные юными дарованиями, лавки появлялись ежедневно.

В центре парка в летнюю пору бил фонтан, обрамленный со всех сторон гранитными плитами, и, не смотря на смелую художественную задумку городского светила— архитектора, был похож на усыпальницу самого Нептуна, нашедшего покой под этими холодными коричневыми пластами теса-

ного камня. Перед фонтаном, словно флаг, высились куранты. Раньше это было величественное сооружение с четырьмя циферблатами, венчавшими верхушку мраморной колонны, гордо возвышавшейся над площадью на таком же белом мраморном пьедестале. Теперь, на фоне окруживших площадь жилых домов, главные городские часы выглядели маленьким аппендиксом, небольшим штырьком, вбитым в землю чьей-то злой прихотью.

Между курантами и фонтаном росла одна единственная корабельная сосна, которую в Новый Год украшали гирляндами и игрушками. Ныне, удобренная минеральными добавками, она горделиво и царственно зеленела над поблекшим парком.

В ближней к прилегающему проспекту части парка была организована детская площадка. Была установлена высокая горка с искусственным льдом, на ней детвора каталась и в жаркое лето. Чуть в стороне крутились карусели, в маленьком искусственном пруду плавали лодочки, на которые детей запускали только с серьезными папами, чуть далее расположился прокат велосипедов на антигравитационной платформе. Всюду гремела музыка детского содержания. Детвора спускалась с горки на санках, привезенных из дома, на пластиковых пакетах, которые им были выданы добрыми родителями. Другие сорванцы крутились на каруселях, громко визжа и плюясь в прохожих. Другие наезжали на велосипедах на нерасторопных старух, которые не медлили с изрыга-

нием из себя более или менее сносной брани.

Детвора, которой были нипочем все на свете катаклизмы, подбегала к стойкам органических синтезаторов и заказывала многие сотни килограммов мороженого. Рачительные родители, стоило им заметить такое хулиганство, отгоняли своих отпрысков от автоматов, но машин было слишком много, и детвора перемещалась от одного синтезатора к другому, набивая свои желудки сладким холодным продуктом.

Отец ходил меж разгоряченных подвижными играми детей, стараясь не нарушать их игровые порядки, улыбался и шутил с молоденькими мамашами, вблизи которых не было их мужей. Скоро, возможно, и я с Олежеком буду здесь гулять. Только бы Трибун ошибался. Только бы он не был таким точным в своих прогнозах.

Бом! Бом! Бом!.. Пробили куранты двенадцать раз. Это значит, что Отцу еще два часа здесь дожидаться Рыжей. Что ж. Пусть он подождет и больше, если это потребуется. Рыжая наверное уже встала и принялась за боевую раскраску. Отец любил наблюдать, как она водит по губам пластиковой палочкой, на конце которой краснела какая-то масса. Он смотрел, как она кистями наносит краски на лицо. Размеры кистей были от миниатюрной с несколькими короткими волосками, до огромной кисти, которой впору белить заборы. Результат таких раскрашиваний был неизменным. Макияжа на лице не было видно!!! Никогда!!! Сколько бы Рыжая себя не раскрашивала, она впустую тратила время. Удивительно, но

факт: и пудра и тени у нее заканчивались, время от времени. Куда она их деваает, Отец не смог выяснить, но их следов на лице он никогда не замечал. Пусть. У каждого дебила свои белила.

Отец устроился на лавочку, только что покинутую семейной парой. Он уселся широко, не стесняя себя пространством, и стал наблюдать за резвящейся детворой. Пара шалопаев школьного возраста вела бой на световых мечях. Мальчишки были облачены в доспехи из какого-то пластика, смягчающего и без того несильные удары. Другие мальчишки следили за поединком, активно болея за своего героя. За рыцарями появилась лошадка, везущая за собой тележку, полную ревушей от восторга детворы. Животное было, вероятно, кибернетическое, поскольку движения его были плавными и взвешенными, да и детвору, которую она везла, с места смогла бы стронуть только орбитальная ракета-носитель, но никак не живая лошадка. Меж беснующейся детворы слонялись клоуны и потешники, даря юным наследникам планеты разноцветные шары и голографические игрушки. Здесь же работал фотограф, оставляя на память родителям незабываемые моменты счастья их детей на объемных фото. В воздухе висел экран, по которому транслировали мультфильмы, на которые, впрочем, мало кто обращал внимания.

В разноликой толпе сновали андроиды, следящие за порядком, да роботы–уборщики, подбирающие свежий мусор. Отец увидел несколько еще крошечных созданий, лежащих

в колясках на антигравитационных подушках. Молодые мамы покачивали своих чад, стараясь несколько приглушить их вопли. Время шло. За тихим созерцанием детской радости и родительской гордости пролетел час. Отец встал, пошел к органическому синтезатору, заказал себе бутерброд с форелью и стакан содовой, съел здесь же и сделал движение вернуться на свою лавку, но понял, что его время ушло. На его месте уже сидели сорванцы и играли в какую-то игру на планшетном компьютере. Что ж. Пусть забавляются, подумал Отец и стал прохаживаться по парку. Жаль, нельзя опрокинуть сотку коньяка или водочки. Рыжая не простит такой слабости и весь эффект будет испорчен.

От холода и изнуряющего ветра, Отец прибавил темп. Он решил пройтись вокруг парка несколько раз, чтобы согреться. Он прибавил шаг, и для себя отметил, что стало теплее. Прохаживаясь вокруг парка с его шумной детворой и головокружительными аттракционами, Отец бросил взгляд на часы. Полвторого. Куранты ударили один раз. Еще полчаса и все. Все встанет на свои места. Или пан или пропал. Придет, не придет? Будет счастье или нет? Отца стала бить дрожь. Он, вроде, согрелся, а дрожь не проходила. Он знал это ощущение, когда тепло на шкуре, и холодно внутри, всегда приходила она, дрожь. Отец волновался. Встреча с любимой женщиной, которую он любит больше всего на свете – вот причина его слабости. Что может быть волнительнее, чем воссоединение семьи после долгой разлуки? Они, ведь,

по-прежнему женаты. Она— его законная супруга и будущая мать его сына. Он любит ее, он хочет быть с ней вместе.

Два. Два удара курантов обозначили всему миру, что Рыжая должна поторопиться. Она просто задерживается, подумал Отец. Он знал ее медлительность. Однажды, когда они собрались сходить с ней в театр, она опоздала на сорок пять минут. Отец помнил это. Она знала, что ради нее спектакль не отложат на час. Ее это не остановило. Женщина! Что можно здесь еще добавить?

Она задерживается. Она просто красится, она сейчас придет, думал Отец. Круг вокруг парка, еще круг. Затем остановка возле органического синтезатора. Отец съел еще один бутерброд. Дрожь проходила. Полтретьего. Бум! Сказали куранты. Рыжей нигде нет. Ну и что?

Отец решил прогуливаться вблизи ряда выходов, что на окраине парка возле магазина со свадебными аксессуарами. Здесь же есть стойка органического синтезатора. Здесь будет нескучно. Здесь, кстати, ветер дует меньше. Отец продолжил кружение вокруг выходов, которые на ярком солнце светились бликами. Вот, придет Рыжая, думал Отец, мы с ней сфотографируемся. Будет документальное свидетельство воссоединения семьи. Повесим ее в рамочку.

Отец вдруг вспомнил, что органический синтезатор выдавал ему бутерброды. Он не работает бесплатно. Это значит, что на его счете имеются какие-то средства. В противном случае синтезатор не смог бы ему дать больше чем ста-

кан воды. Он подошел к терминалу компьютера.

–Компьютер, состояние моего счета.– Произнес Отец.

–На вашем счету семь тысяч восемьсот кредитов.– Торжественно сообщил мягкий женский голос.

Отец присвистнул. Семь тысяч. Это много! На эти деньги он сможет снять достойное жилье, чтобы Рыжая смогла нормально доносить беременность. Здорово. Не нужно ничего выдумывать. Такая большая проблема решилась сама собой. Ай да Трибун, ай да сукин сын. Работает алгоритм Отца. В прошлый раз ему назначены были три тысячи семьсот кредитов, а на этот раз семь тысяч. Ух, ты! Восторг. Интересно, почему Трибун таким образом не зарабатывает себе на жизнь? Его умственные способности смогли бы сделать своего обладателя миллионером, никак не меньше. Если хакеру не нужны кредиты, тогда зачем он у меня взял мои? Странный человек, что тут скажешь.

Бом! Бом! Бом! Три удара– три часа. Ну и что? Если она в лучшие времена опаздывала на сорок минут, уж нельзя беременной женщине опоздать на час. Какая невидаль. Ждем. Из выходов выходили незнакомые люди. Рыжей не было. Выходом покидали веселую административную площадь незнакомые люди. Рыжей не было. Может она решит прилететь каром? Что ж, пойдем, проверим.

Отец пошел на стоянку каров. Она находилась дальше в углу парка, что ближе к реке. Он выбрал позицию, чтобы одновременно наблюдать за прибывшими карами и за людьми,

пользующимися выходами. Рыжей не было. Здесь, на углу ветер пронизывал Отца все сильнее. Стоять на холодном ветру становилось все невыносимее. Если нужно, он останется здесь до утра. Отец продрог. Это было пустяком, по сравнению с тем холодом, которым его встретил родной двадцать первый век там, в Кичигинском бору. Ух, вот это был холодище, не чета этому.

Бом! Куранты сказали, что уже полчетвертого и пора бы собираться домой. Опоздание в полтора часа считается стратегическим. Нет. Упрямству молодости поем мы песню. Отец решил вернуться к курантам. Встреча должна состояться именно там.

Возле курантов Отец продолжил свои поиски. Он смотрел во все стороны, ища глазами предмет своего вожделения. Рыжей не было. Она не могла придти сюда пешком. От нее досюда очень далеко. Беременная женщина, если она дожит своим ребенком, никогда не пустится в такой путь, значит: или выход или кар. Другого не дано. Отец принялся всматриваться в дальний угол парка, где были выходы. Им путешествовать проще. Люди приходили, люди уходили. Рыжей не было.

Отец чуть не подпрыгнул от неожиданности. Бом! Бом! Бом! Бом! Сказали куранты. Четыре часа. Это перебор даже для беременной и медлительной женщины. Здесь дело пахнет пивом и водкой. Отец начинал беситься. Что ж, все-таки Трибун оказался прав. Рыжая не пришла. Коза плешивая.

Все-таки ее гордость оказалась выше здравого рассудка и семьи, которую только что зарыли в могилу.

Не теряя надежды, Отец вернулся к ряду выходов. Подойдя к стойке органического синтезатора, он заказал себе сто пятьдесят граммов водки и триста граммов пива. Мормитная платформа исполнила заказ. Отец выпил водку. Пусть для Рыжей будет хороший сюрприз, подумал Отец. Его перердернуло, как затвор Калашникова. Пиво понеслось по пищеводу, догоняя изобретение Менделеева. В желудке они встретятся, Отец это знал, тогда наступит счастье. Горе отступило. Рыжая не пришла. Тогда посмотрим ей в глаза. Отец подошел к терминалу телевида.

–Рыжую мне.– Бросил он в экран.

Синий предательский логотип оператора связи, словно издеваясь над Отцом, не думал себя разменивать на любимую Рыжую.

–Абонент просит его не беспокоить. Надеемся на Ваше понимание.– Произнес приятный женский голос.

–Что значит, просит не беспокоить?– Взревел от обиды Отец.

–Абонент просит его не беспокоить. Надеемся на Ваше понимание.– Повторил голос миленькой женщины.

На этот раз голос, так показалось Отцу, издевался над ним. Он изысканно насмеялся над его светлыми чувствами и надеждами. Кто дал этой железке право смеяться над разрушенной семьей? Где справедливость? Куда девалась вся

гордость?

Отец готов был плакать. Рыжая, все-таки, оказалась последовательной в своих поступках. Сначала она его покинула просто так, без видимой причины, сейчас она его избегает, потому что не хочет его видеть. Но что он сделал такого, за что его можно вот так казнить? Почему, вдруг, стремление сохранить семью, стало преступным? Почему желание быть рядом с женой и сыном подлежит казни? С этим миром кардинально что-то не так.

Рыжая не выходит на связь. Она не пришла. Наконец, Отец сделал все, что было в его силах, чтобы что-то изменить. Рыжая сделала свой выбор.

Отец подошел к органическому синтезатору и оставался около него некоторое время. Отойдя от него, Отец понял, что он – повелитель вселенной, что такая мышь, как Рыжая – ему не пара. Он – царь, ему теперь все равно. Он скользнул в выход, очутившись в каком-то магазине, приобрел себе солнцезащитные очки с кнопками наушниками, включил барда, певшего про африканскую командировку и про лето, которое, по его мнению, – маленькая жизнь, и пустился пешим ходом назад, в общежитие.

Слезы катились у него из глаз. Трибун, как же так? Почему нельзя все исправить? Ждать? Трибун сказал, что если ее ждать, Рыжая постарается его найти. Отец вытирал тылом ладони слезы, которые предательски лились из-под темных стекол очков. Губы распухли. Отец ненавидел себя за

эту слабость. Он— мужчина-сердцеед. Он плачет! Он плачет из-за какой-то рыжей девчонки, которая не стоит и одного его дыхания. О! это все ее маман. Это ее почерк. Однозначно ее! Это она, старая больная лошадь, надоумила ее никуда не идти. Это из-за нее распалась счастливая семья. Что же Рыжая делает? Куда она смотрит? Зачем она слушает свою мать? Неужели ее жизнь— не учебник, где сказано: сделай все иначе.

Отец вышел на берег великой реки, где на песчаных косах некогда были раскинута палатки хиппи и праздной молодежи, охочей до солнца и воды. Сейчас косы были пустынные и серы. Обдуваемые северным ветром, они казались безжизненными и не интересными. Серая листва трепыхалась на холодном ветру и сыпалась на холодную воду. Отец вышел на плес и разделся. Кожа мгновенно покрылась цыпками от пронзительного холода. Он осторожно вошел в воду. Холодная вода обожгла его лодыжки, затем бедра, пояс. Отец поплыл. Очки снимать он не стал, чтобы приятный голос барда утешал его. Холодная вода несколько привела в чувство скитальца по мирам, слезы перестали литься. Содрогаясь от стужи и холодного ветра, Отец выбрался на берег, сгреб в охапку свою одежду и направился к ближайшему выходу, который только мог заметить. В голове нашлась ясность. Алкоголь, выпитый накануне, стал отпускать обиженный мозг.

В общежитие, подумал Отец и скользнул в черное зеркало выхода. Нужно рвать отсюда когти, думал он. Где этот феде-

рал, которому я должен помогать?

На берегу тихой заводи сидели двое. Басмач и Пospelов. Столик, который еще утром был засыпан фисташками и чешуей, был чист. Органического мусора и обглоданных остатков рыбы не было. Вода обрела свой первозданный зеленоватый оттенок, и на ее глади не было видно и тени бывшего бесчинства поедателя фисташковых орехов. На столике были разложены колбасы и ветчина, мясные нарезки и бутерброды с красной икрой. Во главе стола стояла большая литровая бутылка водки.

—Отец,— обрадовался появлению странника Пospelов,— наконец то. Мы уже заждались тебя.

Пospelов радушно улыбался и махал руками, призывая несчастного с разбитым сердцем присоединиться к возлияниям.

—К Рыжей ходил?— Участиливо спросил Басмач.

Отец коротко кивнул и молча уселся за стол. Есть не хотелось. Настроения не было вовсе.

—Не переживай, родной, все наладится. Я тебе скоро, вот выйдем отсюда, пистолет дам, всех перестреляешь и все! Никаких проблем.— Пospelов добродушно хлопнул Отца по плечу.

—У вас, я вижу, день великого похмелья?— Не весело произнес Отец.

—Мы тебя вчера весь день прождали, сегодня. Сколько можно? Вот мы с твоим другом тут и веселимся.— Пospelов

вольно раскинул руки, обнажая перед Отцом широту своей души.

–Ладно, давай к делу!– Кивнул Отец.– Зачем пришел.

–Ну-ну-ну. Ты скорый, как поезд.– Заквохтал Пospelов.– Давай, сядь, выпей с нами, а там и поговорим.

–Некогда.– Отрезал Отец.

–Куда ты торопишься?– Улыбнулся Пospelов.– У тебя еще вся жизнь впереди. Хорошо ты здесь все устроил. Мне нравится. Дашь, я себе скопирую? Против не будешь?

–Угощайся.– Ответил Отец. Добродушие и мягкость голоса Пospelова подкупала.

–Вот и ладушки. Басмач, скопируй мне здесь все. Домой приду все восстановлю.– Довольно улыбнулся Пospelов.– Зови меня Володей.

–Вовик, ты ко мне насчет шляпа пришел? Так ведь?– Спросил Отец.

–Выпей, выпей для начала. Уж больно здесь у тебя хорошо. Век бы отсюда не уходил. Что ж я раньше такое у себя не устроил?– Пospelов проигнорировал вопрос, но это никому не показалось обидным.

Отец разлил по рюмкам.

–Вот это правильно. Ух, аж мурашки по шкуре побежали.– Довольно сказал Пospelов и потянулся за рюмкой.– Давайте выпьем за...

Пospelов задумался. По всему было видно, что тостов было накануне произнесено не мало, что банальная ситуация

не породила очередного повода выпить. Басмач пришел ему на помощь:

–За победу.– Произнес он с пафосом.

–Какую победу? Басмач, ты ли в своем уме?– Спросил Отец.

–За победу сорок пятого.– Стоически молвил Басмач.

–За это выпить не грех, но что так тебя сегодня на патриотической ноте прибило?– Удивился Отец.

–Это отдельный разговор. Потом расскажу.– Сказал Басмач, встал и, никого не дожидаясь, с локтя выпил водки.

Поспелов и Отец, умиленные таким героическим тоном тоже поднялись, и, со словами «за отцов», выпили.

–Итак.– Подвел итог Поспелов.– Не хватает баб. Что будем делать? Какие будут предложения?

–Нет, уж, с меня хватит баб.– Невесело произнес Отец.– Это вы без меня мутите. Басмачу они, вроде, и не нужны. А ты, Вовик, сам думай.

–Ну, Отец, так дела не делают. Ты что совсем хвост повесил. Давай я к ней, к подружке твоей, сам пойду да приволоку сюда. Никуда она не денется. Я как-никак агент федеральной службы. Хочешь, ее арестую?

–Нет.– Вяло произнес Отец.– Не хочу. Насильно мил не будешь. Вот только одна меня вещь злит, почему всегда все в курсе моих проблем? А? Басмач, ничего не хочешь мне сказать?

Басмач покачал головой. Он здесь был не причем. Видимо

Поспелов, прежде чем придти к Отцу, навел на него справки, порылся в досье, подготовился, вникнул в его проблемы, а по доброте душевной предложил свои услуги. Это похвально, вот только рыться в грязном белье никогда не приятно, тем более, если роются в твоём собственном.

–Ох,– поежился Поспелов,– сегодня меня взбулындывают.

–Что тебя?– Переспросил Отец, боясь, что он ослышался.

–Взбулындывают.– Поспелов с хитринкой в глазах улыбнулся и продолжил.– В деревеньке, откуда я родом, на похмелье говорят: меня взбулындывают. Если было бы совсем плохо– то это уже шибат.

–Шибат!– Басмач покатился со смеху.

–Да, шибат. Когда говорят: меня сегодня шибат, это значит совсем плохо. Это еще хуже, чем взбулындывают. Деревенька маленькая, далеко отсюда. Скучаю по ней. Там всех каждый день взбулындывают. Ну, да ладно, а не то слезу пущу. Насыпай, Отец.– Поспелов кивнул на запотевшую бутыль.

Прозрачная как слеза и холодная, как горный родник, жидкость опустилась в рюмки.

–На том свете не нальют, потому мы выпьем тут.– Сказал Поспелов, жестом своим приглашая всех присоединиться к незамысловатому тосту.

Что ж, это похоже на истину. На том свете и наливать то некому. Там все мертвые.

–Вовик, пойдемте в загашники.– Отец выпил и кивнул на домик.– У нас разговор есть.

Отцу не терпелось, наконец, начать поиски пропавшего шлюпа. Это, как сказал Трибун, будет первым шагом к возвращению домой. Пospelов, похоже, никуда не торопился.

–Отец, уймись. У нас еще куча времени. Посмотри вокруг. Солнце светит, тепло, хорошо. Водочка, закусочка, компания. Что тебе еще надо?– Растянулся он в добродушной улыбке.

–Вовик, как так? Я понял, что тебя послали, чтобы вывести у меня про шлюп. Так?– Спросил Отец. Пospelов, не спеша, кивнул.– А если так, то я не понимаю, почему ты не торопишься?

–Отец, все очень просто. Мое начальство, зная, что у тебя...– Пospelов замялся, подыскивая слово, затем продолжил,– непростой, хм, характер, разрешило мне трое суток на тебя потратить. А я вижу, что ты неплохой парень, мы с тобой найдем общий язык. Так что, сутки у нас еще есть в запасе. Расслабься.

–Вовик, при всем моем уважении, давай сначала все обсудим, а потом и попьем. Ладно? Я тут в базе раскопал, что если я тебе помогу, то смогу быстрее к себе вернуться. Понимаешь? Для меня это очень важно.

–Ладно, уговорил.– Хлопнул себя по коленкам Пospelов и поднялся из-за столика.

Даже птицы в ветвях прекратили свою возню и примолкли, словно прислушиваясь к разговору. Федерал и Отец прошли в домик, которого еще вчера здесь не было. Кровать,

которая стала огромной на время ночного сна, снова обрела привычные размеры и превратилась в диван. Журнальный столик, которого не было ночью, снова очутился на своем месте. Лишь Пиначет дремал в уголке на коврике возле пылающего камина. Отец зажег свет в холле и пригласил федерала сесть.

—Ну, рассказывай.— Поспелов приготовился слушать, отчаянно обхватив свою большую добрую голову.

Отец поведал свои приключения, которые начались на Цватпе. Об установке, которая была смонтирована благодаря разработкам цватпахов и его, Отца, модернизации. Поспелов слушал внимательно, только особого интереса не проявлял, поскольку эту историю знал, может быть, даже лучше Отца. Когда Отец перешел к погоне федералов на флагмане за звездным скитальцем, Поспелов несколько оживился. Дух охоты завораживал его, да и залихватское изложение Отца не смогло бы никого остаться равнодушным. Затем Отец рассказал, как проник на установку, заставил цватпахов ее активировать. Затем прыжок. Несколько томительных минут времени, когда ничто не происходило. Затем Земля и двадцать первый век.

—Да, Отец, угораздило же тебя,— покачал головой Поспелов.— Дождался бы нас, мы бы тебя вернули без всякого риска.

—Я вам не верил. Да и сейчас, если быть честным...— Отец недоверчиво покачал головой.

Отец поведал, как он приземлился в Кичигинском бору, недалеко от места аварии брата.

—У меня было достаточно времени.— Сказал Отец.— Я вышел из шлюпа. Ты не представляешь эти чувства. Земля, родина, мое время, где все мои друзья и родственники. Я надеялся встретить брата, предотвратить аварию. В общем, ничего у меня не вышло.

Затем Отец рассказал, что был вынужден снять тяжелый скафандр, чтобы на дороге перехватить брата. Но брат, словно не замечая его, пронесся мимо.

—Потом в машине что-то вспыхнуло. Ярко-ярко, меня даже ослепило. Потом машина свернула с дороги и угодила в дерево.— Продолжал рассказ Отец.

Затем Отец рассказал, что, подойдя к машине, он никого не обнаружил. Ни брата, ни свата, ни соседа. Ни единого кусочка органической плоти не было на месте аварии. Ни единая капля крови не могла бы рассказать о трагедии, развернувшейся возле сосны, стоящей на обочине.

—Ты в этом уверен?— Спросил Поспелов. Вопрос выглядел не как сомнение, но как слепое подчинение протоколу допроса.

—Как то, что ты сейчас сидишь со мной в этом доме.— Сказал Отец.

Поспелов коротко кивнул. Отец продолжил свой рассказ, как после осмотра места аварии он вернулся к шлюпу.

—Я уже почти подошел, как он исчез.— Закончил рассказ

Отец.— Просто исчез и все. Я трахнулся головой о камень и потерял сознание. Больше ничего сказать не могу.

—Да...— Протянул Пospelов.— Ситуация... Мы сначала думали, что ты его спрятал.

—Куда я мог его спрятать? Шлюп же огромный, как мавзолей Ленина. Что ты.— Замахал руками Отец.

—Да в том-то и дело. Мы на место посадки пускали металлоискатель. Ничего не нашли. Думали, что ты его утопил в каком-нибудь пруду, или засыпал в яме. Теперь все понятно.

—Что понятно?— Изумился Отец.

—Что это— темпоральное перемещение. Его кто-то из твоего времени вытащил. Кто и куда, нам это предстоит выяснить.— Кивнул Пospelов.

—Как вы это сделаете?

—Отправим разведывательный катер, пустим в твое время зонд, он прощупает, кто его украл, куда его украл. А зачем— это станет ясно потом. Завтра я составлю отчет о твоём рассказе и отправлю начальству. Они уже и будут разбираться.— Улыбнулся Пospelов.

—Вовик, но ты же наверняка оперуполномоченный?— Спросил Отец. Пospelов утвердительно кивнул.— А не могли бы мы с тобой сейчас отправиться в мое время?

—Отец, уймись. Тебя никто в твое время сейчас не отправит. Отправят только темпоральный зонд и все. А потом, я оперативник. Вот с тобой я и занимаюсь оперативной работой. А по временам шастать— это уже другие обученные лю-

ди будут.— Пospелов небрежно махнул рукой.— Темпоральные парадоксы не нужны ни кому. Ни мне, ни тебе, ни ему.

Пospелов ткнул пальцем в Пиначета, которого взбулындывало на краю дивана. Коала недовольно повел ухом.

—Шлюп нужен.— Сказал задумчиво Отец.

—Еще бы. Такой темпоральный артефакт в твоём времени! Представь, если он попадет в руки, к примеру, Пакистану. С этого момента все в мире будут носить чалму, паранджу, автомат и молиться аллаху. Они в два счета завоюют весь мир. Что ты! Его нужно, во что бы то ни стало, оттуда забрать.

—Я не про это. Там следящая аппаратура должна была фиксировать все, что происходило на месте аварии брата. Мне нужно знать, куда он девался, кто его забрал, зачем его забрал и как его вернуть. Без этих показаний ничего не получается. Есть предположение, что его забрали Инвизы, но подтвердить это можно только с помощью приборов, что остались на шлюпе.— Декламировал Отец.

—Тоже причина.— Согласно кивнул Пospелов.— За брата можно и в огонь.

—Так вот и я про то же. Мне очень дорог Дэн.

—Я бы за своего братика тоже кому-нибудь крышку открыл. Я тебя прекрасно понимаю.— Сogласился Пospелов.— Да и приборы твои должны нам службу сослужить. Ведь не зря же ты через всю галактику летел, рискуя жизнью?

—Да уж. Другого выхода не было.— Ответил Отец.

—Был. Только твое упрямство...— Отмахнулся Пospелов.

– Не будем спорить. Тебя там не было, так что ты не знаешь о чем говоришь.

– Как это не было. Я как раз и был на флагмане. Так что я все видел, так сказать, своими глазами. – Притворно удивился Поспелов.

– Правда? – Отец оживился. – Ну и как это выглядело?

– Круто. Молодец. Я, может быть, на твоём месте точно так же поступил бы. Ух и жару ты там задал начальникам моим. Слышал бы ты, как они тебя сучили. Загляденье! – Поспелов даже причмокнул от удовольствия.

– Матерились?

– Матерились? У! Ещё как. До тебя им далеко, но, в принципе, тоже не плохо. – Поспелов вытянул большой палец, удостоверяя свое к этому отношение.

– Очень рад. Очень рад. – Довольно произнес Отец. – Ладно. Теперь все в прошлом. Теперь мы – сотрудники. Нужно будет работать в одной команде.

– Я, кстати, тоже краем уха слышал, что Инвизы кого-то из наших стащили. – Сказал вдруг Поспелов.

– Из федералов? – Искренне удивился Отец.

– Да нет. Из гражданских. Я, честно, не вникал. Может они говорили про твоего брата. Не знаю, врать не буду. – Сказал неуверенно Поспелов. – Ты же там какой-то алгоритм придумал. Так, тебе должно быть виднее.

– Был один алгоритм. Знаешь, сколько мне заплатили за него? – Отец с пафосом поднял голову. – Семь с небольшим

тысяч.

Поспелов присвистнул.

–Да, Батенька, мозги в твоей тыковке водятся. Такими деньгами оперативные администраторы не разбрасываются. Ты сможешь на одних процентах худо-бедно прожить.

–В прошлый раз чуть более трех дали. Я там тоже какой-то алгоритм придумал.– Хвастался Отец.

–Тоже не кисло. Так, значит, теперь у тебя больше десяти-ки?– Спросил Поспелов.

Ах, чтоб тебя, подумал Отец. Язык мой– враг мой. Еще бы немного и Трибуна выдал. Хоть Поспелов, вроде, неплохой мужик, но он– федерал, как ни крути. С ним нужно всегда держать ухо востро. Петрович на своем примере это доказал, когда Отец проговорился про Юго-Западную.

–Ага. Только я на Луне покутил немного. Меньше осталось.– Соврал Отец и стал надеяться, что ложь окажется незамеченной.

–Я на Луну тоже люблю похаживать.– Поспелов растянулся в довольной улыбке.– У меня там подружки. Ох и заводные девки. Будет время, я тебя с ними познакомлю. Они от твоей депрессии оставят только воспоминание, и те будут размытыми. Персики, а не девки.

–Видно будет, я с некоторых пор к бабам прохладно отношусь.– Проговорил Отец.

–Ты что,– с недоверием посмотрел на него Поспелов.– Ты...?

—Ах, нет, нет, ты не об этом подумал. Просто мне моя Рыжая всю плешь на голове проела, что на баб просто смотреть не могу.— Пospешил успокоить Пospелова Отец.

—Фу ты ну ты, лапти гнуты. Испугал ты меня, Отец.— Пospелов расслабился.— Ладно, когда пройдет, свистнешь. Я тебе не дам от засухи умереть. Fine?

—Хорошо. Только я надеюсь до этого срока отсюда уже отбыть отсюда.— Сказал Отец.

Отец подумал, что было бы неплохо снова слетать к Трибуну. Тот обещал стереть из мозгов все воспоминания о Рыжей. Может, стоит попробовать? Кто его знает, наверное, это самый лучший выход из такой ситуации? Нет, решил Отец. Рыжая, пусть у нее с головой не все в порядке и с родственниками ей не сильно повезло, самая дорогая женщина на всем свете. Роднее ее нет, не было и не будет уже в его жизни. Он на нее зол, однако он по-прежнему ее любит. Полтора года пройдет прежде, чем он снова сможет посмотреть на другую женщину. Полтора года— это срок. И те три месяца относительного времени, что Отец ее не видел, прошли даром. Теперь, с сего дня нужно снова вести отсчет. Стоило один раз ее увидеть, разговаривать с ней, и старые чувства выплыли наружу, будто они толпились где-то рядом и в одночасье вырвались на свободу. Жизнь продолжается. Не нужно быть нюней. Нужно взять, наконец, себя в руки и стойко перенести это лишение. На сердце камнем лежала грусть-тоска, съедавшая всю радость.

–Вовик, где находится ваша штаб-квартира?– Спросил Отец.

–Ого! Ты хочешь, чтобы я тебе все секреты раскрыл?– Удивился Пospelов.

–Это секрет?– Отец поднял брови.

–Еще какой. Что ты. В другой раз я бы тебя за такой вопрос за шпиона принял бы.– Сказал Пospelов серьезно.

Строгий блеск в его глазах говорил, что Пospelов не шутит. Отец поспешил разрядить обстановку:

–Прости, я не хотел тебя обидеть. Я не охотник до чужих тайн. Это было всего лишь праздное любопытство. Я и не подозревал, что это такая тайна. Я просто даже не думал об этом. Еще раз прости.

Пospelов поднял руку, давая понять, что тот не сердится и закрывает этот щекотливый вопрос.

–Все, Отец. Забыли.– Сказал он.

–Володька, скажи мне, родной, зачем такая секретность. Ведь в Конфедерации нет войн и противоборствующих лагерей?– Спросил Отец и поспешил добавить.– Если это тоже не секретная информация.

–Нет тут никакого секрета. Просто террористы есть и в нашем времени. Это все от них. Понимаешь, война идет и очень давно. Ее просто не видно. Воюют они, воюем и мы. Просто: не рвутся бомбы и нет публичных расстрелов. Террористов не устраивает глобализация в нашем обществе. Это право любого члена конфедерации иметь свое мнение, одна-

ко закон должны соблюдать все. Устраивает он кого-то или нет. Все просто.— Развел руки в стороны Пospelов, давая тем понять, что тема закрыта.

—А ты представишь свой отчет обо мне в штаб-квартиру или в региональное представительство?— Спросил Отец.

—Нет. Я так далеко прыгать не умею. У меня есть свои начальники, вот если они сочтут нужным, передадут его в штаб. Я, если честно, сам не знаю, где он находится.— Сказал Пospelов уже более дружелюбно.— Мне это не нужно знать.

—Слушай, а ты, часом, не знаешь, как поживают цватпахи? Они, все-таки мои крестники.— Поинтересовался Отец.

—Поживают. Еще как поживают. После тебя мы были вынуждены их включить в состав Конфедерации. Иначе они всем бы дали жару. Ох, и талантливые птицы, я тебе скажу. Очень работоспособные. Они свою систему уже осваивают. Прошло каких-то полгода, они уже в своей системе, как дома. Просто удивительно. Пьют. Тоже пьют. Не все, но многие.— Засмеялся Пospelов.

—У них был хороший учитель.— Вяло улыбнулся Отец.— Слушай, Вовик, а почему федералы мою установку законсервировали.

—Отец, ты так и подбиваешь меня родину продать. Что тебе нейдет? Закрыли и закрыли. Тебе-то что до того? Тебе на ней больше не летать, это и ежу ясно.— Нахмурился Пospelов.

—Так, просто. Обидно. Я столько сил в нее вложил.— По-

жал плечами Отец.— Я думал, что начнется освоение космоса. Дальнего космоса. Может даже другие галактики... Для нее нет ничего невозможного.

—Ее собираются демонтировать.— Сухо сказал Поспелов.— Только я тебе этого не говорил.

—Как так, демонтировать?— Возмутился Отец.— Вот же нехристи. Все бы им консервировать, да демонтировать. Ничего святого нет для них. Не в обиду тебе сказано.

—Ладно,— махнул рукой Поспелов.— Мне самому многое не нравится в нашем руководстве. Только я правила одного придерживаюсь. Мне оно жить помогает.

—Поделись. Может и мне легче будет.— Попросил Отец.

—Правило простое. Я начальник— ты дурак. Ты начальник— я дурак. Все просто. Приходится на многое закрывать глаза, чтобы не свихнуться.

—А зачем, все-таки, установку демонтируют? Я что-то не догоняю. Расскажи?— Попросил Отец.

—Честно, я не знаю. Не потому, что скрываю. Правда, не знаю. Я всего лишь оперативник. Мне не все секреты раскрывают. Да и что с того, что ее демонтируют. Мне от этого ни холодно, ни жарко. Да и ты плюнь. Все равно ничего не поделаешь. Пошли на воздух. Засиделись мы.— Сказал Поспелов, вставая с дивана.— Басмач уже нас дождался.

—Ты иди, пока. Мне нужно кое-что обмозговать. Я позже к вам присоединюсь.— Сказал Отец.

В голове созрел план. Даже не план, наметка. Однако по-

явился смысл жизни. Демонтируют установку. Это неспроста. Значит, федералы что-то задумали. Нужно к Трибуну.

–Компьютер, дай мне Трибуна.– Сказал Отец.

В глухом углу засветился экран и Отец увидел изображение хакера. Он приоткрыл от удивления глаза. В доспехах венерианского первопроходца на него смотрел мужественный космический рейнджер. В глазах светилась решимость и мужество, граничащее с безумством. Стройный и подтянутый, как настоящий офицер, Трибун смотрел пристально в глаза Отцу. Сзади него во всеоружии и полном боевом обмундировании стоял взвод пехотинцев, готовых идти в атаку.

–Отец.– Резко начал Трибун.– Что ты меня беспокоишь? У меня дел по горло.– Он провел рукой в черной кожаной перчатке по горлу, будто хотел сам себя обезглавить.

–Трибун, ты ли это? Я тебя не узнаю. Что с тобой случилось? Бродяга. Ты сам на себя не похож.– Еле шевеля языком от удивления, проблеял Отец.

–Говори. У тебя семнадцать секунд времени.– Скомандовал Трибун. Голос его был словно выстрел, предельно четкий и разрушительный. От такого невыносимо резкого командного тона у Отца от неуверенности задрожали колени.

–Поговорить нужно.– Проямлил Отец.

Пехотинцы, что стояли за спиной Трибуна, презрительно переглядывались и шептались, глядя на Отца. Вид этого, негодного к строевой службе, гражданского, вызывал у них приступ неудержимой брезгливости, будто они смотрели на

бестелесного слизня.

–Сейчас не могу. Что-то с Рыжей?– Спросил Трибун.

В глазах мелькнуло что-то от прежнего Трибуна, едва живого и сухого, и почти всегда неуверенного в себе.

–В общем, нет. Про другое тема есть.– Сказал Отец.

Ему пришлось встать с дивана при виде такого грозного космического волка, которому нипочем ни тонны атмосферного давления, ни многие Рентгены жесткого излучения. В руках Трибун держал какое-то оружие, которое могло, с виду, разрушить целую планету. Он играючи перекидывал его из руки в руку, при этом сверкая гневно глазами, наводя пущего страха на Отца. Отец следил за базуккой, которая перепрыгивала из руки в руку, будто была сделана из китайского пластика. Сзади прогремел сигнал связи. Радист, что был увешан антеннами и приемными армейскими приборами, что-то ответил в микрофон, затем стремительно подбежал к Трибуну, козырнув перед ним.

–Капитан,– крикнул радист, отдав честь.– Командование штаба сообщает, что наступление откладывается на три часа. Орбитальная поддержка запаздывает. Что-то у них не получается.

–Сейчас, Отец.– Сказал Трибун, затем обернулся к взводу и резко скомандовал.– В походную колонну по двое в расположение правое плечо вперед шаго-ом марш.– Затем развернулся к Отцу и уже мягко сказал.– Отец, пошли ко мне, тут и поговорим. Я отложил свое наступление пока. Специально

для тебя. Заметь.

–Спасибо.– Неуверенно прошептал Отец.– Только, где ты?

–Вопрос не в том, где я. Технически я на Плутоне, где и раньше. Вопрос как я. Я в базе. Это– мой мир.– Сказал Трибун, рукой обводя пространство перед собой. Здесь– я царь. Придешь?

–Приду. Только как?

–Сейчас, я наши каналы объединю, подожди.– Сказал Трибун.

Не было выходов, не было прыжков и обычного, в таких случаях, привкуса йода в носу. Отец стоял в расположении боевых частей на желтой холмистой равнине, уставленной военными палатками, флаерами, диггерами, карами, боевыми машинами пехоты с короткими крыльями и подкрыльными пушками. Невдалеке стояли летающие крепости, вооруженные планетарными пушками и аннигиляторами. В небе кружились машины командного состава, обеспечивающие синхронные действия боевых частей. Рокотали двигатели бронированных сурфисных боевых машин, видом отдаленно напоминающих танки. Чуть в стороне пробежал взвод пехотинцев, в шлемах и разгрузках, вооруженных тяжелыми бластерами и гранатами. Отец чуть не оглох от шума боевых частей, готовых идти в наступление. Трибун волевым движением пригласил Отца в шатер, стоящий недалеко на холме.

–Присаживайся, сказал Трибун Отцу, указывая на зеленые ящики из-под какого-то неведомого оружия.

Отец сел на зеленый деревянный ящик, Трибун устроился напротив на точно таком же.

–Докладывай.– Скомандовал Трибун.

–Я даже не могу сосредоточиться.– Сказал Отец неуверенно.– Это ты в своей базе создал всякое это?

Трибун холодно и коротко кивнул. Куда девался не от мира сего Трибун, которого шатало в стороны малейшим сквозняком? Куда девалась его нерешительность и отрешенность, которая так смущала Отца? Перед странником сидел матерый боевой офицер, прошедший огонь и воды, опаленный в баталиях на жестких планетах, обожженный космическими лучами в галактических схватках. Отец был вне себя от растерянности.

–Ты пришел, чтобы я у тебя из мозгов стер Рыжую?– Холодно спросил Трибун.

–Нет. Хотя это тоже не помешало бы.– Замотал головой Отец.

–Тогда чего же тебе? С Рыжей, кстати, как все прошло?– Спросил Трибун, хотя по интонации было видно, что он все знает и без того во всех подробностях.

–Она не пришла.– Сказал Отец и опустил глаза.– Но в остальном все нормально.

–Ты насчет установки цватпахов?– Спросил Трибун.

–Точно. Почему ее федералы демонтируют?– Спросил

Отец.— Мне обидно даже как-то.

—Сейчас, подожди.— Сказал Трибун, прикрыв глаза.— В базе пороюсь.

Пока Трибун оперировал данными и взламывал правительственные пароли и федеральные коды доступа, Отец оглянулся. В палатке, в которой они находились, сплошь были уставлены зеленые ящики, усыпанные картами с обозначением расположений боевых порядков. По земле были рассыпаны патроны и отстрелянные гильзы. К коробками были приставлены автоматы, которых здесь было, по меньшей мере, полсотни. В центре стоял походный стол, на котором была разложена большая военная карта, приставленная с углов радиостанцией и походными фонарями. На коробках громоздились пехотные шлемы, оборудованные внешними видеокамерами и освещением. На полу стояла огромная гильза от зенитной установки. У гильзы было зажато горлышко, и по краю его змеился тусклый огонек сгораемого топлива. Этот анахронизм Трибун позаимствовал от праотцев, воевавших во вторую мировую. Отец попытался сдуть пламя, но у него ничего не вышло. Эта самодельная лампа была ограничена условиями, не позволявшими задуть огонь. Что ж. Это право Трибуна. Это его мир и здесь он волен делать все, что ему заблагорассудится. Наконец хозяин этого воинственного мира дрогнул, открыл глаза и раскатисто заговорил.

—В общем, не все так плохо, как кажется сначала.— Ска-

зал Он.— Установку демонтируют, чтобы ее перевезти к точке прохода, откуда Инвизы держат с нами связь. Так что, несколько дней уйдет на ее перемещение. Там ее снова соберут, и ты можешь не переживать. С твоей установкой ничего не случится. Вот зачем они это делают, вернее их ближайшие планы мне пока неизвестны. Я постарался построить прогнозы, но данных мало. Ничего не получается. Одно я нарыл, что будет для тебя очень интересным. Это касается твоего очень хорошего знакомого.

—Которого из них?— С сомнением спросил Отец.

—Декса. Он там у них сейчас заправляет.— Отрезал Трибун.

—Декс? Так он же из ксенологов. Как он у федералов может быть заправилкой?— Удивился Отец. И удивление было искренним.

—Он что-то задумал у них.— Сказал Трибун.

—Это точно?

—Зуб на рельсы.— Твердо, без тени улыбки констатировал Трибун.— Он представил им какой-то проект развития отношений с Инвизами. Федералы его поддержали. Туда же вовлечен ксенологический отдел. А Декс там большая шишка. Они не выкладывали в глобальную базу своих отчетов. Поэтому я не могу с точностью сказать, что они задумали предпринять.

—Ну, уж точно, не революцию.— Постарался улыбнуться Отец.

–Революция здесь. У меня.– Трибун указал на выход из палатки.– Здесь повстанцы захватили власть над планетой.

–Интересно. Я тебя другим представлял. Я думал, что у тебя, в твоём мире, ты– какой-нибудь сноб, у которого толстушка жена да куча маленьких детишек, кричащих и лезущих на папу.– Улыбнулся Отец.

–Не без этого. Только жена у меня не толстая. Не люблю свиней. Там такая фемина. М-м-м, пальчики оближешь. От нее даже пахнет эстрогенами. Такая заводная. И детишки тоже есть. Один учится в национальной военной академии, другой в школе астронавигации. А дочери еще маленькие. С мамкой дома сидят.– Сказал Трибун и растаял при мысли о детях, которые умрут вместе с их отцом, когда тому придет время.

–А в свободное от домашних дел время ты воюешь?– Кивнул Отец.

–Нет, я дома бываю, когда есть время. Жена должна ждать своего суженого, а не наоборот. Это моя принципиальная позиция. Мы с ней это уже обсуждали. Она со мной согласилась.– Отрезал Трибун.

–Конечно согласится. У нее нет другого выбора.– Сказал Отец.

–И ты бы тоже не портил мозги ни себе, ни другим. Завел бы себе нормальную семью, да осел уже. Что ты как неприкаянный мечешься, как мент по вокзалу? Страсти тебе нужны? Вон их сколько. Бери, не хочу.– Строго сказал Трибун.

— Не по мне это. Я слишком много поставил на карту, чтобы просто так сдаться. Мне нужны реальные страсти.— Махнул рукой Отец.— А если честно, то и они мне уже надоели. Я устал. Я просто хочу вернуться к себе домой.

— А как ты будешь жить с Рыжей в голове? Ты подумал? Давай, пока мы в базе, я сотру ее. Лучше всем будет.— Продолжал настаивать Трибун.

Какая разительная перемена случилась с сухим, как спичка, Плутонеанским хакером. От былой медлительности не осталось и следа. Трибун поигрывал мышцами, которых он, по мнению Отца, нарастил с избытком, компенсируя, таким образом, свою реальную неполноценность. Решимость во взгляде, делала его похожим на орла, грозного и расчетливого хищника. Острота его носа подчеркивало это ощущение, придавая его лицу пикантную стремительность и беспрекословность.

— Нет. Рыжая сама умрет во мне. Так будет лучше. Я всегда с собой буду носить ее могилу.— Покачал головой Отец.

— Ты, прости меня, конечно, если сможешь, мазохист. Если бы я не был добрым, как булочка, и не уважал бы свободы других, я без твоего ведома промыл бы тебе мозги. Но, видишь ли, не могу.— Сказал Трибун и резко соскочил со своего ящика.

— Мне даже страшно стало. Трибун, ты никогда не смей без моего согласия в моих мозгах рыться. Слышишь? Я тебе этого не прощу.— Вскричал Отец.

—Слышу. Только, если бы я захотел, ты меня после этого благодарить бы стал. Не буду. Обещаю. Какие сейчас планы?— Спросил Трибун, расхаживая по палатке меж ящиков и оружия, заложив руки за спину.

—Какие? К Дексу пойду, потрещу. Эту тему с ним перекашлять нужно.— Неуверенно сказал Отец.— Может он что расскажет, да надоумит?

—Декс у себя на родине, на Адло.— Бросил по ходу движения Трибун.

—А что он там делает?— Отец огорчился.

Были планы поговорить с Дексом с глазу на глаз. Придется толковать по телевиду или через базу. А такие разговоры федералы однозначно прослушивают.

—Установку пока перевозят, у него несколько дней выпало свободных. Вот и поехал.— Сказал Трибун, выглядывая из палатки.

Этим хакер показывал, что Отец испытывает его терпение. Кружение по палатке, косы взгляды на Отца, тоскующие по бою руки, все это указывало на то, что аудиенцию можно считать завершенной. Отец не торопился. Ему было даже интересно немного поиграть на нервах Трибуна, поскольку в реальном пространстве все было наоборот. Отцу приходилось терпеть все его причуды и медлительность. Нет, батенька, потерпи и ты меня уже.

—А ты это откуда все узнал?— Спросил Отец.

—Откуда? Я где сейчас был? В базе, конечно.— Трибун

остановился и пристально, словно на слабоумного, посмотрел на Отца.

– Ты его координаты знаешь? – Спросил Отец.

– Да он ни от кого не прячется. У Басмача спроси, он найдет. Ты с ним сейчас хочешь связаться?

– Ну да. Делать то все равно нечего.

– Отец, если тебе нечего делать, ты меня извини, конечно... – Уже раздражаясь от нетерпения, произнес Трибун.

– Конечно, конечно. – Согласился Отец, вставая со своего ящика. – Сейчас я тебя покину. Пошли наружу, прогуляемся. Еще несколько вопросов и ты меня не увидишь.

Трибун уверенной походкой покинул палатку. Отец последовал за ним. На поляну приземлялась огромная боевая машина, сплошь увешанная подкрыльными пушками. Из ее недр, стоило ей коснуться выжженной солнцем поверхности, посыпались пехотинца, держа свои автоматы наготове. Старшина, который выпрыгнул первым, покрикивал на солдат, с помощью такой-то матери заставляя их шевелиться быстрее. Где-то раздался пушечный выстрел и движение солдат приняло однонаправленный характер. Взводы группировались в боевые порядки, готовясь к наступлению. Все чаще стали опускаться летательные аппараты, доставлявшие пехоту в действующую часть. Трибун все чаще всматривался вдаль, где в нескольких километрах отсюда, разворачивалось действие, переплетавшее человеческую плоть с осколками железных болванок, где огонь и металл были единым целым,

где жизнь и смерть смотрели друг другу в глаза, где на каждом шагу солдат ждала опасность и муки, боль и сражение.

–Цватпахи там ни причем?– Спросил Отец.

–Где?– Не понял Трибун.

–Установку перемещают к точке прохода. А цватпахи?–

Спросил Отец, семеня за рейнджером, который недавно был едва живым богомоллом.

–Нет. У них своих забот хватает. Отец, рожай быстрее. У меня дел по горло.– Сказал жестко Трибун.

–Последний вопрос.– Сказал Отец.– Ты здесь погибнуть можешь?

–Могу.– Кивнул Трибун.– Только у меня много жизней. Я уже много раз погибал. Медали видишь? Это очень больно, но каждый раз понимаешь, зачем ты до этого жил.

–Ох, странный ты, Трибун, очень странный. Спасибо тебе за все, пока.– Сказал Отец.

Трибун резко остановился и отдал честь Отцу.

–Пока. Когда отсюда будешь уезжать, не забудь мне свои средства перевести.– Крикнул он.

Из-за рева моторов Отец его едва услышал. Трибун развернулся и скрылся на холме, который уже заполнили боевые манипулы пехотинцев. Пора домой, подумал Отец.

Оказавшись на своем диване, Отец вздохнул свободно, от чистого воздуха, без примеси выхлопных газов и отработанного топлива летательных машин. Отец вышел на полянку, где весело щебетали в ветвях птицы и Пospelов с Басмачом

у столика.

На дворе стояла холодная промозглая осень, а здесь, в конверте, где всегда царило вечное лето, было тепло, радостно и хорошо. Вечнозеленые дубы, каштаны и ели, рододендроны, клены и ивы всегда рады тешить глаз своей зеленью и патриархальной тишиной, которую так любил Отец и которую лелеял. Не нужны ни рвущиеся снаряды и кровь, не нужны иссушающие пески и жажда, ну нужны жгучие космические просторы, лишь бы была речка, была рыбка, которую можно поймать и высушить, да чтобы была Рыжая. Может, в самом деле, попробовать, создать здесь, в конверте, двойник Рыжей, да зажить счастливо? Стереть все обиды из головы, Трибун это может, и забыться в объятиях любимой? Здесь не будет ее маман, не будет непонимания и разногласий? Поживем, может тогда и захочется на войну? Мужик что любит? Мужик любит выпить, да повоевать. А бабам остаются только пьяные, да раненые.

Нет. Это не выход. Мы уже думали об этом. Не может быть и речи, создать мирную Рыжую. Это невозможно. Чтобы она ходила каждый день перед носом, каждый день, напоминая о провале операции под кодовым названием «Семья»? Нет, увольте. Будем двигаться дальше, думал Отец.. Следующая остановка— Декс. Быть может эта странная Веганская ящерица— телепат сможет помочь выбраться отсюда? Странно, почему мне Декс не рассказал об установке? Ведь он еще вчера был у меня. Мог бы хоть словом меня ободрить. Вот же жаба

галапагосская.

Отец подошел к столику, за которым велась оживленная беседа двух собутыльников, обсуждающих какую-то новую мыльную оперу, транслирующуюся по телевидам. Увидав Отца, Пospelов поспешил налить ему водочки из графинчика, пришедшего на смену банальной бутылке.

—Садись, Отец. Нам скучно без тебя. Давай родной, причастись.— Сказал Пospelов.

Басмач скромно сидел в своем креслице, боясь вздохнуть, чтобы Отец его не удалил из состава модераторов базы. Отец про себя отметил это смирение и поставил одну галочку в дебет своему виртуальному другу.

—Я не буду,— запротестовал Отец и, поймав не себе несколько недоумевающих взглядов, добавил,— сопротивляться долго.

Взгляды друзей порозовели, Пospelов сделал отчаянный жест, схватившись за сердце, изображая приступ грудной жабы. Басмач довольно закивал головой. Выпив по рюмке, Отец спросил:

—Басмач, ты Декса найдешь мне?

—Ну, почему бы и нет. Для хорошего человека и нечистот бочку не жалко. Вот, лови.— Басмач указал за спину рукой, где меж деревьев развернулся экран телевида.

На экране показалось нечто, отдаленно напоминающее крокодила. Отец так привык видеть эту рептилию в комбинезоне, что вид голой чешуи, блестящей серебром в лучах

Веги, поверг его в изумление.

–Декс, ты свободен сейчас?– Спросил Отец.– Я к тебе...

Глава 4.

–Декс, ты очень глупо выглядишь.– Сказал Отец.

–Но ты-то ничего, вроде?– Язвительно произнесла Веганская рептилия.

–Стараюсь. А ты, похоже, на себя рукой махнул.– Улыбнулся Отец, похлопывая старого своего приятеля по жесткому роговому гребню, который тянулся от ноздрей через всю голову и тело к хвосту.

–Не совсем так, Отец. У нас я считаюсь красавчиком, чего нельзя сказать про тебя.– Заскрипел Декс.

–Вот тут уже ты неправ. Девчонки от меня дальше, чем на три метра не отходят.

–Да, сегодня утром ты это наглядно доказал.– Скривился Декс.

–А ты можешь быть и жестоким, дорогой.– Констатировал Отец.

–Ладно, пойду, штаны одену. Уговорил.– Примирительно сказал Декс и поплелся в свою нору.

–Декс, да перестань, ты очень экстравагантно выглядишь. Пусть все будет, как оно есть. Не каждый день такой тип как ты встречает гостей без портков. Это необычно даже. Будет, что друзьям рассказать.– Засмеялся Отец.

–Ты мне эти штучки брось, я тебе дам, рассказать.– У Декса от удивления глаза чуть не свернулись в узел.– Сейчас. Хочешь, со мной пойдем.

Декс ушел, а через минуту он появился в семейных трусах, в которых предусмотрительно проделана дырка для хвоста. Отец покатился со смеху.

–Декс, не смеди меня так. Сними сейчас же. Сейчас ты как шелудивый пес, которому надели штаны, чтобы он себе шкуру не выгрызал.– Смеялся Отец.

–Слушай, тебя не понять. И так не хорошо, и эдак не так. Я склонен думать, что ты меня пытаешься разыграть.

Отец повалился наземь, держась руками за живот.

–Декс, уморил, вот насмешил, так насмешил. Я так только у цватпахов смеялся, когда они мне червей приносили к обеду. Ну, Декс...

Ящерица с изумлением смотрела на своего гостя. Разные расы по-своему относятся и переживают юмор. Декс, не лишенный этого чувства, равно как и чувства меры, в силу своей воспитанности старался не обидеть своего собеседника, тем более что законы гостеприимства почти одинаковы на многих планетах, чем и пользовался незадачливый герой–любовник. Терпеливо выждав пока Отец не успокоится, Декс пригласил гостя зайти в дом.

–Декс, ты там устроишь показ мод? Я этого уж точно не переживу.– Всхлипывал Отец.

–Будь уверен, я буду охранять твою нервную систему, ко-

торуя ты, кстати, порядком пошатнул.— Менторским тоном заявил Декс.

—Ладно, все.— Махнул рукой Отец, стараясь прекратить приступ смеха.— Шутки-шутки, а полтыквы в желудке. Все. Хватит.

Декс что-то скрипнул на своем наречии, и пластиковая дверь, которая имела абсолютно круглую форму, отворилась, приглашая спутников внутрь.

—У тебя дверь, как у хоббитов.— Сказал Отец, вытирая слезы с глаз.

—Кто такие? Не знаю никаких хоббитов.— растерялся Декс.

—Это из английского фольклора.— Сказал Отец, и в задумчивости добавил.— *With yellow brass knob in exact middle of a round door.*

Отец обратил внимание, что ручки на дверях были из блестящего желтого металла и находились точно в центре круглой двери, как некогда придумал их Толкиен. На этом сходство заканчивались. За дверью находилась большая низкая пещера, выложенная округлыми камнями, что используют на Земле для декорации Альпийских гор. Камни покрывали как пол, так и стены и потолки. Откуда-то из недр каменной стены вырывался журчащий ручеек, который весело стекал по круглым камням, змеился вдоль стены, образовывал лужицу и убегал на улицу в специально отведенную дырку. Путь ручейка был обозначен желтыми водорослями, которые с обеих сторон окружали ручеек, словно слу-

жили декоративным изыском. Около ручейка бросались в глаза несколько блиноподобных камней, которые возвышались над другими своими собратьями. Отец подошел и потрогал их. Камни были теплыми.

—Это у нас вроде стульев. Здесь мы греемся и принимаем гостей.— Прокомментировал Декс, взобравшись на один из камней. Ящер свернулся калачиком, оставив на обозрение лишь глаза на тонких стебельках.— Устраивайся, будь как дома.

—Декс, теперь я понял, почему у меня ты в гостях был как на иголках.— Сказал Отец и устроился на камне, по-турецки подвернув под себя ноги.

Освещения не было. Дверь прикрылась, и вся комната потонула во мраке. Отец подождал, пока привыкнут к темноте глаза и очень удивился, что стены фосфоресцируют. Камни, которыми была выложена стена, отливались причудливыми цветами, непрерывно менялись, образуя при этом замысловатые узоры и пятна. Отец это оценил. В пещере было сыро и тепло. Камни были еще теплее.

—Это бактерии.— Сказал Декс. Мы их специально разводим. Правда, красиво?

Отец окинул взглядом пещеру.

—Потрясающе.— Сказал он осматриваясь.

—Бактерии питаются органикой, которая оседает на камнях. А чтобы они не разлетались по всему жилищу, мы стены обрабатываем клеем. И клеевая основа, и пищевая база.

В итоге— красиво и весело.— Сообщил Декс.

Пещера имела извитой ход, в конце которого был лаз, который вел в смежное помещение.

—Это естественная нора?— Спросил Отец.

—Упаси Господи. Это моя загородная резиденция. Она стоит кругленькую сумму. Знаешь, сколько я на нее кредитов затратил? Не скажу.— Сказал Декс, когда Отец вытянулся к нему с вопросом.— Тайна.

—Разговоров нет. У каждого должны быть свои тайны. И я не исключение.— Констатировал Отец.

—Только не от меня,— заскрипел Декс, потешаясь над наивностью Отца.

—Декс, перестань в моих мозгах рыться. Это не честно.— Возмутился Отец.

Он на миг забыл, что Декс, как и его сородичи,— телепат.

—Извини, я не нарочно. Постараюсь себя в руках держать.— Извинился Декс.

—Слушай, мне всегда было интересно, почему эволюционно у вас развилась речь? Ведь вы же телепаты можете обходиться без нее.— Отец пристально смотрел на Декса.

—Так уж получается, что без нее никак. Видишь ли, телепатия— это такая штука, когда ты видишь образами мысли человека. Образы, не более. Конкретизировать их можно только с помощью речи, которая и порождает чувства. Без этого никак. Образы, они бездушные. С их помощью не сможешь передать чувства. Хотя в этом есть какая-то изюминка.

ка.— Проворчал Декс.

—Смотри у меня, изюминка. Я тебе хвост откушу, если на-
соришь у меня в мозгах.— Ухмыльнулся Отец.

—Сказал же, не буду. Чего тебе еще? Польку сплясать?—
Взорвался Декс.

—Ладно, шучу я. Декс, а в той комнате что?— Спросил
Отец, указывая на дальний конец искусственной пещеры, где
имелся лаз.

—Не что, а кто.— Поправил Декс.— Там живут мои дети.
Это их территория. По нашим законам, детская должна быть
наиболее охраняемая. К примеру, чисто гипотетически, если
в пещеру заберется ваффер...

—Кто-кто?— Удивился Отец.

—Хищник такой. Вроде змеи, только очень кровожадный и
свирепый. Так вот, если он сюда заберется, он сначала съест
меня и уберется отсюда. Сытый он не охотится. Поэтому все
держат детей в задних комнатах. Сейчас, конечно, вафферов
уже давно нигде нет, но традиции есть традиции. Сам зна-
ешь. Чем традиция бестолковее, тем ее труднее искоренить.
Да пусть живут.— Махнул в сторону лаза лапой Декс.— И мне
спокойно. Ночью мимо меня не проберутся на улицу. Я чут-
ко сплю. Хвостом их отлуплю, чтобы не шалили.

Отец себе живенько представил, как Декс лупит детишек,
похожих на саламандр, своим длинным колючим хвостом, а
наследники визжат и покрываются холодным липким потом.

—Нет, не так.— Сказал Декс.

–Ты опять?– Вскричал Отец.– Декс, что мне сделать, чтобы ты в мои мозги не лез?

–Все, забылся. Прости. Не буду больше.– Декс застенчиво опустил глаза.

–Декс, а почему у вас тут освещения нет? Иллюминация, конечно, красиво...– Спросил Отец.

–Мы хорошо видим в темноте. Нам это ни к чему.– Сказал Декс и зашевелился на своем камне.

–А дети твои где? Там, вроде бы, тихо.– Отец кивнул во внутреннее помещение.

–Разъехались. Они у меня взрослые уже. У них уже свои семьи.– Махнул лапой Отец.

–Так ты сказал, что иногда их лупишь, когда они от тебя сбежать ночью пытаются.

–Это когда они приезжают погостить.– Развел в стороны лапы Декс.

–Ты же сказал, что они– взрослые.– удивился Отец.

–Ну и что с того. Они– мои дети. Не люблю, когда они по ночам из дому уходят. Вот и получают.– Заскрипел Декс.– У нас отношение к детям не так, как у вас. Они до старости будут для нас крошками.

–Ты это моей маме расскажи. У нас все точно так же. Так что успокойся.– Сказал Отец.

Этот перелет на Адлю уменьшил состояние счета на несколько сотен кредитов. Декс пользовался правительственным каналом, поэтому мог часто навещать свой дом.

У Отца такой привилегии не было. Он рассудил так: много тысяч кредитов ему одному— перебор. Истратить все их он все равно не сможет, так пусть будет Адло. Перелет занял несколько мгновений, с которыми Отцу волей-неволей пришлось мириться, и нимало не утомленный, он очутился на этой дружественной планете, населенной ящерами, обладавшими помимо высокого разума, еще и телепатией.

—Декс, слушай, при всем моем уважении, может у вас такие законы гостеприимства, только мне надоело сидеть, простату морозить. Пойдем на воздух.— Сказал Отец вставая.

Низкие потолки жилища не позволяли Отцу вытянуться в полный рост, посему он стоял, словно Трибун, изображая всем своим телом знак вопроса.

—Камни теплые, ничего ты не заморозишь.— Сказал Декс, вставая на свои четыре лапы.

—Давай, давай. Здесь хорошо, только я не за тем к тебе прилетел, чтобы в сырой норе валяться. Там погодка стоит потрясающая.— Сказал Отец и направился к двери, сделанной из добротного прочного пластика.

Декс последовал за неутомимым странником, кряхтя что-то на своем наречии.

—Декс, а жена твоя где?— Спросил Отец, очутившись на дворе.

—Жены? Они в городе. Где ж им еще быть?— Ответил ящер.

—А с собой их не берешь? Здесь так красиво.— Отец раски-

нул руки в стороны, люблюсь необычными пейзажами этой неведомой планеты.

—Что ты,— Замахал Декс лапами.— Они здесь все загадят. Они в своем то стойле все камни разгрызли. Не хватало их сюда притащить. После них ремонту не оберешься. Да и никто не поймет меня. Ты бы к себе в дом мог привести корову?— Декс пристально смотрел на Отца.

—Корову?— Задумчиво произнес Отец.— Корову— нет. А телку— это всегда пожалуйста. У нас это практикуется.

—Ни разу не видал.— Произнес Декс.— Видимо я вас плохо знаю.

—Ладно, Декс, не печалься. Это такая шутка, потом объясню. Но насчет жен тебя прекрасно понял. А кто же за ними ухаживает? Ты нанимаешь кого-то?

—Отец.— Строго сказал Декс.— Машину и жену не дам никому. Понял?

—Я тебя обидел? Извини, не хотел.— Сказал искренне огорченно Отец.

—Ладно.— Примирительным тоном произнес Декс.— Я делаю скидку на твою неосведомленность. Жен не принято даже показывать. Только ты ее купил, потрудись, чтобы ее больше никто не видел. Это такое правило. Охотников до замужних баб всегда хватало во все времена. Взять хотя бы тебя... за ними автоматы ухаживают. Сена свежего, нечистоты убрать.

—Это точно. За ними нечистот всегда хватает. Нам нужно

у вас эту традицию перенять.— Грустно молвил Отец.

—Брось ты. Выброси из головы свою самку. Таких как она в ряд поставь, по спинам до цватпахов дойдешь. Нашел из-за чего переживать.— Сплюнул Декс.— Опять же, сам виноват. Сколько тебе умных людей говорили: не суйся, не суйся туда. Так нет, герой. Все ему по плечу, все для него пустяк. На то и напоролся, за что весь год боролся.

—Ладно ты. Под кожу лезешь.— Проворчал Отец.— Все вы умники.

—А ты не обижайся. Я тебе добра желаю.— Сказал Декс.

От дома вела тропинка, уходящая куда-то в лесок, стоящий на берегу речки, которую при хорошем разбеге можно было перепрыгнуть. Берега были пологие и засажены каким-то декоративным кустарником с пурпурной листвой, похожей не барбарис. На другом берегу река плескалась в круглых серых камнях, заросших густой зеленой бородой из тины. Пригорок, что стоял на коленях возле реки, зарос могучими деревьями, у которых с веток свисали воздушные корни, и, сплетаясь у самой земли в коричневые клубки, уходили в почву. Из широких листьев растений без труда можно было свернуть себе пилотку, такие они были огромные. Вдоль дорожки, ведущей от дома Декса, тоже росли подобные гиганты, только были прорежены заботливыми лапами садовников. Стволы, словно толстые змеи переплетались меж собой, образуя местами непроходимую коричневую стену, из которой росли немислимые по своим размерам листья. Кустар-

ники, составляющие вторую нишу Адлеанской экосистемы, имели вид маленьких баобабов, что растут на Земле. Толстые стволы жадно вгрызались в почву огромными, как анаконда, корнями. Ветви усыпаны сплошь мелкой листвой.

—А здесь синее небо.— Мечтательно произнес Отец.— Как на Земле.

—Атмосфера здесь кислородная, так что ничего удивительного нет.— Поддакнул Декс.

Друзья шли по тропинке, которая ветвилась меж зарослей деревьев и кустов. На Цватпе все дорожки были усыпаны хвоей, здесь же она была покрыта корнями растительности, буйно растущей в таком благоприятном климате.

—Декс, я вот к тебе по какому вопросу...— Начал Отец.

—Ну, наконец-то,— проворчал Декс.— Я уж было подумал, что до главного мы и вовек не доберемся.

—Так вот. Я тут узнал, что мою установку...

—Твою? Вот это сила воображения, прости, продолжай...— Хихикнул Декс.

—А ты не скалься. Я тебе на день рождения ваффера подарю, будешь зубоскалить. Мою установку. Я ее придумал. Я ее собрал.— Взревел Отец.

—Твою, твою. Кто спорит?— Декс присел на хвост и поднял лапы вверх.

—Ее разобрали.— Закончил Отец.

—Ну?— В вопросительном ожидании застыл Декс.

—Загну. Я узнал, что к этому ты имеешь отношение. На-

стал момент истины, дорогой.— Сказал Отец. Теперь ход перешел к ящерице— телепату.

—А что тут рассказывать? Цватпахам она не нужна...— Начал он.

—Правда? Вот это здорово. Это кто так решил?— Язвительно произнес Отец.

—Не я и не ты. У цватпахов своей головной боли сейчас хватает. У них техническая революция идет полным ходом. Это, кстати, тоже твоя заслуга. Мы решили, что эта установка должна быть государственной собственностью, то есть, собственностью Конфедерации, поскольку очень она... как это можно сказать? Уж больно она всемогущая. Тем более что цватпахи против не были, да и применение ей будет очень даже по назначению. Инвизы, помнишь?— Спросил Декс.

Они вышли на полянку, где из корней растений, торчащих из земли, были устроены беседка со скамьями в виде плюшек, да столика. Друзья расположились в естественном укрытии с прекрасным видом на реку и на буйную растительность, заполнявшую собой все видимое пространство.

—Как не помнить. Это они, похоже, брата забрали.— Сказал со вздохом Отец.

Декс что-то скрипнул в сторону, и вокруг полилась тихая нежная мелодия, располагающая к мирной беседе двух представителей разумных рас.

—Ну вот, сам видишь. Это в интересах всего общества на-

ладить с ними продуктивный контакт. И для тебя, ты сможешь узнать у них о брате, и для нас, нам нужно сотрудничество.— Развел лапами Декс.

—Ее смонтируют в точке прохода? Я правильно понял?— Спросил Отец.

—Именно, батенька, возьми с полочки пирожок.— Декс развернулся к Отцу сразу двумя стебельками глаз, что случилось крайне редко.

—Я так вот разумею.— Задумчиво сказал Отец.— С помощью установки можно проникнуть в гиперпространство. Почему нельзя это было сделать на орбите Цватпы?

—Много причин. Во-первых, близость с населенной планетой. Разное может случиться. Во-вторых, попытки были. Небольшие, но были.— Сказал Декс.

—Как так, были?— удивился Отец.

—Техники пустили туда пару разведывательных роботов, но они не вернулись. Забрать их оттуда не представлялось возможным. Нужна точно такая же установка с той стороны, чтобы их вернуть. А ее там нет. Так что роботы были потеряны безвозвратно и неизвестно. В точке прохода— другое. Если мы сможем отправить туда робота, возможно Инвизы его смогут увидеть, ну, или что-нибудь в этом духе...ответить нам, или вернуть его с пробами. Возможно, получится, скажем, расширить точку прохода до портала, чтобы с ними на другом уровне уже завязать контакт.

—А ты здесь какую роль играешь?— Спросил Отец, разгля-

дывая необычный парк, который раскинулся перед беседкой.

–Ну, как же? Я ведь ксенобиолог, если ты помнишь. Если будет контакт, у меня там работы будет, мама не горюй.

–Когда установку смонтируют?– Спросил Отец.

Декс сделал движение, отдаленно напоминающее пожатие плечами, из чего Отец заключил, что ящер в сроках не ориентирован.

–Ну, хоть примерно?– Настаивал Отец.

–Честно, не знаю. Несколько дней по-любому нужно будет. Я слышал, что ты с федералами пытаешься найти шлюп, на котором ты весь этот цирк устроил?– Вопросом на вопрос ответил Декс.

–Ты уже в курсе?– Удивился Отец.

–Слухами вселенная полнится. Мир не без добрых людей, да и ты мне не чужой, поди.– Засмеялся Декс.

–В родню ко мне записался? Что ж, пусть будет так.– Парировал Отец.– Будем друг другу открытки на Рождество присылать.

–У нас здесь на Адло другая религия.– Замотал головой Декс.

–Кетцаль Коатль? Он на вас внешне похож?– Продолжал ухмыляться Отец.

–Не будем об этом.– Резонно заметил Декс, чтобы не оскорбиться самому и не оскорбить Отца.

–Ладно, вернемся к нашим баранам. Был ли мальчик? Я имею в виду брата?– Кивнул Отец, уходя от щекотливой те-

мы.

– Вот наладим установку, там и разберемся.

– Хорошо. Декс, ты все так складно рассказываешь, будто хочешь, чтоб я тебе поверил. – Сказал Отец.

– Как есть, так и рассказываю. – Огрызнулся Декс.

– Вот сам посмотри, как это я все вижу. Когда меня в первый раз забрали, изучали меня, к точке прохода возили, когда поняли, что не я – ключ к разгадке неведомых Инвизов, тогда решили меня в прошлое не возвращать, я имею в виду в мое время. Стоило мне улететь к цватпахам, и самому без помощи вернуться к себе, все решили, что меня лучше всего вернуть в мое время, при этом снова забрали сюда. Где логика?

– Не все так просто, Отец. Сам посуди, теперь уже, как это вижу я. Тебя забрали, чтобы разрешить загадку с Инвизами. Не вышло. Только решение о твоём возвращении не было принято. Не путай: «решили не возвращать» и «не решили вернуть». Это две большие разницы. Здесь, мне кажется, вплетаются временные парадоксы, а вернее их будет назвать временные законы и причинно-следственные связи. Когда ты был здесь в первый раз, установка цватпахов никакой роли в твоей истории не играла. Она стала значимым звеном только тогда, когда ты ее преобразовал и придумал, как покинуть наш пространственный континуум. Затем, ты возвращаешься в свое время и там у тебя пропадает шлюп. Это серьезный темпоральный артефакт. Его нужно найти,

чтобы он в твоём времени никому не попал в руки, затем, тебя нужно будет вернуть в твоё время, когда все причинно-следственные связи восстановятся. Не раньше. Я не физик и не временщик. Мне трудно судить об этом, но мне кажется, что так все сходится.

–Логично.– Согласился Отец.

Действительно, это было похоже на правду. В первый раз, когда он побывал в этом времени, многих цепей единой логической цепочки, простирающейся на века и парсеки расстояния, не было. Сейчас более или менее все ясно. Остается последний шаг. Найти шлюп и определиться с Инвизами, у них ли брат, или его нет. Если его нет и у неведомой цивилизации из параллельного мира, значит, остается последнее— искать его в родном и тихом двадцать первом веке.

Отец вспомнил, что в базе данных он нашел сведения, что Дэн окончит свой горный институт и будет себе спокойно жить дальше. Может статься, что он оказался где-нибудь в лесу. Можно предположить, что для одной токи пространства произошло слишком много темпоральных перемещений, и сыграл какой-нибудь еще неведомый темпоральный эффект или артефакт, о котором еще неизвестно науке. Кто его знает, может, его темпоральной волной отбросило, к примеру, на сутки вперед или назад. Значит, он сейчас в своём времени, только с опережением или опозданием на сутки. Возможно, он через эти самые сутки выйдет из лесу и продолжит свою нормальную жизнь, ничего не подозревая. Та-

кое тоже возможно, поскольку не доказано обратное.

Итак, последнее слово за Инвизами. Что поведают они? Нужен шлюп. Декс говорил искренне. Он не любил обманывать, Отец в этом не раз убеждался, очень мало шансов, что именно сейчас ящер вздумал солгать. Как оказался прав Трибун. Его прогнозы никогда не давали осечку.

Синие прозрачное небо над планетой Адло, что крутилась вокруг красной звезды Веги, дарило этому миру аквамаринную благодать. В вышине меж деревьев порхали небольшие летучие ящеры, тоненько попискивая. Даже с высоты бреющего полета были различимы их кожистые, натянутые на тонкие косточки, крылья, сверкающая в косом свете чешуя, да хвосты, которыми они ловко цеплялись за ветви деревьев, которые, как казалось, тоже были покрыты кожей. Насекомые, которых здесь было больше чем у дурака махорки, ползали в густой траве, летали меж кустов, вгрызались в деревья. На Земле сейчас осень. Когда Отец покинул свое время была тоже осень, здесь— лето. Удивительная пора— лето. Летом царит веселье и радость, которую не добудешь осенью. Летом все радует глаз. Даже неведомая трава, которая может оказаться и ядовитой, которой и названия то не знаешь, все одно радует. Радует и небо, даже такое, как это, которому много тысяч лет пели песни удивительные ящеры—телепаты, радует и оно. Радует и светило, которое с Земли кажется тусклым пятнышком, здесь оно— бог и царь. Радует и безмолвие, которое ютится в сказочных змеевидных дере-

вьях, будет радовать и бриз, дошедший до лица вдоль реки.

Очень странно устроен человек, нашедший свой разум в более чем двадцати шести световых годах отсюда, которому в силу далеких расстояний не велено насладиться видами других звездных систем. Мало того, что он проник в уголки вселенной, куда и свет долетает за многие года, он набрался смелости судить, что красиво, а что безобразно. Видимо, красота не имеет пределов, которые можно ограничить парсеками и миллиардами километров, видимо, для красоты нет различий между расами и жизненными формами. Красота— понятие универсальное, а, значит, красота в этом мире— главный закон, вокруг которого развивается вселенная.

Красиво это небо, эта река, в которой водятся неведомые животные, красив этот необычные змеевидный лес с его огромными зелеными кожистыми листьями. По-своему прекрасен Декс, коль скоро он не съел Отца, и звездный странник не имел потенции съесть его. Красива пещера, на постройку которой ящер потратил неведомое количество кредитов Конфедерации, красивы и стены ее, выложенные круглыми камнями и удобренные фосфоресцирующими бактериями, которых на Земле отродясь не водилось. Наверняка по-своему красив и хищный ваффер, пожирающий сначала Декса, а потом возвращающийся за его отпрысками. Красива и эта беседка, сплетенная из корней неведомых растений, в которой разливаются красивые звуки, дарящие спокойствие и хорошее расположение духа.

–Декс, нельзя ли мне скопировать этот пейзаж в мою базу?– Спросил Отец, отвлеченный от беседы красотой этого далекого мира.

–Ну, почему же нельзя? Попроси Басмача, чтобы он с твоей коры головного мозга скопировал эти ощущения. И будет тебе пейзаж.– Сказал Декс.

–Ох, не нравится мне такая идея. Чтобы Басмач в моих мозгах рылся.– Покачал головой Отец.

–У тебя выбора все равно нет. В базе и в конверте это происходит, хочешь ты этого или нет.– Сказал Декс.

–Знаю. Это так, риторический вопрос.– Кивнул Отец.

–Что, понравилось здесь?– Улыбнулся Декс.

Отец поднял вверх большой палец, тем самым, констатируя согласие с Дексом в отношении совершенства форм его мира.

–А что я тебе говорил? Помнишь, при нашей первой встрече ты как себе представил нашу планету?– Язвительно произнес Декс.

–Помню.– Согласился Отец.– Только видел пока я этот уголок, может там, за холмом все иначе...

–Поверь мне, нет. Здесь везде красиво, даже на полюсах. Мы, кстати, недалеко от южного полюса. На экваторе очень жарко. Там не для людей атмосфера, но все– равно красиво. Если хочешь, я тебе могу экскурсию организовать. Это для меня– раз чихнуть.

–Нет, спасибо, Декс. Я к тебе так, на пару минут зале-

тел, поболтать захотелось. Сейчас я назад отправлюсь.— Отец скрестил руки на груди, отклоняя такое лестное предложение.— Хотелось просто успокоиться, развеяться.

—Крутые у тебя нравы. Чтобы поговорить, ты мог меня по телевизиду вызвонить. Лететь за восемь парсеков, чтобы просто поболтать... Это тебя с очень интересной стороны характеризует. Отец.— Удивился Декс.— Я думал, ты у меня пару тройку дней погостишь. Я тебя бы со своими сыновьями познакомил.

—Нет, Декс, спасибо на добром слове. Дела меня ждут.

—Какие у тебя могут быть дела? Что ты несешь.— Возмутился Декс.

—Только у тебя могут быть дела, старая ворчливая ящерица.— Язвительно произнес Отец.— У меня с федералами остался незаконченный разговор. Про шлюп помнишь?

—Ну и что, шлюп? Я понял, что ты с федералами уже имел беседу. Они дальше и без тебя справятся.— Махнул лапой Дексаметазон.

—Не хочу в стороне находиться, когда будет моя судьба решаться. Я должен из первых рук узнать про брата.— Ответил Отец.

—Ты думаешь, они тебя подпустят к шлюпу?— Декс фыркнул.— Они тебя и на пушечный выстрел к нему не дадут подойти. Что, ты федералов не знаешь?

—Знаю.— Отец опустил глаза, вспомнив про Петровича, который из добродушного дядьки в поезде превратился в ма-

шину без страха и упрека в далекой Рузаевке.— Только и я чего-то стою?

—Отец, если тебе каким-то неведомым способом удалось увести шлюп с Харона, это еще не значит, что тебе все дороги в этом мире открыты.

—Мы еще посмотрим, за чьей баней горка выше.— Усмехнулся Отец. У него есть Трибун, уж он-то сможет все данные, сокрытые федералами, выудить.

—У тебя здесь и состояние есть, какое-никакое. Отдыхал бы, веселился, а от федералов подальше держался.

—Какое состояние? Семь тысяч этих? Нужны они мне больно. Все мои вещи— живот, да клещи. Я их все равно ваши кредиты в мир иной не заберу.— Отмахнулся Отец.

—Дело, в конце концов, твое. Только, об одном тебя попрошу, не делай больше глупостей. Космос и время не терпят ошибок. Ты это лучше меня знаешь. У тебя больше шансов не будет на счастливый исход. Помни об этом.

—Нострадамус, ты погоду не предсказываешь? Займись лучше облаками.— Закипел Отец, и, фыркнув, добавил.— Учительница первая моя.

—Ты есть хочешь?— Спросил Декс, переводя нравоучительные речи на гастрономическое направление.

—Нет, Декс, не хочу.— Замотал головой Отец.— Не хочу быть отравленным.

—Больно и нужно было.— Весело хлопнул по плечу Отца Декс.

—Я намеки с первого раза понимаю. Мне пора.— Сказал он вставая.

—Я тебе вовсе не намекал ни на что, это всего лишь дань гостеприимству.— Сказал Декс.

—По законам гостеприимства ты мне должен был это сперва предложить.— Сказал Отец.

—Это по вашим законам. У нас немного не так все.

—Декс, спасибо за гостеприимство, нет. Мне пора.— Отец направился в сторону пещеры Декса, где прямо под открытым небом блестел черной пастью своей выход.

Великая вещь— стандартизация. Во всех уголках вселенной, куда протянулись липкие щупальца Конфедерации, были одинаковые терминалы выходов. И на тусклой Проксиме Центавра, и на Кассиопее и на Веге, что в созвездии лиры, и на Фомальгауте, что в южной рыбе, и на Бетельгейзе Ориона, и на Проционе Малого Пса, везде одинаковые арки с черным блестящим зеркалом выходов. Скоро они будут и на Цватпе, которая Отцу была дорога, как память.

Поравнявшись с выходом, Отец протянул руку ящере, облаченному в семейные трусы с дыркой для хвоста.

—Давай, Декс, не поминай лихом. Будешь на Земле, захаживай. Аланина у меня пруд пруди. Не поскуплюсь.

Декс что-то проскрипел, что Отец рано покидает гостеприимную планету, про то, что он чувствует себя не в своей тарелке от стремительного бегства Отца, еще что-то в этом же духе. Звездный странник не стал слушать сантиментов,

только показал язык ученому— ксенологу и скрылся в черноте выхода.

Счет Отца неукоснительно падал, а его самого тонкой пленкой размазывало на восемь парсеков пространства от системы Веги до родной и уютной солнечной системы. На берегу тихой заводи его уже с нетерпением ожидал Басмач. Он нервно расхаживал с маленьким коалой в руках, что-то ворча себе под нос, поминая непотребным чью-то мать.

—Чего ворчишь, земляк славного скульптора?— Спросил Отец, принимая медведя на руки.

—Тут федералы меня уже заклевали. Тебя хотят. Отдай ты им шлюп, и дело с концом.— Проворчал Басмач.

—Пусть забирают. Нужен он мне.— Сказал Отец.— Где они?

—Сказали, что как вернешься, чтобы им перезвонил. Они координаты оставили.

—Давай их сюда, мне не терпится взглянуть в эти алчные глаза.— С усмешкой на устах молвил Отец.

Меж деревьев вытянулся экран телевида, на котором, не медля и секунды, явилось добродушное лицо Поспелова.

—А, Отец родной.— Сказал Поспелов, широко улыбаясь. От его лучезарной улыбки кожа лица собралась в складки, словно у шарпея.— Ты ни чем не занят? Давай к нам сюда. Про шлюп переговорим.

—Вовик, я же тебе все сказал,— для виду заупрямился Отец.— Что еще нового я могу вам добавить?

—Давай к нам, на местности рекогносцировку устроим.—

Махнул рукой добродушный федерал.

–Басмач,– кинул через плечо Отец,– координаты знаешь?

–Так,– покачал рукой сварливый модератор,– семь-восемь.

–Тогда, дай мне выход.– Скомандовал Отец.

Очутился он в широком офисе, запруженном людьми, гуманоидами и невиданными доселе существами, которые на том или ином месте носили металлическую пряжку с изображением колоса, многопалой руки и кинжала, эмблемой Федеральной Службы Охраны Государственного Порядка. Люди и гуманоиды крепили пряжку к одежде на правом плече. Проходившая мимо на длинных ногах птица несла эмблему на манер медали на перевязи на шее, огромных размеров лягушка прикрепила эмблему к спине, а какой-то слизень таскал ее прямо на голове, и от этого был похож на пиявку фашистских наклонностей.

Отец растерялся в шуме и толкотне, царившей в помещении, где представители федеральных служб носились, словно Броуновские тела, без видимого на первый взгляд порядка. За конторкой сидел человек в форме и с лысиной, благодаря возвышенному положению мог обозревать обстановку на все сто восемьдесят градусов вокруг. Видом клерк был очень разумным и строгим, посему утвердил Отца во мнении, что на все его вопросы он получит ответы. Немного осмотревшись, Отец направил свои стопы к лысому распорядителю, обходя слизней и жаб, которые оставляли липкие следы на чистом

мраморном полу, на котором красной крошкой было выведено: «Последняя Линия Обороны». В двух словах Отец обозначил свою проблему, и, получив строгий и лаконичный ответ, направился по длинному коридору, на который указал служака. Несмотря на очень представительный вид, языком он ворочал плохо, поэтому речь его казалась невнятной и оскорбительной, хоть и быстрой. И когда он указал Отцу на коридор, который должен был привести звездного странника к заветной цели, Отец подумал, что служака послал его к этакой-то матери, при этом громко хлопнув носом. Пройдя несколько шагов по коридору, Отец увидел знакомое добродушное выражение небритого лица Поспелова. Ускорив шаг, он, не успев отойти от суеты главного холла, пожимал уже теплую огромную руку федерала.

–Что ты мне не дал координаты своего кабинета?– Проворчал Отец.

–Что ты, родной, это же– федеральная служба. Тут этот номер не пройдет. Только люди с допуском могут ими пользоваться.– Сказала добродушный федерал и подтолкнул Отца к пластиковой панели, на которой предстояло пройти идентификационные тесты.

Дактилоскопическая панель, голосовая идентификация и иридодиагностика заставили пластиковую панель отползти в сторону, давая проход Отцу и федералу в служебные покои Темпорального Отдела.

–Володька, ты же оперативник? Что ты делаешь в Темпо-

ральном отделе?— Спросил Отец.

—А нам с тобой и предстоит заняться оперативной работой. А темпоральный отдел...— Он немного замялся, затем продолжил.— Это уж ты мне объясни.

Отец с Пospelовым минули проход и оказались в холле чуть меньшем, чем приемный. Помещение было уставлено стойками органических синтезаторов, чтобы мозги федеральных агентов не страдали от гипогликемии и нехватки допинга в виде кофеина в различных растворах и суспензиях. Здесь же стояли терминалы компьютеров и телевидов, возле стены висели белые фарфоровые раковины, которые, когда из них не пили, несли декоративную функцию, исполняя роль миниатюрных фонтанных композиций. В нишах холла, маскированных игрой света и тени, расположены были выходы, возле которых располагались идентификационные панели.

—Это еще зачем?— Спросил удивленный Отец.

—Конспирация, друг сердечный.— Гордо молвил Пospelов.— Чтобы проникнуть в служебный холл, на это нужен определенный доступ, но чтобы проникнуть в темпоральный отдел, тут, батенька, другие замки висят. Этот холл находится, один Бог знает где, а темпоральный отдел вообще у черта на рогах. Причем туда можно попасть только из этого холла. Это чтобы враги не догадались.

У федералов, как и у военных со смекалкой всегда были великие проблемы, а логика не поддавалась ни каким расче-

там и объяснениям.

Отец помнил, как на первом ознакомительном занятии на военной кафедре в институте подполковник Д...ов, заместитель начальника обозначенной кафедры, начал лекцию с курса в географию и историю Родины такими словами: «Россия находится между севером, югом, западом и востоком. То есть посередине».

С такой логикой трудно поспорить, равно, как и объяснить ее, посему студенты решили эту фразу считать догмой, не подлежащей сомнению, осмыслению и доказательствам. То, что Россия находится посередине, устраивало всех. Стало очень удобным рассматривать мир с точки зрения Российского централизма. Получалось, что немцы на планете находились чуть ниже пупка, Америка же находилась с другой стороны, много ниже поясицы. Такое положение дел студенты обмозговали за столиками в темном полуподвальном «Шлоссбурге», разливая пенное пиво и распевая патриотические песни. Позже уже ни у кого не оставалось и тени сомнений, что Россия находится посередине, жалко было лишь Америку и Японию, которые заняли почетное место ягодиц на теле нашей родной планеты.

Та секретность, которой федералы окружили темпоральный отдел, Отца, по большому счету, не удивила. Хотелось лишь проложить некоторые параллели между этим миром и тем, в котором родился и выжил звездный странник. И параллели выглядели далеко не в пользу последователей воен-

ных двадцать первого века. Любовь к конспирации и шпионским трюкам последователи Железного Феликса пронесли горделиво на своих плечах сквозь столетия, не обременяя себя никакими условностями и небрежением к правому делу.

Ну, что ж, думал Отец, у каждой Машки свои подтяжки. Пусть играют в Бондов, если им так хочется, только бы не мешали жить остальным. Если кому-то хочется жить в бункере за семью печатями, значит им так нужно. Быть может это следствие родовой травмы или нереализованных сексуальных фантазий или детского страха? Может, у них есть на то свои причины?

Другое помещение, в которое их отправил федеральный канал транспортировки, оказалось на удивление скупым и аскетичным. В ряд стояло несколько столов, на которых крепились терминалы компьютеров, стулья, ряд ламп, установленных над столами, да несколько следящих видеокамер, висящих под потолком. В помещение находилось несколько человек, которые уже ждали Отца с его провожатым. Отец догадался сразу, что ждали именно его, поскольку при появлении взоры федералов были обращены на него и его спутника. Разговоры смолкли, как по мановению волшебной палочки.

Поспелов просто представил своим коллегам Отца и указал на стул, который одиноко стоял в центре комнаты. Робея, Отец побрел к своему месту, уселся на него и стал ожидать допроса, который не замедлил начаться. Федералы располо-

жились за столами. За их спинами включились софиты, направленные на Отца, от яркого света у последнего случилась нервная дрожь. Слепящие лампы напоминали ему задворки гестапо, которые Отец в детстве видел в военных фильмах. Румяные лица федералов превратились в черные силуэты. Не было возможности разглядеть их лица и выражения. Прессинг начался.

–Ребятки, козлятки, давайте эту иллюминацию выключим, не то мои запираательные мышцы расслабятся от такого страха.– Сказал Отец.

По комнатке пронесся неодобрительный ропот. Стоящие в тени федералы не привыкли к таким речам. Отец расслышал негромкую команду, приписывающую Отцу отправиться куда-то далеко, где мужчине находиться не по физиологии. Отец коротко ответил невидимому собеседнику, что он не против пойти туда, если тот пойдет первым. По залу прокатился приглушенный смешок. Отец немного расслабился. Человек, который чихает или смеется, не должен быть особенно строг, это он запомнил еще с детства, когда мама ему читала книжку про деревянного бездельника Буратино.

–Как на счет света?– Спросил Отец, не боясь повториться, поскольку знал, что федералы не стесняются повторять по двадцать раз свои глупые вопросы.

–Облезешь.– Заявили из темноты блестящие масляные глазки.

–Не поперхнетесь?– Осведомился Отец.– Аллергии ни у

кого нет? От меня коты чихают, что из шкуры выпрыгивают.

Короткая перепалка все же принесла свои плоды. Софиты были потушены и в глазах вдруг стало темно, затем на смену жестким черным силуэтам пришли розовощекие холеные физиономии агентов федеральной службы, что из темпорального отдела.

—А вы, ребятки, понимаете по-русски? Очень рад это знать.— Сказал Отец, обводя федералов взглядом.

Он чуть не подпрыгнул на месте, когда увидел агента с каменным, словно у индейца лицом. Этот самый федерал заставил Отца чувствовать себя зомби и быть счастливым от тихого дыхания себе подмышку и созерцания его великого эго.

—Петрович, баран...— Воскликнул Отец, указывая на него пальцем.— Какого лешего этот садист тут делает?

По комнатке снова прокатилась волна сдавленного смеха. Часть федералов зажимали кулаком себе рты, бросая косые взгляды на матерого темпорального оперативника. Пospelов отвернулся к стене, чтобы предательский смех не выдал его. Лишь Петрович хранил суровую сосредоточенность и молчание.

Бесцветный мужик в вежливых выражениях, заканчивающихся большей своей частью на мягкий знак, попросил Отца не комментировать больше именитого агента в подобной форме и иметь достаточно выдержки, чтобы к утру закончить начатое расследование. Отец, ободренный вольной раз-

говорной формой, к которой прибегал сам очень часто, объяснил, что в присутствии Петровича, которого он по-своему очень уважает, разговора, и тем более диалога не получится, и что было бы не плохо, если обозначенный заслуженный агент испарится в ту сторону, где его Кузькина мать не учует.

Петрович молча вышел из помещения. Отец почувствовал себя Наполеоном-победителем. Это была лишь маленькая месть федералу за его бесцеремонное отношение к Отцу там, в тихом двадцать первом веке, когда за похищение человека очень строго карали. В своих мечтах он разделялся с докучливым федералом много жестче, посему в грезах в стороны летели куски человечины и запекшейся на открытом огне крови.

Допрос начался. Вопросы сыпались с разных сторон строя федералов, на которые Отец старался отвечать быстро и по возможности точно. Федералы начали сбор анамнеза с того момента, когда Отец оказался на Плутоне. Он скрыл от них причастность Мормона ко всей этой истории, ни словом не обмолвился о Трибуне, которого стал еще больше уважать после его демонстрации решимости в его виртуальном мире. Федералы, помимо розыска шлюпа, старались навести Отца на след соучастников, не без основания полагая, что такое весьма сомнительное и непростое предприятие как похищение спасательного шлюпа, приписанного к Марсианскому летному отряду, обошелся без подельников. Отец объяснял, что сведения о спасательном шлюпе он нашел в глобальной

базе данных, где подобные сведения лежат свободно без грифов секретности.

— Можете проверить. — Сказал Отец. — В этом тайны нет никакой. Он находился в доке на Хароне, где проходил текущее техобслуживание. Если хотите, я найду вам сейчас еще дюжину готовых к отправлению шлюпов.

— Проверим, — кивали головами федералы. — Обязательно проверим. Не думаешь ли ты, что мы можем верить на слово?

— Ни капельки не сомневаюсь. — Соглашался Отец, хотя в душе искренне надеялся, что его тайна останется тайной.

Не мог же Трибун не просчитать такой ситуации, как захват Отца федеральной службой и допрос с пристрастием? Наверное, он вычислил процент вероятности своего обнаружения. Если бы вероятность была не в его пользу, он не стал бы помогать Отцу. Значит, цифры говорили в пользу странника, что он сможет отбиться от служак. Наверное, так, хотя, не факт.

Затем федералы перешли к наступлению, стараясь разведать у Отца, каким способом он пролетел через всю галактику незамеченным. Отец не стал лгать. Чем больше врешь, тем больше шансов самому попасть в лужу. Он рассказал о маршруте, который разработал для него Трибун, утверждая, что Отец сам до него додумался. Федералы не верили ему, это было видно по учащающимся повторным вопросам. Такая тактика Отцу была знакома понаслышке. Таким обра-

зом, служаки пытались запутать Отца, чтобы тот нехотя дал им ниточку к дальнейшему расследованию. Отец старался держать свою линию: он сам разработал маршрут, сам нашел шлюп, сам запрограммировал порталы на этот дикий проемнад по Млечному Пути, сам написал вирус, чтобы сбить федеральную службу с толку.

—Ребятки. Вы там что-то на счет утра говорили? Здесь шумно, или я ослышался?— Забеспокоился Отец, когда давление федералов стало невыносимым.— Вы к утру какого года собирались со мной закончить?

—Не шути, Отец. Твое положение серьезное. Говори, как все было.— Настаивали они.

—Я вам все сказал. Это все придумал я.— Злился Отец.

—Ты не мог.— Утверждали федералы.— Если это ты написал вирус, который подкинул в сеть порталов, ты— преступник. Но ты не мог этого сделать, потому что не знаком со многими алгоритмами.

—Вы мне про алгоритмы не говорите ничего.— Ворчал Отец.— Мой счет проверьте. Я его заработал на моих собственных алгоритмах.

Отец посмотрел на бесцветного мужика, который особенного на него наседал. Странник решил, что он здесь главный. Бесцветный мужик покосился на Пospelова, тот едва заметно ему кивнул.

—Ну, хорошо. Сам ты написал вирус. Каким образом ты проник в федеральную сеть? Эта сеть имеет определенное

количество терминалов. Они все известны. Или были известны. У тебя есть выход на федеральную сеть с неизвестного терминала?

—Когда меня возили к точке прохода, на катере я и использовал вашу собственную федеральную сеть.— Упрямылся Отец.— Я оказался умнее вас. Понимаю, неприятно осознавать, что вы своего противника недооценили. Вам минус, мне плюс.

Федералы старались держаться ровно, однако раздражение и усталость стали скрывать плохо. Отец тоже устал. У него затекли ноги, в горле пересохло, на лбу выступила предательская испарина. Странник уже пожалел, что отправился на очередную авантюру с федералами. Нужно было отсидеться дома, они и сами бы нашли шлюп. Какое-то время спустя он с Трибуном залез бы в их базу и выудил оттуда все, что его интересовало. Нет. Трибун сказал, что Отцу необходимо с ними сотрудничать. Это было сказано в тоне распоряжения или приказа. Отец обязан сотрудничать с агентами федеральной службы. Это по-другому растолковать невозможно. Да и дома бы его не оставили в покое. Властью, данной им Конфедерацией, они проникли бы на берега тихой заводи и устроили ему этот унижительный допрос. Ну что же, будем двигаться дальше, думал Отец, коль другого выхода нет. Один его знакомый говаривал, что если тебя съели, у тебя есть два выхода. Будем искать нужный.

—Мужики, давайте ближе к телу. Вы хотели узнать про

шлюп? Не пора ли забыть про Плутон.— Устало произнес Отец.

—До него мы дойдем, не торопи коней, бродяга.— Сказал бесцветный мужик.

Федералы не скупилась на вопросы. Отец с усталости чуть не валился со стула. Спина ныла нещадно. Голова разболелась, будто ему в глазные щели насыпали горсть горящих углей. Федералы интересовались терминалом, с которого в федеральную сеть был пущен вирус. Они не могли взять в толк, что вирус после своего дебюта уничтожился.

—Как он мог уничтожиться?— Спрашивали федералы.

—Это всего лишь программа. Очень просто. В конце описания вируса делаете сноску, чтобы он уничтожился. Delete this program. Все очень просто. Мужики, вы как с Луны свалились.— Отвечал Отец.

—Вирус не был обнаружен антивирусной службой. Значит, ты использовал что-то другое или кого-то другого, кто тебе в этом помогал.— Настаивали федералы.

—Чтобы вирус был обнаружен. Он должен хотя бы просуществовать некоторое время после своего первого пуска. А мой вирус в конце своей программы самоуничтожился. Понимаете? Нет, ничего вы не понимаете.— Устало вздохнул Отец.

—Ты что-то не договариваешь.— Федералы давили на Отца как могли.

—А с какого перепуга я вам должен говорить? Вы мне кто?

Крестные? Или сватья-братья? Вы мне— кони с горы. Уже в печенках у меня сидите. Вот вы где у меня уже.— Отец провел ребром ладони по горлу.— Хотите, чтоб я замолчал? Хорошо! У меня терпения хватит.

—Бунт на корабле?— Спросил бесцветный федерал.— Мы можем тебе просто мозг промыть. Нам это не составит особого труда. Только будешь потом полным идиотом.

—Попробуйте. Греха не оберетесь. Я общественность так подниму. Революцию захотели? У меня все еще свежо в памяти. Старик Ленин хорошо научил.

Бесцветный агент решил немного спустить пары, чтобы Отец не замолчал. На такие крутые действия, которыми пугал Отца, он не посмел бы пойти. Случай не тот. Если бы Отец угрожал общественному порядку или правительству, тогда другое дело. Банальное похищение какой-то старой посуды, которая едва не развалилась при транспортировке через транспортные порталы никак не походила на террористический акт. Вирус, который не причинил вреда системе, который самоуничтожился, и наличие которого уже не доказуемо, не может стать достаточным предлогом для промывания мозгов. А визит к цватпахам не нес в себе никакого враждебного действия и был обусловлен самосохранением и желанием обрести дом. Этот мотив не преступен. Федерал чувствовал свое бессилие перед этим выходцем из темных веков, который оказался сообразительнее, чем можно было себе представить.

—Отец,— сказал бесцветный федерал уже мягко.— Расскажи нам, все как было, и мы перейдем к шлюпу. Тебе тоже интересно, что с ним стало? Я обещаю тебе, что на его поиски мы тебя возьмем с собой. Договорились?

—Договорились.— Кивнул Отец.— Слушайте внимательно, если хотите— записывайте. Я придумал использовать порталы, я написал вирус и спустил его в систему. Я стащил шлюп с Харона и улетел к цватпахам. Все запомнили? Еще вопросы?

—Опять штанами пыль снимать.— Выдохнул бесцветный федерал.— Я тебя просил рассказать, как все было на самом деле.

—Мужики, я думал, вы плохо по-русски понимаете.— Выдохнул Отец.— А вы вообще ничего не смыслите. Я вам сорок раз говорил, что так все и было. Вы мне сорок раз одно и то же жуете. Хватит уже. Я устал. Мне пора в люльку и спать.

—Уморил ты нас, Отец.— Сдался бесцветный мужик.

—Можно, я теперь вас буду тараканами звать?— Язвил Отец.

—Можно Машку за ляжку и козу на возу. У нас говорят: разрешите.— Сквозь зубы процедил один из федералов.

—Ах, простите, простите,— жеманно произнес Отец, фигурно складывая руки на груди.— У них говорят: разрешите... Разрешите мне послать вас к чертовой матери и отправиться спать. Мне, честно говоря, надоела ваша комедия. Вам за что налогоплательщики платят деньги? За то, что-

бы вы изводили честных людей? Ребятки, вам дорого может обойтись ваши издевательства. Я при первом же выходе в базу опубликую протокол нашего с вами разговора. Тогда посмотрим, что из этого получится.

— Можешь делать все, что тебе будет угодно. — Сказал бесцветный федерал. — Если ты отсюда уйдешь.

— Я тебя поправлю, умник, не если, а когда. Когда я выйду, вам мало не покажется, если вы сию же минуту не прекратите свои штучки-дрючки. — Закипел Отец.

Отец встал нарочито резко, чтобы спровоцировать федералов на что-нибудь вызывающее. Федералы не прореагировали на его подъем. Отец принялся приседать, вытягивать руки и ноги, поглаживать затекшую спину. Федералы молча наблюдали за его упражнениями и не говорили ни слова, пока Отец не обернулся к ним и не потребовал сигарет.

— У нас сигареты курить запрещено. Это федеральный закон. — Сказал кто-то из федералов.

— У вас здесь все федеральное. И придурки тоже федеральные и законы федеральные. Даже глупость узаконена и признана федеральной. — Не унимался Отец.

— Долго ты так скакать будешь? — Поинтересовался бесцветный лощенный федерал.

— Пока тамбовский волк не споет марсельезу. А вы когда перестанете валять дурака и не перейдете к главному вопросу?

— Когда все расскажешь. — Ехидно улыбнулся лощенный фе-

дерал с бесцветным лицом.

–Ну, тогда, пока, парни. Мне пора.– Сказал Отец и направился к выходу, через который он здесь появился.

Федералы не шелохнулись и не сделали попытки остановить дерзкого путешественника во времени. Отец подошел к выходу и оглянулся, чтобы убедиться в намерениях своих обидчиков. Он обвел глазами стоящих возле ряда столов офицеров федеральной службы и сделал шаг в выход. Отец чуть не разбил себе лоб и ногу. Он привык, что почти неосязаемая поверхность выхода всегда пропускала странника через себя, и такой враждебности со стороны черного зеркала он не ожидал. Так, подумал Отец, просто так отсюда не выйти, поэтому федералы так спокойно наблюдали за его маневрами и отступлением. Просить их выйти– бессмысленно. Можно немного попортить им нервы, только на это нужно время, а он устал и хотел уйти. Значит, нужно сесть, набраться терпения и продолжить отвечать на глупые вопросы. Удивительно, что они еще так мягко обращаются. Могли бы и молотком по носу.

–Итак,– сказал Отец, усаживаясь назад на свой стул и скрещивая на коленях руки,– продолжим, господа.

–Это другой разговор. Не глупи, все закончится быстро и любовно.– С наигранной улыбкой проговорил бесцветный федерал.

Отец уставился себе в ноги и стал отвечать на вопросы, которые мог сам бы уже задавать федералам. Ответы были

большей своей частью односложные и скудные. Федералов такой диалог ни сколько не смущал. Они продолжали настаивать на выдаче своих соучастников. Длинные вопросы Отец игнорировал, заставляя федералов кружить вокруг да около вопросами, на которые можно было только ответить: да, нет, да пошел ...

–Хорошо.– Кивнул бесцветный федерал.

Кто-то за его спиной шепотом произнес: «Крепкий орешек». Отец с гордостью для себя отметил это замечание, но виду не подал, что услышал эту лестную для него фразу.

–Вы и у цватпахов будете искать моих подельников?– Язвительно произнес Отец, не поднимая головы.

–Если нужно будет, у них тоже поищем.– Произнес федерал.

–Вперед и с песней.– Согласился Отец.– С ружьями на перевес.

Наверное, уже прошло около восьми часов заседания, подумал Отец, а вот к шлюпу и разгадке тайны его исчезновения, мы не продвинулись и на йоту. У федералов много времени. Им торопиться некуда, если уж попал к ним в лапы, это всерьез и надолго. Чтоб им пусто было. Ладно, хоть одного Петровича выгнал. Он бы тоже мне сахару не насыпал. Этот червь.

Отец вспомнил свои ощущения, когда под действием чудодейственного психотропа находился в состоянии немомо благоговения перед этим жестким и неуступчивым типом.

Когда простой приказ дышать, выглядел чудесным гласом, вещающим с облаков пророчества. Отца передернуло от пережитого унижения. Как в эту минуту он ненавидел Петровича, с которым так мирно ехал в поезде и слушал всепоглощающие трели немого мужика на соседней полке. Этот тип еще купил дорогих сигарет.

Знал бы прикуп, жил бы в Сочи. Если бы знать наперед, что федерал следил за местом высадки Отца, он бы тогда сделал вид, что сошел в Рузаевке, а сам бы еще станцию проехал зайцем в поезде, и уже тогда слез. Может, в этом случае удалось бы запутать след? Может, тогда все пошло бы по-другому. Он бы уехал в Елань или Владивосток и начал новую жизнь. В конце концов, Дэн вернется домой и закончит институт. Быть может, все телодвижения напрасны и брат сам выберется из передрыг, в которые возможно попал. А про Отца сведений в базе нет о его дальнейшей жизни в двадцать первом веке. Предположить, что он затерялся бы на дальнем востоке или уехал в Польшу, сменил имя и фамилию, тогда и сведений о нем не будет? А сейчас, когда он снова здесь? Получается, что он не вернется домой? Нет. Не хочется думать о плохом. Да и Трибун сказал, что по всем его прогнозам федералы его вернут. А как не хочется им помогать. Если бы отношение было другим, тогда другое дело. Как было приятно болтать с Поспеловым, который сейчас стоит напротив Отца. Отдать ему должное, за все время допроса он не произнес и слова. Видимо, хороший мужик. Как его уго-

раздило заняться такой скверной работой?

Отец осмотрел своих недругов, стоящих на последней линии обороны. Разыграть что ли спектакль? Вспомнить школу старика Станиславского? Что ж, это выход. Изобразить эпистатус, поплевать им в красные щеки пеной, полегать их ногами, когда они кинутся ему на помощь? Было бы не плохо.

Как было бы сейчас хорошо вернуться домой, забыть про все передраги, выпавшие на долю звездного странника, забыть федералов, забыть Рыжую и ее маман. Вернуться в свой тихий городок, где каждая улица дышит умиротворением и радостью. Где каждый сквер и парк улыбаются, словно старому другу. Где воздух пряный и душистый, словно дышит сам за тебя. Дом, где вечером выходят на улицы, залитые призрачным светом старых фонарей, люди, и, прогуливаясь, здороваются друг с другом. Где каждый встречный улыбнется тебе, пожелает доброго вечера в едва заметном поклоне. Где в рукопожатие вкладывают светлые чувства, будто даря частичку своей бессмертной души, где простое доброе слово «здравствуйте», значит лишь «здравствуйте, будьте здоровы и счастливы». Где не нужно кривить душой и ставить свою гордость на колени, чтобы казаться мудрым. Дом, где есть мама, есть брат и старые друзья, где снег кажется таким белым и свежим, что хочется принести его в дом и любоваться до весны. Дом, где солнце светит радостно и ярко, будто начищенный пятак. Где старая русская река, исчерченная черными полосами кос, блестит на солнце и кричит, что она тебя

увидела и хочет с тобой поздороваться. Где камни, высыхая на ладони, не теряют своей привлекательности и свежести, где хочется петь и улыбаться проходим, которые не сочтут никого слабоумным и подпоют в ответ. Где шорох шин, бегущих по ухабистым проспектам, не кажется грубым и безжизненным, где восходы ослепительны, а закаты загадочны. Где дождь всегда теплый и благословенный, что хочется встать под ним и целовать его. Где на Луну смотрят с восхищением и только-только познают ее тайны. Где воздух не заезжен и чист, будто девственница, где осень, красуясь своим пестрым нарядом в отражениях луж, приглашает к себе на пикник на траве в парке. Где вешние ручьи весело журчат и мурлычут солнечные песенки, где серое небо, словно теплая шаль, укутывает твою грусть и страхи уносит прочь. Дом, где грозы, словно послушные собаки, резвятся в степи, где ветры мягкими перстами своими трогают лица и волнуются за твоё счастье.

Как хочется вернуться туда, где дом, брат и мама. Хочется завести старый мотоцикл и унести вдаль за сады, окружающие городок, туда, где желтые копны соломы блестят на просторе, будто рыжие головы врытых по шею гигантов. Унести далеко, чтобы не было видно ни города, ни дорог, где только брат, мотоцикл, рыжие огромные соломенные копны, да полоски деревьев, высаженных для защиты от суховея. Хочется остановить ревущий двигатель, взобраться на стог и лечь, широко раскинув руки и запрокинув голову,

чтобы в глазах заблестели искорки от ослепительной синевы неба. Хочется лежать и восхищаться бездонностью синевы и мечтать о звездах, которые скоро появятся, стоит солнышку спрятаться за горизонтом. Лежать и вдыхать аромат желтых стеблей, которые колосились под солнцем целое лето, чтобы травяная пыль ложилась на лицо, убаюкивала и ласкала. Хочется лежать и думать, как хорошо, что есть солнце, колосья пшеницы, собранные в огромный стог, есть брат и есть дом, в который приятно вернуться прохладным и прозрачным вечером, где заботливая мама накормит ужином и посидит на краю постели, нежно наблюдая за трепетом ресниц любимых своих сыновей.

Хочется ранним утром с братом унести на озера, что окружены скалистыми горами, где у самой кромки кормятся утки из рук. Где тенистые леса вплотную подступают к зеркальной глади ничем не встревоженного озера. Там много дней можно лежать на золотистом песке и всматриваться вдаль, где бегущие облака оставляют на горах серые кляксы неровных теней, где утренняя дымка скрывает стада лошадей, пасущихся на склонах. Услышать музыку, которая в этот ранний час разносится над всей гладью озера, не омраченную ревом автомобилей. Музыка, которую включили на том берегу и которую слышно на этом, нежна и тепла, она говорит, что этот мир прекрасен и сожалеет о том, кто не видит утренней красоты, подаренной этому миру Создателем. Слышно, как в дали, там, где шумит камыш, плещется ры-

ба, испуганная белоснежными чайками, которых много в эту пору. Слышно, как хрустальные волны несмело разбиваются о прибрежную гальку, слышно, как занимается радуга, после недавнего дождя. Можно услышать, как растут грибы в березовой роще, которая сейчас покрыта утренним туманом. Слышно, как просыпается утренний ветерок, заснувший вечером на ветвях деревьев. Слышно биение сердца, исполненного радостью обновленного мира.

Хорошо знать, что есть дом, куда можно вернуться позже, когда душа насытится красотами родного края. Дом, где заботливые мамины руки снимут одежду и пригладят растрепанные на вольном ветру волосы. Где добрая милая мама сядет у окна и, любуясь, расскажет, как она скучала. Где теплые мамины глаза поймут все заботы и лаской своей разгонят хандру. Дом, где теплая мамина улыбка расскажет о любви самое сокровенное, о чем не напишут в книгах.

—Отец,— раздался голос лоснящегося от жира федерала,— заснул что ли?

Отец встрепенулся. Грезы медленно отступали и таяли, остался лишь сладкий привкус отечества в мыслях. Видимо Отец заснул и увидел свой дом. Он очень устал. Еще сегодня он был на Адло, что в системе Веги, теперь его судьба занесла в секретный офис темпорального отдела федеральной службы. Кто скажет, где он находится? На Ио? На Марсе или Венере? Быть может он сейчас на Кваоаре, что в восьми с половиной миллиардах километров от солнца? Где он?

Это уже не важно. Важно то, что сейчас он сидит на стуле и несколько пытливых пар глаз устремлены на него, в надежде найти неизвестные звенья навсегда ушедших минут.

—Что вам нужно от меня? Мне уже не до вас. Делайте что хотите, я вам больше ничего не скажу.— Пролепетал Отец заплетающимся от усталости языком.

—Скажешь. Еще как скажешь.— Проговорил высокий с пролысинами на голове федерал.

Отец бросил полный презрения взгляд на верзилу, который скрестил руки у себя на груди, облокотясь седалищными костями в стол.

—Если мы тебе скажем, где твой брат, будешь с нами сотрудничать?— Спросил высокий наглец.

—В обмен на брата? Буду.— Обреченно сказал Отец.

Только бы федералы не стали спекулировать братом, подумал Отец. Выдать друзей не смогу, а брат... что ж, он, наверное, сможет потерпеть, пока Трибун не разберет по костям все федеральные тайны.

—Хорошо.— Согласился бесцветный агент федеральной службы.— Давай поговорим про шлюп.

—Сначала про брата.— Заупрямился Отец.

—Сначала про шлюп.— В тон твердил федерал.— Брат после.

—Договорились.— Устало кивнул головой Отец.

—Пойдем к карте.

Глава 5.

–Отдохнул немного?– Спросил Отца Поспелов.

–Что ты? После такого допроса с пристрастием мне нужно как минимум неделю просидеть вообще без движения.– Вяло произнес Отец, поднимаясь с казенной кровати.

В отделе темпоральных исследований и перемещений были и казармы для служащих, агентов, готовящихся к перемещениям во времени. Здесь же были симуляторы различных ситуаций, тренажеры, комнаты психологической разгрузки и просто спальные помещения, в которых и можно было только раздеться и забыться сном на металлических кроватях. Федеральная служба не привыкла себя ограничивать в средствах, и раздутый до невероятных пределов штат служащих был готов пополняться все новыми оперативниками, агентами и простыми рабочими.

Отец приподнялся на локте с кровати. В голове еще стоял шум. Он слабо помнил, что произошло, прежде чем он потерял сознание. Он помнил, что агент федеральной службы с бесцветным лицом и масляными глазами решил смилостивиться над Отцом и предложил перейти к обсуждению исчезновения шлюпа. Он развернул над столом объемную карту местности приземления Отца, когда он вернулся от цветпахов. Странник встал со своего стула, а потом помнил лишь суету вокруг него, неясные смутные силуэты, которые пытались вызвать врача, и хлопали по щекам. Затем исчезли

и эти воспоминания. Видимо он сильно утомился прошедшим днем и пережитыми неприятными минутами допроса, что потерял сознание. С ним раньше такое не случалось.

–Сколько меня не было?– Спросил Отец вяло.

–Около двух суток.– Неуверенно сказал Поспелов.– Может чуть больше.

–Я все время спал?

–Ага.

–А мне показалось, что я выключился на двадцать минут.– Отец потрогал себя за лоб.

Голова гудела. Странник потрогал затылок. Шишек не было. Он провел рукой по челюсти. Все зубы на месте. Следов насильственной травмы не было. Его не били. Руки и ноги работали нормально. Значит, он сам все-таки потерял сознание, а федералы к обмороку имеют косвенное отношение. Даже как-то не удобно. Как девица красная потерялся, подумал Отец.

–Ты сколько уже не ел времени?– Спросил Поспелов.

–Двое суток сна плюс...– Отец задумался.

Он не мог вспомнить, когда ел в последний раз. Очень давно. Еда в конверте не в счет, это всего лишь картинки, которые компьютер проецирует в мозг. К реальному насыщению они не имеют никакого отношения.

–Тебе нужно хорошо подкрепиться. У нас сегодня предстоит очень насыщенный день.– Сказал Поспелов.– Я уже заказал тебе еду. Пошли.

–Куда?– Спросил Отец.

–В столовую, куда же еще. Я составлю тебе компанию. Пошли, пошли.– Торопил Пospelов.

–Вовик, дай я еще посплю. Жить что-то не хочется. Голова кружится, спасу нет.– Покачал головой Отец и рухнул на подушку.

–Поешь, проснешься.

Отец нехотя встал, оделся. Пospelов терпеливо наблюдал за медленными сонными движениями Отца. Скупые пластиковые стены навевали грусть и сон. Пospelов двинулся из комнаты в сторону, откуда доносился стук ложек и вилок, откуда неслись восхитительные ароматы пищи. Отец вдруг понял, что он очень голоден. От запахов, витавших вокруг, у Отца стала выделяться слюна, как у собачки Павлова, желудок свело спазмом. Войдя в просторное помещение федеральной столовой, уставленной длинными рядами столов, накрытых белоснежными простынями, Пospelов последовал к отдельно стоящему столику. Стол стоял в дальнем углу, возле многочисленных стоек органических синтезаторов. Оттуда была видна вся столовая комната, все столовавшие там федералы. На столе стояли яства, большей частью животного происхождения: грудинки, колбаски, фрикадельки, маленькая тарелочка китайских пельменей, от которых еще шел пар, на блюде лежали запеченные в сыре куриные ножки, в хлебнице ароматный хрустящий белый хлеб.

–Вот тут ты мне угодил.– С восхищением проговорил

Отец.

—Мы же с тобой хищники. Я решил, что мясной завтрак—еда настоящего мужчины.— В довольной улыбке расплылся Пospelов.— Я решил заранее все заказать, чтобы не ждать, пока все синтезируется.

Отец набросился на еду, будто не ел добрую сотню лет. Пospelов сел напротив и размеренно стал поедать хрустящие охотничьи колбаски, опуская их нет-нет в острое мисо. Отец расправился с куриными ногами и принялся за ветчину, сдабривая ее васаби.

—Вкусно как.— Мурлыкал Отец.— Сам программу составлял?

—Нет, скачал из базы готовые рецепты. Нравится?— Улыбнулся Пospelов.

—Что ты! В жизни ничего вкуснее не ел.— Ответил Отец.

Он знал, что самая лучшая приправа к еде это голод. Ему вспомнились времена в общежитии, когда съестные припасы заканчивались, и приходилось довольствоваться гамбургерами с мучными червями, или того хуже просто чаем без заварки и сахара. Каждый месяц в сорок шестой комнате начинался одинаково: с изобилия. После визитов домой однокурсники возвращались с огромными сумками, заботливо заполненными родителями колбасами, салом, сыром, вареньями. К концу месяца оставались жалкие крохи некогда роскошного провианта. В один из таких дней, наполненных мечтами о свиных окороках и резями в желудке, Отец обнаружил на

верхней полке шкафа, куда обычно складывают пустые полиэтиленовые пакеты да обертки от чая, иссушенный годами маленький обрезок копченой колбасы с веревочкой на хвостике. Обрадованный такой находкой, он поспешил утешить своих соседей. Кот Мойша, учуяв добычу, заревел, словно тигр, и перестал отходить от счастливого обладателя заветного обрезка. Он терся о ноги, словно вымаливая не забыть о нем, он рычал и мяукал, словно требовал поделиться с ним, он царапал и покусывал штанины, увещевая отдать ему добычу. Друзья собрались за столом, куда положили свою удивительную находку. Встал вопрос: что с ней делать? За годы, проведенные на полке в шкафу, колбасный обрезок приобрел прочность точильного камня и не собирался поддаваться ножу. Гурик предложил выварить обрезок, чтобы несколько зубов не покинули свои законные и определенные природой места. Нашлась кастрюлька, в которую поместили сушеный огрызок колбасы и поставили на огонь. Через восемь часов кипения огрызок перестал шуметь в посудине, словно гайка, однако гидролизу не поддавался, хоть и источал прелестный запах вареного мяса. Еще через четыре часа несчастные остатки колбасы стали пропускать в себя кончик ножа, при этом, приходилось потеть от натуги. Решено было его доварить на другой день, поскольку процесс приготовления еды затянулся до трех часов ночи. На следующий день, вернувшись из института, друзья обратились вновь к кулинарному искусству, которое теперь напоминало противостояние трех

голодных студентов и черствого маленького куску засохшей плоти. К вечеру стало ясно, что в этот день разварить колбасу не получится. Голод и ароматы, витавшие в кухне, подвигли друзей к решительным действиям. Решено было оставить попытку одолеть колбасу кипячением, и через минуту судьба залежавшегося огрызка была решена. В несколько приемов огрызок, так и не поддавшийся кипячению, был расчленен на четыре равные части, чтобы каждый обитатель сорок шестой по своему усмотрению закончили существование выданной ему доли. Мойша сделал лишь глоток, как его порции не стало, поскольку, зевая от голода и ожидания, растянул свою глотку настолько, что мог бы хранить в своем желудке тапки. С остальными обитателями дело обстояло хуже. Гурик, убив на жевание своего кусочка около получаса, выплюнул его назад на полку, в надежде как-нибудь и когда-нибудь разделаться с ним. Басмач с Отцом час за часом, натруждая челюсти и зубы, справились со своими кусками, но от натуги и стараний стало еще голоднее. На выручку пришли девушки, которые не дали своим коллегам умереть с голоду.

Отец насыщался и вспоминал, как когда-то голодный, но счастливый он, рискуя зубами и несварением желудка, подал свой крошечный кусочек сушеной вареной копченой колбаски. Ветчина такая нежная и аппетитная, которую он сейчас клал на язык, была, однако, не так вкусна, как тот забытый кем-то на полке кусок колбасы, по стойкости не уступавший рельсе.

–Все, хватит.– Произнес, наконец, Пospelов, когда большая часть снеди уже обрабатывалась в желудках соляной кислотой.– Пошли. Мне и самому не терпится.

–Что ж ты такой нетерпеливый?– Спросил Отец.

Вот чего ему действительно недоставало. Насытившись, Отец для себя отметил, что настроение у него поднялось, вновь захотелось жить и даже сделать приятное кому-нибудь, пусть это будет хоть бесцветный федерал.

Несколько мгновений спустя, Отец и Пospelов оказались в той самой комнате, где федералы медленно и пытливо дознавались о соучастниках Отца в его головокружительном променаде по Млечному Пути. Федералы те же. Даже стул, на котором из мозга Отца вытряхивали все сведения, стоял на своем месте. Немало народу сидело на этом стуле, подумал Отец. Федералы обернулись к Отцу, стоило ему было появиться. Это было равносильно приветствию. Что ж, не хотите сказать «здравствуйте», подумал Отец, я тоже не гордый.

–Продолжим.– Без прелюдий начал федерал с бесцветным выражением лица.

–Валяй, только знай, будешь меня напрягать, я перестану сотрудничать.– Заявил Отец и заерзал на стуле.

–Это в твоих интересах. Поговорим насчет шляпа.– Холодно произнес федерал.

Пospelов занял свою позицию среди федералов, лишь глазами выказывая свое присутствие.

–Давай по порядку. Ты вошел в атмосферу. Так?– Спросил федерал.

Отец кивнул.

–Какой ты, однако, проницательный.– Удивился Отец.

Федерал проигнорировал скандальную реплику и продолжал:

–Можешь точно сообщить координаты?

–Нет.– Замотал головой Отец.

–Это еще почему?– Брови федерала поползли вверх.

–Я садился на бортовой автоматике по визуальному наблюдению.– Сказал Отец.– Мне нет нужды запоминать координаты. Борт лучше меня это делает.

–Это точно.– Согласился федерал, тоном намекая, что даже такая простая вещь, как координаты, Отцу не по зубам.– Показать сможешь?

–Карту давай.– Кинул Отец.

Поспелов принес голографическую карту и поставил ее на столе перед странником.

–Показывай.– Скомандовал федерал.

Отец приказал увеличить масштаб, затем просмотрел участок дороги, где разбился брат. Вот этот поворот, затем мосток. Странник ткнул пальцем куда-то в край дороги.

–Здесь.– Молвил Отец.

–Ты уверен?– С сомнением покачал головой федерал.

–Как то, что ты мне не нравишься.– Ответил Отец.

–Увеличить масштаб.– Приказал федерал.– Точнее мо-

жешь показать?

Отец водил над картой пальцем:

– Вот, смотри, вот идет поворот, за ним мосток, примерно здесь стоит сосна, в которую въехал мой брат. Я сел где-то вот здесь, меж деревьев. Там должны быть следы посадки. Кора облетела или примятые кусты. Здесь я сидел в шлюпе и ждал моего брата.

– Во сколько ты сел? – Спросил федерал.

– Не помню. Знаю, что было где-то за двенадцать часов до аварии. – Пожал плечами Отец.

– Что, ты все двенадцать часов сидел в шлюпе? – Сухо спросил федерал.

– А ты бы стал сидеть, если бы вернулся на родину? Нет, конечно! Я бродил по лесу, потом вышел к дороге. Затем вернулся в шлюп. Холодно было. Холодно и темно.

– Когда ты вернулся в шлюп? – Продолжал свой допрос федерал.

– Я много раз возвращался. – Ответил Отец.

– Тебя кто-нибудь видел?

– Не знаю. Скорее всего, нет. Там было очень темно. Лес все-таки. От деревень далеко. Да и шлюп метрах в ста пятидесяти от дороги был. Нет. Никто меня не видел.

Отец вспомнил, как он, только что вернувшись от цветпахов, бродил по чернеющему лесу, как он вдыхал до боли родной и знакомый запах хвои и павшей листвы. Нет. Его никто видеть не мог и следить за ним никто не мог.

– Это может кто-то подтвердить?– Спросил федерал.

– Будешь переспрашивать по сорок раз, мы сроду не доберемся до главного? Я только что тебе сказал, что меня никто видеть не мог. О чем ты говоришь? Тебя кто сюда поставил?– Кипятился Отец от такой чудовищной глупости.– Не веришь, когда найдется шлюп, сам все проверишь.

– Не кипятись. Нам нужно знать абсолютно все. Мы еще много раз будем проверять, что ты нам тут несешь, понял.– Рывкнул федерал.

– Ты тоже знай, с кем разговариваешь.– Огрызнулся Отец.

– Дальше.– Скомандовал федерал.

– Дальше я дождался утра. Снял скафандр, чтобы не отвлекать внима...

– Ты уверен, что снял его. Тебя никто не видел в скафандре?– Грубо прервал федерал.

– У меня дикция плохая?– Спросил Отец.– Так вот, я снял скафандр и пошел к обочине ждать брата. Вышел вот сюда.

Отец ткнул пальцем в карту, где был обозначен поворот, за которым Дэн куда-то исчез.

– Здесь, когда я увидел брата, я выбежал на дорогу. Брат проехал мимо. Вот здесь в машине что-то вспыхнуло, и машина въехала в сосну, она где-то вот здесь растет. Я подбежал к дереву. Брата там не было.– Продолжал Отец.

Он вспомнил тот ужас, когда машина въехала в одинокую сосну и удивление, когда в машине он не обнаружил тело Дэна. Снова затряслись руки, как будто он снова увидел сце-

ну аварии.

–Дальше я побежал к шлюпу, вот тут должна быть тропинка. Я уже почти до него добежал, стоял примерно здесь, когда шлюп исчез. Потом меня бросило головой о камень и дальше я ничего не помню.– Закончил Отец.

–На местности нужно все показать. Сможешь?– Спросил федерал.

–Ну что же не показать? Только почему мы сразу не пошли на местность? Времени у вас много?– Кипятился Отец.

Федералы зашевелились. Работа на местности представляла для них некоторое разнообразие, видимо они слишком много времени проводили в кабинетах.

–Ну, тогда пойдем.– Сказал федерал.– Компьютер, выход. Черная арка материализовалась в стене. Что же это– конверт? подумал Отец. Или у них здесь все на широкую ногу? Чтобы материализовать выход в реальном пространстве, на это нужны большие деньги. Все равно они не скажут. Бог с ними. Пусть поиграют в Бондов, если им это нравится.

Федералы скользнули в черную гладь выхода. В служебном помещении остались только Пospelов и Отец.

–Вовик, как ты с ними работаешь? Они же твердолобые, как чурбаны!– Удивился Отец.

–Начальство.– Развел руками Пospelов.– Указ Петра первого про подчиненных еще никто не отменял. Но ты крут с ними. Я рад за тебя. Так держать. Не все коту масленица.

–Стараясь. Уж больно они дерзкие, начальники твои. Я

такого не потерплю.— Улыбнулся Отец.

—Давай, давай. Пусть не расслабляются. Не все им нас драть, так пусть и в нашей шкуре ходят. Молодец.— Поспелов похлопал по плечу Отца.— Ладно, пошли. Нужно закончить еще одно дело.

Поспелов указал рукой на выход. Отец подумал еще секунду, затем, махнув рукой, отправился внутрь. Секундой позже в служебном помещении осталась только офисная мебель, да развернутая объемная голографическая карта участка дороги где-то в Кичигинском бору.

Отец вышел в лес, где еще недавно бродил в грубой рубашке и шортах, сплетенных цватпахами из каких-то неведомых трав. Работа на местности представлялась интересным занятием, поскольку видимость природы оживляла глаза, истосковавшиеся в казенных белых пластиковых стенах.

Лес выглядел, словно фоторобот Микки Мауса. Деревья были разбросаны в случайном порядке и очень напоминали искусственные. Травы не было, лишь гладкая поверхность, напоминающая пружинящий пластик повторяла неровности ландшафта в Кичигинском бору.

—Здесь все ненастоящее.— Сказал Отец.

—Это не принципиально. Главное, чтобы было похоже.— Махнул рукой какой-то федерал, проходивший рядом.

—Не скажи, дорогой. Нужно, чтобы было максимально похоже на реальность.— Покачал головой Отец.

Вот дорога, вот лес, вот пригорок, на котором Отец спря-

тал шлюп. Дорога выглядела четкой черной полоской, как лента транспортера, холм напоминал пузырь, вздувшийся от какого-то неведомого катаклизма. Бездушные одинаковые деревья были похожими друг на друга как Отец с Дэном. Где-то у федералов мозги работают нормально, думал Отец, а где-то как у курицы безмозглой. На этом ландшафте и показать что-то было невозможно. Где те сосны, меж которых Отец посадил шлюп? Где та сосна, около которой закончила свой век старенькая машина брата? Их нигде нет. Нужно это поправить.

–Служивый, скажи мне,— обратился Отец к ближайшему федералу,— это— конверт?

Федерал молча кивнул головой.

–Обычный конверт? Не какой-нибудь особенный?— Повторился Отец, следуя шаблону разговоров агентов федеральной службы.

Федерал еще раз коротко кивнул. Нужно здесь все поправить.

–Компьютер, сделай нормальные сосны, чтобы как в жизни было.— Попросил Отец в воздух.

Природа вокруг преобразилась. Одни сосны вытянулись, распустили иголки, другие, наоборот, согнулись и стали маленькими годовалыми деревцами. Меж деревьев распустился кустарник, радуя глаз своей зеленой листвой.

–Стоп. Перебор.— Воскликнул Отец.— Это была поздняя осень.

Листья кустарников и осин, которые нет-нет появились меж сосен, пожухли и опали. Лес становился прозрачным и серым. Отец приказал вырасти вокруг траве, ковылю и папоротнику, чтобы восстановить утерянное ощущение леса.

–Запахи.– Скомандовал Отец, вспомнив, как пахло в осеннем лесу в ту ночь, когда он прилетел с другого конца галактики через пространство и время.

Природа наполнилась лесными ароматами, от которых голова пошла кругом. Хвоя и павшая листва источали тонкий дивный аромат, который так не любят комары. Пряная трава дурманила своими испарениями, что хотелось лечь на нее и забыться грезами.

–Ветер.– Приказал Отец.

И несмелый ветерок побежал по веткам, выдувая из них фитонциды и шорох листвы. Ковыль гнулся к земле и шелковые пряди его, словно лебяжий пух, волновались от малейшего прикосновения.

–Облака.– Тихо сказал Отец.

Тотчас, серая пелена заволокла небо, сгустив краски. Тени потонули в матовом свете, и чернота голых осин и кустарника стала непроницаемой. Ветерок лениво шевелил листву, то набегая, то отступая, и, наигравшись, растворялся в клубящейся серой дымке туч.

–Вечер.– Сказал Отец.

И краски, без того хмурые, стали погребальными. Темнота неба и чащи леса приобрела демонический оттенок, а на

душе заскребли кошки.

—Отец, нужно, чтобы было все видно.— Попросил бесцветный федерал.— Давай обойдемся на время без этой иллюминации.

Федерал ткнул пальцем в небо и развел широко руки в стороны, показывая, что вокруг и без того не весело, а при сумрачном освещении впору лечь в могилу.

—Отставить вечер.— Согласился Отец.

Настал серый полдень. Отец решил не включать температурный режим, поскольку продрог в тот вечер, что было тошно вспоминать. Обойдемся без холода. Сделано и без того немало поправок на комфортность существования.

Отец оглянулся вокруг, оценивая взглядом свое произведение. Все было как тогда. Все, вот только в душе был осадок оттого, что все это не настоящее, что стоит пожелать, и брат не разобьется на машине, пусть только приблизится. Где он, брат? Инвизы? Скоро мы это узнаем, подумал Отец.

—Отец, давай начнем все сначала. Покажи, куда ты посадил шлюп.— Спросил федерал.

Отец двинулся в сторону сосен, где, как он помнил, втиснул израненную машину. Где-то меж этих сосен он ее и поставил. Отец оглянулся, вспоминая, как с этого места выглядит дорога, на которую он смотрел несколько часов, когда ждал Дэна. Да, точно здесь.

—Вот здесь.— Ткнул в землю пальцем Отец.

—Поставь сюда шлюп.— Попросил федерал.

—Отойди только, а не то тебя по голове ударит крылом.— Сказал Отец. Затем в воздух добавил.— Компьютер, сажаем шлюп.

В серой шали туч сверкнул лучик света. Стал приближаться вой тормозных двигателей шлюпа. Вот уж скоро и он показался, летящий на бреющем полете чуть выше верхушек сосен. На миг зависнув над деревьями, шлюп пошел на посадку, царапая крыльями и тормозными двигателями стволы сосен. Полетела хвойная пыль и обрывки коры молодых деревьев. Вот шлюп выпустил посадочные шасси и приземлился на кустарник, росший здесь всюду. Двигатели сбавляли обороты, голубое свечение защитного поля вокруг шлюпа исчезло, двигатели умолкли.

Отец с федералами с любопытством наблюдал за посадкой машины, которую Отец прогнал через всю галактику. Носом шлюп смотрел вдаль, туда, где был виден кусок дороги, проходящей через Кичигинский бор.

—Хорошо, Отец.— Сказал федерал теплым тоном. Он для себя решил не вступать в полемику со своим скандальным пленником, который в любую минуту мог заупрямиться.— Очень наглядно. Расстояния правильно выдержаны?

—Вроде так.— Утвердительно сказал Отец, чувствуя потепление тона своего мучителя.— Отсюда, с этого места, я видел примерно такую картинку. Дорога не была вся видна. Мне нужно было видеть лишь приводящий отрезок, чтобы не пропустить брата.

—Хорошо.— Еще раз довольно кивнул федерал, для себя отмечая потепление тона своего подопечного.— Что ты дальше делал?

—Дальше?— Спросил Отец, сиюсь вспомнить.— Дальше я выбежал из шлюпа.

Дверь летательного аппарата отворилась, и из машины выскочил Отец, одетый в короткую рубашку и шорты. Вот, оказывается, как Отец выглядел со стороны. Очень волнующее зрелище. Босые ноги, которые немедленно покрылись холодной осенней росой и цыпками, были синими и дрожали. Тело била дрожь от низких температур и волнения, что он дома, на родине. Отец, который только что прилетел от цватпахов, упал на пожухлую листву и павшую хвою, и стал глубоко дышать, лицом зарывшись вниз.

—Убедительно, очень убедительно.— Произнес федерал.— Только, я тебя попрошу, давай опустим твои сантименты.

—Давай опустим.— Согласился Отец, поскольку наблюдать себя со стороны было не только не привычно, но и не приятно.

Тут же Отец-двойник убежал к дороге. Только его светлая одежда нет-нет мелькала меж стволов деревьев.

—Хорошо, что ты не надевал скафандр.— Сказал федерал.— Это было бы лишним.

—Кто сказал, что я его не надевал?— Спросил Отец.— Тогда знаешь, как холодно было? У меня чуть все зубы от дрожи не повывлетали.

–Ты же сказал, что вылез без скафандра?– Строго спросил федерал.

–Ну да. Я когда замерз, вернулся к шлюпу и сразу его надел. Чтобы согреться.– Сказал Отец.

–Но в скафандре ты же не гулял по лесу?

–Нет, конечно! Он очень тяжелый. Я просто не смог бы.

–Что было дальше?– Продолжал расспрос федерал.

–Потом я вернулся к шлюпу.– Сказал Отец.

Его виртуальный двойник, трясаясь от холода, бегом бежал меж кустов. От стука зубов в лесу замолчал даже дятел. Вот он пробежал мимо стоящих федералов, не замечая их, и забрался в шлюп. Дверь он закрывать не стал, а именно так и делал Отец, чтобы запахи родины проникли даже в самые маленькие щелочки шлюпа. Вбежавший Отец– двойник дрожащими руками достал тяжелый монтажный скафандр и, путаясь замерзшими ногами, стал в него влезать.

–Отец, а почему ты не прикрыл свой шлюп ни чем? Его все равно меж деревьев видно.– Спросил федерал.

–Почему не прикрыл? Прикрыл.– Убедил федерала Отец.– Только это было уже под утро.

Тут же из шлюпа выскочил двойник Отца в тяжелом монтажном скафандре и бросился за хворостом и мхом.

–Стоп.– Взревел Отец.– Снять скафандр.

Монтажное тяжелое космическое снаряжение слезло с двойника, словно змеиная кожа. Отцу не хотелось сообщать федералам, что он все-таки в скафандре собирал ветки, что-

бы скрыть от посторонних взглядов свой шлюп. Федерал заметил изменения в картинке, однако, для себя решил справиться об этом позже, много позже.

– Вот так я и укрыл шлюп. – Указал Отец на своего двойника, который трясся от холода и царапал лодыжки о колючий кустарник, укрывая свою едва живую посудину.

Когда машина скрылась в только что сооруженном шалаше, двойник забрался в шлюп и облачился в скафандр. Дрожь его постепенно унялась, и он повел о чем-то разговор с бортовым компьютером. Из шлюпа доносилась то речь Отца, то сухой баритон борта. Слов разобрать было нельзя, потому что Отец с трудом помнил весь диалог.

– Дальше? Что было дальше? – Нетерпеливо произнес бесцветный федерал.

Помощники его расхаживали вокруг шлюпа, что-то сверяя с компьютером конвертерного пространства, фиксируя какие-то данные в блокнотах и тихо переговариваясь между собой. Один агент федеральной службы указывал другому в небо, очертил по небу пальцем кривую и указал на место посадки. Отцу было недосуг наблюдать и вникать в их рассуждения.

– За двадцать минут до появления брата, я снял скафандр, бросил его в дальний угол шлюпа. – Сказал Отец.

В это время его двойник начал разоблачаться. Он сбросил скафандр как раз туда, куда пальцем указал Отец.

– Затем, я схватил свою циновку, я ее привез с собой на

память, закутался в нее и пошел к дороге. Да, чуть не забыл.— Спихватился Отец.— Я дал борту команду включить всю следящую аппаратуру. Прямо перед выходом.

Двойник, закутавшись в грубую тряпицу из стеблей неведомых растений, шатаясь и дрожа от холода, двинулся вниз по едва заметной тропинке к дороге. Он прошел мимо Отца и федералов, которые во все глаза смотрели на виртуального двойника звездного странника.

—Пошли за ним.— Сказал Отец.— Дальше будет интереснее.

Отец поспешил за своим двойником, который дрожал и матерился от холода. Федералы следовали за Отцом. Странник чуть-чуть отстал, чтобы федерал с бесцветным лицом нагнал его.

—Вон там, возле обочины есть камень.— Отец пальцем показал, где он сидел и дожидался брата.— Компьютер, сделай там камень. Нет, меньше. Вот так.

Двойник подошел к дороге, чуть задумался и пошел вдоль дороги на встречу судьбе. Он уселся на камень, который немедленно был изготовлен компьютером, обслуживающим конвертерное пространство. Дорога была пустынна.

—Компьютер, здесь ходили машины.— Сказал Отец.

По шоссе понеслась одна за другой легковушки. Некоторые были такими вычурными, что Отец не вытерпел:

—Компьютер, убрать это безобразие. Ладно, обойдемся без статистов. Потом появилась машина брата.— Продолжал

Отец, представив себе старенький «Форд».

Из-за поворота выбежала старая развалина, на которую без боли в глазах и сожаления смотреть было невозможно. Выглядела она так, будто под капотом несколько негров крутили натруженными ногами педали. Отец не стал спорить с компьютерной моделью машины брата и лишь тихо продолжал.

–Здесь я выбежал на дорогу и попытался его остановить. Я не хотел, чтобы он разбился.

–Это ты конечно зря сделал. А если бы он не разбился, тогда, возможно, случился темпоральный или континуальный кризис. Очень хорошо, что у тебя ничего не получилось.– Сказал федерал.

–Тебе легко об этом говорить. Это же не твой брат ехал на смерть.– Сказал Отец.

–У меня брат погиб на Бетельгейзе.– Сухо сказал федерал.

–Прости, не знал.– Сказал Отец. От этих слов ему стало не по себе. Человек, который потерял брата, в глазах Отца приобрел вес.– Прости. Не хотел тебя обидеть, но мой брат мне тоже очень дорог. В эту минуту мне было плевать на все кризисы и континуумы. Я хотел лишь, чтобы он жил. Все-го-навсего жил. Мне не нужны алмазы и золото. Мне нужен брат.

–Ладно,– махнул рукой федерал,– проехали. Продолжай.

–Так вот. Я бросился ему под колеса и постарался его остановить.

Двойник, словно на амбразуру, кинулся на машину, размахивая руками и что-то крича. Наверное, так Отец и выглядел, словно собака, кидающаяся на машины. Водитель старого «Форда», лица которого было не разобрать, увернулся от двойника Отца, проехал мимо, что-то крикнул вслед. Слов его не было слышно. Затем показал какой-то неприличный жест и поехал дальше.

–Компьютер, стоп.– Закричал Отец.

Картинка замерла, как на стоп-кадре. Даже дымок, вырвавшийся из выхлопной трубы «Форда», застыл и выглядел, как кусок ваты, надетой на палку. Двойник стоял на дороге, глядя удаляющейся машине. Лицо его искривила гримаса сожаления, отчаяния и страха. Отец посмотрел на своего двойника. Ему стало не по себе. Отчаяние и боль, отразившиеся на лице, были такими живыми, что оригиналу, наблюдавшему за действием, стало вдруг не по себе. Он отвернулся от статиста и постарался больше об этом не думать.

–Где-то в этом месте в машине что-то вспыхнуло. Компьютер, медленно показывай.– Приказал Отец.

Машина едва тронулась с места, и дымок из выхлопной трубы стал рассеиваться. В машине засветил свет.

–Ярче,– скомандовал Отец.– Еще ярче, еще, еще, вот так.

Машина продолжала двигаться, освещенная изнутри. Силуэт водителя уже не был виден из-за яркого света.

–Затем свет исчез. Внезапно.– Сказал Отец.– Компьютер, повтори, только в нормальном режиме.

Старый «Форд» покатился назад, собирая выхлопной трубой дымок, который возле нее собирался из воздуха в облачко, а потом, вытягиваясь в трубочку, вошел в черное отверстие глушителя. Затем водитель что-то скверное показал на руках, затем заговорил, вильнул кормой, объехал двойника Отца и остановился. Статист стал выкрикивать что-то обидное, старая машина объехала его, и последовала дальше. Вдруг, в машине вспыхнул ярчайший свет, ослепивший зрителей, затем так же внезапно исчез. Машина покатила по дороге уже без водителя.

—А сейчас она должна столкнуться вот с этой сосной.— Отец указал на одиноко стоящее дерево.

Машина с грохотом въехала в дерево, раздался взрыв, пламя полыхало. Вспыхнуло дерево. Старый «Форд», словно детский конструктор развалился на куски.

—Компьютер, убрать пожар. Машина тоже не так развалилась.— Попросил Отец.

Пожар потух. Сосна обрела первоначальный вид, лишь щепки да осколки лобового стекла разлетелись во все стороны. Машина, как щучьему велению, собралась в кучу. Теперь она стала отдаленно напоминать ту самую машину, которую некогда видел Отец в своем времени.

—Да,— вздохнул федерал.— Печально.

—Да.— Кивнул Отец.— Печально. Потом я подбежал к дереву.

Двойник кинулся со всех ног к машине, которая еще се-

кунду назад полыхала и была похожа на битый шифер, а теперь угрюмо обнимала своим корпусом ствол стройного дерева.

—Я осмотрел машину, увидел, что брата в машине нет. Нет ни его оторванных рук или ног. Не было вообще ничего. Тогда я подумал, что может быть, я просто не заметил, как его выбросило из машины. Глупо, конечно, но я так подумал. В таких случаях за соломинку цепляешься, надеешься все на что-то.— Грустно произнес Отец.

Двойник обошел машину, заглянул в салон, обошел еще раз и огляделся, приставив руку к глазам, защищаясь от солнца. Двойник Отца всматривался вдаль, туда, на холм, где стоял шлюп.

—Вот тогда-то я и решил, что шлюп поможет мне раскрыть тайну исчезновения брата. Я бросился к шлюпу. Да, с мужиком каким-то тут поругался, назвал его козлом и отправил к чертям. Он остановился посмотреть на аварию. Но это не имеет значения. Я стал подниматься по тропинке. Пошли туда.— Отец махнул рукой назад, к шлюпу.

Двойник быстро побежал к шлюпу. Оставалось каких-нибудь несколько метров, как шлюп исчез.

—Вот,— сказал Отец,— так оно все и было. Я не успел до него добежать несколько метров, как он исчез. Меня поволокло волной к нему, вернее, где он был. Здесь я трахнулся затылком о камень...

Статист сделал немислимый кульбит и полетел к месту,

где только что стоял шлюп.

–И меня засыпало ветками.– Закончил рассказ Отец.

Ветки рухнули на двойника Отца и тот стих. Федерал отвернулся от двойника, затихшего в обрушившихся на него ветках к оригиналу-Отцу.

–Ты ничего не забыл?– Спросил федерал, скрестив руки на груди.

–Что я должен был забыть?– Удивился Отец, в голове прокручивая события, которым он недавно был свидетелем.

–Детали, может какие, еще что-нибудь? Может, ты зонд видел темпоральный?– Спросил федерал.

Отец покачал головой. Он еще раз прокрутил всю ситуацию.

–Нет.– Сказал он подумав.– Точно нет. Ничего я больше не видел. Детали, может, какие и упустил, а в целом картина такая. «Форд» немного не такой. Не такой старый. А в целом, все как было.

–Ясно одно,– задумчиво произнес федерал,– это было темпоральное перемещение.

–Брат или шлюп?– Быстро, словно выстрел, спросил Отец.

–Шлюп. С твоим братом все гораздо более загадочно. Шлюп точно переместился во времени. Это я тысячи раз видел. Когда мы что-то перемещаем во времени, объект, если смотреть субъективно из этой эпохи, просто исчезает. Нет ни вспышки, ни грома, вообще ничего. Затем воздушная вол-

на. Она стремится заполнить образовавшуюся пустоту. Понимаешь? Не от объекта, а в его сторону волна идет. Ты темпоральные перемещения со стороны видеть не мог, поэтому я допускаю, что ты говоришь правду. А брат твой исчез самым таинственным способом. Мы так никого не перемещаем. Даже нуль-транспортным каналом перемещай, вспышки там, или просто света не бывает. Тут что-то другое. Это нам предстоит выяснить. Может и Инвизы. Кто его знает, на что они способны?

Отец кивнул. Он умолчал, что однажды он видел со стороны темпоральное перемещение. Он видел со стороны, как его самого забирают в будущее. Отец решил не говорить об этом федералам, чтобы те не устроили ему еще один допрос, чтобы они не стали доискиваться до возможного темпорального и континуального парадокса. Хватит и этого им. Пусть сначала разберутся со шлюпом, возможно, это поможет и в поисках брата.

Отец задумался. Инвизы. Дело принимает скверный оборот. С ними никак не получается полноценный и продуктивный контакт. Если Дэн у них, вызволить его будет сложно, если вообще возможно. Он не перемещался во времени. Федерал это утверждает категорично. Трибун тоже предположил, что Дэна украли Инвизы.

—Что будем делать дальше?— Спросил Отец.

—Что?— Федерал очнулся от своих мыслей.

—Я говорю, что делать будем?— Повторил Отец.

–Экспедицию готовить.– Сказал федерал.– Полетишь с нами. Если что-то не то нам рассказал, я тебя за ухо на крюке подвешу.

–Полететь– полечу. Только, заранее тебе говорю: я сказал правду. Мне скрывать нечего, да и не зачем. Мне нужен шлюп также как и вам. В конце концов, мне нужен мой брат.

–Верю. Будешь корректировать на месте ситуацию. Все. Всем вольно. Пора отдохнуть.– Рывкнул федерал.

Федералы еще немного покружили вокруг шалаша, в котором мирно спал двойник Отца. Бесцветный федерал присоединился к группе своих коллег, оставив Отца одного. Отец тоже немного потоптался вокруг осин, бросил последний взгляд на сосну, остановившую машину брата и сказал:

–Компьютер, выход.

Появившаяся меж сосен черная арка выхода смотрелась очень необычно среди пейзажа тихого двадцать первого века. Отец отметил для себя подобный анахронизм и попытался пройти через черное зеркало аппарата, но только прошел сквозь него, на другую сторону, оказавшись на пару шагов ближе к толпящимся федералам.

–Что, дружок,– улыбнулся бесцветный федерал,– улизнуть хотел?

–Больно мне нужно. Сами отпустите, придет время.– Сказал Отец.

–Логично.– Кивнул головой федерал.

Заказав своей безграничной волей выход, главный феде-

ральный агент покинул лес, вслед за ним последовали его коллеги. Отец решил не отставать от них, чтобы навеки не остаться одному среди этих безжизненных деревьев. Служебная комната снова была наполнена федералами, которые уже не обращали никакого внимания на Отца. Все что им было нужно, они получили. Пospelов стоял в сторонке, разглядывая снующих федералов и кидая полные тоски взгляды на Отца.

—Что грустишь?— Спросил Пospelова Отец, приблизившись.

—А что мне тут веселиться. У этих ребятков,— Пospelов одним подбородком указал на группу федералов,— у них сейчас будет много хлопот. А мне что делать? Я оперативник. У меня другая работа.

—Ты не к этому отделу приписан?— Удивился Отец.

—Нет, конечно. Это же временщики. У них все по-другому.— С грустью произнес Пospelов.

—А почему тогда ты с ними всюду ходишь?

—У меня с тобой контакт продуктивный завязался. Они решили, что мое присутствие будет на тебя действовать успокаивающе. Вот я и здесь.— Пожал плечами Пospelов.

—Да, дела... Они меня боятся что ли?— Спросил Отец.

—Не то, чтобы сильно бояться. Просто они боятся, что ты заупрямишься. У них, правда, есть куча средств, чтобы вытрясти из тебя все сведения, которые их интересуют. Сам понимаешь, это в общих интересах обойтись без них. Ни тебе,

ни им это в зачет не пойдет. Ты же у нас человек особенный. С тобой нельзя, как с другими.

—Что ты теперь делать будешь?— Спросил Отец.

Поспелов лишь пожал плечами.

—А мне что делать?

—Это ты вон у того чудака спроси. Он мне свои планы не докладывает.— Поспелов пальцем украдкой указал на бесцветного федерала.

—Не люб он мне.— Покачал головой Отец.— Больно уж претенциозный. Я бы его хворостиной вдоль того места, откуда ноги растут, перехватил.

—Я бы тоже. Он у моего брата ой, кровушки попил. Пони-маешь, такая гнида. Щеки отъел, что за сутки не облетишь.— Поспелов сплюнул от негодования.— А я ему в подчинение приписан.

—Терпи. Нас жучат, а мы крепчаем. Не грусти, бродяга. Отольются кошке мышкены слезы.— Похлопал по плечу Поспелова Отец.

—Иди, чего ты ждешь?— Сказал Поспелов.— Все сделал, так и иди. Подойди к нему, я думаю, он тебя отпустит. Если бы ты ему еще нужен был, он с тебя не слез бы.

Отец подошел к безликому бесцветному федералу и испросил разрешения покинуть дружную компанию, обсуждающую исчезновение шлюпа.

—Друг,— обратился к нему федерал.— Ступай. Мы с тобой свяжемся, когда в поход пойдем.

Твои друзья стаей на Луну воют, подумал Отец, а вслух произнес:

–Когда вы полетите? За шлюпом, я имею в виду.

–Скоро. Может даже, скорее, чем ты скажешь «Мозырьская краснознаменная дивизия».– С улыбкой на устах произнес федерал.

– Мозырьская краснознаменная дивизия.– Проговорил Отец.

–Конечно, может не так быстро.– Покачал головой федерал.– Но скоро. Нужно связаться с институтом времени, разработать совместный план похода, там много разного сделать. С документами все проблемы утрясти. Не переживай. Без тебя не отправимся. Ты у нас вроде заложника будешь.

–С вами, ребятки, не соскучишься. То подследственный, то заложник. Завтра могу оказаться жертвой.– Сказал Отец.

–Надеюсь, нет.

Отец предавался отдыху, стараясь быстрее забыть все, что с ним произошло за последние несколько дней. Он старался забыть федералов, которые пару дней истязали его и без того уставший мозг, старался забыть Петровича с его зомбирующим уколом. Постарался забыть все обиды, которые пришлось перенести, все заботы, которыми были наполнены дни. Он старался забыть Рыжую. Это удавалось хуже всего. В каждой женщине он видел ее. Ее озорную улыбку, ее маленькие точки веснушек, которые он так любил, ее восхитительную фигуру, с которой можно писать картины.

Из своего конверта с тихой заводью Отец сделал горнолыжный курорт, где дни напролет спускался на широких лыжах с заснеженных вершин. Он поднимался в подъемнике-кабинке, наслаждаясь видом зимнего леса и гор. На самой вершине обедал в ресторане, сделанном полукругом, чтобы из зала можно было любоваться открывающимися видами на гористые просторы. По нескольку раз скатывался с гор, оставляя за собой тучи рыхлого снега и восторженные крики.

Несколько дней конверт его был морем, где он с корсарами под парусами и Веселым Роджером бороздил Атлантический океан на шхуне с дивным названием «Синко Льягас». Он заходил на Барбадос, чтобы пополнить запасы пресной воды и починить мачты корабля, пострадавшие в битвах с испанским флотом. «Синко Льягас» уходил к Галапагосским островам, где, нарядившись естествоиспытателем, Отец в пенсне наблюдал за плавающими игуанами и вьюрками, которые водились только здесь.

Несколько дней Отец провел на борту «Наутилуса», где сам был капитаном. Он опускался в Марианскую впадину в поисках невиданных чудовищ. Он занимался дайвингом и собирал жемчужницы, которые носили в себе исключительно черный жемчуг. Отец плавал с акулами наперегонки, и пугливые гиганты непременно проигрывали ему в скорости. Отец, поднявшись в надводное положение, скользил по волнам на доске, ловя волну и балансируя, а окрестные мор-

ские просторы услышали немало простых и понятных русских слов.

Несколько раз Отец прыгал с парашютом и без него, приземляясь то на заснеженные вершины, то погружаясь в воду. Иногда он выбрасывался из самолета с доской для серфинга, чтобы покорить и воздушные волны атмосферы, которых оказалось немало. Отец прыгал с парашютом с горных вершин и в ниагарский водопад, хоть и боялся высоты.

От скуки он взбирался на скалы Памира и Эвереста. При этом он заказал у компьютера отключить опцию кислородного голодания на вершине, чтобы было веселее. Вобразившись на вершины, он оставлял надписи масляной краской: «Отец был здесь» или «Привет от Отца всем бездельникам. Знайте. Я здесь был первым». А на снегу палкой писал имя своей любимой, чтобы ветра и снег навеки унесли с собой его тайну.

Несколько раз Отец устраивал космические войны, где боевые вылеты случались сразу, стоило было Отцу отдохнуть или поест. Где стрельба из лазерных пушек и тяжелых корабельных бластеров крушила верткие истребители противников. Где космический флот под командованием контр-адмирала космического флота Отца после тяжелых изнурительных сражений одерживала потрясающие и героические победы. Отец не был кровожадным, поэтому в качестве противника выбрал себе воинственную планету, населенную роботами-олигофренами. После каждого сражения бортовым

медикам удавалось спасти всех членов команды, с которой Отец начинал войну.

Пару раз Отец устраивал сафари на тираннозавров и мастодонтов, имитируя в своем конверте времена изначальные. Он, вооруженный бластерами, гранатометами и легкими танкетками раскатывал по древней земле и крушил прожорливых гигантов прошлого. Охота ему тоже быстро наскучила.

Однажды Отец решил устроить ведьминский шабаш на Черной горе, окруженной топкими смертельными болотами. Тысячи ведьм слетелись на его зов, чтобы после дикой пляски вокруг жертвенного костра устроить оргии. Но, стоило костру потухнуть, чтобы великое таинство переселения душ состоялось, на горе появился Пospelов.

–Ух ты, Отец. Потом, когда все закончится, давай здесь с тобой повеселимся.– Говорил он, разглядывая голых чума-зых девиц, летающих на метлах в непристойных позах.– Почему я ничего такого у себя сделать не могу.

–Талант нужен.– Гордо заявил Отец, стыдливо натягивая на бедра повязку, сделанную наспех из мочала.– Главное–любить это дело. Тогда у тебя все получится.

Молоденькая ведьмочка спикировала из черноты небес на удивленного Пospelова и повалилась на него, заставляя трепетать все его мужские чувства. Отец окриком и взмахом руки отогнал от федерала неистовство молодости. Недовольная ведьмочка забавно поморщила свой носик и скрылась в цветущих кустах папоротника с молодым бесом. Пospelов

поднялся на ноги, возбужденно вращая глазами. Отец воспользовался минутным замешательством своего знакомого и облачился в джинсы и белоснежную рубашу с пышными манжетами, завязанную узлом на животе.

–Точно. Сюда нужно будет вернуться. Ведьмы– это так романтично... – Глубоко дыша, произнес Пospelов.

–Володька, я думаю, у тебя была веская причина испортить мне это праздник души и тела.– Сказал Отец, присаживаясь на жертвенный камень к догорающим углям костра.

–Ох, и не говори. Тьфу ты, прорва такая. Отдышаться не могу. Эта ведьма чуть дух из меня не вытряхнула. Что ты будешь делать! Старею, видимо. Чтобы меня молодая девчонка одолела с одного размаха... Такого со мной еще не бывало. Ух, и жгучая бестия. Где ты только фантазию такую берешь?– Проговорил Пospelов.

Пришлось дать немного времени федералу, чтобы тот отдышался и привел свои мысли в порядок. Вокруг царила вакханалия из обнаженных ведьминских тел, закрученных в заливатский танец, бесов и леших, от которых за версту несло болотной тиной. Метлы кружили в вышине сами собой, ведьмы были в экстазе танца и гордости за свои транспортные средства. Фавны из леса принесли свежих мандрагоровых ветвей, чтобы огонь разгорелся ярче и обдал пляшущих волшебным чудодейственным дымом.

Отец нехотя подкидывал в разгорающийся огонь веточки хвороста и дожидался, пока Пospelов не изложит суть

своего визита. Федерал подсел рядом на корточки. Ведьмы, взявшись за руки, стали кружить вокруг них и костра дикий безумный хоровод, распевая свои бравые песни и выдергивая волосы из своих макушек. Пospelов, освещенный красным светом костра, выглядел словно бес, уставший от игрищ. Глаза его сверкали при виде блестящих упругих женских тел и пожирала их.

– Не хочется отсюда уходить. – Воскликнул он, наконец.

– Так и не пойдем никуда. Сейчас облик подобающий примем и присоединимся к этим девчонкам. – Равнодушно сказал Отец.

Шабаш для него был уже безнадежно испорчен. Появление федерала к самому апогею лиходейства было самым ненужным подарком судьбы. Однако федерал считал по-другому. Пришлось продолжить пляски вокруг жертвенного костра и отодвинуть миг счастливой развязки шабаша.

– К сожалению... – Пропыхтел Пospelов.

– Что так?

– Поход. Не забыл? Пошли, тебя все ждут. – Сказал Пospelов, провожая взглядом молоденькую ведьмочку, которая страстно протягивала к нему свои руки.

– Поход? Какой поход? – Спросил Отец.

– За шлюпом твоим. Нужно около трехсот миллиардов километров пролететь, может чуть меньше. Пошли. – Сказал Пospelов.

Триста миллиардов километров – это очень много. Если

Кваоар находится от солнца в восьми с половиной миллиардах километров, то это получается в тридцать пять раз дальше лететь.

—Что-то далековато. Ближе никак?— Осведомился Отец.

—Никак.— Поспешил с ответом Пospelов.

—Я думаю, с ними можно будет договориться.— Сказал медленно Отец, подражая Трибуну.

—С ними то может и получится, а вот с Солнцем— никак.— Сказал Пospelов.

—При чем здесь Солнце?

—Солнце движется со скоростью около тридцати километров в секунду. Вот и подсчитай, сколько прошла наша солнечная система за это время.

—Много.— Согласился Отец.

—Вот то-то и оно. Пошли. Нас ждут. Потом сюда обязательно вернемся. Компьютер, выход.— Скомандовал разгоряченный шабашем федерал.

Какая-то ведьмочка взвизгнула, налетев на арку выхода, возникшей из ниоткуда на ее пути. Отец усмехнулся такой незатейливой травме и ушел сквозь черное полотно.

Оказавшись на мостике космического корабля, Отец увидел бесцветного федерала, пытавшего его двое суток. Встретившись с ним взглядами, Отец коротко кивнул. Федерал ответил тем же, не утруждая свой язык произнести по-русски слова приветствия. Возникший из арки Пospelов, еще не отошедший до конца от внезапных впечатлений, махнул

всем и крикнул:

–Встречайте звездного странника, баловня судьбы и черноты космоса. Вот он. Прошу любить и жаловать.

–Вовик, давай без пафоса.– Сквозь зубы процедил Отец. Бесцветный федерал подошел к Отцу.

–С временщиками мы все обсудили,– начал он без прелюдии,– они склоняются к мысли, что это было темпоральное перемещение.

–Как они это узнали?– Спросил Отец.

–Они тоже вместе с нами изучали тот макет, который ты нарисовал на местности. Так вот, мы подойдем к заданной точке и пустим темпоральный зонд. До этого времени ты нам особенно не нужен будешь, но когда мы его вернем, ты должен быть здесь как штык. Вопросы?– Чеканил слова бесцветный федерал.

–Вопрос такой. Когда меня в первый раз забирали, я не видел ни одного федерала, сейчас же я не вижу ни одного временщика.– Сказал Отец, окидывая взглядом публику, отмеченную эмблемами федеральной службы.

–Ты просто их не видел. Все темпоральные перемещения контролируются федеральной службой. Сейчас на кон поставлена судьба нашего континуума. Это работа для федеральной службы. Временщики обеспечивают техническое сопровождение и рассчитывают различные варианты последствий темпоральных вмешательств.– Сказал бесцветный федерал.

–Да, так всегда было.– С сожалением произнес Отец.

–Что было?– Не понял федерал.

–Тупая сила верхом сидит на мозгах.

–Не буду с тобой спорить. У меня другая точка зрения, у меня мало времени и у меня нет никакого желания вести с тобой полемику. Все. Вольно.– Железным тоном приказал федерал.

Поспелов потянул Отца за рукав белоснежной рубахи.

–Пошли, не спорь. Все равно ничего не выиграешь. Он здесь хозяин. Не сподручно с начальством лаяться.– Прошипел он на ухо, наклоняясь к Отцу.

Федерал круто развернулся и пошел прочь. Отец повернулся к Поспелову.

–Времени у нас много. Что будем делать?

–Давай пока шабаш продолжим. Ты снова все вернешь, как было. Повеселимся.– Поспелов хитро улыбнулся.

–Ох, Вовик, Вовик. Тебе же через два года шестьдесят стукнет, а ты все по бабам.– Грустно проговорил Отец.

–Что ты!– Замахал руками Поспелов.– Мне на будущий год только сорок три. Ты меня уже в старики записал.

–Шутка такая. Игра слов. Не грусти, только шабаш отменяется. Я как вот этого человека вижу, у меня несварение желудка случается. Я после такого несколько дней должен по горам лазить, чтобы хоть немного отпустило.

–Русская хандра?– Несмело спросил Поспелов.

–Что-то вроде. Сам не знаю. Все Рыжая из головы не идет

никак. Даже шабаш придумал, чтобы хоть немного от нее отвлечься. Так нет. Тут ты со своим походом. Как все не во время. Другого такого настроения еще долго ждать придется. Так что ты уж извиняй, как-нибудь в другой раз.— Замотал головой Отец.

—Слушай, батюшка. Ты мне сделай, как у тебя там, на горе, все было, а сам иди, хандри себе на здоровье. А?— С надеждой в голосе проговорил Пospelов.

—Пошли.— Сказал Отец.— Сделаю. Только ты уж не обессудь, я тебе не компаньон.

—Да ладно.— Махнул рукой Пospelов.— Я все понимаю. Любовь. Ты главное сделай, а там я уже без тебя справлюсь.

Отец ушел в конверторное пространство, которое изначально выглядит, как бездушный белый пластикой куб. Здесь гора. Пусть будет она черной. Кусты цветущего папоротника. Сегодня Иван— купала. У подножия мандрагора, чтобы ведьмы могли лихо летать. Болота. Едкие и топкие болота с гниющими корнями непей-травы. Костер. Едкий волнующий дым, от которого от ужаса стынет кровь. Ведьмы. Полетели на метлах.

—Бесы нужны?— Спросил через плечо Пospelова.

—Конкуренты? Не-а, не надо.— Замотал головой Пospelов, любопытно рассматривая голых девиц.

—А кто тебя будет растирать настойкой болотной слизи?— Неуверенно спросил Отец.

—Нужно? Тогда давай бесов.— Быстро согласился Пospelов.

ЛОВ.

Побежали бесы за дровами к кустам мандрагоры. Русалки. Пусть поют на флейтах из болот. Это будет хорошим аккомпанементом к визгам ведьм. Сова. Пусть плачущие и печальные глаза смотрят из темноты на костер. Вороны, пусть ведьмы их будут прогонять.

—Ну, вот, вроде бы и все.— Сказал Отец, окидывая взглядом, словно художник, свое детище.

—Спасибо, Отец. Все, можешь идти.— Сказал Пospelов, снимая и бросая одежду в жертвенный костер.— Нет, погоди. Ту ведьмочку, что на меня кинулась, верни, пожалуйста.

—Вот тебе ведьма.— Сказал Отец, и чумазая заводная расстрепанная на ветру девчонка полетела с визгом на метле.

—Спасибо, родной. Все, до встречи.— Махнул рукой Пospelов, словно выгоняя своего ландшафтного дизайнера.— Эх, девки... держись у меня. Сейчас я вам задам жару.

Отец спустился к болоту и активировал выход, чтобы какая-нибудь незадачливая ведьма не расшибла себе нос в лихом танце.

В своем конверте Отец устроил лишь койку и со всего размаха бросился на нее. Закинув руки за голову, Отец предался воспоминаниям. Пospelов. Как это было пошло. Отец уже сожалел, что решил таким образом предать образ любимой женщины, которую боготворил, и которой был готов простить все ее причуды. Даже ее неявка в условном месте во время «Ч», уже казалась невинной шалостью беременной

жены. Отец чувствовал себя предателем. Как он мог так низко опуститься? Как он мог веселиться с незнакомыми голыми девчонками возле костра, когда на свете есть ОНА, есть Рыжая, к которой устремлены все самые светлые чувства и нежные порывы. Больше не будет никаких девчонок, никаких оргий. Ничего такого, о чем бы потом сожалела душа. Пospelов пусть.

–Компьютер. Когда подойдем к цели, растолкай меня.– Сказал в воздух Отец.

Он настроил свой конверт так, чтобы не томиться в одиночестве в ожидании приближения к заветной точке пространства, где некогда крутилась матушка Земля. Время летело, словно бумажный змей. Отец этого не замечал.

–Корабль приблизился.– Констатировал компьютер.

–Выход.– Бросил Отец, вскакивая с кровати.

Черная арка выхода не заставила себя ждать. На мостике царствовала суета. Временщики настраивали свою хитрую аппаратуру. Федералы сновали, словно осы на груше.

–Отец, тебя что-то рано к нам занесло.– Сказал бесцветный федерал.– А Пospelов где?

–С девками шалит. В конверте у себя.– Сказал Отец.

–Почему я не удивляюсь?– Пропел федерал себе под нос.

–Потому что он всегда такой. Я думаю.– Ответил Отец сам себе.

–А ты здесь зачем?– Сверкнул глазами федерал.– Без тебя здесь тесно.

–Посмотрю, как зонд пускать будете. Я ни разу не видел.–
Сказал Отец.

–Ладно, смотри, только не мешайся. Не то вмиг тебя в конверте запру.

–Договорились.– Кивнул Отец и отошел к переборке мостика, стараясь прикинуться ветошью.

Временщики достали из своих тайников контейнер со сферическим темпоральным зондом. Его протестировали на установке, проверяя исправность всех его узлов, антигравитатора, фиксирующих устройств и двигателей.

–Все в порядке. Зонд исправный.– Сказал один из временщиков, который был одет в служебный белоснежный комбинезон.

В точно такой нарядили когда-то и Отца, когда он впервые очутился в этом времени. Он помнил свои первые удивления и восторги, когда осознал себя путешественником во времени и пространстве.

Временщик бережно взял зонд двумя руками и отнес ее к стоящей недалеко платформе, с которой и предстояло ему уйти в далекое прошлое. Платформу немедля окружило защитное поле, слегка опалесцируя при таком освещении.

–Всем отойти.– Скомандовал федерал.

Послушные подчиненные прекратили свой бег и в шеренгу вытянулись вдоль стен, с живым интересом наблюдая за темпоральным перемещением. Временщики суетились возле своих компьютеров, в последний раз сверяя простран-

ственные координаты корабля и темпоральной платформы, на которой, окруженный защитным полем лежал темпоральный зонд.

Отец во все глаза наблюдал за зондом, за временщиками, что суетились возле своих терминалов, за носовым иллюминатором, в котором кроме черноты космоса не было видно ничего. Странно подумать, что именно в этой точке пространства, где сейчас безраздельно царствует черный холодный космос, некогда был Отец, только что вернувшийся от цватпахов на свою Землю. В этой точке пространства он бродил по лесу, продрогший, но довольный, что невредимым вернулся домой. В этой точке пространства исчез его однояйцевый близнец Дэн.

—Countdown.— Скомандовал временщик и на шаг отступил от компьютера.

Бесцветный федерал тоже отступил назад, будто боясь, что его ненароком унесет в дикий и необузданный варварский двадцать первый век.

—Десять, девять, восемь...— Забормотал бортовой компьютер.— Один, ноль. Отсчет закончен.

Загудели генераторы. Отец знал, что темпоральные перемещения потребляют много энергии. Что ж, можно себе представить, чтобы проникнуть на много веков в прошлое, нужно очень постараться. Задрожал пол. Дрожь становилась все заметнее. Нарастал гул генераторов, в ушах стоял звон, как если бы по голове ударили бейсбольной битой. Отец за-

таил дыхание, поглядывая то на мониторы компьютеров, то на зонд, окруженный защитным полем. Краем глаза он уловил, что федералы тоже, затаив дыхание, переводят взгляды с мониторов на зонд и в обратном порядке.

В момент, когда дрожь корабля стала максимальной, а вой генераторов заглушил собой все звуки, сработало реле, и зонд исчез. Отец это уже видел и не раз, как предметы сами собой исчезали просто так, без видимой на то причины. Он ожидал, что возникнет воздушная волна, которая собой скажет, что произошло темпоральное перемещение. Но волна не появилась. Это все из-за защитного поля, догадался Отец. Это они защищают темпоральную камеру от внешнего окружения.

Гул генераторов не стихал, дрожь не уменьшалась. Прошло не более двух секунд, как зонд появился на платформе, на которой его утвердил временщик. Отец округлил глаза. Неужели ничего не получилось? Как так? Он ожидал, что зонда не будет, по меньшей мере, несколько часов. Что же могло произойти?

Стоило генераторам ослабить свой вой, а дрожи корабля уменьшиться, Отец бросился к бесцветному федералу.

–Слушай, не получилось ничего?– Спросил он со страхом.

–Все получилось.– Уверенно сказал федерал.

–Но...– Заикаясь, спросил Отец.– Зонда не было не больше двух секунд.

–Ну и что?– Спросил федерал, поглядывая на Отца, как на дикого.

–Как что? Что он мог за две секунды осмотреть?

–Он пробыл в прошлом около суток. Что ты мечешься?– Недовольно спросил федерал.

–Как так суток?– Не понял Отец.– Ты шутишь?

–Ни сколечко. Его отправили незадолго до твоего появления. Он там побыл около суток, все осмотрел и вернулся в заданную точку. Мы его вернули немедленно. Для нас прошло несколько мгновений, а для зонда несколько часов. Подумай на досуге.– Отмахнулся от Отца федерал.

Отец стоял, осмысливая услышанное. Вот дела! Он никогда и не мог себе этого представить. Хотя, теоретически, в этом нет ничего особенного, просто Отец никак не ожидал такого поворота событий.

Временщик выключил защитное поле и извлек темпоральный зонд. Отец его не видел, когда ждал брата в Кичигинском лесу. Хорошая маскировка, подумал Отец. Федералам плюс в зачет.

–Что я могу сказать?– Откинулся временщик от компьютера.– С этим нужно еще разбираться, но первое, что я могу сказать вам: это наше темпоральное перемещение.

–В каком смысле, наше?– Не понял Отец.

–В том смысле, что это наша экспедиция переместила твой шлюп.

Глава 6.

Зонд вынырнул из облаков и завис над кронами сонных деревьев. Здесь ему предстоит провести пару часов, пока шлюп не войдет в плотные слои атмосферы и не станет доступным для наблюдения. Автоматика зонда определила координаты своего положения по ориентирам, определенным заблаговременно. Сквозь хмурые тучи едва угадывались ночные светила. Определить их положение в пространстве для точных электронных и наномеханизмов не составило особого труда. Этих данных оказалось достаточно, чтобы определить время своего появления. Металлический шар застыл и, казалось, навеки. Работал лишь антигравитатор, да оптическая система наведения.

Время шло. Вот, шар, висящий в воздухе, вздрогнул и сделал небольшой круг над бором. В небе появилась тусклая точка, которая с течением времени становилась ярче и больше. Было все еще тихо. Точка росла, пока не превратилась в небольшую летательную машину. Стал слышен шум работы тормозных двигателей. Машина шла на посадку. Зонд затерялся в кроне стоявшей неподалеку разлапистой сосны. В наступающем сумраке его обнаружить было практически невозможно. Программа предписывала прибору всегда при любом стечении обстоятельств оставаться незамеченным.

Спасательный шлюп, окруженный защитным полем, на миг завис над бором и пошел на посадку, сдирая кору с со-

сен, меж которых ему предстояло приземлиться. Зонд определил параметры шлюпа. Его массу, спектральный анализ вырывающегося отработанного топлива, напряженность защитного слоя, параметры внешнего излучения. Выходить на радиосвязь с бортовым компьютером, чтобы обменяться визитными карточками, было запрещено.

Шлюп утвердился меж деревьев. Защитное поле, померцав, исчезло. Двигатели умолкли. Люк шлюпа откинулся и на прогалину из машины выбежал полуголый человек, едва одетый в какое-то рубище. Зонд определил размеры, вес и биологический износ объекта. Это-вторая цель, за ней тоже необходимо вести наблюдение. Человек прыгал, бесновался, матерился, падал, зарываясь лицом в опавшую листву, и снова скакал. Зонд фиксировал каждое движение странного человека, который выпрыгнул из глубин космоса. Человек терял тепло. Это было хорошо заметно в инфракрасном спектре. Конечности приобрели циановую окраску, однако сердце и мозг, источающий восторг и вопли, оставались красными.

Зонд определил напряженность магнитного поля планеты, естественный радиационный фон, состав атмосферы, характер внешнего излучения шлюпа и человека. Все показатели были в пределах нормы. Отклонений от прогнозируемых цифр не было. Зонд продолжал наблюдение.

Человек, обретя стойкую синюю окраску в инфракрасном спектре, скрылся в шлюпе. Из недр машины слышался раз-

говор бортового компьютера и странствующего ортодокса. Зонд настроил микрофоны и стал вести запись разговора. Некоторое время спустя, человек еще несколько раз показывался из шлюпа, однако от него далеко не отходил, поэтому зонд решил не менять место своей дислокации.

Время шло. Занималась заря. За это время человек несколько раз выглядывал из шлюпа и прятался вновь. Затем, облачившись в тяжелый монтажный скафандр, стал собирать опавшие ветки и складывать их на свою космическую посудину. Зонд фиксировал каждое его движение. Затем, немного успокоившись, человек снова забрался в шлюп, где снял свой скафандр. Покинув спасательную космическую машину, человек приказал бортовой автоматике включить все следящее оборудование, и направился к дороге.

Зонд сканировал пространство на несколько километров вокруг. Других летательных объектов и людей с заданными характеристиками в округе не было. Шар принял решение подняться на несколько метров вверх, чтобы вести наблюдение за биологическим объектом в видимом спектре. Человек уверенно шел к дороге, дойдя до которой, уселся на придорожный камень. Шлюп оставался недвижим. Своими чуткими приборами зонд ощущал напряженность магнитного поля шлюпа, которая наблюдается при включении аппаратуры слежения. Зонд старался быть незамеченным бортовой автоматикой спасательной машины.

Человек соскочил с камня и побежал навстречу показав-

шейся машине. Авто вильнуло в сторону и продолжило движение. Объект, за которым программа предписывала следить, замахал руками и закричал непристойности.

Вдруг зонд почувствовал, как рвется тонкая сетка пространственного континуума. Она треснула и порвалась. Со стороны дороги вспыхнул мощный источник света. Здесь были и рентгеновские и космические лучи. Магнитные поля меняли свою напряженность и полярность. Излучение исчезло так же внезапно, как и появилось. Сеточка пространственного континуума восстановилась, не оставив и бреши. Объект последовал за машиной, которая остановилась у дерева, растущего рядом с дорогой. Человек покружил вокруг железных останков автомобиля и направился в лес.

Пространственно-временной континуум вздрогнул. Его тонкая сетка растянулась, появилась брешь, через которую зонд ощутил воздействие знакомых аппаратов будущего. Биологический объект приближался к шлюпу. Напряженность темпоральных полей выросла, шлюп совершил темпоральный прыжок, континуум восстановился. Прокатилась воздушная волна, заполнившая через несколько мгновений образовавшуюся пустоту. Человек, подхваченный волной, полетел, ударился головой о камень и, засыпанный ветками бывшего шалаша, затих.

Зонд спустился вниз. С пяти метров он отчетливо наблюдал за биением жизни в организме. Человек пострадал меньше, чем можно было ожидать. Находиться в такой близости к

темпоральному перемещению без защитных устройств было крайне опасно. Сатурация девяносто шесть процентов. Артериальное давление сто на шестьдесят миллиметров ртутного столба, число дыхательных движений восемнадцать в минуту. Периферические сосуды раскрыты, тахикардия девяносто восемь ударов в минуту. Жизненно важные органы не повреждены, если мозг не считать таковым. Внутреннего кровотечения нет. Костный скелет цел. В экстренной медицинской помощи объект не нуждается.

Все. Действий нет. Зонд перешел в режим ожидания. Дальнейших инструкций не было. До контрольной точки во времени остается еще масса времени. Только стемнеет, нужно будет выйти в условленную точку пространства над кронами деревьев и ждать.

Время шло. Солнце высоко поднялось над осенью, затем закатилось за горизонт. Человек лежал неподвижно в наваленных на него ветках. В последний раз измерив жизненные показатели макроорганизма, зонд поднялся над бором и полетел в условленную точку пространства.

Минута. Друга. Беззвучная волна воздуха известила мир, что маленький металлический пришелец из будущего улетел обратно.

—Отец, я, честно говоря, очень удивлен.— Сказал бесцветный федерал.— Ты нисколько нам не налгал. Это не в твоей манере.

—Ты меня плохо знаешь.— Сказал Отец.— Я стараюсь не

врать, если моей персоне не угрожает опасность. Это мое кредо.

–Постараюсь запомнить.– Кивнул федерал.– Не хватает в твоём рассказе некоторых мелочей, но они нам, собственно, и не нужны.

–Я тебе сказал, что шлюп вернуть тоже в моих интересах. Мне он нужен так же, как и вам.

Компьютер обработал информацию, которую с собой доставил из прошлого зонд. Все сведения, указанные Отцом, нашли свое подтверждение. Федералы и временщики удивлялись одновременно. Шлюп переместился во времени, о чем свидетельствует наблюдение зонда, благодаря текущему походу. Временщик объяснил, что характер полей и разрыв темпорального континуума для каждой временной установки индивидуальный и сравним с пушечными выстрелами с одного конвейера, которые оставляют на пуле следы, характерные только ему одному. То же самое и происходит с темпоральными перемещениями. Каждая установка характером полей и разрывом континуума отличаются, как узоры на пальцах человека.

–Следовательно,– сказал временщик,– нам нужно забирать шлюп. Все просто.

–Ничего не просто.– Сказал федерал.– Нужно выйти на связь с командованием и получить разрешение. Иначе нельзя.

–Выходите.– Пожал плечами временщик.– Я тоже свя-

жусь со своим руководством. Ситуация неординарная. Не мы планируем темпоральное перемещение, теперь время диктует нам свои законы. Я с таким еще не сталкивался.

– Подождите, – сказал Отец, – что же получается такое? Выходит, это я сам спровоцировал исчезновение шлюпа там, в своем времени?

Федералы и временщики обернулись к нему и насторожились.

– Если бы я, допустим, не сказал бы вам, что мой шлюп исчез сам собой, а солгал, что я его утопил, скажем, в болоте, тогда бы он не исчез, когда я к нему уже почти подошел? Если бы я вам не сказал, что шлюп исчез, то я бы все-таки дошел до него и обработал еще там, в лесу все сведения, которые следящая аппаратура зафиксировала?

– Если бы у утюга были ноги, он был бы танком. – Сказал федерал.

– Что же это такое? – Продолжал возмущаться Отец. – Это я сам у себя из-под носа увел свой шлюп? Вот дела. Никогда такого не слышал, чтобы кто-то крал свои же собственные вещи...

– Шлюп не твой. – С пафосом, не характерным служакам, заявил бесцветный федерал.

Отец, словно бы и не слышал реплик лощеного федерала и продолжал сокрушаться.

– Если бы я вас не навел на шлюп, значит, вы не смогли бы меня взять там, в прошлом, в моем времени.

Нет. Не годится, размышлял Отец. Шлюп исчез изначально, а только потом я сообщил о его исчезновении. Но если бы я не сообщил о его исчезновении, он бы не исчез. Голова кружится. Время очень строгая штука. Она не прощает промахов, Отец в который раз убедился в этом.

–Вот вам еще одна задачка.– Сказал какой-то федерал временщикам.– Будете ломать головы.

–Разберемся. Но с таким временным парадоксом мы встречаемся впервые. Это уж точно, как черничный пирог.– Сказал временщик.

Федералы ушли в конверторное пространство, чтобы связаться со своим руководством и согласовать дальнейшие действия. Временщики уселись за компьютеры, обрабатывая полученные данные и просчитывая степень риска от предстоящего темпорального перемещения. Они отослали отчет о проделанной работе, чтобы высшее научное руководство составило дальнейший план экспедиции совместно с темпоральным отделом федеральной службы.

Мостик опустел. Два андроида присоединились к временщикам, помогая им обрабатывать информацию. На Отца никто не обращал внимания. Поспелов так и не выходил из своего конверта, увлеченный молоденькими ведьмами и бесчинством возле жертвенного костра.

Отец вошел в свой конверт и пустился в глобальную базу данных. Здесь не существовало паролей и запретов, которыми он был ограничен на Земле. Отец развернул данные, при-

везенные зондом из тихого двадцать первого века, и заново пережил волнительные моменты своего прибытия с Цватпы. Затем он обратился к замерам темпоральных возмущений, зафиксированных зондом, магнитных и электромагнитных полей. Для себя Отец обнаружил несколько неприятных моментов. Многие параметры, которые помогли бы понять степень участия Инвизов в исчезновении брата, зонд не фиксировал. Это объяснялось просто. Задача темпорального зонда была лишь— слежение за объектами, определение их точных пространственных и временных координат, да характеристики темпоральных перемещений. Более точные и всеобъемлющие замеры он делать не в состоянии.

Нужен шлюп. Зонд здесь не помощник. Отец сравнил характеристики полей, зафиксированных в двадцать первом веке с характеристиками полей корабля, на котором он прилетел сюда. Становилось понятным, о чем говорил временщик. Это темпоральное перемещение— их перемещение. Что ж, пусть будет так. Следовательно, нужно доставать шлюп из двадцать первого века, чтобы наступило счастье, другого пути нет.

Отец определил точные координаты шлюпа и время его темпорального перемещения, составил алгоритм подхода корабля конфедерации к заданной точке, напряженность полей, которые осуществят захват шлюпа. Сложного нет ничего. Он еще раз проверил свои расчеты. Согласно этому алгоритму шлюп беспрепятственно покинет Кичигинский бор

и очутится в космосе за триста миллиардов километров от Земли, которая вслед за Солнцем бежит со скоростью тридцать километров в секунду.

Когда Отец в последний раз видел шлюп, его люк не был задраен. Это ничего. Биологических объектов на борту не было, только бортовая автоматика, да мобильный компьютер, который вместе с Отцом путешествовал с Плутона до Цватпы, а затем до Земли. Космос не мог повредить мозгу бортового и мобильного компьютеров. За остальное можно не переживать. На борту осталась рыба, которую Отец так и не съел, вернувшись на Землю. Эта рыба была поймана на Цватпе услужливыми цватпахами.

Отец подсоединился к каналу связи временщиков, которые вели активный диалог со своими земными коллегами. Звездный странник предложил план возвращения шлюпа, который только что разработал. Временщики его отвергли через секунду рассмотрения. Отец в своих расчетах не учел рядом стоящие деревья, которые должны были остаться в своем времени, он не учел так же хворост, который закрывал машину в двадцать первом веке. Его нужно было тоже оставить. Лишние темпоральные артефакты не нужны. Оставить нужно было и примятую траву, на которую совершил посадку шлюп и следы грязи на посадочных шасси. В далеком космосе ей тоже не место.

Отец почувствовал себя наивным глупым мальчишкой, который собрался играть в мужские игры. Он производил

свои расчеты с погрешностью до полуметра, чтобы ненароком не оставить в прошлом кусок тормозного двигателя. Эти условия значительно усложняли задание. В базе прозвучала просьба не вмешиваться в серьезные дела дилетанту, на которую Отец откликнулся обидой.

Временщики совместными усилиями с Землей рассчитывали возможные проблемы и вероятности исхода темпорального перемещения. Отец не стал вмешиваться в серьезный диалог профессионалов, лишь со стороны смотрел, как шаг за шагом решение проблемы определялась математическими формулами и алгоритмами. Земные временщики склонялись к мысли, что шлюп необходимо переместить в условиях данной экспедиции. Федеральные агенты хранили гордое молчание, они не склонялись к скоропалительному предложению немедленного перемещения шлюпа, они так же не настаивали на создание специальной экспедиции, чтобы вернуть посудину.

Бог с ними, подумал Отец, пусть решают. Им за это, в конце концов, платят деньги. Он решил навестить своего героя-любовника на Черной Горе, дабы удостовериться, что с ним все в порядке и что ведьмы не обратили его в новую веру.

—Компьютер, к Пospelову хочу.— Сказал Отец.

Черная арка выхода пригласила Отца следовать ею на шабаш. Вернувшись на черную гору, Отец огляделся. Он не узнавал своего творения. От ночи не осталось и следа. Све-

тило яркое солнце, дул слабенький бриз с болот, где вместо болотной тины и гниющих корней непей-травы блестели никелированные понтоны, с которых водяные ныряли за раками. На плесе, где Отец переплел корни ив, был раскинут пляж, а русалки, привязанные хвостами к доскам, катались на скейтбордах. Костер давно погас, и на месте кострища высилась горка органического мусора. Там валялись колбасные обрезки, жестяные пивные банки, фисташковая скорлупа, пластиковые бутылки и красные панцири вареных раков. Вокруг большого плоского жертвенного камня собралась вся лесная нечисть. На черепах, брошенных прямо на земле, сидели черти с накрашенными губной помадой рогами, рядом с ними расположились вампиры с длинными клыками, торчащими из-под губ. Бесы суетились вокруг сидящих за камнем леших, поднося им в кубках из березовой бересты томатный сок. Во главе стола, раскрашенный охрой и грязью верховодил Пospelов. Черти ругались на разных языках, ежеминутно призывая в свидетели своего главного черта, что Пospelов мухлюет. На коленях чертей, бесов и леших сидели растрепанные голые ведьмы и что-то им нашептывали. Девушки сторонились лишь вампиров, боясь их счастливых поцелуев. Пospelов тоже был окружен стайкой молоденьких потных ведьм, которые хихикали и закручивали на палец его кучерявые волосы.

Пospelов жулил в покер. Чуть дальше, за жертвенным камнем, связанные грубой бечевкой, стояли привязанные к

дереву едва заметные бестелесные души полководцев.

–На что играешь?– Осведомился Отец.

–Вон,– Пospelов махнул на едва различимых на солнечном свете призраков,– на души.

–На кой они тебе?– Удивился Отец.

–А на что играть? На раздевания что ли?– Махнул рукой Пospelов.

Отец оглядел публику. Едва ли у каждой десятой ведьмы к бедру было привязано мочало. А к мужскому полу Пospelов имел только коммерческий интерес.

–Да.– Согласился Отец.– Нелегко тебе.

–Ой, не говори,– согласился Пospelов,– надуть меня хотят, только отвернись.

–Но я гляжу ты не в убытке.– Сказал Отец.

–А кому сейчас легко? Вон,– Пospelов кивнул в сторону призраков,– сколько уже выиграл. Черти, знаешь ли, скряги. От них хорошей ставки добиться– очень нужно раззадорить. Они мне за Суворова всю плешь проели.

–А ведьм что в игру не берешь?– Спросил Отец.

–Поддаются.– Бросил Пospelов.

–Поддаются?

–Ага, так и норвят быстрее проиграть, чтобы телом расплатиться. Сначала было увлекательно, но я, знаешь ли, не Геракл.– Сказал Пospelов.

–Причем здесь Геракл?– Удивился Отец.

–Как причем? Тринадцатый его подвиг помнишь?– Спро-

сил Поспелов. Отец покачал головой.— Он за ночь сорок девок испортил.

Отец услышал шум, доносящийся из-за леса.

—Что там такое?— Спросил он.

—Экзекуция сейчас будет.— Сказал спокойно Поспелов, раскидывая карты у себя в руке.— Один чертенок, ох и хитрый, мухлевал много. Больше меня. Так я его... Пушай полетает.

Из леса вынесли чертенка, привязанного к огромной ракете, что стреляет фейерверком на Новый Год. К ракете был прикреплен шест, который воткнули в яму, заранее заготовленную к такому случаю. Чертенок извивался и матерился, он жалобно просил отпустить его, чертыхался и ругался на неизвестных языках. Черти бесы и вампиры покатывались со смеху, наблюдая за кривлянием неудачника— шулера. Две ведьмы подскочили к ракете с факелами и подожгли фитиль, болтавшийся у ног чертенка. Карточная игра остановилась. Все с улюлюканьем и прибаутками наблюдали за чертенком. Реактивное пламя праздничной экзекуционной ракеты взялось, из сопел стал вырываться рыжий смердящий дым, ракета дрогнула и со свистом устремилась в небо. Все смешки затихли и даже русалки остановили свои скейтборды, задрав свои зеленые глаза к небу. Ракета неслась к облакам, она выписывала немыслимые виражи и выла, как паровозный гудок. Вперемешку с воем дюз ракеты до земли неслась отборная брань насмерть перепуганного чертенка. Наконец

ракета взорвалась, и сноп разноцветных искр рассыпался по синему небу. Чертенка отбросило далеко в сторону. Ведьмы и лешие завывали от восторга. В воздух полетели мочала, которые еще не покинули своих мест на бедрах. Бесы кидали карты и черепа, вампиры скулили. Пospelов скупно похлопал в ладоши и стал следить за падением чертенка. Его несло в болота, гуда кинулось несколько водяных, чтобы доставить наказанного к судилищу.

Маленькое волосатое тело чертенка плюхнулось в болотную жижу, подняв со дна целые тонны зловонной тины. Приблизившиеся водяные привязали к ноге маленького шулера длинную бечевку и поплыли к берегу, таща его за собой. Чертенка матерился чаще, чем дышал. Он не переставал ругаться с самой земли. Ведьмы покатывались со смеху. Пospelов, восседавший на черепае, довольно наблюдал за вакханалией царящей вокруг с самодовольной улыбкой. Чертенка перепуганного и грязного подвели к Пospelову и бросили на колени.

–Молви.– Царственным перстом велел Пospelов.

–Господин начальник великий Пospelов, прости меня, неряху, не буду мухлевать, вот те крест.– Сказал чертенка, вытаращив глаза.– Чтоб мне света белого не видеть, если еще раз себе карты сдавать буду. Бес попутал. Не гневись, господин начальник великий Пospelов.

–Отмыть его шампунем.– Скомандовал Пospelов.

–Нет!– Заорал чертенка.– Господин начальник великий

Поспелов, лучше снова на ракету, не нужно шампунем.

–Цыц,– цыкнул Поспелов.– Не то тебя накажу ладаном растереть. От тебя дурно пахнет. Шампунь!

Два могучих беса схватили чертенка за хвост и поволокли с горы под смех и прибаутки голых ведьмочек. Чертеночек подпрыгивал на камнях и кореньях, ругался пуще прежнего, проклиная судьбу и того, кто придумал покер.

–Так вот мы и живем.– Довольно произнес Поспелов.

–Я думал, что ты тут с ведьмами забавляешься.– Сквозь смех сказал Отец.

–Я, конечно, не без греха. После ведьм сели в картишки перекинуться. Что тут плохого?

–Да нет. А ты говорил, что фантазии у тебя не хватает.– Сказал Отец.

–Учусь у тебя. Я думаю из них теперь цирк сделать.– Сказал Поспелов, грозно обводя взглядом лесную нечисть.– Кто жулить будет, «Барыню» у меня с медведями плясать будете.

Нечисть опустила очи долу. По их виду можно было сказать, что никто из них не играл честно. Поспелов от них не отставал.

–Все.– Хлопнул в ладоши Поспелов.– Хватит играть. Что-то в горлышке пересохло.

Какой-то расторопный бес приволок с плеса деревянную бадейку и бросил в нее несколько ендов. Ведьмы откупоривали жестяные банки с пивом и выливали в бочонок пенящееся ароматное пиво.

–Рассыльный.– Позвал Пospelов плешивого лешего.– Метнись к водяным, пускай нам раков вареных с таранькой сушеной изладят. Мы тут с Отцом разговор разговаривать будем. Или пойдем на болото?

Пospelов с вопросом обратился к Отцу. Отец пожал плечами. Если Пospelов приглашает к болоту, значит, хочет чем-то удивить.

–Пошли к болоту.– Согласился Отец и стал спускаться к пляжу по узкой извитой тропинке, по которой только что утащили шулера– чертенка.

–Поляну туда отнесите.– Пospelов кивнул ведьмам на бадейку с пивом.

Расположившись на мягком песке, Пospelов зачерпнул из бочонка полную ендову пива и протянул ее Отцу, затем налил себе и углубился в изучении ее дна. Водяные принесли вареных раков, завернутых в широкие листья лопуха, и положили перед Пospelовым. Русалки вытащили из своих укромных мест сушеную рыбу и разложили ее здесь же. Пospelов распорядился, чтобы две аппетитные русалочки сидели сзади и обмахивали друзей хвостами, отгоняя комаров и мух.

–Дельфинарий устроим сейчас.– Сказал со смехом Пospelов.

Несколько русалок с ядовитыми зелеными волосами запрыгали по воде, они ныряли и выпрыгивали из болотной жижи, кружились в хороводе и выписывали немислимые пи-

руэты в воздухе. На понтон взбежал жирный и обрюзгший водяной и с рук стал кормить голых русалок сырой рыбой.

–Как дела там?– Спросил Пospelов, кивая головой куда-то в воздух.– Зонд запустили уже?

–Запустили.– Ответил Отец, счищая шкуру с сушеной тараньки.– Уже вернули. Представляешь, шлюп пропал. Это наше темпоральное перемещение!

–Да ну?– Удивился наигранно Пospelов.

Отец объяснил своему товарищу суть темпорального парадокса.

–Да, вот дела. А мы тут все пивом балуемся.– Махнул рукой Пospelов.

Русалки обмахивали Отца и Пospelова хвостами, и жара перестала быть утомительной. Комары и мухи, испуганные порывами ветра, скрылись. Другие русалки восхищались взгляд своей бесхитростной игрой в мутных водах болота.

–Это радует, что хоть у тебя все ровно.– Сказал Отец.

–Ну, и какие планы на вечер?– Спросил Пospelов, осушив огромную ендову.

На щеках повисла белая пивная пена. Лицо Пospelова излучало спокойствие и гармонию внутреннего мира.

–Сейчас твои дружки с временщиками хотят шлюп забрать, чтобы двадцать раз сюда не летать.– Сказал Отец.

–Какие такие мои дружки?– Поднял на Отца сытые очи Пospelов.

–Федералы. Какие еще.– Бросил Отец.

—Они мне такие же друзья как собаке палка. Начальство, репей ему в кишки. Так и пусть забирают. Какие проблемы? Не вижу никаких проблем. Если это наше перемещение, что тут долго думать?— Сказал недовольно Пospelов.

—Я тоже так думаю.— Согласился Отец.— Мне здесь не особенно нравится сидеть.

—Русалки не нравятся?— Удивился Пospelов.

—Нет, русалки— это нормально. Мне брат нужен. Домой хочу, как кот чесаться.

—Перестань.— Махнул рукой Пospelов.— Вон, пиво пей, хочешь, возьми ведьму, да куда-нибудь за пригорок.

—В другой раз.— Замотал головой Отец.

—Брось ты. Все Рыжую свою забыть не можешь? Плюнь ты на нее. Вон сколько их.— Пospelов пальцем обвел всех голых ведьмочек, у которых похотью светились глаза.— Расслабься.

—Вовик. Проехали эту тему.— Недовольно фыркнул Отец.

—О, о, о.— Возмутился Пospelов.— За живое задели. Не дрейфь. Я тебя обидеть не хотел. Как же здесь хорошо. Отец, что-нибудь в этом роде сможешь еще создать.

Пospelов руками показал, как ему здесь, на берегу зловонного болота у подножия Черной Горы, нравится.

—Что же не создать. Есть пара мыслей. Пока здесь появемся.— Сказал Отец.

—Ты можешь, кстати, этим себе на хлеб зарабатывать. Знаешь?— Спросил Пospelов.

—Как это?— Не понял Отец.

–Моделировать конвертерное пространство. У тебя не кисло это выходит. Твоя заводь, шабаш... Ты вот лучше, чем нюни распускать, создавай такие картинки. Это пользуется спросом. Деньги рекой льют. У нашего народа со смекалкой проблемы большие, а у тебя свежий взгляд на вещи.

–Вовик, спасибо за совет, конечно. Только я не смогу.–
Отрицательно покачал головой Отец.

–Как это не сможешь? Это же смог сделать.– Усмехнулся
Поспелов.

–Я здесь не собираюсь надолго оставаться. Вот решу проблему с братцем и вернусь домой. Мне федералы твои обещали. На это время денег, надеюсь, хватит. А дальше? С собой я их забрать не смогу. У нас технологии не те, да и деньги осязаемые.– Сказал Отец.

–Видел я ваши деньги. Очень неудобно.

–Ну, вот сам видишь.– Пожал плечами Отец.

–Но мне-то ты напишешь пару тройку сюжетов?

Отец кивнул. Очень лестно Поспелов относился к весьма скромным способностям Отца в качестве ландшафтного дизайнера. Однако, мысль, что твои творения кому-то нравятся, не претила. Вот если бы с Рыжей все наладилось, и она решила не рушить семью, тогда Отец смог бы остаться и создавать такие вот уютные уголки. В противном случае, такая идея была бы бесполезной.

–Так, девочки.– Крикнул на ведьм Поспелов.– Ну-ка, духов с горы приведите. Хочется экстрима.

Ведьмы бросились к своим метлам и шумной стайкой улетели на вершину горы, с которой вернулись в сопровождении душ, выигранных у чертей Пospelовым.

—Дядьки. Покажите нам какой-нибудь фокус. Вы лучше меня знаете.— Крикнул на призраков Пospelов.— Что-нибудь этакое...

Призраки бывших военачальников освободились от пут, связывающих их мерцающие во свете бестелесные оболочки. Они принялись жонглировать головами и играть ими в крокет. Затем, привидения стали забавлять добродушного федерала тем, что перекидывали конечности своим однополчанам, переставляли их местами и сгибали в немыслимых плоскостях. Однажды Гитлер оказался четырехногим уродцем, ходившим на трех руках. Это очень позабавило Отца, однако он жестом приказал распустить этот балаган и призраки, шушукаясь, удалились в тень кустов мандрагоры, недовольно посматривая на Отца.

Меж деревьев появился выход.

—Ты компьютер звал?— Спросил Пospelов.

Отец отрицательно что-то промычал. Говорить он не мог, потому что был занят поеданием рыбы.

—И я не звал.— Сокрушался Пospelов.— Кто звал выход?

Пospelов оглядел нечисть, веселившуюся вокруг. Веселье умерло внезапно. Понурые черти и вурдалаки в священном страхе трясли своими косматыми головами. Призраки сбились в кучку, чтобы их было меньше видно.

–Значит, нас зовут. Типа, тонкий намек на толстое обстоятельство. Пошли, Отец. Продолжим праздник потом.– Сказал Поспелов, поправляя набедренную повязку из растрепанного мочала.

Отец встал с песка, не утруждая себя отряхиванием. И так ничего не будет. Здесь все виртуальное. Отец ушел. Поспелов, уходя, шлепнул молоденькую ведьмочку по мягкому месту, та зарделась гордостью и огнем.

На мостике собралось много народа. Федералы практически все были в сборе. Они стояли позади временщиков, колдующих возле экранов компьютеров. Отец с Поспеловым приблизились к группе ученых.

–Что случилось?– Спросил Отец.

–Получили разрешение на перемещение твоего шлюпа.– Тихо сказал федерал, который ближе всех стоял к Отцу.

–Когда все начнется?

–Сейчас. Временщики проверят расчетные данные и все начнется. Сам смотри.– Шикнул на Отца федерал.

Последний приготовления закончились и временщик, колдовавший возле терминала, компьютера произнес:

–Countdown.

Баритон компьютера начал обратный отсчет. За носовым иллюминатором, открывавшим виды на космические просторы, засветилось защитное поле, которое было необходимым атрибутом всех темпоральных перемещений. Отец смотрел за действием, разворачивающимся перед носом кос-

мического корабля, затаив дыхание. Лишь временщики, для которых темпоральное перемещение было обыденным, как для повара котлеты, тихо переговаривались меж собой, искося поглядывая на графики силовых полей, обозначенных на многочисленных мониторах. Загудели генераторы, пол корабля задрожал. Отец широко раскрыл глаза, стараясь не мигать, чтобы не пропустить ничего важного. Сейчас шлюп, который исчез так внезапно в утреннем Кичигинском лесу, явит себя новому миру.

Защитное поле, окружившее точку темпорального перемещения, замерцало, готовясь принять в свою сущность железное тело космического аппарата, который лишь волею судеб оказался в прошлом. Еще миг и шлюп появился. Только что его не было, и вот он есть. Словно чья-то неведомая рука включила рубильник с надписью: «Быть шлюпу». Космическая посуда висела в космосе, окруженная защитным полем. Шлюп был таким же, каким остался в памяти Отца, когда он поднимался по холму в Кичигинском бору в момент его исчезновения. Для шлюпа не прошло и мгновения с того момента, как Отец видел его в последний раз. За этот миг, прошедший для космического аппарата, Отец уже успел проехать пол-России в двадцать первом веке, вернуться в будущее, повидать Рыжую, слетать на Плутон, навестить Декса на Адло. Удивительная штука— время.

Временщики с борта корабля проверили в последний раз наличие биологических объектов на шлюпе, проверили ис-

правность бортовых систем спасательного аппарата и выключили защитное поле. Шлюп окутало белым облачком кристаллизирующейся воды, которая находилась в воздухе, привезенном из прошлого. В лучах прожектора, шлюп засверкал заиндевелыми пятнами на обшивке.

– Вот и все. – Сказал временщик, откидываясь на спинку кресла. – Надеюсь, на сегодня не будет больше временных парадоксов.

– Если Отец еще что-нибудь не выкинет. С него станется. – Проворчал бесцветный федерал.

Отец пропустил мимо ушей реплику федерала. Он был потрясен только что появившимся из пустоты шлюпом. Вступать в бессмысленную полемику с федералом не собирался. И без того находиться с ним в одном помещении Отец считал героическим поступком для себя и великой честью для служаки. Он решил не терять лица, перебранываясь с начальником темпорального отдела федеральной службы.

– Что теперь? – Спросил Отец. – Его к Земле нужно как-то транспортировать?

– Не здесь же бросать. – Согласился временщик. – Только это теперь не наша забота.

– Нужно его заправить топливом. – Сказал федерал. – В баках топлива совсем не осталось. Да забрать все его содержимое. На буксире его тащить – на это времени уйдет уйма. Двигатели у него в порядке?

Федерал обернулся к Отцу.

–В порядке. Там только мелкие поломки, да основной гра-
викомпенсатор неисправный, а в остальном, его можно сво-
им ходом гнать. Если вы не против, я этим займусь.– Сказал
Отец.

Федерал округлил глаза от такого отчаянного заявления:

–Ты шутишь? Или я на клоуна похож? Ты же его уведешь,
стоит его заправить.

–Нужно мне больно. Просто я к нему отношусь, как к сво-
ему брату. Я на нем все галактику пролетел. Он как живое
существо для меня.– Сказал Отец, уже не надеясь на благо-
получный исход транспортировки.

–И не проси. Что еще за новости? Шлюп теперь– феде-
ральная собственность. И так будет до тех пор, пока мы не
получим официальное заключение наших экспертов. К шлю-
пу приближаться ближе, чем на два километра запрещено
всем гражданским лицам и лицам, не имеющим специаль-
ного разрешения.– Возмущенно проговорил федерал.

Его действия Отец мог для себя объяснить, тем более что
на его месте он поступил бы точно так же. Посудина, которая
пролетела с помощью транспортных порталов через все га-
лактику, назло всякой логике и здравому рассудку осталось
по большому счету невредимой, а затем проникла в гипер-
пространство, должна быть исследована самым тщательным
образом. С этим Отец не мог не согласиться. Значит пусть
так и будет.

–Пускаем андроида.– Проговорил федерал.

–Зачем?– Спросил Отец, отвлеченный своими размышлениями.

Федерал недовольно посмотрел на Отца, будто не понимая, зачем задавать вопросы на такие прописные истины.

–А кого, тебя, что ли отпускать?– Фыркнул бесцветный федерал.

–Зачем отпускать? Меня ли тебя, зачем?– Вспылил Отец.– И хватит со мной так разговаривать, будто я с твоей женой переспал?

Федералы, стоявшие рядом, приснули от смеха в кулаки, стараясь, чтобы начальник не обнаружил их веселья. Бесцветный федерал покраснел.

–Извини.– Сказал он.– Шлюп заправить нужно.

Справившись о наличии топлива в топливной системе корабля, федерал рассудил, что немного топлива, изъятого из основной цистерны для нужд шлюпа, не повредит экспедиции в целом.

Из склада был вызван тяжелый андроид, приспособленный для выходов в открытый космос. Он выглядел как огромный грузный мужик с небольшой щетиной на щеках. Пластик, которым было покрыто тело робота, был изготовлено специально для работы в космическом пространстве. Тяжелая оболочка защищала тонкие электронные и наноцепи кибернетического организма от жесткого космического излучения. Получив задание и определив сферу деятельности, андроида с помощью выхода выбросили в космическое про-

странство около корабля. Робот активировал внешние топливные насосы, подсоединил шлюп к основной цистерне корабля и заправил его. Отсалютовав окончание работы, он вернулся на корабль и занял свое место в кладовке до следующего выхода в космос.

–Порядок.– Сказал бесцветный федерал.– Теперь можно и до дому.

–Вовик,– обратился к Пospelову Отец,– чего он у вас такой дерганый?

–Ночью, видимо, не все получилось.– Шепнул на ухо Пospelов.

–У него, похоже, все ночи проблемные.– Прошептал Отец.

Пospelов тихонько затрясся от смеха и отвернулся к стене, скрывая от начальника свое веселое расположение духа.

–Отец, хватит уже.– Сквозь смех сказал Пospelов.– Ты меня так под монастырь подведешь. Пошли лучше к ведьмам.

–Ты иди, я потом к тебе подойду.– Сказал Отец.

–Пошли, пошли. Там пиво, раки, все такое, что тебе тут делать? И мне скучно не будет.

–Нет, Вовик, еще хочу порешать дельце одно. Ты мой двойник сделай, чтобы не скучно было.

–Ну при чем тут твой двойник?– Возмутился Пospelов.

–Знаешь что? Ты туда пригласи на смех горгулью. Черти ее не выносят. Повеселишься.– Сказал Отец.

—Идея конечно хорошая. Только и ты давай, не задерживайся.

Поспелов скрылся в выходе, чтобы найти покой в обществе похотливых ведьм и шулеров чертей. Отец последовал в свой конверт, чтобы приобщиться к данным из шлюпа, которые сейчас можно пользоваться, не боясь быть обнаруженным федералами.

Войдя в свой конверт, Отец провалился в глобальную базу данных. Он подсоединился к каналу связи со шлюпом и начал снимать данные приборов, которые, как оказалось, не переставали фиксировать замеры пространственных и силовых характеристик, начиная с того момента, как Отец начал свое возвращение в привычный для него мир с Цватпы. В глобальной базе данных Отец нашел описание своей установки, которую он создал совместными усилиями с птицами— телепатами. Быстро же федералы разобрались в сложном устройстве установки, подумал Отец. Видимо на федеральной службе работают не одни безголовые солдафоны. Описание установки носило лишь схематический характер, и основные темпоральные и пространственные узлы упоминались лишь вскользь, давая общее представление об ее устройстве. Отец с удовольствием для себя отметил, что расчеты его перемещения с Цватпы оказались очень точными. Это не было для странника откровением, поскольку он все же вернулся в свое пространство и время невредимым, а, значит, ошибка в его расчетах была невозможной. Затем,

Отец углубился в изучение характеристик неведомого гиперпространства, в котором он провел несколько наполненных чернотой космоса и ужасом минут.

Собрав в единую логическую цепочку все характеристики пространства, в котором побывал Отец, и объединив их с уже известными расчетными показателями, которые были получены земными учеными, Отец пришел к выводу о том, что такое пространство не может быть полноценным, в котором могла бы существовать и развиваться вселенная, пусть даже не похожая на нашу. Вывод напрашивался сам собой: пространство, в котором побывал Отец— было конверторным. Таким же конверторным, что и используется на Земле при транспортировке грузов через транспортные порталы. Конвертерное пространство, вот с чем столкнулся Отец, находясь в параллельном измерении. Это объясняло, почему, находясь в нем, он не видел ни звезд, ни силовых возмущений. Примерно такие же показатели фиксируют механизмы Конфедерации, перемещаясь по нашему континууму в конвертерном пространстве.

Получается, что Отец хоть и проник в чужой мир, недоступный нашим ученым, он побывал в таком же конвертерном пространстве, что и в нашем пространственном континууме, а, значит, он не выходил в реальное гиперпространство. Это несколько обескуражило нашего естествоиспытателя, однако, соль победы над чужим пространством еще блестела на губах. Ну и что же, что это параллельное кон-

вертерное пространство, думал Отец, все равно я там побывал первым из нашего пространственного континуума. Кто-нибудь из наших может похвастаться, что побывал в гиперпространстве? думал Отец. Мне думается, нет. Отец— первопроходец гиперпространства. Здорово, мечтал Отец. Быть может, ему поставят памятник в точке, где он впервые проник в неведомый мир, как поставили Нилу Армстронгу кусок метеорита на Луне.

Прервав свои мечты, Отец постарался сделать более или менее удобоваримую модель гиперпространства, исходя из данных полученных измерительными системами шлюпа и уже известными характеристиками, рассчитанными учеными конфедерации. Странник вспомнил, что Инвизы через точку прохода посылали описание их пространственного континуума. Он достал те сведения, которые имели отношение к характеристикам другого мира, и дополнил ими только что созданную модель гиперпространства. Обработав новую модель известными математическими алгоритмами, Отец вносил все новые и новые изменения, пока не появилась целостная картина параллельного мира.

Здесь, в этой самой точке пространства, где стоял корабль и шлюп, есть другой неизведанный мир с его законами и звездными системами, с населенными планетами и космическим разумом. Здесь, в другом измерении, возможно, дарит свет звезда своему миру, здесь, быть может, находится планета с иными формами жизни. Быть может в этой самой точ-

ке пространства, только в другом измерении, бушуют страсти и любовь, быть может, здесь зарождается новая жизнь, а старая уходит в историю. Как странно все получается. Если измерять пространство нашими законами и нашими координатами, здесь, в этой самой точке нет ничего, кроме черноты космоса и жесткого космического излучения. Если же смотреть на ту же самую точку пространства законами параллельного мира, можно увидеть нечто другое: другую вселенную с ее планетными системами, кометами и разумом. Ведь если посмотреть на эту самую точку нашего пространства сквозь временные очки, здесь несколько столетий назад крутилась Земля, здесь был Отец и был брат. Сейчас же родная планета убежала на многие миллиарды километров, оставив после себя лишь воспоминание.

Отец продолжил изучение показателей приборов. В то самое утро, когда брат куда-то исчез и когда шлюп отправился путешествовать во времени, приборы зафиксировали очень необычные возмущения пространственного континуума. Напряженности полей не были идентичными напряженностям, вызванным известными приборами конфедерации.

Инвизы. Это точно были они. Отец чувствовал их присутствие, только доказать пока не мог. Нехватка опыта оперативной работы в глобальной базе данных сказывалась. Нужен помощник, который смог бы полноценно обработать такой объем информации, и сделать правильные расчеты и выводы. Мормон. Он поможет. К Трибуну обращаться было

уже неудобно.

Отец велел компьютеру копировать все полученные сведения и вновь созданную модель параллельного мира в компьютер его конвертерного пространства. Это нужно было сделать быстро и незаметно, чтобы федеральная служба не помешала и не смогла препятствовать параллельному расследованию.

Оставалось только ждать. Вернувшись на Землю, Отец рассчитывал с помощью Мормона и его доверенных лиц завершить начатое дело. Нужно, чтобы они проверили все его алгоритмы и созданную модель параллельного пространства, а так же математически доказали причастность неведомых Инвизов к исчезновению брата.

Отец был уверен, что это они забрали брата. Уж больно возмущения пространства нашего мира были похожи на резонирующий эффект проникновения чужого мира. В момент, когда рвался пространственный континуум нашей вселенной, были ощутимы влияния их параллельного пространства, законы этого неведомого мира возмущали старушку Землю, как ураган волнует море.

–Компьютер, дай мне Мормона.– Скомандовал Отец.

–Бог мой!– Закричал Мормон.– Отец! Как же я рад снова тебя видеть. Я-то думаю, когда ты меня найдешь, старина.

–Дел много было, бродяга.– Сказал Отец, улыбаясь старому другу.– Ты где сейчас?

–На Ганимеде. Тут весело.– Сказал Мормон.– Мы с Паль-

мой здесь на коньках катаемся.

Ганимед третий спутник Юпитера. Масса его чуть меньше массы Земли. Славится он своими блистательными аммиачными ледниками, на которые слетаются кататься любители со всей солнечной системы.

–В скафандрах?– Спросил Отец.

–А как же. Просто блеск. Тут новые трамплины изготовили, препятствия. Здорово. Я здесь уже года три не был, многое изменилось. Ты, я вижу, далеко больно.– Сказал он.

–Мормончик, дело такое. Ты прими данные, я сейчас тебе их перешлю, только в базу их не выкладывай, федералы их прикроют. Сохрани как-нибудь.– Попросил Отец.

–Ты снова какую-то аферу задумал?

–Да нет, сам все поймешь. Ничего криминального. Только их так сохрани, чтобы федералы не добрались.– Сказал Отец.

–Ладно, включаю запись. Давай.– Скомандовал Мормон.

Отец послал все свои сведения Мормону по каналу федеральной связи.

–Мормон, давай срастемся, когда я прилечу, обсудим все. Сейчас я боюсь, как бы федералы за мной не следили.– Сказал Отец и отключился.

Оставшись один, Отец задумался. Инвизы– странная и неведомая разумная раса из параллельного измерения. Почему они забрали Дэна? Зачем он им понадобился? Как они смогли его локализовать в нашем мире, чтобы забрать к се-

бе? Для каких целей они все это проделали? Слишком много вопросов. Они через точку прохода сообщали код ДНК брата, это очевидно, поскольку он находится у них. Это ДНК брата. У Отца точно такой же набор хромосом и генов, но они хотели, чтобы мы знали, что Дэн у них. Зачем они его забрали и для чего слали его код ДНК? Можно предположить, что они забрали его для изучения. Точно так же поступили бы и наши ученые, случись им забрать какой-нибудь организм из параллельного мира. Это вполне очевидно. Вероятно, изучив Дэна, они сделали попытку завязать контакт, используя как предлог брата. Это тоже укладывается в разумное предположение будущего контакта. Но зачем они это сделали? Неужели они не могли завязать контакт, никого не забирая в свой неведомый параллельный мир? Может быть, Дэн уже и не Дэн вовсе? Может статься, что он погиб в неизвестном мире. Может статься, что условия существования в параллельном мире отличаются от таковых в нашем континууме, и скорее всего это так. Отец уже создал грубую математическую модель этого странного мира. Законы там работают по-другому. Что же стало с братом, если он находится у них? Можно лишь надеяться, что обитатели этого неведомого мира поступят с ними не так как поступили американские военные с пришельцами, что разбились в Росвилле.

Отец знал, что космонавты, потерпевшие крушение возле маленького Американского городка были из системы Сириуса. Он даже как-то встретил одного из них, когда с Рыжей

бродил по Армстронгу. Очень дружелюбная и развитая раса. Не хотелось бы, чтобы с Дэном обошлись подобным образом. Имена погибших героев высечены на мемориальном камне на их родной планете, в память о печальном неудавшемся первом контакте с воинственной Землей. Хотелось бы, чтобы такой камень никогда не был на Земле с именем брата.

Нет. Этого быть не может, с облегчением вздохнул Отец. В прошлом имеются сведения, что Дэн окончит свой горный институт. Значит, с ним будет все в порядке. Это однозначно. Однако об Отце таких сведений нет. Лишь жалкие обрывки информации, вроде бланков исследования фертильности спермы и отрицательные анализы крови при исследовании ее на гепатиты. Дэн будет жить дальше. Просто нужно сделать так, чтобы он вернулся.

Инвизы. Кто они такие? Как они могут выглядеть? Быть может это волосатые жирные коты, пожирающие камни с горных вершин, а, быть может, они похожи на гигантских кровососущих летающих мышей, способных слизнуть всю кровь с коровы? А, быть может, они такие же, как люди, только с шестью пальцами на руках и длинным пушистым хвостом? Интересно было бы посмотреть на них, взглянуть им в глаза, и перекинуться анекдотом. Интересно было бы с ними за рюмочкой чая посидеть, выкурить ароматную трубку с датским табаком «Mild Choice» или «Ambrosia» сидя в кресле качалке у камина и спрашивать: как там у вас в параллель-

ном мире бабы такие же несносные задиры, как и у нас? Или: в вашем параллельном мире любят кофе, или настойку жженой резины на бычьем молоке? И есть ли у вас футбол? А они бы отвечали, попыхивая трубочкой– носогрежкой: у нас бабы такие же, только мы их поим болотной жижей, чтобы были смиреннее. У нас любят пить на завтрак горячую свежую горную лаву, а закусываем мы ее своими хвостами, которые снова отрастут к обеду.

Что же они такое? Думал Отец. Почему Дэн? В тот момент на трассе мчалось множество машин, так почему именно брат? Почему не какой-нибудь тракторист или тот бездельник, с которым Отец повздорил у места аварии? Очень интересный индивид для изучения. Холеный, жирный, взрослый. Как его можно сравнить с тощим и дерзким Дэном? Почему они не забрали брата вместе с машиной? Зачем нужен был такой тонкий расчет, чтобы захватить только брата, а машину оставить? Если бы Отец вздумал кого-то забрать из параллельного мира, он постарался бы забрать и машину, и дерево, и собаку, и еще кого-нибудь для кучи. Зачем мелочиться? Всех быков на один корабль, а там разберемся.

Отец почувствовал что-то неладное. Это не было покалыванием в пятку или пощипыванием под ложечкой. Он просто что-то почувствовал.

–Компьютер, выход.– Сказал он и направился к черной арке.

На мостике снова собрался весь честной народ. Федералы,

временщики, андройды. Даже Поспелов, скучая сновал меж своих коллег по федеральной службе.

–Вовик, что здесь происходит?– Спросил Отец.

–Ничего.– Спокойно сказал Поспелов.– Ищут добровольца вести шлюп к Земле. Никто не хочет.

–Почему?– Удивился Отец.

–Ну, там же скучно. Что за новость, больше суток проторчать в этой жестянке. Там даже конверта нет.

–Вовик, есть там конверт. Я там оставил свой компьютер, он в кормовой части лежит. Может ты, дорогой, отправишься туда. У меня к тебе просьба будет, личного характера.– Заговорщицки прошептал Отец.

–Что за просьба?– Оживился Поспелов.

–Если ты согласишься вести шлюп, ты компьютер подцепишь к бортовому терминалу, а я оттуда кое-что скачаю. Договорились?– Спросил Отец.

–Ох, Отец, Отец. Ты меня на преступление толкаешь. Не смогу я тебе в этом помочь. Я– федеральный агент. Оперативник я, понимаешь? А ты меня заставляешь раскрывать государственные секреты.– Покачал головой Поспелов.– Да и просто не хочу. Что там делать?

–Вовик. Будь другом. Никаких секретов там нет. Просто я хочу свои воспоминания назад скачать. Я, когда был на Цватпе, записывал свои ощущения и мысли, чтобы потом вспомнить, как я там отдыхал. Ничего особенного. Никто не пострадает. А там для тебя есть одно местечко, отдохнешь

очень весело. Это— Цватпа. Там очень красиво. С пингвинами поплаваешь в озере. Вовик. Очень тебя прошу. Не откажи. Я для тебя что хочешь, сделаю.— Взмолился Отец.— Я для тебя такие сюжеты для конверта напишу, только не откажи, дружище.

—Ну, не знаю я. Там точно нет криминала?— С сомнением в голосе сказал Пospelов.

—Вовик, сам проверишь, если мне не доверяешь. Зуб на рельсы. На что хочешь, поклянусь. Просто про Цватпу забрать воспоминания. Ты же свои картинки тоже любишь пересматривать?

—Ладно. Должен будешь. Только смотри. Сначала я посмотрю, если там нет никаких секретов, тогда я твой комп подцеплю к борту, не раньше. Понял?— Строго сказал Пospelов.

—Вовик, я твой вечный должник.— Хлопнул по руке федерала Отец.— Что хочешь, для тебя сделаю.

—Для начала,— сказал Пospelов,— я хочу посмотреть, как ты из штанов выпрыгнешь.

—Для начала подцепи мой компьютер к бортовому терминалу.— С улыбкой сказал Отец.

—Сделка?— Спросил Пospelов.

Отец довольно кивнул.

—Хорошо. Так и быть. Но если в твоём компьютере плохие места, ты у меня пожалеешь.— Сказал Пospelов.

—Не волнуйся. Мои картинки, сам знаешь, дорогого стоят.

Там, правда, ведьм нет, но зато там так красиво, что с ума сойти можно.

Небольшая ложь не повредит. Отец себя чувствовал лгуном, заставляя своего товарища отправиться в шлюп. Он хотел одного: со своего переносного компьютера забрать точные схемы своей установки, сделанной на Цватпе. Те схемы, которые были опубликованы в глобальной базе, носили схематический характер, детальный же план находился только в портативном компьютере. Пospelов не обнаружит подвоха, тем более что официально установка цватпахов не была засекреченной.

Пospelов подошел к бесцветному федералу и что-то негромко сказал. На лице начальника темпорального отдела засверкала белоснежная улыбка. Доброволец нашелся, и, значит, к императивному методу правления прибегать не придется. Уладив все формальности и получив должностные инструкции, Пospelов нарядился в скафандр и вышел в космос, чтобы принять командование над шлюпом.

Отец отправился в свой конверт и стал ожидать, когда же Пospelов подключит портативный компьютер к терминалу бортового мозга. Лишь в этом случае с него можно будет скопировать все данные, поскольку портативный компьютер не подключен напрямую с глобальной базой данных. Оставалось только ждать. Минуты текли. Отец уже перестал надеяться, что Пospelов осмелится объединить два компьютера, как он вышел на связь.

—Отец, лгун несчастный.— Проревел Поспелов.— Тут в твоей базе делать нечего.

—Вовик, не будь снобом. Отдохни от баб. Они всю кровь у тебя выпьют. Довези ее немного и до Земли.— Постарался пошутить Отец.— Посмотри, там есть такое озеро, загляденье. Там должна быть хорошая рыбалка. Цватпахи не ловят рыбу.

Воспользовавшись подключенным каналом связи, Отец начал копировать файлы с техническим описанием установки цватпахов. Это было самое полное описание установки, быть может, даже у федералов нет такого.

—Ну, Отец. Я тебе поверил.— Ворчал Поспелов.

—Будет, скрипишь, как старая телега. Хочешь, я тебе передам твой конверт. Пиво допьешь?— Постарался утешить товарища Отец.

—Спасибо.— Пробурчал Поспелов.— Сам что-нибудь придумаю.

—Вовик, там у меня есть запись конверта, что на Земле у меня. Там, кстати и Басмач есть.— Вспомнил Отец про своего виртуального друга.— Он, правда, заархивированный. Если хочешь, распакуй его. Вы с ним ведь общий язык нашли.

—Да?— Немного успокоился Поспелов.— Тогда ладно, живи.

Поспелов отключился, видимо уйдя в виртуальный мир с тихой заводью и разбитым вокруг парком из разношерстных растений. Отец закончил копировать схемы установки и за-

ставил компьютер перенести эти данные в свой конверт на Земле.

Наблюдая краем глаза за своим шлюпом, Отец отметил для себя движение. Экспедиция подходила к концу, и корабль с темпоральной установкой двинулся к старушке Земле. За ним, словно привязанный длинной невидимой нитью, следовал шлюп в нескольких тысячах километров за кормой.

Отец раскрыл техническое описание установки, схемы, чертежи, и воссоздал ее блок за блоком, узел за узлом, так, что она снова была готова к действию, пусть и виртуальному. Началась кропотливая работа. Отец сравнивал характеристики полей, создаваемых установкой с полями, которые он обнаружил в параллельном конвертерном пространстве. Он перебирал все известные факты относительно полей и их влияние на пространственный континуум и на характер его искривления. Недостающие факты и возможные пространственные характеристики Отец добывал путем обработки фактов уже известными алгоритмами, которые придумали ученые Конфедерации. Отец мало-помалу получал целостную картину конвертерного пространства параллельного мира.

Когда модель его была готова, Отец предположил, что конверторное пространство параллельного мира должно отличаться от реального параллельного пространства так же, как отличается наш пространственный континуум от нашего конверторного пространства. Модель, параллельного мира,

которую он создал накануне, пришлось дорабатывать новыми алгоритмами и выводами, полученными при моделировании параллельного конверта. Исходя из пространственных характеристик параллельного мира, можно было делать выводы о законах, действующих по ту сторону нашего восприятия. Они мало отличались от наших, однако различия тоже были. Отец не стал углубляться в изучение законов потустороннего мира, коль скоро в решении задачи по вызволению брата важной роли они не сыграют.

Составив более или менее правдоподобную картину параллельного мира, Отец сравнил возмущения пространственного континуума, которые были зафиксированы шлюпом в Кичигинском бору, Отец уже с уверенностью мог сказать, что Инвизы приложили к этому свою руку. Резонанс, вызванный гиперпространством в момент исчезновения брата, описывался математической моделью этого невиданного мира. Это могли быть только Инвизы. В противном случае им не был бы известен код ДНК, о котором они рассказывали в своих посланиях в точке прохода.

Пусть еще Мормон со своими оперативниками проверят все выводы, которые Отец сделал наспех. Будет очень интересно посмотреть, что смогут выудить из этого объема информации опытные оперативные работники глобальной базы данных.

Корабль шел на крейсерской скорости к Земле. Он чуть изменил свою траекторию, чтобы оказаться под эклипстикой,

дабы не нарушать правила системного пилотирования в Солнечной системе. Поспелов так же перешел на подэклиптическую траекторию. Правила— есть правила. Они придуманы умными людьми.

Отец довольный своими изысканиями и выводами расслабился. Приятно было сознавать, что и он на что-то способен. Выкладывать алгоритмы и полученные сведения в глобальную базу данных он не решился, дабы не навлечь на себя праведный гнев федеральной службы. Пусть будет все, как есть. Следующий ход за федералами.

Отец справился о месте нахождения установки. Ее уже отбуксировали к точке прохода и федеральные агенты совместно с инженерной службой завершали ее монтаж. Скоро она заработает. Скоро и ученые конфедерации создадут свою теорию о параллельном мире, скоро начнутся попытки проникновения в него и завязывания продуктивного контакта с Инвизами. Участие Отца в этом проекте будет минимальным, хоть Декс с Трибуном говорили в один голос, что неутомимый странник примет участие в чем-то грандиозном. Быть может, этот прогноз уже сбылся? Ведь Отец принял участие в экспедиции, доставшей пропавший в прошлом спасательный шлюп. Он принял участие в разработке теории параллельного пространства. Это ли не грандиозно? Даже для людей этого далекого будущего подобный проект считается грандиозным, не говоря уже про тихий двадцать первый век, где поедали сосиски на палочках, облитые кетчупом из

гнилых помидоров, и только мечтали о полетах на Марс.

Установку монтировали непрерывно несколько команд инженерной группы, одна сменяла другую, чтобы собрать гигантский механизм в рекордные сроки. Вокруг точки прохода вновь развернулась научная база, состоящая из нескольких космических лабораторий с большим штатом ученых временщиков, космологов, ксенологов, математиков, операторов глобальной базы данных. Несколько спутников непрерывно кружили вокруг точки прохода, посылая сигналы и принимая их из неведомого мира загадочных Инвизов.

–Отец,– раздался голос.– Отец, проснись. Кого спишь?

Отец очнулся от созерцания своей установки.

–Мормон, ты что ли?– Спросил он, сладко потягиваясь.

–Всю жизнь проспидишь. Ты уже подлетаешь к Ганимеду. Я проверил. Не желаешь на коньках покататься?– Спросил Мормон.

Глаза его светились восторгом.

–Там холодно.– Отмахнулся Отец.– Да и на коньках я плохо.

–Дело поправимое. Пройдешь курс молодого бойца и вперед.– Пропел Мормон.

–В другой раз. У вас там с Пальмой рандеву. Я вам буду только мешать.– Сказал Отец.

–Ничуть. Мы уже сделали все, что хотели.

–Я рад за вас.

–Ну, же. Я тебе номер уже забронировал в гостинице.

Как?— Спросил Мормон.

—Я как корова на льду на коньках, нет, Мормон, спасибо за приглашение.— Покачал головой Отец.— Давай, лучше ты ко мне. Дай только срок, к себе вернусь. Ты, кстати, получил письмецо?

—Данные со шлюпа? Получил. Только пока не сидел над ними. Все, знаешь, недосуг. Потом сядем. Тебе же не горит?

—Нет. Я тут и сам немного поковырялся в базе. Кое-что накопал. Посмотри на досуге, только не затягивай, а то я как на углях сижу. Сам понимаешь.— Сказал Отец.

—Нам бы с тобой за рюмочкой чая посидеть. Расскажешь, как ты вернулся.— Сказал Мормон.

—Какой разговор. Вот ногу сломаешь на своих коньках, так сразу ко мне дуй. Я всегда тебе рад буду.— Улыбнулся Отец.

—Спасибо тебе на добром слове, дорогой Отец.— Засмеялся Мормон.— И за ногу и за руку.

Корабль подлетал уже к Земле, когда Пospelов развернул свой шлюп к Венере.

Венерианская научная база славилась своим могучим научным потенциалом. Значит, Венера, подумал Отец. На Венере разберут на части шлюп и его приборы. Ученые изучат все тонкости, на которые Отец по своей неопытности не обратил внимания. На Венере будет составлен новый план, по которому будет жить новая вселенная.

Глава 7.

До самого горизонта простирался ледник. Розовое свечение аммиачного льда будило в душе какие-то далекие воспоминания из детства, когда Отец с Дэном на раскрашенной марганцовкой ледяной горке с гиканьем катился вниз на доске, обхватив брат брата для пущей устойчивости.

В атмосфере висели фонари на антигравитационной платформе, освещая несколько километров пространства. Розовый аммиачный лед действовал успокаивающе. Солнце светило где-то очень далеко, почти в семистах восьмидесяти миллионах километров, и было похоже на фонарь, которых над этим гигантским катком было множество.

Отец по вибрациям на стопе ощущал скрип льда под коньками, однако звуков слышно не было. Скафандр не пропускал посторонних шумов. В динамиках шлема играла тихая ненавязчивая музыка, которая вещалась из головной базы проката. Использовать личное музыкальное сопровождение было запрещено. Продиктовано это дикое правило, ущемляющее права граждан в свободе выбора, интересами безопасности отдыхающих. На этой же самой волне работала служба спасения и информационная служба оповещения. В момент, когда база проката сообщала о сейсмической активности спутника или предупреждение о метеоритном дожде или конденсации тумана, музыка приглушалась настолько, чтобы слова информационной службы не оказались не услы-

шанными. На этой же волне работали передатчики инструкторов и службы охраны порядка, чтобы максимально снизить вероятность травматизма и несчастных случаев.

Скафандр был на удивление легким и теплым. В нем использовались современные технологии теплоизоляции и контурной терморегуляции. На спине, рядом с кислородными баллонами находился автономный источник обогрева, дабы предотвратить переохлаждение организма. Включался он автоматически, случись температуре скафандра опуститься до критического уровня. Циркуляция кислорода в скафандре имело несколько контуров дополняющих и дублирующих друг друга. Кислородные баллоны, которые приходилось носить за спиной, были аварийными и использовались лишь при разгерметизации скафандра. Возле бедра была прикреплена сигнальная ракета для оповещения спасательной команды в момент аварийной ситуации. На поясе крепились два антигравитатора для исключения возможности резкого падения отдыхающего. Еще один вспомогательный антигравитатор крепился к шлему, чтобы исключить возможность повреждения его стекла при случайном падении, самой хрупкой его части, которая трескалась, стоит только попасть в него баллистической ядерной боеголовке.

Если не обращать внимания на рафинированную безопасность катания, можно хорошо провести время, отсчитывая километры расстояния, пройденного на коньках самого большого катка, который когда-либо использовался челове-

ком. Отец не стал акцентироваться на слишком сложной системе защиты его бесценного организма и на строгость правил безопасности, расслабился и старался сохранять равновесие. Розовый аммиачный лед— это очень весело. Это здорово, это просто красиво, пусть и не обычно. На обычном льду может кататься даже корова, хоть и со стороны это будет очень увлекательное зрелище, на аммиачном льду можно покататься только здесь, на Ганимеде.

Мормон и Пальма сейчас отдыхают в своем номере, Отец решил задержаться. Семьсот восемьдесят миллионов километров от Солнца, температура близкая к абсолютному нулю, аммиачный розовый лед и тихая музыка, это именно то, что ему сейчас нужно, это то, ради чего не грех пролететь триста миллиардов километров из глубин черного и недружелюбного космоса.

Спасибо тебе, Мормон, спасибо тебе, Пальма. Вот удружили, так удружили, думал Отец. Эти люди знают толк в отдыхе. Это не пляжи и не солнце, это не пиво и не сушеная рыба в тенистых заводях. Это экстрим, это адреналин и удовольствие, это страх и удовольствие.

Для чего столько много фонарей? удивлялся Отец. Отсюда солнце выглядело не больше яблока, однако было светло, как в пасмурный ранний вечер. Быть может, если эти фонари, висящие надо льдом, отключить, это подчеркнуло бы розовый оттенок льда и придало бы катанию феерическое настроение. Бог с ними, с фонарями, думал Отец. И без того

хорошо. Хорошо!!!

Он едва оттолкнулся коньком, прикрепленным к подошве скафандра, от поверхности льда и покатился. Малое притяжение, низкая температура и свойства аммиачного льда располагали к долгому скольжению. Отец делал виражи, которые при такой скорости выливались во многие метры. Он пытался падать, однако антигравитаторы сводили на нет все его попытки, и со стороны казалось, будто Отец лениво и аккуратно присаживается на розовый аммиачный лед.

Мормон с Пальмой уже несколько дней здесь отдыхали. Отец сначала не мог поверить, что такое возможно. Ему казалось невероятным, что кто-то специально может полететь на третий спутник Юпитера, чтобы несколько дней кряду провести за катанием на коньках, пусть и на необычном аммиачном катке. Теперь эта идея уже не казалась такой абсурдной, какой она виделась еще вчера.

Отец посмотрел на кислородный датчик, прикрепленный к рукаву скафандра. Без опаски можно было еще несколько часов предаваться катанию. Усталости как не бывало. Она появится чуть позже, стоит только снять скафандр. Отец знал это и продолжал кружить на розовом льду.

Мимо проехала кривоногая девчонка. Странник успел разглядеть ее лицо в шлеме. Кроме внутренней красоты фигуристка могла мало чем похвастаться. Отец не мог себе представить уже красивую девушку, если она не была похожа на Рыжую. Теперь все они казались на одно лицо. Нет весну-

шек на носу— минус девяносто баллов. Нет каштановых волос— минус девяносто баллов. Она не похожа лицом на его жену— минус девяносто баллов. У нее не такая восхитительная фигура— минус девяносто девять баллов.

Стоп. Даже здесь, на Ганимеде, куда Отец прилетел развеяться и забыть все на свете, здесь снова приходит в грезы Рыжая. Хватит.

Странник кружился на аммиачном льду, все больше и больше забирая вправо, где располагалась база отдыха прямо на пласте аммиачного многометрового льда. Нужно потихоньку выбираться отсюда, подумал Отец, когда силы окончательно покинут меня, будет совсем нелегко вернуться в свой гостиничный номер. Вызывать службу спасения было бы очень не приятно, Отец не любил показывать свои слабости. На платформе из какого-то прочного пластика высился целый городок с гостиницами, ресторанами, барами, маленькими бистро, кинотеатрами и казино. Отец не любил увеселительные заведения, поэтому без тени сожаления или грусти прошел мимо них. Видимо, на младших курсах он утолил все свои аппетиты в злых заведениях, поэтому предпочитал тихий домашний или на худой конец общажный уют.

Пройдя к вестибюлю своей гостиницы и миновав множество шлюзов, которые защищали внутренние покои гостиницы от смертоносных испарений внешней атмосферы, Отец освободился от скафандра с уже надоевшими коньками. Но-

ги, стоило ими было коснуться пола, затекли, и казалось, будто Отец вязнет в свинцовых песках, так ими было трудно передвигать. Отец уселся на мягкий диван с наброшенной на него шкурой какого-то длинношерстного животного и стал всматриваться вдаль, туда, где за многими рядами прочного стекла гостиницы клубилась враждебная человеку и ядовитая холодная атмосфера Ганимеда. Люди, довольные прогулкой и катанием на замечательном льду, покрасневшие от удовольствия стекались с разных сторон в гостиницу. Стадный инстинкт, подумал Отец. Время кормежки. Скоро будут подавать обед в столовой.

Многие обедали у себя в номере, заказывая еду в органических синтезаторах, которыми оборудована каждая комната. Другие предпочитали принимать пищу в общей столовой, где можно смотреть на молоденьких девиц и предоставить им возможность глазеть на себя. Пища такая же. Отличие лишь в том, что андроиды-официанты принесут ее к столу вместо того, чтобы самому тащить поднос, нагруженный тарелками и чашками.

Сейчас должны уже выйти Мормон с Пальмой. Такой уговор. Отец не стал им напоминать об этом и решил дожидаться их в вестибюле. Было приятно сидеть на уютном диване, утопать в длинной шерсти безвременного почившего животного и смотреть на девиц, которые разоблачались из своих скафандров. Здесь были исключительно гуманоиды. Для Декса пришлось бы подыскивать, а затем перекраивать и пе-

решивать скафандр. Инфраструктура организации туризма и отдыха шла по пути наименьшего сопротивления. Кесарю-кесарево. Однако Отец не лишил бы себя удовольствия посмотреть, как выглядит Декс на четырех коньках, балансируя длинным хвостом на холодном розовом льду замерзшего аммиака.

Здесь в широком зале вестибюля в воздухе светилась разноцветная голографическая реклама с настоятельной просьбой посетить горнолыжный курорт, что находится в паре километров к северу от гостиницы. Блестели зазывные ролики с рекламой спиртных напитков в баре «у Петровича». Отец для себя решил, что в этом баре ноги его не будет, даже под страхом страшной смерти от реприз Петросяна. Хватит с меня Петровичей, подумал Отец. Волна негодования прокатилась по коже.

Мимо пробежала стайка молоденьких девчонок, покрасневших и вспотевших от упражнений. Отец нехотя остановил на них свой томный взор, однако кудесницы быстро скрылись в выходе, оставив Отца одного горевать над мыслью о бренности мироздания. Скоро и эти милые самочки превратятся в грузных теток с обвислыми животами и их сосуды покроются желтыми крошащимися атеросклеротическими бляшками.

Встреча с Мормоном после полугодичной разлуки абсолютного времени для друга и нескольких месяцев для Отца была наполнена вином и целой ночью разговоров о приклю-

чениях на Цватпе и в тихом двадцать первом веке. Пальма вначале принимала активное участие в разговоре, но, когда часы стали показывать около пяти часов ночи, ушла в почи-вальню и вскоре было слышно лишь ее сопение.

— Вот так я и вернулся.— Закончил рассказ Отец.— С тех пор у меня к федералам очень предвзятое отношение.

— Тебя можно понять.— Соглашался Мормон.— Если бы со мной такое проделали, я бы в их сторону смотреть без тошноты не мог.

— Ты представляешь, я как зомби был. Если бы он мне приказал отгрызть себе ногу, я бы отгрыз и был бы счастлив. Фу. Даже вспоминать противно. Никому такое не пожелаешь. Ну, быть может, только Петровичу. Интересно, ему когда-нибудь делали такую инъекцию?

— Я так думаю, что кроме клизм он ничего в жизни не испытал.— Сказал Мормон.

В вестибюль вошли лыжники, неся с собой лыжи и палки. Несколько подростков в сопровождении родителей проследовали по широкому залу, источая восторг и наслаждение спуском по аммиачному снегу. Еще пара парней пронесла по сноуборду, которые изготавливали из специальных синтетических материалов, устойчивых к сверхнизким температурам и инертных к большинству известных химических соединений, которыми изобилует атмосфера Ганимеда. Отец с живым интересом смотрел на сноубордеров, лихих парней, которым нипочем ни скафандры и чужеродная обстановка,

не такая как на Земле. Лишь он, гора и сноуборд— вся его семья.

Отец никогда не пробовал кататься на горных лыжах, а о сноубордах имел весьма туманное представление. Увидеть живьем глаза в глаза двух экстрималов— было волнующим впечатлением. Интересно, подумал Отец, а здесь есть такая услуга, как, скажем, купание в жидком азоте или что-то вроде того. Или бани с кипящим аргоном, а еще лучше дайвинг в ртути. Почему бы и нет, если есть горнолыжные трассы на аммиачному снегу.

Катание на водном льду для человечества перестало быть чем-то интересным. Европа, второй спутник Юпитера, была закрыта для любителей коньков и горных лыж, поскольку была основным неиссякаемым источником пресной воды для всей Солнечной системы. А вот аммиачный лед— совсем другое дело. Его испортить можно лишь нагреванием.

Отец подошел к голографической карте, стоящей возле конторки служащих гостиницы. Странник посмотрел на гостиничный комплекс, который мог в себя вместить несколько сот тысяч желающих отдохнуть на ядовитом льду, бросил взгляд на каток, на котором только что получил массу положительных эмоций. Он простирался на многие километры вдаль. Севернее комплекса были возведены искусственные горы для горнолыжников и сноубордеров. Рядом с лыжными трассами имелись санные спуски, приспособленные специально для аммиачного льда, возведены трамплины для фри-

стайлеров и экстрималов различного толка. В искусственных горах были вырублены пещеры для спелеологов, имелись отвесные скалы для любителей покорения ледяных вершин. Чуть в стороне имелись горы, возведенные так же силою разума инженеров, предназначенные для сплавления по горным рекам из бурлящего подогретого аммиака. Нужно будет как-нибудь на это взглянуть, подумал восхищенный силой воображения менеджер и инженеров развлекательной индустрии Отец.

В рекламных проспектах упоминались реактивные дельтапланы, на которых любители свободного полета могли обозревать красоты дивного спутника с высоты бреющего полета. Имелись искусственные озера из того же аммиака, где любители могли кататься на аммиачных лыжах, прикрепленные длинным тросом к двигательной установке.

На Ганимеде была развернута целая индустрия развлечений в сфере аммиачного рая. Отец принялся расхаживать по вестибюлю гостиницы, заложив руки за спину. Ноги понемногу привыкли к твердой не ускользающей поверхности пола. За окном светлело. Отец подошел ближе к высоким окнам и открыл рот от изумления.

Увлеченный катанием на коньках по розовому льду, Отец не обратил внимания на отсутствие Юпитера в небе Ганимеда. Сейчас, когда Солнце клонилось к западу, на востоке поднимался огромный диск гигантской газовой планеты. Стало видно и единственное кольцо, окружавшее планету. С

Земли кольца не видно, поскольку оно обращено к голубой планете ребром почти всегда. Юпитер еще около четырех суток по Земному времени будет висеть над Ганимедом, пока не уступит свое место Солнцу. Сейчас спутник находился в противостоянии дневному светилу. Через пару суток можно будет воочию наблюдать весь Юпитер в небе, когда собой он заполнит практически весь небосвод, оставив лишь узкую щель черноты космоса у горизонта.

—Любуешься?— Мормон незаметно зашел со спины и хлопнул по плечу Отца.

Отец чуть не подскочил от неожиданности.

—Ох, Мормон. Испугал. Где Пальма?— Спросил Отец, оглядывая холл.

—Позже придет. Боевая раскраска... сам знаешь. Скоро у нее день рождения.— Сказал Мормон.

—У Рыжей сегодня день рождения.— Грустно произнес Отец.

—Поздравь.— Ткнул кулаком в бок Отцу Мормон.

—Ага,— согласился Отец,— и пошлю ей в подарок кусок праздничного аммиачного льда для коктейлей. Пусть повеселится.

—Зато, она никогда не потеряет сознания. Аммиачный запах лучшее средство от падучей, сам знаешь.

Отец с Мормоном проследовали к столовой, где возле каждого столика, накрытого белоснежными скатертями, в воздухе висел экран телевида, меж тарелок обязательным

атрибутом была маленькая корзинка цветов. Над столиком висели на антигравитационной платформе лампочки желтого цвета в виде горящих свечей, от которых в трапезной стоял романтический полумрак и длинные тени скользили по стенам. Одна из стен была оборудована под огромный экран телевидя, где непрерывно транслировались лучшие пейзажи Земли. Стойки органических синтезаторов прятались за стеной плюща, разросшегося на многие метры. В нишах стен были встроены маленькие фонтанчики, имитируя своих больших земных двойников. Стены и потолок были подсвечены разноцветными огнями, а полумрак над столиками контрастировал с игрой красок на стенах. Очень миленькое решение, подумал Отец. В воздухе витали ароматы блюд и та же релаксирующая музыка, которую Отец несколько часов кряду слушал, катаясь на коньках.

Заняв четырехместный столик, друзья принялись подшучивать друг над другом. Немедля к ним подбежал услужливый андроид– официант, принял заказ и убежал к стойкам органического синтезатора. Отец знал, что синтезаторы баз отдыха имели великое множество кулинарных программ, которыми не были оборудованы домашние стойки. Эти программы гурманам приходилось приобретать отдельно. Отец не считал для себя необходимым посвятить жизнь, поедая все новые блюда из различных кухонь. Он имел вполне определенные пищевые предпочтения, которые в нескольких словах можно было обозначить так: пельмени, майонез

и чай. Остальные блюда считал опциональными и пригодными в употреблениях ситуационно. О предпочтениях в разделе аперитивы, Отец не ограничивал себя тремя пунктами и имел удовольствие употреблять их в различных комбинациях, одним обязательным условием в этом разделе был объем, а вот об объеме можно было сказать в нескольких словах так: чем больше, тем лучше.

–Пивка для рывка?– Спросил Мормон.

–И водочки для походочки? Нет. У меня сегодня в планах еще на горных лыжах покататься. Вот когда вернусь. Тогда мы с тобой разговеемся.– Сказал Отец.

–Было бы предложено, а отказаться никогда не поздно. Ну, и как тебе здесь?– Мормон обвел взглядом столовую.

–Класс! Спасибо тебе, Андрюха. Я и не знал, что в скафандре можно получить такое удовольствие. Я уже очень давно не катался на коньках. Ты, я думаю, вообще– ас.

–Не совсем так. Я тоже уже несколько лет здесь не был. Тогда-то было не кисло, а сейчас особенно в радость. Я гляжу, многих баров здесь не было. Да и горнолыжки не было тогда. Сейчас этот курорт поднялся. Здорово! Открытые аммиачные озера– это конечно перебор. А в остальном с такой концепцией многогранности отдыха я согласен.

–Ладно. Давай вернемся к нашим баранам.– Попросил Отец.– Ты смотрел, что я тебе прислал?

–Глянул одним глазком. Очень интересно. Федералы знают?– Спросил Мормон, понизив голос.

Отец отрицательно покачал головой.

– Не должны. Я с их корабля тебе вещал. Они же на свой корабль систему прослушивания и дублирования записей ставить не будут. – Сказал Отец. – В крайнем случае, я на это очень надеюсь.

– Надежда умирает последней. Слушай, Отец, у меня идея есть. – Заговорщицки сказал Мормон и наклонился к столу.

Отец последовал его примеру.

– Выкладывай. – Сказал он.

– Знаешь, самый укромный тайник это тот, что на виду. – Тихо сказал Мормон.

– Ну-ка, ну-ка. Рассказывай. – Попросил Отец.

– Идея вот такая. Давай, с тобой организуем форум в глобальной базе, да все твои данные выложим открыто, чтобы все смогли принять участие в их изучении. Мне кажется, так будет вернее всего.

– А федералы? – Удивился Отец.

Новизна и простота идеи была ошеломительной. Выложить секретную информацию открыто в глобальной базе данных, где любой мало-мальски опытный оператор сможет их использовать, была гениальной.

– И что федералы? Уже будет поздно. Если информация будет выложена, ее федералы уже не смогут оттуда изъять. Понимаешь, каждый сможет у себя на компьютере сделать резервную копию. Они не смогут нам помешать. – Шептал Мормон.

–Реально. Давай попробуем. Определим задание. Нужно выяснить причастность Инвизов к похищению брата. Да и просто новизна идеи исследовать гиперпространство произведет фурор. Стоит попробовать. Нужно сначала смоделировать эту ситуацию в базе.– Согласился Отец.

–Что смоделировать?

–Смогут ли нам помешать федералы, если мы выложим всю информацию, да и откликнутся ли люди, чтобы помочь нам?– Ответил Отец.

–Это и без моделирования понятно. Конечно, откликнутся, и федералы не смогут помешать. Но если ты хочешь...– Начал Мормон.

–... хочу.– Отрезал Отец.

–Давай сначала смоделируем. Это не сложно.– Согласился Мормон.– Только после обеда.

–Ну, ясно, что не за столом.

Официант принес заказ. Мормон получил свой салат, целую гору копченых свиных ребер, в которых безбедно мог бы жить термитный рой в течение нескольких лет, пару ростбифов, на изготовление которых ушло бы несколько телят, да огромную кружку пива. Отец ограничился порцией мантов, небольшой горкой мелких китайских пельменей с бараниной и грибами, да тарелочкой сочных острых грузинских хинкали. Погрузившись в поглощение пищи, друзья бросали лишь скупые реплики типа: класс, вкусно, м-м-м, да поглядывали на девиц, раздетых в вечерние туалеты с пышными причес-

ками и зазывными запахами духов.

—Однажды прецедент уже был.— Сказал Мормон, отрываясь от свиных ребер.— Один какой-то парень выложил в базе информацию о секретной операции федеральной службы в Vulpecula...

—Где?— Переспросил Отец.

—В созвездии Лисички. Там федералы хотели в небольшой системе произвести терраформацию какой-то неизвестной планеты. Так вот. Когда эта информация была выложена в базе, многие принялись изучать проблему с разных сторон. Федералы хотели прекратить эти изыскания, потому что хотели сделать на этой планете свой секретный филиал там или базу. Но у них ничего не получилось. Во-первых, если о планете известно всем, значит, она не может быть секретной. А во-вторых, когда стали детальнее изучать состав горных пород и атмосферы, чтобы точнее вычислить все параметры терраформации, выяснилось, что на этой планете возможна жизнь. В зачаточной форме, но все-таки жизнь, а значит, планета не должна подлежать терраформации. Так и получилось. Позднее на планете нашли в вулканических разломах целые экосистемы, которые питаются расщепленным сероводородом. Это вроде наших экосистем, которые нашли в океане на глубине вблизи действующих подводных вулканов. А к чему я все это говорю? А к тому, что федералы не смогли помешать в базе раскрыть и разработать это идею. Я думаю, и у нас получится.— Мормон довольно погрузил зубы

в мясную мякоть, приставшую к ребрам.

– Хорошая идея, – согласился Отец, – спору нет. Только, давай перестрашуемся все-таки.

– Конечно. Да и федералам насолить, на это пойдут многие. Они больно часто суют свой нос, куда им по штату не положено.

– Пальмы что-то нет. – Сказал Отец. – Куда она пропала?

– Ни куда она не денется. – Не поднимая глаз с тарелки, сказал Мормон.

Отец проглотил все свои пельмени, принялся за чай. Этот благородный напиток Отец пил сладким, поскольку считал, что глюкоза самым таинственным способом подчеркивает аромат древнего напитка. Если хочешь испортить чай, добавь туда варенье или какой-нибудь травы, считал Отец. Трава с чаем, это как селедка с сахаром.

– А вот и Пальма. – Сказал Отец.

В столовую вошла небольшого роста девчушка с густыми кучерявыми волосами, подстриженными под котелок. Сходство с одноименным растением было поразительным, особенно если брать во внимание ее платье с коричневым оттенком, которое напоминало ствол.

– Аленка, привет. – Поздоровался Отец. – Твое искусство макияжа просто восхитительно.

На лице, как и у Рыжей, не было и следа пудры, теней и помад. Лицо свежее, розовое, лишь недовольные морщинки подчеркивали некую озабоченность, возникшую внезапно.

–Я не красилась. Мне нельзя.– Сказала она, усаживаясь за стол.– Что, не дождались меня, волки, уже все съели?

–Почему тебе нельзя?– С участием спросил Отец.

–Косметика почти вся на гормонах делается. Сейчас мне это ни к чему.– Кротко улыбнулась Пальма.

–А что ты тогда делала так долго?– Удивился Отец.

–Меня тошнило.– С тенью смущения ответила девушка.

–Это то, о чем я думаю, или ты отравилась аммиаком?–

Продолжал допытываться Отец.

–Ты ему еще не сказал?– Пальма повернулась к своему другу и кивком указала на Отца.

Мормон молча покачал головой.

–Это то, о чем ты думаешь.– Констатировала Пальма.

–Вот это здорово, Мормон, бродяга, ты от меня это скрывал? Я тебе этого никогда не прощу. Аленка, я тебя от всего сердца поздравляю.– Отец прижал руки к сердцу.– Как назовете? Лизой?

Пальма стыдливо пожала плечами. Отец только теперь обратил внимание на кольца, блестящие у Мормона и Пальмы на безымянных пальцах.

–Так вы?..– От удивления он потерял дар речи.

–Да, Отец. Уже почти четыре месяца.– Улыбнулся Мормон.– С тебя берем пример. Ты, я погляжу, снял свое колечко?

–Снял. Только не во всем с меня пример берите. От этого у вас испортится аппетит.– Кисло улыбнулся Отец.– Где

праздновали свадьбу?

– Дома посидели с родителями, водки попили и все.– Сказал Мормон.

– Решили не делать большого праздника.– Добавила Пальма.

– Женатый отличается от холостого тем, что холостому везде плохо, а женатому только дома.– Сказал Отец.

Друзья ухмыльнулись, Отец продолжал:

– Лиза, это хорошо. Девочка? Как и в прогнозах?– спросил Отец.

Пальма опустила глаза, Мормон кивнул.

– А моя назовет сына Глебом. Я тоже проверил. А я хотел сына назвать Олежкой.– Сказал Отец.

– Не грусти. Все наладится.

Пальма заказала легкий салат из кальмаров и диетическое сало. Друзья, покончив с едой, принялись обсуждать дальнейший план обнародования данных, захваченных Отцом у федералов. Пальма не мешала разговорам, лишь коротко посмеивалась над двумя диверсантами, играющими во взрослые игры.

– Штраф на вас наложат, да и все. Федералов не знаете что-ли. Даже если не арестуют.– Сказала она.

Отец с Мормоном посмотрели на Пальму, которая, как ни в чем не бывало, продолжала поглощать свой салат из морепродукта.

– Точно.– Сказал Мормон.– Об этом я не подумал.

–Пустяжи. Я свой счет расформирую, чтобы федералам даже кредита не досталось, и сам выложу в базу все, что у меня есть. Так что ни на кого тень подозрения не падет. На меня штраф они не наложат. Я не гражданин конфедерации, у них кишка тонка. Я вообще, по большому счету реликт и гость в этом мире. Арестовать меня? Даже если и арестуют, так меня отправят домой, в мое время. Так что я в любом случае ничего не теряю.– Сказал Отец.

–Это выход.– Согласился Мормон.

–Ладно. Давайте немного отдохнем, а потом поедем, на лыжах покатаемся, коль мы все равно здесь.– Сказал Отец, поднимаясь из-за стола.– Встретимся в базе через десять минут.

Выход принял гостей с Земли, отправив Отца в его апартаменты, Мормона же с Пальмой в другой, который они занимали на правах супругов.

Оказавшись в своем номере, Отец увалился на широкую кровать, на которой без особых неудобств могла разместиться какая-нибудь китайская семья, и надел шлем, чтобы очутиться в глобальной базе данных.

Вот она настоящая ноосфера, думал Отец. Это вовсе не тот жидкий слой умов, населяющих поверхность Земли. Это– ноосфера, захватившая все известное разумное сообщество. Она включает в себя не только солнечную систему с ее могучим научным потенциалом на всех планетах и планетоидах, но и мириады других миров, населенных разумными

существами. Это и система Веги с ее удивительной планетой Адло, населенной разумными рептилиями, это и система Канопуса с ее негуманоидной расой огромных жаб, это и Альтаир с его длинноногими птицами, по строению напоминающими фламинго, это и Поллукс Близнецов, обитатели которой похожи на людей, это и Ахернар Эридана, так же населенная гуманоидной расой. Еще тысячи миров, объединенных глобальной базой данных были частью единой ноосферы, о которой в тихом двадцать первом веке имели лишь пространное представление.

Отец встретился с Мормоном, который принялся составлять план разоблачения федеральной тайны о неведомых Инвизах. Странник, не теряя времени даром, проверил состояние своего банковского счета. Он значительно уменьшился благодаря некоторым путешествиям Отца на Адло, Плутон и на Ганимед, где рассчитывал потратиться еще. Оставалось чуть больше четырех тысяч кредитов. Отец перевел две тысячи на счет Трибуна, помня о своем обещании. Тысячу перевел Мормону. Захотелось сделать другу свадебный подарок. Теперь у них в ближайшем будущем предстоят траты. Скоро у них появится маленькая дочка, которую нужно будет содержать. Оставшуюся тысячу Отец перевел Рыжей. Пусть и ей достанется что-нибудь от неудавшегося мужа.

Мормон немедленно обратился к Отцу.

—Отец, твои проделки с деньгами? Зачем ты мне перевел

свой счет?— Возмутился друг.

— Не переживай. Если бы ты знал, какую часть своего счета я тебе перевел, ты бы тогда обиделся. Все нормально. Это маленький подарок вам на свадьбу.— Улыбнулся Отец.

Мормон для вида еще немного поворчал, затем с благодарностью принял подарок.

— Давай, не отвлекайся. У нас еще много дел.— Попросил Отец.

Оставалось немногим больше двухсот кредитов. Отец решил, что будет благоразумным немного оставить себе, чтобы расплатиться за гостиницу и прокатиться на горных лыжах. Когда ему еще раз выпадет случай покататься на Ганимеди по аммиачному искусственному снегу? Наверное, судьба, не очень щедрая на богатства, другого шанса не предоставит. Пары сотен кредитов погоды не сделают, хоть и сумма не велика, но на несколько недель хватит.

Отец вернулся к Мормону. Он уже закончил построение модели разоблачения федеральной службы. Все работало. Особых сложностей не возникнет. Федералы узнают, что все тот же хулиганствующий ортодокс— Отец выложит все данные. Санкций к его наказанию выписать никто не посмеет. Пути борьбы с обнародованными данными в глобальной базе данных окажутся недостаточными, потому что несколько тысяч человек примут участие в изучении параллельного мира.

Прекрасно, подумал Отец. Он занялся подготовкой ре-

кламных баннеров с приглашением принять участие в грандиозном изучении неведомых Инвизов на самых распространенных путях информационных потоков. Мормон краем глаза смотрел за действиями Отца, кое-где одобряя его шаги, а местами и подправляя некоторые неточности.

–Готово.– Сказал Отец.– Пускаем?

–С Богом.– Ответил Мормон.– Давай, запустим федералам занозу.

Отец подключился к своему компьютеру, расположенному в конверторном пространстве на Земле и начал копировать файлы. Мормон заметил активность автоматической антивирусной службы глобальной базы и начал построение нескольких барьеров, на борьбу с которыми службе понадобится некоторое время. Отец дублировал все данные на нескольких узлах информационных потоков, тем самым, усложняя и без того трудную задачу по искоренению несанкционированной информации. Вслед за данными, снятыми следящей аппаратурой спасательного шлюпа, Отец начал выкладывать в глобальную базу описание и технические схемы установки цватпахов. Затем выложил и уже разработанную им модель параллельного мира, прототип которой он составил на федеральном корабле темпоральной службы. Немедленно активировались федералы, стараясь зачистить все то, что выложил Отец.

Когда все данные уже разлетелись по сети глобальной базы данных, Отец позволил себе расслабиться. Он наблюдал,

какой фурор произвели выложенные им данные. Файлы копировались всеми оперативниками базы данных, которые были заинтересованы насолить несносным вездесущим федералам. Федералы начали немедленный поиск нарушителя правил пользования сетью глобальной базы. Отец не стал скрывать свою к этому причастность. И если бы он стоял на горе и размахивал флагами, громко крича: «Это сделал я», федералы бы нашли его еще позже.

Немедленно был заблокирован канал связи Отца с глобальной сетью, но дело было сделано. Теперь, в этом можно было уже не сомневаться, многими тысячами оперативников проблема изучения параллельного мира перестала быть проблемой.

Отец понял, что доступ в глобальную базу данных ему закрыт навеки, или, по крайней мере, на ближайшие пять тысяч лет. Что ж, думал Отец, вы хотели со мной поиграть в кошки-мышки. Интересно, каетесь ли вы, что со мной обходились без должного уважения? Пусть теперь у вас печенка попрыгает вокруг серповидной связки от возмущения.

Отец снял с головы шлем. Теперь с Мормоном будет связаться труднее. Гораздо проще это делать через глобальную сеть. Переживем, думал Отец, и не такое случалось.

Он слез с кровати, сбросил с себя всю одежду и отправился в душ. Теплая витаминизированная вода уносила с собой его дрожь и волнения. Он стоял под теплыми тугими струйками воды и представлял, что же сейчас происходит в но-

осфере. Наверное, есть операторы глобальной базы данных, которые помогают проникнуть в проблему параллельного мира, находящиеся за много световых лет от Земли от мест, где рвался пространственный и временной континуум нашей вселенной. Может, где-нибудь, забившись в скалах, какая-то неведомая разумная лягушка надела сейчас свой шлем и разрабатывает новые алгоритмы и логические цепи, описывая и моделируя новый параллельный мир. Пусть новое открытие всего разумного населения галактики будет знать, что путь в гиперпространство недалек, пусть они устанавливают новые правила его использования и развития. Пусть военные и федералы, наконец, не будут в тайне исследовать неведомый мир, чтобы потом развернуть его против самого же себя.

Для этого стоит жить. Для этого стоит родиться, пройти миллиарды километров, сотни лет времени, чтобы, наконец, создать что-то, что не будет использовано для войны, для истребления себе подобных. Это самое грандиозное открытие никогда не станет монополией федералов и военных. Пусть это, наконец, послужит им хорошим уроком.

Отец мог бы себе предположить, как могли федералы использовать параллельный мир для шпионажа, шантажа и нарушений прав разумного существа. Нет. Теперь с этим покончено навеки. Этот континуум слишком много видел войн и несправедливости, чтобы еще и новый параллельный мир отдать на откуп злу.

Отец включил в душе вид лагуны какого-то тропическо-

го моря. Теперь он стоял под водами теплого водопада. Вокруг летели брызги воды, ровным слоем ложась на прибрежные камни. Было тепло и душно, как перед ливнем. Пусть будет так. Он подставлял искаженное улыбкой лицо под тугие струнки падающей воды и веселился. Бурный поток разгоряченной под южным солнцем воды падал на него с высоты нескольких метров. Вокруг в буйстве цветов и растений носились едва заметные в клубящемся тумане водопада стайки колибри, на ветках сидели любопытные попугаи Ары, разглядывая веселящегося под водопадом человека.

Здорово. Отец хотел петь. Скоро, очень скоро откроется тайна параллельного мира. Даже если он очень не опытный оператор глобальной базы данных смог построить модель параллельного мира, то оперативники со стажем это сделают лучше него. Они докажут, что это Инвизы украли брата. Они помогут его вернуть. Интересно, что скажет Мормон?

Насухо обтеревшись полотенцем, Отец закутался в теплый махровый купальный халат и устроился на диване напротив телевида.

–Компьютер, дай мне Мормона.– Сказал он.

Засветился синий логотип оператора телевизионной связи, вскоре сменившийся озадаченным лицом друга.

–Ну, как дела в базе?– Весело спросил Отец.

Его епитимья нисколько не огорчила странника.

–Гудит как улей родной завод,– с улыбкой сказал Мормон,– а нам не все ли, ядерн компот...

–Так держать. Как федералы?

–Беснуются, только поделаться ничего не могут. Это было что-то!!! Жаль, что ты не видел. Около пяти секунд база не работала. Они пытались перехватить все посты, которые ты выложил.– Мормон усмехнулся.– Представляешь? Пять секунд! Этого вообще никогда не было. Были сбои раньше, но они исчислялись тысячными долями секунд, а тут целых пять! Ну, Отец, держись. Сдается мне, они очень на тебя разозлились.

–Ничего, у меня шкура толстая. Тем более что скоро меня отправят восвояси. Я для них хорошая щепка ниже пояса.– Отец указал Мормону на то самое место, где будет очень неудобно, случись там оказаться щепке.– Да и я человек не злопамятный– отомщу и забуду.

–Да,– сказал Мормон,– вот дела. Ты столько шума наделал. Это однозначно вызовет резонанс в массах.

–Я надеюсь остаться героем.– С бравадой воскликнул Отец.

–Только бы не посмертно.– Не весело усмехнулся Мормон.

–Долго ли ждать теперь результатов?

–Кто его знает? Но народу задействовано даже больше, чем я предполагал. Пацифисты, хиппи, зеленые, свободные аналитики, да все, кого знаешь, включились. Там только свинец не плавится, такие, брат, страсти.

–Ну, ладушки. Дали немного народу зрелищ, пора и от-

дохнуть.— Сказал Отец.— Как на счет горных лыж и бобслея?

Добравшись на туристическом каре до горной гряды, искусно сделанной гением прогрессивной мысли, Отец с Мормоном остались возле подъемника, несшего в прозрачных кабинках горнолыжников. Пальма осталась в гостинице, сославшись на плохое самочувствие. У женщин очень много объективных причин оставаться дома: плохое самочувствие, плохое зрение, плохое обоняние и плохое чувство юмора.

—Ну, что, Мормон, прокатимся, или тут стоять будем?— Спросил Отец.

С вершины горы казались много круче, чем выглядели снизу. Крутизна склонов несколько компенсировала низкое тяготение, а на некоторых участках трассы горы казались почти отвесными. Трассы пролегали меж берез и сосен. Так было привычно глазу Земным любителям спуска с заснеженных вершин. Деревья были голографическими, и незадачливый лыжник мог проехать сквозь них, ни мало не причинив себе вреда.

Отец взялся за палки и оттолкнулся от порожка, на котором остался стоять Мормон. Его понесло. Розовый снег снопами брызг разлетался от широких пластиковых лыж. Адреналин выбился из клеток надпочечников и просочился в кровь. Зрачки сузились, сердце забилося в ритме степа, из горла вырвался крик ужаса и восторга. Отец не был искушенным горнолыжником, однако часы, проведенные в конвертерном пространстве, не прошли для него даром. Он при-

тормаживал обеими парами лыж, менял галсы, чтобы не набрать критическую скорость. На каждом повороте странник ощущал чудодейственное влияние антигравитаторов, которые стабилизировали его пространственную ориентацию, не давая возможности упасть. Скорость была велика, это возбуждало Отца и толкало на подвиги. Он проследовал к трамплину, который стоял чуть в стороне от трассы и, взлетев по нему, полетел вниз головой. Не будь антигравитаторов, ему пришлось бы туго, однако охранные системы сработали четко. Отец плавно опустился на розовый аммиачный снег, будто поддерживаемый некой невидимой сильной и ласковой рукой.

В шлемофоне зазвучал голос автомата службы безопасности: «Отдыхающий такой-то, вы получаете предупреждение за нарушение правил спуска на лыжной трассе такой-то...». И так далее и так далее. Отец понял, что такие штучки здесь не проходят. Автомат доложил Отцу, что при повторном нарушении правил спуска, Отец лишится возможности пользоваться услугами горнолыжного курорта на весь сезон. Что ж, пусть будет так, подумал Отец. Здесь слишком много внимания уделяется безопасности отдыхающих, наверное, так и должно быть во всех цивилизованных мирах. Отец не стал прекословить, тем более что один фурор он сегодня уже успел устроить. Одного раза хватит.

В небе поднимался огромный круг Юпитера. Его самого еще не было видно, только розовый расчерченный яркими

полосами край напознал из-за горизонта. Солнце клонилось к закату, однако темнее не стало. Отраженный от гигантской газовой планеты свет да висящие в пространстве фонари на антигравитационной платформе освещали трассу достаточно. По краям горы чернели пушки для изготовления искусственного аммиачного снега.

Отец завершил свой спуск в спасательной сетке, которая ограничивала дальнейший спуск. Он остановился и посмотрел на склон горы. По розовому спуску неслись Мормон, меняя галсы и скорость. Он взметал огромные кучи искрящегося розового аммиачного снега. Отец был доволен. Такой прогулки ему не забыть никогда. Жаль, что никому о ней нельзя будет рассказать в тихом двадцать первом веке, когда он туда вернется. В противном случае может случиться так, что одетый в рубашку с длинными рукавами, завязывающимися за спиной, странник будет получать множество уколов и таблеток, от которых будет всегда хотеться спать, язык вывалится изо рта, и на грудь будут течь слюни. Пусть лучше никто не узнает, что он, Отец, спускался по искусственному розовому склону в скафандре на горных лыжах, на Ганимеде, на третьем и самом большом спутнике Юпитера. Пусть он в своих мечтах будет возвращаться сюда и спускаться снова и снова, и чтоб никаких уколов.

Внизу простирался горный ландшафт, украшенный голографическими березами и соснами, которые синхронно покачивали ветвями на воображаемом ветру. Слева от Отца

раскинулась еще одна горнолыжная трасса для детей и подростков. Здесь клоны не были такими внушительными, как те, на которых только что спускался Отец и Мормон. Эта трасса была заполнена довольными и гордыми за своих чад родителями и маленькими комочками, одетыми в белоснежные фосфоресцирующие скафандры. Отец с грустью смотрел на счастливых родителей и веселых детишек, спускающихся с горы. Как было бы здорово покататься на лыжах с сыном здесь, с маленьким сыночком, которому не будет суждено в жизни узнать, что такое отцовская нежность и любовь. Было бы здорово обхватить его и катиться на санях с горы, громко смеясь и любуясь красотами самого большого спутника Юпитера.

Справа от детской трассы за небольшой рощицей голых берез располагался зверинец. Частью это были голографические репродукции живых своих Земных двойников, но были и клетки с животными, привезенными из далеких миров Млечного Пути, способными выдерживать низкие температуры и непритязательными к ядовитой атмосфере спутника. Здесь в вольерах, огороженных сосновыми бревнами, бродил бизон, рядом плевался белой голографической слюной верблюд. За сеткой из прозрачного волокна по розовому снегу бегало несколько зайцев вперемешку с гусями и утками. В другом вольере бродила цапля на своих тонких и длинных ногах, делая вид, будто собирает насекомых в аммиачном снегу. С цаплей расхаживал павлин. Он редко осчастливли-

вал посетителей видом распушенного дивного своего хвоста, большей частью он бродил низко опустив голову, словно стесняясь своего невольничьего положения. Далее шли клетки с косулей и молодым пятнистым оленем. Чуть в стороне в огороженной кованой клетке сидел огромный бурый медведь. На табличке значилось: «Барин». Он ходил из угла в угол, не находя себе места от безделья. Рядом в клетке поплоче резвился маленький медвежонок Тимошка, который старался во всем подражать своему старшему собрату, только нет-нет срывался на детские выходки. В другой стороне в клетках бесновались волки, тигры и пума, которую звали Василиска. Возле кошек стоял вольер с Рыжей лисицей Матреной и тремя енотовидными собаками, которых никак не звали. Далее шли клетки с привезенными реальными зверями, о которых Отец не имел ровно никакого представления.

Страннику было не понятно, зачем голографические звери находились за реальными железными решетками и сеткой. Проще было задать программу компьютеру, чтобы звери не выходили за отведенное им в парке место. В результате такого решения парк потерял бы режимный оттенок и стал бы живее. Ответа не нашлось.

В шлемофоне послышался голосок какой-то девицы информационной службы:

–Господин Яшин, вас просит на связь некто, кто представился Трибуном. Предоставить связь?

–Нет.– Ответил Отец.– Передайте, что я принимаю душ и

освобожусь только через трое суток.

Некоторое время в эфире было тихо, затем голос девицы продолжил:

–Господин Трибун настаивает на соединении с вами. Он говорит, что дело очень важное и в ваших интересах с ним связаться.

–Передайте господину Трибуну, что я сам скоро его найду, если он так сильно просит.– Сказал Отец.

В динамиках шлема снова заиграла музыка, видимо информационная служба отключила Трибуна, заботясь о неприкосновенности отдыха курортника. Хочет за деньги поблагодарить, решил Отец. Будет. Не о чем беспокоиться. Я лишь сделал то, что обещал.

Отец сделал около десятка спусков с горных вершин Ганимеда, пока не почувствовал дикий голод и усталость. Добравшись до ряда скамей, что стояли рядком у подножия спуска, Отец отстегнул лыжи и стал дожидаться Мормона. Отец видел, как от уступка, что стоял на самой вершине горы, отделилась фигура друга и понеслась вниз по розовому склону. Мормон петлял, то сбавляя скорость, то набирая ее. Он взлетел на трамплин, который оказался непокоренным Отцом, сделал полный оборот вокруг головы, плавно приземлился на лыжи и продолжил спуск. А он не плох на лыжах, подумал Отец. В конверте можно будет потренироваться на досуге, если будет время.

–Молодец, Мормон. Я думал, ты плохо катаешься.– Вос-

кликнул Отец.— А ты совсем кататься не умеешь.

—Спасибо.— Поблагодарил за столь изысканный и необычный комплимент Мормон.— Ты для первого раза тоже не плох.

Друзья сидели, переводя дух на скамье, и наблюдали за спусками других любителей горных лыж. Какой-то чудной и дерзкий подросток на сноуборде проскочил насквозь березовую рощицу, стоявшую в ложбине. Деревья ответили лишь ленивыми взмахами своих черных голых ветвей. За такие нарушения мальчишке грозило предупреждение или лишение прав пользования, но, видимо, мальчика это беспокоило меньше всего.

—Я предлагаю кого-нибудь съесть. Мне хочется плоти.— Воскликнул Отец.

—Я думаю, Пальма нас уже заждалась.— Вторил ему Мормон.

—А мне кажется, что она пугает фаянсовый трон. Что-то ей лихо сегодня.

Друзья отправились к транспортерной ленте, ведущей к гостинице. Решено было осмотреть окрестности курорта живую, чтобы получить эстетическое удовольствие от прогулки по свежим аммиачным испарениям. Устроившись в креслица, прикрепленные к транспортеру, друзья двинулись на юг.

—Трибун что-то звонил.— Сказал Отец.

—Что ему из-под тебя нужно?— Спросил Мормон.

–Кто его знает?– Пожал плечами Отец, но движение было скрыто скафандром.– Я ему со своего счета денег перевел. Наверное, хочет поблагодарить. Кто его знает? У этого человека в голове бегает огромный червяк. Никто не знает что у него на уме.

–Ты все свои деньги перевел? Себе совсем не оставил?– Мормон пристально посмотрел на Отца.

–Деньги– это зло. Богатство вот здесь.– Отец ткнул себя в голову.

–Ты много сегодня выпил?– С иронией в голосе спросил Мормон.– Ладно. Не будет денег, всегда помогу. Обращайся.

–Надеюсь, не придется. Мормончик, давай, сейчас как придем, проверишь, что там наши хакеры в базе нарыли. Может, мы уже что-то пропустили?– Сказал Отец.

–Мне, если честно, самому интересно.

Мимо проплыл парк с аттракционами. Здесь были и маленькие детские горки и площадки, качели и карусели, клоуны и зазывалы, которые приплясывали на розовом снегу в костюмах зайцев и каких-то неведомых героев будущего, о которых Отец имел весьма пространное представление. Парк зеленел голографическими клумбами с травой, усыпанной слезами утренней росы. В воздухе кружили воздушные шары и бумажные змеи вперемешку с голографической рекламой развлекательной индустрии парка. Здесь виднелось огромное несколько десятков метров высотой колесо обзора с прозрачными пластиковыми кабинками, вместо

привычных открытых металлических платформ. Чуть в стороне стояла огромная вышка тарзанки, с которой нет-нет кто-то падал вниз головой. Вокруг тарзанки была раскинута платформа искусственной гравитации, чтобы прыжки не были похожими на воздушные полеты во сне.

–Пойдем пару раз спрыгнем?– Предложил Отец.

–А как ты потом скафандр чистить будешь? Изнутри это сделать не так просто.– Засмеялся Мормон.

–Потерплю как-нибудь до дома.– Сказал Отец.

–Давай уже сейчас начинай терпеть. Без тарзанки как-нибудь обойдемся. Если я еще хоть пять минут проведу на ногах, мне придется их отрезать и выбросить собакам.– Замотал головой Мормон.

Вот уже и показались строения гостиничного комплекса, который с удовольствием принял горнолыжников, вернувшихся невредимыми с ядовитых аммиачных склонов.

–Встречаемся через...– Отец задумался.– Скоро увидимся...

Мормон вяло кивнул ему рукой и скрылся в выходе. Отец последовал пешком. В номере странник скинул, наконец, скафандр, который сейчас казался тяжелыми средневековыми доспехами, таким же неуклюжим и громоздким. Набрав программу возле стойки органического синтезатора, Отец заказал кусок отварной свинины в специях, краюху белого хлеба и три луковицы. Пока синтезатор готовил блюда, Отец принял витаминный теплый душ с легким электрофорезом.

Как утверждают любители, слабый едва ощутимый электрический ток во время душа хорошо тонизирует.

Вытеревшись насухо пушистым полотенцем, Отец подошел к терминалу компьютера.

–Компьютер, соедини меня с Мормоном.– Попросил он.

–Вам оставлено сообщение от господина Трибуна.– Сообщил приятный женский голос компьютера.

–Включить сообщение.– Скомандовал Отец.

На экране появился несчастный хакер в своем реальном облики в теле, на которое не без сожаления смотрят даже мухи. Одет он был в балахон, не знавший стирки со дня своего создания. Трибун смотрел с экрана, будто чего-то ждал. Наконец, сделав непонятный жест рукой, по всей видимости обозначающий приветствие, начал:

–Отец. Здорово.– Трибун тянул слова, будто старался не пропустить ни единого значимого звука, чтобы смысл фразы, не дай Бог, не затерялся.– Я до тебя уже пытался дозвониться. Ты принимаешь душ...

Трибун хмыкнул себе в нос, и скривился, будто ему было очень больно. Затем так же медленно продолжил:

–Не кажется ли тебе, что сидеть в воде трое суток это–перебор. Смотри, вырастет хвост водяной. Я к тебе по делу звоню. Дело важное. Постарайся меня найти, только пропустишь это сообщение.

Трибун помялся на своих длинных и почти воздушных ногах, и немного погодя, потеряв равновесие, едва не упал.

Чудом устояв, он что-то тихо пробурчал и продолжал:

–Заметь. Это я тебе звоню, потому что вопрос очень важный.

Отец слушал его тягучую речь и решил все-таки присесть на край своей кровати, чтобы не упасть, когда придет время заснуть, слушая это сообщение.

–За деньги спасибо. За это я тебя отдельно поблагодарю, только звоню я не за этим.

Отец зевнул, затем встал, подошел к зеркалу и стал расчесываться, чтобы движениями себя несколько оживить.

–Я хочу тебе сказать что-то очень важное. Только это не для телевида разговор. Тебе нужно срочно со мной связаться. Это касается лично тебя, потому что если ты мне не позвонишь, может случиться кое-что непоправимое.

Отец направился к выходу, чтобы сменить уже опостылевшую одежду, но застал перед черной пастью выхода.

–Надеюсь, что ты не будешь пользоваться выходом. Это для твоей безопасности.

Отец резко обернулся на экран телевида, с которого вещал едва живой Трибун.

–Тебе ни в коем случае нельзя пользоваться выходом. Запомни это хорошенько. Никогда, до тех пор, пока ты со мной не свяжешься. Эта вся канитель из-за твоей выходки с федералами. С ними так нельзя.

Отец приблизился к экрану телевида и стал пристально наблюдать за едва заметной мимикой Плутонеанского хаке-

ра. Трибун едва раскрывал рот и от этого стал похож на чревовещателя, у которого невесть откуда вываливаются слова. На лице Трибуна появилось выражение озабоченности, которое хакер, не привыкший к Земным привычкам скрывать свои чувства, сдобривал поднятием бровей и размахиванием руками.

—Федералы такое не прощают. Тебе придется с ними считаться, хочешь ты этого или нет. Больше пока я тебе ничего не скажу. Надеюсь, что ты все-таки выходом не пользовался и мысли такой у тебя не появится, не то случится непоправимое.

По шкуре пробежала волна недовольства, и все мелкие волоски на спине встали, словно дождевые черви в ливень. Знакомое чувство страха овладело Отцом. Что-то это не похоже на Трибуна. Человек, для которого не существует практически никаких границ, встревожен, и встревожен очень сильно. Это ясно и без знания человеческой психологии.

—Свяжись со мной по телеvidу. В базу тебе дорога заказана. Даже я не смог тебя распоролить. Федералы задействовали какую-то новую систему защиты от несанкционированного доступа в базу. Я ее, понятно, взломаю, но на это уйдет много времени, которого у тебя нет.

Отец принялся надевать свою одежду, которую он по старой привычке побросал на кресле, а не воспользовался услугами выхода, который по требованию аннигилирует старый хлам. В комнате вдруг стало холодно, или это оттого, что

Отец был напуган озабоченностью странного хакера.

—Отец, береги себя. Ты знаешь, я за любой бунт, кроме голодовки...— Начал Трибун и попытался улыбнуться.

Отец тоже улыбнулся. От тонкого хакера слова о голодовке звучали как вселенский вызов самой Ее Величества Ирнии.

—... как меня найдешь, я тебе скажу, что нужно будет сделать. Держись меня, и ты не пропадешь. Я тебе обещаю, хоть и не люблю давать обещания никому.

Загорелся синий логотип оператора связи, Трибун пропал. Отец очень надеялся, что он все еще жив. Что он еще придумал? Может, что-то накопал в базе, это за ним не заржавеет. Выходом пользоваться нельзя. Это ясно. Последуем его совету. Отец вспомнил, что последний раз пользовался выходом несколько часов назад, когда выложил в базу все сведения и они с Мормоном пошли кататься на горных лыжах. Видимо само провидение оберегло Отца от посягательства на его жизнь. Конечно, может так случиться, что Трибун нехотя сгущает краски и жизни Отца ничто не грозит, однако рисковать не хотелось. С гор Отец с Мормоном добрались до гостиницы на транспортной ленте. Даже когда они очутились в вестибюле гостиницы, Мормон пошел выходом, а Отец пошел пешком по лестницам. Значит судьбе так угодно, чтобы Отец еще оказался не у дел.

—Компьютер, соедини меня с Мормоном.— Попросил Отец.

Он решил сначала выяснить, как обстоять дела в глобальной базе данных. Что уже успели выудить из ноосферы отряды добровольцев, пожелавших помочь Отцу и насолить федералам.

Мормон показался немедленно.

—Отец, я уже в базе.— Послышался голос друга.— Тут для тебя очень много интересного, жаль, что ты сам не можешь этого посмотреть.

—Так ты мне расскажи. Ты же теперь мои глаза и уши.— Попросил Отец.

—Слушай. Ты сидишь?— Спросил Мормон.

Отец присел на край кровати.

—Вот так хорошо.— Продолжал Мормон.— Слушай внимательно. Твоя схема параллельного мира терпимая, ее взяли за основу, чтобы не тратить время на основные алгоритмы. Теперь ее доделали. Сейчас уже математическая модель пространства почти готова. Не хватает деталей, но и их скоро разработают. Но это не главное. Теперь разрабатывается план проникновения в гиперпространство. Все сходятся во мнении, что в точке прохода это будет максимально реальным, поскольку там Инвизы уже изменили пространственный континуум нашего мира.

—Мормон...— Отец хотел попросить друга говорить медленнее, поскольку едва улавливал смысл сказанного.

Отец по себе знал, что в глобальной базе данных мыслительные процессы обретаю немислимые скорости, и огра-

ничены лишь артикуляционным аппаратом человека, чтобы образы приняли речевую форму.

— Не перебивай. — Рывкнул Мормон. — Когда ты летел с Цватпы, ты побывал в конвертерном пространстве Инвизов, до этого ты уже дошел и сам. Но чтобы проникнуть в их континуум, нужны другие характеристики напряженностей полей и полярности некоторых узлов в твоей установке. Этим сейчас занимается инженерная группа, которая ее обслуживает. На это уйдет некоторое время, но затянуться — не затянется, будь покоен. Так что скоро дорога в параллельный мир откроется. Теперь насчет твоего брата.

Отец насторожился. Именно это и нужно узнать вперед всего на свете.

— Брата твоего взяли Инвизы. Как я сам до этого не додумался, просто удивительно? Какой-то молодец нашел простое тому доказательство. Смотри сам. В тот момент, как в машине твоего брата вспыхнуло что-то, твой брат находился на одной линии с точкой прохода и разрывом в нашем пространственном континууме. Понимаешь? Они из точки прохода на какое-то время разорвали наш континуум и забрали твоего брата. Зачем они это сделали, никто пока не знает, но задача это решается.

— Да уж скорее бы. — Пробормотал Отец.

— Слушай дальше, это еще не все. Ты сам придумал алгоритм, исходя из которого следует, что время в параллельном мире ведет себя очень странно.

Отец вспомнил. Это действительно так. Это объясняло, почему Инвизы иногда предвосхищали вопросы, которые ученые нашего мира им задавали некоторое время спустя. Этим объяснялось и то, что послания имели на первый взгляд хаотический характер. Предположив не постоянное прямолинейное течение времени, все сообщения выстраивались в единую логическую цепочку, которая дальше поддавалась осмыслению. Такое поведение времени можно найти и в нашем континууме. К примеру, в один и тот же миг время имеет разные характеристики на Земле и в Магеллановом облаке, поскольку оно напрямую зависит от скорости объекта и вселенных. Возможно такие же процессы происходят и в параллельном мире.

–Так вот,– говорил Мормон.– Твой брат у них, в каком он существует времени и в каком виде, об этом сказать пока никто не может. Скоро, когда установится контакт, это выяснится. По прогнозам наших аналитиков ждать осталось недолго. Контакт, первый в истории всего нашего пространственного континуума, с параллельным миром скоро будет установлен. Сейчас установку развернули к точке прохода, чуть от нее отошли, чтобы с нашей стороны его искривить настолько, чтобы образовалась порядочная дыра.

–А наша вселенная не рухнет? Кто его знает, что в этом гиперпространстве?– Забеспокоился Отец.

–Об этом тоже подумали. Проход будет ограничен защитными полями. Инженеры сделают что-то вроде огромной

трубы или тоннеля в параллельный мир. А защитные поля будут на страже. Уже устанавливается множество следящей и контрольной аппаратуры, чтобы на случай непредвиденных обстоятельств или агрессии со стороны параллельного мира, проход закрылся мгновенно. Я думаю, что ничего не должно произойти серьезного. Там люди тоже не дураки.

—Это радует.— Сказал Отец.— А мне место там какое не выделено? Я имею в виду мне нельзя очутиться возле точки прохода?

—Отец, я об этом еще не узнавал. Хочешь?— Спросил Мормон из глобальной базы данных.

—Конечно хочу. Там же мой брат. Это из-за него вся эта заварушка.

Именно из-за брата все и произошло, подумал Отец. Сначала Инвизы его выкрали из нашего мира и стали через точку прохода слать код ДНК, который у Отца и Дэна одинаковый. Но ученые не разобравшись, подумали, что неведомые Инвизы просят Отца для установления контакта. Поэтому его и забрали из тихого двадцать первого века. А потом начались все злоключения, которыми богата злодейка судьба. Потом была Рыжая и Луна. Потом был Плутон и Цватпа. Потом была установка и тихий двадцать первый век. Потом был Петрович и поезд до Рузаевки, а после возвращение в будущее. Все из-за брата. Если бы его не забрали, ничего этого бы не было. Конечно, Дэн в этом не виноват, но он стал невольным виновником всех событий, последовавших вслед за его

исчезновением.

–Ладно,— согласился Мормон.— Только в другой раз, если ты не против.

–Какой разговор...— Пожал плечами Отец.— В другой, так в другой.

–Ты доволен?— Спросил Мормон.

–Конечно. Если бы мы не выложили эти данные, федералы бы все стали держать в секрете и мы ничего не узнали. Теперь хоть все стало ясным. Остается один вопрос, зачем Инвизы украли моего брата? Как они его смогли вычислить?

–На эти вопросы пока нет ответа, но я тебя уверяют, ребята здесь всю ломают свои гениальные головы. Они все раскопают, дай только время.— Ответил Мормон.— Кстати, тебя что-то искал Трибун. Он мне на почтовый ящик скинул сообщение, чтобы ты его нашел.

–Да знаю.— Махнул рукой Отец.— Он мне тоже сообщение оставил.

–Он как-то туманно попросил меня передать тебе, чтобы ты ни в коем случае не пользовался выходами. Знаешь, к его советам нужно прислушиваться.

–Он сказал, что я сильно разозлил федералов, и поэтому мне не следует пользоваться выходами.— Сказал Отец, и тут его осенило.— Точно. Они меня хотят через выход поймать. Они меня уже однажды так поймали, когда я пытался на Луне пройти с помощью выхода к тебе, я тебе как-то рассказывал. Тогда я оказался на корабле, который отвез меня к точке

прохода. Точно. Вот почему нельзя пользоваться выходом. Теперь все ясно. Вот же сволочи, ты подумай.

—Отец, не выдумывай ничего. Просто набери Трибуна. Он тебе все расскажет.— Сказал Мормон.

—Хорошо, до связи, Андрюха.— Сказал Отец и отключился.— Компьютер, дай мне Трибуна.

На экране возник Трибун, покачиваясь, словно на Плутоне бушевал ураган.

—Наконец то ты вымылся.— Поздоровался Трибун.

Отец про себя отметил своеобразное чувство юмора хакера. Трибун, словно не замечая присутствие Отца, продолжал жевать слова:

—Отец, ты получил мое сообщение, я вижу. Молодец, что нашел меня. Хорошо, что ты не пользовался выходами. В ином случае ты со мной бы сейчас не разговаривал.

Отец сказал, что это чистая случайность. Выход сильно упрощал жизнь, и Отец очень привязался к этому научному изобретению, экономившему множество драгоценного времени на перелеты и переодевания. Трибун не обратил на реплику никакого внимания.

—Федералы на тебя разозлились...— Начал хакер.

—Это ты уже говорил.

—Федералы на тебя разозлились...— Повторил Трибун и затих, будто провоцируя Отца на очередную реплику. Отец стоял молча и ждал.— Ты им крепко насолил. Они хотят тебя вернуть в твое время.

—Это же очень хорошо.— Воскликнул Отец.— Чего же ты раньше молчал?

—Мутный вопрос.— Повел бровью Трибун, осматривая что-то за спиной Отца.

—То есть, как это мутный? Ты что, не понимаешь, я проделал такой долгий путь с Плутона на Цватпу, оттуда в свой мир, чтобы меня сюда вернули и, наконец, отправили домой.

—Ты многого не понимаешь.— Сказал Трибун.— Но ты хороший человек и я убью час своего времени и все тебе расскажу.

—Да уж, потрудись.

—Федералы тебя хотят сейчас через выход поймать и отправить в твоё время. Понимаешь?— Трибун кое-как свел глаза к Отцу.

—То есть как это?— Не понял Отец.— Не дождавшись контакта с Инвизами?

—Точно.— Трибун тряхнул головой и ухватился за что-то рукой, чтобы не выпасть из поля зрения камеры телевида.

—Они хотят установить контакт без меня? А если Инвизы потребуют меня? Если у федералов снова ничего не получится?

—Мы теперь оба знаем, что для контакта ты не нужен. Инвизы слали код ДНК не твой, а твоего брата. Понимаешь? Ты им не нужен. Они были готовы с тобой мириться, пока ты не рассекретил их самый сокровенный проект с параллельным миром. Теперь же они не станут терпеть твои выходки

и отправят тебя в твой мир. Дэна достанут без тебя. Ты отправишься в свое время.

—Но...— Отец задыхался от ярости.— Это же не честно...

—А что ты думал, когда в базу выкладывал секретные сведения? Это было честно?— Спросил Трибун.

—А я и не знал, что ты такой правильный.— Парировал Отец.

—Я не правильный и ты это знаешь. Может быть, я на твоём месте поступил бы так же. Только федералы считают тебя нечестным. Поэтому слушай меня внимательно.— Трибун концентрировался.

—Слушаю.— Крикнул Отец, чтобы вывести из оцепенения Трибуна.

—Ты должен сделать вот что...

Глава 8.

Море разбивалось у его ног. Черные холодные волны, словно огромные киты, выбрасывались на острые скалы прибрежья. Они ревели и вздыхали, рушась на мелкие брызги в скалах. Здесь никогда не было моря, и вот теперь оно есть. Будто первобытная сила обрела, наконец, материальную форму и бесновалась в угрюмых валунах, раскиданных вдоль берега. Холодные волны вздымались, казалось, до небес и рушились. Скоро, очень скоро, через пару миллионов лет эти угрюмые скалы обтешутся яростными атаками

моря и превратятся в мелкий ласковый песок и круглые камни, которыми будут играть детишки. Черное небо, насупившись, мрачно следило, как непокорное и игривое море точит старые скальные породы, которым около семи миллиардов лет. Небо не дарило ни улыбки, ни радости, оно лишь молча смотрело, как с обретенной мощью рушатся водные столбы на скалы. Оно не радовалось радугой, оно не согревало солнечным светом, оно не дышало бризом, только хмуро из-под седых туч следило, как рушатся скалы.

Холодный порывистый ветер старался опрокинуть все лавовые породы навзничь. Он не был доволен новой стихией, которая была чужда этому грозному и неприветливому миру. Здесь никогда не было воды. Только скалы прежде стояли на страже спокойствия много миллионов лет, да холодный лед. Скалы, лед и тихое движение азота царствовали в этом мире. На плесе гнили бурые листья ламинарии, которая тоже была чужой. Никогда прежде здесь не росло ни единое растение. Здесь не было даже микробов. Лишь скалы, лед и азот. А теперь запах гниющих растений, да йодные испарения неслись на многие километры из этого уголка планеты.

Настало время перемен. Токов закон природы. Ничто не может находиться в первобытной форме вечно. Теперь кислород рушил и окислял породы, которые были нерушимыми с времен сотворения мира. Скалы чернели, осыпались и крошились. Еще какую-то сотню лет назад здесь инертная и холодная атмосфера располагала к умиротворению и спо-

койствию. Теперь же здесь появились грозы, явление такое же новое, как вода и кислород. Грозы бушевали где-то вдали над морем, а до берега доносились лишь глухие раскаты, которые таяли в реве бушующих волн. Никогда прежде органическая жизнь не омрачала своими разложениями патриархальную самобытность этого края. Теперь же нет-нет штурмом на берег выбрасывало рыбу с морскими водорослями.

У его ног лежала целая кучка бурых ветвей и листьев ламинарии. Она очень питательная. В ней скоро поселятся сухопутные крабы и отложат туда свои личинки. Скоро здесь будет бурлить жизнь, из морской пучины будут выходить черепахи, чтобы отложить свои яйца, скоро игуаны и выюрки будут их отрывать, чтобы поживиться вкусной мякотью черепашьей плоти, и сами будут зарывать свои яйца.

Он смотрел вдаль, где волны были еще выше и, казалось, рвали небо у самого горизонта. Он встал и пошел по скалистому берегу, всматриваясь под ноги, будто стараясь здесь что-то найти. Он шлепал по прибрежным лужам своими пластиковыми башмаками гидрокостюма. Без него было бы совсем неудобно. Здесь еще слишком холодно. Здесь еще солнца не пробиваются сквозь черную пелену грозовых туч, чтобы согреть своим теплом странника. Небо еще не готово уступить свою волю на суше светилам. Скоро это все изменится. Скоро грозы пройдут, и сестры близнецы звезды будут своими лучами поднимать восходы и леса, будут иссушать такие вот лужицы своим теплом и благодатью.

В лужицах кипела жизнь. Планктон здесь был пока— бог и царь. Никогда прежде ему не было так привольно. Мелкие рачки и одноклеточные водоросли росли здесь как на дрожжах, не имея естественных своих врагов. Скоро они полностью захватят водное пространство планеты и своим существованием дадут этому миру великое разнообразие жизни.

Пусть здесь еще холодно, пусть черное море обживается жизнью, пусть небо хмурится. Пусть солнца пока не целуют твердь, пусть ветра и бури рвут на куски скалы, а кислород жжет. Здесь очень спокойно. Только он и эта планета, которая лишь недавно обрела новую жизнь. Где-то позади остались страхи и волнения, переживания и страдания. Здесь и сейчас лишь он и стихия. Только ветра, бури, небо и он.

Как здесь все будет через триста лет? Здесь, наверное, будет пляж. Вон там будет раскинут парк и фонтаны. Здесь поставят черные арки выходов и стойки органических синтезаторов. Вон на том холме вырастет гостиничный комплекс, где каждый сможет остановиться и насладиться морем и солнцами. Здесь будут расти пальмы и кипарисы. Здесь на ветвях будут скакать проказницы мартышки и порхать в синеве неба попугаи ары и райские птички. Скоро здесь даже ночью не будет смолкать музыка и запахи шашлыков и жареной рыбы. Вон на тех горных склонах будет расти виноград, а на этом пляжу отдыхающие будут пить молодое терпкое вино. В тех ложбинах будут цвести мандарины и персики, а здесь из них будут делать сладкие ароматные компоты

и десерт. А вон на том плато, наверное, раскинется посадочная площадка для каров, шлюпов, туристических машин и вертолетов. В том фьорде приютится яхт-клуб, откуда белоснежные парусные суда будут выходить в море, окрашивая его в романтические тона. Здесь будет лодочная станция. Вон за тем утесом туристы будут погружаться на морское дно, чтобы найти успокоение своей души в созерцании подводных красот. Эти скалы обживут кораллы и мидии. А вот эту скалу однозначно снесут. Она очень портит общую картину.

Он подобрал камень из воды. Грубый осколок неизвестной породы. Он так не был похож на те камни, которая ему подарила Рыжая. Он развернулся и, сколько было сил, бросил камень в морскую беснующуюся пучину. Теперь он там пролежит не одну сотню лет, если не случится чудо и этот участок суши не поднимется из моря.

Отец видел в небе лишь очертания дневных светил. Одна – альфа А, другая, чуть поменьше – альфа В. Проксимы видно не было, ее далекий свет не смог бы пробиться сквозь черноту грозных туч. Было очень непривычно смотреть сразу на два солнца. Такая необычная система. Альфа Центавра А крутится вокруг альфы Центавра В, альфа Центавра В кружит вокруг альфы Центавра А. А Центаврийская проксима бежит вокруг обеих звезд сразу на расстоянии тринадцати световых суток.

Эту планету назвали Изольдой. Когда-то давным-давно

она была безжизненной каменистой сферой, покрытой толстым слоем льда и окруженной азотом. Она была мертва и холодна, пустынна и таинственна, как могильный камень. В небе светили две альфы Центавра, нисколько не согревая ее. Два спутника мрачно смотрели на Изольду из черноты космоса. Они устали видеть неизменные за многие миллионы лет ландшафты планеты и даже начали дремать, когда прилетели люди. Они привезли с собой огромные глыбы сухого льда, которые испарились в атмосфере планеты.

Отец помнил, что проблема перенаселенности Солнечной системы возникла остро около двух сотен лет назад, когда обжитой Марс, наконец, стал перенаселенным, как и Земля. Жить в закрытых куполах городов вроде Армстронга и Леонова на Меркурии и Венере соглашались немногие. Возникла необходимость создания нового приюта для выходцев с Земли. Колонизация Изольды началась сразу, как только было принято решение о ее терраформации. Были направлены звездные экспедиции для создания нового пристанища земным метастазам. Изольда, на которой были огромные ледяные массивы, была холодна и безжизненна. Она была очень далека от светил, чтобы те смогли ее разогреть. Выход нашелся сразу. Чтобы согреть планету и растопить вечные льды, необходимо было создать парниковый эффект. Что может быть лучше углекислого газа, чтобы оживить мертвую Изольду? В поясе Койпера системы Центавра нашлось немало астероидов, богатых углекислыми льдами.

Инженеры с помощью магнитного импульса разгоняли углекислые астероиды и направляли их к Изольде, где они сгорали в атмосфере планеты, обогащая ее парниковым газом. Процесс начался. Атмосфера Изольды, наполненная углекислым газом, стала нагреваться, начали таять вечные льды, образуя реки, озера и моря. Земным ученым пришлось обогатить водную стихию солями магния и йода, чтобы добиться такого же солевого состава, что и на Земле. Дальше за дело взялись микроорганизмы, завезенные с далекой голубой планеты. Маленькие рачки и одноклеточные водоросли стали обживать доселе мертвый мир. Не имея естественных врагов в отсутствии других звеньев пищевой цепочки, планктон размножался с ошеломительной скоростью. Моря Изольды превратились в питательный органический бульон, кишущий планктоном. Местами моря покрывались многокилометровыми бурыми пятнами, состоящими из гигантских колоний простых организмов. Дальше в ход пошли ламинарии. Эти неприхотливые водоросли заполнили большую часть мирового океана, с каждым часом обживая все новые территории, не забывая при этом обогащать атмосферу кислородом.

Вслед за нагреванием коры планеты, проснулись давно усопшие вулканы. Водные представители огнедышащих гор давали жизнь все новым экосистемам, обогащая окрестности углекислотой и сероводородом, вокруг которых разрасталась новая жизнь. Затем моря были наполнены рыбой,

чтобы восполнить недостающие звенья пищевых цепочек. Немедленно были завезены представители морского мира, утилизирующие органические останки. Это были крабы, раки отшельники, моллюски и кораллы.

Первая часть освоения Изольды была завершена. Моря стали приносить пищу и кислород новорожденной Изольде. Вторым этапом терраформации стало освоение пустых пространств суши. Промышленными органическими синтезаторами создавались многие тысячи и миллионы тонн чернозема, которыми покрывали равнины, отведенные под посевы пищевых культур. Создавались леса и джунгли. Почву удобряли и насаждали семенами земных растений. Вскоре появилась и наземная растительность. Были завезены генетически модифицированные лишайники и мох, для естественного заселения горных массивов.

Мало-помалу Изольда стала походить на свою родительницу Землю. До окончательной терраформации было еще далеко, однако уже сейчас стало возможным строить себе дома под открытым небом и прогуливаться по Изольде без скафандра. Начало было положено, остальное сделает жизнь.

Через пару сотен лет после начала колонизации Изольды было основано несколько городов, которые напоминали скорее форпосты, нежели цветущие населенные пункты. Основная часть городов находилась под водой.

Отец впервые вышел на поверхность Изольды. Уже несколько дней он провел в подводном мире, в городе, кото-

рый колонисты назвали Тристаном. Это была первая и самая крупная станция, населенная учеными и первопроходцами. Трудно себе представить Изольду без Тристана, эту любовь, блеск которой не смогли погасить сотни лет мировой истории. Тристан раскинулся на многие километры под водой на горном плато близ береговой линии. Он представлял собой гигантское многоэтажное сооружение с множеством тоннелей, ведущих в соседние строения и штреков, врезающихся вглубь планеты. Большой частью Тристан был построен из стекла и стали, поэтому вид из окон гигантской подводной лаборатории был восхитительным. Здесь не были заметны штормы и приливы, здесь всегда спокойно и холодно. Чуть в стороне от основного массива зданий Тристана стоял нанореактор, отопляя город и обеспечивая его необходимой энергией. Здесь находилась и своя башня, возвышавшаяся над всем городом. В ней были помещены следящие за космическим пространством станции и лаборатории, изучающие верхние слои моря. На крыше Тристана размещался огромный ангар, в котором дожидались своего часа подводные аппараты, батискафы, небольшие подводные лодки и гидроциклы индивидуального пользования. В верхних этажах гигантского строения находились лаборатории и исследовательские центры. Нижние этажи были приспособлены для жилья.

Покидая Тристан, Отец сделал круг вокруг города. Отца восхищал полет мысли, создавшей подобное чудо. Город

светился огнями. Верхние этажи освещены синим и ультрафиолетовым светом. На углах зданий блестели габаритные мерцающие красные огни. Башня, возвышающаяся над городом, была освещена снизу яркими прожекторами, и была видна на много сотен метров. Город жил своей жизнью. Всюду сновали разведывательные катера, которые производили замеры подводных течений, состава воды, насыщенности биологическими и природными ядами. Нет-нет мелькали одноместные транспортные лодочки и большие подводные корабли.

Отец отправился из Тристана полюбоваться красотами верхнего мира. Взяв служебный батискаф, странник попросил автопилот вывести машину на поверхность у какого-нибудь живописного места. Оказавшись на берегу, Отец пришвартовал батискаф у скалы и отправился по берегу, надеясь найти хоть какой-нибудь мало-мальски красивый уголок. Его не было. До рая на Изольде было еще далеко, да и будет ли здесь рай— вопрос остается открытым.

Этот план придумал Трибун. Чтобы упрятать Отца от вездесущего ока федеральной службы подошла бы любая звездная система, кроме родной Солнечной. Здесь федералы контролировали буквально каждую лазейку. Другая звездная система имела свой филиал федеральной службы, которая подчинялась лишь верховному руководству. Поэтому выбор пал на систему Центавра, поскольку была самой ближней, и самой необжитой из всех систем, входящих в состав Конфе-

дерации. Подводное существование Отца несколько осложнило его поиски, случись таким возникнуть.

Отцу было строго-настрого запрещено выходить в глобальную базу данных, к которой Изольда была подключена. Его задача была простая: ходить по Тристану, раскрыв рот от изумления, восхищаться гением мысли и ни во что не ввязываться. Эта часть плана была осуществлена без особых на то усилий, поскольку и без такого глупого задания Отец ходил по подводному городу широко раскрыв рот от удивления восхищения.

Трибун оформил заявку на Изольду для некоего Аргуци Винсента, испанца российского происхождения, по прозвищу Фестиваль, для ознакомления с процессом терраформации мертвой планеты. По версии почти бесплотного хакера, Аргуци готовится в группу терраформистов в систему Денеба Лебеда, что в полутора тысячах световых лет от Земли. Трибун сфальсифицировал послужной список Аргуци, отметки о его прохождении практики на симуляторе, диплом об окончании сертификационного цикла по терраформации планет с массой близкой к земной, а так же физиологические характеристики объекта. Трибун послал заявку на прохождение очной практики через глобальную базу данных, так что к моменту прибытия Аргуци– Отца, его уже ждали.

Прибегнув к старому способу, которым Отец однажды воспользовался, Трибун нажал несколько клавиш на своей виртуальной клавиатуре и один из туристических ботов

вышел из строя и был направлен на техническое обслуживание на орбитальную Юпитерианскую космическую станцию. Отец воспользовался сломанным по воле Трибуна ботом и направился к транспортному portalу, что находится за Кваоаром в поясе Койпера. Он уже таким способом покидал солнечную систему, когда торопился к цватпахам, он даже был возле проксимы Центавра. Теперь же путь был немногим дальше.

Вынырнув из конвертерного пространства близ Альфы двойной звезды Центавра, Отец повел туристический бот на снижение. Его заметили на подлете к атмосфере, где в космосе висела орбитальная космическая база, и предложили перевести машину на принудительную автоматику, чтобы терраформисты смогли плавно посадить нового практиканта в холодные пространства Изольды. На горном плато, где был оборудован космодром, молодого практиканта Аргуци Винсента уже ждала амфибия с молодым пареньком, который попросил его называть Чорный Фторнег.

Фторнег и Аргуци весело болтая, подкатили к морю и на полном ходу врезались в его холодную мощь. Немедленно включились бортовые водяные двигатели на подкрылках, которые выдвинулись из корпуса амфибии, стоило ей коснуться воды.

–Значит, ты тоже по терраформации спец?– Спросил Чорный Фторнег.

–Не то чтобы очень, так,– помахал перед собой рукой

Отец,— интересуюсь. Я большей частью специализируюсь на психологии излишеств. терраформациями я как-то не сильно занимался. Жизнь заставила.

—Про излишества это ты по адресу попал. У нас ребята из биоотдела из ламинарий научились гнать очень забористый спотыкач. В первую неделю, когда подошла первая партия, пришлось приостановить работу целой секции лаборатории. Опасно было.— Кивнул головой Фторнег.

—Чего опасного?— Не понял Отец.

—Как чего? Они же все пьяные были. Понимаешь, здесь какой-то дьявол исключил программы синтеза алкоголя в органических синтезаторах. Так ребята, да и я в их числе, чего греха таить, года два просидели на сухпайке, пока ламинария не выручила. Ей же и закусывали. Салатик наши девочки готовят м-м-м.— Чорный Фторнег даже закатил глаза, рассказывая об органолептике салата из морской капусты.

—А бражку гнать не пытались?— Поинтересовался Отец.

—Как не пытались? Только после морепродуктов у всех были проблемы с физиологическими отправлениями. Не тот коленкор.— Замотал головой Фторнег и даже скривился.

Отец припомнил, как он срывал работу целой лаборатории на Цватпе. Как милые теперь сердцу пингвины, еще не приученные к питейным традициям Земли и Солнечной системы, пытались приобщиться к всевышнему разуму и благодати посредством такого нехитрого напитка. Тогда у многих научных сотрудников впервые в их истории возникли

проблемы с высшим руководством, а у последнего побелели перья на их куцых хвостах.

–Ламинария– это очень хорошо.– Воскликнул Отец.

–Что ты,– с восторгом вторил ему Чорный Фторнег.– Мы проверяли химический состав спотыкача, так не поверишь. В нем все витамины и минералы. Здесь сам понимаешь, эндемичная зона по зубу, а в спотыкаче столько йода, что им можно раны залечивать и не только душевные.

На Тристане Чорный Фторнег передал молодого специалиста Аргуци Винсента в научный отдел, где его подвергли допросу с пристрастием, но, обнаружив его туристические настроения, махнули на него рукой, предложив самостоятельный график осмотров и ознакомлений с Тристаном. Это Отца устраивало по всем статьям. Находясь при деле на новой планете, укрытый многими метрами воды, он слонялся по бесчисленным лабораториям подводного Тристана, знакомился с людьми, старался делать вид, что что-то понимает в проблемах терраформации.

Научный состав оказался очень дружелюбным и не отказывал праздному гуляке в его просьбах и вопросах. Отца поместили в небольшую комнатку со всеми удобствами, которая, если не считать органического синтезатора и удобств саннигиллятором, походила скорее на келью, нежели на комнату ученого. Отцу объяснили, что ученым, не имеющим семьи, положены именно такие комнатки-клетушки. Отец попытался возразить, что у него есть семья, есть жена, которая

возможно сюда приедет, что ему положена комната побольше, однако ему дали понять, что если его не устраивает эта комната, он вправе основать свой город где ему будет угодно, даже если он будет располагаться на горном плато или в морской впадине. Учсть, что визовой службы и административных границ на Изольде не было отродясь и не будет в ближайшее время, он волен создать и свое государство, если его это не помещается в комнате персонала Тристана.

Отец был не против основать свой собственный город и назвать его «Я Любимый», однако его планы несколько отличались от принципиальной концепции развития административной системы Изольды, и он решил не вступать в противоречие с уже существующим порядком и смирился со своей кельей.

Несколько дней он скитался по лаборатории. Ему были открыты все двери, которые он сам был способен открыть. Ему встречались доброжелательные улыбочивые лица, готовые удовлетворить любое его любопытство. Население Тристана исчислялось несколькими тысячами поселенцев. Среди них были и вновь прибывшие, были и старожилы, обросшие семьями. Здесь были и первые полноправные граждане Изольды, родившиеся на этой планете. Несколько мальчуганов и пестреньких девочек бегали по подводным коридорам Тристана и своим смехом оживляли научную атмосферу подводного города. Как это похоже на Цватпу, думал Отец, там детишки так же были неотъемлемым атрибутом научно-

го городка, в котором звездный скиталец провел несколько месяцев.

Так уж устроен этот мир. Там где нет любви, нет и детей. А там где нет детей— там смерть. Скоро и у Отца появится маленький сынок, значит и этой усталой вселенной есть зачем жить. Скоро маленькие ножки пройдутся по матушке Земле, скоро его крик известит, что он пришел в это мир. Скоро его улыбка будет дарить этому миру тепло и любовь. Очень скоро он появится под Солнцем и разгонит все темные пятна, которые появились от долгого ожидания. Сын будет смотреть на звездное небо и Большая Медведица улыбнется ему и покажет ему парк, в котором некогда бродил его отец. Скоро рыжий спаниель побежит рядом с маленьким мальчишкой и будет радостно тявкать на Медведицу, которая будет терпеливо ждать, когда на Землю спустится покой. Однажды мальчик спросит, где его отец. Придется лгать, что папа уехал надолго в Москву или на Альтаир, что он героически погиб защищая внешние границы галактики от метеоритного потока, или что он открывает новую галактику, чтобы много позже пригласить туда сына. И маленький мальчик будет верить. Он будет тоскливо вглядываться в звездное небо, надеясь увидеть едва заметную мерцающую точку— след папиного корабля. Он будет ждать и писать письма папе и складывать их в коробку с выцветшей на солнце и помятой фотографией родителя, чтобы отдать ему исписанные детской рукой листы, когда он вернется. Он будет мечтать,

как будет здорово, когда вернется папа из далекой галактики. Он будет рассказывать дивные истории о неведомых и таинственных мирах, которые он сам открыл, и, быть может, привезет оттуда складной нож. И все вместе они отправятся в зоопарк, чтобы посмотреть на бегемота. Мальчик будет держать папу за руку и есть холодное ароматное мороженое. Это будет здорово. Папа его прокатит на пони и купит ему много воздушных шаров, которые мальчик вечером снесет домой. А потом они будут играть в медведя на пушистом персидском ковре. И потом он заснет, а когда проснется, папа будет сидеть возле его кровати и наблюдать за тихим пробуждением сына. И так будет всегда. Когда папа вернется, он уже никуда никогда не улетит без него, без маленького человека, который любил его всегда, хоть и никогда не видел. А когда мальчик вырастет, они вместе с папой улетят в его галактику, где специально для него папа выгнал с планеты всех драконов, чтобы там смогли поселиться все вместе папа, мама, сын и пес. Туда можно будет взять и бабушку, если она не будет много злиться. Мальчик будет ходить на городскую ратушу и с завистью смотреть на своих друзей, которых любящие отцы привезли на своих карах покататься на лошадке. Он будет ходить в гости к своим однокашникам и смотреть, как они вместе со своим отцом чинят телевизор или строят что-нибудь в конверте. А он будет им завидовать и ждать, когда вернется его папа и он сможет наверстать упущенные годы. Мама-это очень хорошо, но нужен и папа. Без

папы не смастеришь лодку или антигравитационный кораблик. Без папы не сделаешь рогатки, чтобы стрелять из нее по стеклам. Без папы нельзя долго купаться в реке, а с папой можно. С ним можно все: засыпать под утро, когда солнце станет выглядывать из-за горизонта, с папой можно есть копченую колбасу вместо противной и пресной каши, от которой случается изжога и несварение желудка. С папой можно уйти в поход и остаться ночевать на берегу холодного озера, чтобы на рассвете наловить желтых карасей. С папой можно вырыть огромный грот в снегу и устроить там засаду. С ним можно до рези в глазах смотреть телевид или до седьмого пота играть в снежки. Папа, прилетай поскорее, будет думать малыш. Однажды он спросит у мамы, зачем она разрешила папе улететь так далеко. А она ему скажет, что кому-то нужно нас защищать. Мальчик будет гордиться своим отцом, который посвятил всего себя защите отечества и ему будет бесконечно больно, что папа променял какую-то вселенную на него, на мальчика, который беззаветно любит его. Сначала ему будет непонятно, как такое могло случиться, но потом, когда жизнь развернется к нему своей личиной, он поймет, что папа никогда к нему не прилетит и никогда он не сможет наверстать все то, что он упустил, подчиняясь нелепому выбору свой матери. Ему станет горько, что он, человек, которому двое подарили жизнь, стал лишь ответным ходом в какой-то чужой и жестокой игре. Что его предназначение гораздо меньше, чем это виделось когда-то, что он— лишь ору-

дие, с помощью которого кто-то разыграл гамбит, в котором так и не определился лидер. Что он оказался лишь камнем преткновения, о который разрушился целый мир. Что его, невинного малыша использовали, чтобы выиграла гордыня. Он маленький мальчик, который начал свое существование у мамы под сердцем в великой любви, был рожден в великом разочаровании и разрушенных надеждах. В чем виноват он? Почему его никто не спросил, когда делали такое великое судьбоносное решение? Почему??? И он заплачет. Ему станет горько и обидно, что люди, которые прожили с ним бок о бок много лет, никогда по-настоящему его не любили, что он достоин любви, но ее получил не сполна. И он возненавидит этот мир, в котором глупость верховодит, в котором алчность создает свои законы, в котором нелепость— норма жизни, и его желание вовсе ничто не значит. Ему станет тоскливо от мысли, что он вовсе не хозяин своей судьбы, а лишь маленький винтик в несправедливой, лживой и мертвой вселенной. И тогда мальчик решит, что он проживет свою жизнь не так, как ему уготовано судьбой. Он скажет себе, что он не станет покидать своего сына, когда тот появится на свет, и что он сделает все возможное и невозможное, лишь бы своему маленькому сыночку подарить то, что ему не дали в свое время. И только тогда он успокоится и заснет.

Мальчишки с гиканьем носились на роликовых коньках по белоснежным коридорам Тристана, играя в ниндзя и стараясь привлечь внимание девочек. Один сорванец больно

ударил своими коньками по ноге Отца, и звездный странник несколько часов хромал, словно паук— хромоног.

Несколько раз Отец встречал в запутанных светлых коридорах Тристана Чорного Фторнега, и на предложения испробовать спотыкач, выгнанный из ламинарии Изольды, отвечал уклончивым отказом. В план подполья не входили развлечения, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания. Трибун, составляя план, несколько раз акцентировал внимание Отца на воздержанности и неприметности, дабы достичь желаемой конфиденциальности. Отец, глотая слюнки, жалобным взглядом провожал Фторнега в путь нирваны и цветных грез, однако старался сохранять беспристрастный вид.

По мнению Трибуна несколько дней затворничества будет достаточно, чтобы навести порядок в базе. Хакер за это время должен был забраться в глобальную базу, к которой подключены и компьютеры федеральной службы, чтобы сфальсифицировать приказ высшего федерального руководства об отсрочке депортирования неугомонного звездного странника в его родной двадцать первый век. Трибун должен был создать рапорт о назначении Отца в состав исследовательской группы ученых в точке прохода, чтобы принять участие в налаживании первого контакта с Инвизами. Отцу было предписано лишь находиться на Изольде, отдыхать, любезничать с персоналом терраформистов и никуда не высываться. Как только все формальности будут улажены, на Изольду придет приказ от федеральной службы о перево-

де Аргуци Винсента из Тристана в группу ученых ксенологов, изучающих проблемы Инвизов. При получении такого приказа, Отец должен был выйти к побережью моря, отправиться на горное плато, на которое спустится индивидуальный транспортный кораблик, который и доставит звездного странника к точке прохода. Все предельно четко и ясно.

Отец прогуливался по побережью моря и вглядывался в темное грозное небо. Трибун, думал Отец, что же ты медлишь? Язва тебя дери. Сколько можно тут сидеть? Наверное, уже пустили установку. Быть может, в этот самый момент состоялся первый контакт с Инвизами, а я здесь теряю время. Море— это очень хорошо, только брата не хватает.

Море вздохнуло огромной волной, которая окатила Отца с ног до головы. Этого еще не хватало, подумал Отец. Легкий гидрокостюм не пропускал воды, вот только лицо не было защищено от холодной серости. Вода с волос стекла за шиворот и успокоилась. С моря подул свежий прохладный ветер. На горизонте полыхнуло пламя грозы. Скоро будет буря. Нужно возвращаться.

Отец развернулся и направился к батискафу. Первые штормовые волны уже неслись к побережью, на котором бурые листья ламинарии уже успели высохнуть. Еще несколько минут и стихия обрушится на этот берег, не знавший ураганов много миллионов лет. Отец начал погружение в стального цвета воды буйного моря Изольды. Зашипели кингстоны, заполняясь водой, в боковых иллюминаторах было видно,

как пузырьки воздуха, вырвавшегося из резервуаров батискафа, ниточкой потянулись вверх. Батискаф качало. Шторм начался. Отец повел батискаф на предельной скорости вниз, чтобы в морской глубине оказаться недостижимым бурным водам моря. Наверху разразился ураган. И без того темное море обрело непроницаемый седой оттенок. Воды бурлили и обрушивались, они рвали в клочья небо и гудели, словно сирены. Отца восхищало первозданное буйство водной стихии, и как было здорово опуститься в бездну, чтобы понять, как здорово, что ты находишься достаточно далеко от безумства воды и ветра.

Тристан в водной глубине казался каким-то призрачным давно утерянным городом, который возник здесь из другого мира, которому чужды степные просторы и солнце. Он переливался отблесками верхнего света в бушующем море, он светился разноцветными огнями, радуя глаз и заставляя патриотические чувства трепетать. Получив штормовое предупреждение, все подводные суда Тристана спешили занять свое место в ангаре на верхнем ярусе большого здания-города. Отец занял свое место в очереди и медленно поплыл к подводному гаражу.

В маленькой комнатке, в которой Отец коротал свои ночи, на полочке приема пневмопочты лежал конверт с эмблемой федеральной службы. Странник схватил клочок бумаги, словно это был его последний шанс выжить, и внимательно осмотрел. Письмо было адресовано Аргуци Винсенту. В кон-

верте было запечатано казенное письмо, написанное сухим чиновничьим языком. Текст письма обозначал новую задачу для молодого терраформиста Аргуци Винсента, предписывая ему в кратчайшие сроки явиться на научную базу возле точки прохода, чтобы принять участие в изучении нового измерения с целью выявления планет, потенциально подлежащих терраформации. Аргуци Винсент от радости подпрыгнул на месте и готов был расцеловать письмо, которое разрешало, наконец, Отцу выйти из подполья и вернуться в свой мир, где нужно было найти брата.

Если Трибун сделал все правильно и это письмо пришло к адресату, это значит, что хакер отправил фиктивный приказ об отсрочке исполнения депортирования Отца. Это значит, что его федералы уже не ищут, а если ищут, то с иными мотивами, следовательно, можно выйти на связь с Трибуном.

–Компьютер,– крикнул Отец,– дай мне Трибуна скорее. Ждать больше не могу.

На экране телевида появился Трибун в форме цвета хаки, раскрашенный черной краской полосами по лицу. Трибун лежал на земле, весь в грязи и пыли. Шел дождь, и одежда хакера была черна от грязи. Трибун зажимал свой живот, из которого струйкой стекала кровь. Хакер прижимал к ране пучок травы, сорванной здесь же, и туго сдавливал рану. Где-то поверх него раздавались пищащие звуки боевого бластера, слышались взрывы и хлопки аннигиляторов. Где-то невдалеке шел ожесточенный бой.

Надрываясь от боли, едва не теряя сознание, Трибун прокричал:

—Отец, подожди, родной. Сейчас из конверта выйду.— И добавил куда-то в сторону.— Компьютер, выход.

Экран погас и включился снова. Звуки войны умолкли. Сейчас Трибун принял привычный для него облик, который никак не вязался с колоссальным интеллектом, заключенным в растрепанной голове. Небольшая комнатка «кладовки» безумного хакера на тихом и уютном Плутоне сменила взрывоопасные фантазии Трибуна. Сейчас на нем уже не висели лохмотья цвета хаки, улитые грязью, кровь из живота не шла. Он снова был одет в свое мятое рубище, в котором впору хранить картошку.

—Здорово еще раз.— Поздоровался Трибун, поглядывая за спину Отцу.— Не дал ты мне спокойно умереть.

—Успеваешь. Ни как я не могу привыкнуть к твоим агрессивным пристрастиям.— Сказал Отец.

—А сам то ты зачем тогда охотился?— Парировал Трибун.

—Так это было другое.

—Ничуть. Адреналин. Вот за чем ты гнался.— Помотал головой Трибун.

—Ты, кстати, откуда про охоту узнал?— Удивился Отец. Он ему не рассказывал о Николаиче и погоне за козлом.

—Мутный вопрос.— Проблеял Трибун.

—Ты, похоже, меня лучше знаешь, чем я сам.— Улыбнулся Отец.

–Приходится.

–Ладно, оставим это. Я говорить с тобой могу?– Спросил Отец.

Трибун сфокусировал оба глаза на собеседнике и его брови от удивления поползли вверх.

–Тебе кто-то запрещает? Отец, ты на Изольде совсем стал теленком. Я думал, если честно, что часа через два после твоего появления там, Тристан подаст «SOS».

Отец усмехнулся:

–Это был твой план лечь на дно.

–Ты когда в последний раз играл по правилам? Пожалуйста, не смей меня, не то я рассыплюсь.– Усмехнулся Трибун.

–Не рассыпайся, пожалуйста. Ты еще нужен мне.– Попросил Отец.– Я что тебе звоню? У тебя все получилось?

Трибун изогнулся в виде вопросительного знака, тем самым показывая, как может у него что-то не получиться.

–Мутный вопрос, Отец.– Молвил хакер.

–Так ты мне расскажи уже, давай.

–В базе я сделал приказ от федералов, чтобы тебя пока не отправляли назад. Все, как и планировал. Пришлось немного попотеть, чтобы взломать их пароли. Они, знаешь ли, меняют их очень часто. Так вот, потом я отправил тебе извещение о твоем переводе на новую научную работу. Ты, кстати, получил извещение?

Отец помахал конвертом перед экраном.

–Порядок. Значит получил. Все. Отправляйся за братом.–
Кивнул Трибун.

–В базе что-то новенькое о Дэне появилось?– Спросил Отец.

–Новенького ничего. Одно ясно точно, что твой брат у Инвизов. К этому выводу пришли многие сочувствующие тебе. Так что, теперь тебе все карты в руки. Дуй.

–А установку уже пустили?

–Пока нет. Сначала смонтировали ее, потом тестировали все ее узлы, моделировали первый проход. Потом тестировали всю установку сразу. Скоро начнется первый ее запуск. Так что тебе там самое место, если конечно ты не передумал или не хочешь пропустить такой момент.– Сказал Трибун. Отец даже устал его слушать, так медленно он проговаривал все слова.

–Когда прибудет бот?– Поинтересовался Отец.

–Он уже прибыл, или прибудет с минуты на минуту. Езжай. Когда приблизишься к portalу, бот автоматически даст координаты точки прохода.– Сказал Трибун.

–Там что, установили портал?

–Конечно. Там сейчас жизнь кипит. Чтобы время не терять на транспортировку оборудования обычным путем, туда поставили портал. Все,– Трибун махнул рукой,– мне пора умирать.

–Погоди, успеешь еще. Там что мне делать?– Спросил Отец.

– Это уже твое дело. На месте разберешься. Там и дружок твой, Пospelов. Его найдешь, а там уже придумаешь что-нибудь.

– Трибун, вопросик один приватный можно?– Спросил Отец.

– Валяй.– Кивнул Трибун.

– Зачем тебе обязательно умирать?

– Ты видел, какое у меня было ранение? Там должна пенка с поллой веной разлететься в клочья. Так что я при любом раскладе должен умереть.– Трибун пожал плечами.

– Я не про то. Зачем тебе нужно умирать. Ты же можешь себя сделать бессмертным, чтобы ни одна пуля не брала тебя.

– А удовольствие в чем? Твои ребятки гибнут, а ты цел и невредим, ходишь, насвистываешь «Мой милый Августин» и пьешь колу? Это будет не правдой. Так не честно.

– А сколько раз ты умирал уже?– Поинтересовался Отец.

– Много. Больше двадцати раз.– Кивнул Трибун.

– Больно?

– Очень больно. Только когда умираешь, знаешь, зачем нужно жить. Это, правда, не для слаонервных.– Пожал плечами Трибун и его стало почти не видно.

– А как же жена, дети?

– Они в другой реальности. Когда я воюю, они сидят и ждут дома. Им даже неизвестно, что меня убили. Им не за чем волноваться.

– Это правильно. Дети должны гордиться отцом, а не пла-

кать на его могиле.— Согласился Отец.

—Я одного не пойму, Отец. Почему ты еще на Изольде, когда тебе месту уже возле точки прохода?

—На верху шторм.— Отец кивнул головой вверх.— Подняться не смогу. Разобьет меня. Это же не конверт. Если меня расшибет, это будет по-настоящему.

—Дело твое. Я пошел умирать.— Сказал Трибун и отключился.

Если бы Отец знал, что он в последний раз видит этого гениального и безумного хакера, это в высшей степени странное существо, он бы постарался найти нужные слова, поблагодарил бы его за участие, которое он сыграл в жизни странника. Но Отец этого еще не знал, поэтому он спокойно отпустил Трибуна умирать, чтобы тот, словно феникс возродился вновь в другой реальности и в другой битве.

Отец забыл спросить главное, сможет ли он вернуться в базу? Есть вероятность, что нет, хотя это не факт. Если Трибун отправил требование на отсрочку депортирования Отца, это не значит, что Отец стал полноправным оператором глобальной базы данных. Бог с этой базой. Главное я уже знаю, думал Отец, остальное скоро увижу воочию. Только стихнет шторм, я отправлюсь к Инвизам... Интересно, кто они такие? Что едят, как думают? Может они питаются гамма лучами или поглощают из вакуума нейтрино? Однажды Энгельс сказал, что жизнь— это существование белковых тел. Этим Отец и думал сейчас заняться. Существовать. Просто и глу-

по существовать, тем более что повлиять на ход шторма он не может никак.

Он повалился на узкую кровать и задремал. Очень странно здесь на Тристане, вдруг подумал Отец. Здесь нет выходов. Неужели процесс нуль— транспортировки так энергоемок, что его здесь предпочитают не использовать. Здесь архаичные двери закрывались на магнитные замки. Все просто и доступно, но нет выходов. Хотя в целях экономии времени можно было установить пару выходов для сообщения с сушей. Что за архаизм? Почему никто не придумал сделать здесь хотя бы один выход, а другой наверху? Нужно подбросить им эту идею.

Отец прикрыл глаза. Ему пригрезилась родная матушка Земля, теплая и дорогая планета, которая подарила жизнь своей солнечной системе. Она дала жизнь Отцу, брату, Рыжей. Скоро она еще подарит вселенной маленького мальчика. Земля. Отцу вдруг стало тоскливо, что-то заныло за грудиной, сердце сдавило и защипало в носу. Похоже шторм сейчас не только на поверхности, но и на душе.

Отец соскочил с кровати. Нужно что-то делать. Распускать нюни из-за какого-то там шторма, которому отроду не больше двух сот лет? Нет, это не в наших традициях. Нужно найти Фторнега. Это, пожалуй, единственный человек на Тристане, с которым у Отца складывались если не дружеские, то во всяком случае приятельские отношения. Фторнег, друг родной помощи.

Отец бросился искать Чорного Фторнега по извилистым и перепутанным коридорам Тристана. Он забежал в биохимическую лабораторию, там его нет. Никто не знал где Фторнег. Дальше Отец следовал в генетическую лабораторию, где ребята из биоотдела выгоняли спотыкач из ламинарии. В надежде поймать Фторнега возле кормушки тоже не увенчалась успехом. Отец побежал дальше, где располагалось целое отделение лабораторий по разведению отдельных видов внедряемой флоры и фауны Изольды. Здесь в больших аквариумах выращивались мальки всевозможных рыб, моллюсков, рачков, членистоногих и земноводных. В других аквариумах на ниточках— основах росли еще неокрепшие водоросли, которым суждено дать начало многим миллионам растений в морях Изольды. Фторнега не было и здесь. Отец спрашивал, где найти своего приятеля. Многие говорили, что его никто не видел, другие утверждали, что видели, но не знают куда он делся. Третьи видели его только что. Отец прошел по техническим этажам, в надежде отыскать Фторнега. И вконец уставший и измотанный Отец вернулся к себе, где развалясь на его кровати лежал паренек, который велел его величать Фторнегом и смотрел телевид.

—Аргуци, здорово. Я устал целый день тебя искать.— Заявил парень.

—И это ты мне говоришь?— Удивился запыхавшийся Отец.

—Ты чего натворил здесь?— Спросил парень, поднимаясь на локте с кровати.

Его нисколько не смутил тот факт, что он находится на чужой территории и лежит на чужой кровати в присутствии хозяина.

— Да не успел пока. С чего ты взял?

— Не успел ты приехать, тебя уже переводят. Такого у нас еще не было.— Сказал Фторнег, снова удобно укладываясь на кровати.

— Откуда ты знаешь?

— Что переводят? Так об этом только и разговоров. Даже извещение пришло. Рассказывай.— Потребовал Фторнег.

— Рассказывать нечего.— Сказал Отец.— Я здесь ненадолго.

— Нет...— Лукаво улыбнулся Фторнег.— Что-то натворил, просто так тебя не стали бы переводить.

— Клянусь.— Заверил Отец, приставив кулак к сердцу.— Про Инвизов слышал?

— Угу.— Кивнул головой Фторнег.

— Так вот, меня переводят туда, чтобы их исследовать.— Сказал Отец.

— Я так понял, что ты только начал свое обучение терраформации, а тебя уже заставляют изучать Инвизов... Тут что-то не так.— С сомнением покачал головой Фторнег.— Тут по-любому что-то не так.

— Слушай, дружище. Я тебе сказал все, что знал. Ты мне лучше вот что скажи. Сейчас наверху шторм, а мне край как нужно наверх. За мной уже прилетели. Как быть?

Фторнег задумался.

– Был бы выход, так куда проще. – Пробормотал он.

– И я про то же. – Сказал Отец.

– Аргуци, есть выход. – Сказал Фторнег.

– Где он? – Чуть не подпрыгнул Отец.

– Это не совсем тот выход. – Усмехнулся Фторнег. – Это тоннель. Он, правда, грузовой...

– Так ведь и я не гордый. – Уверил его Отец. – Все лучше, чем дожидаться у моря погоды.

– Это точно ты про погоду заметил. Тут если шторм, так его на неделю, пока все не уляжется.

– Плевать, лишь бы поскорее убраться. – Махнул рукой Отец.

– Аргуци, ты как-то странно себя ведешь. Ты точно нашкодил. Чего тебе такого срочного нужно у Инвизов?

– Мы с ними не договорили в прошлый раз. – Сказал Отец и усмехнулся.

– Их никто не видел еще, чего ты несешь?

– Так, шутка, такая. Игра слов. Не бери в голову. – Отмахнулся Отец. – Я тебе скажу правду. Хочешь?

– Еще бы. – Фторнег даже соскочил с кровати. – Конечно. Я – могила.

– Только будешь разочарован. – Хитро улыбнулся Отец.

– Будь уверен.

– Просто там мой брат. Я его давно не видел. Он, понимаешь... – Отцу было тяжело врать, – ну, в общем, мы редко с ним видимся, вот я и выпросил свое назначение на эту служ-

бу. Вот и все.

–А-а-а,— протянул разочарованно Фторнег.— Значит у тебя связи с федеральной службой. Все с тобой понятно.

–Нет, ты ничего плохого не подумай. Просто я соскучился по брату.— Сказал Отец.

–Ты только никому не говори про спотыкач. Нам влетит по первое число.

Видно было, что Чорный Фторнег не в лучшую сторону изменил свое отношение к своему без времени отставному сослуживцу. Отношение, пусть даже косвенное, к федеральной службе в его глазах выглядело как преступление. Отец не стал разубеждать Фторнега в его заблуждении, тем более что их сотрудничество закончится с часу на час.

–Не бойся. Я не такой. Покажешь тоннель?– Спросил Отец вконец расстроенного Фторнега.

Терраформист нехотя поплелся к выходу, нет-нет бросая обиженные взгляды на Отца. Разочарование в его глазах было столь неприкрытым, что Отцу стало немного жаль своего приятеля.

Вещей у Отца не было, поэтому все сборы ограничились закрыванием двери на магнитный замок. Отец захватил с собой лишь предписание федеральной службы, которое странник снова опустил в конверт. Фторнег повел Отца по освещенным коридорам Тристана. Они прошли нижние спальные этажи большого здания-города и спустились на технический этаж, где Фторнег подошел к грузовому лифту. За

всю дорогу он на все реплики Отца отвечал односложно, или не утруждал себя ответом вовсе. Отец как мог старался взбодрить своего товарища, но все его попытки разбивались о глухую стену недоверия, которая возникла так вдруг.

–Ну что, дальше сам?– Спросил Фторнег сквозь зубы.

–Сам, так сам.– Пожал плечами Отец.– Дальше мне куда?

–Там с техниками договоришься, они тебя доставят на сушу.

–Не проводишь?– Спросил Отец.

–Дел много.– Сказал Фторнег.

Это было не заметно, когда он развальясь на кровати Отца смотрел телевид

–Ну, что ж. Давай прощаться.– Сказал Отец и протянул Черному Фторнегу руку. Терраформист нехотя пожал ее слабой хваткой, будто боялся заразиться от Отца федеральной болезнью.– Если что, кричи. Деньги будут– высылай.

–Ага.– Скупо кивнул головой Фторнег.– Как-нибудь.

–Да, кстати, Фторнег, если тебе интересно, я сам много натерпелся от федералов. Поверь мне на слово. И мой брат не федерал. И про спотыкач будь уверен...

Фторнег с удивлением посмотрел на Аргуци Винсента. Дверь лифта отъехала в сторону, приглашая Отца следовать внутрь.

–Ты хороший парень, Фторнег. И я не плохой.– Сказал Отец.– Не хочу, чтобы ты обо мне плохо вспоминал. Удачи...

Дверь лифта оборвала изливания Отца. В оконном проеме

двери, Отец видел Фторнега, поползшего вверх вместе с техническим этажом. На лице его была улыбка. Видимо он мне поверил, подумал Отец.

Опустившись на нижний уровень Тристана, Отец оказался в длинном и широком ангаре, который напоминал ему Плутонеанский транспортный док. Широкий тоннель был вырублен в скальных породах и был так широк, что можно было разобрать весь Тристан и аккуратно разложить его в огромных залах. Высокие потолки поднимались на многие метры и были освещены яркими лампами дневного света. В отгороженных отсеках стояли подводные корабли, которым предстоял ремонт и уже прошедшие техническое обслуживание. Здесь кипела жизнь. Шум передвигаемых мостовых кранов, лязг цепей и тросов, треск сварочных аппаратов, визг колес наземных погрузчиков оглушил Отца. Куда идти теперь? Очень жаль, что Чорный Фторнег отказался его сопроводит в последний путь с Тристана, придется здесь петлять самому. Отец подошел к мужику в униформе, который мимо на антигравитационной платформе транспортировал куда-то небольшую подводную лодку.

—Родной,— крикнул Отец в шум и лязг ангара Тристана.— Как мне на свободу вырваться?

—Оставь надежду всяк сюда входящий.— Крикнул в ответ ему мужик и укатил проч.

Очень не веселая цитата, подумал Отец. Не годится для такого дружелюбного города.

Найдя себе жертву много моложе, чем сатанист на антигравитационной платформе, Отец подошел к другому рабочему.

–Идешь по главной магистрали до шлюза. Там увидишь стоянку служебного транспорта и привратника. Вот с ним то и порешаешь свою проблему.– Бросил наспех мужик Отцу и скрылся в одном из боковых коридоров.

–Ясно.– Сказал Отец, оставшись совсем один.

Отец побрел по центральному штреку подземного Тристана, стараясь держаться возле стен, чтобы не попасть ненароком под какую-нибудь машину, кран, подводную лодку, батискаф или погрузчик... Пол был размечен прямыми и пунктирными белыми линиями, словно шоссе в тихом двадцать первом веке. Отец обратил внимание, что транспорт и погрузчики четко следуют разметке. Это упрощало дело, не нужно было постоянно оглядываться и отскакивать в стороны при идущем рядом транспортом, чтобы не оказаться размазанным какой-нибудь громадой по бетонному полу тоннеля. На Отца никто не обращал внимания. Идет человек – значит он знает куда и за чем идет. Это же самое было написано на лице звездного странника.

На путь по тоннелю до шлюза ушло не меньше сорока минут, пока Отец, наконец, остановился у огромных металлических створок шлюза. Чуть в стороне от ворот стояла сторожка, в которой попивали что-то украдкой из металлической фляжки три мужика. По блеску в глазах и громоглас-

ным звукам смеха, Отец заключил, что содержимое фляжки далеко не чай, и что здесь не обошлось без ламинарии. Русский мужик и здесь на Альфе— русский мужик. Вековые традиции не искоренить простым переселением в другую звездную систему.

—Отворяй ворота, православные.— Поздоровался Отец.

Мужики встрепенулись от внезапного появления незнакомца и постарались сделать вид, что они давно следили за его приближением.

—И тебе здорово.— Воскликнул бородатый охранник, который был крупнее остальных и производил впечатление заводилы или начальника стражи.— Не видишь, избушка на клюшке. Не открывается.

—Ты чьих будешь?— Спросил второй мужик с редющими волосами, который через год-два будет лысым, как коленка.

—Алкоголем несет.— Задумчиво и достаточно громко произнес Отец, носом потягивая воздух сторожки.— Никак спотыкач из биоотдела.

Мужики насторожились. Такое внезапное появление и секундное разоблачение их несколько огорчило. Отец решил сходу перейти в наступление, чтобы, минуя формальности, мужики его быстро выпустили на волю.

—Ты мне эти штучки брось!— Погрозил пальцем бородач.— Алкоголь. Ишь ты, выискался, нюхач. Чего тебе нужно?

—Вот это хорошо.— Кивнул Отец.— Перейдем сразу к делу. Он достал из кармана конверт с предписанием и феде-

ральными регалиями и протянул бородатому мужику.

– Читать умеешь? Мне наверх нужно. – Командным тоном произнес Отец, чтобы исключить пререкания пьяных сторожей. – Конечно, если вы не хотите дисциплинарное взыскание получить.

Мужики склонились к листку бумаги, сиюсь разобрать мелкий шрифт сквозь пелену хмельного тумана, затем, прочтя письмо до конца, одновременно и с недоверием подняли на него глаза.

– Ты это... – Начал бородатый охранник, уже предвидя все грядущие неприятности.

– Правильно. – Сказал Отец, не дав закончить фразу мужику. – Если вы не хотите, чтобы кто-то узнал про ваш своеобразный досуг, доставьте меня наверх. Быстро. – Рывкнул он в конце.

– Сейчас, сейчас, – всполошились охранники. – Пойдем за мной.

Лысеющий мужик бросился из сторожки, жестом приглашая следовать за ним.

– Вон кары. – Охранник кинул взгляд на стоящие в строгом порядке маленькие машины невдалеке на широкой площадке. – Бери любой, я пока дверь открою. Только ты это...

Отец понял обеспокоенность охранника за свою карьеру и предупредил его излишняя:

– Уложишься за двадцать секунд, будешь спать спокойно. Не уложишься – завтра придет рапорт. Понял? – Отец со сме-

хом в душе наблюдал за переполохом, который он устроил, невзначай застав мужиков за возлияниями.

—Понял, понял. Давай, друг. Спешу. Видно тебе наверно очень срочно нужно. Давай.— Залепетал непослушным языком охранник и кинулся в сторожку.

Через несколько секунд заревела сигнализация, вспыхнули сигнальные желтые проблесковые огни, обозначая разгерметизацию шлюза. Огромные железные створки медленно поползли в стороны. Отец занял место в кэбе, закрыл носовой иллюминатор и тронулся. Проезжая мимо сторожки, странник с усмешкой бросил взгляд на три пары обеспокоенных глаз, следящих за его отбытием, и коротко махнул им рукой. Сторожа ответили ему весьма сдержанным поклоном.

Ух, и страху я на них навел, с удовольствием продумал Отец. Ничего, немножко адреналина для остротки не помешает, чтобы кость не гнила. Отец повел свою машину по прямому тоннелю, который едва заметно поднимался вверх. Боковое освещение стен вспыхивало впереди кэба и немедленно гасло позади машины. Очень энергосберегающая технология, подумал Отец. Тоннель был таким же широким и высоким, что и в начале, что позволяло по нему передвигаться целым огромным составом на антигравитационной платформе, случись такая нужда. Отец во всю мощь погнал свою маленькую машинку. Гаишников здесь быть не могло, да и движение не было оживленным. По тоннелю, кроме Отца, двигалось только настенное освещение, чуть-чуть опережая

странника.

Мелькание боковых длинных и широких ламп, освещающих тоннель, становилось все чаще, затем лампы слились для Отца в единую широкую светящуюся полосу. Кар облучился в голубое свечение защитного поля. Сработала автоматика, которая предписывала включать защитное поле на критических скоростях. За бортом появился свистящий звук, создаваемый турбулентностью позади кара. Было очень странно лететь на огромной скорости в широком освещенном пустом тоннеле в глубине Изольды, которая еще недавно не знала жизни. На приборной панели кара вспыхнуло красное предупреждение о высокой скорости. Бортовая автоматика что-то пропищала с просьбой ограничить скорость движения кара. Отец лишь криво усмехнулся и еще сильнее ускорил машину. Вдруг странник стал замечать, что светящаяся полоса тоннеля снова начала приобретать дискретность. Alarm-индикатор скорости погас. Затем стали различимы уже и отдельные лампы. Кар снижал скорость. Прибыли.

Направление тоннеля перешло в горизонтальную плоскость. Об этом свидетельствовали и показания вертикальных стабилизаторов машины. Вдруг вспыхнул яркий свет. Отец зажмурился. Кар вынырнул из недр огромной горы на плато. Серое грозное небо показалось вдруг очень ярким, что Отец принял дневной свет за вспышку. Кар остановился. Отец откинул носовой иллюминатор и вышел из машины.

Пронизывающий ветер набросился на странника. Он спутал волосы, плюнул в лицо липким дождем, принесенным из глубин моря, попытался сорвать одежду и обругал своего гостя.

—Ах, мать твою растак.— Ругался Отец.

Он мгновенно вымок и продрог. Дышать стало много труднее чем в Тристане. Здесь, на горном плато стала ощутима низкая концентрация кислорода. Пройдет еще немало лет, прежде чем на Изольде будет достаточно кислорода, чтобы стало возможным без кислородной маски прогуливаться по горам, собирая грибы.

Ветер рвал и метал. Горное плато, раскинувшееся на многие сотни метров, было подвластно всем ветрам, у которых испортилось настроение. Ветер менял направление так же быстро, как и мимика у Суси. Здесь небо казалось еще более непроницаемым, чем у подножия горы, на побережье. Здесь было его безраздельное царствие. Оно клубилось и перемещивалось ветрами, оно чернело и серело в зависимости от настроения, оно хмурилось и гневилось, наблюдая за колебимостью суши. Ему все было не по душе.

Отец, прикрывая глаза от яростных атак ветра и дождя, пошел по плато, которое было и космодромом. Возле скалы в нише Отец увидел наблюдательную наземную башню. Она же была и обсерваторией. Она нам не нужна, подумал Отец. За стеной огромной скалы стояло несколько небольших корабликов, которые было невозможно спрятать в тон-

неле. Они стояли и стоически сносили все превратности будущей стихии.

Вот и он, подумал Отец, увидав бот с эмблемой федеральной службы. Это мог быть только он. Лишь один бот стоял с включенным аварийным освещением и габаритными огнями. Посадочный люк был открыт, трап выдвинут.

–Вперед, мой друг, нас ждут великие дела,– крикнул в непогоду Отец и бросился к машине, которая сулила тепло и уют.

Взобравшись на борт по посадочному трапу, Отец крикнул, что было сил, преодолевая шум штормового ветра.

–Борт, задрать люки.

Трап убрался в недра бота, люк принял свое законное место, отгородив маленький мирок аппарата от внешних катаклизмов. Наступила звенящая тишина, стоило боту обрести герметичность.

–Борт, температуру салона сделай тридцать два градуса, пока не обсохну. Там видно будет.

Зажужжали ламинарные вентиляторы. Стало жарко. Дрожь убралась прочь. Отец прошел в командный отсек и уселся за кресло первого пилота.

–Борт, подготовить старт.– Скомандовал Отец.

Включилась SMART-система бота. От правил предстартовой подготовки никто не уходил. Бортовая автоматика тестировала все свои системы. Отец, сидя в теплом и мягком кресле, наблюдал за бортовым самоанализом.

–Борт к старту готов.– Доложил бортовой баритон.

Отец вспомнил голос бортового компьютера, который был установлен на его спасательном шлюпе. Сложилось такое впечатление, будто того мужика, с которым Отец болтал всю дорогу до Цватпы и обратно, незаметно принесли и посадили в этот бот. Ну что ж, подумал Отец, пусть будет такой голос. Видимо на всех кораблях конфедерации используется этот баритон.

–Ну, так чего же ты ждешь? Полетели.– Сказал Отец и приготовился к старту.

Отец посидел минуту, наблюдая за бушующей непогодой. Бот не тронулся с места.

–Тьфу, ты,– Плюнул Отец.

Теперь нужно было вручную проверить все бортовые системы. Не мог Трибун испортить и этот бот, чтобы избавить меня от этого мучения, подумал Отец.

–Ладно, поехали. Бортовой компьютер.– Недовольно проскрипел Отец.

–Норма.– Ответил баритон.

–Навигационные системы.

–Норма.

–Система жизнеобеспечения.

–Норма.

Проверив все системы бота, Отец вышел на связь с командным пунктом Изольды.

–Борт...– прозвучал в эфир ряд цифр.– Просит разреше-

ния на взлет.

–Ребятки,– послышался голос командного пункта,– вы совсем с ума сошли. Вы на небо сегодня смотрели?

–Чудесная погода.– Ответил Отец в эфир.

–Это Изольда. Разрешение на взлет получено. Смертники.– Прозвучал разочарованный голос. А затем добавил.– Если вам жизнь не дорога, идите, умирайте на здоровье.

–Изольда, спасибо. Вас понял. Иду на взлет.– Улыбнулся Отец.– Борт, поехали.

Взрели двигатели. Машину начало трясти, будто она попала в гигантскую стиральную машину. Все потроха рвались наружу.

–Защитное поле.– Скомандовал Отец.

Бот окружило защитным полем. Показалось, что машину стало трясти еще сильнее. зуб не попадал на зуб. Даже автономная гравитация не давала машине успокоиться. Бот вошел в грозовой фронт. Рядом разорвалась молния. Дождь хлестал по носовому иллюминатору, в который всматривался звездный странник. Казалось, что это уже и не вода вовсе, а жесткие серые стальные прутья с яростью бьются о борт. Машина кренилась то вправо, то влево. Она падала в ямы, ее несло турбулентностью. У Отца закружилась голова. Казалось еще немного, и он отдаст Богу душу. Зря я сегодня поел, подумал Отец. Омлет, съеденный на завтрак, казалось, превратился в курицу и старался покинуть желудок, что было сил. Двигатели ревели. Машина, если верить бортовым при-

борам, мало-помалу поднималась. Наконец все разом прекратилось. Бот поднялся над грозowymi тучами и спокойно пошел ввысь. Вокруг простиралась бескрайняя серость, которая шевелилась, точно живая. Серая пелена туч разрезалась молниями и бурлила в циклонах. Поверхности планеты не было видно. А было бы интересно отсюда посмотреть на Изольду, думал Отец. С такой высоты в морских глубинах, наверное, можно увидеть и Тристан.

Отец поднимался все выше. Небо потемнело, а вскоре и все вокруг заволкло чернотой и мраком, в которой неподвижно висели лишь две Альфа Центавра, да серебряная россыпь звезд.

–Борт, показать карту этой системы.– Приказал Отец.

В воздухе повисла голографическая карта звездной системы, где верховодили две звезды-близняшки, вокруг которых кружилась Изольда, Проксима Центавра и другие планеты, не подлежащие терраформации. За поясом Койпера Центаврийской системы висел неподвижно портал. Им то и должен был воспользоваться Отец, чтобы попасть в заветную точку прохода.

–Едем сюда.– Сказал Отец и ткнул пальцем в портал.

Бортовая автоматика что-то крякнула, показывая, что приказ принят. Борт поднимался над плоскостью эклиптики Альфы Центавра и двинулся к порталу. Изольда уменьшалась и уменьшалась, пока не превратилась в маленькую серую точку на звездном небе. Прощай милая и серая Изоль-

да, прощай будущий прекрасный мир, будь ласкова, как твой прообраз. Скоро тебя будут населять многие виды, будь с ними приветлива. Теперь ты станешь матерью.

Отец приближался к поясу Койпера, где висели в величайшей неподвижности элементы портала. Отец пристегнул ремни. Он помнил, как в прошлый раз, когда он двигался транспортными порталами, едва остался жив, и если бы он не был пристегнут, его пришлось бы скребком соскрести с переборки судна.

Начался последний отсчет. Отец зажмурился. Сейчас начнется, подумал он, вот-вот начнется. Ух, повеселимся. Элементы портала активировались. По висящим в космосе огромным элементам пробежали огни. Бот приближался к центру правильного многоугольника, образующего портал. Вот она, только и успел подумать Отец.

Вспышка. Незабываемое ощущение, когда тебе на грудь кладут многотонную бетонную плиту и в руки наливают свинца. В ушах загудело. Совсем еще недавно он испытывал то же самое, когда стремился попасть на Цватпу. Слава Богу, что это единственный портал, который ему следовало пройти. Отца чуть не стошнило. Чернота космоса охватила бот со всех сторон. Три звезды системы Центавра исчезли, будто их и не было вовсе.

–Борт. Карту мне дай.– Попросил Отец, когда бросил взгляд на карту системы Альфы Центавра.– Ситуация уже изменилась.

Карта исчезла вовсе. Лишь зеленая точка висела в пространстве с подписью «Точка Прохода». Вокруг ни звездочки, ни астероида, ни даже самой заваливающей планеты. Только несколько огромных научных космических баз висело в пространстве, окружая маленькую точку прохода, да установка. Та самая установка, которую Отец обнаружил и модернизировал у цватпахов. Его родная установка была здесь во всем своем великолепии. Это было его детище и гордость. Она ждала его. Вокруг точки по эллиптическим орбитам кружили несколько спутников, непрерывно фиксируя всевозможные изменения и регистрируя информацию, несущуюся радиоволнами из другого неведомого мира.

Какая база мне нужна? Подумал Отец. Их было несколько. Одна, видимо, головная база была самая огромная с множеством доков и пристаней для космических судов. Несколько баз помельче, видимо, имеющие вспомогательный характер. Еще несколько баз с огромными открытыми доками. Это однозначно грузовые баржи, подумал Отец. Нам туда не нужно. Выбрав самое большое космическое строение, Отец повел бот к нему. Между базами постоянно курсировали маленькие катера и грузовые корабли. Здесь сновали и маленькие персональные кары. Отец повел свой бот наугад. Пришвартовавшись к первому попавшемуся порту и проверив герметичность судна, Отец воскликнул:

–Компьютер, выход.

Черная транспортная арка не заставила себя ждать, воз-

никнув внезапно, казалось, из пола и заблестела предательским светом. Куда идти? Думал Отец. Трибун сказал, что здесь будет Пospelов. Остается идти к нему.

—К Pospelову.— Сказал Отец и пошел сквозь черное зеркало выхода.

Странник переместился в широкий зал, в котором народу было, словно на первомайской демонстрации. Напротив выхода на стульчике сидел Pospelов, словно кого-то ждал, и потягивал какую-то бурую жидкость из стаканчика. Pospelов посмотрел на вновь прибывшего и с участием махнул ему рукой. Откуда-то из снующей толпы выбежал Декс:

—Отец, я думал, что ты собираешься пропустить все веселье.— Крикнул он подбегая.

—Декс, как я не подумал, что ты тоже здесь будешь.— Обрадовался Отец, пожимая лапу веганской рептилии.

—Заставляешь себя ждать.— Pospelов протянул свою волосатую руку Отцу.

—Значит, тебя теперь величать Аргуци?— проскрипел Декс, осматривая стебельками своих глаз все вокруг.

—Хоть горошком зови, только в рот не клади. Прошу тебя.— Отец похлопал по плечу рептилию.

—Ладно, хватит болтать. Пошли. Сейчас уже все начнется. По дороге все расскажешь.— Сказал Декс и на четырех лапах побежал в толпу.

—Что начнется?— Спросил Отец, локтями расталкивая снующий народ, догнав Декса.

–Ты помнишь, зачем ты сюда приехал?– Декс резко остановился и пристально обоими глазами посмотрел на Отца.

–Ну.– Утвердительно сказал Отец.

–Загну. Вот это самое сейчас и начнется...

Глава 9.

Отец семенил по широкому залу вслед за неугомонной веганской рептилией. Позади чинно шагал Пospelов, держа в руке свой стакан. Декс ловко пробегал меж ног спящего народа, Отцу приходилось расталкивать встречных локтями и шипеть на недовольных.

–Декс, что за суета? Это– демонстрация против снижения налогов?– Спросил на бегу Отец.

Веганская рептилия заскрипела, не сбавляя хода.

–Сейчас мобилизованы все силы. Все: и техники и временщики, ксенологи, лингвисты, математики... да много всякого народа. Сейчас будет первый запуск установки. Вот все и волнуются. Последние приготовления...– Крикнул на бегу Декс.

–Никого не убьет?– Спросил Отец.

–Надеюсь. Это я должен у тебя спросить. Это же– твоё детище.– Сказал Декс.

Из толпы выплыло уродливое чудовище, ползшее сразу на сорока ногах, высоко подняв голову с присосками вместо рта на длинной шее. Отец, не ожидавший встретиться с та-

ким уродом на своем пути, отреагировал мгновенно. Пришелец через долю секунды отлетел на пару метров от звездного странника и остался лежать недвижим.

–Опаньки.– Удивился Отец.

Он бросил быстрый взгляд вокруг. Никто не обратил внимания на первый контакт землянина из двадцать первого века с аборигеном пятой планеты звездной системы беты Циолковского. Никто ничего не видел, значит, ничего не было, решил Отец и скрылся в толпе, следуя за Дексом.

–Родной, куда идем?– Спросил Отец.

Декс лишь один глаз развернул в сторону Отца и прокричал:

–В центр управления. Спешу.

Рептилия подбежала к черному выходу.

–Не отставай,– крикнул он и скрылся.

Отец обернулся посмотреть, куда девался Пospelов. Его нигде не было. Очень трудно предположить, что агент федеральной службы расплачется, если даже и случится ему потеряться, поэтому Отец с чистой совестью пошел к выходу, в котором секунду назад скрылся Дексаметазон.

Центр управления оказался широким залом с открытыми высокими иллюминаторами, которые занимали всю внешнюю переборку звездной базы. Перед иллюминаторами в космосе висела установка. Это была та самая установка, которая однажды сослужила хорошую службу Отцу у пингвинов, когда пришлось быстро ретироваться от флота феде-

ральной службы. Ее Отец не спутал бы ни с одной другой установкой, даже если бы такая и смогла появиться на свет. Элементы установки грациозно висели в космосе, образуя несколько кругов, находящихся на одной линии с одинаковыми интервалами друг от друга. Габаритные огни обозначали границы установки.

Пульт управления центра был организован несколькими длинными рядами терминалов компьютеров, словно это была огромная лекционная аудитория. Места у терминалов были все заняты. В воздухе витало напряжение и сосредоточенность. На мостике стоял мужик средних лет с прикрепленным микрофоном у рта и наушником. Это был координатор научной группы, который отдавал последние распоряжения перед пуском установки. На боковых переборках огромного зала висели широкие плоские мониторы, на которых бегущей строкой ползли показания приборов, фиксирующих изменения физического состояния точки прохода. На нем же ползли графики напряженности полей, в центре монитора мерцала пространственная модель заветной точки, в которой сходились линии пространственного континуума нашей вселенной. Ученые переговаривались меж собой. Некоторые жевали пончики и пили кофе из пластиковых стаканчиков. Возле задней стены центра управления стояло несколько выходов, стоек органического синтезатора и пара-тройка свободных терминалов компьютеров. Отец обратил внимание, что несколько человек были облачены в оперативные шле-

мы глобальной базы данных. Остальные ученые следили за показаниями приборов и вносили свои коррективы. В зале пахло потом, кофе и адреналином.

–Декс.– Закричал Отец, увидав своего знакомого, который пристроился за терминалом компьютера в кресле, подогнанном под его нестандартную по земным меркам фигуру.

Рептилия обернулась и зашипела. Несколько человек, в том числе и координатор, обернулись на крик непрошенного гостя. Декс соскочил со своего места и быстро подбежал к Отцу.

–Тише, ты,– заскрипела рептилия, помахивая своим жутким хвостом.– Не видишь, люди работают. Чего раскричался, как потерпевший. Сейчас тебя выгонят, будешь зевать тут.

–Синхронизация элементов установки.– Крикнул координатор. И звук его голоса усиленный динамиками разнесся по всему залу.

–Готово.– Послышался голос из огромной аудитории.

–Прекрасно. Так держать.– Командно произнес координатор.– Синхронизация магнитного резонанса.

–Порядок.– Была реплика из зала.

–Хорошо.– Одобрил координатор.– Временщики, готовы?

–Так точно, вашебродь.– Со смешком ответил кто-то.

–Отставить неуставные ответы.– Прикрикнул на них координатор.– Ребятки, когда все закончится, мы все рассла-

бимся. А пока давайте серьезнее относиться к делу. Временщички?

–Готово.– Ответил тот же голос, но уже со стальными нотками.

–Вот так-то лучше. Хорошо. Медицинская служба?

–Готово. У нас все в порядке.– Ответили медики.

–Много слов. Наногенераторы?

–Работают.– Ответил кто-то.

–Countdown.– Скомандовал координатор.

–Все.– Зашипел Декс.– Началось. Пошли ко мне. Только сиди молча и смотри. Будешь мешать, я тебя прямым ходом сдам федералам. Они тебя домой отправят.

–Я не знал, что ты такой подлый.– Прошептал Отец.– Я тогда из тебя гребень сделаю, и буду им kota своего расчесывать.

–Все, тихо. Пошли.– Сказал Декс и прыжками побежал к своему месту.

Отец пригнулся, чтобы не заслонять своей спиной обзор иллюминаторов. Пробравшись вдоль длинного ряда ученых, Отец опустился на скамеечку, стоявшую рядом с креслом рептилии. На боковых мониторах зажглись цифры.

–Установку уже запускали?– Шепнул на ухо Дексу Отец.

–Тихо.– Заворчала рептилия.– Нет еще. Это первый запуск. Не мешай. Наберись терпения и просто смотри.

Между элементами первой ступени пробежали молнии. Синий свет озарял грандиозное строение, привезенное из

другого конца галактики. Молнии сверкали все чаще, сливались, образуя пелену из вспышек и света. Пелена, словно тугая синяя пленка, натянутая меж элементов установки, становилась ярче. Теперь она уже светилась так ярко, что слепила. Координатор приказал включить светофильтры на иллюминаторах. Зажглась вторая ступень установки, затем третья...

Разговоры и шумы в центре управления установкой смолкли, стало слышно дыхание членов ученой группы. Установка выглядела величественной и грозной, словно неведомое оружие созданное некоей безумной и воинственной расой. Теперь все элементы установки были активированы. Ученые обратились во внимание. Взгляды их были устремлены на мониторы своих компьютеров. Оставалось только ждать.

–Десять.– Произнес координатор.

Дыхание Отца участилось, как после бега. Он пристально вглядывался в глубину космоса, где была точка прохода, к которой было устремлено око его установки.

–Девять.– Молвил координатор.

Зрачки сузились. Сейчас все начнется. Быть может, сейчас появится брат, которого Отец так давно не видел. Любимый и единственный брат. Человек, который с самого рождения был рядом. Человек, который понимал его с полуслова. Брат, который чувствовал все его настроения и переживания без слов.

–Восемь.

Надпочечники выбросили в кровь адреналин. Пойманный рецепторами медиатор возбудил водитель ритма сердца, что находится между предсердиями. Мотор заработал с удвоенной силой. В висках застучало. На языке возник вкус железа.

–Семь.

Отец затаил дыхание, а вместе с ним притихла и вся вселенная. Много десятков пар глаз смотрели сейчас в свои мониторы. Надвигался судьбоносный момент для всего человечества, для всего разумного населения нашей галактики, для всего пространственного континуума родной вселенной.

–Шесть.

Из установки вырвался ослепительный луч света и ударился о точку прохода. Графики, изображенные на множестве мониторов, заскакали. Много пар глаз удивленно смотрели за происходящим. Такого вселенная не видела с момента Большого Взрыва, когда она сама родилась. Многочисленные приборы фиксировали изменения пространственно-временного континуума.

–Пять.

Отец осмотрел зал, запруженный людьми, иноземцами, представителями различных цивилизаций, будто прощался с ними. Что чувствовали они? Удивление? Страх? Любопытство? Может статься, что и так. Но ни один из них так не ждал этого прорыва в другую реальность, как ждал его Отец.

–Четыре.

На огромном экране появилась огромная четверка. Отец сжал кулаки, потому что пальцы вдруг задрожали. Ладони вспотели. Установка сверлила пространство. Континуум рвался. Сейчас будет нечто. Отец вспомнил слова Трибуна, что он, Отец, примет участие в чем-то грандиозном. Быть может этот момент тот самый?

–Три.

Осталось три мгновения и другой неведомый мир приоткрывает свою завесу. Что таится там, по другую сторону реальности? Быть может это великая и непростительная ошибка рушить вселенную, которая пятьдесят миллиардов лет жила своей жизнью, пока не нашлись существа, способные нарушить ее самобытность. Быть может, это начало конца? Конец нашей вселенной и всего сущего?

–Два.– Стальным тоном произнес координатор.

Или это огромный рывок в познании, который доселе был невозможен. Быть может, новая вселенная откроет новые пути развития? Быть может, в ней найдет спасение разум, который рвался изо всех сил из своей реальности? Может там он найдет себе собеседника и партнера?

–Приготовиться.

Сейчас. Сейчас произойдет самое великое проникновение в тайну чужого мира. Установка рвала пространство. Точка, обозначенная на мониторах, увеличивалась в размерах. Теперь это уже не точка прохода, это провал в пространстве, которого быть здесь не должно. Теперь здесь не было

континуума. Теперь это— место, где встретятся две вселенные, которые все это время жили рядом и не были знакомы друг с другом.

—Начали.— Взревел координатор.

Вспышка ослепила всех. Даже защитные экраны не выдерживали этой невыносимой интенсивности света. Поля металась и бесновалась, что море Изольды. Континуум рухнул. Отец ничего не мог разобрать в этом ослепительном свете. На иллюминаторы напоззли ставни. Включился верхний свет. Мало-помалу зрение восстанавливалось. Ученые, сидящие за своими компьютерами, зашумели.

—Что-то не так?— Спросил Отец у Декса, сидящего рядом.

Веганский ксенолог нахмурился. Глаза, бешено вращающиеся у него на голове, еще немного и завязались бы в узел. Луч установки погас. Пелена меж элементов ступеней установки исчезла. Остались лишь мерцать красные габаритные огоньки, обозначающие границы разрушителя континуумов.

—Первый блин комом.— Сказал Декс.

—Это получается, что я напрасно себе нервы трепал.— Огорчился Отец.

А вдруг не получится вовсе? Неужели все напрасно? Неужели нечего не выйдет и брат навеки останется у Инвизов? Нет! В глобальной базе данных Отец нашел сведения, что Дэн окончит свой институт, значит, он его окончит. В этом ошибки быть не может. Сейчас он— студент. Значит, ему написано в книге судеб вернуться. Но когда это случит-

ся?

–Когда это случится?– Спросил Отец.

–Что?– Декс обоими глазами посмотрел на странника.

–Будет еще запуск?– Спросил Отец.

–Сейчас все узнаем.

–Так, ребята.– Заговорил координатор.– Все всё поняли?

За работу. Обсчитываем параметры. Через полчаса доложить о готовности.

–Что он несет?– Спросил Отец.

Декс внимательно посмотрел на координатора, затем перевел взгляд на Отца.

–Это был самый первый запуск. Понимаешь? Самый первый. Ты что же хотел, чтобы сразу все и получилось?– Проскрипел Декс.

–Я хотел, чтобы сразу и много.– Кивнул Отец.

–Так вот знай, сразу даже кошка не родит. Сейчас установка ударила по пространству. Приборы зафиксировали его ответ. Сейчас будет рекогносцировка, параметры полей и силу удара изменят. И будет вторая попытка. И так до тех пор, пока не станет ясно, что это– провал, или пока не получится. Так что, расслабься и успокойся. Полчаса у нас есть. Кушать хочешь?

–Успеем. Декс, ты мне вот что скажи, почему ты был возле выхода, когда я прилетел?– Спросил Отец.

–А! Хороший вопрос. Мне незадолго до твоего появления пришла анонимка по электронной почте, что скоро прибу-

дешь ты под именем Аргуци Винсента. Что ты прилетишь к Пospelову. Вот и все. Дальше я нашел Пospelова и сел ему на хвост. Он видимо, тоже получил какое-то задание насчет тебя. Он сидел и ждал тебя. А я все время был рядом. Так что чуда не было. Ты появился. Я, правда, боялся, что ты опоздаешь. Сам понимаешь, такой момент, а я вынужден был бежать за Пospelовым...

Трибун, подумал Отец. Его выходки. На этом ему низкий поклон, что меня одного не оставил.

Отец с Дексом вылезли из-за длинного ряда терминалов компьютеров и прогуливались вдоль стоек органических синтезаторов. Странник заказал себе несколько кусков шашлыка в винном соусе, Декс ограничился какой-то пахнущей ядом жидкостью. В центр управления работа кипела. Ученые обрабатывали данные, снятые следящими приборами, вносили поправки в программы, управляющие узлами установки, и моделировали возможный характер ответа континуума. Координатору принесли горячий ароматный кофе. Операторы глобальной базы данных трудились в виртуальной сфере, которая была не менее важна, чем та работа, которой были заняты ученые реальности. Данные поступали на огромные мониторы, висящие на боковых стенах широкого зала, и координатор нет-нет поглядывал на них.

—А почему Пospelов сидел на стульчике?— Спросил Отец.— Он точно кого-то ждал.

—Я думаю, что кроме тебя, ему ждать было некого. Я бы

на его месте выбрал любой подходящий выход. Сел бы возле него, что он, собственно говоря, и делал. Транспортный оператор тебя направил к тому выходу, возле которого и был Пospelов. Все просто.

Логично, подумал Отец. Видимо, Трибун тоже известил Пospelова, иначе он не сидел бы просто так. Он бы мог заняться ведьмами на Черной горе, или еще кем-нибудь.

–Так,– сказал координатор, допив кофе.– Готовность всем системам и узлам.

Зал оживился. Ученые приготовились к повторному тестированию параметров запуска установки. Введенные обновленные параметры прорыва в параллельный мир должны вступить в силу с минуты на минуту. Операторы глобальной базы данных потрудились над этим.

–Поехали.– Скомандовал координатор.

Распорядитель забрал у него стаканчик, на дне которого плавала кофейная гуща.

–Операторы базы?– Спросил координатор.

Из зала взметнулся большой палец руки.

–Немногословно, зато понятно.– Одобрил координатор.–

Хорошо.

–Далее. Магнитная синхронизация?

–Готово.

–Пространственная стабилизация?

–Порядок. Мы готовы.

–Временщики?

–Здесь.

–Так, ребятки, будем серьезнее.– Сверкнул очами координатор, поглядев на группу ученых, смеявшихся в кулак.– Потом вместе посмеемся.

–Пошли, Отец, мне пора. Если хочешь, можешь здесь погулять.– Сказал Декс, опускаясь на четыре лапы.

–Да уж увольте. Я лучше с тобой. Так я хоть причастность свою чувствую.– Ответил Отец и проследовал за рептилией.

Декс пролез на свое место перед компьютером. Отец, расталкивая ученых, пробрался вслед за ящером и утвердился на своем табурете.

–Так. С генераторами проблем не будет? А? Не слышу.– Требовал ответа координатор.

–Не будет.– Донеслось из зала.– Все работает. Мы можем еще какую-нибудь планетку подпитать.

–Спасательная внешняя группа готова?– Спросил координатор.– Ребятки наверное устали уже сидеть в космосе. Ну, ничего, пусть потерпят.

–Готовы.– Раздалось в динамике.– Только не ждите, что мы долго здесь сидеть будем.

По залу пробежал смешок.

–Хорошо. Включить последний отсчет.

На экране вновь вспыхнули цифры. Заработал наногенератор, поставляя огромное количество эксаватт в установку, которой суждено было порвать пространство.

–Двадцать секунд готовность.– Произнес координатор.

Отец для себя отметил, что волнения уже нет. Так, как он волновался в прошлый раз, он уже волноваться не сможет. В его организме нет столько адреналина, чтобы всякий раз заставлять мотор бешено биться в груди. Не факт, что получится и в этот раз. Вот только странно, подумал Отец. Если он уже побывал в параллельном конвертерном пространстве, неужели нельзя отправить туда экспедицию, в этот самый конверт, а затем уже из него выйти в реальное параллельное пространство? Да видимо нельзя, нашелся он сам с ответом. Даже в нашей реальности, перемещаясь в конвертерном пространстве, должно быть два устройства на разных концах перемещения. Одно— передающее, другое— воспринимающее. Здесь же работает принципиально новый механизм преобразования пространства. Здесь работают другие силы и законы. Ну и пусть работают, подумал Отец. Только бы вернулся брат.

—Десять. Девять. Восемь.— Начал считать координатор.

Внимание всех приковало действие за носовым иллюминатором, с которого опустили ставни. Активировались ступени установки. Пробегали одна за другой молнии, которые превращались в синеватую пелену меж элементами.

—Три. Два. Один. Запустили.— Крикнул координатор.

На экранах мониторов закружились и заплясали графики и пространственные модели континуума. Луч, выбившийся из недр установки, превратился в сияющий голубой тоннель, в гигантскую светящуюся воронку, берущую начало в эле-

ментах установки и упирающуюся в точку прохода.

–Так!– Заревел координатор.– Всему персоналу. Готовность первой степени. Получается! Получается, голуби сизокрылые!!!

Континуум рвался. Точка прохода– уже не точка вовсе. Силы установки, бушевавшие здесь, разорвали ее. На пространственной модели было видно, что силовые линии, сходящиеся здесь, раздвинулись и образовали дыру, в которой терялось и пространство и время. Здесь все было бессмысленно. Здесь не было ни нашего континуума, ни нашего привычного упрямого времени. Здесь был проход в другой мир, ограниченный сиянием голубого тоннеля, образованного силами установки.

–Работает!!! Закричал координатор.

Ученые захлопали в ладони. Некоторые стучали ладонями по столу, другие карандашом били по кружкам с кофе.

–Движение.– Крикнул кто-то в зале.

–Что такое?– Координатор бросил в центр управления испытующий взгляд.

–Вижу движение. Дать картинку на экраны.– Повторил тот же самый голос.

На боковых экранах появилось изображение изнутри тоннеля, образованного силами установки. На том конце появилось слабое сиреневое свечение, которое не было статичным. Оно изменялось и, казалось, приближалось.

–Скорость движения?– Спросил координатор.

—Около километра в час. Очень медленно идут.— Ответ был.

—Дайте оптическое увеличение.— Попросил координатор.

—Не могу. Сильные помехи. Нужно ждать.

—Оперативники. Будьте готовы. У нас какое-то движение.

Отец затаил дыхание. Это тот самый миг, про который ему говори Трибун. Вот он— первый контакт с Инвизами. Быть может на том краю реальности, идут они. Скоро мы их увидим.

—Генераторы. Сколько у нас времени?— Спросил координатор.

—Не обращайтесь на нас внимания. Работайте. Если что, мы вам скажем.— Произнесли энергетики.

—Мне нужно знать, на какое время мне можно рассчитывать.— Стальным голосом обозначил свою позицию координатор.

—Часов семь— восемь у вас есть. Поля стабильные. Энергии хватает. Работайте.

—Спасибо. Вот так бы все работали, как энергетики. Это вас касается, пространственная стабилизация. В первый раз на двадцать фемтометров ошиблись.

По залу снова прокатился смешок. Головы ученых развернулись к нерадивым инженерам, ответственным за пространственную стабилизацию установки.

—Так, кто мне скажет, кто даст мне нормальную картинку. Я ничего не вижу. Что там происходит?— Спросил координатор.

натор.

В зале воцарилось молчание. Никто не мог помочь с решением. Ждать. Только ждать.

– Движение активное. – Сказал некто из зала. – Растет. Уже три километра в час и все растет.

– Ускорение? Величины какие? – Спросил координатор.

– Все. Опять стабилизировалось движение. Километра четыре в час. Вижу несколько объектов.

– Так. Кто-нибудь, дайте мне картинку на экран. Я хочу видеть, с чем мы имеем дело. – Взревел координатор.

На экране показалось четыре объекта. Они имели смутные очертания. С такого расстояния нельзя было сказать, что это такое. Оптическое увеличение не давало результатов. Лишь неясные мерцающие сиреневые тени около двух метров в размерах.

– Расстояние до объектов? – Крикнул координатор.

– Нельзя сказать. Они еще в своем пространстве. Вот подойдут к нам. Там и картинка будет и расстояние вычислим. Пока это все.

Отец повернулся к ящеру из далекой веганской системы.

– Декс, что там ползет сюда? – Спросил Отец.

– Я не узнаю этого, пока эта штука со мной не заговорит. –

Отмахнулся лапой Декс.

– Хоть предположения есть?

– Инвизы. – Пожал плечами Декс. – Насколько я знаю, из точки прохода только они и вещали. Больше не кому.

–Логично.– Пробурчал Отец.

Сиреневые сияющие силуэты приближались. Сиреневые формы, показавшиеся по ту сторону нашего мира, выглядели на фоне непроницаемой черноты космоса, словно неведомые живые гравюры, сделанные неведомым мастером. Они расплывались и вновь обретали формы, они сливались воедино и распадались вновь.

–Это живые объекты или машины? Кто мне может сказать?– Крикнул координатор.

–Тотализатор.– Кто-то крикнул в зале.

–Ребята, давайте серьезнее. Это не шутки. У кого какие мысли.– Оборвал клоуна координатор.

–Это живые объекты.– Сказал ученый, отдаленно напоминающий валенок, из системы Канопуса.– я проанализировал движения объектов на компьютере. Движения не выглядят дискретными, они и не хаотические. Направленность на лицо. Это могут быть только живые объекты.

–В космосе?– Удивился координатор.

–Они могут быть в скафандрах. Точнее я сказать не могу.– Возразил валенок.

–Что это за свечение? Спектрографы?– Спросил координатор.

–Пока не удастся засечь излучение. Они по ту сторону тоннеля. Вот только подойдут ближе. В видимом спектре – просто фиолетовое сияние. Спектральный анализ пока не удастся.

–Это может быть защитным полем?– Координатор смотрел пристально на ученых спектрографов, будто сам был детектором лжи.

–Кто их знает? Подойдут– выясним.

–Это не может быть опасным?– Продолжал допрос координатор.

–...– не успели вымолвить ученые.

–Дэн.– Раздался истошный крик в центре управления.– Ребята, это Дэн. Это мой брат.

Отец соскочил со своего табурета и обеими руками замахал на огромные, во всю переборку, иллюминаторы, туда, где в светящемся тоннеле, прорывающем привычный для нас континуум, светились сиреневые силуэты.

–Дэн. Это ей богу брат. Ребята, заберите его. Это мой брат. Его похитили Инвизы. Он там уже столько томится...– Кричал Отец.

Декс схватил за отворот рубахи своими когтями неугомонного странника и попытался усадить его на место, но только получил локтем промеж глаз.

–Сядь, неслух, тебя сейчас выгонят отсюда. Что же ты делаешь?– Ворчал он.

Отец его не слышал. Координатор уже решил своей властью выдворить нарушителя порядка из центра управления, только инженеры группы наблюдения воскликнули:

–Подтверждаем.

–Что?– Резко обернулся к ним координатор.

–Фигура гуманоида. Вероятно это человек.

–Как человек?– Удивился координатор.

–Смотрите сами.– Некто вывел на широкий экран зала изображение сиреневого силуэта.– Вот это начальная картинка.

Компьютер начал обрабатывать изображение. Он наложил на нее пространственную сетку координат, интерполировал и добавлял возможные несуществующие точки, формирующие изображение. Из сиреневого силуэта стала вырисовываться человеческая фигура. Ошибки быть не могло. Это человек.

–Человек!!!– Выдохнула аудитория ученых, собравшихся в центре управления.

–Что это значит? Кто мне объяснит?– Изумился координатор. Он сошел со своего мостика и двинулся вдоль рядов, направляясь к Отцу.– Ты.– Он указал на странника пальцем.

–Моего брата похитили Инвизы.– Сказал Отец.

–Богатая фантазия.– Кивнул координатор.

–Я не вру. Я– Отец, вы должны обо мне слышать. Я ваш самый несносный артефакт. Меня вытащили из моего времени, потому что Инвизы посылали через точку прохода мой код ДНК.– Заговорил Отец.

–Отец.– Кивнул координатор.– Слышал, как же, как же. Продолжай.

–На самом деле они слали код моего брата, мы с ним однополовые близнецы.– Продолжал Отец.

От волнения тряслись руки и заплетался язык. Отец бросил короткий взгляд на центр управления. Все ученые и слушающие смотрели на него. От такого пристального внимания Отец стал путаться еще быстрее и чаще.

—Эти Инвизы украли моего брата. Зачем я не знаю. Но это может быть только он. Я его чувствую. Я не могу вам объяснить. Я иногда чувствую, как у него болят зубы, или что он в плохом расположении. Мы— однойцевые.

Координатор понимающе кивнул.

—Продолжай.

—Это он, я не могу ошибиться. Я его чувствую. Это— мой брат.

—Они вошли в тоннель.— Сказал кто-то.

Координатор оставил допрос и вернулся на свое место на мостике, откуда видны все участники великого таинства проникновения в чужой мир. На широком настенном экране появились сиреневые силуэты, которые степенно плыли в пространстве искусственного, созданного полями установки, тоннеля. Теперь уже четко были различимы и их фигуры. Первая— несомненно человек. Он висел в космосе, будто спал. Глаза его были закрыты. Руки висели вдоль тела, словно плети. Ноги не шевелились. Человек плыл в тоннеле, окруженный сиреневым сиянием, и спал. Одет он был в простые дорожные брюки, свитер и кожаную куртку, небрежно наброшенную на плечи. На ногах были потоптанные кроссовки, которые лет триста назад должны быть выброшенны-

ми. Кучерявые светлые волосы на голове были аккуратно расчесаны. Чуть курносый нос подрагивал, молодая щетина пробивалась на щеках, что можно было подумать, что парень только вчера утром побрился, развитые мускулы и красивая мужская фигура довершали портрет. Грудная клетка его едва заметно вздымалась. Он был жив и спал. Окруженный сиреневым сиянием, он был надежно защищен от вакуума космоса и его жесткого космического облучения. Скафандра не было ни на нем, ни на его спутниках, которые кардинально отличались от первого. Это были высокие гуманоиды с синей кожей. Такой кожи не было ни на одном из исследованных миров конфедерации. Высокие лбы, широкие красивые грустные глаза, очерченные едва заметными серыми бровями. Маленький нос, едва заметный щелочка— рот, и кожистые крылья за спиной, сложенные на манер лебединых.

Вот вы какие, Инвизы. Подумал Отец. Он их сразу узнал. Он их видел. Да-да, видел. Он даже был одним из них в своих грезах, когда в последний раз перемещался во времени из Рузаевки двадцать первого века не без помощи беспощадного Петровича— Палыча. Это у этих несчастных жены в миг своего безумства выпивают мозг жертвы, стоит им поймать кого-нибудь. Это Инвизы прячутся в поясе астероидов, чтобы женская воля не постигла их. Это они скрываются по подвалам и сухим выгребным ямам, лишь бы не достаться бес-тиям на ужин и не превратиться в скором времени в сумочку или кошелек. Это их женская юдоль выгнала с родной плане-

ты, чтобы быть подальше от разрухи и несчастий. Отец знал, что Инвизов опасаться не нужно. Быть может, Инвизы— самая несчастная раса в нашем и в параллельном мирах. Инвизы и мы— братья на век. Рот фронт. Ура.

Инвизы, как и Дэн, были окружены сиреневым сиянием защитного поля. Технологии этих несчастных гуманоидов значительно превосходила таковую в мирах Конфедерации. Создание динамичного защитного поля для нашего континуума— только смелая мечта. Защитные поля, установленные на космических и летательных аппаратах Конфедерации имели статичную форму, и чаще принимали сферический или на худой конец овоидный характер. Но чтобы поле изменялось в унисон движениям, скажем, руки, это было фантастикой. Скафандров на Инвизах также не было. Лишь легкие синие одежды прикрывали тело, да небольшой пушок волос на затылках— это все, что они принесли с собой в наш мир.

—Декс,— Отец сел на свое место возле рептилии.— Это точно мой брат. Дай увеличение.

Декс что-то проворчал, но включил изображение человека, несомого неведомой силой по тоннелю, соединяющему два мира.

На экране появилось до боли знакомое лицо брата. Это он. Это тот самый родной человек, с которым у мамы под сердцем они пихали друг друга своими маленькими пяточками и толкались локтями. Это тот самый человек, который пришел вместе с Отцом в этот мир в один час. Этот человек

в день знаний, взявшись за руки с братом, шел впервые в школу. Это тот самый человек, с которым его гонял по своему саду дед. Это с ним Отец бродил по палисаднику с рогатками, чтобы разбить стекла ворчливой и надоедливой соседке— Волчихе. Это с ним он на велосипеде уезжал к коровьему озеру, что за водонапорной башней, на самом пригорке. Это вместе с этим человеком Отец уезжал в поля, чтобы, закинув голову, смотреть на звезды с душистых стогов свежей соломы. С этим человеком Отца однажды окатил из ведра водой сторож, когда братья ночью носились по садам на мотоцикле. Это тот самый родной человек, который понимает его, Отца, и без слов. Это тот самый человек, которому ничего не нужно говорить, чтобы он понял. Это его будет всегда не хватать, стоит ему куда-нибудь отлучиться. Это— Дэн. Это— его брат.

—Оперативники, вы готовы?— Спросил координатор в эфир.

—Готовы.— Ответили серьезные парни, ждущие своего часа в машинах быстрого реагирования, висящие невдалеке в космосе.— Что нам делать?

—Пока ничего. Будет команда— тогда возьметесь за дело. Пока просто ждите. Ксенологи?— Спросил координатор.

—Готовы.— Сказал Декс, чуть привстав со своего кресла.

—Приступайте.— Скомандовал координатор.

—Уже приступили. Мы постоянно шлем им сообщения в радиодиапазоне, на котором мы с ними работали.

–Есть ответы?– Спросил координатор.

–Это не ко мне вопрос. Операторы базы знают.– Сказал Декс и принял безучастный вид.

–Инвизы скоро выйдут в наше пространство.– Сказал кто-то.

–Оперативная группа.– Позвал горячих парней координатор.– Полегонечку двигайтесь к точке прохода. Только с тоннелем аккуратнее. Не зацепите его. Не то отправитесь к Инвизам навеки. Шучу. Игра слов. Просто будьте аккуратнее.

–Слушаюсь, шеф.– Ответил голос в эфире.– Поехали, парни.

От космической исследовательской станции отделились три машины и поплыли к светящемуся голубым светом тоннелю, ведущему в параллельный мир.

–Они хотят, чтобы мы забрали этого человека, которого они везут с собой.– Воскликнул оператор глобальной базы данных, сняв свой шлем.

–Что они хотят?– Переспросил координатор.

–Чтобы мы его забрали.

Координатор дал задание максимально точно снять все параметры ведомого тела, окруженного сиреновой пеленой защитного поля, чтобы исключить вероятность заражения неизвестными микроорганизмами из другого мира, к которым ни у кого из членов Конфедерации не было иммунитета, избежать отравления неизвестными ядами, опасными излучениями и т.д.

Несколько часов спустя, Отец прохаживался по больничному крылу космической базы, заложив руки за спину, куда поместили брата. Дэн находился без сознания в боксе, где его обследовали лучшие умы и аппараты. Рядом со странником прогуливался Пospelов, надев на лицо непроницаемую маску безразличия и умиротворенности.

–Перестань ты нервничать,– говорил федерал.– Ничего с ним плохого нет.

–А что он в сознание не приходит? Может с ним что-то не так?– Ворчал Отец.

–Тебе же уже сказали, что с мозгом у него все в порядке. Его Инвизы погрузили в сомноленцию специально, чтобы не травмировать психику.– Отвечал Пospelов.

–А что он до сих пор не пришел в сознание?

–А сейчас его наши врачи подгружают. Ему не зачем знать, что с ним было и где он находится. Тебе это уже все объяснили.– Пospelов с размаху уселся в кресло, которые стояли вдоль стены.

Больничное крыло всегда было и всегда будет навевать скуку и озабоченность посетителей. Скупые белые стены из пластика, пришедшего на смену известке и желтым масляным краскам с глупыми фресками добрых сестер, делающих уколы пациентам. Освещение было мягким, чтобы не возбуждать и без того буйных посетителей. Откуда-то лилась мягкая органная музыка, как на похоронах. На мониторах компьютеров мелькала реклама клиник, сулящая геркуле-

совское здоровье каждому, кто к ним обратится. Отец поглядывал на красочные картинки операционных и реанимационных блоков и фыркал.

– Это вообще лишнее. – Сказал Отец.

– Ты сам подумай, – всплеснул руками Поспелов. – Ты – это уже один здоровый временной парадокс. Тебя вообще здесь быть не должно. А еще и твой брат.

– Вовик, если у тебя с памятью все нормально, вспомни: это не я сюда напросился. Меня вообще-то без моего согласия сюда забрали. Я даже сделал попытку вернуться к себе, чтобы забыть обо всем этом. Так нет же, меня снова сюда вернули. Брата моего тоже не спросили, когда сюда забирали. Так что нечего с больной головы на здоровую перекладывать. – Кипятился Отец.

– Да ты успокойся. Тебя никто не обвиняет. Просто временные парадоксы никому не нужны. Ты не должен забрать в свое время наши знания. Твой брат тоже не исключение. Вам, кстати, сотрут память, когда будут отправлять назад. – Сказал Поспелов. – И сядь уже, в глазах рябит.

Отец остановился. Сотрут память. Что ж, это даже к лучшему. Не придется дома вздыхать по Рыжей. Если ее никогда больше в его жизни не будет, так пусть будет так, чтобы он ничего не помнил о ней. Жалко только сына. Маленький мальчик так никогда и не испытает тепла отцовской любви.

– Память сотрут? Дэну тоже? – Спросил Отец.

– А ему и стирать нечего. Когда его Инвизы к себе забрали,

они его сразу в сомноленицию погрузили, так что он о них и сейчас ничего не помнит. Нейроанализ это уже показал. Он в своих воспоминаниях еще едет в машине к тебе в гости. Он и про наше время ничего не знает. Он в сознание не приходил и уже не придет.

–Как так, не придет?– Удивился Отец.

–Приказ пришел. Только твоего брата обследуют, вытянут из него все, что можно вытянуть, и вас обоих отправят назад. Ты не волнуйся. Это произойдет скоро. Сядь уже.– Крикнул Поспелов на шатающегося, словно маятник, Отца.

Отец сел.

–А Декс где?– спросил звездный странник.

–У него сейчас много работы. Он с Инвизами занимается. Сказал, что возможно подойдет с тобой попрощаться, если выкроит пару минут.

Из выхода, оборудованного в зале ожидания, вышел человек в белом комбинезоне. На носу, в дань традициям древних врачей, человек носил пенсне, которое, по всей видимости, было даже без диоптрий. Он не спеша направился к Отцу. Странник выпрямил руки и сделал движение в сторону доктора.

–Доктор, как мой брат?– Спросил Отец, очень волнуясь.

–С ним все в полном порядке. Никаких отклонений от нормы не выявлено. Спит.– Сказал врач.

–Его повидать можно?

–Он сейчас в боксе. Его нельзя тревожить.– Закачал го-

ловой человек в белом халате.

–Вы же говорили, что он спит.– Попытался возразить Отец.

–Спит. И еще поспит некоторое время. Поступило распоряжение подготовить его к транспортировке.

–Мне хоть одним глазком взглянуть на него. Док, это же мой родной брат. Я с ним не виделся больше года.– Взмолился Отец.

–Ладно. Только ты мне пообещай, что не нарушишь его покой. Обещаешь?– Спросил врач.

–Зуб на рельсы. Док, вы не пожалеете. Обещаю.– Горячо воскликнул Отец.

–Хорошо. Следуй за мной.– Кивнул доктор и отправился назад к выходу.

Черная пасть выхода поглотила и человека, которого Отец называл доком, и Отца, взволнованного до самого предела.

В больничном отсеке за бронированным стеклом лежала копия Отца. Они были похожи, как две спички. Тот же высокий лоб, такой же нос. Такие же волосы. Дэн лежал в одних плавках в боксе, покрытом тяжелым прозрачным стеклом. Над боксом скользил луч сканера, допытываясь до всех составляющих Дэна.

–Последнее сканирование.– Пояснил доктор.

К голове брата были приклеены датчики, снимающие энцефалограмму. На пальце висел пульс-оксиметр, ориентируясь на который можно судить об активности сердечной

деятельности и оксигенации крови. На множестве мониторов были представлены отдельные органы и системы, которые в трехмерном пространстве крутились, давая полное пространственное представление о них. На других мониторах ползли цифры, характеризующие биохимический состав макроорганизма. Показатели общего белка и фракций, уровень холестерина, креатенина, остаточного азота, все было в пределах нормы, о чем свидетельствовала зеленая индикация характеристик.

– Вот он, – доктор указал на брата. – Видишь, с ним все в порядке. Зря волнуешься.

– Док, он ничего не помнит? – Спросил Отец, хотя на этот вопрос он знал ответ заранее.

– Ничего. Я не знаю, как он попал в эту переделку с Инвизами, как он мог очутиться в параллельном пространстве, одно могу сказать: его последние воспоминания, как он ехал за рулем древнего наземного механизма. Из леса выбежал какой-то бомж и сильно рассердил его. Он его объехал и... вот на этом его воспоминания заканчиваются. Мы уже много раз проверили это.

– А зачем вам его воспоминания? – Спросил Отец.

– Как так, зачем? Может, он что-нибудь помнил о параллельном мире? Он ведь – первый человек, который там побывал.

– Вы расстроены, я вижу по вам. – Сказал Отец.

– Честно говоря, да. – Согласился доктор. – Мне самому

любопытно, как там, по ту сторону.

–Приказ о транспортировке когда к вам поступил?– Спросил Отец.

–Около часа назад. Когда стало известно, что этот малый не заражен и не опасен.

–Насчет меня распоряжений не было?– Спросил Отец. Доктор улыбнулся.

–Если вас что-то беспокоит, будем рады вам помочь.– Сказал со слащавой улыбкой на устах док.

–Нет, увольте. Я в полном порядке. Я просто беспокоюсь за брата. Вы не знаете, куда его повезут?

–Нам это знать не по штату. Мы делаем свою работу. Есть те, которые отдают приказы. Нам сказано подготовить человека к транспортировке, мы под козырек. Еще вопросы есть?– Доктор сделал движение в сторону выхода.

Ясно, подумал Отец. Он меня выпроваживает.

–Нет. Спасибо, док. – Отец покачал головой.

–Ну, тогда в добрый путь.– Доктор указал Отцу на выход. В зале ожидания сидел Пospelов, вокруг него суетился Декс.

–Здорово, брат по разуму.– Кивнул Отец Дексу.

–Видел брата?– Спросил ящер.

Отец невесело кивнул.

–Видел. Как живой лежит.– Сказал Отец.

–Ох и шуточки у тебя, Отец. Никак к ним привыкнуть не могу. Что у тебя за язык ядовитый такой?– Заскрипел Декс.

–Какой уж есть. Таким и щи хлебаю.

–Он тут мне уже все кишки на кулак намотал.– Сказал Поспелов.– Все мечется, как мент по вокзалу.

–Ладно. Скоро уже домой полетишь. Ты доволен?– Спросил Декс.

–Доволен. Брата не забудете вернуть?

–Если он такой же взбалмошный, как и ты, ему здесь делать тоже нечего. От тебя то было полно хлопот. А от вас двоих галактика вспять закрутится. Нет. Его тоже отправят. Вы же– два темпоральных парадокса. Вам место в двадцать первом веке.

–Как дела с Инвизами продвигаются?– Спросил Отец.

–Интересно. В двух словах– они почти такие же как и мы. Логично рассуждают, у них такие же нормы этики и морали, что и у нас.– Начал Декс.

–А они надолго сюда?

–Для начала мы с ними договорились на пару деньков. Затем откроем дверь и выпустим их.

–А из наших никого туда не отправите?– Спросил Отец.

–Сейчас ведутся разработки такого плана. Есть одна мысль снарядить туда небольшую экспедицию. Только нужно заручиться поддержкой руководства. Сам знаешь, с ними всегда была великая напряженность.– Махнул лапой Декс.

–Что новенького говорят?– Поинтересовался Отец.

–Мы только и начали с ними беседу. Я вот выбрался с тобой попрощаться. Мы, наверное, с тобой больше не увидим-

ся. Так что бывай, Отец.

–Ладно, бродяга, ветер северный. Рад был с тобой дружбу водить. Ты был со мной приветлив. Жаль только, что я о тебе даже вспоминать не буду. А я хотел бы.– Сказал Отец и протянул своему приятелю руку.

Декс по-кенгуриному встал на хвост, пожал руку своей когтистой лапой и сказал:

–Да, кстати. Чуть было не забыл.

–Что еще?– Спросил Отец, не отпуская лапу Декса.

–Знаешь, почему Инвизы стащили твоего брата?– Спросил, лукаво жмурясь, ящер с Веги.

–Говори, коли знаешь. Не томи душу.

–Когда ты возвращался с Цватпы на Землю в свое время, ты пролетел в параллельном конвертерном пространстве. Ты это знаешь?– Выражение глаз у ящера было такое, как будто он ждал бурю эмоций и восклицаний.

–Знаю.– Кивнул Отец.

Настало время удивляться Дексаметазону.

–Кто сказал тебе?– Спросил он, удивленно отправляя стельки своих глаз за спину.

–Сам вычислил. Меня тогда еще от глобальной базы не отлучили. Мы тогда на Землю возвращались, когда мой шлюп из прошлого забрали. Помнишь?

–Как не помнить.– Сказал Декс.

–Ага! Ты меня еще заставил всю дорогу вести твой пустой шлюп.– Проворчал Пospelов.

–Да.– Кивнул Отец.– Вот тогда то я и вычислил, что был в параллельном конверте. Так и что с того?

–Отец, ты полон сюрпризов.– Довольно проскрипел Дексаметазон.– Я от тебя такого не ожидал.

–Ой, батюшки мои.– Фигурно вскинул вверх руки Отец.– Не ожидал! Декс, ты не забыл? Я практически в одиночку модифицировал установку цватпахов, там же разработал пространственную модель параллельного мира. Я, правда, тогда считал, что это реальное параллельное пространство. И ты думаешь, что я не смог бы додуматься в итоге, что побывал в параллельном конверте?

–Ну, что я могу сказать...– Начал Декс.

–Тогда лучше помолчи, если сказать больше нечего.– Бросил Отец.

–Да нет, Отец. Есть что сказать.– Лукаво произнес Декс.

–Ну?– Вопросал звездный странник.

–Вот тебе и ну. Тогда, именно в тот момент, тебя засекли Инвизы и даже смогли отсканировать твой код ДНК. Затем они проследили твою траекторию. А дальше дело техники. Они смогли в конечной точке твоего променада по параллельному конверту засесть планету. То есть Землю. Затем они решили, что это– послание параллельного для них мир и призыв к действию. Они дальше попытались тебя отследить в лесу, но им это не удалось. А тут, как на грех, едет твой брат. У него точно такой же набор генов, что и у тебя. Вот они его и переместили к себе, чтобы изучать. Они думали,

что это едешь ты. Им было неизвестно, что то был всего лишь твой брат. Вот так то.— Закончил Дексаметазон.

—А зачем они его забрали? Зачем им потребовался мой брат?

—А ты как бы поступил на их месте? Я думаю точно так же.— Ответил на свой вопрос Дексаметазон.

—Как же они смогли мою ДНК отсканировать?— Удивился Отец.

—У них совершеннее технологии, чем наши. Это ясно. Над этим мы тоже будем работать.

—А почему тогда они его не вернули назад сами?

—Это очевидно. Временные потоки у нас и параллельного мира не сопрягаются. Они не смогли точно высчитать время, в которое его нужно было вернуть, поэтому, когда они изу-чили твоего брата, пришли к вполне логичному заключению. Они вернут твоего брата нам, а мы уже сами разберемся, что с ним сделать. Кстати, если тебя это утешит, они принесли свои глубочайшие извинения за все неудобства.— Заскрипел Декс.

Отец стоял, широко раскрыв рот. Получается, что это сам Отец спровоцировал похищение брата? Если бы он не полетел с Цватпы на созданной им установке, а дождался федералов на орбите планеты пингвинов— телепатов, тогда Инвизы не засекали бы его полет и брат никогда не был бы похищен? А если брат никогда не был бы похищен, тогда Инвизы не посылали бы через точку прохода код его ДНК и Отца бы

никогда не забрали в будущее? Опять темпоральный парадокс и опять виной всему— Отец. Но ведь сначала Отца забрали в будущее, и лишь потом он воспользовался установкой цватпахов.

Опять и снова временной парадокс. В этом мире все взаимосвязано. То, что произошло в прошлом, напрямую зависит от того, что суждено состояться в будущем. Причинно-следственные связи уже не имеют линейный характер развития событий. Теперь будущее тесно переплетается с прошлым. И будущее лишь косвенным образом зависит от прошлого. С этим нужно считаться, когда в игру вступает время. Оно не прощает ошибок и случайностей. Последовательность событий уже выходит за рамки обычного пространства и привычного течения времени. Даже пространство, к которому мы привыкли, не имеет теперь четких границ и очертаний. Теперь у всего разумного населения вселенной появился брат— параллельный мир. Без брата жить тяжело, когда не с кем поделиться своими волнениями и переживаниями. Отец знал об этом. Теперь и у нашего континуума объявился брат, который всегда был с нами рядом. Теперь мы всегда с ним будем вместе.

Отцу было очень неприятно сознавать, что он стал причиной всех событий, которые заставили его покинуть привычный мир и пуститься в путешествие во времени. Пусть он стал лишь пешкой в великой игре времени, которому надоело ползти по своему изначальному пути секунда за секундой.

Остается открытым вопрос, кто решил, чтобы Отец пустился во все тяжкие? Кто написал в книге судеб, что пареньку— студенту из тихого двадцать первого века выпадет на долю путешествие во времени, в галактике, имя которой «Млечный Путь», в параллельном, пусть и конвертерном пространстве? Кто сделал так, чтобы он создал великий темпоральный парадокс и его же разрешил? Почему случилось так, что Отец отправился в будущее, где он же сам и спровоцировал последовательность событий, в результате которых его забрали? Где она та самая отправная точка, не будь которой, ничего бы не случилось? Наверное, это навсегда останется неразрешимым парадоксом времени, который войдет в учебники по темпоральной механике и природе причинно-следственных связей.

Что ж. Случилось то, что должно было произойти. Отец должен был оказать в будущем, чтобы отправиться к цватпахам, создать принципиально новую установку и вернуться на ней в свой мир. Он должен был сделать эту установку, чтобы вернуть брата, которого похитили Инвизы из параллельного мира, потому что Отец воспользовался установкой. Дэну было суждено оказаться в реальном параллельном пространстве, чтобы его брат, Отец, создал установку и вернул его в свой мир. Рыжей была уготована судьба встретить неутомимого звездного странника, который должен был оставить после себя маленького мальчика, который, возможно, будет таким же максималистом, как и его отец, который родился и

умер много веков назад. Дексу была уготована судьба встретиться с человеком, который создал великий в истории прецедент познания параллельного мира. Дексу написано на роду изучать великий и необъятный параллельный мир, в котором непостижимых и таинственных загадок не меньше чем в нашем пространственно–временном континууме, а, быть может, и больше. Мормону была уготована судьба встретиться и стать другом путешественнику по пространству и времени, чтобы очутиться с ним на Луне, прогуливаясь по сказочному Армстронгу под его прозрачным и прочным куполом. Ему выпала доля спускаться с заснеженных аммиачных вершин с выходцем из прошлого, которому не место в этом мире.

Один человек, судьба которого осталась не написанной, оказался живым напоминанием о Темпоральном парадоксе. Этого человека не спросили, чего он хочет и о чем будет мечтать. Этот человек– маленький мальчик, который сейчас у мамы под сердцем, поджав ножки и скрестив на маленькой груди ручки, дожидается своего часа, чтобы оживить эту вселенную. Быть может он станет продолжателем дела его родителя, который оказался здесь благодаря непостижимо-му капризу времени. Быть может, он станет исследовать параллельный мир, где кроме Инвизов живут еще тысячи рас, которые только начали постигать космос, или уже опередили в своем развитии синих людей с кожистыми крыльями за спиной. Быть может, ему предстоит открывать новые миры в

этом неизведанном пространстве, чтобы найти там планету, выгнать с нее всех драконов, чтобы там смогли поселиться его жена, его сын и рыжий пес.

Кто скажет, существует на этом свете только одно параллельное пространство, или их множество? Быть может, существует еще один мир, где живут уже другие Инвизы, или этим двум мирам суждено быть навеки парой? Маленький мальчик, ты скоро появишься в этом мире, это тебе предстоит найти ответы на эти вопросы. Ты будешь исследовать миры и ты будешь вершить судьбы вселенных. Ты будешь дарить этому миру наследников, которое продолжат твой путь, когда настанет и твое время уйти на покой. Удачи тебе, маленький мальчик. Этот мир ждет твоих успехов. Дерзай, твори и открывай. Успехов тебе во всем.

—Отец, Отец,— Декс дергал за рукав странника.— Ты заснул что ли? Тебе пора. Давай прощаться.

Декс протянул Отцу свою лапу.

—Давай.— Ответил Отец.— В который раз мы с тобой прощаемся?

—Теперь это уже не имеет особого значения. Теперь это в последний раз. Мне будет тебя не хватать.

—Мне тоже. Декс, ты был мне хорошим другом.

—Если ты не против, я у себя в конверте сохраню твою копию.— Попросил Дексаметазон.

—Я? Нисколько. Мне будет приятно, что частичка меня будет нарушать твой покой на Адло.— Попытался улыбнуться

Отец.

–Когда мне будет не хватать катаклизмов, темпоральных парадоксов, или просто, когда я захочу с кем-нибудь поругаться и позлословить, я буду включать тебя!– Заскрипел Декс.

–Или выпить Джеф.– Добавил Отец.

–Или выпить Джеф.– Согласился Декс.

Отец протянул руку Поспелову.

–Ты не торопись, Отец. Я еще тебя повезу назад.– Сказал федерал.

–Ты повезешь?– Удивился Отец.

–А кто же? Я– единственный федеральный агент, с которым у тебя не возникло никаких проблем. Руководство решило, что я тебя должен проводить, чтобы ты не устроил еще какой-нибудь кризис.– Улыбнулся Поспелов.

–Ну, я буду только рад.– Согласился Отец.– Жаль только, что я не смогу попрощаться с Мормоном и Сусей.

–Я за тебя с ними попрощаюсь.– Сказал Декс.– Я с ними тоже больше не увижусь.

–Трибуну тоже привет передай. Если он жив.– Попросил Отец.

–Ты его убил?– Спросил Поспелов.

–Не совсем так. Он просто любит время от времени умирать. Это его хобби.– Пожал плечами Отец.

–Разберемся. Если он жив, он получит твой привет.– Сказал Поспелов усмехнувшись.

—Отец, я не хочу беречь тебе раны,— сказал Дексаметазон.— Больше ты никому не хочешь ничего передать?

—Басмачу? Нет! Увольте меня.— Криво улыбнулся Отец.— У меня в общезнании есть еще один такой. Я так полагаю, что скоро я его снова увижу.

—Я не его имею в виду.

—Да.— Кивнул головой Отец.— Передай, что я ее по-прежнему люблю. Что я ее любил всегда, даже когда не знал ее. Что я ее люблю больше всех на свете. Что я ее буду любить даже тогда, когда ее сотрут из мой жизни навсегда.

—Много слов.— Сказал Декс.

—Ты сам напросился.— Съязвил Отец.

—Я постараюсь запомнить. Только не обещаю, что твою речь она услышит дословно.

—Да, еще... передай моему сыну, когда он подрастет. Что я его тоже бесконечно люблю, хоть и ни разу его не видел и похоже, что никогда больше не увижу. Передай, что он и его мать— два самых дорогих человека в моей жизни. Что я их буду любить, даже когда умру.

На глаза навернулись слезы. Стало трудно говорить, поэтому Отец отвернулся к стене, делая вид, что у него возникло срочное дело рассмотреть все трещинки пластиковой стены. Он украдкой смахнул две капли влаги, которые предательски появились на ресницах. Он не должен показывать свои слабости. Он здесь в последний раз, и не хочется, чтобы его запомнили размазней.

–Отец.– Позвал странника федерал.– Пора.

–Брата еще не вывозили.– Отмахнулся рукой Отец.

–Его выходом уже вывезли. Он на корабле.– Возразил Пospelов.– Пошли.

Отец обернулся, стараясь дышать ровно, чтобы его друзья не видели его расстройство. Он очень надеялся, что Веганская рептилия и Пospelов не обратят внимание на мокрые ресницы. Пospelов рукой показал на выход.

Странник бросил последний взгляд на Дексаметазона, который сидел на своем хвосте, бросил взгляд на казенные стены и пол белого пластика. Он их видел в последний раз, махнул рукой и скрылся в черной пелене выхода.

На корабле, который должен был отвести Отца к тому месту, где когда-то была Земля много веков назад, Отец увидел брата, который по-прежнему находился в своем боксе, окруженном бронированным толстым прозрачным стеклом. Усыпальница брата висела в воздухе на антигравитационной платформе. Вокруг него суеилось несколько врачей, следя за показателями мониторов. Брат спал. Ничего, спящая красавица, скоро и ты проснешься, думал Отец. Скоро все мы проснемся.

Пospelов отвел странника к мужику, облаченному, как и все врачи, в белый комбинезон.

–Вот этот.– Федерал грубо ткнул Отца в живот.

–Вовик, поаккуратнее. Ты во мне дырку сделаешь.– Возмутился Отец такому бесцеремонному обращению.

—А! Значит это и есть тот самый неугомонный Отец?—
Спросил мужик.

—Было бы у меня время, я бы тебя воочию заставил убедиться, что я— не подделка.— Сверкнул очами Отец.

—Ух, какой серьезный.— Засмеялся мужик.

—Что тебе от меня нужно?

—Если вашему величеству не придет в голову другая мысль, я поставлен здесь, чтобы стереть твою память.— Сказал мужик с иронией в голосе.

—Валяй.— Согласился Отец.— Куда мне сесть, чтобы ты отрезал мне голову?

—Что? Даже не будет революций? Просто давай?— Усмехнулся мужик.

—У меня дикция плохая, или здесь ветер? А, быть может, у тебя пробки в ушах или шум в голове? Сказано: давай. Это не может значить ничего другого, кроме как давай.

—Это точно тот самый Отец.— Кивнул головой мужик.

—Чего ты ждешь?— Рывкнул Отец.

Мужик, облаченный в белый комбинезон, с эмблемой медицинской службы, пришитой к правому плечу, пожал плечами.

—Следуй за мной.— Сказал он и последовал в медицинский отсек за стеклянными дверями.

Он провел Отца к креслу, стоящему в центре комнаты, пристегнул жесткими ремнями руки к подлокотникам, зафиксировал ноги и принялся устанавливать датчики на го-

лову. Отец не мог вспомнить, чтобы на корабле он видел этот медицинский отсек. Скорее всего, этот корабль был другой, не тот, на котором его забирали в первый раз, не тот, на котором он ездил за шлюпом.

За стеклом стоял Пospelов, скрестив на груди руки и, подражая римским императорам, подняв высоко голову. Отец кивнул своему другу, мол, все нормально, прощай, дорогой друг. Увидимся ли вновь? Пospelов в ответ тоже кивнул.

—Отец, у тебя будет последнее желание?— Спросил мужик, надевая поверх датчиков на голову шлем, вроде тех, которыми пользовались оперативники глобальной базы данных.

—Это что, казнь?— спросил Отец.

—Почти. Быть может, даже хуже. Человек это то, что он помнит. Сейчас я у тебя сотру твою память. Так что это— маленькая казнь.— Усмехнулся мужик.

—Тогда спляши «Лезгинку».— Попросил Отец.

—Не умею.

—Тогда спой гимн лесбиянок.— Попросил Отец.

—У меня нет голоса.

—Тогда дай мне выпить водки для храбрости.

—Не имею полномочий.

—Слушай, мужик, если ты ничего не умеешь и ничего не можешь, тогда просто сотри мне память и отправь меня домой. Хорошо?

—Значит, не будет последних желаний?— Спросил мужик, завершая установку шлема и синхронизируя его с компью-

тером.

–Будут.– Сказал спокойно Отец.

–Ну, говори скорее. У тебя мало времени.

–Спляши «Лезгинку».– Попросил Отец.

–Не умею.– Покачал головой мужик в белом комбинезоне.

–Тогда пошел ты...

–Ну, что ж, Отец. Прощай...

Глава 10.

Горло сдавил слепой ужас, было тяжело дышать, на глаза наворачивались слезы. Отец пригляделся: действительно, тела и следов крови не было. Тогда он прошел по следам колес, которые еще были видны на земле, как слепые свидетели накануне развернувшейся драмы. Следы вывели на дорогу. Полос торможения не было, небольшой поворот до мостка говорил о том, что машина была управляема до последнего момента. Тогда где же тело? Но может, он все-таки успел выпрыгнуть в момент аварии? Отец окинул взглядом несчастную сосну и свернул в бор. Попытка– не пытка. Пришла мысль поискать брата между сосен. Воображение рисовало ужасные картины, как брат с поломанными ногами лежит под сосной, истекая кровью. Отец шел быстро, он хотел оторваться от Лелика, в эти минуты ему не хотелось никого видеть, и тем более выслушивать соболезнования или глу-

ные утешительные речи. Под ногами скрипела опавшая желтая хвоя, сзади стихли звуки шагов.

Лелик, оставшись один, еще немного покружил между деревьев и вернулся к машине.

Прошел час, другой. Лелик жал на клаксон, сколько позволяли барабанные перепонки, бродил по бору и все больше распалялся на предмет Отца. Ему стало ясно, откуда берутся такие люди. Лелик помянул недобрым словом его предков и соседей. Почему-то даже кот Отца вызывал у Лелика жуткое негодование.

Лес темнел, не было слышно уже ничего кроме шелеста хвои под ногами, давно уже стихли гудки и шорох шин мчавшихся по трассе автомобилей. Отец искал брата, прислушиваясь к дыханию осеннего леса, в надежде услышать стоны покаленного родственника. Иногда казалось, что кто-то зовет его на помощь, тогда Отец без оглядки бежал в сторону, откуда доносились стоны. Брата не было, лишь осенний бродяга ветер нехотя играл в вершинах угрюмых сосен.

Отец забрел в какое-то болотце, выбрался из него и вдруг понял, что зашел уже слишком далеко. Даже если брат и выпрыгнул из машины, так далеко заползти он не мог. Нужно было возвращаться, Отец огляделся, одни высокие черные сосны, выстроившиеся в ряд, как на присяге. Стало немного жутко, не хватало только заблудиться. Отец повернул назад, перешел ручеек вброд. Кажется, ручей я не переходил, подумал Отец. Поплутав еще немного, он вышел на неболь-

шой пригорок, огляделся: окрест одни только черные стволы сосен. Взобрался на дерево в надежде увидеть дорогу. Вдалеке лишь несмело блеснуло стекло, может хижины, может автомобиля. Выбора не было, идти необходимо было именно туда.

Пробираясь через строй местной фауны, Отец заметил какого-то мужика, тот петлял, словно запутывая следы, оборачивался, опасаясь погони. Увидев Отца, он бросился бежать, и, некоторое время спустя, скрылся совсем из виду. Это же Дэн, подумал Отец.

—Дэн, сучий хвост, стой, гад.— Отец бросился догонять мужика.

Этот тип действительно был похож на Дэна. Только сутулая спина да несколько усталый взгляд были против этого сходства.

Побегав еще по лесу, поматерившись, Отец решил, что если это— Дэн, то он все-таки рано или поздно выберется к дороге и доедет до общежития.

Ну и попутного ветра в горбатую спину, подумал Отец.

Солнце было уже в зените. Красный глаз несмело моргал из-за пелены серых облаков. Взяв предполагаемое направление, Отец направил стопы свои к неясному блику, что видел с дерева. Опять его окружили, насмехаясь над его нахальством, сосны. Казалось он стоит на месте, всюду одни и те же прямые ряды послушных черных стволов. Немного погодя Отец вышел на небольшую полянку, испачканный смолой и

мелкими веточками, которые облепили его когда он пробирался сквозь чашу. Нужно это дело перекурить, подумал он.

Из леса выглянул тот самый мужик, он действительно был похож на Дэна. Он был одет не по-осеннему, в этот угрюмый полдень на нем тряпкой висела грубая рубашка из какого-то бесцветного материала, широкие шорты. Незнакомец был бос. Не жарко ему, в душе посочувствовал Отец. Мужик зябко ежился, потирал бока руками и тихонько под нос матерился. Босые ноги, опутанные мокрой лесной травой, были изодраны до крови и были синими, словно у несчастной курицы на прилавке. Ноги— это последнее что увидел Отец.

Ветер. Откуда этот ветер? Он дует со всех сторон. Разве такое возможно? Он должен нести свои бесцветные потоки лишь с одной стороны. Как ему удастся делать это? Ветер дует, и нет никаких звуков. Нет ни шелеста листвы, ни шороха гнущейся травы и ковыля. Почему трава не шумит, почему не шумит листва? Куда подевалось солнце? Есть свет, есть серые тучи, переминающиеся с ноги на ногу на небосводе, а солнца нет. Почему туман? Когда дует ветер, тумана быть не должно. Дальше нескольких метров увидеть ничего нельзя. Только серые клубы водяного пара перемещаются с места на место. Ветер, туман и тучи. Нет солнца, нет звуков, нет холода. Куда все девалось? Куда ни глянь— везде серая пелена тумана. Ветер забирается по кожу, вырывает волосы с затылка, просачивался меж отворотов куртки. Холодно не было.

Где-то невдалеке в серой мути промелькнули две пары

фар. Звук удаляющегося мотора потонул в пелене тумана, будто он устал звучать в этой хмари. Здесь недалеко есть дорога. Как по ней ездят машины, если ничего не видно? Как случается такое, что кто-то может видеть в этом непроглядном мареве? Куда-то подевались все деревья. Минуту назад они здесь были, а сейчас нет. Только что здесь стоял бор, выстроенный в ряд, да несколько осин, которые нежными листиками трепетали на осеннем ветру. Сколько времени минуло? Как только здесь машины не разбиваются о деревья? Их ведь совсем не видно. Нет. Разбиваются. Брат разбился. **БРАТ РАЗБИЛСЯ!!!** Он тоже ничего не видел в этом тумане и наскочил на сосну, которая как на грех стояла возле дороги. Дорога рядом, значит, здесь и та самая сосна, где закончился стремительный бег старой машины. Нужно найти сосну. Быть может там все еще лежит брат?

Куда подевался Мойша? Он нашел спички? Зачем коту спички? Кошки боятся огня. Он сказал, что ему холодно и нужно развести костер. Быть может, следует последовать совету кота? Огонь разгонит серую дымку тумана и станет видно сосну, а вместе с ней и брата. Кот— очень мудрое животное, он не станет просто так пускаться в опасное путешествие по холодному серому неприветливому лесу. Только что была видно его серая куртка. Она мелькала меж сосен, когда кот уходил в лес. Кот вернется. Найдет спички и вернется, у него потрясающий нюх, он сам как-то бахвалился им. Дождаться ли кота, или продолжить поиски брата? Без

костра туман не уйдет, это ясно, как день. А где уверенность, что кот вернется сегодня? Быть может, он отправился в Новый Уренгой или Златоуст? Значит, его не будет несколько дней.

Нужно искать брата. Кот сам добежит до дома. Куда идти? Серая пелена тумана всюду. Справа— серость, слева— хмарь. Сзади тихое колыхание осенних испарений. Не видно даже солнца. Ветер. Когда же, наконец, он перестанет выворачивать все наизнанку? Хоть и не холодно, однако, веселого мало.

Что это за гудок? Так гудят машины, которые разбились. Звук, раздававшийся в тумане, был глухим, будто пролагал себе дорогу сквозь вату. Тиканье. Тук-тук-тук. Что это за звук? Это не часы. Тук-тук-тук. Это что-то очень знакомое, но что это, сказать нельзя. Тук-тук-тук, раздавалось в голове. Казалось, что маленькие медные молоточки колотят по серому веществу мозга с завидной регулярностью. Других звуков не было. Гудок ослабел и вскоре совсем стих. Осталось лишь это тук-тук-тук. Да что же это, в конце то концов? Почему так больно в голове от этого тихого, как набат, стука. Это дворники. Они молотят по разбитому стеклу своими резиновыми щеточками. Небольшие прутики металла с резиновыми полосками стучат так призывно и вызывающе. Кто включил дворники? От тумана они не спасут. Может они сами включились в момент аварии? Или их включил Дэн. Значит, он где-то рядом. Странно в голове звучит это тук-тук-

тук. Почему в голове звучит так гулко, словно в пересохшем колодце? Это тук-тук-тук было до боли знакомо, будто оно преследовало его всюду. Он не мог понять, откуда он знает это жуткое тук-тук-тук. От него раскалывается голова.

Почему болит голова? Еще минуту назад боли не было, а теперь от нее уже не избавиться. Почему вместе с головной болью налились тяжестью все члены его? Он хотел сделать шаг, но не смог. Тяжелые ноги, словно налитые плутоном, отказывались ходить. Пришлось сесть на землю, потому что держать тело ноги уже не могли. Трава была. Ее не было видно из-за тумана, но она была. Она была сырая и противная, будто испачканная в какой-то липкой слизи. Очень непонятно. Откуда здесь слизь? Нужно было лечь, потому что раскалывалась голова, веки смыкались. Спать не хотелось, но глаза закрывались под многотонной тяжестью ресниц. Он облокотился рукой о липкую слизистую траву и лег на спину, стараясь держать голову. Голова не слушалась. В нее точно налили раскаленного свинца, потому она стала тяжелой и болела так, будто собиралась лопнуть, как мыльный пузырь. Не было сил даже обхватить голову руками, чтобы задержать ее преждевременную кончину. Если уж ей суждено лопнуть, здесь никто не будет в силах помочь. Значит такова воля Всевышнего.

Он опустил голову на траву и прикрыл глаза. Сначала он всматривался в непроницаемую бесцветную пелену тумана и туч, но потом, устав сопротивляться навалившейся тяжести,

прикрыл веки. Тук-тук-тук стало тише. Быть может так нужно с ним бороться? Лечь, расслабиться и закрыть глаза? Он стал размышлять над этим. Тук-тук-тук уходил в небытие. Ветер стих. Он перестал бесноваться, словно шумный ребенок, на которого никто не обращает внимания. Это хорошо. Пусть ветра не будет. Без него гораздо лучше. Трава высохла. Значит и ей не безразлично, обращают на нее внимание или нет. Тогда пусть уйдет и туман. Он приоткрыл глаза, стараясь взглядом разогнать природный каприз. Туман послушался вслед за ветром и травой. Его не стало. Он некоторое время еще туманил взор, но потом бесследно исчез. Уйдите и вы, тучи, подумал он. Тучи стали редеть. Все это очень странно. Тучи тоже его слушаются. Что за место это такое, где все послушно твоему желанию? При чем здесь был кот? Какие спички ему были нужны? Что за чушь. Коты не могут разговаривать. Не понятно, как мог кот оказаться в куртке, если он остался в комнате в общежитии с двумя его соседями. Небо синело. Остались лишь небольшие островки белоснежных облаков.

Отец открыл глаза. Мать! Он ее больше не хочет видеть! Его подруга ему больше не нужна!!! Почему-то образ девушки, с которой он дружил много лет, стал неприятен и невыносим. Как он мог быть с ней все это время? Куда смотрели его глаза. Она такая... совсем другая. Она Отца никогда по настоящему не понимала, так что он в ней нашел? Разом всплыли все дружеские советы и упреки в том, что он нашел

себе не пару. Друзья все видели. Им со стороны было видно, что Мать не может стать половинкой Отцу. Как такое могло случиться, что Отец был с ней все это время? Она маленькая и по-детски угловатая. Она очень капризная и упрямая. А главное— у нее нет веснушек на носу. При чем здесь веснушки? Отец не мог вспомнить, почему так важны веснушки. При чем здесь маленькие коричневые пятна на носу, которые и возникают то раз в году весной. Он раньше никогда не придавал им должного значения. У Матери не было длинного локона, который упрямо падал бы на лицо. У нее никогда не было локонов. У нее всегда были прямые волосы. Ничто так не красит женщину, как перекись водорода. Мать всегда выбеливала до платинового блеска свои сухие волосы. Отец вдруг понял, что он терпеть не может блондинок. Да что же с ним такое случилось? Он не мог понять. Еще сегодня утром была Мать, еще сегодня утром, когда он ехал с Леликом, он был уверен, что любит ее, теперь мысль о том, что он все эти долгие годы был с ней, стала невыносимой.

У Матери нескладная фигура. Она маленькая, у нее нет локонов и веснушек. Ну и что с того? Постарался убедить себя Отец в важности их отношений. Это не помогло. Он должен с ней расстаться. Пусть для этой девчушки будет неожиданностью такое решение, но Отец больше не сможет быть вместе с ней. Все! Решено. Мать— не про нас.

Отец приподнялся на локте. Он лежал на сосновой хвое, весь испачканный смолой и землей. Что за напасть, поду-

мал он. Отец осторожно сел и прислонился спиной к молодому деревцу. Он стал вспоминать, как такое могло случиться, что он потерял сознание. Они с Леликом осмотрели машину. Так, это я помню отчетливо, думал Отец. Потом я пошел в лес. Этот мужик... вот, точно. Мужик! Он встретил какого-то мужика в лохмотьях. Быть может, это он ударил меня по голове, чтобы обобрать меня? Отец проверил свои карманы. Они были пусты. Все правильно, думал он. Я ничего с собой не брал. Он проверил карманы куртки. Лишь пачка сигарет, да спички. Значит тут дело не в ограблении. Тогда зачем он треснул меня по голове? Отец ощупал голову в надежде найти следы крови. Но ее нигде не было. Не было и шишки или синяка. Значит, он меня не бил? Тогда почему я потерял сознание?

Отец встал и осмотрелся. Это та самая полянка, на которую он вышел, чтобы перекурить это дело. Тогда он достал из кармана куртки сигарету, сунул ее в рот и поджег. Голова закружилась, будто он не курил много дней к ряду. Отец прекрасно знал, что это не так. Он выкурил много сигарет, прежде чем они с Леликом добрались до этого места. Да что со мной сегодня такое? Подумал Отец. Он выплюнул сигарету и поплелся по лесу, в надежде найти дорогу. Он потерял надежду найти своего брата. Так значит лучше известить об этом милицию, тогда вместе с ними, организовав поиски, брат найдется. Так и нужно сделать.

Отец вспомнил, что чуть левее его направления, он ви-

дел какой-то блик. Нужно идти туда. Он побрел меж прямых рядов сосен туда, где, по его мнению, должна быть дорога. Вот этот ручеек он переходил несколько в стороне отсюда. Этих кустов я не видел, уж их-то я точно запомнил бы, думал Отец. Что это там за кустами? Что-то черное. Что это? Это— черная куртка брата!!!

Отец бросился к кустам, обежал их и, не веря своим глазам, упал к лежащему телу.

—Дэн. Бродяга, что с тобой? Открой глаза, брат.— Кричал он лежащему лицом вниз телу.

Отец перевернул его на спину. Лицо было вымазано землей у подбородка. Он стер тылом кисти грязь и хлопнул по щеке парня.

—Дэн, что с тобой?— Кричал он.

Присмотревшись, Отец увидел движение грудной клетки. Он дышит. Только без сознания.

—Дэн. Ну что же ты, брат. Открой глаза.— Отец хлопнул брата по щеке.

Веки парня дрогнули, тело сделало глубокий вздох и открыло свои очи.

—Саня!!! Ты что здесь делаешь?— Спросил Дэн.

—Дэн, бродяга.— Отец обхватил голову брата и прижал ее к себе.— Как ты меня напугал, сучий ты сын.

Отец сидел на корточках, раскачиваясь и прижимая голову брата, причитал.

—Вот проходимец. Я всю ночь не спал. Так за тебя пере-

живал.— Отец вдруг заплакал.

Слезы катились ручьем. Все! Слава Богу. Брат жив, это самое главное, остальное не имеет значения. Машина— это все ерунда. Гора крашеного металла. Пусть она горит синим огнем, главное цел брат и он рядом.

—Ты лукавишь, Саня. Я знаю твой здоровый сон.— Вяло улыбнулся Дэн.

—Поправишься, я тебе три зуба выбью за такие речи.— Сказал Отец, не отпуская голову брата.

—Да я вроде бы и ничего себе даже. Отпусти меня.— Попросил Дэн.

Отец ослабил хватку. Дэн поднялся на локте и сел. Он ощупал ноги и руки, потрогал голову и для верности потрянул ею.

—Странно, все вроде цело. Как я здесь очутился? И что здесь делаешь ты?— Спросил брат.

—Ты разбился на машине. Еще вчера. А я приехал сюда тебя искать. Мне Лелик сказал, что видел на трассе твою машину, разорванную на куски.

—Разбился?— Спросил Дэн.

Отец кивнул. Брат напрягал свои извилины, чтобы извлечь из них все свои последние воспоминания. Он ехал и ехал, вот поворот. Дальше... что было дальше?

—Ничего не помню. Видимо я здорово треснул голову. Ничего не помню. Хотя... ничего нигде не болит.— Сказал брат и поднялся на ноги. Отец последовал его примеру.

– Это уже не важно. Мама вчера звонила, интересовалась. Она напугана, что ты вчера не приехал. – Сказал Отец и от переполнивших его чувств снова обнял брата. – Как ты меня напугал. Зверь ты дикий.

– Нужно будет ей срочно позвонить, сказать, что со мной все нормально. – Сказал Дэн.

– Обязательно позвоним. Главное что ты жив. – Сказал Отец, отпуская брата из своих железных объятий.

Дэн хмурил лоб.

– Вспомнил. – Сказал брат. – Я вспомнил, как все было.

– Что ты вспомнил? – Интересовался Отец, хотя, на самом деле, ему было плевать, почему брат не справился с управлением машины. Главное он жив и невредим.

– Вспомнил. Я выезжаю из-за поворота, а тут на меня несется какой-то бомж. Как я его не заметил? Он выбежал из леса. Нет. Он сидел на дороге, будто ждал кого-то. Он выскочил на дорогу. Я от него еле увернулся.

– Бомж? – Переспросил Отец. – Здесь, в лесу?

– Ну да. – Заверил его Дэн.

Отец вспомнил, что он действительно видел здесь чудного мужика, того самого, что был одет в странную одежду. На нем была не по сезону легкая рубашка и короткие шорты. Ноги были босы, видимо денег на обувь он так и не смог раздобыть за все долгое лето.

– Мне кажется, что я видел здесь твоего героя. – Сказал Отец. – Нашего роста примерно, грязный, как идол. Голодра-

нец, одно слово.

–Найти бы его, этого пса. Я бы ему натянул глаз на пятку.– Кивнул Дэн.– Так вот, он выбежал на дорогу, я от него уклонился, и дальше ничего не помню. Видимо во что-то въехал.

–Сосна. Ты врезался в сосну. Там от машины одно месиво осталось. Как только ты не пострадал?

–Ничего не помню.– Дэн потер затылок.

Братья вышли из леса. Машина и злосчастная сосна остались далеко справа. Они направились к дереву, вокруг которого собралось несколько человек, осматривая место аварии и обсуждая его.

–Вон,– Отец указал пальцем на ствол одинокой сосны.– Смотри: машина– хлам. Ее нельзя уже восстановить.

–Ирония судьбы, брат. Я вез ее тебе. Думал, будешь на ней в институт ездить, а я себе другую куплю.

–Бог с ней, с машиной.– Успокаивал брата Отец.– Главное– ты цел. Машины у нас с тобой еще будут.

Братья подошли ближе. Лелик, увидав близнецов, бросился им навстречу.

–Дэн, здорово. Ты цел?

–Здорово и тебе Лелик. Цел.– Дэн пожал протянутую руку.– Как твои дела?

–Мои-то ничего, а ты, я вижу, теперь безлошадный?– Съязвил Лелик.

–Это дело поправимое. Представляешь, я вез машину Сашке. Хотел ему подарить.– Сказал Дэн.

–Ты что?– С деланным ужасом воскликнул Лелик.– Ему машину? Слава Богу, что ему она не досталась. Этот город пришлось бы объявить военной зоной. Поставим возле этой сосны монумент и напишем на нем: «Это дерево спасло много невинных душ».

–Лелик, бродяга. Я очень ценю, что ты сейчас говоришь. Только ты, брат, немного перебираешь.– Улыбнулся Отец.

–Я перебираю? Это ты перебираешь. Я здесь, наверное, часа два уже топчусь. Чего вы так долго?

–Брата искал. Я как в воду глядел. Под кустом его нашел без сознания.– Отец ткнул в ребро брату пальцем.

–Сильно головой ударился?– Спросил Лелик.

–Черт его знает.– Воскликнул Дэн.– Я ничего не помню. Но видимо. Я вообще не помню, как разбился. Как в лесу оказался, тоже не помню.

–В состояние аффекта, наверное.– Сказал Лелик.– Выбрался из машины, да пошел, куда глаза глядели.

–Брат говорит, его какой-то бомж испугал.– Сказал Отец ухмыляясь.

–Ты стал такой пугливый?– Засмеялся Лелик.

–Я бы на тебя посмотрел. Еду и еду, никого не трогаю. Тут этот леший как выскочит на дорогу. Я хоть и шальный, но не убийца. Я от него, там видимо и врезался в сосну. Не помню, хоть бей.– Замотал головой Дэн.

–Это тоже успеваешь еще.– Кивнул Лелик.

Братья и Лелик подошли ближе к машине, оклеенной лип-

кой лентой гаишников. Дэн с удивлением разглядывал пострадавший механизм.

–Удивительно. Это просто удивительно.– Говорил он.– Двигатель даже в салон въехал. А мне хоть бы хны. Для порядка хоть бы ребро сломал.

–Тьфу на тебя, дурак.– Вскричал Отец.

–Да, это я так, к слову. Смотри, сколько стекла вокруг, а на мне и царапины нет даже. Просто странно как-то.

–Что с машиной делать будешь?– Спросил Лелик.

–Хочешь, себе бери.– Воскликнул Дэн.

–Куда ее? На ней живого места нет. Ее уже не восстановить.– Проворчал Лелик.

–Я ответил на твой вопрос?– Усмехнулся Дэн.

–Мне кажется, если я ничего не путаю, я сам на него ответил.– Огрызнулся Лелик.

–Да Бог с ней. Она уже старая. Ремонту не подлежит. Колхозники ее разберут. Здесь ее оставлю. Брату она тоже не пригодится больше.– Дэн махнул рукой.

–Ты что-нибудь забирать из машины будешь?– Спросил Отец.

–Там нет ничего.– Махнул рукой Дэн.– Старый домкрат в багажнике, да тряпки, чтобы мыть ее.

–Мама что, еды не прислала?– Спросил Отец.

Дэн похлопал себя по карману.

–Нет. Деньги везу тебе. Сам все купишь. Ладно, что тут высидывать. Поехали к тебе уже. Я что-то проголодался. У

вас есть что-нибудь поесть?— Спросил Дэн.

—Заедем, да купим что-нибудь в магазине.— Сказал Отец.— Я, честно, тебя с едой ждал.

—Ладно. Поехали. Пельменей купим, да наварим на скорую руку.

—Конечно. Ты вторые сутки ничего не ел. Со вчерашнего дня. Шутка ли, провести всю ночь в кустах?

Братья направились к машине Лелика, стоящей неподалеку.

—Лелик, а ты когда машину менять будешь?— Спросил Дэн.

—А вот когда такую же сосну встречу, так и поменяю.— Лелик затылком кивнул на сосну и разбитую машину.

—Судьба не любит таких шуток, бродяга. Это я— Железный Феликс, а тебя точно, как хомяка разорвет на куски.— Засмеялся Дэн.

Лелик открыл машину и кивком указал братьям на заднее сиденье. Отец пропустил брата и следовал за ним. Вот и заурчал мотор, Лелик осторожно тронулся. Дэн развернулся, чтобы подарить своей машине последний взгляд.

—Лелик, стой, бродяга.— Закричал Дэн.

Отец обернулся к старому форду. Из леса показался тот самый грязный мужик в лохмотьях. Даже отсюда были видны его грязные ноги, опутанные грязью, сосновой смолой и осокой. Рубашка его и шорты, пошитые из какой-то грубой ткани, были такими же грязными, как и ноги. На лице вид-

нелись следы болотной тины и смолы. В волосах путалась опавшая хвоя. Он бежал за машиной Лелика и что-то кричал, размахивая руками.

–Чего ты зеваешь, как слон на мышь?– Прикрикнул на Дэна Лелик.

–Стой. Вот этот бомж на меня на дороге выскочил. Остановись, я ему зубы посчитаю. Это из-за него у брата не будет своей машины.– Бесновался Дэн на заднем сиденье.

–Перестань кричать. Все уже. Чего ты будешь об этого бомжа руки пачкать?– Сказал Лелик, прибавляя газу.

–Дэн,– сказал Отец.– А этот тип на тебя больно похож. Я это заметил, когда с ним в лесу встретился.

–Саня. Ты меня с бомжем сравниваешь? Не хорошо, брат. Это очень не хорошо.– Покачал недоверчиво головой Дэн.

–Никого я не сравниваю. Просто он, когда из леса вынырнул, он мне сразу тебя напомнил.– Сказал Отец.

–Шутка затянулась. Все, хватит об этом. Еще в бомжа я не превращался.– Обиделся Дэн.

–Не злись. Я это без шуток говорю.

Машина рванула и покатила по дорожному полотну. Мужик, выбежавший из леса, бежал за машиной еще минуту, но вскоре понял, что ему не угнаться, остановился, переводя дух. Он еще какое-то время махал руками и что-то кричал, но вскоре скрылся из виду.

–Дебил какой-то.– Сказал Отец.– Где он еще одежду такую раздобыл. Это же нужно постараться.

–Чего вы мне не дали ему нос разбить? Хоть бы душу отвел, машину жалко.– Скакал на сиденье Дэн.

–Брат, тебя бы после этой битвы самого отмывать нужно было. Смотри, он весь грязный. Где его носило, ты знаешь? Может, он болеет еще чем-нибудь. Пес с ним. По всему видно, там у него в голове тараканы живут. Я, кстати, его в лесу видел, но он ко мне не приставал. Ему нужен был ты.– Сказал Отец.

–Зачем?– Удивился Дэн.

–А я знаю?– Отец пожал плечами.– Сначала он на тебя на дороге кинулся. Так на этом не успокоился. Он, наверное, всю ночь по лесу бегал, тебя искал. Вот и нашел. Забудь.

–Куда там, забудь.– Проворчал Дэн.– Хоть машинешка и старая, но ведь бегала же. Да и тебе пригодилась бы. Девчонка на ней возить как хорошо. Как у тебя дела с твоей подругой?

–С Матерью то?– Спросил Отец.

В его душе что-то изменилось. Еще вчера он был уверен, что любит ее, но теперь он знал, что она– больше не его подруга.

–С ней все кончено.– Сказал Отец.

Лелик с удивлением развернулся.

–Отец. Ты еще утром говорил, что у тебя с ней все пучком?– Спросил он.

–Говорил. Вот только теперь я точно знаю, что с ней все кончено. Мне самому как-то странно. Я до недавнего време-

ни был уверен, что женюсь на ней. А теперь меня от этой мысли воротит.— Отец пожал плечами.

—Другую нашел?— Спросил Дэн.

—Да нет...— Не уверенно произнес Отец.

—Ох, не лги мне. Царю лжешь.— Сказал лукаво Дэн.

—Ребятки,— воскликнул Лелик.— Вы даже одинаково разговариваете. Смотри-ка что.

—Саня, ну-ка, ты мне подробненько все доложи по форме, что у тебя за заноза с подругой?— Попросил Дэн, игнорируя реплику Лелика.

—Да,— махнул рукой Отец.— Рассказывать особенно нечего. Она в последнее время какая-то дикая. Немного с ней полаялись. Несколько дней не разговариваем. Ничего серьезного. Только вот в лесу я вдруг понял, что ее не люблю. Вот и все. Мне даже сейчас очень странно, будто я прозрел вмиг. Сам не пойму ничего.

—Темнишь, брат.— Недоверчиво покачал головой Дэн.— Может, это она тебя бросила?

—Ты видимо сильно головой ударился.— Усмехнулся Отец.— Или оглох?

—Похоже, что это не я, а ты ударился. Девчонка-то нормальная. Чего тебе еще нужно, хороняка?

Отец не стал рассказывать брату, что сам потерял сознание в лесу. Ему не зачем было знать о такой сиюминутной слабости брата. В голове суетились какие-то неясные мысли, ему помнился туман и ветер, который бесновался в одежде,

он помнил серое хмурое небо, которое словно серое покрывало было натянуто на небосводе. Он помнил странный сон про кота, который пошел через лес в Златоуст за спичками. Помнил свет фар в тумане. Он слышал тук-тук-тук, который до сих пор стучал по коре головного мозга. Отец не понимал, как такое могло случиться с ним, что он потерял сознание при виде голых ног мужика, вышедшего из леса, который вчера спугнул брата. Ему стало не по себе, что после этого странного сна он так стремительно охладел к своей подруге, с которой дружил уже много лет и даже хотел на ней жениться.

–Лелик. Будь другом. Вернись назад. Я все-таки хочу почитаться с тем бомжем.– Попросил Дэн.

–Кинулся.– Сказал Лелик.– Мы уже километров десять проехали. Туда десять, обратно десять. Хватит уже. Пусть живет. Каждая тварь имеет свое место под солнцем.

–Саня, ты где такого моралиста поймал? Или он пьяный?– Удивился Дэн.

–Был бы пьяный, если бы не вы, два брата– горшки без ухвата.– Проворчал Лелик.– Все воскресенье на вас убил. Вы оба– должники мои теперь.

–Лелик, дружище, я тебе должен, как земля колхозу. Я тебе этого никогда не забуду. Выручил, бродяга. С меня коньяк.– Сказал Отец.

–Посмотрим,– сказал Лелик.

–А что, у тебя сегодня в планах разговеться было?– Спро-

сил Дэн.

–Да были планы кое-какие.– Ответил Лелик.

–Так и пошли к нам. Сегодня устроим фестиваль с песнями и тамтамами.– Дэн хлопнул водителя по плечу.

–Куда уже. Скоро вечер. Нужно будет помыться, побриться. Завтра уже в школу. Нет. Я сегодня уже не буду.– Отрицательно покачал головой Лелик.

–Ну, смотри сам. Мы с Саней сегодня ударим в цимбалы. Да, брат?– Спросил Дэн.

–Знаешь, брат. Наверное, сегодня деревянный день.– Сказал Отец.

–Это что еще за такое?

–Все обламывается. Давай уж как-нибудь после. Что-то я притомился сегодня. Встали мы рано. Ни свет ни заря. Весь день в дороге.– Скривился Отец.

–Все.– Дэн хлопнул по коленке кулаком.– В другом году лета не будет. Брат, ты в своем ли уме? Мы сколько с тобой не виделись?– Спросил Дэн.– Куда девались наши с тобой маленькие традиции?

–Давай до общаги доедем. Там будет видно.– Уклончиво ответил Отец.

–Гурик будет против? Или Басмач?

–Давай так договоримся. Если они не будут против, тогда и подумаем. А вообще-то я, если честно, сам не хочу.

–Ты точно головой где-то ударился. Лучше бы я дома остался.– Сказал Дэн.– Ладно. Если такое кислое настрое-

ние, как простокваша, тогда будем лежать и икать в потолок. Заметь, и это все потому, что ты, брат, не в духе.

Они проехали коническую гору, которая как старая молочная бумажная коробка возвышалась над коричневой степью. Невдалеке проплывали холмы, окруженные небольшими подлесками. Алые и рыжие цвета осенней листвы тонули в вечерней зорьке, которая все красила теплыми красками. Проплыла дивная дорожная развязка, которая одной своей веткой уходила в республиканскую столицу, другая провожала путников в маленький городок, который обозначен только на картах местного значения. Третья вела к институту. Машина шла ровно, лишь урчание двигателя и шум шин нарушали светскую беседу в салоне.

—Смотри, уже вечер. Доедем до города— будет совсем темно. Я Лелика понимаю.

—Нет, Лелик, поворачивай назад. Я должен кому-нибудь дать в зубы.— Проворчал Дэн.

Лелик не ответил.

Мимо пролетали маленькие коричневые деревушки, еще не успевшие расхлябнуть от осенних дождей. Кое-где проходила одинокая корова, тупо глядя себе под ноги. Встречались белые кучи гусей, которым было все равно лето ли зима ли, чтобы погрузиться в речки. Вдоль дорог бродили облезлые псы, которые на осенней стуже смотрелись очень печально и одиноко, словно выброшенные из книги жизни перечеркнутые красной полоской листы. На голых полях

еще ползали, уставшие от уборочной, трактора, которые под стать собакам были грязными и утомленными. По полевым дорогам, отмеряя версту за верстой, мчались облупившиеся от непогод и времени легковушки— плод отечественного автомобилестроения. Они, словно безумные навозные жуки, урча и фыркая, выбирались из грязи. В стогах, что высились вдоль обнаженных полей, резвились колхозники, обнимая распущенных девиц и бутылки, что они оберегали еще бережнее. Вместе с ними суетились юнцы на юношеских велосипедах, с малых лет впитывающие образ жизни и способ обращения с женским полом.

В розовой небесной вышине в огромную стаю сбились черные птицы и летели на юг. Им будет скоро хорошо. У них не будет зимы, которая в этих краях длится полгода. У них не будет голодных холодных ночей. У них будет тепло яркого южного солнца, будут жирные личики и корешки. Они будут набирать жир и веселиться, пока зимняя стужа на полгода укроет Русь. Им будет тепло и привольно, весело и счастливо, в то время как на матушке Руси будет свирепствовать мороз и выюги, снега и метели. Значит так кому-то нужно.

Озябшие домашние гуси уныло бросали взгляд на своих дальних родственников, собирающихся в стаи в розовом просторе неба, которые за много веков своего существования так и не разучились летать. У них другая судьба. У них странствие и полеты, лишения и холодные ветры. Юг будет много позже. Домашние гуси— это совсем другое. У них своя

судьба и свой жизненный путь. Только они наберут в весе, им отрубят голову, выбросят все их потроха собакам, набьют яблоками и черносливом живот и поставят на несколько часов томиться в печь. Пусть на юг летят другие. Мы остаемся здесь.

–Твоей подружке позвоним?– Спросил Дэн.

–Брат!!!– Вскричал Отец.

–Ах, да, забыл совсем, прости брат. А что ты ее так вдруг разлюбил?– Спросил Дэн.

–У нее нет веснушек.– Сказал Отец, раздумывая над тем, как важны веснушки для счастья.

–Да.– Согласился Дэн.– Это очень-очень веская причина. А я так вижу эту проблему: если есть у бабы рот– значит баба не урод. Подумай над этим на досуге.

–Лелик, у твоей подруги есть веснушки?– Спросил Отец.

–Нет, она бледная, как трепонема. Она может спокойно под настольной лампой загорать. И сгорит таки.– Засмеялся Лелик.

–И у моей нет.– Сказал Дэн.– Я ее в городе дома оставил.

–Да, кстати, ты же хотел с Аленкой приехать?– Спыхватился Отец.

–Она в последний момент передумала.– Ответил Дэн.

–Или ты помог передумать?– Спросил Отец.

–Ну, или так.– Уклончиво ответил Дэн.

–Так что случилось? Расскажи.– Попросил Лелик.

–Я ее отправил в магазин за сигаретами. Пока она ходила,

мне пришлось уехать. Вот и все.— Ответил Дэн.

—Молодчина.— Кивнул Отец.— Всегда так делай. Это очень поможет понимать друг друга.

—Брат, так ты еще дальше меня пошел. Ходил по лесу, ходил и родил, что Мать тебе больше не нужна.— Парировал Дэн.

Отец загрустил. Мать, если разобраться,— хорошая девочка. Но вот нет у нее локонов, нет веснушек, так что он, Отец, может с этим сделать? Выкрасить ее, намазать лицо ляписом? Это все не то. Ясно одно— Мать вовсе не девушка его мечты. С этим нужно просто жить.

—Ты что, бродяга? Настроение испортилось?— Спросил Дэн.

Отец молча кивнул. Перед глазами стоял некий дивный образ. Он эту девушку никогда раньше не видел, но, вдруг, понял, что он будет ее искать всю жизнь. Она стройна, высока. У нее непослушный каштановый локон падает на лицо. Она постоянно делает попытку прятать его за ухо, но у нее это несколько не получается. Непослушный локон упрямо падает ей на лицо. У нее несколько едва заметных веснушек на лице. У нее карие глаза и обворожительная улыбка. Она чуть старше Отца, но это не имеет ни какого значения. Где Отец мог ее видеть? Не в кино, это точно. Такую актрису он бы запомнил. Не в институте, он бы выпрыгнул из собственных штанов, чтобы познакомиться с прекрасной незнакомкой. Он не мог ее видеть у друзей, иначе ему пришлось бы

жить в подъезде, дожидаясь с ней встречи. Быть может, это мимолетное видение возникло в троллейбусе, где много лиц и лишь мгновение, выхваченное из вечности, вдруг всплыло там, в лесу перед глазами? Это еще ничего. Если это-троллейбус, он будет на нем много раз ездить, чтобы встретить ту незнакомку, образ которой возник в мечтах. А если Отец ее выдумал? Это гораздо хуже. Можно прожить жизнь и так и не встретить ее. Может ее придумал мозг, когда он без сознания лежал в Кичигинском бору, обдуваемый ветрами и укутанный в осенний туман?

—Извини.— Брат расстроился.— Не хотел.

—Ты здесь не при делах. Это во мне что-то сломалось. Прости ты меня, брат, что нюни распускаю. Я, наверное, просто за тебя сильно переживал. Знаешь, я себе уже всякие картинки рисовал... разного толка.— Ответил Отец.

—Расчлененным меня видел?— Поддакнул Дэн.

—Я с этого только начал.— Кивнул Отец.

—Очень рад, что разочаровал тебя.— Улыбнулся Дэн.

—Я тоже рад, что ты рад.— Сказал Отец.

Смеркалось. Осенью всегда темнеет рано. После привычного летнего солнца, осеннее светило очень быстро скрывается на вечерний покой. Кажется, что ему очень неприятно смотреть на угасание жизни, которая так бурно росла под палящими лучами в июле. Казалось, что солнцу опостыла эта планета, которая так не ценит летней зелени и гроз. Она променяла июльскую жару на холод и серость опавшей осе-

ни. Как можно долго смотреть на серые обнаженные стволы некогда зеленых деревьев, на кутающихся в свои легкие курточки людей, на серую слякоть, которая стала полноправной хозяйкой этой планеты? Даже ленивые коты, которые летом подставляли свои жирные бока солнцу, теперь ежились на завалинке или прятались по чуланам. Осенью даже псы слоняются по округе очень не весело. Их облезлые хвосты не дрожат от радости. Они ходят, тупо понутив голову, не отвечая на внешние раздражители.

Сама осень тоже стеснялась своего наряда, потому вовсе не возражала против коротких свиданий с дневным светиллом, которое, пусть и молча, освещало все ее недостатки и нелепости. Осень старалась как можно скорее проводить солнце за гору, чтобы предаться своим мыслям. Она переживала, что, сколько себя помнит, она ходит обнаженная. Лето всегда носит яркие пестрые наряды, зима одета в белоснежные горностаевые меха, весна облачается в молодую листву и грозы. А осень всегда голая. Она отпугивает посторонние взгляды проливными дождями, на которые не скупится, она мечет молнии, чтобы загнать зевак в дома. Она гонит прочь солнце, чтобы самой не видеть себя.

После уборочной, осень прячется в себе и плачет во хмелю. Делать больше нечего. Хлеба собраны, картошка вырыта, праздников больше нет. Она пьет горькую и плачет. Она знает, что на следующий год все повторится снова. Она знает, что одежда, которая остается от лета, скоро пожелтеет и

опадет, и она снова останется обнаженной. И это будет продолжаться до тех пор, пока не придет блондинка— зима. И так из года в год, из века в век осень остается со своими мыслями и слезами.

—Как учеба твоя?— Поинтересовался Дэн.

—Учеба?— Повторил Отец.— Учеба— не хвост. Стояла и стоять будет. Уже надоело все.

—Семестр только начался, что ты несешь?

—Уже сил моих нет. Скорее бы окончить этот институт. Так уже на родину хочется, хоть вой.— Пожаловался Отец.

—Твоя правда.— Махнул рукой Дэн.— Мне хоть и меньше учиться, а тоже все надоело.

—Так семестр только начался?— Язвил Отец.

Стали чаще показываться указатели, дорога стала шире, машин стало больше. Вечерело. Солнце окончательно спряталось за горизонт. Зажглись фонари, освещая желтым светом асфальт и пыльные машины, спешащие в город. На небе стали зажигаться звезды. Появился белый бок Луны.

Интересно, подумал Отец. Будут когда-нибудь на Луне города? Было бы не плохо однажды прогуляться под черным небом мертвого спутника вместе с любимой девушкой. Интересно, что это будет за город? Быть может это будет темный грот, вырытый в скале кратера, или это будут подлунные катакомбы, освещенные искусственным тусклым светом? Быть может город будет похож на железную коробку, в которой будут служить лишь ученые? Сможет ли когда-нибудь человек

себя чувствовать на Луне, как дома? Или это— несбыточная мечта? Станут ли люди жить на Марсе? Наверное, когда-нибудь станут. Однажды Земля перестанет вмещать в себя разросшееся население планеты, и человек решит переселиться на полтора миллионов километров дальше от Солнца, чтобы там построить себе новый дом. Однажды на красной планете станут рождаться малыши, доказывая своим рождением, что для человеческого гения не существует преград. До звезд человеку не добраться, думал Отец. Уж, в крайнем случае, ему. Да и до Луны, если быть честным перед собой, ему не долететь. Пусть за него это сделает его будущий наследник.

В душе что-то зашипало. Перед глазами снова возник неясный образ златокудрой незнакомки. Нежные правильные черты лица не давали покоя Отцу. Где же он мог ее видеть? Как было бы здорово вновь увидеть ее, взять ее за руку и отвести туда, где рождается заря, где новый день появляется на свете в алом мареве, где розовые облака, где роса, выпавшая накануне, прозрачна и свежа, словно мед. Где трава шелковистая, словно утренний сон, где ветер трепетный, словно первая любовь. Там, в этом дивном уголке, деревья будут вместе с ними торжествовать, приветствуя новый день и новые надежды. Там голоса птиц пробудят солнце, и оно сверкающее и доброе улыбнется ему и его любимой и пожелает влюбленным доброго утра.

Тогда он прикоснется к ее волосам и вдохнет их дивный запах, потом он проведет кончиком пальца по трепещущим

ресницам, и поцелует их. Он скажет, как он сильно ее любит, что он ее любил даже тогда, когда ее не было. Он ей поведаст, что будет ее любить даже тогда, когда ее больше не будет. Он сделает все, чтобы сделать ее счастливой. И она скажет, что все это правда.

На въезде в город Лелик повел свою машину по круговому перекрестку, затем свернул с него на мосток, от которого шла улица Дарвина, сплошь застроенная оптовыми базами и складами. Чуть далее виднелся лесок, где стоял желтый дом, а дальше, минутах в десяти, за двумя перекрестками направо уже и показалась полукруглая старая милая общага. Вот он дом, вот постель и ужин.

–Смотри.– Дэн указал на общежитие, показавшее свой круглый бок из сумрака осени,– Общага какая-то стала рыжая.

–Что ты сказал?– Очнулся от своих мыслей Отец, разглядывая до боли знакомое строение, в котором он прожил уже много лет.

Еще сегодня утром он вышел вот из этих самых дверей, и он не помнил, какого цвета у общежития стены, хотя знал в нем каждый закуток и каждую щелочку.

–Я говорю, общага какая-то рыжая.– Повторил Дэн.

В душе что-то шевельнулось. Что-то неуловимое и мимолетное. Общага рыжая. Как будто Дэн затронул маленькую туго натянутую струнку, которую Отец сам боялся трогать. Что-то прозвенело у него в сердце. Он так и не смог понять,

что все это значит и лишь задумчиво повторил:

—Рыжая...

Эпilog.

Он вернулся. Это его дом, этого его место под солнцем, право на которое он получил родившись. Здесь его брат, здесь его мама, здесь его группа и друзья. Завтра он пойдет в институт, а брат останется в комнате дожидаться его возвращения. Они никогда не вспомнят, что на их долю выпали приключения, о которых они и не могли мечтать.

Лишь несколько дней спустя, Отец подойдет к зеркалу и заметит, что у него появилось несколько первых седых волосков у виска. Он будет гадать, что это может значить? Где он мог так волноваться, чтобы в его молодые годы полезла седина. Он поделится своими переживаниями с друзьями, а потом забудет и про них. Он решит, что просто настало время появиться первой седине.

Однажды, тоскливым осенним утром у него состоится неприятный разговор с Матерью, которая будет недоумевать, почему Отец больше ее не любит. Она в слезах будет слушать его извинения, горячие просьбы понять его. Сможет ли она его простить, об этом она никогда никому не скажет. А может ли простить женщина своему избраннику, если тот полюбит другую, даже если это будет неизвестная рыжая незна-

комка, которую он и не знает вовсе? Она изредка будет бросать на Отца взгляды в лекционных залах и на семинарах, не понимая, почему он ее променял на мечту, которую может никогда и не встретить. Отец будет на себе ловить ее непонимание и обиду. Он даже сделает еще одну попытку извиниться, но гордая Мать фыркнет и уйдет в сторону.

Придет время, и Отец закончит институт. Он будет плескаться июльской ночью в городском фонтане на главной площади. В эту ночь будет идти сильный проливной дождь, но его это не остановит, как и многих других вчерашних студентов. Такова традиция. Получил диплом— изволь ночью вернуться к городскому фонтану и искупаться в нем. В эту ночь охранники порядка не будут останавливать бывших студентов, потому что таковы законы студенчества, а законы нужно уважать.

Через несколько дней он навсегда уедет из этого города, прихватив с собой студенческий фотоальбом и синий диплом. Он возьмет билет на поезд и вернется на родину, туда, где однажды он родился, и, если Бог даст, умрет. Дома он заведет себе новых друзей, возобновит старые знакомства. Он станет веселиться и развлекаться с братом, который к тому времени будет занимать уже какой-никакой пост.

Однажды он встретит курносую девчущку, в которую влюбится. Он будет гулять с ней темными ночами по берегу великой Русской реки, которая делит континент на Европу и Азию. Однажды он приведет ее в казенный дом и там груз-

ная тетка в цветастом платье поставит ему жирную печать в паспорт.

Осенью в полдень у него родится мальчишка, которого он будет любить больше жизни. Когда сынок подрастет, Отец станет провожать его в детский сад, а вечером забирать его. И жизнь пойдет своим чередом. У нее свои законы.

И лишь изредка, в полнолуние, в ночь, когда сон переплетается с реальностью, ему привидится образ той самой девушки, у которой на носу маленькие, едва заметные веснушки, у которой непослушный локон падает на дивное лицо, сколько его не поправляй. В этих снах она будет ему улыбаться, а в ее прекрасных уголках глаз появятся маленькие веселые морщинки. Она помашет ему рукой, приглашая присоединиться к ней.

А однажды он увидит ее с маленьким сыночком, которого она будет держать за руку. Мальчик будет смотреть на Отца своими голубыми глазами и хлопать от удивления ресницами. Этот ребенок будет очень на него похож. Она и ее сын будут стоять, смотреть на него, улыбаться и махать рукой.

Утром Отец проснется сам не свой и еще несколько дней будет чувствовать себя так, будто совершил в своей жизни самую большую и непростительную ошибку. Но потом его маленький сынок вытеснит из его души все невзгоды, и печаль пройдет вместе с образом любимой рыжей девчонки.

Конец.

Февраль 2001 г.– Май 2007 г.

Благодарности.

Огромное спасибо моей маме, **Федоровой Марии Васильевне**, без которой не было бы меня, а, следовательно, и этой книги.

Моему брату, **Федорову Константину Александровичу**, за его ценные замечания и поддержку. А так же за образ брата Дэна.

Макашову Павлу Леонидовичу (г. Магнитогорск) за техническую поддержку. Он подарил мне первый мой персональный компьютер ХТ, на котором были написаны первые восемь глав книги.

Веретенникову Алексею Александровичу (г. Челябинск) за образ Басмача.

Пильникову Андрею Николаевичу (г. Челябинск) за образ Мормона.

Баранову Игорю (г. Кизил) за образ Гурика.

Богомолу Дмитрию Игоревичу (г. Магнитогорск) за некоторые черты образа Трибуна.

Рябцеву Дмитрию Александровичу (г. Москва) за образ Седого.

Горячих Сергею Викторовичу (г. Белорецк) за образ Лехи.

Поспелову Владимиру Валентиновичу (г. Магнитогорск) за образ Поспелова Владимира Валентиновича.

Киселеву Алексею (г. Магнитогорск) за образ Лелика.

Брусову Максиму Сергеевичу (г. Белорецк) за образ Мангуста.

Филичкину Сергею Владимировичу (г. Челябинск) за образ Феликса.

Ткаченко Сергею (г. Чебаркуль) за образ Боцмана.

Завадскому Семёну (г. Златоуст) за образ Сэмэна.

Синопсис.

Главный герой— студент ВУЗа по прозвищу Отец, дожидается в студенческом общежитии своего родного брата, который должен приехать навестить своего близнеца. От своего однокурсника Отец узнает, что по дороге брат разбился, столкнувшись с одинокой сосной, стоящей неподалеку от дороги. С его слов на месте аварии не было обнаружено ни тела брата, ни крови, ни следов его присутствия. Отец решает посетить злосчастное место и узнать подробности происшествия. Он отправляется со своим однокурсником в Кичигинский бор, где разбился брат, на место аварии. Осмотрев останки машины, разбитой от столкновения с сосной, Отец решает осмотреть бор в надежде найти там брата, который по его предположению мог в состоянии аффекта выйти из

машины и углубиться в лес. Убедившись, что в прилегающем лесном массиве брата нет, Отец решает осмотреть и чаще. Зайдя далеко в бор, Отец теряет направление и пытается выйти из леса, но... оказывается в далеком будущем. Он знакомится с виртуальным обитателем будущего, которого зовут Басмач. Басмач поясняет, что Отца похитили из тихого двадцать первого века, потому что неведомая цивилизация Инвизов посылает код его ДНК из параллельного мира через некую точку прохода, которая находится в глубоком космосе. Ученые будущего решают, что Отец сможет пояснить свою причастность к неведомым Инвизам и поможет им в установлении контакта с ними. Отец узнает, что виной его похищения является его ДНК, код которой неведомые Инвизы сообщают через «точку прохода». В целях эксперимента, Отца на космическом корабле отправляют к роковой точке, стараясь найти ответ на необъяснимые требования Инвизов. Оказывается, что присутствие Отца в точке прохода не играет никакой роли в завязывании контакта с параллельным миром. Ученые решают на некоторое время задержать Отца в будущем до окончания развития контакта с Инвизами. В будущем Отец встречает прекрасную незнакомку, которую начинает звать Рыжей. Развивающиеся отношения между Отцом и Рыжей подвигают их к заключению брака, в результате которого Рыжая готовится стать матерью. Пользуясь случаем, Отец старается разыскать сведения о своем брате, исчезнувшем при столь странных обстоятельствах. В базе данных

будущего Отец не находит никаких сведений на предмет аварии брата. Напротив, он узнает, что брат должен окончить институт и здравствовать. Куда пропал брат? Этот вопрос стоит остро тем более, что всплывает информация о недавно открытой цивилизации цватпахов— птиц телепатов, обитающих на живописной планете на задворках галактики. Цватпахи только начинают постигать космическое пространство и создают установку, способную создать космические скорости благодаря использованию магнитных полей. Они отказываются от дальнейшего продолжения экспериментов, ввиду выявленного темпорального побочного эффекта. Отец пытается проанализировать возможные последствия экспериментов установки цватпахов и приходит к выводу, что действие темпоральной волны, вызванной усилиями цватпахов, могло оказать действие на землю двадцать первого века. Он решает, что вновь открытая цивилизация цватпахов— является причиной исчезновения брата.

Отношения Отца с Рыжей осложняются появлением третьего лица— мамы Рыжей. Отец и его любимая расстаются. Тогда главный герой решает покинуть Землю и отправиться к цватпахам, чтобы найти там брата, который по его предположению должен томиться. Благодаря усилиям хакера, работающего в инженерной группе на Плуtone, которого зовут Трибун, Отец похищает спасательный шлюп, приписанный к Марсианскому летному отряду, и отправляется на поиски брата в систему звезды, вокруг которой вертится уют-

ная планета Цватпа. Оказавшись во власти разумных птиц, Отец понимает, что брата его на планете нет и что цватпахи к исчезновению брата не причастны. Тогда Отец, найдя сподвижников среди цватпахов, модернизирует установку благодаря компьютеру, захваченному с Земли будущего. Оптимизируя темпоральный эффект установки цватпахов, Отец решает вернуться на Землю двадцать первого века с помощью этой же самой установки. Зная приблизительное время аварии брата, Отец решает вернуться к месту аварии чуть раньше, чтобы предотвратить будущую трагедию. В шлюпе, на котором Отец прилетел на Цватпу, герой отправляется в опасное путешествие в пространстве и времени. Оказавшись в роковом месте на Земле двадцать первого века, Отец становится свидетелем исчезновения брата и гибели машины, на которой он мчался. Некоторое время спустя внезапно исчезает и шлюп, на котором вернулся Отец. Затем главный герой отправляется в свое общежитие, в надежде начать новую жизнь. Вернувшись в общежитие, Отец застаёт там агента федеральной службы, который имеет предписание вернуть Отца назад в будущее. Оказавшись в трудном положении, Отец сознает, что оставаться в этом городе и в этом времени нельзя, не рискуя оказаться в руках федеральной службы будущего. Он решает отправиться в Москву к своей тетке, чтобы там найти спасение. Отцу приходится покинуть город, в котором он учится. Федеральный агент успевает поймать Отца и отправляет его назад в будущее, где становится из-

вестным факт исчезновения шлюпа из двадцать первого века.

Учеными будущего снаряжается экспедиция в двадцать первый век, откуда шлюп будущего благополучно возвращают в свое время. Учитывая показания приборов шлюпа, фиксировавших физическое состояние места аварии, ученым удастся понять, что брат Отца все-таки был похищен. И был похищен неведомой цивилизацией Инвизов, которые обитают в параллельном мире и шлют код ДНК близнеца Отца. Создается вновь грандиозная установка, способная сделать возможным проникновение в параллельный мир. Отец становится очевидцем первого контакта с параллельным миром и цивилизацией Инвизов, которые возвращают брата Отца невредимым в наш пространственный континуум. Ученым приходится стереть память Отца и его брата, чтобы избежать темпоральных парадоксов, и отправляют их назад в тихий двадцать первый век к тому самому месту, где некогда Инвизы похитили брата Отца, и где лежат обломки машины. Оказавшись в Кичигинском бору, Отец и его брат находят друг друга и возвращаются в общежитие. Не помня ничего из всех приключений, выпавших на их долю, они продолжают жить своей жизнью.